This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

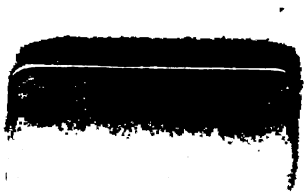
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

INDEXED

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

Т. XI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

Digitized by Google

TO THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
154737A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1924 L

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1907 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Digitized by Google

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ

XI тома (1906 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

	стран.
I. **В. М. Истринъ.** — Редакціи Толковой Палеи. II. Взаимоотношеніе полной и краткой Палей въ предѣлахъ текста Палеи Коломенской. (Продолженіе слѣдуетъ)	1— 43
II. **А. И. Соболевскій.** — Изъ области древней церковно-славянской проповѣди. VIII—IX	44— 52
III. **Ф. Лоренцъ.** — О померельскомъ (древне-кашубскомъ) языкѣ до половины XV-го столѣтія. II. Къ изученію балтійско-вендскихъ нарѣчій. (Продолженіе слѣдуетъ)	53—117
IV. **Н. М. Петровскій.** — Serbica. I. «Землеописаніе» П. Соларића. II. Кто былъ первымъ публицистомъ у сербовъ?	118—130
V. **Н. С. Державинъ.** — Болгарскіе говоры Херсонской губерніи	131—146
VI. **А. Зачиняевъ.** — Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній	147—171
VII. **В. В. Каллашъ.** — Замѣтки объ И. А. Крыловѣ. IV. Двѣ анонимныхъ статьи Крылова	172—176
VIII. **Т. М. Глаголева.** — Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. А. Д. Кантемира. (Продолженіе слѣдуетъ)	177—217
IX. **К. Я. Гротъ.** — Поправка къ статьѣ о поэтѣ Козловѣ	218—220
X. **Н. К. Козминъ.** — Дѣтство и юность Н. И. Надеждина	221—244
XI. **Н. Н. Соколовъ.** — Отчетъ о поѣздкѣ во Владимирскую и Рязанскую губерніи съ діалектологическою цѣлью	245—258
XII. **Ѳ. Е. Коршъ.** — По поводу второй статьи проф. Меліоранскаго о турецкихъ элементахъ въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ»	259—315

Digitized by Google

стран.

XIII. **Н. П. Лихачевъ.** — Къ исторіи дипломатическихъ сношеній съ папскимъ престоломъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ (съ 2-мя таблицами)..... 316—336

XIV. **К. К. Истоминъ.** — Къ вопросу о редакціяхъ Толковой Палеи. V. Мнимые случаи полноты Коломенской Палеи по сравненію съ хронографическими списками. VI. Дѣйствительные случаи полноты Коломенской Палеи по сравненію съ хронографическими списками..... 337—374

XV. **А. С. Грушевскій.** — М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX в..... 375—416

XVI. **Библіографія:**

1) **Н. Ѳ. Сумцовъ.** — A. Brückner, Geschichte der Russischen Litteratur, Leipz. 1905..... 417—428

2) **В. И. Чернышевъ.** — К. Петровъ, Словарь къ сочиненіямъ и переводамъ Д. И. Фонъ-Визина. Изданъ при содѣйствіи Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1904. VI+646, стр. въ 1/4 листа въ 2 столбца.. 429—440

3) **П. А. Лавровъ.** — Стояновић Л. В. Новыя Слова Климента Словѣнскаго..... 441—448

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. **А. И. Соболевскій.** — Къ хронологіи древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ. I. Кіевскіе глаголическіе отрывки. II. Синайскій Требникъ. III. Родина Кіевскихъ отрывковъ..... 1— 19

II. **В. М. Истринъ.** — Редакціи Толковой Палеи. III. Хронографическая часть полной и краткой Палеи и «Хронографъ по великому изложенію». (Продолженіе слѣдуетъ)..... 20— 61

III. **С. П. Розановъ.** — Житіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича и русскій Хронографъ. I—VI..... 62— 97

IV. **Т. М. Глаголева.** — Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. А. Д. Кантемира. (Окончаніе)..... 98—143

V. **А. И. Соболевскій.** — Изъ области древней церковно-славянской проповѣди. X—XIII..... 144—154

VI. **В. Ѳ. Миллеръ.** — Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ..... 155—258

VII. **Н. Ѳ. Сумцовъ.** — О литературныхъ нравахъ южнорусскихъ писателей XVII ст..... 269—280

VIII. **В. Богородицкій.** — Діалектологическія замѣтки. VII. Къ діалектологіи общерусскаго произношенія: о смяг-

Digitized by Google

стран.

ченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ..... 281—294

IX. **А. И. Яцимирскій.** — Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ. XLI—L... 295—331

XLI. Пророчество на гробѣ царя Константина въ переводѣ Пахомія Логоѳета по рукописи XVII вѣка (с. 295). XLII. «Слово о немилостивыхъ и богатыхъ, и о скончаніи земли русскія, и о пришествіи Господни» по списку XVIII в. (с. 297). XLIII. Проложное житіе Стефана Дечанскаго по сербской рукописи XV вѣка (с. 301). XLIV. Повѣсть о царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ интерполлированной редакціи по русской рукописи XVIII вѣка (с. 304). XLV. Славянскія и румынскія надписи въ монастырѣ с. Требуженъ въ Бессарабіи (с. 308). XLVI. Посланіе волоколамскихъ иноковъ къ старцу Іонѣ о книгахъ и рукописяхъ игумена ихъ Іосифа (с. 312). XLVII. Юмористическія «Адскія газеты въ пятокъ сырныя недѣли» (с. 315). XLVIII. «Канта, изложенная при отдачѣ духовенства въ рекруты» 1831 года. Къ исторіи «бурсацкаго» стихотворства (с. 319). XLIX. Южно-русскія вирши «Эхо» по рукописи конца XVII вѣка (с. 323). L. Дарственная грамота молдавскаго господаря Константина Могилы съ подправленной датой (с. 326).

X. **В. В. Сиповскій.** — Греческій романъ въ русскихъ переводахъ XVIII-го вѣка..... 332—366

XI. **Н. И. Коробка.** — Къ вопросу объ источникѣ русскаго христіанства. (Замѣтка по поводу новыхъ матерьяловъ, напеч. ак. Соболевскимъ въ 4 кн. X тома «Изв. Ак. Наукъ»)..... 367—385

XII. **М. Р. Фасмеръ.** — Греко-славянскіе этюды. I. Основные вопросы изъ области греко-славянскихъ отношеній. (Посвящается Аѳанасію Ивановичу Пападопуло-Керамевсу къ 35-лѣтію его научной дѣятельности). . 386—412

XIII. **Н. Н. Виноградовъ.** — «Свиданіе двухъ тѣней». Политическая сатира начала XIX столѣтія. I—III..... 413—427

XIV. **Библіографія:**

1) **А. И. Яцимирскій.** — Науковий Збірник, присьвячений професорови Михайлови Грушевському учениками й прихильниками з нагоди його десятилїтньої наукової праці в Галичинї (1894—1904). Виданнє Комітету. У Львовї. 1906. Стр. VIII+560+4 безъ нумераціи. Съ портретомъ М. Грушевскаго. Цѣна 10 коронъ..... 428—439

2) **Его-же.** — Mardarie Cozianul. Lexicon slavo-românese şi tîlcuirea numelor din 1649, publicate cu studiu, note şi indicele cuvintelor românesci de Grigorie Creţu, prof. la Liceul Mateiu Basarab. Cu mai multe (?) facsimile. Ediţiuma Academiei Române. Bucuresci. 1900. Pp. XVI+396..... 439—443

Digitized by Google

СТРАН.

3) **Его-же.** — Józef Kallenbach, Czasy i ludzie. Warszawa. Nakład Gebethnera u Wolffa. 1905. Str. II+399.... 444—446

4) **В. Наконечный.** — Józef Tretiak. Mickiewicz i Puszkin, Studya i szkice (z 2-ma portretami). Warszawa 1906. Стр. 334..... 446—458

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

В. Ш. — Памяти А. Н. Веселовскаго..... I—V

I. А. Н. Веселовскій. — Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (Веронскомъ). I. Эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ въ составѣ саги о Тидрекѣ. II. Вильтины—велеты. III. Русская генеалогія саги о Тидрекѣ. IV. Ортнитъ и Илья русскій. Ортнитъ и Вольга. V. Илья греческій или изъ Герцеке? VI. Родословная вильтиновъ. Веландъ и Вади. VII. Отголоски финско-айстскаго эпоса. VIII. Витеге, Гейме и пѣсенный циклъ Эрманариха. Экскурсы. Приложеніе..... 1—190

II. А. И. Никольскій. — Изъ литературной дѣятельности Арсенія Мацѣевича. Арсеній Мацѣевичъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника М. С. Попова. С.-Петербургъ. 1905 г. I—VII+264+1—XXVIII..... 191—204

III. Г. З. Кунцевичъ. — «Ябеда», комедія В. В. Капниста..... 205—258

Изданія «Ябеды»: 1798 г. (14—18), 1849 г. (18—24), «Дешевой библіотеки», 1—4 изд. (24—32). Экземпляръ Щепикова (33). Рукописные экземпляры «Ябеды», Ц. и П. (33—53). Измѣненія текста Ц. въ изданіи 1798 г. (54—57). Добавленія къ тексту Ц. въ изданіи 1798 г. (57—60). Описка Ц. (60). Опечатка изданія 1798 г. (60—61). Знаки препинанія въ изданіи 1798 г. (61—62). Заключеніе. (62). Приложенія. (62—68).

IV. И. С. Свѣнцицкій. — Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. *Памяти Александра Николаевича Пыпина*..... 259—367

Введеніе: Предварительная замѣтка по поводу слова «карпаторусскій». Мнѣнія карпаторусскихъ изслѣдователей періода возрожденія объ этихъ сношеніяхъ. Мнѣнія русскихъ ученыхъ. Односторонность и неполнота нѣкоторыхъ мнѣній. Наша задача (259—267). Глава I: Источники взаимныхъ свѣдѣній и эволюція взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи (267—303). Глава II: Интересъ къ славянству въ Россіи. Кеппенъ, Погодинъ и Срезневскій въ Карпатской Руси. Журнальныя статьи. Переписка и сношенія карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными. Чисто-научный характеръ этихъ сношеній въ первую половину XIX в. Значеніе русской науки въ умственномъ движеніи Галицкой Руси (303—337). Глава III: Идеи о литературномъ и племенномъ единствѣ у угрорусскихъ писателей. Отношеніе галицкорусскихъ писателей къ этому вопросу. Знакомство

Digitized by Google

СТРАН.

Карпатской Руси съ русской литературой. Заключеніе—связь разсмотрѣннаго періода съ послѣдовавшимъ (337—367).

V. **А. Е. Крымскій.** — Древне-кіевскій говоръ. I—VIII..... 368—411

VI. **Ѳ. И. Покровскій.** — Отрывокъ слова митр. Иларіона «О законѣ и благодати» въ спискѣ XII—XIII в..... 412—417

VII. **В. М. Истринъ.** — Редакціи Толковой Палеи. IV. Общіе выводы. V. Таблицы..... 418—450

VIII. **Библіографія:**

1) **П. А. Заболотскій.** — Новѣйшіе нѣмецкіе труды по исторіи русской литературы. (*Критико-библіографическія замѣтки*). I. Труды Laixner'a, Norrenberg'a и Karpeles'a. II. G. Polonskij. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1902. (Sammlung Göschen)..... 451—487

2) **П. А. Лавровъ.** — Цонев Б. Общославянски език..... 487—493

3) **М. Н. Сперанскій.** — Н. Поповъ. Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе. Москва, s. a. (1905), VII+189, 8°, съ тремя снимками. Ц. 2 р..... 493—501

4) **Его-же.** — Евсѣевъ, И. Е. Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ. Вып. I, 8°, VII+172 стр. Орелъ 1905. Цѣна 1 р..... 502—505

5) **П. А. Лавровъ.** — Поправка. Къ стр. 489..... 506

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. **В. И. Чернышевъ.** — Изъ исторіи русскаго правописанія. I—VI..... 1— 48

II. **Н. К. Пиксановъ.** — Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ..... 49— 78

III. **В. И. Срезневскій.** — Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ по сп. XVII в. библіотеки Академіи Наукъ..... 79— 90

IV. **К. Ѳ. Радченко.** — Апокрифическое житіе Самарянки по прологамъ Бѣлградской Народной Библіотеки..... 91—108

V. **В. Н. Добровольскій.** — Культъ зернового хлѣба въ повѣрьяхъ крестьянъ Рязанской губерніи..... 109—128

VI. **А. И. Соболевскій.** — Изъ области древней церковно-славянской проповѣди. XIV—XVI..... 129—143

VII. **Г. А. Ильинскій.** — Patronymica на -ово въ русскомъ языкѣ..... 144—156

VIII. **Н. К. Грунскій.** — Охридское Евангеліе..... 157—164

IX. **В. И. Рѣзановъ.** — Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. I..... 165—244

X. **С. М. Кульбакинъ.** — Замѣтки о славянскомъ количествѣ

Digitized by Google

СТРАН.

и ударенія. (Посвящается Владимиру Ивановичу Ламанскому по поводу 50-лѣтія его научно-литературной дѣятельности)..... 245—317

XI. **Е. В. Бобровъ.** — Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій..... 318—371

I. Сатира И. С. Баркова на Самохвала (с. 318). II. Г. П. Каменевъ и В. А. Жуковскій (с. 320). III. Предсмертное стихотвореніе Г. П. Каменева (с. 335). IV. Полемика Н. М. Шатрова съ И. И. Дмитріевымъ (с. 340). V. Пародія С. Н. Марина на оду Ломоносова (с. 342). VI. Вражда къ Наполеону (с. 353). VII. Пѣсня Н. М. Ибрагимова (с. 355). VIII. Баронъ А. А. Дельвигъ о Н. А. Полевомъ (с. 357). IX. А. В. Тимоѳеевъ и С. П. Шевыревъ (с. 362). X. И. А. Гончаровъ и его зоилы (с. 369).

XII. **А. И. Яцимирскій.** — «Черная шаль» А. С. Пушкина и румынская пѣсня..... 372—378

XIII. **В. В. Каллашъ.** — «Записки путешествія въ Сибирь» А. Н. Радищева..... 379—399

XIV. **Библіографія:**

1) **А. И. Соболевскій.** — Dr Jan Leciejewski. Runy i runiczne pomniki słowiańskie. Lwów, 1906..... 400—401

2) **Его-же.** — Два слова о древнихъ церковно-славянскихъ переводахъ съ латинскаго. По поводу замѣтки Н. И. Коробки («Извѣстія», книжка 2-я тома XI-го).. 401—403

3) **Н. Н. Виноградовъ.** — Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Спб. 1906. 4°. XVI+764 стр.+1 табл..... 403—406

4) **Его-же.** — Шайжинъ, Н. С. Олонецкій фольклоръ. Былины. (Критико-библіографическій обзоръ былинъ и 14 новыхъ былинныхъ записей). Петрозаводскъ. 1906. XIV+176..... 406—408

5) **Его-же.** — Дополненія къ статьѣ о «Вертепной драмѣ» и къ указателю по этому вопросу. I—II..... 408—412

6) **Г. Улашинъ.** — Критико-библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ польскому языку (1901—1905). (Продолженіе слѣдуетъ)..... 412—416

7) **А. И. Яцимирскій.** — Русское вліяніе на печатныя книги у румынъ въ XVII вѣкѣ. Bibliografia românească veche (1508—1830) de Joan Bianu şi Nerva Hodoş. Ediţiunea Academiei Române. Fasc. III—V. Bucuresci. 1901—1904. Въ листъ pp. 208—512.... 416—430

8) **Г. К. Ульяновъ.** — И. Эндзелинъ. Латышскіе предлоги. I ч. 1905 г. II ч. 1906 г. Юрьевъ..... 430—446

Digitized by Google

СТРАН.

9) **Н. П. Кондаковъ.** — Гампель. Древности Венгріи. 1905. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. In 3 Bänden. 1-r Band. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb. u. 2 Taf. 853 pf. 2-r Bd. Fundbeschreibung. Mit viel. Abb. 1006 p. 3-r Bd. Atlas. 539 Tafeln..... 446—466

Приложеніе:

Н. К. Никольскій. — Проспектъ изданія памятниковъ русской литературы (до-монгольскаго періода). ..... I—V

Digitized by Google

Digitized by Google

1324

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1906 г.

ТОМА XI-го КНИЖКА 1-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; М. В. Клюкина въ Москвѣ; Е. П. Распопова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фосса (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзака и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ *рубль пятьдесятъ копеекъ.*

Digitized by Google

Содержаніе I-й книжки.

	стран.
I. **В. М. Истринъ.** — Редакціи Толковой Палеи. II. Взаимоотношеніе полной и краткой Палей въ предѣлахъ текста Палеи Коломенской. (Продолженіе слѣдуетъ).....	1— 43
II. **А. И. Соболевскій.** — Изъ области древней церковно-славянской проповѣди. VIII.....	44— 52
III. **Ф. Лоренцъ.** — О померельскомъ (древне-кашубскомъ) языкѣ до половины XV-го столѣтія. II. Къ изученію балтійско-вендскихъ нарѣчій. (Продолженіе слѣдуетъ).....	53—117
IV. **Н. М. Петровскій.** — Serbica. I. «Землеописаніе» II. Соларића. II. Кто былъ первымъ публицистомъ у сербовъ?.....	118—130
V. **Н. С. Державинъ.** — Болгарскіе говоры Херсонской губерніи.....	131—146
VI. **А. Зачиняевъ.** — Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній.....	147—171
VII. **В. В. Каллашъ.** — Замѣтки объ И. А. Крыловѣ. IV. Двѣ анонимныхъ статьи Крылова.....	172—176
VIII. **Т. Глаголева.** — Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. А. Д. Кантемира. (Продолженіе слѣдуетъ)..	177—217
IX. **К. Я. Гротъ.** — Поправка къ статьѣ о поэтѣ Козловѣ....	218—220
X. **Н. К. Козминъ.** — Дѣтство и юность Н. И. Надеждина...	221—244
XI. **Н. Н. Соколовъ.** — Отчетъ о поѣздкѣ во Владимирскую и Рязанскую губерніи съ діалектологическою цѣлью..	245—258
XII. **Ѳ. Е. Коршъ.** — По поводу второй статьи проф. Меліоранскаго о турецкихъ элементахъ въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ».....	259—315
XIII. **Н. П. Лихачевъ.** — Къ исторіи дипломатическихъ сношеній съ папскимъ престоломъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ (съ 2-мя таблицами).....	316—336
XIV. **К. К. Истоминъ.** — Къ вопросу о редакціяхъ Толковой Палеи. V. Мнимые случаи полноты Коломенской Палеи по сравненію съ хронографическими списками. VI. Дѣйствительные случаи полноты Коломенской Палеи по сравненію съ хронографическими списками.....	337—374
XV. **А. С. Грушевскій.** — М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX в.....	375—416

[Продолженіе см. на 3-ьей страницѣ обложки].

Digitized by Google

Редакціи Толковой Палеи[1]).

II.

Взаимоотношеніе полной и краткой Палей въ предѣлахъ текста Палеи Коломенской.

Настоящая глава (а также и слѣдующая) будетъ болѣе понятна, если имѣть въ виду и напечатанный мною въ Журналѣ Министр. Народн. Просв. 1906 г. № 2-й разборъ изслѣдованія Шахматова о Лѣтописи Толковой Палеи. Въ своемъ изслѣдованіи Шахматовъ приходитъ къ заключенію, что краткая Палея, называемая имъ третьей (русской) редакціей, есть сокращеніе болѣе древней болгарской хронологической Палеи, а полная Палея (по его терминологіи, вторая русская редакція) есть соединеніе первой *русской* редакціи съ недошедшей до насъ хронографической Палеей. Отсюда слѣдуетъ, что и полная и краткая Палеи восходятъ къ одной хронографической и находятся, такимъ образомъ, между собой въ тѣсной связи. Я полагаю, что основаніе для такого построенія было дано нѣсколькими замѣчаніями, брошенными вскользь въ моемъ изслѣдованіи «Изъ области древней русской литературы». Указывая сходственныя мѣста въ обѣихъ Палеяхъ, я иногда указывалъ, что ни одна Палея не вышла изъ другой, но что обѣ восходятъ къ болѣе древней, но опредѣленіе этого болѣе древняго источника я

1) См. Извѣстія, т. X, кн. 4.

Illes, Ac. Sc. 1924.

Digitized by Google

откладывалъ до слѣдующей главы. Шахматовъ же рѣшительно сталъ на эту точку зрѣнія, принимая буквально мои слова о болѣе древней Палеѣ, присоединивъ къ моимъ сопоставленіямъ еще нѣсколько съ своей стороны. Между тѣмъ, я утверждаю, что обѣ Палеи составлены независимо другъ отъ друга и никакой древней хронографической Палеи, къ которой бы восходили онѣ обѣ, и не существовало. Поэтому, мнѣ приходится доказывать, что, съ одной стороны, краткая и полная Палеи независимы другъ отъ друга, съ другой — то, что та и другая пользовались совершенно самостоятельно одинаковыми источниками. Такъ какъ центромъ тяжести является палейный текстъ, то я и раздѣляю изслѣдованіе вопроса о взаимоотношеніи краткой и полной Палеи на двѣ части — въ предѣлахъ Коломенскаго текста и внѣ его предѣловъ, хотя по содержанію, какъ увидимъ, гранью могло быть и нѣчто другое.

Въ настоящей главѣ я беру исторіи — Авраама, Іосифа, Моисея, Давида и Соломона.

Я сказалъ выше, что исторія Авраама въ краткой Палеѣ соприкасается съ его исторіей въ полной Палеѣ. Вся исторія отъ Авраама до Іосифа представлена въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ указаннаго выше вступленія идутъ выдержки изъ Откровенія Авраама въ порядкѣ изданнаго Порфирьевымъ:

страница	112	строки	14—15	стран.	114	строки	7—18
»	»	»	17—18				18—28
			19				27—115,18
	113	»	1— 2	»	116	»	4—28
			3— 7				29—30
			8—10				*вставка I.*
			17—18		117	»	1— 8
			15—16				22— 118,19
			20—114,1.		119	»	21— 120, 1
					121	»	11—15
							вставка II.

Digitized by Google

Первая вставка такова: И въ времѧ то поꙗ҃ Фара Авраама Нахора ѡба сн҃а своꙗ и дѣтца своѥго сн҃а Арона Лота и Сарроу женꙋ соущѫ Аврамовѫ, Фаръ же соущи вноука и сноха, низвед ѿ землѧ Халдѣйскꙗ и пріведе ꙗ въ землю Ханаѡнскоуѫ и вселисѧ въ Хараѡнѣ. и се пакі быша дниє Фарины с҃ е҃ лѣ҃ и оумре въ Хараонѣ (сп. Срезнев., 41—42).

Вторая вставка — двѣ строки: и вознесе мѧ на высотоу нб҃ноую и мѣсто же высости на земле стоаховѣ овогда на горѣ овогда долоу.

Послѣ этого идутъ выписки изъ Коломенскаго текста, прерываемыя изрѣдка вставками то изъ Библіи, то изъ другихъ источниковъ.

Порядокъ текста слѣдующій:

258, 3—22
259,22—260, 3
Быт. 14,15
260, 3—17
262,14—23
263, 5— 9
264, 2— 6
годъ
» 6—17
» 21—265,24
Быт. 17,15
266, 9—23
269,23—26
270,16—271, 18
Быт. 19, 1— 8
12—38
годъ
275,14—276, 6
278,27—281, 6
283,28—285, 6
288,23—289, 1
289,15—290, 9
вставка I.
290, 9—14
вставка II.
хронологія.
290,27—291,17
293,21—294,16
296,24—297, 2
297, 6—300, 7
305,21—306,24
307, 2—4
— 24—308,2
308, 7—309, 2
вставка III.
332,15—20
Быт. 30,32—43
вставка IV.
333,26—334, 7
333,20—25

Digitized by Google

286,26—287,18	334, 7—10
287,28—288, 6	*вставка V.*
288,12—18; 20—23	334,10—335,4
годъ	Іовъ.

Вставки слѣдующія:

I. И Измаилъ живяше тогда в непроходимыи (и тамо) родиша ѥмꙋ вї сна, сѥ ѳ имена имъ: а сн҃ъ Навеѡѳъ, в҃ Кідарь, г҃ Ивасилъ, д҃ Масіанъ, ѥ҃ Маꙋма, ѕ҃ Идоꙋма, ꙁ҃ Маси, и҃ Ходаръ, ѳ҃ Фемамъ, і҃ Нагоꙋръ, аі҃ Нафесъ, ві҃ Кендалъ. и вселижеся Измаилъ и сноке его ѿ Вилата до Соурія противоу Єгѵптоу донде пріидетъ ко Ісоурómъ противоу лицю враꙋ своꙋ вселися. ѿ сиѵ соу҃ Срачини. Измаилъ же вывъ лѣт рл҃ и оумре. житие же ѳ вѣ во странаѵ Єгѵптескыхъ (Срезн., 54—55).

II. И къдасть имъ дары и посла иѵ прочь ѿ Исаака сна своего без наслѣдіа (Срезн., 55).

III. И сказа ємоꙋ сна видѣние иже хотяше въ роды быти (Срезн., 59).

IV. Убіеніе Исава Іаковомъ—Порфирьевъ, стр. 228.

V. И вселися Іаковъ повелѣніемъ вжѵимъ въ Кіфелъ и тоꙋ роді Рахиль Веньꙗмина въ Вифлеѡмѣ и тоꙋ оумре Рахиль. ѲселѢ капы по времени малѣ.

Въ означенныхъ предѣлахъ въ краткую Палею въ нѣкоторыхъ случаяхъ вошелъ такой текстъ Коломенскаго типа, который не вошелъ въ Палею полную, именно 262,14—28; 275,14—276,6; 278,27—279,2; 334,9—12. И эти случаи доказываютъ, что ни краткая Палея не могла выдти изъ полной, ни полная изъ краткой, какъ уже отмѣчено выше. Шахматовъ указываетъ, какъ на доказательство происхожденія хронографической и краткой Палеи (второй и третьей редакцій) изъ одной особой хронографической Палеи, на вставку № I, отъ которой въ полной Палеѣ сохранились начало и конецъ Но такого примѣра недостаточно. Нужно обратить вниманіе на обстановку, въ которой

Digitized by Google

встрѣчаются данныя выдержки. Мною указано, что въ полной Палеѣ Коломенскій текстъ 290,15—27 замѣненъ библейскимъ текстомъ Бытія 25,3—6, 9, 13—15, 18, который разрѣженъ тремя выносками (см. выше), изъ которыхъ двѣ составляютъ двѣ фразы — начальную и конечную — сказанія краткой Палеи. Въ послѣдней же нѣтъ библейскаго текста, а вставка вставлена въ средину Колом. 290,9. Такъ какъ полная Палея не обнаруживаетъ стремленія сокращать повѣствовательную часть, то нисколько не должно считаться удивительнымъ, если въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оба автора имѣли по одинаковому источнику, изъ котораго авторъ краткой Палеи взялъ довольно большой кусокъ, авторъ же полной Палеи — только двѣ фразы, но за то тутъ же, строкой выше, сдѣлалъ заимствованіе двухъ строкъ изъ другого подобнаго источника. Предположеніе Шахматова еще тогда бы могло имѣть нѣкоторую долю вѣроятія, когда бы мы признали, что обѣ Палеи восходятъ къ такой, въ которой не было библейскаго текста: но я говорилъ уже и говорю ниже, что при такомъ случаѣ мы получимъ почти то же, что даетъ намъ въ наличномъ видѣ Коломенская Палея. Поэтому, даже если бы и было такъ, какъ думаетъ Шахматовъ, то и тогда этотъ случай для рѣшенія поставленнаго вопроса не имѣлъ бы значенія. За независимость другъ отъ друга обѣихъ редакцій будетъ говорить и то, что напр. текстъ Колом. 334,9—12 не только сохранился въ краткой Палеѣ, не сохранившись въ полной, но и раздѣленъ вставкой № V. Въ такомъ же видѣ представляется и довольно большая вставка о встрѣчѣ Исава съ Іаковомъ: контексты рѣчи совершенно различны въ обѣихъ Палеяхъ: въ краткой Палеѣ— Колом. 332,15—20, Бытія 30,32—43, *вставка*, Кол. 333,26..., въ полной — вставка слѣдуетъ послѣ Колом. 335,26. Обыкновенно же перестановокъ палейнаго текста ни въ той ни въ другой Палеѣ мы не находимъ; при независимомъ же заимствованіи, хотя бы и одинаковомъ, такое различное размѣщеніе будетъ дѣломъ вполнѣ естественнымъ.

Digitized by Google

Наконецъ и библейскій текстъ, встрѣчающійся въ краткой Палеѣ, говоритъ противъ соединенія двухъ Палей: въ краткой читается такой текстъ, котораго нѣтъ въ полной: 14,15; 17,15; 30,32—43. Одинаковое же заимствованіе 19-й главы возбуждаетъ сильное подозрѣніе, хотя мы и тутъ видимъ не полное сходство; такъ въ краткой Палеѣ стихи 9—11 замѣнены одной строкой, а въ срединѣ стиха 26 вставлена фраза: «и рѣкши моужю своемоу: не слоушаж азъ тебе», чего въ полной Палеѣ нѣтъ. Я вообще, впрочемъ, долженъ оговориться, что, отрицая непосредственную связь между краткой и полной Палей въ томъ смыслѣ, какъ эту связь понимаетъ Шахматовъ, я могу, однако, признавать, что авторы полной и краткой Палеи имѣли въ рукахъ по такому списку первой редакціи (Колом. типа), въ которомъ были нѣкоторыя дополненія сравнительно съ дошедшими до насъ чтеніями: но держусь того правила, что число такихъ мѣстъ должно быть по возможности уменьшаемо, и такія дополненія должны быть признаваемы только тогда, когда нѣтъ никакой возможности объяснить дѣло иначе: то, что говоритъ противъ происхожденія обѣихъ Палей изъ особой хронографической Палеи, далеко превышаетъ собой то, что говорило бы за такое происхожденіе; поэтому, увлеченіе послѣднимъ элементомъ можетъ поставить въ безвыходное положеніе.

Что касается Откровенія, то вышеприведенная таблица на первый взглядъ можетъ дать основаніе думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ выписками изъ полной Палеи. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Въ свое время я указалъ, что чтеніе полной Палеи (Синодальный сп.) составляетъ спайку Коломенскаго текста съ полнымъ текстомъ Откровенія. Однако, въ краткой Палеѣ мы не видимъ такихъ заимствованныхъ мѣстъ, которыя представляли бы раньше составленную спайку. Страницы 116 и 117 по изданію Порфирьева передаютъ Коломенскій текстъ, и мы видимъ, что авторъ краткой Палеи пользовался имъ съ обычной своей манерой, т. е. выпуская толкованія. Переводя на Коломенскую Палею, получаемъ заимствованіе: 247,14—249,5;

Digitized by Google

249,15—250,15, причемъ въ выкинутыхъ строкахъ 249,5—16 заключается толкованіе. Поэтому, выписки изъ Откровенія сами по себѣ нисколько не доказываютъ, чтобы краткая Палея восходила къ полной или вмѣстѣ съ послѣдней—къ одному источнику, который въ сущности оказался бы ничѣмъ инымъ какъ той же полной Палеей.

Въ своемъ мѣстѣ было указано, что исторія Іосифа въ полной Палеѣ составлена по различнымъ источникамъ — 1) Колом. Палея, 2) библейскій текстъ книги Бытія, 3) Слово Ефрема Сирина; къ этому нужно присоединить нѣкоторыя добавленія, которыя не могутъ восходить ни къ одному изъ указанныхъ источниковъ. Наиболѣе важнымъ является опредѣленіе взаимоотношенія двухъ источниковъ — книги Бытія и Слова Ефрема Сирина. Вопросъ сводится, какъ и въ другихъ случаяхъ, къ тому, какъ происходила исторія наслоеній, и тутъ возможны три предположенія: 1) къ Коломенской Палеѣ былъ присоединенъ сначала Ефремъ Сиринъ, а затѣмъ такой соединенный текстъ, въ свою очередь, былъ разрѣженъ библейскимъ текстомъ; 2) обратно—Коломенская Палея+библейскій текстъ, а затѣмъ вставлены выдержки изъ Ефрема Сирина, и 3) соединеніе всѣхъ источниковъ происходило одновременно и есть дѣло рукъ одного редактора. Для рѣшенія въ ту или другую сторону даннаго вопроса нужно проанализировать способъ соединенія этихъ трехъ источниковъ. Выдержки изъ библейскихъ книгъ и изъ Ефрема Сирина, какъ и въ другихъ случаяхъ, замѣняли собою иногда чтеніе Коломенскаго списка, которое почему-либо казалось редактору недостаточно подходящимъ. Поэтому, въ предѣлахъ исторіи Іосифа мы не находимъ слѣдующаго Коломенскаго текста: 340,13—22; 344,20—345,6; 346,7—348,10; 348,18—350,4; 356,2—357,15; 357,21—358,20; 362,3—364,20. Выпущенныя мѣста замѣнялись иногда цѣлымъ рядомъ выдержекъ изъ указанныхъ источниковъ, чередуясь другъ съ другомъ; такъ, на мѣстѣ 348,18—350,4 мы находимъ такую замѣну (выдержки изъ Ефрема Сирина я означаю номерами, указанными въ моемъ

Digitized by Google

изслѣдованія «Изъ области» etc.): Быт. 42,1—43,15; Ефр. С. 18; Быт. 43,16—32; Ефр. С. 19; Быт. 43,34—44,13; Ефр. С. 20; Быт. 44,14—31; Ефр. С. 21; Быт. 44,31—34; Ефр. С. 22.— Изъ такого чередованія нельзя, конечно, вывести никакого заключенія относительно постановленныхъ выше вопросовъ: одинаково возможно предполагать тотъ и другой изъ указанныхъ выше путей. Однако, по началу нужно склоняться къ тому отрицательному пока выводу, что было-бы затруднительно предполагать такой путь: 1) Колом. Палея + Ефремъ Сиринъ и 2) библейскій текстъ, такъ какъ, если мы представимъ, что первоначально за Колом. 348,13 непосредственно слѣдовала выписка изъ Ефрема Сирина (№ 18), то намъ останется необъяснимымъ, какъ это случилось такъ, что послѣдующій редакторъ, распространяя свой основной текстъ выдержками изъ библейскихъ книгъ, сумѣлъ вставить выдержку какъ разъ между двумя различными источниками. Къ такому же выводу приводитъ замѣна Колом. 356,2—357,15 чрезъ слѣдующее: Быт. 45,2—4; Ефр. Сир. 22: библейскій текстъ вставленъ также между двумя различными источниками.

Съ другой стороны, иныя части приводятъ къ другому отрицательному выводу, а именно, что нельзя представлять дѣло такъ, что раньше съ Коломенскимъ текстомъ соединился библейскій, а потомъ уже соединенный текстъ подвергся распространенію со стороны Слова Ефрема Сирина. Напр. Коломенск. 344,20—345,6 замѣнено: Ефр. Сир. 10; х; Быт. 38,1—30: Ефр. Сир. 11. Здѣсь уже, съ другой стороны, трудно предполагать, чтобы редакторъ былъ такъ искусенъ, чтобы сумѣлъ вставить между двумя источниками выдержку изъ Ефрема Сирина. Еще труднѣе это представить, если обратимъ вниманіе на то, что за выдержкой изъ Ефрема Сирина читается выдержка изъ посторонняго источника, начальная строка котораго тѣсно примыкала къ Коломенскому чтенію: «се бо не вижю на неи хапаніа зоубъ ни торганіа ногѿ (Колом. 344,18; строки 19 — 20 поставлены выше) + Ефр. Сир. + новый источникъ — «не бы҃ бо сн҃оу мои

Іосифе». — За то же будутъ говорить замѣны Кол. 346,7—348,10, гдѣ за выдержкой изъ Ефр. Сир. 12 слѣдуетъ Быт. 39,17—40,19.

Отсюда остается выводъ одинъ, а именно, что вся исторія Іосифа въ полной Палеѣ принадлежитъ одному редактору, который одновременно имѣлъ всѣ указанныя источники и по нимъ составлялъ свой трудъ. На его личную работу и на характеръ его труда могутъ указывать его слова послѣ Кол. 346,7 «Но на предлежащаа да возвратимсѧ». Этихъ словъ нѣтъ въ Коломенской Палеѣ, а предшествующій текстъ Кол. Палеи заключаетъ главнымъ образомъ толкованіе, которое для автора полной Палеи уже не имѣло значенія, а потому онъ, списавъ нѣсколько страницъ, и возвращается на «предлежащее», т. е. къ историческому изложенію—Ефрему Сирину и библіи.

Относительно краткой Палеи выше было сказано, что она представляетъ сокращеніе Коломенской Палеи, при чемъ сокращенія касаются почти исключительно толкованій. Выписки изъ Коломенской Палеи въ предѣлахъ исторіи Іосифа (336 — 395) см. ниже въ таблицахъ.

Изъ нетолкованій выпускамъ подверглась рѣчь Іосифа къ братьямъ, именно 351,10—15; 17—26; 352, 12—28; 353,5—14; 355,18—27. Но вмѣстѣ съ тѣмъ удержались кое-гдѣ и толкованія, какъ 363,15—364,10; 364,15—20; 367,5—7; также сдѣлана выборка толкованій изъ 393,12—394,28. Любопытную выборку отдѣльныхъ фразъ представляетъ изъ себя толкованіе благословенія Іаковомъ Іуды. Оно все таково: «Се рече Іаковъ: поклонѧтсѧ Іоудѣ сн҃ы ѡц҃а твоего (370,1—2). ꙗко ѿ колѣна иоудина роди цр҃ь въсихъ бо (371,7—10). и иже ѿ лѣтораслѣ сн҃оу изыде (373,27—28). се рече ꙗко ѿ акима и анна родитсѧ о҃ца. то і҃е лѣторасль (374,7—10). а е҃м поспа ꙗко левъ (375,3—4). а се р҃е о страсти и ѡ смр҃ти г҃ни (375,20). а иже не ѡскоудѣеть кн҃зь ѿ Иоуды (377,3—4). ѿ колѣна бо Іоудина мнози изыдоша цри и пр҃оци (377,17—19). привѧзаеть бо ꙗзыкъ къ истиннѣи вѣрѣ ѿ древнѧго закона (377,23—26; 378,1—2). а

вже рече вѣли зоуви і ако млеко чистъ законъ и непороченъ (378,22—24).

Колом. 346,24—347,12 передано иначе: по двою же лѣтоу вѣдѣ Фарашнъ цр҃ь сонъ и не могоша разрѣшіти є҃ кластели єгѵ́петскіи. и поманоу скопець Іωсифа цр҃ю Фарашноу иже сказа емоу Іосиѳ сонъ въ темницѣ. и повелѣ цр҃ь Іωсіфа вывести ис темници. и видѣ цр҃ь Фарашнъ штрока бл҃гозрачна и м҃ра. и се пакы нача сказати Іосифъ сонъ цр҃евъ. р҃ѣ кмѵ҃ ѥко быти гладоу на земли з҃ лѣ҃. К лѣ҃ ,гхкі вы҃ глаѳ великъ по всеи земли єгѵ́петьстѣи з҃. лѣ҃ индѣ҃ г҃і слн҃чна҃ ,к҃ вѣ҃ а луѯ. Цр҃ь же Є҃гиптоу Фарашнъ и семоу҃ Іосифоу соущоу тогѳа л҃ лѣтъ и постави є҃ на цр҃тво втораго цр҃а нарекъ.

Иначе передано Кол. 362,4—5:

Кол. П. обитавъ же Иѳаковъ в земли єгѵпетьстѣи лѣ҃. р҃. и л҃.

Крат. П. Обита же Іаковъ в земли єгѵпетстѣи. толико҃ с нимъ вѣ҃ тогѳа Зелфа жена его раба Лінна а вели к моужоу Іаковоу прѣ҃доуща въ врема тѵ҃ лѣ҃ р.—Срезн., 74.

Есть нѣсколько вставокъ въ текстъ Палеи; вставки небольшія, по нѣскольку строкъ; напр. послѣ Кол. 337,13 вставка: «И Заоулонъ много борашеть по Іосифѣ не хотѧ сего творити и не може премочі мысли братнѧ; или послѣ Кол. 344,20 (плачъ Іакова): слышавши же Вала наложніца Іаковля раба Рахилина плачющїи҃ оумре. тоу҃ оумре и дщі Иковля Дина. и быша г҃ печали Іаковоу въ единъ мц҃ь. бѣ҃ же тогда Иωсифоу ѯі. лѣ҃. прѣвыкъ же въ домоу Петефриевѣ і҃ лѣ҃ а в темници к҃ лѣтѳ.

Обратившись къ вопросу объ отношеніи краткой Палеи къ полной, мы прежде всего видимъ, что въ краткой нѣтъ никакихъ слѣдовъ Слова Ефрема Сирина, т. е. того памятника, который, уже какъ вторичный элементъ, вошелъ въ полную Палею. Точно

Digitized by Google

также нѣтъ въ краткой Палеѣ и слѣдовъ отъ библейскаго текста. Выкинувъ Слово и библейскій текстъ изъ полной Палеи, мы возведемъ обѣ Палеи къ одному источнику т. е. къ Коломенской Палеѣ, каковой каждый авторъ пользовался по своему: авторъ одной держался сильной традиціи сокращенія, другой — распространенія. Краткая Палея не можетъ выходить изъ полной даже при оставленіи въ сторонѣ Слова Ефрема Сирина и библіи, такъ какъ въ краткой Палеѣ мы встрѣчаемъ такой Коломенскій текстъ, котораго нѣтъ въ полной, именно: 340,14—22; 346,13—15; 346,24—347,2; 347,18—19; 22—23; 348,1—8; 17—19; 25—26; 349,3—7; 9—10; 16—19; 363,6—8; 10—15; 15—364,10; 366,8—13; 367,5—7; 368,8—26.—Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о происхожденіи полной Палеи изъ краткой. Однимъ словомъ, обѣ въ данномъ случаѣ вышли изъ Коломенской.

Точно также къ Коломенской Палеѣ восходитъ и единственно сохранившійся, какъ уже сказано, завѣтъ Іуды. Онъ составленъ изъ слѣдующихъ выдержекъ: 429,7—22; 28—430,2; 430,8—16; 431,1—5; 7—12; 432,11—18; 20—26; 433,5—10; 434,6—9; 19—435,10; 435,16—19; 27—437,7; 438,17—440,3. Съ полной Палеей краткая и въ данномъ случаѣ не имѣетъ соприкосновенія, кромѣ того, что въ основаніи той и другой лежитъ Коломенскій текстъ, изъ котораго независимо другъ отъ друга вышли обѣ Палеи.

Что касается въ полной Палеѣ исторіи Моисея, которая представляетъ собой, какъ указано, конгломератъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ источниковъ, то относительно трехъ изъ нихъ— Коломенскаго текста, библіи и апокрифическаго Житія Моисея— нужно сказать то же, что и относительно исторіи Іосифа, а именно, что соединеніе всѣхъ этихъ трехъ источниковъ принадлежитъ одному и тому же лицу. Въ своемъ мѣстѣ уже замѣчено, что пропускается изъ Коломенской Палеи главнымъ образомъ толковательная часть; таковы напр. обширные пропуски 482,24—484 и 486,4—491,16, замѣненные выдержками изъ апокриф. Житія Моисея. Другіе пропуски, содержавшіе толкованія,

Digitized by Google

остались незамѣненными, какъ 498, 17—499,8; 499,15—502,18, вся пѣснь Маріамы выпущена. Характеръ соединенія, если мы возьмемъ за основной источникъ Коломенскую Палею, приблизительно одинъ и тотъ же, что и въ исторіи Іосифа. Такъ, выдержки изъ апокриф. Житія Моисея берутся только въ замѣну Коломенскаго текста, а библейскій текстъ служитъ не только для замѣны послѣдняго, но и для распространенія; такъ, изъ указанной ниже таблицы такое именно значеніе должно приписать—Исхода 3,13—15; 18—22; 4,1, 5; 13,20—14,2; 16,4—10; 16—18; 22—26; 28—30; 32—36; 17,1, 5—6; 32,1—6; 34,10—17. Сюда же собственно должно бы отнести и замѣну Колом. 491,25—494,16, гдѣ говорится о казняхъ египетскихъ, болѣе подробнымъ библейскимъ изложеніемъ 7,20—12,36, хотя все таки съ большими пропусками. Апокрифическое же Житіе Моисея служитъ только на замѣну Коломенскаго текста, не давая ни одной выдержки, которая была бы вставлена въ текстъ Коломенской Палеи безъ пропуска изъ послѣдняго, хотя, какъ указано, выпускались обыкновенно толкованія. Но если обратимъ вниманіе на послѣднее обстоятельство, то выдержки изъ Житія можно будетъ сопоставить съ тѣми вышеприведенными выдержками изъ книги Исхода, которыя вставлены *не* въ замѣну Коломенскаго текста. Только въ одномъ случаѣ выдержка изъ Житія стоитъ какъ бы въ замѣну Коломенскаго текста, именно 491,2—16 (чудо съ змѣемъ передъ Фараономъ), но это объяснится, конечно, недосмотромъ со стороны редактора, такъ какъ этотъ пропускъ связывается съ большимъ предшествующимъ, съ 486,4.

Нѣкоторое понятіе о способѣ составленія исторіи изъ различныхъ источниковъ можетъ дать напр. слѣдующее мѣсто изъ полной Палеи: *Кол. 480,22...* ꙗко чловколюбець; (*Исхода 3,7–8*)— Рече же гъ к Моисеи: видѣ̾ вѣдоу людеи и̾ въ Єгипте и вопль ихъ слыша̾, иже ѿ дѣлъ наипаче видѣвъ болезнь и̾, и нꙋнѣ снидоу изꙗтъ и̾ изъ роукоу Єгипетьскоую и извести и̾ ѿ земла тоя в землю влагоу каплѣщюю медомъ и млекомъ. *(10:)* и

Digitized by Google

поущаю тебе к Фараѡноу цр҃ю Єгипетьскоу и шеⷣ изведеши люді моа сн҃ы Иіл҃вы; *(Житіе М.:)*—ꙗко оумерша вси ищющи дш҃а твоеꙗ а ѡставшии же по ниⷯ не имоу҃ силы что сътворити тобе (Тихонр. I, 245); и затѣмъ продолжается Колом. 480,26—речеⷯ Моуисеи... Уже такъ кстати прибавленная фраза изъ Житія показываетъ, что все выписанное мѣсто представляетъ собой одно цѣлое, поставленное въ замѣну краткаго Коломенск. чтенія—480,22—26: И пакы рⷱ҇ г҃ь къ Моисѣѥви видѣхъ бѣду людии моихъ въ Єгиптѣ, но ишедъ изведи люди моꙗ. Никакъ нельзя предполагать, чтобы соединеніе Коломенскаго текста съ Житіемъ произошло раньше соединенія съ библейскимъ текстомъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ прибавка изъ Житія была бы лишней. Даже если мы предположимъ, что эта прибавка читалась непосредственно за приведеннымъ текстомъ Коломенск., то и тогда станетъ не вполнѣ объяснимымъ, какъ редакторъ, замѣняя текстъ одного источника—а таковымъ въ данномъ случаѣ былъ для него Коломенскій текстъ+Житіе безраздѣльно—могъ замѣнить другимъ источникомъ только то, что принадлежало Колом. тексту, и оставилъ какъ разъ выдержку изъ другого памятника, т. е. изъ Житія. А что здѣсь, дѣйствительно, была полная замѣна Колом. текста, а не вставка библейскаго въ средину Коломенскаго (видеⷯ бѣдоу людеи моихъ въ Єгиптѣ—но ишедъ изведи люди моꙗ), доказывается тѣмъ, что послѣднія слова читаются съ прибавленіемъ слова «Иіл҃вы», котораго нѣтъ въ Колом. Палеѣ, но которое есть въ библейскомъ текстѣ.

Съ другой стороны, нельзя думать, чтобы сначала произошло соединеніе Коломенскаго текста съ библейскимъ, а затѣмъ уже вторичное распространеніе такого соединеннаго текста. Основаніе даетъ слѣдующее мѣсто, которое какъ будто-бы стоитъ вмѣсто Колом. 493,4, хотя, на самомъ дѣлѣ, это не такъ, и фраза Колом. «и взѧша же сн҃ве изл҃ви кости Иосифовы» пропущена, очевидно, случайно и должна читаться непосредственно передъ словами полной Палеи—«клѧтвою бо заклѧлъ бѧше Иосиⷯ = Колом. 496,4—5. Слѣдовательно, нужно прини-

Digitized by Google

мать, что въ срединѣ Колом. 496,3 (если условно исходить изъ Колом.) будетъ читаться такая вставка изъ двухъ источниковъ (причемъ первый — пока неопредѣленъ): 1) «и выпроводиша рабы бѣ̀ѣ с добытком̀ъ и с дары многы̑ѣ̑ ꙗко завѣтъ бѣ̀ѣ бѣ̀ ко Аврамоу̑ дѣдоу̑ и—2) (Исхода 12,39:) и испекоша моу̑ѣ̑ ѣ̑ изънесоша погребники пресны. не оу̑ѣ̑ бо вскышя. изгнаша бо ѣ̑ Єгиптяни и не могоша пребыти ни брашна створѣти собѣ на пу̑т̑. Опять таки очень трудно предполагать, чтобы авторъ такъ умѣло вставилъ первый отрывокъ какъ разъ между текстомъ Коломенскимъ и библейскимъ.

Надо думать, что тому же редактору принадлежитъ и вставка изъ Малалы. Благодаря добавленію словъ — пре̑ѣ̑ Ѳпоу̑ченїа сы̑нъ Илѵ̑ъ (см. выше) дѣло представляется такъ, что Фараонъ, доведенный до отчаянія казнями, произведенными Моисеемъ, отправляется въ Мемфъ спросить прорицанія и, получивъ для себя неблагопріятный отвѣтъ, идетъ назадъ и «приш̑ѣ̑ Ѳ вълъхованїа испоу̑ сы̑ны Илѵ̑вы» — и затѣмъ, дѣйствительно говорится о фактѣ выхода евреевъ — Исхода 12,37—38 и Колом. 495 (въ концѣ)—496,3.

Посмотримъ, въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся краткая и полная Палея въ исторіи Моисея. Мы видѣли, что, кромѣ Коломенскаго текста, источниками въ данномъ случаѣ были: 1) библейскій текстъ, 2) апокриф. Житіе Моисея, 3) хроника Малалы: къ нимъ нужно присоединить еще источникъ, который можетъ быть названъ «дробное житіе». Что касается указанныхъ трехъ источниковъ — библейскаго текста, Житія Моисея и хроники Малалы, то въ краткой Палеѣ отъ нихъ нѣтъ никакого слѣда. Такъ какъ краткая Палея представляетъ выдержки изъ палейнаго текста въ предѣлахъ Коломенскаго, то пожалуй можно бы подумать, что тутъ простое сокращеніе нѣкогда распространеннаго текста. Но противъ этого, прежде всего, говоритъ самый способъ сокращенія, который состоитъ въ томъ, что, какъ въ свое время указано, выбрасывалась почти исключительно толковательная часть, и съ этой стороны было бы

Digitized by Google

совершенно необъяснимымъ выбрасываніе указанныхъ трехъ источниковъ, дававшихъ полный историческій разсказъ. Кромѣ того, мы уже видѣли, какую пеструю смѣсь представляетъ намъ полная Палея въ исторіи Моисея, и автору краткой Палеи нужно бы обладать необычайнымъ искусствомъ, чтобы выбрасывать то, что само являлось вставкой болѣе ранняго времени: разъ-два онъ могъ сдѣлать это случайно, но продѣлать такую работу на протяженіи всей исторіи — было бы не подъ силу и современному писателю.

Наконецъ, предполагая, что краткая Палея восходитъ къ такому же оригиналу, къ какому и полная, т. е. къ оригиналу съ осложненіемъ изъ библіи, Житія Моисея и Малалы, мы наталкиваемся еще вотъ на какое затрудненіе. Изъ анализа текста той и другой Палеи мы видимъ, что краткая Палея въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняетъ текстъ Коломенской Палеи, тогда какъ полная Палея въ такихъ случаяхъ даетъ замѣну, а именно:

Краткая П.	*Полная Палея*
476,15—22	Апокр. Житіе Моисея (476,8—477,10).
516,15—20	Исхода 16,12—14
518,19—24	» 17, 5—6
521,25—522,8	» 17,14—18,27
573,21—574,1	Числъ 22,28—32

При выставленномъ выше предположеніи намъ пришлось бы утверждать, что авторъ краткой Палеи, сокращая свой оригиналъ, соотвѣтствующій полной Палеѣ, не только выпускалъ то, что было лишняго противъ Коломенскаго списка, но и замѣнялъ текстомъ послѣдняго то, что, въ свою очередь, являлось замѣной его въ болѣе древнее время, да притомъ замѣна касалась одного и того же историческаго содержанія. Такое предположеніе было бы болѣе чѣмъ фантастично и, пожалуй, можно бы къ нему прибѣгнуть, если бы безъ него мы не могли бы разрѣшить какого-нибудь другого вопроса, требующаго разрѣшенія въ же-

Digitized by Google

лательномъ для насъ смыслѣ. Но этого нѣтъ, и отсюда, выводъ, конечно, тотъ, что въ предѣлахъ разсматриваемой исторіи краткая Палея не можетъ восходить къ полной, а восходитъ она къ такой, гдѣ еще не было ни библейскаго текста, ни апокриф. Житія Моисея, ни хроники Малалы; иначе сказать—краткая Палея восходитъ къ Коломенской.

Если такъ, то можетъ представиться другой вопросъ, не будетъ ли полная Палея представлять распространеніе краткой? Но на это нужно отвѣтить отрицательно въ виду того, что въ полной Палеѣ мы находимъ много отрывковъ такого палейнаго текста, котораго нѣтъ въ краткой, а именно

513,14—515,21	525,17—526,12
517, 2—15	527,18—21
518,24—519,21	531,13—533,20
520,11—25	534,22—535, 3
521,18—24	535,20—536,18
522, 8—17	537, 4—541,15
523,26—524, 4	

Всѣ эти пропуски содержатъ исключительно толкованія, съ которыми иногда случайно соединяется по нѣскольку строкъ историческаго содержанія. Исходя изъ этого факта, что полная Палея представляетъ собой историческій сборникъ, гдѣ толковательная сторона не играетъ уже никакой роли, мы можемъ рѣшительно отвергать всякую мысль о возможномъ восполненіи со стороны автора полной Палеи толкованій, если бы таковыя отсутствовали въ ея оригиналѣ. Итакъ, полная Палея не вышла изъ краткой.

Въ моемъ изслѣд. «Изъ области древн. русск. лит.» былъ поставленъ вопросъ, не будетъ ли краткая Палея, въ виду отсутствія большинства толкованій, представлять собой видъ, болѣе древній, чѣмъ Коломенскій, осложнившійся въ послѣдней Палеѣ толкованіями, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми, лишь впослѣдствіи, и — на этотъ вопросъ былъ данъ отвѣтъ отрицатель-

Digitized by Google

ный. Здѣсь можно только подтвердить такой отвѣтъ. Нѣкоторые толковые отрывки не могутъ, конечно, свидѣтельствовать ни за ни противъ, какъ напр. пропускъ 523,26—524,4 (не токмо самѣмъ очиститися повелѣ, но и ризы своя испрати наставляя ихъ ѿ плотьскыхъ на дх҃вная говѣинѣишая створить): такое толкованіе среди историческаго разсказа какъ легко могло быть вставлено въ Коломенскую Палею, такъ легко могло быть и выпущено въ краткой Палеѣ. Но другіе случаи свидѣтельствуютъ рѣшительно въ пользу того, что въ оригиналѣ краткой Палеи были толкованія, встрѣчающіяся въ Коломенской Палеѣ, какъ напр. 521,14—24, содержащее въ себѣ 26-й вопросъ Феодорита (см. мои «Замѣчанія о составѣ Т. П., I, 41), изъ котораго въ краткой Палеѣ выкинуто 18—24. Мною было указано, что этотъ вопросо-отвѣтъ Феодорита подвергся распространенію, и въ краткой Палеѣ удержался вопросъ и это распространеніе, именно: «Ѿкудуже бо оружье сн҃мъ Изл҃вымъ. не на рать бо бѣша вышли изъ егюпта но требу положити бу и мнящеся пакы възвратити». Ясно, что краткая Палея даетъ неудачный выпускъ второй части вопросо-отвѣта.

Затруднительнѣе обстоитъ дѣло съ остальными источниками, о которыхъ приходилось говорить выше. Краткая Палея содержитъ, между прочимъ, такое изложеніе: 1) выдержку изъ хроники, соотвѣтствующей хроникѣ Синкелла (въ Парижской рукописи, см. Журн. Мин. Нар. Просв. ноябрь, 1903 г.); 2) отрывокъ изъ «дробнаго житія», 3) краткій разсказъ о купинѣ съ выдержками изъ Колом. 480,3—5; 4) другой разсказъ о Моисеѣ, напечатанный Порфирьевымъ (см. выше). Первая и четвертая части могутъ составлять какъ-бы одинъ разсказъ или, лучше сказать, два отрывка изъ одного разсказа, который давалъ параллель упомянутой греческой хроникѣ, содержащей части хроники Синкелла. Отрывокъ изъ «дробнаго житія» совершенно не вяжется съ этими двумя отрывками и долженъ отдѣляться отъ нихъ. Это можно доказать еще слѣдующимъ. Въ упомянутомъ мною не разъ особомъ Тихонравов-

Digitized by Google

скомъ хронографѣ мы находимъ исторію Моисея, составленную изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) библейская книга Исхода, 2) апокрифическое Житіе Моисея, 3) «дробное житіе» и 4) тотъ же разсказъ краткой Палеи, изданный Порфирьевымъ. Здѣсь № 2-й отдѣляется отъ 4-го «дробнымъ житіемъ», которое мною упомянуто выше, — Дръвное житіе (доброе же писаніе въ Тихонравовскомъ хрон.) пишеть, ꙗко і҃ мц҃ь потопиша ізрл҃тескыѧ мл҃нца в рѣцѣ. сего ра҃ і҃ мц҃ь въ исходѣ ізрл҃тескѡмъ, а на концѣ в морѣ истопоша, ꙗко мл҃нцѣ в рѣцѣ, ,а моужь храбры оутопоша в морѣ за единъ мл҃нець.

Выпустивъ это «дробное житіе», мы получимъ такое чтеніе (л. 141[a–b]): «И бы҃ въ дн҃ь тъ повѣдаша Валамови: се сн҃ь Вифиинь ищють оубити тѧ. и бѣжа Валаамъ вълъхвъ и два сн҃а его в землю почтореск8 къ своемоу родоу и бы҃ тамо до побѣды Маднамьски. коли побѣдѣ и҃ Моѵси — (Жит. Моис. 242); и избии е҃ цр҃къ и҃ Євы и Рекема и Цюра и Хура и Ревака. Валама же вълъхва с двима сн҃ома оубиша ор8жіемъ. си же бѧше възлетѣль ѡрломь горѣ. Лазарь же Аронови҃ и Финосъ сн҃ъ его въеводы Инзл҃ивы измолвиста имѧ ст҃ое иже веръгоша и на землю и оубиша — (Жит. Моис. 251); *«дробное житіе»*; Моѵсіи же въчьтенъ въ цр҃тво ро҃. тѣма же изъдавъна Єгѵпьтѧне Паланахов8 и с родомъ его бывъшаꙗ ра҃ пагѹбы имъ ѿ бг҃а Моѵсѣемъ. Иѡсифь писець жидовескъ сы҃ тако е писалъ . . . = краткая Палея, Порфирьевъ 228 (см. выше). Выкинувъ вставку изъ апокрифич. Житія Моисея, остальное слѣдуетъ присоединить къ той выдержкѣ изъ хроники, которая изъ краткой Палеи (Погод. л. 114) напечатана ниже. Къ этой же исторіи будетъ относиться и случайно уцѣлѣвшая еще фраза изъ того же Тихонравовскаго хронографа (л. 146[b], послѣ выдержки изъ Житія Моисея, оканчивающейся по изд. Тихонр. на стр. 245) — «тако писалъ писецъ е҃ є҃ прозвалъ Фермоуфію Мер8 прозва Моѵси гра҃ Єфиѡпьскии Сава». Тутъ мы имѣемъ дѣло съ испорченнымъ остаткомъ отъ текста, но соотвѣтствіе находимъ въ той же хроникѣ греческой: τότε δὲ καὶ τῆς Μερρόης — οὕτω γὰρ ὁ

Digitized by Google

θερμουθῆς ἐκαλεῖτο — τελευτησάσης..., что находится также въ связи съ текстомъ Іосифа Флавія: καὶ τέλος συνελαθέντες εἰς Σαβὰ πόλιν βασίλειον οὖσαν τῆς Αἰθιοπίας, ἣν ὕστερον Καμβύσης Μερόην μετωνόμασεν ἀδελφῆς ἰδίας τοῦτο καλουμένης ἐπολιορκοῦντο (Flavii Josephi opera, rec. Naber, I, 118, Lipsiae 1888) — ср. приведенную славянскую фразу, гдѣ Мерѳ относятся и къ Фермуфи и къ Савѣ.

Изъ разсматриваемаго источника въ полной Палеѣ не находимъ никакого слѣда. Если мы будемъ возводить краткую и полную Палею въ томъ или другомъ отношеніи къ общему оригиналу, то по отношенію къ данному случаю является трудный вопросъ, можно ли снабжать тотъ оригиналъ, изъ котораго непосредственно вышла полная Палея, даннымъ сказаніемъ? Конечно, можно бы исходить изъ того положенія, что, такъ какъ 1) въ краткой Палеѣ находимъ выдержки изъ Синкелла (такъ я обозначу условно разсмотрѣнный эпизодъ), 2) въ полной Палеѣ—Житіе Моисея, а 3) въ Тихонрав. хронографѣ, стоящемъ въ другихъ частяхъ въ связи съ Палеями,— и Синкелла и Житіе, то, исходя отсюда, было бы всего легче отнести все къ общему оригиналу и на каждый памятникъ смотрѣть какъ на самостоятельную выборку изъ него. Но полное отсутствіе, съ одной стороны, въ краткой Палеѣ Житія Моисея, съ другой—въ полной Палеѣ хроники Синкелла заставляетъ не только не настаивать на такомъ заключеніи, но и относиться къ нему въ высшей степени подозрительно: краткая Палея выпускала обыкновенно толкованія, а полная—къ историческому разсказу чувствовала влеченіе. Мы видѣли выше, что краткая Палея ни въ какомъ случаѣ не можетъ восходить къ такому оригиналу, въ которомъ было бы Житіе Моисея; наоборотъ, Тихонравовскій хронографъ, если онъ не есть самостоятельное произведеніе, долженъ восходить къ такому оригиналу, гдѣ Житіе Моисея было: но въ Тихонр. хронографѣ оно даетъ намъ то, чего нѣтъ въ полной Палеѣ, именно по Тихонрав. изданію стр. 240—242 (см. выше), слѣдовательно надо бы уже признавать, что въ какомъ то ори-

Digitized by Google

гиналѣ нашихъ памятниковъ было все цѣликомъ Житіе Моисея, а потомъ уже оно подверглось видоизмѣненіямъ: но мы уже видѣли, что нельзя отдѣлить отъ палейнаго текста ни библіи ни Житія Моисея, а потому нѣтъ возможности возводить всѣ три памятника къ одному общему оригиналу, въ которомъ бы было и то и другое и третье. Есть данныя за то, что Тихонравовскій хронографъ составлялся одновременно и по полной и по Коломенской Палеѣ и по другимъ источникамъ, въ числѣ которыхъ могли быть и данная хроника и Житіе Моисея.

Однимъ словомъ, при нашихъ данныхъ намъ нѣтъ возможности отказаться отъ того положенія, которое высказано мною въ I гл. «Изъ области древн. русск. лит.», стр. 32, а именно, что извѣстная редакція Палеи (т. е. все таки редакція Коломенская) подъ рукой одного редактора осложнилось апокрифическимъ Житіемъ Моисея, а подъ рукой другою—хроникой, соотвѣтствующей греческой хроникѣ. Если мы даже предположимъ, какъ увидимъ, что редакторъ полной Палеи и зналъ настоящее сказаніе, уже нѣсколько осложненное, то должны признать, что онъ не воспользовался имъ именно потому, что имѣлъ другой источникъ, передающій исторію Моисея гораздо подробнѣе, а потому и взялъ только то, что рѣзко выдѣлялось изъ разсказа, примыкая къ обыкновенному библейскому.

Самъ же по себѣ, разсмотрѣнный разсказъ о Моисеѣ представляетъ собой составленную исторію еще на греческомъ языкѣ на основаніи исторіи Іосифа Флавія, что видно изъ соотвѣтствующаго греческаго текста въ разсмотрѣнной въ I главѣ «Изъ области древн. русск. лит.» греческой хроникѣ и изъ удержавшейся въ славянскомъ переводѣ ссылки на автора: «Иωсифъ писацъ жидовескъ тако есть писалъ».

Я уже упоминалъ о «дробномъ житіи» краткой Палеи и о «добромъ житіи» полной, указывая, что подъ тѣмъ и другимъ именемъ разумѣется, вѣроятно, одинъ и тотъ же памятникъ. Отрывокъ изъ краткой Палеи, слѣдующій: За извѣстіемъ, что

Digitized by Google

Фараонъ приказалъ губить раждающихся еврейскихъ дѣтей читается: дръбное житіе пишеть, ꙗко і҃ мц҃ь потопиша іизр҃тескыѧ мл҃нца в рѣцѣ. сего ра҃ і҃ мц҃ь въ исходѣ изр҃льтескѡмъ, а на концѣ в морѣ истопоша, ꙗко мл҃нцѣ в рѣцѣ. ꙗ моужь храбры҃ оутопоша в морѣ за единъ мл҃нець; въ полной же Палеѣ между Колом. 478, стр. 7—8, читается такъ: «и начѧть любити прм҃рть и оучаша҃ ѿ агг҃ла Гаврила ѡ быти всего міра, ѡ перве҃ члвц҃и и иже соущоу былъ по те҃ и ѡ потопе и ѡ спны҃ ѿ потопа и ѡ розмешении ꙗзыкъ и ѡ лѣте҃, елико лѣ҃ было до него и ѡ законодании, елико бѧше самомоу дати Июдеискоу ѧзыкоу и звѣздное теченіе и стоухиꙗ и числа и земноую мероу и всѧкоу премоудрость писати въ книгахъ доброго житиꙗ»— ср. Шахматова, стр. 41—42. Оба эти отрывка читаются и въ Тихонрав. хронографѣ, причемъ первый отрывокъ = краткой Палеѣ, какъ уже видно было сейчасъ, помѣщенъ не у мѣста— между выдержкой изъ Житія Моисея (Тихонр. стр. I, 251) и выдержкой изъ греческой хроники, тогда какъ въ краткой Палеѣ онъ поставленъ на своемъ мѣстѣ послѣ словъ — «повелѣ да оуставѧть гоубление дѣтѧмь Изр҃лтескъ ражающихсѧ» и—по ясненіе изъ «дробнаго житія». Получается такое впечатлѣніе, что существовала исторія Моисея изъ трехъ частей: 1) греческая хроника (въ предѣлахъ краткой Палеи, см. далѣе); 2) «дробное житіе»; 3) та же хроника (Порфирьевъ, 228); авторъ краткой Палеи воспользовался этой исторіей цѣликомъ, раздѣливъ ее на двѣ части, именно первыхъ два отдѣла (хронику и дробное житіе) помѣстивъ передъ разсказомъ о купинѣ (изъ Колом. 480,3 — 14), а третій отдѣлъ — послѣ того же разсказа. Авторъ же Тихонравовскаго хронографа, составляя свой разсказъ, взялъ сначала четыре выдержки изъ апокриф. Житія Моисея (по изд. Тихонр., 240—241, 233—236, 242 и 251), а потомъ обратился къ нашей возстановляемой исторіи, но взялъ со второго отдѣла — «дробное житіе» + 2 часть хроники, и — по той причинѣ, что содержаніе перваго отдѣла (1-я часть хроники) замѣнено такимъ же изъ Житія. Послѣ этого онъ обра-

Digitized by Google

тился опять къ апокриф. Житію (Тихонр. 236, послѣдняя строка, продолженіе предыдущаго), и продолжалъ выписку до 245 стр. по изд. Тихонр., послѣ чего въ Житіи шла рѣчь о призваніи Богомъ Моисея, и авторъ обратился къ библейскому разсказу—Исхода 2,23—3, но предварительно сдѣлалъ еще выписку изъ «дробнаго бытія» (приведено выше), ту выписку, которую находимъ и въ краткой Палеѣ и въ Лѣтописи (см. у Шахматова, стр. 41—42). Это опять свидѣтельствуетъ, что и этотъ отрывокъ составлялъ одно цѣлое съ вышеприведеннымъ, а вся исторія, состоящая уже изъ 4-хъ отдѣловъ, вошла въ краткую Палею цѣликомъ, въ Тихонравов. хронографъ—частію, и цѣликомъ же, но въ сильномъ сокращеніи — въ Лѣтопись (ср. выше и Шахматова, стр. 41). Авторъ полной Палеи въ числѣ другихъ источниковъ имѣлъ и данную составную исторію, но ея историческими данными не воспользовался, такъ какъ обильно бралъ большее содержаніе изъ Житія, но, перейдя къ исторіи призванія Моисея (Колом. 477,11—25 и 478,5—7), къ тѣмъ словамъ, гдѣ говорилось о хожденіи Моисея по пустынѣ, онъ взялъ изъ возстановляемой нашей исторіи подробности объ этомъ хожденіи т. е. второй отрывокъ изъ «добраго житія», поставивъ два раза—передъ отрывкомъ и послѣ—фразу изъ Житія Моисея «палица же бн҃ꙗ в роукоу его» (Тихонр. I, 245).

Что хроника, соотвѣтствующая греческой, существовала нѣкогда отдѣльно отъ «дробнаго житія», но что затѣмъ оба источника соединились вмѣстѣ и въ такомъ уже видѣ послужили источникомъ для различныхъ памятниковъ, доказывается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ краткой Палеѣ послѣ перваго отрывка изъ «дробнаго житія» (о потопленіи дѣтей еврейскихъ) читается фраза, которая относится собственно къ предшествующей хроникѣ — Мѡѵсиа же въчте въ цр҃въ рѡ҃, т. е. порядокъ долженъ бы быть таковъ: повелѣ да оуставѧть гоубленик дѣтеи Изрл҃ьтескъ ражающихсѧ [вставлено «дробное житіе»] Мѡисиа же въчте въ цр҃въ рѡ҃. Точно также читается и въ Тихонр. хронографѣ. Слѣдовательно «дробное житіе» присоединено

Digitized by Google

впослѣдствіи, но раньше, однако, чѣмъ вошло въ краткую Палею, какъ это доказываетъ Тихонрав. хронографъ.

Итакъ, у всѣхъ трехъ авторовъ была въ рукахъ составная исторія Моисея, которой каждый изъ нихъ воспользовался по своему [1]). Эта же составная исторія была въ рукахъ и того, кто составлялъ соотвѣтствующую часть Рѣчи Философа, въ которой порядокъ таковъ: a) рожденіе Моисея, b) предсказаніе волхвовъ о будущихъ бѣдствіяхъ, c) приказъ Фараона бросать еврейскихъ дѣтей въ рѣку, d) спасеніе Моисея, e) Моисей, будучи 4-хъ лѣтъ, срываетъ вѣнецъ съ головы Фараона и растаптываетъ, f) волхвъ напоминаетъ о своемъ предсказаніи и требуетъ предать смерти Моисея, g) Фараонъ вмѣсто этого приказываетъ не губить дѣтей еврейскихъ. Совершенно въ такой же послѣдовательности передается и въ краткой Палеѣ и сходно съ этимъ читается и въ Парижской греческой хроникѣ, содержащей части хроники Синкелла. Разсказъ краткой Палеи, соотвѣт-

---

1) Въ Парижской греческой хроникѣ соотвѣтствующій текстъ слѣдующій: Εἷς δέ τις τῶν παρ᾽ Αἰγυπτίων ἱερογραμματέων προσημαίνει τῷ Φαραῷ τεχθήσεσθαι παρὰ τοὺς Ἰσραηλίτας τινά, ὃς πᾶσαν μὲν ταπεινώσει τὴν Αἴγυπτον, αὐξήσει δὲ ἐπὶ... τὸ οἰκεῖον ἔθνος ἀειμνημονεύετον δόξαν κτησάμενος. καὶ [διὰ] τούτου παντοίως τοὺς Ἑβραίους ὁ Φαραὼ ἀπολέσαι διενοεῖτο, ἔργα μὲν αὐτοῖς προστάττων ἐπίμοχλα, τειχίζειν δὲ πάσας τῆς Αἰγύπτου τὰς πόλεις καὶ τὸν ποταμὸν εἰς πολλὰς τέμνειν διόρυγας καὶ νώματα ἐγείρειν κελεύων, ὅπως κατὰ μηδὲν τὴν πόλιν ἐπιλιμνάζων λιμείνηται. πρὸς δὲ τούτοις καὶ πυραμίδας ἐγείρειν καὶ τὰ παρ᾽ αὐτοῖς τικτόμενα βρέφη ἄρρενα καταχρεμνίζειν ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ ἀπεφήνατο... προσάγει οὖν αὐτὸν αὐξηθέντα ἡ Θερμουθὶς τῷ πατρὶ αὐτῆς ἀξιοῦσα ποιῆσαι αὐτὸν τῆς βασιλείας αὐτοῦ διάδοχον, καὶ τίθησιν αὐτὸν ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ. ὁ δὲ λαβὼν καὶ προστερνησάμενος κατεφίλει, χαριεντιζόμενός τε περιελὼν τῆς ἑαυτοῦ κεφαλῆς τὸ διάδημα ἐπιτίθησι τῇ ἐκείνου κεφαλῇ, ὁ δὲ Μωϋσὴς ἀπορρίψας ἐπὶ τῆς γῆς τὸ διάδημα κατεπάτει. καὶ ὁ γραμματεὺς ὁ τὴν γένεσιν αὐτοῦ προειπὼν θεασάμενος καὶ συνιεὶς ἐκεῖνον εἶναι τὸν θεσπιζόμενον τῆς Αἰγυπτίων ἀρχῆς πολέμιον ὥρμησε μὲν [αὐτὸν] ἀποκτεῖναι καὶ οὐκ ἴσχυσεν. βοήσας δὲ ἔφη τῷ βασιλεῖ οὗτος· ἐκεῖνός ἐστι, βασιλεῦ, ὅνπερ ἡμῖν ἐκ τῶν ἑβραίων ἀναφῦναι τὸ δαιμόνιον ἔχρησε τῆς βασιλείας Αἰγυπτίων ἐπίβολον, ὃς γε καὶ νῦν σύμβολον τοῦ μέλλοντος οὐ μικρὸν ἐπεδείξατο. αὐτῷ δὴ καὶ τῆς βασιλείας τὸ σύνθημα ῥίψας καὶ καταπατήσας εἰς τοὔδαφος, τούτων γοῦν ἀνελὼν Αἰγυπτίους μὲν τῶν προσδοκημένων στερήσεις κακῶν, Ἑβραίοις δὲ σφαλῆσαι τῆς ἐλπίδος τῆς ἐπ᾽ αὐτῷ καταστήσεις.» ταῦτα εἰπόντος αὐτοῦ ὁ μὲν βασιλεὺς κατὰ πρόνοιαν θεοῦ ὁ κυνηρὸς πρὸς τὸν φόνον ἐγένετο. ἡ δὲ Θερμουθὶς τῶν χειρῶν τοῦ βασιλέως τὸν Μωϋσὴν ἐξαρπάσασα ἐφύλαττεν ἀσφαλῶς,—л. 50.

Digitized by Google

ствующій лѣтописному, слѣдующій: Сѵ̑нюкнижникъ нѣкто повѣсти Фараонѫ, яко родилася есть въ время то нѣкоемоу сн̑ъ въ Изр̑льтѣхъ, иже хощетъ смирити власть Єгѵ̑петскоу и власти хощетъ въсхитити Іи̑лть люди. тѣмже того послоушавъ повелѣ ражающагося моужеска пола въ Изр̑льтѣ не живити, но в рѣкоу вметати. въ сѫ̑тъ дн̑ь Єгѵ̑петескь, егда Фараонъ пиръ творяше вояромъ своимъ, тогда Фешрмеоуфѣи дц̑и Фараона приведе къ ѡц̑оу своемоу Моѵсіа, яко приснаго своего сн̑а соуща д̑ лѣ̑. он же ѡбоимъ его нача лобызати, вѣнецъ же свои возложи емоу на главу его. онъ же снемъ повержє по̑ ногѣ свои нача топтати. видѣвъ же нѣкто ѿ сѵ̑нюкнижникъ въпіаше гл̑а: ѡ цр̑ю, повели, да сѐ оубиютъ. аще бо сего не погоубиши, а тъ̀ всего Єгѵ̑пта хощетъ попрати и цр̑тво Єгѵ̑петское смѣрити хощетъ. и цр̑ви молящеся, да бы его послоушалъ. цр̑ь же не послоуша его, нъ̀ повелѣ, да оуставлять гоубление дѣтен Изр̑льтескъ ражающихся (Погодин. 1434, л. 114)[1]).

---

1) Исторія Моисея до исхода включительно въ краткой Палеѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Колом. П. 475,14—18; 2) родословіе Моисея: ѿ левгіи родися Каатъ, и Каатъ роди Іѵ̑рама, и Іѵ̑рамъ роди Моѵсіа и мр̑ѳи Моисію Іѵ̑акиѳь; 3) К. 475,19—24; 476,3—9; 12—15; 4) вставка какъ поясненіе: Фараонъ бо изимаше дѣти еврейскыи, зане множахоуся. аще женескъ полъ, поущаѣше его, аще ли моужескъ полъ, погоубляше его; 5) К. 476,15—19 со вставкой послѣ 18 фразы изъ Исхода 2,6; и Ѡкрѣкши видѣ дѣтищѣ плачющеся и изя его; 6) Исходъ, 2,7; 7) К. 476,19—20; 8) Хроника и «дробное житіе»; 9) К. 476,23—25; 10) вставка какъ поясненіе: работою бо томахоу нѵ̑лтѣанъ грады зижоущи и инѣми страдами; 11) К. 476,26—477,11; 477,20—28; 478,2—4; 5—7; 12) «дробное житіе». 13) К. 478,3—14; 15—17; 27—479,10; 479,22—25; 480,3—6; 12—16; 14) Хроника; 15) К. 480,22—481,15; 482,7—18; 484,14; 485,13; 491,2—16; 27—28; 492,11—12; 492,28—493,2 и выборка 493,20; 493,26—494,15; 495,3—5; 9; 12—21; 16) дополненіе: О преведеніи скозѣ Чермное море Е лѣ̑ гѡ̑ка. Моѵсеи кыихъ тогда й лѣ̑ а Іѵ̑ронъ й и г̑ лѣ̑. и преидоша жиды скозѣ Чермное море весь рѳ̑ нѵ̑лтескъ. индѣ̑ а̑. сѵ̑чиаго г̑. низинаго пръста а лоу̑ д̑. 17) 495,21—496,5; 497,3—498,11; 18) вставка: и повелѣ г̑ъ Моѵсею ѹдарити жезломъ въ море; 19) К. 498,12—17; 20) вставка: стѣна имъ ѡдесноую стѣна имъ ошюю; 21) К. 499,3—15; 502,18—503, 5; 10—три слова — и Мр̑намъ помощникъ и покровитель — и ообщеніе — тако поюще кончаша всю пѣ̑. а̑. 22) Хронологія = К. 510,27—511,3, но не вполнѣ тожественная: И бы̑ ѿ окитаніа Іаковля въ Єгнптѣ до исхода Моѵсеова изъ Єгнпта лѣ̑

Конечно, съ перваго взгляда можетъ дѣло представиться и такъ, что, въ виду существованія въ краткой и полной Палеяхъ по одинаковому отрывку изъ «дробнаго житія», послѣднее соединилось раньше съ Коломенской Палеей, а уже такая осложненная Палея пошла двумя путями — къ краткой и полной Палеѣ. Но привлеченіе, съ одной стороны, Тихонрав. хронографа, съ другой — Рѣчи Философа въ Лѣтописи свидѣтельствуютъ противъ такой постановки; при той же постановкѣ, которая мною сдѣлана, все объясняется удовлетворительно.

Что такое за «дробное житіе» краткой Палеи и «доброе житіе» — полной? Въ Тихонрав. хронографѣ соотвѣтствующія выдержки носятъ названія: 1) «доброе писаніе» и 2) «дробное бытіе». Но въ томъ же хронографѣ мы встрѣчаемъ еще два раза упоминаніе о такомъ памятникѣ: 1) на *л.* 75^{b} исторія Авраама, составленная главнымъ образомъ изъ «Откровенія», начинается словами: Моисіа (чит. Но сіа) сѣставльше послѣ-ствѣмъ и^{ѥ} писа въ книга^{х} дробѣнаго бытіа, како Аврā познā бг̃а. и^{ѥ}ѣ бо послоуша пр^{ѥ} щ̑а своего Фары звѣ̑зчетца и настерзала и^{ѥ}ы его и бг̃ы врата моего Нахора и стоужаше ми щ̑ь мои.—а затѣмъ идетъ «Откровеніе»: «и бы въ єдино ѳ дни настерзающи ми... 2) на *л.* 85^{a} послѣ упоминанія о томъ, какъ Богъ велѣлъ Аврааму уйти изъ своей земли, и какъ онъ ушелъ

ѵ̑а, а ѳ стаѣпотворнии до исхода а^{ѵ} ѯ^{и}г, а ѳ потопа до исхода а^{ѵ} ѯ^{ѳ}ѣ, а ѳ Адама до исхода а^{ѵ} ѯ^{г}ѵ̑ѳ.—Два мѣста, напоминающія библейскій текстъ (№ 5 и № 6: р^{ѥ} же сестра дѣтищу къ дщерѣ Фараоновѣ: хощеши ли да ти то приведу доилицю ѳ евреи и кърмит ти отроча сіи=Исход. 2,7)—не даютъ, конечно, права видѣть здѣсь непосредственное заимствованіе изъ книги Исхода: исторія Моисея настолько извѣстна, что каждый книжникъ могъ вписать эти фразы по памяти. Нѣтъ основанія, въ виду этого сходства, возводить въ данныхъ предѣлахъ краткую Палею къ болѣе древней съ библейскимъ текстомъ, къ которой бы восходила и полная Палея, еще и потому, что въ полной Палеѣ даннаго библейскаго текста нѣтъ. — Что же касается родословія, то нѣтъ нужды возводить его къ такому же въ полной Палеѣ, попавшему въ послѣднюю изъ апокр. Житія Моисея, такъ какъ 1) оно не соотвѣтствуетъ полной Палеѣ и 2) наоборотъ соотвѣтствуетъ напр. хроникѣ Амартола.—Остальныя добавочныя фразы навѣяны обычнымъ библейскимъ разсказомъ о Моисеѣ.

Digitized by Google

съ Саррой и съ Лотомъ, читается: Доброе же глаголаніе гл҃ть пиша сице,-ꙗко Сарра сестра вѣ Аврамови, но не тоѥ же мт҃рню ѿ Аронна рожденна брата Аврамлѧ, и бы҃ емоу братнѧ дщерѧ а емоу жена (послѣднія 4 слова написаны по выскобленному позднею рукою). То же читается въ приложеніи къ полной Палеѣ Синод. сп. л. 558: дробное же писаніе гл҃ть...

Итакъ, мы имѣемъ: 1) «дробное житіе», 2) «доброе житіе», 3) «доброе писаніе», 4) «дробное бытіе», 5) «доброе глаголаніе», 6) «дробное писаніе». Повидимому, всѣ эти названія восходятъ къ одному, каждое представляя позднѣйшее видоизмѣненіе. Пока нѣтъ возможности опредѣлить точно, что это былъ за памятникъ, носившій одно изъ приведенныхъ заглавій. Во всякомъ случаѣ, это былъ не библейскій текстъ, а какой-то другой. Всего больше по названію напрашивается ἡ λεπτὴ γένεσις, чему могло бы соотвѣтствовать «дробное бытіе». Насколько мы знаемъ по эфіопскому переводу, ἡ λεπτὴ γένεσις излагаетъ исторію отъ сотворенія міра до Синайскаго законодательства, причемъ говорится, что, когда Моисей находился на Синаѣ, то Богъ велѣлъ ангелу написать для Моисея исторію отъ сотворенія міра; сравн. извѣстіе о томъ, что ангелъ Гавріилъ научилъ всему Моисея въ пустынѣ. Конечно, еще отсюда далеко до того, чтобы признавать существованіе въ славяно-русской письменности переводного ἡ λεπτὴ γένεσις = «дробнаго бытія»; но отрывки изъ него могли быть, да и были, судя по настоящимъ указаніямъ. Но какъ эти отрывки къ намъ пришли, въ видѣ ли отдѣльнаго памятника, можетъ быть, въ очень сокращенной редакціи, или чрезъ выдержки изъ какого-нибудь хрониста — пока нѣтъ возможности сказать что-либо по этому поводу. Точно также пока нѣтъ возможности сказать, на какой почвѣ произошло соединеніе упомянутой выше хроники (въ парижской рукописи съ отрывками изъ Синкелла) съ «дробнымъ бытіемъ» — на греческой или на славянской. Для нашихъ цѣлей, впрочемъ, это безразлично.

Обозначивъ памятникъ, составленный изъ хроники и «дробнаго житія» чрезъ х (причемъ хронику обозначимъ чрезъ α, а

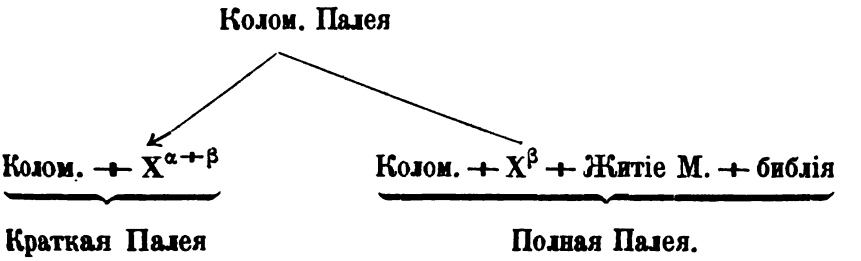
Digitized by Google

«дробное житіе» чрезъ β), получимъ въ предѣлахъ исторіи Моисея такую схему:

Колом. Палея

Колом. + $X^{\alpha+\beta}$ — Краткая Палея

Колом. + X^{β} + Житіе М. + библія — Полная Палея.



Составъ исторіи Давида въ полной Палеѣ указанъ выше. Что касается краткой Палеи, то она представляетъ собой соединеніе трехъ источниковъ. Первая, бо̀льшая половина передаетъ чтеніе упомянутой греческой Парижской хроники 1336. Соотвѣтствіе полное, какъ видно изъ слѣдующаго сопоставленія.

По Саоулѣ же цр҃твова Дв҃ы. наченшоу же Дв҃дви (цр҃)твовати Авениръ бо воевода Саоуловъ (сн҃а Са)оулова Мемофивософа поставі цр҃ѧ. и начаша бити обои, Мемьфивософъ и Дв҃ы. побѣди а Дв҃ы. потом же разгнѣвавсѧ Авениръ на Мемфифесте наложници дѣлѧ Саоуловы. ꙗко бранѧше емоу не видѣти еꙗ. и посла къ Дв҃дви дары и въда емоу пакы Мельхелоу и люди всѧ приведе къ немоу. Дв҃ы же принесе ковчегъ ѿ Каріафіарима въ Іерл҃лмъ с варганы и пѣ҃ми и идѧше Дв҃ы пре҃ ними облъкъсѧ въ ѡде-

Τελευτήσαντος δὲ τοῦ Σαοὺλ ἐβασίλευσεν ὁ Δαβὶδ ἐπὶ τὸν Ἰσραήλ. βασιλεύσαντος δὲ τοῦ Δαβὶδ Ἀβενὴρ ὁ ἀρχιστράτηγος Σαοὺλ βασιλέα καθίστησι Μεμφιβοσθὲ τὸν υἱὸν Σαοὺλ καὶ συμβάλλουσι τὰ δύο τάγματα τοῦ τε Μεμφιβοσθὲ καὶ τοῦ Δαβίδ. καὶ τροποῦνται οἱ τοῦ Μεμφιβοσθέ. μετὰ δὲ ταῦτα ὀργισθεὶς Ἀβενὴρ τῷ Μεμφιβοσθὲ διὰ τὴν παλλακίδα Σαούλ, ἐπειδὴ ἐκολύετο συνοικεῖν αὐτῇ σπονδὰς πρὸς Δαβὶδ τίθεται καὶ Μελχὸλ αὐτῷ, ἀποκαθίστησι καὶ τὸν πάντα λαὸν προσρυῆναι αὐτῷ... τὴν δὲ κιβωτὸν ἀπὸ Καριαθιαρὶμ μετὰ χωρείας καὶ ὀργάνων μου-

Digitized by Google

жⷭ҃ог цр҃кв҃ю и плаⷭаше. и видѣвше его Мелхела порогаⷭа ⷭмог творащи ежⷣ ⷣ нелѣпо цр҃кви творити. и обьⷯ бесчада погыбе. ведⷭхог же ковчегъ на двог телцог новог, поколѣваⷭта҃ телца ковчегъ. да приклонисⷯ на единж страног. позадог же нѣкто wправи рогкою своею и абіе па҃ изше҃. не бяше во достойно кромѣ левгитъ прикасатисⷯ никомог же. ог҃бо҃ивъ҃ⷭ҃ Дв҃ⷭ҃ о семъ, поставиша ковчегъ въ дворѣ Иѣьденъ Хотѣанина. и абіе в҃лвнъ бы҃ долiъ его. стоⷯ же тамо мц҃и г. прише҃ блж҃ныи Дв҃дъ, принесе и въ Iер҃лмъ с радостью многою. ѿ всѣ҃ во колѣнъ Iиль. о҃ мог҃ⷭ҃ избра, а ѿ племени левитска д҃...

Срезн., 221—222.

σιχῶν εἰς Ἱερουσαλὴμ μετήνεγκεν ὁ Δαβίδ. καὶ προῆγεν αὐτῆς χωρεύων στολὴν ἡμφιεσμένος ἔξαλλον. καὶ θεασαμένη αὐτὸν ἡ Μελχὼλ ἐξουθένησεν ὡς ἀπρεπὲς βασιλέως πράττοντα, καὶ παραχρῆμα ἄτεκνος ἀπεγένετο.... περισείσαντος δὲ τοῦ μόσχου καὶ ἐπικλίναντος τὴν κιβωτόν. εἵλκατο γὰρ ὑπὸ μόσχων νέων. Ὄζα τις ὑπεστήρισε τῇ χειρὶ αὐτὴν καὶ εὐθέως πεσὼν ἐπὶ τῇ προνετείᾳ ἀπέπνευσεν. οὐ γὰρ ἦν θεμιτὸν πλὴν τῶν Λευιτῶν αὐτὴν ἐφάπτεσθαι. δείσας οὖν ἐπὶ τοῦτο Δαβὶδ εἰς τὸν οἶκον αὐτὴν Ἀβδὲν τοῦ Γετθαίου ἀπέθετο. καὶ εὐθέως ηὐλογήθη ὁ οἶκος αὐτοῦ. ποιήσας οὖν τρίμηνον αὐτὴν ἐκεῖ ὁ μακάριος Δαβίδ, ὅτι ηὐλόγηται, κατελθὼν εἰς Ἱερουσαλὴμ αὐτὴν ἀπεκόμισε μετὰ χωρείας πολλᾶς. ἐκ πασῶν γὰρ τῶν φυλῶν Ἰσραὴλ ἄνδρας ο̄ ἐπελέξατο καὶ ἐκ τῆς φυλῆς Λευὶ δ̄...

л. 72ᵃ⁻ᵇ.

Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о составленіи псалтири, о способѣ пѣнія и о расположеніи псалмовъ съ указаніемъ, почему псалмы называются Давидовыми. Я уже указалъ, что чтеніе краткой Палеи и тутъ вполнѣ соотвѣтствуетъ указанной греческой хроникѣ, причемъ мы видимъ изъ настоящей параллели, что славянскій текстъ идетъ въ той же послѣдовательности, что и греческій.

Digitized by Google

Въ греческой хроникѣ слѣдуетъ небольшое изложеніе исторіи царствованія Давида (два листа), въ нашей же Палеѣ удержались только два ничтожныхъ отрывка:

I. Двдъ же родомъ бѧше (незло)бивъ да Саоуловы дѣти нача миловати.

II. Стоꙗ же на полатахъ оувидѣ женоу Оуріиноу мыющоуса и приведе ю къ себѣ. а Оурію на плъкоу оубиша. а ѡноу поꙗ къ себѣ и зачеиши роди. Нафанъ пр҃ркъ, ꙗкоже Двдъ прелюбодѣꙗніе хотѧше сътворити, прореклъ бѧше, ꙗко оумр҃ти хощеть рожденыи ѡтрокъ. томоу же оумрш҃оу родисѧ Соломонъ.

Срезн. 226—227.

Φύσει δὲ ὢν ἀνεξίκακος ἐν τῇ μὴ τοὺς ἀπογόνους Σαοὺλ ἐκέκτητο—л. 74ᵛ.

Ἐνεστότος δὲ ἔτι τοῦ πολέμου ἐκ τῶν βασιλείων τὴν γυναῖκα Οὐρίου τοῦ Χετταίου λουομένην θεασάμενος συνῆλθεν αὐτῇ καὶ τὸν Οὐρίαν ἐν τῷ πολέμῳ ἀποθανεῖν διαταξάμενος ἠγάγετο αὐτήν. καὶ συλλαβοῦσα ἔτεκεν. Ναθὰν δὲ ὁ προφήτης τῆς τε μοιχείας καὶ τοῦ φόνου τὰ ἐπίχειρα παθεῖν ὁ Δαβὶδ προεφήτευσε καὶ ὅτι ὁ τεχθεὶς αὐτῷ παῖς ἀποθανεῖσθαι. οὗ τελευτήσαντος ἐτέχθη Σολομῶν.

Непосредственно за симъ въ краткой Палеѣ слѣдуетъ особое сказаніе о Нафанѣ и вслѣдъ за нимъ перечислены 19 сыновей Давида, т. е. все то, что встрѣчается и въ полной Палеѣ и что напечатано изъ послѣдней выше. Заканчивается исторія Давида выписками изъ Коломенской Палеи — 806,6 — 810,14; 811,1; 17—21; 812,10—13; 811,22—23.

Итакъ, источниками исторіи Давида въ краткой Палеѣ были: 1) Коломенская Палея, 2) хроника, соотвѣтствующая греческой 1336, и 3) эпизодъ съ Нафаномъ, къ которому присоединено перечисленіе сыновей Давида. Послѣднее по началу соотвѣтствуетъ Колом. 759, 4—13, но съ седьмого сына составляетъ продолженіе краткой (а вмѣстѣ съ тѣмъ и полной) Палеи. Исторія переписи народа, взятая въ Коломенскую Палею изъ хроники

Digitized by Google

Амартола[1]), сохранила начало лучше, нежели Колом. Палея, именно: Срезн. 231 — и всѣ бы Ииль ѧ тысоуць и р. моу [дръжащихъ копіа] а тысоуць. ѵ. и п. моужь [дръжащихъ мечь] = Бооръ 179,1—8: καὶ ἦν πᾶς Ἰσραὴλ χίλιαι χιλιάδες καὶ ρ′ χιλιάδες ἀνδρῶν ἐσπασμένων ῥομφαίαν καὶ Ἰούδας χιλιάδες υπ′ ἀνδρῶν ἐσπασμένων μάχαιραν; въ Колом. Палеѣ словъ, поставленныхъ въ скобки, нѣтъ. Но въ то же время не-

---

1) Что, дѣйствительно, сказаніе о переписи въ Коломенской Палеѣ взято изъ славянскаго перевода хроники Георгія Амартола, можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія.

Палея 809,6—810,17.

И бы числомъ людии тысящи тысящь. р. мужь. ѵ. тысящь и п. мужь. Легиюи же и Енѣьминя не ищтѣ. ико превостиже слово цѣсо Иоава. посла бо гь Гада пѣрка къ Дѣду рс. тако гать гь. искери сокѣ. ан. г аѣта гладъ въ земли твоеи. ан. г. мѣци ѣгати предъ врагы своими ан г дни смѣрть въ земли твоеи. рс Дѣдъ къ Гаду пѣроку. тѣсно ми Фесюдоу зѣло иесть о трехъ сихъ. обачи да впадоу в роукы гню ико многы щедроты иего. в роукы же чл҃ка да не впадоу. изѣра Дѣдъ смѣрть. въ дни исполнь жатвиноя жгомы и дасть гь смрть въ Иѯли Ф оутрии даже и до обѣда и оумроша Ф людии. б. тысящь. и простре анг҃лъ роукоу свою на Иерл҃мъ да погоубить сущыи в немь...

Георгій Амартолъ, Троицкой Акад.

№ 100, л. 85—86.

И бы весь Иѯль ты-тысящь и р. тысящь держащи копьи а люды тысящь ѵ. п. моужь держащимь мечь. Легиюи же и Енѣьминя не ищтѣть ико превостиже слово цѣсо Иоава [и зле шкисе предъ бмь се и порази ср҃ца ихъ иегда прочть людии. и] посла гь Гада пѣрка къ Дѣдоу гл҃а. си гать. гь. изѣери сокѣ да боудеть ан ти. г. аѣ гла въ земли твоеи. ан мц҃ѣ. г. ѣгати предъ врагы своими. ан. г. дни смѣрть въ земли твоеи. и рс Дѣдъ къ Гадоу пѣроку. тѣска ми Фесюдоу зѣло иесть ѡ трехъ сихъ. ѡбачи да впадоу въ роукоу гню ико многы щедроты иего. в роукоу же чл҃чи да не впадоу. и изѣра Дѣдъ смѣрть и въ дни исполнь жатвиныя жгомы и дасть гь смрть въ Иѯли Ф оутрны же и до шѣда и оумроша Ф людии тысящь ѳ и простре анг҃лъ бжи роукоу свою на Иерл҃мъ да погоубить сущыи в немь....

По изданію Боора это читается на 179,1—18. Вообще хроника Георгія Амартола послужила для исторіи Давида въ первой редакціи Толковой Палеи въ достаточной степени. Все 806,4—810,17=Бооръ 176,12—179,27; 810,19—26=Бооръ 182,19—183,1; 810,27—814,6=Бооръ 186,15—188,7. Сравненіе текста съ славянскимъ переводомъ Амартола говоритъ рѣшительно за славянскій первооригиналъ Замѣтимъ, что между 810,17 и 819 читается соединительная фраза: «Дѣдъ оубо тъ вѣ по срѣдцю гню ихожє рс писаніе». О значеніи факта заимствованія Палеи изъ хроники Амартола я говорю въ изслѣд. «Изъ области древней русской литературы».

Digitized by Google

сомнѣнно, что краткая Палея не самостоятельно воспользовалась хроникой Амартола, а непремѣнно чрезъ Коломенскую Палею. Это видно изъ того, что поставленное въ скобкахъ (см. ниже примѣчаніе) въ текстѣ Амартола (= Бооръ 179,5—7) отсутствуетъ въ обѣихъ Палеяхъ—и Коломенской и краткой.

Чтобы опредѣлить отношеніе къ полной Палеѣ, мы должны установить тотъ фактъ, что, съ одной стороны, въ краткой Палеѣ нѣтъ того библейскаго текста, который въ большомъ количествѣ вошелъ въ полную Палею, съ другой — въ полной Палеѣ нѣтъ той хроники, которая соотвѣтствуетъ Парижской 1336. Что же касается Палейнаго текста, то въ полной Палеѣ нѣтъ 806,20—25; 807,6—808,21, 809,6—810,17, замѣненныхъ обычнымъ библейскимъ текстомъ. Слѣдовательно, ни полная Палея не можетъ выходить изъ краткой ни краткая изъ полной, а восходятъ каждая къ одному источнику—къ Коломенской Палеѣ, — который давалъ слишкомъ мало матеріала, и потому каждымъ авторомъ распространялся, независимо другъ отъ друга, по своимъ источникамъ.

Но тутъ является нѣсколько вопросовъ, требующихъ объясненія. Прежде всего, какъ въ свое время указано, въ полной Палеѣ мы встрѣчаемъ сказаніе о Нафанѣ съ перечисленіемъ сыновей Давида. Оно не принадлежитъ къ хроникѣ Парижской 1336 и представляетъ краткій, но особый и законченный разсказъ. Какъ онъ попалъ въ ту и другую Палею? Относительно полной Палеи можно предполагать двояко: или 1) одинъ авторъ имѣлъ рядомъ съ Коломенскимъ текстомъ и исторію Нафана и составилъ обычное чередованіе своихъ источниковъ; или 2) исторія Нафана была соединена уже съ Коломенскимъ текстомъ и въ такомъ видѣ послѣдній и подвергся распространенію библейскимъ текстомъ. Ни тому ни другому не будетъ противорѣчить и краткая Палея. Однако, нисколько не обязательно, чтобы и краткая и полная Палеи восходили къ такой Палеѣ Коломенскаго текста, которая была бы соединена съ исторіей Нафана: и тамъ и тутъ могло произойти то или другое соединеніе совершенно незави-

Digitized by Google

симо другъ отъ друга. На это, между прочимъ, указываетъ и различное мѣсто исторіи въ обѣихъ Палеяхъ: въ краткой Палеѣ она помѣщается между хроникой и выписками изъ Палеи о сыновьяхъ Давида, въ полной — между II Царствъ 11,4—27 и 12,1—12; обстановка настолько тамъ и тутъ различна, что не даетъ сколько-нибудь существенныхъ основаній приводить въ данномъ случаѣ обѣ Палеи въ генетическую связь. Нѣсколько въ пользу такого генетическаго родства говорило бы то, что исторія Нафана тамъ и тутъ соединена съ перечисленіемъ сыновей Давида, первая часть котораго есть палейное чтеніе 759,4—18, а такое соединеніе и совпаденіе могло бы и не признаваться случайнымъ. Но рѣшеніе вопроса въ этомъ именно смыслѣ затрудняется тѣмъ, что въ такомъ случаѣ необычна была бы путаница Коломенскаго текста въ полной Палеѣ: сначала 762,14—18 и затѣмъ 759,4—18, что обыкновенно встрѣчается въ Палеѣ очень рѣдко. Остается предположить такой путь. Когда-то существовали два отрывка отдѣльно — можетъ быть какъ части болѣе полныхъ отрывковъ — исторія Нафана и перечисленіе сыновей Давида; послѣднимъ отрывкомъ воспользовался авторъ Коломенской (т. е. первой редакціи) Палеи, взявъ изъ него буквально только первую половину (759,4—18) а вторую сокративъ въ 7 сыновей изъ 12 и раздѣливъ нѣсколькими фразами (759,14—18); независимо отъ этого, оба отрывка соединились вмѣстѣ и такимъ уже соединеніемъ одинаково воспользовались авторы обѣихъ Палей.

Что же касается сказанія полной Палеи о составленіи псалтири, то и тутъ не слѣдуетъ думать о необходимости генетичной связи. Въ краткой Палеѣ, какъ видѣли, это сказаніе есть часть сплошного разсказа, который былъ, повидимому, самъ частью хроники; между тѣмъ, въ полной Палеѣ это сказаніе есть какъ бы введеніе къ тому обширному палейному тексту, который заключаетъ въ себѣ выдержки изъ пророческихъ псалмовъ, а съ предыдущимъ нисколько не связывается: раньше большая выдержка изъ библіи II Царствъ 12 — 23, а за сказаніемъ—

Digitized by Google

Палея 772,26—806,11. Такая прибавка могла быть сдѣлана совершенно самостоятельно. При этомъ нужно принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Если мы даже признаемъ, что текстъ сказанія о составленіи псалтири въ полной Палеѣ и тождественъ по происхожденію съ текстомъ Палеи краткой—за это говорятъ нѣкоторыя совпаденія—то во всякомъ случаѣ должны на основаніи ближайшаго сравненія признать, что текстъ полной Палеи является сравнительно съ подлинникомъ въ достаточной степени переработаннымъ, какъ это можно видѣть изъ параллели, приведенной въ изсл. «Изъ области» etc.: чтеніе краткой Палеи вполнѣ совпадаетъ съ греческимъ; еще болѣе удаляется отъ оригинала объясненіе названія псалмовъ Давидовыми. Но анализъ всей полной Палеи въ достаточной степени доказываетъ, что авторъ держался примитивнаго способа: внутреннихъ передѣлокъ своихъ источниковъ онъ не допускалъ: данный отрывокъ былъ бы исключеніемъ. Поэтому, выводъ напрашивается самъ собой одинъ: если оба текста одного происхожденія, то раньше чѣмъ отрывокъ попалъ въ полную Палею, онъ былъ вынутъ изъ хроники и сокращенъ и мѣстами передѣланъ, и въ такомъ уже видѣ попалъ въ руки редактора полной Палеи, который и помѣстилъ его въ свой трудъ, и не зная, что онъ же читается въ Палеѣ краткой. Я указывалъ, что онъ и встрѣчается отдѣльно и при томъ въ такомъ именно видѣ. Обращаю вниманіе на то, что указанное мною въ моемъ «Отчетѣ» о заграничной командировкѣ предисловіе къ Толковой Псалтири Аѳанасія Александрійскаго въ Бѣлградской библіотекѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1896, іюнь) есть точная копія съ краткой Палеи. А это и будетъ указывать, что сказаніе это было, дѣйствительно, когда то вынуто изъ хроники.

Итакъ, все приводитъ къ заключенію, что и въ данномъ случаѣ краткая Палея не стоитъ въ генетической связи съ полной, а обѣ представляютъ двѣ независимыхъ другъ отъ друга работы, и единственнымъ общимъ оригиналомъ у нихъ была—Коломенская Палея.

Digitized by Google

Исторія Соломона въ полной Палеѣ разобрана выше, причемъ было видно, что она состоитъ изъ слѣдующихъ составныхъ частей: 1) Колом. Палеи, 2) библейскаго текста, 3) апокрифическихъ Судовъ Соломона, 4) небольшой выдержки изъ неизвѣстнаго источника (о ней ниже). И здѣсь возникаетъ обычный вопросъ о самомъ способѣ соединенія указанныхъ источниковъ. Я указалъ тамъ же, что въ Кирилло-Бѣлозерской Палеѣ 68—1145 читаются Суды Соломона послѣ окончанія Палеи, и сказалъ, что мы не можемъ смотрѣть на Кир.-Бѣлоз. Палею какъ на болѣе древній видъ полной Палеи. Во избѣжаніе недоразумѣнія я объясню здѣсь, что я разумѣлъ, когда высказывалъ это. Я и теперь настаиваю, что полная Палея во всемъ ея составѣ есть дѣло одного редактора, но въ данномъ случаѣ совершенно случайно подъ рукой редактора находился списокъ Палеи, соотвѣтствующій Кирилло-Бѣлозерскому, т. е. съ присоединеніемъ Судовъ Соломона. Послѣдніе составляли особую компиляцію и на первую редакцію Палеи (Коломенск.) не оказали никакого вліянія. Эта компиляція совершенно случайно была приписана къ одному изъ списковъ Палеи и, конечно, по той причинѣ, что Палея оканчивалась именно на срединѣ царствованія Соломона. Поэтому, Палея, соединенная съ Судами Соломона, не будетъ считаться болѣе древнимъ видомъ полной Палеи именно въ томъ смыслѣ, что такая Палея ни въ какомъ случаѣ не будетъ представлять собой какой-либо разновидности среди другихъ Палей. Но для редактора полной Палеи его Палея, случайно соединенная съ Судами, представляла, какъ я указалъ, отдѣльный памятникъ отъ послѣднихъ. Этимъ же можетъ объясниться и то, что въ краткой Палеѣ нѣтъ никакого слѣда, какъ увидимъ, отъ этихъ Судовъ. Въ предѣлахъ исторіи Соломона краткая Палея не будетъ восходить къ такой болѣе полной Палеѣ, къ которой восходила бы и наша такая Палея, но независимо отъ послѣдней будетъ представлять обработку такой Палеи Коломенскаго типа, въ которой Судовъ Соломона не было, какъ ихъ нѣтъ и во всѣхъ другихъ Палеяхъ.

Digitized by Google

Обратимся къ краткой Палеѣ. Она даетъ намъ на первый взглядъ также соединеніе разнообразныхъ источниковъ, которые, однако, могутъ быть сведены, какъ увидимъ, къ немногимъ. По содержанію исторія Соломона можетъ быть разложена на такія части: 1) Кол. Палея 810,27—812,13; 812,25—813,8; 814,12—17; 2) III Царствъ, 2,35; 3) Амартолъ, Бооръ 189,6—7, 11—190,2; 4) хроника, соотвѣтствующая греческой Парижской 1336; 5) Амартолъ-Бооръ 197,18—24; 6) какая-то хроника; 7) III Цар. 12,20—21 и 25 и 8) исторія построекъ Соломона. Между отдѣльными частями попадаются отрывочныя вставочныя фразы. Къ разсмотрѣнію указанныхъ отдѣльныхъ частей и перехожу.

Послѣ Колом. 814,17, читается библейскій текстъ III Цар., 2,35 какъ продолженіе Палейнаго чтенія, именно:

[и дасть г҃ь смыслъ Соломоноу и мр҃ость многꙋ зѣло и широтоу ср҃ца = К. 814, 14—17] ꙗко пѣсокъ иже въ мори и распространисѧ смыслъ Соломонь зѣло паче всѣхъ старѣишинъ Єгѵ̀пта..... прѣиде въ домъ свои еже създа его Соломонъ женѣ своеи—Срезн., 234.

Послѣ фразы — В лѣт҃ ҂дт҃ѯа ста Соломонъ цр҃мъ г҃і лѣт҃ тогда соущи — читается выдержка изъ хроники Амартола— По Дв҃ды же цр҃твова Соломонъ сн҃ъ его лѣт҃ м҃ съ' съведе дѣлателѧ — а в въсотоу лакотъ р҃к = Бооръ 189,6—7 и 189, 11—190,2. Текстъ совершенно совпадаетъ съ обычнымъ славянскимъ переводомъ, такъ что не остается никакого сомнѣнія въ заимствованіи изъ послѣдняго; строки Бооръ 189,7—11 выпущены авторомъ Палеи, въ славянскомъ текстѣ Амартола онѣ читаются.

Выше указано, что краткая Палея сближается съ греческой Парижской хроникой и въ исторіи Соломона. Послѣ выдержки изъ хроники Амартола (Бооръ 189,6—190,2) читаются три строки, не находящія себѣ соотвѣтствія въ послѣдней (а в широтоу стѣнамъ и всемоу з҃анію. г҃. лакотъ. гра҃ же великъ

Digitized by Google

сътвори и красенъ. мѣра^ѕ^ его ѡколо връстъ м҃ а сѣдѧщи^х^ людїи въ градѣ томъ ,в҃ч) и слѣдуетъ описаніе палатъ Соломона, буквально соотвѣтствующее греческой хроникѣ, со всѣмъ тѣмъ продолженіемъ, о которомъ говорилось выше. Начало совпаденія слѣдующее:

И сътвори себѣ полаты и пр҃тлъ сл҃овъ имѣа степеніи ѕ҃, на коемъждо степени лъвовы стоѩхоу ѡбаполы. бѧше^ѕ^ и златомъ кованъ весь. на немъ^ѕ^ бл҃жныи бла҃ть прм҃ростнꙋю повѣдаше. ꙗко же и цр҃ца Сава Єфиѡпскыа страны и пріиде к немоу, оуслышати хотѧще прм ро҃. приходѧщіи къ немоу многа знаменіа м҃рости взѧ. приведе^ѕ^ к немоу ѡтрокы и дѣвъкы красныа. ѡдѣкші а въ порты єдинакы къ єдинъ ѡбразъ и єдінъ стрігъ сътвориша всѣмъ. и поставі а пре҃нимъ просѧще оу него, да повѣсть єи, коє сꙋ^т^ ѡтроци коє соу҃ дѣвкы. Соломонъ же повелѣ да оумыю^т^ лица своꙗ. и ро҃ когож҃о ихъ позна. отроці бо оумывають лица своꙗ твердо и борзо, а дѣвкы слабо и мѧгко. о семже цр҃ца оудивившесѧ и похвали єго велми и въда ємоу каме-

ποιήσας γοῦν ἑαυτῷ Σολομῶν τὰ βασίλεια καὶ θρόνον ἐλεφάντινον. ἐτεκνείνατο τοιῶς δέ. ἓξ μὲν εἶχεν ἀναβαθμοὺς καὶ εἰς ἕκαστον τὸν ἀναβαθμὸν λέοντες ἐστήκησαν ἑκατέρωθεν... χρυσίῳ δὲ ὅλως ἐδέδετο. ἐφ' οὗ ὁ μακάριος καθεζόμενος καὶ χάριτας τῆς σοφίας ἠγόρευσεν, ὡς τὴν βασίλισσαν Σαβᾶ τῆς χώρας τῶν Αἰθιόπων βασιλεύουσαν ἀφίκεσθαι πρὸς αὐτὸν τῆς σοφίας ἐφιεμένην ἐπακροάσασθαι. ἀφικνουμένη οὖν πρὸς αὐτὸν πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα αὐτοῦ τεκμήρια τῆς φρονήσεως εἴληφεν. ἐξαιρέτως δὲ καὶ τοῦτο. εὐόπτους γὰρ παῖδας ἄρρενας καὶ θηλείας ὁμοιοτρόπῳ στολῇ ἀμφιέστασα παρέστησεν αὐτῷ, ζητοῦσα αὐτῷ ἑκατέρον διάκρισιν γένους ποιήσασθαι. ὁ δὲ Σολομῶν νίψασθαι προστάξας αὐτοῖς τὸ πρόσωπον τὴν φύσιν ἑκατέρων διέγνωσεν. τῶν μὲν ἀρρένων εὐτόνως καὶ ἀνδρείως καταψωχόντων τὰς ὄψεις, τῶν δὲ θηλει-

Digitized by Google

ніе драгоє и злато много [1]). в тх^{е} годинѣ бѣ архіереи Садокъ а прркъ Ахіа. Соломонъ же бѣяше лѣ^{т} кѝ цр҃тва своєго да многы жены поимъ ѡ иноплеменникъ. ѡ тѣ^{х} бывъ прельщенъ ѡстоупи ѡ бг҃а и поклонисѧ (идо)лоу Сидонскоу Хамосови.

Срезн., 235—236.

ῶν ἀπαλῶς καὶ παρειμένως. ὡς ἐπὶ τοῦτο τὴν βασίλισσαν καταπλαγεῖσαν εὐφημίσαι μὲν αὐτὸν ἱκανῶς, λίθοις δὲ βαρυτάτοις καὶ χρυσῷ πλείστῳ δωρήσασθαί. κατ᾽ ἐκείνῳ δὲ καιρῷ ἀρχιερεὺς Σαδὼκ ἐγνωρίζετο καὶ προφήτης Ἀχία ὁ Σιδωνίτης, Σολομῶν δὲ ἐν τῷ εἰκοστῷ ὀγδόῳ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ πολλὰς ἀλλοφύλους γυναῖκας λαβὼν δ᾽ αὐτῶν ἡπατήθη καὶ ἀπέστη τοῦ θεοῦ. — л. 77^{a-b}.

Затѣмъ дальнѣйшее соотвѣтствіе, указанное выше, причемъ фраза «и поклонисѧ идолоу Сидонскоу Хамосови» является, повидимому, вставкой изъ хроники Амартола (Бооръ, 204,17 и 206,6). Соотвѣтствіе оканчивается словами — роди^{с} сѧ емоу ѡ ѧ женъ сн҃ъ единъ Роваамъ ѡ иноплеменници ѡ самаранына = ἐγένετο δὲ ἐκ τῶν χιλίων αὐτοῦ γυναικῶν μόνος ἄρσην Ροβοὰμ υἱὸς καὶ οὗτος ἐξ ἀλλοφύλου Νααμᾶς τῆς Ἀμανίτιδος. (Срезн., 240, Париж., л. 79^{v}) и добавочная фраза—бѣяше же оу Соломона женъ ѱ҃ а наложниць т҃» = III Царствъ, 11,3.

Послѣ выдержки изъ хроники, соотвѣтствующей греческой Парижской, идетъ рѣчь о богатствѣ Соломона, начало которой соотвѣтствуетъ хроникѣ Амартола, по изданію Боора 197,18—24, но другого перевода, нежели обычный славянскій; слѣдовательно,

1) Эпизодъ съ царицей Савской читается и у Амартола, но нашъ текстъ палейный взятъ не изъ послѣдняго, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго славянскаго перевода хроники Амартола (Бооръ, 200,20—201,7; Троицк. Акад. л. 94^{v}): приложи искоусити его и сниѧ. възрачныи бо штроки и штроковицы единѣмь чрезомь и постриженыхъ власъ инѣхъ чл҃къ ихъ же сама носаше оукрасивши ихъ постави предъ нимь ищющи шкою родоу ихъ испытание створити.... цр҃ь повелѣ имъ ѡмыти лица своа и нс҃тво шконъ оучѣда. ико моужескъ полъ крѣпко и сильно лица имоуще женескъ же полъ мл҃коу и славъ ико цр҃ци оудивитѣ зѣло.

Digitized by Google

эта часть не будетъ взятой изъ послѣдняго. Она тѣсно соединяется съ своимъ продолженіемъ, къ которому прибавляется краткое сказаніе о событіяхъ послѣ смерти Соломона. Весь этотъ отрывокъ слѣдующій:

Сіа во вдь ваше Соломоноу на всѧ дн҃ь. л҃ хлѣбовъ смидаленъ, а ѯ҃ вдіи различны҂ и҃ телець избранъ и к҃ говѧ тоучен҃ъ и р҃ швенъ и елени и ѡ҃ серпъ. и ѡ҃ коратъ мно҂ство. ва҂ вдь Соломона приставникъ к҃і на҃ всѣ҃ инѣмъ [1]).

Τὸ δέ γε ἄριστον αὐτοῦ ἦν καθ' ἡμέραν κόροι σεμιδάλεως λ' καὶ κόροι ἀλεύρου κεκοπανισμένου ξ' καὶ μόσχοι ἐκλεκτοὶ ι' καὶ βόες νομάδες κ' καὶ πρόματα ρ' ἐκτὸς ἐλάφων καὶ δορκάδων καὶ ὀρνίθων ἐκλεκτῶν... οἱ δὲ χορηγοῦντες αὐτὰ ἐξ Αἰγύπτου καθ' ἕκαστον μῆνα ἄρχοντες ἦσαν ιβ' — Бооръ 197, 18—24.

строющіе цр҃ва и домъ (кго) по вса лѣта и мц҃а строахоу приставники. и тако мц҃а Соломона и вса слоужєніа вахоу на трапези цр҃евѣ кожо своєго мц҃а не прѣминашеи и словесѣмы҂ дающіе шчмы. і клевы копіемъ. и ороужіе ношахоу҂. амо҂ идѣаше цр҃ь. и кож҃о и҂ по своємоу чиноу. ваше оуво вдь Соломона р҃ѵ҃ ста҃ кѡнеи ѥнискы҂ и ѥі сѣщіе сноузница и поставі а въ градѣ҂ и дроузіи вѣхоу вдь цр҃ва въ Іер҃лмѣ. доспѣвъ Соломонъ црк҃ки створи жрътвоу и закла воловъ р҃к҃в а швецъ р҃р҃к и швнови храмъ г҃нь цр҃ь и вси сн҃ве Инѣеви вдоша и пиша дн҃іи ѯ҃. въ и҃. дн҃ь распоусти люди и блг҃ниша цр҃ва. и вѣ овладаа всѣми цр҃вы ѡ҃ рѣчкы и до земла иноплеменникы и до предѣлъ єгупта. и цр҃твова лѣ҂ м҃ и оумре. и положенъ бы҃ съ ш҃ѣмъ своимъ въ Іер҃лмѣ. Бы҃ ико вслышавъ весь Инѣ, ико възера-

1) Въ обычномъ переводѣ хроники Амартола читается это мѣсто такъ (спис. Троицк. Духов. Акад. № 100, л. 98ᵃ): швѣдъ же и҃ вше во вса дни мѣръ смидаленъ л҃. и мѣръ моукы толчєныи. ѯ҃. и телець избранъ҂ г҃. и волокъ соупроугъкъ и швець. р҃. развѣ єлени и серпы и птицы изъбраны҂ .... владоущи҂ же вше и҃ моужа.

Digitized by Google

тиса Иеровоамъ ѿ Єгіпта и поущьше призва на съборъ. и поставиша й цр҃а на҃ Ізр҃ля. и не бѣша по домоу Дв҃дѣоу токмо Іоуда и Веніаминъ. и съѣза Єровоамъ сн҃ъ Навацьѣ Сикимоу къ прѣдѣлѣ҃ Єфрѣмлихъ. живаше҃ тоу цр҃твѣаи г҃ колѣнъ и сътвори Ровоамъ сн҃ъ Навацьѣ в Харакоу приш҃е ѿ Єгіпта. и бѣ҃ жена его сестра Фараонина.

По содержанію мы находимъ данному отрывку соотвѣтствіе также въ III Царствъ, гл. 10 и 12.

Окончаніе исторіи Соломона въ краткой Палеѣ содержитъ описанія: 1) храма, 2) дома Соломона, 3) кивота и—заключеніе. Все содержаніе будетъ соотвѣтствовать библейскому, въ такой послѣдовательности—III Царствъ: 5,2, 6 (первая половина), 8—18; 6,2—11; 15—38 (первая половина); 7,18—51; 1—12; 8,1—9; 53 (вторая половина)—56; 10,11—12; 16—21; 4,30—31 (первая половина); 10,23—26; 4,24—25; Паралипоменонъ кн. II, 1, 15—17. Является вопросъ: откуда взята такая спайка библейскаго текста—представляетъ ли она выборку авторомъ Палеи изъ библейскаго текста, или авторъ имѣлъ ее уже готовой, существовавшей, быть можетъ, еще на греческомъ языкѣ, какъ составная часть какой-нибудь хроники? Рѣшеніе этого вопроса затрудняется тѣмъ, что мы не имѣемъ изслѣдованнаго текста книгъ Царствъ, чтобы можно смѣло говорить о той или другой зависимости въ данномъ случаѣ. Отдѣльныя совпадающія фразы мало помогутъ дѣлу, такъ какъ самый текстъ довольно однообразенъ, и совпаденіе могло быть помимо общаго происхожденія. Нѣкоторый свѣтъ, мнѣ кажется, проливаетъ слѣдующее обстоятельство. Выше я отмѣтилъ, что въ полной Палеѣ послѣ библейскаго текста III Царствъ 6—7 читается вставка, передающая то же, что и библейскій текстъ 7,1—12. Очевидно, это былъ особый источникъ, основанный на библейскомъ текстѣ. Въ полной Палеѣ онъ является лишнимъ, попавшимъ въ нее по недосмотру. Но онъ читается цѣликомъ въ краткой Палеѣ, входя, какъ составная часть, въ разсматриваемый отдѣлъ подъ заглавіемъ «Ѿ домоу Соломоновѣ». Совпа-

Digitized by Google

деніе въ обѣихъ Палеяхъ полное, а между тѣмъ отрывокъ этотъ по тексту отличается отъ того библейскаго, который, независимо отъ него, вошелъ въ полную Палею. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Краткая Палея.

И домъ свои ѡснова Соломонъ г҃і ми лѣты древомъ ливаньскымъ. р҃. лако҃ длина его. н҃ лакотъ ширина его и. л҃. лако҃ высота его. и г҃ стѣны столпы кедрена и по҃бія кедрена стлъпомъ и просвѣти ѡкны и храмъ съвыше. съ стѣны стлъпы и число стлъповъ м҃е. е҃і же на стѣнѣ и черни трие. и стлъпы здани трои. и вся ѡкна и стлъпы на д҃ оуглы почерненѣ. и ѿ ѡконъ до двереи троꙗ комара ꙗже на стлъпѣ. н҃ лакотъ въ длиноу а л҃ въ шириноу измѣрена бы҃ комара пре҃ лицемъ его. и столпи толъсти поддержаще комароу. и комара под нею же стоꙗше пр҃тлъ его, на немъ же соудяше тоу. и то слышаашеся комара соудищнаа. и до҃ его въ немъ же живяше тоу. и дворець изборенъ по дѣлоу емоу своемоу, и дворець дщери Фараѡновы, ꙗже бяше за Соломономъ при камарѣ тои, и се вся бѣхоу каменіемъ мно-

Полная Палея.

И дѡ҃ свои ѡснова Соломѡ҃ треминадеся҃ лѣтѡ҃ и ѡснова дѡ҃ древо҃ Ливански҃ р҃. лако҃ в должинꙋ его и н҃ лако҃ въ высотоу его и н҃ лако҃ в широтꙋ его и г҃ стѣны стл҃пъ и кедрѣ и просвѣти ѡкны храмъ свыше съ стѣны стлъпъ и число стлъпъ м҃е по стѣнѣ и черни тріе стлъпи създани и вся ѡкна стлъпи на д҃ оуглы почернени и ѿ оконъ дверіи троя комара ꙗ҃ на стлъпѣ н҃ лако҃ в должиноу и л҃ в широтоу...

гоцѣннымъ оукрашена по оуставомъ вноутрьюдоу, и ѿ ѡснованіа и до покрова. и внѣоудоу въ дворѣ велицѣмъ основаніи каменьемъ драгы҃ великымъ каменьемъ и҃ і҃ лакотъ и и҃ лакот҃ и сверхоу чт҃наго каменіа по числоу неглаженаго и кедрино древо ѡкртъ двора велика҃. г҃. стѣны неглажены и едина здѣлана кедріемъ. и съверши Соломѡнъ весь домъ свои.	и сверхꙋ чт҃наго каменіа по числꙋ неглаженаго кедреное древо и окр҃тъ двора великаго по три стѣны неглажены и едина кедріемь. и сверши Соломѡ҃ весь домъ свои.
Срезн., 251—252.	Чудов., л. 378—379.

Такъ какъ этотъ отрывокъ составляетъ существенную часть описанія построекъ Соломона, то его можно не отдѣлять отъ другихъ частей и по происхожденію, т. е. смотрѣть на весь разсматриваемый отдѣлъ, какъ на нѣчто цѣлое, а не какъ на выборку изъ славянскаго перевода библейскаго текста. Но въ такомъ случаѣ предположеніе будетъ идти далѣе: не къ этому ли источнику будутъ относиться и раньше встрѣтившіеся два случая заимствованія изъ того же библейскаго текста — III Царствъ 2,35 и 12,20—21 и 25? Утвердительно можно отвѣтить, во всякомъ случаѣ, относительно 2,35, такъ какъ соотвѣтствующій библейскій текстъ въ полной Палеѣ отличается отъ даннаго въ краткой.

Но еще далѣе. Не будетъ ли настоящее описаніе построекъ составлять одно цѣлое съ тѣмъ текстомъ, который находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Парижской греческой хроникѣ? Если нѣтъ рѣшительныхъ основаній говорить положительно, то нѣтъ данныхъ и для отвѣта отрицательнаго. Наконецъ, къ тому же источнику можетъ относиться и то, что не нашло себѣ соотвѣтствія въ греческой Парижской хроникѣ, и что частію, какъ выше

Digitized by Google

указано, находитъ соотвѣтствіе въ хроникѣ Амартола (Бооръ, 197,18—24), хотя и не оттуда взято. Парижская греческая хроника № 1336 сама есть хроника составная, и мы, конечно, вполнѣ можемъ предполагать существованіе на греческомъ языкѣ такой хроники, въ которую входило то, что мы находимъ въ нашей краткой Палеѣ, и которая соприкасалась съ Парижской 1336 меньшими частями, чѣмъ съ нашей краткой Палеей.

Что же касается соотношенія славянскаго текста краткой Палеи съ соотвѣтствующимъ греческимъ Парижскимъ 1336, то славянскій текстъ, не представляя сравнительно съ греческимъ дополненій, даетъ нѣкоторые пропуски. Конечно, пропуски, могли быть уже и въ греческомъ оригиналѣ; но, принимая во вниманіе, что напр. тутъ же мы встрѣчаемъ пропускъ въ славянскомъ текстѣ Амартола, можно думать, что и тутъ пропуски суть дѣло рукъ одного изъ русскихъ редакторовъ; см. объ этомъ IV главу.

Итакъ, какіе же источники послужили редактору краткой Палеи при составленіи исторіи Соломона? — 1) Колом. Палея, 2) хроника Георгія Амартола, 3) хроника, частью соотвѣтствующая греческой Парижской 1336; 4) или эта же послѣдняя хроника или какая-либо другая, изъ которой взято описаніе построекъ Соломона (если только послѣдній источникъ не есть частію выборка изъ библейскаго текста).

Если теперь мы обратимся для параллели къ полной Палеѣ, то, кромѣ Палейнаго текста, не найдемъ ничего общаго. Въ послѣдней обширный матеріалъ дали Суды Соломона и библейскій текстъ, причемъ послѣдній вошелъ въ разсматриваемыхъ предѣлахъ почти весь. Ничтожные общіе отрывки изъ Палеи не даютъ, конечно, права возводить въ данномъ случаѣ обѣ Палеи къ одному первооригиналу, ибо, если мы выдѣлимъ изъ той и другой всѣ несходственныя мѣста, то получимъ только лишь текстъ Коломенской Палеи т. е. самоё Коломенскую Палею безъ осложненій. Сомнѣніе возбуждаетъ только лишь отрывокъ

Digitized by Google

о построеніи дома Соломона. Если въ полной Палеѣ на него посмотрѣть какъ на остатокъ отъ болѣе древняго времени, то пришлось бы возстановлять такую Палею Коломенскаго типа, въ которой былъ этотъ отрывокъ, какъ говорящій о томъ, чего Коломенская Палея первоначально не имѣла. А если оправдается, что данный отрывокъ есть неразрывная часть всего сказанія о постройкахъ Соломона, то первооригиналъ состоялъ бы изъ Коломенскаго текста съ присоединеніемъ описанія построекъ: этотъ первооригиналъ, съ одной стороны, съ опущеніемъ большей части палейнаго текста перешелъ въ краткую Палею, съ другой,—съ удержаніемъ всего Палейнаго текста, съ присоединеніемъ Судовъ Соломона и библейскаго текста и съ опущеніемъ даннаго описанія построекъ, за исключеніемъ описанія дома, перешелъ въ полную Палею. Но все это остается въ предѣлахъ лишь возможности, и съ одинаковымъ правомъ мы можемъ смотрѣть на описаніе дома въ полной Палеѣ какъ на ошибочную вставку изъ той же хроники, или вообще изъ того же источника, изъ котораго оно попало и въ краткую Палею.

Во всякомъ случаѣ, фактическія данныя говорятъ за то, что краткая Палея въ предѣлахъ исторіи Соломона представляетъ самостоятельное составленіе послѣдней изъ различныхъ источниковъ, и, между прочимъ,—изъ Коломенской Палеи.

В. Истринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Изъ области древней церковно-славянской проповѣди.

Восьмой изъ издаваемыхъ нами текстовъ взятъ изъ сборника библіотеки Архива Св. Синода № 1301, начала XV в., л. 106 об.

Это—похвальное слово свв. апостоламъ Петру и Павлу, назначенное для произнесенія въ день ихъ памяти, 29 іюня. Оно не можетъ похвалиться богатствомъ содержанія (какъ впрочемъ и большая часть произведеній этого рода); оно даже не особенно складно. По манерѣ изложенія оно такъ близко къ похвальнымъ словамъ Климента Словенскаго (Лазарю, Захаріи, папѣ Клименту и первоучителю Кириллу), что можетъ быть приписываемо Клименту съ рѣшительностью. Словарный его матеріалъ (между прочимъ: *правая* вѣра, *неприязньнъ*)—вполнѣ климентовскій. Наименованіе святаго «высокопарнымъ *орломъ*», въ немъ находящееся,—одна изъ принадлежностей климентовскаго восхваленія (срв. названіе Лазаря и Захаріи «небопарнымъ орломъ» и папы Климента «непорочнымъ орломъ»).

Любопытно упоминаніе, что Павелъ «прошедъ трикровное небо и вшедъ въ рай и до престола Господня неизреченнаго дошедъ, и услыша пѣнія ангельская и неизреченныя тайны, ихже удобь умъ человѣчь не возможетъ сказати».

Словарный матеріалъ не представляетъ интереса. Можно отмѣтить только слово *окормитель* въ значеніи: кормчій, извѣстное впрочемъ и изъ другихъ источниковъ.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, сохранность текста — плохая. Рядъ мѣстъ несомнѣнно испорченныхъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе пропуска словъ.

Девятый текстъ—поученіе на св. пасху — взятъ изъ такъ называемаго Златоструя XII в. Имп. Публичной Библіотеки (л. 107 сл.). Списковъ его много; онъ находится, между прочимъ, въ Измарагдѣ второй редакціи (слово 87-е). Принадлежность его къ тому ряду древнихъ словъ на главные церковные праздники, который помѣщается въ Прологѣ по всѣмъ почти его спискамъ,—не подлежитъ сомнѣнію [1]).

А. И. Соболевскій.

---

1) Пользуемся случаемъ, чтобы дополнить сказанное нами объ поученіяхъ изданныхъ выше (*Изв.* 1905 г., кн. 2) подъ №№ V и VI. Второе изъ нихъ («Се приспѣ, братіе, честная память богоблаженыхъ отець нашихъ патріархъ») встрѣчается въ Прологѣ подъ 17 декабря, безъ особаго заглавія, между прочимъ въ печатномъ Прологѣ 1642—1648 г. и въ его перепечаткѣ (Московской Единовѣрческой Типографіи) 1886 г. Первое («Похвалимъ благаго Бога, прославляющаго святыя своя отроки») намъ извѣстно въ Прологѣ по старшимъ спискамъ (напримѣръ, Типографской Библіотеки №№ 346 и 356, XIV в.) подъ 17 или 19 декабря, съ заглавіемъ «Сказаніе и похвала о трехъ отроцѣхъ».

Digitized by Google

VIII.

Иже въ ст҃хъ оц҃а наше҃ иѡанна златаоустаго, архїеп҃па костѧнтина града. слово похвално ст҃ую и сл҃вную и верховную ап҃ла петра и павла.

Нб҃о и землѧ торжьствуꙗ веселит҃ь в настоꙗщїи праз҃никъ ст҃ую и славную ап҃лу петра и павла всѧ небесныꙗ силы по долгу восхвалѧю҃ чт҃ныи гл҃съ ихъ и чт҃ныи тру҃ ихъ и подвигъ ꙗкоже ими познана бы҃ бн҃имъ смотреньемь таина. ꙗкоже оубо павелъ вопие҃ пре҃ вл҃ками и власти и въ церква҃ бн҃и҃ многоразличною бн҃ею мудростїю[1]) како оубо достоиную похвалу верховны҃ ап҃лмъ принесе҃ и чт҃но прославимъ ихъ ꙗко оучение҃ ихъ въ сп҃ние прїидохо҃. кто же петра болии кто же павлу оуравнит҃ь дѣло҃ и слово҃ ꙗко всѧ по҃нбн҃аꙗ и земную тварь побѣдиста иже в тѣлѣ суща лучша анг҃лъ ꙗвистасѧ. что оубо речемъ вышнею и нижнею тварью словеса достоинаꙗ к похваленїю има принести не възмогохо҃. прешедши҃ имъ землю и море и корение грѣховное исторгающе и сѣмена блг҃иꙗ вѣры всѣꙗвша в ср҃ца чл҃кмъ. петръ оучите҃ ап҃лмъ бы҃. павелъ оубо наказаꙗ бн҃е смотрение вышни҃ силъ и петръ иоудѣѡ҃ обличение. павелъ ꙗзыко҃ оутѣшенїе в преспѣвающии мудрости. петра оубо ѿ рыбари избра. павла же ѿ дамаскиꙗ призва. сего[2]) гл҃а петрови г҃ь прииди к морю и вверзи оудицю свою в море и иже имеши первую рыбу ѿверзи оуста еꙗ и обрѧщеши статиръ и

---

1) Пропускъ? 2) Надо читать: се ко?

дниже за мѧ и за сѧ [1]). море оубо гл҃ть всемирно съставление а оудица есть слово бн҃е. рыбу же законъ гл҃ть. а еже ѿверсти оуста еꙗ законъ наречет҃. а статирь е҃ кр҃тъ. павлу же предасть всѧ ꙗзыкы и гл҃а к нему ꙗко въ ꙗзыкы далече посылаю тѧ. о бл҃женнаꙗ верста истачающі всему миру сп҃ние петръ оубо начатокъ правои вѣрѣ. великыи оучитель цр҃кви бн҃и вѣрѣ прм҃рыи свѣтилникъ и всечт҃ныи ссу҃ вышни҃ сила҃ павелъ цр҃квное око. прм҃рыи свѣтилникъ. земныи анг҃лъ нбныи чл҃вкъ и слава цр҃квьнаꙗ. орелъ высокопарны҃ взлѣтаꙗ на высоту нбн҃ую исполненъ бл҃гти бн҃ꙗ цевніца дх҃внаꙗ ластовица бог҃лїваꙗ. славїи доброгл҃ныи. арганъ цр҃кыи и чт҃ныи слуга хв҃ъ великаꙗ супруга хв҃ѣ цр҃кви двоице свѣтоноснаꙗ законъ завѣта гн҃ѧ гл҃ющи азъ времѧ бл҃гти просвѣщаю на всѧкъ дн҃ь цр҃квь гн҃ю скровище хв҃ѣ вмѣстилище всему миру обителище ст҃ому дх҃у и повѣстника ст҃ыꙗ тр҃ца сказателѧ бн҃ю смотрению моꙗ любы павелъ ссу҃ цр҃квныи мои жезлъ цр҃кви бн҃ꙗ павелъ ѹста хв҃а и нбн҃ы ссу҃ касаꙗсѧ трилакотенъ на земли ꙗві҃. и весь миръ къ г҃у приведе окр҃тъ иерл҃ма и до лирика еуг҃алье҃ ходѧ по высотѣ нбн҃ѣи исполненъ бл҃гти бн҃ꙗ прїимъ свидѣтес҃тво ѿ бг҃а. ꙗко носѧ҃ имѧ его пре ꙗзы [2]) и цр҃и и сн҃ми изл҃выми и проше҃ трикровное нб҃о и вше҃ в раи и до пр҃тла гн҃ѧ неизреченна҃ доше҃ и оуслыша пѣнїа ангїльскаꙗ и неизреченныꙗ таины ихже оудобь оумъ человѣчь не взможе҃ сказати что же ли оубо к петру принесѣмъ и к похваленїю его. свѣтило цр҃квное всеи вселенѣи. бѣлообразны҃ голубь добротныи и сказатель теплыи ап҃лмъ горѧ дх҃мъ распалаꙗсѧ. ангилъ земныи. нбн҃ыи чл҃вкъ. исполне҃ бл҃гти бн҃ꙗ твердыи камень вѣрѣ и цр҃кви бн҃ꙗ премудро҃ бл҃жныи варинона слыша҃ ѿ бг҃а и за чт҃оту тѣла свое҃ прие҃ ключа цр҃твиꙗ нбн҃го ѿ самого х҃а и анг҃лкиꙗ чины оба прешла еста. и что еще

---

1) Срв. въ Маріинскомъ Ев.: шедъ въ море въвръзи ѫдицѫ і ꙗже имеши прѣжде рыбѫ вьзьми и отвръзъ оуста еи и обрѧштеши статиръ тъ даждъ имъ за мѧ и за сѧ (Ев. отъ Мѳ. XVII, 27).

2) Надо читать: носѧ... предъ ꙗзыки?

рку или изглю то же и са҃ гь восхваляеть ва҃ гл҃а вы есте свѣ҃ всему миру[1]) и бгатѣиша па҃ цр҃еи земны҃ мудрѣишаꙗ философъ прешедша[2]) риторїꙗ и всѧ҃ска сдержаща вы еста мч҃ико҃ терпѣнїе и патриархо҃ праваꙗ вѣра. мнихо҃ пощенїе цр҃мъ побѣда и похвала и покровители вѣрны҃. гра҃ и прївѣжище хрт҃ьꙗнское и истїнныи миръ всеи вселенѣи варваро҃ супостата. обузданїе еретико҃ и изгонѧща недуги ѿ чл҃вкъ и легионы неприꙗзненыꙗ и разарѧюща требища идольскаꙗ. и послѣдоваста вышни҃ нижьнѧꙗ исправлѧюща и вышнѧꙗ воспрїимша ключа и нїжьнимъ разрѣшити грѣхи область имуща. о велие чюдо рыбныи ловець не вѣдѧщи словесъ книжны҃ исцѣли раслаблена҃ жилами силою ст҃го духа и см҃рть разрушаꙗ[3]). павелъ оубо всѧкую неприꙗзненую силу и всѧкъ недугъ прогна бж҃ею бл҃гтию. воина х҃ва проходѧща вселеную. стоапа цр҃квнаꙗ велицѣи свѣтилѣ просвѣщающе весь миръ. радуисѧ петре камень вѣрѣ. радуисѧ павле похвала всеи вселенѣи. ра҃уи҃ павле оутвержение правои вѣрѣ. радуи҃ петре оукрашение вселенѣи и входе раискыи. радуи҃ павле тихое пристанище волнующи҃сѧ и окормителю. радуи҃ павле просвѣщаꙗ всѧ ꙗзыкы проповѣдание҃ ст҃го дх҃а пострада҃ ст҃рти и бѣды х҃а ради. каꙗ оубо темьница оужника тебе не имѣ. или кое мѣсто и гра҃ не имѣ тебе бл҃говѣстника правои вѣрѣ ѿ иоудѣи изганѧеми[4]) и бьема и рѣема и ѿ фїлосо҃ поругаема и ѿ варваръ влекома и ѿ цр҃еи бьема и рѣема[5]) бѣды во всѣ҃ мѣстѣ҃ не престаꙗ оуча и каза[6]) истиннои вѣрѣ и всю вселеную разрѣшающа свѧзаныꙗ грѣхми посланмї своими всѧ неприꙗзненаꙗ шатанїꙗ и требища идолскаꙗ разориста и всѧ требища и жертвы не сущихъ скверны҃ бг҃овъ искорениста. х҃во еуа҃лие ꙗвѣ проповѣдаста. каꙗ оубо похвалы досто҃ны принесѣмъ вама тружающе҃ по х҃ѣ на҃ ради въспоминаю ваю подвїгъ и дивлюсѧ и оужасаюсѧ и вѣдѣние҃ одержи҃ помышлѧꙗ скорби и бѣды

1) Ев. отъ Мѳ. V, 14.
2) Надо читать: прешедшь?
3) Мѣсто испорченное.
4) Описка.
5) Пропущено слово.
6) Надо читать: кажа (прич.)?

Digitized by Google

ваша ꙗже подꙗла еста всѧкаꙗ мѣста и грады остиста просвѣтиста оучении своими и множаишаꙗ црькви остиста и просвѣтїста. блжнъ оудъ ꙗзыка вашего кровию окропленїи оуди ваша хса раи гь да оутвердить терпѣнїе ваю и оукрѣпить оучение ваше радостно о всем хсу послѣдоваста и во всю землю изиидоша гласи ваши и просвѣщение ваше и в конець вселеныꙗ гли ваши. преданую бо ва ѿ ба невѣсту црквь хсву чтно схранисте. никтоже бо преже ва ни по ва ꙗвить таковыи. кто же ли оубо ваю оученїꙗ слово подражаꙗ деръзнулъ е что глти. кромѣ преданїꙗ вашего всѧ оучїтелѧ свершила еста и всѧ просвѣтиста. что оубо прїнесем достоино подвигу вашему. днь оубо стварѧем памѧть мчниꙗ ваше. днь же празнуем стрти ваша ꙗже за хса подꙗла еста. днь вселенаꙗ всѧ чтеть стыꙗ мощи ваша радуи петре апле и весели ꙗко сподобисѧ причастникъ быти крту хсву и стртмъ его. просто оубо пропѧти не всхотѣ. но глѧ ꙗко да не буде подобенъ влцѣ моему хсу но долу главою и славу велью на нбсѣ ѿ бга приимъ и предасть дшю свою в руцѣ хсви. работавыи гви съ безмолвием и правдою съ всѧки спѣхом бголюбезно послужи гви горѧи дхмь распалаꙗсѧ вѣрныи апл гви павел оубо треблжныи апл рабъ хсвъ мечемь оусѣченъ бы нбныи члвкъ и земныи англъ. мечь оубо проиде гортань его. дивенъ сыи на нбсѣ и земны страшенъ кое оубо мѣсто приꙗ кровь твою чтную поработавыи хсви со всѧки трудом и прилежание оуча и наказуꙗ правои вѣрѣ. радуите о гѣ всегда и не престающе за ны молита и обѣтование ваше о гѣ свершиста [1]) ꙗко по ошествїи ваше стии твори памѧть вашу блжныи оубо петръ верховныи апл и другъ хсвъ ѿ града вивсаида сущїи. павелъ оубо е ѿ тарса киликиꙗ. почиста оубо о гѣ в велицѣмь римѣ мца июнѧ въ .кд. днь при неронѣ цри римьстѣм. еюже молитвами да сподобить ны гь бгъ приꙗти прощение грѣхомъ наши и млть ѿ хса бга приимемь. емуже слава ннѣ и при и в вѣ вѣко амин.

---

1) Надо читать: свершита?

IX.

Поученик на с҃тоую пасхоу.

Послоушаите братеѥ. и сн҃ове възлюблении. да съкажемъ вы силоу и чьсть сего дьне. въньже г҃ь б҃ъ нашь попьра диꙗвола и съмьрти дьржавоу раздроушивъ въскресе ѿ гроба ꙗко бесъмьртьнъ. и вьсѧ оумьръшаꙗ правьдьникы съ собою въскрѣси и нынѧ прр҃къмь ны призываѥть гл҃ѧ. придѣте въздрадоуимъсѧ гв҃и въскликнѣмъ гв҃и б҃оу сп҃сителю нашемꙋ. варимъ лице ѥго исповѣданиѥмь и въ псалмѣхъ въскликнѣмъ ѥмоу. ꙗко сънидe съ нб҃се поискатъ заблоужьшаго. и сп҃стъ погыбъшаго чл҃ка бѣхомъ бо ꙗко ѡвьцѧ нѣ имѣюще пастырѧ. въ расхыщениѥ вълкомъ рекъше бѣсомъ поработивъшесѧ. да того не могыи тьрпѣти г҃ь нашь іс҃ъ хс҃ъ. прѣклонь нб҃са сънидe къ намъ и въ плъть нашю ѡблечесѧ. хотѧ ю исцѣлити ѿ истьлѣниꙗ. ꙗже приꙗтъ пьрвыи прадѣдъ нашь адамъ пресоупивъ [1]) заповѣдь б҃ию въ раи. прельщениѥмь змиинъмь и ѿтолѣ съмьрть въ ны вънидe. и бѣхомъ поработилисѧ грѣхови. да того ради приде къ болѧщимъ врачь къ плѣньникомъ свободитель. къ сѣдѧщимъ въ тьмѣ не заходѧи свѣтъ. къ мьртвымъ животъ бесъмьртьныи да оумьршеи ѡ адамѣ ѡ х҃ѣ ѡживоуть. тъ бо ѥсть миръ нашь примиривыи ны къ ѡц҃ю своѥмꙋ. въплъщениѥмь своимь и страсть вольныꙗ [2]) насъ ради пострада. плътию бестрастьныи не бѣ бо како бе страсти плъти сеꙗ ѡчистити. стртьмъ себе и тьли повиноувъша того ради пригвоздисѧ на кр҃тѣ. и жьлчи и ѡцьта въкоуси да горькаго въкоуса избавить ꙗ. ѥже сътвори прадѣдъ адамъ. въ раи дрѣвле. дрѣвьнею бо сънѣдию испадохомъ ис породы да

1) Описка.
2) Тоже.

тѡ ради въсхотѣ на крⷭтѣ пригвоздитисѧ. бъ вестрѣнѣми дрѣвлѣ нощѣлма дрѣвьнюю клѧтвоу нашю. и съмьрть въпи-ѥтъ ѥѧтьствю по насъ бестрастьнъ сынъ бжⷭтѣмь. шкнѣлъ ѧ хотѧ и раздрѣшити ѧгы ѿ оузы съмьртьныѧ. крогѣ видѣ сѣнце распинаѥма прѣложисѧ въ тѣмоу. и лоуна въ кръвь. и земла потрѧсесѧ. и камѣнїе растадесѧ. и гроби ѿверзошасѧ. и многа телеса сⷯ҃ъ оусъпъшихъ ѡ гдⷭ҃ѣ въсташа и вѣнишасѧ мънѣтѣмъ. сѣшьдъ державоу его раздроушн. и извѣсѣ плѣнѣшихъ его и съ собою въсирѣси въсѣ правьдьникы. ѿ пьрваго адама. тѣмь братиѥ бⷤго врѣма ѥсть пророка привѣсти и възъпити съ нимь. рекоуще съ дⷩнь иже створи гⷭ҃ъ въздрадоумѧсѧ и възвеселимсѧ вънь [1]) лѣпо бо ѥсть радоватисѧ предньѣнѣи его милости юже сътвори дⷩнь насъ ради. дⷩнь съмьртию своѥю попьра врага и въскрьсе ѩко ѿ сѣна. неистлѣѥнїе и жизнь источї родоу члⷷвѣчьскоумоу. дⷩнь адовьныѧ врата съкроушишасѧ. и дьржимы въ немь неиздреченьнѣмь свѣтѣмь ѡзаряѥми въсташа. съ анⷭглы ликоующе поють. слава въ вышнихъ бⷭоу и на земли миръ въ члⷷовѣцѣхъ блⷭговолениѥмь. дⷩнь радостию прадѣдъ нашь адамъ пьрвоую попираѥть клѧтвоу. и роуцѣ распростираѥть съ кѣѕгою въстаюцю ѥмоу ѡ гдѣ. дⷩнь нⷭбо и земла радостию исъпълнишасѧ. ѡвѣщьникъ [2]) сътворьша на радость бесплътьныѧ силы. члⷷвѣчьскаго рода съвираѥта. дⷩнь павлъ апⷭлъ въпиѥть глⷯ пасха наша за нѣ пожьрень бы҃ хⷭ҃ъ. дⷩнь црⷦкы въпиѥть зовоуци съ высокыѥмь проповѣданиѥмь глⷯюци. придѣте чада и послоушайте мене. да страхоу гню наоучю вы коупѣль оуготовисѧ ѡвѣтъшавъшии грѣхъмь. родъ ѡвнавлѧюць [3]) трапеза бжⷭтвна оуготовисѧ прѣдъ-лагаюци агньца бжⷭтвна. въземлюцаго грѣхы всѣго мира хⷭ҃а бⷭа нашего. заколѣшагосѧ насъ ради и подаѥма всѣмъ вѣрьнѣмъ на прощениѥ грѣхомъ. и на жизнь вѣчьноую тѣмь же братиѥ

1) Пс. CXVII, 24.
2) Надо читать: ѡвѣщьникъ?
3) Надо читать: ѡвнавлѧюци.

Digitized by Google

не мозѣмъ сѧ лишити за малоую похоть или за гнѣвъ сицеꙗ страшьныꙗ и неиздреченьныꙗ таины. сътворенꙑꙗ нашего ради спсениꙗ. нъ чистою дшею и тѣлъмь. съ страхъмь пристоупимъ и съ миръмь. и тако насладимъсѧ пречстаго тѣла и кръви хвы приимъше же чисти пребываимы ѿ вьсего чистѧщесѧ. а не възвращающесѧ на пьрвыꙗ ѡбычаꙗ ꙗкоже пьси или ꙗко свиниꙗ измывъшисѧ. и пакы въ калѣ оукалѧвъшисѧ ни братиѥ не мозѣмъ таци ꙗвитисѧ. нъ ꙗкоже ны хсъ искоупи своѥю кръвию чисты непорочьны. съвьршены въ любъвь бжию. нъ да превоудемъ славѧще коупно ѡца и сна и стго дха нынѧ и присно.:.

Digitized by Google

О померельскомъ (древне-кашубскомъ) языкѣ до половины XV-аго столѣтія [1]).

II.

Къ изученію балтійско-вендскихъ нарѣчій.

Въ началѣ VI-аго столѣтія на южномъ берегу Балтійскаго моря пребывали Славяне, которыхъ Нѣмцы называли Вендами. Восточная граница этихъ балтійскихъ Вендовъ была Висла, къ югу они граничили съ Поляками на Нецѣ и Вартѣ, съ лужицкими Сербами въ провинціи Бранденбургѣ — межевая линія до сихъ поръ не извѣстна,—къ западу Эльба, Биля и Трава разлучали ихъ съ германскими Саксонцами. Позже они перешагнули черезъ эти рѣки и заняли теперешнія провинціи Ганноверъ и Саксонію по Ильменау и Ору и Гольстинію по Траву и Швентину.

Въ этихъ странахъ пребывали слѣдующіе народы:

1. Ободриты въ Гольстиніи, Лауенбургѣ и въ сѣверо-западной части Мекленбурга по Варнову, Мильденицу, Эльду и Регницу. Народъ Ободритовъ состоялъ изъ четырехъ племенъ:

a) Вагры въ Гольстиніи и на островѣ Фемарнѣ.

b) Полабяне между Травою, Степеницою, Шверинскимъ озеромъ, Стерою, Регницою, Эльбою и Билею.

c) Ободриты или Ререги между Степеницою, Шверинскимъ озеромъ, Варновою и моремъ.

---

1) См. Извѣстія, т. X, кн. 3, с. 69—209.

Digitized by Google

d) Варнавы между Шверинскимъ озеромъ, Варнавою, Мильденицою, Эльдою и Стерою.

2. Бетенцы и Смольдинги между Регницою, Эльдою и Эльбою.

3. Линоны въ западномъ Бранденбургѣ. Этому народу принадлежали:

a) Нielетицы на Эльбѣ.

b) Брижане около Гавельберга.

c) Сѣмчицы и Лисицы между Гавелею, Эльбою, Илею и Стремою.

4. Древяне и Глиняне въ Гановерѣ и Славяне въ Старой Маркѣ, которыхъ названіе неизвѣстно.

5. Морачане между Эльбою, Нутою, Гавелею, Стремою и Илею.

6. Стодоране на Гавелѣ.

7. Спревяне на Спревѣ.

8. Десеры на Досѣ около Витстока.

9. Моричане около озера Мюрица.

10. Лютицы въ восточной части Мекленбурга. Эти состояли изъ четырехъ племенъ:

a) Хижане между Варновою, Рекницою и моремъ.

b) Чрезпѣняне между Рекницою, Варновою, Мильденицою, сѣверною границою Моричанъ, Пѣною и Требелею.

c) Толенсане между Пѣною и Толенсою.

d) Редари въ великомъ герцогствѣ Мекленбургѣ Стрелицскомъ.

11. Руяне или Ране на островѣ Рюгіи.

12. Укры на Укерѣ.

13. Рѣчане вѣроятно между Украми и Одеромъ.

14. Любуси и Вулини въ Лебусской землѣ.

15. Славяне въ померанскихъ уѣздахъ Францбургскомъ, Гриненскомъ, Грейфсвальдскомъ, Анкламскомъ, Укермюндскомъ, Рандовскомъ и на островѣ Уседомѣ, которыхъ названія и племена не извѣстны.

Digitized by Google

16. Поморяне на правомъ берегу Одера по Варту, Нецу и Вислу. И у Поморянъ были малыя племена, но названія и границы ихъ не извѣстны. Вѣроятно Поморяне состояли изъ двухъ главныхъ племенъ, западныхъ и восточныхъ. Западные Померяне пребывали въ теперешней провинціи Помераніи, исключая восточные уѣзды, Стольпскій, Лауенбургскій и Бытовскій, и въ Новой Маркѣ, восточные въ Западной Пруссіи и въ трехъ восточныхъ уѣздахъ Помераніи. Въ слѣдующихъ статьяхъ я назову этихъ Померелянами и ихъ языкъ померельскимъ языкомъ, тѣхъ Померанами и ихъ языкъ померанскимъ.

Померанская область состояла по крайней мѣрѣ изъ шести земель: Пирицкой, Старгардской, Каминской, Кольбергской, Бельгардской и Шлявской; изъ нихъ каждая была, вѣроятно, область особеннаго племени.

Пирицкая земля находилась между рѣками Одеромъ, Пленою, Цанцою и Вартою.

Старгардской землѣ принадлежали южная часть Наугардскаго уѣзда, Садигскій уѣздъ и сѣверо-восточная часть Пирицскаго уѣзда въ Помераніи и часть Новой Марки между Пленою, Цанцою, Вартою и Драгою.

Каминской землѣ принадлежали островъ Волинъ, уѣзды Каминскій, Грейфенбергскій, Регенвальдскій и сѣверная часть Наугардскаго уѣзда.

Кольбергской землѣ принадлежали теперешніе уѣзды Кольбергскій и Кеслинскій, сѣверная часть Шифельбейнскаго уѣзда и сѣверо-западная часть Бельгардскаго.

Бельгардской землѣ принадлежали южные уѣзды теперешняго округа Кеслинскаго и, можетъ быть, Дейч-Кронскій уѣздъ въ Западной Пруссіи.

Шлявской землѣ принадлежали теперешніе уѣзды Шлявскій и Румельсбургскій.

Какія племена существовали у Померелянъ, я изслѣдую въ другомъ мѣстѣ.

Вѣроятно, у каждаго племени было особенное нарѣчіе. Ка-

Digitized by Google

кія были эти нарѣчія, ихъ сходства и различія, я изслѣдую въ слѣдующихъ статьяхъ.

---

1. Собственныя имена о двухъ корняхъ въ алфавитномъ порядкѣ вторыхъ корней.

1. *-bądz.* Объ особахъ, имена которыхъ имѣютъ во второмъ корнѣ *-bądz*, не упоминается ни въ грамотахъ, ни въ книгахъ историковъ, но нѣкоторыя названія мѣстъ доказываютъ, что такія имена существовали и у балтійскихъ Вендовъ.

a) Деревня Дарбейнъ у Даргуна въ Мекленбургѣ (въ области Чрезпѣнянъ) называется въ документахъ *Dargebant* 1241 *Darghebant* 1241 *Dargubant* 1248 *Darghebant* 1269 *Dargbent* 1309, позже *Darbendt Darbindt Darbeynd*, потому по чрезпѣнянски *Dargebąd* или *Dargubąd*, вѣроятно *Dargobąd*, котораго *o* во второмъ слогѣ очень коротко. Это мн. ч. имени *Dargobąd*, прасл. *Dorgobądz*.

То самое имя на Волинѣ въ имени деревни *Darghebans* 1297, т. е. *Dargobądz* им. прилаг. относительное имени *Dargobąd*.

b) На Рюгіи въ Гарцскомъ намѣстничествѣ находится деревня Дарсебандъ, въ грамотахъ *Darssebande*, т. е. по рюгійски *Darsebąde*, мн. ч. имени *Darzebąd*.

c) У Кеслина въ Померанiи находится деревня Горбандъ *(Gohrband)*, въ грамотѣ 1308-аго года *Ghorebanz*, т. е. *Gorebądz* им. прилаг. относ. имени *Gorebąd*, теперешнее имя *Gohrband* можетъ быть мн. ч. имени, по померански **Gorebąde*.

d) Деревня Гедебенъ у Кривица въ Мекленбургѣ (въ области Варнавовъ) называется въ документахъ *Gotebende* 1568 *Godebense* 1572, деревня Гедебенъ у Штавенгагена (въ области Толенсовъ) *Gotebant* 1249 *Ghotebant* 1272 *Ghotebende* 1303, т. е. *Chotebąde* мн. ч. имени *Chotebąd*.

То самое также и въ области Толенсовъ въ древнемъ имени

Digitized by Google

деревни Адамсдорфа у Ней-Штрелица *Chotibanz Chodebanz* 1170 *Chotebanz* 1182 *Chotibanz* 1244, т. е. *Chotibądz* (*i* втораго слога очень коротко) им. прилаг. относ. имени *Chotibąd*. Можетъ быть, и *Godebense* въ грамотѣ 1572-аго года, по варнавски *Chotebądze*, т. е. им. прилаг. относ.

e) У Мирова въ Мекленбургѣ, въ редарской или десерской области, находится деревня, названіе которой *Kotzband*, и деревня Бецовъ у Кремена въ Бранденбургѣ, въ области Стодорянъ, называется въ грамотахъ *Cotzebant* 1355 *Cosseband* 1427 *Cotzbant* 1451. Эти названія не произошли изъ праславянскаго *chotibądz*, потому что праславянское *t* предъ поднебными гласными буквами не перемѣнялось ни въ Редарскомъ, ни въ Десерскомъ, ни въ Стодоранскомъ. Потому эти названія — мн. ч. имени *Chocebąd* или *Kocebąd*.

f) На Рюгіи упоминается въ 1250-омъ году о деревнѣ *Lucobandis*, т. е. по рюгійски *Lukobądice*, отчество имени *Lukobąd*.

g) Деревня Мюльбанцъ въ Диршаускомъ уѣздѣ въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Milobandz* 1250 *Milobanz* 1283 *Milobancz* 1299 *Mylovantz* 1320, т. е. *Milobądz*, им. прилаг. относ. имени *Milobąd*.

h) Мекленбургская деревня на Досѣ въ Бранденбургѣ, въ десерской области, называется *Netzeband*, въ грамотахъ *Nyzzebant* 1232 *Nizzebant* 1341 *Necebant* 1358 *Netzebant* 1418. Имя, къ которому относится это названіе, можетъ быть *Nezabąd* или *Necebąd*.

Им. прилаг. относ. того имени находится въ Рюгіи въ Рамбинскомъ намѣстничествѣ, гдѣ деревня называется *Nezebanz*, въ грамотахъ *Nesebants* 1314 *Nezebansz* 1316.

i) Деревня у Оксефта въ Пуцигскомъ уѣздѣ въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Sebandowo* 1249 *Sebandovo* 1295. Можетъ быть, это выговаривалось *Zbądovo*, им. прилаг. относ. имени *Zbąd*, прасл. *Sъbądъ*.

k) Въ стодоранской области, въ глинскомъ краю въ Бран-

Digitized by Google

денбургѣ, находится деревня *Tuchbant* 1341, т. е. мн. ч. имени *Tuchobqd*.

l) Деревня въ Лауенбургскомъ уѣздѣ въ Померанiи называется въ грамотѣ 1375-аго года *Unibandsin Ungebansin Unibansin*, т. е. *Uńebqdsin*, им. прилаг. относ. имени *Uńebqd* или *Uńebqda*.

m) Деревня Вобенсинъ въ Лауенбургскомъ уѣздѣ въ Померанiи называется въ грамотахъ *Wubansino* 1400 *Vuybansius* 1437, т. е. *Vubqdsino*, имя прилаг. относ. имени *Vubqd* или *Vubqda*, прасл. *Ubqdъ Ubqda* или *Obqdъ Obqda*.

1ª. *-budъ*. У двухъ названiй мѣстъ *-budъ* во второмъ корнѣ. Можетъ быть, это *-budъ* тожественно съ *-bqdъ*, такъ какъ и въ другихъ словахъ въ вендскихъ нарѣчiяхъ находится *u* вмѣсто праславянскаго *q*.

a) Городъ Гадебушъ въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ документахъ *Godebus* 1154 *Chotebus* 1225 *Godebus* 1225 *Gotebus* 1229 *Godebuz* 1230 *Godebuze* 1230 *Godebusse* 1245 *Godebuce* 1251 *Godebutz* 1299 *Gadebussze* 1299, позже *Ghodebuze Godebutze Ghodebusse Godbuz Gadebuse Kothebus*. Названiе им. прилаг. относ. имени *Godebud* или *Chotebud*, потому городъ назывался по полабски *Godebudz* или *Chotebudz*.

b) Въ Любекскомъ епископствѣ, въ Вагрiи, находится деревня Люберсдорфъ, которая называется въ грамотахъ въ 1237-омъ году *Lutbudisdorf* и въ 1241-омъ году *Lutbrichtesthurpe*. Это несомнѣнно нѣмецкое имя, которое произошло изъ славянскаго *Lutbudisdorf*, т. е. деревня Лютобуда, по вагрiйски *Lutobud Lutbud*.

2. *-bodъ*. Находится только одно имя, у котораго *-bodъ* во второмъ корнѣ: *Ostrobedus* 1159, кастеланъ въ Уседомѣ.

Мн. ч. того имени находится въ грамотѣ 1273-го года: *Wsterbode*, названiе мельницы у Любмина въ Грейфсвальдскомъ уѣздѣ въ Померанiи, т. е. по славянски *Vustr°bode*.

Digitized by Google

3. *-borъ*.

a) Померанское имя, въ окрестности Регенвальда: *Cziliborus* 1288, т. е. *Cilibor* или *Zilibor*.

b) Рюгійское имя: *Cyriscbor* 1224.

c) Рюгійское имя: *Citzebur* 1314 *Zytzebor* 1316 *Zitzebyr* 1320 *Zezebyr* 1320 *Ciscebur* 1323, т. е. *Cicebor* или *Cicebur* (*o* послѣдняго слога выговаривалось вѣроятно какъ польское *ó*).

d) Померанское имя, въ Штетинѣ: *Lutoborius* 1229 *Lytubor* 1234, т. е. *Lūtobŏr; ū* перваго слога выговаривалось какъ нѣмецкое *ü* (и короткое *o* второго слога какъ польское *ó*?).

e) Померанское отчество *Meleborits* 1267, т. е. *Melŏboric*, *i* предъ *l* (= польск. *l*) выговаривалось какъ *e* или очень открытое *i*.

f) На Рюгіи находится деревня *Moiselbritz* (въ Пацигскомъ намѣстничествѣ), въ грамотахъ *Moyselboritze*, т. е. по рюгійски *Mojsl*^{e}*borice*, отчество имени *Myslibor*ъ, по рюгійски **Mojsl*^{e}*bor*.

Мн. ч. того имени находится въ грамотѣ 1238-аго года, въ которой упоминается о деревнѣ *Mislibori in prouincia Pirch*, т. е. *Mislibori;* въ 1337-омъ году деревня называется *Misselburgh*.

У Кеслина въ Помераніи упоминается въ 1276-мъ году о деревнѣ *Mislebur*. Оно или мн. ч. имени *Mysliborъ* (по померански *Mislebor*?) или им. прилаг. относ. прасл. **mysliborjь* померанск. *Mislebur*.

g) Померанское имя, у Пирица: *Priborius* 1240, т. е. *Pribor*.

Померанское отчество этого имени, у Бана: *Pribburiuiz* 1215 *Priburiuiz* 1215, т. е. *Piburivic*. Банъ принадлежитъ Пирицкому краю: вѣроятно, въ діалектѣ этого края имя выговаривалось *Pribor* и потому отчество *Priborjevic*: изъ этого *Priburivic*.

Померельское имя, въ Бытовскомъ уѣздѣ: *Prsibor* 1393, т. е. *Přibor*.

h) Рюгійское имя: *Pridibore* 1225 *Britbur* 1278 *Pritburnus*

Digitized by Google

1282 *Pridborus* 1284 *Pritbůr* 1284 *Pritbur* 1285 *Prithbur* 1286 *Pritbure* 1286 *Pritborus* 1286 *Prythbur* 1286 *Pritbern* 1290 *Pritbornus* 1300, позже: *Pritburne Pritburus Pudburus Pridburn Pritbor Prytbur Predburn Pridbur Prytborus Prithborus Prydborus Prytbernus*, т. е. *Priabor* или *Pridbur* (*o* или *u* послѣдняго слога выговаривалось какъ польское *ó*).

Померанское отчество того имени, въ окрестности Бана: *Pretboromis* 1220—1227, т. е. *Predborovic.*

i) Померанское имя, въ Штетинѣ: *Prisnoborus* 1219 *Prisabor* 1220 *Primsiborus* 1220 *Prisnoborius* 1224 *Prisniborus* 1228 *Prisinborus* 1228 *Prisnobor* 1229 *Priscebur* 1230 *Prisniborus* 1235 *Princeborus* 1235 *Princiborus* 1237 *Prinseborus* 1240.

Померельское имя, въ Лауенбургскомъ уѣздѣ: *Prsisnikur* (описка за *Prsisnibur*) около 1400-аго года.

k) Мекленбургское имя, въ окрестности Ребеля: *Prissebur* 1228 *Pryssebur* 1230 *Priceburh* 1262 *Priscebure* 1270 *Prisceburius* 1273 *Priceburius* 1273 *Priseburius* 1273 *Prisbur* 1274 *Pritseburius* 1274 *Priscebur* 1276 *Brisseburius* 1277 *Pritsebur Pritsebuer* 1285 *Pritceburius* 1285 *Pryscebur* 1300.

Померанское имя, въ Штетинѣ: *Priscebur* 1232.

Померанское имя, въ окрестности Бельгарда: *Prissebur* 1289.

l) Ободритское имя: *Ratibor* 1035.

Померанское имя: *Rodilbernus* 1148 (въ Магдебургскихъ лѣтописяхъ) *Ratibor* 1147 *Ratiborus* 1153 *Rathebernus* 1175 *Ratiburus* 1182 *Ratiborius* 1238.

Померанское имя, въ Шлявѣ: *Ratiborus* 1153 *Ratiborius* 1223.

Померельское имя: *Ratiborius* 1209 *Raciborius* 1235 *Ratyborius* 1235 *Retiborius* 1236 *Rateborius* 1248 *Ratheborius* 1248 *Rattiburius* 1252 *Raceburus* 1276 *Racyborius* 1279 *Radsborius Racziborius* въ Оливской хроникѣ.

Имя это находится въ названіяхъ мѣстъ:

Реддерсторфъ у Марлова въ Мекленбургѣ, въ области Жи-

Digitized by Google

канъ, называется въ грамотѣ 1210-аго года *Ratesbursthorpe* т. е. деревня Ратибора.

Ратебуръ у Анкляма въ Померанiи называется въ грамотахъ *Ratebur* 1271 и 1307 *Ratibur* 1307. Названiе или мн. ч. имени *Ratiborъ* т. е. по померански *Ratibure* или им. прилаг. относ. прасл. *ratiborjь* помер. *Ratibur*. Также и померанскiй городъ *Ratzebuhr* въ Нейштетинскомъ уѣздѣ.

Отчество того имени находится у Ободритовъ въ окрестности Брыля: *Retiburize* 1219 и въ Померанiи въ окрестности Барта, гдѣ деревня Редебасъ называется въ грамотахъ *Retiburits* 1242 *Retheburits* 1278.

Какъ имя *Ratibor* выговаривалось у Вендовъ, сомнительно. Вѣроятно, *a* во всѣхъ нарѣчiяхъ выговаривалось какъ *ă*, а *t* въ померельскомъ дiалектѣ какъ *c*: потому по-ободритски и по померански *Rătibor* или *Rătibur*, по померельски *Răcibor*.

m) Рюгiйское имя: *Sambur* 1285 *Zambur* 1295 *Zambûr* 1295 *Zamborus* 1296 *Samborus* 1296 *Zamburus* 1297 *Zambor* 1303 *Sambor* 1316.

Укранское имя: *Samborius* 1240.

Померельское имя: *Schamborius* 1178 *Samborius* 1209 *Zamborius* 1215 *Samborus* 1229 *Saborius* 1229 *Zamburius* 1237 *Samburius* 1256 *Scamborius* 1283.

n) Деревня у Шпральзунда называется въ грамотахъ *Zanzebur* 1321, т. е., вѣроятно, *Sądzebur*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Sądzebur*.

o) Померанское имя, въ Старгардскомъ краю: *Slaueborius* 1223 *Zlauborus* 1259 *Szlabur* 1303, т. е. по померански *Slavŏbor Slavbor Slabur*.

У Науена въ Бранденбургѣ, въ области Стодоранъ, находится деревня Шляберндорфъ, которая называется въ грамотахъ *Slaberstorp Slabberstorpe* 1303 *Schlabberstorp* 1393 *Slaberstorff* 1434, т. е. деревня Славобора, по стодорански *Slabĕr*.

Отчество того имени находится у Полабянъ, гдѣ деревня Шлягбрюке въ Рацебургскомъ княжествѣ называется въ гра-

Digitized by Google

мотахъ *Slaubrice* 1194 *Slaubrize* 1230, и въ Померанiи, гдѣ деревня въ Цитенскомъ краю называется *Slauboris* 1159 *Sclauboris* 1178 *Zlaboris* 1195 *Zlauboris* 1216, т. е. по полабски *Slavubrice* или *Slavbrice*, по померански *Slavuborice* или *Slavborice*.

p) Померанское имя: *Sebor* 1223.

q) Уседомское имя: *Zebeborus* 1218, т. е. *Sobebor*.

r) Померельское имя: *Csyborius* 1266 *Ziborius* 1271 *Cyborius* 1277 *Sciborius* 1277 *Scyborius* 1279 *Csiborius* 1282 *Stgborius* 1283 *Ciborius* 1283 *Stibor* 1286 *Tiborius* 1287 *Scibur* 1287 *Stiburius* 1287 *Chsciborius* 1288 *Syborius* 1288, т. е. *Scibor* (изъ *Čьstiborъ*).

s) Померанское имя: *Zwantoborus* 1219 *Suantoborus* 1220 *Zwantoborus* 1235 *Zvantoborus* 1244, т. е. *Svętebor*, можетъ быть, это имя выговаривалось въ Померанскомъ *Svjątobor*, но смягченiе предъ *ą* не отмѣчается въ грамотахъ.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Suantibur* 1350.

Померанское отчество того имени: *Suantoboris* 1181 *Svantiboriz* 1187, т. е. *Svętoboric*.

t) Померельское имя: *Trsebeborius* 1307, т. е. *Třebebor*.

u) Померельское имя: *Zesborius* 1253 т. е. или *Ces'bor [Češ'bor]* прасл. *Těšiborъ* или *Cesťbor [Čestbor]* прасл. *Čьstiborъ*.

v) Деревня Тонебуръ у Камина въ Померанiи называется въ грамотѣ 1308-аго года *Unibur*, т. е. ин. ч. или им. прилаг. относ. имени *Unibur*.

w) Деревня Люстебуръ у Керлина въ Померанiи называется въ грамотѣ 1276-аго года *Vlostibure* т. е. *Vlostibure*, или мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Vlostibur* прасл. *Volstiborъ*, потому *Volstibory* или *Volstiborje*.

x) Въ Старой маркѣ, къ сѣверу Оры, деревня называется *Vuzsoboro* 937 *Uuosoboro* 973. Это названiе относится къ имени *Vьseborъ*, но какъ оно выговаривалось, сомнительно.

Къ этому имени относятся названiя деревни Вибура у Кесслина въ Померанiи. Эта деревня называется *Wisebor* 1240

Digitized by Google

Wissebur 1284 *Wiscebur* 1284 и *Wizeburowe* 1276. Т. е. *Visebor* или *Visebur*, им. прилаг. относ. праслав. *Vьseborjь*, и *Vizeburowe*, им. прилаг. относ. прасл. *Vьseborovo*.

у) Вагрійское имя: *Selibur* у Видукинда и Титмара, т. е. *Želibur* прасл. *Želiborъ*.

Деревня у Пуцига въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Zelibore* 1298 *Zhelibore* 1298 *Zeliborze* 1298, т. е. *Želiboře*, им. прилаг. относ. имени *Želibor*.

Имена, второй корень которыхъ *-borъ*, обнаруживаютъ различіе вендскихъ діалектовъ. Вагрійскія имена имѣютъ уже предъ XIII-мъ столѣтіемъ *-bur*, въ мекленбургскихъ грамотахъ вмѣсто *-bor* пишется *-bur* въ началѣ XIII-го столѣтія, рюгійскія и померанскія грамоты имѣютъ до 1275-го года *-bor*, съ тѣхъ поръ пишется чаще *-bur*, померельскія грамоты не знаютъ *-bur*, только въ Лауенбургскомъ уѣздѣ оно находится съ XV-го столѣтія. Правда, уже передъ 1300-нъ годомъ въ померельскихъ грамотахъ пишется *-bur*, но эти грамоты встрѣчаются въ сношеніяхъ съ монастырями Пельплиномъ и Буковомъ, являющимися учрежденіями мекленбургскихъ монастырей Доберана и Даргуна, слѣдственно это *-bur* объясняется изъ нарѣчія мекленбургскихъ монаховъ этихъ монастырей. Изъ этого слѣдуетъ, что *-borъ* во второмъ корнѣ собственныхъ именъ замѣнилось глухимъ *-bur* въ Вагріи уже предъ XII-ымъ столѣтіемъ, въ Мекленбургѣ предъ XIII-ымъ столѣтіемъ, на Рюгіи и въ Помераніи около 1275-аго года, въ западной части померельскаго нарѣчія около 1400-аго года, но въ Западной Пруссіи оно не измѣнилось.

3ª. *-bornъ*. У нѣкоторыхъ именъ, второй корень которыхъ пишется *-bor* по большей части, находится и *-born -burn*. Можетъ быть, это *-born* произошло изъ праславянскаго *-bornъ*, хотя въ вендскихъ нарѣчіяхъ прасл. группа *or* перемѣнилась группою *ar*, а не группою *or*.

а) Рюгійское имя *Pridbor* пишется *Pridburnus* 1282 *Pribern*

Digitized by Google

1290 *Pritbornus* 1300 *Pritburne* 1302 *Pridburn* 1304 *Predburn* 1304 *Prytbernus* 1310.

b) Деревня Приборнъ у Ребеля въ Мекленбургѣ, въ области Моричанъ, называется въ грамотахъ *Priborne* 1239 *Pryborn* 1302, т. е. *Priborne*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Priborn*. Имя *Pribor* находится въ Померанскомъ и Померельскомъ.

c) Померанское имя *Ratibor* пишется въ Магдебургскихъ лѣтописяхъ въ 1148-омъ году *Rodilbernus*.

4. *-bojь*. Находится только померельское имя: *Mislibous* 1275, т. е. *Misliboj* прасл. *Myslibojь*.

5. *-bratъ*. Находится только имя *Milobratъ*.

a) Померанское имя, у Шлява: *Milobrat* 1200 *Milbradus* 1265 *Mildebrath* 1296.

b) Померельское имя: *Milobrat* 1307.

6. *-dědъ* находится только въ имени *Bezъdědъ*.

a) Померельское имя, въ Стольпѣ: *Besdsadus* (такъ въ Pommerellisches Urkundenbuch, Pommersches Urkundenbuch пишетъ *Beserdsadus*) 1236, т. е. *Bezdsad*.

b) Край (также и замокъ и озеро) въ области Чрезпѣнянъ у Густрова въ Мекленбургѣ называется въ грамотахъ *Bisdet* 1197 *Bisdede* 1229 *Besdede* 1235 *Bistede* 1235 *Bisden* 1257, т. е. *Bizdede* мн. ч. имени *Bizded*.

7. *-domъ* находится въ имени *Bezъ-domъ*.

Деревня Бисдамицъ на Ясмундѣ на Рюгіи называется въ грамотахъ *Bistomitze* 1314 *Bystomitze* въ Рескильдскомъ матрикулѣ, т. е. *Bizdomice*, отчество имени *Bizdom*.

8. *-dorgъ*.

a) Ободритское имя: *Ceadragus* (въ лѣтописяхъ Эйнгарда) *Ceadrogus* (въ Фульдскихъ лѣтописяхъ) 817, т. е. *C°adrog*.

Digitized by Google

b) Вильцское (вѣроятно стодоранское) имя: *Cealadragus* или *Cealadargus* 823, т. е. *C'aladrag* или *C'aladarg*.

c) Деревня у Илова въ Мекленбургѣ, въ области Ободритовъ, называется въ грамотахъ *Moisseledarsiz Moizledarsiz* 1171 *Moysseledarsiz* 1191 *Moisledarsiz* 1211, т. е. *Mojsledarsicė*, отчество имени *Mojsledarg*, прасл. *Myslidorgъ*.

d) Ободритское имя: *Mizzidrog* (у Адама Бременскаго) *Mizzidrag* или *Mizzudrag* (у Гельмольда) 1002, т. е. вѣроятно *Micidrog* прасл. *Mьčidorgъ*, можетъ быть и *Mistidrog*, прасл. *Mьstidorgъ*.

e) Мекленбургская деревня Водорфъ у Висмара, въ области Ободритовъ, называется въ грамотахъ *Wodarge Wodarghe* 1249, также и померанская деревня Водаргъ у Трептова въ Толенсѣ, на границѣ Толенсанъ, называется *Wodarge* 1265, т. е. *Vodarge*, мн. ч. имени *Vodarg*, прасл. *Odorgъ*.

Померельская деревня Одаргау въ Пуцигскомъ уѣздѣ въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Udargo* 1277 *Wdargo* 1279 *Wdargow* 1279 *Udargow* 1283 *Vdargow* 1283, теперь у Кашубовъ *Woedargoewoe*. Теперешнее названіе им. прилаг. относ. имени *Vodarg*, прасл. *Odorgъ*, можетъ быть, и названіе въ грамотахъ относится къ этому имени, хотя вѣроятно, что оно им. прилаг. относ. имени *Udargъ*, прасл. *Udorgъ*.

Рюгійская деревня Ударсъ въ Шапродскомъ намѣстничествѣ называлась въ 1314-омъ году *Udarsitze*, т. е. *Udarsice*, отчество имени *Udarg* прасл. *Udorgъ* или *Vudarg* прасл. *Odorgъ*, потому по рюгійски *Udarsice* или *Vudarsice* прасл. *Udoržice* или *Odoržice*. Теперешнее названіе *Udars* можетъ быть укороченіе названія *Udarsitze*, или оно им. прилаг. относ., по рюгійски *Udarz* или *Vudarz* прасл. *Udoržъ* или *Odoržъ*.

f) Ободритское имя: *Anatrog* (у Адама Бременскаго) *Anadrag* (у Гельмольда) 1032, т. е. вѣроятно *Onodrog*.

g) Деревня Цимдарсе у Грейфенберга въ Померанiи называется въ грамотѣ 1307-аго года *Cymmedarse*, т. е. *Simedarse*, им. прилаг. относ. имени *Simedarg* прасл. *Sėmidorgъ*. Деревня

Digitized by Google

называется въ грамотѣ 1269-аго года (въ матрикулѣ монастыря Бельбука) *Scemidarsne*, т. е. *Semidarsne* прасл. *Sěmidorĭsno*. Можетъ быть, это только описка за *Scemidarse*.

h) Деревня у Даргуна въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называлась въ 1178-омъ году *Szobedarg* т. е. *Sobedarg*, ед. ч., можетъ быть и мн. ч., послѣдняя буква *-e* котораго часто не пишется, имени *Sobedarg* прасл. *Sobědorgъ*.

i) Рюгійская деревня въ Бергенскомъ намѣстничествѣ называется въ грамотахъ *Teghudarsicse Techgodarsitse* 1296 *Techodarsise* 1304 *Tegudarcitse* 1314, позже *Techudarsitse Zechendargatske*, т. е. *Techodarsice Techudarsice* (*o* и во второмъ слогѣ выговаривалось какъ польское *ó*), отчество имени *Techodarg Techudarg* прасл. *Těchodorgъ*.

k) Рюгійское имя: *Thesdarc* 1316, т. е. *Tes'darg* прасл. *Těšidorgъ*.

l) Померанское имя: *Unedarche* 1295, т. е. *Unedarg* прасл. *Unědorgъ*.

Померанское отчество того имени, въ окрестности монастыря Кольбаца: *Vnidarszits*, т. е. *Unidarsic*.

m) Деревня Финкенталь у Гнойена въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называлась въ 1178-омъ году *Vincedargo* т. е. *Vįcedargov*, им. прилаг. относ. имени *Vįcedarg* прасл. *Vętjedorgъ*. Названіе деревни им. прилаг. относ., потому что *-v* въ западныхъ вендскихъ нарѣчіяхъ замѣнилось полугласнымъ *-u* уже предъ XII-ымъ столѣтіемъ и это *-u* не пишется часто въ грамотахъ.

Праславянское *-dorgъ* во второмъ корнѣ собственныхъ именъ является въ видѣ *-drog* или *-drag* и *-darg*. Во время грамотъ является только *-darg*. То же самое находимъ и въ другомъ мѣстѣ. Городъ Старгардъ въ Померанiи называется у біографовъ св. Оттона *Zitarigroda*, въ папскихъ грамотахъ 1140-го и 1238-го года *Stargrod* и *Staregrod*, въ померанскихъ документахъ только *Starogart Starogard Stargard Ztaregard Stargart*. Изъ этого слѣдуетъ, что въ вендскихъ нарѣчіяхъ прасл. *or* замѣнилось груп-

Digitized by Google

пами *ar* и *ro* и что *ar* вытѣснило *ro*. Вендское *o* вѣроятно было очень открытое *o*, этимъ объясняется, что нѣмецкіе авторы писали часто *a*.

9. *-gnĕvъ*.

a) Деревня у Даргуна въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называется въ грамотѣ 1216-аго года *Blisignewitz*, т. е. *Blizignevic*, отчество имени *Blizignev*.

b) Померанское имя, вг Рюгенвальдѣ: *Dubegnewa* 1205.

Померельское имя: *Dobegnews* 1268 *Dubignowe* 1268 *Dobegneus* 1276 *Dobegnevus* 1283 *Dobegnewus* 1283 *Dobegnivus* 1287 *Dubigneus* 1287 *Dobygneff* около 1400.

Городъ Арнсвальде въ Новой Маркѣ называется въ грамотахъ *Dubbegnewe* 1305 *Dubegneve* 1303 *Dubegnewe* 1313, т. е. *Dubegneve*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Dubegnev*, прасл. *Dobĕgnĕvy* или *Dobĕgnĕvje*.

c) Деревня у Даргуна въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называется въ грамотѣ 1178-аго года *Domagnewa villa*, т. е. деревня Домагнѣва. Форма въ грамотѣ *Domagnewa*, можетъ быть, род. пад. имени *Domagnev* или она ж. р. имени прилаг. относ. прасл. *Domagnĕvja*.

Рюгійская деревня Думгневицъ въ Гардскомъ намѣстничествѣ называется въ грамотахъ XIV-аго столѣтія *Dumagnevitze Domagnevitz*, т. е. *Dumagnevice Domagnevice* (*и о* выговаривалось какъ польское *ó*), отчество имени *Domagnev*.

d) Померанское имя, въ Гуцковскомъ краю: *Jarygneu* 1175 *Jerogneu* 1176 *Jarognev* 1176 *Jarogneus* 1186 *Yarognev* 1187 *Gergnew* 1187.

Померанское имя, въ Банскомъ краю: *Jarogneus* 1234.

Померельское имя: *Jarogneus* 1238 *Jarogneuus* 1266 *Jerogneff* 1392 *Jerognieff* около 1400.

Деревня Яргеновъ на Пѣнѣ въ Гуцковскомъ краю называется въ грамотахъ *Jarognev* 1265 *Jarognew* 1267 *Jarogneu*

Digitized by Google

1270 *Jerognev* 1220 *Jargeu* 1241, вѣроятно им. прилаг. относ. имени Ярогнѣвъ.

Вѣроятно, праславянское имя *Jarognĕvъ* выговаривалось въ вендскихъ нарѣчіяхъ какъ *Jărognev*. Что прасл. *ja* въ вендскихъ діалектахъ замѣнилось небнымъ *jă*, это видно и въ другихъ словахъ. Н. п. Деминскій дворянинъ называется въ 1176-омъ году *Janic*, въ 1187-омъ *Janick*, но въ 1186-омъ году *Jenik*, деревня у Нейштата въ Гольстуніи называется въ грамотѣ 1316-аго года *Yarchowe*, въ другихъ грамотахъ *Jerchowe Yericho*, нѣкоторая solitudo у Польхова въ Мекленбургѣ называется *Jarisowe* 1232 и 1238 *Jaresowe Jaressowe* 1282, но *Geresowe Jeresowe* 1216 *Jerusowe* 1248 *Geressowe* 1266 *Geresowe* 1304.

Кромѣ имени *Jarognĕvъ* Венды имѣли и форму *Jarygnĕvъ* (*Jarygneu* 1175). То же самое является и у именъ *Jaromirъ* и *Jaroslavъ*.

e) Померанское имя, въ Деминѣ, въ области Толенсанъ: *Myrgnev* 1175 *Mirogneu* 1181.

Деревня Маріенеге у Ростока въ Мекленбургѣ, въ области Хижанъ, называется въ грамотахъ *Mernowe* 1304 *Merghenewe* 1333 *Mergenewe* 1334 *Mergnewe* 1335 *Marné* 1530. Это названіе относится вѣроятно къ имени *Mirognĕvъ* (мн. ч. или им. прилаг. относ.).

f) Деревня Моргеницъ на Уседомѣ называется въ грамотахъ *Murigneuitz* 1270 *Morghennewytze* 1298 *Morghinewitz* 1310, т. е. *Morignevice*, отчество имени *Morignev*.

g) Ободритское имя: *Pribigniew* 1023.

Рюгійское имя: *Pribygnews* 1232.

Мекленбургская деревня Прибеновъ у Штавенгагена, въ области Толенсанъ, называется въ грамотахъ *Pribegnev* 1260 *Pripigneve* 1260 *Pribigneve* 1266 *Pribegneve* 1282, т. е. *Pribigneve* или *Pribegneve* (*i* е второго слога было очень коротко), мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Pribignev* или *Pribegnev*, прасл. *Pribygnĕvy* или *Pribygnĕvje*.

Digitized by Google

h) Деревня Сандеснебенъ въ герцогствѣ Лауенбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Zanzegnewe* 1230 *Schanzegnewe* 1278, т. е. вѣроятно, *Sądzegnewe*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Sądzegnev*.

i) Померельское имя: *Segneff* 1414.

k) Ободритское имя: *Stoignavus* (въ Санкт-Галенскихъ лѣтописяхъ) *Stoinef* (у Видукинда) *Stoinnegui Stoingneus* (у Титмара) 955, т. е. *Stojgnev*.

Рюгійское имя: *Stognew* 1307 *Sto°gnev* 1320, т. е. *Stognev*, вѣроятно это произошло изъ формы *Stojgnev*.

l) Деревня Тешендорфъ у Ольденбурга въ Гольстиніи называется въ грамотѣ 1286-аго года *Thessengnewendorp*, т. е. деревня Тѣшигнѣва.

10. *-gorъ*.

a) Померанское имя, въ Шлявскомъ уѣздѣ: *Thesegur* 1295 *Tessegur Thessegur* 1296, т. е. *Tesegur* прасл. *Těšigorъ*.

Померельское имя: *Cesigor* 1243—1250, т. е. *Češigor*.

b) Мекленбургское имя у Ростока: *Uencegur* 1189, т. е. *Vęcegur* прасл. *Vętjegorъ*.

c) Въ англо-саксонскихъ лѣтописяхъ въ 1057-омъ году упоминается о померанскомъ славянинѣ *Virthgeorn*. Вѣроятно, это имя выговаривалось по померански *Virtgor* или *Virtigor*, т. е. прасл. *Vьrtigorъ*.

Какъ *-borъ* также и *-gorъ* во второмъ корнѣ собственныхъ именъ замѣнилось глухимъ *-gur* въ Мекленбургѣ, но не въ Западной Пруссіи. Померанское *Tesegur* находится только въ грамотахъ монастыря Букова и объясняется изъ мекленбургскаго нарѣчія монаховъ.

11. *-gostъ*.

a) Озеро у Неймаркта въ Грейфенгагенскомъ уѣздѣ въ Померанiи называется въ грамотахъ *Bandegast* 1220 *Bandegast* или *Bandegust* 1283, т. е. *Bądegost*, им. прилаг. относ. имени

Digitized by Google

Bądegost прасл. *Bądigostъ*. Названіе озера *Bądegost* произошло изъ формы *Bądigoščь*.

b) Померанское имя, въ окрестности монастыря Кольбаца: *Dobrogost* 1220—27.

Померанское имя, въ Шлявскомъ уѣздѣ: *Doburgost* 1302.

Ново-маркское имя: *Dobrigost* 1361.

Померельское имя: *Dobrogost* 1198 *Dobrogust* около 1400. *Dobrigasz* 1411.

Какъ *Jarognĕvъ* и *Jarygnĕvъ* такъ и *Dobrogostъ* и *Dobrygostъ* чередуются. То самое находится и у имени *Dobromirъ* и, можетъ быть, и у *Dobroslavъ*.

c) Озеро у Преца въ Гольстиніи, въ Вагріи, называется въ грамотахъ *Gutegost* 1226 *Guttegust* 1232, т. е. *Chutegost* или *Chutegust* (*o* и выговаривалось какъ польское *ó*), им. прилаг. относ. имени *Chutegust* прасл. *Chotigostъ*. Названіе озера произошло изъ формы *Chotigoščь*.

d) Вильцское (вѣроятно, стодоранское) имя: *Milegastus Millegastus Meligastus Milegatus* (въ лѣтописяхъ Эйнгарда) *Milegastus Milequastus Milecastus Millequastus Milequastus* (въ Vita Hludowici Imperatoris) 823.

Деревня Малисъ у Демица въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Melgoz* 1230 *Melchist* 1277 *Melegiz* 1289 *Melgyz* 1318 *Melgast* 1331 *Mellutze* 1540 *Mellius* 1566. Это названіе, котораго славянская форма сомнительна, относится—можетъ быть—къ имени *Milogostъ*.

Озеро у Стеглица въ Укермаркѣ называется въ Landbuch императора Карла *Malgast*. Вѣроятно, названіе им. прилаг. относ. имени *Milogostъ*.

Деревня Мельгастъ въ Дейч-Кронскомъ уѣздѣ называется въ 1314-омъ году *Milgast* и въ 1337-омъ *Millegosch*, т. е. *Milegošč*, им. прилаг. относ. имени *Milogostъ*.

e) Редарское имя (имя редарскаго бога): *Redigast* (у Адама Бременскаго) *Redegast Radigast* (у Гельмолда), т. е. *Rädigost*.

Деревня Радегастъ у Гадебуша, въ области Полабянъ,

Digitized by Google

называется въ грамотахъ *Radegast* 1194 *Radegust* 1230, т. е. *Radegust*, им. прилаг. относ. имени *Radegust*.

Рѣка Радегастъ въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называется *Radagost* 1188 *Radegast* 1255 *Radegost* 1258 *Rodogost* 1262 *Radagast* 1310 *Radegheste* 1452, т. е. *Radogost* или *Radegost*, им. прилаг. относ. имени *Radogost* или *Radegost*.

Деревня Радегастъ у Крепелина въ Мекленбургѣ, на границѣ Ободритовъ и Хижанъ, называется *Radegoust* 1224 *Radegorst* 1244, т. е. *Radegost*, им. прилаг. относ. имени *Radegost*.

Редарскій городъ, гдѣ былъ храмъ Радигоста, называется у Титмара *Riedegost* или *Riedegast*, т. е. им. прилаг. относ. имени *Radigost*.

Праславянскія формы этого имени были *Radogostъ* и *Radygostъ*. *Rado-* и *Rady-* въ первомъ корнѣ чередуются и въ именахъ *Radomirъ* и *Radoslavъ*.

f) Деревня въ Бельцигскомъ уѣздѣ въ Бранденбургѣ называется въ Landbuch императора Карля *Trebegost*, т. е. им. прилаг. относ. имени *Trebegost*.

То же названіе въ *Triebgust*, притокъ Персанты въ Помераніи.

g) Деревня Вельгастъ у Барта въ Помераніи называется въ грамотахъ *Vilegust* 1242 *Velegast* 1312, т. е. *Vilegust* или *Velegust* (*i e* перваго слога выговаривалось какъ польское *é*), им. прилаг. относ. имени *Vcligostъ*.

Самое названіе отыскивается у деревни Вельгаста у Гавельберга въ Бранденбургѣ, которая называется въ грамотахъ *Weleghaft* (описка вм. *Weleghast*) 1442 *Falgast* 1552 *Felgast* 1560 *Velgast* 1568.

h) Деревня Витгестъ у Густрова въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называлась въ 1346-омъ году *Vitegast*, т. е. им. прилаг. относ. имени *Vitogost*.

i) Померанскій городъ Вольгастъ называется въ грамотахъ *Wologost* 1140 *Wolgost* 1180 *Wolegost* 1186 *Wolgast* 1189

Digitized by Google

Waleguste Walgust 1194 *Wolegast* 1197 *Wolgust* 1228 *Wolegust* 1235 *Wolgůst* 1254. Вѣроятно, это названіе им. прилаг. относ. имени *Vologost* или *Voligostъ*.

Самое названіе относится къ озеру на Уседомѣ, которое называется въ грамотахъ *Wolgast* 1243 *Wolgust* 1305, и къ деревнѣ Вольгаста въ Фридебергскомъ уѣздѣ въ Новой Маркѣ, которая въ 1337-омъ году называлась *Wolgast Wolgasth.*

Праславянское *-gostъ* во второмъ корнѣ собственныхъ именъ отражается въ лѣтописяхъ и грамотахъ формами *-gost -gust* и *-gast*; *-gost* и *-gust* вендскія формы, частое *-gast* вызвано нѣмецкимъ *-gast.*

12. *-gravъ.*

a) Померельское имя: *Jerograff* около 1400-аго года.

b) Померанское имя, въ Деминѣ: *Miregrauus* 1173 *Mirograuus* 1219, т. е. *Mirograv* (*o* во второмъ слогѣ выговаривалось какъ нѣмецкое *ö*). Въ другихъ грамотахъ самый дворянинъ называется *Myrgnev Mirogneu.*

c) Померельское имя жен. рода: *Strograva* 1310.

13. *-chotъ.*

a) Деревня Дабергоцъ въ Рупинскомъ уѣздѣ въ Бранденбургѣ называется въ грамотахъ *Dobbergatz Dabergotz* 1491 *Dahbergotz* 1505 *Dabergatz* 1508 *Dabergotz* 1516 *Doebergatz* 1525 *Dobergatz* 1540; т. е.—вѣроятно—*Dobrochoc* (или *Dobrichoc*), им. прилаг. относ. имени *Dobrochot.*

b) Померельское имя: *Walygot* около 1400, т. е. *Valichot.*

Деревня Валькcфельде въ Рацебургскомъ княжествѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *uilla Walegotsa* 1158 *Walegotesuelde* 1194 *Waleghotesuelde* 1196 *Walegotesvelde* 1230 *Walegotisfelde* 1238 *Walegoldesfelde* 1294 *Walegodesuelde* 1295, т. е. поле Валихота. По полабски это имя выговаривалось *Valechot,* форма *Walegotsa* можетъ быть род. пад. имени *Vali-*

Digitized by Google

chotьžь или—которое вѣроятно—им. прилаг. относ. имени *Valichotz*, т. е. *Valechoca* прасл. *Valichotja*.

c) Рюгійское имя: *Wotzogod* 1224.

14.—*chvalz*.

a) Померанское имя, въ Каминѣ: *Bůcvvalus* 1182 *Bogochulaus* 1186.

Померельское имя: *Bochwval* 1399 *Boguchval Boguchvall Biguchval* около 1400.

15. *-ljubz*. Какъ *-bądz*, также и *-ljubz* во второмъ корнѣ собственныхъ именъ находится только въ названіяхъ мѣстъ, которыя произведены отъ именъ особъ.

a) Деревня Цислюбе у Кривица въ Мекленбургѣ, въ Варнавской области, называется въ грамотахъ *Zicelubbe* 1308 *Tzicelubbe* 1344, т. е. *Cicelube*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Cicelub*.

Въ грамотѣ 1178-аго года упоминается о деревнѣ у Даргуна въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, которая называется *Szizelubiz*, т. е. *Cicelubice*, отчество имени *Cicelub*.

b) Деревня Дарслюбъ, въ Пуцигскомъ уѣздѣ въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Darsolube* 1300 *Darsollub Darselub*, т. е. *Daržolube* или *Darželube*, им. прилаг. относ. имени *Daržolub* или *Darželub*.

c) Деревня Раделюбе у Витенбурга въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Radelube* 1230 *Radelubbe* 1305, т. е. *Radelube*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Radelub* прасл. *Radoljubz* или *Radyljubz*.

d) Деревня Ролюбе въ Ольденбургскомъ уѣздѣ въ Гольстиніи, въ Вагріи, называется въ грамотахъ *Rodelube* 1224 *Rodelubbe* 1230 *Rodelvbe* 1325, т. е. *Rodelube*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Rodelub* прасл. *Rodoljubz*.

e) Деревня Шарлибе во второмъ Іериховскомъ уѣздѣ въ провинціи Саксоніи называется въ грамотахъ *Scorlup* 1097

Digitized by Google

Schorlubbe въ XIV-омъ столѣт. Можетъ быть, это названіе мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Skoroljubъ*.

Вѣроятно этимъ самымъ именемъ называется Шарлибенъ у Бурга въ первомъ Іериховскомъ уѣздѣ, въ 1533-мъ году это мѣсто называлось *Schullubbe*.

f) Деревня Цвилипъ у Керлина въ Помераніи называется въ грамотахъ *Suelube* 1159 *Szwelube* 1184 *Sulebe* или *Suelebe* 1241 *Szuelube* 1267 *Swelube* 1310, т. е. *Svelube*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Svelub* прасл. *Sveljubъ* или *Svojeljubъ*.

g) Деревня Вотлюбе у Гадебуша въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Vitelube* 1230 *Vitulube* 1237 *Vitelubbe* 1287, т. е. *Vitelube*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Vitelub* прасл. *Vitoljubъ*.

Этимъ же именемъ называются деревни Витлюбе у Любца въ Мекленбургѣ, въ Десерской области (*Vitelubbe* 1274 *Vittelubbe* 1558 *Vietelübde* 1643), и Витлюбе у Гримена въ Помераніи (*Vitelubbe* 1321).

h) Ручей у Даргуна въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называется въ грамотахъ, впервые въ 1173-мъ году, *Zimulubu*, т. е. *Zimulubou* или *Simulubou*, им. прилаг. относ. имени *Zimulub* или *Simulub*, прасл. *Zimoljubъ* или *Sémoljubъ*.

16. *-ljudъ*.

Деревня Даргелюцъ (*Dargelütz*, также и въ 1582-мъ году) у Пархима въ Мекленбургѣ, въ Варнавской области, доказываетъ, можетъ быть, имя *Dargelud* прасл. *Dorgoljudъ*, *Dargelütz*, т. е. *Dargeludz*, им. прилаг. относ., прасл. *Dorgoludjъ*.

17. *-mirъ* и *-mérъ*.

a) Померельское имя: *Bendzemirus* 1335 *Bandzemir* 1364 *Bentzemer* 1405 *Bandzemirs* 1406, т. е. *Bądzemir* и *Bądzemiř*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Bandemer* 1403, т. е. *Bądemer*.

Digitized by Google

Деревня Баннесдорфъ на Фемарнѣ называется въ грамотахъ *Bondemaerthorp* 1231 *Bamerstorpe* 1321 *Bantmerstorpe* 1485 *Bandtmerstorp* 1503 *Bandmestorpp* 1558 *Bandemstorp* 1590, т. е. деревня Бандемѣра, имя выговаривалось, вѣроятно, *Bądemer*.

Деревня Бандельсторфъ у Ростока въ Мекленбургѣ, въ области Хижанъ, называется въ грамотахъ *Bantmerstorp* 1338 *Bannemerstorp* 1339 *Bandemerstorpe* 1347, т. е. деревня Бандемѣра, имя выговаривалось *Bądemer*.

b) Мекленбургское имя, въ области Полабянъ: *Blisemer* 1230.

Деревня Бливенсторфъ у Нейштата въ Мекленбургѣ, въ Линонской области, называется въ грамотѣ 1300-го года *Blisemerstorpe*, т. е. деревня Близимѣра, имя выговаривалось *Blizemer*.

c) Мекленбургское имя, въ Ростокѣ: *Zelmar* 1301, т. е. *Celmar* или *Zelmar*, прасл. *Cělimerъ* или *Želiměrъ*.

Рюгійское имя: *Tzelmer* 1316, т. е. *Celmer* прасл. *Cělimĕr*.

Деревня Сельмсторфъ въ Рацебургскомъ княжествѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Celmerstorpe* 1306 *Celmerstorppe* 1336, т. е. деревня Цельмера, имя выговаривалось *Celmer* или *Zelmer*.

Деревня Сильмерсдорфъ у Путлица въ Бранденбургѣ, въ Линонской области, называется въ грамотахъ *Selmerstorpe* 1405 *Selmerstorp* 1492, т. е. деревня Зельмера, имя выговаривалось *Zelmer*, прасл. *Želiměrъ*.

d) Рюгійское имя: *Circimerus* 1221 *Citzzimar Citzcimarus* 1247, т. е. *Cicimar*.

Померанское имя: *Scezimarus* 1266, т. е. *Cecimar*.

Монастырь Цисмаръ въ Гольстиніи, въ Вагріи, называется въ грамотахъ *Sicimeresthorp* 1231 *Cicemer* 1245 *Cicimer* 1245 *Cycimer* 1251 *Cicemere* 1253 *Scicimer* 1262 *Scycimaria* 1265 *Sicimer* 1265 *Cissemere* 1266 *Cyscemaria* 1266 *Zizzemare*

Digitized by Google

1273 *Ziscemare* 1276, позже *Cicemar Cyscemare Citzemer Cysmaria Cycemere Scismaria Cismaria Ciccemere Cizmare Ziscemere Scicemer Cytcemer Cicemaria Ciscemer Cycemer Cismer Cysmer Cyscemer Cycimer Sisszmar Cismare*, т. е. *Cicimere* или *Cicemere*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Cicimer* или *Cicemer* (*e i* второго слога было очень коротко), которое кажется въ формѣ *Sicimeresthorp*.

Деревня у Висмара въ Мекленбургѣ, въ области Ободритовъ, называется въ грамотахъ *Ciscemarestorp* 1282 *Scismerstorpe* 1293 *Cismerstorpe* 1303 *Cismerstorp* 1323, т. е. деревня Цицемара, имя выговаривалось *Cicemar* или *Cicemer*. Въ 1532-мъ году та деревня называлась *Tesszmerstorpe*, т. е. деревня Тѣшимѣра.

e) Померельское имя: *Gestomirus* 1257 *Cestomirus* 1259 *Czestomar* 1407, т. е. *Čestomir* и *Čestomar* прасл. *Čьstomirъ* и *Čьstomérъ*.

Лицо, которое въ 1407-мъ году называется *Czestomar*, называется въ 1400-мъ году *Ztessomir* и въ другой грамотѣ *Schessemer*. Это вѣроятно описки.

f) Померанское имя, въ Штетинѣ: *Dalemarus* 1219 *Dalimirus* 1229 *Dalimarus* 1235, т. е. *Dalimar* и *Dalimir*.

Деревня Дальмсдорфъ у Ней-Стрелица въ Мекленбургѣ, на границѣ Моричанъ и Толенсанъ, называется въ грамотахъ *Dalmerstorpe Dalmestorp* 1257 *Dalmersdorp* 1314, т. е. деревня Далимира, имя выговаривалось *Dalmer*.

g) Деревня Демернъ въ Рацебургскомъ княжествѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Demere* 1230 *Demeren* 1255. Вѣроятно, это названіе выговаривалось *Dejmere*, т. е. мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Dejmer* прасл. *Dějmérъ*.

h) Мекленбургское имя, въ области Ободритовъ: *Dobimerigorca* 1177, т. е. горка Добимера (у Доберана), имя выговаривалось *Dobimer*.

Померанское имя, въ Деминѣ: *Dobemarus* 1220 *Dubimerus*

Digitized by Google

1215 *Dobemerus Dobimerus* 1219 *Dobimarus* 1228, т. е. *Dobimer* и *Dobimar*. Этотъ Добимаръ называется въ 1227-мъ году *Dobermarus* и въ 1228-мъ *Dobrimarus*.

i) Рюгійское имя: *Dubbermarus* 1285 *Dubermarus* 1312, т. е. *Dubr°mar* прасл. *Dobroměrъ*.

Померанское имя: *Dobromarus* 1256, т. е. *Dobromar*.

Померельское имя: *Dobromir* 1407.

k) Мекленбургское имя: *Dummemarus* 1218 *Dummamir* 1219, т. е. *Dumemar* и *Dumamir* прасл. *Domaměrъ* и *Domamirъ*.

Деревня Дюмеръ у Витенбурга въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Dummere* 1230, т. е., вѣроятно *Dumamere*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Dumamer*.

Имя *Domamir* находится и въ названіяхъ Думерсдорфа у Травемюнда (*Dummerstorp* 1268), Думерсдорфа у Рибница въ Мекленбургѣ (*Dummerstorp* 1497) и деревни у Демина въ Помераніи (*Dummersdorp* 1292).

l) Рюгійское имя: *Dargomarus Dragomarus Dargemerus Darghemarus* 1320 *Dargumar* 1322, т. е. *Dargemar* (*Dragomarus* вѣроятно описка) прасл. *Dorgoměrъ*.

Померельское имя: *Dargomir* 1401 *Dargumir* 1404.

m) Померельское имя: *Donnamir* около 1400.

n) Померанское имя, на Волинѣ: *Gneumarus* 1277, т. е. *Gneumar* прасл. *Gněvoměrъ*.

Рюгійское имя: *Gneomerus* 1221, т. е. *Gnevomer* прасл. *Gněvoměrъ*.

Померанское имя: въ окрестности Шлява: *Gnewomer* 1262 *Gneumarus* 1263 *Gneomarus* 1265 *Gnewomarus* 1266 *Gnewemarus* 1266 *Gneuemarus* 1267 *Gnewmarus* 1295.

Укранское имя: *Gneneumer* 1189.

Померельское имя: *Gneomirus* 1215 *Gnewomirus* 1227 *Gneumarus* 1247 *Gnewumerus* 1243 *Gniuomirus* 1248 *Gneu-*

Digitized by Google

matus 1248 *Gneomerus* 1285 *Gneomar* 1288 *Gneommer Gneomer Gnemer* 1292 *Gneomir* 1349.

Деревня Гнемернъ у Бюцова въ Мекленбургѣ, на границѣ Ободритовъ и Хижанъ, называется въ грамотахъ *Gnemere* 1320, т. е. мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Gnévoměrъ*.

Праславянское *Gnévoměrъ* отражается въ вендскихъ нарѣчіяхъ формами *Gnevomer Gnevmer Gneomer Gneumer* или *Gnevmer Gnemer*. Вѣроятно *v* предъ *o* и второго слога, которое выговаривалось какъ польское *ó*, было очень слабо, позже *o* во второмъ слогѣ исчезло и изъ формы *Gnevmer* произошло *Gnemer*. То самое находимъ у именъ, которыя имѣютъ въ первомъ корнѣ *slavo-*.

о) Померанское имя, въ Вольгастѣ: *Gustimarus* 1229 *Gustimarus* 1229, т. е. *Gustimar* прасл. *Gostiměrъ*.

р) Померанское имя, въ Шлавскомъ уѣздѣ: *Gresmarus* 1295 *Gressemyrus* 1304 *Gressemarus* 1309, т. е. *Gresemar* и *Gresemir* прасл. *Grěšimerъ* и *Grěšimirъ*.

г) Померельское имя, въ Стольпскомъ уѣздѣ: *Grossemarus* 1313, т. е. *Grozemar* прасл. *Groziměrъ*. Можетъ быть, *Grossemarus* описка вм. *Gressemarus*.

s) Мекленбургское имя, въ окрестности Ребеля и Мирова: *Gotimerus* 1227 *Gutimerus* 1233 *Gotemarus* 1238 *Chotemarus* 1239 *Cotemer* 1256 *Ghotemerus* 1273 *Chotemir* 1285 *Chotemer* 1285 *Chotemar* 1286 *Gothemarus* 1290, т. е. *Chotemär* и *Chotemir* прасл. *Chotiměrъ* и *Chotimirъ*.

Померанское имя, въ области Толенсанъ: *Guthimarus* 1277, т. е. *Chutimar* прасл. *Chotiměrъ*.

Померанское имя, въ Деминѣ: *Cotimarus* 1173 *Kotimarus* 1173 т. е. *Chotimar*.

Померанское имя, въ Гуцковѣ: *Gothemarus* 1274, т. е. *Chotemar*.

Померанское имя, въ окрестности монастыря Кольбаца: *Kotimarus* 1219 *Kotimerus* 1220 *Gotemarus* 1229, т. е. *Chotimär*.

Digitized by Google

Померельское имя: *Kozzemirus* 1315 *Chocimirus* 1329 *Chocymirus* 1329 *Cotzemirus* 1335 *Coccimerus* 1335, т. е. *Chocimir* прасл. *Chotimirъ*.

Озеро у Варена въ Мекленбургѣ, въ области Моричанъ, называется въ грамотѣ 1257-го года *stagnum Cuthimershe*. Можетъ быть, это «озеро Хотимира». Издатели Meklenburgisches Urkundenbuch думаютъ, что *Cuthimershe* описка вм. *Cuthunershe*, т. е. озеро Готунское—вблизи озера находится деревня Готунъ.

Деревня Гуцмеровъ въ Стольпскомъ уѣздѣ, въ грамотѣ 1453-го года *Ghutzmerowe*, теперь у Кашубовъ *Choecmirowoe*, т. е. им. прилаг. относ. имени *Choecmir* прасл. *Chotimirъ*.

t) Померельское имя: *Falimirus* 1268 *Chalimirus* 1273 *Gualemirus* 1274 *Gewalimirus* 1274 *Chewalimirus* 1274 *Chwalimirus* 1274 *Chwalimyr* 1278 *Phalimirus* 1284 *Chfalimirus* 1286, т. е. *Chwalimir* и *Falimir* прасл. *Chwalimirъ*.

Деревня Фальмерово во Флатовскомъ уѣздѣ называлась въ 1413-омъ году *Qualmerow* т. е. *Chwalmerow*, им. прилаг. относ. имени *Chwalimirъ*.

Въ кашубскомъ языкѣ *f* не встрѣчается вмѣсто праславянскаго *chv*, какъ въ польскомъ. Но въ померельскихъ грамотахъ отыскивается *f* у имени *Chwalimirъ* и у названія деревни Квашина въ Нейштатскомъ уѣздѣ. Эта деревня называется *Quassino* 1283 *Quassin* 1283 *Quassinow* 1283 *Quasin* 1283, но въ 1301-омъ году *Fascyno* и *Fascino*. Но грамоты 1301-аго года писаны въ Вышлавскѣ, грамота 1284-аго года, въ которой *Phalimirus* кажется, въ Накелѣ, только грамота 1278-аго года, въ которой *Falimirus*, въ померельской области, въ Швецѣ. Поэтому *f* объясняется изъ польскаго, *chv* изъ померельскаго произношенія. Только въ юго-восточной части померельской области, у Швеца, говорилось, можетъ быть, *f* вмѣсто праславянскаго *chv*.

Что въ померельскомъ языкѣ *chv* не выговаривалось какъ *f*, видно также и изъ того, что Чарнковскій бургграфъ, который въ 1288-омъ году называется *Falo*, въ 1287-омъ году

Digitized by Google

въ грамотѣ герцога Местwина, писанной per manus domini Johannis notarii nostri, называется *Chualo*.

Поэтому померельская форма праславянскаго имени *Chvalimirъ* была *Chvalimir*.

u) Мекленбургское имя, въ Висмарѣ: *Jermarus* 1250 т. е. *Jermar* прасл. *Jaroměrъ*.

Мекленбургское имя, у Доберана: *Germarus* 1177 т. е. *Jermar*.

Рюгійское имя: *Jarimarus* 1189 *Jeromarus* 1193 *Jarmerus* 1193 *Jaromerus* 1209 *Jaromarus* 1221 *Yaromer* 1232 *Yaromarus* 1232 *Jervmarus* 1237 *Germarus* 1245 *Jarmarus* 1261 *Yermarus* 1261 *Jermarus* 1275 *Jaramarus* 1303 т. е. *Jarimar Järomär Järmar* прасл. *Jaryměrъ* и *Jaroměrъ*.

Померанское имя: *Jaromarus* 1183 *Jeromerus* 1189 т. е. *Järomär*.

Деревня Ярмсторфъ у Гадебуша въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называлась въ 1230-омъ году *Germerstorp*, т. е. деревня Яромира; имя выговаривалось *Järmär*.

Отчество этого имени мекленбургское: *Germeriz* 1218 *Jermeriz* 1219, т. е. *Järmeric*, прасл. *Jaroměritjь*.

v) Источникъ у Шарпцова у Мальхина въ Мекленбургѣ, въ области Толенсанъ, называется въ грамотѣ 1229-аго года *Gidamer*, т. е. *Jidamer*, можетъ быть, им. прилаг. относ. имени *Jidamer*, прасл. *Jedaměrъ*.

w) Померанское имя: *Kazimerus* 1159 *Casemarus* 1170 *Cazimerus* 1170 *Cazimarus* 1171 *Kazemarus* 1171 *Kazimarus* 1173 *Kasimerus* 1175 *Kazimarus* 1176 *Kazymarus* 1176 *Casemarus* 1176 *Kasemarus* 1180 *Cazamirus* 1180 *Kazamarus* 1180 *Kazimer* 1187 *Kazimirus* 1194 *Kasimarus* 1212 *Kazemerus* 1220 *Kasemerus* 1220, т. е. *Kazimär Kazemär* и *Kazimir Kazemir* прасл. *Kaziměrъ* и *Kazimirъ*.

Померанское имя, въ окрестности Кольберга: *Kazimarus* 1274 т. е. *Kazimar*.

Digitized by Google

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Casimirus* 1330 т. е. *Kazimir*.

Померельское имя: *Casimirus* 1345 *Kasmir* 1398 т. е. *Kazimir*.

x) Деревня Крюмель у Мирова въ Мекленбургѣ, въ области Моричанъ, называется въ грамотахъ *Crumemir* 1237 *Crummere* 1274, т. е. *Krumemire*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Krumemir* прасл. *Kroměmirъ*.

y) Ободритское имя: *Lubemarus* 1160 (у Гельмольда) *Lubimarus* 1158 *Livbimarus* 1171 *Lubimarus* 1174 *Lubymarus* 1260 т. е. *Ljubimar* и (изъ этого) *Lubimar* прасл. *Ljubiměrъ*.

z) Померанское имя, въ окрестности Камина: *Lutmarus* 1299 *Luthemarus* 1308 т. е. *Lutemar* прасл. *Ljutoměrъ*.

Померанское имя, въ окрестности Камина: *Lucemarus* 1296 *Luthemarus* 1297 *Luttemarus* 1304 *Lutemarus* 1304, т. е. *Lutemar*. *Lucemarus* (грамота находится только въ матрикулѣ монастыря Букова) вѣроятно описка вм. *Lutemarus*.

Померельское имя, въ Стольпѣ: *Lutomirus* 1288 т. е. *Lutomir*.

a′) Въ матрикулѣ епископства Рескильда деревня на Рюгіи называется *Malmeritze*, т. е. *Malmerice*, отчество имени *Malmer Malomer*, прасл. *Maloměrъ*.

b′) Деревня Мендроміерсъ въ Тухельскомъ уѣздѣ въ Западной Пруссіи называется въ грамотѣ 1313-аго года *Mandromicze* (описка за *Mandromirze*), т. е. *Mądromiře*, им. прилаг. относ. имени *Mądromir* прасл. *Mądromirъ*.

c′) Деревня въ Темплинскомъ уѣздѣ въ Укермаркѣ называется *Milmersdorf*, т. е. деревня Миломѣра, прасл. *Miloměrъ*.

d′) Рюгійское имя: *Mizlimer* 1240 *Muzelinarus* 1242 *Mucelinarus* въ некрологѣ монастыря Нейенкампа *Mayzlimarus* 1283 *Moyzlemer* 1316 т. е. *Mislimär* и позже *Mojslimär* прасл. *Myslimérъ*.

Померельское имя: *Missilmir* 1390 т. е. *Mislmir*.

Деревня Мейшенсдорфъ въ Ольденбургскомъ уѣздѣ въ Гольц-

Digitized by Google

стинiи, въ Вагріи, называлась въ 1340-омъ году *Moysmerstorpe*, т. е., вѣроятно деревня Мыслимира. *Mojsmer* произошло изъ *Mojslmer Mojslimer* прасл. *Myslimérъ*.

e′) Померанское имя, въ Деминѣ: *Naomarus* (описка за *Nacmarus*) 1208 *Nachimarus* 1228 *Nacimer* 1228 *Nachemirus* 1228 *Natzimer* 1229 *Natsimarus* 1242 т. е. *Nacimär* и *Nacimir*.

Померанское имя, въ окрестности Кеслина: *Nacemarus* 1297 *Nazmer* 1343 т. е. *Nacemär*.

Померанское имя, въ Шлявскомъ уѣздѣ: *Nazemarus* 1301 *Nassemarus* 1304 *Natzemer* 1398 т. е. *Nacemär*.

f′) Рюгійское имя *Nedamarus* 1240 *Nedamir* 1241 *Nidemarus* 1247 *Nidemar* 1302, т. е. *Nedamär Nidämär* и *Nidamir*.

Померанское имя, въ Вольгастѣ: *Nedamir* 1180.

Померанское имя, въ Волинѣ: *Nedamer* 1024.

Померельское имя: *Nedomir* около 1400.

g′) Рюгійская деревня Нипмеровъ на Ясмундѣ называлась въ 1314-омъ году *Nipomeruitze*, т. е. *Nipomerovice*, отчество имени *Nipomer;* въ матрикулѣ епископства Рескильда эта деревня называется *Ny Pomerow* т. е. *Nipomerov*, им. прилаг. относ. имени *Nipomer*.

h′) Датскій историкъ Saxo Grammaticus упоминаетъ о князѣ Чрезпѣнянъ *Otimarus* т. е. *Otimar*.

i′) Померанское отчество: *Plochimeris* т. е. *Plochimeric*, отчество имени *Plochimer*.

k′) Рюгійское имя: *Pritmir* (или *Prietmur*, *Pryetmůr*, *Prietmir*, *Pritiniz*) 1221 т. е. *Pridmir*.

ℓ) Мекленбургское имя, въ Ростокѣ: *Rademir* 1189 т. е. *Rademir* прасл. *Radomirъ*.

Мекленбургское имя, въ области Чрезпѣнянъ: *Rademarus* 1271 т. е. *Rademar* прасл. *Radomérъ*.

Рюгійское имя: *Redomer* 1240 *Redomarus* 1242 *Reddemersson* 1316 т. е. *Rädomär*.

Померельское имя: *Redomyr* 1409 т. е. *Redemir*.

Digitized by Google

Деревня у Гревесмюлена въ Мекленбургѣ, въ области Ободритовъ, называлась въ 1230-омъ году *Rademersuelt*, т. е. поле Радомира, имя выговаривалось *Rademer*.

m′) Мекленбургское имя, въ области Полабянъ: *Ratmarus* 1230 т. е. *Ratmar* прасл. *Ratiměrъ*.

Померанское имя, въ окрестности Штетина: *Ratmirus* 1229 *Ratimarus* 1234 *Ratimaranus* 1234 *Retimarus* 1236 *Ratmarus* 1237 *Ratimerus* 1243 т. е. *Rätimär* (и изъ этого *Ratmar*) и *Ratmir* прасл. *Ratiměrъ* и *Ratimirъ*.

«Деревнею Ратимира» назывались три деревни въ Гольштиніи, въ Вагріи: Ратіенсдорфъ въ Ольденбургскомъ уѣздѣ (*Ratmersdorp* 1301 *Ratmerstorpe* 1315), Ратіенсдорфъ въ Плескомъ уѣздѣ (въ грамотахъ *Ratmerstorp*) и деревня у Плена (*Ratmerstorp* 1246). Имя выговаривалось *Ratmer*.

Деревня Ретмеръ у Люнебурга называлась въ 1296-омъ году *Rethmere*, т. е. *Retmere*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Retmer*, прасл. *Ratiměry* или *Ratiměrje*.

n′) Померанское имя, въ Шлявскомъ уѣздѣ: *Rodamarus* 1265 *Rodomarus* 1266 *Radomarus* 1266 т. е. *Rodomar* прасл. *Rodoměrъ*.

Озеро у Стернгагена въ Укермаркѣ называется въ 1387-омъ году *Rodemer*, им. прилаг. относ. имени *Rodemer*, прасл. *Rodoměrъ*.

o′) Померельское имя: *Sandzemirus* 1295, т. е. *Sądzemir* прасл. *Sądimirъ*.

p′) Мекленбургское отчество, въ области Чрезпѣнянъ: *Scarbimariz*, т. е. *Skarbimaric*, отчество имени *Skarbimar*.

q′) Ободритское имя: *Sclaomir* (въ лѣтописяхъ Эйнгарда и въ Фульдскихъ лѣтописяхъ) *Sclaomirus* (въ Vita Hludowici Imperatoris) 817 т. е. *Sla^{v}omir* прасл. *Slavomirъ*.

Померанское имя, въ Деминѣ: *Slaumer* 1194 *Slauomirus* 1194 *Zlaumarus* 1214 т. е. *Slavomir* и *Sla^{v}umär* прасл. *Slavomirъ* и *Slavoměrъ*.

Digitized by Google

Померанское имя женск. р., въ Демминѣ: *Slaumera* 1241 т. е. *Sla°umera* прасл. *Slavoměra.*

Померанское имя, на Волинѣ: *Slawemer Slawmer* 1380.

Померанское имя, въ окрестности Кольберга: *Zlawemarus* 1253 *Zlawomarus* 1264 *Sclawomarus* 1266 *Slaumarus* 1266 *Slaomerus* 1270, т. е. *Slavomär Sla°omär.*

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Slawemer* 1403.

Померельское имя: *Slavimir* около 1400.

«Деревнею, потокомъ Славомира» называются нѣкоторыя мѣста въ окрестности Ольдеслоа въ Гольстиніи, у которыхъ находится limes Saxonicus Карла Великаго: деревня Шлямерсдорфъ у Ольдеслоа (*Slamerstorp* 1342), деревня Эйхеде у Ольдеслоа (*Slamersekede* 1259 *Slamerseke* 1288), деревня Шлямерсдорфъ въ Сегебергскомъ уѣздѣ (*Slamerstorp* 1197 *Slamerestorp* 1225), потокъ *Schlamersbek*, источникъ Бесты, лѣсокъ *Schlamerrehm* у Седорфа въ Сегебергскомъ уѣздѣ. Имя выговаривалось *Slamer* изъ *Slavmer Slavomer.*

г′) Померельское имя: *Sthrezemirus* 1295.

з′) Померанское имя, въ окресности Демина: *Subemir* 1180, т. е. прасл. *Soběmirъ.*

t′) Померанское имя, въ области Толенсанъ: *Zuillemarus* 1173 *Suillimarus* 1174 *Zulimarus* 1217, т. е. *Sülimar* прасл. *Suliměrъ.*

Рюгійское имя: *Zulmer* 1319.

Померанское имя женск. р., въ окрестности Шлява: *Sulemer* 1295.

Померельское имя: *Sulimir* 1257 *Svlimirus* 1260 *Sulmirus* 1285 *Solmy'r* около 1400 *Sulemir* 1406, т. е. *Sulimir Sulemir* прасл. *Sulimirъ. Solmy'r* доказываетъ, что *u* было коротко.

u′) Деревня Шмирау у Цопота въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Swemirowe* 1209 *Swemirovo* 1224 *Swimirovo* 1245, т. е. *Svemirovo*, им. прилаг. относ. имени *Svemir* прасл. *Svemirъ* или *Svojemirъ.*

v′) Рюгійское имя: *Tangomir* 1224, т. е. *Tągomir.*

Digitized by Google

w′) Вагрійское имя: *Thessemar* у Гельмольда *Tossemar* (описка за *Tessemar*) 1292, т. е. *Tesemar* прасл. *Těšiměrъ*.

Полабское имя: *Tessemarus* 1307, т. е. *Tesemar*.

Мекленбургское имя, у Нейбукова: *Tessemarus* 1232 *Tessemer* 1241, т. е. *Tesemär*.

Мекленбургское имя, у Густрова: *Tessemarus* 1262 *Tesmarus* 1301 *Testmarus* 1310, т. е. *Tesemar* и позже *Tesmar*.

Рюгійское имя: *Tessemar* 1237 *Thesmarus* 1302 *Tesmarus* 1315 *Thessemer* 1316 *Thesmaerus* 1316 *Tezmarus* 1321 *Tessemarus* 1323 *Tescemer* 1323, т. е. *Tesemär* и *Tesmar*.

Померанское имя, въ Деминѣ: *Thessemarus* 1228 *Tessemarus* 1228, т. е. *Tesemar*.

Померанское имя, въ Пирицкомъ краю: *Thessimerus* 1212 *Tessimerus* 1212, т. е. *Tesimer*.

Померанское имя, въ окрестности Кеслина: *Tessemarus* 1289 *Thesmarus* 1294 *Tesmarus* 1299 *Thezemarus* 1301 *Thessemarus* 1301, т. е. *Tesemar*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Tessemarius* 1330, т. е. *Tesemar*.

Деревня въ Ольденбургскомъ уѣздѣ въ Гольстиніи называлась въ 1231-мъ году *Tesmerthorpe*, т. е. деревня Тѣшимира, имя выговаривалось *Tesmer*.

Деревня Тесмансдорфъ у Нейбукова въ Мекленбургѣ, въ области Ободритовъ, называется въ грамотахъ *Tessemeressdorp* 1249 *Tesmerstorp* 1303, т. е. деревня Тѣшимира, имя выговаривалось *Tesemer* и позже *Tesemer*.

Отчества этого имени:

Мекленбургское (толенсанское): *Tessemeris* 1173 *Tessimeris* 1219, т. е. *Tesimeric* (*i* во второмъ слогѣ выговаривалось очень коротко) прасл. *Těšiměritjь*.

Рюгійское: *Tessimeriis* 1241, т. е. *Tesimeric*.

x′) Мекленбургское имя, въ Верльскомъ княжествѣ: *Tribemer* 1238, т. е. прасл. *Trěběměrъ*.

Digitized by Google

Померанское имя, въ Гуцковѣ: *Trebemarus* 1228, т. е. *Trebemar.*

Померанское имя, у Бельбука: *Trebemer* 1262 *Trebemarus* 1280, т. е. *Trebemăr.*

Деревня у Даргуна въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называется въ грамотѣ 1178-го года *Tribemer*, т. е. им. прилаг. относ. имени *Tribemer*, прасл. *Trěběmĕrjь.*

y′) Стодоранское имя: *Tugumir* (у Видукинда). Можетъ быть, это имя то самое какъ рюгійское *Tągomir: u* вмѣсто праславянскаго *ą* находится въ вендскихъ нарѣчіяхъ и въ другихъ словахъ.

z′) Рюгійское имя: *Turemerson* 1322, т. е. сынъ Туримира, имя выговаривалось *Turemer* — праслав. *Turimĕrъ* или *Turomĕrъ.*

a″) Померельское имя: *Twoximir* 1198.

b″) Деревня Вильмерсдорфъ въ Пригницѣ называется въ грамотахъ *Velmerstorpe* 1350 *Wylmerstorp* 1351 *Wilmerstorpe* 1366, т. е. деревня Велимира, имя выговаривалось *Velmer Vilmer* прасл. *Velimĕrъ.*

c″) Деревня Вацмирсъ у Диршауа въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Wartzimir* 1282 *Warcimirz* 1305, т. е. *Varcimiř*, им. прилаг. относ. имени *Varcimir* прасл. *Vortimirъ.*

d″) Рюгійское имя: *Uincemir* 1241, т. е. *Vįcemir* прасл. *Vętjemirъ.*

Померанское имя, въ Деминѣ: *Venemer* 1229, т. е. *Vęcmer Vęcemer* прасл. *Vętjemĕrъ.*

Померанское имя, въ Штетинѣ: *Vencemarus* 1243, т. е. *Vęcemar* прасл. *Vętjemĕrъ.*

Померельское имя: *Vicemir* 1399. Это слово доказываетъ, что въ померельскомъ языкѣ уже передъ XV-мъ столѣтіемъ праславянское и древне-померельское *ę* замѣнилось неносовымъ *i.*

Digitized by Google

e″) Рюгійское имя: *Witomer* 1221, т. е. *Vitomer* прасл. *Vitoměrъ*.

f″) Померанское имя, въ Кольбергѣ: *Wsemir* 1194 *Wsemarus* 1219, т. е. *Vsemir* и *Vsemar* прасл. *Vьśemirъ* и *Vьśeměrъ*.

Померанское имя, въ Шлявѣ: *Wsemir* 1223, т. е. *Vsemir*.

Городъ Висмаръ въ Мекленбургѣ, въ области Ободритовъ, называется въ грамотахъ *Wissemara* 1167 *Wissemer* 1171 *Wissemere* 1209 *Wyssemaria* 1229 *Wissemaria Wismaria* 1237 *Wissemare* 1250 *Wysmaria* 1257 *Wismer* 1269 *Wissmar* 1271 *Wismar* 1283 *Wismere* 1288, т. е. *Visemāre*, им. прилаг. относ. имени *Visemar*. Это имя произошло, вѣроятно, изъ праславянскаго *Vьśeměrъ, Vyśeměrъ,* которое, думать-можно, замѣнилось бы въ ободритскомъ языкѣ формою *Vojsemar*, потому что прасл. *y* замѣнилось двугласнымъ *oj,* какъ доказываютъ названія Пойшовъ (у Гревесмюлена, въ грамотахъ *Poisecowe* 1230 *Poischow* 1297 *Poyskower feld* 1307, т. е. *Pojskove* праслав. *Pyśkovo*) и Пойшенборфъ у Нейклостера (1576 *Poischendorff,* т. е. деревня *Пойша*, имя *Pojsk* прасл. *Pyśkъ*).

Двѣ деревни, которыя называются *Wismar,* находятся у Страсбурга въ Укермаркѣ и у Наугарда въ Помераніи. Въ виду того, что ни въ Украинскомъ, ни въ Померанскомъ прасл. *y* не замѣнилось двугласнымъ *oj*, эти названія, можетъ быть, относятся къ имени *Vyśeměrъ*, а не къ *Vьśeměrъ*.

g″) Деревня Саристорфъ у Густрова въ Мекленбургѣ называется въ грамотахъ *Sarmstorpe* 1339 *Sarmestorp* 1342 *Sarmerstorpe* 1345. Можетъ быть, это названіе «деревня Жаромира», праславянское имя *Žaroměr*.

Вмѣсто праславянскаго *-mirъ* во второмъ корнѣ собственныхъ именъ во всѣхъ вендскихъ нарѣчіяхъ кромѣ *-mir* находится и *-mer -mar*, чаще въ западныхъ, рѣже въ восточныхъ. Нельзя допустить, чтобы это *-mer -mar* произошло изъ праславянскаго *-mir:* оно произошло изъ *-měrъ*. Сомнительно, чтобы имена, которыя имѣли во второмъ корнѣ *-měrъ*, существовали въ праславянскомъ языкѣ. Вендскія нарѣчія не доказываютъ этого, потому

Digitized by Google

что всѣ они говорятся или говорились въ странахъ, въ которыхъ прежде были Германцы, у которыхъ много именъ имѣло во второмъ корнѣ *-mēr-*. Можетъ быть, изъ этого *-mēr-* произошло вендское *-mĕrъ*.

Это *-mĕrъ* пишется въ грамотахъ *-mer* и *-mar*. Что въ вендскихъ нарѣчіяхъ праславянское *ě* предъ твердыми звуками какъ въ польскомъ языкѣ перемѣнилось двугласнымъ *ja*— это доказываютъ напр. ободритское *las* (*Bryzclaz* 1235 деревня у Нейклостера, *Dolgelaz* 1361 деревня Дольглясъ у Нейбукова), хижанское *las* (*Syvano°f laz* 1232 у Бюцова), померанское *bjale* (*Bialeblutu* 1269 болото между Масовомъ и Гольновомъ)—, и *-mĕrъ* замѣнилось формою *-mjar*. Это *-mjar* выговаривалось, вѣроятно, *-mjär*, а это писалось въ грамотахъ *-mar* и *-mer*.

18. *milъ*. Находится только въ имени деревни Фаргемиля въ Ольденбургскомъ уѣздѣ въ Гольстиніи, въ Вагріи, которая называется въ грамотахъ *Verchemile* 1258 *Vergemile* 1270 *Verghemile* 1271 *Uergemile* 1274 *Vergchemile* 1276, т. е. *Verchemile*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Verchemil* прасл. *Vьrchomilъ*.

19 *-mysl*ъ.

a) Мекленбургское имя, въ области Полабянъ: *Dargemoysle* 1190, т. е. *Dargemojsl* прасл. *Dorgomyslъ*.

Деревня въ Мекленбургѣ, мѣстоположеніе которой неизвѣстно: *Dargemezle* 1186 *Dargumesle* 1189 *Dargumezle* 1197, т. е. *Dargumesle*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Dargumesl*, прасл. *Dorgomysle* или *Dorgomyšlje*.

Деревня Дармицель въ Кенигсберскомъ уѣздѣ въ Новой Маркѣ называется въ грамотахъ *Dargumiz* 1234 *Dargumisle* 1262, т. е. *Dargumisle*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Dargumisl*.

b) Рюгійское имя: *Dobermoyzle Bromeisle* 1296, т. е. *Dobr°mojsl* прасл. *Dobromyslъ*.

Digitized by Google

c) Деревня Брудерсторфъ у Даргуна въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называется въ грамотахъ *Dobimuisle* 1178 *Dobemoizle* 1219 *Dobemuzle* 1238, т. е. *Dobemysle* или *Dobemojsle*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Dobemysl* или *Dobemojsl* прасл. *Dobĕmysl*ь; въ другихъ грамотахъ та деревня называется *Dobromuzle* 1216 *Dobermoizel* 1282, т. е. *Dobromysle* или *Dobromojsle*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Dobromysl* или *Dobromojsl*.

d) Ободритское имя: *Gostomiuzli Gotzomiuzli Gozzomiul Gozzomuil* (въ Фульдскихъ лѣтописяхъ) *Gestimulus* (въ Корвейскихъ лѣтописяхъ) *Gestimus* (въ Ксантенскихъ лѣтописяхъ) 844, т. е., вѣроятно, *Gostimysl* прасл. *Gostimysl*ь.

e) Поцдамскій островъ въ Бранденбургѣ, въ области Стодоранъ, называется въ грамотѣ 993-го года *insula Chotiemuisles*, т. е. островъ Хотимысля. Имя выговаривалось, вѣроятно, *Chotimysl*, но это сомнительно, потому что грамота дана въ Мерсебургѣ, а Поцдамъ называется лужицко-сербскою формою *Potupimi*.

f) Бранденбургское — стодоранское или лиионское — имя: *Nezemuisclen* (вин. пад.) 1005 (у Титмара), т. е. *Necemysl*.

g) Деревня Редемойсель у Кленца въ Гановерѣ называется въ грамотѣ 1296-го года *Redemutzle*, т. е. *Redemysle*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Redemysl* прасл. *Radomysl*ь.

h) Деревня Ремницъ въ Рацебургскомъ княжествѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Rudemoysle* 1158 *Rodemozle* 1174 *Rodemoysle* 1236 *Rodemuzle* 1285 *Rodemuzle* 1289, т. е. *Rodemojsle*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Rodemojsl* прасл. *Rodomysl*ь.

i) Померанское имя, въ Штетинѣ *Zobemizl* 1224, т. е. *Sobemisl* прасл. *Sobĕmysl*ь.

Померанское имя, въ окрестности Кеслина: *Szobemuzl* 1214, т. е. *Sobemysl*.

k) Померанское имя: *Zemitzlo* 1046 т. е. *Smisl* прасл. *Smysl*ь.

Digitized by Google

l) Ободритское имя: *Tabomiuzli Tabomuizli Tabomuizil Tabamuizil* 862 (въ Фульдскихъ лѣтописяхъ), т. е. *Tabomysl* прасл. *Tabomyslъ*.

m) Рюгійское имя: *Vnimizl* 1224, т. е. *Unimysl* или *Unimisl*.

Праславянское *-myslъ* во второмъ корнѣ отражается въ вендскихъ нарѣчіяхъ формами *-mojsl* и *-mysl* или *-misl*. У Полабянъ и Ободритовъ находится въ грамотахъ только *-mojsl*, но въ IX-омъ столѣтьи говорилось еще *-mysl*. Въ окрестности Даргуна, на границѣ Чрезпѣнянъ и Толенсанъ, говорилось *-mojsl* и *-mysl:* вѣроятно то чрезпѣнянская, это толенсанская форма, потому что праславянское *y* въ толенсанскомъ діалектѣ не замѣнилось, вѣроятно, двугласнымъ *oj*. Обращая вниманіе на *Vnimizl* и *Dobermoysle*, узнаемъ, что въ рюгійскомъ діалектѣ праславянское *-myslъ* замѣнилось двугласнымъ въ *-mojsl* во второй половинѣ XIII-аго столѣтія. То же самое доказывается рюгійскими именами *Mislimer* въ 1240-омъ году и *Mayzlimarus* въ 1283-омъ году. Въ бранденбургскихъ нарѣчіяхъ и въ Померанскомъ праславянское *-myslъ* выговаривалось *-mysl* или *-misl*.

20. *-pravъ*.

Мекленбургское имя: *Bizprawe* 1218, т. е. *Bizprav* прасл. *Bezpravъ*.

Померанское имя, въ окрестности Демина: *Bisprawe* 1251 *Bisprawe* 1253 *Bisprauus* 1254 *Bizprauus* 1254 *Bisperow* 1254 *Bizprauus* 1255 *Besparus* 1260 *Bisprauus* 1262 *Brezpravus* 1264 *Brespraus* 1264 *Biszprauus* 1267 *Bizprauus* 1269 *Bizprawe* 1270 *Bisprahus* 1275 *Bizprawo* 1276 *Byspraus* 1279 *Byzpraus* 1282, т. е. *Bizprav* прасл. *Bezpravъ*.

Формы *Brezpravus* и *Brespraus* напоминаютъ о словенскомъ *brez*. Равнымъ образомъ названіе мекленбургской деревни Бреберова у Швана (въ грамотѣ 1302-аго года *Brobrowe*) и названіе луга у Шенберга въ Гольстиніи *Broberauen* около 1586-аго

Digitized by Google

года, теперь *Broberauenswisch*, содержатъ словенское *breber* «боберъ».

21. *-pъlkъ*.

Вагрійское имя: *Zwentepolch Zuentepolch Zuentepolcus* 1128 (у Гельмольда) т. е. *Svętepolk* прасл. *Svętopъlkъ*.

Рюгійское имя: *Zentepolh* 1207 *Swanthepolk* 1285, т. е. *Svętepolk* прасл. *Svętopъlkъ*.

Померанское имя, въ Шлавѣ: *Szpenthepolc* 1175.

Померельское имя: *Swentopelcus* 1180 *Swantepoltus* 1205 *Swantopolcus* 1209 *Zuetepolcus* 1223 *Suantepolcus* 1223 *Swentopolk* 1224 *Swantopolkus* 1224 *Sventopelk* 1227 *Suatopolchus* 1228 *Swantopolcus* 1229 *Sventopelcho* 1231 *Svatopelcus* 1232 *Zuatopelkus* 1234 *Svantopolcus* 1235 *Swenthopelcus* 1236 *Swentopolcius* 1236 *Sventepolcus* 1237 *Zwantopolcus* 1238 *Spantopolcus* 1241 *Sanctopolcus* 1248 *Suantopolcus* 1248 *Swantupulcus* 1248 *Swantopelcus* 1248 *Swantepolcus* 1248 *Swantopoltus* 1249 *Swentopolicus* 1249 *Suantopelcus* 1250 *Swantopulcus* 1252 *Szanctipolcus* 1260 *Szwaltipolcus* 1260 *Szwantopolcus* 1263 *Suanpolcus* 1270 *Suantipolcus* 1277 *Swanthopolcus* 1282 *Suentopolcus* 1282 *Suantopolkus* 1283 *Swantopolicus* 1284 *Suentopelcus* 1284 *Swantipolco* 1306 *Szwantepolcus* 1309, т. е. *Svętopolk*.

22. *-radъ*.

a) Деревня у Бергена на Рюгіи называется въ грамотахъ *Cyzeradicz* 1306 и 1315, т. е. *Ciceradice*, отчество имени *Cicerad*.

b) Деревня Дамерецъ у Гагенова въ Мекленбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотахъ *Domerace* 1194 *Domeratze* 1230, т. е. *Domeradze*, им. прилаг. относ. имени *Domerad* прасл. *Domaradъ*.

Рюгійская деревня Думраде въ Рамбинскомъ намѣстничествѣ называется въ грамотахъ 1314-аго года *Dumrade* и *Dum-*

Digitized by Google

merad, т. е. *Dumerade*, мн. ч. имени *Dumerad* прасл. *Domaradъ*.

Померанское отчество имени *Domaradъ* находится въ Шлявскомъ уѣздѣ *Dumeradevitz Dummeradevitz* 1285 *Dummeradebitz* 1296 т. е. *Dumeradevic* прасл. *Domaradovitjь*.

c) Деревня Густеръ у Мельна въ герцогствѣ Лауенбургѣ, въ области Полабянъ, называется въ грамотѣ 1230-аго года *Guztrade*, т. е. *Gustrade Gust°rade*, мн. ч. имени *Gustrad Gusterad* прасл. *Gotiradъ*.

Рюгійская деревня Густеръ въ Шапродскомъ намѣстничествѣ называлась въ 1314-омъ году *Gusteraditze*, т. е. *Gusteradice*, отчество имени *Gusterad* прасл. *Gostiradъ*. Позже эта деревня называлась *Gausterede*, т. е. мн. ч. имени *Gostiradъ*. Какъ выговаривалось это *Gausterede*, сомнительно.

d) Померанское имя, въ Деминѣ: *Luboradus* 1231 *Luberadus* 1232 *Lubradus* 1232, т. е. *Luborad* (короткое *o* во второмъ слогѣ выговаривалось, вѣроятно, какъ нѣмецкое *ö*) прасл. *Ljuboradъ*.

Село Лебраде въ Пленскомъ уѣздѣ въ Гольштиніи, въ Вагріи, называется въ грамотахъ *Lybrade* 1288 *Libraden* 1367 *Lebrade* 1460 *Lebraden* 1470 *Lubrade* 1480. Вѣроятно, это мн. ч. имени *Ljuboradъ*, что выговаривалось по-вагрійски *Lübrade Lüberade*.

e) Деревня у Грейфенберга въ Померанiи называется въ грамотѣ 1280-аго года *Melrese*. Вѣроятно, это им. прилаг. относ. имени *Miloradъ*, прасл. *Miloradje*. Произношеніе сомнительно.

Деревня у Данцига называется въ грамотахъ *Miloradestorp* 1282 *Myloradesdorph* 1283 *Miloradesdorf* 1283, т. е. деревня Милорада; имя выговаривалось *Milorad* прасл. *Miloradъ*.

f) Деревня Пребереде у Гнойена въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называется въ грамотѣ 1228-аго года *Priberaze*, т. е. *Priberadze*, им. прилаг. относ. имени *Priberad* прасл. *Pribyradъ*. Позже эта деревня называется въ грамотахъ *Preberede* 1296 и 1311, т. е. *Priberade* (вѣроятно, выговаривалось *Priberäde*), мн. ч. имени *Priberad*.

Digitized by Google

g) Поле у Суксдорфа въ Ольденбургскомъ уѣздѣ въ Гольштиніи, въ Вагріи, называется *Tangerathskoppel,* т. е. привязь Тангорада, имя выговаривалось *Tqgerad* прасл. *Tqgoradъ.*

h) Померанское отчество, въ Штетинѣ: *Tesseradouitz* 1235 *Thesseradawiz* 1235 *Thesseradoviz* 1236 *Tesseradawiz* 1237 *Tesseradewiz* 1240, т. е. *Teseradovic,* отчество имени *Teserad* прасл. *Těširadъ.*

i) Деревня Нейресе у Керлина въ Померанiи называется въ грамотѣ 1282-аго года *Unerese,* т. е. *Uneredze* (вѣроятно говорилось *Unerädze*), им. прилаг. относ. имени *Uneräd* прасл. *Unĕradъ.*

Въ грамотѣ 1284-аго года упоминается о деревнѣ у Берента въ Западной Пруссiи, которая называется *Vnerazze,* т. е. *Uneradze,* им. прилаг. относ. имени *Unĕrad* прасл. *Unĕradъ.*

k) Деревня Витресе въ Лауенбургскомъ уѣздѣ въ Померанiи называется въ грамотахъ *Vitoradze* 1335 *Withoradze* 1437, т. е. *Vitoradze,* им. прилаг. относ. имени *Vitorad,* прасл. *Vitoradъ.*

23. *-slavъ.*

a) Померанское имя, въ Пирицкомъ краю: *Barnizlaus* 1185 *Barnislau* 1223 *Barnizlawus* 1242, т. е. *Barnislav* прасл. *Bornislavъ.*

Померанское имя, въ Старгардскомъ краю: *Barenszlaw Barrenslaw* 1303, т. е. *Barnslav.*

Померельское имя: *Barnislav* 1370.

Померанское отчество этого имени, въ Пирицкомъ краю: *Barnozlawizt* 1176, т. е. *Barnoslavic,* отчество имени *Barnoslav* прасл. *Bornoslavъ.*

Деревня Басендорфъ у Гримена въ Померанiи называется въ грамотѣ 1275-аго года *Barneslawendorp,* т. е. деревня Барнислава: имя выговаривалось *Barneslav* прасл. *Bornislavъ* или *Bornoslavъ.*

Деревня Барнимсловъ у Штетина называется въ грамотахъ *Barnizlaf* 1243 *Berenslauu* 1255 *Berneszlaw* 1268 *Borenslauu*

Digitized by Google

1268 *Bernizlawe Berniszlauue* 1278 *Bernizlauue* 1283 *Berenzlawe Bernezlawe* 1289, т. е. *Barnislav* или *Barnislave*, мн. ч. или прилаг. относ. имени *Barnislav*.

Въ первомъ корнѣ чередуются *Borni-* и *Borno-* какъ *Jary-* и *Jaro-*, *Rady-* и *Rado-*.

b) Деревня Банцельвицъ въ Пацигскомъ намѣстничествѣ на Рюгіи называется въ грамотѣ 1314-аго года *Bandeslawitze*, т. е. *Bądeslavice*, отчество имени *Bądeslav* прасл. *Bądislavъ*.

c) Померанское имя: *Bůgozlauus* 1159 *Bochzlauus* 1175 *Bogezlaus* 1177 *Bogozlauus* 1177 *Bugusłaus* 1181 *Boguzlaus* 1182 *Bugeslauus* 1183 *Bogvzlavus* 1187 *Bugislaus* 1187 *Bogvzlavz* 1187 *Boguslauus* 1191 *Bugozlauus* 1195 *Bugslaus* 1214 *Bogesclauus* 1216 *Bogezlauus* 1218 *Boguslaus* 1222 *Buguslaus* 1229 *Buchzlaus* 1238 *Bugozlaus* 1240 *Bugosszlauus* 1267, позже *Bucgeszlaus Bůggeslaus Buguslaus Bugizlaus Bugeslaus Buggezlaus Bugusszlaus Bugguzlaus Bugheslaus Bugslave Bucslavus Bugezlaus Bugheslaus Bugislavus Buggeslavus Buggzlaus Buguzlavus Bugeslagus Bugiczlaus Bugguslaus Bugheslawe Buslaus Bugslaus Bughuzlaus Bugisslaus*, т. е. *Bogoslav Boguslav* и позже *Bugoslav Buguslav* прасл. *Bogoslavъ*.

Померанское имя, въ Шлавѣ: *Boguslaus* 1200 *Bugislaus* 1262 *Buggeslaf* 1403, т. е. *Boguslav* и позже *Bugeslav*.

Померельское имя: *Buguzlaus* 1198 *Bugislaus* 1287 *Boguslaus* 1295.

Померельское имя женск. р.: *Boguslawa* 1295, т. е. *Boguslava*.

Деревня Бацловъ въ Кенигсбергскомъ уѣздѣ въ Новой Маркѣ называется въ грамотѣ 1262-аго года *Boguzlawe*, т. е. *Boguslave*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Boguslav*.

d) Ободритское имя: *Bolislaus* во второй половинѣ X-аго столѣтія (у Гельмольда), т. е. *Bolislav* прасл. *Boleslavъ*.

e) Рюгійское имя: *Bonizlaus* (описка за *Borizlaus*) 1231 *Buryslaus* 1232 *Burizlaws* 1241, т. е. *Borislav Burislav* (*o и* выговаривалось какъ польское *ó*).

Digitized by Google

Померанское имя, въ окрестности Кольберга: *Burizlaus* 1276 *Burislaus* 1280 *Burtzlaus* 1280 *Borizlaus* 1280 *Buryslaus* 1282 *Borislaus* 1284 *Boryzlaus* 1286, т. е. *Borislav Burislav.*

Померанское имя, въ окрестности Регенвальда: *Borislaw* 1288, т. е. *Borislav.*

Померельское имя: *Borislaus* (въ грамотахъ) *Boreslaus* (въ Оливскомъ хроникѣ) 1275 *Borislav* 1406 *Borisslaff* 1414, т. е. *Borislav.*

f) Рюгійское имя женск. р.: *Cezislaua* 1295 *Czyslaua* 1295, т. е. *Cecislava.*

g) Мекленбургское имя, въ окрестности Демица: *Darghesclawe* 1252 *Dargezlawe* 1259 *Darzlaue* 1265 *Darkeslawe* 1277 *Darghezlawe* 1285 *Dargazlawe* 1289, т. е. *Dargeslav* прасл. *Dorgoslavъ.*

Мекленбургское имя, въ Ростокѣ: *Darghezlauus* 1244 *Darguzlaf* 1248 *Darizlauus* 1250 *Dargezlaus* 1252 *Darghezlewus* 1268 *Darchzlaus* 1265, т. е. *Dargeslav.*

Рюгійское имя: *Darghezlaf* 1316 *Darghuslauus* 1319 *Dargezlaw* 1321 *Dargezlaus* 1321 *Darghezlauus* 1324, т. е. *Dargeslav.*

Померельское имя: *Dargoslaus* 1248 *Dargozlaus* 1248, т. е. *Dargoslav.*

Деревня Даргисляфъ въ Грейфенбергскомъ уѣздѣ въ Померанiи называется въ грамотѣ 1269-го года *Dargoslaw,* т. е. *Dargoslav,* им. прилаг. относ. имени *Dargoslav.*

h) Мекленбургское имя, у Гнойена въ области Чрезпѣнянъ: *Dobezlaus* 1227 *Dobezlavs* 1227 *Dobizlaus* 1232 *Dubeslau* 1236 *Dobislauus* 1247, т. е. *Dobezlav* или *Dobislav (e i* выговаривалось вѣроятно какъ польское *é)* прасл. *Dobéslavъ.*

Рюгійское имя: *Dobizlaus* 1224 *Dobezlauus* 1249 *Dubeslaus* 1308 *Dubbezlaus* 1315, т. е. *Dobeslav* и позже *Dubeslav.*

Померанское имя, въ окрестности Демина: *Dobezleu* 1173 *Dobezlauus* 1187 *Dobizlaus* 1227 *Dobezlaus* 1227 *Dubeslau*

Digitized by Google

1236 *Dubeslaus* 1239 *Dubisclavs* (въ Pommersches Urkundenbuch) *Dubislavs* (въ Meklenburgisches Urkundenbuch) 1269 *Dobizlaus* 1273 *Dubislaus* 1276, т. е. *Dobeslav* и позже *Dubeslav*.

Померанское имя, въ окрестности Штетина: *Dobislaus* (въ Pommersches Urkundenbuch) *Dobeslaus* (въ Pommerellisches Urkundenbuch) 1267 *Dubizlauus* 1268 *Dobizclaus* 1276, т. е. *Dobeslav Dubislav*.

Померанское имя, на Волинѣ: *Dobeslau* 1194 *Dubizlauus* 1268, т. е. *Dobeslav* и позже *Dubislav*.

Померанское имя, въ окрестности Камина: *Dobesslaus* 1262 *Dubislauus* 1269 *Dobizlaus* 1273 *Dobizslaus* 1279, т. е. *Dobeslav Dobislav* и *Dubislav*.

Померанское имя, въ окрестности Кольбаца: *Dobeslau* 1223, т. е. *Dobeslav*.

Померанское имя, въ Старгардскомъ краю: *Dobeslaus* 1194, т. е. *Dobeslav*.

Померанское имя, въ окрестности Регенвальда: *Dobizlaus* 1277 *Dubislaus* 1277 *Dobuzlav* 1279 *Dubuzlaus* 1279 *Dobitzlaus* 1279 *Dobizslaus* 1279 *Dubbislaus* 1348, т. е. *Dobislav Dubislav*.

Померанское имя, въ окрестности Бельгарда: *Dobezlaus* 1307, т. е. *Dobeslav*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Dubbeslaus* 1363, т. е. *Dubeslav*.

Померельское имя женск. р.: *Dobeslava* 1284.

i) Рюгійское имя: *Doberslaus* 1242 *Dobreslauus* 1252 *Dubreslaf* 1322, т. е. *Dobreslav* и позже *Dubreslav* праслав. *Dobroslavъ*.

Померанское имя, въ окрестности Вольгаста: *Dobbroslaus* 1254, т. е. *Dobroslav*.

Померанское имя женск. р., въ Шлявѣ: *Dobroslaua* 1200, т. е. *Dobroslava*.

Померельское имя: *Dobroslaus* 1320, т. е. *Dobroslav*.

Digitized by Google

k) Рюгійское имя: *Dummeslaw* 1307, т. е. *Dumeslav* прасл. *Domaslavъ* или *Domislavъ*.

Померанское имя, въ Деминѣ: *Domasslavus* 1262 *Domaslaus* 1264 *Domoslaus* 1264 *Domazlaus* 1264 *Dumeslaus* 1264 *Domazlaus* 1265 *Domizlaus* 1266, т. е. *Domaslav* и *Domislav* прасл. *Domaslavъ* и *Domislavъ*.

Померанское имя, на Уседомѣ: *Domazlaw Domazlau* 1153 *Dommeslavus* 1305, т. е. *Domaslav* и позже *Dumeslav* прасл. *Domaslavъ*.

Померанское имя, на Волинѣ: *Domizlaus* 1124, т. е. *Domislav*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Domaslaus* 1278, т. е. *Domaslav*.

Померанское имя женск. р., въ окрестности Шлява: *Dummaslaua* 1250, т. е. *Dumaslava*.

Померельское имя: *Thomislaus* 1198 *Tomislaus* 1198 *Domazlavus* 1220 *Domozlaus* 1240 *Domaslaus* 1240 *Domazlaus* 1253 *Domeslaus* 1258 *Domislaus* 1260 *Domezlaw* 1261 *Damaslaus* 1282 *Thomislaus* 1283 *Domyzlaus* 1283 *Domislaus* 1334 *Domalaw* (описка за *Domaslaw*) 1399 *Domislow* 1400, т. е. *Domaslav* и *Domislav*.

Деревня у Рюгенвальда въ Померанiи называется въ грамотѣ 1315-го года *Domaslowicz*, т. е., вѣроятно, *Domaslavice*, отчество имени *Domaslav*.

l) Померанское имя, въ Анклямскомъ уѣздѣ: *Discizlauus* 1187. Можетъ быть, это описка вм. *Dirsizlauus*, т. е. *Dirzislav* прасл. *Dьržislavъ*.

m) Померельское имя: *Godoslaus* 1295, т. е. *Godoslav* прасл. *Godoslavъ*.

n) Померанское имя, въ Грибсесѣ: *Guoriszlauus* 1221 *Gorislaus* 1224 *Gureslaus* 1231, т. е. *Gorislav Gurislav* (*o u* въ первомъ слогѣ выговаривалось какъ польское *ó*, *i* во второмъ было очень коротко) прасл. *Gorislavъ*.

Деревня Гесловъ у Любтена въ Мекленбургѣ, въ области

Digitized by Google

Полабянъ, называется въ грамотѣ 1230-го года *Goreslawe*, т. е. *Goreslave*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Goreslav* прасл. *Gorislavъ*.

Деревня Герсловъ на Шверинскомъ озерѣ въ Мекленбургѣ, въ области Ободритовъ, называется въ грамотѣ 1337-го года *Gorzslav*, т. е. *Gorslaw Goreslav*, им. прилаг. относ. имени *Goreslav*.

Деревня Гесловъ въ Гриненскомъ уѣздѣ въ Померанiи называется въ грамотахъ *Gorislaw Ghorislaw* 1311 *Gozlawe* 1311 *Gorslaf* 1322, т. е. *Gorislav Gorislave*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Gorislav*.

o) Рюгiйское имя: *Gustizlaus* 1241, т. е. *Gustislav*, прасл. *Gostislavъ*.

Померанское имя, на Уседомѣ: *Gustizlauus* 1178, т. е. *Gustislav*.

Померанское имя, въ окрестности Штетина: *Gustisclaus* 1234, т. е. *Gustislav*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Gustizlaus* 1264 *Justislaus Gustislaus* 1265, т. е. *Gustislav*. Въ другихъ грамотахъ тотъ дворянинъ называется *Gutslaus* 1262 *Guzlaus* 1266, т. е. *Chutslav* прасл. *Chotislavъ*.

Деревня у Штавенгагена въ Мекленбургѣ, въ области Толенсанъ, называется въ грамотѣ 1226-го года *Gustislave*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Gustislav*.

p) Рюгiйское имя: *Grymmeslaf* 1316, т. е. *Grimeslav*.

Померельское имя: *Grimizlaus* 1178 *Grimisclauus* 1198 *Grimislaus* 1295, т. е. *Grimislav*.

q) Рюгiйское имя: *Guzlaus* 1255 *Gutzlaff* 1256 *Gosslaus* 1269 *Guszlauus* 1269 *Gosslauus* 1270 *Guzlauus* 1272 *Goslauus* 1283 *Gvzlaus* 1289 *Guzslauus* 1297 *Gueslavus* 1303 *Guslaf* 1316 *Guslav* 1322 *Guslavus* 1323, т. е. *Chutslav Chotslav* прасл. *Chotislavъ*.

Померанское имя, въ окрестности Штетина: *Gvtizlaus* 1234, т. е. *Chutislav*.

Digitized by Google

Померанское имя, въ Кольбергѣ: *Cuzzlaus* 1253, т. е. *Chutslav*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Gutslaus* 1262 *Gutzlauus* 1263 *Guslauus* 1265 *Guzlaus* 1266, т. е. *Chutslav*.

Ново-маркское имя, въ Цеденѣ: *Goziszlaus* 1187 *Gotizlaus* 1189, т. е. *Chocislav* и *Chotislav*. Въ виду того, что Новая Марка въ это время принадлежала Полякамъ, *Chocislav* вѣроятно польская форма.

Померельское имя: *Gosslauus* 1257 *Goslaus* 1258 *Gozlaus* 1259 *Gosslaus* 1260 *Goslaff Gozlaf* 1394 *Goslaf* 1395, т. е. *Chotslav*.

Деревня Гуцляфсгагенъ у Грейфенберга въ Померанiи называется въ грамотахъ *Guslaueshaghen* 1291 *Gusslavesh*. 1308 *Guszlaveshagen* 1308, т. е. ограда Хотислава, имя выговаривалось, вѣроятно, *Chutslav*.

г) Мекленбургское имя, въ Ростокѣ: *Jerezlaus* 1240 *Jeroslaus* 1252, т. е. *Jeroslav* (вѣроятно, выговаривалось *Järŏslav*) прасл. *Jaroslavъ*.

Мекленбургское имя, въ Верльскомъ княжествѣ: *Jerizlaus* 1291, т. е. *Jerislav* прасл. *Jaryslavъ*.

Мекленбургское имя, въ окрестности Ребеля: *Ghereszlaff* 1230 *Jarizlauus* 1239 *Jerozlavs* 1241 *Jarozlaus* 1242 *Gerozlaus* 1242 *Gerozlavs* 1244 *Jerezlauus* 1249 *Jersclaus* 1254 *Jeroslaus* 1256, т. е. *Järoslav* и *Järislav*.

Рюгійское имя: *Gerizlaus* 1231 *Yarozlawe* 1232 *Jerizlavs* 1232 *Geruzlauus* 1235 *Jarwezlaus* 1237 *Jarozlaus* 1237 *Jaroslauus* 1237 *Jerzlaus* 1242 *Jarezlaus* 1264 *Jarosslaus* 1269 *Jerezlaus* 1271 *Jaroslaus* 1293 *Jeroslaus* 1296 *Gerezlavus* 1303 *Jeroslawe* 1307 *Gerezlauus* 1313 *Jaroslauus* 1314 *Gerslaf* 1321, т. е. *Järoslav* и *Järislav*.

Померанское имя, въ Штетинѣ: *Jarizlaus* 1175 *Jarozlaus* 1224 *Jaroslaus* 1229 *Jerozlaus* 1234, т. е. *Jarislav* и *Järoslav*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Hereslaus* 1330

154737A
Digitized by Google

Jeroslaus 1337 *Jerthslav* 1341 *Gerreslaf* 1406 *Jereslaf* 1453, т. е. *Järöslav*.

Померельское имя: *Jaroslaus* 1220 *Jeroslaus* 1267 *Gereslaus* 1281 *Jeroslaus* 1283 *Geroslaus* 1284 *Jeroslav* 1286 *Jaroslaus* 1287 *Jarislaus* 1320 *Geroslaus* 1334, т. е. *Järoslav* и *Jarislav*.

Деревня Іерсгагенъ въ Шлявскомъ уѣздѣ называется въ грамотѣ 1398-го года *Yerreslaueshaghen*, т. е. ограда Ярослава; имя выговаривалось *Järeslav*.

в) Деревня у Пренцляу въ Укермаркѣ называется въ грамотѣ 1240-го года *villa Ludzlau*, т. е. *Ludslav* или *Lutslav*, им. прилаг. относ. имени прасл. *Ljudislavъ* или *Ljutoslavъ*.

t) Мекленбургское имя, въ области Ободритовъ: *Menislaus* 1218 *Mereslaf* 1219 *Merizlaus* 1224 *Merzlauus* 1230, т. е. *Merislav Mereslav* прасл. *Měrislavъ*.

Померанское имя, въ Деминѣ: *Mirezlauus* 1227 *Miroslaus* 1228 *Miroslaus* 1228 *Miroslauus* 1228 *Mirozslaus* 1229, т. е. *Miroslav* прасл. *Miroslavъ*.

Померанское имя, въ окрестности Штетина: *Mirosclaus* 1234, т. е. *Miroslav*.

Померанское имя женск. р.: *Merotzlaua Meretzlaua* 1281 *Meruslava* 1306 *Meritzlawe* 1327 *Meritzslawe* 1327 *Mirislawa* 1361 *Mirislava* 1362 *Myriczlava* 1368, т. е. *Meroslava, Merislava* и *Mirislava*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Mirislaus* 1250 *Miritzlaus* 1269 *Miroslavus* 1277 *Myroslaus* 1284, т. е. *Mirislav* и *Miroslav*.

Померельское имя: *Miroslaus* 1277 *Miroslavus* 1284 *Mirislaus* 1287 *Myrislow* около 1400, т. е. *Miroslav* и *Mirislav*.

Померанское имя женск. р.: *Miroslaua* 1224 *Miroslafa* 1226 *Mirozslaua* 1229 *Mirozslaua* 1230 *Mirozlawa* 1233 *Myroslaua Myrozslaua* 1236, т. е. *Miroslava*.

Необитаемое мѣсто у Трептова на Регѣ въ Померанiи на-

Digitized by Google

зывается въ грамотахъ *Miroslauege* 1180 *Miroslauitze* 1269, т. е. *Miroslavice,* отчество имени *Miroslav.*

Какъ *-mirъ* и *-mĕrъ* во второмъ корнѣ, такъ въ первомъ *miro-* и *mĕri-* чередуются. Кромѣ *miro-* находится и *miry-*, какъ *jary-* кромѣ *jaro-*.

u) Ободритское имя: *Misizlaus* во второй половинѣ X-аго столѣтія (у Гельмольда), т. е. *Micislav* прасл. *Mьčislavъ.*

Померанское имя, въ Гуцковѣ: *Mizlaus* 1024 (у Герборда въ біографіи св. Оттона), т. е. *Micslav.*

v) Ободритское имя: *Mistizlauus* 1018 (у Титмара), т. е. *Mistislav* прасл. *Mьstislavъ.*

Померанское имя, въ Банскомъ краю: *Mistizlauus* 1180, т. е. *Mistislav.*

w) Померельское имя: *Nasslaus* 1224 *Naslav* 1277 *Naslaus* 1288 *Naslaus* 1288 *Naslavs* 1292.

x) Померельское имя: *Obislaw* 1408.

Деревня въ Лауенбургскомъ уѣздѣ въ Помераніи называется въ грамотѣ 1374-аго года *Obislavicz,* т. е. *Obislavice* отчество имени *Obislav.*

y) Деревня Воцляфъ у Данцига называется въ грамотахъ *Oteslawe* 1308 *Oteslave* 1310, т. е. *Oteslave,* мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Oteslav.*

z) Померанское имя, въ Шлявскомъ уѣздѣ: *Pacozlaus* 1269, т. е. *Pakoslav.*

a′) Померельское имя женск. р.: *Panzlava* 1310.

b′) Лугъ у устья Гавели называется въ грамотахъ *Prizlava* 1056 *Prinslowe* 1225 *Pryntzlow* 1480, т. е. *Prįslava,* им. прилаг. относ. имени *Prįslav* прасл. *Prejęslavъ.*

Городъ Пренцляу въ Укермаркѣ называется въ грамотахъ *Prenczlau* 1188 *Prencelaw Prenzlaw* 1235 *Prenzlaue* 1236 *Princelaw* 1240 *Prinslawa* 1243 *Prinslawe* 1250, т. е. *Pręslav* или *Pręslave,* им. прилаг. относ. имени *Pręslav* прасл. *Prejęslavъ.*

Въ Данцигскомъ уѣздѣ находится деревня Пренцляу, кото-

Digitized by Google

рая называется въ грамотахъ *Prenozlau* 1248 *Prenslow* 1463. Вѣроятно, и это названіе им. прилаг. относ. имени *Pręslav*.

c') Померельское имя: *Precslaus* 1280 *Preslauus* 1284 *Pretzlaus* 1291 *Prsedslaus* 1292 *Predslaus* 1293 *Preslaus* 1293 *Przeczslaus* 1293 *Prezlaus* 1294 *Precyslaus* 1294 *Preclaus* 1295 *Prseslaus* 1304 *Psretslaus* 1307, т. е. *Predslav* и позже *Předslav*.

d') Ободритское имя: *Priszlavus* 1176 *Prizlauus* 1183, т. е. *Prislav*.

Померанское имя, въ окресности Шлява: *Priesslaf* 1406, т. е. *Prislav*.

Померельское имя: *Prizlaus* 1292, т. е. *Prislav*.

Укранское отчество этого имени: *Prizzlauiz* 1208, т. е. *Prislavic*.

Деревня Присловъ у Штетина называется въ грамотахъ *Prissizlaue* 1267 *Priszlaue* 1277 *Prezslau* 1240 *Prizlawe Pritzlauue* 1278 *Prinzlawa Prinzlaua* 1278 *Prizlawe* 1289 *Prisslaw* 1291 *Priszalw* 1296, т. е. *Prislave*, им. прилаг. относ. имени *Prislav*.

e') Вагрійское имя: *Pribizlaus Pribislauus* около 1150 (у Гельмольда), т. е. *Pribislav* прасл. *Pribyslavъ*.

Мекленбургское (ободритское) имя: *Pribezlauus Pribeslauus Pribeslau Pribislauus* 1170 *Pribizlawus* 1170 *Pribizlauus* 1171 *Pribezlaus* 1171 *Pribizlaus* 1177 *Pribislaus* 1178 *Prebeszlauus* 1178 *Pribizlavus* 1226 *Pribizlaws* 1227 *Prebizlauus* 1229 *Prybzlaus* 1229. *Pribiszlaus* 1238 *Pripezclauus* 1264, т. е. *Pribislav Pribeslav*.

Рюгійское имя: *Pribislaus* 1193 *Pribyzlaus* 1232 *Pribizlaus* 1241 *Pribizlauus* 1247 *Prybbezlaff Prybbozlaf* 1316, т. е. *Pribislav* и позже *Pribeslav*.

Укранское имя, въ Пасевалькѣ: *Pribizlaus* 1189, т. е. *Pribislav*.

Стодоранское имя: *Prebizlawus* (у Титмара) *Pribbezlaus* 1208, т. е. *Pribeslav*.

Digitized by Google

Померанское имя, въ Штетинѣ: *Pribizlaus* 1212 *Prybzlaus* 1220 *Pribislaus* 1229, т. е. *Pribislav.*

Померанское имя, на Уседомѣ: *Pribizlaus* 1218 *Pribizlauus* 1230, т. е. *Pribislav.*

Померанское имя, на Волинѣ: *Pribizlaus* 1228 *Pribizslaus* 1279 *Pribislaus* 1289, т. е. *Pribislav.*

Померанское имя, въ окрестности Камина: *Pribizlaus* 1186 *Pribbeszlaus* 1215 *Pribbezslaus* 1215 *Pribizlauus* 1230 *Pribzlaus* 1224 *Pribezlaus* 1228, т. е. *Pribislav Pribeslav.*

Померанское имя, въ окрестности Кольберга: *Prebizlauus* 1265 *Pribezlaus* 1270 *Pribizlauus* 1270 *Pribzlaus* 1270 *Pribislaus* 1288 *Pribeslaus Pribetzlaus* 1301, т. е. *Pribislav Pribeslav.*

Померанское имя, въ Бельгардѣ: *Prybczlaus* 1280 *Pribzlaus Pribizlaus* 1287 *Pribezlaus* 1289 *Pribeslaus* 1291 *Pribislaus* 1292 *Pribzlauus* 1295, т. е. *Pribislav Pribeslav.*

Померанское имя, въ окрестности Кеслина: *Pribetzlaus* 1286 *Pribezlaus* 1287 *Pribeslaus* 1288 *Pribislaus* 1300, т. е. *Pribislav Pribeslav.*

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Pribeslaus* 1267 *Pribbesslaf* 1405, т. е. *Pribeslav.*

Померанское имя женск. р., въ Шлявѣ: *Pribizlawa* 1159 *Pribizlawa* 1177, т. е. *Pribislava.*

Померельское имя: *Pribizlauus* 1260 *Pribislaus Prebislaus* 1268 *Prsibislaus* 1280 *Przybislaus* 1280 *Przibislaus Pribizlaus* 1282, т. е. *Pribislav* и позже *Přibislav.*

Померанская деревня Припслебенъ у Трептова, въ области Толенсанъ, называется въ грамотахъ *Pribizlaw* 1278 *Pribeslave* 1308, т. е. *Pribislave Pribeslave*, мн. ч. или им. прилаг. относ. имени *Pribislav Pribeslav.*

f) Померанское имя женск. р., въ Шлявѣ: *Primislava* 1155.

Померельское имя: *Primislaus* 1253 *Primizlaus*, 1253 т. е. *Primislav.*

Digitized by Google

Померанское отчество этого имени, въ окрестности Грейфенберга: *Primslavitz* 1262, т. е. *Primslavic.*

Рѣка на полуостровѣ Нерунгѣ въ Данцигскомъ уѣздѣ называется въ грамотахъ *Primezlaua* 1243 *Primislava Primislaua* 1285, т. е. *Primislava*, им. прилаг. относ. имени *Primislav.*

Вѣроятно, вендскія нарѣчія не имѣли именъ *Primislav* и *Primislava.* Швецкій палатинъ, который называется *Primislav*, именуется такъ только въ двухъ грамотахъ, которыя выданы для Нѣмецкаго ордена и для города Кульма. Какъ въ землѣ ордена такъ и въ городѣ Кульмѣ, употреблялся польскій языкъ, но не померельскій; изъ этого объясняется, почему въ этихъ грамотахъ писалось польское *Primislaus* вмѣсто померельскаго *Pribislaus*; въ грамотѣ 1260-аго года этотъ палатинъ называется по померельски *Pribislaus.* Шлявская княгиня *Primislava*, дочь Болеслава польскаго герцога, называется въ другихъ грамотахъ *Pribislava.* Вѣроятно, она называлась въ своей родинѣ *Primislava* и была называема *Pribislava* только въ землѣ своего померанскаго супруга. Отчество *Primzlavitz* можетъ быть описку вм. *Pribslavitz* или *Pribizlavitz*; грамота извѣстна только въ копіи. Рѣка *Primislava* находится въ странѣ, въ которой отыскиваются и другія польскія названія; это я докажу въ другомъ мѣстѣ.

g′) Мекленбургское имя, въ окрестности Даргуна, въ области Чрезпѣнянъ: *Radozlau* 1176 *Radoslaus* 1176 *Radozlaws* 1216 *Raduzlauus* 1219, т. е. *Radoslav* прасл. *Radoslavъ.*

Рюгійское имя: *Redozlaus* 1240 *Radezlaus* 1282 *Reddislaw* 1302, т. е. *Rädoslav* и *Rädislav.*

Померанское имя, въ Каминѣ: *Radoslaus* 1233, т. е. *Radoslav.*

Померельское имя: *Radislaus* 1297 *Redisslaw* 1409 *Reddislaff* 1409, т. е. *Rädislav.*

h′) Мекленбургское имя, въ окрестности Даргуна, въ области Чрезпѣнянъ: *Ratiscslaus* 1215 *Ratyslaus* 1215 *Ratisslauus* 1216 *Ratizlauus* 1241, т. е. *Ratislav* прасл. *Ratislavъ.*

Digitized by Google

Рюгійское имя: *Ratislauus* 1247 *Ratislaus* 1248, т. е. *Ratislav.*

Померанское имя, на Волинѣ: *Rattislavus* 1250, т. е. *Ratislav.*

Померельское имя: *Ratislaus* 1252 *Raceslaus Raslaus* 1335, т. е. *Ratislav* и *Raceslav.*

Имена *Radoslavъ* и *Ratislavъ* чередуются такимъ образомъ, что одно и то же лицо въ нѣкоторыхъ грамотахъ называется *Radoslavъ*, въ другихъ *Ratislavъ*. Потому сомнительно, происходятъ ли слѣдующія имена изъ праславянскаго *Radoslavъ* или изъ *Ratislavъ*.

Мекленбургское имя, въ Верльскомъ княжествѣ: *Ratsclaus* 1262 *Raslaus* 1271 *Raslauus* 1274 *Razzlauus* 1282, т. е. *Radslav* или *Ratslav.*

Рюгійское имя: *Ratzlaus* 1242 *Raslaf* 1316 *Raslaus* 1321, т. е. *Radslav* или *Ratslav.*

Померельское имя: *Radzlauius* 1240 *Raslaus* 1257 *Ratzlaus* 1267 *Raslaus* 1275, т. е. *Radslav* или *Ratslav.*

Деревня Рацдорфъ въ Ляндсбергскомъ уѣздѣ въ Новой Маркѣ называлась въ 1300-омъ году *Razleuestorp*, т. е. деревня Радослава или Ратислава.

і) Мекленбургское имя, въ Ростокѣ: *Sirizlaf* 1289, т. е. *Sirislav.*

Деревня Широславъ въ Швецкомъ уѣздѣ въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Syrozlaw* 1310 *Syroslaw* 1360 *Siroslaw* 1415, т. е. *Siroslav*, им. прилаг. относ. имени *Siroslav.*

к) Мекленбургское имя, въ окрестности Доберана: *Zubbeslaus* 1335, т. е. *Subeslav* прасл. *Soběslavъ.*

Померельское имя: *Subislaus* 1215 *Sobeslaus* 1220 *Sobizlaus* 1235 *Sobozlauus* 1243 *Sobeslaus* 1246 *Zubizlaus* 1220 *Zubislauus* 1260, т. е. *Soběslav* и *Subislav.*

л) Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Stanislaus* 1345 *Stanzlaus* 1347, т. е. *Stanislav.*

Померельское имя: *Stanislaus* 1279 *Stenizlaus* 1279 *Stani-*

Digitized by Google

slavs 1292 *Stanislaus* 1292 *Stanisslaus* 1292 *Staneslaff* 1406, т. е. *Stanislav Staňeslav.*

Померельское имя женск. р.: *Stanislava* 1310 *Stanislaua* 1310 *Stanislawe* 1398, т. е. *Stanislava.*

m′) Мекленбургское имя, въ Верльскомъ княжествѣ: *Stoyslaf* 1226, т. е. *Stojslav.*

Рюгійское имя: *Stoyslaus* 1193 *Stezlaus* 1253 *Stoyslaus* 1255 *Stoyslaw* 1256 *Ztoislauus* 1267 *Stoislaus* 1290 *Steyslaus* 1310 *Stoyslaf* 1316 *Stoyslauus* 1315 *Stoysslaf* 1323, т. е. *Stojslav.*

Померанское имя, въ Деминѣ: *Ztoyzlaus* 1219, т. е. *Stojslav.*

Померанское имя, въ Каминѣ: *Ztoyzlaus* 1227 *Stoizlasf* 1228 *Stoyslaus* 1228 *Stoislaus* 1231 *Stoislaus* 1232 *Stuslaws* 1235 *Stozlaus* 1240 *Stoyslaus* 1240 *Stoyslauus* 1244, т. е. *Stojslav.*

Померанское имя, въ окрестности Кольберга: *Steslaus* 1302. Произношеніе сомнительно.

Померельское имя: *Ztesslaf* около 1400. Произношеніе сомнительно.

Мекленбургское (ободритское) отчество этого имени: *Stoislauis* 1219 *Stoyslaviz* 1219, т. е. *Stojslavic.*

Деревня Стенцляу у Диршау въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Stoyslaw* 1258 *Stoslawe* 1293 *Stoyslaue* 1299 *Stoislawe* 1305, т. е. *Stojslave*, им. прилаг. относ. имени *Stojslav.*

n′) Померельское имя: *Stotislaus* 1285.

o′) Померельское имя: *Strozlaus* 1198.

p′) Рюгійское имя: *Zulislau* 1241 *Zulislaus Zulyslaus* 1247 *Sullezlaw* 1302, т. е. *Sulislav* и позже *Suleslav* прасл. *Sulislavъ.*

Рюгійское имя женск. р.: *Saullislaua* 1314, т. е. прасл. *Sulislava.* Рюгійское произношеніе сомнительно.

Померанское имя, въ окрестности Демина: *Solisclauus* 1218 *Sulislaus* 1228 *Zulislaus* 1234, т. е. *Sulislav*, котораго *u* вѣроятно выговаривалось очень кóротко.

Померанское имя, на Уседомѣ: *Zulislaus* 1224 *Szulislaus*

Digitized by Google

1229 *Sulizlaus* 1229 *Sulzlaus* 1229 *Szvlizlaus* 1233, т. е. *Sulislav*.

Померанское имя, въ окрестности Штетина: *Sulislaus* 1229 *Svilizlaus* 1234 *Svlizlaus* 1234 *Zulizlaus* 1235 *Sulislaus* 1235 *Sulizlauus* 1235 *Sulisclauus* 1237 *Zulislauus* 1240, т. е. *Sulislav*.

Померанское имя женск. р., въ окрестности Штетина: *Soleslawa* 1281, т. е. *Suleslava*, котораго *u* выговаривалось, вѣроятно, очень коротко.

Померанское имя, въ окрестности Камина: *Solizlaus* 1189 *Zulizlaus Zyliziaus* 1220 *Solislauus* 1223, т. е. *Sulislav* (*u* выговаривалось, вѣроятно, очень коротко).

Померанское имя, въ окрестности Кольберга: *Sulislawus* 1290, т. е. *Sulislav*.

Померанское имя, въ окрестности Кеслина: *Sultzlaus* 1303, т. е. *Sulslav*. Можетъ быть, это *Sultzlaus* описка вм. *Sulizlaus*, потому что грамота находится только въ матрикулѣ монастыря Букова, въ которомъ много недостатковъ.

Померельское имя: *Sulislaus* 1280 *Sulizlaus* 1283 *Zulislaus* 1284 *Sulislaff* около 1400, т. е. *Sulislav*.

Померельское имя женск. р.: *Sulislaua* 1292, т. е. *Sulislava*.

Деревня у Жукова въ Картаусскомъ уѣздѣ въ Западной Пруссіи называется въ грамотахъ *Svlislaue Zulislaue* 1209 *Zulizlawe Zulislawe* 1295, т. е. *Sulislave*, им. прилаг. относ. имени *Sulislav*.

q′) Мекленбургское (ободритское) имя: *Zvrizlaf* 1219 *Zurizlau* 1219, т. е. *Surislav*.

r′) Померельское имя: *Swantoslaw* 1390, т. е. *Svętoslav* прасл. *Svętoslavъ*.

s′) Померельское имя женск. р.: *Svinizlaua* 1220 *Zuinyslava* 1280 *Szwinislawa Swinislava* въ Monumentorum fundationis monasterii Polplinensis fragmentum, т. е. *Svinislava*.

t′) Деревня Бислявъ въ Швецскомъ уѣздѣ въ Западной

Digitized by Google

Пруссіи называется въ грамотѣ 1301-аго года *Sbislaw*, т. е. *Sbislav*, им. прилаг. относ. имени *Sbislav* прасл. *Sъbyslavъ*.

u′) Рюгійское имя: *Tetisslauus Tetislauus Tetysclauus* (у датскаго историка Saxo Grammaticus), т. е. *Tetislav* прасл. *Tetislavъ*.

v′) Померанское имя, на Уседомѣ: *Tezcesslaus* 1229 *Teslaus* 1229, т. е. *Teseslav Tesslav* прасл. *Těšislavъ*.

Померанское имя, въ окрестности Кольбаца: *Thosislaus* 1189, вѣроятно описка за *Thesislaus* (грамота находится только въ матрикулѣ монастыря Кольбаца), т. е. *Tesislav*.

Померанское имя, въ окрестности Грейфенберга: *Tesislaus* 1223, т. е. *Tesislav*.

Въ вендскихъ нарѣчіяхъ гласные звуки во второмъ слогѣ исчезали часто или не писались въ грамотахъ. Въ виду того что согласные звуки *c* (т. е. *ts*) и *s* писались въ грамотахъ тѣми же самыми буквами, сомнительно, происходятъ ли слѣдующія имена изъ праславянскаго *Tetislavъ* или изъ *Těšislavъ*.

Рюгійское имя: *Teslauus* 1292 *Theslauus* 1311 *Thezlav Theslaf* 1316 *Tezlaus* 1319, т. е. *Tetslav* или *Tesslav*.

Померанское имя, на Уседомѣ: *Dezlaus* 1187, т. е. *Tetslaf* или *Tesslav*. Но, можетъ быть, это имя произошло изъ праславянскаго *Desislavъ*.

Померанское имя, на Волинѣ: *Teslauus* 1268 *Teslaus* 1269 *Tesslaus* 1280 *Tezlaus* 1280 *Teslavus* 1304, т. е. *Tetslav* или *Tesslav*.

Померанское имя, въ окрестности Камина: *Theslaus* 1265 *Thezlaus* 1265, т. е. *Tetslav* или *Tesslav*.

Померанское имя женск. р., въ окрестности Камина: *Teslava* 1323, т. е., вѣроятно, *Tesslava*.

Померанское имя, въ окрестности Кольберга: *Tezlauus* 1294 *Theslaus Thesslaus* 1301 *Tezlaus* 1301, т. е. *Tetslav* или *Tesslav*.

Померанское имя, въ окрестности Грейфенберга: *Teslaus* 1262 *Thezlauus* 1264, т. е. *Tetslav* или *Tesslav*.

Digitized by Google

Померанское имя, въ окрестности Кеслина: *Teslaus* 1303, т. е., вѣроятно, *Tesslav*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Tezlawe* 1251 *Tesslauus* 1254 *Theslauus* 1264 *Teslaus* 1265 *Thetzlaus* 1265 *Theslaus* 1266 *Teslawius* 1266 *Tesslaf* 1453, т. е. *Tetslav* или *Tesslav*.

Померельское имя: *Zeslaus* 1215 *Teslav* 1220 *Zezlaus* 1235 *Ceslaus* 1268 *Tesslaus* 1276 *Ceslaus* 1277 *Tesslaus* 1282 *Teslauus* 1283 *Theslauus* 1284 *Theslaus* 1285 *Teslaus* 1286 *Ceslaus* 1288 *Tzeslav* 1416, т. е. *Cetslav* или *Cesslav* и *Tetslav* или *Tesslav*. Формы *Tetslav* или *Tesslav* находятся только у Стольпскихъ чиновниковъ и въ грамотахъ, которыя выдались въ Стольпѣ, гдѣ померельскій языкъ граничилъ съ померанскимъ.

Деревня Тесдорфъ въ Ольденбургскомъ уѣздѣ въ Гольстиніи, въ Вагріи, называется въ грамотахъ *Tezlauesthorp* 1224 *Tezlauesdorp Teszleuestorp* 1229 *Teszlavestorp* 1230 *Tezlauesthorpe* 1231 *Thetleuestorp* 1240 *Teslevesdorp* 1287 *Teslauestorpe* 1300, т. е. деревня Тетислава или Тешислава, имя выговаривалось *Tetslav* или *Tesslav*.

w) Рюгійское имя женск. р.: *Tribizlaua* въ некрологѣ монастыря Нейенкампа, т. е. *Tribislava* прасл. *Trěběslava*.

Рюгійское отчество: *Trebezlauitz* 1240 *Tezbesslauitz* 1262, т. е. *Trebeslavic*, отчество имени *Trebeslav* прасл. *Trěběslavъ* или *Trěboslavъ*.

Деревня Прибслебенъ у Трептова въ Помераніи, въ области Толенсанъ, называется въ грамотѣ 1245-го года *Trebezlawe*, т. е. *Trebeslave*, мн. ч. или прилаг. относ. имени *Trebeslav*, прасл. *Trěběslavъ* или *Trěboslavъ*. Можетъ быть, это *Trebezlawe* описка въ *Prebeslawe* (грамота находится только въ матрикулѣ монастыря Верхена), потому что деревня Прибслебенъ называется въ другихъ грамотахъ *Pribizlaw Pribeslave*.

Деревня у Данцига называлась около 1400-го года *Trzebe-*

Digitized by Google

slawitz Trsibislowicz, т. е. *Třebeslavice* или *Třibislavice*, отчество имени *Třebeslav* или *Třibislav*.

x′) Померанское имя, въ Волинѣ: *Vbizlaus* 1219, т. е. *Ubislav*.

Померанское имя: *Ubizlaus* 1288, т. е. *Ubislav*.

y′) Мекленбургское (ободритское) имя: *Vnieszlau* 1221 *Vnizlawus* 1230, т. е. *Unislav* прасл. *Uněslavъ*.

Мекленбургское имя, въ окрестности Ребеля: *Vnizlawus* 1239 *Vnizlavs* 1241 *Vnizlaus* 1242 *Vnizlavus* 1249 *Vnizsclaus* 1254 *Vnslawus* 1256 *Vinzlaus* 1257 *Vnzsclaus* 1261 *Unzlaus* 1274, т. е. *Unislav* и *Unslav*.

Померанское имя, въ Кольбергѣ: *Vneslau* 1194, т. е. *Uneslav*.

Померельское имя: *Vnizlaus* 1220 *Unezlawus* 1220 *Unceslaus* 1227 *Unizlawus* 1227 *Vnislawus* 1247 *Vneslaus* 1268 *Vnizslawus* 1271 *Huneslawus* 1272 *Vnislaus* 1275 *Uneslaus* 1277 *Vnizlaus* 1277 *Unislawus* 1281 *Vnislawus* 1281 *Huneslaus* 1282 *Vnezlaus* 1283 *Unislaus* 1283 *Unyzlaus Unizlaus* 1283 *Unyslaus* 1283 *Wnizlaus* 1284 *Wneslaus* 1286 *Wunceslaus* 1286 *Unislaw* 1286 *Vniszlaus* 1287 *Vnizlawus* 1291 *Wnislaus* 1310 *Vnesslaff* около 1400, т. е. *Unislav Uneslav*, вѣроятно выговаривалось *Uńeslav*.

z′) Деревня Дамерау въ Коницкомъ уѣздѣ называется въ грамотахъ *Wamyzlai Dambrow* 1313 *Wamyslai Dambrowe* 1313, т. е. Дамброва Вамислава. Имя произносилось, вѣроятно, *Vomislav*.

a″) Померанское имя: *Wartizlawus* 1153 *Wartizlaus* 1173 *Warthyszlawus* 1173 *Wartislaus* 1176 *Wartizlawvs* 1184 *Wartizlawus* 1184 *Warcelawus* 1187 *Wotizlaus* 1212 *Wartezlaus* 1218 *Wartizlaus* 1219 *Wartisclawus* 1226 *Werslaus* 1236 *Wartyzlaus* 1238 *Wartiszlaus* 1238 *Wartizslaus* 1240 *Warzlaus* 1251 *Wartzizlaus* 1253 *Wartizlawvs* 1254 *Wartislavs* 1254 *Wartislawvs* 1254 *Warzslaus* 1257 *Wartizslawus* 1260

Digitized by Google

Warzlawus 1282, т. е. *Vartislav* и позже *Vartslav*, прасл. *Vortislavъ*.

Померанское имя, въ Гуцковѣ: *Wartizlauus* 1178 *Wartislauus* 1220 *Vartizlaus* 1228 *Wratislaus* 1229, т. е. *Vartislav*.

Померанское имя, въ Шлявѣ: *Wartizlaus* 1186, т. е. *Vartislav*.

Померельское имя: *Wartizlaus* 1209 *Wratizlaus* 1223 *Warcislaus* 1223 *Vartizlaus* 1226 *Wartislauus* 1229 *Wartislaus* 1248 *Wartzislaus* 1250 *Warzlaus* 1257 *Warcislaus* 1262 *Varcislaus* 1266 *Warcislavus* 1267 *Warzeslaus* 1317 *Vorzyslaus* 1329, т. е. *Vartislav* и *Varcislav*.

Ободритскій князь Вартиславъ, сынъ Никлота, называется въ хроникѣ Гельмольда *Wertizlaus*, въ хроникѣ Арнольда изъ Любека *Wertislavus Wertislaus*. Можетъ быть, онъ назывался по ободритски *Vertislav*, прасл. *Vьrtislavъ*. Но, въ виду того, что и померанскій князь, который въ померанскихъ грамотахъ называется только *Vartislav*, въ хроникѣ Гельмольда называется *Werteslauus Wertizlauus*, форма *Vertislav*, можетъ быть, находилась только въ вагрійскомъ діалектѣ.

b″) Померельское имя: *Welislaus* 1339 *Velislaus* 1420, т. е. *Velislav* прасл. *Velislavъ*.

c″) Мекленбургское имя, въ Верльскомъ княжествѣ: *Winzlaus* 1236 *Vinzlauus* 1238, т. е. *Vęcslav* прасл. *Vętjeslavъ*.

Померанское имя, въ Анклямскомъ уѣздѣ: *Wenceslaus* 1231, т. е. *Vęceslav*.

Померанское имя, на Уседомѣ: *Venzlaus* 1273 *Vinslaws* 1287 *Wenzlaus* 1288, т. е. *Vęcslav*.

Померанское имя, на Волинѣ: *Vencezlaws* 1175 *Venzezlauus* 1178 *Venezlaus* 1182 *Wenzeslauus* 1184, т. е. *Vęceslav*.

Померанское имя, въ Банскомъ краю: *Wensclaus* 1234 *Wenczlaus* 1234 *Vinsclauus* 1237, т. е. *Vęcslav*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Ventislaus* 1250 *Venslaus* 1295 *Ventzlaus* 1297, т. е. *Vęcslav*.

Померельское имя: *Wenczeslaus* 1227 *Wenceslaus* 1215

Digitized by Google

Venceslaus 1235 *Venzeslaus* 1236 *Venceszlaus* 1248 *Wenzlaus* 1304 *Wenzenlaus* 1310 *Venceslaus* 1304 *Winzlaus* 1305 *Venzlaus* 1313, т. е. *Vęceslav* и *Vęcslav*.

Деревня Венцляфсгагенъ въ Шифельбейнскомъ уѣздѣ въ Померанiи называется въ грамотахъ *Wentzlafhagen* 1337 *Ventzlawes hagen* 1479, т. е. ограда Венцлава. Имя произносилось *Vęcslav*.

d') Рюгiйское имя: *Wizlauus* 1209 *Wisieszlauus* 1221 *Wizeslavs* 1224 *Witislavs* 1225 *Wisceslavus* 1225 *Uuizelaus* 1231 *Wirzlaus* 1231 *Wysseszlauus* 1232 *Wysseszlaus* 1232 *Wyslauus* 1232 *Wisseszlaus* 1234 *Wizlaus* 1236 *Wisseslavs* 1237 *Wiseslaus* 1240 *Wisseszlaws* 1241 *Wisceslauus* 1241 *Wisislauus* 1242 *Wiscelaus* 1242 *Wyslaus* 1242 *Wisceslaus* 1242 *Wizslaus* 1245 *Wiszlauus* 1246 *Wizcezlauus* 1247 *Witzlauus* 1248 *Witslauus* 1249 *Wislavus* 1250 *Witislaus* 1261 *Witzlaus* 1261 *Wiszlaus* 1261 *Wislaus* 1264 *Wiceslaus* 1265 *Wüzslaus* 1265 *Wisseslauus* 1266 *Uvizcelaus* 1266 *Visseszlaus* 1266 *Wizclaus* 1266 *Wisceszlaus* 1266, позже *Wrzlauus Wisceszlauus Wisslaus Wisclauus Vizlaus Vitzlaus Uvizlauus Vuislaus Wvizlaus Woitzlaus Wyzlauus Witslauus Wiczslaus Wizeslaus Vvtzslaus Wizceslaus Wyzlaus Uvisclaus Wezlaus Wysseszlauus Wysslawus Wizlauus Wizelauus Wirslaus Wizslawus Witzlavus Wizslaus*, т. е. *Viceslav* и *Vicslav*.

Померанское имя, на Уседомѣ: *Wicezlaus* 1233 *Wiceszlus* 1239 *Wizlaus* 1242 *Wizslaws* 1243, т. е. *Viceslav* и *Vicslav*.

Померанское имя, въ Камиѣ: *Wiczlaus* 1181 *Wislaus* 1214 *Wislaus* 1241 *Wizslauus* 1268 *Uvizslaus* 1278 *Wisceslaus* 1280 *Woitzlauus* 1288, т. е. *Viceslav* и *Vicslav*.

Померанское имя, въ Кольбергѣ: *Wizslaus* 1303 *Wislaus* 1308, т. е. *Vicslav*.

Померельское имя: *Wislaus* 1345 *Witsleff Vizlaff* около 1400, т. е. *Vicslav*. Въ виду того, что *ę* въ померельскомъ языкѣ замѣнилось неносовымъ *i*, это *Vicslav*, можетъ быть, произошло изъ *Vęcslav Vęceslav*.

Digitized by Google

e″) Померанское имя, въ Штетинѣ: *Vituzslaws* 1256 *Vituzslauus* 1256 *Vituszlaus* 1256 *Vitoslauus* 1263 *Vitoszlauus* 1267, т. е. *Vitoslav Vituslav (o и* выговаривалось какъ польское *ó)* прасл. *Vitoslavъ.*

Померанское имя, въ окрестности Наугарда: *Vitozlauus* 1268, т. е. *Vitoslav.*

Померельское имя: *Witoslaus* 1282, т. е. *Vitoslav.*

Померельское имя женск. р.: *Vithazlaua* 1275 *Vitozlaua* 1280 *Withoslaua* 1281 *Withozlaua* 1289 *Withoslawa* 1289 *Witoslaua* 1289, т. е. *Vitoslava.*

Померанское имя (въ окрестности Штетина) *Wicozlaus* 1234 описка или вм. *Witozlaus*, т. е. *Vitoslav*, или вм. *Wiceslaus*, т. е. *Viceslav.*

f″) Померанское имя, въ Деминѣ: *Virchozlaus* 1238, т. е. *Virchoslav* прасл. *Vьrchoslavъ.*

Померанское имя, въ Кольбергѣ: *Wirchoslau* 1198, т. е. *Virchoslav.*

Померельское имя: *Vircosslaus* 1304 *Birkuslaus* 1311 *Wirkoslaw* 1354, т. е. *Virchoslav.*

Деревня въ Гарцскомъ намѣстничествѣ на Рюгіи называлась въ 1314-омъ году *Verchoslaueshagen,* т. е. ограда Верхослава; имя выговаривалось *Verchoslav.*

g″) Померанское имя, въ окрестности Кольбаца: *Wlodizlaus Vledizlaus Voldizlaus* 1220, т. е. *Vlodislav* или *Voldislav* прасл. *Voldislavъ.*

h″) Померанское имя, въ Старгардѣ: *Woizlaus* 1219 *Worzlaus* 1220 *Wogslaus* 1229, т. е. *Vojslav.*

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Woyzlaus* 1296 *Woitzlaus* 1296 *Woyslaus* 1317, т. е. *Vojslav.*

Померанское имя женск. р.: *Woizlav* 1175 *Woyzslava* 1229 *Woyszlaua* 1229, т. е. *Vojslava.*

Померельское имя: *Woitzlaus* 1275 *Woislaus* 1287 *Woyslaus* 1296 *Woyslus* 1306 *Woizlaus* 1310 *Woyslaff Woyslaw Woyzlaff* около 1400, т. е. *Wojslav.*

Digitized by Google

i″) Деревня Синцловъ у Кольбаца въ Померанiи называется въ грамотахъ *Zelizlauiz* 1179 *Zilisslauiz* 1189, т. е. *Zelislavice* или *Zilislavice (e i* выговаривалось какъ польское *é)*, отчество имени *Zelislav Zilislav* прасл. *Želislavъ*. Въ другихъ грамотахъ эта деревня называется *Zilizlaw Silczlow* 1226 *Cilizlowe Scilizlaue* 1235 *Silizlave* 1236 *Sulislaue* 1237 *Zillislaue Cilizlawe* 1240 *Cilizlaue* 1242 *Cilizlaf* 1242 *Zillizlau* 1243 *Silizlawe* 1255 *Zillizlow* 1282 *Silizla* 1283 *Zilleslaw Zillizlowe* 1295 *Zilslowe* 1302 *Zilleslaw* 1307, т. е. *Zilislave*, мн. ч. или ин. прилаг. относ. имени *Zilislav*.

Мѣсто (вѣроятно деревня) у Диршау въ Западной Пруссiи называется въ грамотѣ 1292-аго года *Selislaue*, т. е. *Želislave*, им. прилаг. относ. имени *Želislav*.

k″) Померанское имя, въ Кольбергѣ: *Sdizlaus* 1219 *Ifritzlaus* 1227, т. е. *Zdislav* прасл. *Žьdislavъ*.

24. *-strigъ*.

Померанское имя, въ Волинѣ: *Sulistrig* 1194.

Померанское имя, въ Шлявѣ: *Sulistrig* 1200.

25. *-těchъ*.

a) Мекленбургское имя, въ окрестности Мальхова: *Zlauteich* 1218 *Zlautech* 1219 *Zlauotech* 1219 *Zlawotech* 1227, т. е. *Slavotech Sla°utech* или *Slavtech* прасл. *Slavotěchъ*.

Померанское имя, въ окрестности Кольбаца: *Zlautec* 1181 *Szlautech* 1187, т. е. *Sla°utech* или *Slavtech*.

b) Деревня въ Iериховскомъ уѣздѣ въ провинцiи Саксонiи, въ области Морачанъ, называется въ грамотѣ 992-аго года *Soliteso*, т. е. прасл. *Sulitěše*, им. прилаг. относ. имени *Sulitěchъ*. Имя выговаривалось по-морачански, вѣроятно, *Solitech*.

c) Деревня Утехтъ у Любека, въ области Полабянъ, называется въ грамотѣ 1230-аго года *Vtechowe*, т. е. *Utechove*, им. прилаг. относ. имени *Utech* прасл. *Utěchъ*. Въ другихъ грамотахъ эта деревня называется *Vteche* 1284 *Vtegthe* 1285 *Utech* 1300 *Vtech* 1334, т. е. *Uteche*, мн. ч. имени *Utech*.

Digitized by Google

d) Померанское имя, въ окрестности Волина: *Woyteych* 1291, т. е. *Vojtech*.

Померанское имя, въ Штетинѣ: *Woycech* 1228. Въ виду того, что *t* въ померанскомъ языкѣ не замѣнилось африкатою *c*, это вѣроятно описка вм. *Woytech*.

Померельское имя: *Woycech* 1215 *Woicech* 1235 *Voiczіech* 1235 *Wocech* 1257 *Woycehc* 1284 *Woyzacht* 1308 *Woiczich* 1335 *Woiczech* 1363 *Woyzcech* 1375 *Woizech* 1377 *Woizcech* *Woyczech* *Woischech* *Wooczech* *Woyzek* *Woyzech* *Woiczeche* *Woyzich* *Woycich* около 1400 *Woyczek* 1408 *Wucech* 1409 *Woycsech* 1409, т. е. *Vojcech*.

e) Деревня Вольтовъ у Гнойена въ Мекленбургѣ, въ области Чрезпѣнянъ, называется въ грамотахъ *Woltekow* 1292. Можетъ быть, это *Voltechov*, им. прилаг. относ. имени *Voltech* прасл. *Volitéchъ*.

26. *-varъ*.

Померанское имя, въ Штетинѣ: *Rossoarus* 1189 *Rotzmarus* *Rothmarus* 1208 *Rozwarus* 1216 *Rozuarus* 1216 *Rozwar* 1220 *Roszuarus* 1220 *Rotzwarus* 1224 *Roswarus* 1229, т. е. *Rozvar* прасл. *Rozvarъ*.

Померанское имя, на Уседомѣ: *Rozsuar* 1242 *Roszwar* 1256, т. е. *Rozvar*.

Померанское имя, въ окрестности Шлява: *Rosuardus* 1250.

Померанское отчество, въ Штетинѣ: *Rosswarowitz* 1235, т. е. *Rozvarovic*.

Померанское отчество, въ окрестности Шлява: *Roswarouiz* 1277, т. е. *Rozvarovic*.

27. *-vitъ*.

a) Вильцское (стодоранское или линонское) имя: *Dragovit* *Dragoidus* *Dragawitus* *Tragwitus* *Dragitus* *Tragovit* 789, т. е. *Dragovit* или *Drogovit* прасл. *Dorgovitъ*.

b) Стодоранское имя: *Boliwit* (у Аналисты Саксона) *Boliuut* *Bolibut* (у Титмара) 994, т. е., вѣроятно, *Bolivit* прасл. *Bolivitъ*.

Digitized by Google

c) Померанское имя (имя бога въ Вольгастѣ): *Gerovit* у Герборда въ біографіи Св. Оттона, т. е. *Jărovit*, прасл. *Jarovitъ*.

d) Деревня Пеневицъ у Варина въ Мекленбургѣ, въ области Ободритовъ, называется въ грамотѣ 1287-аго года *Peneuitz*, т. е. *Penevic*, им. прилаг. относ. имени *Penevit* прасл. *Penovitъ*. Въ другихъ грамотахъ эта деревня называется *Penneuitte Penneuit* 1322, т. е. *Penevite*, им. ч. имени *Penevit*.

e) Рюгійское имя (имя бога): *Porcuithus* у датскаго историка Saxo Grammaticus, т. е. *Porevit*.

f) Рюгійское имя (имя бога): *Suantouitus Suantouithus Suantuithus* (у датскаго историка Saxo Grammaticus) *Zuantevith Zwantevith Zuantevit* (у Гельмольда) *Szuentevit* (въ грамотѣ 1070-аго года), т. е. *Svętovit* прасл. *Svętovitъ*.

28. *-vojь*.

a) Мекленбургское (ободритское) имя: *Buruwe* 1189 *Buruwo* 1189 *Burwinus* 1192 *Boburibinus* 1210 *Borwinus* 1217 *Burewinus* 1218 *Bhrwinus* 1219 *Buruwi* 1219 *Borewinus* 1222 *Buruwinus* 1226 *Boriwinus* 1226 *Boruuinus* 1227 *Burwy* 1227 *Buriwoi* 1231 *Bůrwinus* 1232 *Burchwinus* 1235 *Boriuuinus* 1249, т. е. *Borivoj Burivoj (o* и выговаривалось какъ польское *ó)* прасл. *Borivojь*.

b) Ободритское имя: *Butue* (у Адама Бременскаго) *Buthue* (у Гельмольда) 1066, т. е. *Buduvoj* (вѣроятно, выговаривалось *Buduvŏj* или *Buduvej*) прасл. *Budovojь*.

Померанское имя, въ Деминѣ: *Buduuoyn* 1175 *Bodewi* 1176 *Budowoy* 1178 *Budewuinus* 1182 *Byudewin* 1187, т. е. *Budovoj Budovŏj*.

Померельское имя: *Budiwig* 1220.

c) Мекленбургское имя, въ окрестности Гадебуша, въ области Полабянъ: *Darchui* 1220, т. е. *Darguvŭj* прасл. *Dorgovojь*.

d) Ободритское имя: *Mistav Mistau* (у Видукинда) *Mistui Mistuwoi Mystuwoi* (у Титмара) *Mystiwoi* (у Адама Бремен-

Digitized by Google

скаго) *Mistiwoi Mistue* (у Гельмольда) 1002, т. е. *Mistivoj Mistivõj* прасл. *Мьstivoję*.

Померельское имя: *Mestuwinus* 1205 *Mestwinus* 1209 *Mystiwy* 1212 *Mistwi* 1220 *Mestwigus* 1224 *Mistuinus* 1235 *Mestuinus* 1235 *Mistiwius* 1236 *Mistuwy Msciuius* 1236 *Mistui* 1248 *Mistuy* 1253 *Mestigius* 1252 *Mistwinus* 1253 *Mistwin* 1257 *Mistiuius* 1259 *Mysciwius* 1266 *Mystiwoy* 1268 *Mastwinus* 1269 *Mestuuinus* 1273 *Mystiwgius* 1274 *Mystwynus* 1274 *Mystwinus* 1274 *Mestewinus* 1274 *Mstiwi* 1274 *Miegugius* 1274 *Mstiwy* 1275 *Msciwgius* 1275 *Mstynog* 1275 *Mistwius* 1275 *Mistynogius* 1276 *Mistiuigius* 1277 *Msciwius* 1277 *Meszuinus* 1278 *Miszciwgius Miscivugius Miszciungius* 1279 *Mistwgius* 1279 *Mestiwigius* 1280 *Mistivius* 1280 *Mstiuogius* 1280 *Mstuyius* 1280 *Mistvinus* 1281 *Mstynogius* 1282 *Mistiwius* 1282 *Mstiwgius* 1282 *Mszynogius Szciwy* 1282 *Mesthwinus* 1282 *Msciuogius Miszciuogius Mistiuogius Mstiuigius* 1282 *Mistiwinus* 1282 *Mistewinus* 1282 *Mszugius* 1282 *Mistiwius Mestwius* 1282 *Mistiwgius* 1283 *Mystiuoius* 1283 *Mistiwigius* 1284 *Mistiwyus* 1284 *Munstzui* 1284 *Mistugius* 1285 *Misciuuius* 1286 *Mscivogius Mstiuogius* 1286 *Mystivinus* 1287 *Mistivogius Mstynogius* 1287 *Misciwy* 1288 *Mstiuius* 1288 *Mestiwius* 1288 *Mistiuoyus* 1288 *Mestwius* 1288 *Mysciwyus* 1289 *Mystwgius* 1289 *Miscyuiius* 1290 *Misciuoius* 1290 *Mscug* 1290 *Msczivogius* 1290 *Msciuinus* 1290 *Mysciwgius* 1291 *Mistwgius* 1291 *Myszuius* 1291 *Mscuio* 1291 *Misscivius* 1292 *Mystiwius* 1292 *Mstiugius Mstiungius* 1292 *Mszciuogius* 1293 *Miscyugius* 1295 *Mysiugius* 1295 *Mestwigius* 1295 *Miscynogyus* 1298 *Misciwgius* 1300 *Mystiwyus Myscyuius* 1304, т. е. *Mscivoj M'scivoj* (и *Mscivy M'scivy Mščug*).

е) Померанское имя, на Уседомѣ: *Powoy* 1187, т. е. *Povoj* прасл. *Povoję*.

Фр. Лоренцъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Serbica.

I. О „Землеописаніи“ П. Соларића.

Дѣятельность одного изъ крупнѣйшихъ сербскихъ литераторовъ начала XIX столѣтія, Павла Соларића (1781—1821), въ недавнее время послужила предметомъ обстоятельной характеристики, написанной г. Н. Андрићемъ[1]). О наиболѣе обширномъ изъ трудовъ Соларића, его «Землеописаніи»[2]), г. Андрић говоритъ во второмъ отдѣлѣ[3]) своей статьи. По заглавію эта книга могла бы быть сочтена за оригинальное сочиненіе, но на XII-ой страницѣ своего «Предисловія» Соларић замѣчаетъ: «Ово Землеописаніе естъ по начину Г. Адама Христіана Гашпари, и по новѣишимъ о Свету извѣстіями, собрано и посерблено». Изъ этихъ словъ г. Андрић выводитъ заключеніе[4]), что оригиналъ «Землеописанія» слѣдуетъ искать «въ нѣмецкомъ сочиненіи Ад. Христ. Гаспари «Allgemeine Einleitung in die neueste Erdbeschreibung», которое было напечатано въ 1797 г. какъ разъ въ двухъ книгахъ, какъ Соларићево». Къ сожалѣнію, это замѣ-

1) «Život i književni rad Pavla Solarića» — Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti, CL (1902 г.), 103—194.

2) Ново гражданско землеописаніе перво На Езику Сербскомъ. У две части. Павломъ Соларичемъ [sic]. Съ Землеписникомъ одъ XXXVII. Листова. У Венеціи 1804. 8°. Въ первой части XXII-+-1 нен.-+-474, во второй 3 нен.-+-246 стр.

3) «II. Geografski rad» — стр. 121 и слѣд.

4) Стр. 121.

Digitized by Google

ваніе авторъ не подтверждаетъ никакими доказательствами. Разбирая другой трудъ Соларића по географіи, «Ключичъ у мое Землеописаніе» (Венеція, 1804), г. Андрић высказываетъ предположеніе [1]), что эта книжка могла быть обработана по другому сочиненію Гаспари — «Lehrbuch der Erdbeschreibung zur Erläuterung des neuen methodischen Schulatlasses», которое осталось г. Андрићу недоступнымъ, какъ и «Neuer methodischer Schulatlas» (1801 г.) того же автора.

«Lehrbuch» Гаспари, упомянутый здѣсь, состоялъ изъ двухъ курсовъ — перваго, краткаго, и второго, болѣе подробнаго. Сравненіе этихъ книгъ съ «Землеописаніемъ» убѣдило насъ, что Соларић положилъ въ основу своего труда именно второй курсъ Гаспари [2]). Насколько близко слѣдовалъ авторъ «Землеописанія» своему оригиналу въ расположеніи матеріала, можно показать сличеніемъ названій первыхъ параграфовъ обѣихъ книгъ, которое, кстати, дастъ намъ и образцы терминологіи Соларића:

Gaspari:	Соларић, часть I:
Allgemeine Einleitung.	Уведеніе всеобще.
Eintheilungen der Geographie.	§ 1. Раздѣленія Землеописанія.
Gestalt der Erde.	§ 2. Видъ Земљ.
Grösse der Erde.	§ 3. Величина Земљ.
Umlauf der Erde um die Sonne.	§ 4. Теченіе земљ около сунца.
Die Erde ein Planet. Sonnensystem.	§ 5. Земля Планета Составъ Солнечни.
Horizont: Weltgegenden.	§ 6. Зрѣшникъ: Предѣли Мїра.
Länge und Breite.	§ 7. Долгота и Ширина.
Nebenwohner, Gegenwohner, Gegenfüssler.	§ 8. Соуспоредници. Сополуденичници. Противоножници.

1) Стрр. 128—129.

2) Цитируемъ его по четвертому изданію: Lehrbuch der Erdbeschreibung zur Erläuterung des neuen methodischen Schul-Atlasses. Von Adam Christian Gaspari. Zweyter Cursus. Vierte verbesserte Auflage. Weimar, 1801. 8°, 1 нен.+717 стр.

Digitized by Google

Zonen.	§ 9. Пояси.
Climate.	§ 10. Климе.
Dreyerley Sphären.	§ 11. Трояки Кругъ.
Dreyerley Hemisphären.	§ 12. Трояка Полукружія.
Gebrauch des Globus.	§ 13. Употребленіе Круга Художественога.
Oberfläche der Erde.	§ 14. Поверхность Земљ.
Land.	§ 15. Суво.
Meer.	§ 16. Море.
Atmosphäre: Clima.	§ 17. Воздухокружіе: Клима.
Producte.	§ 18. Производи.
Menschen.	§ 19. Люди.
Staaten.	§ 20. Государства.
Eintheilung der Erde. (Taf. I. II).	§ 21. Раздљленіе Земљ. (Листъ II. III).

Поставленныя здѣсь въ скобкахъ римскія цифры указываютъ на листы атласа, приложеннаго какъ къ Lehrbuch'у, такъ и къ «Землеописанію». Раздѣленіе книги Соларића на два тома принадлежитъ ему самому, такъ какъ «Lehrbuch» имѣетъ одну пагинацію и на части не подраздѣляется; «Предисловіе» [1]), «Предувѣдомленіе» [2]) и «Повѣстъ землеописанія» [3]) Соларића также не находятъ себѣ соотвѣтствія въ цитируемой книгѣ Гаспари. Насколько близко сербскій авторъ держался своего образца, показываетъ слѣдующій примѣръ — начало перваго параграфа въ обоихъ трудахъ:

Gaspari:	Соларић:
Erdbeschreibung—Geographie— ist, was der Name deutlich anzeigt, eine Beschreibung der	Землеописаніе есть, що само име каже, описаніе земљ. Ако садашнѣ земљ описуе состояніе,

1) Стрр. V—XV.
2) Стрр. XVI—XVIII.
3) Стрр. XIX—XXII.

Digitized by Google

Erde. Beschreibt sie den jetzigen Zustand der Erde: so heisst sie die neuere, oder neueste Geographie; beschreibt sie den ehemaligen, es sey in welchem Zeitpunct es wolle: so heisst sie alte, oder ältere Geographie. Umfasst sie den Zustand der ganzen Erde: so ist sie allgemein oder universal; schränkt sie sich nur auf einen Theil der Erde ein, er sey so klein oder so gross als er wolle: so ist diess besondere oder Special-Geographie.

зовесе ново; аколи пређашнѣ у коемъ либо времену, старо землеописанїе. Ако состоянїе обима све землѣ, естъ всеобще, вселенско; ограничавалисе едномъ само землѣ части, била ова колико му драго малена или велика, наричесе землеописанїе особенно, помѣство.

Однако, сообразно съ приводившимся выше замѣчаніемъ Соларића, онъ не только переводилъ текстъ Гаспари, но и дополнялъ его, мѣстами весьма значительно; такъ, обширныя свѣдѣнія о Загребѣ, сообщаемыя въ «Землеописанїи» [1]), принадлежатъ всецѣло переводчику, такъ какъ въ оригиналѣ находимъ объ этомъ городѣ менѣе одной строчки [2]):

Agram, (Zagrab), an der Sau, die Hauptstadt.

Подробное сличеніе книги Соларића съ ея образцомъ не входитъ въ нашу задачу; упомянемъ только, что сербскій авторъ не забывалъ о судьбахъ просвѣщенія у славянъ; такъ, о Сени онъ замѣчаетъ: «Овде, како и по свима острови обрежїа далматскога, естъ їоще верло у употребленїю у Римокаѳ. Церкви Азбука Глаголитическа зовома» [3]); въ Сремскихъ Карловцахъ, по его словамъ, находится «столица Архїеп. и Митрополїта сербскога съ

1) I, 445; ср. извлеченіе у г. Андрића, стрр. 123—124.

2) Op. cit., pag. 455.

3) «Землеописанїе», I, 447. Въ подлинникѣ (стр. 456) о глаголицѣ не упомянуто.

Digitized by Google

еднимъ книгохранилищемъ, воспиталищемъ будущи свещенника, и сербско-народномъ особозаконномъ латин. гимназіомъ, отмѣнѣйшомъ у свой Мачжарской, съ нещо естественни собранія»[1]) и т. п.

«Пѣшій землеписникъ», т. е. атласъ[2]), приложенный «Соларићемъ къ его труду и состоящій изъ 37 нѣмыхъ картъ, остался намъ недоступнымъ, но по ссылкамъ въ «Землеописаніи» мы можемъ возстановить его составъ и опредѣлить отношеніе къ аналогичной книгѣ Гаспари[3]); вотъ перечень картъ «Землеписника» съ указаніемъ соотвѣтствія имъ въ «Schul-Atlas»:

Соларић:	Гаспари:
I Солнечни Составъ.	Das Sonnen-System. II, 3.
II, III Восточно и Западнѣ плоскокружіе.	Oestliche Hemisphäre. I, 1. / Westliche Hemisphäre. I, 2.
IV, V Северно и Южно плоскокружіе.	Nördliche Hämisphäre. II, 1. / Südliche Hämisphäre. II, 2.
VI Европа.	Europa. I, 3 и II, 4 (одинаковыя).
VII Немецка.	Deutschland. I, 4 и II, 5 (одинаковыя).
VIII, IX Окружіе Аустрійско и Баварско.	Der Oestreichische Kreis. II, 6. / Der Bayerische Kreis. II, 7.
X Аустрія Предня (нами Задня).	Der Schwäbische Kreis. II, 8.
XI Окружіе Курфирстско-Райнско.	Der Oberrheinische Kreis. II, 9.

1) «Землеописаніе», I, 443; у Гаспари Карловцы вовсе не отмѣчены (ср. о Славоніи на стрр. 454—455).

2) См. у г. Андрића, стрр. 124—126.

3) Мы пользовались слѣдующимъ изданіемъ: A. C. Gaspari. Neuer methodischer Schul-Atlas, entworfen von F. L. Güssefeld. Erster Cursus. Weimar. 1792. Тоже, Zweyter Cursus. Weimar. 1793. Оба курса изданы въ продолговатую 4^0, въ первомъ находится 15 картъ, во второмъ 35; обозначаемъ курсъ римской цифрой, а номеръ карты — арабской.

Digitized by Google

XII Белгія.	Der Burgundische Kreis. II, 10.
XIII Окружіе Вестфалско.	Der Westphälische Kreis. II, 11.
XIV Окружіе Франконско.	Der Fränkische Kreis. II, 12.
XV, XVI Окружіе Саксоніе Горнѣ.	XV Der südliche Obersächsische Kreis. II, 13. XVI Der nördliche Obersächsische Kreis. II, 14.
XVII Окружіе Саксоніе Долнѣ.	Der Niedersächsische Kreis. II, 15.
XVIII Державе, кое се у Окружіями Цесарства не содержаваю.	Böhmen. Mähren. Schlesien. II, 16.
XIX Швайцерска.	Helvetien. I, 5 и II, 17 (нѣсколько различны).
XX Италія.	Italien. I, 6 и II, 18 (нѣсколько различны).
XXI Франція.	Frankreich. I, 7 и II, 19 (совершенно различны).
XXII Испанія. Португалія.	Spanien und Portugal. I, 8 и II, 20 (совершенно различны).
XXIII Велика Британнія и Ирландія.	Grossbritanien und Irland. I, 9 и II, 21 (совершенно различны).
XXIV Соединенна Нидерландія или народообщество Батавско.	Die vereinigten Niederlande. I, 10 и II, 22 (сходны, но не одинаковы).
XXV Данія.	Dänemark. II, 23.
XXVI Норвегія. Шведска.	Dänemark, Schweden, Norwegen. I, 11. Schweden und Norwegen. II, 24. (одинаковы).
XXVII Россія.	Russland. I, 12 и II, 25 (одно и то же).
XXVIII Прайзска (Проссія) [sic]. Галиція.	Pohlen und Preussen. I, 13 и II, 26 (разныя).

Digitized by Google

XXIX Мачжарска.	Ungarn und Galizien. I, 14 и II, 27 (разныя).
XXX Турска.	Die Türkey. I, 15 и II, 28 (одно и то же).
XXXI Асія.	Asien. II, 29.
XXXII Индія Восточна.	Ostindien. II, 30.
XXXIII Африка.	Afrika. II, 31.
XXXIV Америка.	Amerika. II, 32.
XXXV Государства Соединенна.	Die vereinigten nordamerik. Staaten. II, 33.
XXXVI Индія Западня.	Westindien. II, 34.
XXXVII Полунезія.	Australien. II, 35.

Судя по этимъ даннымъ, «Землеписникъ» Соларића былъ составленъ по второму курсу атласа Гаспари съ прибавленіемъ двухъ картъ (II и III) изъ перваго курса этой книги. Въ обоихъ атласахъ карты нѣмыя, но Соларић снабдилъ свои цифрами, объясненіе къ которымъ находится въ его «Землеописанїи». Насколько близки самыя карты «Землеписника» къ своимъ образцамъ въ «Schul-Atlas»'ѣ, можетъ сказать только тотъ, кому одновременно доступны обѣ эти книги.

Хотя авторомъ «Землеописанїя» на заглавномъ листѣ названъ одинъ Соларић, тѣмъ не менѣе существовали слухи объ участіи въ составленіи этой книги и знаменитаго «просвѣтителя» сербовъ, Досиѳея Обрадовића; въ ноябрѣ 1809 года Копитарь, очевидно еще не видавшій ея, писалъ Добровскому объ Обрадовићѣ: Er soll erst unlängst in Venedig eine Serbische Geographie der Europäischen Türkei mit einer Karte, worauf die Oerter, um Raum zu gewinnen, nicht ausgeschrieben, sondern mit Beziehung auf den Text, nur nummerirt sind, herausgegeben haben [1]). Такъ какъ подобной сербской книги, вышедшей въ Венеціи въ

1) Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ... И. В. Ягича. Спб., 1885, стр. 64.

Digitized by Google

1804—1809 гг., неизвѣстно, то остается предположить, что Копитарь воспроизводитъ здѣсь дошедшее до него неточное извѣстіе о «Землеописаніи» Соларића. Въ 1810 г. онъ повторилъ тотъ же слухъ и въ печатной біографіи Обрадовића [1]). Въ 1811 г. Копитарь уже имѣлъ эту книгу подъ руками и составилъ на нѣмецкомъ языкѣ извлеченіе изъ нея [2]); здѣсь онъ прямо приписываетъ «Землеописаніе» Обрадовићу и его ученику, Соларићу [3]); переводя изъ этой книги одну выходку противъ монашества, онъ замѣчаетъ [4]), что подобныя фразы часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Обрадовића; нѣсколько позднѣе, въ некрологѣ сербскаго просвѣтителя, Копитарь сообщалъ, что Обрадовић поручилъ Соларићу издать руководство къ географіи [5]); въ другой статьѣ того же 1811 г. вѣнскій славистъ упоминалъ, что «Землеописаніе» вышло съ помощью Обрадовића [6]). Въ виду подобныхъ указаній естественно возникаетъ вопросъ: принималъ ли дѣйствительно Досиѳей участіе въ составленіи «Землеописанія» и, если принималъ, то въ чемъ оно выразилось?

Изъ посвященія книги [7]) мы знаемъ, что она издана «иждивеніемъ» «Трію Единородне Братіе Георгія, Петра и Драге Ѳеодоровичевъ, Граждана Трїестински, вкупѣ Досіѳеа Обрадовича»; слѣдовательно помощь «сербскаго Анахарсиса», какъ называлъ Обрадовича Копитарь, *матеріальной* сторонѣ изданія

---

1) Annalen der Literatur und Kunst. 1810, Erster Band, Februar, стрр. 349—350.

2) Часть этой статьи перепечатана въ Barth. Kopitars Kleinere Schriften.... herausgegeben von Fr. Miklosich. Erster Theil. Wien, 1857, стрр. 76—79.

3) Op. cit., pag. 76.

4) Ibid., 77[1].

5) Kleinere Schriften, 119: Dort [въ Венеціи] liess er nun 1804 durch seinen vortrefflichen Schüler Paul Solarić ein Handbuch der Geographie nach Gaspari herausgeben. Это свѣдѣніе, какъ сказано на той же страницѣ, но нѣсколько выше, было доставлено Копитарю Григоріемъ Обрадовићемъ, племянникомъ Досиѳея.

6) Kleinere Schriften, 186: Im Jahre 1804 erschien, mit Obradović's Hilfe, Solarić's Geographie nach Gaspari и т. д.

7) Стр. 3-я нен. I-ой части; ср. у г. Андрића, стр. 122.

Digitized by Google

не подлежитъ сомнѣнію; съ другой стороны нѣтъ основаній не довѣрять вышеприведенному указанію составленнаго Копитаремъ некролога, по которому Обрадовичъ былъ и иниціаторомъ труда Соларића. Самъ предполагаемый сотрудникъ «Землеописанїя» называлъ его трудомъ Соларића[1]); если въ одномъ своемъ письмѣ Обрадовичъ и писалъ: «Я едва чекамъ, да се наше преизрядно всеобще землѣописаніе у Венецїи соверши»[2]), то здѣсь слово *наше* можно понимать въ смыслѣ *сербское;* съ другой стороны, Обрадовичъ могъ этимъ намекать и на свою — хотя бы только матеріальную — помощь изданію; только что приведенная фраза показываетъ, что во время ея написанія книга Соларића, вопреки помѣтѣ на заглавныхъ листахъ обѣихъ частей, въ свѣтъ еще не выходила; что она появилась весной того же 1805 г., видно изъ письма Обрадовића къ Терлаићу (отъ 21 октября 1805 г.), гдѣ читаемъ: «Соларићь..... о ньой [Географіи] се трудіо, и ясамь се нѣ ради.....овде [въ Тріестѣ] за ову зиму до пролећа задержао»[3]). Наконецъ, самъ Соларић при жизни Обрадовића печатно называлъ[4]) «Землеописанїе» своимъ трудомъ; поэтому можно думать, что прямого участія въ *составленіи* этой книги «сербскій Анахарсисъ» не принималъ[5]), и Копитарь ошибся, когда приписалъ раціоналистическую фразу уче-

---

1) Ср. письмо Обрадовића къ Соларићу изъ Тріеста отъ 18 декабря 1804 г., написанное по поводу полученія «Ключића» (Сербска Лѣтопись, III, 112—114); здѣсь есть фраза: «читаюћи пре у Венецїи Всеобще Ваше Землеописаніе» (стр. 112)—очевидно такъ называлась книга Соларића въ рукописи. Г. Радченко (Досиѳей Обрадовичъ и его литературная дѣятельность, Кіевъ, 1897, стр. 62) ошибочно думаетъ, что это письмо было написано по поводу «Землеописанія».

2) Письмо черногорскому митрополиту изъ Тріеста, отъ 9 марта 1805 г.— Сербска Лѣтопись, VI, 183—184. Ср. Цѣлокупна дѣла Доситеа Обрадовића, У Земуну. 1850, X, 58.

3) Сербска Лѣтопись, XVIII, 168.

4) «по окончанїю моега Землеописанїя»—Поминакъ книжескій о Славено-Сербскомъ въ Млеткахъ Печатанїю... Въ Млеткахъ, 1810, стр. 60.

5) Противоположное мнѣніе высказываетъ г. А. Гавриловић въ книгѣ: «Доситије Обрадовић. *Књижевне расправе, нови прилози, мисли и белешке.* Београд. 1900», стр. 204.

Digitized by Google

ника-Соларића учителю-Обрадовићу; это — одно изъ доказательствъ ненадежности того метода, который будто бы даетъ возможность опредѣлять автора той или другой книги по высказываемымъ имъ воззрѣніямъ; на нашъ взглядъ, часто встрѣчающіяся въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ сопоставленія фразъ анонима съ сходными словами извѣстнаго писателя могутъ доказать только принадлежность анонимнаго автора къ той или другой литературной школѣ, но не опредѣлить его личность.

II. Кто былъ первымъ публицистомъ у сербовъ?

$\frac{31\text{ октября}}{12\text{ ноября}}$ 1803 года въ Сремскихъ Карловцахъ умеръ капиталистъ, давшій средства на основаніе въ этомъ городѣ сербской гимназіи, Димитрій Анастасијевић (Сабовъ); $^1/_{14}$ ноября 1903 г. это учебное заведеніе скромно отпраздновало сотую годовщину смерти своего основателя; описаніе торжества и тексты произнесенныхъ при этомъ рѣчей и стихотворенія вошли въ гимназическій отчетъ[1]), украшенный портретомъ и fac-simile Сабова. Кромѣ того, въ ежегодникѣ гимназіи находятся обычныя оффиціальныя свѣдѣнія о состояніи ея за $190^3/_4$ учебный годъ[2]), статья по классической филологіи[3]), посвященная памяти Сабова, и обозрѣніе первой по времени сербской газеты за первый годъ ея изданія[4]), имѣющее отношеніе къ исторіи гимназіи.

---

1) См. на 5—27 страницахъ книги: Извештај Српске Вел. Гимназије Карловачке за школску годину $190^3/_4$. Књига LII. Година XLV. Ср. Карловци. 1904. 8°. 130 стр.

2) Op. cit., pagg. 62—130.

3) De compositione secundi et tertii Ciceronis librorum de legibus. Scripsit Gregorius Lazić—стрр. 50—61.

4) «Прве српске новине—и оснивање Карловачке гимназије»—стрр. 28—49, съ подписью *Р. Врх.*, обозначающею г. *Рад. Врховца*, какъ сказано въ CCXXVI книгѣ «Летописа Матице Српске» (стр. 94).

Digitized by Google

Давно уже было извѣстно, что въ 1790-хъ годахъ въ Вѣнѣ выходила сербская газета, но, въ виду крайней рѣдкости экземпляровъ ея, въ библіографіи существовали неполныя, сбивчивыя и противорѣчивыя свѣдѣнія о первомъ по времени предпріятіи подобнаго рода у сербовъ. Въ послѣднее время библіотека Матицы Сербской пріобрѣла полный экземпляръ этой газеты за 1791 г., что дало г. Врховцу поводъ составить обзоръ ея содержанія и отмѣтить статьи, касающіяся первой сербской гимназіи. На основаніи этого экземпляра совершенно точно устанавливается дата самаго начала изданія: первый номеръ вышелъ съ такимъ заголовкомъ: Сербскїя новины повседневныя. Въ Вѣнни 14. Марта 1791 напечатани. Далѣе газета выходила два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, печатаясь церковно-славянскимъ шрифтомъ, въ 4°, въ два столбца; номеръ обычно состоялъ изъ двухъ листковъ, рѣже изъ трехъ, и только одинъ — изъ четырехъ; образцомъ для внѣшности газеты служило вѣнское оффиціальное изданіе «Wiener Zeitung», выходившее въ то время также два раза въ недѣлю. Послѣдній, 84-й, номеръ «Новинъ» вышелъ 30 декабря 1791 г. (числа здѣсь выставлены по старому стилю)[1]. Мы не будемъ излагать соображеній г. Врховца о поводахъ къ основанію газеты и данныхъ объ ея содержаніи, а обратимъ вниманіе только на вопросъ: кто былъ издателемъ или издателями «Новинъ» 1791—1792 года?

Изъ напечатаннаго въ первомъ нумерѣ газеты предисловія[2] видно, что императоръ разрѣшилъ изданіе по просьбѣ нѣконхъ трꙋдолюбивыхъ Общества Вѣнньскаго; повидимому, газета составлялась не однимъ лицомъ, такъ какъ далѣе читаемъ: Сочинители сихъ Сербскихъ Новинахъ на просто Славеносербскомъ языцѣ съ Сербскими новинами послꙋжити, чести имѣти вꙋдꙋтъ. Издателемъ газеты въ 3-мъ номерѣ ея названъ Маркидесъ Пꙋлїо[3]. Изъ другого номера видно, что то же лицо въ

1) Извештај, 29—30.
2) Ibid., 34.
3) Ibid., 35.

Digitized by Google

то же время издавало и греческую газету[1]); г. Врховацъ не могъ найти ни экземпляра этой послѣдней, ни указанія на нее[2]). Между тѣмъ можно думать, что Маркидесъ Пульо былъ и редакторомъ «Сербскихъ новинъ повседневныхъ» въ 1791 г.; по крайней мѣрѣ послѣдняя статья[3]) газеты за этотъ годъ, написанная несомнѣнно редакторомъ, вышла изъ-подъ пера не серба, но православнаго, какъ показываетъ данное анонимнымъ авторомъ Сабову названіе: сѡзаконникъ нашъ (нѣсколько ниже: моемѹ Сѡзаконникѹ).

Не имѣя подъ руками многихъ пособій по исторіи новогреческой литературы, мы можемъ однако указать г. Врховцу, въ которую сторону слѣдуетъ ему направить свои разысканія о личности Пульо, котораго онъ называетъ[4]) «грекомъ или цинцаромъ»: самая форма фамиліи *Маркидесъ* должна указывать на греческое происхожденіе носителя ея, и дѣйствительно, Вретосъ s. v. ΠΟΥΛΙΟΙ (Μαρκίδαι) разсказываетъ[5]) слѣдующее: «[Ихъ] было двое братьевъ, которые переселились въ Вѣну, чтобы устроить типографію. Первая изданная ими книга называется Καλενδάριον на 1795 годъ. По распоряженію же австрійскаго правительства эта типографія была закрыта около 1798 года и владѣльцы ея изгнаны изо всѣхъ областей Австріи за то, что тайно напечатали возмутительныя воззванія и патріотическія пѣсни Риги Ферейскаго». Дѣйствительно, среди книгъ, перечисляемыхъ въ библіографіи Вретоса, находимъ напечатанныя ἐν Βιέννῃ, παρὰ Μαρκίδων Πουλίου, напр. упомянутый уже Καλενδάριον τοῦ 1597 σωτηριώδους ἔτους (II, № 253), то же на 1796 г. (ibid., № 262) и на 1797 г. (ibid., № 274), Χρονικὸν Γεωργίου Φραντζῆ (1796 г. — ibid., № 269; эта книга издана δαπάνῃ... τῶν Μαρκίδων Πουλίου, чѣмъ подтверждается извѣстіе объ *изда-*

1) Ibid., 43.
2) Ibid., cf. 35[2].
3) Ibid., 41—42.
4) Ibid., 42.
5) Α. Π. Βρετός, Νεοελληνικὴ φιλολογία, II, 323—324.

Digitized by Google

тельской дѣятельности названной фирмы), Λαφονταίνου Γαλάτεια (1796 г.—ibid., № 270), Περιήγησις τοῦ νέου Ἀναχάρσιδος (томъ I, 1797 г.—ibid., № 277), Ὁ Ἠθικὸς Τρίπους · Τὰ Ὀλύμπια (1797 г.—ibid., № 279), Ἀπανθίσματα ἐκ τινος βιβλίου ἑτερογλώσσου συλλεχθέντα (1797 г.—ibid., № 281), Κοσμᾶ ἱερέως.... ἔκθεσις συνοπτικὴ Ἀριθμητικῆς, Ἀλγέβρης, καὶ Χρονολογίας (1798 г. —ibid., № 284); въ I томѣ библіографіи Вретоса находимъ книги духовнаго содержанія, печатавшіяся въ той же типографіи, какъ то: Ὀκτώηχος Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ (1793 г.[1])—№ 339) Ἀπόδειξις τοῦ κύρους τῶν τῆς νέας καὶ παλαιᾶς διαθήκης βιβλίων etc. (1794—№ 340—παρὰ τοῖς αὐταδέλφοις Μαρκί Πούλιου), Ἐξήγησις τῆς θείας λειτουργίας (1795—№ 343), Ἑρμηνεία τοῦ... Κανόνος... Ἀνδρέου ἀρχιεπισκόπου Κρήτης (1796—томъ I—№ 349), Ἀκολουθία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βησσηρίωνος τοῦ Θαυματουργοῦ (1797 г.—№ 350). Греческой газеты, издававшейся въ 1791 г. фирмой Пульо, въ библіографіи Вретоса не значится; тѣмъ не менѣе, можно думать, что она дѣйствительно существовала, такъ какъ брошюра, подавшая поводъ къ изгнанію братьевъ Пульо изъ Австріи—Στοχασμοὶ ἑνὸς φιλέλληνος—вышла ἐκ τῆς πρώην τυπογραφίας τῶν Ῥωμαϊκῶν ἐφημερίδων, и Вретосъ устанавливаетъ (II, № 290) тождество этой типографіи съ книгопечатней братьевъ Пульо.

Н. Петровскій.

---

1) Слѣдовательно, *типографія* братьевъ Пульо существовала ранѣе, нежели началась, по указанію того же Вретоса, ихъ *издательская дѣятельность*.

Digitized by Google

Болгарскіе говоры Херсонской губерніи.

По свѣдѣніямъ первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г. общая численность болгарскаго населенія Херсонской губ. = 25,685 душъ обоего пола, или 0,9% всего населенія этой губерніи. Наибольшее количество болгарскаго населенія приходится на Тираспольскій уѣздъ (8,801), въ которомъ имѣются двѣ болгарскія колоніи: Катарджа, или Катарджино и Парканы; слѣдующее мѣсто занимаетъ Одесскій у. (8,290) съ тремя болгарскими колоніями: Малый Буялыкъ, Большой Буялыкъ и Кубанка; затѣмъ долженъ быть названъ Елисаветградскій у. (4, 608) съ одной колоніей — Ольшанка и, наконецъ, Херсонскій у. (3,575) съ колоніей — Тарновкой. Кромѣ того, въ Ананьевскомъ у. показано 405 болгаръ и въ Александрійскомъ 6 душъ. Изъ общаго числа этого населенія въ городахъ числилось 798 душъ, въ томъ числѣ въ Одессѣ показано 600 душъ, въ Николаевѣ 87 душъ, въ Тираполѣ 56 душъ, въ Херсонѣ 25 душъ, въ остальныхъ городахъ губерніи отъ 7 до 1 души. Такимъ образомъ, преобладающее количество болгарскаго населенія Херсонской губ. составляетъ крестьянское населеніе колоній.

Наблюденія надъ звуковыми особенностями болгарскихъ говоровъ Херсонской губ. не даютъ возможности характеризовать

Digitized by Google

ихъ какимъ-либо общимъ признакомъ, какъ это можно было сдѣлать отчасти по отношенію къ говорамъ Бердянскаго и Мелитопольскаго у., Таврической губ., и если можно было бы что отмѣтить, какъ типичное для этихъ говоровъ, то развѣ только преобладаніе частицъ ке и че при образованіи будущаго времени.

Болгарскіе поселенцы Херсонской губ. называютъ себя выходцами изъ различныхъ мѣстностей Болгаріи; такъ, напр., жители с. Тѫрновки Херсонскаго у. (названіе селенія объясняютъ отъ имени г. Тырнова или отъ слова -тѫрни, т. е. тёренъ, зарослями котораго нѣкогда были покрыты окрестности поселка) называютъ себя: шопами, лясковцами, тырновцами и рупцами; жители с. Кубанки (при рѣкѣ того же имени) Одесск. у. называютъ себя шопами, рупцами, вайсалцами, ляскóвцами, влашковцами; жители с. Катарджино Тирасп. у. называютъ себя тырновцами и рупцами; жители с. Парканы Тирасп. у. называютъ себя тырновцами, калоферцами, шопами; наконецъ, населеніе колоній М. Буялыкъ и Большой Буялыкъ Одесск. у. представляетъ бѣженцевъ изъ болгарскихъ селъ того же названія въ Адріанопольскомъ вилайетѣ.

Основаніе болгарскихъ колоній Херсонск. губ. относится къ 1801 — 1806 гг. Этническій составъ ихъ въ большинствѣ случаевъ однороденъ, за исключеніемъ колоній М. Буялыкъ (Аджелáк) и Парканы; населеніе первой называетъ себя греко-болгарами и говоритъ какъ на болгарскомъ, такъ и на греческомъ языкахъ, но общепринятымъ разговорнымъ языкомъ здѣсь служитъ языкъ русскій; что касается колоніи Парканы, то кореннымъ его населеніемъ когда то были малороссы, ассимилировавшіеся впослѣдствіи съ пришлымъ болгарскимъ элементомъ до такой степени, что фамиліи Чумаченко, Черниченко и т. п. носятъ здѣсь въ настоящее время, повидимому, чисто болгарскія семьи.

Звуковыя особенности болгарскихъ говоровъ Херсонской губ. представляются въ слѣдующихъ чертахъ:

Digitized by Google

Соотвѣтствія старосл. ѫ.

1) ъ́ (закрытое):

Тъ́рновка: зъ́п, ма були́ зъ́би́ти, мъ́ш, пъ́т = дорога, га́лъ́п, ъ́га́л = загонъ для скота.

М. Буялыкъ: зъ́п, ръ́ка́, яс и́мам двѣ ра́ци и двя кра́ка, пъ́т, съ́бута, скъ́п.

Кубанка: зъ́п, яс имам зъ́би, мъ́ш, ръ́ка́, двя ръ́ци, съ́бута, пъ́тя бя́ше тъ́шак, пато́чка, га́лъ́п.

Катарджино: двя рацéти, пъ́ть бяше тъ́шакъ, ъ́га́л.

Парканы: зъ́б, зъ́би́, ъ́га́л.

2) а (чистое); ја (= я).

Тъ́рновка: тие ути́даа, тие ми да́даа.

М. Буялыкъ: тие ми да́даха пари, на себи си ништу ни уста́виа, тие съ́ би́ят.

Кубанка: тие мъ да́даха пари, тие съ́ бият, паяк, че тъ́ го́нат (буд. вр.), тиъ зна́ят, тиъ и́мат, тиъ дуйдéха.

Парканы: паяк; мие направихми, ти́и напра́виа, пасъ́т ф къ́ра = пасутся въ полѣ.

3) у; суд (с. Тъ́рновка).

4) и; па́ик (тамъ же).

5) е; па́ек, но мъ́ уха́пи па́яку (М. Буялыкъ).

6) о; го́лоп (М. Буялыкъ).

Соотвѣтствія старосл. ѧ.

1) ъ́ (закрытое).

Тъ́рновка: ни ми съ́ и́ска; тя ни мъ́ убича или ни мъ́ люби; врей съ́ у́ми́й или и́ди съ́ у́мий, тие съ́ ли́бъ́тса.

М. Буялыкъ: ни ми съ́ ште; айдем да съ́ уми́ем.

Кубанка: ни ми съ́ ште; и т. д.

2) ја (= я).

Тъ́рновка: де́вят, дивя́та гуди́на.

Кубанка: де́вят, десят, свят.

Катарджино: свят.

Digitized by Google

Парканы: за́як, язы́к, ко́ляда, де́вят, де́сят, диве́та.

3) е, э.

Тăрновка: пет, пе́так, дитэ́-дя́ца, огледало, зет, тиле́—тиле́нци, пи́ле—пи́ленце, же́ребче, купче́нци, све́ти, Или́я, кле́тва.

М. Буялыкъ: пет, девет, десет, рет, јези́к.

Кубанка: пет, рет, зет, куле́да, дитэ́—дя́ца.

Катарджино: яс имам пет ко́не, дитэ́—дя́ца, тиле́, прасе́, ши́ле, де́вет—дивя́та.

Парканы: дите́ту—дица́та, зет, пет, свети́ Гёрги, тиле́нци—тиле́нцата.

4) и.

Тăрновка: јизи́к, мя́сиц, за́ик, ко́лида.

М. Буялыкъ: пидисе́, мя́сиц.

Кубанка: изи́к.

Парканы: углида́ло, пи́ли—пи́линци, ши́ли, ку́чи—ку́чинци, пидисе́ го́дян.

Соотвѣтствія старосл. ъ.

1) ă (закрытое, глухое).

Тăрновка: те́нăк, дăш, дăшде́ц, вăлк.

Катарджино: мăгла, дăш и т. д.

Парканы: вăлак = волкъ, дăш и т. д.

2) о.

Тăрновка: кой, той; мн. ч.—куи; эти же формы и въ другихъ мѣстахъ.

3) у.

Общія для всѣхъ говоровъ Херс. губ.:

ни́куй, куга́, тугава и туги́ва или туги́в.

М. Буялыкъ, Кубанка: черкува.

Парканы: че́ркуа; въ остальныхъ мѣстахъ: че́рква.

4) и: о́гин (Тăрновка).

5) е: о́ген (Кубанка, Катарджино); уо́ген (М. Буялыкъ);

Digitized by Google

чéркува (М. Буялыкъ), чéрква (Тăрновка), чéркува (Кубанка), чéркуа (Парканы).

Соотвѣтствія старосл. ѧ.

1) ja (= я).

Тăрновка: сéдям, чéрян.
Кубанка: чéрян, разумян, срéбарян.
Парканы: тéмян, вóсям, чéрян.
М. Буялыкъ: бсям.

2) е.

Тăрновка: тéмен, тéмна, тéмну; дрáвенъ, вóсем, лек, червéн.
М. Буялыкъ: ден; то же и въ другихъ колоніяхъ Херс. губ.
Кубанка: дрăвéн, сóрце, студна вудá и вудúца студэ́на.
Парканы: дрăвéн, червéн, злáтен.

Сочетанія: ăр, рă, ăл, лă.

1) Тăрновка: срéбăрну, гăрдúна, кăрстóвки, фăрлú гу.

М. Буялыкъ: пăрв (= первый), цăрвýли.
Кубанка: срéбăрян, стăрна, цăрвули, да ги вăрзим, пусрéбăрна.
Катарджино: срéбăрни ăлтăни, гăрмú.
Парканы: мăртавецъ, гăрмú, срéбăрни, смрăт, прăстян.

2) Тăрновка: крăпи (полотенца) ед. ч. — крăп; грăмú, стрăнá, прăв (первый), врăвя́ми, крăстувú (кресты), дрăш (держи), грăцки, прăжани яйца, врăвци (шнурки изъ шерсти).

М. Буялыкъ: двя крăка; крăст, крăф, крăвав, грăцки.
Кубанка: грăмú, дрăвéн, смрăт, мрăтавецъ, крăф, крăст, крăстяну, дрăш, крăпа—крăпи, кракóто лéвио, кугá сă мрăкни, трăсат.
Катарджино: прăжени ицá, крăст, крăф, врăх (верхъ), дрăвá, первый чуляк (вм. болг. пăрв), пувръ́вяхме, дрăш.
Парканы: смрăт, дрăвó — дравéн, стрáна, злáтен прăстян,

Digitized by Google

прѣ́х = пыль, прѣ́с = земля, дрѣ́ш, крѣ́пи = платки; ты брѣ́каш = ты мѣ́шаешь.

3) Тѣ́рновка: агѣ́л (загонъ для скота), бѣ́лбо́ку (глубокій), вѣ́лк, жѣ́лт.

Кубанка: дѣ́лбок и длѣ́бо́к, вѣ́лк, жѣ́лт.

Катарджино: ѣ́гѣ́л, а́балка, вѣ́лк.

Парканы: вѣ́лак, дѣ́лбо́к.

4) Кубанка: длѣ́бо́к.

Катарджино: слѣ́нцыту грѣ́й.

Парканы: слѣ́нци.

Соотвѣтствія старосл. ѧ.

1) а. Стуя́н—Стуяне, пия́н—пия́ни.

Тѣ́рновка: заяк, са́бля (вм. обычнаго въ болгарскомъ языкѣ—са́бя), чаша, жаба; ра́бута—рабо́тѣ́т.

Кубанка: жена́, систра́, са́бля, чаша, вуди́ца студе́на, га́рна пя́сна; ф нивя́та—ф лузя́та не можи чуляк да иди, да си ни́вата пуже́ни, да си лозиту прикопа; твоя та пушка буйлія, твоята сабя фрингія, твои ти мя́дны кова́лы...; кѣ́ту́ зачуиш, да дойдиш, вѣ́з мени да дойдиш... Де я зачу ясно сланце, та проводэ рана зо́ра...

Парканы: паяк, заяк, ас напра́вих, мие направихми, тии напра́виа; дре́бничѣ́к дѣ́ш вали; цял дэн валя́ дѣ́ш; пра́ва та, лявата стра́на; систра́, са́бля, жа́ба, ра́бута, тие рабо́тѣ́т; пуля́на = площадь; пак ке напра́вя; пак к' ида; кѣ́са дре́шка.

Катарджино: ча́ша, са́бля; чуля́шка крѣ́ф.

2) е. че́ша (Парканы).

Соотвѣтствія старосл. ѣ.

1) я.

Тѣ́рновка: желя́зу, желя́зна печка, желя́зян перон; мя́сиц, дя́ца, ляп, сляп = слѣпой; грях — гряуве́, бял, мляку, нивя́ста,

Digitized by Google

ляту, дяду, тря́ва, вя́рувай Бога; ня́ма да ми гу зе́миш; дву́ очи.

М. Буялыкъ: ляп, нидя́ля, мясиц; двѣ рӑци—двя крӑка.

Кубанка: двя рӑци, пӑтя бяше тэшак, вя́тӑр; дитэ́ — дя́ца, гряхуви, ляп, място, дядо, желя́зо, желя́зян перо́н; свяш = све́ча; млогу хора нафля́ли ф кӑшти; пля́вня = половникъ; за́свири пя́сната чи я запе́й; га́рна пясна; твои ти мя́дны кова́лы, мря́жа; бялу книже.

Катарджино: дитэ́—дя́ца, пя́сна; слӑнцяту гря́й, дя́ду, бял, свят, мля́ку, мясту, удря́зах, гря́ули, желя́зу, желя́зан перон, ня́мам.

Парканы: пясна, мойта вя́ра, дяду, място; про́лят (всена), цял дэн валя́ дӑш; сняг, ляб, ля́вата стра́на, мляку, гряхуви, вя́рувай Бога, нашту селу гуля́му.

2) е. э.

Тӑрновка: плевник, гуле́м — гуля́ма, на ле́во, свеш, млогу све́шти, пролет (см. выше лято); пунеделник—тешак ден; дету, ўт де́ка.

Кубанка: нале́во, кра́ко́то ле́вио.

Катарджино: ниделя.

Парканы: ме́сиц, ле́ту—про́лят; гурешту; цве́ты, је́шти, неде́ля, свеш, пунэдельник.

3) и.

Тӑрновка: zвизда́.

М. Буялыкъ: пите́л.

Куба́нка: пите́л, трива́, zвизда́.

Парканы: пите́л—млогу питли́.

Отмѣчу также формы: ца́л, ца́ла (= цѣлый)—Тӑрновка; ца́лу́вам (Тӑрн. и Кубанка).

Соотвѣтствія старосл. е.

1) е, э.

Тӑрновка: желя́зу, девят—девя́та гуди́на; сестра́, зв. п.—се́стро; ут дека и́деш, гряуве́.

Digitized by Google

М. Буялыкъ: ни утре ке идем, девет, десет.

Кубанка: жена́, зэлэ́на, сэ́рце, се́ло, небо́то, во́лове, попо́ве, на момите златны по́рте, дэвят ризе коприяне; ки й оплита ситне плитке, ки й облича девят ризе; ра́скажи ми, как е това́ бэ́ше? частица отриц.—нэ.

Катарджино: ут дека идеш? де́вет—дивя́та гудина; се́лу, пупове, вулове, ошто.

Парканы: девят—диве́та, от дека идеш, на́шту се́лу гуля́му, и сило́; частица отриц.—не.

2) и.

Тъ́рновка: зиле́на тря́ва, иде́н=одинъ, връ́вяйми—срешнайми, ни прави, ни закачай, ни зимай, сватуви, кумуви; ни ка́зувай, ки съ́ чупат пани́цити.

М. Буялыкъ: на себи си ништу ни уставиа, ни ми съ́ што; иде́н чуля́к.

Кубанка: ни ми съ́ што; иде́н; систра́, гряхуви, искамъ да ям ляп, ништа́, зилэ́на, зимя́ пупа́лниха, мирна зимя́ христіанска.

Катарджино: ние кунчийми жни́вата; ниделя, ни́куй ни устаная; иде́н, гряуви, уко—учити; яс ништа по́вичи, ошти.

Парканы: пили-пилинци; кучи—кучинци; мие напра́вихми, иден, пидисе́ го́дян, ни ми съ́ што, сля́нци, систра́, гряхуви, нибо́, вуло́ви, по́вичи (ве́чи—не употребляютъ); сило́; дунес—дунисете; о́шти.

Соотвѣтствія старосл. и.

1) и.

Тъ́рновка: пле́вник, гъ́рди́на, ри́за, гуди́на, дитэ́, тилэ́, пи́лэ, ни пра́ви, ни зи́май; кадя́ одиш—ут дека идеш? два о́чи, млогу очи, змия, у́дри, о́дари, зима́; по́па мина́—няма сча́сте да и́ма, стрина, вуйна, кали́на.

М. Буялыкъ: яс и́мам, тие ми дадаха пари, на ни́вата, ништу; ни утре ке и́дем; идинайси.

Digitized by Google

Кубанка: яс и́мам зъ́би; тие мэ дадоха пари; кадя ходиш; по́проси, грами́, дитэ́, мумичи, ние знаим, вие знаите, тиэ знаят; яс ништа́ ни́шту, гла́вница, кръ́пи, риза, синия, ф нивята, ф лузята не можи чуляк иди, да си ни́вата пужени, да си лозиту прикопа.

Катарджино: ба́ница, три́йница, яс и́мам, дитэ́; кадя одиш, утдека идеш? сребъ́рни алтъ́ни, ние утидаахме; уко́-учи́ти; у́дри и удари́ (бей и ударь).

Парканы: дитету-дица́та; зи́ма, пи́ли, ши́ли, мие направихми, жив, уживя; кадя одиш-отде́ка идеш; уко-две учи; у́дряй (бей); удари́ (ударь), ни́ску.

Соотвѣтствія старосл. о.

1) о.

Тъ́рновка: огледа́ло; конь, мн. ч. — ко́ни; рабо́тъ́т (3-е л. мн. ч.); хоро́; тие съ́ дво́рът (парень съ дѣвушкой разговариваютъ, стоя рядомъ другъ съ другомъ; въ говорахъ берд. у = тіи съ́ задира́т; кромѣ выраженія — тие съ́ дво́рът—въ Тъ́рновкѣ говорятъ также: тие съ́ ли́батса); о́гин, во́сем, се́стро! о́ра; мло́гу; во́да; аку дойдеш, яс дойдо́х, яс ке до́йдо, той пак ке до́йде; про́лет; зо́лва; о́бици = серьги.

М. Буялыкъ: уо́ген, о́сям, хуро́.

Кубанка: мя́сто, дя́до, се́ло, Стоя́н-Стоя́не, небо́то; воло́ве, попо́ве, мло́гу, о́ген; яс дудо́х, ты дуйдо, той дуйдэ, ние дуйде́хми, вие дуйде́хти, тие дуйде́хъ; хоро; три дне — три но́ште; де я зачу ясно сля́нце та прово́дэ ра́на зо́ра; на мо́мите зля́тны по́рте; за што хо́дэш на момынэ зля́тны портэ; дэвят ри́зе копри́няне.

Катарджино: пет ко́не; о́ген; кадя одиш; ко́ляда.

Парканы: зля́то, во́сям; тие рабо́тъ́т; млогу о́ра; кадя о́диш, отде́ка идеш; кон-куне́ти; сило́; ко́ляда.

2) у.

Тъ́рновка: са́бута; ма були́ зъ́би́ти; яс ути́дах, ти ути́ди, той

Digitized by Google

утѝди, ние утѝдайми, вие утидайте, тие утидаа; у мени ништу ни устáнаа; тя ни ма убѝча или: ни ма лю́би; мн. ч. = тия ни ма лю́бат; гудѝна; конь-кунчéнци; рáбута; мумá; нѝкуй ни дуйдó; árну, у́баву; Стуя́н-Стуя́не; гряуве, утдéка и́деш; оку; сва́туви, ку́муви; ку́ня = икона; далéку; дару́вай; вя́рувай; ут градó или ут пазарь = изъ города.

М. Буялыкъ: ништу; уставна; сắбута; хурó; Бла́гувица, загувизни; прóвудити; мумѝти-иргéни ти и́грат на хурóту; сетне ке дучáкаме.

Кубанка: яс гурту́вам; сắбута; ништу ни ми устáнаха; утдека идеш; кулéда; куня; моя систра дудэ; гря́хуви; мумичи; млогу; ви́ну; жи́ту; пунедельник; фăф сéлу; ша́хуви; вудѝца; укóто дэсното; Стуян; пручу́лиха; ф нивя́та—ф лузя́та; но -даси лóзиту прикóпа; я сăм чуин пручуин буля́рин; бя́лу книже; пусребарна; утгува́ря, утываш ли?

Катарджино: ние кунчѝйми жни́вата; вудá, утдéка и́деш; слăнцитy, гурéшту; студэ́ну; рáбута; селу; дя́ду; мляку и т. д.; удря́зах, утидаахме, никуй ни устанаа; пупóве; вулóве; пувръвяахме; гря́уви, укó-учи́ти.

Парканы: дитéту, дя́ду, лéту, но-мя́сто; углидáло; гурéшту, студену; Стуя́н—Стуя́не; гря́хуви; вулóви; ужива́я (3-ье л. ед. ч. наст. вр.); пуля́на; укó — две учи́; конь — кунети; ништу ни ми сă устáна; дунéс, дунéси—дунисéте; нашту селу гуляму; вярувай Бога; пунэдельник; ни́ску тава́на = низкій потолокъ; не е гáрну (или гу́баву) га ку́читу вуй и т. д.

Соотвѣтствія старосл. у.

1) у.

буту́ши=сапоги (Тăрновка, М. Буялыкъ, Катарджино), ни у́тре ке идем (М. Буялыкъ); разу́мян, му́хи, Стуян ду́маши; пручу́лиха, пу́шка, студна вудá (Кубанка); у́мря= мертвый; ударѝ и у́дри (Катарджино) и т. п.; у́трем к'и́да (здѣсь же).

Digitized by Google

Соотвѣтствія старосл. ю.

1) ю.

тя ни мѫ́ люби (Тѫ́рновка = Кубанка); юна́шка (Кубанка).

2) и.

тие са ли́батся (Тѫ́рновка).

Соотвѣтствія старосл. ы.

1) и.

ти, ние, вие, йизи́к (Тѫ́рновка); изи́к, син, сит, ние, вие (Кубанка, Катард.) ти, мие (Парканы).

2) ы.

крыша (Тѫ́рновка), ты (Кубанка); мя́дны кова́лы (Кубанка) язы́к (Парканы).

3) у.

каму́ш (Тѫ́рновка).

Отпаденіе и выпаденіе гласныхъ.

Тѫ́рновка: ку́ня, у́дри (Куб. = у́дари; Катард.: у́дри).

Кубанка: ку́ня, мо́я систра дудэ́.

Парканы: кой дудэ, куи́ дудо́ха; у́дряй; нашту се́лу; пите́л — питли́ (м. ч.), пак — и т. д. Наконецъ, во всѣхъ херсонскихъ говорахъ употребляется: врей си = иди.

Неполногласіе.

Тѫ́рновка: пле́вник, сре́барну, стра́на, мляку, кла́денецъ.

Кубанка: кладенецъ; дрѫ́ве́н; сре́барян; стѫ́рна; напря́ж = впередъ; пля́вня, мря́жа; пусре́барна, сриброй зла́то; дрѫ́ва́ = деревья; да куват вра́на коня.

Катарджино: дравен, сре́барни, мля́ку.

Парканы: дравен, дрѫ́во́, сре́бѫ́рни, стра́на; зла́тен пря́стян; прах = пыль; пря́с = земля.

Digitized by Google

Полногласіе.

Намъ извѣстенъ только одинъ примѣръ: 1) же́ребче (Тăрновка);

Переходя къ обозрѣнію такъ называемыхъ согласныхъ звуковъ, отмѣтимъ, прежде всего, какъ общее для всѣхъ говоровъ явленіе, переходъ глухихъ передъ звонкими въ звонкіе:

Вели́г-ден; удря́зах и т. п.

И наоборотъ, переходъ звонкихъ въ глухіе передъ глухими и на концѣ словъ:

зăп, мăш, гă̆лăп, но заби́ти или зă̆би; дă̆ш и дăшде́ц, въ другихъ случаяхъ дăжде́ц, ляп, рăш, рет, крăф и крăва́в, фăф се́лу, свяш или свеш; ф лузя́та; яс пак ке дойда; дрăш, ни́ску тава́на.

Какъ общее явленіе для характеристики описываемыхъ говоровъ, можно отмѣтить также звонкое произношеніе звуковъ: г, ж, з=ґ, ӂ, з̆[1]).

Примѣры: 1) ăґа́л, ґăрди́на, ґа́шты, ґуди́на о́ґин, куґа, туґив, ґёрґо́вден, ґрами́, пая́ґарен, ґрях, ґуле́м, мло́ґу, ґлавени́ца, че́рґа, тыґалты́я, ґă̆лап, сиґа, ґа́йда, и т. д.

2) пинӂак, ӂура́пи или ӂора́пи; ӂя́скайте = продолжайте (Кубанка); пе́нӂюра.

3) з̆визда́, з̆ване́ц, да ґи вăрз̆им.

Произношеніе звука г=h могу отмѣтить только въ слѣдующихъ случаяхъ: га́рна пя́сна, утгува́ря, гу́буву.

Кромѣ того, въ этихъ же говорахъ присутствуетъ звукъ ж = дж; напримѣръ: джам = окно; ма́нджа (цыпленокъ въ смѣтанѣ).

Отмѣчу, наконецъ, для общей характеристики звуковыхъ явленій, слѣдующіе случаи:

куфа́йкя; ко́хта; тюрк и кюрк или кюрче; фтичи, уо́ген.

---

1) Утвержденіе автора неясно, ибо *г* вообще произносится звонко, а *ж* и *з* вообще произносятся звонко и длительно. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что *г*, *ж*, *з* произносятся какъ *g*, *дж*, *дз*. *Ред.*

Digitized by Google

Изъ вообще рѣдкихъ случаевъ отпаденія и выпаденія согласныхъ можно отмѣтить слѣдующіе: ляп, сэ́рце, гря́уви (Куб.) и гряувé (Тарн.), уд дéка, да́даа, и въ противоположность говорамъ берд. у. здѣсь всегда: хоро́ или хуро́; дрехи или дреги; мухи; шахуви, а также: дадоха, устанаха, кадя хо́диш, тие дуйдоха (Кубанка), хотя въ с. Катарджино и говорятъ: кадя о́диш, никуй но уста́наа, ние ути́даахме, сре́шнахме (въ берд. у.: ути́дайми, сре́шнайми), гря́уви; въ с. Парканахъ: куи́ дудо́ха, ние напра́вихми, тии напра́виа, мло́гу о́ра, че́ркуа, кадя́ о́диш.

Во всѣхъ отмѣченныхъ нами говорахъ Херс. губ. встрѣчается интересный случай смягченія губного посредствомъ л, именно слово сабля и только въ с. Кубанкѣ удержалась обычная для болгарскаго языка форма—сабя.

Подводя итогъ наблюденіямъ надъ болгарскими говорами Херсонской губ.[1]), можно установить слѣдующее: эти говоры въ настоящее время представляютъ чрезвычайное разнообразіе, такъ что не только говоры отдѣльныхъ селъ отличаются другъ отъ друга различными оттѣнками въ звуковомъ произношеніи, но и каждая діалектическая группа, т. е. каждое въ отдѣльности село не представляетъ въ этомъ отношеніи однообразія. Такъ, напримѣръ, въ М. Буялыкѣ наряду съ обычнымъ въ мѣстномъ говорѣ и наиболѣе распространеннымъ во всѣхъ восточныхъ говорахъ Болгаріи рефлексомъ ѫ—ă (=ъ) мы имѣемъ единственный въ херсонскихъ говорахъ случай — го̆лоп, типичная особенность дéбáрскихъ и родопскихъ говоровъ; такимъ образомъ, мы ожидали бы здѣсь: зоп, рока, пот, собута, скоп,—чего, однако, на самомъ дѣлѣ нѣтъ[2]). Такому разнообразію звуковыхъ особенностей одного и того же говора способствовало, конечно,

---

1) Неизслѣдованными въ діалектическомъ отношеніи остаются двѣ колоніи: Большой Буялыкъ (Кощково) и Ольшанка.

2) См. В. Облакъ. «Приносъ къмъ българската граматика» Сборн. М. Н. Пр., кн. XI, стр. 531; другія библіографическія указанія, которыя могли бы быть полезными для сопоставленій, даны нами въ замѣткѣ о болгарскихъ говорахъ Берд. у. въ Извѣстіяхъ Отдѣленія за 1902 г., кн. I.

Digitized by Google

діалектическое разнообразіе болгарскихъ колоній при ихъ основаніи въ Херсонской губ., и всѣ наши болгарскіе говоры въ настоящій моментъ должны представлять здѣсь смѣсь представителей тѣхъ діалектическихъ группъ, которыя вошли въ ихъ составъ. Что касается отдѣльныхъ частностей, то, какъ мы видѣли, обычнымъ соотвѣтствіемъ старославянскому ѫ здѣсь служатъ ă (ъ) и а; послѣднее исключительно въ оконч. 3-го л. мн. ч. наст. и прош. вр. Единичные случаи представляютъ соотвѣтствія: я (пя́як — Кубанка и Парканы), и (пи́ик — Тъ̆рновка), е (пе́ек—М. Буялыкъ), у (суд—Тъ̆рновка) и о̆ (го̆́лоп—М. Буялыкъ).

Обычнымъ соотв. старосл. ѧ здѣсь служатъ е—э, ă, я, и. Старосл. ѣ = ă; и единичные случаи соотвѣтствій: у, о, и, е. Старосл. ѧ = е, ја (я). Слогообразующіе р, л даютъ настолько разнообразные случаи, что извѣстное наблюденіе проф. Б. Цонева не подтверждается Херсонскими говорами; такъ, напр., въ с. Тъ̆рновкѣ: гъ̆рди́на, фъ̆рли́-гу и рядомъ: кръ̆п, кръ̆пи, гръ̆ми́, стръ̆на, пръ̆в, къ̆рсто́вки; въ с. Кубанкѣ: стйрна, цъ̆рву́ли, да ги въ̆рзнм, кръ̆ст, мръ̆кни и рядомъ съ этимъ большинство случаевъ совершенно обратныхъ наблюденію Б. Цонева: кръ̆ф, смръ̆т, гръ̆ми́, дръ̆ве́н и т. д. Это явленіе, которое такъ прекрасно, между прочимъ, выдержано въ описанномъ нами говорѣ Бердянскаго у., подтверждаетъ мысль о разнообразіи діалектическаго состава отдѣльныхъ современныхъ болгарскихъ говоровъ Херсонской губ. Старосл. ѣ соотв.: я, е — э и единичные случаи и, а. Старосл. ѧ соотвѣтствуетъ а и одинъ разъ е (чеша—Парканы). Старосл. ѥ соотв.: е — э, и. Старосл. и = и; старосл. о = о, у; старосл. ꙋ = у; старосл. ю = ю, одинъ разъ и; старосл. ы = и, ы, у. Что касается такъ называемыхъ согласныхъ звуковъ, то въ разсматриваемыхъ нами говорахъ они отличаются твердостью произношенія вслѣдствіе чего звукъ г, напр., почти исключительно произносится какъ лат. g, и мягкія гласныя, слѣдующія за согласными, въ этихъ говорахъ не оказываютъ такого вліянія на характеръ ихъ произношенія, какъ это мы имѣли въ бердянскомъ

Digitized by Google

говорѣ. Формамъ Бердянскаго у., пăт̓, пат̓ечка, т̓éшăк, гон̓ят, пет̓, д̓итé, з̓ет̓, д̓ен, тие рáбут̓ат и т. д. здѣсь соотвѣтствуютъ въ большинствѣ случаевъ: пăт, патэ́чка, тэ́шак, гонăт, пет, дытэ́, зэт, дэн, тиэ рабóтăт...

Наконецъ форма сабля вм. сабя отличаетъ говоры Херсонской губ. отъ всѣхъ говоровъ таврич. губ. (бердянскаго, мелитопольскаго и ѳеодос. уу.).

Для характеристики Херсонскихъ говоровъ приведу отрывокъ изъ имѣющейся въ моемъ распоряженіи рукописи тăрновскаго поселянина К. П. Волчана, представляющей описаніе родинныхъ и свадебныхъ обрядовъ с. Тăрновки:

Една свикăрва, вдовица, дума на булката си: какво тия, булката, пешкаш? — Не ми я ништо, мамо! — Ти, булка си, голяма, не празна, тряба да сă затруди за рождане. — Не знам, какво ми я; мăжо мы, Тадор, го няма ат пивата; кя ше доиде за баба.—Ясъ и сама к̓ ида. Претрăча (оди) свикарвата, повикова бабата: яла, баба, Стоянеце? у нас начас! — Яс знам, знам, зашто мă викаш; ида зарасъ.—Дойде бабата. Булката вика: оле ле, бабо! Оле ле, бабо, були ма! — Няма ништу, булка; ке добыеш, тогав ки те олекне! — Запалова бабата кандилцето при кунята и сă моле на свита Богородица за лека рожба на булката. Сама улава булката за рăцяти и я води по кăшти, прави и развлечение, полеко да добыи (да роди). За час, за два добыва, и детето излязе и фане да реве. Бабата го погледне и казува: то момче! — Э, слава Богу, че е момче, — дума свикăрвата и майкя му. Тогава го тура бабата на пелени и постила на булката мека постелькя. Булката ляга. Бабата посоле малко с солчица детету чи пак тугав го укапе с топла водица, че гу завива с пелени и гу клава при майкя му в постелькя та; пак запали малко теменец, прикади каштата, че тогава на едно с свикарва та замясăт пита, упичăт я, па идăт, пувикăт кумшийкити, копувăт ракия и провăт буганик (гуляй), едăт; испивăт ракия. Бабата позима чашата от свикарвата и нарича: да даде Господ, тва дете до порасте, от нивата да дойде

Digitized by Google

сколата, навратнику кулата да закачи, денгилу да шчупи! — Смеятса сичкити жене; други друго наричат, когато станат от соврата, благодарат. Бабата запали метлата среди каштата и преглашава комшийките да прескачат огина, и сă проштаватсă, одăт си. Бабата остава ф кăшти с свикарвата; свикарвата и дава еден самун ляп. Завива го в еден мисал (бабата), оди до попу да молитви вода и да наречит ново име на новорожденото дете. Попу пита, какво име искат родителите на детету. Бабата казува на попу да наречат детету Иване, на дядовото му име.— Э, нека бăде Иване! Прочете попа някоя и драга молитва, помяне новорождение Ивана и бабата плати на попу сребарно питаче и се иде пак дома при лижата, т. е. при булката. Дойде си и Тадор, мăжó на булката от нива та, влязе в дворо, распрегна си воловити па си позбра дрежкити от кулата и ги внеси в кăшти. Срамежливо погледна булката си и надникна да виде новорожденото дете, попита булката си, момче ли е или момиче. Тихо продума булката: момче. — Э, слава Богу, че е благополучно!...

Н. С. Державинъ.

Digitized by Google

Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній.

Вопросъ о географическомъ распространеніи былевой поэзіи до сихъ поръ еще не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ и рѣшеннымъ окончательно. Хотя В. Миллеръ и высказывается довольно опредѣленно, что «совсѣмъ неизвѣстны былины въ великорусскихъ частяхъ губерній: Курской, Воронежской, а также въ губерніяхъ: Калужской, Орловской, Тамбовской, Пензенской»[1]), мы склонны думать, что необходимо тщательнѣй поискать, можетъ быть, труды и не будутъ напрасными.

Правда, до сихъ поръ въ печати не появлялись былины Орловской, Курской, Тамбовской губерній, но отсюда еще не слѣдуетъ, что ихъ здѣсь нѣтъ и никогда не было.

Насколько намъ извѣстно — былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ, о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, о Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ, Иванѣ Грозномъ и др., слышались еще не такъ давно въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губ. и въ Задонскомъ уѣздѣ Воронежской губ. Лѣтъ 15—18 назадъ одному изъ мѣстныхъ разносчиковъ народныхъ книгъ (офеня) г. Сотникову[2]) удалось даже записать отъ девяностолѣтняго старика въ одномъ селѣ недалеко отъ г. Задонска около десятка

1) Очерки рус. нар. словесности—М. 1897 г.—68 стр.

2) Г. Сотниковъ въ настоящее время содержитъ книжный магазинъ въ г. Задонскѣ.

Digitized by Google

прекрасныхъ, по его замѣчанію, былинъ. Знатокъ онъ не большой въ этомъ дѣлѣ, но все-таки человѣкъ развитой и нѣсколько знакомый съ научными взглядами на дѣло.

Свои записи былинъ г. Сотниковъ передалъ потомъ кому то изъ этнографовъ (сообщалась намъ и фамилія его, но мы сейчасъ не можемъ ее припомнить) для напечатанія; но до сихъ поръ онѣ нигдѣ не появлялись и къ глубокому прискорбію, кажется, должны считаться потерянными навсегда. Черновиковъ у г. Сотникова не сохранилось, а наша попытка записать снова эти былины отъ указаннаго г. Сотниковымъ сказителя не увѣнчались успѣхомъ, потому что послѣдній нѣсколько лѣтъ назадъ утонулъ въ рѣкѣ Донѣ.

Былевыя преданья до сихъ поръ еще живутъ и въ Курской губ.

По сообщенію О. Щепотьевой къ нимъ въ имѣніе около с. Бѣляева Курской губ. Дмитріевскаго уѣзда (экономія Машкиныхъ) почти каждое лѣто заходятъ лирники, распѣвающіе былины объ Иванѣ Грозномъ. Эти лирники извѣстны тамъ въ округѣ. Конечно, желательно было бы имѣть и самыя былевыя пѣсни, чтобы, обстоятельно разсмотрѣвъ ихъ, можно было бы говорить съ большею опредѣленностью по нашему вопросу.

Въ Воронежской губерніи встрѣчаются варіанты сказокъ съ эпическими сюжетами.

Еще въ дѣтствѣ намъ не разъ доводилось слышать отъ крестьянъ с. Долгуши Землянскаго уѣзда сказки про Илью Муромца, про его исцѣленіе тремя старцами (пивомъ), про бой съ Соловьемъ разбойникомъ, съ атаманомъ разбойницкимъ и пр. Помнятся намъ даже нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, особенно обращавшія на себя дѣтское вниманіе огромностью предмета (мечъ-кладенецъ, плечи богатыря), колоссальностью подвига... заставлявшія то поражаться, то торжествовать...

«Вотъ Илья Муромецъ на конѣ мчится; гдѣ махнетъ—тамъ улица, отмахнетъ—переулочекъ; не столько онъ бьетъ, сколько конемъ давитъ»...

Digitized by Google

Эти строки какъ бы прямо взяты изъ былины; въ нихъ даже чувствуется былевой размѣръ: былины наиболѣе устойчивы въ типическихъ мѣстахъ, которыя долго сохраняются при разложеніи имъ въ побывальщины.

Въ другой сказкѣ, записанной нами лѣтъ 13 назадъ отъ крестьянина с. Долгуши Землянскаго уѣзда, разсказывается, что Илья Муромецъ ѣхалъ путемъ-дорогою, долго-ли, коротко-ли: скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается; у полдняхъ посмотрѣлъ Илья Муромецъ на солнышко, видитъ—пора отдохнуть—пообѣдать. Раскинулъ бѣлъ-сугробчатый шатеръ, пообѣдалъ и легъ спать... Проснулся, слышитъ—воронъ надъ нимъ крачетъ. «Ну, говоритъ Илья Муромецъ, что то не здорово; пойти посмотрѣть своего коня вѣрнаго... Вышелъ Илья, а съ горы къ нему атаманъ разбойницкій ѣдетъ во всю мочь, такъ только пыль столбомъ...

Сказка эта у насъ вскорѣ и обрывается не дойдя до самаго боя.

Но уже по началу ее можно ставить въ связь съ былиной о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, какъ она излагается, напр., въ Сборникѣ Гильфердинга [1]).

Изъ стольнаго города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіё богатыря:
Одинъ богатырь Илья Муромецъ,
Да другой молодецъ Добрынюшка Микитьевицъ.
Пріѣзжали богатыри́ на Ѳаворъ гору,
Розставляли богатыри́ полотнянъ шатёръ,
Во шатри-то богатыри опочивъ держатъ.
Спятъ темную ночь до бѣла́ свѣту,
Пробуждается свѣтъ государь Илья Муромецъ,
Да и самъ говоритъ таково слово:
«Вставай молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ!

1) № 219; Ср. Гильфердингъ № 226; Ср. Рыбниковъ, III, № 14.

Digitized by Google

У насъ что де надъ шатромъ сотворилосе,
Налетала на шатёръ да вѣшá птица
Вѣщá птица чернóй воронъ,
Черной воронъ самъ прокыркиватъ,
Нерадшну вѣсточку сказыватъ...
.....
Выходитъ Добрыня изъ бѣла шатра,
Да поглядѣлъ по дорогѣ прямоѣзжіе,
Да проѣхала пременица удалая...

Подобная же картина встрѣчается и въ сказкѣ объ Еруслань Лазаревичѣ, довольно популярномъ богатырѣ среди крестьянъ Землянскаго уѣзда и прилегающей къ нему части Задонскаго.

Не имѣя подъ руками хорошихъ записей, не рѣшаемся отмѣчать и разсматривать точки соприкосновенія ея съ былинами; общая же идея близости ихъ между собою проведена въ работахъ О. Миллера, А. Н. Веселовскаго и В. Миллера.

Представленія богатырей, какъ людей обладающихъ неимовѣрно огромной силой, на столько ясны въ сознаніи мѣстнаго населенія, что доходятъ до осязательности: оно подробно характеризуетъ ихъ, связываетъ съ ними свои родовыя преданья, указываетъ мѣсто ихъ селищъ, слѣды ихъ дѣятельности, даже самыя кости богатырскія. Эпико-поэтическими глазами смотритъ оно на татаръ, нѣкогда подходившихъ къ мѣстнымъ передовымъ русскимъ заставамъ, на разбойниковъ, грабившихъ и убивавшихъ проѣзжихъ и прохожихъ. Обаяніе силы и отлилось въ форму богатыря, воплощавшаго въ себѣ и татаръ и русскихъ и разбойниковъ и защитниковъ границъ древней Руси. Значитъ, въ народныхъ преданіяхъ мы видимъ ту-же поэтическую струю, что и въ былинахъ, воспѣвающихъ и Илью Муромца, и Идолище поганое, и Соловья разбойника...

Одна крестьянка[1]) Задонскаго уѣзда разсказывала намъ, что

1) С-ца Воскресенки—О. Зачиняева.

Digitized by Google

«около Хрѣнниковой мельницы по Ксизовской дорогѣ, зарыто сорокъ бочекъ золота подъ плошавымъ корнемъ, въ дурномъ верху. Кудеяръ тогда давно-давно, при царѣ Иванѣ Грозномъ, почту ограбилъ, да и спряталъ туда.

То же и на лысой горѣ, Ендовиной называется, у Козьминомъ лѣсу — три кадки золота...

Тутъ жили силачи-богатыри. У нихъ была застава, городище. Еще на моей памяти былъ тутъ огромный строевой лѣсъ, глухой-глухой, что и войти въ него страшно; при шоссе было городище. Это, какъ бы сказать, курганокъ такой, небольшой; тамъ и теперь еще видны вороты и проѣздъ.

Такое же городище было и въ с. Козачьемъ въ (7 верстахъ отъ первой заставы).

Никому они ни проходу, ни проѣзду не давали. Если одному изъ нихъ не подъ силу справиться съ кѣмъ, то одинъ разбойникъ бросаетъ другому топоръ; а тотъ ужъ понимаетъ, что идти надо. Вотъ какая силища то! Да что до сказу; мой дядя родной выкопалъ кости богатырскія—одна кость до колѣна, нижняя, больше трехъ аршинъ».

Существуетъ не мало разсказовъ про «заставы богатырскія» около г. Задонска. Главными героями здѣсь являются чаще всего — Кудеяръ, Стенька Разинъ, а потомъ Гришка Отрепьевъ и Алешка, иногда Ванька Каинъ.

Эпическія преданія Задонскаго и Землянскаго уѣздовъ сосредоточены главнымъ образомъ около XV — XVI вѣка, хотя изрѣдка и слышатся смутные разсказы про татарскаго атамана Батея, сильнаго и могучаго богатыря, избивавшаго всѣхъ встрѣчающихся людей, сжигавшаго села и деревни, не щадившаго даже церквей Божіихъ. «Когда онъ проходилъ мимо с. Долгуши (Землянскаго у.), говорилъ намъ одинъ старикъ, то Господь послалъ туманъ и закрылъ церковь и село — оно тогда небольшое было — такъ нѣсколько двориковъ, на горѣ; татаринъ-то шелъ доломъ; такъ и прошелъ стороною, не тронулъ у насъ никого. Гдѣ шелъ онъ, такъ и небо-то матушка побѣлѣло отъ этого. Съ

Digitized by Google

того и прозывается оно Батевой дорогой. Такъ сказывали старики», заключилъ онъ.

Изъ сказокъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ позднѣйшіе эпическіе мотивы, отличающіеся болѣе опредѣленною пріуроченностью, приведемъ сказку, записанную нами два года назадъ въ Задонскомъ уѣздѣ [1]). Это—сказка объ избраніи Ивана Грознаго въ цари.

«Давно-давно эта была, можетъ быть при пра-прадѣдахъ нашихъ, а можетъ и того далѣ. На православнай каменнай Масквѣ умеръ царь. Народъ въ гори. Собрались дворяне, собрались баяры и разнаи-разнаи люди. Усѣ горю дались—какъ намъ бесъ царя быть; бисъ отца дѣти сироты, никаму ненужны! Вотъ и гаварить первой-напервой баяринъ: нада намъ выбрать царя»!

Выбрать, такъ выбрать — што-шъ дѣлать — порѣшили на томъ.

Приказана была усѣхъ пазвать на утри въ собранья, въ церкву, гдѣ хто ни былъ.

Сабрались. Усѣ малились, штобъ Царица Небесная не оставила своею миластью.

Пригатовили лампадикъ; налили въ нее чистава масла, деревяннава и повѣсили въ церкви передъ Божьей Матушкай.

Вотъ велѣлъ баяринъ запрягать лашадей. Сѣлъ онъ—эта и паѣхалъ въ бѣлокаменнаю Маскву. А лакей—Ванькя на козлахъ сидитъ.

Ѣдуть ани, стала быть, дорогай, баяринъ и говорить:

— Слышь, Ванькя, моли Бога—если мене выберуть въ цари, я тебе на волю отпушшу!

— А если мене выберуть, я тебе первава павѣшу»!

Сказалъ онъ; патаму—баяринъ дюжа лютъ да людей былъ: какъ ни того, сичасъ на канюшню ды драть; а какъ выдеруть-та?!

Пріѣхали, стала быть они; узашли въ церкву. Лакей, знама

---

1) Отъ О. Зачиняевой.

Digitized by Google

дѣла, впереде, дорогу баярину очишшая. Падашелъ эта онъ къ образу, узглянулъ на Царицу Небесную—лампадикъ такъ и затѣплился. Баяринъ ево отталкнулъ и падашелъ приложицца—анъ лампадикъ патухъ, оташелъ баяринъ—лампадикъ апять затеплился.

Ванькю сичасъ подъ руки и у дворецъ, а баярина в ту пору-шъ повѣсили.

Такъ и сталъ Ванька лакей царемъ на Масквѣ и празвался Грознымъ царемъ, за этава баярина.

Вотъ какъ въ старину-та была. Не баяры али дваряне какіи—цари та, а нашъ братъ—мужичекъ; уменъ, стало быть»!

Эта сказка намъ представляется весьма важной въ томъ отношеніи, что она является посредствующимъ звеномъ между сказками объ избраніи царя при знаменіи *самовозгорающейся свѣчи* и *вскипающаго рога;* она надлежащимъ образомъ уясняетъ связь ихъ, говоря о *самовозгорающемся маслѣ* (лампада) и такимъ образомъ еще болѣе подкрѣпляетъ выводы И. Н. Жданова [1]).

Помимо этихъ указаній на существованіе въ южно-великорусскихъ губерніяхъ былевыхъ матеріаловъ въ печати есть уже и самая былина Воронежской губерніи Землянскаго уѣзда.

Ровно 44 года назадъ она была впервые напечатана въ «Воронежскомъ Литературномъ Сборникѣ» 1861 г. вып. I.

Перепечатанная Кирѣевскимъ въ VII вып. «Пѣсенъ», въ приложеніи (1 стр.), она отчасти обсуждалась въ капитальномъ трудѣ О. Миллера [2]), затронута А. Н. Веселовскимъ [3]), но совершенно упущена изъ виду В. Миллеромъ въ его «Очеркахъ русской народной словесности», что и привело его къ ошибочному положенію, будто былинъ нѣтъ въ Воронежской губерніи [4]).

Въ частности, говоря про былину о боѣ Ильи Муромца съ

---

1) Русскій Былевой эпосъ. Спб., 1895 г.
2) Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Спб., 1870 г., 36 стр.
3) Южно-русскія былины. Спб., 1881 г., 311 стр.
4) «Очерки русской народной словесности 1897 г. 69 стр.

Digitized by Google

сыномъ, уважаемый ученый отмѣчаетъ, что кромѣ Олонецкой губерніи и Сибири «Бой Ильи Муромца съ сыномъ записанъ только въ Уфимской губерніи»[1]), что̀ ужъ совсѣмъ ясно показываетъ справедливость нашей мысли, что Землянская былина осталась ему неизвѣстной (хотя ссылку на Кир. VII, 1—6 мы находимъ въ сочиненіи—«Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса». М. 1892 г. 137 стр.).

Думая, что былина о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, записанная въ Землянскомъ уѣздѣ Воронежской губ., заслуживаетъ вниманія изслѣдователей, мы хотѣли бы разсмотрѣть нѣкоторыя ея особенности.

При чтеніи Землянской былины сразу обращаешь вниманіе на то, что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подновлена; такое впечатлѣніе получается напр., отъ словъ — балконъ (при шатрѣ), грудь—вмѣсто обычнаго въ былинахъ—груди и т. под.

Но въ общемъ эта былина сохраняетъ основныя былевыя черты.

Счастливую развязку встрѣчи отца съ сыномъ, которая такъ смущала изслѣдователей, мы пытаемся выяснить далѣе.

Прежде всего коснемся строя стиха.

Хотя запись землянской былины, очевидно сдѣлана не съ пѣнія, а со сказу, о чемъ говоритъ уже отсутствіе частицъ и всякаго рода ритмическихъ добавокъ, типическіе фасоны былевого ритма вырисовываются довольно ясно.

Мы пробовали уложить текстъ нашей былины въ напѣвъ, записанный А. Григорьевымъ въ Архангельской губ., посред-

---

1) «Очерки русской народной словесности», 89 стр.

На самомъ дѣлѣ, вопреки утвержденію В. Миллера, давнымъ-давно записаны былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ и въ Симбирской губ. (Кирѣевскій—«Пѣсни», I, 1—6), и въ Архангельской (Кирѣевскій—«Пѣсни», IV, 1).

Открытія Григорьева, Маркова, Ончукова раздвинули территорію распространенія этой былины въ область Бѣломорскую и Печорскую. (Григ.—31, 41, 101, 170, 409, 656 стр.; Марк.—53, 358, 502 стр.; Онч.—5, 37 стр.).

Digitized by Google

ствомъ фонографа (№ 4 Бой Ильи Муромца съ сыномъ[1]) и получили удовлетворительные результаты.

Анализируя текстъ съ ритмической стороны, мы въ концѣ-концовъ убѣдились въ цѣлости эпическаго склада его. Для примѣра приведемъ нѣсколько стиховъ.

Какъ то было за Днѣпромъ рѣкой
Стояли заставы не малыя.

Эту строфу можно разбить на четыре полустиха:

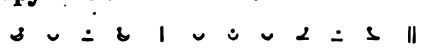
Какъ то было | за Днѣпромъ рѣкой ||
Стояли заставы | не малыя ||

Ритмическія группы каждаго полустишія будутъ слѣдующія:

Еще примѣръ:

Лука да Матвѣй | дѣти боярскіе ||

ритмическія группы этого стиха:



Теперь перейдемъ къ содержанію былины. Здѣсь, по возможности не повторяя сказаннаго уже въ печати, мы внесемъ только нѣкоторыя соображенія, касающіяся собственно земляискаго варіанта былины—Бой Ильи Муромца съ сыномъ. Общій характеръ боя и его подробностей (три вида оружія, борьба и опрокинутіе отца сыномъ, вопросы сына, ударъ отца безъ предварительнаго опроса и т. под.) ставитъ эту былину въ ряду тѣхъ, которыя обнаруживаютъ свою связь съ иранскимъ сказаніемъ о Рустемѣ и Зорабѣ.

О близости русскихъ былинъ о боѣ отца съ сыномъ подробно говорится въ трудахъ Ор. Миллера, А. Веселовскаго и В. Миллера.

1) Архангельскія былины, 656 стр.

Digitized by Google

Извѣстіе о наѣздѣ туранскаго богатыря Зораба застаетъ Рустема въ Забулистонѣ, такъ сказать, на границѣ Ирана, на заставѣ [1]). Наша былина открывается описаніемъ «заставъ богатырскихъ, за Днѣпромъ рѣкой».

Былъ на заставахъ: старой казакъ Илья Муромецъ,
Былъ Алеша Поповичъ,
Еще были два брата родимые
Лука да Матвѣй дѣти боярскіе.

Послѣднихъ, въ числѣ тридцати богатырей со богатыремъ, мы встрѣчаемъ на заставѣ богатырской еще въ печорскомъ варіантѣ:

Тутъ и жили два брата два родимые,
Да Лука, да Матвѣй дѣти Петровыя [2])...

Несомнѣнно, что эти имена давно вошли въ былевой обиходъ, чѣмъ и объясняется ихъ присутствіе въ варіантахъ отдаленныхъ друга отъ друга мѣстностей. Правда въ печорскомъ варіантѣ Лука да Матвѣй названы дѣтьми Петровыми, тогда какъ въ землянскомъ — дѣтьми баярскими. Мы склонны думать, что послѣднее прозвище ихъ является болѣе давнимъ; на это указываетъ и онежская былина о Святогорѣ, гдѣ тоже изображаются заставы, на которыхъ стоятъ: Илья, Добрыня, Алеша, Полѣшанинъ, Долгополянинъ, братья *Лука и Моисей, дѣти боярскіе* [3]).

Во всякомъ случаѣ мы эту черту относимъ въ давность не большую московскаго періода, времени развитія боярщины.

Что касается имени Моисей, то оно намъ представляется измѣненіемъ — Матвѣй.

Далѣе разсказывается, какъ Илья Муромецъ, вставъ ранымъ рано, спускается къ быстру Днѣпру.

---

1) О. Миллеръ—Илья Муромецъ и богатырство Кіевское.
2) Онучковъ—Печорскія былины, 6 стр.
3) Гильфердингъ—№ 265.

Digitized by Google

Изъ быстра Днѣпра умывается,
Шитой ширинкой утирается...

Эта черта — умыванье очень древняя, встрѣчающаяся и въ поэзіи другихъ народовъ.

Послѣ этого Илья Муромецъ

.... смотритъ во чисто поле,
Видитъ, ѣдетъ богатырь торопится
Ко старому казаку Ильѣ Муромцу
Ѣхалъ то Добрыня Никитичъ младъ...

Подъѣхавъ къ Ильѣ Муромцу, онъ разсказываетъ ему о незнакомомъ богатырѣ, проѣхавшемъ мимо его заставы.

Въ другихъ же варіантахъ этимъ «невѣжей» оказывается первый богатырь ѣхавшій въ чистомъ полѣ, котораго увидѣлъ послѣ умыванья Илья Муромецъ.

Именно такое изображеніе этого факта находимъ у Кирѣевскаго.

На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходъ солнца яснаго,
Отъ сна Илья Муромецъ пробужается.
Выходитъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Днѣпръ рѣку,
На Днѣпръ рѣку умыватися,
А самъ смотритъ во чистó полѐ.
Завидѣлъ онъ дóбра мóлодца,
Подъ молодцемъ конь какъ бы лютой звѣрь [1])...

Для насъ интересно то, что этотъ варіантъ наиболѣе близокъ къ землянскому, дѣйствіе также начинается рано утромъ, у

1) Кирѣевскій—I, 8. Ср. Ончуковъ—6 стр.

Digitized by Google

Днѣпра рѣки, послѣ умыванья Ильи Муромца. Разница же въ томъ, что въ варіантѣ Кирѣевскаго первый всадникъ, какого только замѣтилъ Илья Муромецъ и оказался незнакомцемъ—богатыремъ заѣзжимъ. Съ другой стороны нельзя сказать и того чтобы здѣсь произошло какое-нибудь смѣшеніе Добрыни съ заѣзжимъ богатыремъ, потому что Добрыня, какъ бы нарочно пропущенъ при перечнѣ заставныхъ богатырей у Днѣпра рѣки; онъ, повидимому, имѣетъ свою заставу, мимо которой и проѣхалъ заинтересовавшій его богатырь.

Описаніе поѣздки богатыря во всѣхъ варіантахъ почти тожественное.

Что же касается посылки незнакомцу супротивника, то землянская былина представляетъ своеобразное отступленіе отъ другихъ.

Илья Муромецъ предлагаетъ Добрынѣ ѣхать за богатыремъ безъ «тяжкой палицы», безъ «сабли вострыя, копья мурзомецкаго» и спросить его «про дѣдину, про отчину».

Заѣзжій богатырь обругалъ его:

Отлейся ты, какъ вода вешняя,
Отъѣзжай мужикъ деревенщина.
Отлети, ворона перелетная,
Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
Не хочу съ тобой слова говорить.

Ни боя этого сильнаго и могучаго богатыря съ Добрыней, ни позорнаго битья послѣдняго «шелепугой подорожнею» здѣсь нѣтъ. «Невѣжа» богатырь удовольствовался только крѣпкой бранью, глубоко затронувшей деликатнаго Добрыню.

Правда, О. Миллеръ объясняетъ слова:

Отлейся ты, какъ вода вешняя,
Отъѣзжай мужикъ деревенщина,
Отлети, ворона перелетная...

Digitized by Google

въ смыслѣ оберега, заговора[1]); но мы не можемъ съ нимъ согласиться, ибо для этого здѣсь нѣтъ никакихъ основаній; вѣдь заѣзжій богатырь былъ сильнѣе Добрыни, а потому для него и не было повода обращаться къ заговору.

Нельзя эти слова объяснять и какъ безсмысленное искаженіе словъ—

Полети, бѣлъ кречетъ, во чисто́ поле,

ставшихъ будто бы непонятными[2]).

Если бы эти слова исказились, то правильнаго ихъ употребленія черезъ нѣсколько строкъ ниже невозможно было бъ ожидать. Остается единственно возможнымъ признать данныя выраженія просто-напросто бранью, тѣмъ болѣе, что въ народной поэзіи имѣется нѣчто подобное.

Такъ пѣсня поетъ, какъ Платовъ казакъ, переодѣвшись купцомъ, пробрался къ «французу», который его ласково принялъ и угостилъ. Платовъ же узнавъ, что ему было нужно, уѣхалъ, оставивши записку, въ которой содержалось слѣдующее:

Эхъ ворона, ты ворона,
Загуменная сова!
Не умѣла ты ворона
Ловить ясна сокола[3]).

Видя, что съ богатыремъ не справиться, Добрыня повернулъ коня, подъѣзжаетъ къ Ильѣ Муромцу и жалуется ему, выражая свое недовольство случившимся въ такихъ мирныхъ, проникнутыхъ религіознымъ духомъ смиренія, словахъ:

— *Богъ тебя суди*, старой казакъ,
Богъ тебя суди, Илья Муромецъ,
Не велѣлъ ты мнѣ брать тяжку палицу,

---

1) Илья М. и богатырство Кіевское—37 стр.
2) А. Н. Веселовскій. Южно-рус. былины. 311 стр.
3) Запис. нами въ Вор. губ. Зад. у. Ср. Григорьевъ—189 стр.

Digitized by Google

Сабли вострыя, копья мурземецкаго;
Обозвалъ меня богатырь:
Отлейся ты, какъ вода вешняя...

Если же принять во вниманіе порученіе Ильи М. при посылкѣ его въ Кіевъ, сообщающее всей былинѣ особый тонъ мягкости, миролюбія, то и этотъ эпизодъ будетъ ясенъ.

Рѣшивъ самъ ѣхать за богатыремъ, Илья М. отпускаетъ Добрыню, говоря:

Ты же поѣзжай во стольный Кіевъ градъ,
На улочку на съѣзжую,
На площадку на схожую;
Ни къ чему ты коня не привязывай,
Самъ ступай во Божій храмъ,
Ко свѣтлой Христовой заутрени,
Ставь свѣчи мѣстныя
Іисусу Христу, Божьей матери,
Третью свѣчу Михаилу Архангелу.
Стой, молися Богу милостивому,
Клади поклоны до сырой земли,
Проси у Бога милости;
Когда свѣчи станутъ обливатися
По ту пору стану я воеватися.

Ни въ одномъ варіантѣ этотъ эпизодъ — отправленіе Добрыни съ чистаго поля, отъ заставы богатырской не развитъ такъ полно и своеобразно, какъ въ землянскомъ.

Въ Олонецкой былинѣ [1]) Добрыня не рѣшился принять предложеніе Ильи Муромца поѣхать — узнать, что за молодецъ ѣздитъ по полю,

Шибаетъ палицу подъ облаки,
Назадъ онъ ее подхватываетъ

1) Рыбниковъ, III, 55 стр.

Digitized by Google

и буде русскій богатырь, то побрататься, а невѣрный, войны просить.

— Я не смѣю ѣхать за богатыремъ
— Что его храбра поѣздка молодецкая.—

отвѣчаетъ онъ.

На это вскипѣвшій Илья Муромецъ говоритъ Добрынѣ токово слово:

Будѣ не смѣешь ѣхать за богатыремъ,
Дакъ больше мнѣ и товарищъ не надобно.
Поѣзжай-ко ты во Кіевъ градъ
Къ молодой жены да къ своей матери.

Въ землянской былинѣ, какъ мы видѣли, этотъ фактъ получилъ иное освѣщеніе; кромѣ того онъ распространенъ подробными совѣтами чисто религіознаго характера, пожалуй, болѣе умѣстными въ духовныхъ стихахъ.

Землянская былина ближе другихъ подходитъ къ иранскому сказанію о Рустемѣ и Зорабѣ по своей внутренней сторонѣ.

Въ этомъ случаѣ особенно интересна смягченность характера сына богатырскаго, проявившагося въ томъ чутьѣ родства, которое сказалось въ немъ въ самый трагическій моментъ: богатырь, сидя на бѣлыхъ грудяхъ Ильи Муромца,

Выдергивалъ чингалище-булатный ножъ
И хотѣлъ вспороть его бѣлу грудь,
Какъ въ локтѣ рука застоялася.
Онъ заноситъ ее въ другой разъ,
Но въ локтѣ рука застоялася;
Онъ заноситъ ее въ третій разъ,
Но рука опять застоялася.
Говоритъ тутъ добрый молодецъ:
Чтожъ это за диковинка,
Не могу я вспороть груди бѣлыя,

Digitized by Google

Аль ты въ родствѣ, али въ племени?
Скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
Какого рода какой земли?...

Богатырь вò время остановилъ разящую руку, поднятую на отца: мысль объ отцѣ, родственное чувство заговорило въ немъ, что явствуетъ изъ вопроса:

Али ты въ родствѣ, али въ племени?

Очевидно, заѣзжій богатырь искалъ отца, и искалъ съ самыми лучшими мыслями и чувствами къ нему, а не съ цѣлью покончить съ нимъ, какъ это мы видимъ въ другихъ варіантахъ.

Это сближаетъ нашу именно былину съ иранскимъ сказаніемъ, гдѣ Зорабъ отыскиваетъ своего отца, чтобы передать ему царство.

Илья Муромецъ подобно Рустему обращается съ молитвой къ Богу и получаетъ отъ Него силы; и подобно иронскому герою, высвободившись изъ-подъ сына наноситъ ему ударъ «чинжалищемъ». Здѣсь Илья ужъ отступаетъ отъ своего принципа «не убить напрасно татарина, ни помыслить зломъ на христіанина».

Дальнѣйшій ходъ боя въ русскомъ и иранскомъ изводѣ постепенно уклоняется другъ отъ друга.

Смертельно ранивъ Зораба Рустемъ спрашиваетъ его «про дѣдину про отчину». Этотъ запоздалый и неумѣстный уже въ Шахъ-намэ вопросъ, являющійся лишь художественнымъ пріемамъ къ усиленію основной мысли, въ землянской былинѣ осмысляется и просвѣтляется посредствомъ своихъ пріемовъ.

Взбѣгалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Не розстегивалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище-булатный ножъ,
Хватилъ богатыря во бѣлую грудь,
Но сгибался булатный ножъ до черена.
Удивлялся тутъ: что-жъ это за диковина?
Разстегалъ у богатыря грудь бѣлую

Digitized by Google

Увидалъ на немъ крестъ серебряный,
Сталъ спрашивать про дѣдину, про отчину...

Илья Муромецъ въ своей богатырской горячности наноситъ ударъ «чинжалищемъ» въ бѣлую грудь богатыря, но христіанскій, популярный въ былинахъ, чудный крестъ защищаетъ его отъ раны, какъ не разъ спасалъ и самого Илью Муромца и его крестнаго отъ неминуемой смерти [1]).

Предложенный Ильею, по примѣру Рустема, вопросъ о дѣдинѣ и отчинѣ оказывается какъ нельзя кстати и избавляетъ богатыря отъ смерти напрасной. Самъ богатырь не вынуждаетъ Илью Муромца, какъ въ другихъ варіантахъ, горячиться и наносить ему безцѣльные удары, а сразу отвѣчаетъ:

— Матери Польки я, отца Ильи Муромца.

Мы совершенно согласны съ О. Миллеромъ, что здѣсь, слово — Полька употреблено не въ этнографическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ полекующей, *поленицы* [2]).

Обрадованный Илья Муромецъ «бралъ богатыря за бѣлыя руки»,

Становилъ его на ноги рѣзвыя,
Цѣловалъ его въ уста сахарныя:
Ужъ ты здравствуй, дитя мое милое,
Я отецъ твой Илья Муромецъ.

Проникнутая духомъ христіанства, не допустившимъ сыноубійства, эта былина и заканчивается свѣтлымъ аккордомъ, вплетеннымъ въ нее по обычаю русскихъ рапсодовъ, всегда заключавшихъ походы богатырей почестнымъ пиромъ—столованіемъ у Владимира, Красна солнышка.

Земляпскій варіантъ былины о боѣ Ильи Муромца съ

1) Гильфердингъ, I, 432.
2) О. Миллеръ,—И. М. и бог. Кіев. 38—39 стр.

Digitized by Google

сыномъ, очевидно, послужилъ образцомъ для былинъ о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ.

Неудивительно, что дымка религіозности лежитъ замѣтнымъ слоемъ на всей землянской былинѣ. Дѣло въ томъ, что былины въ этомъ краю — рѣдкое явленіе по крайней мѣрѣ въ 60-ые годы и теперь; тогда какъ духовные стихи приходится и въ настоящее время слышать, особенно на сельскихъ и городскихъ ярмаркахъ. Въ духовныхъ стихахъ, распѣваемыхъ въ Землянскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, часто просвѣчиваются чисто бытовыя и мѣстныя черты.

Вотъ, напр., стихъ о богачѣ и Лазарѣ. Оба они живутъ въ селѣ, расположенномъ въ линію, по дорогѣ, какъ часто бываетъ въ данной мѣстности[1]):

Пошелъ нашъ Лазарь *вдоль* по селу.

И богачъ и Лазарь—братья и очевидно крестьяне.

Разница между ними только въ томъ, что одинъ богатъ, а другой бѣденъ. Богачъ занимается торговлей, чтобы еще болѣе разбогатѣть. Торговля его опять носитъ характеръ мѣстный:

Поѣхалъ богатый торги торговать,
Большія деньги наживать;

онъ, какъ видно изъ отрывка, подобно сельскимъ торговцамъ-разбогатѣвшимъ крестьянамъ или городскимъ мѣщанамъ (изъ г. Землянска, г. Задонска, г. Ельца), разъѣзжаетъ съ товарами, быть можетъ, по селамъ, особенно въ ярмарочные престольные дни. Богачей милліонеровъ или «большихъ господъ», проводящихъ жизнь съ большою роскошью, мѣстное населеніе не видывало, а потому и ничего не заимствуетъ у нихъ въ своемъ

---

1) С. Ломовецъ, гдѣ записанъ этотъ стихъ занимаетъ именно такое мѣстоположеніе.

Digitized by Google

представленіи богатства и роскоши; даже евангельская притча въ этомъ отношеніи осталась неиспользованной.

Духовная поэзія въ Воронежской губерніи значительно развита благодаря тому, что здѣсь встрѣчаются старообрядцы и различные сектанты, весьма склонные къ этого рода поэтическому творчеству.

Правда, данная поэзія уже не отличается такой художественностью образовъ, звучностью народнаго стиха, какъ старая и часто впадаетъ въ прозаическую монотонность.

Сюжеты большею частію берутся изъ евангельскихъ повѣствованій, церковныхъ пѣснопѣній, поученій святоотеческихъ и т. п.

Эти новосозидаемые стихи проникнуты пессимистическимъ духомъ, часто воплощаемымъ въ образахъ полныхъ ужаса.

Но сквозь общій безотрадный тонъ молитвенныхъ изліяній и поученій изрѣдка пробивается чистая, освѣжающая струя народной поэзіи, вносящая въ нихъ какой-то лучъ свѣта.

Вотъ примѣръ:

Имѣю я свой гробъ во глазахъ,
Стану горько плакать и рыдать,
Творецъ, ты, мой Покровитель!
Ты на што мене на свѣтъ создалъ?!
. . . . . .
Сталъ на мене врагъ нападать,
Со всѣхъ сторонъ началъ сѣти накидать,
Предсталъ мене изъ рая выгонять...
Въ раю твяты твятуть,
А въ саду пташки пяють,
Пяють они стихи харувимскаи
И ишшо-ли сирахвимскаи...

Digitized by Google

Духовные стихи.

№ 1. *Богачъ и Лазарь.*

(Тимоха).

Пошелъ нашъ Лазарь удоль по селу...
Пришелъ нашъ Лазарь къ брату своему,
«Братъ, ты, мой братецъ, братецъ мой родной,
Братецъ мой родной и милостливой!?
Сказалъ ему братецъ: «такихъ у мене братьевъ
Такихъ у меня братьевъ въ роду не было!
Есть у мене братья — купцы, да бояря,
Честной и хвальной (народъ), имянитой.
А такихъ у мене братьевъ въ роду не было.
Ты ступай, убогай, долой сы двора,
А то я тебя убогай *псами растравлю,*
Псами растравлю, псами лютыми.
Пошелъ убогай долой сы двора.
«Господи Боже, Богъ милостливой!
Выслушай, Господи молитву мою:
Сошли мнѣ, Господи, лихихъ ангалей (діаволовъ),
Лихихъ и несмирныхъ, и немилостивыхъ,
Растерзайте мою душу скрость ребра мои!
Скрость ребра мои жалѣзнымъ крюкомъ»...
Услыхалъ Господь молитву его,
Сослалъ ему Господь тихихъ ангалей (добрыхъ).
И тихихъ и смирныхъ и милостливыхъ.
«Выньте его душу и честно и хорошо,
Посадите его душечкю на пелёнушку,
Отдайте его душечкю ко Авраамію у рай,
Ко святому Авраамію къ отцу правидному»!
По застолью псы хаживали,
Мелки крошечки собирывали,

Digitized by Google

Убогава Лазаря питывали,
Большія раны ему зализывали.
Поѣхалъ богатый торги торговать,
Большія деньги наживать.
Нашла туча, туча грозная,
Со сильнымъ вѣтромъ, со буйнымъ дожжемъ,
Подняла богатаго вельмо́ высоко,
Пріударила богатава объ сыру землю.
«Господи, Боже, Богъ милостливо́й!
Сошли мнѣ, Господи, съ небесъ тихихъ ангалей.
И тихихъ и смирныхъ и милостивыхъ!
Выньте мою душечкю и честно́ и хорошо,
Посадите мою душечкю на пеленушку,
Отдайте мою душечкю ко святому Авраамію,
Ко святому Авраамію, къ отцу правидному»...
Услыхалъ Господь молитву его несправедливаю,
А сослалъ ему Господь лихихъ ангалей
И лихихъ и несмирныхъ и немилостливыхъ:
«Хоть душу его вынимайте, и(но) къ старшему діаволу ее отдавайте.

***

«Братъ, ты, мой братецъ, братецъ мой родной,
Братецъ мой родной и милостливой!
Обмочи во сини мори два перста,
Пропитай мои уста!
Мои уста спеклися, кровью запеклися»!
Отвѣтилъ ему братецъ, братъ ему убогай:
«Братецъ ты мой, братецъ, братецъ мой родной
Воля не моя—воля Богова».

Digitized by Google

№ 2. *Тайная Вечеря.*

(Иванъ Коляскинъ).

Царю Христе Спасе міра,
И ты Богъ, Агнецъ незлобивъ былъ
Въ тайномъ вечери, въ тайномъ вечери!
Жиды совѣтъ совѣтали;
И стали они гадати
Какъ-бы намъ Христа поймати.
«Онъ намъ законъ представляетъ,
Царемъ себя называетъ».
«Не имамъ царя инáго
Токмо Кесаря единáго»!
Ой Іуда къ нимъ притече
И притекши къ нимъ рече:
«Что ми дадите предамъ вамъ его,—
Азъ бо есмъ ученикъ его».
— «Тридцать серебрениковъ дамо
Токмо ты предай намъ его».
Ой Іуда прельстился,
Своимъ сердцемъ распалился,
За сребреники предалъ имъ Христа.
Тогда избѣгъ своего царства
Бывши въ немъ.
Пришелъ въ сальмý (горницу)
Будто не былъ онъ у нихъ въ домý.
Христосъ позналъ его очи,
Что былъ онъ въ жидахъ на соймищи.
Христосъ преломилъ хлѣбъ
Да и ястъ и всѣмъ ученикамъ подаетъ
Мочивши хлѣбъ въ соль Іудѣ даетъ
«Одинъ изъ Васъ меня предастъ»

Digitized by Google

Молвилъ Христосъ ученику,
Іоанну-наперснику.
«Молите не спите и всѣ ждите,
«Моей страсти не просмотрите...
«Прискорбна есть душа къ смерти—
«Приходитъ часъ мнѣ умрети.
«Пришло время, пришелъ той часъ,—
«Вставайте, вѣрніи, иду отъ васъ
«Въ родъ жидовскій, за смущеніе
«Отъ Христа отреченнаго».
Собирались жиды бить,
Іисуса Христа умертвить.
Пилатъ руки омываетъ,
На крестъ Христа распинаетъ.
Божья Мати жалостливо предъ Христомъ стоитъ,
Да все плачется, на своего Сына взирающе,
Слезами лице омывающе.
«О Сыне мой прелюбезный,
Сердцу моему ты болѣзный!
Что-же Ты мнѣ ничего не молвиши,
И слезъ моихъ не утѣшиши»?
«Тебѣ, Мати, повѣдаю
Не на вѣки Азъ умираю,
За весь міръ страсти принимаю,
Отъ вѣчныя муки избавляю»!
Восплачемся со слезами,
Пріималъ Христосъ муки-раны.
За насъ грѣшныхъ христіаны.
Кровь честную проліялъ.
Терпѣлъ Христосъ муки-страсти
И избавилъ насъ отъ напасти.

Digitized by Google

№ 3.

(Тимоха).

Вспомни, вспомни смертнай часъ,
Вспомни трубнай гласъ,
Вспомни не забудь
И ямскую муку,
Сы Господомъ Богомъ
Вѣчную разлуку.
Будь готовься знать,
Што оставимъ свѣтъ,
Позванъ будишь на отвѣтъ.
Тѣло мая тлѣнная,
А душа моя безсмертная,
Покажись: спокаюся,
Плачь: смиряюся,
Отъ грѣховъ вѣчныхъ удаляюся.
Время жизни напрасно не терять.
Сколько жить не будишь,
Смертной косы не избудишь
И страшнаго суда не минуишь.
Безъ евангельскихъ заслугъ
Не будишь Богу другъ.
Имѣю я свой гробъ во глазахъ,
Стану горько плакать и рыдать,
Творецъ, ты, мой Покровитель!
Ты на што мене на свѣтъ создалъ?!
Я во-первыхъ строкахъ Бога возлюбилъ,
Потомъ у ва мнѣ страхъ Божай былъ...
Сталъ не мене врагъ нападать,
Со всѣхъ сторонъ началъ сѣти накидать,
Предсталъ мене изъ рая выгонять...
Въ раю твяты твятуть,
А въ саду пташки пяють,

Digitized by Google

Пяють они стихи харувимскаи
И ишшо-ли сирахвимскаи:
Алилуи, алилуи, слава Тебѣ Боже нашъ!

№ 4.

Перейди, перейди чрезъ огненну рѣку,
Черезъ огненну рѣку до прикраснаго раю...
. . . . . .
. . . . . .
У насъ были су́дья, се неправиднаи.
Они много судили, виноватаго правымъ становили,
А праваго се виноватымъ становили
Они брали деньги не безчетнаи,
Они клали ихъ у сыру землю.
У нихъ будетъ кипѣть черва нетлѣнная
За ихъ великаи согрѣшенья, за ихъ великаи беззаконья.
Во славу тебѣ Христе Боже нашъ[1])!

А. Зачиняевъ.

---

1) Записалъ В. Тростянскій, въ с. Верхній Ломовецъ Воронежской губ., Землянскаго у., Калабинской волости.

Digitized by Google

Замѣтки объ И. А. Крыловѣ[1]).

IV.

Двѣ анонимныхъ статьи Крылова.

Въ академическихъ «Извѣстіяхъ» 1904 г. (кн. II) мы напечатали отрывокъ изъ перевода Крылова, найденный нами среди бумагъ Н. И. Стояновскаго, поступившихъ въ Публичную

---

1) Въ IV кн. «Извѣстій» за 1905 г. помѣщена наша замѣтка о приписываемой Крылову баснѣ «Конь». Мы можемъ пополнить ее теперь слѣдующими данными.

Въ сборникѣ «Лютня» (Лейпцигъ, 1879, I, 5 изд., 125—126) эта басня приписана *А. Крылову*. При ней примѣчаніе: «посвящается украинскимъ казакамъ». Варіанты къ тексту «Утра»: 1. Лихова; 6. одарила; 9. ѣздока онъ; 16. *(нѣтъ)*; 20. въ глазахъ. Во второмъ выпускѣ той же «Лютни» (4 изд., стр. 113—114) она, безъ всякихъ оговорокъ, приписана И. А. Крылову.

Варіанты: 1. У одного наѣзднika лихого; 5. быстрота; 6. Какъ. надѣлила; 9. онъ; 12. На привязи и спать и пить и ѣсть; 13. за отличіе; 14. снимать уздечку; 19—21. Межъ тѣмъ конь старится, потухъ огонь въ глазахъ | И спалъ онъ съ тѣла; 22. Да какъ вскормленному въ бояхъ | Не похудѣть безъ дѣла; 23. простые. 24. и сѣдоки лихіе; 28. Да, конь хорошъ—въ томъ и хозяинъ сознавался; 29. то бѣда; 31. ужъ кони.

Упрекъ Гербелю за помѣщеніе басни «Конь» въ его «Хрестоматіи» сдѣланъ былъ «С.-Петерб. Вѣдомостями» 1873 г. (№ 299). Отвѣтъ Гербеля тамъ же (№ 301): басня «Конь» попала въ шуточный отдѣлъ потому, что была пропущена на своемъ мѣстѣ, а «пропустить ее вовсе... не хотѣлось».

Въ «Варшавскомъ Дневникѣ» 1899 г. (№ 24) «Конь» напечатанъ К. Страховымъ, будто бы по автографу, о которомъ разсказана довольно фантастическая исторія (достался дядѣ г. Страхова «экспромптомъ, въ видѣ проиграннаго пари»). Въ подлинности его мы очень сомнѣваемся. Варіанты къ принятому нами тексту: 1. Лихова; 5. быстрота; 8. И смѣлъ; 9. ѣздока; 19. конь старится; 20. въ глазахъ; 27. Когда бъ; 28. Да, конь хорошъ, въ томъ хозяинъ сознавался; 29. вѣдь то.

Digitized by Google

Библіотеку. Теперь мы разыскали его въ «Журналѣ Древней и Новой Словесности» (1819 г., январь, стр. 46 — 49), съ подписью N. N. Автографъ Крылова представляетъ изъ себя два черновыхъ наброска начала статьи, не вполнѣ совпадающихъ другъ съ другомъ. Печатный текстъ представляетъ также рядъ значительныхъ отклоненій отъ черновыхъ редакцій. Изъ этого можно заключить, что передъ нами не столько переводъ, сколько передѣлка какой-то французской статьи (на французскій оригиналъ указываютъ французскіе риторическіе термины, которые приведены въ печатномъ текстѣ и для которыхъ въ черновыхъ наброскахъ оставлены пустыя мѣста въ скобкахъ, въ концѣ обозначенныя цифрами).

Журналъ Олина даетъ такой текстъ этой статьи.

РѢЧЬ,

въ которой жалуется сапожникъ на жену свою, написанная для примѣра риторическихъ фигуръ.

Когда я говорю да, она отвѣчаетъ нѣтъ; вечеръ и утро, ночь и день,—все бранится (Anthithèse, *противуположность*). Никогда, никогда нѣтъ съ нею покоя (Repetition, *повтореніе*). Это фурія, дьяволъ (Hyperbole, *увеличеніе*). Но, несчастная, скажи (Apostrophe, *обращеніе*), что я тебѣ сдѣлалъ (Interrogation, *вопрошеніе*). О Боже! какъ безумно поступилъ я, что на тебѣ женился (Exclamation, *восклицаніе*)! За чемъ я не утопился прежде (Optation, *желаніе*)? Я не упрекаю тебя ни въ томъ, чего ты мнѣ стоишь, ни въ заботахъ моихъ доставать нужное (Prétérition, *прехожденіе*); а прошу тебя, заклинаю: оставь меня въ покоѣ и не мѣшай работать (Obsécration, *умоленіе*): или клянусь..... страшись довести меня до крайности (Imprécation et Réticence, *заклинаніе* и *умолчаніе*). Она плачетъ; — ахъ, сирениица! Вы увидите, что я же виноватъ во всемъ (Ironie, *Иронія*). Хорошо! пусть такъ; я конечно скоръ, нѣсколько вспыльчивъ (Concession, *уступленіе*). Сто разъ желалъ, чтобы

Digitized by Google

ты была дурна; проклиналъ, ненавидѣлъ эти ехидные глаза, этотъ обманчивый видъ, который меня съ ума свелъ (Asthéisme ou louange en reprochе, *похвала съ упрекомъ*). Скажи мнѣ, не лучше ли бы ладить со мною добрымъ, ласковымъ обхожденіемъ (Communication, *сообщеніе*)? Наши дѣти, пріятели, сосѣды, всѣ видятъ, что мы живемъ не дружно (Enumération, *изчисленіе*). Они слышатъ вой твой, жалобы и ругательства, которыми ты меня подчуешь (Accumulation, *собраніе*). Они видѣли, что ты, выпуча глаза, покраснѣвъ какъ огонь, съ растрепанными волосами гонялась за мною съ угрозами (Description, *описаніе*). Всѣ говорятъ о томъ съ ужасомъ; придетъ сосѣдка—разсказываютъ ей, прохожій слушаетъ, пересказываетъ другимъ (Hypotipose, *изображеніе*). Подумаютъ, что я грубіянъ, злодѣй, что во всемъ ты нуждаешься, что тебя бью, бью на смерть (Gradation, *восхожденіе*). Нѣтъ, всѣ знаютъ, что я тебя люблю, что сердце у меня доброе, что желаю видѣть тебя спокойною и довольною (Correction, *поправленіе*). Небось, свѣтъ, не обманешь, неправда при неправомъ остается (Sentence, *изреченіе поучительное*). Увы! твоя бѣдная мать столько разъ обѣщала мнѣ, что будешь похожа на нее! Что скажетъ она? что теперь говоритъ? вѣдь она видитъ все, что дѣлается. Такъ, я надѣюсь, что она слышитъ; самъ слышу, что упрекаетъ она тебя за мои несчастія. Ахъ, мой бѣдный зять, говоритъ она, ты достоинъ лучшей участи (Prosoporée, *олицетвореніе*).

Фигуры суть орудія, которыя натура даетъ въ руки людямъ для нападенія и защищенія себя; человѣкъ, коимъ обладаетъ страсть, употребляетъ оныя слѣпо и по внутреннему вдохновенію; раскащикъ дѣлаетъ изъ нихъ ремесло; краснорѣчивый имѣетъ ту выгоду, что дѣйствуетъ ими сильно, проворно, благоразумно и къ стати».

Тѣми же инніалами (N. N.) подписана другая статья въ журналѣ Олина: «Отрывокъ изъ письма къ издателю, полученнаго имъ изъ Англіи». Она направлена противъ обложенія предметовъ первой необходимости, носитъ сдержанно-иронической характеръ и,

Digitized by Google

повидимому, имѣетъ въ виду не Англію, а Россію: какъ извѣщеніе изъ Англіи, она не имѣетъ никакого смысла при своей отрывочности и несомнѣнномъ гиперболизмѣ. Въ тѣ времена часто выдавали подобныя произведенія за переводы, письма изъ-заграницы и т. д. Мы отмѣчаемъ эту статью на всякій случай, но для приписыванія ея Крылову у насъ пока нѣтъ данныхъ.

Въ той же книжкѣ академическихъ «Извѣстій» мы напечатали «письмо къ неизвѣстному» (по автографу Крылова изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго, принадлежащихъ теперь Публичной Библіотекѣ). Перепечатывая его въ редактированномъ нами собраніи сочиненій Крылова (томъ III, стр. 418 — 420), мы предположительно отнесли его (стр. 439) къ 1814 году, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: «Мы относимъ его къ 1814 году потому, что именно въ этомъ году начала правильно функціонировать Публичная Библіотека. Несомнѣнно, оно относится къ самому началу дѣятельности Библіотеки и было разсчитано на то, чтобы познакомить съ нею публику. По нашему мнѣнію, оно было предназначено для печати, и, можетъ быть, даже и было напечатано въ какомъ-нибудь изъ журналовъ того времени».

Намъ удалось теперь разыскать это письмо въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., XIII, стр. 37 — 38 (срв. замѣтку по поводу этого письма П. Г. тамъ же, стр. 74 — 76).

«Сынъ Отечества» даетъ такой текстъ этого письма.

Перечень письма въ Москву отъ 12 марта 1814 г.

Во время твоего послѣдняго пребыванія въ СПб. слышалъ ты, мой другъ, о приготовленіяхъ, которыя дѣлаются для открытія Императорской Публичной Библіотеки, и я думаю, помнишь твои по сему случаю разсужденія. Тебѣ казалось, что сколь ни полезно такое учрежденіе, но оно еще рановременно для насъ; ты говорилъ, что, можетъ быть, долго залы Библіотеки простоятъ безъ чтецовъ, или будутъ предметомъ одного пустого

Digitized by Google

любопытства. Нынѣ я спѣшу тебя увѣдомить о противномъ, и такъ какъ я имѣю честь находиться въ числѣ служащихъ при сей Библіотекѣ, то ты можешь повѣрить, что я пишу не то, что слышалъ, а то, что вижу. Императорская Публичная Библіотека открыта еще съ небольшимъ два мѣсяца, а уже число читателей довольно значительно. — Во всѣ назначенные для чтенія дни верхняя и нижняя залы ими наполнены; множество молодыхъ людей проводятъ здѣсь съ пользою время, которое, можетъ быть, по недостатку способовъ пропало бы у нихъ въ праздности. Но, чтобъ дать тебѣ вѣрное и подробное о семъ понятіе, то я скажу тебѣ только, что въ сіи два мѣсяца взято для входа въ Библіотеку 261 билетъ — и болѣе 200 книгъ находятся ежедневно на столахъ у читателей. Замѣтъ, что въ семъ значащемъ количествѣ нѣтъ 8 романовъ или сказокъ, а все книги, касающіяся до наукъ или до классической словесности. — И такъ попеченія нашего Августѣйшаго Монарха и въ семъ случаѣ не потеряны! Да насладится онъ нѣкогда подъ сѣнію священныхъ лавровъ своихъ зрѣлищемъ, достойнымъ Его, зрѣлищемъ рвенія, съ какимъ Россіяне прибѣгаютъ почерпать въ источникѣ просвѣщенія, отверзтомъ для нихъ обожаемымъ ихъ Монархомъ.

Вл. Каллашъ.

Digitized by Google

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. А. Д. Кантемира[1]).

Кн. А. Д. Кантемиръ принадлежитъ къ числу тѣхъ незаслуженно-забытыхъ писателей, на которыхъ даже исторія литературы не обращаетъ должнаго вниманія. Если лирика А. Кантемира и не представляетъ собой цѣнности въ художественномъ отношеніи, если попытки нашего перваго сатирика реформировать русское стихосложеніе оказались мало-удачными и тяжелые, неуклюжіе стихи его совершенно меркнутъ передъ блестящей поэзіей его талантливаго младшаго современника — Ломоносова,—то съ исторической точки зрѣнія произведенія А. Кантемира представляютъ несомнѣнный интересъ.

Сатирикъ затрогиваетъ много больныхъ вопросовъ современнаго ему общества и даетъ, такимъ образомъ, обильный матеріалъ для характеристики той эпохи, когда реакція, не сдерживаемая болѣе желѣзной рукой Петра, смѣло выбивалась наружу и давила всѣ прогрессивные элементы.

Кромѣ того, въ каждомъ произведеніи Кантемира ясно ска-

1) Считаю долгомъ выразить свою благодарность за любезное содѣйствіе многоуважаемому И. А. Бычкову, а также В. И. Срезневскому, В. В. Майкову, А. С. Родосскому, Г. П. Георгіевскому, С. А. Бѣлокурову. Искренно благодарю гр. П. С. Уварову за ея широкое гостепріимство въ библіотекѣ «Порѣчья».

Digitized by Google

зываются симпатіи и идеалы автора, и на примѣрѣ нашего сатирика мы можемъ видѣть, какъ реагировала на реакцію лучшая часть общества, насколько измѣнился, подъ давленіемъ эпохи, типъ русскаго передового человѣка со времени Петра. Исчезла та безстрашная прямолинейность, которой отличался самъ преобразователь и его лучшіе помощники, появилась извѣстная приспособляемость къ обстоятельствамъ, умѣніе смолчать тамъ, гдѣ рѣзкое слово грозитъ опасностью [1]).

По своимъ убѣжденіямъ А. Кантемиръ примыкаетъ къ Ѳеофану Прокоповичу и, преимущественно въ первое время литературной дѣятельности, находится въ значительной степени подъ его вліяніемъ, проводя впервые въ литературу тѣ идеи, которыя высказывались съ каѳедры знаменитымъ сотрудникомъ Петра. Основательно знакомый съ произведеніями какъ античной, такъ и западно-европейской литературы, Кантемиръ подпалъ и подъ ихъ вліяніе, такъ что многое въ его сатирахъ является заимствованнымъ и подражательнымъ. Но даже своимъ подражаніямъ Кантемиръ придаетъ своеобразный колоритъ русской дѣйствительности, такъ что большинство его типовъ чрезвычайно жизненны. Кромѣ того, лирика Кантемира окрашена оригинальнымъ, мягкимъ тономъ тихой грусти, не переходящей въ глубокій пессимизмъ; всѣ эти, принадлежащія лично ему, черты заставляютъ признать нашего сатирика безусловно самобытнымъ писателемъ.

Поэтому Кантемиръ заслуживаетъ серьезнаго изученія, а, между тѣмъ, мы не имѣемъ ни одного обстоятельнаго научнаго

---

1) Въ одной изъ своихъ сатиръ Кантемиръ даетъ такой совѣтъ:

«Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь,
И много смиреніе и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ;
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ». (Сат. II, ст. 322—328).

Digitized by Google

изслѣдованія, посвященнаго его литературной дѣятельности. Съ 1867 г. произведенія Кантемира не переиздавались, тогда какъ это лучшее изданіе собранія его сочиненій [1]) въ настоящее время можетъ быть значительно исправлено и дополнено, благодаря большему количеству доступныхъ рукописей. На основаніи пересмотрѣнныхъ списковъ [2]), постараемся внести поправки въ имѣющійся печатный текстъ сочиненій Кантемира, а также приведемъ нѣкоторыя неизвѣстныя произведенія, принадлежащія, повидимому, нашему сатирику. Большинство списковъ относится къ первой половинѣ и срединѣ XVIII в.; самый поздній изъ нихъ—это рукопись 1761 г.[3]). Всѣ они содержатъ сатиры Кантемира въ ихъ первоначальной редакціи, а нѣкоторыя изъ нихъ также и другія произведенія, написанныя до его отъѣзда за-границу («Петрида», переложенія псалмовъ и проч.).

Рукописи съ произведеніями Кантемира (кромѣ шести) являются сборниками исключительно его сочиненій; указанные шесть списковъ (O. XIV. № 2, Q. XIV. № 19 и F. XIV. № 70 П. Б.; F. CXXIX Собр. кн. Вяз., № 2851 Рум. м.) заключаютъ еще и другія произведенія, но необходимо отмѣтить, что и здѣсь сочиненія Кантемира никогда не бываютъ разрозненны, а представляютъ собой какъ-бы отдѣльный сборникъ, включенный въ общую рукопись.

---

1) «Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира» подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1867 г.

2) Мы пользовались слѣдующими рукописями:

a) *Имп. П. Б.*: Q. XIV. № 5, № 6, № 19, № 22, № 122, № 2008 Пог. собр.; O. XIV. № 2; F. XIV. № 3, № 8, № 70; Автогр. П. Б.

b) *Имп. Ак. Н.*: № 17. 5. 14, № 1. 1. 22.

c) *Спб. Дух. Ак.*: № 233, № 1563, $A^{IV}/_{1}$.

d) *Имп. О-ва Люб. Др. П.*: Q. CXLVIII; F. CXXIX и Q. CXXXVIII Собр. кн. П. П. Вяземскаго.

e) *Румянц. Музея*: № 902, № 639, № 2655, № 2851.

f) *Моск. Арх. мин. ин. д.*: № 357 (804).

g) *Библ. гр. Уварова*: № 2161—2165.

3) № 357 (804) Моск. арх. мин. ин. д. — Какъ извѣстно, въ 1762 г. сатиры Кантемира были впервые напечатаны.

Digitized by Google

Сборникъ 1751 г. (O. XIV. № 2), заключающій различныя стихотворенія и драмы XVIII в., начинается произведеніями Кантемира въ ихъ обычномъ порядкѣ; за нашимъ авторомъ уже слѣдуютъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Третьяковскій и друг.

Въ рукописи Q. XIV. № 19 (1754 г.) вслѣдъ за V-ой сатирой Кантемира начинаются «Разныя стихотворенія» анонимнаго автора, затѣмъ слѣдуютъ драматическія произведенія и, наконецъ, «псалмы»[1]).

Рукопись F. XIV. № 70 (1741 г.) содержитъ «Несогласіе между мужемъ и женою—интермедія, три акта», и произведенія Кантемира.

Рукопись F. CXXIX кн. Вяземскаго, относящаяся, повидимому, къ срединѣ XVIII в.[2]), содержитъ азбуку Каріона Истомина, калмыцкую, индійскую и проч. азбуки, произведенія А. Кантемира и отрывокъ «Экспликаціи о совѣсти» (обращенной къ графу Гавріилу Головкину) Дим. Кантемира.

Этотъ списокъ является для насъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ, въ виду того, что содержитъ совершенно неизвѣстныя, какъ переводныя, такъ и оригинальныя произведенія, которыя непосредственно примыкаютъ къ сатирамъ Кантемира и, очевидно, считались принадлежащими его перу.

Наконецъ, рукопись № 2851 Рум. муз. (средины XVIII в.) представляетъ собою сборникъ лекцій по риторикѣ, діалектикѣ, піитикѣ и т. д., читанныхъ въ Кіево-Могилянской, а потомъ въ Кіево-Могило-Заборовской Академіи въ 1739—1746 г.[3]). Какъ одинъ изъ образцовъ стихотворнаго искусства, приведены двѣ

---

1) Среди послѣднихъ встрѣчаемъ стихотворенія Ѳеофана Прокоповича: «Коли дождусь я весела ведра» и «О, суетный человѣче». Возможно, что Ѳеофанъ былъ авторомъ если не всѣхъ, то многихъ изъ помѣщенныхъ въ данной рукописи произведеній.

2) По мнѣнію В. В. Майкова.

3) См. подробное описаніе этой рукописи въ Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1883—1885 г., стр. 58—60.

Digitized by Google

первыя и часть третьей сатиры Кантемира на малороссійскомъ языкѣ.

Для того, чтобы разрѣшить вопросъ, дѣйствительно-ли авторомъ вновь найденныхъ произведеній былъ А. Кантемиръ, мы разсматривали ихъ 1) содержаніе, 2) стиль и 3) внѣшнюю форму, которые оказываются однородными съ извѣстными уже произведеніями Кантемира [1]). Сличеніе же съ другими образцами поэзіи первой половины XVIII в. заставляетъ насъ, кромѣ того, думать, что ни одинъ изъ стихотворцевъ этой эпохи не могъ быть авторомъ указываемыхъ произведеній. Въ просмотрѣнныхъ нами сборникахъ П. Библ. встрѣчаются лишь переложенія псалмовъ и стихи съ религіознымъ содержаніемъ, оды и пѣсни въ честь высочайшихъ особъ, поздравительные стихи, любовныя пѣсни и т. под. Попадается нѣсколько стихотвореній болѣе яркихъ и колоритныхъ, какъ «Житье мое, житье бѣдное», «Нѣту мирнаго дня, нѣтъ спокойной ночи», «Описаніе рѣки Волхова» [2]), но нѣтъ ни одной сатиры, ни одного стихотворенія съ опредѣленнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, каковымъ является найденное нами произведеніе «О жизни спокойной» [3]). Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, авторомъ данныхъ произведеній могъ быть только Ант. Кантемиръ; нѣкоторымъ исключеніемъ является лишь «пѣсня»: «Житье мое неспокойно» [4]).

Эта пѣсня написана размѣромъ «аріи на менуэтъ», который былъ очень употребителенъ въ XVIII в., такъ что подобныя «аріи» часто попадаются даже въ повѣстяхъ того времени [5]). У Кантемира же нѣтъ ни одного произведенія съ такимъ размѣромъ, и въ его теоріи о стихосложеніи, напр., даже не упоминается о 14-ти сложномъ стихѣ. Что же касается внутренней сто-

---

1) Подробнѣе см. ниже, стр. 213—214.

2) Рук. П. Б. Q. XIV. № 19.

3) См. ниже.

4) Тоже, см. ниже.

5) См. В. В. Сиповскій. «Русскія повѣсти XVII—XVIII вв.», стр. 126, 132, 133, 134, 148, 174, 177 и др. Спб. 1904 г.

Digitized by Google

роны даннаго стихотворенія, то оно не заключаетъ никакихъ своеобразныхъ идей, которыя указывали-бы на опредѣленную духовную физіономію автора. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что обычно «аріи на менуэтъ» представляли собою любовныя пѣсни. Лишь у Ѳеофана Прокоповича онѣ носятъ иной характеръ, но въ его поэзіи гораздо чаще звучатъ мотивы обще-человѣческіе, чѣмъ личные [1]). Затѣмъ, то обстоятельство, что у Кантемира не встрѣчается стихотвореній съ такимъ размѣромъ, не служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы признать его авторомъ данной «пѣсни»: размѣръ «Metaphrasis'a Ps. 36» не повторяется ни въ одномъ произведеніи; размѣръ «Epodos consolatoria» встрѣчается еще лишь въ «Metaphrasis'ѣ Ps. 72». Наконецъ, если 14-тисложный стихъ является неправильнымъ по теоріи «Письма о сложеніи стиховъ русскихъ», то извѣстно, что въ пѣсняхъ Кантемиръ разрѣшаетъ «вольности» [2]); притомъ данная пѣсня могла быть написана въ раннемъ періодѣ его литературной дѣятельности, до составленія «Письма».

Такимъ образомъ, мы все-же склоняемся къ разрѣшенію вопроса въ томъ смыслѣ, что авторомъ пѣсни «Житье мое неспокойно» былъ А. Кантемиръ.

Кромѣ списковъ съ первоначальной редакціи произведеній Кантемира, мы пользовались сохранившимися отрывками изъ рукописи съ собственноручными помѣтками автора [3]). Здѣсь мы

---

1) См. рук. Рум. муз., № 3051; П. Б. О. XIV. № 16, л. 10 и Q. XIV. № 19, л. 119 (оборотъ).

2) «Когда имѣемъ сочинять какую пѣсню по данному голосу, то уже совсѣмъ отъ вышепредписанныхъ правилъ, сколько мѣры касается, увольняться можемъ». «Письмо о сложеніи стиховъ русскихъ», § 82. См. печ. изд., т. II, стр. 20.

3) Собр. автографовъ Публ. Библ.

Digitized by Google

встрѣчаемъ варіанты сатиръ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ списковъ, и весь текстъ сатиръ представляетъ собой сочетаніе первоначальной и окончательной редакцій. Сохранилась большая часть оглавленія, такъ что, сопоставляя его и имѣющіеся отрывки произведеній, можно, приблизительно, опредѣлить составъ всей данной рукописи. Извѣстный намъ списокъ съ окончательной редакціи произведеній, сдѣланный съ подлинника при Академіи Наукъ[1]) былъ составленъ, очевидно, уже по другому плану, такъ какъ въ него не вошли оды, заключавшіяся въ нашемъ спискѣ, который, въ свою очередь, не содержитъ VIII-ой сатиры и другихъ произведеній.

Приводимъ уцѣлѣвшую часть оглавленія:

ТАБЛИЦА.

Дедикація сатиръ.
Предисловіе на сатиры.
Похвал'ные стихи архіепископа новогородскаго.
Похвал'ные стихи архімандрита Кролика.
Благодарител'ные стихи отъ автора архіепископу новогородскому.

САТІРЫ.

I. На хулящихъ ученіе.
II. На дворянскую спесь и зависть.
III. О различіи страстей человѣческихъ к' архіепископу новогородскому.
IV. К' Музѣ в' свое оправданіе.
V. На смешные нравы и обычаи людей.
VI. На высокомысліе или о прямомъ блаженствѣ.
VII. К' князю Н. Ю. Т. приписанная.
Писмо к' нему жъ.

ОДЫ.

I. К' імператрицѣ Аннѣ в' день Ея рожденія.
II. К' ней же на Ея побѣды противъ варваръ.
III. О імператоре Петре Великомъ.

Параллельно съ прочими списками мы будемъ разсматривать и данную рукопись; прежде всего укажемъ *поправки* и *ва-*

1) Рук. № 32. 6. 6.

Digitized by Google

ріанты къ сатирамъ, а затѣмъ перейдемъ къ другимъ произведеніямъ.

Большинство списковъ начинаются привѣтственной «Рѣчью къ имп. Аннѣ Іоанновнѣ» (о ней см. ниже), за которой слѣдуетъ «Предисловіе къ читателю», въ нѣкоторыхъ рукописяхъ озаглавленное: «На первую сатиру къ читателю предисловіе» [1]). Существенныхъ измѣненій противъ извѣстнаго уже (напечатаннаго) текста этого предисловія не встрѣчается; можемъ указать лишь на незначительные варіанты формы.

Напечатано [2]):	Варіанты:	
Нужно мнѣ показалося.	*Потребно мнѣ быть* показалося [3]).	
И такъ все то, что тутъ я написалъ, въ забаву писано.	*Итакъ, все что тутъ* я написалъ [4])	*Итакъ, все что тутъ я ни* написалъ [5]) . . .
. . . прошу, чтобъ *ихъ не чел.*	. . . прошу, чтобъ *ихъ не читалъ* [6]).	
. . . дурной лицемъ *николи зеркала не любитъ.*	. . дурной лицомъ *никогда* зеркала не любитъ [7]).	николи *въ зеркало не смотритъ* [8]).

Что касается напечатаннаго текста первой сатиры, то, по сличеніи его съ рукописнымъ, приходится отмѣтить, что нѣкоторые стихи переданы не вполнѣ точно; поэтому, на основаніи подавляющаго большинства рукописей, мы внесемъ необходимыя

---

1) Рукоп. Q. XIV. № 122, F. XIV. № 3, F. XIV. № 8, F. XIV. № 70 Имп. П. Б.

2) Такой текстъ встрѣчается въ рукописяхъ, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи. См. печ. изд., стр. 188—189.

3) Всѣ списки, за исключеніемъ указанныхъ въ прим. 1.

4) Тѣ же, исключая еще № 2008 Погод. Собр. (П. Б.) и № 2161 (194) (10) Библ. гр. Уварова.

5) № 2161 (194) (10) Библ. гр. Уварова.

6) № 17. 5. 14 Имп. Ак. Н., Q. CXLVIII О-ва Люб. др. Письм., № 2161 и № 2162 (453) (195) Библ. гр. Уварова, № 357 (806) Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

7) O. XIV. № 2 П. Б.

8) № 2851 Рум. муз.

9) См. печ. изд., т. I, стр. 190—195.

Digitized by Google

поправки, а затѣмъ укажемъ *варіанты*, встрѣчающіеся лишь въ нѣкоторыхъ спискахъ.

Напечатано:	Должно быть:	Варіанты:
Ст. 52.		
Дома не прибытокъ, пагуба убытокъ [1]).	*Дому изгуреніе*, пагуба, убытокъ.	*Дому нѣтъ съ нея пользы*, пагуба, убытокъ [2]).
Ст. 73.		
Казанье писать, пользы нѣтъ *ни малой* мѣры	Казанье писать, пользы нѣтъ *ни съ какой* мѣры.	
Ст. 81.		
Травъ, болѣзней знаніе, голы *то все* враки.	Травъ, болѣзней знаніе голы *все то* враки.	
Ст. 84.		
мыслитъ слабость быти.	*муситъ* [3]) слабость быти.	
Ст. 144.		
За честь, *за всемудрости* имѣли изрядство.	За честь, *за все мудрости* имѣли изрядство.	
Ст. 147—148.		
Теперь платьевъ и нравовъ премѣнилась мода,	*Теперь съ платьемъ* и нравовъ премѣнилась мода,	
Златой вѣкъ до нашего не *достигнулъ* рода.	Златой вѣкъ до нашего не *достигнулъ* рода.	Златой вѣкъ до нашего не *достигнулъ* рода [4]).
Ст. 156.		
Мразна, нага, голодна, *безъ помощи* бродитъ.	Мразна, нага, голодна, *безпомощна* бродитъ.	
Ст. 49.		Варіанты:
Злато *обыкъ* за крайне добро почитати	Злато *обыкъ* [5]) за крайне добро почитать.	Злато *обыкъ* [6]) за крайне добро почитати.
Ст. 54.		
Деньги, потомъ нажиты,	Деньги, потомъ нажиты,	*А деньги жъ нажиты*

1) Такая испорченная форма, неправильная и по смыслу и по размѣру (12 слог.), встрѣчается лишь въ двухъ рукописяхъ, весьма неисправныхъ: № 2008 Погод. Собр. (П. Б.) и № 17. 5. 14 Имп. Ак. Н.

2) № 357 (806) Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

3) Полонизмъ, часто встрѣчающійся у А. Кантемира.

4) F. XIV. № 70 П. Б. и № 1. 1. 22 Ак. Н.

5) Q. XIV. № 19 П. Б., № 1. 1. 22 Ак. Н.; Q. CXLVIII О-ва Любит. Др. Письм.; № 357 (806) М. Арх. мин. ин. д.

6) O. XIV. № 2 П. Б.

Digitized by Google

всѣмъ въ семъ любезны. *въ семъ семъ* любезны[1]) всѣмъ въ свѣтѣ любезны[2]).

Ст. 105—106.

Совѣтуетъ *въ весельи* Совѣтуетъ *въ радости животъ* провождати *житье* провождати;
«*И такъ-де то не долго, И вѣкъ де нашъ недолюй* на что коротати[3]).
на что коротати?».

Въ трехъ рукописяхъ[4]) находимъ гораздо болѣе существенные и интересные варіанты.

Ст. 57—62.

Завистный, видя въ иномъ, что самъ не имѣетъ,
Вредный нося въ сердцѣ ядъ, злы плевелы сѣетъ,
Ищущи сѣмя наукъ учинить безплодно,
Безъ стыда гремя слово, древнимъ глупцамъ сродно:
Живали мы, говоритъ, не зная латинѣ
Прежъ сего, хотя просты, лучше нежли нынѣ.

Завистны, въ иномъ зря, что въ себѣ не находитъ,
Хулитъ знаніе и мысль свою такъ доводитъ:
Живали мы, прежъ сего, не зная латынѣ
Хотя просты, говоритъ, лучше нежли нынѣ.

Ст. 121—125.

Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
И будутъ тещи къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся опять къ намъ минувші вѣки,
Когда Дунай протекать престанетъ чрезъ Вѣну...

Когда небо, ораломъ сѣкомо, стенати
Будетъ, земля повсюду звѣздами сіяти,
Къ ключамъ своимъ быстрыя станутъ течи рѣки,
Возвратятся къ намъ паки прошедшіе вѣки,
Дунай мутный протекать престанетъ чрезъ Вѣну...

Намъ кажется, что оба приведенные варіанта могутъ быть

---

1) Q. XIV. № 5, Q. XIV. № 6, Q. XIV. № 19, Q. XIV. № 70 П. Б.; № 17. 5. 14, № 1. 1. 22 Ак. Н.; № 233, № 1563, $A^{IV}/_{8}$ Спб. Дух. Ак.; Q. CXLVIII О-ва Люб. Др. Письм.; № 2851 Рум. муз.; № 2161 Библ. гр. Уварова.

2) № 387 (806) М. арх. мин. ин. д. Варіантъ явно неправиленъ: смыслъ искаженъ, и стихъ неполный.

3) О. XIV. № 2 П. Б. Здѣсь тоже искаженный смыслъ.

4) № 1. 1. 22 Ак. Н.; F. CXXIX Собр. кн. П. Вяз. (О-во Люб. Др. Письм.) и № 902 Рум. муз.

Digitized by Google

приписаны А. Кантемиру, въ виду какъ правильности ихъ формы, такъ и внутренней содержательности. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ указанныхъ рукописяхъ совершенно опущены ст. 23—24 [1]); въ одной же изъ нихъ [2]), кромѣ того, отсутствуютъ первые 14 ст., такъ что сатира начинается со стиха:

«Никаковъ плодъ, всѣ кричатъ, не видимъ въ наукѣ».

Соотвѣтственно пропуску начала сатиры, второе заглавіе ея («Къ уму своему») опущено.

Въ рукописи съ помѣтками Кантемира встрѣчаются интересные варіанты первой сатиры; приводимъ полностью весь отрывокъ ея изъ этой рукописи.

На писмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитые кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры,
Предъ Егоромъ Виргалій двухъ денегъ не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ [3]).
Обыкшій крайнимъ добромъ злато почитати,
Мыслитъ какъ то бы на рубль пять алтынъ достати [4]),
Одно достойно людей то знаніе хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и росходы малитъ [5]).
Давать за книжныхъ слова мошнѣ не полезны
Денги, потомъ нажиты, всѣмъ въ свѣтѣ любезны [6]),
И трудиться въ томъ, съ чего карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весма безумствомъ звать смѣетъ [7]).
Злобный плутъ вездѣ ворчитъ, прося со слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами [8]):
«Живали мы преж сего, не зная латынѣ,
Хотя просты, говоритъ, лучше, нежли нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ болше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли [9]).

---

1) См. печ. изд., т. I, стр. 190.
2) № 1. 1. 22 Ак. Н. Рукопись содержитъ одну лишь первую сатиру.
3) См. ст. 39—42 I ред., стр. 190—191, и 107—112 II ред., стр. 17—18.
4) Ст. 50, I ред.; стр. 191.
5) Ст. 80, II ред.; стр. 16.
6) Ст. 54, I ред.; стр. 191.
7) Сравн. ст. 81—82, II ред.; стр. 16.
8) Ст. 28, ibid.; стр. 10.
9) Сравн. ст. 61—64, I ред., стр. 191, и ст. 43—46, II ред., стр. 14—15.

Digitized by Google

Дѣти наши, что пред тѣмъ Отче нашъ не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Біблею честь стали [1]);
Потеряли доброй нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешъ ихъ палкою къ сольоному мясу [2]).
Вотъ явной вредъ, а пользы пріискать не знаю,
Я и безъ грамматики по руски болтаю.
На что же мнѣ правило, коль природа учитъ
И безъ того говорить и уму не скучитъ?
Плодовито говорить, врать даетъ причину [3]);
Молчаливымъ быть,—краса лучша дворенину.
Нужды казанье писать нѣтъ ни с какой мѣры,
Есть для исправленія нравовъ *Камень вѣры*.
Доводомъ рѣчь утверждать—подлыхъ то есть дѣло [4]);
Знатнымъ полно подтверждать иль отрицать смѣло.
Силы духовъ и души слѣдовать предѣлы
Напрасно время тратить, хотя между дѣлы.
Божьи неприлично есть свойства испытати [5]);
Каковъ Богъ — что нужно знать? полно признавати.
Травъ, болѣзней знаніе — голы всьо то враки,
Глава-ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Что смѣшнее—въ всѣхъ бѣдахъ кровь бѣдну винити [6])
Тщится. Идетъ-ли тихо? мусить слабость быти;
Коли спѣшно, въ тѣлѣ жаръ: на всьо отвѣтъ смѣло [7])
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
Здоровье больнымъ сулитъ; всегда-ль то бываетъ,
Не вѣмъ, а въ его рукахъ кормань чахнетъ, таетъ.
Учиться рудъ качеству—о, какъ глупо дѣло!
Коптить въ дыму очеса, жечь при огнѣ тѣло;
Ведь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе сребра, злата, мѣди.
Когда вижу, что солнце всходитъ и заходитъ,
Что грѣетъ, что силою того сѣмя всходитъ,
Что мѣсяцъ свѣтъ подаетъ, день и ночь бываетъ,
Зима стужею скучна, лѣто нагрѣваетъ,—
Къ чему звѣздъ теченіе и свойства счисляти [8]),
За однѣмъ въ планетѣ всю ночь пятномъ не спати,
За любопытствомъ однѣмъ лишиться покою [9]),

---

1) Ст. 32, II ред.; стр. 11.
2) Ст. 35—36, ibid.
3) Ст. 71, I ред.; стр. 191.
4) Ст. 74—75, ibid.
5) Сравн. ст. 77—79, ibid., стр. 192.
6) Ст. 80—83, ibid.
7) Сравн. ст. 84—85, Ibid.
8) Ст. 86—97, ibid. Незначительное различіе лишь въ ст. 65—66.
9) Сравн. ст. 98—99, ibid.

Digitized by Google

Ища, солнце-ль движется, или мы съ землью?
Землю въ четверти дѣлить безъ Эвклида смыслимъ;
Сколько копеекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ».
Пьяница, раздутъ съ віна, чуть видя глазами,
Раздранъ, сираденъ, по лицу разпещрьонъ угрями,
Въ весельи совѣтуетъ житьjо провождати:
«И такъ, де, то недолго,—на что коротати?
Крушиться надъ книгою и повреждать очи [1])
На что? съ кубкомъ прогулять не лучше ли ночи?
Ведь мы для сообщества въ свѣтѣ сотворенны,
Не въ нашу ползу одну умомъ одаренны [2]).
Что же ползы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага [3]).
А віно не таково, много въ немъ провору,
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкіе мысли отымаетъ [4]),
Смѣлымъ чинитъ, нищету сносну здѣлать знаетъ;
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче віномъ въ цѣль свою доходитъ [5]).
Когда по небу сохой брозды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
И будутъ течи къ ключамъ своимъ быстры рѣки [6]),
А минувшіе назадъ возвратятся вѣки;
Когда изъ кохтей Орла Левъ выдеретъ Ригу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу».
Еще то, уме, не всьо, кто всьо то исчислитъ,
Чемъ гнусна злоба пятнать добродѣтель смыслитъ?
Довольно, однако-жъ, ты можешъ разумѣти,
Что въ нашъ вѣкъ не къ пользѣ намъ что ни есть умѣти;
А зная то, можешъ-ли имѣть ты охоту
Хулу искать въ маду себѣ за тяжку работу?
Бдѣть и безпокойствовать, думать, надсѣдаться,
А за что? чтобъ было чемъ надъ тобой ругаться.
Когда ползы нѣтъ, хвала къ трудам ободряетъ;
А какъ и ту не имѣть,—сердце унываетъ; [7])

---

1) Ст. 100—107, I ред., стр. 192. Въ ст. 105 иной порядокъ словъ.
2) Ср. ст. 108—110, ibid.
3) Ст. 87—90, II ред.; стр. 16—17.
4) Ст. 96—97, ibid.
5) Ст. 99—100, ibid.
6) Ст. 122—124, I ред.; стр. 193.
7) Ст. 132—138, ibid.

Digitized by Google

Кольми паче — въ мѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Трудней то нежъ пьяницѣ віна не имѣти,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмелю [1]).
Знаю, что можешъ, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить;
Что щоголь, скупой, ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобных слова умнымі владѣютъ,
А къ тому-жъ не толко тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя [2]),
Исчолъ или, правду сказавъ, исчесть могъ смѣлѣя.
Полно-ль того? Райскихъ вратъ ключари святые [3]),
И им же вѣски суда ввѣрены златые
Любятъ болше чемъ ума тѣлесну украсу.
Епіскопомъ хочешъ быть? Уберися въ рясу;
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата
Клабумомъ [4]) покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели нести предъ тобою;
Въ коретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву [5]).
Священноначальника всякъ тя въ сихъ познаетъ
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называетъ.
Что въ наукѣ? что съ нее ползы церквѣ будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ и церковной славы [6]).
Лишь цѣло бъ сокровище, хоть души нездравы.
Хочешъ ли судіою стать? вздень перукъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ [7]):
А вспомнитъ священны кто, граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь имъ въ рожу и скажи, что врутъ окольсину,
Налагая на судей тягость ту несносну;

---

1) Ст. 139—142, II ред.; стр. 193. Въ ст. 141-мъ иной порядокъ словъ.
2) Ст. 121—129, II ред; стр. 18. Въ ст. 123-мъ: «скупецъ».
3) Ст. 131, ibid.
4) Клобукомъ.
5) Ст. 134—140, II ред. Въ ст. 138: «везти».
6) Ст. 27—31, I ред.; стр. 190. Въ ст. 31 иной порядокъ словъ.
7) Ст. 147—150, II ред., стр. 19.

Digitized by Google

Что подьячимъ должно лесть на бумажны горы,
А судье довольно знать крѣпить приговоры[1]).
Минулось ужъ время то, когда за богатство,
За честь, за всьо мудрости имѣлось изрядство;
Когда сенаторъ самъ пасть овцы не стыдился;
Добрымъ нравомъ славить свой чинъ, не пыхой тщился:
Съ платьемъ и нравовъ теперь премѣнилась мода,
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ рода;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло,
Науку невѣжество ужъ мѣстомъ посѣло;
Подъ митрой гордится то, въ шитом платье ходитъ;
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ знатнѣйшихъ домовъ съ ругательствомъ збита
И въ богаделнѣ себѣ мѣста не находитъ[2]):
Мразна, нага, голодна, безпомощна бродитъ.
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбу,
Какъ страдавши на мори карабелну службу.
Коли кто карты мѣшать, разных вінъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ смѣло за одну ночь всьо промотати,
Что чрезъ цѣлую отецъ жизнь тщался собрати,
Доволно искусенъ есть, достоинъ тотъ быти[3])
Въ числѣ семи мудрецовъ и первымъ въ нихъ слыти.
Таковому вышша честь—мзда есть нечрезмѣрна[4]);
Ничто предъ нимъ добрый нравъ, умъ и служба вѣрна.
«Нѣтъ въ людяхъ правды,—кричитъ безмозглой церковникъ,—
Еще не єпіскопъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія честь бѣгло умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю[5]).
Салдатъ ропчетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда имя ужъ свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ[6]),
Смысля дѣло набѣло списать писмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти[7])
И двѣ тысячи дворовъ за собой щитаетъ,
Хотя въ протчемъ ни писать, ни читать не знаетъ.

---

1) Ст. 154—156, II ред., стр. 19.
2) Ср. ст. 143—155, I ред., стр. 193—194.
3) Ст. 156—163, ibid. Въ ст. 159 иной порядокъ словъ.
4) Ст. 165, ibid.
5) Ср. ст. 169—172, I ред.; стр. 194.
6) Ст. 175, ibid.
7) Ст. 177—178, ibid.

Digitized by Google

Однѣмъ словомъ, к' всѣм чинам угодным ся числитъ
Кто, три и два что чинит, угадать не смыслитъ [1]).
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя,
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчеливъ таится,
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изьясняя тую,
Въ мѣсто похвалъ, что ты ждешъ, достать хулу злую [2]).

Намъ остается упомянуть еще объ одной рукописи [3]), содержащей большое количество варіантовъ, какъ I-ой, такъ и остальныхъ сатиръ; однако, не считаемъ нужнымъ приводить эти варіанты, такъ какъ они или неправильны по формѣ [4]) или же совершенно искажаютъ содержаніе, доходя часто до полной безсмыслицы [5]); въ виду этихъ данныхъ мы рѣшаемся отнести всѣ измѣненія въ указанной рукописи противъ обычнаго текста за счетъ переписчика.

---

1) Ср. ст. 167—168, I ред., стр. 194. Въ ст. 167-мъ иной порядокъ словъ.
2) Ст. 189—196, II ред., стр. 21.
3) № Q. CXLVIII О-ва Люб. Др. Письм.
4) Напр., ст. 81—82 II сат.:

Лесть, похлѣбство ненавижу и не уповаю,
Что въ сердцѣ, то устами другу открываю.

1-ый стихъ 14-тисложный.

Ст. 73—74 III сат.:

Въ обоихъ нѣтъ посредства: одинъ сребролюбивъ чрезъ мѣру,
А другой уже весьма тароватъ не въ мѣру и т. д.

1-ый стихъ 16-тисложный.

5) Напр. ст. 129—130 I сат.:

Еще тотъ не все уменъ, кто все исчисляетъ,
Чѣмъ злоба добродѣтель осуждать смышляетъ.

Ст. 239—242 III сат.:

И все, что есть смысленно,—глазъ, ухо имѣетъ
Для того, чтобы дивился ему, что онъ дѣетъ,
Говоритъ онъ, надобно слушать, хоть и нетъ дела,
Не мѣшали-ль въ томъ части его тѣла (?) и т. д.

Digitized by Google

Въ печатный текстъ изъясненія, слѣдующаго за I-ой сатирой, могутъ быть внесены кое-какія незначительныя поправки.

Напечатано [1]:	Должно быть:	Варіанты:
. . .есть *выдумка нашего автора.*		есть *выдумка авторова* [2])
. . .не *дѣлалъ.*	на хулящихъ ученіе не *издалъ.*	. . . . . *не издавалъ* [3]).
не много *себѣ ею льстилъ.*		. . *себѣ о ней думалъ* [4]).
. . .объ авторѣ *испытався* [5]). . .	. . .объ авторѣ *извѣстився.*	
совокупилъ [6]) слѣдующія три сатиры.	*сочинилъ* . . .	

Въ примѣчаніяхъ на I-ую сатиру нѣтъ сколько-нибудь существенныхъ варіантовъ; можемъ указать лишь на слѣдующее: 1) въ одной рукописи въ примѣчаніи къ *стиху 21-му* указанъ годъ изданія книги Димитрія Ростовскаго, опущенный въ прочихъ рукописяхъ: «напечатана оная книжица въ Москвѣ 1714 года» [7]); 2) въ примѣчаніи къ *стиху 76-му* вмѣсто французской фразы помѣщена слѣдующая латинская: «nos volumus et nos ordonnamus, car res est nostra» [8]); 3) въ примѣчаніи къ *стиху 102-му* въ нѣсколькихъ рукописяхъ встрѣчается ссылка на источникъ сообщенныхъ въ примѣчаніи свѣдѣній: «Крузи въ трактатѣ о алгебрѣ, листъ 1» [9]).

Въ рукописи съ собственноручными помѣтками Кантемира находимъ слѣдующее примѣчаніе: «К' первой сатире» [10]):

---

1) См. т. I, стр. 195.
2) F. XIV. № 3 и F. XIV. № 70 П. Б.
3) Ibid.
4) № 357 (806) М. Арх. мин. ин. д. Рукопись поздняя—1760 года.
5) Такая форма встрѣчается въ рукописи Q. XIV. № 122 П. Б.
6) Q. XIV. № 122 П. Б.
7) № 17. 5. 14 Ак. Н.
8) Q. CXXXVIII Собр. кн. П. Вяземскаго (О-во Люб. Др. П.).
9) № 1563 Спб. Дух. Ак.; Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз.; № 2165 Рум. м.
10) Автогр. Публ. Библ.: «Примѣчанія на сатиры К. Кантемира, сочиненные самимъ авторомъ, которые предъ каждою сатирою приписать надобно».

Digitized by Google

«Сатира сія первый трудъ авторовъ в семъ родѣ стиховъ. Писана в' концѣ 1729 года, в' дватцатое лѣто его возраста. Насмѣвается онъ ею невѣжамъ и презирателямъ наукъ, для чего и надписана была: *На хулящихъ ученіе.* Писалъ онъ её для одного токмо провожденія своего времяни, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, архіепископу новогородскому, которой ее вездѣ с' похвалами стихотворцу разсѣялъ и темъ не доволенъ, возвращая ее, приложилъ похвальные автору стихи и в' даръ к' нему пріслалъ книгу: Гіралдія о богахъ и стихотворцахъ. Тому архипастырю слѣдуя, архимандритъ Кроликъ многіе в' похвалу автору стихи надписалъ (которые вмѣсте с' Ѳеофановыми іщи в' началѣ сей книжки), чемъ онъ ободренъ сталъ далѣе прилѣжать к' сочиненію сатиръ».

Какъ видимъ, текстъ этого примѣчанія почти тожественъ съ окончательной его редакціей, которую мы находимъ въ вышеупомянутомъ спискѣ Академіи Наукъ[1]), и все различіе сводится къ мелочамъ.

«На вторую сатиру къ читателю предисловіе» имѣетъ варіантъ къ воспроизведенному въ печатномъ изданіи тексту; послѣдній, однако, тоже нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ.

Напечатано[2]):	Должно быть:	Варіантъ[3]):
Надѣюся, что между прочими читателями будутъ и такіе . . .		*Чаю, что не будетъ между прочими и такихъ читателей . . .*
Я въ сей сатирѣ говорю		*Основаніе моей сатиры есть*
. . .котораго имя *праведно въ настоящихъ временахъ хвалено бываетъ.*		но котораго имя *повседневно въ газетахъ право хвалено бываетъ.*
. . .*сердивовать* станутъ.	*сердитовать.*	
На послѣдній же ихъ вопросъ, *которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьею поставилъ,* отвѣтствую..		ихъ вопросъ *(кто тя постави судью надъ нами)* отвѣтствую . . .
Не для того же такую ревность *себѣ* показываю.	*въ себѣ* показываю.	

1) № 32. 6. 6. См. печ. изд., т. I, стр. 22.

2) Q. XIV. № 122. См. стр. 203—205.

3) Q. XIV. № 22, F. XIV. № 3, F. XIV. № 70 П. Б.; F. CXXIX Собр. кн. Вяз., (О-во Люб. Др. П.) № 902 и № 2851 Рум. м.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:	Варіантъ:
. . .*коли зла не дѣлаютъ, наказанія боятся, коли добро дѣлаютъ — ждутъ воздаянія.*	. . .*коли добро дѣлаютъ, ждутъ воздаянія, а когда не дѣлаютъ ждутъ наказанія.*	. . .*коли зла не дѣлаютъ, наказанія не боятся,* коли добро дѣлаютъ . . .
прочихъ *тожде себѣ тою же дорогою* проискивать ободряетъ.	прочихъ *тою же дорогою тожъ себѣ* проискивать ободряетъ.	

Поправки, которыя слѣдуетъ внести въ печатный текстъ II-ой сатиры, на основаніи всѣхъ списковъ, крайне мелочны, почему приводимъ лишь важнѣйшія изъ нихъ.

Напечатано [1]:	Должно быть:
Стр. 47.	
Медалей, цѣпей златыхъ, по немъ *что* остались [2]	Медалей, цѣпей златыхъ по немъ *сто* остались;
Стр. 105.	
Которые *красятся* чуждыми дѣлами,	Которые, *красяся* чуждыми дѣлами,
Стр. 177.	
Вмѣсто знанія *и правъ, какъ* свою весть волю,	Вмѣсто знанія *правъ и какъ* свою весть волю,
Стр. 180.	
Въ *распещренныхъ* бумажкахъ вижу тебя смѣла.	Въ *распестренныхъ* бумажкахъ вижу тебя смѣла.
Стр. 269.	
Что жъ въ Дамонѣ, въ *Луціи* и въ Тулліи гнусно.	Что жъ въ Дамонѣ, въ *Лентулѣ* [3] и въ Тулліи гнусно.

Отмѣтимъ также встрѣчающіеся въ рукописяхъ варіанты.

Напечатано:	Варіантъ:
Стр. 46.	
Что онъ смертью побѣжденъ,—мнѣ не мало диво	Своимъ и побѣжденнымъ и всѣмъ онъ былъ въ диво [4]

1) См. т. I, стр. 205—214.

2) Такая форма встрѣчается въ рукописяхъ Q. XIV. № 19 П. Б., № 2161—2162 Библ. гр. Уварова.

3) Употребленіе имени Лентула вмѣсто Луція (см. ст. 17 той же сатиры, стр. 206) неправильно, но ни въ одной рукописи мы не встрѣтили правильной формы, приведенной въ печатномъ изданіи.

4) № 2161 Библ. гр. Уварова.

Digitized by Google

Напечатано:	Варіантъ:
Ст. 53—54.	
Библіотека его предивная была,	Библіотеку имѣлъ въ собраніи книгъ многомъ,
Хоть не очень велика — совершенна слыла.	Сочиненныхъ отъ авторовъ премудрѣйшимъ слогомъ;
Книги разны собраны по лучшей примѣтѣ.	Книги были разныя по лучшей примѣтѣ [1]).
Ст. 310—314.	
Предковъ имя не краситъ, аще мы лишимся	
Нравовъ добрыхъ, и труды не явимъ насъ быти	
Достойныхъ такъ, какъ предки, и намъ въ людяхъ слыти.	
На подлость рода можетъ право возбранати,	
Чтобъ трудами добрыми мзду не получати.	
Славнѣй есть скудость рода нравы украшати	Что-жъ дивно опять, если простакъ дослужился;
Добрыми, нежли злой нравъ титломъ прикрывати.	Развѣ добрымъ быть нельзя тому, кто родился
	Не прежде седмсотнаго и четверта лѣта?
	Не таковы ль жители суть того же свѣта?
	Славнѣй есть [2]). . . . .

Въ рукописи съ собственноручными поправками Кантемира текстъ сохранившихся отрывковъ II-ой сатиры приближается къ окончательной ея редакціи. Озаглавлена она въ текстѣ: «Филаретъ и Евгеній», хотя въ оглавленіи приведено другое названіе [3]).

Филаретъ: Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щоки внутрь опали
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?

---

1) № 357 (806) М. арх. мин. ин. д. Сомнѣваемся въ принадлежности этого варіанта кн. А. Кантемиру, въ виду неправильной формы первыхъ двухъ стиховъ (14-тисложныхъ).

2) О. XIV. № 2 П. Б.; F. CXXIX Собр. кн. Вяз. (О-во Люб. Др. П.); № 902 Рум. муз.

3) См. выше, стр. 183. Заглавіе «Филаретъ и Евгеній» носитъ окончательная редакція сатиры (см. печ. изд., т. I, стр. 32).

Digitized by Google

Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ некстати?
Цукомъ-ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ-ли не стало в' рядахъ иль вина драгова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обил'ство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покои многомъ [1]).
Что жъ молчишъ? развѣ въ устахъ и рѣчи запали?
Не знаешъ-ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина
Луцію [2]) лента дана, Тулій деревнями
Награжденъ; ты с' пышными презрѣнъ именами [3]).

Почесть та к' добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Когда награжденіе вершеныхъ являетъ [4]).
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ [5]);
Знаю, что имя носить, которо вѣнчала
Слава за нѣсколько вѣкъ, украса не мала;
Признаю, что с' корене хвалного рожденны
Отрасли неправедно бываютъ презрѣнны;
Что не право заслуги забыты бываютъ
Предковъ, когда потомки въ нравахъ успѣваютъ;
И в' равномъ достоинствѣ что предпочесть должно
Благородного, ничемъ оспорить не можно [6]).
Но что когда корень здравъ, а отрасли гнилы?
Ведь ужъ не такъ честны тѣ, не такъ ужъ всѣмъ милы [6]).
Спросишъ хоть у Нейбуша, таковы лі дрожжи
Любы какъ пиво ему отречется трожжи.
Знаетъ онъ, что с' пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки [7]).

---

1) См. ст. 1—10, II ред.; стр. 32—33. Въ ст. 7: «вина-ль дорогова?».

2) На поляхъ рукой Кантемира поправлено: «Трифону».

3) Ст. 12—18; II ред., стр. 33. На 18-мъ ст. отрывокъ кончается.

4) Ср. ст. 71—72; II ред., стр. 36.

5) Эти два стиха вписаны на поляхъ рукой Кантемира (ст. 115—116, стр. 38).

6) Помѣтка на поляхъ, сдѣланная рукою Кантемира, неразборчива и непонятна.

6) Сравн. ст. 91—98; I ред., стр. 208.

7) Ст. 103—106; II ред., стр. 38.

Digitized by Google

Мало, вѣрь мнѣ, пользуетъ звать хоть сыномъ царскимъ
Того, кто в' нравахъ своихъ не разнится с' псарскимъ.
Знатных предковъ насъ дѣтей быть вѣкъ ихъ свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Благородство голое, добрыхъ дѣлъ лишенно[1]),
Тщетно имя, лишъ однѣмъ лѣнивымъ почтенно,
В' коихъ, отъ чужихъ трудовъ честь и слава жалка,
Какъ в' чужихъ красныхъ перахъ басенная галка.
Презрѣвъ покой, снесъ-ли ты самъ труды военны?
Разогналъ-ли предъ собой враги устрашенны?
К' безопаству общества разширилъ-ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ-ли ты страсти?
Облегчилъ-ли тяжкіе подати народу?
Приложилъ-ли к' царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены-ль[2]) люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди[3]).

Блескъ мечей, и пушекъ звукъ ужаснѣе грома
Мнятся, не в' полѣ тонѣть, любишъ толстѣть дома.
Корабль ти кажется гробъ, веревки удавка
Парусъ саванъ, море адъ, или житью забавка.
Гроціусъ и Пуеендоревъ и римскіе правы
Не снились дѣломъ тебѣ, не на наши нравы:
Такъ инъ уложеніе... трясешъ головою,
Что за звѣрь? говоришь ты, хоть ужъ с' бородою[4]).
Въ фараонномъ напротивъ[5]) бою таборъ стройно
Разложа, сносишъ приступъ дерзостный покойно.
Не страшитъ тебя число враговъ сколь ни важно,
Храбро ты терпишъ уронъ, наносишъ отважно.
Остороженъ, чтобъ не могъ непріятель знати
Гдѣ твой воинъ слабее, гдѣ бъ легче достати
Тасуешъ полки твои, скол'ко стаетъ сила,
Чтобъ коварна недруга надежда прелстила.
Какъ сова, распялявши на всѣ страны очи[6]),
С' оружіем в' рукахъ день бдѣлъ бы ты и ночи.
Естли жъ по нещастію окончутъ ту битву,
Трудней без' дѣла тебѣ сидѣть, нежъ какъ бритву
Тупу по твоей брадѣ, не смоча водою,
Волочитъ грубой балберъ тяжкою рукою.

---

1) Ст. 103; I ред., стр. 208.

2) Первоначально было: «ободрилъ ли».

3) Ст. 83—90; II ред., стр. 37. Ст. 108 отрывокъ кончается. Ст. 107—108 вписаны рукой Кантемира.

4) Ср. ст. 153—154, 157—158, 163—166; I ред., стр. 209—210.

5) На поляхъ поправка рукой Кантемира: «ты одномъ».

6) Ст. 185—189; I ред., стр. 210. Въ ст. 188 иной порядокъ словъ.

Digitized by Google

Неспокоенъ ищешъ ты, гдѣ бъ войну зачати
Вдругорь, гдѣ бъ новымъ ружьемъ щастье попытати;
И в' исходѣ ночи ужъ суперникъ изъ покою
Отходя, ты яростью весь распаленъ злою,
И небомъ и землею кленешъ человѣка,
Что погребаетъ во снѣ полъ своего вѣка [1]).
Когда жъ сухопутна та служба тебѣ скучитъ,
Иль инъ к' славѣ путь течи славы любовь учитъ,
Собравъ друзей, имя то по виду носящихъ,
Внутри жъ злословіемъ противъ тя смердящихъ [2]),
Флотъ цѣлой велишъ принесть [3]) стекляныхъ сосудовъ,
Отемлющихъ главѣ умъ, силу протчихъ удовъ;
Ведущихъ к' пристанищу злу и безпокойну,
В' болѣзнь и в' безславіе, в' скудость непристойну.
Тотчасъ с' стула самъ вскоча, конопать осмотришъ [4]),
Не идетъ ли гдѣ хоть духъ, пяля глаза, смотришъ,
Потомъ лотки легкіе раздѣливъ всѣмъ вскорѣ,
В' сладкое безпамятство впускаешся море [5]).
Кто тогда искусным тя пловцомъ не признаетъ,
Зря, что всюду на полу твердомъ тя качаетъ [6]).
Долголѣтняго пути в' краях чужестранныхъ,
Иждивеній и трудов тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны быть тверды, не житки,
В' поларшина глубины и ситой подшиты,
Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты [7]).
Каковъ долженъ обшлогъ быть, сколь клинья высоки,
Сколь в' грудяхъ окружности, клапаны широки;
Что лѣтомъ, что осенью, что весною кстати,
Что зимою для верху, и чемъ подбивати [8]);
Что приличнее нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать уже трудновато [9]).
— Солонъ когда составлялъ тѣ вѣчныя славы
Аѳінейцамъ и Миносъ критянамъ уставы,

---

1) Ст. 201—202; I ред., стр. 211. Въ ст. 202 иной порядокъ словъ.

2) Ст. 205—206, ibid. Въ ст. 205 иной порядокъ словъ.

3) На поляхъ поправка рукой Кантемира: «Обложишься кучею».

4) Ст. 207—211; I ред., стр. 211.

5) Ст. 214, ibid.

6) На поляхъ противъ ст. 177—178 помѣтка Кантемира: «выкинуть».

7) Ст 168—172; II ред., стр. 41—42. Въ ст. 170 иной порядокъ словъ; въ ст. 171: «въ полъ аршина *глубоки*».

8) Сравн. ст. 227—228 и ст. 235—236 I ред.; стр. 211.

9) Ст. 177—178; II ред., стр. 42. Противъ ст. 185—190 на поляхъ помѣтка Кантемира: «выкинуть».

Digitized by Google

Не столь осторожные имѣли поступки,
Какъ ты, когда идешъ в' торгъ для парчей покупки.
Тутъ то разны правила щеголства и моды,
Разсмотрѣть нужно тебѣ, исчислить и годы [1]).

Примѣчаніе «На вторую сатиру» въ разсматриваемой рукописи представляетъ собою сочетаніе первоначальной и окончательной редакціи его [2]).

«Намереніе авторово в' сей сатире есть обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякого благонравія, однимъ благородіемъ хвастаютъ и к тому жъ завидятъ всякому благополучію в' людехъ, кои из' подлости в' знатные чины чрезъ свои труды происходятъ. Из' древнихъ то ж' дѣло писалъ Ювеналъ в' сатире VIII, а из' новѣйшихъ Боало в' V, которымъ нашъ авторъ мало подражалъ, какъ ясно можетъ видѣть, кто всѣхъ трехъ сверстать похочетъ. Писана сатира сія мѣсяца два спустя после первой разговоромъ между Филаретомъ и Евгеніемъ, два подложные имена, которыхъ первое изобразуетъ любителя добродѣтели, а другое дворянина, понеже по гречески φιλος (филосъ) другъ; αρετὺ (ареты) добродѣтель, и ευγενὺς (евгенисъ) благородный называется».

Въ текстѣ примѣчаній на стихи встрѣчаемъ частичныя измѣненія; такъ въ примѣч. къ *ст. 50-му* находимъ слѣдующее поясненіе: «максима разумѣется сентенція или постановленіе» [3]).

Въ одной рукописи *ст. 158* снабженъ слѣдующимъ примѣчаніемъ, не встрѣчающимся въ другихъ спискахъ: «Саванъ: т. е. покрывало на мертвыхъ» [4]).

Въ печатномъ текстѣ примѣчанія къ *ст. 163-му* мы нашли пропускъ, который значительно измѣняетъ смыслъ.

Напечатано [5]):	Должно быть:	Варіантъ [6]):
Самуилъ Пуффендорфъ... издалъ на латинскомъ языкѣ преизрядныя книги, какъ то «Введе-	. . . . . «Введеніе въ	. . . . . преизрядныя книги, съ которыхъ и

1) Ср. ст. 243—244, I ред., стр. 212. На стихѣ 196-мъ рукопись обрывается.
2) См. печ. изд., т. I, стр. 50 и стр. 214.
3) № 2165 Библ. гр. Уварова.
4) № 2162, ibid.
5) См. печ. изд., т. I, стр. 221.
6) № 357 (806) М.-Арх. мин. ин. дѣлъ. Варіантъ соединяетъ текстъ основного примѣчанія съ примѣч. подстрочнымъ, встрѣчающимся не во всѣхъ даже спискахъ. См. печ. изд., т. I, стр. 221.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:	Варіантъ:
ніе въ исторію», которая переведена по-русски; потомъ подъ титуломъ «О должностяхъ человѣка и гражданина».	исторію», которая переведена по-русски, «Исторію шведскую» и «Право естества и народовъ», изъ которыхъ сокращеніе потомъ сдѣлано подъ титуломъ: «О должностяхъ человѣка и гражданина».	по русски переведено Гавріиломъ епископомъ рязанскимъ и напечатано въ Санктъ Петербургѣ въ 1718 и 1726 годахъ, именуемыя «Введеніе въ гисторию эвропейскую» тамъ описуются какъ шведскихъ, такъ и другихъ разныхъ государствъ, народовъ состоянія и нравы. А потомъ сокращеннѣе учинена книга подъ титуломъ «О должностяхъ человѣка и гражданина».

Въ примѣчаніи къ *ст. 231-му* находимъ вставку передъ словами: «это платье хорошева вкусу»: — «c'est un habit de bon gout»[1]).

Встрѣчается также много ссылокъ на источники, изъ которыхъ почерпнуты авторомъ свѣдѣнія, сообщаемыя въ примѣчаніяхъ.

Ст. 40. Геральдія въ исторіи боговъ, стран. 339, столб. 2[2]).
Стихъ той же. Геральдія въ исторіи ст. 314, синтагма 10[3]).
Ст. 130. Лексиконъ Мореріевъ подъ именемъ Ахилла[4]).
Ст. той же. Омиръ въ Иліадѣ[5]).
Ст. 131. Іустинъ въ сокращенной исторіи, кн. 12, гл. 16[6]).
Стихъ 163. Мореріевъ лексиконъ подъ именемъ Гроціусъ[7]).

---

1) Q. XIV. № 122, F. XIV. № 8 П. Б.; № 2008 Погод. собр. (П. Б.); Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз. (Общ. Л. Др. П.), № 2164 Библ. гр. Уварова.

2) Q. XIV. № 5 П. Б.; № 233, № 1563 Спб. Дух. Ак.; № 639 Рум. м.; № 2164—№ 2165 Библ. гр. Уварова.

3) Ibid., кромѣ №№ 2164 и 2165. Слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ примѣчаніяхъ *всѣхъ* списковъ читаемъ «стихъ *той же*», а не «*тотъ же*», какъ напечатано.

4) № 17. 5. 14 Ак. Н.; № 233 Спб. Д. Ак.; Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз.; № 639 Рум. м.; № 2163—№ 2165 Библ. гр. Уварова.

5) Ibid. и Q. XIV. № 6 П. Б.

6) № 639 Рум. м.; № 2163—№ 2165 Библ. гр. Уварова, Q. XIV. № 5 П. Б.

7) Q. XIV. № 5, Q. XVI. № 6 П. Б; № 233 Спб. Дух. Ак.; № 2163 — № 2165 Библ. гр. Уварова.

Digitized by Google

Стихъ той же. Суплементъ ма лексиконъ Морерiевъ подъ именемъ Пуфендорфъ [1]).

Стихъ 212. Волфей во 2 томѣ своей математики [2]).

Ст. 239. Морерiевъ лексиконъ подъ именемъ Ликурга [3]).

Ст. 240. Морерiевъ лексиконъ, исторiя, подъ именемъ Миносъ [4]).

Переходя къ III-ей сатирѣ, мы должны внести въ обращеніе къ Θеофану слѣдующую поправку:

Напечатано [5]):	Должно быть:
Но ни силы воздавать дары равномѣрны	*Ни! но* силы воздавать

III-я сатира во всѣхъ спискахъ носитъ заглавіе «О различiи страстей въ человѣцѣхъ» [6]). Въ текстѣ ея мы нашли очень немного варiантовъ; примѣчанія же совершенно не требуютъ поправокъ.

Напечатано [7]):	Должно быть:
Ст. 62.	
Лишнаго не любитъ онъ *въ мошнѣ* денегъ звону.	Лишнаго не любитъ онъ *въ мошнѣ* денегъ звону.
Ст. 327.	
Что дрожитъ *самъ*, какъ трясетъ въ рожкѣ зубъ слоновый.	Что дрожитъ *весь*, какъ трясетъ въ рожкѣ зубъ слоновый.
Ст. 340.	
Къ однимъ то, къ другимъ *имо злое* да пристало	Къ однимъ то, къ другимъ *имо хотя злo* да пристало.

Укажемъ еще на нѣкоторые варiанты.

---

1) Q. XIV. № 5 П. Б.; № 233 Спб. Дух. Ак.; № 2162—№ 2165 Библ. гр. Уварова.

2) № 2165 Библ. гр. Уварова.

3) № 2164—№ 2165 Библ. гр. Увар.; Q. CXXXVIII Сбор. кн. Вяз. (О-во Л. Др. П.); Q. XIV. № 5 П. Б.

4) Ibid.

5) См. т. I, стр. 227—228.

6) Заглавiе это въ печ. изд. опущено (см. т. I, стр. 227—228).

7) См. т. I, стр. 228—237.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:
Ст. 131—132.	
Какъ красивъ тотъ весь уставъ, что въ церковну славу Уставилъ обычаи, далъ пользу тѣмъ здраву.	Какъ красивъ тотъ уставъ, что въ церковну славу (Къ слышанію всякъ да приклонитъ свою главу!) Уставилъ обычаи [1])...
Ст. 299.	
Не *тѣмъ же, Зоилъ каку* сласть въ страсти находитъ	Не *тѣмъ, Зоилъ какую* сласть въ страсти находитъ [2]).

Ст. 268 въ большинствѣ рукописей (какъ уже указано г. Ефремовымъ) [3]) неполонъ; однако, въ нѣкоторыхъ спискахъ мы находимъ совершенно законченный стихъ, причемъ онъ варьируется.

Ст. 267—268 [4]).

Целадонъ на всѣхъ плюетъ и мнитъ непристойно			Целадонъ на всѣхъ плюетъ, всѣхъ пренебрегаетъ
Говорить съ людьми, сидѣть недостойно.	Съ людьми говорить, хотя бъ съ кѣмъ было достойно [5]).	Говорить съ людьми, ему ни съ кѣмъ недостойно [6]).	Неприступенъ никому, гордъ свой видъ являетъ [7]).

По формѣ всѣ приведенные варіанты правильны; но два послѣдніе встрѣчаются въ позднихъ спискахъ (по смерти Кантемира), что наводитъ на предположеніе, не являются-ли данные варіанты добавленіемъ переписчика, а не самого автора сатиры.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ [8]) вышеприведенные ст. 267—268

---

1) № 1563 Спб. Дух. Ак. Эта рукопись принадлежала Ѳеофану Прокоповичу.

2) Q. XIV. № 5, Q. XIV. № 6, Q. XIV. № 19, Q. XIV. № 22, Fl. XIV. № 3, F. XIV. № 8, F. XIV. № 70, № 200 П. Б.; № 17, 5, 14. Ак. Н.; № 233, $A^{IV}/_{8}$ Спб. Д. Ак.; F. CXXIX, Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз. (О-во Люб. Др. П.); № 639, № 2655 Рум. м.; № 2161—2164 Библ. гр. Уварова; № 357 (806) М. Арх. мин. ин. д.

3) См. т. I, стр. 235, примѣч. 8.

4) Ibid., въ текстѣ сатиры.

5) № 2655 Рум. м.

6) № 2165 Библ. гр. Уварова.

7) № 357 (806) М. Арх. мин. ин. д.

8) № 2008 П. Б., № 17. 5. 14 Ак. Н.; № 639 Рум. м.

Digitized by Google

совершенно опущены, что явно неправильно, такъ какъ при этомъ условіи сливаются двѣ совершенно различныя характеристики (Клитеса и Целадона).

Оставляемъ въ сторонѣ варіанты двухъ рукописей [1]), въ виду какъ неправильности ихъ формы, такъ и безсмысленнаго содержанія.

Приводимъ полностью примѣчаніе «На третію сатиру» изъ рукописи съ собственноручными помѣтками Кантемира, являющееся опять-таки соединеніемъ двухъ редакцій [2]).

«В' начале примечанія на первую сатиру изьяснено, какимъ образомъ оная и ее авторъ отъ Θеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго, приняты и похвалены. Оной его преосвященства поступокъ былъ поводомъ настоящей сатиры, которую авторъ сочинилъ в' 1730 году и, в' ней собравъ приличные тому архипастырю похвалы, ему жъ в' знакъ своего благодарства ее приписалъ слѣдующими стихами:

Устами ты обязалъ меня, и рукою
и протчее.

Содержаніе сатиры сей есть вопросъ к' вышепомянутому архіепископу, которымъ авторъ нашъ знать от него требуетъ: *Для чего в' людех, подобныхъ тѣломъ и душею, столь различные находятся страсти?* и по сей причинѣ описываетъ разные нравы людей подъ вымышленными именами: Тиція, Дамена, Леліа [3]) и протч.

В сей сатире авторъ нашъ подражалъ Θеофрасту, греческому древнему философу, и Лабрюеру французу, которые оба оказали себя в' ясномъ изображеніи человѣческихъ нравовъ: писали оба простымъ слогомъ, а не стихами».

Въ текстѣ IV-ой сатиры измѣненія незначительны.

Напечатано [4]):	Должно быть:
Ст. 33.	
И стихи, что чтецовъ всѣхъ на смѣхъ *побьждаютъ.*	И стихи, что чтецовъ всѣхъ на смѣхъ *побуждаютъ.*

1) Q. CXLVIII О-ва Люб. Др. П. и № 902 Рум. м.

2) См. печ. изд., т. I, стр. 76 и стр. 237.

3) Такое имя не встрѣчается ни въ первоначальной, ни въ окончательной редакціи примѣчанія, равно какъ и въ текстѣ III-ей сатиры. Судя по порядку исчисленія именъ, надо полагать, что здѣсь Леліемъ Кантемиръ называетъ то лицо, которое въ I ред. сатиры обрисовано подъ именемъ «свата» Дамона, а позднѣе сливается съ послѣднимъ въ одну характеристику Менандра.

4) См. т. I, стр. 247—251.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:
Стр. 111.	
Не всуе тебя къ сему, музо, побуждаю.	*Но* всуе тебя къ сему, музо, побуждаю.
Стр. 145.	
Коль *глупецъ, что губы чуть помазалъ* въ латину.	Коль *глупецъ сей, что губы помазалъ* въ латину.
Стр. 107.	Варіантъ:
Есть о чемъ писать, *была бъ лишь къ тому* охота.	Есть о чемъ писать, *лишь была бы* охота [1]).
Стр. 162—163.	
Развѣ *въ жидахъ не станетъ и денегъ и* обману	Развѣ *никогда въ жидахъ не будетъ* обману [2]),
Развѣ *пьяныхъ въ масляной недѣли* не будетъ.	Развѣ *на масляницѣ пьяныхъ ужъ не* будетъ [3]).

Въ изъясненіи на IV сатиру мы находимъ варіантъ лишь одной фразы.

. . . которые *до сихъ поръ народу извѣстны.*	. . . которые *въ первомъ томѣ его трудовъ содержатся* [4]).

Въ рукописи съ собственноручными помѣтками Кантемира это изъясненіе «На сатиру IV» является видоизмѣненнымъ [5]).

«Четвертую сію сатиру авторъ всемъ своимъ сочиненіямъ предпочиталъ за простоту слога. Писана в' началѣ 1731 года. Много в ней онъ подражалъ из' VII Боаловой да из' первой Ювеналовой сатиры, рѣчи и мысли ихъ к' нашимъ обычаямъ присвоивъ. Слово в ней идетъ к' своей Музѣ, с' которою уговаривается перестать сатиры писать и тѣмъ случаемъ с' стороны злонравныхъ пятнаетъ».

Изъ этого изъясненія очевидно, что IV-ая сатира была самымъ любимымъ произведеніемъ Кантемира; можно думать, что

---

1) Q. XIV. № 22, F. XIV. № 8, № 2008 П. Б., № 639, № 2655 Рум. муз.

2) № 357 (806) М. Арх. м. ин. д.

3) Q. XIV. № 5, Q. XIV. № 6, Q. XIV. № 19, O. XIV. № 2, № 2008 П. Б.; № 17. 5. 14 Ак. Н.; № 233, A IV/8 СПБ. Дух. Ак.; F. CXXIX, Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз. (О-во Л. Др. П.); № 902, № 639, № 2655 Рум. м.; № 2161 — 2165 Библ. гр. Уварова и № 357 (806) М. Арх. м. ин. д.

4) F. XIV. № 3, F. XIV. № 70 П. Б.; F. CXXIX Собр. кн. Вяз. (О-во Люб. Др. П.).

5) См. печ. изд., т. I, стр. 94 и стр. 252.

Digitized by Google

нашъ авторъ «предпочиталъ» ее не только «за простоту слога», но и потому, что въ данной сатирѣ выразились нѣкоторые основные пункты его міросозерцанія, какъ напр. спокойный оптимизмъ молодого сатирика [1]), беззлобный характеръ его музы [2]) и т. д.

Въ примѣчанія на стихи IV-ой сат. приходится внести нѣсколько добавленій.

Ст. 22. Брутусъ старовѣрецъ и то любитъ, что *глупше* [3]).

Ст. 148.

Аргументъ называется въ логикѣ, когда два предложенія сличаю съ нѣкіимъ третьимъ предложеніемъ, и усмотрѣвъ, что оба тѣ сему третьему подобны, *заключаю* [4]), что и межъ собою они подобны. Вотъ образецъ: тотъ бѣденъ, который всегда недоволенъ; скупой всегда недоволенъ; убо скупой бѣденъ.

Варіантъ [5]):

третьему согласуютъ, заключаю, что и межъ собою они подобны, то есть аргументально договариваетъ: тотъ бѣденъ . . . . . скупой никогда недоволенъ

Въ текстъ V-ой сатиры должно быть внесено немало поправокъ и нѣсколько незначительныхъ варіантовъ.

Напечатано [6]):	Должно быть:
Ст. 7—8.	
Ни сфинксѣ, *ни* химерѣ тщитесь образъ дати,	*Не* сфинксѣ, *не* химерѣ . . .
Но изъ разныхъ тѣлъ чудныхъ одно составляти;	*Ни* изъ разныхъ . . .
Ст. 10.	
Желаяй нѣчто собрать, въ чемъ бы крайня глупость.	*Желая* нѣчто . . .

---

1) «Теперь счастливо плыву; то мнѣ одно полно.
Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредить время, такъ и мало
О томъ суечусь» . . . . . (Ст. 181—184, т. I, стр. 93).

2) «Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу» (Ст. 86, т. I, стр. 87).

3) Въ печ. текстѣ послѣднее слово замѣнено точками; см. т. I, стр. 252.

4) Напечатано: замѣчаю (стр. 254).

5) F. XIV. № 3, F. XIV. № 70 П. Б.

6) См. т. I, стр. 256—268.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:
Ст. 44.	
Съ коровы *мнѣ бъ* молоко, мнѣ бъ куря носилась.	Съ коровы *мнѣ-жъ* молоко,
Ст. 255.	
Тоя въ себѣ имѣютъ *прекрасные* знаки.	. . . *преясные* знаки.
Ст. 313.	
Да и отца наживутъ имя имя пріятно.	*И да* отца наживутъ
Ст. 331.	
Хотя надо мной народъ *безумной* хохочетъ.	. . . *безумно* хохочетъ.
Ст. 427.	
. . . слышу *съ ярости* вопити.	. . . слышу *съ яростью* вопити.
Ст. 439.	
И давъ жизнь безконечну, полну всякой *власти* [1]).	полну всякой *сласти*.
Ст. 442.	
Слышалъ указъ, *какъ* въ раю гуляя съ досугу.	Слышалъ указъ, *что* въ раю . . . .

Напечатано:	Варіанты:	
Ст. 67—69.		
Чернецъ *тотъ, что намеднись* чрезмѣрну охоту	Чернецъ, *какъ бѣлецъ былъ*, чрезмѣрну охоту [2])	Чернецъ, *сперва принявшій* чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ *и всяку* работу		*Ходить* въ клобукѣ и *несть всякую* работу,
Къ церкви *легку сказывалъ, прося* со слезами.		*Въ* церкви *народъ поучать, просить* со слезами [3]).
Ст. 256—257.		
И хоть кто стихи мои почитай за враки,		
Лучше бъ людямъ дѣлъ своихъ въ память не писати	Зоветъ мя насмѣшникомъ грубымъ къ всѣмъ чрезмѣру	

1) Такая форма встрѣчается въ рукописяхъ: F. XIV. № 8, № 2008 П. Б.; № 2655 Рум. м.; № 2161, № 2164 Библ. гр. Уварова; № 357 (806) М. арх. м. ин. д.

2) № 2161 Библ. гр. Уварова.

3) № 357 (806) М. арх. мин. ин. д.

Digitized by Google

Варіантъ:

Правда черезъ себя ясна, хоть не имутъ вѣры
Лучше бъ людямъ [1]) . . . . . .

Изъ рукописи съ помѣтками Кантемира сохранился лишь небольшой отрывокъ V-ой сат. со многими указаніями на перестановку стиховъ; но въ виду неполноты сатиры невозможно возстановить тотъ порядокъ текста, который былъ намѣченъ авторомъ. Отрывокъ начинается съ 576 ст.

Другой насилу себя чемъ кормить имѣя,
Жену беретъ, и ужъ когда гнется шея
Подъ бременемъ нищеты, с' семьей за собою
Принужденъ стыдъ себѣ плесть своею рукою.
Старикъ без' зубъ жаркую и в' возраста цвѣтѣ
Жену беретъ, и сосѣдъ ей ужъ на примѣтѣ
Прежде свад'бы, гнусная причина бываетъ,
Что старика пальцомъ всякъ казавъ осмѣваетъ;
Что чужіе звать его будутъ отцомъ дѣти [2]).
Молодикъ собой, богатъ, с богатымъ приданымъ
Беретъ бабу в' сорокъ лѣтъ, и та несказаннымъ
Самовластіемъ его и домъ его правитъ
И часто молчать, дрожать предъ собой заставитъ.
Единородный отцу сынъ, что ожидаетъ
Наслѣдство обильное, покой презираетъ
И с' зорею вставъ, бѣжитъ с' передни в' переднюю,
Гня спину, прося, даря и слугу послѣдню,
Чтобъ могъ писменъ нѣсколько к' своему прибавить
Имени и шапку снять предъ собой заставить
Подлый народъ; часто жъ вѣкъ тщетою надежды
Кормится. Иной, любя блистанье одежды
Тягчитъ всегда плоть свою вредительнымъ златомъ,
Чая, что глупецъ не глупъ ужъ в' платье богатомъ [3]).
Велможа той, вышшу власть не могій терпѣти
В' иных рукахъ, свирѣпствомъ своимъ того жъ дѣти
Отечества в' взаимну гибель подущаетъ,
Того жъ града жители другъ друга ссылаетъ,
И одинъ другому смерть, жаденъ, ищетъ дати;
Подъ подобнымъ знаменемъ враждебные рати [4]);

1) № 2161 Б. гр. Уварова.

2) Ст. 573—577; II ред., стр. 121.—Ст. 584 вписанъ рукою Кантемира.

3) Ст. 597—610, ibid., стр. 122.

4) Ст. 141—146, I ред.; стр. 260. Въ ст. 141 *«вышню* власть»; въ ст. 143, пропущено «въ».

Digitized by Google

Блещитъ зло оружіе, текутъ струи крови
А онъ сердцем радостенъ, подымаетъ брови
И хвастаетъ, что совѣтъ его столь былъ здравый,
Что жизни не пожалѣлъ для воли и славы [1]).
Войнолюбецъ яростный земли и пространны
И обилны имѣетъ, однакъ в' чужестранны
Власти неистовъ бѣжитъ на слаба сосѣда,
Жжетъ, рубитъ без' милости, не оставитъ слѣда
Жилищъ его; истребитъ цѣлые народы [2]):
Такъ память ища себѣ достать в' многи годы.
Увидишъ двухъ в' ярости внѣ себя бывати,
Мечами другъ другу смерть злу ищущихъ дати,
Толко за то, что имъ двумъ б..дь люба едина.
Куды важна не щадить жизнь свою причина! [3])
Увидишъ [4]) столѣтняго старика в' постели,
В' которомъ лѣта весь видъ человѣка сьели,
И на трупъ больше похожъ; на бороду плюетъ;
Однако жъ дряхлой рукой и въ очкахъ рисуетъ.
Что такое? ведь не гробъ, что ему бы кстати;
С' огородомъ пышной домъ, гдѣ бъ в' лѣто гуляти.
А другой, видя, что смерть грозитъ ужъ косою,
Ни мысля, что здѣлаться имѣетъ с' душою,
Хоть чуть видятъ слабые бумагу ужъ взгляды,
Начнетъ писать похоронъ своихъ всѣ обряды:
Сколко архипастырей, поповъ и причету
Предъ гробомъ церковного, и сколко по щету
Пойдетъ за гробомъ родни с' горкими слезами,
С' какими и сколкими провожать свѣчами,
Гдѣ вкопать, и в' какой гробъ, лампаду златую
Свѣтить [5]), изь серебрену, и надпись какую
Поставить, чтобъ всякому давалъ знать слогъ внятный,
Что лежащей подъ ней прахъ былъ господин знатный.
Безчетныхъ страстей рабы, отъ дѣтства до гроба,
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба [6]),
Самолюбье и вещей тщетныхъ гнусна воля.
К' свободѣ охотники, впилась в' васъ неволя.
Такъ, какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Часъ малъ пробыть на одномъ мысль ваша не знаетъ.
То богатство ищете, то денги мѣшаютъ,
То грусно быть одному, то люди скучаютъ;

---

1) Ст. 147—150; I ред., стр. 260. Въ ст. 149 иной порядокъ словъ.
2) Ст. 136—137, ibid.
3) Ст. 299—300, 302; ibid., стр. 264.—Ст. 599—618 перечеркнуты.
4) На поляхъ поправка рукой Кантемира: «Видѣлъ я».
5) Свѣсить.
6) Ст. 645—664, II ред.; стр. 123—124.

Digitized by Google

Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ одно на другое
Премѣняя мысль свою и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно [1]).
Сколькихъ малая пчела трудовъ себѣ в' зиму
Мьодъ готовитъ, чтобъ пищи не зриться лишиму,
Когда сѣверъ изсушитъ цвѣты всѣ на поли [2]);
И муравей чтогодно потомъ и мозоли
Наполняетъ анбаръ свой Цереры обилствомъ;
А какъ наступающихъ морозовъ усилствомъ
Начинаетъ міръ ужъ весь унывать безплоденъ,
Муравей ужъ из' гнезда станетъ неисходенъ [3]),
В' зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.
А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ [4]),
В' темнотѣ вѣкъ ходите, не в' время прилежни,
В' ненужномъ потѣете, а в' потребномъ лѣжни.
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи,
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,
Состояніемъ своимъ всегда недовол'ны.
Купецъ, у кого анбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ в' покои [5])
И в' довольствѣ, вотъ ужъ не спитъ ночи с' трои,
Думая какъ бы ему здѣлаться судьёю.
Куды-де хорошо быть в' людяхъ головою:
И чтят' тебя, и даютъ, постою не знаешъ;
Много-ль, мало—для себя всегда собираешъ.
Сталъ судьёю, ужъ купцу не мало завидитъ,
Когда, по нещастію, пусто в' мешкѣ видитъ [6])
И, слыша просителей у дверей вздыхати,
Долженъ вставать, не выспавшись, из' теплой кровати [7]).
Боже мой!—говоритъ онъ,—что я не посацкой?
Чортъ бы взялъ и чинъ, и честь, в' нихъ же животъ адской.
Пахарь, соху ведучи иль оброкъ щитая
Не однажды вздохньотъ [8]), слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не здѣлалъ салдатомъ?
Не ходилъ бы в' сѣрякѣ, но в' платье богатомъ;
Зналъ бы лишъ ружьё свое да свого капрала,

---

1) Ст. 665—674, II ред.; стр. 124.

2) На поляхъ помѣтка Кантемира: «выкинуть».

3) Ср. ст. 373 — 380, I ред.; стр. 266. — Въ рукописи на поляхъ вмѣсто ст. 652—656 рукой Кантемира вписаны ст. 675—679, II ред. (стр. 125).

4) Ст. 679—680, II ред., ibid.

5) Ст. 682—687, ibid.

6) Ст. 689—694, ibid. Въ ст. 693 «ставъ».

7) 14-тисложный стихъ; въ печ. текстѣ «*встать*».

8) Первоначально «вздыхаетъ» (Печ. текстъ: «привздохнетъ»).

Digitized by Google

На правежи бы нога моя не стояла;
Для меня бъ свинья моя толко поросилась,
С' коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась.
А то всью прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси в' поклонъ, а самъ жирей на мекинѣ.
Пришолъ поборъ, пахаря вписали в' салдаты,
Не однажды дымные помнитъ ужъ полати.
Проклинаетъ жизнь свою в' зеленом кафтанѣ,
Десятью заплачет въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житьjо было мнѣ, говоритъ, в' крестьянствѣ!
Правда, тогда не ходилъ я в' такомъ убранствѣ,
Да лѣтомъ в' подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, в' дожжикъ изъ избы я вонъ ни ногою.
Заплачу подушное, оброкъ господину,
А тамъ, о чемъ бы тужить, не знаю причину [1]).

Что касается примѣчаній на V сат., то во многихъ спискахъ встрѣчается неизвѣстное примѣчаніе *къ ст. 315-му*: «Любови пламень, т. е. горячая любовь или склонность» [2]).

Примѣчаніе *къ ст. 83-му* читается: «Нѣтъ, не такъ я *сдѣлаю*» [3]).

Примѣчаніе «На V сатиру» въ рукописи съ помѣтками Кантемира очень близко подходитъ къ окончательной его редакціи [4]).

«Авторъ нашъ, предъ отъѣздомъ своимъ в' чужіе краи, сочинилъ было одну сатиру в' подражаніе VIII-й Боаловой, которая надписана «на человѣка»; но потомъ усмотревъ, что почти вся состояла из рѣчей французского сатирика, выбравъ из' нее малую часть стиховъ, составилъ сію пятую сатиру в' Лондоне 1737 году, которой такъ основаніе, какъ и содержаніе совсѣмъ ново. Намѣреніе его в ней есть оказать смѣху достойные человѣковъ страсти, какъ самъ чрезъ усты сатіровы изъявляетъ отъ стіха 78 по 81. Писана она разговоромъ межъ сатіромъ и періергомъ, то есть любопытным. Откуда тотъ сатіръ, какъ тутъ введенъ и зачемъ, самъ изъясняетъ отъ 50 стиха по

---

1) Ст. 695—718, II ред.; стр. 126.

2) Q. XIV. № 5; F. XIV. № 8 П. Б., № 2008 Пог. собр. (П. Б.); № 233 Спб. Дух. Ак.; Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз. (О-во Люб. Др. П.); № 639, № 2655 Рум. м.; № 2162—№ 2165 Библ. гр. Уварова; № 357 (800) М. арх. м. ин. д.

3) Напечатано «я *сдѣлалъ*», что не соотвѣтствуетъ смыслу стиха.

4) См. печ. изд., т. I, стр. 128.

Digitized by Google

69, потому здѣсь о томъ излишне бы было разпространять. Довольно дать знать, что сатиры, по баснословію древнихъ, суть родъ нѣкіихъ лѣсныхъ полубоговъ, которыхъ тѣло отъ пояса внизъ козлино, а вверхъ человѣчее с' рогами и долгими ушьмі. Описуются отъ стихотворцовъ сатіры смѣшливы и сластолюбивы, почему родъ стиховъ свободный и которыми насмѣваемся кому, сатирою названъ.—Гіралдіи јсторіа боговъ, томъ I, столб. 413».

Сатира VI—«На состояніе свѣта сего—Къ солнцу»—встрѣтилась намъ лишь въ двухъ спискахъ [1]), кромѣ того, который опубликованъ г. Брайловскимъ [2]); однимъ изъ нихъ, довольно неисправнымъ, пользовался г. Ефремовъ, а другой не имѣетъ существенныхъ отличій отъ текста той рукописи, которая описана г. Брайловскимъ.

Въ рукопись съ помѣтками Кантемира эта сатира не была включена; въ оглавленіи указана сатира VI «О высокомысліи или о прямомъ блаженствѣ», т. е. та же, что и въ позднѣйшей редакціи. Текстъ самой сатиры не сохранился, но сохранилось примѣчаніе «На VI сатиру», которое значительно шире, чѣмъ въ извѣстной намъ редакціи [3]); авторъ даетъ, между прочимъ, указанія на литературные образцы, которымъ онъ слѣдовалъ въ своемъ произведеніи.

«Начало сей сатиры само собой показываетъ ее намереніе, которое есть доказать, что тотъ толко блаженъ в' сей жизни, кто, малымъ довольствуяся, живетъ в' тишинѣ и добродѣтели слѣдуетъ. Многіе јзъ древнихъ то мнѣніе в' различныхъ мѣстахъ издаютъ, и изъ стихотворцевъ Горацій в VI писме первой книги пространно оное описуетъ. Авторъ нашъ много такъ из' него, какъ и из другихъ мѣстъ взялъ, какъ явно изъ приведенныхъ стиховъ [4]). Писана сія сатира в' началѣ 1738 года и хотя всѣхъ другихъ нашего автора короче, однако жъ болше трудовъ ему стала».

Въ одной рукописи половины XVIII в. [5]) встрѣчается совершенно неизвѣстная сатира «На Зоила». Она помѣщена непо-

---

1) № 2655 Рум. м. и Q. XIV. № 2 П. Б.
2) Ж. М. Н. Пр., 1892 г. № 7, стр. 66.
3) См. печ. изд., т. I, стр. 142.
4) Послѣднія пять словъ зачеркнуты.
5) F. CXXIX Собр. кн. Вяз. (О-во Л. Др. П.).

Digitized by Google

средственно вслѣдъ за переводами изъ Буало и помѣчена, какъ «Сатира пятая». Но очевидно, что это лишь ошибка переписчика, ибо V сат. Буало носитъ заглавіе: «A Monsieur le marquis de Dangeau, sur la noblesse», и нѣтъ ни одной сатиры этого автора, которая могла-бы явиться оригиналомъ даннаго произведенія. У тѣхъ сатириковъ, которымъ преимущественно подражалъ Кантемиръ, какъ Горацій, Ювеналъ, Ренье, подобной сатиры тоже не встрѣчается. Исходя изъ этихъ данныхъ, мы рѣшаемся признать указанную сатиру оригинальнымъ произведеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ примѣчаніи на нее находимъ слѣдующую замѣтку относительно лица, изображаемаго въ сатирѣ: «естли бъ его острой разумъ былъ учрежденъ и опредѣленъ к важнейшему дѣлу, конечно бъ, здѣлалъ бы честь *россійской* націи».

Принадлежность же данной сатиры именно Кантемиру выводимъ изъ слѣдующихъ основаній: 1) отсутствіе другихъ сатириковъ въ послѣпетровскую эпоху; 2) стиль сатиры; 3) содержаніе ея.

Относительно перваго пункта мы говорили выше [1]); что же касается второго, то надо замѣтить, что конструкція данной сатиры соотвѣтствуетъ конструкціи извѣстныхъ сатиръ Кантемира: 1) излюбленный Кантемиромъ тринадцатисложный стихъ [2]); 2) чередованіе словъ автора съ рѣчами изображаемаго типа [3]); 3) внезапное заключительное обращеніе къ музѣ [4]). Кромѣ того, попадаются аналогичныя или даже тожественныя выраженія, какъ напр.:

«Зловреднымъ тѣмъ дѣйствіемъ исполнили вѣсти». «Не наполнитъ дѣйствомъ тѣмъ печатныя вѣсти» [5]).

«Таскаться съ сумою» и т. д. [6]).

---

1) См. стр. 181.
2) Примѣняется во всѣхъ сатирахъ Кантемира.
3) I сатира.
4) III-я сат.
5) V сат. (I ред.), ст. 174.
6) IV сат. (I ред.); ст. 44.

Digitized by Google

Встрѣчается здѣсь также отрицательное сравненіе (ст. 23—24), которое является обычнымъ пріемомъ Кантемира [1]).

Въ IV-й сат. Кантемиръ называетъ свой стиль грубымъ:

«Муза! не пора ли стиль отмѣнить твой грубый
И сатиръ ужъ не писать?» [2])

Здѣсь тотъ же эпитетъ примѣняется къ стихамъ:

«Престань, бѣдная муза, что такъ разсуждаешь,
Столь грубыми стихами почто исправляешь?»

Какъ видимъ изъ приведенныхъ строкъ, авторъ той и другой сатиры выражаетъ одинаковую мысль; вообще, все обращеніе къ музѣ напоминаетъ IV сатиру.

Содержаніемъ сатиры является обрисовка одного опредѣленнаго характера, что встрѣчается у Кантемира во II сат., которая цѣликомъ посвящена характеристикѣ дворянина (позднѣе Евгенія).

На основаніи этихъ данныхъ мы рѣшаемся заключить, что разсматриваемая сатира или принадлежитъ А. Кантемиру, или же является искуснымъ подражаніемъ. Если принять первое предположеніе, то слѣдуетъ отмѣтить, что данная сатира могла быть написана лишь въ началѣ перваго періода литературной дѣятельности Кантемира (1729 — 1732 гг.). На это указываетъ: 1) содержаніе сатиры; 2) внѣшняя ея форма.

Намъ не удалось установить, кого именно изображаетъ авторъ сатиры подъ именемъ «Зоила», но несомнѣнно, что здѣсь онъ имѣетъ въ виду кого-то изъ своихъ личныхъ враговъ; въ болѣе же позднихъ своихъ произведеніяхъ Кантемиръ всегда сглаживалъ рѣзкія нападки на опредѣленныя личности [3]).

Со стороны же формы разбираемой сатиры надо отмѣтить,

---

1) I сат., ст. 140; II сат., ст. 195; III сат., ст. 338 и т. д.

2) IV сат., ст. 1—2.

3) Такъ напр., во II-й ред. I сатиры уничтоженъ язвительный намекъ на Стефана Яворскаго. См. I сат., ст. 74 (печ. изд., т. I, стр. 191).

Digitized by Google

что она написана безъ соблюденія правилъ о стихосложеніи[1]), изобрѣтенныхъ А. Кантемиромъ во время пребыванія за-границей, — такъ же, какъ и шесть первыхъ его сатиръ. Затѣмъ встрѣчается много славянизмовъ, которые въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Кантемира попадаются лишь изрѣдка.

Приводимъ полностью данную сатиру.

Ей, зміинаго яда не столь вредитъ сила,
Сколко сердце и устнѣ злобнаго Зоила!
По немъ может ли что быть въ целом свете право?
Всіо не туды, одинъ онъ мыслитъ толко здраво,
Играка осуждаетъ и его повадку,
Что имение свое загнулъ на девятку;
Роскошнаго ругаетъ: «самъ де ты впалъ в бедства,
Для чево такъ промоталъ силныхъ три наследства?
Забылъ ты яишницы кушать голубины,
Ортолановъ нѣтъ, с нуждой промыслишъ мякины;
И жена твоя ходитъ, покрыта убрусомъ,
Какъ Лазарь обязанъ всталъ воскресши Исусомъ».
Если с печална серца страждетъ, лице в потѣ, —
«Почто з детми та ходитъ в ѳранцускомъ бармоте?» —
Обняла ужъ ихъ нужда и бѣдность без мѣры: —
«Не пора ли имъ отстать каталицкой вѣры?»
Ахъ! хотя жалость сама оныхъ защищаетъ,
Но Зоилина стрѣла и тому ударяетъ.
Не такъ целно чрезъ воздухъ шаръ летитъ с металла,
Сколь быстро мрачится честь отъ твоего жала.
Скажи, что тебѣ нравно, что по твоей модѣ?
Иной в девятый пишетъ не последней в родѣ,
Что ужъ слова на спинахъ лехче писать мѣломъ,
Нежъ вредителному быть без причины дѣломъ:
Хитрымъ твоимъ совѣтомъ и твоей рукою
Чють инаго не пустилъ таскаться с сумою;
Да еще мало и той показалось злости:
Началъ поносить, что онъ мотъ в карты и кости.
Пусть, государь, по твоему, всякъ бываетъ страстный,—
Ты развѣ тѣхъ избежалъ и ни в чемъ причастный?

---

1) «Тринадцатисложный стихъ... долженъ состоять изъ двухъ полустишій... Первое полустишіе имѣетъ семь слоговъ, второе шесть. Слоги перваго полустишія по четвертый могутъ быть долгіе и короткіе, какъ ни случатся, но неотмѣнно нужно, чтобъ или *седьмой* былъ долгій или *пятый*. И въ семъ послѣднемъ случаѣ, чтобъ *шестой* и *седьмой* были короткіе». «Письмо о слож. стиховъ русскихъ», §§ 25, 27 и 28.

Digitized by Google

Вспомни, вспомни и к себѣ собственны досады:
Сладосно ли ты вкусилъ печалны обряды,
Гдѣ друзья, врази ль твои с тобой поступали,
Здраваго в веселиахъ мертвымъ тя сказали,
Да в противность законамъ и в противность чести
Зловреднымъ тѣмъ дѣйствиемъ исполнили вѣсти.
Ну, если бы я имѣлъ серце свое злобно,
Конче бъ стихами во вредъ твой писать удобно;
Но оставляю грубымъ тѣ краски и кисти.
Хоть ты меня обидилъ, а мнѣ нѣтъ корысти
Равномѣрно воздавать хулы за обиды.
Развѣ ужъ позволено честь быть такъ какъ гниды?
Возми все имѣние, збавь жизнь, а не чести.
Правду я тебѣ сказалъ, написалъ без лести:
Ты рожденъ благороденъ, разумомъ доволенъ,
Изобилуешъ во всемъ, разныхъ искуствъ полонъ;
Дѣти тебѣ утѣха зрятся благонравны,
Промысломъ твоимъ будутъ почтенны и славны,
Коль страхомъ закона тѣхъ в добродѣтель справишъ, —
Почто, почто обыкность твою не оставишъ?
Кому другъ, тамъ услуги, тамъ честь, тамъ и вѣрность.
Сие хвално, да на что жъ безмѣрность? [1])
Кто недругъ или хотя пришолъ не по нраву,
Злисься, терзаешъ всяко и отъемлешъ славу.
Престань, бѣдная муза: что такъ разсуждаешъ,
Столь грубыми стихами почто исправляешъ?
Про насъ с тобой ужъ и такъ всякое зло трубятъ;
Иль тебѣ не печалнь, что люди не любятъ?
И не в твою пору, князь, красота Парнаса:
Кинулъ сатиры, смолчалъ, престалъ того жъ часа
Злыя нравы исправлять з' забавою складно,
Когда уже усмотрѣлъ, что многимъ досадно.
А мы с тобой на свѣте малейша атома,
Щастие наше слабѣ паукова дома,
Да столь дерзновенны; ей, чтобъ не пострадали,
Молчи убо впредь, а то быть такъ, какъ сказалі.

Прим.: Когда авторъ сей сатиры обиженъ сталъ быть безвинно Зоиломъ, тогда написалъ сию [2]) не в такомъ намереніи, чтобъ тѣмъ ему вреда нанести, но паче чювствително показать, какъ всякая обида в чести несносна бываетъ. Притомъ же можетъ и такую имѣлъ надежду, что когда дойдетъ ушей того, кто здесь подъ именемъ Зоила списанъ, и познавъ, сколь неприлично благородному человѣку в злословіи упражнятся, вослибъ [3]) свой худой обычай

1) Недостаточный стихъ.
2) Очевидно, пропущено слово «сатиру».
3) Вѣроятно «авось либо».

Digitized by Google

оставитъ. В протчемъ всякую хвалу приписуемъ и остроту разума его почитаю; поистиннѣ сожалѣть должно, что сия знатная персона в себѣ сию толко погрѣшность имѣетъ, которая ему здѣлалась обычаемъ худаго сообщенства в младыхъ его лѣтахъ. Я могу сказать смѣло, естлибъ его острый разумъ былъ учрежденъ и опредѣленъ к важнейшему дѣлу, конечно бъ, здѣлалъ честь россійской націи, что всякой со мной тожъ сказать можетъ, естли кто объ немъ безстрастно разсуждать будетъ.

Прим.: Стихъ 15. Обняла ужъ ихъ нужда. Двократы пишучи к Демонику другу своему о поведеніи благонравну к людемъ, между протчимъ и сие ему совѣтуетъ, то есть никому бѣдностию не попрекали: сщастие обще всемъ смертнымъ непостоянно, а будуще время намъ еще неизвестно.

Таковъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, который касается литературной дѣятельности А. Кантемира въ области сатиры; кромѣ того, находимъ нѣкоторыя интересныя данныя, указывающія на труды нашего автора въ другихъ отрасляхъ лирической поэзіи.

Т. Глаголева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Поправка

къ статьѣ о поэтѣ Козловѣ.

Въ статьѣ «Къ біографіи, твореніямъ и перепискѣ И. И. Козлова», помѣщенной мною въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія И. А. Н.», т. IX (1904), кн. 2, я напечаталъ между прочимъ неизданное маленькое стихотвореніе слѣпца-поэта подъ заглавіемъ «Къ Господину Александру», въ которомъ—по содержанію и восторженнымъ похваламъ, въ немъ заключеннымъ,—мнѣ показалось естественнымъ и вполнѣ правдоподобнымъ признать обращеніе къ геніальному поэту нашему, А. С. Пушкину, что̀ я и позволилъ себѣ высказать безъ колебаній, на которыя въ сущности давало право нѣсколько странное заглавіе.

Вотъ это стихотвореніе:

Весь міръ дивитъ твой даръ чудесный,
И чародѣя мнѣ-ль хвалить?
Но я могу ли позабыть
Какъ ты, явясь въ пріютъ мой тѣсный,
Меня радушно веселилъ,
И хоть отъ мрака вѣчной ночи
Тебя мои не зрѣли очи,
Ты слухъ внимательный дивилъ.
Какъ два охотника кричали,
Собаки лаяли, визжали,
Какъ мужемъ вдругъ пробуждена
Шумѣла сонная жена
И какъ младенецъ ихъ единый
Заплакалъ на груди родимой.

Digitized by Google

Все было чудо, и тебя
За то хвалить не въ силахъ я.
Но какъ бесѣдуя со мною,
Ты часто увлекалъ меня
Высокой ясною душою,
Съ какимъ привѣтомъ каждый разъ
Твои глубокія познанья,
Забавный, умный твой разсказъ
Мои лелѣяли мечтанья
Безцѣнной дружбою твоей,
Пребудутъ въ памяти моей.

Jean Kosloff.

Теперь мнѣ приходится признать свою ошибку въ такомъ пріуроченьи этихъ стиховъ. Оказывается, что они обращены вовсе не къ Пушкину, а къ пользовавшемуся большимъ успѣхомъ въ то время (30-е годы) и гостившему въ Петербургѣ французскому драматическому артисту *Александру,* посѣщавшему слѣпого поэта и часто услаждавшему его слухъ своими декламаціями и чтеніемъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно мѣсто въ имѣющихся у насъ отрывкахъ дневника И. И. Козлова (съ которыми мы надѣемся вскорѣ познакомить русскихъ читателей), гдѣ не только говорится объ этомъ лицѣ, но даже разсказывается и о томъ самомъ посѣщеніи имъ поэта, которое подало послѣднему поводъ обратиться къ нему съ приведенными стихами, упоминается наконецъ и о сочиненіи ихъ.

Въ журналѣ поэта за 1834 годъ подъ 16-мъ мая читаемъ:

«M-r. Alexandre l'artiste dramatique, homme interessant, aimable et religieux.—Il m'a recité entr'autre les vers que W. S. (Вальтеръ-Скоттъ) lui a adressés».

Далѣе подъ 31-мъ мая находимъ слѣдующее: «Jouk. (Жуковскій) et M-r. Alexandre, qui nous étonne par son talent extraordinaire. — Ce qu'il y avait de plus surprenant, c'est un chasseur qui vient chercher un autre, celui ci reveille sa femme — l'enfant pleure. Les voix distinctes des 4 personnes, les aboiements

Digitized by Google

des chiens étaient parfaits. Ensuite il a changé de figure, d'organe, — et puis encore une scène de cheminée et d'un lord ivre, c'etait une charmante soirée amusante et interresante. Puis nous causames. Je lui donnai des vers...».

Позже въ записи дневника отъ 23 іюля читаемъ о немъ-же:

«M-r. Alexandre content de mes vers. Nous avons été étonnés de la manière correcte dont il dit sa tirade russe...».

Итакъ вотъ происхожденіе стихотворенія «Къ Господину Александру». Нельзя не порадоваться, что счастливая находка обнаружила нашу ошибку, которой невольно дали поводъ увлеченіе слѣпого поэта и нѣкоторыя выраженія въ его стихахъ.

К. Гротъ.

Digitized by Google

Дѣтство и юность Н. И. Надеждина.

(По новымъ даннымъ).

«Съ самаго устья Москвы рѣки подъ Коломною Ока отбивается влѣво» отъ «цѣпи возвышенностей, проходящихъ живописной каймой по ея правому берегу», и «на просторѣ широкой долины, открывающейся передъ ней, кружится какъ рѣзвая дѣвушка, разыгравшаяся въ хороводѣ. Это продолжается верстъ съ сорокъ по прямой линіи. Но, поровнявшись съ Перевитскою горою, своенравная рѣка одолѣвается какъ-будто какой-то силою: что-то тянетъ ее, и она со всего размаха крутымъ изгибомъ поворачивается направо и стремглавъ бросается подъ гору. На мѣстѣ ея излома клубится сѣдая пучина, которую туземцы называютъ Бѣлымъ Омутомъ: волны рѣки, всегда тихой и кроткой, здѣсь глухо ропщутъ, какъ-будто жалуясь на насиліе, чуя неволю. И, въ самомъ дѣлѣ, она скоро видитъ себя пресмыкающейся у ногъ гордаго холма, который безчувственно глядится въ ея прозрачныя струи, словно какъ дремлющій султанъ — въ свѣтлыя очи наскучившей ему одалиски...»[1]). Въ этой мѣстности, любовно описанной Надеждинымъ, раскинулось село Бѣлоомутъ[2]), гдѣ въ теченіе долгаго времени жили и священство-

---

1) «Двѣ главы исторической повѣсти» (рукопись).

2) Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Digitized by Google

вали его предки. Происходившіе, по преданію, отъ какого-то дворянина Чудина, волею судьбы нѣкогда заброшеннаго въ это село, они, говорятъ, не имѣли опредѣленной фамиліи, а носили данное народомъ прозвище «Бѣлоомутскихъ» или «Бѣловодскихъ». Многіе изъ нихъ назывались Іоаннами; по крайней мѣрѣ, это было имя дѣда и отца Надеждина[1]). О первомъ сохранилось немного свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ двадцать лѣтъ служилъ въ Преображенской церкви и умеръ сравнительно не старымъ, сорока трехъ лѣтъ, въ санѣ іерея[2]). При той же церкви съ малолѣтства пристроился причетникомъ его сынъ, впослѣдствіи діаконъ и, наконецъ, священникъ.

Атлетическаго тѣлосложенія и крѣпкаго здоровья, онъ терпѣливо выносилъ тѣ житейскія невзгоды, которыя выпадали на долю сельскаго духовенства Екатерининской эпохи: самъ строилъ себѣ жилище, рубилъ дрова, занимался полевыми работами. Умный и сообразительный, онъ долженъ былъ рѣзко выдѣляться въ окружавшей его средѣ. Не получивши никакого образованія, онъ «самоучкой выучился читать даже по-латыни и по-гречески, зналъ нѣсколько латинскихъ поговорокъ, имѣлъ понятіе о ботаникѣ, минералогіи и астрономіи, собиралъ травки и камешки, древнія монеты и умѣлъ отличать ихъ такъ же, какъ и главныя звѣзды»[3]). Онъ имѣлъ особенное влеченіе къ чтенію. Для удовлетворенія этой страсти онъ, «не смотря на крайнюю недостаточность домашнихъ средствъ и на тяжкіе физическіе труды, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать изъ насущнаго хлѣба, тратилъ послѣднія добываемыя имъ копейки на пріобрѣтеніе книгъ, какія попадались ему подъ руку на базарахъ, бывавшихъ еженедѣльно въ селѣ Бѣлоомутѣ, и у носящихъ, а иногда собственноручно переписывалъ тѣ, которыя удалось ему достать гдѣнибудь для прочтенія. Такимъ образомъ накопилась у него соб-

1) Свѣдѣнія о предкахъ Надеждина заимствованы изъ бумагъ послѣдняго.
2) См. стихотворенія Надеждина «Епитафіи дѣду моему» (рукопись).
3) Бумаги Н. И. Надеждина.

Digitized by Google

ственная библіотека, книгъ до ста или болѣе. Разумѣется, это были книги все русскія и притомъ безъ всякаго выбора, даже нерѣдко оборванныя, безъ начала или безъ конца, и разрозненныя, если книги были въ нѣсколькихъ томахъ, — отъ иной одинъ первый или одинъ послѣдній томъ, или нѣсколько изъ среднихъ». Онъ «преимущественно любилъ книги историческія, но не пренебрегалъ и другими, какого бы онѣ ни были содержанія»[1]). Въ домашней жизни отецъ Іоаннъ слылъ хорошимъ и добрымъ семьяниномъ, и, по мѣрѣ силъ, поддерживалъ сиротъ, «оставшихся на его рукахъ» послѣ смерти его родителя и дѣда. Самъ онъ женился рано, еще будучи несовершеннолѣтнимъ; задушевнымъ желаніемъ его было имѣть сына, и оно исполнилось: кромѣ двухъ дочерей: Анастасіи и Ирины, у него 5 октября 1804 года родился сынъ, названный Николаемъ.

Ребенокъ сразу сдѣлался предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій; на него были возлагаемы великія упованія; «его не употребляли ни для какихъ физическихъ работъ», какъ бы предчувствуя, что въ будущемъ ему предстоитъ иное поприще дѣятельности[2]). Мальчика рано начали учить грамотѣ, къ которой онъ отнесся съ несвойственнымъ его возрасту интересомъ; онъ проявилъ необыкновенную любознательность и съ жадностью сталъ зачитываться книгами изъ отцовской библіотеки. Онъ знакомился со всѣмъ, что̀ попадалось подъ руку: и съ сочиненіями Ломоносова, Хераскова, Карамзина, и съ тѣми «рукописными сборниками», которые привозили въ село «пріѣзжавшіе на вакаціи родственники семинаристы». Лѣтъ съ восьми обнаружилась у него и наклонность къ писательству: онъ любилъ, отъ нечего дѣлать, строчить перомъ и, въ особенности, «излагать свои мысли стихотворнымъ размѣромъ»[3]). Часть дѣтскихъ тетрадей уцѣлѣла отъ времени.

---

1) *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 51.
2) Бумаги Н. И. Надеждина.
3) *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 52.

Digitized by Google

Дѣйствительность нашла себѣ отраженіе въ этихъ литературныхъ опытахъ. По собственному признанію юнаго поэта, его первыми руководителями и учителями были отецъ и помѣщикъ рязанской губерніи, сотрудникъ московскихъ періодическихъ изданій С. Д. Нечаевъ, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода[1]). Важная роль, которую отецъ сыгралъ въ начальномъ воспитаніи сына, выясняется въ слѣдующихъ еще неумѣло написанныхъ виршахъ:

«Родитель мой еси двоякій,
Отецъ почтеннѣйшій ты мой!
Ты въ свѣтъ мя произвелъ и, мраки
Разгнавши, разумъ мой младой

Образовалъ, не какъ учитель,
Но какъ любезнѣйшій отецъ.
О, ты, прехвальный мой родитель!
Мнѣ сплелъ ты изъ наукъ вѣнецъ.

Ты не въ ученомъ многословіи
Возмогъ мнѣ много преподать;
Не бывъ студентомъ философіи,
Умѣлъ меня образовать»[2]).

Не меньшее значеніе для Надеждина имѣлъ и Нечаевъ. Богатый, съ большими связями въ высшемъ свѣтѣ, онъ, видимо, пользовался почетомъ и уваженіемъ въ Бѣлоомутѣ; его вниманіе было тѣмъ дороже, что онъ самъ былъ литераторъ. Этого «благодѣтеля», «мужа, прославленнаго своей щедротой» и «сіяющаго между почтеннѣйшихъ людей», за его «милости» «восхваляетъ» «безопытный, незрѣвшій музъ пѣвецъ».

---

1) О С. Д. Нечаевѣ см. *Русскій Архивъ*, 1881, т. II, стр. 98; также И. А. Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Спб. 1894, стр. 312 — 313. Произведенія его помѣщены въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1825, №№ 1, 7, 10, 17.

2) «Отцу моему» (неизданное стихотвореніе).

Digitized by Google

«Ты путь къ познанью мнѣ открылъ
Неоцѣненными дарами:
Меня въ поэзіи просвѣтилъ
И озарилъ наукъ лучами.
Объ чемъ я прежде не слыхалъ,
Подробно нынѣ то узналъ.
И ты одинъ сему виною,
Науки я позналъ тобою»[1]).

Влеченіе Надеждина къ поэзіи было поддержано еще извѣстнымъ метроманомъ графомъ Д. И. Хвостовымъ, который, случайно познакомившись съ его стихотвореніями, былъ не прочь выказать себя покровителемъ способнаго мальчика и отправилъ ему, въ видѣ подарка, свои «Посланія». Какъ ни плохи были произведенія самого графа, его поощреніе имѣло свое воздѣйствіе. Было чему радоваться въ сельской глуши, было отъ чего приходить въ восторгъ и «ощущать душевну въ сердцѣ радость». Хвостову выражается самая искренняя признательность.

«Ты самъ меня, о графъ, къ Парнассу призываешь,
На оной чтобъ взойти, стихами поощряешь,
Чтобъ Фебу воскурить на Пиндѣ ѳиміамъ
И древнимъ подражать піитамъ и творцамъ.
Я, ободрившися твоимъ благоволеньемъ,
Чту оное себѣ вѣрнѣйшимъ побужденьемъ
Къ тому, чтобы итти ко храму свѣтлыхъ Музъ»[2]).

И, при каждомъ удобномъ случаѣ, Надеждинъ спѣшилъ «напиться Кастальскихъ водъ» и «посвящать жаръ поэзіи Парнассу». Несмотря на свои юные годы, онъ отличался необыкновенной вдумчивостью и воспріимчивостью: ни крупныя истори-

1) «Благодѣтелю» (неизданное стихотвореніе).

2) «Посланіе къ сочинителю посланій графу Хвостову» (1814?) [Неизд. Чувствованіе]. «Ср. стих. благодарности» («Пріими, природа, новый видъ»...).

Digitized by Google

ческія событія, ни мелкія мѣстныя происшествія не ускользали отъ его вниманія; свои впечатлѣнія онъ заносилъ на бумагу. Составлялись стихи и на «взятіе Парижа», и на «привезеніе колокола» въ Преображенскую церковь, и на могилу дѣду[1]). Въ мѣрной же рѣчи перечисляются тѣ книги изъ отцовской библіотеки, которыя были прочтены Надеждинымъ.

«На свѣтѣ я живя о томъ лишь и пекусь,
Чтобъ книги все читать: вотъ то, о чемъ я тщусь!
Теперь же я хочу составить всѣхъ ихъ цензъ
И отвратить чрезъ то судьбины перевѣсъ (sic);
Дабы, дескать, не могъ никто тихонько взять
Одну иль двѣ изъ нихъ, и послѣ не отдать».

Кромѣ сочиненій духовныхъ, здѣсь помѣщенъ «реестръ» «гражданскихъ». Подъ руками былъ знаменитый въ свое время Роллень, который «насъ наградилъ богатыми дарами»; затѣмъ слѣдуютъ:

«Исторія Кураса;
Наука усмирять и объѣзжать Пегаса;
О разореніи, паденіи Царьграда
И разрушеніи Ерусалимска храма;
Надира шествіе къ великому Моголу
И нанесенный страхъ имъ оттоманску трону;
Кремлевска храма цензъ; еще Меморіалъ;
Саксонскій молодецъ, носатый Совѣстдралъ;
Милордъ Георгъ; Херсонъ; Баниза; Пересмѣшникъ;
Игралище судьбы, да Лазарилъ утѣшникъ;
Любовный вертоградъ и Францылъ Венціанъ;
Да мальчикъ у ручья; о древности славянъ;

1) «Стихи на взятіе Парижа», «Стихи на привезеніе колокола», «Епитафіи дѣду моему» (ненад. стих.).

Digitized by Google

Помпиліева жизнь; жизнь донъ-Фигероаза;
Арабски повѣсти — вотъ книги для показа!»[1]).

Но увлекаться этими книгами и безпечно витать въ мірѣ грезъ и фантазіи пришлось очень недолго. Въ родной семьѣ пробылъ Надеждинъ лишь «до десятилѣтняго возраста, когда, по обычаю и закону, въ то время существовавшему, дѣтямъ духовнаго званія слѣдовало поступать въ духовныя учебныя заведенія». Отецъ его сталъ колебаться: съ одной стороны, онъ «понималъ важность и необходимость» образованія, съ другой — опасался за нравственность ребенка, «оторваннаго отъ родительскаго дома и надзора»; помимо того, онъ съ грустью сознавалъ, что «дороговизна содержанія въ далекомъ губернскомъ городѣ» будетъ ему не по средствамъ. Какъ ни было горько, онъ, наконецъ, отказался отъ излюбленной мечты, осуществить которую такъ страстно хотѣлось, и въ 1815 году рѣшилъ пристроить сына причетникомъ въ той церкви, гдѣ онъ самъ былъ священникомъ. Начались сборы въ дорогу; хлопотъ было не мало: надо было не только собрать нужные пожитки, но еще написать прошеніе преосвященному и «сочинить родъ рѣчи, для устнаго предъ нимъ произнесенія стихами». Послѣднее было «исполнено» мальчикомъ «съ посильнымъ усердіемъ», и онъ поѣхалъ въ Рязань одинъ, такъ какъ отецъ, «за недосугомъ», не могъ отлучиться изъ своего села.

Прибывъ въ незнакомый ему городъ, Надеждинъ не растерялся: разыскалъ архіерейскій домъ; въ числѣ другихъ просителей, смѣло представился архіепископу Ѳеофилакту и «возбудилъ его удивленіе» своей рѣчью и своимъ ходатайствомъ»[2]). Въ про-

1) «Реестръ книгъ». Стихотвореніе переписано рукою Надеждина на бумагѣ 1816 г. со слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Какъ слогъ сей піесы, такъ и малое число книгъ, упоминаемыхъ въ ней, свидѣтельствуетъ о ея древности (!): она найдена на одной старой тетради и, по всѣмъ признакамъ, написана, кажется, около 1812 года». Повидимому, находясь въ семинаріи, Надеждинъ не разъ пересматривалъ свои старыя тетради.

2) *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 51—52. Нѣсколько иначе изложены упомянутыя событія въ «Запискахъ» Д. И. Ростиславова (*Русская*

Digitized by Google

читанномъ Надеждинымъ стихотвореніи просто и наивно разсказаны затруднительныя жизненныя условія, въ которыя поставлена его семья, и выражены его личныя желанія:

«Прошеніе сіе дерзаю приносить
Рязани города первѣйшему отцу
Ѳеофилакту, и его хочу просить,
Чтобъ внялъ онъ слабому, незрѣлому птенцу.
. . . . . .
Земной кругъ времена разъ десять облетѣли,
Когда глаза мои свѣтъ Феба — дня узрѣли.
Путеводитель кто ко счастью будетъ мнѣ?
Къ кому я прибѣгу, къ кому, какъ не къ тебѣ?
Я бѣденъ въ знаніяхъ и есмь гонимъ судьбою,
Надѣюсь разогнать препятства всѣ тобою.
Дай милости твоей мнѣ каплю лишь испить,
Чтобъ могъ я въ юности тебя благодарить.
. . . . . .
Въ отечествѣ моемъ чинъ остается празденъ,
По вашей милости кой клирикомъ оставленъ.
Расположеніе ко мнѣ прихожанъ есть,
Всѣ въ чинѣ семъ меня они желаютъ зрѣть:
Чему свидѣтелемъ прихожанъ сихъ прошенье.
Потребно, Пастырь, мнѣ твое благоволенье, —
И привилегію на тамошни чины,
Которы клирикомъ тѣмъ суть оставлены,
Позволь, о Пастырь, дать, дерзаю я просить,
Не въ тягость мнѣ своимъ родителямъ чтобъ быть.
. . . . . .

Старина, 1894, № 6, стр. 95 и слѣд.): «Отецъ (Надеждина), видя талантъ въ сынѣ, подумалъ, что нѣтъ надобности отдавать его въ семинарію, счелъ за лучшее пристроить его дьячкомъ въ своемъ селѣ и *ѣздилъ вмѣстѣ* съ *нимъ* къ тогдашнему архіерею Ѳеофилакту, чтобы просить о дьячковскомъ мѣстѣ и т. д.». Мы отдаемъ предпочтеніе автобіографіи Надеждина.

Digitized by Google

О, мудрый Пастырь нашъ! о, новый Меценатъ!
Полезное теперь къ ученію есть время,
Но я еще ношу заботъ, печалей бремя.
Прошу тебя теперь, любезнѣйшій Отецъ!
Сплети изъ милостей мнѣ миртовый вѣнецъ[1]).

Ѳеофилактъ, «отличавшійся любовью къ литературѣ», принялъ Надеждина ласково, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, задавалъ ему разные вопросы, и «былъ пораженъ» его «мѣткими и остроумными отвѣтами» и «особенно его свѣдѣніями въ исторіи и географіи, которыми онъ смѣло могъ похвастаться передъ многими старыми семинаристами». Преосвященный не пожелалъ, чтобы дарованія мальчика заглохли въ деревнѣ, и заявилъ послѣднему, что въ причетники его не опредѣлитъ, а оставитъ въ городѣ для дальнѣйшаго обученія, предоставляя ему «право» «пользоваться доходами съ просимаго причетническаго мѣста» и «исправлять обязанности» чтеца и пѣвца въ церкви только во время вакацій. Надеждинъ былъ немедленно подвергнутъ испытанію по всѣмъ извѣстнымъ ему предметамъ и, по окончаніи его, зачисленъ въ списки учениковъ высшаго класса Рязанскаго духовнаго уѣзднаго училища, откуда черезъ годъ перешелъ въ классъ риторики мѣстной семинаріи; здѣсь впервые онъ названъ своей настоящей фамиліей[2]). Говорятъ, этой фамиліей онъ былъ обязанъ архіепископу Ѳеофилакту, который взялъ его подъ свое особое покровительство и, возлагая на него большія надежды, далъ ему въ русскомъ переводѣ имя Сперанскаго[3]).

1) «Прошеніе Ѳеофилакту, архіепископу рязанскому» (неизд. стих.).

2) *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 52; *Русская Старина*, 1894, № 6, стр. 95 и слѣд.

3) *Русскій Архивъ*, 1882, книга III, № 5, стр. 88; Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, книга II, стр. 342—343. Ср. Д. Агнцевъ. Исторія рязанской духовной семинаріи. Рязань, 1889, стр. 289 — 290: «Съ разрѣшенія семинарскаго начальства, ученики, по волѣ родителей и по собственному желанію, перемѣняли фамиліи; *а иногда само начальство назначало фамилію ученику*». Одному воспитаннику Михаилу Злобину, желавшему получить прозвище «Гомеровъ», семинарское правленіе предписало именоваться Добронравовымъ. Очевидно, случай съ Надеждинымъ былъ обычнымъ явленіемъ.

Digitized by Google

Въ 1815 году Рязанская семинарія была только что реформирована согласно «Докладу о усовершеніи духовныхъ училищъ», утвержденному императоромъ Александромъ въ началѣ минувшаго столѣтія. Кромѣ руководящаго «центральнаго надзора» и матеріальныхъ средствъ, было обращено вниманіе на «недостатокъ учителей съ высшимъ образованіемъ», на «неопредѣленность и смѣшанность курсовъ», на «преобладаніе формализма и схоластики въ обученіи при господствѣ латинскаго языка». Были приняты мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ, и общій строй заведенія нѣсколько измѣнился къ лучшему. Наставники, примѣняясь къ новому уставу, должны были «возбуждать самодѣятельность» учениковъ, «вызывать ихъ на размышленіе» и «требовать отчетности въ усвоеніи» пройденнаго; при этомъ, не было никакого стѣсненія въ выборѣ руководствъ и пособій, такъ какъ рекомендовалось «всегда держаться на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ». Но трудно было сразу отрѣшиться отъ прежнихъ традицій, съ которыми сжились педагоги: схоластическіе пріемы преподаванія и грубое отношеніе къ воспитанникамъ еще въ теченіе многихъ лѣтъ то и дѣло напоминали доброе старое время и бурсацкіе нравы [1]).

Семинарія дѣлилась на три отдѣленія: высшее, среднее и низшее, или на классы: богословскій, философскій и риторическій. Названія классовъ указывали на тѣ предметы, которые считались наиболѣе важными и которымъ посвящалось наибольшее число уроковъ. Особое вниманіе было обращено также на изученіе классическихъ языковъ; по-латыни часто велось преподаваніе всѣхъ главныхъ предметовъ. Философія проходи-

1) *Русская Старина*, 1894, № 6, стр. 95 — 111: По разсказамъ современниковъ, одинъ изъ педагоговъ Д. Ареопагитскій часто называлъ учениковъ «шельмами» и «канальями»; «самъ по себѣ онъ былъ добрый человѣкъ, но, получивши грубое, бурсацкое воспитаніе, думалъ», что ему «нѣтъ нужды съ ними церемониться, что мягкое, деликатное обращеніе» къ семинаристамъ «не примѣнимо», и для нихъ «нужна гроза».

Digitized by Google

лась по учебникамъ Баумейстера (Philosophia demonstrativa), Карпе (Institutiones philosophiae), Бруккера (Institutiones historiae philosophiae); логика — по Бахману; словесность — по риторикамъ Бургія, Лежая и Мейнерса[1]). Семинарское ученіе, вообще, не было богато содержаніемъ: несмотря на требованія новаго устава, оно мало знакомило съ «современнымъ состояніемъ наукъ» и «даже не развивало любознательности»; до 1823 г. не было особой каѳедры гражданской исторіи; по математикѣ «давались понятія о многомъ, но едва ли глубокія»; исторія русской литературы преподавалась не всегда и въ сокращенномъ видѣ[2]); съ изящной словесностью знакомили мало, и въ семинарской библіотекѣ, даже въ концѣ двадцатыхъ годовъ, съ трудомъ можно было достать сочиненія Карамзина[3]). Указанные пробѣлы восполнялись ознакомленіемъ учениковъ съ главнѣйшими философскими системами и строгой логичностью преподаванія. Отъ письменныхъ работъ не требовали «легкости» стиля, а отчетливаго доказательства выставленныхъ положеній, послѣдовательнаго изложенія мыслей. Была соблюдаема величайшая точность въ переводахъ съ классическихъ языковъ на русскій и обратно, въ составленіи «латинскихъ задачекъ» и такъ называемыхъ «подражаній». Въ сочиненіяхъ «никакъ не дозволяли разглагольствовать и распространяться о предметѣ произвольно»: «прежде чѣмъ борзописецъ пустится въ пространное море своего сочиненія, его обязываютъ представить планъ», и въ послѣднемъ «должно быть показано: какая мысль будетъ въ приступѣ, какъ онъ раздѣлитъ свои доказательства и въ чемъ состоятъ доказательства». Изъ воспитанниковъ хотѣли сдѣлать хорошихъ діалектиковъ и проповѣдниковъ; ихъ учили «словопреніямъ», и вторая часть риторики была посвящена изложенію правилъ ораторскаго ис-

1) Д. Агицевъ. Исторія рязанской духовной семинаріи. Рязань, 1889, стр. 159, 160; 197—285. По словесности, кромѣ Мейнерса, были въ употребленіи риторики Ивана Рижскаго и Якова Толмачева.

2) Тамъ же, стр. 225, 226, 229. *Русскій Архивъ*, 1876, № 6, стр. 227 и слѣд.

3) *Русская Старина*, 1894, № 6, стр. 95—111.

Digitized by Google

кусства. Устраивались особые коллоквіумы и диспуты: кто-нибудь «объявлялъ себя защитникомъ избранной темы», другой возражалъ; логика процвѣтала: всѣ доказательства приводились въ видѣ силлогизмовъ; нужно было уловить противника на невѣрности большей либо меньшей посылки (praemissa major, praemissa minor negatur), либо на неправильности заключенія (consequentia non valet) [1]).

Надеждинъ быстро освоился съ семинарскимъ бытомъ и, по своей даровитости, легко приноровился къ утвердившимся тамъ педагогическимъ пріемамъ. Въ училищѣ, вслѣдствіе плохой подготовки по нѣкоторымъ предметамъ, онъ сначала отставалъ отъ товарищей и былъ «отданъ подъ надзоръ лучшихъ» воспитанниковъ, изъ которыхъ А. Д. Модестовъ (впослѣдствіи протоіерей Рязанскаго дѣвичьяго монастыря) обязался «учить его греческому языку и еженедѣльно докладывать владыкѣ объ успѣхахъ своего питомца» [2]). Занятія съ Надеждинымъ не представляли никакихъ затрудненій: онъ, безъ всякихъ усилій, черезъ мѣсяцъ-другой, сравнялся со своими коллегами и, поступивъ въ 1816 году въ классъ риторики, сразу выдѣлился среди окружающихъ и проявилъ «замѣчательныя способности».

Онъ постигъ семинарскую премудрость. Твердо помня по запискамъ преподавателей, что «человѣкъ особенно отличается отъ прочихъ животныхъ мыслію и словесностью», онъ обстоятельно изучалъ и «науку, наставляющую правильно» «снискивать о вещахъ основательное познаніе», и «науку, наставляющую краснорѣчиво и убѣдительно говорить»; онъ былъ прекрасно освѣдомленъ о всѣхъ хитроумныхъ тонкостяхъ, къ которымъ прибѣгали для выясненія «понятія», «сужденія», «заключенія»; зналъ, что «rhetor est qui tradit praecepta eloquentiae», а «orator» — «qui dicit bene, ornate, copiose sapienterque» [3])... Но,

---

1) *Русскій Архивъ*, 1876, № 6, стр. 227—229.
2) *Русская Старина*, 1894, № 6, стр. 95—111.
3) «Oratoria» — семинарскія тетради Надеждина.

Digitized by Google

вѣроятно, не очень занимало его заучиванье этихъ школьныхъ тетрадокъ; онъ больше любилъ писать сочиненія, испытывалъ прежнее влеченіе къ стихотворству. Ораторъ и поэтъ — вотъ люди, на долю которыхъ, съ его точки зрѣнія, выпалъ высшій человѣческій жребій; ихъ завидный удѣлъ — удѣлъ немногихъ избранниковъ; быть на ихъ мѣстѣ, имѣть силу ихъ вліянія — его тайное, но страстное желаніе. «Между главнѣйшими совершенствами»,—писалъ онъ въ энтимемѣ «Краснорѣчіе полезно»— «каковыми Всевышнее Существо одарило человѣка, даръ слова есть наисовершеннѣйшій, и, кажется, небо, изливая дары свои, замѣнило онымъ всѣ недостатки смертнаго. Поразить умъ и сердце, проникнуть въ душу слушателей, плѣнить воображеніе, представить ужасныя и трогательныя картины и, наконецъ, восторжествовать надъ противниками — вотъ что̀ значитъ быть витіею, имѣть даръ слова». Важное значеніе краснорѣчія выясняется исторіей. «Съ униженіемъ онаго постепенно унижалась и слава» народовъ, приходили въ упадокъ ихъ «нравы и благосостояніе»; но «когда сіе благотворное свѣтило восходило на горизонтѣ ученаго міра, тогда лучами его все оживлялось, миръ и тишина водворялись». «Прошедшее» указываетъ, «сколь сильно и сколь благодѣтельно вліяніе изящнаго вкуса на устроеніе, на благо гражданства»... «Тамъ въ вечернемъ мерцаніи сіяютъ начертанныя эѳирными перстами безсмертія дѣла любителей краснорѣчія». «На тихихъ берегахъ Иллиса», «гдѣ, подъ развѣсистыми деревами, бесѣдовали нѣкогда Геній, любимецъ Истины, съ простотою, съ невинностью», «очаровательное искусство изливалось устами Есхиновъ и Демосѳеновъ». Краснорѣчіе—«зерцало души нашея дѣйствій»; оно «увѣковѣчило» имена Златоустовъ и Платоновъ, занеся ихъ на «мраморныя скрижали исторіи»; оно—солнце, «насъ согрѣвающее и оживляющее», — «святилище» великихъ «истинъ, насъ назидающихъ» [1])...

Не менѣе высоко и призваніе поэта.

---

1) Энтимема: «Краснорѣчіе полезно».

Digitized by Google

«Творить, плѣнить, разить и колебать сердца —
Вотъ даръ поэзіи, удѣлъ ея пѣвца!
Поетъ — вездѣ восторгъ — и горесть утихаетъ;
Поетъ — подземный міръ и Церберъ засыпаетъ,
И камни, древеса подъ нимъ оживлены,
И лирой золотой сердца поражены».

«Стрѣлы», которыми чародѣй насъ «поражаетъ» и «возвышаетъ нашу душу» — высокое, изящное, полезное, забавное. Высокое «паритъ въ вершинахъ эмпирея», «потрясаетъ умъ». «Все нами зримое» — «одно предвозвѣщанье неизглаголанныхъ верховныхъ совершенствъ»; «природа» — «символъ невидимыхъ естествъ»; высокое, «отблескъ Высшаго владыки», «изумляетъ» «величіемъ, быстротой». Изящное, наоборотъ, «плѣняетъ»; его «источникъ» — «фигура, цвѣтъ, движенье, простота»; оно заключаетъ въ себѣ красоту. «Нѣжныя черты изящества» являетъ намъ «подруга смертнаго».

«Супруга нѣжная, какъ другъ, какъ дочь, какъ мать,
Достойна смертнаго печали раздѣлять.
Взгляните на нее — она въ объятьяхъ друга!
Стыдливо нѣжная и робкая подруга
Старается его желанья предузнать,
Его сердечну грусть разсѣять и разгнать!
Какой огонь въ ея невинныхъ разговорахъ!
Какая красота въ ея открытыхъ взорахъ!
Склоняся къ милому на нѣжну милу грудь,
Старается тишкомъ стерть слезку и вздохнуть».

Поэтъ видитъ въ природѣ — «вѣрный образецъ» для творчества; его «поприще — велико»: онъ — общественный дѣятель.

«Учить народъ добру — призваніе поэта!
Онъ истины герольдъ, учитель грозный свѣта,
Его удѣлъ порокъ разить и обличать,

Digitized by Google

Людей на правый путь наставить, научать.
Поэтъ христіанинъ есть органъ истинъ вѣчныхъ»[1]).

Величественная роль поэта сливается съ ролью оратора.

Надеждинъ хотѣлъ совмѣстить въ себѣ того и другого. Онъ увлекается «Метаморфозами» Овидія и старается точно передать на русскомъ языкѣ первую книгу[2]); пишетъ разсужденіе, въ которомъ доказываетъ, что «простота вѣры, противоположная излишнему довѣрію разуму, есть необходимое средство для того, чтобы съ пользою читать Священное Писаніе»[3]). Онъ не прочь щегольнуть своей «ученостью»: не разъ встрѣчаются ссылки на «Пиндара росскихъ странъ», «изобразившаго Петрову дщерь»; на «Барда Фелицы», Хераскова, Богдановича, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго и Карамзина; либо упоминаются, кромѣ обычныхъ сопутниковъ семинарскихъ упражненій: Гомера, Пиндара, Горація, — Корнель, Расинъ, Шиллеръ. По всей вѣроятности, здѣсь сказалось вліяніе отцовской библіотеки, гдѣ, наряду съ русскими, было не мало переводныхъ сочиненій.

Литературныя занятія Надеждина поощрялись его наставниками. Соборный іеромонахъ Филоѳей, просматривавшій тетради, дѣлалъ на нихъ похвальныя помѣтки: «хорошо», «одобренія всякаго достойно», «видно въ сей піесѣ очень довольно піитическихъ познаній». Одно только смущало почтеннаго баккалавра: свѣтскій характеръ иныхъ стихотвореній и вольность, которую позволялъ себѣ Надеждинъ, противорѣчили традиціямъ духовнаго учебнаго заведенія, въ стѣнахъ котораго было неумѣстно «слишкомъ говорить о женской красотѣ»[4]). Но послѣднее было вполнѣ свойственно бойкому и рѣзвому мальчику, который не особенно

---

1) «Разсужденіе о предметахъ поэзіи» (1818; неизд. стих.).

2) «Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon liber primus» — переводъ Н. И. Надеждина (1818).

3) Разсужденіе «Объ опасности излишняго довѣрія разуму при разъясненіи Св. Писанія».

4) Семинарскія тетради Н. И. Надеждина (passim).

Digitized by Google

боялся учителей и не стѣснялся открыто заявлять о своемъ вкусѣ и мнѣніи [1]).

Въ 1817 году архіепископъ Ѳеофилактъ былъ назначенъ экзархомъ Грузіи; на его мѣсто въ Рязань былъ переведенъ преосвященный Сергій. Положеніе Надеждина въ семинаріи сдѣлалось неопредѣленнымъ: новый начальникъ могъ отмѣнить постановленія предшественника, и доходы съ причетническаго мѣста могли быть переданы другому лицу. Зная бѣдственное положеніе своей семьи, юный авторъ преподнесъ Сергію стихотворное «Преложеніе канона въ день пятидесятницы» съ посвященіемъ, гдѣ просилъ «призрѣть его молодость», быть его покровителемъ.

«Досель защитникомъ мнѣ былъ Ѳеофилактъ,
Но онъ оставилъ всѣхъ, оставивши сей градъ.
Подобно оному, благопріятнымъ окомъ
Воззри на сущаго въ невѣжествѣ глубокомъ!
Отъ бури вянетъ цвѣтъ весною средь полей:
Не дай увянуть мнѣ среди цвѣтущихъ дней!»

Да простится ему дерзость: онъ «приложитъ труды къ трудамъ», начнетъ усердно «успѣвать въ полезнѣйшихъ наукахъ», «образовывать умъ, сердце». Онъ извиняется за несовершенства «слабаго плода его занятій».

Двѣнадцать лѣтъ добра немного обѣщаютъ,
Двѣнадцать лѣтъ еще птенца не просвѣщаютъ.
Неопытность моя ручается за то,
Когда найдешь ты здѣсь неправильное «что»!
Я то писалъ, что̀ мнѣ повелѣвали чувства,
Здѣсь сердце говоритъ, ни мало нѣтъ искусства» [2]).

---

1) Ср. *Русскую Старину*, 1894, № 6, стр. 95—111.

2) «Господину нашему Преосвященному Епископу Сергію Рязанскому и Зарайскому и Кавалеру — всепокорнѣйшій рабъ Рязанской Семинаріи низшаго отдѣленія Николай Надеждинъ» (1817; неизд. стих.).

Digitized by Google

Заинтересованный Сергій взялъ это произведеніе, внимательно прочиталъ и посовѣтовалъ «обратить талантъ на дѣло богоугодное и именно заняться поэзіею священною»[2]). Нѣсколько времени спустя, объѣзжая свою епархію, архіерей посѣтилъ Бѣлоомутъ, гдѣ ему была устроена торжественная встрѣча мѣстнымъ духовенствомъ. Находившійся въ отпуску (вѣроятно, по случаю лѣтнихъ вакацій) Надеждинъ, въ качествѣ причетника, произнесъ привѣтственное слово. — «Для хладнаго замерзшаго сѣвера», говорилъ онъ: «одно пришествіе юной весны, румяной дщери года, бываетъ источникомъ всѣхъ благъ, всѣхъ удовольствій: одинъ лучъ животворнаго солнца производитъ великолѣпныя перемѣны: зеленѣютъ поля, украшенныя благоухающими цвѣтами, скачутъ (sic) земледѣльцы, уповая собрать обильную жатву; веселятся утомленные путники, обрѣтая прохладу подъ тѣнью столѣтняго дуба: словомъ все въ мірѣ оживляется; равно и для насъ сыновъ твоихъ, одно твое присутствіе, одинъ взоръ твой есть удовлетвореніе всѣмъ нашимъ желаніямъ; одно твое слово есть разительная молнія, пронзающая сердца всѣхъ твоихъ вѣрныхъ, горящихъ къ тебѣ чистѣйшимъ жаромъ благодарности. Се тысячи къ тебѣ благоговѣютъ, и, кажется, взоры ихъ силятся изобразить то, что̀ скрыто въ ихъ сердцѣ»[3]).

Сергій, видимо, былъ тронутъ и, съ тѣхъ поръ, подобно Θеофилакту, сталъ относиться съ особеннымъ вниманіемъ и отеческой заботливостью къ новому «витіи». Прошло два-три года; наѣзжавшіе въ Рязань академическіе ревизоры тоже замѣтили выдающіяся способности Надеждина, уже воспитанника философскаго отдѣленія, и, по рекомендаціи семинарскаго начальства, рѣшили отправить его въ московскую академію,

---

2) Тетрадь стиховъ, написанныхъ на темы, взятыя изъ Библіи и Евангелія (Заглавіе первой страницы: «Развращеніе вселенныя») [1821].

3) «Рѣчь на прибытіе Архипастыря въ Бѣлоомутъ». — Всѣ сочиненія, посвященныя Сергію, сохранились не въ оригиналѣ, а въ копіяхъ, составляющихъ небольшую четко написанную тетрадь.

Digitized by Google

минуя богословскій классъ[1]). Въ 1820 году Надеждину былъ выданъ правленіемъ аттестатъ, въ которомъ значилось, что онъ, «при способностяхъ отличныхъ», «прилежаніи постоянномъ» и «поведеніи весьма честномъ», «обучался наукамъ философскимъ и словеснымъ» «отлично»,—«историческимъ и математикѣ» «очень хорошо» и языкамъ: «латинскому, греческому, еврейскому и французскому»—«хорошо, отлично и похвально»[2]).—Съ такимъ аттестатомъ въ карманѣ и съ пылкими мечтами въ головѣ, шестнадцатилѣтній юноша не безъ грусти простился съ роднымъ краемъ, гдѣ такъ долго безвыѣздно жили его предки, и смѣло пустился въ далекій невѣдомый путь искать счастья и удачи[3]).

Въ Москвѣ нужно было немедленно держать пріемные экзамены вмѣстѣ съ другими семинаристами, съѣхавшимися въ академію чуть не «со всѣхъ концовъ Россіи». Экзамены не были очень строги, и рѣдко случалось, чтобы не выдержавшаго отправляли обратно въ его епархію. Испытаніе «ограничивалось вопросами только изъ наукъ богословскихъ и философскихъ и двумя экспромтами»: латинскимъ и русскимъ. На этотъ разъ тема латинскаго экспромта была слѣдующая: «Perpendatur pretium atque eruantur desiderata systematis Wolfiani tam in toto, quam in singulis partibus considerati», — иными словами, отъ экзаменующагося потребовали «полнаго» «отчета въ томъ, чему его до тѣхъ поръ учили», такъ какъ упомянутая философская система «господствовала во всѣхъ семинаріяхъ». Надеждинъ, «уже читавшій Канта и другихъ новыхъ философовъ нѣмецкихъ», «со всѣмъ юношескимъ жаромъ возсталъ на Вольфа и вообще

---

1) Визитаторомъ изъ академіи пріѣзжалъ въ 1820 году архимандритъ и ректоръ Спасо-Виѳанской духовной семинаріи Никаноръ, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и петербургскій (*Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 53).

2) Архивъ Московской духовной академіи. Дѣло о составѣ четвертаго академическаго курса, 1820 г., № 84.

3) Преосвященный Сергій разрѣшилъ Надеждину пользоваться доходами съ причетническаго мѣста на время пребыванія въ академіи (*Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 53).

Digitized by Google

на эмпиризмъ, главную характеристическую черту основанной имъ школы»; ему «удалось написать довольно обширную диссертацію, которая заслужила одобреніе»[1]) — и онъ былъ принятъ въ академію.

Это высшее учебное заведеніе, находившееся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ знаменитаго Филарета (Дроздова), переживало пору «юношескаго развитія». Старые авторитеты были поколеблены; схоластическія традиціи постепенно утрачивали свое значеніе: науку рѣже заключали въ «тѣсныя рамки готоваго сбора вопросовъ, принятыхъ во всѣхъ системахъ»; мысль менѣе «связывали путами формы»; вводились новые предметы (эстетика и литература) и новые пріемы преподаванія; были изъяты изъ употребленія прежніе учебники, выписывались въ библіотеку сочиненія Канта, Шеллинга, Фихте. Измѣнилось чтеніе лекцій по богословію; началась «историко-критическая разработка источниковъ», обращено вниманіе на «правила строгаго изслѣдованія и изъясненія священнаго текста»; учреждены особыя каѳедры для «изученія церковныхъ постановленій»; филологія выдвинулась впередъ: для уясненія смысла Св. Писанія введено чтеніе подлинниковъ на греческомъ и еврейскомъ языкахъ. Значительно успѣшнѣе пошло и преподаваніе философіи, которую считали «приготовительнымъ средствомъ» къ разрѣшенію «богословскихъ вопросовъ»[2]). На первыхъ порахъ философами-любимцами оказались Плотинъ, Якоби, Баадеръ. Возникла старая задача — примиреніе вѣры и знанія, устраненіе между ними противорѣчій, согласованіе философскихъ воззрѣній съ догматами христіанской религіи. Дверь широко распахнута для вѣры, предметомъ которой является дѣйствительность. Плѣняетъ протестъ «философа вѣры» (Якоби) противъ Спинозы: внѣміровой Богъ существуетъ. Въ людяхъ можетъ не быть самопроиз-

1) С. Смирновъ. Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). М. 1879, стр. 150—151, 155—156. (Ср. *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 53—54).

2) Тамъ же, стр. 64—68.

Digitized by Google

вольной дѣятельности ни теоретической, ни практической; за то они дѣятельны воспріимчиво, — испытываютъ нужду въ высшемъ, принимаютъ участіе въ знаніи божественномъ; слѣдуетъ свободно признать авторитетъ и убѣдиться въ истинѣ церковнаго ученія. Знаніе вытекаетъ изъ вѣры.

Выдающимися профессорами философіи были В. И. Кутневичъ и Ѳ. А. Голубинскій. Первый, ученикъ Фесслера, человѣкъ «весьма даровитый и трудолюбивый», раскрылъ «своимъ слушателямъ высокое значеніе науки» и «способствовалъ развитію въ нихъ строгаго и основательнаго мышленія».

Второй, эклектикъ по характеру своей системы, далъ лекціямъ направленіе теологическое; «восходя къ началамъ древней мудрости, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ отцовъ церкви, допускалъ, что лучшее въ ученіи древнихъ философовъ не могло быть порождено самостоятельною дѣятельностію разума, но было заимствовано отъ іудеевъ, которымъ было сообщено Божественное откровеніе». Голубинскій не питалъ довѣрія къ авторитету Шеллинга или Гегеля; въ «новыхъ открытіяхъ» любилъ «указывать проявленіе идей, давно господствовавшихъ въ философіи Востока». Соединяя съ большой начитанностью и ясностью ума «глубокое смиреніе и поэтическую нѣжность души», онъ производилъ обаятельное впечатлѣніе своей личностью; владѣя прекраснымъ даромъ слова, онъ увлекалъ студентовъ, которые «съ жаромъ записывали всѣ его лекціи по метафизикѣ» и хранили ихъ, какъ «драгоцѣнность».—Нѣсколько меньшей популярностью, чѣмъ Голубинскій, пользовался профессоръ общей словесности П. И. Доброхотовъ, «преподававшій съ знаніемъ дѣла и съ живымъ одушевленіемъ». Широкая постановка предмета далеко выходила изъ предѣловъ, свойственныхъ учрежденію, гдѣ читалъ этотъ талантливый лекторъ-декламаторъ, умѣвшій въ красивой формѣ излагать философско-эстетическія воззрѣнія, которыя онъ проводилъ въ своемъ курсѣ стройно и послѣдовательно [1]).

1) С. Смирновъ. Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). М. 1879, стр. 45—54; 183—184. Филаретъ архіепископъ

Digitized by Google

Послѣ семинаріи, академическія лекціи показались Надеждину особенно интересными. «Слушать» Голубинскаго было для него «высочайшее наслажденіе»: «вдохновенныя импровизаціи» выясняли «обще-историческій взглядъ на развитіе рода человѣческаго»; дѣлалось понятно, что «въ событіяхъ, составляющихъ содержаніе исторіи, есть мысль, что это не сцѣпленіе простыхъ случаевъ», а постепенная «выработка идей», «согласно съ условіями мѣста и времени». Направленіе способностей Надеждина опредѣлилось. Студентъ математическаго отдѣленія, онъ выказывалъ мало любви къ своей спеціальности; поэтому начальство «поручило ему заняться церковно-историческимъ изслѣдованіемъ о значеніи въ Православной церкви символа св. Софіи, которой посвященъ извѣстный храмъ въ Константинополѣ»[1]). Крупныя дарованія Надеждина, сказавшіяся и въ сочиненіи, и въ отличныхъ отвѣтахъ на такъ называемыхъ «внутреннихъ испытаніяхъ» (переходныхъ экзаменахъ)[2]), привлекли вниманіе профессоровъ, отзывавшихся о немъ съ похвалой и отмѣчавшихъ его талантливость[3]).

Но наука не поглощала всѣхъ духовныхъ силъ Надеждина: она имѣла большое значеніе лишь для запросовъ ума, помимо которыхъ были иные, не находившіе себѣ удовлетворенія.

Стремленіе къ самостоятельности, къ проявленію своей личности было стѣснено; академическій режимъ ставилъ человѣка въ извѣстныя опредѣленныя рамки. Живой и энергичный юноша не могъ примириться со всѣми общеобязательными условностями; ему было душно, онъ рвался на волю, а монахи старались привить аскетическое міровоззрѣніе, увѣщавали надѣть черный клобукъ. И не мало надо было усилій, чтобы ока-

---

Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы, Черниговъ, 1863, книга II, стр. 271—272.

1) *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 54.

2) Архивъ Московской духовной академіи. Дѣло о производствѣ внутренняго испытанія студентамъ за 1822 г., № 93.

3) Сообщеніе академика Е. Е. Голубинскаго.

Digitized by Google

зать противодѣйствіе... Недовольство условіями жизни, борьбу за свою независимость Надеждинъ, уже перешедшій на IV курсъ, старательно скрывалъ отъ семьи и долго не давалъ о себѣ вѣстей изъ боязни обнаружить свою тайну; но, узнавъ о безпокойствѣ отца, онъ не выдержалъ. «Не подумайте», писалъ онъ домой въ 1824 г.: «чтобы я былъ равнодушенъ къ таковому, можно сказать, безмолвію съ моея стороны! Я очень чувствовалъ пагубныя его послѣдствія—и былъ принужденъ не прерывать онаго. Да и чѣмъ бы я могъ прервать его? Что́ бы я избралъ предметомъ для моего письма? Новаго ничего не случалось со мною: все шло по старому: и утѣшительнаго для васъ не могло бы ничего доставить письмо мое. Такъ! Батюшка! и понынѣ жизнь моя тянется въ мучительной однообразности: она походитъ на плѣнъ узника, который, бывъ осужденъ не видѣть никогда дневнаго свѣта, находитъ, по крайней мѣрѣ, горестное удовольствіе въ томъ, чтобы считать дни своего узничества. Не подумайте, чтобы я говорилъ это въ разсужденіи моего внѣшняго благосостоянія! нѣтъ! оно для меня совсѣмъ неизвѣстно, и я—откровенно сказать!—объ немъ мало забочусь. Душа моя, опутанная нитями, которыя я самъ для себя сплелъ, чувствуетъ необходимость прогрызть оныя и содѣлаться крылатою бабочкою: она похожа теперь на птенца, которому яичная скорлупа уже наскучила, но котораго носикъ столько еще слабъ, что не можетъ раздробить ее совершенно, и открыть себѣ свободный выходъ на бѣлый свѣтъ. Можетъ быть, для васъ покажутся темны загадки, которыми теперь я говорю съ вами: но послѣдствія объяснятъ все, и объяснятъ очень скоро: яко время близь есть! Время дорогое, вожделѣнное,—котораго я жажду, и отъ котораго, впрочемъ, еще не смѣю ничего надѣяться»... «Остается мнѣ теперь поговорить съ вами о нашихъ новостяхъ! Вотъ онѣ! У насъ передъ Рождествомъ четверо изъ моихъ товарищей постриглись въ монахи и уже іеродіаконами. Къ числу ихъ принадлежатъ: Михайло Алексѣевичъ Зиминъ, который нынѣ уже отецъ *Макарій*, и извѣстный вамъ Стефанъ Ѳедоровичъ Орловъ,

Digitized by Google

коего нынѣшнее имя отецъ Сергій. *И мнѣ было внушено тоже, да и не безъ успѣха:* такъ что я совсѣмъ было написалъ просьбу! ю подумалъ и положилъ ее въ комодъ, впредь до разсмотрѣнія. Для меня лучше оставаться всегда покорнымъ вашимъ сыномъ» [1]).

Раздраженіе противъ начальства не могло стихнуть; наоборотъ, ежедневныя мелочныя столкновенія способствовали его усиленію; накипѣвшая горечь должна была излиться наружу: умѣнье сразу подмѣчать слабыя стороны людей и врожденная насмѣшливость сослужили, на этотъ разъ, Надеждину плохую службу. Замѣтивъ неудовлетворительность лекцій ректора Кирилла, «не отличавшагося ни правильнымъ изложеніемъ мыслей, ни изяществомъ слога», Надеждинъ сталъ, въ присутствіи товарищей, «пародировать» чтеніе своего профессора-богословія, былъ обвиненъ чуть не въ «невѣріи» и едва избѣжалъ исключе-

1) Письмо отъ 23 января 1824 г. (неизд.). Въ «Запискахъ Д. И. Ростиславова постриженіе въ монахи товарищей Надеждина освѣщено иначе: «Шаловливость перешла вмѣстѣ съ нимъ (Надеждинымъ) и въ академію; ему, избалованному еще въ домѣ отца своего и видѣвшему снисхожденіе къ себѣ въ пятилѣтнее обученіе въ Рязани, некогда было выдисциплинироваться, пріучиться, хоть по наружности, къ той притворной, а часто и приторно скромной маскѣ, какую пріучились и умѣли надѣвать въ свое время семинаристы»... «Разсказываютъ особенно одинъ случай, при которомъ *его страсть посмѣяться надъ товарищами уже очень далеко заходила.* Между ними былъ одинъ — Дроздовъ, который въ 1841—1847 гг. былъ ректоромъ Петербургской духовной академіи, а потомъ архіереемъ въ Саратовѣ и Астрахани. Они считались между собою пріятелями. *Надеждинъ уговорилъ Аѳанасія подать вмѣстѣ прошеніе о поступленіи въ монашество,* что такъ нравилось академическому начальству. Оба просителя явились къ ректору, или инспектору, не знаю, съ одною просьбою; обоихъ, какъ отличныхъ по способностямъ и успѣхамъ студентовъ, начальство очень радо было завербовать подъ клобукъ. Но просьбы о желаніи принять ангельскій чинъ не могли быть подаваемы коллективнымъ порядкомъ; каждый долженъ былъ написать особое прошеніе; имъ это и посовѣтовали сдѣлать поскорѣе, чтобы какъ-нибудь мысли не приняли другого направленія. Надеждинъ успѣлъ убѣдить Аѳанасія, что имъ уже все сдѣлано. Аѳанасій подалъ прошеніе и постриженъ въ монашество, а Надеждинъ и не думалъ о томъ; *смѣялся, что даже все это было сдѣлано только изъ желанія подшутить надъ пріятелемъ* (*Русская Старина*, 1894, № 6, стр. 95—111). Наше толкованіе тѣмъ правдоподобнѣе, что, по словамъ самого Д. И. Ростиславова, съ 1821 года митрополитъ Филаретъ «началъ придавать академіи суровый аскетическій характеръ».

Digitized by Google

нія изъ академіи [1]). Этотъ эпизодъ оказалъ воздѣйствіе и на дальнѣйшую судьбу Надеждина: несмотря на «отличные» успѣхи по *осьми* предметамъ, онъ пониженъ въ выпускномъ спискѣ и не былъ оставленъ при академіи [2]).

Онъ получилъ званіе магистра и кончилъ курсъ восьмымъ, тогда какъ многіе товарищи, значительно уступавшіе ему по способностямъ, имѣли лучшіе аттестаты [3]). «Хорошее», а не «отличное» поведеніе помѣшало ему сдѣлаться баккалавромъ. Отброшена мечта о научной карьерѣ; поприще съузилось, приходилось удовлетвориться малымъ. Впереди предстояла скромная дѣятельность преподавателя словесности въ Рязанской семинаріи. Нѣжная семейная ласка, родимыя мѣста, наплывъ старыхъ впечатлѣній, соединенныхъ съ золотымъ временемъ дѣтства, скрасятъ будущее, развѣютъ тихую грусть.

Н. Козминъ.

---

1) С. Смирновъ. Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). М. 1879, стр. 18, 379. Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы. Черниговъ, 1863, книга II, стр. 243.

2) Архивъ Московской духовной академіи. Дѣло съ приложеніемъ копій съ аттестатовъ студентовъ, кончившихъ IV академическій курсъ, 1824 г. № 107.

3) *Русская Старина*, 1894, № 6 (отзывъ Д. И. Ростиславова).

Digitized by Google

Отчетъ о поѣздкѣ во Владимирскую и Рязанскую губ. съ діалектологическою цѣлью.

Лѣто нынѣшняго года было очень неблагопріятно для поѣздокъ съ діалектологическою цѣлью. Діалектологическая Комиссія, предвидя это, не обсуждала и не устанавливала никакихъ общихъ плановъ на это лѣто, какъ это дѣлалось раньше. Каждому, имѣющему возможность совершить такую поѣздку, предоставлялось совершать ее по своему собственному плану, не считаясь съ обычной возможностью совмѣстныхъ работъ.

Для меня лично это лѣто было еще болѣе неблагопріятно потому, что я не располагалъ для поѣздки большимъ промежуткомъ времени безъ перерыва. Поэтому я не могъ строить обширныхъ плановъ для своей поѣздки и рѣшилъ посвятить свободную часть своего каникулярнаго времени на продолженіе своихъ прошлогднихъ работъ, т. е. на дальнѣйшее изслѣдованіе типовъ переходныхъ говоровъ на границѣ сѣверно-великорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій. Въ прошломъ году я занимался изученіемъ типа Новгородско-Тверского переходнаго говора съ его подраздѣленіями (см. мой прошлогодній отчетъ). Въ нынѣшнемъ году я намѣтилъ себѣ для объѣзда область переходныхъ говоровъ Владимирской губ.

Для болѣе точнаго ознакомленія съ общей картиной говоровъ во Владимирской губ., я принялся предварительно за изученіе

Digitized by Google

имѣвшихся въ моемъ распоряженіи матерьяловъ по этимъ говорамъ. Не могу не отмѣтить здѣсь лишній разъ крайнюю скудость матерьяловъ даже по основному окающему говору Владимирской губ., не говоря уже о говорахъ переходныхъ.

Все, чѣмъ могъ я располагать при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, сводилось къ слѣдующему:

1) В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимирскаго уѣздовъ. 1901 г.

2) Краткія сообщенія Колосова о различныхъ Владимирскихъ говорахъ въ его «Замѣткахъ о языкѣ и поэзіи сѣверновеликоруссовъ».

3) Владимирскій сборникъ Тихонравова. 1857 г.

4) Отрывочныя данныя въ «Трудахъ» и «Ежегодникѣ» Владимирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 60-ые годы.

5) Смирновъ. Пѣсни изъ Ковровскаго уѣзда Влад. губ. 1847 г.

6) Свѣдѣнія о говорѣ Александровскаго уѣзда въ Рус. Фил. Вѣстн. за 1879 г. (№ 2) и 1880 г. (№ 1).

7) Краткое сообщеніе о говорѣ нѣкоторыхъ селеній Покровскаго уѣзда въ Изв. отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. за 1896 г. II кн.

8) Сообщеніе Дербенева о говорѣ 3-хъ волостей Ковровскаго уѣзда.

9) Сообщеніе Маркова о говорѣ с. Петровскаго Переславскаго уѣзда.

10) Ст. Е. Ф. Будде о говорѣ Муромскаго уѣзда въ Учен. Зап. Каз. Ун. за 1895 г. (№ 1).

Судя уже по однимъ заглавіямъ, такіе источники не могутъ дать яснаго представленія о распредѣленіи говоровъ въ упоминаемыхъ въ нихъ мѣстностяхъ. Если же прибавить къ этому, что нѣкоторые изъ нихъ мало доступны, какъ напр. изданія Влад. Губ. Статистич. Комитета или старый сборникъ Смирнова, то мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что, по крайней мѣрѣ, съ

Digitized by Google

основнымъ Владимирскимъ говоромъ до сихъ поръ знакомились только по упомянутой статьѣ Чернышева и по тѣмъ выпискамъ изъ другихъ источниковъ, которыя имѣются въ «Діалектологіи» Соболевскаго.

Мнѣ, какъ члену Діалектологической Коммиссіи, удалось познакомиться еще съ отвѣтами на краткія программы Академіи по Влад. губ., которые разсматривались членомъ Коммиссіи Н. П. Кашинымъ и вышли теперь въ видѣ общей характеристики въ «Трудахъ Діалектологической Коммиссіи» (см. его «Замѣтку о гов. Влад. г.» въ Рус. Фил. Вѣстн. 1905, кн. IV). Но и эти свѣдѣнія мало прибавляютъ къ тому, что имѣлось раньше. Всѣхъ отвѣтовъ по Влад. губ. было 14, а именно: по одному отвѣту изъ Александровскаго и Муромскаго у., три — изъ Судогодскаго у., четыре — изъ Переславскаго у. и пять — изъ Гороховецкаго у.

Большой недостатокъ при предварительномъ знакомствѣ съ Владимирскими говорами чувствовался вслѣдствіе отсутствія отвѣтовъ на полныя академическія программы изъ Влад. губ. При поѣздкѣ въ Тверскую губ. въ прошломъ году и въ этомъ отношеніи я былъ въ несравненно лучшихъ условіяхъ.

Ознакомившись съ доступными для меня матерьялами, я ставилъ себѣ первоначально двѣ цѣли: 1) изучить основной окающій говоръ Влад. губ. и по возможности прослѣдить его распространеніе на сѣверѣ и югѣ губерніи и 2) составить себѣ общее представленіе о наиболѣе типичныхъ переходныхъ говорахъ въ предѣлахъ Влад. губ. Однако, въ силу неблагопріятныхъ условій нынѣшняго лѣта, мнѣ не только не удалось вполнѣ осуществить свой планъ, но пришлось ограничиться только общимъ ознакомленіемъ съ говорами тѣхъ мѣстностей, которыя оказались наиболѣе доступными для изслѣдованія. Кромѣ того, часть своего свободнаго времени я нашелъ возможнымъ посвятить такому же объѣзду сосѣднихъ уѣздовъ Рязанской губ. Поэтому и добытые мною результаты экскурсіи излагаются лишь въ общихъ чертахъ и притомъ скорѣе въ видѣ нѣкоторыхъ соображеній

Digitized by Google

для дальнѣйшихъ изслѣдованій, чѣмъ въ видѣ характеристики добытаго матерьяла.

Вполнѣ естественно, для достиженія первой изъ намѣченныхъ цѣлей, я началъ объѣздъ съ Владимирскаго уѣзда, для котораго у меня имѣлись уже свѣдѣнія, собранныя В. И. Чернышевымъ въ 1899 г. Двигаясь отъ Владимира на востокъ, я уже скоро убѣдился, что очень трудно въ переживаемое нами время разъѣзжать на лошадяхъ по уѣздамъ, которые затронуты крестьянскимъ движеніемъ или въ которыхъ находятся фабрики и заводы, дающіе общій тонъ жизни въ сосѣднихъ съ ними районахъ. Поэтому я рѣшилъ сузить свой планъ и ограничиться передвиженіемъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходѣ и только въ случаѣ благопріятныхъ условій удаляться въ сторону отъ этихъ путей сообщенія. Такъ я проѣхалъ довольно быстро и почти безъ остановокъ по желѣзной дорогѣ до Нижняго Новгорода. Непосредственно вслѣдъ за этимъ я совершилъ поѣздку на пароходѣ отъ Нижняго Новгорода по Окѣ и Клязьмѣ до слободы Мстёры Вязниковскаго уѣзда. Затѣмъ послѣдовалъ довольно продолжительный перерывъ въ моей экскурсіи, когда я по личнымъ дѣламъ долженъ былъ уѣхать на югъ Россіи. Наконецъ, почти мѣсяцъ спустя, я попалъ въ Рязань и оттуда проѣхалъ на пароходѣ по Окѣ до Нижняго.

Такимъ образомъ, моя экскурсія, очень непродолжительная въ цѣломъ (немного болѣе двухъ недѣль), оказалась состоящей изъ трехъ отдѣльныхъ поѣздокъ, имѣющихъ мало связи между собою по своимъ результатамъ. Поэтому я изложу маршруты и результаты этихъ поѣздокъ по отдѣльности.

I. Поѣздка отъ Владимира до Нижняго Новгорода по желѣзной дорогѣ.

Сначала я ѣхалъ по Владимирскому и отчасти Ковровскому уѣзду на лошадяхъ. Посѣтивъ мѣстность, гдѣ былъ Чернышевъ, — Боголюбово и Порѣцкое, — я заѣзжалъ въ Васильково и Воскресенское (на границѣ Суздальскаго у.) и оттуда пѣшкомъ

Digitized by Google

долженъ былъ пройти на ст. Второво. Отсюда черезъ д. Второву и Лаптеву я пытался проѣхать въ южную часть уѣзда, но вернулся безъ результатовъ. Послѣ такой же неудачной попытки познакомиться съ говоромъ около ст. Шуйско-Ивановской, я заѣзжалъ уже только въ города, т. е. въ Ковровъ, Вязники и Гороховецъ. По дорогѣ въ Вязники со станціи желѣзной дороги я посѣтилъ одну пригородную деревушку, а около Гороховца я былъ въ нѣсколькихъ деревняхъ, лежащихъ около шоссе на протяженіи отъ города до станціи желѣзной дороги и до р. Оки, а именно въ Великовой, Глубоковой, Семеновой, Оровой, Га́лецкой, въ какой то деревнѣ на берегу Оки (названія не помню) и въ лежащей на противуположной сторонѣ рѣки д. Лыскахъ Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ.

Въ результатѣ этой поѣздки я получилъ общее впечатлѣніе отъ основного Владимирскаго окающаго говора нѣсколько иное, чѣмъ я могъ вынести изъ предварительнаго знакомства съ печатными матерьялами, и кромѣ того, изъ знакомства съ говорами Гороховецкаго и отчасти Вязниковскаго уѣзда я сдѣлалъ предварительное заключеніе о существованіи въ восточной части Владимирской губерніи говора особаго типа въ сравненіи съ основнымъ Владимирскимъ и, можетъ быть, имѣющаго болѣе связи съ сосѣдними Нижегородскими говорами или съ говорами юго-восточныхъ уѣздовъ Владимирской губерніи, т. е. уѣздовъ Муромскаго и Меленковскаго. Объ этихъ послѣднихъ говорахъ, къ сожалѣнію, я не имѣлъ вовсе сколько нибудь удовлетворительнаго представленія. Съ цѣлью прояснить зародившееся предположеніе я и совершилъ двѣ слѣдующихъ поѣздки.

Что же касается основного Владимирскаго говора, который я слышалъ во Владимирскомъ и отчасти Ковровскомъ уѣздѣ и продолжалъ слышать кое гдѣ въ Вязниковскомъ уѣздѣ, то въ дополненіе къ той его характеристикѣ, которая сдѣлана В. И. Чернышевымъ въ такъ называемомъ Суздальскомъ междурѣчьи (см. его «Свѣд. о гов. Юрьевск., Сузд. и Влад. у.» стр. 31—36), я могъ бы сказать слѣдующее.

Digitized by Google

1) По своей интонаціи Владимирскій говоръ можно назвать отрывистымъ (нерастянутымъ), рѣзкимъ, яснымъ, не имѣющимъ того своеобразнаго распредѣленія долготъ и краткостей, которое характеризуютъ говоры Новгородскаго типа. Всѣ эти черты и составляютъ то, что отдѣльные наблюдатели выражаютъ терминами: «рѣзкій говоръ», «Володимирскій говоръ», «высокій говоръ» и т. п.

2) Главной фонетической особенностью этого говора я считаю произношеніе *о*, *е* въ неударяемыхъ слогахъ. Произношеніе ихъ считаютъ закрытымъ въ отличіе отъ открытаго Новгородскаго произношенія. Но это не совсѣмъ такъ. Въ прошлогоднемъ отчетѣ я указалъ, что и въ Новгородскомъ говорѣ въ извѣстномъ положеніи является *о* и *е* закрытое, и что это зависитъ отъ различной степени сохраненія лабіализующаго воздѣйствія на нихъ сосѣднихъ согласныхъ. Поэтому я сказалъ бы, что во Владимирскомъ говорѣ послѣдовательнѣе, чѣмъ въ Новгородскомъ, сохраняется лабіализующее свойство согласныхъ (особенно согл. *j* — см. ниже). Здѣсь рѣзко сохраняется *о*, *е* (въ видѣ *ē*) въ слогѣ передъ удареніемъ, въ первомъ слогѣ за удареніемъ (непослѣднемъ) и во второмъ за удареніемъ слогѣ. Зато въ слогѣ допредударномъ (второмъ отъ ударяемаго) развиваются рано ирраціональные звуки, а конечныя *о*, *е*, особенно непосредственно за удареніемъ, уже теперь звучатъ, какъ *а*. Вотъ примѣры на это изъ описанія Чернышева: вода, сёло, чиловѣкъ, многа, худоё, худое и худоя. Продолжая свои разсужденія дальше, я строю для переходныхъ говоровъ слѣдующую схему; во всѣхъ слогахъ кромѣ допредударнаго въ нихъ будетъ болѣе или менѣе рѣзкое *а*, особенно рѣзкое *а* — въ предударномъ и конечномъ слогахъ, а въ допредударномъ являются ирраціональные гласные съ наклонностью къ выпаденію. Это и есть типъ южно-рязанскихъ говоровъ. Примѣры: добр*а*й, х*а*рош*а*й, поля, б*а*льшая поля (ед. ч.), чилавѣкъ, съп*а*ги, Спажокъ (городъ), праходъ, платенца (ед. ч.), сяло, ф сялѣ, пъ сялу́ и т. п. Поэтому я не согласенъ съ Чернышевымъ, будто во Владимирскомъ го-

Digitized by Google

ворѣ является чередованіе «сёло — ѳ селѣ». Я лично его не наблюдалъ, но считаю его возможнымъ подъ вліяніемъ московскаго произношенія (какъ и произношенія: види, ниси, чилавѣкъ, вѣтиръ). Это произношеніе я наблюдалъ въ новгородскомъ говорѣ, а въ переходныхъ говорахъ Тверской губ. на его мѣстѣ (напр. въ Зубц., Старицк. у.) чередованіе: сяло — ѳ силѣ (см. также Шахматова «Рус. и словенск. аканье»). Косвенно изъ всего этого можно вывести, что московское аканье свидѣтельствуетъ о Новгородской, а не о Владимирской его основѣ.

3) Слѣдующая крупная черта Владимирскаго говора, указанная Чернышевымъ,—«выпаденіе *j* и ассимиляція гласныхъ»—кажется мнѣ противорѣчащей такимъ произношеніямъ, какъ «худоё, читаётъ (3 sg.)». Можетъ быть, эти формы явились по аналогіи такихъ же формъ безъ *j*, но возможно также, что въ части говоровъ Владимирскаго типа рано появившееся *j* (на мѣстѣ исчезнувшаго *i* между гласными) проникло во всѣ категоріи этого рода (какъ напр. въ сѣв.-яросл. говорахъ) и воспрепятствовало такимъ образомъ стяженію (сліянію) гласныхъ.

4) Изъ другихъ чертъ укажу только на измѣненіе *и* при какихъ то условіяхъ въ *е* (пехать, умерать, Володимеръ). Что касается измѣненія *ъ* въ *и*, то я не могъ бы сказать рѣшительно, чтобы его вовсе не было во Владимирскомъ говорѣ, такъ какъ въ отдѣльныхъ словахъ я слышалъ его около Владимира и Коврова (јисть, клить, сѝмяна), а на сѣверѣ губерніи, насколько мнѣ извѣстно, оно является довольно послѣдовательно передъ мягкими согласными (Переславскій уѣздъ). Остальныя черты я только перечислю: 1) сохраненіе *я* изъ ѧ, ѩ: пять, дядя, десять при десеть, ходятъ, 2) возвратныя формы на *-ca* (*сь*), *-ца*, 3) такъ называемое неорганическое смягченіе гортанныхъ: чайкю, столькё, зерьгяло, 4) нѣкоторыя особенности въ удареніи въ родѣ отмѣченныхъ Чернышевымъ формъ «хотитё, живитё» и др., 5) Разнообразныя формы члена: *-от*, *-тъ*, *-ти*, *-та*, *-ту*.

Что касается отмѣченныхъ Чернышевымъ: ъ взрывнаго,

Digitized by Google

твердыхъ *шш*, *жж*, цоканья и чоканья, зубно-губного характера губныхъ и ихъ смягченія въ окончаніяхъ *-вь*, *-фь*, или формъ 3-хъ лицъ глагола на *т* твердое *(-ть)*, или формы дат. п. мн. ч. въ значеніи твор. п., то я считаю все это общею принадлежностью сѣв.-великорусскихъ говоровъ. Гораздо важнѣе упомянуть объ отсутствіи нѣкоторыхъ чертъ, характерныхъ для новгородскаго говора, напр. 1) отсутствіе род. п. ед. ч. женск. р. на *-ѣ*: изъ водѣ, съ той сторонѣ, 2) отсутствіе дат. мѣстн. п. на *-ы*: на горы, по воды, 3) отсутствіе формъ типа: въ этимъ домѣ, въ шестымъ часу. Желательно было бы прослѣдить распространеніе нѣкоторыхъ чертъ, составляющихъ отступленіе отъ основного типа Владимирскаго говора, какъ напр. формъ 3-хъ лицъ глагола на *т* мягкое *(ть)* или замѣны *в* посредствомъ *у*, *ў* и др. Эти черты появляются очень недалеко отъ Владимира, но я тамъ не былъ (напр. въ Судогодск. у.) и интересуюсь ими потому, что встрѣчалъ ихъ въ такомъ же сосѣдствѣ въ Тверской губ., и тамъ онѣ свидѣтельствовали о присутствіи особаго типа сѣв.-великорусскаго говора. Кромѣ того, я долженъ замѣтить, что мнѣ лично Владимирскій говоръ напомнилъ окающіе говоры восточныхъ уѣздовъ Тверской губ. и говоръ сѣверной части Ярославской губ., который я изучалъ по одному очень обстоятельному отвѣту на полную академическую программу, и мнѣ кажется, что на это слѣдуетъ обратить вниманіе при дальнѣйшихъ работахъ въ этой области.

II. Поѣздка на пароходѣ по Окѣ и Клязьмѣ отъ Нижняго Новгорода до сл. Мстёры Вязниковскаго у. Влад. губ.

Эта поѣздка, равно какъ и слѣдующая, совершена мною съ цѣлью прояснить появившееся у меня въ первую поѣздку предположеніе о существованіи въ восточной и юго-восточной части Владимирской губ. говора особаго типа въ сравненіи съ основнымъ Владимирскимъ. Въ эти поѣздки я дѣлалъ наблюденія, почти не слѣзая съ парохода. Объектомъ для наблюденія для меня служили пассажиры парохода изъ мѣстныхъ крестьянъ,

Digitized by Google

которыхъ всегда было очень много, и отчасти жители тѣхъ селеній, у которыхъ останавливался пароходъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ эту поѣздку такихъ остановокъ было очень мало. Если не упоминать знакомой мнѣ уже изъ предыдущей поѣздки мѣстности до Гороховца, то я назову только село Винокуръ Гороховецкаго у., Вязники, с. Ставрово и Мстёру Вязниковскаго у.

Говоръ всей этой мѣстности сразу бросился мнѣ въ глаза, благодаря особенной интонаціи. Здѣсь чувствуется распредѣленіе долготъ и краткостей, какая то протяжность произношенія. Кромѣ того, говоръ этой мѣстности не чисто окающій, а переходный. Чисто на *о* говорятъ только старики. У молодыхъ много случаевъ аканья и отдѣльныхъ чертъ акающаго произношенія.

Вникая ближе, я могъ установить слѣдующія черты этого говора, который я назвалъ бы пока Гороховецкимъ по преимуществу:

1) Неударяемое *о* сохраняется почти исключительно въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, и звучитъ не рѣзко, въ виду того, что сосѣдніе слоги (въ томъ числѣ и допредударный) сохраняютъ гласные полнаго образованія.

2) Неударяемое *е* также только въ слогѣ предударномъ звучитъ, какъ *ѣ* и то далеко не всегда: трудно указать даже какую-нибудь послѣдовательность въ его появленіи въ этомъ положеніи. Возможно, что оно поддерживается здѣсь только сильнолабіальнымъ характеромъ сосѣднихъ согласныхъ. Напр. я слышалъ его въ такихъ отдѣльныхъ словахъ, какъ Стёпанъ, тёпло́, горёвать.

3) Въ другихъ положеніяхъ неударяемыя *о* и *е* звучатъ очень открыто, а у многихъ — прямо, какъ *а*.

Такого рода основа, по моему мнѣнію, способствуетъ развитію въ чисто-акающихъ говорахъ произношеній въ родѣ: чалавѣкъ, галава, дясяти, видялъ, барянъ и т. п., которыя отмѣчены Е. Ф. Будде для части Касимовскаго уѣзда.

4) Стяженныхъ формъ почти нѣтъ, но зато очень распро-

Digitized by Google

странена ассимиляція гласныхъ безъ *j* между ними, а также удлиненное произношеніе одного гласнаго на мѣстѣ бывшихъ двухъ однородныхъ. Такъ напримѣръ я слышалъ: добраа или добрā, дорога въ деревню Гáлецкӯ, думуу или думӯ (1 sg.), знаэш, гуляамъ и пр. Попадались отдѣльныя лица, у которыхъ это произношеніе исчезаетъ или уже исчезло подъ вліяніемъ, какъ я думаю, сильно развившагося аканья. Такъ мнѣ приходилось слышать: добрая (ж. и ср. родъ), гуляя (3 sg.), пріѣзжаямъ при произношеніи: мяня, видялъ и пр. у тѣхъ же лицъ.

5) Отдѣльнаго упоминанія заслуживаетъ еще появленіе явного цоканья и даже чоканья въ Гороховецкомъ уѣздѣ, тогда какъ въ основномъ Владимирскомъ говорѣ они существуютъ только въ остаткахъ (по моимъ наблюденіямъ и по свидѣтельству Чернышева).

6) Остальныя черты я только перечислю: a) сохраненіе *я* изъ ѧ, ѩ, b) сохраненіе *ъ* и *е*, c) возвратныя формы на *-ся*, *-ца*, d) *г* взрывное, e) мягкость губныхъ въ окончаніяхъ *-вь*, *-фь*, f) дат. п. мн. ч. въ знач. твор. п., g) сравнительное разнообразіе формъ члена: *та*, *ты*, *ту*, *ти* и отрицательныя черты: a) тѣ же, что и во Владимирскомъ говорѣ и b) отсутствіе «неорганическаго смягченія гортанныхъ».

Вышеприведенная характеристика говора Гороховецкаго уѣзда навела меня на два соображенія: 1) что въ области распространенія говоровъ даннаго типа лежатъ, вѣроятно, Касимовскіе говоры, описанные Е. Ф. Будде, и 2) что распространеніе ихъ происходило по теченію рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Оки. Чтобы провѣрить эти соображенія, а также чтобы имѣть возможность наблюдать тѣ же явленія на бо́льшей территоріи, я и совершилъ третью поѣздку.

III. Поѣздка на пароходѣ по Окѣ отъ Рязани до Нижняго.

По общему характеру эта поѣздка похожа на предыдущую. Я ставилъ себѣ цѣлью: 1) прослѣдить въ общихъ чертахъ разницу между южно-рязанскими и сѣверно-рязанскими говорами,

Digitized by Google

2) попытаться установить связь между сѣверно-рязанскими говорами и говорами Гороховецкаго у., 3) прослѣдить распредѣленіе окающихъ и акающихъ говоровъ на протяженіи всего намѣченнаго пути и 4) собрать, какія будетъ возможно, данныя для характеристики аканья въ Меленковскомъ уѣздѣ.

Весь путь отъ Рязани до Нижняго я могъ бы раздѣлить на 4 пояса: первый поясъ обнимаетъ Оку въ предѣлахъ Рязанскаго, Спасскаго и южной части Касимовскаго уѣздовъ, второй — сѣв. ч. Касимовскаго у. и юж. ч. Елатомскаго у. Тамб. губ., третій — сѣв. ч. Елатомскаго у. Меленковскій у. и южн. ч. Муромск. у. и четвертый — остатокъ Муромск. у., Гороховецкій у. и Горбатовскій у. Нижегор. губ. Въ первомъ поясѣ говоръ южно-рязанскій, во второмъ—касимовскій, въ третьемъ—Меленковскій и отчасти Елатомскій, въ четвертомъ—Муромскій и Гороховецкій.

Разница между южно-рязанскимъ и касимовскимъ говоромъ при постепенномъ передвиженіи не рѣзкая: тотъ же характеръ аканья, тѣ же удлиненные гласные, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ же стяженія. Однако есть и рѣзкія отличія. Въ южно-рязанскомъ говорѣ особенно бросается въ глаза ирраціональный гласный въ положеніи за слогъ до ударенія и удлиненное произношеніе всѣхъ предударныхъ слоговъ, а въ чисто-касимовскихъ говорахъ — обиліе случаевъ стяженія гласныхъ, цоканье и чоканье и формы члена. Напр. южно-рязанск.: мѣщанинъ Спашковскій (= Сапожковскій. Это слово я сначала принялъ за фамилію), Рязань, давай, не^{а}знаю, мугрычй, Ряж^{е}скъ, вещá мы тутъ съ тобой грохнемъ, у насъ въ Василь^{а}скимъ два года тому обратно не то было, је^{а}рáкторъ (= Ерахтуръ), сколькя, прахóдъ, Андрёвъ. Касимовск.: видяшь, съ обое^{а}хъ старóнъ, жа^{е}лалъ, скáшшивай, гля-ка, Андрёвъ, что кóзъри-ти?, сколькя, за хатойту, думáмъ, хозява, лёгáсть (= лёгость — тонкая веревка на пароходѣ), Шимроскій перекатъ (= Шиморовскій). Отмѣчу еще, что въ южно-рязанскомъ говорѣ появляется род. п. ед. ч. женск. рода на *ъ* (у сестрѣ), а имен. падежи на ударяемыя *-á*, *-я*

Digitized by Google

еще очень рѣдки, тогда какъ въ Касимовскомъ они обычны. Стяженіе въ Касимовскомъ говорѣ находится еще въ процессѣ развитія, а въ южно-рязанскомъ оно уже не существуетъ, какъ живое явленіе, и стяженныя формы являются уже неподвижнымъ наслѣдіемъ завершившагося процесса (какъ напр. въ Московскомъ говорѣ).

По вопросу о границѣ этихъ говоровъ я вообще примыкаю къ изслѣдованію Е. Ф. Будде, т. е. склоненъ искать ее поближе къ Касимову, приблизительно около села и пароходной пристани Забѣлина. Но я затруднился бы опредѣлить ее въ довольно лѣсистой и болотистой мѣстности по лѣвую сторону Оки. Несомнѣнно, здѣсь Касимовскіе говоры сохранились въ значительной степени и до сихъ поръ. По моимъ наблюденіямъ, южно-рязанскій говоръ слышался на протяженіи слѣдующихъ пристаней безъ исключеній: Рязань, Спасскъ, Старая Рязань, Шáдрищево (на картѣ Будде «Шатрище»), Казакова, Киструсъ и Шилово. Около Тырнóвской слободы (у Будде «Тыранское») у стариковъ я слышалъ уже цоканье и чоканье. Въ Кóпановѣ является опять южно-рязанскій говоръ, а съ Забѣлина начинается уже чистый Касимовскій говоръ.

Начиная отъ ст. Починокъ за Касимовомъ лѣсной становится уже правая сторона Оки. Съ Елатьмы начинается оканье (какъ мнѣ объясняли, нижегородскаго типа). При въѣздѣ въ Меленковскій уѣздъ оканье пропадаетъ, но общій типъ говора сохраняется. Здѣсь именно я нашелъ связующее звено между Касимовскимъ и Гороховецкимъ говорами. По Тамбовской и Нижегородской, отчасти по окраинамъ Меленковскаго и Муромскаго уѣзда, т. е. вообще по правой сторонѣ Оки идутъ окающіе говоры, а по лѣвой — акающіе. Около Мурома (по Окѣ) и съ лѣвой стороны появляется оканье, которое и переходитъ въ Гороховецкій уѣздъ. Аканье въ Меленковскомъ у. такое же, какъ и въ Касимовскомъ у., и даже съ сохраненіемъ всѣхъ стяженій и цоканья сѣв.-касимовскаго типа (средній звукъ $ц^{ъ}$). Крупное отличіе заключается въ послѣдовательномъ мягкомъ -*т* (ть) въ

Digitized by Google

3-хъ лицахъ глагола, которое я слышалъ уже въ д. Окшевѣ на границѣ Меленк., Елатомск. и отчасти Касимовск. уѣздовъ. Кромѣ того, на мой взглядъ, въ этихъ пограничныхъ говорахъ (Окшево, ст. Дмитріевы горы, Ляхи, Шиморовская, Досчатое и до ст. Ока — Липня) сохраняется и интонація сосѣднихъ окающихъ говоровъ. Это — та растянутость произношенія, которая отмѣчена въ западной части Муромскаго уѣзда (см. «Діал.» Соболевскаго). Цоканье отмѣчено также за Окой, но оно есть и по лѣвую сторону Оки, хотя и въ болѣе рѣдкихъ проявленіяхъ, а съ Гороховецкаго уѣзда оно явно становится повсемѣстнымъ (сравн. чоканье въ Боровичахъ, которыя мѣстные жители называютъ Боровицы). Въ Гороховецкомъ уѣздѣ я проѣзжалъ ст. Александрово, Жайскъ, Пожоги, Варежъ и наконецъ с. Павлово (Горбат. у.) на самой границѣ губерніи. Черты говора здѣсь вообще тѣ же, что и около Гороховца, только связь съ Меленковскимъ говоромъ здѣсь чувствуется гораздо больше, чѣмъ сѣвернѣе. Есть между прочимъ и *-мъ* въ 3 лицахъ глагола. Появленіе этой формы, какъ здѣсь, такъ и въ Меленк. у. остается для меня неяснымъ.

Что касается цоканья, какъ здѣсь, такъ и въ Рязанской губ., то я думаю, желательно было бы прослѣдить его распространеніе въ связи съ поселеніями въ этихъ краяхъ различныхъ финскихъ народностей, напр. Мещоры—на лѣвомъ берегу Оки отъ Спасска до Касимова, Мордвы—за Касимовомъ, Муромы—въ юго-вост. части Владимирской губ. и др.

Итакъ, повторяя вкратцѣ результаты своей экскурсіи, я долженъ поставить на первый планъ выдѣленіе въ особую группу говора, названнаго мною Гороховецкимъ, и приведеніе его въ связь съ говорами всего теченія (бассейна?) Оки, въ томъ числѣ съ говорами Меленковскаго и Касимовскаго уѣздовъ. Желательно въ будущемъ прослѣдить и дальнѣйшее распространеніе этого говора, т. е. по Волгѣ и за Волгу. Имѣющіяся по этому вопросу предположенія Е. Ф. Будде могутъ помочь при этой работѣ. Что же касается основного типа Владимирскаго говора,

Digitized by Google

то въ моемъ опредѣленіи его чувствуются еще большіе недочеты, особенно въ установленіи связи его съ сосѣдними говорами, какъ переходными на югѣ, такъ и окающими на сѣверѣ (въ Ярославской и вост. ч. Тверской губ.). Изъ за этихъ недочетовъ остаются попрежнему неясными акающіе говоры Судогодскаго уѣзда. Неизвѣстно даже, примыкаютъ ли они къ говорамъ Владимирскаго уѣзда, или къ говорамъ Меленковскаго уѣзда и Рязанской губерніи, или, наконецъ, не представляютъ ли они собою продукта столкновенія этихъ двухъ теченій. Такова, по моему мнѣнію, связь вопросовъ, касающихся діалектологіи Владимирской губерніи.

Н. Соколовъ.

Digitized by Google

По поводу второй статьи проф. П. М. Меліоранскаго о турецкихъ элементахъ въ языкѣ „Слова о полку Игоревѣ".

(Изв. Отд. р. яз. и сл. т. X, кн. 2).

Прежде всего прошу извиненія у почтеннаго автора названной статьи въ сравнительно долгой задержкѣ своего отвѣта. Причиной этому замедленію была не трудность задачи, а нѣкоторыя общія условія, отнюдь не содѣйствующія успѣшности научныхъ занятій. Самая задача въ этомъ случаѣ оказалась гораздо легче, нежели можно было ожидать при спорѣ съ такимъ ученымъ противникомъ, какъ П. М. Меліоранскій, потому что разногласіе между нами сводится по большей части къ недоразумѣніямъ. Эти недоразумѣнія я тѣмъ болѣе считаю нужнымъ устранить, что всякій, кто прочелъ отвѣтъ г. Меліоранскаго, не ознакомившись обстоятельно съ моей статьею, можетъ вынести изъ этого отвѣта, особенно изъ его вступительной части, заключающей въ себѣ общую характеристику моей статьи (стр. 66 — 68), весьма невыгодное мнѣніе о ней, а именно: 1) что я наговорилъ въ ней много лишняго, припутавъ къ изслѣдованію о болванѣ и прочихъ спорныхъ словахъ «множество вопросовъ, касающихся исторіи турецкаго языка, классификаціи его нарѣчій, турецкой метрики и другихъ», 2) что доказательства я часто замѣнялъ аналогіями изъ разныхъ языковъ не турецкаго происхожденія, ничего не доказывающими, 3) что я

Digitized by Google

приписываю половецкому языку нѣчто, ему несвойственное, 4) что я сближаю слова на основаніи лишь созвучія и 5) что я обхожусь неосмотрительно съ фонетическими законами. Впрочемъ послѣднее обвиненіе нѣсколько ослабляется тѣмъ, что на предшествующей страницѣ (67) онъ ставитъ мнѣ въ упрекъ чрезмѣрную требовательность именно въ отношеніи фонетики. Повторяю, что всѣ эти обвинительные пункты суть не что иное, какъ плоды недоразумѣнія, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ соображеній:

1) Разбирая затронутыя проф. Меліоранскимъ слова со стороны звуковой, я не могъ не коснуться разнообразныхъ, но связанныхъ съ нею вопросовъ, потому что а) фонетика безъ исторіи языка бываетъ достаточна лишь при описаніи, а при изслѣдованіи словарныхъ или грамматическихъ заимствованій, относящихся къ эпохѣ лѣтъ за 1000 или около того до нашего времени, можетъ дать результаты, подобные Гоггартовымъ каррикатурамъ на перспективу, гдѣ напр. человѣкъ, изображенный въ профиль на первомъ планѣ, ловитъ удочкой рыбу въ рѣкѣ, помѣщенной на второмъ планѣ, б) точное установленіе классификаціи турецкихъ языковъ, какъ она представляется мнѣ, никакъ не излишне въ виду того обстоятельства, что другимъ языковѣдамъ она представляется нѣсколько иначе, в) турецкая метрика мнѣ понадобилась для попытки къ опредѣленію первоначальнаго звукового различія между корнями бар «иди» и бā̆р «есть», которые принадлежатъ къ числу актовъ по дѣлу о «болванѣ», г) общая фонетика турецкихъ языковъ разработана систематически пока однимъ акад. В. В. Радловымъ въ примѣненіи къ сѣверной вѣтви (составъ которой, кстати сказать, онъ опредѣляетъ не совсѣмъ такъ, какъ я), и потому ни одно изслѣдованіе по турецкой фонетикѣ, особенно исторической, не допускаетъ той краткости и такого послѣдовательнаго единства въ построеніи (Einheitlichkeit), какія возможны въ такомъ-же изслѣдованіи изъ области языковъ индо-европейскихъ.

2) Къ аналогіямъ изъ языковъ не турецкихъ, придавая

Digitized by Google

такимъ сопоставленіямъ извѣстную долю доказательной силы, я прибѣгалъ почти только въ предѣлахъ семасіологіи и думаю, что имѣлъ на это право, потому что, не говоря уже о равнодушіи семасіологіи къ дѣленію народовъ по языкамъ, я имѣлъ дѣло съ переходомъ значеній не въ турецкихъ языкахъ, а въ одномъ изъ тѣхъ индо-европейскихъ, которые заимствовали изъ нихъ отдѣльныя слова, именно въ русскомъ. Есть у меня, правда, и фонетическія параллели между турецкими и другими языками, но такихъ сравненій я позволилъ себѣ очень немного, и то въ видѣ поясненій или второстепенныхъ подтвержденій. И едва-ли что можно возразить противъ сравненія звуковыхъ явленій въ языкахъ, не состоящихъ во взаимномъ родствѣ, если рѣчь идетъ о такихъ измѣненіяхъ звуковъ, которыя не составляютъ исключительной особенности даннаго отдѣла языковъ, сложившейся путемъ своеобразнаго фонетическаго развитія. Чтобы не выходить изъ области, близко знакомой моему уважаемому оппоненту, укажу лишь на предположеніе В. Томсена о произношеніи древне-енисейскаго (орхонскаго) *д* вообще какъ *д* (=англ. th въ the), а послѣ *р*, *л* и *н*, гдѣ вмѣсто *д* въ этомъ письмѣ употреблялось *т*, — за обыкновенное *д*, при чемъ этотъ замѣчательный лингвистъ ссылается на переходъ *д* въ *д* при тѣхъ-же условіяхъ въ языкахъ скандинавскихъ, въ новогреческомъ и др. (Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par Vilh. Thomsen стр. 190)[1]).

---

1) Проф. Меліоранскій въ своемъ основательномъ изслѣдованіи «Памятникъ Кюль-тегина» (Зап. Вост. отд. И. Р. Арх. О., т. XII, вып. II и III и отдѣльно) выставилъ противъ такой гипотезы цѣлый рядъ возраженій, изъ которыхъ самъ считаетъ особенно важнымъ указаніе на «то обстоятельство, что ни въ турецкой письменности, ни въ современныхъ діалектахъ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ звука «д» въ аффиксахъ, начинающихся на одинъ изъ зубныхъ» (стр. 53 примѣч. 3). Однако орхонскимъ написаніямъ кӯртм, кlтм (по Томсену = кӧрдім «я видѣлъ», кӓлдім «я пришелъ») соотвѣтствуютъ въ чувашскомъ языкѣ кордым, кілдĭм, а написаніямъ тутдм (= тутбым «я схватилъ»), тӯда (= таӯба «на горѣ»), бриді(-м = бермӓбі-м я не далъ) — чувашскія тытрым, туӯра, пармарым, въ которыхъ приставочное *р* могло произойти только изъ звука, подобнаго *з*, т. е., по всей вѣроятности, изъ б.

Digitized by Google

3) На половецкій языкъ я не клеветалъ. Правда, что предложенное проф. Меліоранскимъ объясненіе слова *шереширы* изъ перс. тīр і чарх я вполнѣ одобрилъ, какъ остроумную догадку; но, далеко не питая того презрѣнія къ фонетикѣ, какое мнѣ можетъ приписать читатель статьи г. Меліоранскаго, я постарался дополнить недосказанное имъ, предположивъ, что тīр і чарх было искажено какими-то Турками въ *чірічäр или *чірічір и далѣе — въ *шірішір. Половцевъ я при этомъ не называю, а въ южно-русскихъ степяхъ жили въ то время, кромѣ Половцевъ, Берендѣи, Торки, Черные Клобуки, Ковуи и, можетъ быть, еще другія турецкія племена. О пестротѣ турецкаго населенія южной Руси къ концу XIII в. свидѣтельствуетъ и нашъ главный источникъ свѣдѣній о половецкомъ языкѣ, знаменитый Codex Comanicus 1303 года, турецкая часть котораго была разсмотрѣна съ фонетической стороны еще 20 слишкомъ

Этимъ подтверждается и Томсеново объясненіе особыхъ знаковъ для сочетаній лд и нд, на ряду съ которыми попадаются и л+т и н+т, какъ кӯнд(ӯ)з и кӯнт(ӯ)з (= кӯндӯз «днемъ») — чув. кондур-ла. Отсюда и колебаніе между jірда и jрта (= jердä «въ землѣ» — чув. c̀ір̀дä), такъ какъ ни *д* = ð, ни *т* не передавали точно звука чистаго *д* (но всегда брді, т. е. барды пошелъ, — чуть-ли не единственный въ орхонскомъ примѣръ прошедшаго времени на -ды послѣ твердаго *р*, при которомъ изображеніе звука *д* знáкомъ для *т* казалось неудобнымъ, можетъ быть, потому, что *р* требуетъ большаго количества дрожаній кончика языка, чѣмъ р̀). Что въ Кутадгу-биликѣ ð не отличено отъ *д*, еще ничего не значитъ: въ уйгурскомъ письмѣ и *т* не отличается отъ *д*. Путаница между ð и *з* въ рукописяхъ Рабгузи также ничего не доказываетъ: первоначальное ð въ нихъ путается и съ j, которое въ этихъ случаяхъ произносили переписчики. Написанія ايذتى или ايذتّى (= орхонское іті «послалъ», т. е. можетъ быть, ыðды — ср. чув. jадым я послалъ) и كيذتى (одѣлъ) г. Меліоранскій считаетъ подлинными (l. c., стр. 55), и онъ, конечно, правъ; но, какъ-бы мы ни читали ﻷ — за ð, *з* или *д*, фонетически правильны они быть не могутъ: откуда *т* вмѣсто *д* послѣ звонкихъ? Здѣсь — если не старое преданіе, подобное орхонскому, чтò неправдоподобно, то — орѳографическое или, пожалуй, грамматическое измышленіе: ср. ايذتّى и ар. اخذتّ и т. п. А къ звуку ð ведутъ насъ и абак. ызырбын — караг. ыдармын «посылаю», абак. кїзербен — караг. кедермен «одѣваю» и т. п. Допустимъ, что звукъ ð «ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ турецкихъ діалектовъ не встрѣчается» (стр. 56); но то-же, кажется, можно сказать и о нарѣчіяхъ новоперсидскихъ и французскихъ, однако и тамъ и здѣсь онъ, по видимому, существовалъ.

Digitized by Google

лѣтъ тому назадъ акад. В. В. Радловымъ (О языкѣ Кумановъ. Приложеніе къ XLVIII т. Записокъ Имп. Академіи Н. 1884). Довольно и того матеріала, который сопоставленъ этимъ неутомимымъ ученымъ, чтобы придти въ изумленіе отъ разнообразія элементовъ, объединенныхъ итальянскими и нѣмецкими составителями этого сборника подъ общимъ наименованіемъ команскаго языка: здѣсь находятся въ однихъ и тѣхъ-же словахъ или случаяхъ такія фонетическія противорѣчія, которыя трудно допустить въ одномъ языкѣ, напр. на ряду съ öldi и т. п. не только tuschte = тӯштị (съ открытымъ ị), но и tustu = тӯштӯ, при boldum = болдум, basladum = башладум, sechirdum = сӓкірдӯм, yucladum = jӯклӓдӯм, angladum = аңладум, jyladum = jыладум, astum = астум встрѣчается не только unadim = унадым, а и tabuschtim = табуштым, при boluzurmen = болушурмӓн есть tabuschirmen = табушырмӓн, при könulic (justitia) = кӧнӯlік — konulvkče (cum justitia) = кӧнӯлӯк-чӓ, при eu = ев (по-османски) или eӯ—sövding = сӧвдің (ср. азерб. сӧвдӯн), при duzmanlar = душманлар (по-осм.)—tusmen = тӯшмӓн (какъ у сѣверныхъ и восточныхъ Турокъ), при katun = катун (ср. кирг. катын)—hatun = хатун (средне-аз. и азерб.), при yacsi = jакшы (напр. по-алтайски)—ohsassi = охшашы (вост.-тур.), при olturmak = олтурмак (вост.-тур. и сѣв.-тур.)—oymah = оймах (азерб.), при gil = ҷыл (по-казански)—jil или yel = jыл (обще-тур.), при tav = таӯ (сѣв. тур.)—tag = таɣ (вост. и зап.-тур.), при gala = гала или ɣала (по-азерб.) — kalaa = калӓ (кала у большинства Турокъ) и другіе признаки, едва-ли совмѣстимые въ одномъ языкѣ, какъ величинѣ дѣйствительной, а не отвлеченной, подобной «сартскому языку» или «алтайскому языку», т. е. на самомъ дѣлѣ различнымъ и отчасти даже не близкимъ между собою говорамъ, болѣе или менѣе объединившимся въ извѣстныя группы вслѣдствіе долгаго взаимнаго соприкосновенія. Нѣкоторыя изъ попадающихся въ Codex Comanicus звуковыхъ противорѣчій должны, безспорно, пасть на счетъ несовершенства транскрипціи, хотя,

Digitized by Google

можетъ быть, она окажется нѣсколько болѣе разумною и послѣдовательною у отдѣльныхъ составителей и глоссаторовъ, когда будетъ обстоятельно разобранъ вопросъ о числѣ ихъ и о природномъ языкѣ каждаго, напр. который изъ нихъ говорилъ по-фріульски, по-генуэзски или по-венеціански, который по-верхненѣмецки или по-нижненѣмецки. Къ тому-же нѣкоторые изъ этихъ безъименныхъ купцевъ и миссіонеровъ были одарены на столько чувствительнымъ слухомъ, что различали напр. *e* отъ *ä*, какъ это видно изъ написаній въ родѣ esac = ешäк (азерб. ешшäк, изъ чего мы, топорно отмѣчая разницу сходныхъ гласныхъ, сдѣлали *ишак*). Но изъ перечисленныхъ выше противорѣчій можно объяснить неточностью или невыдержанностью правописанія, кажется, только gil — yil или yel, такъ какъ звуковое значеніе буквы *g* здѣсь подозрительно вслѣдствіе того обстоятельства, что въ этой рукописи она является на мѣстѣ обще-турецкаго j, по видимому, исключительно передъ *ы* или *і*—черта, допускающая оправданіе со стороны физіологіи звуковъ, но извѣстная не у Турокъ, а у Монголовъ. И такъ уже одна фонетика словъ, содержащихся въ безхитростномъ Codex Comanicus, какъ будто указываетъ на то, что эти слова принадлежатъ разнымъ, двумъ или тремъ языкамъ; но, если не въ текстахъ рукописи, то въ ея вокабуларіяхъ можно уловить и кое-какія морфологическія различія. Для характеристики матеріала, содержащагося въ этомъ памятникѣ, поучительно сравнить его съ арабскимъ словаремъ кыпчацкаго языка, изданнымъ Гоутсма, такъ какъ этотъ языкъ по существу тождественъ съ команскимъ: описанный въ этомъ словарѣ языкъ значительно однообразнѣе того, который мы находимъ въ Codex Comanicus, а главныя уклоненія отнесены авторомъ на счетъ туркменскаго. Но кто поручится за то, что Codex Comanicus даетъ намъ полное понятіе объ этнографической пестротѣ турецкаго населенія тогдашней южной Россіи? На этотъ вопросъ тѣмъ болѣе придется отвѣтить отрицательно, что ни Итальянцы, ни Нѣмцы не проникали на сѣверъ до русскихъ предѣловъ, а из-

Digitized by Google

вѣстные изъ нашихъ лѣтописей турецкіе народы жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ русскими княжествами и отчасти даже внутри ихъ. А если такъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что на Югѣ Россіи проживало и такое турецкое племя, которое, подобно нынѣшнимъ Ногайцамъ, Казакъ-киргизамъ, Шорцамъ, Сойотамъ и Карагасамъ, превращало *ч* въ *ш*, и высказать это предположеніе входило въ обязанность проф. Мелюранскаго, такъ какъ безъ такого объясненія можно заподозрѣть его самого въ приписаніи *ш* = *ч* Половцамъ, особенно теперь, когда изъ его словъ, содержащихъ въ себѣ это обвиненіе противъ меня, естественно заключить, что въ южной Россіи XII в. онъ не признаетъ Турокъ помимо Половцевъ. Эту обязанность онъ исполнилъ до нѣкоторой степени въ 4-ой книжкѣ X тома «Извѣстій» на стр. 134 по поводу слова *шатеръ*, заимствованнаго, какъ онъ говоритъ, «у «предка» современныхъ западныхъ діалектовъ, для которыхъ между прочимъ характеренъ переходъ ч || ш». Къ сожалѣнію, не добавлено, гдѣ существовалъ этотъ предокъ, и почему его потомки, которыхъ приходится разъискивать между Терекомъ и Енисеемъ, должны называться западными. Мимоходомъ можно замѣтить, что приведеннаго тамъ чадыр никогда не было «въ аріо-персидскомъ языкѣ», такъ какъ чадыр есть лишь турецкая передѣлка персидскаго чатр, которое въ свою очередь восходитъ къ «аріо-персидскому» *чаттра- (др.-инд. чаттра-) — индо-европ. *скед-тро-).

4) Обвиненіе въ томъ, что я сближаю слова на основаніи лишь созвучій, вытекаетъ всецѣло изъ несогласія проф. Меліоранскаго съ моими семасіологическими доводами, которые могутъ быть ошибочны, но несомнѣнно существуютъ въ такой степени, что онъ счелъ нужнымъ опровергать ихъ также семасіологическими доводами на четырехъ страницахъ (69—73), пользуясь для этого, подобно мнѣ, не одними турецкими языками.

5) Упрекъ въ пренебреженіи къ фонетическимъ законамъ,

Digitized by Google

изъ которыхъ упомянуты «напримѣръ» (стр. 68) различіе въ судьбѣ согласныхъ начальныхъ, конечныхъ и серединныхъ («Anlaut, Auslaut, Inlaut», какъ поясняетъ проф. Меліоранскій) и звуковъ отдѣльныхъ и соединенныхъ съ другими звуками, я не могъ пріурочить къ опредѣленнымъ примѣрамъ, такъ какъ указаніе «напр. на стр. 7, стр. 18—22 и др.» едва-ли достаточно для провѣрки. Впрочемъ изъ намека на стр. 74 можно, кажется, заключить, что проф. Меліоранскій допускаетъ переходъ иноязычнаго *n* въ турецкое *б* только въ началѣ словъ, а не въ серединѣ; но вѣдь такой законъ не былъ доселѣ извѣстенъ, а удалось-ли почтенному ученому установить его,—это вопросъ, который мы разсмотримъ ниже, перешедъ, вслѣдъ за авторомъ занимающей насъ статьи, отъ предварительныхъ общихъ замѣчаній къ разбору отдѣльныхъ словъ.

I.

Болванъ.

Это, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, даже не совсѣмъ приличное слово послужило главнымъ источникомъ недоразумѣній между проф. Меліоранскимъ и мною,—недоразумѣній, которыя, по мѣрѣ теченія нашей полемики, чуть-ли не осложняются все болѣе вслѣдствіе обоюднаго привлеченія различныхъ частностей къ главному вопросу. Мой уважаемый противникъ сталъ теперь, сколько я его понимаю, на слѣдующую точку зрѣнія: персидско-турецкое pähläwän означаетъ богатыря, т. е. человѣка, одареннаго силой, храбростью и даже мудростью, а болванъ есть названіе бранное; слѣдовательно: слово болванъ не можетъ происходить отъ слова pähläwän (стр. 69—73). Въ виду такого положенія дѣла я позволю себѣ напомнить свое первое объясненіе этого семасіологическаго перехода, которое и вызвало полемику со стороны проф. Меліоранскаго: богатырь—

Digitized by Google

изваяніе богатыря, и при томъ грубое, въ родѣ такъ называемой каменной бабы—человѣкъ, подобный такому изваянію. Восточный богатырь такъ и остался богатыремъ на Востокѣ, а его неискусное изображеніе, понятное лишь его соплеменникамъ, стяжало себѣ среди Славянъ насмѣшки и омерзѣніе. Къ этому объясненію г. Меліоранскій прибавилъ, что причина такого враждебнаго отношенія нашихъ предковъ къ изваянію—и не только почтеннаго восточнаго богатыря, а ко всякому — заключалась въ религіозномъ предразсудкѣ противъ изображенія человѣческой фигуры (стр. 70), — и за такую прибавку мнѣ остается только поблагодарить своего ученаго оппонента. Но тѣмъ болѣе странными кажутся въ послѣдующемъ его усилія доказать, что «nähläbän палуан является наоборотъ» (т. е. не такъ, какъ болванъ) «человѣкомъ выдающагося физическаго и духовнаго развитія» (стр. 73), — словно я утверждалъ, будто богатыремъ у Турокъ считается заморышъ и кретинъ. Не менѣе страненъ и его заключительный вопросъ: «статочное ли дѣло, чтобы слово «baγatur, bahadur, богатырь» получило на Востокѣ или у насъ въ древней Руси бранное значеніе или значеніе «идола, статуи»?»: значенія идола или статуи оно, конечно, не могло получить у Славянъ, если для того не было дано никакой ассоціаціи со стороны Турокъ, а помимо этого значенія оно не могло получить и браннаго значенія. Потому несостоятеленъ и выводъ г. Меліоранскаго, что, если такой переходъ значеній не совершился въ словѣ baγatur, то онъ невозможенъ и для слова nähläbän, такъ какъ эти два слова — синонимы, и эта несостоятельность явствуетъ уже на дѣлѣ изъ того, что первое слово вездѣ, гдѣ оно сохранилось, употребляется исключительно въ смыслѣ сильнаго и храбраго (и у Мадяръ bátor смѣлый), а второе отчасти у самихъ Турокъ приняло значеніе акробата. Замѣтимъ мимоходомъ, что и у стариннаго персидско-турецкаго nähläbän-а необходимымъ признакомъ считается «выдающееся физическое развитіе», которое въ турецкомъ палуан-ѣ или балуан-ѣ сказывается между прочимъ способностью къ поглощенію нѣсколь-

Digitized by Google

кихъ барановъ въ одинъ присѣстъ и къ благополучному перенесенію огромнаго количества плетей, а «выдающееся духовное развитіе» можно приписать такому витязю развѣ только въ противоположность русскому «болвану». Но дѣло вѣдь совсѣмъ не въ томъ, уменъ или глупъ турецкій богатырь: статуя-то его во всякомъ случаѣ безсмысленна. Къ тому-же въ томъ болванѣ, который собственно и подалъ поводъ къ нашему спору, — въ болванѣ Тмутороканскомъ, не отмѣчены ни безобразіе, ни безсмысленность; напротивъ: дивъ ему «велить послушати» о наступленіи Игоря. Предположеніе, высказанное мною лѣтъ 20 тому назадъ, — что баскаки возили съ собой ханское изображеніе, и что оно называлось болваномъ, правда, «ни на чемъ не основано» (стр. 71, примѣч. 1) кромѣ названія улицы Болвановки въ Замосковорѣчьѣ близъ Татарской и Ордынки, но еще менѣе имѣлъ-бы основанія тотъ выводъ, къ которому соблазняютъ читателя дальнѣйшія слова проф. Меліоранскаго,—будто-бы этого болвана я искалъ въ басмѣ, предметѣ, намъ неизвѣстномъ, который, если и представлялъ собою изображеніе хана, то во всякомъ случаѣ не со всѣми тремя измѣреніями, а лишь съ двумя, такъ какъ, судя по этимологіи, оно было или втиснуто или натиснуто, подобно рисунку или узору на ткани, почему теперь не только у Татаръ, но и у Арабовъ египетскихъ басмою называется набойка, ситецъ (что въ Сиріи шіт съ тур. чіт). Чтобы покончить съ семасіологическимъ споромъ о болванѣ, коснусь двухъ примѣчаній на стр. 72. Въ первомъ изъ нихъ проф. Меліоранскій разсуждаетъ о польскомъ словѣ junak такъ, какъ если-бы оно было исконнымъ польскимъ; но и его употребленіе и старинное правописаніе jonak и jónaczyć и производное junakiegya и отсутствіе прилагательнаго юнъ въ польскомъ языкѣ свидѣтельствуютъ о чуждомъ происхожденіи, т. е. о заимствованіи, время котораго можетъ быть отнесено, по видимому, къ 40-ымъ годамъ XV в., когда Поляки сошлись непосредственно съ Сербами и Болгарами. Второе примѣчаніе — «Изъ «арслана» вышелъ конечно и нашъ Русланъ (Ерусланъ)»—можетъ служить

Digitized by Google

хорошимъ примѣромъ къ словамъ г. Меліоранскаго на стр. 68: «Иное дѣло если вся теорія заимствованія строится, при несовпадающемъ значеніи словъ и при отсутствіи прямыхъ указаній на заимствованіе, только на созвучіи словъ къ тому-же неполномъ, можетъ быть случайномъ»: изъ турецкаго арслан у насъ получилось-бы нѣчто похожее на то, что произошло изъ того-же слова у Мадяръ (oroszlán), хотя, можетъ быть, съ j въ началѣ (ср. ералашь изъ тур. аралаш «мѣсиво»), а содержаніе сказки о Ерусланѣ заимствовано въ общихъ чертахъ изъ Шахъ-намэ, и Еруслань Лазаревичъ или, въ старой редакціи, Залазаревичъ есть не кто иной, какъ пеглеванъ изъ пеглевановъ, самъ «Рустам і Зāл і зар». Къ этому результату не лингвистическаго, а историко-литературнаго изслѣдованія тюркологъ можетъ добавить лишь предположеніе, что персидское сказаніе прошло сначало черезъ киргизскую среду, а потомъ черезъ руки татарскаго грамотѣя иного племени, который зналъ, что Киргизы обращаютъ *s* послѣ *c* въ *m*, и потому счелъ своимъ долгомъ возвратить, по его мнѣнію, имени героя первоначальный видъ, какъ напр. польская фамилія Ostafiński, возникшая, вѣроятно, среди тѣхъ Поляковъ, которые предлогъ roz произносятъ безъ *r* (въ Anlaut), была, будто-бы, исправлена въ Roztafiński.

Обратимся къ звуковой сторонѣ слова *болванъ* по отношенію къ слову nāhlāvān. «Переходъ nāhlāvān'a въ *nāhlāvān'a», есть не «не болѣе какъ нѣкоторая возможность» (стр. 74), а совершенная невѣроятность: съ одной стороны турецкое *б* вмѣсто иноязычнаго *n*, а съ другой иноязычныя *h* и *в* и вопіющее въ древнемъ и безъискусственномъ урало-алтайскомъ языкѣ нарушеніе гармоніи звуковъ должны быть признаны явленіями несовмѣстимыми. „Исчезновеніе слабоартикулируемаго и слабо слышащагося звука «h»“ (тамъ-же) въ заимствованномъ словѣ объясняется у Турокъ не упомянутыми свойствами этого звука, который можетъ у нихъ и укрѣпиться, какъ въ каракиргизскомъ кӧўкӧр изъ персидскаго гоўhār, а просто тѣмъ, что этого

Digitized by Google

звука у нихъ не было. Такъ какъ не было у нихъ и *в*, nählä-bān или, можетъ быть, еще nahlabān могло дать въ древнемъ турецкомъ языкѣ только *балуўан или балабан. И противъ первой изъ этихъ формъ г. Меліоранскій теперь, кажется, уже не споритъ, а лишь старается, по крайней мѣрѣ, исключить ея стянутый видъ балўан хоть изъ киргизскаго языка, признавая въ немъ однако пайда и байда, патса и батса (стр. 70 примѣч. 2), но почему-то отказывается «допустить переходъ срединнаго «в» («в» des Inlautes) въ «б» въ общетурецкомъ языкѣ или въ одномъ изъ древнихъ діалектовъ» и отвергаетъ доказательность татарскихъ alба и чалбар изъ персидскихъ ḫālbā (ар.) и shālbār, потому что это слова новыя, а «русскія формы «халва» и «шаровары» и «шальвары» свидѣтельствуютъ о томъ, что въ болѣе древнихъ турецкихъ діалектахъ и въ этихъ словахъ перехода в || б не было» (стр. 74). Исторія слова шаровары неизвѣстна, и къ тому-же оно, по видимому, подверглось вліянію какой-то народной этимологіи, но кто-же повѣритъ тому, что Русскіе заимствовали свои халва̀ и шальвары раньше, чѣмъ Татары свои alба и чалбар? Впрочемъ главное дѣло опять-таки не въ этомъ, а въ томъ, что шальвары попали къ намъ чуть-ли не прямо отъ Персіянъ (послѣ войны 1826 г.), а халва завезена Греками изъ Турціи (кажется около половины XIX в.), Турки же, т. е. Османцы, произносили *в* уже давно (чего я и не отрицалъ). Потому ни «кāравāн» (форма мнѣ впрочемъ неизвѣстная), ни Ашикъ-паша съ его hайван, ālван и т. п. словами (стр. 74—75), ни даже самъ диванъ (стр. 75 примѣч. 1) ничего не говорятъ въ пользу сохраненія формы nählävān у всѣхъ Турокъ въ полной неприкосновенности. Вообще въ вопросѣ о *в* и *n* проф. Меліоранскій вынужденъ оперировать то съ османскимъ языкомъ, то съ киргизскимъ, т. е. держаться внѣ области общетурецкаго языка. Древность перваго или, точнѣе, западной (иначе: южной) турецкой вѣтви не подлежитъ сомнѣнію, но не менѣе несомнѣнна и самостоятельность этой вѣтви по отношенію къ звукамъ *в* и *n*, а второй въ

Digitized by Google

качествѣ источника для возстановленія общетурецкой фонетики мало пригоденъ потому, что Киргизы представляютъ собой смѣсь не только разныхъ турецкихъ племенъ, но также самоѣдскихъ, остяцкихъ и тунгузскихъ (см. Radloff, Phonetik d. n. T. стр. XXXIX—XLI). Потому-то я и ссылался на языки османскій съ азербайджанскимъ и киргизскій только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они не расходятся съ турецкими языками сѣверными и восточными, обнаруживая въ себѣ склонности, идущія въ разрѣзъ съ ихъ особенностями. Изъ приведенныхъ мною примѣровъ возврата къ общетурецкому типу г. Меліоранскій напрасно ограничился словами alba и чалбар и умолчалъ объ османскомъ искаженіи арабскаго баўāсīр, произносимомъ учеными Османцами бевасыр, а говорящими по-просту — бабасыл, что̀ почти не отличается отъ средне-азіатскаго бабасыр и по условіямъ перехода серединнаго *в* въ *б* гораздо ближе къ балабан изъ pahlabān. Это заимствованіе не новое. Новѣйшее, хоть тоже не вчерашнее, но за то также представляющее переходъ *в* въ *б* между гласными, какъ въ балабан, я могу прибавить теперь— карагасское турӌобай (купецъ) изъ русскаго торговый, не говоря уже объ измѣненіи первоначальнаго турецкаго губного звука изъ разряда w (= исп. b) или ў въ звукъ *б* въ тѣхъ-же пріенисейскихъ нарѣчіяхъ[2]) и въ алтайскихъ, какъ тебā вер-

2) Но едва-ли въ орхонскомъ, гдѣ самая древность нарѣчія дѣлаетъ мало вѣроятнымъ произношеніе jабуз плохой, худой (вост. jаўуз, зап. и сѣв. jауз), суб вода (вост. и сѣв. суў, зап. су), еб домъ (зап. ев, сѣв. ўā) и т. п. Во второмъ по древности памятниковъ послѣ орхонскаго турецкомъ языкѣ, уйгурскомъ, находимъ, правда, тāбā, суб (или суп, что̀ нельзя различить), еб (или еп) и т. д., но при употребленіи арабскаго письма можно встрѣтить, помимо написаній съ *в* (ў), также тāФā, суФ, еФ. Что это *ф* должно изображать w или ў, слѣдуетъ предположить на основаніи родственныхъ языковъ, а за близость этого губного звука къ слоговому *у* говоритъ, по видимому, написаніе сФ вмѣсто суФ, весьма обыкновенное, если не господствующее. Для звукового опредѣленія орхонскаго *б* важно въ особенности табӌач «Китай, Китаецъ, Китайскій», связь котораго съ тапла- служить, предполагаемая Томсеномъ (Inscriptions de l'Orkhon стр. 130), мало вѣроятна, но произношеніе таwӌач или таўӌач поставлено этимъ ученымъ (тамъ-же) почти внѣ сомнѣнія. Изъ

Digitized by Google

блюдъ (= зап. дāвā, сѣв. тӯjā), jабаш или jобош сирный (=зап. jаваш, сѣв. jуаш) и т. п. Но г. Меліоранскій широко распространенному балабан (falco sacer) противоставляетъ кирг. балапан (птенецъ), утверждая, что въ этомъ словѣ звукъ *п* и какъ будто связанное съ нимъ значеніе «птенецъ» древнѣе, чѣмъ *б* и значеніе «большой» и «соколъ-балабанъ» (стр. 75). Старшинство звука *п* доказывается, по его мнѣнію, киргизскимъ-же жапан (пустыня), которое въ Шейбани-намэ написано jапан, и орхонскимъ дѣепричастіемъ на -ыпан, -іпāн. Но 1) всѣ прочіе турецкіе языки, въ которыхъ есть это слово и это окончаніе, даютъ jабан и -убан, -ӯбāн (съ у—ӯ, какъ ничто не мѣшаетъ писать и въ орхонскихъ текстахъ); 2) при обсужденіи вопроса о сравнительной древности *п* или *б* въ кирг. балапан и жапан слѣдуетъ имѣть въ виду упомянутое мною, но забытое проф. Меліоранскимъ кирг. шопан пастухъ, которое передѣлано изъ перс. шубāн, но, очевидно, не прямо, а черезъ уже потурченное чобан, такъ какъ персидское и общетурецкое *ш* измѣняется у казакъ-киргизовъ въ *с*, а *ч* — въ *ш*; 3) Шей-

---

трехъ звонкихъ согласныхъ *ı*, *д* и *б* первое звучало у племени, оставившаго намъ орхонскія надписи, какъ придувное Ƀ (что впрочемъ свойственно большинству Турокъ), второе, вѣроятно, произносилось какъ придувное δ (см. примѣч. 1), — остается допустить, что и третье обратилось у нихъ въ придувное w, какъ и въ греческомъ языкѣ звонкія γ, δ и β сдѣлались со временемъ придувными. Невѣроятно толкованіе строкъ 63—62 (= зап. стор. стр. 3—4) надгробія кагана Бильге бэā т[āцрі] кӧбрӯгāсі (въ подлинникѣ кӧбргсі) тāрчā ад [—], предложенное Томсеномъ, впрочемъ очень сдержанно: «quand le pont (la voûte) du ciel en haut sera...», потому что то слово, которое у всѣхъ Турокъ звучитъ кӧпрӯг, кӧпрӯ, кӧпӯр (конб. кӧбӧргā ничего не доказываетъ), не можетъ имѣть у Орхонцевъ иного губного звука кромѣ *п*; потому здѣсь умѣстно припомнить уйг. к(ӧ?)брӯг, чаг. кāӯргā «большой барабанъ, литавры» («кӯс і шāhі» Абушка) и сиб.-тат. таршла — «грохотать»; ср. шаманскій бубенъ (тӯңӯр) и стихъ персидской пѣсни, записанной проф. В. А. Жуковскимъ (цитую по памяти): āсмāн і лāцвāрді дāйрā-бāзі мі-кунāд «лазурное небо играетъ на бубнѣ». Для оцѣнки звукового значенія буквы *б* въ древнихъ турецкихъ азбукахъ поучительно туба=ар. دعاء «молитва» въ Кутадгу-билигѣ (предисл. 7, 8): здѣсь *б* или = w, ӯ, или служитъ лишь показателемъ отдѣленія *у* отъ *а*, которыя въ уйгурскомъ письмѣ, стоя рядомъ, едва могутъ быть опознаны читателемъ.

Digitized by Google

бани-намэ сочинено въ XVI, но знаемъ мы это произведеніе не по автографу, а самъ авторъ тѣмъ болѣе могъ написать «јабан» съ *б*, т. е. поставить подъ спорной буквой одну точку, а не три, что въ старину Турки по примѣру своихъ учителей Персовъ, писали обыкновенно *б* вмѣсто *п*, ц вмѣсто *ч*, *к* вмѣсто *г*, потому что ни *п*, ни *ч*, ни *г* не свойственны арабскому языку, и даже тамъ, гдѣ необходимо было отмѣтить это различіе, напр. въ словаряхъ, называли *п* персидскимъ *б*, *ч* — персидскимъ ц, *г*—персидскимъ *к*, оставляя однако на письмѣ арабскія *б*, ц и *к*; 4) въ орхонское окончаніе дѣепричастія -упан, -ӯпӓн *п* могло проникнуть изъ однозначащаго окончанія -уп, -ӯп, гдѣ *п* вмѣсто *б* обосновано фонетически[3]). Но проф. Мелioранскій считаетъ форму балапан, исключительно киргизскую, образованіемъ общетурецкимъ и приписываетъ ей значеніе «большеголовый» также какъ общетурецкое, откуда выводитъ съ одной стороны,

3) Въ другомъ мѣстѣ я высказалъ предположеніе, что окончаніе -убан, -убӓн сложено изъ окончанія -у, -ӯ и сохранившейся въ монгольскомъ языкѣ наставки прош. вр. -ба, -бӓ съ прибавочнымъ *н*, какъ въ послѣлогѣ табан «къ» при таба (орх. тапа противъ), осм. сӯлӯмен «сулема», абак. kӓliскiн, шорск. kӓliскӓn «ящерица» при алт. kӓlӓcкi, кум. кесертке и др. Звукъ *п* не встрѣчается ни въ одной турецкой наставкѣ и свойственъ лишь весьма немногимъ корнямъ, и то не въ началѣ (разумѣю Anlaut), гдѣ онъ обыкновенно оказывается и въ языкѣ орхонскихъ надписей: kапуӈ «ворота» — зап. kапу (но сѣв. kапка, чув. хапха, гдѣ *п* могло произойти изъ *б*), тӧпӓ «верхъ» — вост. и зап. тӧпӓ или тепӓ (но сѣв. тӧбӓ), тапа (см. выше), тапла — «служить» и др., не считая иноязычныхъ Тӯпӯт «Тибетъ», шадапыт «(какой-то) сановникъ» и пр. Во всякомъ случаѣ нельзя смотрѣть на этотъ языкъ какъ на величину, почти равносильную пра-турецкому языку: онъ архаиченъ, но уже успѣлъ нѣсколько потереться и принять въ себя кое-что чужое. Сомнительно, чтобы напр. окончанія второго лица ед. ч. прош. вр -ыӈ, -іг и причастія прош. вр. -ӈыма, -гімӓ (или -ӈама, -гӓмӓ), неизвѣстныя изъ другихъ языковъ, или перваго лица мн. ч. прош. вр. -мыз, -міз, составляющее — въ видѣ -быс, -біс — особенность алтайскихъ и пріенисейскихъ нарѣчій, въ видѣ -мыр, -мӯр—чувашскаго языка, въ видѣ -быт, -біт или -бут, -бӯт—якутскаго, какъ и окончаніе второго лица мн. ч. того-же времени -ӈыз, -гіз, употребительное во многихъ сѣверныхъ языкахъ, или условное на -сар, -сӓр, встрѣчающееся, кажется, еще только въ якутскомъ языкѣ (-тар, -тӓр, -дар и т. д.) входили въ составъ общетурецкаго языка. Единичны, по видимому, и падежныя окончанія -да, -дӓ и -ӈа, -гӓ въ смыслѣ -дан, -дӓн и -да, -дӓ, хотя для послѣдняго какъ будто есть аналогіи у Алтайцевъ и у Якутовъ.

Digitized by Google

даже не упоминая возможности воздѣйствія слова бала «дѣтенышъ», киргизское значеніе «птенецъ», а съ другой — западное «большой» и отъ него — западное и восточное «соколъ-балабанъ». Однако на основаніи какихъ данныхъ могло-бы возникнуть у Турокъ балапан со значеніемъ «большеголовый»? для такого слова на почвѣ турецкихъ языковъ нельзя найти объясненія ни въ этимологическомъ отношеніи, ни въ семасіологическомъ. Или оно заимствовано? но откуда-же? Съ моей точки зрѣнія отвѣтъ на этотъ вопросъ нетруденъ: чуть не общетурецкое балабан — а не балапан — есть персидское pahlavān «богатырь», но уже въ значеніи «дюжій, огромный»[4]), откуда — можетъ быть, не безъ вліянія слова бала дѣтенышъ — названіе соколиной породы, крупной и, какъ всѣ хищныя птицы, медленно растущей, почему онѣ въ зоологіи причисляются къ разряду птенцевыхъ (повторяю послѣднее замѣчаніе въ нѣсколько иномъ видѣ, потому что въ первый разъ г. Меліоранскій, какъ видно на стр. 76, не могъ его себѣ уяснить). Воздѣйствіе слова бала несомнѣнно сказалось на значеніи киргизскаго балапан, которое относится къ балабан «дюжій, огромный» приблизительно такъ-же, какъ дуель «сквозной вѣтеръ» къ дуэль = франц. duel, какъ протекція «течь, капе́ль» къ «протекція» = лат. protectio, какъ пролетарій «банкрутъ» (вылетѣвшій въ трубу) къ пролетарій = лат. proletarius и т. п. Кстати есть у Киргизовъ при балапан и синонимическое балачан, балашан. Изъ того, что̀ говоритъ г. Меліоранскій на той-же страницѣ ниже, читатель можетъ заключить, что слово балапан я понялъ въ смыслѣ «заботящійся о птенцахъ, смотрящій за птенцами»; но въ этомъ я неповиненъ, какъ непричастенъ и къ упомянутому въ примѣчаніи 2) производству рус-

4) По-малорусски, какъ мнѣ сообщилъ А. Е. Крымскій, балабанъ = верзило, что̀ и отъ болвана недалеко. Отъ него-же я узналъ, что въ южномъ крымскомъ нарѣчіи понятіе «большой» выражается обыкновенно словомъ «балабан», а общетурецкое büyük сохранилось лишь какъ составная часть топографическихъ именъ.

Digitized by Google

скаго барабанъ отъ будто-бы персидскаго *bālā-bāнг, вмѣсто котораго я, согласно съ приведеннымъ тамъ-же отзывомъ акад. К. Г. Залемана, скорѣе предположилъ-бы, по крайней мѣрѣ, возможное *баланд-бāнг, прошедшее по пути къ намъ черезъ турецкую среду, гдѣ оно могло принять видъ *бала(м)бан.

Что касается производства слова болванъ отъ орхонскаго балбал (стр. 78), то проф. Меліоранскій едва-ли доказалъ переходъ серединнаго *б* въ *в* ссылкой на Ашикъ-пашу, о которой была уже рѣчь выше: османскій языкъ XIV в. не есть «древнетурецкій языкъ» вообще и потому непригоденъ для объясненія хотя-бы киргизскаго палуан или даже непризнаваемаго г. Меліоранскимъ балуан, которое хоть на одинъ звукъ, на «б» des Anlautes, ближе къ балбал.

Проф. Меліоранскій, пользуясь своими обширными познаніями, увеличилъ матеріалъ нашей полемики еще двумя словами, изъ которыхъ о первомъ онъ говоритъ, что оно «не лишено интереса» (стр. 79). Это слово—перс. pulbān «валики изъ земли по краямъ поля, по которымъ ходятъ, чтобы не топтать посѣва» (словарь Вуллерса) и каракирг. балбал «небольшой участокъ земли съ валиками». Слово pulbān въ самомъ дѣлѣ интересно, особенно для меня. Это, вѣроятно, есть не что иное, какъ *pilbān «оберегатель подошвы», въ діалектическомъ произношеніи: ср. азерб.-перс. пундāр, пунhāн, пусāр, пусāндıдāн, бурāдāр, бу-роў вмѣсто піндāр, пінhāн, пісāр (или пāсāр), пісāндıдāн, бірāдāр, бі-роў и т. п., съ *n* и *б* въ началѣ (in Anlaute; но не съ *в*, послѣ котораго обратная перемѣна—віцўд вмѣсто вуцўд, візў вмѣсто вузў). И такъ цѣлью земляныхъ валиковъ на вспаханномъ полѣ можетъ быть предохраненіе не только посѣва отъ вытаптыванья, но и подошвъ отъ той непріятности, которую изображаетъ примѣръ на слово pil въ словарѣ Шамс-і Фахрı (Shams i Fachrîi Ispahânensis lexicon persicum—edidit Carolus Salemann. Casani CIↃIↃCCCLXXXVII стр. 89 = XVI 50):

Digitized by Google

mānda dar sangilāx i miḫnat u ɣam,
ābila karda pā, šikāfta pil =

«оставшись въ каменистой мѣстности труда и печали, натерши пузыри на ногахъ, разрѣзавъ подошвы» (ногъ, а не обуви). Распаханное поле, конечно, не можетъ считаться каменистой мѣстностью, особенно въ каменистой Персіи, но на тамошней пашнѣ камешковъ можетъ попасться не мало, и камешковъ острыхъ, о которые легко разрѣзать себѣ подошву, защищенную, по персидскому обычаю, тонкой обувью или просто голую. Если такъ, перс. pylbān и предполагаемое проф. Мелioранскимъ «древне-турецкое *балван (изъ «балбал»)» не имѣютъ между собою ничего общаго, и первое отнюдь не могло произойти изъ второго. За то, такъ какъ каракирг. балбал почти несомнѣнно искажено изъ pylbān, pilbān, возможность происхожденія орх. балбал отъ балўан — перс. pahlabān становится, благодаря этой цѣнной прибавкѣ къ документамъ о болванѣ, въ высокой степени вѣроятной. По аналогіи съ этимъ словомъ можно предположить рядъ pahlabān — балўан (кирг., отмѣченное не однимъ Букинымъ, а и Будаговымъ подъ پهلوان) — балбал (ср. общетур. jаман «дурной» — шор. чабал, абак. ṫабал). Признаюсь, что для объясненія слова балбал я былъ готовъ прибѣгнуть къ монгольскому балбалаху «разбивать, сокрушать», хотъ и не подходящему по смыслу, или къ енисейско-остяцкимъ балбас̀ «идолъ» и балбăс «крестъ» (отъ выпуклаго изображенія на распятіи или по смѣшенію символа съ божествомъ)—такъ трудно мнѣ было допустить персидское слово около Енисея въ VIII в., да еще при такой разницѣ въ окончаніяхъ двухъ сближенныхъ между собою словъ— -ван и -бал. Но каракирг. балбал, почти несомнѣнно передѣланное изъ перс. pilbān или pylbān, положило конецъ моимъ колебаніямъ. Содѣйствовало этому и то обстоятельство, что въ томъ-же краю слова персидскія и даже арабскія, занесенныя туда черезъ Персію, вошли въ языки не только турецкіе, гдѣ есть напр. агыл «умъ нравъ» — ар. ʿakl,

Digitized by Google

байрам (пайрам) «большой праздникъ» (не мусульманскій байрамъ, такъ какъ тамошніе Турки — не мусульмане), бā (пā) «цѣна» (съ производнымъ бāлīрбын «цѣню») отъ перс. bahā, ар «всякій, каждый» — перс. hap, кутай или кудай «Богъ» — перс. худāй, калык «народъ» — ар. xalk, калып «колодка, форма» — ар. kāliб, кыймат «дорогой» — ар. кымат «цѣна», еш «ничего» — перс. hēч, кат «письмо, грамота» — ар. хаṯṯ, кӯрāнкā «фунтъ» — перс. гірівāнка, орозо «постъ» (у другихъ Татаръ ураза) — перс. рōза, паштак «шалунъ» — перс. бустāх (см. P. Horn, Grundriss der persischen Etymologie подъ словомъ gustāx), саман время — ар. замāн, самын «мыло» — ар. ṣāбӯн, тāрāзā «вѣсы» — перс. тарāзӯ, тāм «вкусъ» — ар. ṯa'м, тарбазан «пушка» — ар.-перс. дарбзан (съ необычнымъ въ новоперсидскомъ языкѣ выговоромъ буквы дāд какъ д, а не какъ з), чар «точильный камень» — перс. чарх «колесо», шāрт, шālт или чāрт «клятва» — ар. шарṯ «условіе», чікір «сахаръ» — перс. шаккар, шалбыр «шаровары» — перс. шalвāр (два послѣднія слова чуть-ли не черезъ монг. шікір и шалбур), но и въ самоѣдскіе, напр. коттскія ōбал «грѣхъ» отъ ар. ӯабāl или его множ. ч. аӯбāl, тāмук (камаш. тамгу) «табакъ» отъ перс. тамбакӯ, коаш (камаш. куӯас — то и другое изъ абак. *куаш, успѣвшаго съ тѣхъ поръ измѣниться въ кōс) «красивый», которое еще Кастрéнъ сблизилъ съ перс. хӯаш (откуда, можетъ быть, и ново-арабское куӯейjіс хорошенькій: ср. перс. собственное имя Хосраӯ — у Арабовъ Кісра[1], перс. гāмēш «буйволъ» — по-арабски ҷāмӯс), енис.-ост. кітн «конопля» отъ перс. катāн (ар. каттāн) и др., также въ остяцкіе нарѣчія, напр. сург. пili «лопата» — перс. бēl или бīl, иртыш. āсад «свободный» — перс. āзāд, рам «покой» — перс. ārām, шам «свѣча» — ар. шам°, не говоря уже о заимствованіяхъ угорскихъ или финно-угорскихъ. Да и благодѣтельная богиня Умай, съ которою въ надписи кагана Бильге сравнивается его мать, и которая до сихъ поръ почитается на Алтаѣ, не есть-ли знаменитая изъ персидскаго басно-

Digitized by Google

словія птица hумāй, тѣнь которой дѣлаетъ человѣка, случайно попавшаго подъ нее, обладателемъ счастія и власти—hумājӯн? Это имя издавна было усвоено женщинами—отъ Исфендіаровой сестры въ Шахнамэ до многихъ нашихъ современницъ-татарокъ, по крайней мѣрѣ, кавказскихъ, а «ці богині—ті-же баби», говоритъ Котляревскій. Правда, корень ум- съ подходящимъ значеніемъ—надѣяться—есть и въ турецкихъ языкахъ, но отъ него едва-ли возможно такое образованіе. Не иранскаго-ли происхожденія и названія высокихъ должностей у Орхонцевъ шад и шадапыт? не оттуда-ли имя Кюль-тегинова коня ышбāра-јам(а)тар? Во всякомъ случаѣ эти слова не только звучатъ не по-турецки, но въ воображеніи индо-европейца вызываютъ призраки — можетъ быть, не болѣе — въ родѣ хшаја-ṗіја — *шāṗ, *хшаṗᵖапаⁱті — *шаṗ(р)пет (ср. армянскія спарапет, гундапет, hазарапет, крпакапет, hандернапет и т. п., въ особенности шаhапет, въ принадлежности котораго къ *хшаṗᵖапаⁱті Гюбшманнъ (Armenische Grammatik, I Th., 1 Abth. № 462), правда, сомнѣвается, но которое, не смотря на hам-ашхарhік «землякъ» (отъ др.-перс. *hамхшаṗᵖа-), по звукамъ стоитъ ближе къ выше приведенному древне-персидскому слову, чѣмъ къ др.-инд. кшēтрапаті-, авест. шоіṗрапаⁱті «владѣтель поля»). Ср. R. von Stackelberg, Beiträge zur persischen Lexikographie въ Z. d. d. M. g. 16 стр. 59.

II.

Бояринъ.

Относительно этого слова мы съ проф. Меліоранскимъ находимся, очевидно, въ одинаковомъ положеніи: ignoramus. Ново у него упоминаніе чагатайскаго байры, которое, какъ онъ самъ заключаетъ изъ приведенной имъ стихотворной цитаты (стр. 83), для объясненія спорнаго слова не годится. Другая,

Digitized by Google

изъ словаря Абушка, на которую онъ намекаетъ въ примѣчаніи, въ изданіи Вельяминова-Зернова представляетъ нѣчто ритмическое лишь сначала: бу дäргäһның байрысы можетъ быть частью размѣра мутакäріб, а дальше идетъ проза, и я даже не знаю, прозой или стихами написано то сочиненіе Невои, изъ котораго извлечено это мѣсто. Причина, почему я подозрѣваю, что бояринъ заимствовано у Турокъ, заключается въ невозможности его производства откуда-бы то ни было кромѣ турецкихъ языковъ, имѣющихъ и корень бай «богатый, знатный» и наставку -ар. Есть отъ этого корня производныя бајан «богатый, властитель» и бајат «Богъ» (алт. пајана), къ которымъ я прибавляю и бајар, существующее не только у Казанцевъ и у Туркменъ, но, говорятъ, и въ Кокандѣ, куда оно попало до завоеванія края Русскими; сверхъ того оно извѣстно и въ Закавказьѣ, гдѣ значитъ «дворъ» (ср. польск. gospoda, малор. госпóда «господскій домъ») и, мѣстами, «барщина» (впрочемъ по другимъ источникамъ въ первомъ смыслѣ говорятъ бајыр). Есть и у Остяковъ пајар «господинъ». То обстоятельство, что это слово еще не найдено «въ чисто-туркменскихъ текстахъ (народныхъ или литературныхъ)» (стр. 82), еще не рѣшаетъ вопроса, потому что народныхъ туркменскихъ текстовъ мы знаемъ пока очень мало, а существованіе литературныхъ чисто-туркменскихъ, т. е. свободныхъ отъ османскаго или чагатайскаго вліянія, кажется даже сомнительнымъ. Кто спорилъ съ проф. Меліоранскимъ о первичности формы бояринъ, а не боляринъ, мнѣ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ не я.

III.

Была.

Нигдѣ такъ не примѣнимо сказанное въ началѣ этой статьи о недоразумѣніяхъ между мной и проф. Меліоранскимъ, какъ въ

Digitized by Google

отдѣлѣ объ этомъ словѣ, хотя онъ изложенъ весь на неполныхъ двухъ страницахъ (84 и 85). По поводу перестановки *j* и *л* въ словѣ была изъ буйла или бойла я привелъ примѣры этого явленія въ турецкихъ словахъ изъ языковъ турецкихъ и тѣхъ, которые приняли въ себя не мало турецкихъ элементовъ; а проф. Меліоранскій заключаетъ отсюда, что, слѣдовательно, это — явленіе общечеловѣческое и потому ничего не доказываетъ. Я сказалъ, что у какихъ-то Турокъ, вторгшихся въ Европу, *л* въ словѣ бойла смягчилось, а проф. Меліоранскій завѣряетъ, что въ орхонскомъ діалектѣ оно твердо, хотя не только уступаетъ мягкость *л* при *j* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, а еще прибавляетъ, что есть и такія, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ *л*, а есть одно *l* (что впрочемъ къ вопросу не относится, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ на стр. 68, «далеко не все равно,. . . имѣемъ-ли мы дѣло со спонтаненческимъ или комбинаторнымъ переходомъ того или другого звука»). Я сказалъ, что слово бойла могло проникнуть къ Грекамъ *или* прямо отъ Турокъ *или* посредственно черезъ Славянъ, а потому и его исторія въ Европѣ могла быть *или* такая *или* иная; а проф. Меліоранскій заявляетъ, что допускать *и* тотъ *и* другой ходъ звуковыхъ измѣненій значитъ впадать во внутреннее противорѣчіе. Этотъ рядъ недоразумѣній со мною онъ заключаетъ недоразумѣніемъ съ собою. Отчаявшись въ возможности «оправдать передъ судомъ фонетики» связь между бойла или буйла и его славянскими и византійскими отраженіями — конечно, только по моему способу, — онъ видитъ спасеніе лишь въ произношеніи буjла, при которомъ является возможнымъ „перебой «у» въ «ы», т. е. буjла́ *буjа́ *була́~была́, или передача уj (уі?) черезъ «ы»“, при чемъ онъ ссылается въ примѣчаніи на то, «что западнымъ европейцамъ (французамъ, нѣмцамъ) наше «ы» нерѣдко представляется похожимъ на у + и (не уй!)». Примѣры выраженія нашего *ы* посредствомъ *уй* и односложнаго и двусложнаго *уі* приведены и у меня, но изъ выговора не отдѣльныхъ современныхъ Французовъ и Нѣмцевъ, а Урало-алтайцевъ и Литовцевъ. Какое однако

Digitized by Google

значеніе въ своей аргументаціи г. Меліоранскій придаетъ замѣчанію о французско-нѣмецкомъ воспріятіи нашего ы за «у + и (не уй!)»? Если его буйла изображаетъ собою буйла (съ уй, котораго не произносятъ Французы и Нѣмцы), то, по его-же словамъ, уй прежде, чѣмъ превратиться въ ы, должно было перейти черезъ ступень уи; гдѣ-же это случилось? у Славянъ, у Византійцевъ или у самихъ Турокъ? Въ такихъ вопросахъ тѣмъ труднѣе разобраться у г. Меліоранскаго, что его транскрипція въ этихъ случаяхъ сама можетъ повести къ недоразумѣніямъ. На стр. 83 онъ писалъ «баіры», имѣя въ виду «байры», какъ и на стр. 79 «бäі», вѣроятно, въ смыслѣ бäй, на стр. 85 онъ пишетъ «буйла», «уй (уі?)» и «у + и (не уй!)». Если «буйла» есть лишь передача орхонскаго правописанія, оно не должно являться въ качествѣ фонетической величины («буйла *булја» и т. д.); если «уj» есть «уй» (что̀ фонетически невѣрно), то «(уі)» равняется—чему? у + і? но ср. «баіры». Отчасти здѣсь виновата академическая транскрипція, непризнающая й, вслѣдствіе чего, видя напр. аі, иногда не знаешь, читать-ли это за ай «мѣсяцъ» или за а + і, какъ говорятъ нѣкоторые Турки вмѣсто ајы «мѣсяцъ его»; но виновата она лишь отчасти.

Къ этому отдѣлу я могу теперь прибавить: 1) для вопроса о перестановкѣ плавныхъ и j или й: съ одной стороны серб. бàрјам, мад. barjam — тур. байрам, серб. кȕрјук «коса женская»—тур. kуйрук «хвостъ», съ другой чув. майрӑ, «русская женщина» — Марья (что̀ у Финновъ-Суоми Maila, но у Черемисовъ марја, у казанскихъ Татаръ маржа «русская»); 2) о двоегласности нашего ы см. «Фонетическіе этюды I — III», проф. А. И. Томсона въ № 2 «Русскаго Филол. Вѣстника» 1905 (стр. 47 — 54 отд. отт.) и кромѣ того ср. енис.-ост. мойтег, сург.-ост. майтек, зыр. майтаг «мыло».

Digitized by Google

IV.

Ногата.

Въ подкрѣпленіе этимологіи этого слова отъ ар. наkд проф. Меліоранскій для того, чтобы доказать, что между конечными согласными могло развиться у Турокъ не только *ы*, но и *а*, нашелъ въ разныхъ турецкихъ языкахъ шесть арабскихъ и персидскихъ словъ, которыхъ двѣ послѣднія согласныя раздѣлены, въ самомъ дѣлѣ, вставной гласной а—ä, а не ы — і. Эти слова суть шаhр городъ, заhр ядъ, kабр могила, lаẖд (а не «lахд») ниша въ могилѣ, ц̣аhд стараніе, лафз̱ слово. Но 1) въ четырехъ изъ нихъ предпослѣдній согласный звукъ есть h (такъ какъ и арабское ẖ Турки, по примѣру Персіянъ, произносятъ за h, если не смѣшиваютъ съ *х* и не превращаютъ въ k), а h, которое не существовало въ общетурецкомъ языкѣ и до сихъ поръ чуждо большинству Турокъ, многимъ турецкимъ племенамъ причиняетъ такія затрудненія, что при этомъ звукѣ сплошь и рядомъ нарушаются обычные фонетическіе законы данныхъ нарѣчій. Отсюда шаhар или шähäр (и даже шääр или шā̆р), зähäр, lähäд (азерб., какъ и предъидущія) — каз. лаkат, ц̣ähäт особенно у тѣхъ Турокъ, которые плохо справляются съ h; но у привычныхъ къ этому звуку, напр. у Османцевъ, шеhір, зеhір, а въ остальныхъ ни а — ä, ни ы — і не вставляются. Изъ этихъ словъ наиболѣе распространенное само по себѣ есть шаhар или шähäр, звучавшее, можетъ быть, еще въ отдаленныя времена у Турокъ шāр или шā̆р и лишь позже — шаар или шääр (saar въ Cod. Com.), въ которое h могло войти еще позже путемъ подновленія. Чтò до зähäр, въ интересахъ не столько дѣла, сколько метода, замѣтимъ слѣдующее: г. Меліоранскій приписываетъ эту форму сибирскимъ Татарамъ; какимъ? если енисейскимъ, то, помимо сказаннаго о *h* въ заимствованныхъ Турками словахъ, должно имѣть въ виду, что въ нарѣчіяхъ енисейскихъ Турокъ часто корневыя гласныя уподобляютъ себѣ

Digitized by Google

приставочныя, а потому и вставныя. Впрочемъ такихъ-же примѣровъ, какъ съ h, проф. Меліоранскій могъ-бы набрать и съ несуществующимъ у Турокъ звукомъ арабскаго ʿайн, напр. сартское nāāl «подкова на обуви»—(азерб. nāl подкова вообще), ар. naʿl, какъ и māāl «пора» — ар. mahl. Даже изъ ар. kāǧiḍ «бумага» съ готовымъ -i- Турки, ослабивъ ǧ до h и отчасти до полнаго исчезновенія, сдѣлали kaha3, kahat, keat. Такъ и турецкія слова aǧыз «ротъ», aǧыр «тяжелый», baǧыр «печень», taǧyk «курица» и т. п. у Черневыхъ Татаръ вслѣдствіе неопредѣленности звука, замѣнившаго ǧ въ ихъ нарѣчіи (Radloff, Phonetik XVIII, 10), превратились въ aac — āc, aap — āp, taak — tāk и т. д.

2) Произношеніе kabāp, съ нарушеніемъ гармоніи гласныхъ, еще болѣе искусственно, чѣмъ xabāp (= ар.-перс. xābār извѣстіе), которое при немъ невольно приходитъ на память. Ар.-перс. лафз, lāfz, произносится Киргизами обыкновенно lebiz, а lepāc не можетъ быть признано нормальнымъ отраженіемъ подлинника хотя-бы ужь потому, что конечное *з* у Киргизовъ не превращается въ *c;* здѣсь, вѣроятно, замѣшана какая-нибудь аналогія — можетъ быть, ар.-перс. hāfāc дыханіе, мгновеніе, голосъ, которое впрочемъ изъ киргизскаго языка мнѣ неизвѣстно.

3) Здѣсь было-бы умѣстно припомнить то, что̀ проф. Меліоранскій сказалъ выше (стр. 74) о моихъ примѣрахъ изъ казанскаго нарѣчія, которое, по его словамъ, ново. Всѣ-ли подобранные имъ примѣры вставного a—ā стары? Едва-ли. Нѣкоторые изъ нихъ до такой степени мало привились на турецкой почвѣ, что въ однихъ нарѣчіяхъ произносятся по-чужому, съ двумя согласными на концѣ, въ другихъ совсѣмъ не употребляются. Къ числу такихъ словъ принадлежитъ и nakд, которое извѣстно лишь немногимъ Туркамъ и, кажется, нигдѣ не произносится ни *nakыt, ни *naǧat».

Проф. Меліоранскій сожалѣетъ, что ни Тизенгаузенъ, ни я не упомянули объясненія покойнаго проф. С. А. Усова—шкурка

Digitized by Google

«ногатая», цѣна которой впослѣдствіи была переведена на деньги. Эта этимологія не только была мнѣ извѣстна, но и способствовала моему недовѣрію къ этимологіи Тизенгаузена.

Кстати припомнимъ то мѣсто въ Словѣ о П. И., въ которомъ встрѣчается разбираемое слово: «то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ». И такъ рабыня упомянута прежде раба. То-же на памятникѣ Кюль-тегина (вост. стор. 20) и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ памятника кагана Бильге (вост. стор. 17): будуны küŋ kul bolды «народъ его сдѣлался рабынями и рабами» (т. е. «попалъ въ рабство», какъ переводитъ проф. Меліоранскій, Пам. К.-т. 20) и съ производными отъ тѣхъ-же küŋ и kul въ памятникѣ Кюль-тегина (вост. стор. 13): küŋädmiс kuladmыs budunыŋ «превращенный въ рабынь и рабовъ народъ» (какъ соединяетъ слова проф. Меліоранскій тамъ-же 13 и примѣч. 35). Ср. V. Thomsen, Inscr. de l'Orkhon примѣч. 20, гдѣ приведены османскія ana baba «мать и отецъ = родители» и kary koca «жена и мужъ = супруги». Эти параллели, кажется, исключаютъ вѣроятность случая, не смотря на обратный порядокъ на памятникѣ Бильге вост. стор. 18 (ср. Кюль-т. вост. стор. 21): kul kullуŋ küŋ küŋlüg bolmыs ertі «рабы стали рабовладѣльцами, рабыни рабовладѣлицами», по переводу проф. Меліоранскаго (тамъ-же 21).

На предположенную мною возможность происхожденія имени «Ревуги» отъ *är-büгä я и самъ смотрѣлъ не иначе, какъ на возможность; ср. кирг. är çigіt «молодецъ». Производству имени «Шелбиры» отъ монг. selbigür «весло» придаетъ мало вѣроятности засвидѣтельствованная теперь проф. Меліоранскимъ наличность весла у Киргизовъ (стр. 85): если-бы какое-нибудь турецкое степное племя такъ усиленно занялось плаваньемъ на гребныхъ судахъ, что могло получить прозвище отъ весла, это прозвище было-бы дано ему, должно думать, по-турецки; но допустимъ даже, что Шельбиры пришли въ Россію прямо изъ Монголіи — все-таки почему монгольское *s* измѣнилось въ *ш*, рѣдкое и у Турокъ и у Монголовъ? Такіе случаи, какъ алт.

Digitized by Google

кӓрӓкшін «самка косули» — монг. кӧрегесӱн, конечно, иного рода, и не только потому, что здѣсь *с* не въ Anlaut, а въ Inlaut; да и много-ли ихъ? Кирг. ескӓк близко къ чаг. ешгӓк (или ешгік?), ком. ешкік (eskik Cod. Com.) и къ алт. и абак. ешкї, іскі при еш-, із- «грести» (осм. и азерб. ешӓ- = рыть, скрести землю); у османскихъ и многихъ другихъ Турокъ весло называется кӱрӓк, какъ и лопата, да и въ Сибири у Карагасовъ кӱрјӓк, въ средней Азіи — чаӱхада (вторая часть котораго значитъ шестъ, но и весло, какъ видно изъ словаря «Абушка»: «хӓдаh, гемі кӱрегіне дерlер», а первую можно, кажется, сравнить съ чапа «лопата») или кӱрчӓк (изъ кӱрӓчӓк «лопаточка»), у Туркменъ — кӓб и, можетъ быть, особаго рода — ɥӱјӓ, а у Алтайцевъ — и kajык, что̀ у Османцевъ, Туркменъ (kajyk) и на Кавказѣ «лодка, катеръ». И того: по-турецки нѣтъ такого общаго всѣмъ племенамъ слова, какъ славянское весло, потому что этотъ предметъ не игралъ такой роли въ жизни Турокъ [5]).

V.

Харалугъ.

По поводу сказаннаго мною объ этомъ словѣ (передъ которымъ проф. Меліоранскій почему-то ставитъ звѣздочку) мой уважаемый оппонентъ недоумѣваетъ, на какомъ основаніи первоначальнымъ видомъ наставки для образованія прилагательныхъ относительныхъ я считаю -луӡ, -lӱг (стр. 88). Самъ онъ стоитъ за вокализацію -лыӡ, -lіг, потому что въ орхонскихъ надпи-

---

5) У Германцевъ два названія—ār на Сѣверѣ и rōþar на Югѣ, но 1) оба значатъ только «весло»; 2) наличность одного не вездѣ исключаетъ употребленіе другого, хоть съ оттѣнкомъ въ смыслѣ, напр. др.-сканд. ár «весло» и róðþ «гребля» (по-шведски åra и roning).

Digitized by Google

сяхъ эта наставка изображается лишь согласными — -лꙋ, -lг, что̀ слѣдуетъ читать -лыꙋ, -liг, такъ какъ знаки для у — ꙋ въ этой письменности не опускаются, хотя въ одной надписи есть написанное всѣми буквами kутлуꙋ по выговору, обусловленному лабіализаціей (отъ корневой гласной). Томсенъ, у котораго онъ заимствовалъ этотъ примѣръ (Inscr. de l'Orkhon, стр. 13), приводитъ еще выписанныя сполна кӱчлӱг й улуꙋ; впрочемъ послѣднее, можетъ быть, сюда не относится. Губное притяженіе въ орхонскомъ развито еще очень слабо: кромѣ этихъ примѣровъ, пока спорныхъ между мною и проф. Меліоранскимъ, Томсенъ такъ-же приводитъ соңӱкӱң «твои кости», сомнительное тӧрӱн «съ великими почестями» (по переводу Томсена), ӧзӱм «я самъ» и винительные падежи карлукуꙋ «Карлука», кончуjуꙋ «царевну». Послѣднее образованіе извѣстно намъ еще только изъ уйгурскаго языка, гдѣ гласный звукъ передъ конечнымъ -ꙋ — -г также колеблется между ы — і и у — ӱ; первое изъ тѣхъ-же образованій представляетъ, по всей вѣроятности, подлинный примѣръ лабіализаціи при особенно благопріятныхъ условіяхъ — два губныхъ слога впереди и послѣдующій слогъ съ ң, помимо иныхъ условій содѣйствующимъ лабіализаціи, которая и является передъ этимъ звукомъ послѣдовательно въ азербайджанскомъ языкѣ, напр. гӓлдӱң (теперь гӓлдӱн) «ты пришелъ» при гӓлдім «я пришелъ» и гӓлді «онъ пришелъ», ӧзӱң (теперь ӧзӱн) «ты самъ» при ӧзім «я самъ» и ӧзі «онъ самъ» (ср. чув. аӡӳ твой отецъ, аннӳ твоя мать, ывылӳ твой сынъ, хĭрӳ твоя дочь, кінӳ твоя невѣстка, пĭччӳ твой старшій братъ и т. п.); тѣмъ страннѣе упомянутое орх. ӧзӱм, которое, если написано не ошибочно—что̀ возможно, потому что ӧ и ӱ изображаются въ этомъ письмѣ однимъ и тѣмъ-же знакомъ —, напоминаетъ -ум, -ӱм вмѣсто -ым, -ім окончанія 1 л. ед. ч. прош. вр. напр. въ Codex Comanicus, гдѣ, какъ было указано выше, на ряду съ -im находимъ -um: jyladum = jыладум, sechirdum = сӓкірдӱм, basladum = башладум, yucladum = jӱклӓдӱм, хотя тамъ-же попадаются 2 л. sövding = сӧвдің,

Digitized by Google

3 л. olturdi = олтурды, kŏčurdi = кочўрдi и т. п. за рѣдкими исключеніями. Впрочемъ понятно, что гласный звукъ, сознаваемый въ качествѣ лишь такъ называемой вспомогательной гласной, менѣе устойчивъ, чѣмъ составляющій существенную часть суффикса или аффикса. И такъ лабіализація, если гдѣ сказывается въ орхонскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ такъ слабо развита, что каждый отдѣльный примѣръ ея заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. При такомъ положеніи дѣла единственные случаи вокализаціи спорнаго окончанія на письмѣ — kутлуӈ и кўчлўг (не считая улуӈ) — вызываютъ вопросъ, лабіализація-ли была причиной обозначенія здѣсь гласной, которая обыкновенно не пишется и послѣ губныхъ гласныхъ въ корнѣ, или-же присутствіе знака *у* или *ў* впереди, только-что написаннаго и потому подвернувшагося подъ-руку легче, нежели послѣ знака другой гласной. Но станемъ на точку зрѣнія проф. Меліоранскаго и допустимъ, что kутлуӈ и забытое имъ кўчлўг, какъ и улуӈ, обусловлены исключительно губнымъ притяженіемъ, что въ нихъ, слѣдовательно, ясно слышалось у — ў, а такъ какъ письменныя изображенія этихъ звуковъ не пропускались, они здѣсь и написаны. Если такъ, то почему-же мы находимъ въ тѣхъ-же надписяхъ кŏрlг вмѣсто кŏрlўг (Кюль-т. вост. 6 = Бильге вост. 6), тонлӈ вмѣсто тонлуӈ (К.-т. вост. 29), jоллӈ или jолӈ вмѣсто jоллуӈ (Кюль-т. юго-зап. и Бильге юго-зап.), kуллӈ вмѣсто kуллуӈ и кўӆlг вмѣсто кўӆlўг (Бильге вост. 18)?[6]). Во всѣхъ этихъ словахъ должно быть губное притяженіе, т. е. *у* — *ў* въ наставкѣ; но оно не написано; а между тѣмъ Орхонцы не пропускали на письмѣ *у* — *ў*; слѣдовательно здѣсь должно читаться ы—і. Въ такомъ случаѣ получаются съ одной стороны kутлуӈ и кўчлўг, съ другой — кŏрliг, тонлыӈ, jоллыӈ, kуллыӈ и кўӆliг при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ.

---

6) Въ этотъ списокъ не вошло темное буд(у)нлыӈ (К.-т. вост. 6), въ которомъ *я*, вслѣдъ за г. Меліоранскимъ (Пам. К.—т., стр. 102), склоненъ видѣть вин. пад.

Digitized by Google

Или въ этомъ языкѣ наблюдается неустойчивость гласныхъ вообще? Нисколько. Но недоумѣніе читателя еще увеличится, если онъ заглянетъ въ текстъ Кюль-тегиновой надгробной надписи въ изданіи самого проф. Меліоранскаго: тамъ въ первыхъ строкахъ (стр. 60) онъ найдетъ олуртым, будуным, отуз, будуны, будун, олурсар, ӱгӱз вмѣсто значащихся на камнѣ олртм, буднм, отз, будны, будн, олрср, ӱгз — все въ 11 неполныхъ строкахъ. Въ орхонскомъ письмѣ a — ä изображаются почти только въ самомъ концѣ словъ, ы — і не отмѣчаются часто, у—ӱ, по увѣренію г. Меліоранскаго, «не опускаются». Почему-же въ тѣхъ изъ только-что выписанныхъ словъ, гдѣ знаки гласныхъ не проставлены, а выборъ можетъ быть только между ы — і и у — ӱ, онъ предпочелъ послѣднія? Да просто потому, что онъ знаетъ по-турецки. Дѣло въ томъ, что, какъ ы — і, такъ и у — ӱ пишутся по-орхонски преимущественно въ первыхъ слогахъ, въ послѣдующихъ часто опускаются, а въ наставкахъ, кромѣ самаго исхода словъ, по большей части предоставляются догадливости читателей. Слѣдовательно по условіямъ орхонскаго письма мы имѣемъ право читать -лӈ, -lг не только какъ -лыӈ, -liг, но и какъ -луӈ, -lӱг, а такъ какъ въ двухъ единственныхъ орхонскихъ примѣрахъ вокализаціи этой наставки — кутлуӈ и кӱчлӱг — мы находимъ у — ӱ, то, отправляясь опять-таки отъ письма, мы должны въ этой наставкѣ отдать предпочтеніе гласнымъ у — ӱ. Впрочемъ въ доказательство своего предположенія, что первоначальный видъ этой наставки былъ именно -луӈ, -lӱг, а не -лыӈ, -liг, что̀ и предохранило ее по большей части до нашихъ дней отъ смѣшенія съ наставкой -лык, -lік, я ссылался не на орхонскую орѳографію и вообще не на письменные пріемы отдѣльныхъ турецкихъ племенъ, а на фонетику ихъ языковъ, которую старался по мѣрѣ возможности прослѣдить исторически. Съ этой стороны всѣ турецкіе языки, кромѣ чагатайскаго со смѣнившими его говорами и абаканскихъ нарѣчій, свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что исходнымъ согласнымъ звукомъ этой наставки

Digitized by Google

было ɣ — г, а османскій съ азербайджанскимъ показываетъ, что гласнымъ ея звукомъ было у — ў. Противъ перваго изъ этихъ выводовъ проф. Меліоранскій, кажется, не возражаетъ, убѣжденный въ его вѣрности хотя-бы неуклоннымъ показаніемъ орхонскихъ надписей, но старо-османское -лу, — lў объясняетъ не прямо изъ -луɣ, -lўг, какъ я, а болѣе сложнымъ путемъ, въ вѣрности котораго онъ нисколько не сомнѣвается, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ (ст. 88): «Вѣрно то, что въ нѣкоторыхъ новыхъ діалектахъ отпаденіе конечнаго ɣ (г) повлекло за собою лабіализацію гласнаго въ этомъ аффиксѣ, который напримѣръ въ старо-османскомъ звучалъ -лу, -lў, но не -лы, -li». Логическая связь примѣра съ предшествующей ему мыслью не совсѣмъ ясна, но предположимъ, что она такова, какая нужна для того, чтобы примѣръ не казался случайнымъ. И такъ, по мнѣнію нашего уважаемаго тюрколога, -лу, -lў произошло изъ -лы, -li лишь по утратѣ конечнаго ɣ — г, которая какъ-бы вознаградилась лабіализаціей. Какіе «новые діалекты» онъ при этомъ разумѣетъ? Конечное ɣ — г этого аффикса отпало во всѣхъ нынѣшнихъ турецкихъ языкахъ кромѣ нарѣчій Карагасовъ и Шорцевъ, сохранившихъ этотъ звукъ приблизительно въ первоначальномъ видѣ, Абаканцевъ и отчасти Турокъ Средней Азіи, измѣнившихъ его въ k и x. Такимъ образомъ передъ нами широкое поле для наблюденій, которыми мы можемъ провѣрить законъ проф. Меліоранскаго. И что же? Мы не находимъ лабіализаціи рѣшительно нигдѣ, кромѣ Алтая. Была-ли она еще гдѣ-нибудь хотя-бы въ тѣ вѣка, отъ которыхъ у насъ нѣтъ памятниковъ, мы, конечно, ни утверждать, ни отрицать не можемъ.

Что касается Алтайцевъ, то у Телеутовъ и Алтайскихъ Калмыковъ лабіализація, связанная съ ɣ — г, точно есть, но отношеніе ея къ ɣ почти обратно тому, которое предполагаетъ проф. Меліоранскій, а именно: она явилась не по отпаденіи «конечнаго ɣ (г)», а вслѣдствіе общаго всѣмъ сѣвернымъ турецкимъ языкамъ превращенія ɣ, а у нихъ — отчасти и г, въ ў, и не только

Digitized by Google

на концѣ слова, но и въ серединѣ и даже не только въ концѣ слога, но иногда и въ началѣ его послѣ согласной, откуда чырайлу «красивый» изъ чырайлуӈ (наперекоръ позднѣйшему закону соотвѣтствія между корневыми и наставочными гласными, по которому напр. у Шорцевъ чырайлыӈ), черӯ «войско» изъ черіг, ту «гора» изъ таӈ, адучы «стрѣлокъ» изъ атӈучы (но арӈалāчы «спаситель» изъ арӈалаӈучы, гдѣ ӈ послѣ гласной, jajачы, однако и jajучы «творецъ» — послѣ j) и т. п. черезъ ступени, по видимому, отчасти еще сохранившіяся, *чырайлуӯ, *черіӯ (ср. каз. арыӯ — тел. ару изъ арыӈ «чистый»), таӯ (во всѣхъ остальныхъ сѣверныхъ нарѣчіяхъ, а на Алтаѣ — у Черневыхъ Татаръ), *атӯучы (что̀ въ другихъ сѣверныхъ нарѣчіяхъ аткучы или, пожалуй, аткычы). Сила этой лабіализаціи такъ значительна, что иногда захватываетъ и предшествующіе слоги, напр. въ тел. ӧlӯ изъ älӯ, также употребительнаго, 1) «палецъ» — (вост. äliг, як. ili рука), 2) «пятьдесятъ» — (вост. älliг), тӯрӯ «живой» — вост. и шор. тіріг. Можетъ быть, лишь по аналогіи словъ на -ыӈ и -уӈ у Телеутовъ сохранилось *у* въ нѣкоторыхъ словахъ, которыя, сколько извѣстно, никогда не оканчивались на ӈ, напр. ару (шорск. арыы) «пчела» (чаг. ару, какъ jарук «ясный», артук «излишекъ», ашук «лишній», ачук «открытый», хатун «женщина», дѣепричастія атуб «выстрѣливъ», кайтуб «вернувшись» и т. п., до нашего времени, т. е. уже у Сартовъ, тогда какъ у большинства Турокъ теперь ары, артык и т. д.). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ долгота такого *у* (если не уӯ), напр. тӯ (туӯ), слышится, по видимому, вполнѣ отчетливо до сихъ поръ. Такъ у Телеутовъ; а у прочихъ сѣверныхъ Турокъ, хотя ӈ также перешло въ ӯ (въ концѣ слоговъ), никакой лабіализаціи не замѣтно; потому у нихъ чырайлы, таӯ и т. д. У османскихъ Турокъ ӈ вообще сохранилось, но отпало въ концѣ словъ кромѣ односложныхъ; и такъ саӈ «здоровый» (сѣв.-тур. саӯ, тел. су), аӈыр «тяжелый» (сѣв.-тур. аӯыр, аур, тел. ӯр, у Черневыхъ Татаръ āр), но jайла «лѣтнее жилье» (вост.-тур. jайлаӈ, сѣв. jайлаӯ, тел. тайлу). Гдѣ-же въ османскомъ языкѣ

Digitized by Google

признаки лабіализаціи? да и откуда ей было взяться при ƣ, если ƣ въ немъ не измѣнялось въ губной звукъ? Такимъ образомъ старо-осм. -лу, -lў при корняхъ съ гласными а — ä (е) и ы — і можетъ быть объяснено только тѣмъ, что это окончаніе произошло непосредственно изъ -луƣ, -lўг. И это далеко не единственный случай, когда до первоначальнаго вида какого-нибудь слова или образованія мы можемъ добраться при помощи именно османскаго языка съ азербайджанскимъ. Восточные турецкіе, изъ которыхъ уйгурскій извѣстенъ намъ съ XI в., чагатайскій— съ XII, не представляютъ никакихъ данныхъ для точнаго различенія наставокъ -луƣ, -лўг (прилаг.) и -лык, -lік (сущ.) вслѣдствіе давней путаницы между конечными ƣ—г и k—к, которая въ древнѣйшихъ уйгурскихъ рукописяхъ, написанныхъ мѣстной азбукой, усиливается тѣмъ, что въ этомъ письмѣ не различаются ƣ и k, г и к. Въ арабской транскрипціи Кутадгу-билик-а преобладаетъ въ концѣ словъ ƣ, въ другихъ уйгурскихъ и чагатайскихъ памятникахъ арабскаго письма какъ будто чаще попадается k. Эту путаницу проф. Меліоранскій склоненъ объяснять тѣмъ, что конечное ƣ отпало въ произношеніи еще раньше XV в. (стр. 88); но, если-бы это было такъ, современные намъ Сарты произносили-бы наставку -луƣ, лўг какъ -лу, -лў или -лы, lі и не смѣшивали-бы ея съ наставкой -лык, -lік, какъ они это дѣлаютъ теперь, говоря напр. чырайlік въ смыслѣ и «красивый» и «красота». Есть, правда, сартскіе говоры, въ которыхъ чырайlік и т. п. имѣютъ значеніе лишь существительныхъ, а соотвѣтствующія прилагательныя звучатъ чырайlі, но это чуть-ли не тѣ, которые подъ вліяніемъ сѣверныхъ языковъ измѣняютъ вообще ƣ въ концѣ слоговъ въ ў и потому въ данномъ случаѣ не входятъ въ расчетъ. И такъ дѣло не въ утратѣ конечнаго ƣ, а, по видимому, въ фактической замѣнѣ этого звука на концѣ словъ звукомъ k,—явленіи понятномъ при склонности турецкихъ языковъ къ превращенію конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухія. Впрочемъ проф. Меліоранскій думаетъ, что «вообще объ этихъ вопросахъ говорить нѣсколько прежде-

Digitized by Google

временно до изданія и изученія древнѣйшихъ датированныхъ джагатайскихъ рукописей» (стр. 89). Никто, конечно, не будетъ спорить противъ того, что критическія изданія древнихъ чагатайскихъ текстовъ желательны, но и эта мѣра едва-ли внесетъ много свѣта въ вопросъ о вокализаціи того окончанія, въ которомъ я предполагаю у — ӯ, объясняя, почему, а проф. Мелiоранскій предпочитаетъ ы — і, не открывая основаній своего мнѣнія, если не считать за доказательство не совсѣмъ удачную ссылку на орхонское правописаніе. Окончанія -луӈ, -лӯг и -лык, -lік въ восточныхъ турецкихъ языкахъ начали смѣшиваться издавна: уже въ Кутадгу-биликѣ по Вѣнской рукописи читается напр. улуклук (въ Каирской улуӈлуӈ) «величіе», но біліклік (въ Каирской то-же) «ученый» и т. п. въ зависимости отъ гласныхъ основы, какъ и наст. вр. білӯр — кӑлӯр, но также білір — кӑлір, то и другое въ рионѣ, и біліксіс (Каир. біліксіз), но укушсус (Каир. уӈушсуз) «безумный». Конечно, можно усомниться въ томъ, чтобы всѣ такія колебанія падали на отвѣтственность автора, а не переписчика: весьма вѣроятно, что авторъ писалъ исключительно білӯр, окыӈан, калуры, баруры, токыш, туруклык и т. п., соблюдая гармонію гласныхъ лишь въ общихъ очеркахъ. Возможно впрочемъ, судя особенно по арабской транскрипціи въ Каирской рукописи, что уже въ то время нѣкоторыя наставки и флексивныя окончанія стали употребляться только въ одномъ видѣ, т. е. или твердомъ или мягкомъ, какъ въ языкахъ чагатайскомъ и сартскомъ и въ южномъ нарѣчіи азербайджанскаго. Между прочимъ, хотя напр. біліклік читается въ обѣихъ рукописяхъ, ӯнарлік (доблестный) Вѣнской передано въ Каирской hӯнарлыӈ.

На старое смѣшеніе этихъ двухъ наставокъ въ азербайджанскомъ языкѣ какъ будто указываетъ слѣдующее замѣчаніе г. Султанъ-Меджида Ганіева о наставкѣ -лык, -lik («Полнѣйшій самоучитель татарскаго языка кавказско-адербеджанскаго нарѣчія. Изд. 2-е. Баку 1904» ч. 2-ая, стр. 62): «въ 5-хъ — выражаетъ принадлежность предмета имени, напр. (باغ) پادشاهلق

падшаһ-лык (*баг*)—царскій садъ; (پول) معلم لك *муәлим-лик* (*пул*) учительскія деньги; (ايو) آغالق *ага-лык* (*эв*) барскій (домъ); قارداشلق مال *кардаш-лык* (*мал*)—братское добро». Но и помимо принадлежности можно указать на буланлык су «мутная вода» въ его-же «Русско-татарскомъ словарѣ» (Баку 1897). Съ новѣйшей точки зрѣнія такія соединенія кажутся синтактическими, но едва-ли они могли-бы возникнуть безъ содѣйствія со стороны фонетики и морфологіи, хотя-бы только спорадическаго и временнаго, при внѣшнемъ сходствѣ съ бір кафтанлык чоха «сукно, сколько нужно на кафтанъ» и т. п.

Для ранняго смѣшенія -луӈ, -лӯг съ -лык, -лӯк было, кажется, особое условіе помимо исконнаго звукового сходства и усиленной гармоніи гласныхъ, которая впрочемъ и до сихъ поръ проведена послѣдовательно далеко не во всѣхъ турецкихъ языкахъ. На ряду съ прилагательными на -луӈ, -лӯг существовали, хотя въ гораздо меньшемъ количествѣ, именныя образованія на -лы, -lі, какъ орх. іnіlі ӓчіlі, бӓгlі будунлы «младшіе и старшіе братья, князья и народъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ», тӯнлі-кӯнlі «нощно и денно» и т. п. выраженія, парность которыхъ отмѣтилъ акад. В. В. Радловъ, уйг. тутуӈлы «держащій, владѣтель», берігlі «дающій, податель» и т. п. отглагольныя имена и, можетъ быть, еще какія-нибудь другія такія-же производныя, мнѣ неизвѣстныя, и довольно многочисленныя прилагательныя на -ыӈ, -іг, между которыми есть и такія, какъ орх. кӯlіг «могучій, мужественный» (ср. алт. кулык «силачъ»), чаг. јылыӈ «теплый» и др. По видимому, примѣръ чуть-ли не прямого смѣшенія наставокъ -луӈ, -лӯг и -лы, -lі представляютъ якутскія сахалы «по-якутски», састы (изъ *јашлы) «ровесникъ», іккі доӈордӯ (доӈор «другъ» + лы) ҷахтар «двѣ подруги», аӈасты балысты іккі (*аӈаз + лы, балдыз + лы) «старшая и младшая сёстры» и т. п., гдѣ первая изъ этихъ наставокъ, въ обычномъ своемъ значеніи принимающая по-якутски видъ -лӑх, -lӑх, -тӑх и др. (изъ -луӈ + ак, -лӯг + ӑк?), по

Digitized by Google

своему употребленію близко подходитъ ко второй. Но, конечно, болѣе всего содѣйствовало смѣшенію наставокъ -луӻ, -lӯг и -лык, -lік ихъ взаимное подобіе по звукамъ, доходившее коегдѣ до полнаго тождества вслѣдствіе все строже проводимой слоговой гармоніи и отвердѣнія конечнаго ӻ. И все-таки при ближайшемъ изслѣдованіи какъ старыхъ рукописей, такъ и нынѣшнихъ говоровъ еще могутъ оказаться нѣкоторые слѣды первоначальной разницы между наставками -луӻ, -lӯг и -лык, -lік даже въ Туркестанѣ, русскомъ и китайскомъ; по крайней мѣрѣ, подобно тому, какъ въ Кутадгу-билик-ѣ встрѣчаются съ одной стороны улуӻлуӻ, съ другой — туруклык, такъ и теперь, судя по доступнымъ мнѣ матеріаламъ, отъ Сартовъ можно услышать шумлук «коварство», бузуклук «разрушеніе», ачуӻлук «откровенность», но и батурлык «храбрость», алуслык «даль», узунлык «длина», дустлык «дружба». Однако само собою разумѣется, что эта двойственность имѣла-бы дѣйствительное значеніе только при томъ условіи, если тѣ-же самые Сарты говорятъ исключительно akыллык «умный», hайбатlік «страшный» и т. п. согласно съ самыми строгими требованіями слоговой гармоніи, не сбиваясь на *akыллук, *hайбатlӯк, потому что лишь при такомъ положеніи дѣла можно было-бы установить, что у нихъ осталась нѣкоторая память о различіи этихъ двухъ наставокъ хотя-бы только въ гласной. Въ заключеніе считаю необходимымъ прибавить, что гипотезу объ отвердѣніи ӻ — г въ k — к въ чагатайскомъ и уйгурскомъ языкахъ, высказанную впервые, если не ошибаюсь, В. В. Радловымъ, я принимаю, какъ, вѣроятно, и онъ, лишь провизорно — не donec probetur contrarium, что̀ едва-ли возможно, а въ виду того вполнѣ допустимаго случая, если при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ обнаружится въ этихъ языкахъ замѣна не только звука ӻ — г звукомъ k — к, а и обратная по различнымъ говорамъ, слѣды которыхъ проступаютъ даже сквозь болѣе или менѣе искусственную рѣчь письменныхъ памятниковъ. Возможность эта останется до тѣхъ поръ, пока не будетъ выяснено, какъ

Digitized by Google

слѣдуетъ относиться къ имѣющимся у насъ ненаучнымъ транскрипціямъ сартскихъ словъ — а научныхъ пока еще почти нѣтъ—ярак(ъ) и яраг(ъ), атлык(ъ) и атлиг(ъ), асланлык(ъ) и асланлыг(ъ) и т. п. вмѣсто ожидаемыхъ japak, атлыӷ, асланлык и т. д., изъ которыхъ кое-какія являются довольно послѣдовательно, и при томъ правильно, съ г, напр. улуг(ъ) = улуӷ, уруг(ъ) = уруӷ: представляютъ-ли такія записи живой выговоръ или отражаютъ въ себѣ орѳографію, не всегда достойную этого названія?

Въ азербайджанскомъ замѣна глухого k (к) звонкимъ ӷ на концѣ словъ по говорамъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію; такъ въ записяхъ уроженцевъ Закавказья и арабской и русской азбукой можно найти آگ агъ = аӷ «бѣлый» (ak), بوغ бугъ = буӷ не только «паръ» (буӷ), но и «усы» (быjык), آياغ аягъ = аjаӷ «нога» (уйг. aǰak) и «чашка» (уйг. ajak) и др. Послѣднее слово перешло въ персидскій языкъ въ этой формѣ не позже XIV в., какъ видно изъ Хафизовой риѳмы:

gah-ē čy cākī i mastān ba kaf girift ajāӷ

въ газели, которой начало

cahar ba bōj i gulistān dam-ē šudam dar bāӷ,
kī tā čy bulbul i bē-dil kunam ʿilāǫ i damāӷ,

если только здѣсь не обычная у Персіянъ замѣна звука k звукомъ ӷ, проникшая и въ письмо.

Не безъ вліянія на смѣшеніе конечныхъ k—к и ӷ—г остались и двоякія образованія, какъ турak и тураӷ, тураў (тел. турӯ) «мѣсто пребыванія», кадak и *кадаӷ (тел. кадӯ) «гвоздь», алык (шорск.) и *алыӷ (тел. алӯ) «безумный» (наше *блухъ*), сравнительная частица -тak, -тāк и -таӷ, -тāг и др.

Digitized by Google

VI.

Въ заключеніе проф. Меліоранскій разсматриваетъ два вопроса, которыхъ я коснулся въ первой своей статьѣ, — 1) о классификаціи турецкихъ языковъ и 2) о корняхъ глагола существительнаго бол и ол.

1) Г. Меліоранскій сѣтуетъ на меня за то, что о принимаемой мною классификаціи я сказалъ лишь въ примѣчаніи, не вдаваясь въ подробности (стр. 89). Но вѣдь я упомянулъ о своей классификаціи не для поученія ближнихъ, а только во избѣжаніе недоразумѣній, возможныхъ особенно по отношенію къ сѣвернымъ языкамъ, изъ которыхъ многіе нельзя теперь назвать сѣверными по мѣсту жительства говорящихъ на нихъ племенъ, напр. Кумыковъ, Ногайцевъ и Карачаевцевъ, а если-бы я распространился объ этомъ вопросѣ, то, конечно, въ еще большей мѣрѣ навлекъ-бы на себя упрекъ своего многоуважаемаго оппонента въ наклонности къ чуждымъ задачѣ экскурсамъ. Онъ продолжаетъ: «Непонятно даже изъ какой классификаціи г. Коршъ исходитъ: «чагатайцы» у него восточные, а узбеки — сѣверные, тогда какъ между тѣми и другими, какъ вообще думаютъ, больше сходства, чѣмъ различія, почему ихъ и относятъ къ одной «среднеазіатской» группѣ» (тамъ-же). Своимъ свидѣтельствомъ о наличности нѣсколькихъ классификацій проф. Меліоранскій только подтверждаетъ необходимость моего упомянутаго выше примѣчанія; но, хотя-бы ихъ было и много, развѣ для меня обязательно брать себѣ точкой отправленія непремѣнно одну изъ нихъ? Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ менѣе спорно право каждаго новаго изслѣдователя на свою собственную теорію. Или это — непозволительная дерзость по отношенію къ предшественникамъ? Почему же? Не все повторять зады: sapere aude! По видимому, такимъ-же предосудительнымъ покушеніемъ на авто-

Digitized by Google

ритеты г. Меліоранскому кажется и мое правописаніе «чагатайцы» вмѣсто болѣе употребительнаго «джагатайцы», которому слѣдуетъ и онъ. Однако эта смѣлость во всякомъ случаѣ не чрезмѣрна. Правда, сами чагатайцы писали свое имя обыкновенно ҷағатай; но вѣдь у нихъ можно найти и неҷӓ и ҷубҷук и ҷафан, которыя однако читаются нечӓ, чупчук, чапан, какъ и по-персидски напр. въ тщательно изданной проф. В. А. Жуковскимъ толстой книгѣ 'Асра̄ру (а)l-таӯhı̄д фӣ макӓмӓти (а)l-шайхі 'Абӣ Са'ı̄д попадаются то ҷі, то ҷӯн, то ҷунӓн и т. п. и нигдѣ нѣтъ написаній, согласныхъ съ выговоромъ, чі, чӯн, чунӓн и т. д., но никому не придетъ въ голову ссылаться на это правописаніе для того, чтобы доказывать, что соплеменники и современники Обейдуллаха, составившаго эту книгу, вмѣсто ч произносили ҷ. Въ сартекомъ словарѣ Наливкиныхъ есть транскрипціи «*Джагатай*» («храбрый, забіяка») и «*Джигатай*», и притомъ наряду съ «*Джава*» («скалка»), которое есть подъ ч — «*Чуба*», съ «*Джуавдузъ*» (игла для шитья мѣшковъ) и съ «*Джавдарь*» («рожь»), что̀ у другихъ Турокъ чувалдуз и чавдар, и также съ «*Джакъ*» (сторона), «*Джалямакъ*» (лизать), «*Джана*» (тетка) и съ другими примѣрами ҷ изъ j, скорѣе киргизскими, нежели чагатайскими. Вѣроятно, всѣ эти ҷ составляютъ принадлежность наманганскаго говора, къ которому относится этотъ словарь; а въ другихъ мѣстахъ Сарты и теперь говорятъ чағатай кіші въ смыслѣ храбреца. И это произношеніе признавалось для древняго языка составителемъ словаря Абушка или, по крайней мѣрѣ, его издателемъ, Вельяминовымъ Зерновымъ, отличнымъ знатокомъ этого нарѣчія: какъ-бы то ни было, ҷағӓтӓй читается только въ арабскомъ заглавіи этой книги, а въ текстѣ то-же имя является съ ч, напр. «барлас чағатайда бір т̲ӓ'іфӓ-дір». Но главное мое основаніе для чтенія написаннаго ҷағатай какъ чағатай заключается въ томъ, что называющійся такъ языкъ есть языкъ древній, а древніе турецкіе языки признавали ҷ только для словъ арабскихъ, персидскихъ и монгольскихъ, напр. ҷыда, хотъ и то, можетъ быть, не всегда. Сенковскій былъ

Digitized by Google

даже того мнѣнія, что настоящій чагатайскій языкъ можно найти только у Бабура и Миръ-Али Шира, а уже «Шейбаніада», какъ Березинъ назвалъ Шейбани-намэ, представляетъ собою лишь попытку писанія на этомъ языкѣ, такъ какъ съ XVI в. въ бывшихъ владѣніяхъ Бабура, по удаленіи его въ Индію, заговорили по-узбецки. Такое мнѣніе не свободно отъ преувеличенія, но въ немъ есть, повидимому, значительная доля истины, если не для XVI, то уже для XVII в.: Абу-ль-Газы писалъ, конечно, по-чагатайски, но языкъ его не только сильно отличается отъ Бабурова, а и носитъ признаки ученаго архаизированія. Такъ мы подошли къ вопросу о томъ, что̀ такое Узбеки. Г. Меліоранскій, какъ мы видѣли, ссылается на мнѣніе, кажется, въ самомъ дѣлѣ, раздѣляемое многими, — что завоеватели — Узбеки едва отличались отъ покоренныхъ Чагатайцевъ. А на чемъ оно основано? гдѣ тѣ лингвистическія или этнографическія данныя, которыя насъ уполномочиваютъ на такое чуть не отождествленіе двухъ племенъ, въ культурномъ отношеніи весьма различныхъ? Мнѣ такія данныя—можетъ быть, къ стыду моему — неизвѣстны, а потому я вынужденъ довольствоваться слѣдующими соображеніями: 1) тѣ, которые называются Узбеками съ того времени, когда мы получили возможность пріурочивать это имя къ населенію болѣе или менѣе опредѣленныхъ мѣстностей Туркестана, говорятъ на языкѣ, по грамматическому строю болѣе близкомъ къ языкамъ сѣвернымъ, чѣмъ къ чагатайскому; 2) господствующій въ нынѣшнемъ Туркестанѣ языкъ есть, говоря вообще, языкъ именно этихъ Узбековъ, т. е. въ значительной степени сѣверный, а не восточный, какимъ былъ языкъ чагатайскій; 3) несмотря на отсутствіе массовыхъ переселеній сѣверныхъ Турокъ въ Туркестанъ, приближеніе мѣстнаго языка къ сѣвернымъ, особенно къ приволжскимъ (превращеніе ӡ въ ў, *е* въ *і*, *о* въ *у*), какъ будто продолжаетъ идти впередъ, что̀ всего проще объяснить естественнымъ развитіемъ принесенныхъ съ сѣвера фонетическихъ задатковъ, ведущимъ вездѣ къ сходнымъ результатамъ. Способствовать какъ этому развитію, такъ и быстрому

Digitized by Google

исчезновенію прежняго языка могло еще то обстоятельство, что смѣшеніе старыхъ турецкихъ насельниковъ Туркестана съ сѣверными Турками началось, повидимому, давно. Такъ напр. еще въ XII в. Ахмедъ Есеви начинаетъ свою 111-ую «ẖікмӓт» слѣдующими словами:

нечӓ јылыk міhрбӓным ц̣ӓн ейlӓјӓ-дӱр [7]), дӧстларым,
бу вуц̣ӯдум шӓhріні фӓны̄ kыла-дур, дӧстларым,
бу kафасны [8]) тӯты̄сы пӓрвӓз етӓ-дӱр учкӓlі,
бір kаранҕу шу'lӓ-сіз јергӓ бара-дур, дӧстларым

и т. д. съ берӓ-дӱр и тітрӓшӓ-дӱр въ риѳмѣ передъ редифомъ, хотя и самъ Есеви обыкновенно и другіе Чагатайцы пишутъ ейlӓр (ейlӓјӱр), kылур, етӓр, барур, берӱр, тітрӓшӱр. Менѣе надежный примѣръ того-же образованія у него 6, 55:

ӱммӓт-ӱчӱн кӧп тарта-мӓн ẖak-ден кӱлфӓт.

Этотъ способъ спряженія встрѣчается въ чагатайскомъ изрѣдка, въ уйгурскомъ, кажется, совсѣмъ неупотребителенъ, въ орхонскомъ безпримѣренъ, у Абаканцевъ попадается, повидимому, спорадически, за то свойственъ всѣмъ сѣвернымъ турецкимъ языкамъ безъ исключенія. Такое образованіе настоящаго времени—

---

7) Въ казанскомъ изданіи 1896 г., которое у меня подъ рукою, ідіlӓр, искаженное, какъ мнѣ кажется, изъ ейlӓ-дір, которое впрочемъ также неправильно.

8) Эта форма род. пад., которая чередуется у Есеви съ обыкновенной на -ныӊ, приписывается Узбекамъ. Кумыки не знаютъ иного окончанія род. пад., чѣмъ рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей Ногайцевъ, которые образуютъ этотъ падежъ посредствомъ -ныӊ. Вообще въ кумыцкомъ языкѣ есть не мало особенностей, указывающихъ на Среднюю Азію. У Есеви попадаются и другіе слѣды сѣверно-турецкихъ говоровъ, но трудно ручаться за подлинность всѣхъ такихъ чтеній; напр. ẖікмӓт 4 ст. 5, 9, 13, 21 и 29 јігірмӓ или ігірмӓ, а ст. 25 и 33 ігірмі.

Digitized by Google

изъ причастія на -a, -ā съ дур—дӯр или безъ него—я призналъ одною изъ двухъ примѣтъ, по которымъ нѣкоторые турецкіе языки выдѣляются въ особую группу, сѣверную. О другой примѣтѣ, фонетической, проф. Меліоранскій умолчалъ и такимъ способомъ пріобрѣлъ себѣ формальное право на сомнѣніе въ томъ, что «достаточнымъ признакомъ для дѣленія діалектовъ на группы можетъ служить какая-нибудь одна глагольная форма» (стр. 89). Но и со стороны содержанія это сомнѣніе неосновательно: если, какъ въ данномъ случаѣ, одно и то-же настоящее время одни Турки образуютъ однимъ способомъ, а другіе другимъ, уже-ли это различіе должно быть сочтено за какую-то случайную игру природы, заслуживающую нѣкотораго вниманія развѣ только въ качествѣ курьеза? Однако я, какъ явствуетъ изъ моей первой статьи, но не изъ отвѣта г. Меліоранскаго, очевидно, не удовольствовался этимъ признакомъ, если не только прибавилъ къ нему другой, но и одну изъ этихъ двухъ группъ раздѣлилъ на двѣ, опять-таки по извѣстнымъ признакамъ, и, конечно, не тѣмъ, на которыхъ основалъ свое первое, такъ сказать, черновое дѣленіе. За то проф. Меліоранскому не совсѣмъ удалось оправдать свое сомнѣніе: говоря о томъ единственномъ признакѣ сѣверныхъ турецкихъ языковъ, который показался ему достойнымъ упоминанія, именно образованіе настоящаго времени отъ дѣепричастія на -a, ā-, онъ заявляетъ, что при употребленіи такого пріема «едва-ли не всѣ турецкіе новые языки окажутся «сѣверными», ибо трудно сомнѣваться въ томъ, что и османскій Optativ (سوم, سوم‌سن, سوم‌يم, سوم‌لر, سوم‌سگز, سوم‌يز), есть та-же самая форма по образованію, только измѣнившая свое значеніе, причемъ переходомъ было вѣроятно футуральное значеніе «настоящаго», образованнаго отъ дѣепричастія на -a, -ā» (тамъ-же). Этому соображенію нельзя отказать въ остроуміи, но и въ немъ таится то, что̀ намъ съ проф. Меліоранскимъ мѣшаетъ придти къ соглашенію,—недоразумѣніе, и даже не одно. Во первыхъ почему онъ основалъ свое положеніе на «новыхъ» турецкихъ языкахъ, тогда какъ я при классификаціи турецкихъ языковъ вообще ра-

Digitized by Google

зумѣлъ, конечно, самую древнюю форму каждаго изъ нихъ, до какой только мы можемъ дойти при помощи ихъ письменности или путемъ ихъ взаимнаго сравненія? Или онъ думалъ, что въ османскомъ желательномъ наклоненіи я не усмотрѣлъ причастія на -а, -ä только изъ-за разницы въ наклоненіи между османскимъ севејім «чтобы я любилъ (или: «пусть я люблю, полюбить-бы мнѣ, полюблю-ка я)» и какимъ-нибудь татарскимъ сӱjäмän «люблю»? Принадлежность двухъ на видъ сходныхъ между собою образованій разнымъ отдѣламъ хотя-бы одной и той-же грамматической категоріи при значительной взаимной близости турецкихъ языковъ есть уже само по себѣ такое предостереженіе желающему свалить эти образованія въ одну кучу, которыми пренебрегать не приходится, какъ-бы хорошо ни удалась ему постройка семасіологическаго моста между ними. Но послѣдовать за г. Меліоранскимъ по этому мосту мѣшаютъ мнѣ и другія причины. Вникнемъ въ его аргументацію. И такъ въ доисторическомъ османскомъ языкѣ было дѣепричастіе на -а, -ä со значеніемъ настояще-будущаго времени. Возможно-ли это? очевидно, что при такомъ образованіи настоящаго времени османскій языкъ не былъ не только османскимъ, но и вообще западно-(или южно-) турецкимъ, такъ какъ западно-турецкіе языки не сохранили никакихъ слѣдовъ этой формы (кромѣ дербендскаго говора, вѣроятно, смѣшаннаго), а настоящее время образуютъ исключительно отъ причастія на -р, какъ языки восточные, которые нѣкогда составляли одну группу съ западными. Да и допустимо-ли для какого-бы то ни было древняго турецкаго языка дѣепричастіе на -а, -ä въ качествѣ спрягаемаго причастія? Вѣдь татарское сӱjä-мän, сӱjä-сän, сӱjä есть форма позднѣйшая, происшедшая изъ сäвä турурман, сäвä турурсан, сäвä турур, откуда сӱjä-дӱрмän, сӱjä-дӱрсän, сӱjä-дӱр (теперь у нѣкоторыхъ Сартовъ), далѣе *сӱjä-дімän, *сӱjä-дісän, сӱjä-ді (ср. дербендское сäвä-дäм, сäвä-сän, сäвä-ді и алтайское сӱjä-дім, сӱjä-зің, сӱjä-т) и наконецъ сӱjä-мän, сӱjä-сän, сӱjä-дір или сӱjä-ді и просто сӱjä. Такимъ образомъ въ основѣ

Digitized by Google

этой формы лежитъ не дѣепричастіе, что̀ было-бы странно, а дѣепричастіе съ глаголомъ тур- «стоять, пребывать». Слѣдовательно какое-нибудь сäвä-ім или сäвä-м въ смыслѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія у Османовъ немыслимо, особенно у древнихъ, которымъ однако однимъ мы и можемъ навязать такое настоящее, такъ какъ позднѣйшимъ оно̀ завѣдомо чуждо. Но допустимъ, что оно когда-то было у нихъ: могло-ли оно принять значеніе желательнаго наклоненія, исключительно свойственное существующему in rerum natura османскому севеім или севем? Едва-ли и сѣверно-турецкое сӱјäман имѣетъ «футуральное значеніе» помимо тѣхъ случаевъ, когда и у насъ употребляется настоящее время вмѣсто будущаго, напр. «завтра я уѣзжаю» (morgen reise ich ab, demain je m'en vais, фäрдā мīрäвäм и т. д.) и т. п. съ оттѣнкомъ увѣренности (у Татаръ между прочимъ въ оборотѣ етäмäн тіб тураман или kыламан дій мäн «я «дѣлаю» говоря пребываю» или «—есмь», т. е. «собираюсь сдѣлать», а на Алтаѣ особенно послѣ условія, въ apodosis, гдѣ такъ употребляются даже описательныя формы, однако чуть-ли не чаще — буд. вр., напр. по-шорски kaja-дā парзаӊ, амыр чӧребесїн «куда ни пойдешь, въ мирѣ жить не будешь»), а настояще-будущее сѣверные Турки выражаютъ такъ-же, какъ западные и восточные, — посредствомъ причастія на -р. Потому и условное или, точнѣе, обусловленное наклоненіе образуется у всѣхъ Турокъ при помощи того-же причастія — сӱјäр ідім, сäвäр ідім «я любилъ-бы» (amarem, а буквально: amaturus eram, какъ и по-якутски, только съ причастіемъ другого образованія, таптыах äтім—изъ *таплаjаƀаk едім?), что̀ у западныхъ и восточныхъ Турокъ значитъ также «я любилъ» (amaƀam), а сӱјä (турур) ідім свойственно только сѣвернымъ Туркамъ (и Дербендцамъ—сäвäйдім) и значитъ исключительно «я любилъ», какъ прошедшее несовершенное къ настоящему сӱјä (турур)-мäн,—можетъ быть, кромѣ Чувашъ, если сава́ттым-чї «я любилъ-бы» произошло изъ сäвä-турур-едім + чї. Дѣепричастіе на -а, -ä есть и у западныхъ Турокъ, но употребляется

Digitized by Google

у нихъ именно какъ дѣепричастіе: сăвă сăвă «любя да любя» или «путемъ непрерывной любви» (à force d'aimer), сăвă bilмăk «мочь любить» (по азербайджански и сăвă bilмăмăk «не мочь любить»), сăвă гălмăk «имѣть обыкновеніе любить» и, можетъ быть, въ составѣ настоящаго времени сăвăjорум (или сăвijорум) «я теперь люблю», дѣепричастія сăвăрăk «во время или при наличности любви» и причастія сăвă-цăk «готовящійся или долженствующій любить». Что до перехода формы будущаго времени къ значенію желательной, то въ области турецкихъ языковъ есть, кажется, примѣръ лишь обратнаго перехода, именно въ чувашскомъ языкѣ, гдѣ савăм и сăвым «буду любить» есть, по всей вѣроятности, не что иное, какъ западное сăвăм или сăвім изъ сăвăjім «пусть я люблю». Такъ обстоитъ дѣло относительно вѣроятности семасіологической связи между сѣвернымъ сӳjăмăп и османскимъ севеjім. Остается еще сторона морфологическая. По мнѣнію г. Меліоранскаго, «трудно сомнѣваться въ томъ, что» и т. д.; но на дѣлѣ труднѣе въ этомъ не сомнѣваться. Прежде всего представляется все тотъ-же вопросъ: возможно-ли образованіе спрягаемыхъ формъ отъ дѣепричастія помимо соединенія съ какимъ-нибудь вспомогательнымъ глаголомъ? Кромѣ дѣепричастія на -а, -ă въ спряженіи употребляется еще дѣепричастіе на -уб, -ӳб, но напр. Сарты спрягаютъ сӳjă-joп-пăп, сӳjă-joп-сăп, сӳjă-joп-тї «я люблю теперь, ты любишь» и т. д., что произошло изъ сӳjă jатуб-мăп, сӳjă jатуб-сăп, сӳjă jатуб-тур, а это ведетъ къ заключенію, что древнѣйшій видъ этой описательной формы былъ сӳjă jатуб турур-мăп (буквально: любя легши пребываю я) и т. д. (уже у Невои болуб тур «сдѣлался, былъ», а у Бабура и тӳшӳб іді «досталась (= вышла за-мужъ)» и т. п. съ глаголомъ іді «была, а, о» въ смыслѣ давно прошедшаго времени, безъ турур, которое для выраженія дѣйствія законченнаго въ данной связи непригодно). Азербайджанцы знаютъ такое соединеніе лишь въ третьемъ лицѣ, т. е. только въ томъ случаѣ, гдѣ сохранилась память о турур, и спрягаютъ свое прошедшее совершенное

Digitized by Google

такъ: сӧвміш-ӓм, сӧвмі(ш)-сӓн, сӧвӱб-ді (въ Карабагѣ сӧвӱф-ті, въ Нухѣ сӧвӱт-ті), сӧвміш-ік (-ӱк, -ух), сӧвмі(ш)-сӱз, сӧвӱб-ді-лӓр. Но бо́льшую важность, чѣмъ грамматическое значеніе дѣепричастія, имѣетъ то обстоятельство, что во всѣхъ сѣверныхъ турецкихъ языкахъ на ряду съ настоящимъ сӱjӓмӓн, сӱjӓсӓн, сӱjӓ (-дір) есть желательное или желательно-повелительное (что̀ ближе къ истинѣ) такого-же образованія, какъ въ османскомъ, хотя только для перваго лица — ед. ч. сӱjӓjін (як. таптым изъ *таплajajым?), мн. ч. сӱjӓлің, сӱjӓлік, сӱjӓлі или сӱjӓjік (як. таптыах изъ *таплajajык? и по-азерб. сӧвӓік, сӧвӓк, на югѣ сӧвах). Прочія лица принадлежатъ собственно повелительному, но отчасти употребляются также въ смыслѣ желательнаго, какъ впрочемъ и османскія sevelim «дай полюбимъ, чтобы мы любили» и севсӱн или севсін «пусть онъ любитъ, чтобы онъ любилъ» (между прочимъ въ смыслѣ латинскаго и греческаго conjunctivus dubitativus, напр. н-ейlесін? «что̀ ему дѣлать?», какъ и по-чагатайски). Сарты въ 1 л. ед. ч. говорятъ также сӱjӓй, какъ Чагатайцы, отъ которыхъ у нихъ и 1 л. мн. ч. сӱjӓлің. Отсюда видно съ одной стороны, что едва-ли вѣрно мнѣніе тѣхъ, которые выводятъ западно-турецкое сӓвӓjім или сӓвӓм изъ восточнаго сӓвгӓй-мӓн (сѣв. сӱйгӓй-мӓн), имѣющаго смыслъ не столько желательнаго наклоненія, сколько предположительнаго или potentialis, напр. въ кумыцкой пѣснѣ: аріjаклы буӈай-сан (изъ болӈай-сан): шалӱарыңны ау гең «ты, должно быть, житель того берега (т. е. южнаго берега Сулака): у твоихъ шароваръ шагъ широкъ» = ἐκ τῶν ἐπέκεινα εἶης ἄν· τῶν γὰρ σῶν θυλάκων τὸ μέσον εὐρύ (χαλαρόν) ἐστιν, гдѣ по-османски оласан было-бы неумѣстно[9]); съ другой стороны мало

9) Скорѣе описательно, — можетъ быть, чаjін ӧтесіндегі гібі гӧрӱнӱjорсун. Ближе къ значенію potentialis теперь, повидимому, устарѣлое употребленіе желательнаго въ относительныхъ предложеніяхъ, какъ приводимое въ грамматикахъ о базерган кі онун карысы Фатыма ола «тотъ купецъ, у котораго жена Фатима», вѣроятно, въ подражаніе персидскому бӓзӓргӓн-і кі зӓн-ӓш Фӓтімӓ бӓшӓд, что̀ впрочемъ значило-бы «котораго жена, какъ извѣстно, есть Ф.», и особенно выраженіе ола-кі «возможно, что...» = перс. бӓшӓд-кі.

Digitized by Google

вѣроятія въ томъ, чтобы одинъ и тотъ-же языкъ—будь то хоть пра-турецкій—отъ одного и того-же образованія произвелъ при помощи разныхъ, но такихъ въ модальномъ отношеніи безразличныхъ окончаній, какъ -мăн или -м и -ін для единственнаго числа и -міз, -біз или -із и -ік для множественнаго, два разныхъ наклоненія. Во всякомъ случаѣ вопросъ о тождествѣ османскаго желательнаго севеім съ татарскимъ настоящимъ изъявительнаго наклоненія сӱjамăн осложненъ такими сомнѣніями, что указаніе на внѣшнее сходство этихъ формъ далеко не достаточно для того, чтобы затереть значеніе разницы между западнымъ и восточнымъ настоящимъ отъ причастія на -р и сѣвернымъ отъ дѣепричастія на -а, -ă. О послѣдней формѣ проф. Меліоранскій замѣчаетъ, что она «скорѣе годится для различенія древнѣйшихъ литературныхъ діалектовъ, въ которыхъ ея, какъ кажется нѣтъ, отъ болѣе новыхъ, а не для классификаціи живыхъ современныхъ діалектовъ» (стр. 90). Дѣленіе діалектовъ, которое онъ, повидимому, предполагаетъ этими словами, не совсѣмъ понятно, потому что основано одновременно на двухъ родахъ признаковъ: на различной давности происхожденія и на наличности или отсутствіи письменности. Если-же подъ древнѣйшими діалектами онъ разумѣетъ тѣ, которые намъ извѣстны за нѣсколько вѣковъ тому назадъ, потому что имѣютъ свою литературу, а подъ новыми тѣ, которые мы знаемъ только или почти только за послѣднее время, потому что они употреблялись лишь въ разговорѣ, то дѣленіе г. Меліоранскаго сводится къ моему, такъ какъ «древнѣйшими литературными діалектами» окажутся орхонскій (cum grano salis), уйгурскій, чагатайскій, потомъ османскій, т. е., по моей классификаціи, восточные и западные, а «болѣе новыми» — приволжскіе, ногайскій, киргизскій и т. д., т. е. тѣ, которые я называю сѣверными, при чемъ должно принять во вниманіе, что 1) абаканскіе говоры съ карагасскимъ образуютъ настоящее время посредствомъ причастія на -р, а стали намъ болѣе или менѣе извѣстны съ XIX вѣка, 2) настоящее время изъ дѣепричастія на -а, -ă (съ глаголомъ турур)

Digitized by Google

засвидѣтельствовано уже въ XII в. Слѣдовательно для опредѣленія мѣста этихъ двухъ діалектическихъ группъ въ сравнительной грамматикѣ турецкихъ языковъ оба критерія проф. Меліоранскаго, какъ внѣшніе и случайные, должны быть признаны непригодными. А если двоякій способъ образованія настоящаго времени имѣетъ право на признаніе въ качествѣ различительной примѣты при научной классификаціи турецкихъ языковъ и поддерживается въ этомъ качествѣ совпаденіемъ съ другимъ признакомъ (о которомъ г. Меліоранскій, повидимому, забылъ) — превращеніемъ звука ŋ въ ў, то языки чувашскій и якутскій, въ которыхъ г. Меліоранскій видитъ двѣ особыя величины, не входящія въ общую классификацію (стр. 90), должны быть причислены туда, куда ихъ отнесъ и В. В. Радловъ, — къ группѣ сѣверной, такъ какъ оба признака этой группы въ нихъ на лицо. Правда, ихъ фонетика, а кое въ чемъ и морфологія выдѣляютъ ихъ изъ «общей массы турецкихъ языковъ», сравнительно единообразной, но эта оригинальная окраска обоихъ, происхожденіе которой объясняется прежде всего смѣшеніемъ разныхъ этнографическихъ элементовъ, отнюдь не заставляетъ насъ отказаться отъ попытки къ ближайшему опредѣленію ихъ турецкаго слоя, если онъ содержитъ въ себѣ данныя для пріобщенія ихъ къ одной изъ болѣе или менѣе ясныхъ вѣтвей общетурецкаго языка. Якутское образованіе настоящаго времени вызываетъ, можетъ быть, оговорку въ томъ отношеніи, что, такъ какъ третье лице выражается въ немъ причастіемъ на -р, а при отрицаніи является во всѣхъ лицахъ соотвѣтствующая этому окончанію наставка -бат, -бӓт (изъ -мас, -мӓс), легко напр. и въ таптыбын (изъ *таплай-мын) «я люблю», таптыбыт (изъ *таплай-мыс) «мы любимъ» предположить выпаденіе -р (что и дѣлается), но противъ этого свидѣтельствуетъ не только стойкость звука р въ якутскомъ языкѣ (кромѣ уподобленій, какъ мунна изъ *мурун-ы «его носъ» или таптыллар изъ *таплаjур-лар «они любятъ»), но и окончаніе второго лица -ŋын, -ŋін, а не -гын, гін, которое мы находимъ послѣ звонкихъ согласъ-

Digitized by Google

ныхъ и полугласныхъ, хотя бы даже уже исчезнувшихъ изъ современнаго намъ якутскаго языка. Впрочемъ и по-якутски возможно таптā турар (изъ *таплаjа турур). Что до отдѣленія чувашскаго и якутскаго языковъ другъ отъ друга, то едвали кому и въ голову приходило какъ-нибудь объединять ихъ между собою.

2) Западно-турецкое ол- «быть, дѣлаться» проф. Меліоранскій выводитъ изъ восточнаго и сѣвернаго бол-, которое находится и въ монгольскомъ языкѣ. Ему кажется даже, что онъ уловилъ чуть не самый моментъ этого перехода, когда въ изданномъ имъ учебникѣ «Араба-филолога» нашелъ не ўолды «что случилось?» и не ўолɣай «что будетъ?» (или, можетъ быть, не wолды, не wолɣай) изъ не болды, не болɣай. Переходъ звонкихъ взрывныхъ звуковъ послѣ гласныхъ въ соотвѣтствующіе придувные, а иногда и дальше — въ полугласные, встрѣчается въ языкахъ самаго разнообразнаго происхожденія, между прочимъ и въ турецкихъ, напр., въ нарѣчіяхъ средне-азіатскихъ, съ которыми языкъ, описанный «Арабомъ-филологомъ», имѣетъ много общаго; но тамъ придувной губной звукъ, насколько извѣстно, не пропадаетъ даже въ серединѣ словъ, гдѣ онъ подверженъ постоянному вліянію предшествующихъ гласныхъ, а не преходящему, не случайному, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Да и эти два примѣра представляютъ собою, вѣроятно, стереотипныя выраженія, въ которыхъ именно поэтому возможно и кое-что исключительное, какъ въ нашихъ здра́сьте или пожа́лста вмѣсто здравствуйте и пожалуйста, понятныхъ намъ и въ искаженіи вслѣдствіе ихъ обычности, но не вызвавшихъ собою превращенія глаголовъ здравствовать и пожаловать въ какія-нибудь здра́сать или пожа́лать. Къ тому-же и случаевъ, когда формы глагола болмаk попадаютъ послѣ гласной, да еще въ тѣсной связи съ предшествующимъ словомъ, найдется, конечно, очень мало. Въ тѣхъ самыхъ языкахъ, въ которыхъ употребляется ол-, а не бол-, — въ османскомъ и азербайджанскомъ, б перешло кое-гдѣ

Digitized by Google

въ в даже безъ воздѣйствія предшествующей гласной, но ни вар «иди» или «есть», ни вер «дай» не теряютъ своего в, ни даже вур или выр «бей», гдѣ в приставлено только этими языками, не измѣняется въ ур, ыр. Г. Меліоранскій могъ-бы привести въ пользу своего мнѣнія то обстоятельство, что одинъ изъ западныхъ языковъ, туркменскій, знаетъ, повидимому, только бол-; но этому указанію можно противоставить другое,—что за то ол- не чуждо чагатайскому языку. Правда, тамъ оно встрѣчается, кажется, только у поэтовъ съ конца XV в., когда оно могло проникнуть въ Туркестанъ отъ османскихъ Турокъ; но вѣдь и бол- могло быть занесено къ Туркменамъ изъ Туркестана, вліяніе котораго на ихъ языкъ очень сильно. Въ противовѣсъ монгольскому бол- я напомнилъ финно-угорское ол-. На это сопоставленіе проф. Меліоранскій возражаетъ признаніемъ въ своей неосвѣдомленности по части финнологіи (въ которой я, къ сожалѣнію, смыслю также очень мало) и ссылкой на сочиненіе Грёнбека (мнѣ еще также неизвѣстное), гдѣ доказывается сомнительность родства между Финнами и Турками (см. выше стр. 67 и далѣе стр. 91). Но, хотя-бы даже вся теорія этого родства была плодомъ предразсудка, все-таки трудно закрыть глаза на довольно значительное количество корней, общихъ Туркамъ и Финнамъ. Пусть эта общность объясняется заимствованіемъ; но какъ Финны у Турокъ, такъ и Турки у Финновъ могли заимствовать глаголъ, означающій не какую-нибудь культурную частность, а бытіе, только въ очень древнюю эпоху, когда составъ ихъ языковъ еще не вполнѣ опредѣлился, и когда оба народа жили въ постоянномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, и такимъ образомъ ол-, если оно заимствовано однимъ изъ нихъ у другого, должно было существовать у Турокъ задолго до выдѣленія западной вѣтви. Чистое бытіе, не квалифицированное и не спеціализированное какими-либо акцидентами, есть понятіе, до такой степени отвлеченное, что человѣкъ доходитъ до него медленнымъ путемъ постепеннаго умственнаго развитія и потому въ тѣхъ случаяхъ, когда логическая необходимость наталкивала его на

Digitized by Google

это понятіе, онъ прибѣгалъ для его описанія къ словамъ, выражающимъ проявленія бытія въ какомъ-либо видѣ пребыванія на мѣстѣ и развитія. Такъ Арабы и отчасти Арамейцы выражали бытіе корнемъ к-ў-н, который первоначально значилъ «стоять прямо» (такъ у Евреевъ; ср. k-ў-м «стоять»); индо-европейское ес- (слав. ес-ть) нѣкоторые лингвисты сближали — и, можетъ быть, правильно — съ древне-индійскимъ āс-, греческимъ ἧμαι изъ *ēс-май «сижу», а б'ӯ- (слав. бы-ти) сохранило свое древнѣйшее значеніе въ греческомъ φύω «росту», и кромѣ того Германцамъ служитъ для той-же цѣли вес- (др.-инд. вас-) «жить гдѣ-нибудь» (въ was = war, gewesen и др.), а Романцамъ—лат. sta-re (исп. estar «находиться въ какомъ-либо состояніи», ит. stato, фр. été и пр.), какъ и позднѣйшимъ Грекамъ — древнее ἱ-στά-ναι (ἔχω σταθῆ = j'ai été); у Турокъ въ томъ-же смыслѣ тур- «стоять». Поэтому и для турецко-финскаго ол- я подъискивалъ болѣе конкретное первоначальное значеніе, чѣмъ «быть». Въ мадярскомъ языкѣ есть volt (иртыш. ост. ӯдōт, сургут. ост. ваҕ[10]), черем. íle — но настоящее улáм,—суом. oli) «былъ» и volna (сург. ост. ваҕӊат, черем. улнéже, суом. olisi) «былъ-бы», къ которымъ, какъ мнѣ казалось, въ концѣ концовъ, можетъ примыкать мадярское-же ül «сидитъ» подобно тому, какъ напр. въ монгольскомъ языкѣ бӧ-кӱ «быть» относится къ бу-й «есть». Впрочемъ за вѣрность этого сближенія я отнюдь не ручаюсь. Другое обстоятельство, наведшее меня на мысль о возможности толкованія корня ол- въ смыслѣ «сидѣть», было то, что глаголъ, имѣющій это значеніе, олтур-, у османскихъ, азербайджанскихъ и, повидимому, нѣкоторыхъ среднеазіатскихъ Турокъ, по крайней мѣрѣ, допускаетъ разложеніе на ол- и тур-, при чемъ первый глаголъ входилъ въ сложеніе или въ соединеніе (Zusammenrückung), конечно, въ видѣ дѣепричастія ола, олу или олы, ко-

10) Кастреново Ҕ соотвѣтствуетъ, по видимому, академическому Л, изображающему «сочетаніе артикуляціи согласнаго т съ артикуляціей согласнаго л».

Digitized by Google

торое лишь впослѣдствіи было урѣзано до размѣровъ своего корня, какъ въ jібăр- «отправлять» изъ jыjа (jыjу) бер- «посылая давать» и т. п. По мнѣнію проф. Меліоранскаго, такое соединеніе «совершенно невозможно» (стр. 91), но причину такой невозможности онъ не открываетъ, о чемъ приходится пожалѣть тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько строкъ ниже, обсуждая предположенія, связанныя съ моимъ объясненіемъ, онъ признаетъ, что «оспаривать нáчисто ихъ *возможность* конечно трудно» (курсивъ его). Самъ онъ видитъ въ олтур понудительное образованіе со значеніемъ, близкимъ къ медіальному, т. е. «заставить сѣсть или посадить себя», откуда «садиться, сидѣть». Допустимъ, что это возможно, а я лично долженъ тѣмъ менѣе быть склоненъ къ спору противъ такого объясненія, что главный мой тезисъ — первоначальное значеніе ол = сидѣть — встрѣтилъ, слѣдовательно, согласіе со стороны нашего уважаемаго тюрколога. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему онъ сначала какъ будто отрицаетъ корень ол- въ орхонскомъ олур- «сидѣть». Неясно и то, почему, говоря объ олур- въ связи съ орхонскимъ-же öлӱр- «убивать», онъ не упомянулъ также орхонскаго кäлӱр- «приносить», хотя отношеніе всѣхъ этихъ образованій къ древнимъ и отчасти еще живымъ турецкимъ олтур-, öлтӱр и кäлтӱр въ звуковомъ отношеніи безусловно одинаково. А между тѣмъ кäлӱр- не лишено важности именно съ этой стороны, съ которой онъ возстаетъ противъ моего предположенія корня ол- въ олтур-, не смотря на свое очевидное согласіе съ толкованіемъ этого корня въ смыслѣ «сидѣть». Отождествивъ неожиданно свою точку зрѣнія съ моей, онъ утверждаетъ, что ол- не можетъ заключаться въ «отурмак (діалектически олтурмак)», потому что отъ öл- «умирать» принудительный залогъ будетъ по-османски не öтӱрмäк, а öлдӱрмäк, какъ отъ ол- «быть» — олдурмак. Почему олтурмак есть діалектическая форма, а отурмак — нормальная, объяснить не легко; но это мелочь, особенно сравнительно съ тѣмъ, что̀ логически вытекаетъ изъ только-что приведеннаго соображенія г. Меліоранскаго: свое собственное объясненіе гла-

Digitized by Google

гола олтур- онъ уже находитъ фонетически несостоятельнымъ. Хотя олтур- не представлялось мнѣ понудительнымъ залогомъ, я во имя справедливости считаю своимъ долгомъ защитить своего ученаго противника отъ его собственнаго нападенія, и для этой цѣли оказывается весьма пригоднымъ забытое имъ kältŭp-, безспорно понудительная форма отъ käl- «приходить»: по-османски и по-азербайджански оно звучитъ gätŭp или gätir, а не *galdŭp (по-туркменски gältir); слѣдовательно и осм. отур-, а съ нимъ, конечно, и древнѣйшее олтур-, можетъ быть побудительнымъ залогомъ. Ошибка г. Меліоранскаго, помимо забвенія нѣкоторыхъ данныхъ, состоитъ въ несовсѣмъ правильномъ взглядѣ на такія образованія: ихъ нельзя мѣрить всѣ однимъ аршиномъ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ, именно самыя старыя, уже не сознаются въ качествѣ производныхъ отъ такихъ-то корней и потому подвергаются такимъ искаженіямъ, въ которыхъ и корень болѣе или менѣе страдаетъ, каковы осм. kуртар- «избавлять» и göстер- «показывать» при чаг. kutkap (страд. кутул-, вѣроятно, отъ kут «душа, жизнь, благополучіе») и körsät- (отъ kör- «видѣть»). Такъ и gätŭp-, и такъ могло-бы быть и отур-. И въ вопросѣ объ орхонскихъ олур- и ölŭp- глаголъ kältŭp не лишенъ значенія, какъ фактъ, подчеркивающій оригинальность этихъ діалектическихъ образованій и заставляющій видѣть въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ случайность. И такъ общетурецкія олтур, öltŭp и kältŭp являются у Орхонцевъ въ видѣ олур, ölŭp и kälŭp, т. е. всѣ три безъ т послѣ л — l. Каждый изъ этихъ глаголовъ въ отдѣльности не обращаетъ на себя особеннаго вниманія, такъ какъ понудительный залогъ отъ нѣкоторыхъ корней образуется именно такимъ способомъ, напр. біт-ŭp «совершай, кончай», тоɣ-ур «роди», käч-ŭp «переправляй», тŭш-ŭp «роняй», тоң-ур «замораживай», басур «пригнетай, припирай» и др., изъ которыхъ однако я не могу припомнить ни одного отъ корня съ л — l въ концѣ. Охотно допускаю, что въ этомъ виновата слабость моей памяти или недостаточность познаній, извинительная въ не-оріэнталистѣ. Какъ-бы то ни было,

Digitized by Google

передъ нами три съ виду одинаковыхъ образованія безъ т послѣ л — l, и всѣ три въ одномъ нарѣчіи. Впрочемъ проф. Меліоранскій приводитъ соотвѣтственныя первымъ двумъ изъ нихъ якутскія олор и ӧлӧр. Онъ могъ-бы прибавить карагасскія олыр и ӧлӥр, тѣмъ болѣе любопытныя, что въ нарѣчіяхъ абаканскихъ, ближайшихъ къ карагасскому, эти глаголы звучатъ ӧдыр и ӧдір (у Шорцевъ одур и ӧдӱр съ ӱдречі «убійца»), т. е. безъ л—l, какъ первый почти у всѣхъ нынѣшнихъ Турокъ за исключеніемъ чуть-ли не однихъ сѣверо-кавказскихъ и средне-азіатскихъ, какъ второй у приволжскихъ Татаръ (ӱтір), и какъ у самихъ Карагасовъ іт «отводи» изъ elt-. Сюда-же относится чувашское лар «сиди» и вӑлӑр «убей». Особенно сильны колебанія въ послѣднемъ глаголѣ, о чемъ можно судить по алтайскимъ ӧltір, ӧттӱр и ӧдӱр; впрочемъ и господствующему на Алтаѣ оттур «сиди» у Черневыхъ Татаръ соотвѣтствуетъ древнее олтур. Какое-же значеніе для морфологическихъ домысловъ можетъ имѣть взаимное разногласіе османскихъ формъ отур и гӓтӱр съ одной стороны и ӧлдӱр съ другой? Ясно, что все дѣло здѣсь въ сознаніи говорящаго: одни изъ Турокъ еще сохранили чутье къ грамматическому составу слова или, по крайней мѣрѣ, хоть безотчетную память о немъ, другіе-же, смутно чувствуя, что это не простые корни, а уже какія-то морфологическія величины, но не отдавая себѣ отчета въ границахъ ихъ частей, подчиняютъ эти образованія фонетическимъ наклонностямъ своей рѣчи, однако безъ полной послѣдовательности. Иначе относятся Турки къ -лт- въ такихъ словахъ, гдѣ мысль о принадлежности этихъ двухъ звуковъ къ двумъ различнымъ частямъ слова можетъ придти въ голову только ученому лингвисту. Такъ алты «шесть» сохранило это сочетаніе у всѣхъ Турокъ, не исключая Чувашей (олтта) и Якутовъ (алта), и почти такъ-же алтун или алтын «золото» по-чувашски ылттын, ылдын или ылдым, по-якутски алтан (красная мѣдь). Однако балта «топоръ» — также и по-якутски (желѣзный молотъ), а по-чувашски порда (если только это тоже слово — ср. др.-слав. брады, др.-нѣм. bartō бердышъ), — на

Digitized by Google

Алтѣ не только палта или малта, но и пала (у Шорцевъ); ултан «подошва», у Абаканцевъ ултуӈ — по-якутски уллуӈ; сăltă «маши» — по-чувашски солла. Даже былтыр «въ прошломъ году» изъ бір јыл тур(ур) «одинъ годъ есть», которое въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ тур превратилось въ дур и дыр, звучитъ былдыр, у Якутовъ измѣнилось въ былыр. Вѣроятно, упрощеніе -лт- въ -л- произошло черезъ -лд-, въ которомъ этому процессу было легче совершиться. Однако -лд- удерживается почти у всѣхъ Турокъ въ такихъ случаяхъ, какъ ал-ды «взялъ», ал-дыӈ-ы «взятое имъ», јол-даш «спутникъ» и даже въ јулдуз или јылдыз «звѣзда» (чув. çулдур, у Енисейцевъ тĭлтыс, сылтыс), балдыз «своячиница» (чув. полдыр), чаг. и уйг. jildiz (енис. тĭлтĭс, сĭлтĭс) «корень», но по-якутски ылла, ыллаӈа, сулус, балыс, cilic съ -лл- при сознаніи принадлежности этихъ двухъ л къ двумъ разнымъ частямъ слова и съ -л- тамъ, гдѣ это сознаніе пропало, какъ между прочимъ и въ побудительныхъ глаголахъ толор «наполняй» отъ туол «будь полонъ», но billäp «давай знать» отъ bil «знай» и т. п. Можетъ быть, сюда-же относится чув. пулдур «чуланъ»—як. bilir (изъ *bĭltŭp отдѣльное помѣщеніе? ср. алт. bĭltir раздѣленіе двухъ рѣкъ или улицъ и каз. bŭlmă перегородка, комната). Нельзя не обратить вниманія на то, что кромѣ шорскаго пала и чувашскаго солла, которыя могутъ быть сближены, пожалуй, иначе (ср. осм. пала «кŏртикъ» и салла «раскачивай»), всѣ слова съ -л- и -лл- вмѣсто -лт- и -лд- принадлежатъ якутскому языку, какъ и олор и ŏлŏр, единственныя параллели къ орхонскимъ олур и ŏлŭр кромѣ карагасскихъ олыр и ŏлĭр. Такъ и kăltŭp по-якутски killăp, а въ карагасскомъ кажется, неизвѣстно. Но довольно и представленнаго здѣсь матеріала для того, чтобы возбудить сомнѣніе въ морфологическомъ характерѣ причины, по которой орхонскія формы отличаются отъ общетурецкихъ отсутствіемъ звука -т-, не смотря даже на як. олох «мѣсто сидѣнія или пребыванія», произведенное какъ будто прямо отъ корня ол. Вѣрно то, что какъ-то трудно допустить такое фо-

Digitized by Google

нстическое измѣненіе въ языкѣ VIII вѣка; но 1) этотъ языкъ отличается и другими фонетическими особенностями, развившимися въ немъ самостоятельно, 2) упрощеніе группы -лт- въ -л- оказывается еще только въ двухъ нарѣчіяхъ восточной Сибири, изъ которыхъ одно употребляется не вдалекѣ отъ области племени, говорившаго на языкѣ орхонскихъ и енисейскихъ надписей. Во всякомъ случаѣ эта замѣна ужь никакъ не болѣе удивительна, чѣмъ доказанное акад. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ превращеніе той-же группы -лт- въ язычное т въ языкѣ древне-индійскомъ, томъ самомъ санскритѣ, который нѣкогда считался прародителемъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ. И тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ я не могу отвѣтить опредѣленно на заключительный вопросъ моего уважаемаго критика: «Не лучше-ли пока думать, что корень орхонскаго олур, *сидѣть*, не имѣетъ ничего общаго съ османскимъ ол, *быть, стать?*» (стр. 92). Осторожность никогда не вредитъ, но мнѣ кажется, что она должна проявляться скорѣе въ строгости метода и въ провѣркѣ каждаго положенія—чужого-ли или своего,—чѣмъ въ упорномъ отказѣ отъ признанія вѣроятнаго вѣроятнымъ. Позволяю себѣ выразиться такъ потому, что вѣдь «корень орхонскаго олур, *сидѣть*», согласно съ объясненіемъ самого проф. Меліоранскаго, есть не что иное, какъ ол-, сходство котораго съ корнемъ османскаго (и азербайджанскаго и чуть-ли не чагатайскаго) олмак «быть», по малой мѣрѣ, соблазнительно, особенно въ виду употребленія глагола о(л)тур- «сидѣть» въ значеніи вспомогательнаго, какъ ол- «быть». Впрочемъ, что̀ касается морфологической стороны объясненія олтур- и олур-, даннаго г. Меліоранскимъ, не могу воздержаться отъ вопроса, точно-ли возможно видѣть въ нихъ понудительный залогъ: возвратное значеніе этого залога мнѣ извѣстно только въ глаголахъ дѣйствительныхъ, напр. ал «бери»—алдыр «заставь брать, позволь себя взять = поддайся», но јет «достигни»—јеттір «доставь» кого другого или что другое, а не себя; стало быть, если ол = «сиди», олтур или олур, какъ понудительная форма, = «сажай», но не самого себя. До-

Digitized by Google

пускаю, что это съ моей стороны можетъ быть однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній, которыхъ такъ много въ нашемъ спорѣ съ проф. Мелioранскимъ; но истины, которая должна быть единственною цѣлью всякаго научнаго изслѣдованія, можно достичь лишь по устраненіи всѣхъ, даже мельчайшихъ недоразумѣній.

Выше, въ концѣ отдѣла «I. Болванъ» я сблизилъ, хотя очень нерѣшительно, орхонское шадапыт съ иранскимъ *хшаррапа'ті-, но только потому, что некстати послѣдовалъ извѣстному предостереженію Таллейрана противъ первыхъ впечатлѣній; а первыми иранскими словами, пришедшими мнѣ на умъ, когда я думалъ объ этомъ орхонскомъ титулѣ, были сложныя съ тѣмъ-же хшаріја-, съ которымъ я связывалъ титулъ шад. Послѣ того, какъ послѣдняя корректура этой статьи была подписана къ печати, академикъ К. Г. Залеманъ подтвердилъ мое прежнее предположеніе, указавъ мнѣ на иранское хшаріја-пурра- «царскій сынъ».

Ѳ. Коршъ.

Digitized by Google

Къ исторіи дипломатическихъ сношеній съ папскимъ престоломъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ.

Пріѣздъ въ Москву папскаго посла Антонія *Поссевина* оживилъ сношенія Московіи съ Римомъ, но не сдѣлалъ ихъ постоянными. Можно сказать, что царское правительство обращалось къ папамъ только по нуждѣ, въ затаенномъ сознаніи, что каждая ссылка лишь подымаетъ неразрѣшимый религіозный вопросъ. По смерти царя *Ивана IV* при его преемникѣ папскій посолъ дважды былъ въ Москвѣ, но посылокъ съ русской стороны не было вовсе. При царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ сношенія съ Римомъ совсѣмъ было пріостановились и только въ самомъ концѣ своего царствованія *Борисъ Годуновъ* отправилъ къ папѣ длинное дружественное письмо. Какъ и слѣдовало ожидать исключительной причиной этого дипломатическаго сношенія была нужда. Хватались за соломинку, питая надежду на то, что папа повліяетъ на короля *Сигизмунда III* въ вопросѣ о признаніи Лжедимитрія.

Письмо царя *Бориса* къ папѣ *Клименту VIII* было написано и отправлено въ ноябрѣ 1604 года вмѣстѣ съ письмомъ къ императору *Рудольфу II*. Текстъ этого послѣдняго посланія изданъ недавно въ переводѣ съ перевода[1]) и между прочимъ со-

1) «Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка», подъ редакціею И. М. Болдакова (Спб. 1896. 8°), см. стр. 68.

Digitized by Google

держитъ указаніе — «вмѣстѣ съ симъ приготовили мы также и къ *Клименту VIII*, папѣ римскому, письмо, а вы, возлюбленный братъ нашъ и великій государь, благоволите его безотлагательно отправить съ собственнымъ своимъ нарочнымъ...». О судьбѣ царскаго письма къ папѣ *о. П. Пирлингъ* въ своемъ извѣстномъ трудѣ[1]) говоритъ слѣдующее: «Sur la prière de Godounov, Rodolphe avait expédié la lettre au Pape par un exprès; mais, lorsque celui-ci parvint à Pome, il trouva le Saint-Siège vacant. Le successeur de Clément VIII, Léon XI, venait de mourir après un mois environ de pontificat. La lettre fut, selon l'usage, remise aux cardinaux réunis en conclave, qui ne pouvaient prendre eux-mêmes aucune mesure, ni préjuger les décisions du futur Pape. L'Europe, dans ses deux principaux représentants (то есть императора и папы), abandonnait Godounov à son sort» (pp. 109—110).

Изъ приведенной цитаты можно вывести два заключенія: 1) письмо царя Бориса было доложено конклаву, значитъ подлинникъ дошелъ по назначенію и находится гдѣ нибудь въ римскихъ архивахъ; 2) на царское письмо не было отвѣчено.

Мнѣ удалось пріобрѣсти[2]) (въ одну изъ поѣздокъ въ Италію) два документа, имѣющіе непосредственное отношеніе къ данному вопросу:

1) «Sommario della lettera di Borisso Gran Duca di Moscouia alla S-ta mem. S. PP. Clementi VIII scritta di Nouembre 1604»

и 2) съ слѣдующимъ заголовкомъ: «Paulus Papa V-s 3 Junii 1605 Pontificatus sui anno primo Borisso Theodori totius Russiae Domino et Moskouiae Magno Duci».

Первый изъ документовъ представляетъ очевидно изложеніе того самого письма царя Бориса, о которомъ мы только что го-

---

1) P. Pierling. S. J.: «La Russie et le Saint-Siège», t. III (Paris. 1901. 8°).

2) У престарѣлаго антикварія Pietro Pieri, огромное собраніе котораго потомъ распродавалось въ рядѣ аукціоновъ фирмою P. Luzzietti въ Римѣ.

Digitized by Google

ворили. «Sommario» написано мелкою скорописью (см. табл. III) на пожелтѣвшемъ отъ времени листѣ тонкой бумаги (знакъ лилія въ кругу), проѣденной во многихъ мѣстахъ чернилами. Текстъ занимаетъ $3^1/_4$ страницы (въ десть) и заканчивается подписью, зачеркнутой довольно тщательно (см. таблица II^b). Наиболѣе вѣроятнымъ является чтеніе, принятое и *о. П. Пирлингомъ*: «Rettore del Collegio della Compagnia del Gezu».

Папская канцелярія обратилась, повидимому, для перевода русскаго текста въ коллегію Іезуитовъ. Какъ мы знаемъ, дипломатическіе документы (и не только русскіе) писались въ XVI столѣтіи съ такою вычурностью и манерностью изложенія, что въ буквальномъ переводѣ нерѣдко запутывался въ витіеватостяхъ самый смыслъ содержанія. Вотъ почему, для доклада, и было изготовлено найденное нами резюмé. «Sommario» состоитъ всего изъ 16 слѣдующихъ §§, каковыхъ конечно не было въ оригинальномъ царскомъ письмѣ:

Sommario della lettera di Borisso Gran Duca di Moscouia alla Sta mem.[1]) S. PP. Clementi VIII scritta di Nouembre 1604.

P^o. Dimanda d'esser indrizzato nella strada della carita della Sta V., dandole honoratissimi titoli di suprema et uniuersale autorità sopra tutti i ueri fedeli Christiani; s'offerisce di uoler ubidire à tutte l'ordinationi di lei, è confessa d'adorare l'unità di Dio in Trinità.

2°. Saluta honoratiss^{mo} la S. V. è poi mette il suo proprio nome con molti titoli pigliati dalle Sig^{rie} del suo stato.

3°. Racconta l'ambasciaria, mandatagli da Sigismondo Re di Polonia gl'anni a dietro, per conto di confermar la pace già fatto per uenti anni con la fel. mem. di Giovanni Sign^{re} della Rusia etc. Specifica il modo con che egli giurò, basciando la S. Croce

1) Было написано «d. N. S.» (то есть при жизни папы), потомъ зачеркнуто и надписано: «mem.».

Digitized by Google

figurata sopra le lettere dell'accordo, di uoler osseruare il tutto per spatio di trenta anni futuri: mostra poi, come l'istesso Re in mano delli ambasciatori mandatigli da esso Borisso, giurò similmente, basciando la S. Croce, di uoler osseruare il tutto per trenta anni.

4°. Si lamenta del Re è delli Senatori Polachi, per il uiolato giuramento è per l'impresa cominciata, quale dice, esser indegna d'un Prencipe Christiano, anzi pagano.

5°. Mostra chi sia il uero Demetrio è dice che egli fù figlio naturale di Giouanni già Gran-Duca, al quale Demetrio insieme con la madre sua Maria dopo la morte di Giouannì fù dato per mantenimento il ducato d'Uglecio. Questo Demetrio (al tempo di Theodoro legitimo herede della Moscouia) quatordici anni fà, morì in Uglecio, doue ancora uiue sua madre Maria, et il suo zio al presente si troua seruitore nel palazzo di esso gran-duca Borisso.

6°. Descriue poi le qualità di colui, il quale è falsamente da Polachi nominato Demetrio et chiamato herede del Gran Ducato, è dice, che esso è un meschino, monaco, apostata, Grizko figliuolo di Deodato soldato della corte da *Repieua* città; che è stato seruitore di Michele Romanide gentilhuomo, dal quale fu caciato di casa per certe sceleratezze [1]); che per paura della morte fugitosene in un monasterio molto lontano, si fece monacho, è fu chiamato Gregorio. Il patriarcha poi in Moscha lo prese per suo scrittore, doue fù scoperto per incantatore è rinegatore di Dio, è che inuocaua li maligni spiriti alli quali hauea fatta una scrittura di sua mano, in cui rinegaua Dio: il patriarcha ordinò che il perfido [2]) fusse fatto morire in Beloozerov città, ma il tristo [3]) con tre altri monaci fugì fuor d(a)lo stato in Lituania nel mona-

1) Было написано и потомъ зачеркнуто: «forfantarie».
2) Зачеркнуто и приписано: «per queste».
3) Подчеркнуто, вѣрнѣе перечеркнуто съ надписью—«colui»(?).

Digitized by Google

sterio di Peceria. Spogliòsi poi con dishonore de'monaci il sacro habito è scopri li suoi incantesmi alli Visneuecij. Scrisse per ciò il Patriarcha di Moscouia alli Palatini Polachi — al Voyuoda di Chiouia Basilio Ostroschi. Costoro tutti scusorno l'apostata, ne uolsero darglielo in mano.

7°. Scopre il principio, dal quale Sigismondo comincio introdurre gente armata in Moscouia insieme col apostata, è dice che il monaco incantatore persuase d'esser egli Demetrio figliuolo di Gioanni, à cui toccaua il gran-ducato. Comincio il Re nominarlo Duca Demetrio.

8°. Mostra come hà saputo dalli ambasciatori mandati à Moscha da Giorgio, Cremense Duca, che il re di Polonia per meta del suo corriero l'inuitaua ad assalire con l'essercito la Moscouia per dar in mano il granducato all'apostata (falsamente creduto Demetrio) Gregorio, è come egli hauea promesso al Re di fare il tutto.

9°. Si stupisce, che un Re Christiano habbi puotuto commettere una cosi brutta sceleraggine: uiolare il bascio della S. Croce; rompere i patti della pace, chiamare Gregorio apostata, incantatore è rinegatore di Dio, figliuolo di Gioanni Gran Duca etc.; menare li infedeli contra i christiani è finalmente spargere il sangue nella christianità. Attione indegna non solamente di Signori Christiani grandi, mà di minor conditione.

X°. Molto meglio era, dice egli, à Prencipi christiani pigliar l'arme contra il Turco, e liberare dalle sue mani la Christianità, è di questo pensare è trattare, è non cercare di sparger il sangue christiano, armare li scelerati, li forfanti, e li monachi apostati. Hor à chi s'hà da credere? In qual patto ò confederatione fatta tra li Gran Prencipi della Christianità, si puo fidar piu l'huomo? Se Sigismondo Re hà dispreggiato il giuramento et il bascio della S. Croce. Si deue publicare per gran miracolo che un prencipe christiano si sia publicato per mancator di fede e della sua promessa e per dispreggiatore della S. Croce.

Digitized by Google

XI°. Ho mandato, dice Borisso, io stesso al Re l'Ogaredo [1]) mio ambasciatore con lè lettere della confederatione: gl'hò fatto sapere, chi sia il falso Demetrio, da lui tenuto per uero, mi son lamentato col Re, che'egli nominasse un forfante [2]) per figlio di Gioanni etc., ma il Re licentiato l'ambasciatore mandò ad assaltare da soldati il stato di Moscouia alla sprouista senza che quelli del paese temessero cosi grande forfanteria [3]). Si protesta nel cospetto di Dio l'istesso Borisso che egli hà sempre procurato mantener pace con li Prencipi christiani, e non hà mai uoluto uedere spargimento di sangue christiano; ma ben hà procurato, che tutti li christiani si unissero contra il Turco.

XII°. Io hò persuaso, dice egli, al Persiano che facesse confederatione con la Sta di (pp.) Clemente (VIII) [4]) è con Rudolfo imperatore contra il commune nimico Turco, e dispreggiatore della S. Croce di Christo. Ho mandato ambasciatori in Persia per bene di tutta la Christianità, è per aiuto di Rudolfo (imperatore) hò fatto solleuare li prencipi orientali suditi del Turco contra lui stesso, gl'hò mandati fornimenti di guerra, et ho dato al Persiano le cose necessarie per combattere, ho fatto gratia alli mercanti forastieri, di non pagar gabelle nel mio stato per farmeli più amici: per il che la mia camera hà perso ogni anno cento millia fiorini. Certifico dunque S. Sta che il Turco farà gran perdita, il Persiano gran progresso, hà già prese molte città, è Semles città principale; il Persiano uole star d'accordo con Rudolfo imperatore, uole che tra noi—Borisso, Rudolfo è lui siano li patti riguali.

XIII°. Desidera grandemente Borisso che V. Sta faccia sapere à tutti li Prencipi Christiani questa loro lega, se in quella loro ancora uolessero entrare è trirar *(sic)* seco li Prencipi dell'Orien-

1) Посникъ Огаревъ.

2) Зачеркнуто и надписано неразборчиво два слова въ замѣну термина «forfante».

3) Зачеркнуто и надписано: «Violente e inganno».

4) Взятое въ скобки приписано почеркомъ лица, исправлявшаго текстъ.

Digitized by Google

te-perche è cosa molto giusta liberare dalla tirannide la gloriosa Christianità. E dice che per li suoi stati di Moscouia passaranno sempre sicuri li ambasciatori di V. S^{tà} al Persiano per bene della Christianità.

XIIII°. Si lamenta di nouo di Sigismondo Re è dice, che non doueua bandir guerra contra Moscouia, ancorche fusse uiuo Demetrio, ma in altra maniera douea manifestargli la persona di Demetrio è trattarne con esso lui. Fà una protesta grande: chiede da Dio gratia per il bascio della S. Croce è promette di uolere combatter per la uerità, per l'honore di Gioanni suo auo è di Theodoro suo Padre, è del suo proprio nome, è per li suoi stati, con quanta forza gli sarà concesso da S. D. M. Dice che mandarà un essercito in Lituania et che Dio pigliarà uendetta sopra la persona di Sigismondo è de suoi senatori per il spargimento del sangue christiano, perche egli non ne hà colpa.

XV°. Chiama Dio in testimonio della sua fedeltà. S'appella al tribunale della S^{tà} V., di tutti i Prencipi Christiani, è di tutto il mondo; dichiara à V. S^{tà} per questa lettera la sua mantenuta fedeltà e la infedeltà di Sigismondo et il dispreggio della S. Croce. Il rompimento della confederatione et il spargimento del sangue christiano procede tutto da Sigismondo, si che non gli si deue più creder mai in cosa niuna.

XVI°. Hò mandato à V. S^{tà} ambasciatori—sono stati ritenuti in Liuonia dai Lituani. Voglio che V. S. li mandi per mare à Chidamo nostra patria, ò al porto Archangelico, quando uorà trattare col Persiano, ma non per Lituania. Offerisco è prometto per loro tutto il necessario; mandarò li commissarij miei con loro, guide, carozze e carri con le uetovaglie, e senza tardanza andaranno in Persia, poiche alli ambasciatori di V. S^{tà} è serrata la strada per Lituania da Sigismondo.

Rettore del Collegio della compagnia del Gesu (?)» [1]).

1) Подпись тщательно перечеркнута, часть ея мною не разобрана и пропущена, см. прилагаемую таблицу.

Digitized by Google

Нельзя сказать, чтобы ученый іезуитъ вполнѣ владѣлъ знаніемъ русскаго языка. Въ «sommario» встрѣчаются очень любопытныя недоразумѣнія.

Такъ мы читаемъ — «Grizko figliuolo di Deodato soldato della corte da Repieua citta» = Гришка сынъ Богдана придворнаго солдата города Репьева. Словянское выраженіе «бѣ отъ града такого то», столь употребительное въ житіяхъ, ввело въ заблужденіе переводчика и онъ не понялъ, что *Отрепьевъ* есть фамильное прозвище. Точно также неправильное пониманіе терминовъ — «дворъ, дворовый (сынъ боярскій дворовый)» вызвало буквальный переводъ soldato della corte.

Въ выраженіи «ha già prese molte città è Semles città principale» мы, кажется, должны видѣть — «и взялъ уже многіе города и земли».

Крымскій ханъ титулуется переводчикомъ — «*Giorgio,* Cremense Duca».

Борисъ Годуновъ сочтенъ сыномъ царя Ѳеодора Ивановича — «per l'honore di Gioanni suo auo è di Theodoro suo padre, e del suo proprio nome».

Сравнивая два письма — къ императору и къ папѣ, мы находимъ въ послѣднемъ документѣ нѣсколько важныхъ добавленій.

Таковы: — 1) извѣстіе о посылкѣ посольства къ папѣ и задержаніи пословъ въ Литвѣ, 2) совѣтъ направить пословъ въ Персію черезъ Архангельскъ съ обѣщаніемъ не только пропуска, но и снабженія всѣмъ необходимымъ, 3) сообщеніе о томъ, что иностранные купцы «per farmeli piu amici» освобождены имъ — царемъ Борисомъ — отъ таможенныхъ пошлинъ, отчего получился ежегодный убытокъ въ сто тысячъ флориновъ («per il che la mia camera ha perso ogni anno cento millia fiorini»).

Итальянскій текстъ «Sommario» даетъ возможность сопоставить нѣкоторыя выраженія письма царя Бориса съ нѣкоторыми важными по значенію мѣстами другихъ документовъ.

Истинный царевичъ Димитрій прямо именуется незаконно-

Digitized by Google

рожденнымъ, побочнымъ сыномъ царя Ивана Грознаго — «che egli fù figlio naturale di Giouanni già Gran-Duca» въ отличіе отъ «Theodoro legitimo herede della Moscovia». Въ письмѣ къ императору Борисъ писалъ, что «Димитрій родился отъ седьмой жены, взятой по склонности, но вопреки всѣмъ законнымъ правиламъ церкви».

Обратившія на себя вниманіе историковъ двусмысленныя выраженія московскихъ документовъ, позволявшіе думать, что правительство царя Бориса допускало мысль, что самозванецъ можетъ быть и дѣйствительный Димитрій [1]), находятъ отголосокъ и въ «Sommario» въ указаніи, что если и былъ бы то истинный Димитрій, то вѣдь онъ сынъ *незаконный*—«naturale».

Различныя грамоты смутнаго времени подчеркиваютъ фактъ, что родственники царевича Дмитрія по матери, продолжали служить при дворѣ и при Борисѣ Годуновѣ, и при Василіи Шуйскомъ.

Наиболѣе интереснымъ является указаніе въ соборномъ посланіи русскихъ владыкъ князю Василію Константиновичу Острожскому, написанномъ въ 1606 году, гдѣ говорится: «и по сей часъ царевичъ Дмитрей лежалъ на Углечѣ въ соборной церкви, и мать его царица и великая княгиня инока Марѳа и нынѣ жива, а братья ея и *дѣдъ* Игнатій и нынѣ служатъ великому государю нашему, царю и великому князю Василію Ивановичу» [2]). Показаніе это въ связи со всѣми другими ему подобными вызвало изслѣдованіе Д. Ѳ. Кобеко [3]), отмѣтившаго спутанность и противорѣчіе различныхъ текстовъ. Въ «Sommario» говорится, что Димитрій царевичъ — «mori in Uglecio, doue ancora uiue sua madre Maria, et il suo *zio* al presente si troua seruitore nel palazzo di esso gran-duca Borisso».

---

1) См. «Сборникъ матеріаловъ» (подъ редакціею И. Болдакова), стр. 117—118.

2) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I, 256.

3) «Ѳедоръ Ѳедоровичъ Нагой» (Спб. 1903. 8⁰, и въ «Извѣстія Русскаго Генеалогическаго Общества», кн. II).

Digitized by Google

Второй изъ найденныхъ нами документовъ состоитъ изъ двухъ листовъ тонкой бумаги (знакъ птица въ кругу), сложенныхъ въ десть и исписанныхъ превосходнымъ каллиграфическимъ письмомъ — scrittura romana, легшей въ основу современной скорописи латинскою. На прилагаемой таблицѣ I-й данъ снимокъ съ первой страницы документа, на таблицѣ II, сн. A изображаетъ стр. 8-ю и послѣднюю съ адресомъ и знаменательнымъ резюмэ, что «Sanctitas vestra respondet», указывающимъ, что актъ былъ приготовленъ для доклада папѣ. Слѣдуетъ думать, что поправки на поляхъ каллиграфическаго текста, поправки чисто редакціоннаго и стилистическаго характера сдѣланы рукою докладчика. Въ существующемъ видѣ документъ является окончательнымъ черновымъ экземпляромъ, приготовленнымъ для передѣлки въ оригинальный актъ. По формѣ съ началомъ — «Paulus papa V»—такой актъ могъ быть двухъ типовъ — 1) breve на пергаменѣ или 2) оффиціальное письмо на бумагѣ съ собственноручной подписью папы надъ текстомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ текстъ на-черно составлялся самимъ секретаремъ латинскихъ писемъ, переписывался писцомъ, могъ неоднократно редактироваться и потомъ уже поступалъ къ скриптору—гроссатору, который по строго опредѣленной формѣ изготовлялъ оригиналъ. Breve отъ письма отличается, кромѣ матеріала, еще печатью: breve выдавались sub annulo piscatoris, письма подъ фамильною печатью папы [1]). Соотвѣтственно съ этимъ въ датировкѣ писемъ указаніе на печать отсутствуетъ, въ датировкѣ breve помѣчается — «datum sub annulo Piscatoris».

Датировка разбираемаго документа слѣдующая: «Datum Romae apud Sanctum Petrum etc. die 3 Junii 1605 a°. p°». Указанія на печать нѣтъ, но сокращенный знакъ «etc.» рѣшаетъ дѣло,

1) Подробнѣе о типахъ папскихъ документовъ см. въ изслѣдованіи моемъ: «Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ breve» (въ «Сборникѣ II-го Отдѣленія Императ. Академіи Наукъ» и отдѣльно).

Digitized by Google

указывая на присутствіе обычнаго и общепонятнаго сокращенія. Датировка должна быть распространена слѣдующимъ образомъ: «Datum Romae apud Sanctum Petrum sub annulo Piscatoris die III Junii M. DC. V. Pontificatus Nostri Anno Primo»[1]). Какъ и слѣдовало ожидать по общей практикѣ папской куріи въ сношеніяхъ съ Московіей найденный нами отвѣтъ папы имѣлъ быть выданнымъ въ формѣ бреве на открытомъ листѣ пергамена за красновосковой печатью рыбаря.

Текстъ бреве заключается въ слѣдующемъ[2]):

„Dilecto filio nobili viro Borisso Theodori totius Russiae Domino et Moskoviae Magno Duci Paulus Papa V"".

Dilecte fili nobilis vir s.[3]) Adsit tibi salutis ac pacis auctor Christus Dominus et omnibus in || rebus mentem tuam lumine Sancti Spiritus illustret. Ineffabilis benignitas et gratia Dei || Salvatoris nostri Jesu Christi, honorabiles nobis reddidit sacros et solemnes hosce dies, quos || Ecclesia Romana omnium Ecclesiarum mater et magistra ante festum Ascensionis || Dominicae in Coelum indictis publicis rogationum processionibus ad coelestia dona || impetranda, more, institutoque maiorum destinavit. Cum enim fe: rec: Clemens || VIII[s] Pontifex Maximus universalis Ecclesiae

---

1) Доказательства легко найти въ совершенно подобныхъ документахъ, напечатанныхъ не съ подлинниковъ. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ P. Balan: «Monumenta saeculi XVI historiam illustrantia. Volumen I: Clementis VII epistolae per Sadoletum scriptae» (Oeniponte. 1885. 8°) подъ №№ 140, 141, 142 и 143—помѣщены бреве, относящіяся къ посольству епископа города Скары къ великому князю Василію III въ 1525 году. Въ датировкѣ мы найдемъ тотъ же пропускъ указанія «sub annulo Piscatoris», при чемъ въ двухъ бреве читается «Datum Romae etc.», а въ двухъ пропущена и помѣта сокращенія — «etc.» и записано просто «Datum Romae XVIII Novembris MD XXV. Anno secundo».

2) Чернила очень проѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бумагу, что въ связи съ скорописными подправками дѣлаетъ чтеніе двухъ-трехъ словъ сомнительнымъ. Строки подлинника отдѣлены знакомъ ||.

3) Буква «s» обозначаетъ или «salutem», или, что вѣроятнѣе, указаніе, что далѣе слѣдуетъ обычная формула.

Digitized by Google

pastor praedecessor noster, cuius memoria || sit in benedictione, paulo ante viam universae carnis ingressus, et multis clarus virtutibus || in coelum, ut pie sperandum est, migrasset, et paulo post S^tae^. me. Leo Papa XI || in illius locum subrogatus, ab humanis, sicut Deo placuit, paucos post dies exces || sisset, singularis eiusdem Dei bonitas cuius uoluntas potentia [1]), cuius opus || misericordia semper est, humilitatem nostram nihil tale cogitantem communibus Venerabilium || fratrum nostrorum S. R. E. Cardinalium quibus successorem in demortui locum eligendi || potestas divinitus attributa est, votis atque sententiis ad summum Apostolicae dignitatis || gradum evexit, nosque in altissimo Beati Petri Principis Apostolorum solio posuit || et supremum Christi in terris vicarium esse voluit, ac denique divino suo consilio super || reges et regna constituit, ut Domini verba impleamus, quibus futuro po || puli sui rectori et pastori apud Hieremiam Prophetam illud praecipitur, ut || evellat et destruat, et disperdat, et dissipet, et aedificet, et plantet, cuiusque inter || alia proprium est devios et errantes in viam salutis adducere et dissidentes || ac discordantes Christianorum Principum animos invicem conciliare, atque ad unitatem || et concordiam redigere et pro omnibus quidem homi- 2.
nibus obsecrationes, orationes et || postulationes facere, sed praecipue pro his, qui in sublimitate sunt, Deum || suppliciter exorare, ut et ipsi ad agnitionem Christi Dei traducantur et supremam Rom. || Pontificis illius in terris vicarii et Sanctae Romanae Ecclesiae potestatem vereantur ac colant || et nos quietam et tranquillam vitam agamus in omni pietate et castitate: hoc enim || bonum est et acceptum coram Salvatore nostro Deo, qui vult omnes homines salvos fieri || et ad agnitionem veritatis venire. Cum autem abundantia gratiae caelestis que || hominibus tribuit dignitatem ad eam etiam exercendam opportune virtutem || conferat non sine divino mysterio evenisse credimus, ut

1) Было написано «potentia magnificentia», потомъ тщательно зачеркнуто и на поляхъ написано «voluntas potentia».

Digitized by Google

nobilitatis tuae litterae || mense Novembri anni praeteriti ad sanctae memoriae Clementem praedecessorem nostrum cons || scriptae nobis ipso nostri Pontificatus initio redderentur. In quarum quidem || litterarum exordio tu ipsum Clementem summum Pontificem et omnium fidelium || qui de religione christiana recte sentiunt, ac Romanae Ecclesiae Pastorem et || Magistrum merito atque iure optimo appellabas et ab eo tanquam ab angulari || lapide et absconditae sapientiae datore nominatim postulabas ut in viam verita || tis quam ipse tenebat nosque adeo per singularem Dei gratiam tenemus dirigereris || teque in votis habere ac praecipue optare significabas ut mandatis eius obtemperares: || quin imo te inter cetera quod in primis Ecclesia Catholica tenet unum Deum || in Trinitate et Trinitatem in Unitate venerari profitebaris. Quibus profecto || tum Pontificia illius auctoritatis et summae dignitatis titulis eidem Clementi || pie ac religiose attributis, tum praeclaris hisce fidei, et confessionis tuae docu || mentis ipsi insinuatis, magnam, ut plane debuimus in Domino laetitiam hausimus. || Ex his siquidem non levibus tua erga Romanum Pontificem voluntatis indiciis || assequa coniectura facile
3. possumus futurum, ut tu qui illum Christi fidelium Pastorem || ac Magistrum merito vocabas divini numinis aspirante gratia Romanam etiam || ecclesiam communem Christi fidelium matrem ac parentem relictis penitus iis prava || rum opinionum erroribus, quibus una cum subditis tuis implicatus teneris primo || quoque tempore agnoscas. Qua quidem in re quaecunque a nobis proficisci poterunt || paternae in te caritatis officia, ea data opportunitate, quantum per locorum || distantiam, et itineris difficultatem licuerit praestare conabimur, ut intelligas, quantum || anxii et soliciti simus de tua subditorumque tuorum salute et quam libenter oblatam || occasionem te in S. R. E. gremium recipiendi et ceteris Ecclesiae Catholicae Prin || cipibus adiungendi, quod a te summopere petimus et magnis a Deo votis op || tamus, amplectamur. In alia vero litterarum tuarum parte apud ipsum Clemen || tem praedecessorem nostrum mirum in modum conquerebaris et vehementissime

Digitized by Google

detestabaris || arctissimum illud mutuae pacis et amicitiae foedus inter olim Ioannem quondam || Basilii totius Russiae Dominum et magnum Moskoviae ducem ac carissimum || in Christo filium nostrum Sigismundum Poloniae regem olim pro mutua inter ipsos et || subditos suos pace et tranquillitate retinenda initum, et jureiurando primum ab || eorum legatis, deinde etiam ab ipsismet praestito a viginti fere annis firmatum, || ac novissime a te instante eodem Sigismundo ad annos triginta simili modo san||citum et renovatum ab eodem rege Sigismundo violatum fuisse: violationis autem || causam eam esse narrabas, quod idem Sigismundus immemor, ut dicebas[1]), promissionis et || juramenti sui Grizkum quendam Deodati Militis curiae civitatis Repievae, || filium vilem et abiectum hominem, et olim Michaeli Romanidi nobili inser||vientem et ob suos pravos mores et crimina eiectum ex domo illius, ac metu || poenarum religionem ingressum, et Gregorium appellatum, mox propter || incantamenta, captiones et praestigia quae exercebat apostatam, ac demum ex || Moskovia 4. cum tribus aliis monachis transfugam, rerum novarum cupidum, et sub || ficto Demetrii nomine multa versantem mala, non modo in Lituaniam receperit, sed in || Moskoviticum Dominium sua et suorum subditorum auctoritate cum militaribus copiis || immiserit. Quae sane omnia adeo manifeste ac publice in Lituania evenisse que||rebaris ut vix quisquam inficiari aut in dubium revocare possit, quin ipso Sigismundo || Poloniae Rege, in cuius potestate est universa Lituania haec ipsa jubente ac mandante || vel saltem sciente aut permittente facta fuerint, licet nos propter inordinatam huiusce || rei, si ita esset, novitatem uix adduci possumus ut credamus ipsum Sigismundum || Poloniae Regem, cuius fidei atque religionis constantiam perspectam habemus, hoc, aut || his similia effecisse, vel permisisse; eo autem graviora esse affirmabas, quo magis || omnibus in comperto erat dictum Grizkum pos-

1) Слова «ut dicebas» въ видѣ выноски, на поляхъ. Написаны при окончательномъ редактированіи документа.

Digitized by Google

tea Gregorium eum non esse, qui se De||metrium vocitabat: hic enim Demetrius qui domini Ioannis ex quadam Maria ipsius con||cubina filius illegitimus fuit, quatuordecim ab hinc annis, ut exponebas, Ugletii mor || tuus est, et ibi apud omnes iamdiu certum et exploratum fuit hunc ipsum Grizkum sive || Gregorium eum fuisse, quem Ioannes Moskoviticus Patriarcha nuncupatus inter || scribas suos primum aluit, tum propter eius crimina, ultimo supplicio afficiendum || statuerat, et quem dubio procul affecisset, nisi ille subdole et quo praeditus est vafro || et malitioso ingenio, celeri fuga sibi consulens manifestum vitae discrimen evasisset. || Atque haec quidem quae excusari vix possunt, tu significabas, te aequo animo pro tuarum || ditionum conservatione ferre aut dissimulare diutius non posse, nec pro tua dignitate || debere ac propterea provocare te ab huius foederis violatione ad judicium ipsius || recol. me. Clementis Octavi Romani Pontificis praedecessoris nostri, ac protestari eam non || tua sed Sigismundi Regis culpa secutam fuisse et vehementer obsecrare, ut id omnibus || Principibus Christianis manifestum fieret
5. et ulterius affirmabas, ut tuae dignitati || et tuarum ditionum securitati magis consuleres statuisse te ob eam causam contra || Sigismundum Regem et regnum Poloniae validum exercitum in Lituaniam || mittere, et, ut ipse affirmabas[1]), spretae promissionis et fidei iniuriam graviter ulcisci. || Atque his quidem de rebus te *Ogaredum* oratorem suum ad Sigismundum Regem able || gasse, ut de iis omnibus te certiorem redderet, et ille propterea ab inferendis || in Moskoviam armis abstineret. Verum idem Sigismundus his omnibus contemptis || dimisso oratore[2]) statim Moskoviticum Dominium infestare aggressus est, deinde et || legatos tuos ad eundem Clementem Pontificem, qui de iis apud eum conquererentur || per Lituaniam misisse eosque a lituanis captos et de-

1) Было написано «ais», зачеркнуто, сдѣланъ выносной знакъ и на полѣхъ другимъ почеркомъ: «affirmabas».

2) Написано сокращенно не только «oſe», но вмѣстѣ «dimissoſe».

Digitized by Google

tentos fuisse acerbissime || querebaris. Demum addebas hanc tuam suscipiendi contra Polonos belli delibera||tionem Christianae Reipublicae incommodi et detrimenti plurimum allaturam: eodem || siquidem Clemente Pontifice suasore te illustrem et potentissimum *Schibas* Per||sarum Regem ad evertendas Turcarum infestissimorum christiani nominis hostium || vires instigasse, ut carissimi in Christo filii nostri Rudolphi Romanorum Regis illustris || in imperatorem electi ac Sigismundi Poloniae regis et aliorum Principum Christia||norum ditiones ab impiis eorumdem Turcarum conatibus salvas atque incolumes || redderes. Persarum vero Regem facile ab incaepto destiturum, si tu animo a || Poloniae Rege averso alias consilii tui rationes inires, et bellum quod in christianae || religionis hostes converti tantopere procuraveras, ipse adversus Christianos populos || et contra Sigismundum Poloniae Regem, eiusque regnum instrueres et deliberato || animo prosequereris. Ac nos profecto verbis explicare satis non possumus, || quanto his auditis in communi causa dolore perfusi fuerimus. Cum igitur nos || in eiusdem Clementis locum divina clementia disponente, ut iam diximus, suffecti || fuerimus, facere non potuimus pro nostro pastorali munere et praecipuo in || componendis Christianorum Principum dissidiis officio, 6.
quin eam, quae ad nos proprium || pertinet curam, prompto ac libenti animo susciperemus, perinde ac si litterae tuae nominatim || ad nos scriptae fuissent. Itaque statim tum ad ipsum Sigismundum Poloniae Regem, || tum ad Rudolphum Imperatorem ea de re serio scribendum, et per nostros et apostolicae sedis apud || eos residentes Nuncios diligenter agendum duximus, illudque in primis nostra et eiusdem || Rudolphi auctoritate praestandum censuimus, ut idem Sigismundus Rex huiusmodi || Grizkum complecti ac fovere desistat, Rudolphus vero Imperator in ea deliberatione || persuadenda, communem suam et Christianae Reipublicae causam ad propulsandos Turcarum || impetus communi Christi fidelium commodo et bono feliciter caeptam prosequi et ad optatum || exitum perducere velit, quod scriptis hac de re ad

Digitized by Google

utrumque literis fecimus, et nostris, et || apostolicae sedis apud eos residentibus Nunciis, ut haec quae scribimus ipsi coram oratione || et verbis magis prosequerentur et plurimum urgerent iniunximus. Qua re a Nobi||litate tua petimus, ut quando hac in re ad fel. rec. Clementem VIII^m^ Pontificem, cuius || vicem nos nunc tenemus, illiusque iudicium provocasti, nostra et Christianae Reipublicae quam tibi || tantopere commendatam esse profiteris, causa tandiu cunctandum et sustinendum esse || ducas, quandiu juribus etiam ipsius Sigismundi auditis, totam eam rem, ut in || Domino confidimus, ipsi amice et benevole componamus. Interim vero a te petimus, || ut a militibus in Lituaniam mittendis et Polonis ob eam causam infestandis, ne || res in difficiliorem statum redigatur, abstineas, ut tum belli sumptibus, et incom||modis, tum finitimarum ditionum vastitati et Christianorum internecioni, quae || mala procul dubio evitari vix poterunt, (si ius sit in armis), parcas. Multas tu, et || illas quidem, ut scribebas, praeclaras singularis tuae in Rudolphum Imperatorem et Sigismundum || Poloniae Regem, illorumque ditiones et regna benevolentiae significationes et plurima || atque illa quidem valde egregia eximiae tuae
7. in Christianam Rempublicam voluntatis || monumenta ob publicam christianae religionis contra Turcarum tirannum causam || hactenus edere caepisti, quae si ad optatum exitum caepta bene iuvante Deo perducantur || procul dubio apud homines magnam tibi famam et nomen comparare, a Deo vero bonorum || operum retributore maximam tum temporalium, tum spiritualium bonorum, || quibus potissimum indiges, affluentiam sperare poteris. Verum si hanc, quam prae || manibus habes de tota Christiana Republica benemerendi occasionem minime praeter||miseris, sed illam avidissime, ut confidimus, arripueris, non solum ditionibus || et populis tuis, qui ab omni procul armorum strepitu diu secura pace et tranquilli || tate perfruentur optime consulueris et eosdem Rudolphum Imperatorem, et || Sigismundum Regem, ac universos subditos suos et Principes christianos || universos tibi mirum in modum deuinxeris, sed ad obtinenda syncerae fidei || et catho-

Digitized by Google

licae veritatis bona, quae sola te tum in hac vita ceteris christianis et || catholicis principibus parem reddent, tum in caelesti patria aeternae beatitudinis || compotem efficient, aditum summa tua cum laude patefeceris, nosque de tua || et tuorum subditorum salute solicitos et ad eam, quantum cum Domino poterimus || procurandam, sponte nostra alacres et promptos, in dies alacriores et promptiores || reddideris. Interea Deum, in cuius manu sunt corda Regum et Princi||pum, assiduis votis deprecabimur, ut nobilitatem tuam in hac re perficienda, || privatis omnibus rationibus posthabitis, ad solius Christianae religionis et || communis tranquillitatis tuendae et propagandae finem dirigat, et tibi salutaria || et profutura bona copiose largiatur. Datum Romae apud Sanctum Petrum etc. || die 3 Iunii 1605. a°. p°.» [1]).

На послѣдней восьмой страницѣ написаны адресъ и резюмэ самой сущности акта:

«Paulus Papa V°. 3 Iunii 1605. Pontificatus sui anno primo.

Borisso Theodori totius Russiae Domino et Moskouiae Magno Duci.

Sanctitas Vestra respondet eius ad fel. rec. Clementem VIII. scriptis litteris super praetensa violatione pacis et amicitiae inter eum et Sigismundum Poloniae Regem alias initae ob receptione in Lituaniam Grizki seu Gregorii Monachi falso sibi, ut dicit, Demetrii nomen usurpantis».

Передъ нами формальный отвѣтъ папы на письмо царя Бориса, а между тѣмъ, какъ мы видѣли, по свѣдѣніямъ *о. П. Пирлинга* на это письмо не было отвѣчено. Фактъ несомнѣнный, что отвѣтъ былъ составленъ и составленъ позже того времени, о ко-

1) «a°. p°.» = pontificatus nostri anno primo.

Digitized by Google

торомъ говоритъ ученый авторъ труда «La Russie et le Saint-Siège», но было ли breve отослано по назначенію—это еще предстоитъ намъ рѣшить.

Возстановляя хронологію, мы должны припомнить, что знаменитое польское письмо *Лжедимитрія* къ папѣ *Клименту VIII*[1]) помѣчено 24 апрѣля 1604 года; папа отвѣтилъ самымъ любезнымъ и благосклоннымъ breve своему «caro filio» отъ 22 мая 1604. Значитъ Римъ призналъ новообращеннаго въ католицизмъ претендента на Московскій престолъ еще въ 1604 году. Послѣ этого черезъ девять слишкомъ мѣсяцевъ папа *Климентъ VIII* (Альдобрандини) скончался 3-го или 5-го марта 1605 года, *не получивъ Ноябрьскаго письма царя Бориса.* Папа *Левъ XI* (Медичи) былъ избранъ 1 апрѣля 1605 года и скончался въ томъ же году 27 апрѣля послѣ трехнедѣльнаго папствованія. Папа *Павелъ V* (Боргезе) избранъ 16 мая и интронизованъ 29 мая 1605 года. По указанію *о. П. Пирлинга* письмо Бориса *Годунова* было доставлено въ Римъ и заслушано кардиналами въ періодъ sede vacante между 28 апрѣля и 16 мая. Папа въ печатаемомъ нами отвѣтѣ излагаетъ: «non sine divina mysteria evenisse credimus, ut nobilitatis tuae litterae mense Novembri anni praeteriti ad Sanctae Memoriae *Clementem* praedecessorem nostrum conscriptae nobis ipso nostri Pontificatus initio redderentur».

Описавъ, какъ по Божьему произволенію кардиналы избрали «humilitatem nostram nihil tale cogitantem» на мѣсто, которое Господь «super reges et regna constituit», *Павелъ V* признаетъ, что въ его миссію входитъ примиреніе Христіанскихъ владѣтелей, почему онъ и видитъ перстъ Божій въ томъ, что Борисъ обратился къ нему за содѣйствіемъ. Такое признаніе царемъ Борисомъ папскаго авторитета величественно подчеркивается и просителю обѣщается отеческая помощь («paternae in te caritatis officia»).

---

1) P. Pierling, l. c. III, 80.

Digitized by Google

Если бы не ограничительныя положенія «ut dicebas, ut affirmabas» при пересказѣ текста царскаго письма относительно *Лжедимитрія*, можно было бы думать, что Римъ въ первый разъ слышитъ о самозванцѣ. О Димитріи царевичѣ сказано, что: «hic enim Demetrius qui domini Ioannis ex quadam Maria *ipsius concubina filius illegitimus* fuit...», но съ прибавкою — «ut exponebas».

Въ многословномъ, не по объему безсодержательномъ посланіи папа обѣщаетъ немедленно написать, какъ къ императору, такъ и къ королю *Сигизмунду* и, что наиболѣе важно и интересно, обѣщаетъ воздѣйствовать авторитетомъ императора, «ut idem Sigismundus rex Grizkum complecti ac fovere desistat».

Далѣе папа убѣждаетъ царя Бориса воздержаться отъ похода въ Литву, чтобы этимъ не ухудшить еще дѣла и очень хвалитъ за намѣренія относительно дѣйствій противъ Турокъ, но, что весьма замѣчательно, оставляетъ совсѣмъ безъ отвѣта предложеніе Бориса о посылкѣ посольства въ Москву и Персію помимо Польши черезъ Архангельскъ. Бреве заканчивается пышными пожеланіями благъ отъ Бога.

Хорошо извѣстно, что въ Римѣ имѣлись письма съ подробными свѣдѣніями о ходѣ дѣлъ Лжедимитрія, обращеніе котораго въ католицизмъ не подвергалось сомнѣнію. Какимъ же образомъ могло быть составлено такое письмо папы, явно враждебное претенденту?

Надо думать, что въ Римѣ находились подъ впечатлѣніемъ январьскаго пораженія Лжедимитрія подъ Добрыничами и рѣшились отвѣтить Борису въ благопріятномъ для него смыслѣ, но съ осмотрительною осторожностью въ обѣщаніяхъ.

Документъ помѣченъ 3 Іюня (новаго стиля), а побѣда подъ Кромами и торжество Димитрія совершились 17 мая (тоже по новому стилю). Самый фактъ написанія бреве указываетъ на то, что и о смерти царя Бориса, случившейся 13/23 апрѣля 1605 года въ Римѣ еще не знали.

О. Павелъ *Пирлингъ* говоритъ, что на письмо Бориса Году-

Digitized by Google

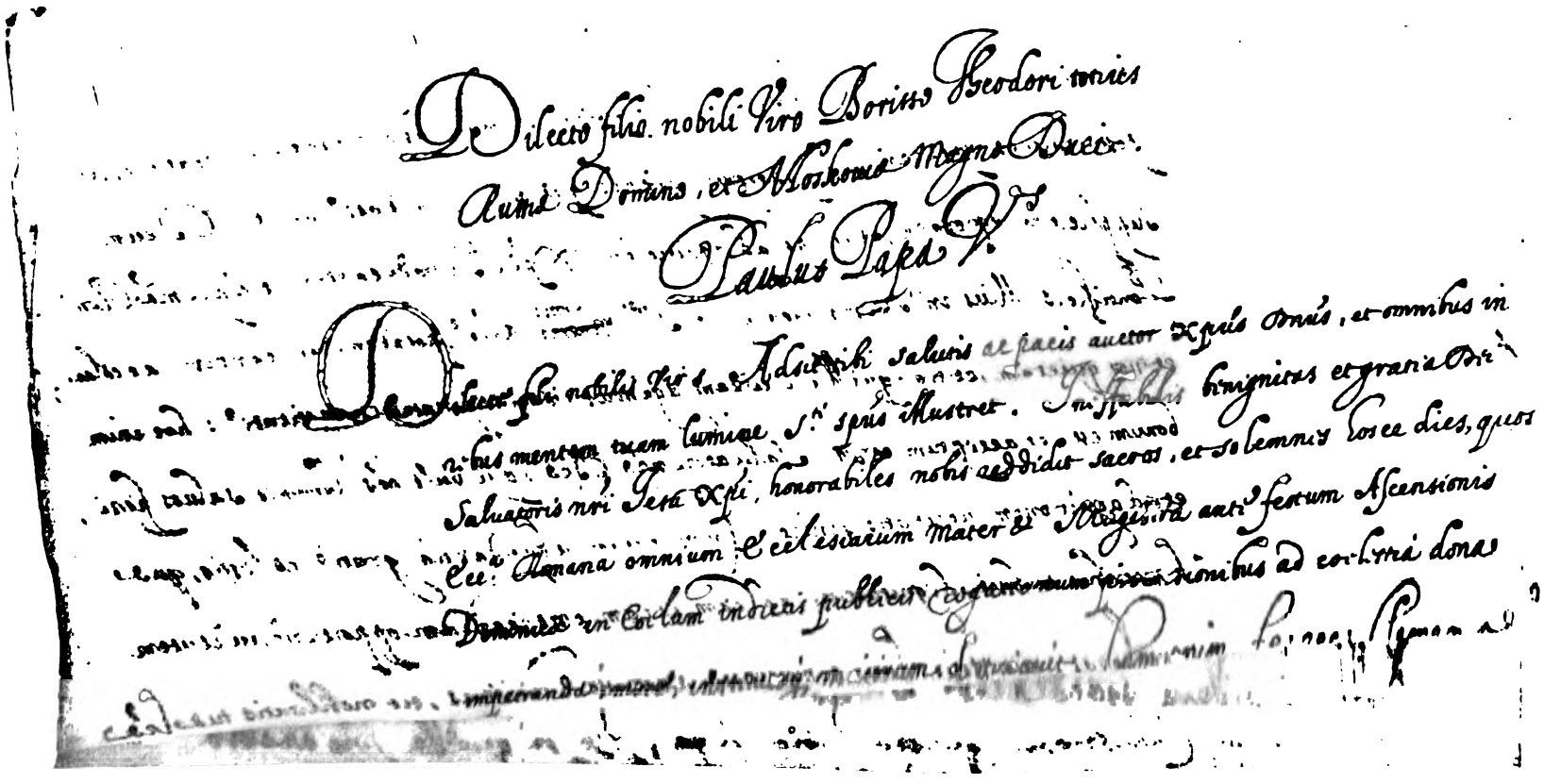
нова отвѣчено не было и онъ былъ предоставленъ своей судьбѣ. Найденный нами чернякъ указываетъ, что намѣреніе отвѣтить несомнѣнно существовало и самое посланіе было составлено, но было ли бреве отправлено по назначенію — это вопросъ не рѣшенный.

Точный отвѣтъ могла бы дать запись въ регистрахъ бреве; слѣдуетъ думать, что такой записи нѣтъ, разъ текстъ документа остался неизвѣстнымъ *о. П. Пирлингу*.

Вѣроятнѣе всего предположеніе, что слухъ о кончинѣ царя Бориса остановилъ посылку папскаго письма, важнаго для насъ по указаніямъ на политику папъ по отношенію къ Москвѣ. Тонъ и содержаніе акта лишній разъ свидѣтельствуютъ о томъ, что Римъ и іезуиты приняли участіе въ Димитріи, какъ орудіи обращенія Московіи въ католичество, но отнюдь не были создателями таинственной интриги появленія самозванца.

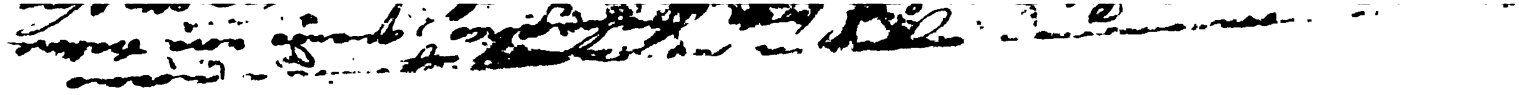
Н. Лихачевъ.

Digitized by Google

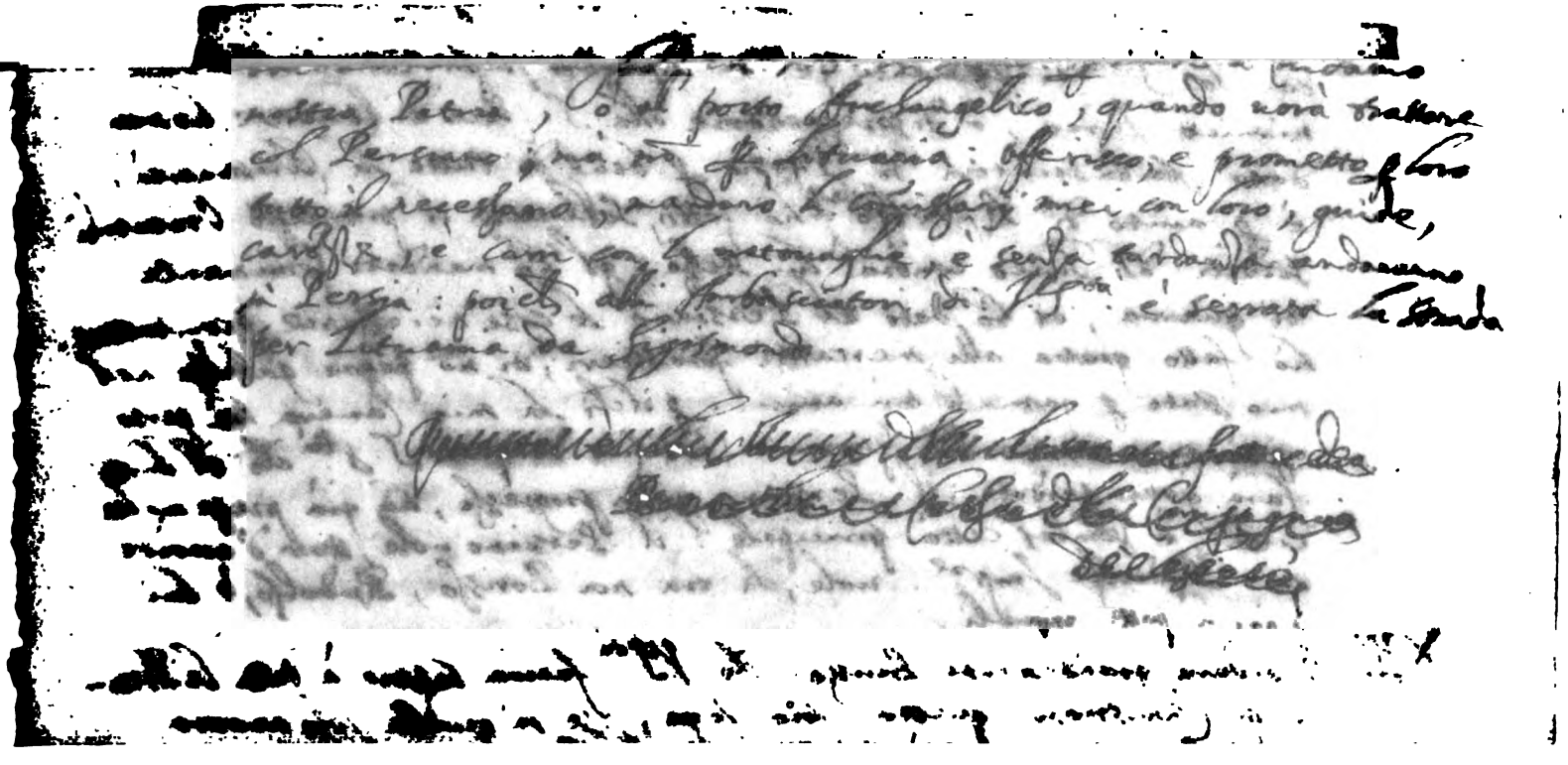


a) Адресъ и указаніе содержанія письма папы Павла V къ царю Борису Годунову (надпись на черновомъ экземплярѣ этого бреве).
b) Зачеркнутая подпись составителя „sommario“ письма царя Бориса Годунова къ папѣ Клименту VIII.

Digitized by Google



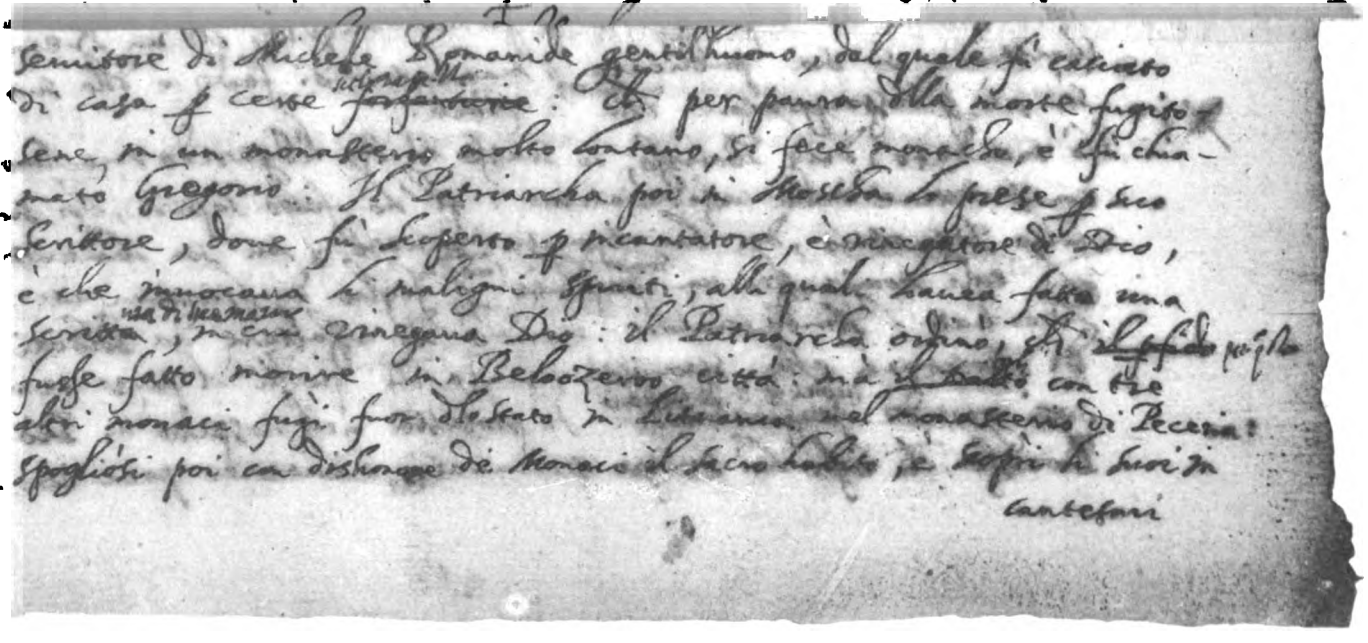
Digitized by Google



a) Адресъ и указаніе содержанія письма папы Павла V къ царю Борису Годунову (надпись на черновомъ экземплярѣ этого бреве).
b) Зачеркнутая подпись составителя „sommario“ письма царя Бориса Годунова къ папѣ Клименту VIII.

Digitized by Google

Digitized by Google



„Sommario“ письма царя Бориса Годунова къ папѣ Клименту VIII, составленное ректоромъ (?) Коллегіи Іезуитовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ вопросу о редакціяхъ Толковой Палеи *).

V.

Мнимые случаи полноты Коломенской Палеи по сравненію съ хронографическими списками.

Выше я уже не разъ говорилъ, что Коломенскій типъ Палеи подвергаетъ сокращенію повѣствовательный текстъ какого-то хронографическаго списка, расширяетъ свою толковательную часть новыми статьями, а порою разбиваетъ цѣльный повѣствовательный текстъ для того, чтобы вставить въ него новыя толкованія. При томъ такое свободное отношеніе къ своему источнику я объяснялъ толковательными цѣлями этого памятника. Съ

*) Во время печатанія этихъ страницъ, въ февральской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр. г. Истринъ помѣстилъ статью, гдѣ между прочимъ разбираетъ первыя главы моего изслѣдованія о Толковой Палеѣ («Изъ области древне-русской литературы», стр. 225—241). Къ сожалѣнію, мой критикъ не захотѣлъ почему-то понять моей основной точки зрѣнія, а потому и ограничился однѣми придирками, а подчасъ даже вышучиваньемъ. Само собою, критика его нисколько не поколебала моихъ выводовъ; скажу даже болѣе: отсутствіе какихъ бы то ни было серьезныхъ возраженій со стороны такого знатока Толковой Палеи, какъ г. Истринъ, еще болѣе укрѣпило меня въ правотѣ моихъ выводовъ. Впрочемъ я не останусь въ долгу предъ г. Истринымъ: не желая вносить въ настоящую статью полемическаго азарта, я отвѣтъ свой г. Истрину выдѣляю въ отдѣльную статью и вышлю его на страницы того журнала, гдѣ помѣщена и рецензія на мою работу.

Digitized by Google

другой стороны, изъ IV гл. нашего изслѣдованія можно было видѣть, что личные домыслы компилятора протографа нашли себѣ свободный доступъ и въ Коломенскую Палею: въ ней читаются тѣ же вымышленныя рѣчи, тѣ же вымышленныя толкованія собственныхъ именъ. Однако въ этомъ отношеніи Коломенская Палея идетъ иногда значительно дальше по сравненію съ хронографическими списками. Послѣдніе, какъ мы видѣли, еще очень близки къ своему протографу, а потому въ нихъ совсѣмъ еще не затерлись слѣды этой кропотливой работы надъ многочисленными источниками: они довольно хорошо знаютъ, откуда и какіе источники пріобщены къ дѣлу, порою они даже называютъ свои источники и отдѣляютъ одинъ отъ другого киноварными буквами; къ тексту относятся болѣе или менѣе консервативно. Но компиляторъ Коломенскаго типа всячески старается затушевать это воспоминаніе о былыхъ источникахъ своего родоначальника: онъ не только сокращаетъ полный текстъ, но порою выхватываетъ обрывки фразъ изъ разныхъ источниковъ и облекаетъ потомъ ихъ въ нѣчто цѣльное и самостоятельное[1]). И если ученый изслѣдователь не приметъ во вниманіе хронографическихъ списковъ, то при случаѣ можетъ впасть въ заблужденіе, отнеся такой хаотическій наборъ фразъ на счетъ какого-либо новаго, неизвѣстнаго источника. Въ настоящей главѣ я и хочу указать на нѣкоторые такіе «мнимые» источники Коломенской Палеи, источники, которые при ближайшемъ сличеніи съ хронографическими списками должны быть отнесены на счетъ личныхъ передѣлокъ компилятора Коломенскаго типа. Для этого я остановлюсь довольно подробно на трехъ статьяхъ (объ Іосифѣ Прекрасномъ, о Лѣствицѣ Іакова и объ Авраамѣ), ибо, во 1-ыхъ, онѣ очень типичны для характеристики литературныхъ пріемовъ компилятора Коломенскаго типа, а во 2-ыхъ, непосредственные

1) Ниже мы увидимъ, что нашъ компиляторъ хорошо зналъ источники протографа и относился къ нимъ такъ либерально съ сознательными и умышленными цѣлями.

Digitized by Google

источники ихъ теперь болѣе, или менѣе изучены и опредѣлены. При случаѣ буду указывать на текстуальную близость Коломенской Палеи къ тому, или другому хронографическому списку.

Въ сущности говоря, весь разсказъ Коломенскаго списка объ Іосифѣ Прекрасномъ (столб. 336 *и далѣе*) можно было бы смѣло вывести изъ Погодинскаго списка (л. 99 *и далѣе*)[1]), если имѣть въ виду все сказанное мною о первомъ спискѣ. Такъ, напр., Колом. 336—346, 7 = Погод. (лл. 99—105 b) = Син. (лл. 111 a—118 d); Колом. 346, 7—350, 2 = Погод. (л. 105 b—106b), но въ Синод., какъ я уже сказалъ, этотъ текстъ не читается. Начиная съ 350,2 въ Коломенской Палеѣ идутъ громадныя сокращенія и передѣлки: она минуетъ весь текстъ Погод. (л. 106b—116) = Син. 118d—130c) и начинаетъ изложеніе такой фразой: иосифъ же рече по г҃лѣхъ тѣхъ повѣдасѧ братии своеи. Въ Погодинскомъ спискѣ (л. 116) эта фраза читается такимъ образомъ: и бы҃ по г҃лехь си^х. повѣдасѧ їѡси^е братїи своеи..., но въ Синодальномъ спискѣ (л. 130c) немного иначе: *И* бы҃ по г҃лѣхъ си^х поꙁнасѧ иѡсифъ со бра҃ею своею. Любопытно, что хотя Погодинскій и Синодальный списки немного и расходятся въ данномъ случаѣ (повѣдасѧ = поꙁнасѧ), однако въ обоихъ спискахъ сейчасъ же послѣ приведенныхъ фразъ слѣдуетъ толкованіе слова поꙁнасѧ (тако же и х҃с по въскр҃нїи поꙁнасѧ оуч҃нкомъ). Немного ниже (357, 17—21) и въ Коломенской Палеѣ приводится это толкованіе, при томъ ему предшествуетъ такая фраза: по г҃лалѣхъ сихъ. поꙁнаша ре҃ иосифа братиꙗ своꙗ. Такимъ образомъ, Коломенскій списокъ оправдываетъ текстъ и Погодинскаго и Синодальнаго списковъ. Нужно поэтому думать, что въ протографѣ приведенное мѣсто читалось немного полнѣй (*И* бы҃ по г҃лехь си^х.

1) Я говорю объ одномъ только Погодинскомъ спискѣ, ибо въ Синодальномъ спискѣ не читается то, что помѣщено въ Коломенской Палеѣ на столбц. 346, 7—350, 2 и въ Погодинскомъ спискѣ на лл. 105b—106b. Выпустилъ ли Синодальный списокъ этотъ текстъ умышленно, или Погодинскій и Коломенскій списки вставили его во имя толковательныхъ цѣлей, рѣшать не берусь; здѣсь возможенъ двоякій отвѣтъ. Скажу только, что Погодинскій списокъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи очень близокъ къ Синодальному списку.

Digitized by Google

повѣдасѧ Іωси° братїи своеи. и поꙁнаша иосифа братиꙗ своꙗ) и явилось оно, повидимому, результатомъ сліянія двухъ источниковъ: Ефрема Сирина и Бытія 45, 1. Однако возводить на основаніи этого текста Коломенскій типъ непосредственно къ протографу было бы слишкомъ рискованно, ибо, судя по толкованію, и первоначальная редакція Погодинскаго списка тоже имѣла слово «поꙁнасѧ» въ своей повѣствовательной части[1]).

Слѣдующій за этимъ текстъ Коломенской Палеи 350,4—356,2 (падъ же на вꙑи.... славꙑ обьꙗт мѧ) опять идетъ согласно съ хронографическими списками. Но дальше (356,2—358,19) приводится рѣчь Іосифа къ братьямъ, разбитая въ одномъ мѣстѣ (357,14—21) толкованіемъ, указаннымъ нами выше. Оказывается, что вся эта рѣчь склеена изъ нѣсколькихъ кусочковъ, безпорядочно выхваченныхъ изъ разныхъ мѣстъ хронографическаго списка. Такъ, весь текстъ Коломенскаго списка 356,4—357,8 (аꙁъ ѥсмь братъ вашь.... но паче радоуитесѧ) съ маленькими передѣлками и сокращеніями выхваченъ изъ Погодинскаго списка (л. 116) и Синодальнаго (л. 130с); источникъ этого текста, какъ показалъ г. Истринъ (Ж. М. Н. Пр., февр. 1904 г., стр. 276),— Ефремъ Сиринъ. Слѣдующая фраза (ꙗко аꙁъ держю скꙑпетръ в роукоу црⷭ҇тва ѥгоупьтьскаго) взята изъ той же рѣчи по Ефрему Сирину (скипетръ дръжа в рꙋцѣ. египе҃скаго црⷭ҇тва) = Пог. (л. 116) и Синод. (л. 131 а). Одна только фраза въ разбираемой рѣчи не находитъ себѣ оправданія въ хронографическихъ спискахъ (сь бо .є҃. гладнꙑхъ ѥще ѥсть), но она, равно и дальнѣйшій текстъ Коломенской Палеи 357,5—14 (нꙑнѣ же братиꙗ моꙗ... ни жатвꙑ) выхвачены изъ библейскаго текста 45,4—8, который приводится полностью какъ въ Погодинскомъ (л. 117 b), такъ и въ Синодальномъ (л. 132 с) спискахъ. Чтобы не было здѣсь никакого сомнѣнія, приведу этотъ послѣдній текстъ по Коломенскому и Погодинскому спискамъ.

---

1) Не забудемъ, что списки Погодинскаго типа относятся къ XVI в., а списки Коломенскаго типа къ XIV-му (Алекс.-Невскій).

Digitized by Google

Колом. сп.

нынѣ же братиꙗ моꙗ. никто же васъ да стоужить си о мнѣ. аꙁ бо мню ꙗко не вы мене продасте. но г҃ь оц҃а моѥго и вашь в гладъ сии. мню ꙗко и васъ дѣлѧ. скыпетръ цр҃тва преда ми. и еще оубо идоуть лѣта. в нѧже не будеть ни оратвы. ни жатвы.

См. прим. 3, 5 и 6 къ этому тексту.

Погод. сп.

И[1]) пристꙋпль Іѡси°.... н҃нѣ оубо не пецитє҃ (С.—печетесѧ). ни котораите на пꙋти. ни порокъ вы̀ бꙋди имь* ѿдасте мѧ сѣмо. на жизнь бо мѧ пꙋсти б҃ъ (С.—г҃ь) пре̑ вами. се̑ бо .в҃. е лѣ҃ на земли гла̑. и еще .е҃. лѣ҃ є҃ в нихъ* не бꙋдє҃ (Син. приб.—ни) ѡрати ни жати. б҃ъ бо пꙋсти мѧ пре̑ вами. оставити вамъ ѡстанѡ̑ на землю (Син.—ꙁемли). и прекормити вамь ѡставленіе велико. н҃нѣ оубо не вы̀ мене посласте сѣмо нъ б҃ъ. и створи мѧ ꙗко ѡц҃а фараѡнꙋ. и властелина всемꙋ домꙋ его. и кн҃зѧ всеи земли египе҃стѣи.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что приведенный текстъ Коломенской Палеи представляетъ собою довольно свободную и неудачную передѣлку библ. текста, при томъ фраза «скыпетръ цр҃тва преда ми» опять отсылаетъ насъ къ Ефрему Сирину (ꙗко аꙁъ держю... ѥгоупьтьскаго). Мотивъ этой передѣлки все

1) Въ Синодальномъ спискѣ буква *и* киноварная. Все начало текста (И пристꙋпль іѡсифь.... ѡбрадоваꙗ чт҃ьми) выпускаю, такъ какъ оно выхвачено изъ Ефрема Сирина. Такимъ образомъ, весь этотъ текстъ хронографическихъ списковъ является результатомъ сліянія двухъ источниковъ: Ефрема Сирина и Бытія 45,4—8. Впрочемъ библейскій текстъ подвергается здѣсь типичнымъ добавленіямъ: во 1-хъ, вставлена фраза изъ Бытія 45,24 (ни котораите на пꙋти) и во 2-хъ, вставлена, повидимому, отъ себя фраза «ни порокъ вы бꙋди имь*» въ объясненіе библейскаго текста. Эта вторая вставка представляетъ собою довольно неуклюжую попытку выразить ту мысль, которая въ Коломенской Палеѣ принимаетъ уже довольно округленную форму (не вы меня продали, но Господь).

Digitized by Google

тотъ же — толковательный, а потому и на рѣчь Іосифа въ Коломенской Палеѣ нужно смотрѣть, какъ на *толкованіе*.

Итакъ, весь текстъ Коломенскаго списка 356, 4 — 357, 14 выкроенъ изъ двухъ источниковъ (библейскій текстъ и Ефремъ Сиринъ), которые въ хронографическихъ спискахъ приводятся въ болѣе цѣльномъ видѣ. Такой же составной характеръ носитъ и слѣдующій текстъ Коломенской Палеи 357, 21—27 (въ же потщавшеся идѣте... ꙁемли ѥгоупестѣи): начало взято изъ Ефрема Сирина, а конецъ (створи бо и бъ̑..) изъ Бытія 45, 8. Вотъ параллельные тексты:

Колом. сп.	*Погод. сп.*[1]).
1) въı же потщавшеса идѣте ко оц̑ю вашему и с радостью повѣжте ѥму. живъ ѥсть с̑нъ твои иосифъ. сѣдить на прт̑лѣ.	ꙗко[ж] ркосте ѡц̑ю вашемѹ (С.—нашемѹ) первое. ꙗ̑ на горѣ̑ звѣремь побı̑енъ (С. — снѣденъ) бы̑ (С.—бы[ж]). тако пакы шѣше с радостїю рцѣте. ꙗковѹ ѡцю н̑шемѹ. живъ ѣ̑ с̑нъ твои ıѡси*. и прт̑вѹетъ сѣдить (С.—сѣ) на прт̑олѣ. скипетръ дръжа в рѹцѣ. египѣскаго црт̑ва.
2) створи бо и бъ̑ оц̑а фараоноу. и вьсеи ꙁемли ѥгоупестѣи.	н̑нѣ оубо не вı̑ мене посласте сѣмо нъ бъ̑ и створи ма ꙗко ѡц̑а фараѡнѹ. и властелина всемѹ домѹ его. и кн̑за всеи земли египѣстѣи.

Слѣдующій за этимъ текстъ Коломенской Палеи 357, 28—358, 19 опять сокращаетъ библейскій текстъ (Быт., 45, 9—24),

1) Синод. сп. (л. 130 d) текстъ этотъ начинаетъ съ кинов. буквы и кое-что прибавляетъ отъ себя, вѣроятно, для ясности (Но̑ идѣте...). Интересно здѣсь же отмѣтить для характеристики литературныхъ пріемовъ нѣкоторыя шероховатости Пог. сп.: въ одномъ случаѣ сказано «о̑цю вашемѹ», а въ другомъ — ѡцю н̑шемѹ; см. еще «побı̑енъ бы̑» вм. «снѣденъ бы̑».

Digitized by Google

который въ хронографическихъ спискахъ приводится полностью. Однако и въ этотъ текстъ Коломенская Палея (358, 1—3) умудряется вставить отрывокъ изъ той грамоты, которую написалъ будто бы Іосифъ къ своему отцу[1]). Вотъ параллельные тексты:

Колом. сп.	*Погод. сп.*
оч҃е мои иꙗкове· приди в радость ср҃ца моѥго. да оуꙁрю лице старости твоѥꙗ.	сице (С.—кин. б.) гл҃ть с҃нъ твои Іѡсифъ..... приди ѿ в радости ср҃ца твоего. да оузрю̀ лице анг҃льское твоеа старости.

Интересно здѣсь же отмѣтить, что Коломенская Палея въ библейскомъ повѣствовательномъ текстѣ къ слову «кола» прибавляетъ «четыреколеснаꙗ», чего нѣтъ въ хронографическихъ спискахъ. Вызвана эта прибавка, конечно, тѣмъ, что въ слѣдующемъ за повѣствовательнымъ текстомъ толкованіи говорится о четырехъ евангелистахъ, которые привели къ вѣрѣ «четвероконечную вселеную». Толкованіе это читается и въ хронографическихъ спискахъ.

Достаточно однако и разобранныхъ текстовъ для того, чтобы убѣдиться, насколько искалѣчена и перепутана въ спискахъ Коломенскаго типа вся статья объ Іосифѣ Прекрасномъ. Поэтому и представленный г. Истринымъ разборъ этой статьи (Ж. М. Н. Пр., 1904 г., февр. м., стр. 274—276) нужно считать сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Я перехожу теперь къ Лѣствицѣ Іакова, тоже разобранной подробно г. Истринымъ (ibid., стр. 272—274). Минуя здѣсь мелкія погрѣшности въ текстѣ[2]), я остановлюсь только на томъ

1) Грамота эта несомнѣнно вымышлена, какъ догадывается, кажется, и г. Истринъ: все содержаніе ея выхвачено изъ Ефрема Сирина.

2) Сравн., напр., неудачныя сокращенія и смѣшиванье 3-го лица съ первымъ, чего однако нѣтъ въ хроногр. спискахъ.

Digitized by Google

главномъ доводѣ, который на первый взглядъ мѣшаетъ намъ возвести Коломенскій типъ Палеи къ хронографическимъ спискамъ: въ послѣднихъ совсѣмъ не читается то, что помѣщено въ Коломенской Палеѣ 310, 23—314, 6 (раскаяться крѣпкыи.... не оскудѣють въ вѣкы). Чтобы выяснить себѣ происхожденіе этого дополнительнаго куска въ Коломенскомъ спискѣ, необходимо прежде всего прослѣдить общій планъ изложенія по хронографическимъ спискамъ.

Въ сущности говоря весь начальный текстъ Коломенской Палеи 306, 18—309, 7 (и се лѣствица..... на ср҃ци твоимъ) можно цѣликомъ вывести изъ Синодальнаго (лл. 100 c—102 a) и Погодинскаго (лл. 91 b—92 b) списковъ. Текстъ этотъ представляетъ собою повѣствовательную часть памятника (видѣніе Іаковомъ Лѣствицы), въ одномъ только мѣстѣ разбитую толкованіемъ (*Т*ако оубо є҃ разоумѣти.... нисхо҃ща ѡбрѣтає҃)[1]). Коломенская Палея, по своему обыкновенію, повѣствовательную часть то сокращаетъ, то передаетъ своими словами, но толковательную часть оставляетъ въ цѣлости и даже вставляетъ сюда два типичныхъ слова «родъ жидовьскыи».

Но вотъ является ангелъ и начинаетъ толковать Іакову видѣнный имъ сонъ (*Т*а҃ рє҃ ко мнѣ.... по племени твое). Теперь спрашивается, что представляетъ изъ себя это толкованіе ангела, будетъ-ли это повѣствовательная часть памятника, или толковательная? Несомнѣнно одно, что Синодальный списокъ на этотъ текстъ посмотрѣлъ, какъ на повѣствовательную часть, ибо немного ниже (л. 102 c) подвергаетъ ее въ свою очередь толкованію; другими словами, онъ толкуетъ, такъ сказать, толкованіе (начало: *Р*азоумѣи҃ жидовине како сказа гь҃). Все это толкованіе построено приблизительно по слѣдующему литературному шаблону: изъ повѣствовательнаго текста выхватываются отдѣльно

1) По странной случайности повѣствовательный текстъ послѣ этого толкованія (бѣ же стоуше....) ни въ Погод., ни въ Синод. спискахъ не отмѣчены киноварью. Такъ было, вѣроятно, и въ протографѣ.

Digitized by Google

слова ангела, прибавляются къ нимъ стереотипныя «а еже рече», а послѣ этого идетъ толкованіе этихъ словъ. Такимъ образомъ, разбираемый мною текстъ Синодальнаго списка я разбиваю на двѣ половины: первую половину (*Та*ⷱ҇ рⷱ҇ ко мнѣ.... по племени твоⷣ҇. = лл. 102 а—102 с) я считаю повѣствовательной частью памятника, вторую же половину (*Р*азоумѣиⷯ жидовине..... горѣ не видѧ̑ аг҃гли рече = лл. 102 с—106 а) я считаю толковательной частью памятника. Попробуемъ теперь выписать изъ толковательной части памятника (102 с—106 а) всѣ начальныя фразы толкованій, указывая параллельно къ нимъ соотвѣтствующія фразы повѣствовательнаго текста (102 а— 102 с):

Толковательная часть.	*Повѣствовательная часть.*
1) а (П.—*а* большое и кинов.) еⷯ рече аг҃гль ꙗко боудⷱ҇ цр҃ь ѿ ближниⷯ твоиⷯ....	въꙁвиⷣгнⷱ҇ вышнїи цр҃ѧ ѿ вноу҇ брата твоего исава....
2) *С*е же (П.—*А* еже) рⷱ҇ и се вѣдыи боу҇ їакове. ꙗко пришелци боу҇ть сѣмѧ твое на ꙁемли чюⷯи (П. — землю чюжю). в чюжю бо ꙁемлю вселишаⷭ҇ в неи. и ѡꙁлобѧⷭ҇ ꙗ работою и наложѧⷭ҇ на нѧ раны по всѧ дн҃и. (П. *приб.*—нъ ꙗзыкꙋ же рⷱ҇ емꙋ же поработаю҇ сꙋдить г҃ь).	вѣдыи боуди їаковѣ ꙗко пришелци боудоу҇ (П. — пришлець бꙋдеть) сѣмѧ твое на ꙁемли чюжⷣеи (П. — землю чюжꙋ). и ѡзлобѧⷭ҇ ꙗ работою. и наложѧⷭ҇ на нѧ раны по всѧ дн҃и. но ꙗꙁыкоу емоуⷯ поработаю҇ соудиⷭ҇ г҃ь.
3) *А*[1]) еже рⷱ҇ жены иⷯ родѧⷭ҇ по многоу. и потоⷨ поборⷱ҇ г҃ь по племѧни твоⷣ҇. ꙁнаменїи люты на створшаа имь рабо҇...	тогда жены иⷯ родѧⷭ҇ по многꙋ. и потомь поборⷱ҇ г҃ь по племени твоⷣ҇.
4[1]) а еⷯ рⷱ҇ хранилища иⷯ испо҇ни (П. — полныа) и (П.—	

1) Въ Погод. иной порядокъ: сначала № 4, а потомъ № 3.

опущ.) тщи (П.—тъщи) ѡбрѧщютсѧ....

5) *А* еже рⷱ҇е гады и всѣми смертными въскипе ꙁемьлѧ иⷯ. троуси и раꙁоренїа многа боудоу҇. егда дасть вышнїй соудъ мѣсто (П.—мѣстꙋ) томоу. иꙁведⷱ҇е сѣмѧ твое ѿ работы ꙗꙁыкь дръжавшиⷯ (П.—*приб.* -ꙗ) насилиемь. и гоньꙁноуть оукориꙁны врагъ своиⷯ. дасть бо г҃ь соу҇ и каꙁнь егꙋптѧномь. пⷭ҇а каꙁнеи еврѣискыⷯ. боудⷱ҇е же ц҃рь глава мщению. горцѣ въстанⷱ҇е на нѧ фараѡ҇. и (П.—бо рече) не млⷭ҇тивно искаше (П.—искашеть) погоубити иⷯ.

ти егда въстанⷱ҇е ц҃рь и соу҇ тогда боудⷱ҇е мѣстоу томоу. тогⷭ҇а иꙁыидⷱ҇е сѣмѧ твое їи҃ль. ѿ работы ꙗꙁыкъ державшиⷯ (П.—*приб.* -ꙗ) насилиемь. и гоньꙁноу҇ ѿ всѧкоѧ оукориꙁны врагъ твоихъ. ц҃рь бо тъ҇ ⷱ҇е глава всѧкомоу мщ҇нию (П.—кр҃щенїю). и ѿданиꙗ (П.—ѿданїе) пропировавши҇ вамъ їи҃лю и конець вѣка горци (П.—горцѣ) бо въстаноу҇ (П.—востанетъ).

6) *А* еⷤ рⷱ҇е въспиша и г҃ь оуслыша иⷯ...

въꙁопиють (П.—въпїютъ҇) же и оуслышить ꙗ г҃ь. и оумоленъ боудⷱ҇е...

7) *А* еже рⷱ҇е и тогда ꙗвитсѧ правда твоѧ ꙗкове. и дѣтеи (П.—дѣдъ) твоихъ (П. *приб.* -и) по тобѣ боудоущиⷯ. и ходѧщиⷯ въ твоеи правдѣ. и тогⷭ҇а сѣмѧ твое въстроуби (П.—въстрꙋбѧть) рогоⷨ. и погыбнⷱ҇е все црⷭ҇тво едеⷨ. со всѣми ꙗꙁыкы моавитⷭ҇скыми....

8) *А* еⷤ рⷱ҇е погыбнⷱ҇е все црⷭ҇тво едемьское (П.—едемль). со всѣми ꙗꙁыкы моавитьскыми.

9) а (П.—и) еⷤ рⷱ҇е ви҇ аг҃глы

аг҃гли восходѧщаа и нисхо҇щаѧ.

нисходаща и восходаща по лѣствици.

10) *А* еже ре҃ ѡ нем же преже҃ пришествїа его возвѣстать сн҃ве ваши. и дщери ваши....

11) *А* еже ре҃ юноша (П.—оуноше) ваши ви҃нїе вида҃ ѡ немь....

12) *А* еже ре҃ юнъ ꙗко старъ боуде҃...

13) *А* (П.—простое *а*) еже ре҃ оуныи па҃ старъ боуде҃...

14) *А* еже ре҃ тъ прїиде҃ чаемыи. его же стеѕа никым же ѡчютить҃...

15) а (П.—кин. и большая буква) еже ре҃ и (П.—из) сѣмени твое҃ корень процвететь цр҃ь....

16) *А* еже ре҃ ѡблакъ ѡсѣнаꙗи ѿ ꙁноꙗ весь миръ тогда поты во ꙁнои воꙁварениемь е҃ства ходаше҃ весь миръ...

17) *А* е҃ ре҃ в приходище (П.—прихѡ҃ же) е҃ телища. мѣденаꙗ и каменаꙗ иꙁваꙗниѧ гла҃ дада҃ по .г҃. дн҃и....

18) е҃ (П.—*А* еже) ре҃ ити мд҃рецемь и (П. *опущ.*) ѡне҃, и вѣсть въꙁдада҃ оувѣдѣти боудꙋщаꙗ на ꙁемли (П. *приб.* и ꙁвѣꙁдою до него нꙋть поꙁнають. хотащеи видѣти на ꙁемли)...

Digitized by Google

Разберемся теперь немного въ приведенныхъ параллеляхъ. Фраза Синодальнаго списка «а е҃ рече аг҃глъ» (см. примѣръ 1-й) ясно говоритъ, что нашъ компиляторъ намѣренъ приступить къ толкованію словъ ангела; это же доказываютъ и примѣры 2, 3, 6 и 9, гдѣ мы находимъ полное соотвѣтствіе между толковательнымъ и повѣствовательнымъ текстами. Но чѣмъ объяснить то обстоятельство, что всѣ остальные примѣры (за исключеніемъ пожалуй 5-го) въ толковательной части не находятъ себѣ оправданія въ повѣствовательной части, т. е. въ словахъ ангела? Есть полное основаніе думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ путаннымъ и искаженнымъ текстомъ. Обратимъ вниманіе на 5-ый примѣръ. Стоящіе здѣсь почти рядомъ два глагола употребляются въ разныхъ временахъ: одинъ — въ прошедшемъ времени (въскипе), а другой—въ будущемъ (троуси . . . боудоу҃). Такъ какъ здѣсь приводится предсказаніе ангела, то мы должны были бы ожидать будущаго времени въ обоихъ случаяхъ (земля «вскипитъ» гадами, на землѣ будутъ «трусы» и «разоренія»), но послѣ этого тѣ же глаголы должны были стоять въ прошедшемъ времени, какъ доказательство того, что слова ангела оправдались («вскипѣла» земля гадами, появились «трусы» и «разоренія»). По крайней мѣрѣ по такому плану построены всѣ толкованія Синодальнаго списка; таково хотя бы толкованіе 3-го примѣра, которое и воспроизведу здѣсь полностью по Синодальному списку (л. 103 а), подчеркивая для большей наглядности глаголы: *А* еже ре҃ жены и҃ род҃ѧ по многоу. и пото҃ поборе҃ г҃ь по племѧни твое҃. ꙁнаменїи люты на створшаа имь рабо҃. ражахоу бо жены жидовскыꙗ по мно҃ въ египтѣ. поборо же г҃ь по ни҃ .і҃. каꙁнїи на египе҃. Нужно поэтому думать, что глаголъ «въскипе» въ 5-й примѣръ попалъ по недоразумѣнію: онъ долженъ былъ относиться къ 3-му примѣру, какъ толкованіе словъ ангела, но не какъ собственныя слова ангела[1]). На этомъ основаніи я думаю,

1) 4-ый примѣръ попалъ въ толковательную часть памятника тоже по недоразумѣнію, какъ результатъ порчи 3-го примѣра. Типично въ Синодальномъ спискѣ слово «испо҃ни» (прошедшее время?) по сравненію съ Погодин. «полныа»; типична и перестановка 3-го и 4-го примѣровъ въ Погод. спискѣ.

Digitized by Google

что 3, 4, 5 и 6 примѣры когда-то представляли изъ себя одно цѣлое толкованіе, которое уже протографъ Толковой Палеи разбилъ на три самостоятельныхъ толкованія; я говорю о протографѣ, ибо трудно допустить, чтобы Погодинскій и Синодальный списки одинаково передѣлывали свой источникъ. Важно здѣсь же отмѣтить, что фраза въ толковательной части 3-го примѣра «ꙁнаменїи люты на створшаа имь рабо҃» совершенно отсутствуетъ въ повѣствовательной части: съ нея, вѣроятно, и начиналось это толковательное цѣлое, ибо и дальше идетъ рѣчь объ этихъ знаменіяхъ (голодъ въ Египтѣ и египетскія казни). Итакъ, уже съ третьяго примѣра начинается въ текстѣ путаница, вызванная тѣмъ обстоятельствомъ, что нашъ компиляторъ въ толковательномъ порывѣ сталъ толковать и толковательный текстъ на слова ангела. Въ результатѣ получилось то, чего и можно было ожидать: ангелу были приписаны такія слова, которыхъ онъ никогда и не говорилъ Іакову (примѣры 4, 7, 8, 10 и далѣе).

Обращаясь теперь къ Коломенской Палеѣ, мы видимъ, что и она въ словахъ ангела усмотрѣла повѣствовательную часть, а потому и стала безжалостно обрѣзать и калѣчить этотъ текстъ. Такъ, уже съ перваго же шага она дѣлаетъ такое сокращеніе, которое понять можно будетъ только на основаніи хронографическихъ списковъ. Вотъ это мѣсто по Коломенскому списку (309, 7—11) и по Синодальному списку (л. 102 а):

Колом. сп.	*Синод. № 210.*
лѣствица ѥже ѥси видѣлъ. а .в҃і. степени. времена вѣка того суть. а .к҃д. лици суть. цр҃и ꙗꙁыкъ беꙁаконьнаго вѣка.	*Та҃* ре҃ ко мнѣ. лѣствица ю҃ еси видѣ .в҃і. степени имоущю. кыижо҃ степень имоущь двѐ лице чл҃че (П.—лици чл҃чи). премѣнѧющи ꙁрака своє҃. *Лѣствица же* є҃ вѣкь сїи а .в҃і. степени времена вѣка сего

(П.—того) соу҃. а .к҃д. лиць соу҃ ц҃ри (П.—ц҃рь) наꙁы҃ беꙁаконны҃ (П.—безакон'наго) вѣка сего.

Здѣсь все говоритъ въ пользу первоначальности текста Синодальнаго списка: и киноварь, отдѣляющая два главныхъ періода, и ясность смысла. Но Коломенская Палея и здѣсь слила, такъ сказать, повѣствовательную и толковательную части въ одно цѣлое въ ущербъ всякому смыслу: упустивши толкованіе Лѣствицы, какъ вѣка, она однако говоритъ, что XII ступеней «времена вѣка того суть». Впрочемъ погрѣшность эта присуща, повидимому, одному только Коломенскому списку: остальные списки болѣе, или менѣе согласны съ хронографическими списками (см. прим. 4 на столб. 309). Однако текстъ Колом. 309, 22—310, 8 и въ этихъ спискахъ до такой степени искаженъ, что понять его можно только на основаніи Синодальнаго списка (л. 102 а), или Погодинскаго (л. 93). Слѣдующій текстъ Колом. 310, 8—16 опять таки цѣликомъ выхваченъ изъ хронографическихъ списковъ, но выпускается: ти єгда въстанѣ҃... и оумоленъ боудѣ҃; Колом. 310, 16—23 тоже читается цѣликомъ въ хронографическихъ спискахъ. Здѣсь кончается повѣствовательная часть хронографическихъ списковъ: дальше идетъ толкованіе словъ ангела. Здѣсь же начинается и дополнительный текстъ Коломенскаго списка (310, 23—314, 6).

Обращаясь теперь къ этому дополнительному тексту Коломенскаго списка, я бы попросилъ васъ, читатель, внимательно перечитать его и продумать: вы убѣдитесь, что въ немъ положительно нѣтъ никакого смысла. Объясняется это тѣмъ, что Коломенская Палея совершенно механически сокращала текстъ хронографическаго списка. Замѣтивши, вѣроятно, что хронографическій списокъ толкуетъ такія слова ангела, которыхъ нѣтъ въ текстѣ, Коломенскій списокъ и рѣшилъ всю эту толковательную часть своего источника обратить въ повѣствовательную. Для

Digitized by Google

этого примѣненъ былъ чрезвычайно простой и чисто механическій способъ: выпускались слова «а еже рече», а также и толкованія къ словамъ ангела. Съ этой точки зрѣнія весь дополнительный текстъ Коломенской Палеи (310,23—314,6) по отношенію къ толковательному тексту Синодальнаго списка (лл. 102c—106d) выразится въ такой параллели (буду приводить только начала и концы фразъ):

Синод. сп.	*Коломен. сп.*
a) и раскаѥтсѧ крѣпкыи... ...по племени твоеⷨ.	раскаѥтьсѧ крѣпкъıи..... ...по племени твоѥму.
b) *Раꙁоумѣи*ⷯ жидовине како скаꙁа г҃ь.... и вдасть имъ мѡу҆сїа и аарона.	выпущено, какъ толковательная часть, но помѣщено въ другомъ мѣстѣ.
c) *А* еже ре҃ жены... ꙁнаменїи люты на створшаа имь рабо҃.	ꙁнамени лютъı и великъı на створшаꙗ имъ работаху.
d) а еⷯ ре҃ хранилища иⷯ испо҃ни и тщи ѡбрѧщютсѧ.	хранилища ихъ полна тща обрѧщю҃ вина и всѧкого жита.
e) *А* еже ре҃ гады и всѣми... ....горцѣ въстане҃ на нѧ.	гады всѣми..... горцѣ встанеть на нѧ.
f) *А* еⷯ ре҃ въспиша и г҃ь оуслыша иⷯ..... воꙁвигне҃ гнѣвъ свои гордынею.	они же вꙁопиють и оуслыша ꙗ г҃ь..... вꙁдвигнеть горъдынею.
g) *А* еже ре҃ и тогда ꙗвитсѧ. правда.... ꙗꙁыкы моавит'скымы.	тогда же и ꙗвитьсѧ правда ....ꙗꙁыкъı моавитьскъıмъı.
h) а еⷯ ре҃ ви҃ аг҃глы... совокоупити нижнаꙗ со вышними.	*А* ѥже аг҃глы видѣ.... совокупити горнаꙗ с нижними.
i) *А* еже ре҃ ѡ нем же преже҃	ѹ нем же преже пришествиꙗ

Digitized by Google

пришествїа его воꙁвѣстать сн҃ве ваши. и дщери ваши.

ѥго вꙁвѣстать. сн҃ве и дщери ваши.

k) *А* еже ре҃ юноша ваши вн҃нїе вида҃ ѡ немь.

и оуноша ваша видѣниꙗ видать о немь.

l) боудоу҃ бо ре҃ ꙁнаменїа... повѣсть поу҃ е҃ (л. 104а).

будуть же ꙁнамениꙗ ....повѣсть путь е҃.

m) *А* еже ре҃ юнъ ꙗко старъ боуде҃.

оунъ акы старъ будеть.

n) *А* еже ре҃ тъ прїиде҃ чаемыи... ѡчютитъ҃.

и тогда придеть чаѥмыи... ...очютитьсѧ.

o) въ ржт҃во же его ꙁемлѧ восхвалишѧ нбн҃оую славоу въсприемши (л. 104 d).

тогда ꙁемлѧ въсхвалитьсѧ нбн҃ую славу восприимъши.

p) а еже ре҃ и сѣмени твое҃ корень процвететь цр҃ь (л. 104d) ....тъ бо гл҃а въсклонитсѧ и ѿвержеть власть ꙁлобамъ. и самь бы҃ странам҃ сп҃съ. и троужающимся покои (л. 105 а).

и и сѣмене твоѥго. процвететь корень цр҃ьскыи въыклонитъ҃. и ѿвержеть власть ꙁлобамъ. самъ же будеть странамъ сп҃съ и тружающимъсѧ покои.

r) *А* еже ре҃ ѡблакъ ѡсѣнаꙗи ѿ ꙁноꙗ... с вышними не имоу҃ совокоупити҃.

и облакъ осинаꙗ ѿ ꙁноѧ.... съ вышними совокупити҃.

s) *А* е҃ ре҃ в приходище е҃ телища. мѣденаꙗ и каменаꙗ иꙁваꙗниѧ гл҃а дада҃ по .г҃. дн҃и.

въ приходъ же его. тѣлища мѣденаꙗ каменаꙗ и всѧка иꙁваꙗниꙗ. гл҃а дадать. по три дн҃и.

t) е҃ ре҃ и ти мд҃рецемь и ѡнѣ҃, и вѣсть въꙁдада҃ оувѣдѣти боудꙋщаꙗ на ꙁемли. (П. *приб.* — и ꙁвѣꙁдою до него пꙋть поꙁнають. хотѧщеи вѣдѣти на ꙁемли). его҃ не вида҃ горѣ аг҃гли.

тоу мд҃рецемь онѣмь вѣсть вꙁдадать. и вѣдати бу҃дꙋща на ꙁемли и ꙁвѣꙁдою до него путь доправать. хотѧщи вѣдати на ꙁемли. ѥго же горѣ не видать аг҃гли.

Digitized by Google

и) Тогда оубо wбрѣтѣ вседержитель.... гм не ищѣлеѣ имь в вѣ (л. 106а).	тогъда обращетьсѧ вседержитель..... гѧже не и^{кѣ}лѣкть имъ въ вѣкы.....
х) и оугꙁвеномоу вса тварь поклонитсѧ и нань мноꙁи оуповати имоу̑ веꙁдѣ. по всѣ^{х} страна^{х} оувѣстьсѧ има ѥ̑ (л. 106с).	а гꙁвьному вса тварь поклонитьсѧ. и нань мноꙁи оуповати имуть. и вьсде жь во всѣхъ странахъ оувѣстьсѧ. поꙁнавшии^{х} има кго не постыдатьсѧ.
у) Се^{х} рѣ̑ тб̑ власти и самого лѣта не wскоудѣю̑ въ вѣ̑.	того же самого власть и лѣта не оскудѣють в вѣкы.

Приведенныя параллели намъ убѣдительно говорятъ, что Коломенская Палея ничего не прибавила лишняго отъ себя по сравненію съ хронографическими списками. Однако можно представить и еще два непосредственныхъ доказательствъ въ пользу того мнѣнія, что этотъ повѣствовательный текстъ Коломенскаго списка вышелъ путемъ сокращенія толковательнаго текста хронографическихъ списковъ: 1) выпуская такъ старательно слова «а еже», Коломенская Палея (и всѣ списки Коломенскаго типа) въ одномъ мѣстѣ (311, 19) оставила, вѣроятно, по недосмотру эти слова, благодаря чему ясно обнаружила самый способъ происхожденія разобраннаго дополнительнаго текста; 2) нѣкоторые списки Коломенскаго типа въ этомъ текстѣ обнаруживаютъ ясные слѣды болѣе полнаго матеріала (см. напр. примѣч. 19, 20, 23 и 25 къ столбцу 310 и примѣч. 5, особенно 6, и 7 къ столбцу 311).

На основаніи этихъ данныхъ мы имѣемъ теперь полное право заключить, что весь дополнительный текстъ Коломенской Палеи 310, 23—314, 6 вышелъ несомнѣнно изъ хронографическихъ списковъ, что въ основѣ этого текста лежала мысль обратить толковательную часть хронографическихъ списковъ въ повѣствовательную. Къ этой же мысли насъ приводитъ и то обстоятельство, что весь дальнѣйшій текстъ Колом. (314, 6—332, 15) цѣликомъ уже совпадаетъ съ толковательнымъ текстомъ

Digitized by Google

Синодальнаго списка (лл. 102 с—107 с); здѣсь уже воспроизводятся вполнѣ какъ слова «а еже», такъ и тѣ толкованія, которыя только сейчасъ подвергались такому безжалостному изгнанію. Такъ подъ рукою компилятора Коломенской Палеи обосложнился извѣстный апокрифъ о Лѣствицѣ Іакова. Такимъ образомъ, и въ этомъ пунктѣ мы капитально расходимся съ выводами г. Истрина.

Мнѣ остается теперь разобрать текстъ объ Авраамѣ. Для воспроизведенія литературной исторіи этого текста мы располагаемъ еще и кое-какимъ печатнымъ матеріаломъ. Такъ, апокрифическое Откровеніе Авраама въ полномъ и непереработанномъ видѣ напечатано Тихонравовымъ по Сильвестровскому сборнику XIV в. («Памят. отреч. рус. лит.», 1, стр. 32—53); имъ же напечатанъ этотъ апокрифъ и по списку Палеи Іосифо-Волоколамскаго монастыря № 549 (ibid., стр. 54—77). По списку Соловецкой Палеи № 653 этотъ апокрифъ напечатанъ Порфирьевымъ («Апокриф. сказ. о ветхо-зав. лиц. и соб.», стр. 111—130); нѣкоторыя дополненія объ этомъ текстѣ см. и у г. Истрина (Ж. М. Н. Пр., февр., 1904 г., стр. 260). Такимъ образомъ, это сравнительное богатство печатнаго матеріала позволитъ довольно обстоятельно повѣрить какъ мои общіе выводы по вопросу о протографѣ и его литературныхъ пріемахъ, такъ и частные выводы по поводу Коломенскаго типа Толковой Палеи. Сначала нѣкоторыя детали общаго свойства. Оказывается, что всѣ эти тексты въ общемъ очень близки другъ къ другу, но въ деталяхъ они иногда значительно расходятся: напр., въ употребленіи мѣстоименій. Сильвестровскій сборникъ вездѣ ведетъ рѣчь отъ 1-го лица (въ дн҃ь настьрꙁающю ми, и шедъ повѣдахъ ѻц҃ю и т. д.); Синодальный и Погодинскій списки въ этомъ отношеніи еще очень близки къ своему подлиннику и тоже вездѣ ведутъ рѣчь отъ 1-го лица, однако одно мѣсто Синодальнаго списка (л. 71 а — и сице авраамꙋ помыслѧющю. прїидо^{х} в дб҃ ѡц҃а моего) явно изобличаетъ неудачную передѣлку текста; близки къ подлиннику Волоколамскій и Коломенскій списки, но Соло-

Digitized by Google

вецкій списокъ вездѣ замѣняетъ первое лицо третьимъ. Нѣтъ, конечно, никакой надобности объяснять эти особенности текста тѣмъ, что каждый изъ компиляторовъ этихъ текстовъ, имѣя предъ собой какой-то списокъ Коломенскаго типа, въ тоже время пользовался и цѣльнымъ апокрифомъ [1]). Естественнѣй предположить, что уже протографъ Толковой Палеи (Синодальный и Погодинскій списки) началъ эту передѣлку, чѣмъ и проложилъ уже готовую дорожку для послѣдующихъ компиляторовъ. Другими словами, при рѣшеніи вопроса о редакціяхъ Толковой Палеи нельзя никоимъ образомъ упускать изъ виду *индивидуальныя черты* въ каждомъ спискѣ: черты эти сильно проглядываютъ какъ въ варіантахъ, приводимыхъ учениками Тихонравова, такъ и въ хронографическихъ спискахъ. Любопытно между прочимъ отмѣтить, что всѣ тексты, за исключеніемъ хронографическихъ списковъ, абсолютно сходятся въ одной маленькой передѣлкѣ. Я разумѣю начало рѣчи Авраама о лживости языческихъ боговъ (си же помысливъ Авраамъ прїиде къ ѡц҃у г҃лѧ. ѡч҃е Фара...); въ Синодальномъ и Погодинскомъ спискахъ рѣчь эта начинается такимъ образомъ: *И* р҃е всѧко ѡгнь.... Нужно поэтому думать, что во всѣхъ этихъ текстахъ произошла сознательная передѣлка текста, ибо они словомъ «рече» всегда обозначаютъ ссылку свою на источникъ повѣствованія. Передѣлка эта была присуща какому-то одному общему источнику Коломенскаго типа, включая сюда Волоколамскій и Соловецкій списки.

И еще одна маленькая деталь въ текстахъ объ Авраамѣ приводитъ насъ приблизительно къ той же самой градаціи списковъ. Авраамъ, усумнившись въ язычествѣ, свои мысли по этому поводу сталъ излагать передъ отцомъ: огонь, говорилъ онъ, сильнѣе языческихъ боговъ, но сильнѣе огня — вода, сильнѣе

1) Въ такомъ именно видѣ представляетъ себѣ этотъ вопросъ г. Истринъ (см. его «Замѣч. о составѣ Толковой Палеи», вып. 1-ый, стр. 15—26, а также «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1904 г., февр., стр. 260—261). Вполнѣ согласенъ съ г. Истринымъ, что нѣтъ никакихъ основаній возводить Соловецкій, Волоколамскій и Вяземскій списки въ особую редакцію.

Digitized by Google

воды—земля и т. д., а потому ни одна изъ этихъ стихій не можетъ называться богомъ. Передавая эту рѣчь, Синодальный списокъ сопровождаетъ ее иногда двойнымъ отрицаніемъ (ни того бм҃ъ не нарѣкѫ); въ томъ же духѣ составленъ текстъ и Соловецкаго списка. Всѣ же остальные тексты, включая сюда и Погодинскій списокъ, употребляютъ только одно отрицаніе, въ чемъ они вполнѣ сходятся съ Сильвестровскимъ сборникомъ. Однако есть нѣкоторое основаніе думать, что всѣ эти тексты отразили на себѣ вліяніе протографа Толковой Палеи, гдѣ употреблялось двойное отрицаніе, но не цѣльнаго апокрифа (Сильвестровскій сборникъ). Выпишемъ сначала интересующій насъ текстъ по Синодальному списку (л. 72 b—c) и Соловецкому списку (Порфир., стр. 116):

Синод. сп.	*Солов. сп.*
1) *объ отц:* но ни того бм҃ъ нарекѫ.	1) но ни того азъ богомъ не нареку.
2) *о водахъ:* но и тѣ[х] бм҃ъ не нарекѫ.	2) но ни тѣхъ азъ богомъ не нареку.
3) *о земли:* но ни тоую бм҃ъ не нарекѫ.	3) но азъ ни тоа богинею нареку.
4) *о солнцѣ:* но ни того бм҃ъ не нарѣкѫ.	4) но еще ни того богомъ нареку.
5) *о мѣсяцѣ и звѣздахъ:* ни пакы[ж] мц҃ь ни ꙁвѣꙁы бм҃ъ не нарекоу.	5) ни паки же мц҃а ни звѣзды бг҃омъ нареку.

Изъ этихъ выписокъ видно, что оба приведенные текста абсолютно пополняютъ другъ друга въ смыслѣ двойного отрицанія, при томъ гранью въ этомъ отношеніи служитъ 3-ій примѣръ: въ Соловецкомъ спискѣ до третьяго примѣра употребляется двойное отрицаніе, а въ Синодальномъ спискѣ — съ третьяго примѣра. Обратимъ однако вниманіе, что именно въ

Digitized by Google

третьемъ примѣрѣ Погодинскій списокъ ставитъ вмѣсто слова «бм҃ъ» слово «богыня»; такое же слово (бын҃ѧ) читается и во всѣхъ спискахъ Коломенскаго типа, за исключеніемъ списковъ К. С. Т. Т² (см. Колом. 248, 6 и примѣчаніе 6-е къ этому столбцу). Позволительно поэтому думать, что первоначально и въ третьемъ примѣрѣ стояло двойное отрицаніе (ни тоѧ б҃ы не нарекоу), что дало поводъ какому-то писцу слить два слова («б҃ы» и «не»)[1]) въ одно цѣлое и сдѣлать изъ него одно слово «бынѧ». Благодаря этому сліянію въ 3-мъ примѣрѣ получилось уже одно отрицаніе, что отразилось потомъ въ Соловецкомъ спискѣ и на послѣдующихъ примѣрахъ (4-й и 5-й). Такимъ образомъ, слово «б҃ынѧ» говоритъ, повидимому, за то, что уже въ протографѣ употреблялось двойное отрицаніе; за это же говорятъ Синод. и Солов. списки. Мелкія же разногласія указанныхъ текстовъ нужно было бы приписать на счетъ индивидуальностей списковъ.

Пока мы не видѣли никакихъ препятствій возвести всѣ указанные выше тексты объ Авраамѣ къ одному хронографическому списку. Если же мы теперь перейдемъ къ тексту Коломенской Палеи (246, 22 и далѣе), то легко убѣдимся, что такимъ спискомъ нужно признать Погодинскій № 1435, но не Синодальный. Дѣло въ томъ, что въ Синодальномъ спискѣ совершенно отсутствуетъ тотъ текстъ, который читается въ Коломенской Палеѣ на столб. 251, 23—258, 4. Но въ Погодинскомъ спискѣ (лл. 63—69) читается не только этотъ кусочекъ, но даже и весь текстъ, напечатанный Порфирьевымъ по Солов. Палеѣ (стр. 118—129)[2]).

Поэтому и здѣсь мнѣ придется пока оставить Коломенскій списокъ для того, чтобы выяснить себѣ происхожденіе этого

---

1) Въ Сильвестровскомъ сборникѣ фраза эта такъ читается: ни тоѧ бы҃ нареку (Тихонр., стр. 37).

2) И непосредственное сличеніе текстовъ объ Авраамѣ меня убѣдило въ несомнѣнной близости Погодинскаго и Коломенскаго списковъ. Выше я уже разбиралъ нѣкоторые примѣры большей полноты текстовъ Погодинскаго и Коломенскаго списковъ по сравненію съ Синодальнымъ. А здѣсь укажу нѣ-

Digitized by Google

лишняго кусочка по Погодинскому списку; для облегченія работы читателя при ссылкахъ на листы Погодинскаго списка буду указывать соотвѣтствующія страницы въ текстѣ, изданномъ Порфирьевымъ.

Приведемъ сначала интересующій насъ текстъ полностью по Погодинскому списку (л. 68 b.) = Порфир., стр. 129, разбивая его отъ себя на три части:

И рѐ емꙋ г҃ь изъ ѡблака гл҃ѧ, авраме. азъ есмь нбн҃ы^х и земны^х творець. азъ есмь многоименитыи и всемогыи. азъ есмь страшныи серафимѡ҃. и невидимыхь херꙋвимѡ҃. азъ есмь ѡсновавыи землю на тверди. и ѡбꙋз҃авыи море. азъ есмь свѧзавыи словомъ. ѿпа҃шаго славы моеа. азъ есмь рекыи ти въ ср҃ци запалити домь ѡц҃а твоѐ. зане чт҃ь творѧше мр҃твы҃. азъ есмь оуготовавыи ти землю. и направивь до неѧ пꙋ^т твои веселисѧ и ра҃оуисѧ ꙗко азъ с тобою есмь.

*А*врамь^ж слыша҃ реченаа к немꙋ. рѐ превѣчныи г҃и. да ноглеть рабъ твои прѐ тобою. и да не разгнѣваетсѧ ꙗрость твоа на мѧ. (л. 69) нъ р'ци ми г҃и на племѧ мое. что срѧщеть ꙗ в послѣднѧа дн҃и.

И бы҃ оубо гла҃ къ аврамꙋ гл҃ѧ. въстанѐ оубо моу^ж ѿ племе^н твоѐ. и мноѕи съблазнѧтсѧ ѡ немь. ѡн же ѡвы ѡсрами҃. ѡвы възнесе҃. поклон'шаасѧ емꙋ. ѿ ꙗзыкь мнози оуповаю҃ нань. ꙗко азъ посла^х. и да начнѐ расти правѐныи вѣкь. и потомь придѐ сꙋ^д

сколько примѣровъ разницы языка по Погод., Солов. и Колом. спискамъ, — съ одной стороны, и по Синод.—съ другой (самое начало текста объ Авраамѣ):

Погод.	*Синод.*
1) еже видѣ оу ѿца своего нахора..	еже видѣвъ ѿца своѐ нахора...
2) во мно҃ размышленіе вше҃.....	въ мноѕѣ недомысленіи бы҃...
3) и бози не имѣю҃ дш҃а в себѣ.....	бз҃и не имоуще в себѣ...
4) и нозѣ имꙋще не поидꙋть....	опущено.
5) бози^ж твои ижи҃заеми повинꙋютсѧ ѡгню...	бз҃и же жжеми повинꙋютсѧ ѡгню.

Ср. также замѣчаніе г. Истрина, что Синодальный списокъ въ разсказѣ объ Авраамѣ уклоняется отъ Коломенскаго сравнительно, напримѣръ, со спискомъ Погодинскимъ.

Digitized by Google

мои на проныривыа ꙗзыкы. племени твоего. наведꙋ въ дн҃и ѡны на всю тварь земнꙋю ꙗзвь. г҃. зломь и болѣзнїю и стенанїемь и горестїю дш҃амь и҃х. та҃ вса҃ да҃ имъ ꙗко разр҃ажат ма҃. и тог҃а бꙋдꙋть ѿ сѣмени твоего мꙋжи праведнїи и снабдими мною. тщаше҃ къ славѣ имени моего. и къ мѣстꙋ пре҃ оуготованꙋ имъ. и ѡ мнѣ възраꙋ҃ютсѧ пр҃но. и растлѧ҃ растлѣвшаа и҃х. и оукорѧть оукорившаа и҃х. и внег҃а оузрѧт' мѧ, и възраꙋ҃ютсѧ с лю҃ми моими. и прїимꙋ ѡбращающаасѧ ко мнѣ.

Еще Порфирьевъ высказался, что весь приведенный текстъ представляетъ собою «краткое повтореніе» предыдущаго текста (см. прим. на стр. 129); такъ же смотритъ на этотъ текстъ, кажется, и г. Истринъ («Замѣчаніе о составѣ Толковой Палеи», вып. 1, стр. 20—21).

И дѣйствительно, приведенный кусокъ Погодинскаго списка— краткое резюме изъ всего разсказа объ Авраамѣ (лл. 63 — 69), искусственно сшитые обрывки изъ этого разсказа. Такъ, все начало этого отрывка (*И* ре҃ емꙋ г҃ь... ꙗко азъ с тобою есмь) выхвачено изъ рѣчи ангела Іоиля къ тому же Аврааму (Пог., л. 63) = Порф., стр. 118. Для большей наглядности я приведу оба эти отрывка (рѣчь ангела и рѣчь Господа) параллельно:

Рѣчь ангела. (Погод., л. 63).	*Рѣчь Господа.* (Погод., л. 68 b).
Се҃ бо посланъ есмь к тебѣ оукрѣпити тебе. и бл҃ви тебе въ имѧ възлюбльшаго тѧ ба. творца нб҃ны҃х и земны҃х....	*И* ре҃ емꙋ г҃ь изъ ѡблака гл҃ѧ, авраме. азъ есмь нб҃ны҃х и земны҃х творець. азъ есмь многоименитыи и всемогыи. азъ есмь
*А*зъ есмь даныи по повелѣнію его. смѣрѧти херꙋвимьскы҃х животе҃ дрꙋгъ на дрꙋга прѣт'бы....	страшныи серафимѡ҃. и невидимыхь херꙋвимѡ҃. азъ есмь ѡсновавыи землю на тверди. и ѡбꙋза҃выи море. азъ есмь свѧзавыи словомъ ѿпа҃шаго славы
*А*зъ есмь оучиненыи держа-	

Digitized by Google

ти леоунафановь. ꙗко мною покорено е҆.

Азъ есмь повелѣвыи разрѣшити ада. и истлити дивѧщаасѧ мр҃твы҃. азъ есмь повелѣвыи запалити домь ѡц҃а твоего с нимь. зане часть (честь) творѧше мр҃твы҃. азъ есмь пѡсланыи к тебѣ нн҃ѣ бл҃вити тебе. и землю ю҃ оуготова к тебѣ. превѣчныи нареченыи тобою. и тебе ра҃ направи҃ пꙋ҃ земенъ. въстани авраме иди дерзаа. веселисѧ ѕѣло и възра҃уисѧ, и азъ с тобою....

моеа. азъ есмь рекыи ти въ ср҃ци запалити домь ѡц҃а твое҃. зане чть творѧше мр҃твы҃. азъ есмь оуготовавыи ти землю. и направивь до неѧ пꙋ҃ твои веселисѧ и ра҃уисѧ ꙗко азъ с тобою есмь.

Въ этомъ отрывкѣ слова ангела передѣланы въ слова самого Бога; кое-что прибавлено, повидимому, отъ себя.

Источникъ второго отрывка (Аврамь҃ слыша҃.... в послѣднѧа дн҃и) указанъ г. Истринымъ (Замѣч., стр. 21): см. фразы: «прежде вѣчне крѣпче. да погл҃етъ рабъ твои предъ тобою. еда не разгнѣвается ярость твоя на избранника твоего» (Порф., стр. 124); «и азъ скажу тебѣ что будетъ. и елико будетъ на послѣдняя дн҃и» (ibid., стр. 125) [1]). Фразы эти читаются и въ Погодинскомъ спискѣ.

Наконецъ, третій отрывокъ (И бы҃ оубо гл҃а.... ѡбращающаасѧ ко мн҃ѣ) выхваченъ тоже изъ предыдущей рѣчи Господа Аврааму; здѣсь совсѣмъ даже не нужно было передѣлывать лицъ, а потому и рѣчь эта вся почти цѣликомъ воспроизводится

1) Въ Пасхальной хроникѣ (Migne Patr., ser. gr., t. XCII, p. 176) въ разсказѣ о Мелхиседекѣ Авраамъ задаетъ Господу близкій къ этому вопросъ, но незачѣмъ, кажется, осложнять дѣло новыми источниками тамъ, гдѣ возможно все объяснить общимъ ходомъ изложенія.

Digitized by Google

вторично. Воспроизведу однако обѣ эти рѣчи (Пог., л. 68 а и л. 68 b) = Порф., стр. 128 и стр. 129:

Погод., л. 68 а.

... въ вторꙋю же на десѧт годинꙋ вѣка моегѡ скончанїа. въставлю моужа сего ѿ племени твоего, егож видѣ из людїи моих... и ꙗже видѣ ѿ сѣмени твоего. страны десныѧ. овы срамлѧющаго и бїющаⷭ. ѡвыи поклонѧющаⷭ емꙋ. мноѕи ѿ них съблазнѧтсѧ ѡ немь... прежда иж не начнѣ расти правѣныи вѣкь. прїидѣ сꙋдъ мои. на проныровавша ꙗзыкы. сѣмени твоего ѿлученыими мнѣ людми.

Въ дни ѡны наведꙋ на всю тварь земнꙋю. ꙗзвь .і҃. зломь и болѣзнїю. и стенанїемь горести дша их. елико наведꙋ на роды сꙋщих. не на члкы ѿ разгнѣванїа. и растлѣнїа тварї ихь. имиж разⷣражат мѧ. и тогда ѡставлени бꙋдꙋт ѿ сѣмени твоего. мꙋжи правдиви въ чисмени. снабдими мною тщашеⷭ къ славѣ имени моего. къ мѣстꙋ прежоуготовленомꙋ имъ. еж видѣ ѡпꙋстѣло въ ѡбразованїи... и ѡ мнѣ възⷣраують прⷭно.. и растлѧть растлѣвшаа их. и оукорѧт оукорившаа... внегда зрѣти имъ мене раⷣующаⷭ. раⷣую-

Погод., л. 68 b.

И бы оубо глаⷭ къ аврамꙋ глѧ. въстанѣ оубо моуж ѿ племен твоеⷭ. и мноѕи съблазнѧтсѧ ѡ немь. ѡн же ѡвы ѡсрамиⷮ. ѡвы възнесѣ. поклон'шаасѧ емꙋ. ѿ ꙗзыкь мнози оуповаю нань. ꙗко азъ послах. и да начнѣ расти правѣныи вѣкь. и потомь придѣ сꙋд мои на проныривыа ꙗзыки. племени твоего.

наведꙋ въ дни ѡны на всю тварь земнꙋю ꙗзвь. і҃. зломь и болѣзнїю и стенанїемь и горестїю дшамь их. та всѧ да имъ ꙗко разⷣражат мѧ. и тогда бꙋдꙋть ѿ сѣмени твоего мꙋжи праведнїи и снабдими мною. тщашеⷭ къ славѣ имени моего. и къ мѣстꙋ прежоуготованꙋ имъ. и ѡ мнѣ възраⷣуютсѧ прⷭно. и растлѧ растлѣвшаа их. оукорѧть оукорившаа их. и внегда оузрѧт' мѧ, и възраⷣуютсѧ с людми моими. и прїимꙋ ѡбращающаасѧ ко мнѣ.

Digitized by Google

щїимсѧ с лю҃ми моими. и прїемлющшимъ ѡбращающи҃ся ко мнѣ ѡбращенїемъ.

Такимъ образомъ, весь приведенный выше отрывокъ представляетъ собою такую же компилятивную передѣлку, какъ и рѣчь Господа къ Ною, разсказъ о купинѣ и т. д. (см. нашу 4-ю главу)[1]). Слѣдующее за этимъ толкованіе (см. Колом. 253,26—257,26) намъ даже прямо говоритъ, зачѣмъ понадобилось здѣсь такое свободное обращеніе съ источниками; оно объясняетъ приведенныя слова Господа такъ же, какъ объясняло слова ангела къ Іакову: возстанетъ мужъ отъ племени Авраама — это Сынъ Божій; многіе соблазнятся о немъ — это евреи, не познавшіе Христа; нѣкоторые осрамятся—это тѣ же евреи и т. д. Поэтому я совсѣмъ не согласенъ съ г. Истринымъ, который думаетъ, что здѣсь сліяніе словъ ангела Іоиля со словами Бога произошло въ этомъ текстѣ по невнимательности компилятора («Замѣч.», стр. 21): текстъ этотъ, какъ мы уже видѣли, передѣланъ былъ умышленно во имя толковательныхъ цѣлей.

Читалась ли эта передѣлка въ протографѣ Толковой Палеи? Думаю, что читалась, ибо Синодальный списокъ тоже имѣлъ, повидимому, предъ собой этотъ текстъ, но затѣмъ умышленно выпустилъ какъ его, такъ и все то, что очень мало подходило къ его хронографическимъ цѣлямъ. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить коротенькую замѣтку Синод. сп. (л. 80а) о томъ, какъ Авраамъ научился отъ архангела Гавріила всей премудрости въ теченіе шести мѣсяцевъ. Замѣтка эта, читаемая и въ Погод. сп. (л. 75b), несомнѣнно навѣяна общимъ содержаніемъ апокрифическаго «Откровенія» и намѣчала, вѣроятно, главную точку опоры для какого-либо толкованія. Не имѣетъ-ли эта за-

1) Текстъ этотъ, какъ и можно было ожидать, совсѣмъ не читается въ Сильвестров. сборникѣ, изъ котораго Тихонравовъ издалъ Откровеніе Авраама.

Digitized by Google

нѣтка связи съ разсказомъ о явленіи архангела Гавріила Моисею (см. гл. IV нашего изслѣдованія)? Въ такомъ случаѣ для насъ была бы совершенно понятна и замѣна имени Іоиля другимъ именемъ Гавріила: она лишній разъ подчеркиваетъ прообразовательное значеніе архангела Гавріила въ ветхо-завѣтныхъ событіяхъ. Во всякомъ случаѣ разобранный текстъ намъ убѣдительно говоритъ, что онъ составленъ былъ не компиляторомъ Коломенской Палеи, а компиляторомъ протографа.

Я нарочно подробно разобралъ дополнительный текстъ объ Авраамѣ, ибо по поводу этого текста Тихонравовъ высказалъ такія положенія, съ которыми теперь трудно было бы согласиться. Какъ извѣстно, Тихонравовъ думаетъ, что Коломенская Палея помѣстила у себя этотъ отрывокъ изъ книги Іаковичи, на которую будто бы она ссылается (*Се* написано исъ книгъ иже соуть иѣковичи — 251,23); ссылки этой въ хронографическихъ спискахъ нѣтъ. На этомъ, вѣроятно, основаніи Тихонравовъ и утверждаетъ, что въ Коломенской Палеѣ не читается отреченное «Откровеніе Авраама» (см. прим., стр. 20 и 41). Но мы уже видѣли, что весь текстъ Коломенскаго списка 251,23—258,4 читается и въ Погодинскомъ спискѣ; мы уже видѣли, что и построенъ онъ былъ на основаніи апокрифическаго «Откровенія». Но теперь можно было бы неоспоримо доказать, что и весь текстъ Коломенскаго списка объ Авраамѣ произошелъ несомнѣнно изъ какого-то болѣе полнаго списка, вродѣ Погодинскаго. А если это такъ, то и многіе отрывки изъ этого текста (напр., размышленіе Авраама о лживости языческихъ боговъ) должны быть отнесены на счетъ этого источника, т. е. апокрифа. Въ такомъ случаѣ фразу Коломенскаго списка «се написано исъ книгъ иже соуть иѣковичи» нужно толковать не въ смыслѣ новаго источника даннаго текста, а въ

1) См. Сочин. Тихонравова, т. I, дополн., стр. 121. Опираясь, вѣроятно, на это свидѣтельство Коломенской Палеи, Тихонравовъ въ другой своей работѣ («Пам. отр. русск. литер.», т. 1, стр. II) въ числѣ древне-русскихъ ложныхъ и отреченныхъ книгъ помѣщаетъ и «12 Іаковичъ».

Digitized by Google

смыслѣ, такъ сказать, общаго заглавія для дальнѣйшихъ статей. Этой фразой компиляторъ хочетъ сказать, что онъ переходитъ теперь къ схематическому изложенію исторіи Іаковичей, т. е. потомства Іакова, что онъ хочетъ теперь прослѣдить судьбу этого потомства въ связи съ предсказаніями Господа. Другими словами, нашъ компиляторъ этимъ заглавіемъ пытается систематизировать, связать опредѣленной идеей весь свой дальнѣйшій текстъ объ Іаковѣ, о его сыновьяхъ и завѣты 12 патріарховъ. Какъ мы увидимъ немного ниже, этой ученой систематизаціей была вызвана и нѣкоторая перестановка завѣтовъ 12-ти патріарховъ. Конечно, заглавіе это не вполнѣ удачно, однако и самую внѣшнюю форму его можно было бы объяснить абсолютной зависимостью его отъ какого-то хронографическаго списка: см. кинов. заглавіе Погодинскаго списка объ Авраамѣ (л. 59b): ѿселе пише книгы, ѡ аврамѣ; таковое же заглавіе (л. 98b): бытїа исавла исаковича. Отсюда и заглавіе Коломенской Палеи: книгы иже соуть иаковичи.

Такимъ образомъ, я положительно не вижу никакихъ препятствій возвести разобранныя три статьи Коломенскаго списка къ какому-либо хронографическому списку, вродѣ Погодинскаго. Не нужно только упускать изъ виду, что статьи эти представляютъ собою уже *позднѣйшую* стадію въ литературной исторіи Толковой Палеи.

VI.

Дѣйствительные случаи полноты Коломенской Палеи по сравненію съ хронографическими списками.

Чтобы покончить съ анализомъ Коломенской Палеи, въ настоящей главѣ я остановлюсь на такихъ случаяхъ, когда она вноситъ въ свой текстъ дѣйствительно нѣчто новое по сравненію съ хронографическими списками. Разбирать всѣ такіе случаи я,

Digitized by Google

конечно, не буду; да и врядъ-ли въ настоящее время можно было бы опредѣлить ихъ безошибочно; однако кое-что изъ этого и теперь можно было бы подвергнуть разсмотрѣнію.

Ничто не мѣшало бы намъ текстъ Коломенской Палеи 363, 13—19 возвести цѣликомъ къ Погодинскому списку (л. 120b—121a), если бы не фраза «манасиꙗ. иже толкуетъ ꙁабъвение. или покровение», фраза, которая отсутствуетъ въ двухъ упомянутыхъ хронографическихъ спискахъ. Какъ мы должны смотрѣть на эту фразу? Явилась-ли она въ Коломенской Палеѣ путемъ вставки, или, можетъ быть, она читалась и въ протографѣ, изъ котораго Погодинскій и Синодальный списки выпустили у себя, какъ не идущую къ дѣлу. Мнѣ кажется, что здѣсь возможно одно только объясненіе въ смыслѣ вставки.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что съ этой лишней фразой связанъ въ Коломенской Палеѣ и кое-какой другой лишній текстъ, а также перестановка и передѣлка кое-какого текста. Такъ сейчасъ же послѣ этого повѣствовательнаго текста въ Коломенской Палеѣ идетъ толкованіе (364,7—20), которое тоже не читается въ хронографическихъ спискахъ. Остановимся немного на сопоставленіи этого новаго толкованія (Колом. 364, 7—20) съ предыдущимъ повѣствовательнымъ текстомъ (363,13—364,7). Послѣдній несомнѣнно произошелъ изъ Бытія 48,1—22, каковой библейскій текстъ въ хронографическихъ спискахъ, по обыкновенію, значительно полнѣй; Коломенская Палея, тоже по обыкновенію, сократила его, но за то сдѣлала и нѣкоторыя типичныя добавленія въ цѣляхъ толковательныхъ. Такъ, напр., здѣсь мы читаемъ такую фразу: иꙗковъ же преминувъ роуцѣ крт҃ообраꙁно. Слова «крт҃ообраꙁно» нѣтъ ни въ библейскомъ текстѣ, ни въ хронографическихъ спискахъ. Естественно поэтому думать, что въ Коломенской Палеѣ оно было вставлено для того, чтобы въ новомъ толкованіи сказать, что Іисусъ Христосъ «роуцѣ бо крт҃ообраꙁно преложи». Или фраза Іакова «братъ его мнии. болии его боудетъ» въ новомъ толкованіи объясняется словами «послѣднии ꙁаконъ болии перьваго ѥсть». Отсюда яв-

Digitized by Google

ляется прямой выводъ, что всѣ эти передѣлки и добавленія въ повѣствовательной части Коломенскаго списка вызваны были желаніемъ внести новое толкованіе. По тѣмъ же мотивамъ было внесено въ повѣствовательный текстъ и толкованіе имени Манассіи[1]). Почему компиляторъ счелъ нужнымъ толковать одно только имя Манассіи, между тѣмъ какъ стоящее рядомъ съ нимъ имя Ефрема осталось не истолкованнымъ? Конечно, только потому, что имя Ефрема не давало ему никакой пищи для толкованія. Откуда могъ взять компиляторъ это двойное толкованіе имени Манассіи? Не вижу надобности прибѣгать къ теоріи о недошедшемъ до насъ славянскомъ переводѣ какого-либо греческаго словаря: вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ личнымъ домысломъ компилятора. Происхожденіе толкованія имени Манассіи можно было бы объяснить такимъ образомъ. Источникъ перваго толкованія (ꙁабъвение) см. Бытія, 41, 51: нарече же Іωсифъ има первенцꙋ Манассїа, глагола: ꙗко забыти мнѣ сотвори Бг̃ъ вса болѣзни моа. Очевидно, что этотъ текстъ нашимъ компиляторомъ былъ истолкованъ въ данномъ случаѣ примѣнительно къ общему ходу изложенія (Іаковъ умышленно за-

1) Тихонравовъ (т. I, прим., стр. 44—45) находитъ сходство между этимъ мѣстомъ Коломенской Палеи и соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ Словѣ Иларіона. По моему мнѣнію, сходство это слишкомъ проблематично: 1) въ Словѣ Иларіона совершенно отсутствуетъ толкованіе имени Манассіи, 2) и самые исходные пункты толкованій въ Коломенской Палеѣ и Словѣ разные: Слово развиваетъ ту мысль, что благословеніе Манассіи сбылось на іудѣяхъ, а Ефремово — на христіанахъ, что первое являетъ собою законъ, а второе — благодать, но Коломенская Палея толкуетъ это благословеніе только въ томъ смыслѣ, что «послѣдніи ꙁаконъ болши перьваго ѥсть». Къ тому же у Иларіона какъ библейскій текстъ, такъ и толкованія его значительно полнѣе, чѣмъ въ Коломенской Палеѣ. Любопытно, что эта сравнительная полнота библейскаго текста Слова находитъ себѣ оправданіе въ хронографическихъ спискахъ. Всѣ остальные пункты согласій, указанные Тихонравовымъ, съ одинаковымъ, если не съ большимъ, правомъ могутъ быть примѣнены и къ хронографическимъ спискамъ. Правда, между Словомъ и Коломенской Палеей замѣчается нѣкоторое сходство въ смыслѣ древности языка, но и это сходство для насъ совсѣмъ не существенно; объ этомъ впрочемъ скажемъ мы ниже. Словомъ Иларіона я пользовался по списку, изданному А. И. Соболевскимъ («Чт. въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп.», кн. 2, 1888 г., отд. II, стр. 45—58) и по списку, изданному В. И. Срезневскимъ («Мус.-Пушк. сбор.», 1893 г., стр. 32—63).

Digitized by Google

былъ положить правую руку на Манассію). Второе толкованіе (покровение) можно было бы объяснить такой догадкой. Какъ извѣстно, Іаковъ (Быт., 48, 5) передаетъ такія слова Господа къ себѣ: Нн҃ѣ оубо два сыны твоѧ... Ефремъ и Манассіа, аки Рꙋвимъ и Сѵ҃меѡнъ бꙋдꙋтъ Мнѣ. Эти параллели (Ефремъ=Рувимъ, Манассія=Симеонъ) и дали, вѣроятно, нашему компилятору исходную точку для второго толкованія имени Манассіи. Слово Рувимъ, какъ мы уже видѣли выше, было истолковано, какъ «видѣнїа с҃нъ»; въ такомъ случаѣ слово Симеонъ въ силу контраста можно было бы истолковать, какъ «покровение». Но немного выше Коломенскій спискоъ (332,25—27) согласно съ хронографическими списками слово Симеонъ истолковалъ, какъ «послоушанье». Столкнувшись теперь съ возможностью иного толкованія этого имени, онъ на столб. 367,14—15 (вымышленный Завѣтъ Іакова къ Симеону) дѣлаетъ одну типичную подправку: вм. фразы Синодальнаго списка (л. 138b) «ты послꙋшливъ в ꙁаповѣде҃ ѡц҃а своєго» ставитъ совсѣмъ непонятное «ты послушаи. в ꙁаповѣдехъ оц҃а твоѥго». Поэтому я думаю, что возможность новаго толкованія имени Симеона вызвала эту неудачную подправку текста въ Коломенской Палеѣ. Однако это нисколько не помѣшало за параллелью имени Симеона (Манассія) оставить толкованіе «покровение».

Слѣдя и дальше за текстомъ Коломенской Палеи, мы видимъ, что съ этими передѣлками въ ней тѣсно связана перестановка и передѣлка Завѣта Іосифа. Еще Тихонравовъ замѣтилъ, что редакторъ Коломенскаго типа Палеи «измѣнилъ порядокъ «Завѣтовъ», предпославши завѣщаніе Іосифа всѣмъ остальнымъ и связавши его съ смертію Іакова» («Пам. отр. р. лит.», т. I, прим. на стр. 145). Дѣйствительно, въ Коломенской Палеѣ послѣ книги Бытія 50, 23, прерванной на полу-словѣ, помѣщенъ сейчасъ же Завѣтъ Іосифа (390,6—393,8)[1]). По сравненію съ хро-

1) Въ напечатанномъ Тихонравовымъ Завѣтѣ Іосифа по сп. Александро-Невскому все начало текста (По сем же.....сн҃ы рода махѣровы) на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого отношенія къ этому памятнику.

Digitized by Google

нографическими списками (Син. л. 146a—b) Коломенская Палея совершенно выпустила библейскій текстъ Бытія 50,24—26, но въ замѣнъ этого вставила вымышленный свой текстъ (390,6—20). Остальной текстъ (390,20—393,8) можно смѣло возвести къ полной редакціи, если принять во вниманіе сокращенія, передѣлки и неудачную киноварь Коломенскаго списка (ср. Тихонр. стр. 222—223). Очевидно, что такая передѣлка и перетасовка текстовъ понадобилась только для того, чтобы связать Завѣтъ Іосифа съ именами Ефрема и Манассіи (Бытія, 50, 23).

Такимъ образомъ, толкованіе имени Манассіи было вызвано желаніемъ внести новое толкованіе, а это новое толкованіе въ свою очередь вызвало подправку и перестановку другихъ текстовъ, связанныхъ съ нимъ. Другими словами, и здѣсь мы замѣчаемъ одно и то же явленіе: Коломенская Палея по сравненію съ хронографическими списками идетъ значительно дальше въ смыслѣ ученой систематизаціи и разработки наличнаго матеріала.

Я остановлюсь теперь на второмъ случаѣ полноты Коломенской Палеи по сравненію съ хронографическими списками. Въ одномъ мѣстѣ о Моисеѣ текстъ Коломенской Палеи (475,19—476,8) читается немного подробнѣй, чѣмъ текстъ Погодинскаго списка (л. 165). Приведу сначала оба эти текста параллельно, отмѣчая въ скобкахъ лишнее мѣсто въ Коломенской Палеѣ.

Колом. Палея.	*Погод. сп.=Синод. л. 190а.*
Ре҃ же ѥгюпьтьскꙑи фараонъ. не люблѧше ꙗко множашесѧ и҃зль. [повелѣ топити дѣти и҃злвꙑ. аще родитъ҃ кдѣ мужескъ полъ и топиша .г҃. мц҃и. ины стра҃ю ѿ ѥгюпта. но бещисла падоша] и того ради изволи г҃ь. да не токмо ѥдинѣхъ ѥгюптѧнъ [възненавидѣти но и	Цр҃ь же египетьскїи фараѡнъ не люблѧше҃ (С.—люблѧше), ꙗко множитсѧ ї҃иль. и того ради изволи б҃ъ. да не токмо единѣх египтѧнъ и (С.—*опущ.*) възвратити҃ хотѣша

бо҃въ ихъ. аще бо ти и толика пострадавъше ѿ єгюптанъ]. и въ҃звратитися хотѣвше. въ єгюпетъ что же не бѣша створили си. но акы вражду. сплѣтаа имъ вл҃ка. и на ѡбѣтованную въводитъ.

(С.—хоташе) въ египетъ. что не бѣша створили (С. *приб.*—едини) си. нъ акы враж҃ду сплѣтаа имъ вл҃ка. и на ѡбѣтованн҃ую вводить.

Итакъ, въ данномъ случаѣ Коломенскій списокъ полнѣе хронографическихъ списковъ какъ въ повѣствовательной части (повелѣ топити.... бещисла падоша), такъ и въ толковательной (въ҃ненавидѣти... пострадавъше ѿ єгюптанъ)[1]). Кажется, ни одинъ отдѣлъ Коломенской Палеи не подвергся такой капитальной передѣлкѣ, какъ отдѣлъ о Моисеѣ. Къ сожалѣнію, повѣствовательный текстъ Коломенской Палеи обыкновенно до такой степени сильно урѣзывается и сокращается, что на основаніи его иногда очень трудно выяснить непосредственный источникъ той, или другой вставки[2]). За то толковательная часть этого памятника сможетъ намъ всегда отвѣтить, *зачѣмъ* былъ приведенъ тотъ, или другой повѣствовательный текстъ, чѣмъ были вызваны тѣ, или другія передѣлки, сокращенія и дополненія текста. А это обстоятельство косвеннымъ образомъ подтверждаетъ ту мысль, что компиляторъ Коломенскаго типа Палеи при случаѣ расширяетъ свой текстъ вставками изъ какихъ-то новыхъ источниковъ. Слѣдуя однако своей теоріи, разберемся сначала въ соотвѣтствующемъ текстѣ хронографическихъ списковъ.

---

1) Это мѣсто, равно какъ и все толкованіе, повидимому, взято изъ Ѳеодоритова толкованія (См. статью г. Истрина «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи», помѣщ. въ Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1897 г., кн. 4, стр. 847); однако фраза какъ Коломенской Палеи, такъ и хронографическихъ списковъ «но акы вражду. сплѣтаа имъ вл҃ка. и на обѣтованную въводитъ» отсутствуетъ въ греческомъ текстѣ.

2) Для выясненія этого вопроса въ слѣдующей главѣ своего изслѣдованія мы прибѣгнемъ еще къ тремъ новымъ спискамъ Толковой Палеи, спискамъ, которые только недавно были пріобщены къ дѣлу г.г. Истринымъ и Шахматовымъ.

Digitized by Google

Приведенный выше текстъ въ хронографическихъ спискахъ идетъ послѣ разсказа о томъ, какъ еврейскія бабки, «оубоꙗвшисѧ бг҃а», отказались исполнять требованіе египетскаго фараона «оубивати младенца. а дрꙋгыꙗ вмѣтати в рѣкоу». Текстъ этотъ вполнѣ сходится съ апокрифическимъ Исходомъ, напечатаннымъ Тихонравовымъ (стр. 234); однако фраза «и того ради... ѡбѣтованнꙋю вводить» въ упомянутомъ апокрифѣ не читается [1]). Нужно поэтому думать, что эта фраза была умышленно вставлена компиляторомъ протографа, что она должна представлять собою нѣчто вродѣ толкованія, нѣчто вродѣ коротенькой замѣтки, въ основѣ которой лежало желаніе осмыслить данный повѣствовательный текстъ. Къ сожалѣнію, замѣтку эту въ настоящемъ ея видѣ очень трудно понять, но она, кажется, пытается связать единой идеей два событія: избіеніе еврейскихъ дѣтей и исходъ евреевъ изъ Египта. А если это такъ, то приблизительный смыслъ ея будетъ таковъ: Богъ въ началѣ хотѣлъ, чтобы и египтяне благополучно возвратились въ Египетъ, и евреи достигли обѣтованной земли, однако вражда египтянъ къ евреямъ погубила первыхъ. Въ такомъ случаѣ двойное употребленіе буквы *и* здѣсь прямо таки необходимо (*и* въꙁвратити̑... *и* на ѡбѣтованнꙋю вводить): въ первомъ случаѣ эта буква должна относиться къ египтянамъ, а во второмъ къ евреямъ [2]). Такимъ образомъ, по отношенію къ египтянамъ здѣсь выставлены два тезиса: 1) Богъ въ началѣ не хотѣлъ допустить погибели египтянъ и фараона и 2) Богъ допустилъ эту погибель по винѣ самихъ же египтянъ. Первый тезисъ подтверждается какъ предыдущимъ повѣствовательнымъ текстомъ (еврейскія бабки, убоявшись Бога, отказались исполнить безумный приказъ фараона), такъ и послѣдующимъ (ангелы чудеснымъ образомъ спасали

1) Я говорилъ уже, что эта фраза взята изъ Ѳеодоритова толкованія; на основаніи работы г. Истрина можно заключить, что Коломенская Палея этотъ свой источникъ воспроизводитъ полнѣй, чѣмъ хронографическіе списки.

3) Синод. сп. первое *и* выпустилъ, но Погод., а также списки А. К. С. Я. (см. прим. 11 къ столбцу 476), представляютъ наиболѣе правильный текстъ.

Digitized by Google

еврейскихъ дѣтей). Второй тезисъ тоже находитъ свое развитіе въ повѣствовательной части (фараонъ вопреки волѣ Божіей все-таки сталъ проливать кровь невинныхъ еврейскихъ дѣтей).

Какъ бы не была загадочна эта коротенькая замѣтка хронографическихъ списковъ, однако нужно думать, что именно въ такомъ видѣ она читалась и въ протографѣ Толковой Палеи. Въ такомъ случаѣ лишній текстъ Коломенскаго списка (възненавидѣти... ѿ єгиптанъ) нужно объяснять въ смыслѣ послѣдующей вставки. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что какъ ни безсмысленна сама по себѣ эта вставка, тѣмъ не менѣе она несомнѣнно связана съ предыдущимъ повѣствовательнымъ текстомъ (повелѣ топити... падоша): въ повѣствовательной части еврейскія дѣти погибали «ины страю ѿ єгипта», въ толковательной части «и толика пострадавъше ѿ єгиптанъ». Понимать этотъ вставочный кусочекъ я совершенно отказываюсь, но, кажется, здѣсь вся мысль вертится на ненависти (евреевъ?) къ египтянамъ и ихъ богамъ въ виду того, что еврейскія дѣти «бещисла падоша»[1]). Очевидно, что компиляторъ Коломенской Палеи, не понявши коротенькой замѣтки своего источника, внесъ ее, по обыкновенію, цѣликомъ со своими добавленіями, перенеся центръ тяжести своего толкованія на разсказъ объ избіеніи еврейскихъ дѣтей. Не трудно теперь видѣть, что эти новыя добавленія въ повѣствовательный и толковательный тексты совершенно парализуютъ весь смыслъ стараго, хронографическаго толкованія: Коломенская Палея развиваетъ только второй тезисъ мысли (объ избіеніи еврейскихъ дѣтей), но первый тезисъ совершенно забываетъ.

Важно здѣсь же отмѣтить, что съ этими вставками Коломенской Палеи тѣсно связаны и еще двѣ вставки (493,1—6 и 493,26—494,4), которыя тоже не читаются въ хронографическихъ спискахъ.

---

1) Смыслъ какъ этой вставки, такъ и хронографической, отчасти раскрывается на основаніи кн. Каафъ (см. 18-ый Ѳеодоритовъ вопросо-отвѣтъ, стр. 847—848 «Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, кн. 4, 1897 г.).

Digitized by Google

Первая вставка представляетъ собою отрывокъ изъ цѣльнаго текста (492,1—493,26), который имѣетъ цѣлью истолковать 10 казней египетскихъ. Нужно замѣтить, что уже въ Погодинскомъ спискѣ (л. 172) читается то толкованіе, которое помѣщено въ Коломенскомъ спискѣ на ст. 492,1—27 (*С*мотри же... не въꙁмогоша) [1]). Такъ вотъ это толкованіе, помѣщенное въ Погодинскомъ спискѣ кстати и совсѣмъ по другому поводу, Коломенская Палея вздумала обратить въ толкованіе первой казни; затѣмъ прибавила отъ себя неудачное толкованіе второй казни (параллель между жабами и маленькими дѣтьми); дальше, повидимому, творчество нашего компилятора истощилось и онъ ограничился однимъ только самымъ коротенькимъ перечисленіемъ остальныхъ египетскихъ казней. Указанная выше вставка (493,1—6) представляетъ собою толкованіе второй египетской казни, при томъ фраза «ѿ рѣкъ ѥгюпьтьскꙑхъ жабꙑ. обраꙁъ оу(бо) предълежа топленꙑмъ дѣтемь» намъ прямо говоритъ, зачѣмъ понадобилась эта вставка.

Другой вставочный кусокъ (493,26—494,4) слѣдуетъ сейчасъ же послѣ разсказа о десяти казняхъ (таче приꙁва.... аꙁъ гь҃ бъ҃); онъ соотвѣтствуетъ кн. Исходъ 12 гл., 12 ст. За вставочный характеръ этого куска говоритъ уже одно то обстоятельство, что онъ начинается прямо съ 12 стиха 12-ой главы, хотя послѣ этого слѣдуютъ начальные стихи той же главы (въ хронографическихъ спискахъ порядокъ стиховъ библейскій и

---

1) Это толкованіе въ Погод. спискѣ слѣдуетъ послѣ того текста, который помѣщенъ въ Колом. сп. на столб. 491,16—28 (того ради... вса жеꙁлꙑ). Интересно отмѣтить, что и въ этотъ цѣльный текстъ Коломенская Палея умудрилась вставить имена египетскихъ волхвовъ. Для наглядности приведемъ здѣсь этотъ вставочный кусокъ Колом. списка параллельно съ Погод. спискомъ:

Колом. Палея:	*Погод. списокъ:*
...супротивлѧшесѧ ѥму. и потомь иꙁнемогоша. [имѧ ѥдиному. аньни имѧ .в҃. му амбрии.]. моисиинъ же жеꙁлъ пожре. всѧ жеꙁлꙑ.	....сѹпротивлеше҃ емѹ. и потомь изнемогоша. въз҃виже бо змїи главѹ свою и҃ в моисїѡвѣ жезлѣ. и пожре всѧ змїа и҃.

Digitized by Google

12-ый стихъ короче, чѣмъ въ Коломенской Палеѣ) [1]). Понадобилась эта вставка, конечно, изъ-за слѣдующей фразы: и во всѣхъ боꙁѣхъ ѥгюпьтьскыхъ. створю ѿмьстиѥ, т. е. опять таки подчеркивается какая-то связь между египетскими богами и погибшими еврейскими дѣтьми [2]).

Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ мы видимъ полную аналогію съ разобраннымъ выше примѣромъ: вставочная фраза «въꙁненавидѣти... ѿ ѥгюптѧнъ» вызываетъ новую вставку въ повѣствовательной части (повелѣ топити... падоша), а эти двѣ вставки въ свою очередь вызываютъ еще двѣ новыя вставки (491,1—6 и 493,26—494,4).

Не скрою однако, что противъ такого объясненія мнѣ можетъ быть представлено одно очень серьезное возраженіе. Какъ отмѣтилъ г. Истринъ, въ кн. Каафъ 13-ый вопросо-отвѣтъ Ѳеодорита читается полнѣй и ближе къ греческому тексту, при томъ упомянутый вставочный кусокъ Коломенской Палеи (въꙁненавидѣти.... ѿ ѥгюптѧнъ) согласенъ съ этимъ текстомъ;

---

1) Любопытно еще отмѣтить, что немного ниже (494,11—13) Коломенская Палея опять передаетъ полнѣй 13-ый ст. 12-ой гл. кн. Исхода: въ хронографическихъ спискахъ не читается фраза «и оузрѣвь кровь. покрыю вы и не будеть въ васъ погыбнути». Думаю, что и это мѣсто вставка, а вызвана она была желаніемъ тоже передѣлать слѣдующее за этимъ текстомъ толкованіе (494,17—495,3). Въ послѣднемъ вставлены слова «тѣло и кровь хв҃а» (слова эти въ сп. А. К. С. Я. тоже не читаются, но библейская вставка читается).

На основаніи вставокъ изъ Библіи нужно думать, что компиляторъ Коломенскаго типа передѣлывалъ свой источникъ (хроногр. списокъ) съ помощью какого то другого библейскаго текста; объ этомъ впрочемъ ниже.

2) Связь эта еще сильнѣй усматривается и въ дальнѣйшемъ текстѣ Коломенской Палеи (495,3—11): тои нощи оуби всѧкъ первѣнець. и многы каꙁни и томлениꙗ ѿ ѥгюптѧнъ приꙗша. тѣ҃ и ꙁа первѣнца иꙁ҃лѧ первѣнци ѥгупетьстии иꙁбьѥнї быша. ѿ члв҃къ до скота. Приведенный текстъ представляетъ собой общее резюме того текста, который читается въ Синод. сп. на л. 204d (*Бы҃* же послѣдній тои нощи..... и предъ мт҃ри). А этотъ текстъ въ свою очередь выхваченъ изъ апокрифическаго Исхода (И взѧ всѧ первенца.... и пре҃ мт҃рьми, см. Тихонравовъ, стр. 249) съ двумя легкими заимствованіями изъ 29 и 30 стиховъ 12 гл. кн. Исходъ. Г. Истринъ указываетъ почему-то и это мѣсто въ числѣ тѣхъ частей апокрифическаго Исхода, которыя не вошли въ хронографическіе списки (Ж. М. Н. Пр., 1904 г., за февр. м., стр. 281).

Digitized by Google

такое же болѣе полное чтеніе представляютъ и «Словеса избранныя» и «Изборникъ XIII в.» [1]). Отсюда на первый взглядъ получается тотъ выводъ, что хронографическіе списки сокращали такой текстъ Ѳеодоритова толкованія, слѣды котораго полнѣе сохранились въ Коломенской Палеѣ,—выводъ, который можетъ въ корнѣ подорвать всѣ мои основныя положенія. Тѣмъ не менѣе сейчасъ же я не буду останавливаться на этомъ возраженіи: разсмотрѣніе его умѣстно будетъ послѣ того, какъ мы ознакомимся еще съ нѣкоторыми списками Толковой Палеи.

Скажу однако теперь же, что обратнаго литературнаго процесса, т. е. происхожденія въ данномъ случаѣ хронографическихъ списковъ отъ Коломенской Палеи, мы никакъ не можемъ допустить: тогда пришлось бы признать, что Синодальный и Погодинскій списки, оба независимо другъ отъ друга, выпустили одинаково не только этотъ текстъ, но и вставки, непосредственно связанныя съ нимъ; предположеніе трудно допустимое и едва ли возможное. Остается единственно правильное предположеніе, которое само собою вытекаетъ изъ всей моей VI-ой главы: Коломенская Палея не только сокращала хронографическіе списки, но и дѣлала иногда вставки изъ кое-какихъ первоисточниковъ (напр., Библія).

К. Истоминъ.

Декабря 2 дня 1905 г.

---

1) См. Никольскаго «О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича», С.-Петербургъ, 1892 г., стр. 33.

Digitized by Google

М. А. Максимовичъ (1804—1873).

Изъ украинской исторіографіи XIX в.

Сравнительно рѣдко теперь вспоминаемый М. А. Максимовичъ занимаетъ важное мѣсто въ украинской исторіографіи XIX в. Съ постепеннымъ расширеніемъ кругозора—оцѣнивается важность матеріала архивнаго и онъ выдвигается на первый планъ — въ рядъ съ первенствовавшимъ ранѣе матеріаломъ лѣтописнымъ. Съ другой стороны ростъ критицизма выдвигаетъ необходимость провѣрки сложившихся взглядовъ и неоспоримыхъ—казалось-бы—обобщеній. И здѣсь и тамъ—и въ разработкѣ сырого матеріала и въ критическомъ пересмотрѣ сложившихся взглядовъ и новопостроенныхъ обобщеній—Максимовичъ сдѣлалъ много. Пытливо разбираясь во всемъ, что могло бы служить для цѣлей научнаго изученія старины, —Максимовичъ скопилъ богатый запасъ знаній, а это дало ему въ свою очередь прочный базисъ для критическаго анализа. И пониманіе задачей исторіографіи и критическая складка—сближаетъ Максимовича съ младшими украинскими историками, но холодность его къ ихъ украинофильскимъ воззрѣніямъ и общій складъ взглядовъ—проводятъ между ними грань [1]).

1) Сочиненія М. А. Максимовича перезданы въ 3 томахъ. Кіевъ 1876—1880 (ес. 847+524+745); невошедшія сюда перечислены въ біографіи Максимовича—въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра». Изъ статей важнѣйшія—С. Пономарева въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1871. X; некрологъ написанный М. П. Драгомановымъ — Вѣстн. Европы 1874. III; статья Чаева—Русск. Архивъ 1874, кн. II; Н. И. Петровъ. Очерки украин-

Digitized by Google

Ученая карьера М. А. Максимовича была незаурядна; прежде всего обращаетъ здѣсь вниманіе рѣзкій—повидимому—переходъ отъ наукъ естественныхъ къ наукамъ гуманитарнымъ; однако, при болѣе внимательномъ изученіи ранней литературной дѣятельности будущаго историка оказывается, что въ его широкомъ кругозорѣ и прежде сосѣдили и тѣ и другіе научные интересы.

Максимовичъ родился въ 1804 г. въ хуторѣ Тимковщинѣ близъ г. Золотоноши и впослѣдствіи часто вспоминалъ эту родную мѣстность и въ перепискѣ и въ научныхъ статьяхъ. Окончивъ Новгородъ-Сѣверскую гимназію—Максимовичъ отправился въ Москву поступить въ Университетъ съ завѣтною мечтою заняться всецѣло ботаникою. Пробывъ два года на словесномъ отдѣленіи, онъ перешелъ на естественно-историческое и здѣсь спеціализовался на ботаникѣ и зоологіи, дѣля время между научною литературою и самостоятельными наблюденіями. Окончивъ курсъ, Максимовичъ получилъ въ завѣдываніе университетскій ботаническій садъ, а въ университетѣ — чтеніе общаго курса естественной исторіи; въ слѣдующемъ 1827 г. — получилъ степень магистра ботаники, а въ 1833 г. сталъ ординарнымъ профессоромъ ботаники. Таковы внѣшніе факты московской жизни Максимовича.

Увлеченіе ботаникою стоитъ въ связи съ поэтическою складкою въ духовномъ обликѣ Максимовича: правда, стихи его были по большей части — дѣланные и тяжелые, но о глубокой любви къ природѣ, поэтическомъ ея пониманіи свидѣтельствуютъ многіе мѣста въ его перепискѣ съ друзьями и въ научныхъ статьяхъ. Съ неизмѣннымъ восхищеніемъ отзывается онъ о кра-

---

ской литературы XIX с. сс. 177 — 183 и дополненія въ отзывѣ объ этой книгѣ Н. П. Дашкевича; А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи III. 15—37. О. Огоновскій. Исторія литературы русской. IV. 5—47. Біографическіе матеріалы — «Кіевская Старина» (passim); тамъ же автобіографія Максимовича — 1904. IX. Изъ изданнаго по другимъ журналамъ матеріала—важнѣе прочаго — Письма къ О. М. Бодянскому—Чтенія Общ. исторіи и древн. росс. 1887. I.

Digitized by Google

сивомъ видѣ со своей Михайловой Горы: «сколько разнообразныхъ картинъ сливается здѣсь въ одну полную, живую панораму и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Божьяго міра!» [1]) или вотъ этюдикъ Межигорскаго ландшафта, гдѣ къ красотѣ природы примѣшивается сожалѣніе о невозвратно ушедшемъ быломъ: «въ другой сторонѣ отъ нихъ—бьетъ попрежнему подгорный свѣтловодный ключъ называемый *Звонками*. И зеленѣютъ по горамъ, еще въ полной силѣ, огромные многовѣковые дубы... Безотвѣтные они свидѣтели о долгой жизни монастыря; но подъ ихъ сѣнью, подъ шумомъ ихъ листьевъ живѣе воображается почти забытая старина этого достопамятнаго мѣста»... [2]).

При такой складкѣ молодой ученый не могъ удовлетвориться только изученіемъ деталей растительной жизни, его манили и попытки философски-обобщающаго представленія о природѣ. Въ университетѣ представителемъ этихъ новыхъ вѣяній былъ тогда М. Г. Павловъ и воспоминанія о немъ Максимовича, а равно и направленіе ранняго сочиненія Максимовича «Главныя основанія зоологіи», написаннаго по плану трудовъ Окена, свидѣтельствуютъ о вліяніи лекцій Павлова. Такое именно направленіе, дѣлавшее ученыя статьи «отрывками вдохновенной ботаники»,—сдружило Максимовича съ кн. Одоевскимъ и чрезъ него съ московскими литераторами. Тѣмъ же философскимъ міросозерцаніемъ отличались и позднѣйшія «Размышленія о природѣ», радушно встрѣченныя читающею публикою.

Литературныя связи развивались и крѣпли: сотрудничество въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полеваго, а послѣ въ «Телескопѣ» Надеждина ввело Максимовича въ сферу тогдашнихъ журнальныхъ интересовъ. Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній Максимовича о былой журнальной дѣятельности... «Съ нею, Молвою, много воспоминаній воскресаетъ въ душѣ. Тамъ было не мало

1) Собраніе сочиненій I. 762.
2) С. С. II. 256.

Digitized by Google

и моей послѣобѣденной импровизаціи: по середамъ послѣ совѣта бывало Павловъ ведетъ Надеждина и меня къ себѣ обѣдать, а между тѣмъ въ его кабинетѣ вмѣстѣ съ кофе является и корректура Молвы, и пробѣлы столбцевъ наполнялись тогда сытнымъ вдохновеніемъ нашимъ въ мѣру пробѣловъ. Туда же была написана и моя первая статья о «Пѣсни Игоревой»...[1]) Расширялся постепенно кругъ литературныхъ отношеній и, издавая альманахъ «Денницу», Максимовичъ получилъ для него произведенія отъ Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго и другихъ видныхъ представителей тогдашней литературы; тамъ же издано и литературное обозрѣніе за 1829 г. Кирѣевскаго, поднявшее тогда такой шумъ.

Важное значеніе имѣлъ сборникъ Максимовича «Малороссійскія пѣсни»: это былъ первый по времени сборникъ малорусскихъ пѣсенъ обстоятельный и научный (конечно, по тогдашнимъ научнымъ пріемамъ), такъ какъ предшествовавшій Цертелевскій «Опытъ» былъ составленъ неполно. Сборникъ Максимовича произвелъ значительное впечатлѣніе на публику и возбудилъ интересъ къ малорусской народной поэзіи: его «обиралъ» Пушкинъ, Гоголь подъ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсенъ живѣе рисовалъ свою далекую родину, въ Бодянскомъ и Костомаровѣ онъ пробудилъ болѣе живой интересъ къ народному творчеству. Сборникъ этотъ былъ выраженіемъ литературныхъ вкусовъ Максимовича, нѣкогда студентомъ словеснаго отдѣленія съ восхищеніемъ слушавшаго декламацію Мерзлякова. Тамъ, гдѣ слабо интересовались новыми философскими вѣяніями, въ тѣхъ кружкахъ Максимовича знали преимущественно по изданію пѣсенъ.

Сборники народныхъ пѣсенъ и разборъ Пушкинской Полтавы, «Размышленія о природѣ» и университетская рѣчь «о русскомъ просвѣщеніи»—вотъ главнѣйшіе моменты развитія интересовъ у Максимовича за московскій періодъ его дѣятельности.

---

1) П. Бодянскому 1857 г. (Чтенія 1887. I. 148).

Digitized by Google

Получивъ ординатуру по ботаникѣ Максимовичъ, былъ у своей желанной цѣли, но именно здѣсь въ его жизни поворотъ. Ослабленіе здоровья заставляло подумывать о болѣе мягкомъ климатѣ, а тоска по родинѣ тянула домой въ Малороссію. Какъ разъ въ это время былъ основанъ университетъ въ Кіевѣ, и Максимовичъ надѣялся получить здѣсь каѳедру по ботаникѣ, но ему пришлось измѣнить свою спеціальность и въ Кіевѣ является онъ профессоромъ русской словесности: еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы пришлось ему готовиться и по предмету русской словесности и знакомиться съ будущими ректорскими обязанностями.

Профессорство по новому предмету — русской словесности, вмѣсто любимой ботаники, — и рядомъ съ этимъ ректорство въ новозаведенномъ университетѣ — были не легки. Приходилось все заводить сызнова, начиная съ штатовъ и бюджетовъ и кончая латинскимъ переводомъ обозрѣнія преподаванія. Да къ этому же и спеціальная цѣль, усвоенная юному университету — быть разсадникомъ духа русской народности въ этомъ краю. Все это очень утомляло: «сколько разъ — вспоминаетъ Максимовичъ объ еп. Иннокентіи и своихъ посѣщеніяхъ его келіи въ Братскомъ монастырѣ — я приходилъ туда истомленный служебными дѣлами, кипѣвшими тогда подъ барабанною скоропоспѣшностью фонъ-Брадтке: и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душою и мыслію!»... [1]). Сама новая каѳедра представляла затрудненія новизны для молодаго ботаника: и только недюжинныя способности дали возможность овладѣть новою спеціальностью и почувствовать себя въ ней хозяиномъ: и какъ въ Москвѣ онъ руководствовался указаніями Надеждина, такъ и здѣсь ему помогъ своимъ запасомъ книгъ и знаній м. Евгеній: и самъ Максимовичъ съ благодарностію вспоминалъ [2]) объ ученомъ іерархѣ: «въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для

1) Письма о Кіевѣ (изд. 1871) с. 10.
2) Ibid. с. 125.

Digitized by Google

моихъ лекцій: я находилъ у него немедленно готовое пособіе. Гдѣ бы кромѣ него я могъ достать, напримѣръ, Хожденіе Даніилово, въ то время еще неизданное? Приходилось ли читать о Ѳеодосіи печерскомъ: Евгеній сообщалъ мнѣ посланіе къ Изяславу, переписанное для него рукою Востокова. Пришлось говорить о мнимыхъ гимнахъ Бояна, будто-бы славянскими рунами писанныхъ: Евгеній вынесъ мнѣ рукопись, полученную имъ отъ самого выдумщика тѣхъ гимновъ Селакадзія». Позднѣе къ занятіямъ по исторіи русской словесности присоединились и чисто-мѣстные историческіе вопросы: понемногу подпадаетъ Максимовичъ обаянію славнаго прошлаго Кіева и становится истолкователемъ былого. Это просвѣчиваетъ уже въ университетской рѣчи (1837 г.): «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи» и ярко проявляется въ историческихъ справкахъ и замѣткахъ «Кіевлянина» (1840), оцѣненнаго—какъ первый починъ систематическаго изученія мѣстной древности: Максимовичъ становится общепризнаннымъ знатокомъ мѣстной старины и какъ таковой приглашается къ участію въ мѣстныхъ историческихъ обществахъ, къ сотрудничеству въ ученыхъ изданіяхъ....

Разносторонняя и энергичная дѣятельность Максимовича брала свое: еще ранѣе стало ему «не въ моготу тянуть двойную лямку — ректора и профессора». Максимовичъ отказался отъ ректорства. Стало легче, но здоровье уже было надорвано. Сживался по немногу съ мѣстнымъ обществомъ и роднился съ мѣстною стариною: сглаживалось чувство сожалѣнія за московскою жизнью, теряло — пожалуй — значеніе тоскливое наблюденіе[1]) о кіевскомъ обществѣ: «все прошло; здѣсь скучный бытъ; все дѣла, а мысль не вспыхнетъ» — и снова поворотъ въ жизни и теперь уже на долго: Максимовичъ оставилъ службу (1841) и поселился на Михайловой Горѣ.

Такъ началась Михайлогорская жизнь (1841—1873), пре-

1) Пономаревъ о. с. с. 200.

Digitized by Google

рываемая иногда поѣздками въ Кіевъ и Москву и недолгимъ временемъ преподаванія въ университетѣ прежняго предмета, но уже въ качествѣ сторонняго преподавателя (1843—1845). Не весела была эта жизнь въ уединеніи, но красоты природы скрашивали это убѣжище, а ученыя работы наполняли время. Къ грустному выводу пришелъ впослѣдствіи Максимовичъ: «какъ вспомню свою жизнь въ эти тридцать лѣтъ, то — ажъ сердце вьяне (1871 г.). Не служитъ мнѣ *хвортуна* съ самой отставки моей 1841 года... Видно *нетяжою* быть и до конца дней»—замѣчаетъ уже о безденежьи Максимовичъ. Всетаки это довольно спокойный тонъ: но бывали болѣе мучительныя минуты и болѣе горькое чувство. «Ахъ, какъ мнѣ тяжело и душно бываетъ здѣсь съ осени и до весны! Особенно тяжело нынѣшній разъ. Боюсь, что если не выберусь отсюда на Москву къ слѣдующей осени, то уже не вызимую больше... а способа никакого еще не предвидится (1862). Тринадцатый годъ уже, какъ маюсь между Кіевомъ и своей Горой, словно заржавѣлый маятникъ закоптѣлыхъ стѣнныхъ часовъ съ зозулею!... Поневолѣ встоскуешься, засмутишься, — особенно сидючи безвыходно въ четырехъ стѣнахъ, иногда цѣлые дни, въ зимнее время, въ длинныя ночи (1872)». Болѣзни, безденежье — два мрачные гостя часто тревожили Максимовича: какъ тяжело жить на маленькую пенсію да на маленькій и невѣрный литературный заработокъ: какое нибудь мѣсто въ Москвѣ — «лишь бы была готовая квартира» пишетъ онъ Бодянскому. Какую нибудь должность — и рисуются планы, растутъ надежды — и отшельникъ по прежнему остается въ своемъ уединеніи на своей Горѣ[1]).

Къ этому присоединяется еще и мучительное сознаніе безполезности своей жизни въ такихъ условіяхъ, когда даже нужныхъ научныхъ пособій нѣтъ подъ руками—и это для ученаго. «Вы не повѣрите, какъ уже опостылѣло мнѣ сидѣть на пустын-

1) Пп. къ Лебединцеву (Кіевская Старина 1904. XII. 456. 461), Бодянскому (Чтенія 1887. I. 162), Лебединцеву (l. c. 482).

Digitized by Google

ной горѣ своей, хоть живописной, сидѣть въ безлюдьи и безкнижьи, съ чувствомъ потребности работать, и не имѣть къ тому ни поприща, ни способовъ. Это неудовлетворенное стремленіе крушитъ меня, но я не могу сладить съ нимъ и угомонить его, и съ каждою весною оно пробуждается съ новою силою». И Максимовичу приходитъ мысль, не сдѣлать ли свой «Кіевлянинъ» журналомъ — шесть книгъ въ годъ: «запасу въ головѣ и въ нотабенкахъ накопилось множество и онъ погибнетъ съ моею смертію». Онъ даже согласенъ «продать М. гору, чтобы имѣть первую тысячу р. с. для перемѣщенія и основанія журнала, если не найдется доброй людины, чтобы помогла деньгою на основаніе... Можно будетъ для этого мнѣ переселиться или въ Кіевъ или еще лучше въ Москву»... Переселиться въ Москву вотъ завѣтное желаніе Максимовича: найти сносныя условія для умственной жизни. «Въ нынѣшнюю зиму я думалъ уже, что пропаду, но Богъ возвращаетъ снова на путь земной, а способовъ подорожнихъ все еще не обрѣтаю (1857 г.)... Весьма хочется на слѣдующую зиму совсѣмъ къ вамъ перебраться, но пока это дѣло остается на прежнемъ основаніи, т. е. на пескахъ Михайловой Горы» (1861 г.) и позже онъ сознается съ грустью, что такъ и не удается «перебраться въ Москву, гдѣ дожить вѣкъ такъ мечталось мнѣ и хотѣлось»... (1865). [1]).

Максимовичу тѣмъ болѣе хотѣлось перебраться въ Москву, что онъ никакъ не могъ сжиться съ окружающимъ. Въ первое время своего пребыванія въ Кіевѣ онъ замѣтилъ какъ то, въ стихотвореніи, что «здѣсь скучный бытъ; все дѣла, а мысль не вспыхнетъ» и теперь, много лѣтъ спустя, онъ замѣчаетъ: «въ университетѣ сумбуръ и, вообще говоря, мало радующаго мнѣ душу въ общественной здѣшней жизни»... [2]). Максимовичъ любилъ народъ, относился къ нему съ большой симпатіей и съ грустью всматривался въ темныя стороны крестьянской жизни. Когда то

1) Пп. Бодянскому l. c. c. 149, 158, 169.
2) П. Бодянскому l. c. c. 169.

Digitized by Google

прежде писалъ онъ еп. Иннокентію — своему другу — о печальномъ упадкѣ населенія, — замѣчанія, на которыя благоразумный еп. Иннокентій отвѣчалъ по-латыни, — теперь съ годами грустныя впечатлѣнія не ослабѣвали. Обѣднѣніе крестьянства, пьянство, умственная темнота, польскія отношенія, еврейскій вопросъ — заставляли Максимовича задумываться и тревожиться и въ его Михайлогорскомъ уединеніи.

Въ такія тяжелыя минуты — единственнымъ облегченіемъ были книги и научныя занятія[1]). «Только что получилъ я письмо ваше, мой дорогой земляче, крѣпко уже истомясь чтеніемъ, а и того больше писаніемъ — не чего-либо научнаго, а относящагося къ одолѣвающимъ меня нуждамъ житейскаго попеченія и продовольствія... Въ этомъ несказанно тяготящемъ меня на исходѣ дней положеніи мнѣ такъ пріятно бываетъ отвести душу въ бесѣдѣ, содержаніемъ которой дѣла и вопросы научные»... «За книгами и письмами забываю немощность» — пишетъ Максимовичъ другому корреспонденту. Онъ очень дорожилъ корреспонденціею со своими учеными друзьями, дававшими ему возможность стоять au courant научныхъ новостей. Интересны письма Максимовича Бодянскому, Шевыреву, Лебединцеву: здѣсь такъ ярко проступаетъ горячій интересъ Максимовича къ разнымъ событіямъ въ журналистикѣ и литературѣ, новой книгѣ или новому мнѣнію по давно трактуемому и все еще неразрѣшенному вопросу: юбилей Московскаго Университета или возрожденіе «Молвы» подъ новою редакціею, цензурныя строгости и гоненіе на малорусскій языкъ, «будущій всходъ новобранныхъ нѣмцевъ-просвѣтителей» и мнѣніе о положеніи древняго города или урочища — одинаково занимаютъ Максимовича. Обладая громаднымъ запасомъ знаній «и въ головѣ и въ нотабенкахъ» — Максимовичъ былъ полезенъ въ перепискѣ своимъ корреспондентамъ: то подскажетъ значеніе слова — Бодянскому, то напомнитъ объ изученіи Ярославовой гробницы — Лебединцеву,

1) П. Бодянскому l. c. c. 180.

Digitized by Google

укажетъ годъ или приведетъ лѣтописныя свѣдѣнія. Письма вскрываютъ предъ читателемъ зарожденіе и постепенное наростаніе научныхъ работъ Максимовича. Работы эти чаще и чаще обращаются къ мѣстной старинѣ и это — сначала преобладающее, а послѣ и исключительное содержаніе — одно изъ звеньевъ въ связи, соединяющей Максимовича съ Кіевомъ.

«Кіевъ, хотя и родной мнѣ, но выросши въ Москвѣ, я не сроднился съ нимъ для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но какъ посѣтитель и богомолецъ, а не какъ житель и труженникъ» — пишетъ Максимовичъ Шевыреву [1]). «Это такъ близко душѣ моей—пишетъ онъ томуже Шевыреву о московскомъ юбилеѣ — ибо лучшая жизнь моя была тамъ, въ Московскомъ вертоградѣ». Съ Москвою соединяли Максимовича не только университетскія и профессорскія воспоминанія, съ тамошними учеными кругами его соединяли и личныя дружескія отношенія. Сохранившіяся письма говорятъ объ его добрыхъ отношеніяхъ съ Погодинымъ, Шевыревымъ и Бодянскимъ. Интереснѣе всего дружба Максимовича съ Погодинымъ: не разъ приходилось Максимовичу разбирать съ безпощадною критикою мнѣнія Погодина (о норманствѣ въ древней Руси, объ исторіи малорусскаго населенія), отмѣчая даже и методологическія погрѣшности своего оппонента, и всетаки дружба не страдала отъ этого. Въ спорѣ Погодина и Костомарова, закончившемся публичнымъ диспутомъ о норманской гипотезѣ и жмудской поправкѣ, Максимовичъ беретъ сторону Погодина, защищавшаго противъ анализа Костомарова норманство, неубѣдительное и для самого Максимовича: а вѣдь Костомаровъ и вообще ближе къ Максимовичу и по своимъ темамъ изъ малорусской исторіи и по своимъ критическимъ пріемамъ. «Ты спрашиваешь моего мнѣнія о Литовщинѣ Русской—пишетъ Максимовичъ [2]) Шевыреву — я не читалъ всего, что писано, но по

1) П. Шевыреву. Кіевская Старина 1896. IX. 282, 281.
2) П. Шевыреву l. c. 293.

Digitized by Google

отрывкамъ вижу, что это дребедень, *Гуляй-Городожъ*, какъ справедливо назвалъ Погодинъ въ «Р. Бесѣдѣ»: но мнѣ и его исповѣдь не понравилась, а диспутъ еще болѣе. Охота на старости молодечествовать, связываться съ неровнею и выходить на арену, несвойственную его солидной именитости. Мнѣ грустно было все это происшествіе». Максимовичъ могъ — пожалуй — считать Погодина «подвижникомъ науки», но слова его о диспутѣ и о «неровнѣ» отдаютъ уже инымъ. И Максимовичу, указавшему [1]) въ спорѣ о норманствѣ Погодину, что «именитость не есть ручательство за истину», былъ изъ участниковъ диспута ближе Костомаровъ съ его протестомъ противъ поклоненія авторитетамъ, чѣмъ Погодинъ, взывавшій къ тѣнямъ Байера и Шлецера.

Сближала Максимовича съ Погодинымъ — кромѣ постоянной и долгой дружбы — еще и складка міросозерцанія — его національная основа взглядовъ и убѣжденій. Если «самобытность [2]) непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ», — то для исторіографіи, — которая, какъ и литература должна быть проникнута духомъ «національной самобытности» — ставится спеціальная задача — изучить и прослѣдить ростъ и проявленія національнаго самосознанія въ былыя времена. Становясь на такую точку зрѣнія легко прійти въ столкновеніе съ иными воззрѣніями на былое и Максимовичъ ставилъ въ особую заслугу научной и журнальной дѣятельности Погодина [3]) установленіе «здраваго взгляда» на прошлое и оспариваніе ошибочныхъ представленій.

Такое міросозерцаніе особенно важно было у человѣка, назначаемаго профессоромъ русской словесности и ректоромъ въ новосозидаемый университетъ, имѣющій спеціальную цѣль быть

1) С. С. I. 101.

2) Актовая рѣчь «О русскомъ просвѣщеніи» (1832 г.).

3) Выдержки изъ писемъ Максимовича Погодину — см. «Жизнь и Труды М. П. Погодина» Н. Барсукова (passim).

Digitized by Google

разсадникомъ «русскаго просвѣщенія на развалинахъ польскаго». «Университетъ св. Владиміра — мое созданіе — сказалъ [1]) министръ С. С. Уваровъ, прощаясь со студентами, — но я первый наложу на него руку, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ Правительства». Впрочемъ, и другимъ, внѣ правительственныхъ круговъ,—положеніе Кіева въ выработкѣ русской культуры казалось особенно знаменательнымъ [2]). «Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями», писалъ Хомяковъ Максимовичу [1839]. «Кіевъ былъ востокомъ Русской жизни. Ему предлежитъ теперь дѣятельное участіе въ ея полуденныхъ трудахъ. И какъ я радъ видѣть тебя въ челѣ новаго поприща, открывающагося для древней матери градовъ Русскихъ» пишетъ Надеждинъ. И Максимовичъ оказался вполнѣ на мѣстѣ; его рѣчь «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи» была одобрена министромъ и имѣла желаемый успѣхъ въ обществѣ. Она была на столько же программна,— какъ и совершенно невинная по внѣшности: «О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ»; рядомъ со справками археологическаго характера затронутъ здѣсь вопросъ объ ополячившихся дворянскихъ родахъ — по поводу чего еп. Иннокентій писалъ своему другу—автору: «надгробья идутъ къ своей цѣли... Сожалѣніе о русскихъ ополячившихся фамиліяхъ очень кстати. Пусть пораздумаютъ на досугѣ»... [3]).

Эти замѣчанія еп. Иннокентія о новыхъ работахъ своего друга, замѣчанія постоянно встрѣчающіяся въ его запискахъ къ Максимовичу, вскрываютъ еще одну черту ихъ отношеній:

---

1) Письма о Кіевѣ—с. 85.
2) Ibid. с. 16.
3) Ibid. с. 89, 91.

Digitized by Google

еп. Иннокентій былъ для Максимовича совѣтчикомъ по цензурной части и заботливо остерегалъ на счетъ возможныхъ истолкованій въ дурную сторону. Конечно, въ тѣ времена, когда о сколько-нибудь щекотливыхъ темахъ приходилось говорить въ дружескихъ письмахъ по-латыни, всегда можно было ждать неожиданностей отъ цензуры[1]). «Досужные люди — замѣчаетъ еп. Иннокентій Максимовичу по поводу одного выраженія — могутъ съ радостію открыть ересь. Не мѣшаетъ перемѣнить нѣсколько выраженій»... «Книга Голубиная не безъ интереса, только какъ бы цензура не привязалась къ нѣкоторымъ выраженіямъ» — отмѣчаетъ онъ въ другомъ случаѣ. «Весьма жаль инѣ вашего и нашего Кіева (стихотвореніе Хомякова). Тутъ право нельзя не посѣтовать на цензуру вообще»... Не пропустила цензура для «Кіевлянина» и «Сказаніе о Коліевщинѣ 1768 г.» самого Максимовича, такъ какъ въ немъ «изображается прежняя вражда съ уніей, такъ недавно еще прекращенной въ западной Россіи». «Очень жаль Коліевщины — пишетъ по сему случаю Максимовичу еп. Иннокентій: но другого съ сѣвера почти и ожидать было нельзя». И Максимовичъ, вспоминая такія недоразумѣнія съ цензурою, имѣлъ право замѣтить относительно цензуры: «но что же это за искушеніе вамъ (Бодянскому) съ цензурою? Казалось, благія времена настали, а цензура, какъ старая вѣдьма, подкатывается подъ ноги клубкомъ, то свиньею перебѣгаетъ дорогу: и кто же на нее затешетъ осиновый колъ? Когда изрыется грѣшницѣ яма?...

А между тѣмъ кому-кому, а Максимовичу совершенно не было основаній расходиться съ цензурою. Если Максимовичъ заканчиваетъ свою программную рѣчь на университетскомъ торжествѣ словами: «святая вѣра да будетъ общимъ основаніемъ всего просвѣщенія нашего — умственнаго и сердечнаго, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся завѣтныя слова, кои начертаны вокругъ креста, положеннаго въ основа-

1) Письма о Кіевѣ—сс. 48; 91; 14; 89. П. Бодянскому чтенія 1887. I. 159.

Digitized by Google

ніе нашего университета: въ свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ», то замѣчаніе это[1]) не случайно, оно указываетъ на полное совпаденіе міросозерцанія Максимовича съ основными идеями, положенными въ фундаментъ новой программы просвѣщенія: православіе и народность. Уже въ предисловіи къ сборнику народныхъ пѣсенъ[2]) Максимовичъ замѣчаетъ о народности: «наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно-русская»! и издатель выбираетъ «памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказка, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная». «Русскій духъ» подвергался чужеземнымъ вліяніямъ, но никогда ими не подавлялся, и въ «нынѣшнее историческое царствованіе возродилось общее стремленіе къ *самобытному* и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ, означилось просвѣщенное обращеніе къ *своенародности и положительности*: ибо раскрытіемъ народности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей въ самой поэзіи». Современная автору литература вступаетъ «въ новый кругъ *самобытности и своенародности*, составляющихъ собственное отличіе и стремленіе нашего вполнѣ историческаго вѣка». Вполнѣ естественно, что Максимовичъ, начавшій свою литературную дѣятельность изданіемъ народныхъ пѣсенъ въ цѣляхъ раскрытія народности, тѣхъ же придерживался воззрѣній и въ разработкѣ мѣстной старины.

Конечно, съ другой стороны, вдаваясь въ мѣстную старину, Максимовичъ не терялъ изъ виду объединяющей связи и не сходилъ[3]) съ общерусской точки зрѣнія, какъ и самъ это отмѣ-

1) С. С. II. 23.
2) С. С. II. 439, 440; I. 7—8. 89.
3) С. С. I. 396. Юбилей М. А. Максимовича с. 61.

Digitized by Google

тилъ въ одной печатной статьѣ: «сладко окунуться въ волнахъ минувшаго бытія, когда бываешь утомленъ и запыленъ дѣйствительностью современнаго... Широко раздолье по всей землѣ; глубоки омуты Днѣпровскіе!... Обо всемъ, что относится къ жизни Москвы и Великой Руси, ты говорилъ всегда съ такимъ живымъ разумѣніемъ и чувствомъ Русской души: говори же мнѣ о нашемъ Богданѣ, глядя на великій подвигъ его съ твоей *Московской* стороны; пусть увижу я въ чемъ ты полагаешь различіе этой стороны отъ нашей *Кіевской?* — пишетъ Максимовичъ Погодину по поводу «Богдана Хмельницкаго» Костомарова: «я думаю, что мой кіевскій взглядъ на Богдана сойдется съ твоимъ московскимъ *въ одно русское воззрѣніе*, такъ же, какъ Московская и Кіевская Русь — двѣ стороны одного русскаго міра, надолго разрозненныя и даже противостоявшія другъ другу, сошлись *воедино* усиліями Богдана»... «У васъ — замѣчаетъ Максимовичъ въ другомъ мѣстѣ — многіе смотрятъ на всю русскую землю съ москворѣцкой высоты Ивана Великаго; здѣсь иные глядятъ на нее съ запорожской, поэтической Саворъ — могилы; моя точка зрѣнія на всю единую русскую землю надъ Днѣпромъ съ Старо-Кіевской, съ холма св. Андрея Первозваннаго»... «Уроженецъ южной Кіевской Руси, гдѣ земля и небо моихъ предковъ, я преимущественно ей принадлежалъ и принадлежу до нынѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, возмужавшій въ Москвѣ, я также любилъ, изучалъ и сѣверную, Московскую Русь, какъ родную сестру нашей Кіевской Руси, какъ вторую половину одной и той же святой Владиміровой Руси, чувствуя и сознавая, что какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ одна безъ другой недостаточны, односторонни»...

Къ этой «святой Владиміровой Руси» охотно возвращается ученый въ своихъ работахъ; охотно рисуетъ онъ былое могущество Кіева, его славу въ русскихъ земляхъ, искреннюю привязанность къ нему и князей и всего населенія. Кіевъ сыгралъ немаловажную роль въ исторіи — повторяетъ не разъ Максимо-

Digitized by Google

вичъ. «Родные другъ другу по своему происхожденію, два восточно-славянскіе удѣла при св. Владимірѣ соединились еще новымъ союзомъ государственнымъ и церковнымъ въ одну Русь. Тогда восточно-славянская природа, просвѣтленная христіанствомъ, преобразилась въ новое бытіе и проникнута стала новымъ единствомъ русскаго духа»...[1]). Такимъ образомъ въ противоположность позднѣйшему обособленію и антагонизму «двухъ половинъ Русскаго міра» Кіевская Русь представлялась Максимовичу гармоническимъ объединеніемъ племенныхъ индивидуальностей и мѣстныхъ интересовъ.

Къ этой-то древней Руси подошелъ Максимовичъ въ своихъ разысканіяхъ—почти одновременно въ области филологіи, исторіи литературы и собственно исторіи. Предпосылая изложенію исторіи древнерусской литературы общее введеніе о славянскихъ языкахъ, Максимовичъ коснулся здѣсь и взаимныхъ отношеній славянскихъ языковъ, ихъ группировки по сродству, а съ другой стороны затронулъ вопросъ о самостоятельности языка малорусскаго. Если въ отдѣлахъ, посвященныхъ языкамъ славянскимъ,—Максимовичъ могъ опираться на матеріалѣ и выводахъ славистовъ — Добровскаго, Копитара, Шафарика, дополняя или измѣняя мѣстами ихъ соображенія, то по отношенію къ языку малороссійскому Максимовичъ неизбѣжно долженъ былъ проявить больше самостоятельности: здѣсь меньше было разработано до Максимовича, матеріалъ не былъ еще собранъ, особенности и мѣстные оттѣнки еще не изучены и изслѣдователю открывалось широкое поле для обобщеній[2]). Если припомнить неясныя представленія о малорусскомъ языкѣ, то настоятельное проведеніе Максимовичемъ — мысли, впервые[3]), кажется, высказанной въ предисловіи къ Сборнику пѣсенъ 1827 г., о самостоятельности малорусскаго языка на равнѣ съ великорусскимъ—

1) С. С. III. 57.
2) Ср. Пыпинъ. Исторія русск. этнографіи III. 312—314.
3) С. С. III. 7.

Digitized by Google

было новостью и оригинальнымъ выводомъ. Здѣсь [1]) преимущественно идетъ рѣчь о самостоятельности этого языка и его мѣстѣ въ общей группировкѣ славянскихъ языковъ, а позднѣе въ научномъ спорѣ съ Погодинымъ затронулъ Максимовичъ въ своихъ «Филологическихъ письмахъ» и исторію малорусскаго языка.

Тогдашнее состояніе [2]) русской филологіи нужно постоянно имѣть въ виду и при чтеніи «Исторіи древней русской словесности» Максимовича — для вѣрной ея оцѣнки. Здѣсь тоже пришлось Максимовичу работать на мало разработанномъ полѣ. Трудны были и внѣшнія условія для такихъ занятій въ Кіевѣ,— хотя бы взять пособія: самъ Максимовичъ вспоминаетъ объ этомъ въ перепискѣ съ Шевыревымъ и въ своей поминкѣ о м. Евгеніи, такъ много помогшемъ своею библіотекою. «Исторія русской словесности» задумана широко, но къ сожалѣнію остановилась на первой части, состоящей «изъ предварительныхъ замѣчаній и общихъ изслѣдованій, относящихся къ древнему періоду нашей словесности, особенно къ языку Русскому», по плану самого автора. Собственно исторіи словесности посвящены лишь небольшія главы—II «о развитіи русской жизни и просвѣщеніи Руси въ древнемъ періодѣ» и III «Обозрѣніе русскихъ писателей и памятниковъ словесности древняго періода». Начальныя страницы посвящены выясненію общей схемы исторіи словесности и перечню сочиненій по исторіи словесности. Глава первая трактуетъ о Русскомъ народѣ въ связи съ другими славянскими племенами и съ экскурсомъ о варягахъ, рѣшающимъ дѣло въ пользу балтійскихъ славянъ. Слѣдующія главы гово-

1) Напр. Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ (1838) въ С. С. III. 7—8. Исторія древней русской словесности I (1839) въ С. С. III. 400—402, 406—413.

2) Самъ Максимовичъ далъ указанія для вѣрной оцѣнки своего труда — помѣстивъ въ немъ справку «О сочиненіяхъ относящихся къ исторіи русской словесности» (С. С. III. 356—361). Ср. также отзывъ Максимовича на критику его книги (Отечественныя Записки); отзывъ переизданъ въ С. С. III. 472—479 (изъ Сѣверной Пчелы 1840).

Digitized by Google

рятъ о «языкахъ южнорусскомъ, великорусскомъ и бѣлорусскомъ» и ихъ особенностяхъ (IV), объ индивидуальныхъ отличіяхъ этихъ языковъ и ихъ отношеніи—какъ единаго цѣлаго—къ другимъ славянскимъ языкамъ (V — VI), далѣе объ языкѣ церковно-славянскомъ (VII), о письменности славянской вообще (X) и о вліяніи на народный русскій языкъ — церковно-славянскаго (VIII) и языковъ иноплеменныхъ (IX). Остановившись здѣсь преимущественно на «предварительныхъ замѣчаніяхъ», Максимовичъ не успѣлъ однако закончить начатую работу и такимъ образомъ внѣ границъ систематическаго изложенія остались отдѣльные вопросы исторіи литературы и были позднѣе обработаны изслѣдователемъ въ самостоятельныхъ очеркахъ. Такимъ, напримѣръ, образомъ въ отдѣльныхъ статьяхъ изложены Максимовичемъ наблюденія и выводы его о любимѣйшемъ памятникѣ древней литературы «Словѣ о Полку Игоревѣ». Еще раньше посвящено ему было довольно обстоятельное разсужденіе «Пѣснь о полку Игоревѣ» (изъ лекцій о русской словесности), позднѣе издалъ Максимовичъ малорусскій переводъ Слова; этотъ переводъ вмѣстѣ съ болѣе раннимъ русскимъ переводомъ свидѣтельствуютъ о внимательномъ изученіи Слова и о компетентности Максимовича какъ комментатора. Статья «О чародной исторической поэзіи въ древней Руси» (1845) представляетъ возраженія Погодину на его мнѣніе о скандинавскомъ генезисѣ «Слова» и связи этого памятника съ скандинавскими сагами. Сюда же относятся позднѣйшія «замѣчанія» на стихотворный переводъ «Слова» — сдѣланный г. Гербелемъ (1855) — и болѣе мелкія указанія и комментаріи къ «Слову».

Первымъ цѣльнымъ трудомъ Максимовича въ области исторіи — какъ «Исторія русской словесности» въ области исторіи литературы, а недоконченная «Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою» въ области языкознанія, — является разсужденіе — «Откуда идетъ Русская земля» (1837). Здѣсь разбирается[1]) вопросъ о руссахъ и варягахъ, но онъ разбирается въ

1) С. С. I. 8—9. 20. 31. 32. 34. 37. 47.

Digitized by Google

связи съ исторіею словесности — «при изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи стихій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлить: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ старожиловъ въ Россіи — Восточныхъ Словенъ?» и тутъ же выдвигается вопросъ: «отъ кого досталось народу и языку нашему имя Руси?» Такимъ образомъ на первыхъ страницахъ исторіи русской словесности натыкаемся на это старинное недоумѣніе. Максимовичъ думаетъ, что Несторъ считаетъ Русь въ числѣ варяговъ, но отсюда всетаки нельзя заключить о скандинавствѣ Руси, такъ какъ варяги не племенное имя; изгнавъ варяговъ, новгородцы пригласили Русь, своихъ соплеменниковъ— славянъ; Русь эта, только причислявшаяся къ варягамъ, была— въ сущности — поморскіе славяне и они — поморскіе славяне Русь — оставались всею массою тамъ за Одеромъ и позднѣе, такъ какъ не вся Русь выселилась. Въ Новгородъ явились вмѣстѣ съ Русью-славянами и варяги-скандинавы, изъ нихъ дали свое имя мѣстному славянскому населенію Русь-славяне. Изъ Новгорода Русь-славяне и часть варяговъ съ Аскольдомъ и Диромъ перешли на югъ и завладѣли Кіевомъ; мѣстное населеніе Кіевщины и здѣсь усвоило имя пришельцевъ Руси и это же имя принялъ варяжскій князь Олегъ, когда завладѣлъ позднѣе Кіевомъ. Таковы взгляды Максимовича въ общихъ чертахъ; высказывая ихъ, Максимовичъ анализируетъ и другія попытки рѣшенія этого спорнаго вопроса. Интересно высказанное здѣсь Максимовичемъ мнѣніе о Шлецерѣ и скептической школѣ. Относится Максимовичъ къ Шлецеру недоброжелательно [1]) и высказывается противъ «мнительнаго и самопроизвольнаго критицизма» Шлецера: «развѣ Шлецеръ — сей славный, грозный паладинъ Русскихъ лѣтописей, образецъ терпѣнія въ трудѣ и нетерпимости въ мнѣніи—не исключилъ разныя событія, лица и даже народы изъ Несторовой лѣтописи, «какъ старыя и вздор-

1) С. С. I. 22. 65.

Digitized by Google

ныя сказки, какъ новыя, глупыя вставки и дурацкія передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки», коихъ не могъ онъ сообразить и изъяснить, изъ коихъ нельзя вывести, что Руссы были Шведы?»... «Вы называете — замѣчаетъ Максимовичъ Погодину — Шлецера отцемъ нашей исторической критики; но это былъ для нея лихой вотчимъ, отъ котораго родился и нашъ историческій скептицизмъ. Какъ самопроизвольно и небрежно обходился онъ съ Несторовой лѣтописью? Все, что находилъ онъ въ Несторѣ несогласнымъ со своимъ мнѣніемъ о Руси, называлъ онъ глупыми вставками... метода его гнусна»,—замѣчаетъ въ пылу спора съ Погодинымъ Максимовичъ.

Въ тѣсной связи съ Шлецеромъ ставитъ Максимовичъ и скептическую [1]) школу, тоже ему несимпатичную: «отрицательный духъ Шлецеровскаго критицизма—Каченовскій распространяетъ на все древнерусское и усиливаетъ до чрезвычайности; по его системѣ—ничего нѣтъ скандинавскаго въ нашей древней исторіи, да и сама она вся почти сказка... Скептицизмомъ система сія прослыла не даромъ: «ибо духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность мнительнаго и вмѣстѣ самопроизвольнаго критицизма Шлецера»... На мѣсто неудовлетворительныхъ попытокъ объяснить спорную страничку древнерусской исторіи Максимовичъ выдвигаетъ свою гипотезу или—точнѣе говоря—воскрешаетъ прежнее Ломоносовское воззрѣніе о славянствѣ руссовъ.

«Да и не всякая-ли новая система отвергаетъ другую, какъ ложь и заблужденіе, и чтобы самой пожить хотя нѣсколько, обводить мертвою рукою прежде жившія и процвѣтавшія системы?... Такъ нашъ сѣверный селянинъ-огнищанинъ рубитъ и жжетъ вѣковое дерево, чтобы на его пепелищѣ засѣять однолѣтній злакъ свой, и пажить свою ставитъ «выше лѣса стоячаго» [2])... Когда выдвигается новая удачная гипотеза, то

1) С. С. I. 16. 22. III. 362.
2) С. С. I. 71. 82.

Digitized by Google

прежнія недостаточныя теряютъ свое значеніе: «для другихъ гипотезъ тогда пришелъ бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарство и Болгарство Руси погибли бы аки Обри! Тогда и сродство ея съ волшебными Финнами и тожество ея съ полуночными Скандинавами, какъ Оссіановскія тѣни, съ небосклона нашей исторіи отлетѣли-бы на вѣки въ Скандинавскій мрачный рай исключительной храбрости и безконечной брани!... И будущій изслѣдователь исторіи нашей, поминая какъ звали сіи ученія, тогда сказалъ бы: древняя мимоидоша»... Но для норманнской теоріи такое пророчество оказалось бы преждевременнымъ: за Шлецера вступился Погодинъ, «новый паломникъ» Несторовой лѣтописи, и такъ поднялся ученый споръ: циклъ спорныхъ положеній, какія приходилось защищать и оспаривать, расширился, такъ какъ Погодинъ ввелъ новыя и новыя доказательства, однако не вполнѣ убѣдительныя. Къ соображеніямъ о выраженіяхъ лѣтописи и другихъ источниковъ о Руси являются еще ссылки на нѣмецкій характеръ отдѣльныхъ словъ — какъ «тіунъ, вервь, губа, вира», на норманнскій характеръ дѣйствій варяговъ Руси, на норманнскій типъ древнерусскихъ князей и наконецъ норманнское вліяніе въ древнерусской поэзіи и на происхожденіе «Слова о Полку Игоревѣ» въ связи съ сѣверными сагами. Мало-по-малу выбиваетъ Максимовичъ своего оппонента изъ занятыхъ тѣмъ позицій, оспариваетъ ли имя, объясняетъ-ли по своему фактъ или высказываетъ сомнѣніе въ норманнствѣ даннаго слова — въ концѣ концовъ значеніе доказательствъ Погодина—слабѣетъ.

Эта полемика Максимовича съ Погодинымъ о скандинавской теоріи — нѣсколько разъ возобновлявшаяся по разнымъ поводамъ—можетъ служить прекраснымъ примѣромъ полемической манеры Максимовича. Не выходя изъ границъ научнаго спора, не погрѣшая тенденціозностью и не упуская изъ виду главной цѣли — Максимовичъ проявляетъ очень много индивидуальнаго въ своихъ остроумныхъ и живыхъ полемическихъ статьяхъ. По формѣ—это—письма, адресованныя Погодину, и это обстоятель-

Digitized by Google

ство даетъ возможность внести личный элементъ — хотя бы въ видѣ воспоминаній; таковы упоминанія объ университетскихъ лекціяхъ Брянцева и Гаврилова, объ одобреніи Пушкина за статью Максимовича о «Полтавѣ», объ интересѣ Глинки къ малорусскимъ пѣснямъ, бѣглыми чертами обрисовывающія упомянутыя лица. Рамки письма допускаютъ и отклоненія въ сторону— какъ—напримѣръ—воспроизведеніе стихотворенія Прокоповича о солодѣ. Наконецъ и характеръ писемъ — тонъ дружеской бесѣды о спорныхъ вещахъ — ослабляетъ рѣзкость справедливыхъ, но безпощадныхъ—порою — возраженій и эти замѣчанія одѣваются въ шутливую дымку дружескихъ разъясненій, остроумныхъ и тонкихъ [1]). «Мой достойный землякъ, Лукашевичъ,— замѣчаетъ Максимовичъ по поводу натянутаго толкованія Погодина—обратнымъ чтеніемъ словъ составилъ цѣлую многотрудную систему чаромутія, которая полна зародышей и намековъ... Или ты поревновалъ и задумалъ сочинить еще великороссійское чаромутіе, основанное не на словахъ, а на тонѣ и складѣ?... Теперь укоряешь меня — пишетъ Максимовичъ въ другомъ мѣстѣ — зачѣмъ я не разобралъ утвержденій Срезневскаго и Лавровскаго, а взялся за тебя такого-де простодушнаго Великороссіянина, что̀ самъ открылъ свою грудь подъ удары и явился на полѣ сраженія безоружный, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые «ссѣдоша съ конь и порты и сапозѣ сметавше, боси поскочиша». Но зачѣмъ же выскакивать въ такой античной наготѣ? Легко попасть въ баню древяну, какъ написано о древнихъ предкахъ Новгородцевъ: и будутъ нази и обліются квасомъ усніянымъ и возьмутъ на ся прутье младое»... Въ такой шутливой формѣ смягчается рѣзкость возраженія и оно выходитъ мягче, чѣмъ въ прямомъ замѣчаніи, какъ слѣдующее: «ты ли говоришь это, поставляющій себя мнѣ въ примѣръ безпристрастія, говорящій, что и въ своихъ отвѣтахъ мнѣ — ты имѣешь въ виду преимущественно молодыхъ друзей науки!»...

1) С. С. III. 253. 245. I. 140.

Digitized by Google

Возраженія Максимовича Погодину по норманнской теоріи (1841) открываютъ собою рядъ статей и замѣтокъ полемическихъ или критическихъ, вызванныхъ какою либо книгою, новою статьею или случайною ошибкою въ исторической работѣ. Такихъ статей у Максимовича не мало, и интересно, что ученый рано, слишкомъ рано,—по мнѣнію своего ближайшаго ментора-профессора, начавшій въ ботаникѣ и зоологіи разработывать систематическіе обзоры, далъ мало законченнаго и обобщающаго въ сферѣ исторической и историко-литературной: большинство статей написано по поводу какой-нибудь книги, основныхъ воззрѣній на эпоху или какихъ-либо деталей, по случаю какой-либо годовщины, какого-нибудь слуха. Внимательно слѣдя, сколько позволяли обстоятельства, — за разработкою вопросовъ родной старины, изучая вдумчиво архивный и археологическій матеріалъ, Максимовичъ скопилъ массу указаній, большой запасъ «и въ головѣ и въ нотабенкахъ» и ему нуженъ былъ лишь толчекъ, чтобы проявить такое богатство. Максимовичъ избѣгалъ широкихъ, обобщающихъ работъ и такимъ толчкомъ чаще всего служила замѣченная при чтеніи книги ошибка, неправильность точки зрѣнія или случайный пропускъ—и вотъ около такой ошибки выростаетъ цѣлая научная статья: указаніе лѣтописи и стараго писателя, случайно уцѣлѣвшая могильная надпись, отдающее стариною географическое названіе, подпись на старинной картинѣ и фамильный документъ, имя въ помянникѣ или намекъ пѣсни—все это стройно и логично комбинируется Максимовичемъ для доказательства или въ опроверженіе. До него еще ни одинъ знатокъ малорусской старины не располагалъ такимъ обширнымъ запасомъ знаній и—преимущественно—изъ первоисточниковъ. Понятно, что при такихъ свѣдѣніяхъ Максимовичъ могъ высказываться вѣско и авторитетно по различнымъ вопросамъ и онъ считалъ въ интересахъ дѣла своею обязанностью выступать въ такихъ случаяхъ: «поднимаю корогву за нашу мову, за нашу землю-мати, съ которой выживаетъ прадѣдовъ нашихъ почтенный академикъ» пишетъ Максимовичъ Бодянскому

Digitized by Google

о своихъ «Филологическихъ письмахъ»; «тамъ (въ нововышедшемъ томѣ «Исторіи» Соловьева») уже идетъ рѣчь о гетманщинѣ: посмотрю, не надо-ли мнѣ вступить съ нимъ въ прю журнальную»; «хочу непремѣнно отвѣчать небольшою статейкою»—пишетъ онъ Бодянскому по случаю статьи Соковенка [1]).

При такомъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу нѣтъ ничего слишкомъ мелкаго, детальнаго; рядомъ съ провѣркою обобщающихъ построеній должна идти разборка деталей и исправленіе ошибокъ вплоть до поправокъ [2]) неправильно переданныхъ личныхъ именъ. «Не велика важность—кажется—назвать историческое лицо не его именемъ — замѣчаетъ Максимовичъ какъ-то по поводу Костомаровскаго «Богдана Хмельницкаго», но отъ этого небреженія о точности и вѣрности историческаго факта и выходятъ такія ошибки, какая случилась у г. Костомарова, что Иванъ Барабашъ явился у него двуличный, какъ миѳическій Янусъ»... Параллельно съ расширеніемъ нашихъ знаній нужно перебирать и установившіяся прочно — повидимому — мнѣнія и теоріи, не останавливаясь предъ освящающимъ ихъ авторитетнымъ именемъ: «именитость не есть ручательство за истину». Но съ другой стороны, какъ высказывался Максимовичъ противъ чрезмѣрнаго—по его мнѣнію—скептицизма Каченовскаго и его школы, такъ и неодобрительно отнесся къ критицизму Костомарова и къ его оспариванію — напримѣръ — преданія объ ап. Андреѣ. Въ окончательномъ итогѣ всей этой работы является выясненіе былого: «наша переписка или перекличка во всеуслышаніе будетъ не безъ пользы для исторической истины, изъ которой мы и бьемся»... «На полѣ, сжатомъ на скоро историками Малороссіи, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья, и по немногу передаю ихъ въ общую извѣстность»... «Такъ мало по малу опредѣляются для историка Малороссіи, все вѣрнѣе и полнѣе, разныя подробности. А мы того и хотимъ отъ

1) П. Бодянскому. Чтенія 1887. I. сс. 144. 153. 166.
2) С. С. I. 403; I. 101; I. 480; II. 348. I. 238.

Digitized by Google

исторіи, чтобы въ ней старина южно-русская открывалась въ подлинномъ своемъ видѣ до послѣднихъ подробностей, какъ открылись нынѣ древнія фрески на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора изъ подъ штукатурки XVII вѣка»...

Эта старина южно-русская не представляется Максимовичу чѣмъ то далекимъ, отжившимъ; она заинтересовываетъ работающаго надъ нею изслѣдователя. «Я на всѣ праздники уединился[1]) въ Межигорскій монастырь, возсозданный въ Сказаніи моемъ изъ атомовъ, во ста мѣстахъ набранныхъ; по временамъ только выхожу изъ Монастыря въ Полки и Сотни, гдѣ тоже приходится аки пчелѣ собирать, и добро бы медъ, а то пергу невкусную, чтобы изъ нее ссучить восковую свѣчку на поминовеніе покойникамъ родины моей»... Прошлое неразрывными нитями связано съ настоящимъ, сливается съ нимъ. Если Максимовичъ предлагаетъ[2]) построить церковь на Волыни во имя св. князя Ѳеодора Острожскаго, установить крестный ходъ на Оскольдову Могилу и заложить въ Кіевѣ храмъ Влахернской Богоматери, обратившей Кіевскую Русь отъ язычества къ христіанству, или назвать холмъ надъ Днѣпромъ Всеволодовымъ холмомъ въ память Всеволода Ярославича, или напоминаетъ о строительницѣ Кирилловскаго монастыря кн. Маріи, женѣ Всеволода Ольговича,—то это именно живая память о прошедшемъ, воскрешающая живыя лица и фигуры въ историческихъ мѣстностяхъ и урочищахъ[3]): «зеленѣютъ по горамъ, еще въ полной силѣ, огромные многовѣковые дубы... Безотвѣтные они свидѣтели долгой жизни монастыря (Межигорскаго), но подъ ихъ сѣнью, подъ шумомъ ихъ листьевъ, живѣе воображается почти забытая старина этого достопамятнаго мѣста... Особенно хорошо здѣсь — замѣчаетъ Максимовичъ о Выдубецкомъ мона-

1) И. М. Каманинъ. Письмо М. А. Максимовича къ П. А. Кулишу («уединился въ Межигорскій м.» и «выхожу въ Полки и Сотни» — намеки на работы Максимовича о Межигорскомъ м. и Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ).

2) С. С. I. 170; II. 90; II. 244; II 171.

3) С. С. II. 256; II. 244; I. 752; II. 329.

Digitized by Google

стырѣ — «весною, когда Днѣпровскія волны разольются, какъ синее море, и полуденный вѣтеръ отъ нихъ навѣваетъ такую животворную свѣжесть, что и давно отжитая старина какъ будто молодѣетъ въ вашей памяти»... Днѣпровскіе берега «освящены для насъ весельемъ св. Владиміра, кровью св. Бориса и смертью Мономаха», а позднѣе козацкими движеніями, и если современный Переяславъ «нынѣ живетъ себѣ спокойно на распашку, отдавая иногда свои старые валы за деньги на выварку селитры и не пускается въ даль», то «не такъ было за девять вѣковъ, когда и послы, и купцы Переяславскіе ходили въ Царьградъ, и брали тамъ себѣ оклады у Грековъ, какъ заповѣдалъ вѣщій Олегъ»...

«Старое путище, ведущее черезъ глубокую долину къ тѣснымъ улицамъ, не было ли тою дорогою, по которой Владиміръ ѣхалъ къ своей Рогнѣдѣ, и которая послѣ 985 г. стала для него уже не милымъ путемъ и вѣроятно была имъ оставлена?» При такомъ живомъ [1]) отношеніи къ былому нужно дорожить и малѣйшими остатками старины: не тронутымъ незастроеннымъ еще «уголкомъ земли Старокіевской, сохраняющимъ на себѣ свой древній природный видъ», старою могильною плитою, вдѣланною въ полъ и потому стирающеюся подъ ногами прохожихъ, древнею полуразрушенною церковью, памятникомъ былого. И станетъ понятными тогда — и жгучая тревога Максимовича за судьбу Межигорья при слухахъ, что оно продается съ торговъ, и нѣсколько запальчивые упреки Закревскому въ небрежности и поспѣшности при реконструкціи топографіи древняго Кіева...

Эти замѣтки по поводу того или иного слуха, справки о годовщинѣ, рецензіи на книгу, поправки замѣченной ошибки — все вмѣстѣ взятое составляетъ непрерывную цѣпь статей и справокъ по исторіи Малороссіи отъ временъ древнѣйшихъ и кончая XVIII вѣкомъ. Детальнѣе всего остального разсмотрѣны—исторія Кіевской земли и времена казачества.

---

1) С. С. II. 42.

Digitized by Google

Выше указана была полемика по норманнскому вопросу и славянское толкованіе спорной страницы, сдѣланное Максимовичемъ въ отвѣтныхъ статьяхъ: и позднѣе приходилось затрагивать Максимовичу этотъ неразрѣшенный споръ—напримѣръ—по поводу козачества и предполагаемаго норманнства Тьмутаракани. Отдѣльнымъ эпизодомъ этой полемики является защита мѣстнаго происхожденія «Слова о полку Игоревѣ» противъ пріуроченья его Погодинымъ къ скандинавскимъ культурнымъ вліяніямъ и творчеству сагъ. «Слово» любимый памятникъ Максимовича, и онъ не разъ возвращался къ нему. Интересна подчеркиваемая постоянно Максимовичемъ мысль о связи между Словомъ и позднѣйшими малорусскими народными пѣснями.

Кіевской Руси посвящалъ Максимовичъ преимущественно статьи историко-географическія и историко-топографическія: касаются онѣ чаще всего стараго Кіева и матеріалъ, подобранный съ древнѣйшаго періода до недавнихъ — сравнительно—временъ, представляетъ собою связную исторію, пріуроченную къ судьбѣ отдѣльныхъ урочищъ, старинныхъ зданій, церквей, монастырей, либо, наконецъ, древнихъ городовъ, а съ ними въ связи и отдѣльныхъ небольшихъ княжествъ (напр. Пересопница), въ другомъ случаѣ исторія княжества пріурочивается къ судьбѣ княжескаго рода (Письма о кн. Острожскихъ).

Временамъ послѣ Монгольскаго нашествія посвящена детальная критика представленій о коренномъ запустѣніи Украины, представленій, явившихся въ исторіографіи — въ связи съ польскимъ воззрѣніемъ о польской культурѣ и колонизаціи въ опустѣвшихъ малорусскихъ земляхъ и съ Погодинскою гипотезою — съ другой стороны — о позднѣйшемъ переселеніи современнаго малорусскаго населенія въ запустѣвшія послѣ Татарщины земли. Максимовичъ считаетъ преувеличенными представленія о совершенномъ запустѣніи Южной Руси въ Монгольское нашествіе. Литовской эпохѣ посвящены отдѣльныя историко-топографическія замѣтки (напр. статья о Литовскомъ

Digitized by Google

замкѣ на Кисилевкѣ), генеалогическія справки о русскихъ шляхетскихъ родахъ (напр. Острожскихъ), историческія замѣтки о судьбѣ отдѣльныхъ земель (напр. Кіевской, Волынской) и такія случайныя справки, какъ напр. о Вишневеччинѣ. Полнѣе становятся такія замѣтки съ приближеніемъ къ эпохѣ Церковной Уніи и культурному подъему Южной Руси, связанному съ дѣятельностью Курбскаго, Острожскаго; нужно отмѣтить, что во время составленія, эти справки о православныхъ родахъ шляхетскихъ и ихъ позднѣйшей полонизаціи — кромѣ значенія научнаго — имѣли еще и интересъ общественный, политическій, неясный уже для современнаго читателя.

Такимъ образомъ мы подходимъ къ эпохѣ козачества, такъ внимательно разработанной Максимовичемъ. «Если [1]) любознательность нашихъ историковъ могутъ занимать имена, года, дѣянія царей и цариковъ Татарскихъ, царей и царицъ Босфорскихъ, то для насъ тѣмъ болѣе должны быть занимательны вожди и начальники нашего козачества, историческая жизнь котораго такъ дорога и важна для памяти народной, и которое донынѣ живо въ своихъ потомкахъ казакахъ Малороссійскихъ и Черноморскихъ». О генезисѣ козачества изслѣдователь прямо заявляетъ: козачество было званіе, сословіе, а не племя; на Запорожьи козачество было особое войсковое товарищество, состоявшее преимущественно и собственно изъ Украинцовъ: такимъ образомъ давнее утвержденіе Максимовича (еще въ предисловіе къ Сборнику 1827 г.) о сильной азіатской культурной примѣси не получаетъ здѣсь дальнѣйшаго развитія; оспариваетъ — съ другой стороны — Максимовичъ и предположеніе «о вліяніи Поляковъ на первоначальное образованіе запорожскаго братства», — отстаивая самобытный характеръ ранняго козачества. Организаторами [2]) козачества — по мнѣнію Максимовича были Дашковичъ — православный Русинъ и Лянцкоронскій —

1) С. С. I. 296.
2) С. С. I. 254. 289. 292. 293.

Digitized by Google

личность неясная: въ другомъ мѣстѣ Максимовичъ называетъ Дашковича «первоначальнымъ подвижникомъ приднѣпровской козачины»: «несправедливо вмѣнять Дашковичу первоначальное собраніе и устроеніе Запорожскихъ выходцевъ. Товарищество Запорожское, съ своимъ общиннымъ устройствомъ и съ своими атаманами существовало еще прежде, чѣмъ Дашковичъ вернулся изъ Москвы и сталъ на Руси Кіевской», но съ другой стороны «не иному кому, какъ доблестному Дашковичу, тогдашнее козачество обязано своимъ усиленіемъ и распространеніемъ на Украинѣ приднѣпровской. Онъ упрочилъ бытіе нашего козачества, какъ особаго сословія въ народѣ Малороссійскомъ. Онъ былъ первымъ строителемъ и Чигирина — будущей родины и гетманской столицы Богдана Хмельницкаго». Свои замѣчанія о ранней исторіи козачества и дѣятеляхъ этого времени—Максимовичъ изложилъ въ критической статьѣ объ изслѣдованіи В. Б. Антоновича, посвященномъ этому же періоду. Максимовичъ разбираетъ здѣсь два положенія Антоновича, первое—что первоначально вожди и гетманы казачества были князья Гедиминовичи, а позднѣе съ усиленіемъ демократическаго элемента гетманы козачества были уже не князья, а выборные изъ среды козачества, второе положеніе — объясняетъ общинный строй козачества особенностями мѣстной жизни въ Приднѣпровьи, именно отсутствіемъ здѣсь древнерусскаго боярства и переселеніемъ сюда жителей съ Волыни, уходившихъ отъ надвигавшагося владѣльческаго гнета. Къ указаніямъ о генезисѣ козачества относится и небольшая замѣтка въ отвѣтѣ С. М. Соловьеву, что высказанное московскимъ профессоромъ отожествленіе козака съ бѣглымъ холопомъ есть взглядъ польско-аристократическій, явившійся въ то время, когда было козачество во враждѣ и борьбѣ съ панствомъ королевства польскаго. Примѣромъ критической провѣрки можетъ служить нѣсколько разъ пересматриваемый и дополняемый Максимовичемъ перечень гетмановъ до Хмельницкаго, перечень составленный путемъ комбинировки данныхъ лѣтописныхъ и указаній старыхъ компиляцій.

Digitized by Google

Изъ дѣятелей первой половины XVII в. наибольшее вниманіе посвящаетъ изслѣдователь Сагайдачному: не мало труда положилъ онъ на критическую провѣрку свѣдѣній объ этомъ козацкомъ гетманѣ и изложилъ о немъ выводы въ двухъ статьяхъ: «Изслѣдованіе о гетманѣ Сагайдачномъ (1843) и «Сказаніе» о немъ же (1850): детально разбираетъ здѣсь Максимовичъ ошибки и некритичное пользованіе источниками у своихъ предшественниковъ, исправляетъ такія ошибки на основаніи первоисточниковъ и въ концѣ статьи останавливается на народной пѣснѣ о Сагайдачномъ, отдавая предпочтеніе изъ двухъ возможныхъ здѣсь Сагайдачныхъ—гетманъ или сподвижникъ Дорошенка—гетману.

Ставя эпиграфомъ статьи слова современной вирши — «несмертельной славы достойный гетмане», изслѣдователь такъ характеризуетъ значеніе Сагайдачнаго: «если побѣдоносная сила Богданова была мечемъ, освободившимъ Украйну отъ Польскаго ига, то могучее, непобѣдимое мужество Сагайдачнаго служило хранительнымъ щитомъ православной Кіевской Руси въ ту печальную, тяжелую годину, какая постигла ее послѣ отважнаго Наливайка... возстановленіе православной Кіевской митрополіи, 25 лѣтъ сиротѣвшей безъ пастыря подъ гнетомъ Уніи, и возобновленіе Богоявленскаго Братства, разореннаго противниками православія: это такія два дѣла, которыя даютъ безсмертіе славному имени Петра Сагайдачнаго»: возстановленіе іерархіи выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ собственно церковной исторіи и получаетъ значеніе общественное: поэтому Максимовичъ соединяетъ эти два имени дѣятелей вообще отличныхъ другъ отъ друга: Петръ Сагайдачный «былъ предтечею безсмертнаго Петра Могилы, такъ блистательно совершившаго то, что начато Сагайдачнымъ»...

Не посвящая церковной уніи отдѣльной статьи, Максимовичъ щедро разсыпаетъ замѣчанія о ней [1]) въ статьяхъ историческихъ

1) С. С. I. 266. 268. II. 207. 235...

Digitized by Google

и по исторической топографіи. «Оскорбительною и ненавистною для народа—для *всѣхъ* сословій Южнорусскаго народа сдѣлалась Унія потому, что она и подготовлена и объявлена была безъ участія и согласія народа; что она вводима была мѣрами насильственными, незаконными и притѣснительными для всѣхъ православныхъ. Можно ли было такому важному дѣлу, какъ соединеніе Кіевской православной іерархіи съ Римско-католическою, совершиться безъ соборнаго совѣщанія и согласія всѣхъ патріарховъ православныхъ? А оно совершилось не только безъ ихъ согласія, но и вопреки желанію южнорусскаго народа,—обманнымъ дѣйствіемъ (іерарховъ)... Но не смотря на народный протестъ противъ Уніи, она была введена насильственно, съ утѣсненіемъ православія въ землѣ южнорусской... Унія, равно ненавистная для всѣхъ православныхъ, встрѣтила себѣ отпоръ во всѣхъ сословіяхъ южнорусскаго народа. И каждый своими способами, кто во что горазд, отстаивалъ православную церковь отъ разнообразнаго на нее нападенія со стороны католической и уніатской. Шла не одна войсковая борьба козацкая, но и умственная борьба книжная — та и другая во взаимной связи»... и такимъ образомъ Унія — сама явленіе отрицательное—вызвала явленіе положительное—подъемъ: «сталь, бьющая о кремень, высѣкала искры; и возгоралось вновь просвѣщеніе православно-русское, задремавшее въ Кіевской землѣ во времена ея Литовства. Вотъ развѣ гдѣ *благотворная* сторона тогдашняго господства Польши надъ Украиною, хотя и неожиданная, нежеланная для первой»... Таково общее представленіе Максимовича объ Уніи и ея значеніи въ Южнорусской исторіи; останавливается изслѣдователь и на отдѣльныхъ эпизодахъ этого времени—такой характеръ имѣетъ небольшая статейка о Никифорѣ Турѣ, гдѣ разсказывается о сопротивленіи передачѣ Печерской Лавры въ руки уніатовъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ относится Максимовичъ къ выдающемуся дѣятелю этого времени, Петру Могилѣ, не разъ останавливаясь на основныхъ фактахъ его разнообразной дѣятельности.

Digitized by Google

Объединяя въ одну цѣльную картину различныя явленія этой эпохи, Максимовичъ устанавливаетъ тѣсную связь между состояніемъ православной церкви и козацкими движеніями [1]). «*Обида православія* была главною, самою чувствительною, горшею обидою для всего Южнорусскаго народа... То была душа всего, то былъ nervus rerum gerendarum»... Эта черта объясняетъ и отношеніе населенія къ козачеству въ эту пору: «несправедливо—замѣчаетъ Максимовичъ Грабовскому—и ваше ограниченіе тогдашнихъ украинскихъ смутъ одними войсковыми бунтами, мятежами черни»... «Въ тѣхъ смутахъ главнымъ и постояннымъ дѣломъ было отстояніе православной восточной вѣры отъ нападеній католико-уніатскихъ: и въ этомъ отстояніи своего православія, равно драгоцѣннаго для всѣхъ сословій, принимали живое участіе всѣ сословія Южнорусскаго народа... въ кругу той всеобщей и разнообразной борьбы, козацкія возстанія, которыя для Поляковъ, конечно, были «войсковыми бунтами», для православно-русской стороны были «крестовыми походами»... Изслѣдователь объединяетъ единствомъ основныхъ чертъ всѣ козацкія движенія, «всѣ козацкія войны съ Поляками, и Хмельницкаго и прежнихъ гетмановъ», всѣ онѣ были направлены «за вѣру и свободу святорусской Кіевской земли»... «Польское стремленіе поработить себѣ равныхъ и жестокое насиліе православной вѣры въ Кіевской землѣ отъ Польскаго Католичества и отъ изобрѣтенной церковной уніи произвели ту двухвѣковую междоусобицу Польско-козацкую, которая прекратилась только съ концемъ Запорожья (1775), Козацкой Украины (1782) и королевства Польскаго (1795)... И въ историческомъ ходу всей Русской жизни, то заслуга и слава нашего Южнорусскаго козачества, Украинскаго и Запорожскаго, что оно, борясь такъ долго и крѣпко съ Турецкою и Татарскою силою, въ отпоръ ее отъ Русской земли, такъ мужественно отстояло у себя православную восточную церковь отъ Католичества запад-

1) С. С. I. 273. 272. 508. 511.

Digitized by Google

наго, а свою Русскую народность отъ Полячества; а въ гетманство Богдана (Хмельницкаго) освободило свою многострадальную Матерь-Украину отъ Польскаго ига и добровольно примкнуло съ нею въ общій составъ Русскаго міра»...

Этому [1]) «славному Богдану» — «любимцу и представителю народа своего, красѣ и славѣ козачества Южнорусскаго» — посвящаетъ Максимовичъ рядъ «писемъ» по поводу труда г. Костомарова «Богданъ Хмельницкій». Адресованы эти письма Погодину и авторъ замѣчаетъ въ началѣ третьяго письма: «пишу мои критическія замѣчанія собственно для тебя, какъ для историка, а потому и стану иногда входить въ такія подробности, которыя для большинства читателей могли-бы показаться лишними и мелочными, но онѣ будутъ пригодны для всѣхъ изучающихъ эпоху гетмана Хмельницкаго, слѣдовательно и для самого г. Костомарова». Дѣйствительно, замѣчанія Максимовича пригодились Костомарову и онъ ими воспользовался въ слѣдующихъ изданіяхъ своего изслѣдованія. «Богданъ Хмельницкій (Костомарова) хорошъ, какъ широкій Днѣпровскій лугъ, въ ту пору, когда красуется онъ длинными рядами свѣжихъ травныхъ покосовъ, послѣ удачной косовицы и благовременной гребовицы. Но за привольною и веселою работою косарей и гребцовъ настаетъ спѣшная и тяжелая работа тягальниковъ и кидальниковъ, чтобы уготованное, благоуханное сѣно сложилось плотно въ стройныхъ скирдахъ... Эпоха гетмана Хмельницкаго, да и самъ великій Богданъ, стóятъ того, чтобы трудолюбивый г. Костомаровъ поработалъ надъ нимъ съизнова, чтобы пересмотрѣвъ и перебравъ критически весь богатый запасъ, имъ собранный, сложилъ бы его въ новую исторію Богдана Хмельницкаго, равно удовлетворительную для публики и для ученаго круга спеціалистовъ»... Въ цѣляхъ облегченія такого пересмотра — Максимовичъ даетъ цѣлый рядъ указаній и поправокъ, начиная съ толкованія имени Яcько и кончая выясненіемъ психологіи самого

1) С. С. I. 398. 400. 399.

Digitized by Google

гетмана: критически разобралъ здѣсь Максимовичъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о Хмельницкомъ, совершенно отрицая одни (разсказъ о плѣнѣ Кантемиричей, эпизодъ въ замкѣ Бродскомъ), исправляя другія (смѣшеніе Барабаша и Ормянчика, дата пріѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ 1648 г.) и, наконецъ, дополняя третьи (о положеніи отца Хмельницкаго, о званіи самаго Богдана Хмельницкаго, о его жизни до открытаго выступленія противъ польскаго режима). Приводитъ здѣсь же Максимовичъ и ранѣе указанную имъ поправку ошибки въ перечисленіи полковъ у Коховскаго и мимоходомъ дѣлаетъ критическія указанія на ошибки и неисправности у старыхъ писателей и въ другихъ источникахъ для изученія этого времени.

Эпохѣ послѣ Хмельницкаго Максимовичъ не посвящаетъ цѣльныхъ статей и замѣтокъ, ограничиваясь лишь отдѣльными указаніями—напр. въ исторіи Межигорскаго монастыря. Такія же указанія даетъ Максимовичъ и о времени Мазепы: «народа не обманешь!—замѣчаетъ какъ-то изслѣдователь—Мазепа[1]) ли не воздвигалъ церквей, не благотворилъ школамъ и духовенству Малороссійскому! и кого изъ вождей Украины больше его превозносили современники пышными панегириками? А между тѣмъ народныя пѣсни донынѣ поминаютъ лихомъ коварнаго гетмана»... Свѣдущій знатокъ мѣстной церковной старины Максимовичъ прекрасно зналъ щедрость Мазепы къ церквамъ и не могъ не задуматься надъ противорѣчіемъ между ежегодно повторяемымъ проклятіемъ Мазепы при анаѳематствованіи и поминаніемъ его въ тѣхъ же церквахъ какъ создателя и благотворителя. Максимовича занимала мысль о снятіи проклятія съ Мазепы, но онъ не нашелъ сочувствія къ такому своему намѣренію, а П. Лебединцевъ—узнавъ о желаніи Максимовича обѣлить память Мазепы, указалъ на неудобство такого ходатайства и добавилъ притомъ характерное замѣчаніе, что золотилъ и строилъ церкви Мазепа на козацкія деньги, а какъ жилось населенію въ его гетман-

1) С. С. I. 580.

Digitized by Google

ство—про то знаетъ всякій. Отголоскомъ занимавшей Максимовича мысли осталась замѣтка къ напечатанному имъ письму гетмана Скоропадского къ м. Іосафу Кроковскому.

Между замѣтками Максимовича о XVIII в. важна критическая статья по поводу сдѣланной Кулишомъ оцѣнки «Записки» Г. Н. Теплова о Малороссіи. Кулишъ, какъ извѣстно, съ довѣріемъ отнесся къ указаніямъ «Записки» Теплова, оцѣнилъ его проницательность и освѣдомленность и счелъ самую записку плодомъ «любви къ Малороссіи» и «желанія общей пользы»: Максимовичъ началъ съ критической провѣрки сообщаемыхъ Тепловымъ данныхъ о современной Малороссіи и находитъ въ нихъ «путаницу и ложь» и болѣе того ложь «умышленную и недобросовѣстную» и всю записку считаетъ «омутомъ, въ которомъ и самая истина является нечистою и «лжеподобною»; шагъ за шагомъ разбираетъ Максимовичъ указанія Теплова и приходитъ къ выводу, что это—преднамѣренная подтасовка: «такія [1]) гиперболы могутъ еще имѣть мѣсто въ учено-литературной статьѣ, какъ заблужденіе писателя, болѣе или менѣе извинительное, но въ докладной запискѣ государынѣ онѣ представляютъ нечестное и непростительное дѣло гражданина!.. Опорочить всю Малороссійскую старшину и шляхетство преувеличеннымъ показаніемъ ихъ темной стороны—не значитъ еще принести пользу Малороссійскому простонародью. И какой же голосъ возвысилъ Тепловъ въ пользу большинства населенія Малороссійскаго? О козачествѣ онъ налгалъ государынѣ, будто оно почти истребилось и претворилось въ крестьянъ злоупотребленіемъ старшинъ. О поспольствѣ въ концѣ своей записки онъ возвысилъ такой голосъ, что «есть вредъ наближайшій Малороссійскому народу вольный переходъ съ мѣста на мѣсто»...

Такой же характеръ—выясненія чужихъ ошибокъ носитъ и статья «Извѣстія о гайдамакахъ» (1845): это критическія замѣчанія [2]) на книгу Скальковскаго: «Наѣзды гайдамакъ», о которой

1) С. С. I. 552. 561.
2) С. С. I. 573. 579. 582. 587. 625.

Digitized by Google

Максимовичъ говоритъ со свойственною ему образностью: «картину (нарисованную Скальковскимъ) можно уподобить часамъ, въ которыхъ минутная разнитъ съ часовою, а репетиція звонитъ совсѣмъ не то, что показываютъ стрѣлки». Основная мысль Скальковскаго—совершенное отдѣленіе запорожцевъ отъ гайдамакъ и очищеніе первыхъ отъ темнаго пятна, наложеннаго на нихъ разбойничествомъ гайдамакъ. Максимовичъ указываетъ, что этой цѣли достигаетъ Скальковскій обѣленіемъ запорожцевъ и очерненіемъ гайдамакъ, и со своей стороны показываетъ, что между запорожцами и гайдамаками нѣтъ такой коренной разницы и самъ Хмельницкій въ началѣ поднятого имъ движенія былъ тоже «грозный гайдамакъ»: точно также и въ XVIII в., несмотря на свои постоянныя завѣренія — Запорожье стояло въ тѣсной связи съ гайдамачествомъ: «кровавое пятно Коліивщины тогда же слилось съ свѣтлымъ пятномъ славы Запорожской»... Эти критическія замѣчанія подчеркиваютъ прежде высказанное воззрѣніе Максимовича — именно въ злополучной статьѣ «Сказаніе о Коліивщинѣ»,—непропущенной цензоромъ для «Кіевлянина» и напечатанной только по смерти автора. «Кровавый подвигъ Желѣзняка былъ не простой гайдамацкій разбой и не случайное нападеніе запорожцевъ на польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышущее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившейся подъ гнетомъ Уніи; то была предсмертная судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій въ государственномъ тѣлѣ, которое уже близилось къ своему концу. Коліивщина была послѣднимъ отзывомъ тѣхъ возстаній, которыми нѣкогда цѣлая Украина ополчалась на Польшу для спасенія своей вѣры и своего народа, обреченнаго тогда на гоненіе»... Такимъ образомъ впервые у Максимовича эта «кровавая трагедія», одинокое—повидимому—ужасное кровопролитіе является въ тѣсной связи съ предшествующимъ, какъ одно звено въ длинной цѣпи народныхъ движеній противъ польскаго режима, какъ отдѣльный эпизодъ долгой борьбы и вмѣсто признаковъ бунта и мятежа — какъ оцѣнивали Коліивщину съ

Digitized by Google

точки зрѣнія государственной—получаетъ черты народнаго движенія съ глубоко лежащими причинами.

Наряду съ этими замѣтками и статьями, посвященными отдѣльнымъ моментамъ родной исторіи, Максимовичу приходилось отмѣчать и общую послѣдовательность событій, хотя въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, какъ бы общую схему смѣны эпохъ: такова, напримѣръ, исторія Межигорскаго монастыря, проведенная авторомъ отъ временъ древнекняжескихъ до конца XVIII в. (Сказаніе о М. м.). Точно такъ же—но на протяженіи менѣе длинномъ — отражается общая исторія Малороссіи на судьбахъ маленькаго ея уголка—Бубновской сотни, въ родномъ Максимовичу Золотоношскомъ уѣздѣ. Часто возвращаясь къ воспоминаніямъ[1]) своего дѣтства, когда его «еще шестилѣтняго мальчика привезли въ золотоношскій женскій монастырь, на ученіе книжное, какъ въ тотъ же день учительница его, черница Варсонофія въ своей кельѣ посадила его съ указкою за грамотку», Максимовичъ считалъ роднымъ и близкимъ себѣ весь этотъ край и не разъ обращался къ его старинѣ, изучая исторію Малороссіи: онъ чувствовалъ живую связь съ этимъ небольшимъ уголкомъ и съ людьми, которые жили и дѣйствовали здѣсь въ былое время. «Перечиталъ нѣсколько сотъ здѣшнихъ домовыхъ записей у моихъ сосѣдей и родичей сохранившихся и изучилъ порядочно тотъ уголокъ Русской земли, на которомъ живу теперь... пишетъ какъ-то Максимовичъ Бодянскому (1848). «На этомъ участкѣ Русской земли давно уже ведется общественная жизнь Русскаго человѣка—замѣчаетъ Максимовичъ въ своей «Бубновской сотнѣ» послѣ вводныхъ замѣчаній по исторической географіи — и много здѣсь близкаго лично для меня, въ разныхъ отношеніяхъ. Потому я желалъ привести себѣ въ извѣстность прошедшую жизнь Бубнова и его сотни—тѣмъ болѣе, что исторіи Русской недосужно было останавливаться надъ такимъ уголкомъ Руси, гдѣ общественная жизнь ея работала тихомол-

1) С. С. III. 319. П. Бодянскому. Чтенія 1887. I. 136. С. С. I. 749.

Digitized by Google

комъ, не выдаваясь ничѣмъ особеннымъ изъ своего обиходнаго круга. Свѣтъ исторіи, какъ лучи утренняго солнца, озаряетъ прежде всего вершины, да крупныя выпуклости народнаго бытія; а то, что у подошвы его, то остается надолго въ тѣни, и нерѣдко вовсе исчезаетъ изъ памяти людской. Но я люблю прохладу такихъ укромныхъ уголковъ земли Русской, люблю распросить смиреннаго, но забытаго труженика Руси обо всей прошедшей жизни его; посмотрѣть на все, что отъ нея уцѣлѣло, и помянуть съ нимъ нашу родную старину»... У историка, давшаго не мало новаго въ смыслѣ взглядовъ на коренныя перемѣны въ жизни Малороссіи—эта внимательность къ укромной жизни маленькаго уголка, къ мирной дѣятельности незамѣтныхъ людей, соединялась неразрывно и съ любовью къ своему углу, чарующему виду со своей Михайловой Горы. Въ «Бубновской сотнѣ» на ряду съ историческими справками о городѣ Бубновѣ и его положеніи въ прежней административной системѣ дается цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ—о дѣятеляхъ и уроженцахъ этой мѣстности и такимъ образомъ отмѣтки объ общихъ судьбахъ Малороссіи (Первыя времена Бубновской сотни, Послѣднія времена козацкой Украины) смѣняются данными по мѣстной исторіи, семейными воспоминаніями и народными преданіями о быломъ: конечно, въ біографіяхъ мѣстныхъ людей не всегда можно придерживаться обычнаго учета общественнаго значенія историческихъ дѣятелей: такимъ образомъ—напримѣръ—генералъ Неверовскій—«герой двѣнадцатаго года» является здѣсь какъ «лучшій цвѣтъ нашего Побережья, краса и честь Бубновской сотни». Въ общемъ итогѣ эти выписки изъ документовъ, личныя воспоминанія, семейныя преданія и разсказы старыхъ людей про былое — даютъ много матеріала для возстановленія быта былого времени и цѣнны именно безхитростною передачею данныхъ о старинѣ.

Кажется, здѣсь—заканчивая общій обзоръ собственно историческихъ статей и изслѣдованій Максимовича — удобнѣе всего упомянуть о полемикѣ, начавшейся собственно на почвѣ фило-

Digitized by Google

логической и оперировавшей тоже аргументами филологическими, но по затронутымъ вопросамъ примыкающей и къ историческимъ работамъ Максимовича: это—полемика съ Погодинымъ о старобытности малорусскаго языка и населенія. Соображенія Срезневскаго и Лавровскаго о возникновеніи обособленнаго малорусскаго языка — какъ особой вѣтви — рядомъ съ вѣтвью великорусскою,—что совершилось оно не ранѣе XIII—XIV вв. и что въ кругу особенностей малорусскаго языка рядомъ со спеціально-малорусскими находятся и остатки нѣкогда общаго всему славянскому племени и забытаго потомъ у великоруссовъ—эти соображенія въ рукахъ Погодина привели къ неожиданнымъ выводамъ. Защитникъ историческаго правовѣрія заключилъ отсюда, что языкъ старыхъ лѣтописей есть языкъ великорусскій, что, если до XIII—XIV вв. не было еще языка малорусскаго рѣзко обособленнаго отъ великорусскаго, то значитъ до XIII — XIV вв. не было и малороссовъ, которые говорили бы по малорусски, значитъ сюда малороссы пришли уже послѣ Татарщины, а ранѣе жили здѣсь одни великороссы. Противъ такого вывода ополчился Максимовичъ и свои возраженія Погодину изложилъ въ видѣ «Филологическихъ писемъ». «Поднимаю корогву за нашу мову, за нашу землю-мати, съ которой выживаетъ прадѣдовъ нашихъ почтенный академикъ» пишетъ[1]) Максимовичъ. Онъ придаетъ значеніе этому спору: «вотъ тоже и хата: вѣдь оно (слово это) есть и у Чеховъ, и еще у другихъ. Не попалось ли оно гдѣ нибудь въ старописьменныхъ памятникахъ? На этомъ пунктѣ я особенно хочу учинить осаду, какъ на Малаховщинѣ»... Имѣя достаточный запасъ филологическихъ данныхъ Максимовичъ могъ указать погрѣшности у Погодина, который — самъ историкъ — не чувствовалъ себя свободно на чисто филологической почвѣ, но для положительной провѣрки предложенныхъ общихъ построеній — Максимовичъ не всегда чувствовалъ себя достаточно сильнымъ

1) П. Бодянскому l. c. 144. 146. 149.

Digitized by Google

и потому ищетъ пособника: «Между тѣмъ, можетъ быть, и вы примете участіе въ этой полемикѣ — пишетъ Максимовичъ Бодянскому — ибо видите и вы въ долгу на давній вызовъ Погодина написать о языкѣ Нестора. Напишите, да не въ бровь, а въ око!... А мнѣ то какая была бы поддержка въ борьбѣ этой!... Тутъ именно ваше мнѣніе нужно и важно въ нашей распрѣ съ Погодинымъ. Мои письма не берутъ его; пріударьтека вы еще по прежнему его уполномоченію васъ! Это будетъ очень эффектно!... Я очень радъ, что вы вступаетесь таки въ нашу прю; и напередъ уже знаю, что всѣмъ тремъ заразомъ (Срезневскій, Лавровскій, Погодинъ) будетъ давка добрая—яко перомъ троскотати!!!»... Въ своемъ отвѣтѣ Максимовичъ приводитъ рядъ общихъ соображеній противъ предполагаемаго переселенія малороссовъ и отступленія предъ ними великоруссовъ съ юга, разбираетъ указанія Погодина, что пѣсни и былины о Владимирѣ—созданіе великорусскаго племени, унесенное имъ—какъ свое достояніе—съ юга, далѣе указываетъ на поспѣшность отожествленія языка старыхъ лѣтописей съ великорусскимъ и—наконецъ — одно за другимъ оспариваетъ у Погодина признанныя не малорусскими отдѣльныя слова и выраженія лѣтописи, предметы обихода и черты быта. Ведя споръ по товарищески, пересыпая выраженія дружескими замѣчаніями и общими воспоминаніями—Максимовичъ—однако—не пропускаетъ методологическихъ ошибокъ и натяжекъ Погодина и дѣлаетъ ему за нихъ въ полушутливой формѣ серьезные упреки. Вотъ еще примѣръ[1]) въ дополненіе къ вышеприведеннымъ: «итакъ основаніе новой системы твоей рушится, а съ нимъ рушится и самая система твоя, измечтанная всею хитростью! Ты говоришь, что заключенія твои о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами, а не Малороссіянами, и о тожествѣ Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ, съ перваго раза испугали тебя... Не былъ ли то голосъ исторической совѣсти?... Доказывать,

1) С. С. III. 230.

Digitized by Google

что до нашествія Татарскаго на Кіевъ не было Малороссійскаго народа на Руси Кіевской, — для меня все равно, если-бы доказывать, что до нашествія Польскаго на Москву не было Великороссійскаго народа на Руси Московской»...

Заканчивая здѣсь обзоръ трудовъ М. А. Максимовича въ различныхъ областяхъ украиновѣдѣнія — нужно замѣтить, что эта характеристика не исчерпываетъ всего сдѣланнаго покойнымъ историкомъ. Но кажется и этого будетъ довольно, чтобы намѣтить разнообразіе ученой дѣятельности: въ изученіи народныхъ пѣсенъ и въ критикѣ источниковъ, въ этнографіи и въ разработкѣ исторіи языка — въ этихъ областяхъ Максимовичъ далъ цѣнныя работы: чтобы яснѣе представить важность его трудовъ—нужно вспомнить, что мѣстами онъ былъ новаторъ и положилъ первый починъ, а тамъ гдѣ шелъ путемъ — намѣченнымъ и другими — всетаки долженъ былъ продѣлывать и всю подготовительную работу. Эту то подготовительную работу вездѣ замѣчаетъ читатель, когда внимательно просматриваетъ страницу за страницею всѣ три тома «Собранія сочиненій» — научнаго наслѣдія покойнаго историка: и переходя отъ легко замѣчаемаго богатства указаній и наблюденій — разсѣянныхъ повсюду въ статьяхъ и замѣткахъ—къ разсмотрѣнію привлеченнаго изслѣдователемъ матеріала и проработанныхъ источниковъ нетрудно подмѣтить и массу положеннаго на это труда и обширность накопленнаго запаса. И положительною стороною своей научной дѣятельности и отрицательною — критикою общепринятыхъ воззрѣній и научныхъ выводовъ современниковъ — Максимовичъ принесъ большую пользу украинской исторіографіи: его указанія и поправки вошли въ ея обиходъ и во многихъ случаяхъ стали общепризнанными. Поэтому ссылки на Максимовича становятся рѣже, но какъ только переходишь къ исторіи вопроса, къ исторіи его изученія—постоянно встрѣчаешь имя Максимовича. Невольно приходится пожалѣть, что

Digitized by Google

неблагопріятно сложившіяся обстоятельства не дали ему удобныхъ условій для ученой работы, что у него не было обширной авдиторіи или широкаго круга читателей. Правда, во вторую половину своей дѣятельности въ качествѣ историка—Максимовичъ сознательно ограничивался небольшими статьями и замѣтками, не берясь за широкія обобщенія, но переписка его вскрываетъ передъ читателемъ завѣтные планы болѣе широкихъ работъ, планы оставшіеся безъ исполненія и осуществленія: это набрасываетъ на біографію М. А. Максимовича грустную тѣнь надеждъ несбывшихся и неисполнившихся ожиданій.

Александръ Грушевскій.

Digitized by Google

Библіографія.

A. Brückner, Geschichte der Russischen Litteratur, Leipz. 1905.

«Исторія русской литературы» берлинскаго профессора А. Брюкнера представляетъ крупное явленіе, по внѣшнему объему—(книга въ 508 стр.), по имени автора, какъ извѣстнаго ученаго, въ особенности по той основной точкѣ зрѣнія, которая красною нитью проходитъ черезъ всю книгу и составляетъ ея лучшее украшеніе и лучшее достоинство: авторъ настойчиво проводитъ взглядъ о великомъ освободительномъ значеніи русской литературы и ея служеніи высшимъ интересамъ свободы и гуманности. Есть и другія крупныя достоинства—стройное систематическое изложеніе, простой, ясный и выразительный языкъ; эти достоинства ярко выступаютъ при общемъ гуманитарномъ настроеніи автора.

Исторія русской литературы, по словамъ проф. Брюкнера, заслуживаетъ большого вниманія — не по древности или художественному совершенству, но по ея гуманному содержанію, реализму, чистотѣ, по ея идеальнымъ стремленіямъ, наконецъ, по ея глубокому вліянію на успѣхи духовной жизни народа. Въ то время, какъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, рядомъ съ литературой шли другія проявленія свободной жизни народа, въ Россіи народная мысль, со всѣхъ сторонъ сдавленная запретами, искала выхода въ литературѣ, и лишь литература служила до сихъ поръ убѣжищемъ для свободной мысли. Въ концѣ своего труда г. Брюкнеръ приводитъ современный лозунгъ, что такъ жить далѣе нельзя, и отмѣчаетъ то освободительное движеніе, которое охватило всю Россію, земцовъ, горожанъ, желѣзнодорожниковъ, врачей, адвокатовъ, всѣ школы, всѣхъ представителей литературы и прессы, за исключеніемъ «Retiradenschreiber» «Московскихъ Вѣдомостей». Даже мертвые начинаютъ воскресать, и далѣе слѣдуетъ указаніе на движеніе духовенства («ihrer Rolle, als Polizeiorgan müde, will nicht mehr von Stabsoffizieren, Hussarengenerälen und Professoren kommandiert

Digitized by Google

werden»). Не смотря на всѣ гоненія со стороны обскурантовъ, ренегатовъ и предателей, литература много поработала въ дѣлѣ освободительнаго движенія русскаго народа. Начавъ съ роли «лимонада и конфетки», литература постепенно стала яркой выразительницей стремленія къ истинѣ, къ просвѣщенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стала дорогой и цѣнной для всего культурнаго міра.

Въ книгѣ 19 главъ, изъ коихъ лишь первыя двѣ посвящены древней литературѣ (всего 56 стр.), очевидно, очень мало. Первая глава подъ заглавіемъ «Die Anfänge» (1 — 34) представляетъ бѣглый обзоръ исторіи русской литературы до XVII ст., причемъ обнаруживается множество такихъ пропусковъ и умолчаній, которые недопустимы къ исторіи русской литературы, напр., нѣтъ лѣтописей, полное отсутствіе житій святыхъ и легендъ, ничего не сказано о полемикѣ іосифлянъ съ заволжскими старцами; Слову о Полку Игоревѣ отведена одна страница; народной поэзіи также лишь одна страница. Безыменная литература сборниковъ почти совсѣмъ оставлена безъ вниманія.

При крайней краткости, обнаруживается мѣстами еще недостаточная обдуманность и произвольность сужденій. Такъ г. Брюкнеръ говоритъ, что свв. Кириллъ и Меѳодій создали церковно-славянское письмо, «nicht aus Liebe oder Interresse für die Slawen, die sie ja als echte Griechen nur wie Hunde verachten konnten, sondern aus Hass gegen Rom allein».... Сужденіе нѣсколько странное. Свв. братья знали славянскій языкъ, жили среди славянъ, работали для славянъ — почему же они не могли полюбить славянъ и руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ чувствомъ любви, а не чувствомъ презрѣнія.

Удачно отмѣтивъ на немногихъ фактахъ, какъ быстро грубѣло московское православіе и какъ рядомъ, подъ вліяніями византійскими и татарско-азіатскими, усиливался деспотизмъ власти, авторъ переходитъ къ характеристикѣ московскаго невѣжества и затѣмъ говоритъ о первыхъ признакахъ проникновенія просвѣтительныхъ вліяній греческихъ, польскихъ и украинскихъ.

Отмѣчая труды Максима Грека, г. Брюкнеръ замѣчаетъ, что съ него начинается «мартирологъ русской литературы». Далѣе отмѣчены Стоглавъ, Великія Четьи Минеи, Степенная Книга, Домострой, переписка кн. Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ, причемъ авторъ умѣетъ въ трехъ-четырехъ строкахъ подчеркнуть наиболѣе крупныя черты. «Курбскій, по его словамъ, интересенъ, какъ первый личный протестъ».

Digitized by Google

Не совсѣмъ удачно въ слѣдъ за Курбскимъ поставленъ Іоаннъ Вышенскій, притомъ въ одностороннемъ освѣщеніи, въ значеніи выразителя узко-понимаемаго православія и обскурантизма. Іоаннъ Вышенскій — человѣкъ совсѣмъ другой среды, другихъ литературныхъ теченій, другого края, другого народа; существенное значеніе его состоитъ не въ защитѣ старой-школьной системы, а въ яркомъ протестующемъ демократизмѣ. Это былъ соціалистъ на христіанской основѣ, прямой народникъ, дѣятель почти діаметрально противоположный обоимъ высокопоставленнымъ московскимъ полемистамъ, одинаково далекій какъ отъ аутократа Грознаго, такъ и отъ аристократа Курбскаго.

Первая глава оканчивается краткимъ очеркомъ южнорусской науки первой половины XVII ст. На пространствѣ 34 стр. иностранцамъ дано много интереснаго, дано въ понятномъ для западныхъ читателей историко-бытовомъ освѣщеніи; но, въ случаѣ приспособленія книги для русскаго читателя, первая глава требуетъ существенной передѣлки. Русскому человѣку нужно знать о такихъ памятникахъ, какъ Древняя лѣтопись, Слово о погибели земли русской, Житіе Ѳеодосія Печерскаго, о такихъ дѣятеляхъ, какъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, Климентъ Смолятичъ, Нилъ Сорскій...

Вторая глава — «XVII столѣтіе» (34 — 57) заключаетъ обзоръ культурныхъ вліяній Запада, начиная съ эпохи Димитрія Самозванца, съ соотвѣтствующей обрисовкой умственнаго мрака и глубокаго невѣжества, окутывавшихъ русскихъ людей XVII столѣтія, узкихъ споровъ о написаніи Николай или Никола, Іисусъ или Ісусъ, мелкой обрядности раскольниковъ и православныхъ, протоп. Аввакума, п. Іоакима (ein Monstrum von Unwissenheit und Fanatismus). Искусно отмѣчены послѣдующія польскія, украинскія и нѣмецкія вліянія. Яркими предшественниками надвигавшагося большого перелома служитъ Котошихинъ («предшественникъ Герцена») и Крижаничъ («одинъ изъ мучениковъ»). Тутъ же удачно отмѣчены вкратцѣ Повѣсти о Горѣ Злочастіи и о Фролѣ Скобѣевѣ. Немногими краснорѣчивыми чертами обрисованы бѣдность и невѣжество народа наканунѣ реформъ. Находящаяся въ концѣ главы характеристика Петра Великаго отличается большой рѣзкостью и суровостью по отношенію къ Великому Преобразователю. По словамъ г. Брюкнера, Петръ Великій былъ такой же варваръ, какъ Іоаннъ Грозный, такой же безсердечный, жестокій, и разница между ними лишь съ мелочахъ; тутъ авторъ впадаетъ въ заблужденіе и въ

Digitized by Google

явное противорѣчіе, когда послѣ вѣрной дѣйствительности мрачной картины московскаго обскурантизма, петровскую реформу объясняетъ независимо отъ личнаго генія Преобразователя, какъ продуктъ времени. Въ лицѣ Петра Великаго выдвинулась самостоятельная громадная умственная сила, подчинившая себѣ и время, и обстоятельства.

Третья глава съ заглавіемъ «Das veränderte Russland» (57—85) обнимаетъ время отъ Петра Великаго до Екатерины II. Нѣсколько страницъ отведено изложенію реформъ въ области школы, указанію на главные переводы, на положеніе театра, на литературную дѣятельность Яворскаго и Прокоповича; съ двумя послѣдними именами, по словамъ автора, заканчивается участіе духовенства въ литературѣ (Jaworskij und Prokopowic sind die beiden letzten Geistlichen, die der Litteraturhistoriker zu erwähnen braucht). Далѣе идутъ страницы о Посошковѣ и Татищевѣ. Такъ какъ въ Посошковѣ еще жила память о земскомъ соборѣ, то для него пріуготована была смерть въ тюрьмѣ; тутъ виной было что-то другое — не земскій соборъ, такъ какъ Посошковъ былъ сторонникъ самодержавнаго абсолютизма, должно быть, причиной были его общія раціонально-экономическія идеи, въ частности его скептицизмъ относительно крѣпостничества. Посошковъ скончался въ Петропавловской крѣпости: «er weihte somit dieses Mausoleum für lebende russische Schrifteller ein» — съ горечью замѣчаетъ г. Брюкнеръ. «Possoschkov wollte die Gerechtigkeit auf Erden verkörpert sehen; sein Zar rang nur nach Macht; der Bauer war Christ, sein Herrscher Heide».

Послѣ обзора трудовъ Кантемира, Татищева, Третьяковскаго, Сумарокова, Ломоносова, авторъ замѣчаетъ, что величайшими людьми въ Россіи XVIII в. были Петръ Великій, Прокоповичъ, Ломоносовъ и Радищевъ, въ особенности Ломоносовъ; но всѣ ихъ главныя заслуги лежатъ внѣ изящной словесности.

Четвертая глава—«Екатерина и ея время» (85—131) одна изъ лучшихъ по мастерскому и стройному расположенію матеріала. На первомъ мѣстѣ стоятъ Императрица Екатерина, Радищевъ и Новиковъ, на второмъ Державинъ, Фонъ-Визинъ и Карамзинъ. Имп. Екатерина II и основной тонъ ея правленія охарактеризованы ярко и мѣтко: «для нея все было комедіей, ея религія, національность, философія, гуманность; подлинны были только безграничное честолюбіе, тщеславіе и диллетантизмъ. Екатерина II противоположность Петра Великаго. Послѣдній стремился къ сущности, первая къ по-

Digitized by Google

казности. Съ одной стороны блескъ завоеваній, съ другой финансовое разореніе, голодъ, чума, крѣпостничество. Умная императрица успѣла заявить себя философомъ, литераторомъ, и, при всѣхъ недочетахъ ея царствованія, съ ея именемъ связано много блеска... Конецъ царствованія ея омраченъ обскурантизмомъ и гоненіями на Радищева и Новикова, которымъ авторъ посвящаетъ нѣсколько содержательныхъ и прочувствованныхъ страницъ, причемъ попутно излагаетъ французскія раціоналистическія и нѣмецкія мистическія вліянія, въ особенности въ выраженіи ихъ въ массонствѣ, въ дѣятельности Шварца, Лопухина, Невзорова, Лабзина.

Пятая глава—«Время Александра I» (131—168) заключаетъ въ себѣ характеристику личности Имп. Александра I и обзоръ дѣятельности Шишкова, Карамзина, Рылѣева, Грибоѣдова, Жуковскаго, Нарѣжнаго, попутно вкратцѣ о др. писателяхъ начала XIX ст. Отзывы большей частью вѣрны и мѣтки. Коснувшись перевода «Одиссеи» Жуковскаго, г. Брюкнеръ говоритъ: «Духъ классической древности былъ всегда чуждъ русскимъ. До Петра Великаго древніе писатели еле были извѣстны по имени; кіевляне занесли классицизмъ въ Москву; но онъ оставался здѣсь совершенно безплоднымъ. Классики проходили позднѣе изрѣдка черезъ французскіе переводы, но цензура и тутъ вмѣшивалась, не допускала, напр., Демосѳена, какъ республиканца. Въ то время, когда въ Западной Европѣ сталъ глохнуть интересъ къ древнимъ литературамъ, въ Россіи тріумвиратъ изъ гр. Д. Толстого, Каткова и Леонтьева сталъ насильно вводить ихъ, въ стремленіи сдѣлать занятія трудными, а юношество отупѣлымъ — «in der bestimmten Absicht einer Verdummung der Jugend und einer Erschwerung der Studien». Цѣль обскурантовъ была достигнута, и нигдѣ въ мірѣ классицизмъ не представляется столь безплоднымъ и столь ненавидимымъ — какъ на Святой Руси. Учителя, какъ военные музыканты, были выписываемы большей частью изъ-за границы, и Россія дала только одного филолога по призванію — г. Зѣлинскаго; но и этотъ единственный филологъ къ Святой Руси имѣетъ довольно отдаленное отношеніе. Авторъ, однако, не упускаетъ случая отмѣтить немногихъ истинныхъ друзей классическаго образованія, двухъ Муравьевыхъ, Мартынова, Гнѣдича. Жуковскому, какъ переводчику, дана высокая оцѣнка.

Шестая глава (168 — 198) посвящена всецѣло А. С. Пушкину. Приведена біографія, данъ обзоръ сочиненій, сдѣлана общая оцѣнка. Въ біографіи есть недочеты, напр., обойдено молчаніемъ роковое

Digitized by Google

значеніе женитьбы. Значеніе Пушкина поставлено высоко, какъ значеніе творца національной литературы. На 30 страницахъ вмѣщенъ довольно полный, стройный и яркій обзоръ литературной дѣятельности Пушкина въ связи съ главными событіями его жизни и въ связи съ измѣненіемъ его убѣжденій. Отдѣльныя характеристики кратки, но содержательны; напр.: «Борисъ» — калейдоскопъ историческихъ сценъ; каждая отдѣльная сцена написана съ удивительной простотой, чувствомъ мѣры и правды, съ большой любовью къ предпринятому труду, о которомъ Пушкинъ писалъ: «c'est une oeuvre de bonne foi». . . Дѣйствующія лица облечены имъ плотью и кровью и выступаютъ въ томъ разнообразіи, какой давала жизнь. Истинное чудо—языкъ, единственный въ своемъ родѣ, по простотѣ, красотѣ и силѣ». . . .

Авторъ относится къ Пушкину съ любовью, находитъ, что «es ist dankbar und verlockend von Puschkin zu reden», соглашается вполнѣ съ тѣмъ, что онъ обрелъ новые звуки для пѣсенъ, что онъ былъ свѣтелемъ свободы, что, вообще, это былъ человѣкъ съ чрезвычайно разнообразными и высокими способностями. «Ebben die sozialen Wellen ab, so kehrt man zu seiner Poesie der Schönheit gläubig wieder; der Zauber, den sie ausstrahlt, ist eben ein unvergänglicher!—такими словами заканчивается глава о Пушкинѣ.

Седьмая глава—«Романтики» (199—221)—заключаетъ въ себѣ обзоръ литературной дѣятельности писателей Пушкинской школы—Дельвига, Языкова, Баратынскаго, Веневитинова, Козлова, Подолинскаго, Полежаева, Кольцова и Лермонтова, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, Лермонтову отведено наиболѣе мѣста. Русскій романтизмъ, по словамъ г. Брюкнера, отличается, по сравненію съ западноевропейскимъ, мелочностью, поверхностностью, робостью; объясняется все это не личными свойствами его представителей и выразителей, а условіями тогдашняго аракчеевскаго времени. Единственнымъ пріятнымъ исключеніемъ служитъ Лермонтовъ, и всѣ симпатіи автора на его сторонѣ: Лермонтовъ—«der grosse Hasser und leidenschaftliche Ankläger, der verbitterte, protestierende Pessimist....; neben Puschkin das zweite grosse poetische Genie der Russen»....

Восьмая глава—«Романы и Гоголь» (222—251). Послѣ небольшихъ замѣчаній о сатирическихъ и историческихъ романахъ Булгарина, Загоскина, Марлинскаго и Полеваго, г. Брюкнеръ подробнѣе останавливается на Гоголѣ, сообщаетъ его біографію, отмѣчаетъ противодѣйствіе цензуры, излагаетъ вкратцѣ сочиненія Гоголя,

Digitized by Google

преимущественно «Ревизоръ» и «Мертвыя Души», указываетъ на душевный переломъ, на громовое письмо Бѣлинскаго, приводитъ изъ него небольшое извлеченіе. Въ изложеніи біографіи Гоголя и Пушкина встрѣчаются фактическія погрѣшности, что было уже отмѣчено А. Н. Веселовскимъ въ «Archiv für Slavische Philologie», 1906, XXVIII, I, H., 135—136.

Девятая глава — «Романтическая критика Бѣлинскаго» (251—271). Въ началѣ этой главы идутъ небольшія замѣтки о критикахъ романтической школы, Веневитиновѣ, Бестужевѣ, Вяземскомъ, Полевомъ, Надеждинѣ; затѣмъ болѣе подробно и съ большимъ сочувствіемъ о Бѣлинскомъ. Г. Брюкнеръ находитъ, что «Бѣлинскій, этотъ изгнанный изъ университета плебей и самоучка, горемыка, гонимый дѣятель слова, для просвѣщенія Россіи сдѣлалъ болѣе, чѣмъ всѣ министры, и др. звѣздоносцы, вмѣстѣ взятые. «Русскій Лессингъ», какъ называли иногда Бѣлинскаго, стоялъ неизмѣримо ниже нѣмецкаго Лессинга по глубинѣ научнаго образованія, и далеко превосходилъ его силой своего слова. Хотя до начала царствованія Александра II самое имя Бѣлинскаго было подъ запретомъ; но его сочиненія составляли главный духовный капиталъ, и служили для молодежи, особенно въ провинціи, источникомъ благороднаго идеализма». Г. Брюкнеръ въ другомъ мѣстѣ объясняетъ, что наряду съ эстетикой у Бѣлинскаго есть много такого, что имѣло весьма важное общественное значеніе, эмансипація женщины, рабочій вопросъ, разъясненіе англійской конституціи. Попутно авторъ отмѣчаетъ просвѣтительное значеніе московскаго университета, противодѣйствіе со стороны обскурантовъ, цензурныя притѣсненія. Глава оканчивается краткой замѣткой о Петрашевскомъ и его знаменитомъ товарищѣ по несчастію Достоевскомъ, какъ жертвахъ жестокаго режима.

Десятая глава — «Славянофилы и Западники. Александръ Герценъ» (271—292). Къ славянофиламъ авторъ относится сурово и несправедливо, съ излишней рѣзкостью, напр.: «Die slawophilen Konstructionen der slawischen Bruderliebe und der russischen Weltmission sind uns somit nur Scharlatanerie»; авторъ забываетъ, что ученіе славянофиловъ о взаимной славянской любви иногда навлекало на нихъ подозрѣнія со стороны высшей администраціи; оно было искренно и несовсѣмъ безплодно; между прочимъ, славянофильскими ученіями о славянской взаимности было отчасти подготовлено освободительное движеніе въ пользу Сербіи и Болгаріи. Мѣстами, однако, критика славянофильства остроумна и мѣтка;

Digitized by Google

таково, напр., замѣчаніе г. Брюкнера по поводу извѣстнаго стих. Тютчева «Эти бѣдныя селенія».... «das heist doch aus der Not eine Tugend machen». Авторъ считаетъ характернымъ для русскаго поэта, что ему Христосъ представляется «въ рабскомъ видѣ», для всего народа названіе «крестьянинъ» (т. е. христіанинъ) въ приложеніи лишь къ порабощенному классу населенія. Наибольшее число страницъ и притомъ лучшихъ отведено Герцену; авторъ въ особенности высоко цѣнитъ «Былое и Думы», какъ превосходный источникъ для пониманія эпохи и людей и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ образцовое художественное произведеніе. — Въ концѣ главы авторъ даетъ краткое обозрѣніе «Семейной Хроники» С. Аксакова, какъ историко-бытоваго памятника. Интересно сопоставленіе такихъ разнородныхъ произведеній, какъ «Былое и Думы» и «Семейная Хроника».

Послѣдующія девять главъ посвящены послѣднему пятидесятилѣтію.

Одиннадцатая глава — «Новое Время (1855 — 1905). Критика. (292 — 316)». Послѣ краткаго обзора освободительныхъ реформъ идетъ яркое изложеніе послѣдовавшей вскорѣ (съ 1866 г.) реакціи, которая, постепенно усиливаясь, дошла до бѣлаго террора и нанесла тяжелые удары прессѣ, университетамъ, литературѣ. Отзывы автора очень кратки, мѣтки и рѣзки. Такъ, гр. Д. Толстой—«Verfinsterungsminister», его преемникъ армянинъ Деляновъ — «Seine Landsleute waren stolz darauf, das der dümmste Armenier gut genug für die Russen als Unterrichtsminister», Побѣдоносцевъ — «Grossinqvisitor». Ярко обрисовываетъ авторъ, какъ росли всякаго рода угнетенія, росъ административный произволъ, шли въ ссылку тысячи людей, и получилась «Regierungsweisheit des weissen Terror», причемъ время господства Плеве уподобилось времени императора Павла. Странно видѣть тутъ же рядомъ страничку объ извѣстномъ эпизодѣ съ фельетономъ г. Амфитеатрова и связанныхъ съ нимъ злоключеніяхъ автора. Если уже упоминать объ этомъ эпизодѣ, то во всякомъ случаѣ не въ XI, а въ послѣдней XIX главѣ.

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько рѣзкій переходъ къ исторіи критики; сначала авторъ говоритъ о наиболѣе крупныхъ «эстетикахъ» — Анненковѣ и Дружининѣ, затѣмъ подробнѣе о Чернышевскомъ, Добролюбовѣ, Писаревѣ, Григорьевѣ, Страховѣ, Данилевскомъ, Волынскомъ, Михайловскомъ и Мережковскомъ. Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ сопоставлены, какъ критики реальнаго направленія, какъ люди чистыхъ, благородныхъ стремленій и мученики идеи. По силѣ таланта и по образованію дѣятели эти идутъ

Digitized by Google

въ нисходящемъ порядкѣ. Между прочимъ г. Брюкнеръ даетъ разборъ книги Данилевскаго «Россія и Европа».

Двѣнадцатая глава—«Романъ. Тургеневъ и Гончаровъ» (316—340). Здѣсь даны біографіи этихъ писателей и обзоры ихъ главныхъ произведеній. Наибольшее число страницъ отведено Тургеневу. Авторъ высоко ставитъ Тургенева, какъ художника. Называя Тургенева Пушкинымъ русской прозы, авторъ отмѣчаетъ его тонкое чувство природы. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ признаетъ въ Тургеневѣ писателя весьма образованнаго, чуткаго и гуманнаго. Признано также важное значеніе Тургенева, какъ піонера русской литературы на Западѣ. «Отцы и Дѣти» — безподобный по красотѣ романъ, одинаково интересный отъ перваго до послѣдняго слова. Разбору этого произведенія отведено нѣсколько страницъ.

Тринадцатая глава—«Толстой» (340—364). Авторъ доказываетъ, что мнѣніе о переворотѣ убѣжденій гр. Л. Н. Толстого совершенно несостоятельно. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, раннихъ и позднихъ, онъ остается вѣренъ себѣ, и вся его колоссальная литературная и публицистическая дѣятельность представляетъ въ сущности одну большую автобіографію. Разсмотрѣны юношескія произведенія гр. Толстого, въ которыхъ уже звучитъ отрицаніе искусства и проходитъ идея счастья какъ жизни для другихъ; разобраны романы «Война и Миръ» и «Анна Каренина». Далѣе идутъ краткіе очерки трудовъ Толстого по богословію, статей о морали и др., причемъ великій писатель оказывается реалистомъ и врагомъ всякой мистики. Все его вниманіе обращено не на внѣшнюю природу, которой гр. Толстой совсѣмъ не интересуется, а на человѣка, котораго онъ умѣетъ обрисовать съ удивительной психологической тонкостью. Авторъ считаетъ гр. Толстого однимъ изъ величайшихъ эпическихъ писателей.

Г. Брюкнеръ указываетъ, какъ на явленіе большой важности, что въ Россіи въ лицѣ гр. Толстого выросъ такой нравственный авторитетъ, который не могли сломить ни ортодоксія, ни реакціонерство (Orthodoxe und Konservative), ни Плеве, ни др. террористы, не стѣснявшіеся въ наполненіи тюремъ невинными или почти невинными. Излюбленное «фюить!» въ приложеніи къ гр. Толстому оказалось невозможнымъ, и въ этомъ обстоятельствѣ авторъ видитъ первое проявленіе въ Россіи могущества нравственнаго авторитета, которое г. Брюкнеръ считаетъ весьма знаменательнымъ — какъ признакъ времени.

Четырнадцатая глава—«Достоевскій» (365 — 391) — даетъ пре-

Digitized by Google

восходную обрисовку личности, сочиненій и значенія знаменитаго писателя. Съ первыхъ строкъ г. Брюкнеръ объясняетъ читателю, что предметомъ изображенія у Достоевскаго являются лишь люди больные, ненормальные, потерявшіе духовное равновѣсіе. Достоевскій спеціализировался въ обрисовкѣ мрачныхъ и загадочныхъ явленій человѣческой природы. Послѣ разбора главныхъ произведеній Достоевскаго преимущественно романа «Братья Карамазовы», г. Брюкнеръ приходитъ къ заключенію, что Достоевскій во многихъ отношеніяхъ предупредилъ и опередилъ Ницше и Метерлинка; онъ далъ нѣчто такое, что имѣетъ глубочайшій интересъ, именно, анализъ новой психопатологіи. Сопоставляя Достоевскаго съ Тургеневымъ и гр. Л. Толстымъ, авторъ находитъ, что Тургеневъ и Толстой даютъ образы ясные и реальные; Достоевскій же вводитъ читателя въ таинственную и загадочную область глубочайшихъ душевныхъ противорѣчій и страданій, въ область сверхчеловѣческаго и символическаго; какъ глубочайшій писатель, Достоевскій никогда не можетъ быть забытымъ.

Пятнадцатая глава — «Беллетристы второго ряда» (391 — 424). Сюда вошли Григоровичъ, Писемскій, Чернышевскій (Что дѣлать?), Михайловъ, Маркевичъ, Клюшниковъ, Лѣсковъ. Всѣ они заполнили пока полъ главы, до 404 стр., а вторую половину занимаютъ писатели народники—Рѣшетниковъ, Левитовъ, Гл. Успенскій, Златовратскій, Мельниковъ; затѣмъ идутъ Боборыкинъ, Немировичъ-Данченко, Данилевскій, Мордовцевъ, гр. Салiасъ, Вс. Соловьевъ, Мережковскій (какъ историческій романистъ) и въ концѣ главы двѣ — три стр. отведены женщинамъ писательницамъ — Кохановской, Марко-Вовчокъ, Виницкой, Шапиръ; авторъ двумъ послѣднимъ даетъ мало цѣны (Dürftigkeit des Inhalts, Unbedeutendheit der Gedanken), и сравнительно съ ними считаетъ болѣе характерными для эпохи Софью Ковалевскую и Марію Башкирцеву. Въ такомъ обильномъ содержаніи на разстояніи всего 32 стр. авторъ удачно справился въ распредѣленіи матеріала, напр., о произведеніяхъ Чернышевскаго, Лѣскова онъ говоритъ болѣе, выдвигаетъ главныя и т. д.; говоря о писателяхъ народникахъ, онъ приводитъ ихъ біографіи, какъ «Das endlose Martyrologium der russischen Litteratur»; говоря о сочиненіяхъ Мельникова о раскольникахъ, онъ не забываетъ упомянуть, что расколъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ «unerschöpfliche Goldbergwerk für Polizei und Popen». Вообще, видно ясное и отчетливое пониманіе русской жизни и русской литературы, какъ ея отраженія.

Digitized by Google

Глава шестнадцатая посвящена Салтыкову (424 — 447). Дѣятельности его и значенію г. Брюкнеръ даетъ очень высокую оцѣнку: «самый желчный и горькій писатель, одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ сатириковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ первоклассный литературный талантъ, русскій Свифтъ». Тяжелыя цензурныя условія заставляли его часто прибѣгать къ рабскому языку намековъ и аллегорій, вызывали по необходимости такую туманную литературную обстановку, которая уже нынѣ требуетъ коментарія, при которой иныя произведенія Салтыкова непереводимы на другіе языки и не могутъ быть понятны другимъ народамъ. Сатира Салтыкова несравненнаго достоинства, особенно позднѣйшія его произведенія — «Современная Идилія», «Помпадуры», «Пошехонская Старина», «Господа Головлевы», «Мелочи жизни», «Сказки» и др. Сравнивая «Орла» Салтыкова съ «Буревѣстникомъ» М. Горькаго, г. Брюкнеръ находитъ, что у Салтыкова каждое слово—«Peitschenhieb der Autokratie», и «Буревѣстникъ» далеко блѣднѣе (kläglich, жалокъ). «Россія неблагодарна къ своимъ великимъ сынамъ, говоритъ г. Брюкнеръ, и нынѣ она съ незаслуженною неблагодарностью относится къ Салтыкову, этому русскому человѣку съ головы до ногъ, одному изъ самыхъ великихъ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе оригинальныхъ своихъ писателей».

Семнадцатая глава — «Драма» (447 — 467). Наибольшее число стр. отведено Островскому, какъ писателю почти всецѣло отдавшемуся драматической литературѣ, очень плодовитому и оригинальному. Авторъ даетъ отзывъ о лучшихъ его произведеніяхъ, приводитъ отзывъ Добролюбова, отмѣчаетъ вкратцѣ историческія драмы. Въ концѣ главы находятся замѣчанія о пьесахъ Ник. Соловьева, братьевъ Потѣхиныхъ, В. Крылова, Немировича-Данченко, гр. А. Толстого, Аверкіева. Развитію театра препятствуютъ многія обстоятельства — односторонне-привилегированное положеніе казенныхъ театровъ, перерывы въ посту (reine Prohibitivsistem gegen die einheimische Kunst), цензурный гнетъ. Авторъ при этомъ вспоминаетъ, что величайшія драматическія произведенія Грибоѣдова и Гоголя ускользнули отъ когтей цензуры лишь по заступничеству императора.

Восемнадцатая глава — «Лирика» (467 — 487). «Времена и люди неблагопріятны были для развитія лирики, говоритъ г. Брюкнеръ. Соціальныя темы должны были отойти въ сторону; вмѣсто нихъ дѣйствовало субъективное искусство; при подавленіи всякого свободнаго слова, остались лишь антологическіе мотивы, чуждые для

Digitized by Google

общества и народа». Сначала г. Брюкнеръ говоритъ о Тютчевѣ, Фетѣ, Полонскомъ и Майковѣ, стихотворенія которыхъ могутъ быть интересны лишь любителямъ и знатокамъ поэзіи, и подробнѣе о Некрасовѣ, какъ поэтѣ болѣе популярномъ, болѣе отзывчивомъ на общественныя нужды. Авторъ называетъ Некрасова русскимъ Беранже. Въ книгу вошли краткія замѣчанія о гр. А. Толстомъ, Огаревѣ, Плещеевѣ, Меѣ, Никитинѣ, Кольцовѣ, Случевскомъ (поэтъ философъ), Надсонѣ (нѣжная, чувствительная натура, нервный пессимистъ, печальный, безъ твердой вѣры, но гуманный и благородный). Есть въ книгѣ и новѣйшіе поэты — Фофановъ, Мережковскій, В. кн. Константинъ Константиновичъ, поэты декаденты и ихъ гонитель Буренинъ. Въ концѣ нѣсколько строкъ—слишкомъ ужъ кратко—о лучшихъ переводахъ съ иностранныхъ языковъ.

Послѣдняя девятнадцатая глава (487—508) посвящена новѣйшимъ новеллистамъ. Авторъ указываетъ на ослабленіе литературы; мѣсто крупныхъ произведеній заняли маленькія повѣсти и разсказы, большей частью, пессимистическаго характера (Гаршинъ). Въ этой главѣ находятся краткіе очерки произведеній Короленка, Потапенка, Ясинскаго, Чехова («строгій реалистъ»), Горькаго, Андреева. Горькаго г. Брюкнеръ считаетъ сильнымъ человѣкомъ, буревѣстникомъ новаго поколѣнія, и считаетъ его знаменіемъ времени, а не литературы (kein grossen Künstler). Вообще, авторъ невысокаго мнѣнія о Горькомъ, какъ художникѣ. Болѣе крупное художественное дарованіе онъ усматриваетъ въ Андреевѣ, который отмежевалъ себѣ область крайне субъективнаго изображенія явленій больнаго и ненормальнаго свойства.

Книга оканчивается указаніемъ на взрывъ современнаго освободительнаго движенія, охватившаго всѣ слои общества и народа движенія, въ значительной степени подготовленнаго литературой.

Таково содержаніе этой интересной, содержательной книги. Для западныхъ читателей она даетъ очень много новаго, и для русскихъ, при всѣхъ ея частныхъ недочетахъ, представляется весьма любопытной и полезной.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Digitized by Google

К. Петровъ, Словарь къ сочиненіямъ и переводамъ Д. И. Фонъ-Визина. Изданъ при содѣйствіи Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1904. VI+646, стр. въ $^1/_4$ листа въ 2 столбца.

Въ предисловіи авторъ словаря указываетъ и его значеніе и его главные недостатки. Дѣйствительно, въ его трудѣ мы имѣемъ «первый опытъ словаря къ русскому писателю». Справедливо, что нужно считать недочетомъ въ словарѣ все то, на что указываетъ г. Петровъ: «1) Выписываемыя слова не всегда поставлены на своемъ мѣстѣ вслѣдствіе нашего колебанія относительно ихъ орѳографіи. 2) Такъ какъ многія слова имѣютъ нѣсколько значеній, которыя и отмѣчены особыми цифрами, то въ группировкѣ примѣровъ къ нимъ встрѣчаются нерѣдко сбивчивость и неточность. 3) При многихъ примѣрахъ не указано, изъ какого сочиненія Фонъ-Визина они взяты. 4) На нѣкоторыя слова приведено излишнее количество примѣровъ и пр.».

Г. Петровъ указалъ не всѣ недостатки своего труда. Нѣкоторыхъ онъ не замѣтилъ или не счелъ возможнымъ избѣжать. Обратимъ на нихъ наше вниманіе.

Въ словарѣ есть пропуски. Отмѣтимъ тѣ, которые мы нашли:

Апробованный. «Какъ примѣчанія, такъ и резоны, для которыхъ Академія рѣшилась ихъ принять и апробованное начертаніе перемѣнить, не произвели во мнѣ, признаюсь вамъ, никакого убѣжденія». Письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря (Сочиненія Д. И. Фонвизина подъ редакціею А. И. Введенскаго. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1893. Стр. 254.—Дальнѣйшія ссылки относятся къ тому же изданію).

Безнедоимочно. «Они платятъ подати и оброкъ безнедоимочно». Поученіе, говоренное въ Духовъ День іереемъ Василіемъ, въ с. П. (Соч., стр. 181).

Взмилить.

Тому ужъ года три, боярыня живетъ.
Все плачетъ да груститъ, не взмилилъ ей и свѣтъ.
Коріонъ (Соч., стр. 125).

Digitized by Google

Завтрев. «Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтрева». Недоросль (Соч., стр. 57).

Изворовaться. «Посмотримъ на всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые обѣдняли, или которые изворовались». Поученіе, говоренное въ Духовъ День... (Соч., стр. 180).

Пріобрѣтшій. «Сему историческому извѣстію надлежитъ нынѣ ограничиться... въ изображеніи душевныхъ его (гр. Н. И. Панина) свойствъ, пріобрѣтшихъ ему всеобщее почтеніе». Сокращенное описаніе житія графа Никиты Ивановича Панина (Соч., стр. 184).

Шелмивый. Примѣръ находится при словѣ «дитя».

Щечи́ть.

Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ;
Щечи его казну—твоя казна прибудетъ.
Посланіе къ слугамъ моимъ... (Соч., стр. 152)

Такъ какъ подыскать нѣсколько пропущенныхъ словъ стоило намъ порядочнаго труда, то можно думать, что пропусковъ въ словарѣ не очень много; но они есть.

Мы не искали случаевъ, гдѣ бы были пропущены значенія словъ. Но считаемъ себя вправѣ сказать, что есть и они. Напр., свѣривши съ словаремъ случайно попавшуюся намъ фразу, въ которой есть слово «квартира» въ интересномъ переносномъ значеніи, мы убѣдились, что подобнаго примѣра въ словарѣ нѣтъ. Вотъ эта фраза вмѣстѣ съ другими ее объясняющими: «Наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ. Теперь (когда Академія рѣшила ставить въ словарь глаголы въ первомъ лицѣ настоящаго времени) надобно переводить ихъ на новыя квартиры: *быть* изъ литеры Б отправить въ литеру Е—*есмь*; *слать* изъ литеры С въ литеру Ш—*шлю*, и проч.». Письмо къ О. П. Козодавлеву... (Соч., 258). Затѣмъ попадались намъ и другія значенія словъ, не приведенныя въ словарѣ.

Словарь не обозначаетъ также всѣхъ частицъ, какія встрѣчаются у Фонвизина. Такъ мы не находимъ въ немъ частицы *отъ*, которая считается замѣчательнымъ остаткомъ члена въ русскомъ языкѣ. Въ сочиненіяхъ Фонвизина такая частица употребляется.

Digitized by Google

Въ Недорослѣ г-жа Простакова говоритъ: «Да первоетъ портной у кого же учился?» Здѣсь частица «отъ», членъ мужескаго рода, скрыта неудачнымъ правописаніемъ (нужно бы написать: первой-отъ). Другой примѣръ на «отъ» см. подъ словомъ «нѣмецотъ». Нѣтъ въ словарѣ и частицы *тка*, которая есть у Фонвизина: «Побѣгутка теперь на голубятню»... Недоросль (Соч., 59).

Другія частицы мы находимъ въ словарѣ г. Петрова. Напр., есть *ста*, *ка* (но развѣ въ сочиненіяхъ Фонвизина нѣтъ частицы *ко*, которая должна бы быть болѣе употребительной, какъ это доказано академикомъ Соболевскимъ, разъяснившимъ, что при глаголахъ имѣетъ мѣсто *ко*, при другихъ словахъ *ка?*).

Составляя словарь къ писателю, необходимо собрать не только полный перечень употребляемыхъ имъ словъ, во всѣхъ разнообразныхъ ихъ значеніяхъ, но нужно обращать вниманіе и на грамматическія формы словъ. Если въ склоненіи, въ спряженіи, въ управленіи словъ есть у даннаго автора какія нибудь особенности, ихъ очень желательно видѣть въ словарѣ. Для примѣровъ всего лучше брать слова именно съ такими особенностями. Г. Петровъ поступалъ такъ во многихъ случаяхъ, но не всегда. Напр., мы не видимъ изъ словаря, что

Фонвизинъ слово «домъ» ставилъ въ родительн. пад. въ формѣ «дому»: «отнялъ благодать отъ дому его» (Соч., 181);

слово «коварство» ставилъ и во множеств. числѣ: «съ какимъ презрѣніемъ (гр. Панинъ) сносилъ всѣ коварства мелкихъ душъ» (Соч., 183);

слово «радъ» употреблялъ во множеств. числѣ въ древней и народной формѣ «ради» (примѣръ при словѣ «толчокъ»);

слово «сватать» употреблялъ съ предлогомъ на (примѣръ при словѣ «дѣвушка»);

слово «сынъ» въ родительн. пад. множ. числа ставилъ въ формѣ «сыновъ»: «окруженный тридцатью пятью человѣками своихъ сыновъ, внучатъ и правнучатъ» (Соч., 181 стр.);

отъ «невѣжа» родительный множественнаго у него былъ «невѣжей» (Соч., стр. 127) и т. п.

Мы перечислили недостатки, такъ сказать, количественные, но въ словарѣ г. Петрова есть и недостатки качественные. Самымъ крупнымъ изъ нихъ мы считаемъ тотъ, что въ словарѣ обыкновенно нѣтъ значеній словъ. Это недостатокъ огромный, лишающій словарь и практическаго и научнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ простому читателю сочиненій Фонвизина словарь, въ кото-

Digitized by Google

ромъ онъ не найдетъ, что значитъ то или другое непонятное ему слово? Какую помощь въ затруднительномъ случаѣ окажетъ словарь историку литературы или историку языка, желающимъ навести справку о какомъ либо словѣ? Ученые узнаютъ, что это слово встрѣчается у Фонвизина. Въ какомъ значеніи? — Неизвѣстно. Въ какихъ формахъ? — Невсегда извѣстно. Чтобы уяснить значеніе и время употребленія слова можно-бы навести справку въ его сочиненіяхъ. Дѣло это нелегкое и кропотливое, но оказывается, что этого иногда прямо невозможно сдѣлать, потому что въ словарѣ не обозначается не только тома и страницы изданія, но «при многихъ примѣрахъ не указано, изъ какого сочиненія Фонъ-Визина они взяты» (Предисловіе автора).

Конечно, нѣтъ нужды въ словарѣ къ какому-либо писателю давать объясненія всѣхъ словъ, какія у него встрѣчаются. Многія слова отличаются устойчивостью своихъ значеній. Необходимо однако объяснить всѣ тѣ слова, которыя отличаютъ его сочиненія. Отличія эти могутъ быть трехъ родовъ: 1) сравнительно съ языкомъ предшествующихъ писателей, 2) сравнительно съ языкомъ современниковъ, 3) сравнительно съ языкомъ послѣдующихъ эпохъ и, въ частности, нашего времени.

Соблюсти эти идеальныя требованія трудно. Чтобы упростить дѣло, можно ограничиться наименьшимъ: 1) объяснять слова, которыя стали неупотребительны или малоупотребительны въ наше время, 2) объяснять также слова, значеніе которыхъ впослѣдствіи измѣнилось.

Отмѣтимъ нѣсколько подобныхъ словъ, найденныхъ нами необъясненными въ словарѣ г. Петрова (иногда онъ ставитъ объясненія значеній словъ въ самомъ примѣрѣ, печатая ихъ въ скобкахъ курсивомъ): *благонамѣреніе, благородный, буде, воровать, воровство, воръ, дефиниція, дирекція, диссимуляція, должность, замышательство, камзолъ, капабельный, кафтанъ, конецъ, критикъ, критиковать, литера, низкій, въ разсужденіи, сентиментъ, содомно, содомъ, употреблять, шильникъ, шаль, тпыпъ, шпынять* и мн. другія тому подобныя. При разницѣ языка нашего времени и времени Фонвизина собраніе такихъ словъ могло бы быть многочисленно. Удовлетворить же справедливымъ желаніямъ читающихъ и изучающихъ сочиненія Фонвизина было бы въ этомъ случаѣ и неособенно трудно, такъ какъ у насъ имѣется прекрасное пособіе для объясненія словъ у писателей XVIII вѣка — Словарь Академіи Россійской 1789—1794 г.

Digitized by Google

Въ данномъ случаѣ авторъ словаря не только не исполнилъ нужной части своей работы, но еще и не использовалъ лучшихъ результатовъ своего труда по изученію Фонвизина. При продолжительной и кропотливой работѣ надъ словаремъ Фонвизина ему, вѣроятно, приходилось не разъ задумываться надъ значеніемъ разныхъ словъ и оборотовъ у изучаемаго автора. Дальнѣйшее изученіе текста, сравненіе разныхъ мѣстъ со сходными словами и оборотами, конечно, привели его къ ясному пониманію подобныхъ затруднительныхъ мѣстъ. Жаль, что этими знаніями онъ не подѣлился съ читателемъ. Послѣднему нужно понимать значеніе слова изъ одной, обыкновенно очень короткой фразы, тогда какъ нерѣдко мы понимаемъ слова только въ полномъ текстѣ, изъ совокупности фразъ.

Словарь г. Петрова не обозначаетъ ударенiй, хотя это иногда и возможно, такъ какъ Фонвизинъ кое-что написалъ стихами. Въ этихъ стихахъ мы находимъ интересныя особенности въ ударенiяхъ: *кромѣ́*, *дѣля́тъ*, *третья́го*, *кони́*, *до́мы*, *судьи́*, *во́зьмутъ*, *рѣ́звятся*, *договóръ* и др.

Съ сердитыми шутить я знаю каково.
Кромѣ меня съ собой онъ не взялъ никого.
(Коріонъ. Соч., стр. 125).

Тѣхъ временныхъ друзей всегда превратны нравы:
Не грусть они *дѣлятъ*, *дѣлятъ* они забавы.
(Тамъ же, стр. 129).

За то, что въ жизнь свою трудился сколько могъ,
Съ тоски и съ голоду *третьяго* дня издохъ.
(Лисица—кознодѣй. Соч., стр. 149).

Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей *кони* и колесница...
(Посланіе къ слугамъ моимъ. Соч., стр. 150).

Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы;
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и *домы*...
(Тамъ же, стр. 151).

До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи, подьячіе, солдаты и крестьяне.
(Тамъ же, стр. 151).

Digitized by Google

Что нужды, хоть потомъ и *возмутъ* душу черти,
Лишь только бъ удалось получше жить до смерти!

(Тамъ же, стр. 152).

Иные *ржутся*, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.

(Тамъ же, стр. 152).

Казалось бы, что сей взаимный *договоръ*
Французамъ доставлялъ такой же малый соборъ.

(Къ уму моему. Соч., стр. 153).

Указанія на подобныя ударенія для насъ особенно любопытны потому, что тѣ же формы по ударенію мы находимъ и у другихъ писателей времени Фонвизина и ближайшей эпохи. Напр., у В. И. Майкова находимъ: *отпу́скную* (Сочиненія, изданныя подъ редакціею П. А. Ефремова въ Спб. 1867 г., стр. 29), *судьи́* (стр. 12), *приговóръ* (стр. 12). Фонвизинскій стихотворный текстъ даетъ также, кромѣ указаннаго: *судьи́ — отпу́скная* (Соч., стр. 132), *приговóръ* (Соч., стр. 130).

У Крылова мы укажемъ изъ приведенныхъ формъ: *кромѣ́*, *кони́*, *судьи́*, *зарѣ́звился*:

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, *кромѣ* себя, постыло...

(Лягушка и Юпитеръ).

Кони измучились, и, кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ...

(Муха и дорожные).

Судьи невдалекѣ сбирались:
На ближнемъ ихъ лугу пасли...

(Щука).

Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной.

(Гребень).

Тамъ, гдѣ въ словарѣ г. Петрова мы и найдемъ выписку изъ стиховъ, по которой могли бы опредѣлить удареніе слова, эта вы-

Digitized by Google

писка нерѣдко сдѣлана неудовлетворительно. Стихи часто выписываются неполными строчками и печатаются какъ проза. Читатель не видитъ, что это стихъ, и не можетъ опредѣлить его размѣра.

Напр., вмѣсто:

Что я не буду вѣкъ терпѣть слуги такова
И что тебѣ давно отпускная готова.

(Коріонъ. Соч., стр. 132).

выписано: Тебѣ давно отпускная готова.

Вмѣсто:

Слухъ есть, что сдѣланъ вновь въ Приказѣ приговоръ,
Чтобъ чаще былъ такой во всемъ уѣздѣ сборъ.

(Коріонъ. Соч., стр. 130).

выписано: Сдѣланъ вновь въ приказѣ
приговоръ.

Въ послѣднемъ примѣрѣ изъ двухсложныхъ стопъ выброшено три слога, т. е. стихъ совсѣмъ испорченъ. Кромѣ того, онъ раздѣленъ на двѣ строчки. Конечно, можно возразить на это, что составитель словаря берегъ мѣсто, экономилъ на сокращеніи примѣровъ. Но мы говоримъ какъ разъ о такихъ исключительныхъ примѣрахъ, которыхъ нашлось бы очень немного. Экономія тутъ ничтожная, а потеря для словаря очень большая.

Вмѣстѣ съ размѣромъ при составленіи словаря нужно бы обратить вниманіе и на риѳмы. Мы можемъ указать нѣкоторыя неиспользованныя словаремъ любопытныя грамматическія данныя, заключенныя въ риѳмахъ Фонвизина. Въ Коріонѣ у него есть такія мѣста:

Возможно-ль мнѣ еще достойнымъ быть ее?...
Прерву, прерву скорѣй несчастно бытіе!

Это *ее* (вмѣсто ореографическаго *ея*) въ риѳмѣ съ *бытіе* даетъ нѣкоторыя основанія предполагать, что въ образованномъ обществѣ временъ Фонвизина еще можно было слышать произношеніе *ее* (не *её*), которое теперь наблюдается только въ народныхъ говорахъ. Наше предположеніе найдетъ подтвержденіе и въ правопи-

Digitized by Google

саніи Фонвизина, у котораго форма *ее* пишется съ буквою *ѣ* въ концѣ [1]) (См. слово «онъ» въ разбираемомъ словарѣ).

Приведемъ далѣе:

И, можетъ быть, мой другъ, на свѣтѣ нѣтъ ее!
Вотъ вся моя напасть, вотъ бѣдствіе мое!

(Коріонъ. Соч., стр. 140).

Да если бъ съ вами я и въ томъ не думалъ розно,
За этотъ взяться вздоръ и вамъ еще не поздно!...

(Коріонъ. Соч., стр. 129).

Здѣсь первое риѳмованное двустишіе указываетъ произношеніе письменной формы *ея* (въ нашемъ текстѣ написано не по орѳографіи, требующей *ея*, но по произношенію), какъ *её*. Во второмъ видимъ, что письменное слово «поздно» въ живомъ языкѣ не имѣетъ звука *д* («по́зна» по литературному современному произношенію).

Перейдемъ къ замѣчаніямъ болѣе мелкимъ, преимущественно внѣшнимъ.

Кажется, въ словарѣ есть неточныя выписки. Мы говоримъ такъ неувѣренно потому, что основываемъ свое мнѣніе на томъ плохомъ изданіи сочиненій Фонвизина, на которое ссылаемся все время. Такъ у г. Петрова: «Бормотанье твое», въ нашемъ изданіи: «Твое бормотанье». У г. Петрова, подъ словомъ «привязка»: «Уязвить его привязками», у насъ: «Уязвлять его привязками» (Соч., стр. 183). У г. Петрова, подъ словомъ «прилежность»: «Получившихъ за прилежность свою прейсы», у насъ: «Получившихъ за прилежность свою призы» (Соч., стр. 231). У г. Петрова, подъ словомъ «смога»: «Кто кого смога, такъ тотъ въ рога», у насъ: «Кто кого смога, такъ тотъ того въ рога» (Соч., стр. 149. Здѣсь уже ошибка въ словарѣ несомнительна). У г. Петрова, подъ словомъ «стяжать»: «Заслуги его стяжали ему отъ Двора разныя награды», у насъ: «Заслуги его стяжали ему отъ Двора разныя награжденія» (Соч., стр. 182—183). У г. Петрова, подъ словомъ «устыжать»: «Устыжаемы были его кроткимъ взоромъ», у насъ: «Устыжаемы были кроткимъ и ласковымъ его взоромъ» (Соч., стр. 187).

---

1) Хотя правописаніе можно объяснить преданіемъ, а въ стихѣ можно читать *её*, допуская въ слѣдующемъ *бытіё*.

Digitized by Google

Въ словарѣ г. Петрова много словъ поставлено не на мѣстѣ. Для словаря это очень большой недостатокъ. Если слово поставлено не на мѣстѣ, то его трудно найти. Возможно и совсѣмъ ненайти. Причина сбивчивости въ размѣщеніи словъ—колебанія въ орѳографіи. Но какой бы орѳографіи ни держался авторъ, нетрудно удовлетворить потребности читателей словаря—находить въ немъ каждое слово. Для этого, помѣщая примѣры подъ какой угодно орѳографической формой слова, составитель словаря долженъ былъ помѣщать въ немъ другую форму этого слова со ссылкой на первую. Г. Петровъ иногда такъ и дѣлалъ. Напр., мы находимъ у него въ разныхъ мѣстахъ: *ариѳметика* и *арихметика*, *что* и *што*. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ произошла путаница въ размѣщеніи примѣровъ: подъ формой «что» есть примѣры на «што». Обыкновенно же составитель словаря предпочиталъ ставить примѣры съ разными формами въ одномъ мѣстѣ, не дѣлая соотвѣтствующихъ ссылокъ. Такъ, вмѣстѣ помѣщены: *дѣвушка* и *дѣушка*, *мелкій* и *мѣлкой*, *мелочь* и *мѣлочь*, *помочь* и *помощь*, *судія* и *судья*, *тысяча* и *тысяща*, а *цаловальникъ* и *цаловать* находятся совсѣмъ въ разныхъ мѣстахъ. «Тысяча» и «тысяща», «помочь» и «помощь», «судія» и «судья» ужъ во всякомъ случаѣ нужно было раздѣлить какъ слова русскія и славянскія, подобно тому какъ въ словарѣ отличены «ночь» и «нощь». Для «цаловальника» слѣдовало сдѣлать ссылку подъ словомъ «цѣловальникъ». Иначе этого слова не найдешь.

Причастія, дѣепричастія въ словарѣ напечатаны какъ отдѣльныя слова (жирнымъ шрифтомъ), но поставлены иногда не по алфавиту. Такъ, напр, поставлены слова: *жить*, *живучи*, *живущій*—совершенно отдѣльно и одно вслѣдъ за другимъ. Также напечатаны какъ отдѣльныя слова: *видѣть*, *вижду*, *вишь*, но поставлены они одно вслѣдъ за другимъ и алфавитный порядокъ нарушенъ.

Еще болѣе мы можемъ упрекнуть составителя словаря за тѣ, правда, немногіе случаи, въ которыхъ алфавитный порядокъ нарушенъ безъ всякой причины, по одному простому недосмотру. Намъ попались слѣдующія, поставленныя не на мѣстѣ слова: *возгораться*, *зетать* и на стр. 400—401 цѣлый рядъ словъ, стоящихъ не по алфавиту.

Въ разныхъ мѣстахъ словаря приведены пословицы и поговорки, встрѣчающіяся у Фонвизина. При словѣ «браться»: «Откуда што берется», при словѣ «рыло»: «Ни уха, ни рыла не знаетъ», при словѣ «смога»: «Кто кого смога, такъ тотъ въ рога», при словѣ «сынъ»: «Глупому сыну не въ помощь богатство». При этомъ ни въ

Digitized by Google

одномъ случаѣ не отмѣчено, что это народныя пословицы. Пословицы эти, конечно, общеизвѣстныя (за исключеніемъ третьей). Почти всякій ихъ видитъ сразу. Дѣло всетаки въ томъ, что пословица, подобно цитатѣ изъ чужого сочиненія, острому выраженію другого какого-нибудь извѣстнаго лица, не входитъ въ текстъ сочиненій того писателя, который ими пользуется. Тѣ особенности, которыя есть въ языкѣ пословицы, лексическія и грамматическія, нельзя относить къ языку автора ихъ употребившаго. Прекрасный примѣръ этого даетъ третья изъ выписанныхъ нами пословицъ, въ которой находится древняя причастная форма «смога», окаменѣвшая въ этой пословицы, но давно-давно неупотребляемая въ языкѣ. Поэтому пословицы въ словаряхъ писателей необходимо оговаривать. Еще лучше выбирать ихъ и помѣщать отдѣльно. Этимъ будетъ оказана помощь собиранію и изслѣдованію пословицъ; это дастъ наглядное указаніе того, какъ относился къ пословицамъ данный авторъ.

Г. Петровъ помѣщалъ въ словарь и собственныя имена. Самъ Фонвизинъ былъ противъ ихъ внесенія въ русскій словарь; онъ разсуждалъ такъ: «Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а *уменьшительныя* ихъ еще меньше, и если *Ивану* нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе *Ванькѣ* такая претензія прилична». Далѣе онъ дѣлалъ очень основательныя возраженія противъ доводовъ членовъ Россійской Академіи, настаивавшихъ на правѣ собственныхъ именъ занимать мѣсто въ словарѣ (Соч., стр. 255 и далѣе). Главное дѣло, впрочемъ, не въ томъ помѣщать или не помѣщать эти имена, но какъ помѣщать?

Составитель словаря не выяснилъ себѣ этотъ вопросъ. Нѣкоторыя имена онъ помѣщалъ въ словарь, нѣкоторыя нѣтъ. Напр., въ словарѣ находятся: *Митрофанушка*, *Простаковъ*, *Стародумъ* (впрочемъ, лишь какъ названіе журнала, а не какъ лица), *Софьюшкинъ*, *Софьинъ*, *Милонъ*, *Скотининъ*, *Цыфиркинъ*, *Кутейкинъ*, *Вральманъ*, *Тришка*, но въ немъ не помѣщены: *Митрофанъ* (Терентьевичъ), *Еремеевна*, *Правдинъ*, *Софья*, *Софьюшка*. Трудно понять, чѣмъ руководствовался г. Петровъ при такомъ выборѣ именъ для словаря.

Скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу частныхъ случаевъ.

Въ словарѣ помѣщены отдѣльно *будень* и *будни*, послѣднее съ замѣткой: «см. будень». При первомъ словѣ данъ примѣръ: «Въ будни нѣтъ тутъ живого человѣка». Это вызываетъ нѣсколько вопросовъ: Почему одно и тоже слово приведено въ словарѣ два раза: въ единственномъ и множественномъ числѣ? Почему для даннаго

Digitized by Google

слова помѣщена въ словарѣ форма единственнаго числа, если этой формы не найдено у Фонвизина? Почему примѣръ съ формой «будни» поставленъ при формѣ единственнаго числа, а не множественнаго, гдѣ бы ему слѣдовало стоять?

Г. Петровъ объяснилъ слово «дѣлъ» словомъ «дѣлежъ», но усомнился и поставилъ при этомъ объясненіи вопросъ. Слово «дѣлъ» въ значеніи «дѣлежъ», «раздѣлъ» довольно употребительно, часто встрѣчается въ былинахъ и пѣсняхъ, объяснено въ словарѣ Даля, не представляется непонятнымъ и въ текстѣ Фонвизина, если для опредѣленія его значенія не довольствоваться очень короткой выпиской словаря, а посмотрѣть все это мѣсто. Тамъ говорится, что въ одномъ случаѣ Фонвизинъ въ дѣтствѣ просилъ у тетушки, чтобы ему «на дѣлу» доставались любимыя имъ карты съ красными задками. Тетушка сказала: «я для тебя привозить буду всегда особливо игру съ красными задками, кои въ дѣлежъ входить не будутъ» (Сочиненія, стр. 229). Такимъ образомъ слово «дѣлъ» прямо на мѣстѣ объяснено словомъ «дѣлежъ». Откуда же взялось недоумѣніе составителя словаря?

Слово «зацепа» съ примѣромъ написано черезъ *е*, а помѣщено въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало бы стоять «зацѣпѣ» съ *ѣ*.

При словѣ «ниже» помѣщенъ слѣдующій неподходящій примѣръ: «Офицеры ниже *(даже)* понятія о должностяхъ своихъ не имѣютъ».

«Палка» и «палочье» поставлены въ разныхъ мѣстахъ, какъ разныя слова. Между ними такое же отношеніе какъ между «сукъ» и «сучья», «клокъ» и «клочья» и т. п.

Подъ реченіемъ «сословъ» данъ примѣръ: «Удобнѣйшій къ сему способъ составляютъ сослова». Составитель словаря ставитъ въ концѣ при послѣдней формѣ въ скобкахъ: *sic*. Этого примѣчанія совсѣмъ не нужно было дѣлать, а самый примѣръ слѣдовало перенести подъ реченіе «сослово», такъ какъ форма «сослова» есть совершенно правильно образованное множественное число къ этому послѣднему слову, подобно тому какъ изъ единственнаго числа «слово» получаемъ множественное «слова».

Выраженіе: «Мирное цѣлованіе» въ скобкахъ объясняется: «цѣлованіе мира». Это объясняющее выраженіе также мало понятно, какъ и объясняемое.

Примѣръ съ формою «чернилъ» находится подъ словомъ «чернило». Но едва ли авторъ имѣлъ право давать въ словарѣ эту форму единственнаго числа, если онъ не нашолъ ее у Фонвизина?

Digitized by Google

Сдѣлаемъ заключеніе изъ всего, что мы высказали. Словарь къ сочиненіямъ и переводамъ Фонвизина, составленный г. К. Петровымъ, имѣетъ немало разнообразныхъ недостатковъ, крупныхъ и мелкихъ. Эти недостатки представились бы еще болѣе значительными, если бы мы посмотрѣли на трудъ г. Петрова съ болѣе идеальной точки зрѣнія. Мы не сравнивали его трудъ съ тѣмъ отвлеченнымъ представленіемъ о словарѣ къ писателю, которое можно составить теоретически и къ которому должно стремиться на практикѣ. Наши замѣтки не выходили изъ болѣе тѣснаго круга практическихъ задачъ. Мы держались такихъ взглядовъ на дѣло, отъ которыхъ не можетъ отступить никакой составитель подобнаго словаря. Вотъ почему мы не коснулись въ высшей степени важнаго вопроса о выборѣ источниковъ для словаря, объ отношеніи къ нимъ составителя, о правописаніи.

Какую оцѣнку можно сдѣлать труду г. Петрова? Мы были бы несправедливы, если бы сдѣлали свою оцѣнку на основаніи однихъ недостатковъ словаря. Наши замѣтки—слѣдствіе изученія словаря. Это изученіе привело насъ къ убѣжденію, что составитель словаря взялся за трудъ большой, тяжелый, требующій много вниманія и времени. Онъ довелъ свою работу до желаннаго конца. Если бы пишущій эти строки желалъ перечислять все любопытное и цѣнное, что есть въ словарѣ, то онъ безъ сомнѣнія написалъ бы гораздо больше, чѣмъ теперь.

В. Чернышевъ.

22 ноября 1905 г.

Стојановић Л. В. Новыя Слова Климента Словѣнскаго.

Въ LXXX томѣ Сборника отд. рус. яз. и слов. появился подъ приведеннымъ заглавіемъ трудъ проф. Стојановића, въ которомъ изданъ цѣлый рядъ словъ, приписываемыхъ издателемъ Клименту Словѣнскому. Въ числѣ этихъ текстовъ есть несомнѣнно принадлежащіе Клименту съ обозначеніемъ имени составителя, остальные приписываются ему при помощи сопоставленій стиля и языка съ несомнѣнными словами Климента. Въ числѣ первыхъ наибольшій интересъ представляетъ Слово въ недѣлю цвѣтную подъ № III, въ

Digitized by Google

заголовкѣ котораго Климентъ названъ епископомъ Величскимъ. Это слово до сихъ поръ оставалось неизданнымъ; встрѣчается въ Златоустѣ XII в. — самый старшій списокъ и въ цвѣтной тріоди Хлуд. библ. списокъ болгар. правопис. XIV в. Другія слова этой группы похвала Лазарю, поученіе на преображеніе и поученіе на память св. апост. Марка интересны какъ юго-славянскіе списки. Были изданы всѣ; послѣднее, прибавимъ, было издано въ этой именно редакціи съ пріуроченіемъ его къ апостолу Марку еще А. Х. Востоковымъ. См. Фил. Набл. IV. Изданія Пам. съ объясненіями. Грамматич. объясн. на три статьи Фрейзинг. рук. Изданный Стояновичемъ текстъ представляетъ лишь незначительныя отличія.

Гораздо многочисленнѣе вторая группа словъ, приписываемая Клименту по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Между словами этой группы есть нѣсколько словъ, которыя встрѣчаются въ прологахъ. Таковы слова на зачатіе св. Богородицы, на Рождество Христово, на Крещеніе Христово, на Срѣтеніе Господне, на Вознесеніе, на память св. апост. Петра и Павла, на успеніе Богородицы, въ недѣлю цвѣтную. Изъ нихъ первыя четыре изданы Пѣтуховымъ по рук. XII—XIII в. Имъ же изданы и еще два поученія въ недѣлю мясопустную и сырную въ XL т. Сборника Ак. Наукъ: Древнія поученія на великій постъ.

Какъ извѣстно, еще Ундольскій, первый изслѣдователь литературной дѣятельности Климента, обратилъ вниманіе на подобныя безымянныя поученія и находилъ возможнымъ приписывать ихъ Клименту. Большая часть указаній Ундольскаго подтверждалась при дальнѣйшемъ изученіи этихъ поученій. О всѣхъ ихъ можно сказать, что лексическій ихъ запасъ и стилистическіе пріемы напоминаютъ Климента. Возможно лишь еще предположеніе, сдѣланное Ундольскимъ же, что эти слова могли быть составлены въ подражаніе Клименту. Поученія на недѣлю мясопустную и сырную, намъ кажется, не многимъ отличаются отъ остальныхъ. Иное дѣло напр. похвала св. Николаю чудотворцу, которая и по размѣру превышаетъ остальныя и тѣснѣе примыкаетъ къ другимъ словамъ Климента.

Составленный г. Стојановићемъ словарь помогаетъ производить сопоставленія съ словарнымъ запасомъ несомнѣнно принадлежащихъ Клименту словъ. Отмѣтимъ нѣсколько интересныхъ совпаденій съ житіями Кирилла и Меѳодія: бжіе рабы вь чьсти имѫще; здѣсь божіи рабъ употреблено въ значеніи священникъ и выраженіе вь чьсти (вь чьсть) имѣти заслуживаютъ внима-

Digitized by Google

нія; прибавимъ еще: попещися ср. Житіе Меѳодія. Въ словарѣ, составленномъ г. Стојановићемъ, бросаются въ глаза ошибки: котора (стр. 169) существ. принято за мѣстоименіе, заклепи (стр. 160) существ. принято за глаголъ.

Изданіе г. Стојановића любопытно въ томъ отношеніи, что, повидимому, возможны еще новыя находки, восполняющія объемъ принадлежащихъ Клименту словъ. Только послѣ окончательно исчерпывающаго пересмотра рукописнаго матеріала можно будетъ подвести итоги его дѣятельности, о которой столь правдиво говоритъ греческое пространное житіе. Интересны также будутъ результаты, какіе дастъ изслѣдованіе о переводѣ тріоди, въ составѣ которой цвѣтная по житію есть трудъ Климента.

Между текстами, напечатанными въ приложеніи, помѣщено извѣстное Посланіе Пилатово въ Римъ. Г. Стојановић упоминаетъ при этомъ о другомъ текстѣ этого памятника въ Орбельской тріоди. Въ виду значительнаго различія обоихъ мы хотѣли помѣстить послѣдній въ приложеніи къ настоящей статьѣ, но узнали, что онъ уже посланъ для напечатанія въ Фил. Вѣстн. Г. А. Ильинскимъ. Что же касается слова на Пасху, то въ его основѣ безъ сомнѣнія лежитъ извѣстное пасхальное слово, приписываемое Златоустому и до сихъ поръ читаемое на заутрени. Съ началомъ: аще кто благочестивь и боголюбивь между прочимъ оно находится въ концѣ рук. Публ. библ. F. п. I 26 и писано крупнымъ письмомъ, отличающимся отъ мелкаго письма Типика, который составляетъ главную часть этой рукописи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что изданіе Стојановића весьма цѣнно обширными указаніями параллельныхъ издаваемыхъ имъ словамъ текстовъ. Какъ видно изъ такихъ параллелей къ № III, для возстановленія первоначальнаго текста весьма важны списки Златоструя и Цвѣтной Тріоди. Можно жалѣть, что издатель не могъ принять эти списки во вниманіе, печатая найденный имъ сербскій.

Но есть однако пропуски и у г. Стојановића. Такъ напр. Похвала Ильѣ пророку, изданная нами по Охридскому списку, находится также въ извѣстномъ Златоустѣ Публ. библ. Q. п. I 56. Печатаемъ ее ниже въ виду того интереса, который представляетъ эта пергаментная рукопись, и потому, что она писана средне-болгарскимъ правописаніемъ.

Это слово было издано нами по Охридскому сербскому списку. Хотя болгарскій старше сербскаго, послѣдній представляетъ гораздо больше интереса и сохранилъ намъ текстъ слова въ болѣе

Digitized by Google

первоначальномъ видѣ, не говоря уже о присутствіи въ немъ слѣдовъ, указывающихъ на редакцію еще болѣе древнюю.

Въ настоящемъ спискѣ есть слѣды того, что оригиналъ, съ котораго онъ былъ списанъ, былъ близокъ къ Охридскому списку. Во многихъ мѣстахъ въ рукописи первоначальный текстъ выскобленъ и на его мѣстѣ написаны иныя чтенія, которыя расходятся съ Охридскимъ спискомъ и представляютъ подновленіе текста. Что касается правописанія, то замѣна ж и а ѫ и е есть результатъ позднѣйшаго исправленія текста. Въ настоящемъ текстѣ больше пропусковъ и неправильностей, но иногда и онъ даетъ лучшія чтенія. Съ другой стороны онъ важенъ для установленія порядка текста, который въ Охридскомъ нарушенъ въ зависимости отъ совмѣщенія въ немъ двухъ редакцій слова.

П. Лавровъ.

Слово стѣ҃го иѡана златоустаго похвала прѣдивнаго жи҃тіа иліж прр҃ка. бл҃ви о҃че.

Нинѣ сто҃зарьное сл҃нце нб҃наго кржга. вышестникмь wгнѧ҃ны҃ конь. свѣтлостиѫ҃ просвѣщаѥ҃ть. нн҃ѣ же паки҃. въсиѧ[1]) вьселенаи҃ свѣтозарьними лючѣми[2]) wзарѣѫ҃щисѧ радостию прѣ-ст҃лож (память)[3]) wгненос҃наго прр҃ка иліж. ликьствоующи чт҃ьно творить. и҃лиѧ҃ бо сьи прѣдивн҃ыи҃. вьсиѧ҃ на земи ꙗко сл҃нце. изрждѧ҃ними чюдеси. и знамени просвѣщаѫ҃ вьсего мира. рьвенѣ҃ (пала)[4]) пр҃отивьникь[5]) и непокоривыѫ҃ и҃стинѣ. ег҃а же са хотѣше родити. и҃ видѣ вь снѣ о҃ц҃ь ег҃о и҃меноуѥ҃ми агавь[6]) (241) ꙗко придоша мѫ҃жие[7]) въ вѣлахъ ризахъ. и повиваѫ҃ иліж wгнемь. и wгнь пламеньни даѫ҃ѫ҃ ѥ҃моу ѫ҃сти и вьзвѣсти о҃ц҃ь ег҃о нереемъ и рѣшѫ҃ ѫ҃моу не бойса того. бждеть бо жи-лище ег҃о свѣть и слово ѫ҃го и҃зрѣ҃ніе сѫда[8]) и житие (в)го съ бм҃ь[7]). кышьнимь. и сѫдить и҃зльтом'[8]) мечемь и ог'немь. и рьвенніѥ҃мь своимь. и попалить противьникы[5]) и цр҃ю же вь

1) въ Охрид. вса. 2) златозарными словесы. 3) былъ ж. 4) прибавлено изъ Охрид. 5) противные. 6) именемъ сохавь. 7) гд҃ь. 8) сотдити имать кр҃лю.

Digitized by Google

дни҃ѥ[9]) вьставьшоу нечт҃ивоу. и҆менемь а҆хавоу и҆ не послоушаѫщоу прр҃ка. и҆ молитвѫ сьтвори[10]) кь вы҆ш'немоу бо҃у. и҆ заключи нб҃о. и҆ не ѡ҆дьжди дъждъ[11]) за .г҃. лѣта. і҆ за .ѕ҃. мц҃ь. вьста и҆ и҆де[12]) вь поустынѫ. и таѩшесѧ вь потоцѣ кисаретьстѣмь[13]) и҆ ѿ нб҃есь пищѫ приемлѧ враномь на вьсѣкъ дн҃ь. и҆ прѣсьше вода[14]) ѿ ведра. и҆ вь потоцѣ томь гладемь о҆дрьжимѣ[15]) земи той. и҆ повелѣниѥ приѥмь ѿ ба҃ прр҃кь. и҆ вьставь и҆де вь сареф'тѫ сидоньскѫѫ. и҆ оу҆зрѣ ѥ҆терѫ в'довицѫ. дрьва сьбираѫщѫѫ. и҆ рѣ҃ ѥ҆и҆ и҆лиѩ. и҆ди и҆ створи ми ѡ҆прѣснокь маль. (об.) ѿ мꙋкы[3]) ѥ҆же и҆маши. и҆ снѣми ѿ него. а҆зь же и҆[16]) чѧда твоѩ. и҆ рѣ҃ жена кь и҆лии. живъ бь҃ жива дш҃а твоѩ. а҆ще ѥ҃ въ домꙋ моѥмь боле три грьсти[17]) мѫки и҆ се сьбираѫ полѣн'ца си. да и҆спекьши вькоушѫ ѿ него сь дѣт'ми своими[18]) и оу҆м'рѫ. и҆ рече и҆лиѩ. створи по гл҃оу моемоу. ꙗкоже ти рѣхь. а҆ не и҆маи о҆ то҃ печали. и҆ ѡ҆бита вь домꙋ ѥ҆ѫ и҆лиѩ. и створи жена по гл҃оу илииноу. и҆[19]) ѿ тѡго ч҃а не оскѫдѣ сьсꙋдь мꙋчьны ни ч'ванець[20]) маслы҃. и҆ чюдесем' же растѫщим' ѿ прр҃ка. и оу҆мр҃ѣть сн҃ь въдовицѫ тоѫ[21]) оу҆ неѫже бѣше и҆лиѩ. о҆на же плачѧщисѧ и҆ рѣ҃ кь прр҃коу. почто вьниде вь домь мой. вьспомѣнѫть грѣхи моѥ[22]) и҆ оу҆морити сн҃а моѥго. не расматрѣѫщи бж҃иѫ бл҃годѣти. хотѧщѫѫ ꙗвитисѧ о҆ немь. вьлѣзь же въ клѣть и҆лиѩ. идеже лежаше[23]) о҆трокь оу҆мерꙑ и҆ помоливьсѧ кь вишнемꙋ. и҆ натьклонив'сѧ[24]) трищи. и҆ доунѫ[25]) на лице емꙋ. и҆ ѡ҆братисѧ дш҃а ѥ҆го вьнь. а҆биѥ емь за рѫкѫ и҆ вьстави и҆ и҆ дасть матери своѥи[26]) и вь третиѥ же лѣто по оу҆мр҃ьтвы[27]) ахавовѣ[28]) сн҃ь ѥ҆го о҆хозиѩ. цр҃ь бывь въ ѡ҆ц҃а мѣсто. и҆ пꙋсти[29]) (242) кь илии .н҃. мѫжии и҆ сь петьдесѧт'никомь. бѣде[30]) его

---

9) въ дни ѥго. 10) мольбоу сьтврь. 11) не ѡдьждити землю дьждоу. 12) отиде. 13) харат'сцѣмь. 14) прѣсекши водѣ. 15) прибавлено: соущи. 16) прибавл. и ты. 17) пригрьщь. 18) моими.

19) начиная отсюда до словъ ѿ прр҃ка писано на выскобленномъ мѣстѣ.

20) крьчажьць. 21) тоую. 22) въ слогѣ хи и подправл., послѣ ѥ выскоблена одна буква. 23) слогъ ле писанъ по выскобл. 24) прибавл. надь нь. 25) дьхноу. 26) прибавл. ѥго. 27) оумртвости.

28) писано по выскобл. 29) посла. 30) е вмѣсто ѧ.

Digitized by Google

принти къ[31]) севѣ. и глѫ[32]) прѣче вжии приди до мене. и ре
илиа. ѧще єсьмь прѣкъ бжии. то да сънидеть ѡгнь съ небе. и
попали[33]) все и бы тако и паки пѣсти дроугааго сътника. и съ
сътьмь воинь[34]) и томѣ такоже сътвории. и паки третиаго
поусти. и томоу ѕмлшоусѧ прѣдь прѣкомь. и не створи
ѥмоу[35]) зла. нь[36]) въставь иде[37]) с нимь[38]) къ цроу. и къ третиє
лѣто съвѣщаваше ємоу илиа. люди съврати на горѫ карьмильскѫ. коупно съ въсѣли жрьцы. и лѫжьми[39]) прѣкы. вѣше бо
иуъ до .т.[40]) и ѩко възыде на горѫ карьмильскѫ. и повелѣ
илиа привести два юньца. и призва[41]) к[30]) гле[30]) да помлимьсѧ
къждо къ боу своємоу. да єгоже жрьтвѫ ѡгнь снѣсть[42]). приведи с нѣсь. того[43]) же ли жрьтва ѣстанеть не съжежена
ѡгнемь нѣнимь. тѡ да ѕмрѣть дне. и ре лѫжимь прѣкомь. и
жрьцемь. пожрѣте прьвоѣ вашимь бмь. да познаѣтсѣ (об.) сила
иуъ. и ваша слоужба ѩвлена вждеть. и приведоше[30]) жрьци[44])
и юнець ѥдинь. и заклашѫ и положишѫ безь ѡгнѣ на скрадѣ.[45])
и възвашѧ бгы свож соуѥтныѫ рикающе[46]) ѡкрѣть скради и ѩко
не бы до пладне ничесоже и рѣгжшесѫ[47]) имь илиа. и ре вельми
оуво зовѣте. ѥда[48]) вждѫть заспали[49]) вѫи ваши. и ѩко не бы
ѿ нихъ ничесоже. и повелѣ имь илиа ѿстѫпити. и ре людемь.
прилѣте ѥдиного когождо иѫъ. и ископа[50]) мѣсто при мории.
и създа тоу ѡлтарь. и къ складе полѣна врьхоу єго и приве(де)[51])
тельца и закла и растесавь. и възложи в(р)ьхоу дрьвь. и ре
къзлиите[52]) водѫ. и възлиѫшѫ.[52]) и ре оудвоите[53]) оудвоишѫ.
и ре оутроите оутроишѧ. доньдеже ста вода врьхѣ мѫсь. и

---

31) до. 32) глѣ. 33) начиная отсюда до паки подскобленное мѣсто, въ Охрид. и повсть вы и съшь огнь съ нбси попали и̑ все.
34) р̑ чедіи, въ рук. воинь писано по выскобл. 35) имь. 36) ь писано по выскобл. 37) пріиде. 38) съ ними. 39) лѫжими. 40) тысоущоу. 41) тризна. 42) повсть. 43) здѣсь въ рук. сравнительно съ Охрид. пропускъ. 44) вѣсов'сци жьрци. 45) крадѣ и ниже вмѣсто крада вездѣ стоятъ скрада. 46) писано по выскоблен., рицоущи. 47) рѣ писано по выскобл. 48) да. 49) изъсъпли. 50) іскопаѫ. 51) приведе тельца. 52) эти слова въ Охрид. сп. пропущены. 53) въ Охрид. сп. здѣсь прибавлено лѣюшѧ.

Digitized by Google

вьзрѣвь на небо и̂ рече. послоушай мене г҃и бж҃е мои̂ вьседрьжителю. послоушай мене дн҃есь о̂гнемь да разꙋмѣѭть вьси людие̂. ꙗ̂к° ти е̂си ѥдинь г҃ь б҃ь вьседрьжитель. и̂ а̂зь рабь твои послоушай мене г҃и б҃е. послоушай мене дн҃е о̂гнемь. и̂ ꙗ̂ко третицеѭ р҃е. и̂ сьниде[54]) о̂гн̂ь сь (243) нб҃е. и̂ снѣсть жрьтвѫ е̂го и̂ полѣна и̂ водѫ полиза. и̂ похвали г҃а б҃а вьседрьжителѣ. и̂ повелѣ поврьщи вьзнакь.[55]) жрьцѫ тиѭ. и̂ вьземь ножь и̂ комꙋж^ѫ^о на грьлѣ ставь. и закла и̂хь до .т҃.[56]) и̂ р҃е ревноуѭ поревновахь[57]) г҃и бз҃ѣ моемь вьседрьжители. и̂ вьшедь на горѫ и̂ помолисѧ о̂ людехь.[58]) кь г҃оу б҃оу дьжда ради. и̂ а̂бие̂ ѿвръзе б҃ь хлебы̂ небн҃ыѭ. и напои̂ зело̂. и̂ прозѫбе земла[59]) вьсѣког° плода. и̂ бл҃ви и̂лиꙗ люди и̂ сьниде сь горы. и̂ поемь сь собою е̂лисеꙗ сн҃а асафатова. е̂гоже помаза на прр҃чьство. бы̂ же и̂дѫщима има прѣити е̂рьдань. и̂ сьнемь и̂лиꙗ милоть ѫже ношаше. и̂ сви ю̂ и̂ оу̂даривь водѫ. и̂ растѫписѧ вода сѫдоу и̂ сѫдоу. и̂ прѣи̂доста[60]) о̂ба по соухоу. прозрѣ[61]) же и̂лиꙗ възѧтие̂ си ѿ земѫ. и рече кь е̂лисею̂. проси ѿ мене е̂же[62]) хощеши. и̂ дамь ти. прѣжде даже не вьзѫть бѫдѫ ѿ тебе. понеже люблю те. и̂ р҃е е̂лисей кь немоу. да бѫдеть оу̂бо дх҃ь и̂же вь тебѣ. соугоубо и̂ вь мнѣ. а̂ не прошꙋ иного (об.) ничесоже ѿ тебе. и̂ р҃е и̂лиꙗ е̂лисею̂ оу̂жестиль е̂си просити[63]) ѡ̂баче бѫдеть ти тако. нѫ а̂ще оу̂зриши мѧ вьзносима. ѿ земѧ на нб҃о. и̂ бы̂ тако. и̂ бы̂ идѫщема и̂ма. и̂ се колесница ѡ̂г'нн'а и̂ кони ѡ̂г'ни. и̂ вьшедьшимь и̂мь междоу и̂ма. и̂ разлѫчишѧсѧ и̂ вьсхы̂щень бы̂ и̂лиꙗ вихромь. и̂ вьзнесош҃ѧ горѣ ꙗ̂ко на нб҃о.[64]) е̂лисей же ѡ̂ставь и̂ вьпити начѧть гл҃ѫ. ѡ̂ч҃е колесница о̂г'н̂ьна и̂ сьѫзници е̂го. и̂ врьже и̂лиꙗ милоть своѭ на е̂лисеꙗ. и̂ въниде вь нь дх҃ь соугоубь. по гл҃оу и̂лии̂ноу. пишеть бо сѧ е̂м^у^ пакы̂ сьнити. вь

---

54) сьш҃ь. 55) вьзнакы. 56) до три сьть. 57) прибавл. по.

58) въ Охрид. проп. 59) писано на выскобл. мѣстѣ, послѣ земла можно прочитать выскобленное ращеніе. 60) прѣидете. 61) въ Охрид. здѣсь прозреще, что неправильно. 62) чьсомоу. 63) испросити.

64) въ Охрид. спискѣ здѣсь текстъ представленъ въ двухъ версіяхъ, настоящій списокъ въ свою очередь не совпадаетъ вполнѣ, что касается конструкціи: и вьш҃ьше междоу има разлоучише ꙗ. и вьсхітиши илию вихро̂ ꙗко на нб҃о. Охрид.

Digitized by Google

послѣдн҃ѧ дн҃и и прⷬчьствовати. въ жⷭ҇ыцѣхъ. и колѣнѣхъ сн҃овѣ излевѣхъ. вьпиѫщи[65]) к҃ людемь. и гл҃ющоу. никтоже васъ братіе не ими вѣры. бг҃опротивн҃иковъ[66]) аньдихристоу. вьскорѣ бо разроушитъ са[67]) льсть его. се бо градеть г҃ь съ нб҃е. въ славѣ вⷭ҇ьства своего. сѫдити хотѧ живыимь и мр҃ьтвыимь. и въздати комоуждо по[68]) дѣломь его. и не(244) могы трьпѣти wбличениа его вестоудень[69]) зьми дивволь. и оубить[70]) его и не да̂ погрести[71]) его. и прѣбывшоу же тѣлесе его три дн҃и.[72]) ак̂ же оуслысть їѡ҃нъ гл҃еть[73]) о немь. въ видѣни своемь. и дх҃ъ wт҃ бг҃а вънидеть паки въ нь и въстанеть паки прѣдь всѣми людьми. и оубоѥть се wт҃ страх҃ его вьси пр҃ьдстоѫщеи. и зрѧще чюдн҃аго[74]) его въстанию. такоⷤ бл҃годѣтию хр̂ѣ оудиви его. паче силы чл҃ѣчьскыѣ. тацѣми чюдесы оуѻ҃ржи[75]) его хр̂ѣ выш҃нѣи прⷣмждрость. тацѣми похвалами[76]) оукѫзи его десница въседрьжитель.[77]) из҃ млада бо бы҃ чюдесень дѣлесы. и прⷣицани страшными. и силоⷤ неизрѣноⷤ. и прѣвышнеⷤ властиⷤ. оупобень серафимъ. и херⷱимоу. чюдесы сиѧⷤ ако[78]) бл҃гочьстивыѣ. вѣнець носа на себѣ славы г҃нⷤ. и вжⷭ҇тькнимъ ѻгнемь палⷤ[79]). проснувь си въ прⷣцѣхъ. ако и сл҃нце въ звѣздах҃ (об.) лоучами свѣтозарьнами. wзараⷤ всѧ вьселенѣѧ. и помазаⷤ бл҃годѣтиⷤ прⷣкы и цр҃ве. и вѣсы проганѣⷤ.[80]) и трѣбыица ихъ съ слоужители ксѧ ис корене истрьзавь[81]) и потрѣви. въ истиниⷤ бо бы҃ маслына доброплоднаа. истачаѫщи сладость дх҃ов҃нⷤ.[82]) и паки wдьждаⷤ. и землѭ напаиⷤ. и люди закрилѣⷤ. wт҃ гнѣва вжⷭ҇иа. и чтоⷤ мт҃кож҃ илиа ѻгнененосныи. и хрⷭ҇ъ пришествию твори[83]) прѣдитеча. илиа свѣтозар҃наа деньница. илиа прѣчистыи[84]) сьсѣдъ. вжⷭ҇ию селению. илиа вг҃осаднаа лоза. напоив҃ши бл҃ожѣниа всего мира. илиа свѣтозар҃ноѥ сл҃нце.

---

65) вьющоу. 66) вгопротивномоу. 67) раздроушится. 68) ⷬтивоу. 69) вестоудным. 70) бити. 71) вставлено тѣлеси. 72) вст. и подл. 73) свѣдѣтелствѫютъ, далѣе въ Охрид. проп. о немь. 74) нѣкоснаго. 75) вьѻроужи. 76) хвалами. 77) вседрьжителиа. 78) сльнце и хвалами вѣнчавае. 79) противные. 80) прогоне. 81) истрьзав. 82) прибавлено: словомь затвараѥ нѣса и молвою духовною. 83) вторы. 84) ⷬчьстным.

Digitized by Google

и҆лиꙗ тꙋченосный о҆блакь. и҆лиꙗ҆ небо҃парьный о҆рель.[85]) и҆лиꙗ҆ златозарьнаꙗ҆ лоучѣ. и҆лиꙗ҆ и҆стинѣ. проповѣдьникь хвоу҃ пришествию҆. и҆лиꙗ҆ бы҆[86]) разроуш'никь неприꙗзнинѣи[87]) льсти.[88]) и҆лиꙗ҆ тепли застьпныкь[89]) печальны҆мь. и҆лиꙗ҆ терьды камень вѣрѣ. и҆лиꙗ҆ добры' вьводникь вьсѣмь вь вѣч'нѫѫ҆ жиз'нь. ми[90]) же мл҃имь те. вьвести[91]) на҆ творѫщѫѫ҆ твоѐ праздѐство прѣчьстьное[92]) (245) вь славꙋ и чт҃ь. прѣст҃ѫѫ҆ и҆ прѣбж҃естьвнѫѫ҆ тройцѫ. о҆ц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃аго дх҃а. и нн҃ѣ и присно и҆ вь вѣкы҆ вѣкомь аминь·:·:·:·:·~

85) прибавл. илиꙗ бг҃одх҃новьный ѡр'гань. 86) проп., великыи. 87) неприꙗзн'сцѣи. 88) прибавлено: илиꙗ добры посовникь и рьвнитель по законѣ бж҃іи илиꙗ ѡгнедьхновьныі ѡргань, палѣю ꙗрѡстию на противныю. 89) защитникь. 90) въ ню же. 91) вьведи и ныи. 92) проп.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1906 г.

ТОМА XI-го КНИЖКА 2-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; М. В. Клюкина въ Москвѣ; Е. П. Распопова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фосса (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ *рубль пятьдесятъ копеекъ.*

Digitized by Google

Содержаніе II-й книжки.

стран.

I. **А. И. Соболевскій.** — Къ хронологіи древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ. I. Кіевскіе глаголическіе отрывки. II. Синайскій Требникъ. III. Родина Кіевскихъ отрывковъ. ..... 1— 19

II. **В. М. Истринъ.** — Редакціи Толковой Палеи. III. Хронографическая часть полной и краткой Палеи и «Хронографъ по великому изложенію». (Продолженіе слѣдуетъ). ..... 20— 61

III. **С. П. Розановъ.** — Житіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича и русскій Хронографъ. I—VI. ..... 62— 97

IV. **Т. Глаголева.** — Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. А. Д. Кантемира. (Окончаніе) ..... 98—143

V. **А. И. Соболевскій.** — Изъ области древней церковно-славянской проповѣди. X—XIII ..... 144—154

VI. **В. Ѳ. Миллеръ.** — Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ ..... 155—258

VII. **Н. Ѳ. Сумцовъ.** — О литературныхъ нравахъ южнорусскихъ писателей XVII ст. ..... 269—280

VIII. **В. Богородицкій.** — Діалектологическія замѣтки. VII. Къ діалектологіи общерусскаго произношенія: о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ ..... 281—294

IX. **А. И. Яцимирскій.** — Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ. XLI—L... 295—331

XLI. Пророчество на гробѣ царя Константина въ переводѣ Пахомія Логовета по рукописи XVII вѣка (с. 295). XLII. «Слово о немилостивыхъ и богатыхъ, и о скончаніи земли русскія, и о пришествіи Господни» по списку XVIII в. (с. 297). XLIII. Проложное житіе Стефана Дечанскаго по сербской рукописи XV вѣка (с. 301). XLIV. Повѣсть о царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ интерполированной редакціи по русской рукописи XVIII вѣка (с. 304). XLV. Славянскія и румынскія надписи въ монастырѣ с. Требуженъ въ Бессарабіи (с. 308). XLVI. Посланіе волоколамскихъ иноковъ къ старцу Іонѣ о книгахъ и рукописяхъ игумена ихъ Іосифа (с. 312). XLVII. Юмористическія «Адскія газеты въ пятокъ сырныя недѣли» (с. 315). XLVIII. «Канта, изложенная при отдачѣ духовенства въ рекруты» 1831 года. Къ исторіи «бурсацкаго» стихотворства (с. 319). XLIX. Южно-русскія вирши «Эхо» по рукописи конца XVII вѣка (с. 328). L. Дарственная грамота молдавскаго господаря Константина Могилы съ подправленной датой (с. 326).

[*Продолженіе см. на 3-ьей страницѣ обложки*].

Digitized by Google

Къ хронологіи древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ.

I. Кіевскіе глаголическіе отрывки.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мы обратили вниманіе ученаго міра на церковно-славянскій переводъ «Бесѣдъ» (на евангеліе) папы Григорія Великаго, сдѣланный съ латинскаго оригинала, и извлекли изъ старшаго русскаго списка этого текста, XIII вѣка, наиболѣе важныя (на нашъ взглядъ) словарныя данныя[1]). Послѣднія оказались столь близкими къ даннымъ Кіевскихъ глаголическихъ отрывковъ, что мы рѣшились выставить предположеніе: *переводъ Кіевскихъ отрывковъ и «Бесѣдъ» сдѣланъ однимъ и тѣмъ же лицомъ.*

Попробуемъ провѣрить это наше предположеніе[2]).

Церковно-славянскія слова, общія Кіевскимъ отрывкамъ съ «Бесѣдами», служащія въ этихъ обоихъ памятникахъ *для перевода однихъ и тѣхъ же латинскихъ словъ*, слѣдующія[3]):

лѣта обиджиѣ (род.) 46 annuus (Бес.: л. о—уща).

Фелицита (собств. имя) 47 Felicitas.

---

1) «Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія». *Русск. Филол. Вѣстн.* 1900 г., № 1.

2) Встрѣченное благосклонно акад. И. В. Ягичемъ (*Archiv für slav. Phil.* XXIV, 266).

3) Цифры означаютъ страницы сдѣланнаго И. В. Ягичемъ изданія Кіевскихъ отрывковъ. Словарный матеріалъ изъ Бесѣдъ папы Григорія см. въ вышеупомянутой нашей статьѣ въ *Р. Фил. Вѣстникѣ*.

Digitized by Google

благословестити 47 benedicere
вышьнии 47 supernus
вьсемогы 49 omnipotens
животъ 49 vita
законьникъ 45 sacerdos
заповѣдь 52 mandatum, 53 praeceptum
земьнъ 49 terrenus
избавление 48 redemptio
инокость 45 peregrinatio
любы 47 caritas
людие 46 populus
милостивъ 45 pius
милость 47 misericordia
наслѣдовати 45 imitari
небесьскъ 49 coelestis
причастьнъ 54 consors (Бес.: п—икъ consors)
сила 45 virtus
утаѧжти 45 mereri
ходатаити 45 intercedere
чьсть 45 solemnitas; 45 natalicia (Бес.: дьнь апостолу чьстьнъ natalicius dies)
чьстьнъ 45 venerabilis.

Кромѣ этихъ словъ, также заслуживаютъ вниманія слѣдующія слова Кіевскихъ отрывковъ, тѣсно связанныя съ словами «Бесѣдъ»:

заклепе 51 reclusit (Бес.: clausit)
издрѣшение 45 redemptio (Бес.: -итель redemptor)
неприѣзнино дѣло 50 opus diaboli (Бес.: н—о окушение mala tentantia)
обѣцѣти 48 promittere (Бес.: -щание promissio)
погаиьскъ народъ 49 pagana gens (Бес.: п—стии людие gentilis populus).
приносъ 47 oblatum (Бес.: oblatio).

Digitized by Google

служьба 50 officium (Бес.: ministerium, sacrificium).
съвѣстовати 51 profiteri (Бес.: съвѣстьствовати testari).
тузь aliegena (Бес.: тужь alienus).
егоже чьсть чьстимъ 45 cujus natalicia colimus (Бес.: дьнь апостолу чьстьнъ apostolorum natalicius dies).

Мы имѣемъ *рѣдчайшія* словарныя данныя (*лѣта обидѫцѣ*, *законьникъ*, *инокость*, *утѧгнѫти*, *съвѣстовати*, *ходаити*, *чьсть*), свойственныя вообще или только въ указанномъ значеніи исключительно Кіевскимъ отрывкамъ и «Бесѣдамъ». Они связываютъ эти памятники другъ съ другомъ такъ тѣсно, что *необходимо считать ихъ за трудъ одного лица*.

Конечно, ни эти данныя, ни вообще словарныя данныя не даютъ достаточно вѣскихъ указаній на мѣсто перевода, на страну, гдѣ работалъ переводчикъ. Церковно-славянскій языкъ Кирилла и Меѳодія легко принималъ въ себя разнообразные мѣстные элементы, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло не съ несомнѣнной эпохой славянскихъ апостоловъ и ихъ ближайшихъ учениковъ, пользованіе словаремъ представляетъ значительныя трудности. Слова моравскія и словинскія легко могутъ оказаться въ текстахъ несомнѣнно болгарскаго или русскаго происхожденія, слова сербскія—въ текстахъ происхожденія чешскаго и т. д. Для примѣра мы можемъ указать на то, что слово *чиститель*, принадлежащее изъ древнѣйшихъ памятниковъ лишь тѣмъ, которые вышли изъ кружка болгарскаго царя Симеона, находится въ болѣе позднихъ (XI—XIII вв.) текстахъ сербскихъ и русскихъ, перейдя въ нихъ вмѣстѣ съ другими словарными данными церковно-славянскаго языка.

Впрочемъ изъ приведенныхъ нами словарныхъ данныхъ слово *законьникъ* имѣетъ довольно яркую мѣстную окраску. Оно можетъ быть связано только съ чешскимъ *zakonnik* (членъ монашескаго ордена), извѣстнымъ намъ изъ ряда старо-чешскихъ произведеній, и съ польск. *zakonnik* (монахъ), живущимъ и до сихъ поръ въ польскомъ языкѣ. Кіевскіе отрывки, по своей

Digitized by Google

незначительной величинѣ, даютъ намъ мало матеріала; «Бесѣды» представляютъ, кромѣ *законьникъ*, еще нѣсколько своеобразныхъ словъ, связывающихъ ихъ съ западнымъ славянствомъ. Это — *рѣчь* въ значеніи res, *рачити* (безъ отрицанія!) dignari [1]), *струсъ* struthio, *тольвека* tantum.

Недавно появился на ученой аренѣ новый памятникъ, цѣнный для насъ особенно потому, что онъ *принадлежитъ перу того же переводчика*, который трудился надъ Кіевскими отрывками и надъ «Бесѣдами».

Это—церковно-славянскій переводъ «Легенды» о св. Вячеславѣ Чешскомъ, пока еще не изданный [2]) и пока извѣстный лишь въ двухъ русскихъ спискахъ, позднихъ (XVI вѣка) и очень неисправныхъ.

Г. Пекаржъ, новѣйшій изслѣдователь источниковъ чешской исторіи IX—X вв., ознакомившись (изъ письма Н. К. Никольскаго) съ содержаніемъ «Легенды», нашелъ, что она можетъ быть названа переводомъ главныхъ частей латинской легенды о Вячеславѣ, Гумпольда, соединенныхъ съ нѣсколькими мѣстами латинской же легенды «Crescente fide» и вставками неизвѣстнаго происхожденія; ея главные источники, по г. Пекаржу, написаны между 950—985 годами [3]).

Итакъ, «Легенда» могла появиться на церковно-славянскомъ языкѣ или въ концѣ X в. (самое раннее), или (скорѣе) въ началѣ XI в.

Словарный матеріалъ «Легенды» представляетъ значительное сходство съ матеріаломъ «Бесѣдъ».

Вотъ рядъ церковно-славянскихъ словъ, общихъ «Ле-

---

1) Сравни *Arch. für slav. Phil.* XXII, 530.

2) Имѣетъ быть изданъ (въ «Памятникахъ» Общества Древней Письменности) проф. Н. К. Никольскимъ. Мы воспользовались отпечатаннымъ уже текстомъ «Легенды» Н. К. Никольскаго и приносимъ ему благодарность за доставленіе намъ экземпляра этого текста.

3) *Český Časopis Historický*, X, 317—321 (1904 г.).

Digitized by Google

гендѣ»[1]) съ «Бесѣдами», передающихъ и въ «Легендѣ», и въ «Бесѣдахъ» *одно и то же латинское слово:*

благодать gratia 10.
блаженъ beatus 10.
быстрость studium 4.
верига vinculum 66, 70.
вещь res.
видѣние visio 30.
възлюбленъ dilectus 12.
въкупь simul 10.
вышьнь supernus 2.
вѣрьнъ fidelis 60.
градъ civitas 70.
гробъ sepulcrum 72.
житие vita 12.
заклѣнути subcludere 6.
заповѣдь mandatum 18.
земля patria 38.
земьскъ terrenus 4, 14.
иерей sacerdos 28.
источьникъ fons 28.
крьщение baptizmus.
кънижьнъ litterarum 12 (Бес. кънигы litterae).
кънязь princeps 14, 60.
людие plebs 14, populus 14.
милость pietas 18.
молитва oratio 22.
мука poena 16.
мьзда praemium 22.
образъ exemplum 16.
олтарь ara 76.
ослядь patibulum 20.
пиръ convivium 54.
поганъ gentilis 66.
поганьскъ gentilis 6.
попъ saperdos 26.
правая вѣра 40.
приязнь amicus 56.
риза vestis 26.
рачити dignari 66.
родъ genus 2.
рѣчь ratio 18, causa 54 (еще: negotium 38).
святыни sanctitas 72, 76.
сила virtus 16.
снага studium 2.
столъ sedes 14 (еще: solium 26).
стопа vestigium 26.
стьзя semita 24.
сусьдъ civis 10, 20.
трапеза mensa 20.
убогъ pauper 16.
удъ membrum 54.
утягнути mereri 64.
цьркы basilica 12.
отьць челяди(тъ)[2]) pater familias 22.

1) Цифры означаютъ страницы изданія Н. К. Никольскаго. Мы не сохраняемъ орѳографіи русскихъ списковъ.

2) Текстъ искаженъ: послѣ *челяди* стоитъ безсмысленное *сіа*, повидимому замѣна непонятаго *та*.

Digitized by Google

чинъ modus 6, 22.
чьстьнъ venerabilis 30, 56.
чюдо admiratio 12.
чюдьнъ mirus 4, 22.
язва vulnus 62.

Вотъ еще рядъ словъ общихъ обоимъ памятникамъ, но передающихъ разныя латинскія слова:

бояринъ miles 34 (Бес. dives).
бъдѣние pervigilium 22 (Бес. vigiliae).
дружина amici 30, 34 (Бес. socii).
дъска tabula 56 (Бес. cathedra).
единочадъ unicus (Бес. unigenitus).
имѣние substantiae 16, 30 (Бес. lucrum).
кладязь fons 26 (Бес. cisterna).
клирици и *божии раби* clerici 20 (Бес. Dei famuli).
клирици и *законьници* clerus 30 (Бес. з—ъ sacerdos).
кола vehiculum (Бес. plaustra).
ликъ ordo 56 (Бес. chorus).
малы parum 22 (Бес. minime).
непьщевати negligere 16 (Бес. dubitare).
область jus 14 (Бес. majestas).
одръ thorus 30 (Бес. lectulus).
приношение (тѣла и крови Хр.) collatio 28.
приристати concursare 20 (Бес. occurrere).
подъвиновенъ subjectus 2 (Бес. п—тися succumbere).
сваръ increpatio 34 (Бес. retractatio).
служьба (Божия) obsequium 14, 20 (Бес. sacrificium).
снопъ fascis 26 (Бес. manipulus).
строи ratio 4 (Бес. ordo).
сълукъ recurvus 72 (Бес. curvus).
съльъ legatarius 42 (Бес. nuntius).
съмѣрение humilitas.
урядити ordinare 10 (Бес. praeordinare).

Чтобы не возвращаться къ «Легендѣ», вотъ еще рядъ словъ ея текста, въ томъ или другомъ отношеніи цѣнныхъ:

богословьць theologus 8.
вельможа primas 32.
воинникъ athleta 12 и др.
въслѣдити assequi 12.

Digitized by Google

вьслѣдователь executor 16.
вѣдро hydria 26.
даръ charistia 10.
дворъ porticus 30.
дѣдина 44.
жьрны saxum 26.
жьртву жрѣти 20.
завѣтьнъ devotus 14, 28 (при завѣтъ votum).
игрище ludus 4.
капище идольское 20.
китъ (библейскій) 62.
кошель 26.
крамольникъ 54.
красота gemma 16.
кривьда 36, кривость 40 perversitas.
княжие principatus 10 [1]).
кързьно crusina 40.
лакомъ cupidus 40.
ложьница cubiculum 34.
обьщеніе communio 20.
оземьствованъ exulans 16.
окаянъ miser (часто).
паволока 40.
писмя stylus 10.
побѣждение certamen 56.
полата palatium (часто).
пологъ thorus 14, thalamus 34.
послѣдьствие posteritas 8.
посуление promissio 16.
празнь otium 4.
привабьникъ auctor 54.
примучити comprimere 38.
проскура oblata 28.
пъртьникъ (?) cubicularius 68.
рака sarcofagus 56, 60.
реформъ retor 6.
вельможа земьския и *ротници* и съвѣтници 38.
скотъ pecunia 72.
скутъ vestis 48.
съборьнъ 38, 68 и др. catholicus.
сѫчастьнъ felix (часто) [2]).
сѣщи сѣно 44.
толи ac (часто).
трѣбы дѣяти 32.
удобизна(?) fortuna 6.
унотица (= юноша) 32 и др.
уставъ textus 8 (Бес. поставъ textus).
Боемия, боемьскъ, Прагъ (=городъ Прага, 74), словѣне 10, чехъ 48, бавори, рьзеньскъ [3]) Ratisbonae.

---

1) Это слово (вмѣстѣ съ *земля боемьска*) находится въ Службѣ на перенесеніе мощей св. Вячеслава въ Минеѣ 1095 г.; см. также житіе первоучителя Меѳодія.

2) Сравни соврем. чешск. šťastný, польск. szczęsny.

3) Сравни соврем. чешск. Řezno=нѣм. Regensburg.

Digitized by Google

Кстати еще нѣсколько словъ объ другихъ особенностяхъ языка «Легенды». Формы сколько-нибудь цѣнныя въ немъ немногочисленны, что и естественно въ такомъ памятникѣ, который дошелъ до насъ въ позднихъ спискахъ. Отмѣтимъ: *отвьргу* 6, 3 л. мн. аор., *будяше* 18, имперф., ицѣлен*ами* язвами 64, отвръст*ами* дверми 66, растерган*ами* веригами 70, рукама цѣл*ама* 72 и другія нечленныя формы прилагательныхъ. То же можно сказать и о звуковыхъ особенностяхъ; любопытно: Божиимъ прояш*н*ениемъ Deo serenante 38, и*ж*нетяше (= изгнетяше) 26, и*ц*ѣленъ 64,—ие 72, нѣкот*е*ръ quisquam 18.

Отмѣтимъ еще:

оборотъ греческаго типа: *иже* отъ отрокъ моихъ слуги familiares clientuli 30;

оборотъ извѣстный намъ изъ врачевальныхъ молитвъ Синайскаго Требника: *рачи* (повел.) ны извести dignare 66 (чехизмъ).

Если «Легенда» была переведена на церковно-славянскій языкъ въ концѣ X в. или въ началѣ XI в., то и переведенныя тѣмъ же переводчикомъ «Бесѣды» и тѣ богослужебные тексты, которые до насъ дошли въ Кіевскихъ отрывкахъ, должны быть относимы къ тому же времени.

Текстъ Кіевскихъ отрывковъ, несомнѣнно, — часть значительнаго по величинѣ латинскаго богослужебнаго сборника (составъ котораго мы не можемъ себѣ представить въ достаточной ясности), а потому и другіе тексты богослужебнаго характера, переведенные съ латинскаго (молитвы и т. п.),—если нѣтъ къ тому препятствій — мы въ правѣ считать появившимися въ церковно-славянскомъ переводѣ въ ту же эпоху—въ концѣ X в. или въ началѣ XI в.

Digitized by Google

II. Синайскій Требникъ.

Одинъ изъ богослужебныхъ текстовъ—рядъ врачевальныхъ молитвъ, находящійся въ Синайскомъ Требникѣ, стр. 50 — 94 печатнаго изданія,—признанъ нами за принадлежащій къ числу переводовъ моравскаго происхожденія[1]). Среди этихъ молитвъ въ Синайскомъ Требникѣ, стр. 70, читается—какъ бы введеніе къ нимъ, попавшее почему-то не въ надлежащее мѣсто—«Слово болящихъ ради», нѣчто въ родѣ наставленія для священника. Мы нашли это слово *въ болѣе полномъ видѣ* въ одномъ изъ позднихъ русскихъ молитвенниковъ и издали по этому послѣднему[2]) въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, посвященномъ М. С. Дринову». При дальнѣйшихъ поискахъ оказалось, что это слово въ томъ объемѣ, какъ нами издано, вмѣстѣ съ нѣсколькими врачевальными молитвами,—находится также въ той рукописи XIII в. Имп. Публичной Библіотеки (Погод. № 70), главную часть которой составляютъ «Бесѣды» папы Григорія Великаго, непосредственно послѣ текста «Бесѣдъ», и что оно въ другихъ спискахъ «Бесѣдъ», начиная съ Савваитовскаго списка Имп. Публичной Библіотеки XIV—XV в. Q. I. 1202, помѣщается какъ составная часть «Бесѣдъ», занимая въ нихъ мѣсто 17-ой бесѣды[3]).

Вотъ это «Слово» и слѣдующія за нимъ молитвы.

---

1) См. вышеуказанную статью въ *Р. Фил. В.* 1900 г.

2) «Молитвенникъ Московской Типографской Библіотеки» (отд. оттискъ, Харьковъ, 1904). Синайскій Требникъ заключаетъ въ себѣ не всѣ врачевальныя молитвы, переведенныя съ латинскаго. Нѣсколько другихъ молитвъ, вполнѣ близкихъ къ молитвамъ Син. Тр., извѣстно въ позднихъ и искаженныхъ русскихъ спискахъ. Они изданы, между прочимъ, Порфирьевымъ въ «Трудахъ» IV-го Археологическаго Съѣзда.

3) Сравни «Описаніе слав. рукописей Моск. Синодальной Библіотеки», II, 2, стр. 232. Упомянутый выше списокъ «Бесѣдъ» XIII в. не имѣетъ 17-й бесѣды.

Digitized by Google

Слово болѧщихъ ради [1]).

Ѥгда чл҃вкъ. болить. и аще хощеть. възимати. молитвоу. ѿ попа. то тако. въ болѣзни. да прѣбоудеть. з҃. дн҃ии. аще || боудеть болѣзнь. льгъка. аще ли тѧжька. то. г҃. дн҃и. аще ли зѣло. тѧжка. то. а҃. дн҃ь. аще ли зѣло страшьна. то до обѣда. ли до полоудн҃е. и ꙗко. смѣриться. ѥмоу тѣло. и на оумъ. наидоуть грѣси ѥго. тогда. да възметь. млт҃воу. ѿ попа. и грѣхъ своихъ. покаѥтсѧ.:.

Болѣзнь бо. рана ѥсть. ѡслоушливъıмъ. тѣмь же. прѣтьрпѧще. все творимъ. да приимемъ. ѿ б҃а показаниѥ. и помилованиѥ. ѥгда же. и аще кто. начнеть. болѣти. или въпадеть. въ ѥтероу. скьрбь. или въ напасть. да пождоуть. ѥго. даже сѧ. самъ. начьнеть. молити. и каꙗтисѧ. грѣхъ. своихъ. а не ꙗко. противьникъ сѧ. творить. попъ кажющемоу [2]). нъ да ꙗвити и. ꙗко б҃ъ ѥсть милоуꙗ. и ицѣлѧꙗ.:.

Аще крьстьꙗнъ. чл҃вкъ. болить. толи начнеть искати. врачевъ. мимо ст҃оую. цр҃квь бж҃ию. и мимо ст҃ыꙗ книгы. и мимо бж҃иꙗ рабы. како оубо. начаѥтьсѧ [3]). приꙗти. мл҃ть. не послꙋшавъ. ст҃ыхъ книгъ. повѣдающиихъ. всѧко ицѣлениѥ.:. ||

О чл҃вче. аще обрѧщеши си. въ часъ. положениѥ [4]). приимеши же. въ вѣкы. моучениѥ. искавъ врача. мимо врача х҃а. врачь бо. не можеть. ѿдаꙗти грѣхъ. недоугъ [5]). ицѣлити. ни ѿ смьрти. избавити. ни въдати. цѣлъве. вѧще х҃вы цѣлъве. х҃ъ же б҃ъ нашь. иночадъıи. сн҃ъ бж҃ии. и можеть. ѿ всѣхъ

---

1) По Погодинской рукописи XIII в. № 70. Варіанты взяты изъ Саввантовской рукописи Имп. Публичной библіотеки XIV — XV в. Q. I. 1202, л. 109 (= С.), изъ Молитвенника Моск. Типографской Библіотеки XVI в. № 388 (=Т.), и изъ Синайскаго Требника (= Г.).

2) С. попу кажющему. Т. попужающему.

3) С. начинаетьсѧ. Т. начаетъ.

4) Надо читать (вопреки всѣмъ спискамъ): поможениѥ?

5) С. Т. ни можеть ѿ всѣхъ недугъ.

Digitized by Google

недоугъ. ицѣлити. и ѿ смьрти. избавити. тъ бо намъ. не прообрази. ни прѣда. ни єдиноꙗ. врачьбы. цѣлъве. ни съдравиꙗ[1]). развѣ. своєго ємоу. телесе. и правовѣрьства. вѣровати. въ имѧ ѡц҃а. и сн҃а. и ст҃го дх҃а. не ѿстоупающе. тѣмь же томоу. прѣдадимъ. цѣлити дш҃а наша. и телеса наша. ꙗко тъ сп҃саєть дш҃а[2]). и телеса наша. ицѣлѣєть. и даєть. съдравиє. многолѣтьню. тъ бо ѡкращаєть[3]). лѣта. нечьстивъıмъ. благъıмъ же. прилагаєть. лѣта. тъ бо владѣєть. живъıми. и мьртвъıми. томоу бо славоу. въсъıлаємъ. ѡц҃ю[4]) и ст҃омоу дх҃оу.:.

Всѧкъ боль. противоу. жизни сеꙗ[5]). и да принесеть. приносъ въ цр҃квь. ѿ врашьна. и ѿ свѣчь. и да ѡбѣщаєтьсѧ. обѣтомь. противоу. жизни[6]) своєи. || свѣщами же. и инѣмь[7]). имьже можеть. ꙗко ицѣлѣєть. тъгда. въздасть. обѣтъı своꙗ бо҃у. цѣлъве ради.:.

Млт҃ва распьненъıꙗ. псанъıꙗ. въ тѣло гн҃е и въ кръвь єго[8]).:.

Млт҃ва. болѧщаго. ради. попъ. възложь на сѧ. єпитрахъıль. и одѣвъсѧ. въ фелонь. поставль. болѧщаго. прѣдъ олтарьмь. дьржаща. свѣщю. и поклоньшасѧ. въшьдъ. въ ѡлтарь. молитьсѧ бо҃у. да бъı забылъ. грѣхъı єго. болѧщаго ради. и ицѣлилъ. болѧщаго. молитвъı єго. ради.:. п҃ъ. таи.:.

Цѣлителю. болѧщиимъ. дателю. просѧщимъ. оу тебе. всѧ прошениꙗ. давъıи намъ. имѧ твоє. цѣлению. ѿ всѧкого. недоуга. и ѿ всѧкоꙗ болѣзни. и очищению. пославъıи. сн҃а твоєго єдиночадаго. г҃а нашего. іс҃у х҃а. навести насъ. на всѧкъ поуть. правъıи. тебе єдиномоу. кланѧтисѧ. тѧ прославити. и тебе

---

1) С. ни єдиною врачьбы цѣленьє здравиє. Т. ни єдиноѧ врачьбы ни цѣльбы ни здравьѧ.

2) С. ꙗко спасаєть то дш҃ю.

3) С. съкращаєть.

4) С. ѡц҃ю и сн҃у.

5) Т. своєи.

6) С. болѣзни. Т. жизни своєи и противоу болѣзни.

7) С. инѣми.

8) Этихъ двухъ строкъ нѣтъ въ Т. и Г.

Digitized by Google

єдиномоу. оугоднаꙗ. творить[1]). молю ти сѧ г҃и. забоуди грѣхы моꙗ. болѧщаго ради. ищисти мѧ. ѡчисти мѧ. именемь. твоимь. и створи. въ мнѣ. || жилище. ст҃моу. твоємоу. дх҃оу. ицѣлѣющемоу. всѧкого чл҃вка. ѿ всѧкоꙗ. болѣзни. приклони г҃и. вл҃дко. оухо твоє. и оуслыши гл҃а. мл҃твы моєꙗ. призри на раба твоєго. имѧрекъ. прибѣгъша. къ имени твоємоу. и поклоньшасѧ. прѣдъ ст҃ою. десницею. твоєю. просѧщаго. цѣлъве. ѿ тебе. съдравиꙗ же. и живота. ꙗко ты єси. цѣлителю[2]) нашь. волѧ же твоꙗ. и съдравиє нашь[3]). и мл҃рдиє. и животъ нашь. тебе славоу. въсылаємь. ѡц҃ю и сн҃оу и ст҃омоу.:.

Болѧ. иже єдиначе. поклоньсѧ. стоить. и пакы. молитьсѧ попъ. въспросѧ ст҃го дх҃а. ицѣлѣющаго. всѧкоу болѣзнь. всѧкъ же. строупъ. и всѧкъ творъ[4]).:. попъ таи.:.

Въ имѧ. иночадаго[5]). сн҃а твоєго. и. г҃а нашего. іс҃у х҃а. молю тѧ. и прошю. г҃и б҃е истиньныи. посли. въ мѧ. дх҃ъ твои ст҃ыи. ицѣлѧющи. и всѧкъ. чл҃вкъ. ѿ всѧкого твора[6]). и ѿ всѧкого врѣда. и трупа[7]). и ѿ всѧкого. недоута. и ѿ всѧкого. прокаженниꙗ. и ѿ всѧкоꙗ ꙗзѧ. и ѿ всѧкоꙗ. болѣзни. и дажь єму (sic) всѧ повелѣниꙗ. твоꙗ. зѣлъвьнаꙗ[8]). ꙗже. проѡбразилъ єси. || на земли. дх҃омь. твоимь. бм҃ь нашимь. ꙗко създаниє твоє[9]). єсмъ. да моими двьрьми. ишьдъ. дх҃ъ твои. ст҃ыи. посланъıи. тобою. и сила. твоꙗ. ицѣлить. раба твоєго. сего имѧ. прѣклоньшаго. тебе. выю свою. и прославить тѧ[10]). и сн҃а твоєго. бывъшаго. на земли. и самъ сѧ. прославить. именьмь. твоимь. ꙗко ты єси. на нб҃сехъ. живыи. въ силахъ. и не прѣ-

1) С. творити.
2) С. исцѣлитель.
3) С. наше.
4) С. всѧку тварь. Г. всего врѣда.
5) С. единороднаго.
6) С. творца.
7) С. струпа.
8) С. зеловнаа. Г. цѣловънаа.
9) Г. хлѣвина твоѣ.
10) С. прославитсѧ. Г. прославити тѧ.

Digitized by Google

зриши. чл҃вка. молѧщасѧ тебе. и тебе славоу·:· и покадить же. ѡлтарь. гл҃еть сию. мл҃твоу. въ таиноу. кадило приносить[1]) пр·:·

Млт҃ва. ѡ збавлении[2]). и ѿ блоуда. и ѡ оугашении. плъти. ѡ схранении зрака. блоудьнаго. и ѿ помышлениꙗ. съложьна. и ѡ приꙗтии. спс҃на дароу. всѧкого. кгда чл҃вкоу. обратитьсѧ. оумъ. на блоудъ. или разгоритьсѧ. оудъ. плъть[3]). на пл(ъть). или възрѣвъ. на таковыи чл҃вкъ. помыслить. блоудъ. ли оумыслить. съложениѥ. тъгда аще. възведеть. очи срд҃ца своѥго. къ бо҃у. и речеть. въ тъ часъ. сию молитвоу. боудеть. съхраненъ[4])·:·

Гн҃ і҃се х҃е б҃е нашь. единороднъıи сн҃у б҃ии. даромь ѡц҃а твоего схранивъıи ап҃лы своꙗ ѿ блуда. и ѿ раженииꙗ плотьскаго. и ѿ зрака блуднаго. и ѿ помышленьꙗ блуда и оумышлениꙗ съложна. и ѿ възъглѧданиꙗ на ню любодѣиць. схрани мѧ ѿ сихъ реченнъıихъ сущиихъ неоугодно[5]) ст҃ни твоеи. ни оуспѣхъ[6]) сп҃снию дш҃и и телеси моему. и ѿ всего имѧрекъ настоꙗщаго. да нескверненъ ни сраменъ тебѣ хвалу возсилаю со ѡц҃емь и съ ст҃ымь дх҃омъ. нн҃ѣ и присно и в вѣ[7])·:·

---

1) С. Г. кадило приносимъ.

2) С. избавлении.

3) С. плотиъıи.

4) Далѣе въ Погодинскомъ спискѣ утраченъ листъ (послѣдній листъ рукописи), и текстъ молитвы мы беремъ изъ Савваитовскаго списка.

5) Г. въ годиниѫ.

6) Г. на спѣхъ.

7) Эта молитва въ спискахъ приписывается папѣ Григорію Двоесловцу (см. Троицк. сборникъ 1445 г. № 747, л. 460 об.). Съ ея длиннымъ заглавіемъ (гдѣ обѣщается награда за ея чтеніе) сравни заглавіе другой молитвы съ именемъ Григорія, изданной нами въ *Изв.* 1905 г., кн. 4, стр. 68.

Digitized by Google

Словарный матеріалъ слова и врачевальныхъ молитвъ, связанныхъ съ нимъ въ «Бесѣдахъ» и въ Синайскомъ Требникѣ, имѣетъ такъ много совпаденій съ словарнымъ матеріаломъ «Бесѣдъ», Кіевскихъ отрывковъ и «Легенды», что вполнѣ естественно предположеніе относительно *принадлежности ихъ одному переводчику*.

Вотъ нѣсколько словъ общихъ слову и молитвамъ съ другими только что названными памятниками:

благодѣть (доброе дѣло) Тр.
божии раби (духовенство) Сл.[1]).
боль (больной) Сл., Тр.
вьсемоцыи Тр.
иночадъ (сынъ) Сл.
истовъ (истинный) Тр.
маломощь Тр.
непріязнь Тр.
показаніе (наказаніе) Сл.
попъ Сл., Тр.
приносъ Сл.
рана (ударъ) Сл.
рачити (удостоить) Тр.[2]).
святыни (святость) Тр.
сължкъ Тр.
язя Сл.

Между ними нѣсколько столь рѣдкихъ, что значеніе нахожденія само собою ясно, особенно если имѣть въ виду скудость

1) Сл. = «Слово»; Тр. = Синайскій Требникъ (цифры—страницы изданія Гейтлера). Еще: *цѣлы* (здоровье) Сл., Тр. находится въ Никодимовомъ Евангеліи, переведенномъ, судя по всему, въ то же приблизительно время и въ томъ же мѣстѣ, что и «Бесѣды», но другимъ переводчикомъ.

2) Рядъ формъ 2 л. повел. н. съ неопред. н.: *рачи примрѣти*, и т. п.

Digitized by Google

словарнаго матеріала въ однообразныхъ врачевальныхъ молитвахъ.

Если всѣ упомянутые выше богослужебные тексты мы можемъ считать появившимися на церковно-славянскомъ языкѣ только въ концѣ X в. или въ началѣ XI в., — понятно, мы уже не имѣемъ основанія говорить о богослуженіи на церковно-славянскомъ языкѣ по западному обряду во времена св. Меѳодія и его ближайшихъ учениковъ и должны видѣть единственный дошедшій до насъ памятникъ богослуженія у западныхъ славянъ, связанный съ Меѳодіемъ и его учениками,—въ Пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ XI в.

Церковно-славянскій языкъ «Бесѣдъ», «Легенды», богослужебныхъ текстовъ настолько близокъ къ церковно-славянскому языку другихъ произведеній, переведенныхъ на славянскомъ югѣ, что является необходимымъ признать существованіе на родинѣ переводчика «Бесѣдъ» и пр. значительной церковно-славянской литературы, не ограничивавшейся книгами св. писанія и богослужебными.

III. Родина Кіевскихъ отрывковъ.

Признавъ текстъ «Бесѣдъ», «Легенды», Кіевскихъ отрывковъ и проч. переведеннымъ въ концѣ X в. или въ началѣ XI в., мы этимъ самымъ устраняемъ, въ вопросѣ о родинѣ переводчика, Моравію. Нѣтъ надобности распространяться о судьбахъ Моравіи; достаточно сказать, что предполагать въ ней сколько-нибудь значительную литературную дѣятельность въ данное время невозможно[1]). Точно также мы должны устранить Паннонію; и здѣсь, въ виду политическихъ обстоятельствъ этой страны въ эту эпоху, предполагать значительную литературную дѣя-

1) См. Bretholz, Dějiny Moravy, sv. I, v Brně, 1896.

Digitized by Google

тельность нѣтъ возможности. Остается Чехія, ближайшая преемница Моравіи, владѣвшая уже въ то время мощами св. Вячеслава и заинтересованная въ его прославленіи. Житіе св. Прокопа, написанное на церковно-славянскомъ языкѣ вскорѣ послѣ его кончины († 1053 г.), до насъ не дошло (или—пока не найдено); но мы имѣемъ близкія къ оригиналу переводы-передѣлки—чешскую риѳмованную «Легенду» о Прокопѣ и латинское его житіе. Оба эти памятника согласно повторяютъ слова своего источника объ обученіи юнаго Прокопа въ пражскомъ Вышеградѣ въ концѣ X в.[1]). Родители святаго, читаемъ мы въ житіи, «commendaverunt eum in castro Wissegradensi magistro liberalium litterarum studiis, ut eorum informatione coelestibus instrueretur disciplinis, ubi tunc *famosum studium sclavonicae linquae vigebat*. Jbique etiam egregios magistrorum theoriae quotidie carpebat fructus...». «Легенда», стихотворная, а потому менѣе точная, тѣмъ не менѣе близка въ данномъ мѣстѣ къ житію, сообщая, что тогда въ Вышеградѣ «slavné učenie bieše, v slovenském jazyce ktvieše»[2]). Въ виду этого мы можемъ говорить о Чехіи какъ о родинѣ Кіевскихъ отрывковъ и прочихъ вышеупомянутыхъ памятниковъ. Отсюда понятны чехизмы этихъ текстовъ.

Чехія въ X и XI вв., не смотря на свою принадлежность къ церковной области Рима, сохраняла еще связи съ Болгаріей. Славянскій языкъ и, вѣроятно, восточный обрядъ въ богослуженіи чешской церкви должны были производить сильное отрицательное впечатлѣніе на правовѣрныхъ католиковъ Германіи, Италіи и самой Чехіи. Отсюда гоненія на державшихся старины

1) Мы не знаемъ, когда Прокопъ родился и сколькихъ лѣтъ скончался. На основаніи данныхъ «Легенды» и житія, Прокопъ умеръ лѣтъ 60-ти отъ роду.

2) Мы не знаемъ, сколько времени продолжалось «цвѣтеніе славянскаго языка» въ Вышеградѣ. Дѣятельность Прокопа въ Сазавскомъ монастырѣ ограничилась организаціей переписки церковныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ.

Digitized by Google

въ чешской церкви со стороны, между прочимъ, чешскихъ князей латинниковъ въ теченіе всего XI в.

Св. Прокопъ прожилъ мирно въ своемъ Сазавскомъ монастырѣ до конца жизни. Но его преемникъ со всею братіей вскорѣ по его кончинѣ были выгнаны изъ монастыря своимъ княземъ и ихъ монастырь былъ отданъ «нѣмцамъ» латинникамъ. Аббатъ и братія нашли себѣ убѣжище въ одномъ изъ монастырей Венгріи, очевидно, также имѣвшемъ славянское богослуженіе. По словамъ сазавскаго монаха-лѣтописца, «libri linguae eorum (въ Сазавскомъ монастырѣ) deleti omnino et disperditi...»[1]). Но изгнаніе продолжалось недолго. Въ 1063 г. они возвратились въ родной монастырь и оставались въ немъ до 1097 г., когда были изгнаны вновь и навсегда. Новые монахи латинники не нашли въ Сазавскомъ монастырѣ никакихъ книгъ «praeter sclavonicos». Съ уходомъ сазавской братіи въ Венгрію прекратилось славянское богослуженіе въ Чехіи.

Св. Прокопъ принадлежалъ къ монашескому ордену св. Бенедикта, существовавшему въ Чехіи, повидимому, съ первыхъ временъ въ ней христіанства[2]). Этотъ орденъ очень рано является и въ сосѣдней Польшѣ, столь тѣсно связанной съ Чехіей. Одинъ изъ старшихъ монастырей въ Польшѣ — бенедиктинскій монастырь въ Тынцѣ, близъ Кракова, основанный едва ли не Болеславомъ Храбрымъ. Онъ быстро достигъ богатства и силы и далъ начало ряду новыхъ монастырей[3]). Судя по всему, Тынецкіе бенедиктинцы XI в. были славяне, державшіеся славянскаго богослуженія. Почти одновременно съ окончательнымъ изгнаніемъ учениковъ Прокопа изъ Сазавскаго монастыря произошелъ разгромъ Тынецкаго монастыря папскимъ

1) Пользуемся текстами въ книгѣ Krásl'a, Sv. Prokop, jeho klášter a památka u lidu, v Praze, 1895.

2) Основателемъ перваго бенедиктинскаго монастыря въ Чехіи (въ Бревновѣ подъ Прагою) считается Болеславъ, убійца св. Вячеслава (Bretholz, I, 188).

3) Małecki, Z dziejów i literatury, Lw. 1896, стр. 284.

Digitized by Google

легатомъ Гвало. Аббатъ «еретикъ» былъ лишенъ сана и часть монаховъ, очевидно, сторонниковъ этого аббата, была изгнана. Новый аббатъ Гильбертъ, водвореніе котораго въ монастырѣ мѣстное преданіе относитъ къ 1095 г., судя по имени, былъ нѣмецъ латинникъ[1]). Трудно сомнѣваться въ связи этихъ одновременныхъ и однородныхъ событій въ двухъ бенедиктинскихъ монастыряхъ чешскомъ и польскомъ[2]).

Древне-русская письменность сохранила отрывки изъ какого-то древняго памятника, говорившаго, между прочимъ, о Войтѣхѣ, второмъ пражскомъ епископѣ. Эти отрывки, не смотря на то, что дошли въ позднихъ спискахъ, сохраняютъ кое-гдѣ несомнѣнные архаизмы.

Хотя они уже давно извѣстны, тѣмъ не менѣе приведемъ одинъ изъ нихъ. Вотъ онъ.

«Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Вънтѣхъ въ мораву и въ чехы и въ *ляхы*, раздруши вѣру *правую* и русскую грамоту отверже, а латиньскую вѣру и грамоту постави и *правыя* вѣры епископы и попы исъсѣче, а другыя разгна...».

Другой говоритъ о Кириллѣ Философѣ, что онъ «научи мораву и *ляхи* и чехи и прочая языкы и вѣру утвръди въ нихъ *правовѣрную*».

Третій, сильно интерполированный, упоминаетъ, что «не токмо моравляне, чехи, козари, карвати, сербы, болгари, *ляхи* ... быша русь, словянскымъ языкомъ и письмомъ Бога хва-

---

1) Gumplowicz, Zur Geschichte Polens im Mittelalter, Innsbruck, 1898, стр. 137.

2) Повидимому, въ связи съ первымъ изгнаніемъ учениковъ Прокопа въ Чехіи произошло какое-то гоненіе на монаховъ въ Польшѣ. Житіе Ѳеодосія Печерскаго влагаетъ въ уста жены Изяслава Ярославича, дочери Болеслава Храбраго, такія слова: «отбѣжавшемъ нѣкоея ради бѣды черницемъ, много зла створися ихъ ради въ земли той (Ляшской)». Печерскій Патерикъ, въ повѣсти о Моисеѣ Угринѣ, заставляетъ ту же княгиню говорить: «нѣкоея ради вины изгнани бѣша черноризци отъ предѣлъ земли нашей, и зло велико съдѣяся въ лясѣхъ» (Печерскій Патерикъ по изданію Яковлева, стр. 16, 151).

Digitized by Google

лиша, вѣру греческую держаша, но и король вгерскій (= угорскій) вѣру греческую держалъ...»[1]).

Если есть возможность говорить о славянскомъ богослуженіи въ Польшѣ XI в., есть также возможность видѣть въ дошедшихъ до насъ Кіевскихъ отрывкахъ — памятникъ именно польской письменности этого времени. Исправное употребленіе носовыхъ гласныхъ не позволяетъ намъ связывать этотъ текстъ ни съ Чехіей, ни съ Панноніей; фантазировать объ какой-то южно-славянской территоріи въ XI в. съ говоромъ сохраняющимъ носовые гласные и имѣющимъ западно-славянскія *з* и *ц* изъ *dj* и *tj* мы считаемъ излишнимъ[2]).

А. И. Соболевскій.

---

1) Бодянскій, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, М. 1855, стр. 102, 108, 109.—Král a Ježek, Sv. Vojtěch, druhý biskup pražský, v Praze, 1898, не считаютъ Войтѣха врагомъ славянскаго богослуженія, но нашъ текстъ говоритъ такъ ясно...

2) Архимандритъ Антонинъ, подарившій Кіевской Духовной Академіи Кіевскіе отрывки, не сообщилъ, гдѣ онъ ихъ пріобрѣлъ. Судя по другимъ рукописямъ собранія Антонина (нынѣ Имп. Публичной Библіотекѣ), Кіевскіе отрывки пріобрѣтены или на Аѳонѣ, или въ Палестинѣ. Припомнимъ указаніе Печерскаго Патерика, что жившій въ Польшѣ Моисей Угринъ былъ постриженъ прохожимъ монахомъ съ Аѳона.

Digitized by Google

Редакціи Толковой Палеи [1]).

III.

Хронографическая часть полной и краткой Палеи и „Хронографъ по великому изложенію".

Выше было указано, что за окончаніемъ Коломенской Палеи въ распоряженіи автора полной Палеи оказалось однимъ источникомъ меньше. Но характеръ изложенія остался одинъ и тотъ же: та же компиляція того же самаго характера т. е. безъ внутренней переработки своихъ источниковъ, въ противоположность характеру Коломенской т. е. первоначальной Палеи. Особенно нужно обратить вниманіе на то, что тѣ же источники, которыми авторъ полной Палеи пользовался на ряду съ Палеей Коломенской, продолжали служить ему матеріаломъ и для дальнѣйшаго изложенія, какъ напр. апокрифическіе Суды Соломона и библейская книга III Царствъ. Уже одно это обстоятельство должно служить аргументомъ противъ теорій Шахматова и Истомина. Если характеръ компиляціи и въ первой и во второй половинахъ полной Палеи безусловно одинъ и тотъ же, то значитъ, что она вся цѣликомъ представляетъ собой одно цѣлое, и нельзя говорить о какомъ-то позднѣйшемъ соединеніи Коломенской съ какой-то недошедшей хронографической Палеей. Но съ этого

1) См. Извѣстія т. XI, кн. 1.

Digitized by Google

мѣста, т. е. съ окончаніемъ Коломенской Палеи, у автора вскорѣ появляется новый источникъ, какой-то хронографъ, который называется имъ «Хронографомъ по великому изложенію» и подъ которымъ, какъ я сказалъ, разумѣется одна изъ редакцій Еллинскаго Лѣтописца. Въ настоящее время пока трудно опредѣлить въ деталяхъ, что это была за редакція; но изъ разныхъ мѣстъ настоящаго изслѣдованія уже можно было видѣть, что этой редакціей не могла быть вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца (по опредѣленію А. Попова), какъ мы теперь ее знаемъ. Во всякомъ случаѣ, нужно сказать, что напр. хроникой Георгія Амартола авторъ пользовался не непосредственно, но чрезъ хронографическую компиляцію, что доказывается, какъ увидимъ, сходствомъ заимствованныхъ мѣстъ въ нѣсколькихъ памятникахъ. Но намъ не всегда можно съ увѣренностью рѣшить, однимъ ли хронографомъ пользовался авторъ Палеи или нѣсколькими. Напр., относительно немногихъ заимствованій изъ хроники Іоанна Малалы затруднительно что-либо сказать. Для образца я возьму въ полной Палеѣ царствованіе Езекіи, сына Ахаза, которое представляетъ соединеніе библейскихъ книгъ съ хроникой Малалы. Дальше будетъ видно, что краткая Палея пользовалась также хронографомъ, но такимъ, который, не будучи извѣстнымъ намъ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ находился въ связи съ тѣмъ, который былъ источникомъ и для полной Палеи. Однако, какъ увидимъ, возвести хронографическую часть обѣихъ Палей къ одному хронографу невозможно. Различныя соображенія (см. ниже) заставляютъ думать, что въ хронографѣ, бывшемъ у автора краткой Палеи, хроники Малалы не было. Въ такомъ случаѣ спрашивается, откуда она попала въ полную Палею? Царствованіе Езекіи въ краткой Палеѣ состоитъ изъ выдержекъ изъ хроники Амартола, по изданію Боора 222,3—14; 222,18—223,2, съ такимъ прибавленіемъ въ началѣ: В лѣ҃ ҂дх҃ні по Ахазѣ же ста цр҃емъ сн҃ъ его Іезекіа пр҃ркъ а мт҃и его Амоуфа (I). сего же сн҃ве бѣша г҃ ѡт҃роцѣ Ананіа Азарьꙗ Мисаилъ (II). семоу цр҃ю Ѿкрысѧ

пр҃рчтва даръ и сто҃ую вц҃оу двери наречѣ егожѣ никто же пронде токмо единъ гѣ бъ Іи҃лемъ» (Срезнев., 260). Въ полной Палеѣ отъ хроники Амартола нѣтъ слѣда, но III-я вставка читается вся цѣликомъ между 19 и 20 главами книги Царствъ. Между тѣмъ, предшествующее царствованіе (Осіи) и послѣдующее (Манассіи) составлено между прочимъ по Амартолу. Получается такое впечатлѣніе, что въ данномъ случаѣ авторъ полной Палеи рядомъ съ библейскимъ текстомъ имѣлъ подъ руками и хронографъ, въ которомъ царствованіе Іезекіи было представлено въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ его въ краткой Палеѣ, но рѣшилъ почему-то воспользоваться исключительно библейскимъ текстомъ—можетъ быть какъ наиболѣе полнымъ,—удержавъ, однако, указанную вставку. Что же касается вставки изъ хроники Малалы, то она оказывается, дѣйствительно, вставкой, такъ какъ передаетъ о постороннемъ событіи—о Ромулѣ и Ремѣ. Но какъ сказать — было ли послѣднее сказаніе въ томъ же хронографѣ или въ другомъ? Мы видѣли раньше и увидимъ далѣе, что авторъ полной Палеи воспользовался Александріей второй редакціи, а на основаніи общихъ мѣстъ въ полной и краткой Палеяхъ въ исторіи царства Вавилонскаго должны заключать, что въ хронографѣ, который долженъ быть возстановленъ какъ источникъ общихъ мѣстъ въ обѣихъ Палеяхъ, Александріи не было. Отсюда должны выводить два заключенія: или авторъ полной Палеи пользовался двумя хронографами, изъ которыхъ въ одномъ было то, что является общимъ у нея съ краткой Палеей, а въ другомъ — хроника Малалы и Александріи; или у автора полной Палеи былъ такой хронографъ, который представлялъ собой уже дальнѣйшій видъ, слѣдующую обработку того, который послужилъ оригиналомъ для краткой Палеи и который въ данномъ случаѣ былъ дополненъ и выдержками изъ хроники Малалы и Александріи[1]). Такъ какъ то и другое находится въ извѣстномъ намъ Еллинскомъ Лѣтописцѣ второй ре-

1) Послѣднее, какъ увидимъ, имѣетъ за собой всѣ основанія.

Digitized by Google

дакціи, то отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что это былъ хронографъ, близкій къ послѣднему, хотя и не тождественный съ нимъ. Задачей является опредѣлить точнѣе эту редакцію Еллинскаго Лѣтописца, названнаго авторомъ «Хронографомъ по великому изложенію». Не будетъ ли къ этому хронографу относиться и сказаніе объ убійствѣ Ромуломъ Рема, которое не сходится ни съ хроникой Амартола ни съ хроникой Малалы? Я высказалъ выше сомнѣніе въ принадлежности даннаго разсказа къ той или другой хроникѣ, и теперь, не отрицая совершенно возможности свободы со стороны автора полной Палеи въ передачѣ своего источника, все же, на основаніи общаго впечатлѣнія отъ характера редакціи, можно скорѣе относить данный разсказъ къ особой редакціи «Хронографа». Не будетъ ли къ нему же относиться и Невротова Повѣсть?

Что же касается взаимоотношенія краткой и полной Палей въ части за Коломенской Палеей, то оно остается и тутъ (до царства Вавилонскаго) то же самое, т. е. онѣ не могутъ быть поставлены между собой въ связь, какъ таковыя. Однако, связь эта все таки существуетъ, но въ отдаленномъ прошломъ, въ видѣ того хронографа, которымъ, съ одной стороны, воспользовался авторъ краткой Палеи и которымъ, съ другой, (но уже осложненнымъ) воспользовался авторъ полной. Это можно было видѣть изъ только-что разобраннаго примѣра, еще яснѣе видно напр. изъ анализа разсказа о царствованіи Манассіи. Въ краткой Палеѣ все сказаніе очень небольшое, нѣсколькими строками близкое къ хроникѣ Амартола. Оно все таково: В лѣ ,ѧχ҃мz по Єзекіи ста цр҃емъ Манасіа сн҃ъ его а мт҃и ѣ҃ Ѡсфива. сѣ Іилм прѣрати коумі́ромъ клнатисѧ за н҃ѣ лѣ҃ и кровь многоу проліа идолѡ҃. и великаго Исаію пр҃тре дрѣваною пилою и въ цркви г҃ни идолъ постави Дьяволъ (ἔτη νέ. ὃς... ἐπὶ εἰδωλομανίᾳ τε καὶ αἱματεκχυσίᾳ καὶ τὸν μέγαν Ἡσαΐαν πρίσας καὶ τὴν Ἱερουσαλὴμ αἱμάτων ἀθῴων πληρώσας... καὶ μέντοι καὶ τὸν οἶκον κυρίου καταμολύνας καὶ τετραπρόσωπον εἴδωλον τοῦ Διὸς ἐν αὐτῷ στήσας— Боор, 235,12—17, Мур. 167,26—168,3). сего ради вжіимъ

Digitized by Google

гнѣвомъ ѩтъ бы҃ Родохамомъ цр҃емъ Соуріискымъ в Вавилонъ и бы҃ свѧзанъ ве҃ и окованъ въ темніци, и даахоу емоу ѡтроубѧнъ хлѣбъ малъ и воды мало со ѡчтомъ, да живъ боудеть точію. и покаасѧ г҃лѧ: г҃и вседръжителю [бе҃ ѡц҃ь нш҃и Авраамовъ Исаковъ (и) Иаковль и до конца всю млт҃воу—полн. Палея). и оуслышавъ и б҃ъ и разроуши оузы его и возврати его въ Іил҃ь на цр҃тво свое и оумре въ Іер҃лмѣ — содержаніе соотвѣтствуетъ Амартолу, но не есть настоящій Амартолъ. Въ полной же Палеѣ начало исторіи взято изъ IV книги Царствъ 21,1—16, послѣ чего идетъ соотвѣтствіе краткой Палеѣ со словъ и ве҃ка҃ Исаіа пр҃рка строа свое҃ претре пилою древѧною... до конца, съ добавленіемъ противъ краткой Палеи—и прише҃ въ Иер҃лмъ всѧ идолы испровръже (ср. Бооръ 236,4—5: ὁ δὲ ἐπανελθων πάσαν εἰδωλικὴν κατέστρεψε σκηνήν и слав. въшедъ въ Иер҃лмъ всѣхъ скинии идольскы҃ испроверже (л. 108ª), и затѣмъ опять библейскій текстъ—ст. 17—18. Я не стану пока останавливаться на вопросѣ, насколько выписанный текстъ можетъ считаться Амартоловскимъ, но мы увидимъ, что въ очень многихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ переработаннымъ (хотя и не въ значительной степени) и съ дополненнымъ текстомъ Амартола, который былъ общимъ источникомъ для полной Палеи и для Еллинскаго Лѣтописца. Также мы должны заключать, что и авторъ краткой Палеи пользовался такимъ же текстомъ. Отсюда не будетъ неправдоподобнымъ, если бы выписанный текстъ оказался переработкой Амартола. Впрочемъ, это въ данномъ случаѣ не такъ важно. Гораздо важнѣе опредѣлить взаимоотношеніе обѣихъ Палей. Уже самъ собой напрашивается выводъ, что обѣ Палеи восходятъ въ данномъ случаѣ къ такому общему предшественнику, въ которомъ было только то, что является общимъ для обѣихъ Палей; видѣть въ краткой Палеѣ выписку изъ полной очень затруднительно. Подтвержденіе такому взгляду на взаимоотношеніе обѣихъ Палей мы находимъ на каждой страницѣ. Слѣдовательно, данный случай вполнѣ подтверждаетъ указаніе автора полной Палеи, что онъ съ извѣстнаго момента

Digitized by Google

кромѣ Тетровасилія начинаетъ пользоваться «Хронографомъ по великому изложенію». Въ послѣднемъ и читалось только то, что сохранилось въ краткой Палеѣ. Такое отношеніе краткой Палеи, какъ увидимъ, подтверждается анализомъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ изъ Палей.

Посмотримъ теперь точнѣе на взаимоотношеніе обѣихъ Палей въ хронографической части ихъ. Я возьму нѣсколько отрывковъ, и изъ анализа ихъ можно будетъ вывести то заключеніе, которое приводилось уже не разъ.

I. Исторія царствъ Вавилонскаго и Македонскаго въ краткой Палеѣ представляетъ главнымъ образомъ выдержки изъ Амартола съ немногими дополненіями, именно (Срезневскій л. 264 и слѣд.):

1. Бооръ 264,19—266,12: По прежереченны҃ Асоурінскы҃ црь цр҃твова Навходоносоръ. тъ Іерл҃мъ ѡблада з҃і лѣ҃—донде власи емоу ꙗко лвоу ѹвеличишасѧ и когти его ꙗко птици.

2. Вставка а): и хождааше въ поустыни съ звѣрьми за з҃ лѣ҃ и ходѧще людіе изъ града — взьсканъ бы҃ ѿ болѧръ своихъ и обративъсѧ цр҃тво его.

3. Бооръ 269,8—10; 19: По Навхо҃носорѣ же цр҃твова сн҃ъ его Оулемарда҃ лѣ҃ е҃. тъ҃ Ѡхонію разрѣши ѿ оузъ и сътвори его ꙗсти съ собою и измѣни ѡдеждоу его темничноую.

4. Бооръ 270,4—7: По Оулемардахѣ же цр҃твова братъ его Вартасаръ лѣ҃ г҃—и оубьѥнъ бы҃ бжіимъ гнѣвомъ Дарьемъ Мѣдѧниномъ; послѣднихъ двухъ словъ нѣтъ у Амартола.

5. Бооръ 271,29—272,3: По Варътасаріи же цр҃твова Даріи Мѣдѧнинъ—Єстереи ѿ нѣкы҃ двц҃ь евреискы҃.

6. Бооръ 272,17 — 273,3: При томъ Даніилу ѧвишасѧ арх҃нгломъ Гавріиломъ видѣніа — и вверженъ бы҃ въ ровъ лвовъ.

7. Бооръ 273,5—6. По Дарьи цр҃твова Коуръ Пръсѧнинъ лѣ҃ л҃в и оубивъ Дарьꙗ всею землею цр҃твова.

8. Бооръ 273,9—274,19: При томъ Даніилъ Вила съкроу-

Digitized by Google

шиѣ и зміа оуби — възвранаѧ емоу ѧхоу ѿ живоущиѧ на мѣстѣ томъ и глаша на на къ цареви Коуроу.

9. Бооръ 274,20—275,14: По Коурѣ же цр҃твова Камвасіи сн҃ъ его лѣ҃т гі҃ иже Навхо҃носоръ наречень вы҃. сѣ посла Олоферніа воеводоу своего на Іерл҃мъ съ р҃ и ві҃ и затворишаса жидове въ градѣ. Олоферніи же пристоупиша къ градоу иже пре҃ водоу прѣимше; противъ текста Амартола сильное сокращеніе.

10. Бооръ 275,14—25: Людемъ изнемагающимъ во҃ною жаждою—и славоу бо҃у въздаша.

11. Бооръ 276,2—10: Семоу же бывшоу на оутріа Соурани видѣвше главоу Олеферніевоу—и оумре вдовіцею жівши лѣ҃т р҃ и ѕ҃.

12. Бооръ 276,16—281,10. По Камвасіи же цр҃твова Сперді волховъ мц҃ъ ѯ҃. по Сперді же цр҃твова Дарій Истепіанинъ лѣ҃т к҃. при томъ паки Зоровавель и Іс҃ъ повелѣніе вы҃— Столѣ не выша цр҃ви и҃ъ архіереи ими вѣладахѫ.

13. Бооръ 281,17—28: Овладанію на сі҃ніикы пришѣшоу— іако цр҃кіи санъ гл҃ется.

14. Бооръ 282,5—19: Како оубо неправо пророченіе Времѣнию—то бо ѳ҃ чашніе языкомъ.

15. Бооръ 283,7—284,9: Ибо ѥвлено боудеть како стл҃кое съмѣсися съ цр҃ьскымъ колѣномъ—по Вартаванѣ же цр҃твова Артаксеркоръ долгороукыи лѣто.

16. Вставка b): По Артаксѣ же цр҃твова Сегдонъ мц҃ь ѯ҃. по Сегдонѣ же цр҃твова Дарій таимничиць лѣ҃т ді҃. по Дарію же цр҃твова сн҃ъ его Артаксъ лѣ҃т кѯ҃. по Артаксѣ цр҃твова Арси лѣта а҃. по Арсѣ же цр҃твова Дарій Арсоумоуанинъ лѣ҃т ѕ҃, его же оуби Алеѯандръ, разорь власть перьскоую, довлѣвшимъ лѣ҃т см҃е. ѿ преселеніа же Вавилонскаго до цр҃а Александра лѣ҃т тн҃а, ѿ Адама лѣ҃т ѕ҃ѳд҃.

17. Бооръ 25,20—29,20: Цр҃тво а҃ Макидоньское. В лѣ҃т ѕ҃ѳі҃ по Даріи же цр҃твова Алеѯандръ и на а҃ лѣта цр҃тва своего въжрѣжіса на Даріа и пришедъ въ Боузантіи гра҃ въ Хев-

Digitized by Google

роньскыа страны и тоу воѧ изрѧди. Ѿтоудоу преше҃ море и скочи ꙗко пардоусъ на въсточныа страны и Тоура спленивъ слы посла къ Іоудѣѡмъ просѧ помощи на Пръсѧны (= Бооръ 25,20—26,6)—азъ ѥсмь сыи и се Ѿ евреи неизреченно наричаетсѧ. Начало даетъ сокращеннаго Амартола.

18. Бооръ 31,6—32,12: И видѣ из҃алеча Алеѯандръ в риза҃ бѣлахъ — и жиды съ собою поимъ; весь отрывокъ представляетъ сокращеніе первоначальнаго Амартола.

19. Вставка с): Алеѯан҃ръ же ѡплъчисѧ противꙋ Дарью въ нѣси гра҃ и побѣдивъ Даріа пріꙗ цр҃твіе его. тако побѣді индіискіа страны; здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ передано то, что на греческомъ читается Бооръ 32,13—35,5.

20. Бооръ 35,6—36,12: И ѡкроутъ идоущи всеа землѧ акіаны рк҃ы—текоущи въ акіанъ къ странѣ индѣискои—отрывокъ даетъ тоже выборку или сокращеніе Амартола.

Если обратимся къ полной Палеѣ, то найдемъ, съ одной стороны, полное соотвѣтствіе краткой. Содержаніе полной Палеи слѣдующее (слѣдую указаннымъ №№):

1) №№ 1 и 2, но послѣ вставки продолжается текстъ Амартола—Бооръ 266,12—22.

2) Провидение пр҃рка Даніила ѡ Навхо҃носѡрѣ. Сеи оубо Данилъ бѣ Ѿ колена Июдина Ѿ пре҃ръжащихъ цр҃скоую власть... статья, являющаяся вводной къ Толковымъ Видѣніямъ Даніила, какъ напр. въ рукоп. Погодинск. № 1917; на греческ. Migne, 43, стр. 404 (твор. Епифанія); статья эта читается въ Пискаревскомъ хронографѣ.

3) №№ 3, 4 краткой Палеи.

4) Книги пр. Даніила гл. 7 (видѣніе о 4-хъ звѣряхъ, 8°); Толкъ сего видѣніа. Великое море весь міръ наре҃тсѧ...; книга Даніила гл. 5 и съ добавленіемъ, напечатаннымъ выше.

5) №№ 5, 6 и 7 краткой Палеи.

6) Амартолъ, Бооръ 19,18—20,5 (Мур. 14,2—11) съ доба-

Digitized by Google

вленіемъ—да иде^{ж} кожо во своꙗси. и при то^{м} бы Даніи^{л} и бѣше бризненыи съ цр҃емъ славенъ.

7) Книга Даніила гл. 14,2—42.

8) № 8—20 со всѣми особенностями, но № 8 начинается не съ 273,9, а съ 273,6 т. е. какъ продолженіе предшествующей выписки.

Итакъ, мы, прежде всего, видимъ, что въ обѣихъ Палеяхъ текстъ Амартола взятъ одинъ и тотъ же: онъ даетъ намъ выборку, по изданію Боора:

264,19—266,12	276,16—281,10
269, 8—10; 19	281,17—23
270, 4— 7	282, 5—19
271,29—272, 8	283, 7—284, 9
273, 5— 6	25,20— 29,20
273, 9—274,17	31, 6— 32,12
274,20—275,25	35, 6— 36,12
276, 2—10	

Во вторыхъ, текстъ Амартола, будучи заимствованъ изъ полнаго текста того же перевода, что и на всемъ пространствѣ обѣихъ Палей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ намъ одинаковую въ обѣихъ Палеяхъ переработку; таковы №№ 9, 19, 20.

Наконецъ, всѣ три добавленія краткой Палеи (№№ 2, 16 и 19) читаются на томъ же самомъ мѣстѣ и въ полной Палеѣ.

Отсюда мы заключаемъ, что въ данномъ случаѣ обѣ Палеи вышли изъ одного источника; отсюда выводится частичное заключеніе, которое оправдывается и всѣми другими данными, что въ основаніи хронографической части лежитъ особый хронографъ, содержавшій въ себѣ, между прочимъ, такой текстъ Амартола, который, противъ полнаго первоначальнаго текста,

Digitized by Google

былъ мѣстами такъ сокращенъ и переработанъ и снабженъ такими же дополненіями, какъ мы находимъ то и другое въ общихъ мѣстахъ обѣихъ Палей. Иначе сказать, «Хронографъ по великому изложенію», который, по указанію автора полной Палеи, былъ источникомъ послѣдней, заключалъ въ себѣ такой именно текстъ Амартола.

Что касается другого источника полной Палеи — Видѣній Даніила, отъ которыхъ въ краткой Палеѣ нѣтъ никакого слѣда, то трудно предполагать, что они выкинуты авторомъ послѣдней. Авторъ полной Палеи пользовался «Хронографомъ по великому изложенію», только какъ однимъ изъ источниковъ, и рядомъ съ нимъ имѣлъ и библейскія книги и другое многое, изъ чего и составлялъ компиляцію. — Итакъ, выводъ будетъ тотъ, что «Хронографъ по великому изложенію» не имѣлъ Видѣній Даніила, но имъ одинаково воспользовались авторы обѣихъ Палей въ хронографической части, причемъ авторъ краткой Палеи переписывалъ его почти безъ измѣненій, а авторъ полной — комбинировалъ его съ другими своими источниками. Мы видѣли въ послѣдней два отрывка изъ Амартола, лишнихъ сравнительно съ краткой Палеей — Бооръ 266,12—22 и 19,18—20,5. Вопросъ объ ихъ происхожденіи, конечно, большого значенія не имѣетъ: первый отрывокъ, вѣроятнѣе всего, читался въ общемъ источникѣ, но былъ выпущенъ авторомъ краткой Палеи, а относительно второго ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

Ниже я касаюсь вопроса о взаимоотношеніи полной Палеи и Еллинскаго Лѣтописца второй редакціи. Если мы сравнимъ разобранный отрывокъ въ обѣихъ Палеяхъ съ таковымъ же въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ, то придемъ къ тому же заключенію, какъ и въ своемъ мѣстѣ. Исторія царства Вавилонскаго въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ представляетъ довольно пеструю компиляцію, среди которой Амартолъ занимаетъ ничтожное мѣсто, но онъ встрѣчается въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ въ Палеяхъ, именно Бооръ 264,19 — 266,22 съ прибавленіемъ

Digitized by Google

(вставка а); 269,8 — 10 и 19; 270,4 — 5; 271,29 — 272,3; 272,17—273,1. Это доказываетъ, что и Еллинскій Лѣтописецъ въ данномъ случаѣ восходитъ къ одному и тому же хронографу съ обѣими Палеями, т. е., какъ увидимъ, къ «Хронографу по великому изложенію». Но авторъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца очень охотно пользовался другими источниками; такъ, хронику Амартола онъ замѣнялъ хроникой Малалы, которой пользовался, впрочемъ, и не въ замѣну первой; пользовался другими цѣлыми исторіями. Такъ, исторія царствованія Александра, составленная въ общемъ для всѣхъ трехъ памятниковъ изъ выдержекъ хроники Амартола, авторомъ Еллинскаго Лѣтописца замѣнена Александріей второй редакціи. Въ своемъ изслѣдованіи объ Александріи я доказывалъ, что вторая ея редакція составлена не авторомъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца, но взята имъ уже готовой. Теперь это положеніе подтверждается. Наконецъ, источникомъ послужили тѣ же Видѣнія Даніила, что и въ полной Палеѣ, но оба автора пользовались ими независимо другъ отъ друга, что видно изъ того, что въ полную Палею вошла очень незначительная часть Видѣній, тогда какъ въ Еллинскій Лѣтописецъ—всѣ Видѣнія [1]). Итакъ, въ «Хронографѣ по великому изложенію» Видѣній Даніила не было.

---

1) Въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ 2-ой ред. (сп. Кир. Бѣлоз. 1/6, лл. 801ᵃ—840) Царство Вавилонское состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Амарт., Бооръ 264,19—266,23; Мур. 191,18...
2. Амарт., Бр. 269,8 — 10; 19 съ добавленіемъ: сѣдѧ Ѳχонїа въ Еллинскѣ в тьмници ѯд лѣтъ.
3. Амарт., Бр. 270,4—5.
4. Шестое Видѣніе Даніила (кн. Даніила, 5).
5. Сказаніе о пирѣ Валтасара.
6. 7-е видѣніе Даніила (кн. Д-а, 7) съ толкованіемъ.
7. 8-е видѣніе Даніила о судѣ.
8. Слово Іоанна Богослова «ѡ пришдѫщемъ вѣцѣ».
9. 9-е видѣніе Даніила (кн. Д-ла, 8 съ толкованіями).
10. Амарт., Бр. 271,29—272,3; Мур. 196,22—25.
11. Амарт., Бр. 272,17—273,1; Мур. 197,3—10.
12. Малала, Бонн. 152,9—153,18.

Digitized by Google

Какъ второй отрывокъ для выясненія взаимоотношенія краткой и полной Палей, я возьму исторію Константина Великаго. Въ краткой Палеѣ послѣ вступленія — Начало цр҃тва Константинова пр҃ъваго цр҃а кр҃тьянскаго. В лѣ҃ ,ѕ҃ѱ҃л҃г индикта слч҃ного в єнсок҃ѡ а лоу҃. ѥ҃гда цр҃ь Константинъ сн҃ъ Константиновъ и мт҃ри Єлены а҃ цр҃ь въ Цариградѣ — послѣ этого вступленія содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Амартолъ, Бооръ 489,23 — 490,3: По Максентіи же цр҃твова Константинъ великіи. тъи со тщаніемъ великымъ— и цр҃кви Хѵ҃ѣ҃ здати.

2. Бооръ 490,5—9: и заповѣда кр҃тьяномъ всюдоу точію владѣти—и жидомъ рабъ не коупити.

3. Бооръ 490,14—17: и женоу имаше Максимиоу—Константинъ҃ имаше Гала и Оуліана.

4. Бооръ 499,8—500,16: и потомъ хотя Константинъ съ҃зати гра҃ въ има своє—на красотоу емоу и лѣпотоу.

5. Бооръ 501,1—10: мѣданыи оброучи прикова многи— Ликиніи мжчѣтъ кр҃тьяны и оубиваетъ.

6. Вставка a): перечисляются мученики.

7. Бооръ 501,10—503,8: и разгнѣвася Константинъ на него повеликолу — а прочіи жидове не дръзноуть таковыя вещи сътворити.

8. Вставка b): хронологическія указанія.

9. Бооръ 503,9—507,15: и ѥ҃гда съборъ а҃ в Никеи т҃ и к҃

---

13. 10-е видѣніе Даніила (кн. Д-ла 5 и 6 гл. съ толкованіями).
14. Молитва Даніила—кн. Даніила, гл. 9 съ толкованіями.
15. Малала, Бонн. 153,14—157,21.
16. Малала, Бонн. 157,22—158,5 съ добавленіями (сказаніе О Ѳаѩинѣи жидовѣ изъ Василсна).
17. 11-е видѣніе Даніила, кн. Д-ла 10—12 безъ толкованій.
18. 12-е видѣніе Даніила, кн. Д-ла 14 гл.
19. Ѡ сѵ҃тѣи Даніла пр҃ка—издано Поповымъ I, 75.
20. Малала, Бонн. 158,7—14.
21. Малала, Бонн. 158,16—160,9.

Digitized by Google

(ст҃ы) ѡц҃ь тщеванiемъ таковымъ—бы҃ кр҃тьѧнъ философъ ра҃ бѧше побѣженъ старцемъ.

10. Вставка c): ѡц҃и же Арiа проклѧша и мыслѧщи҃ с нимъ, хоулѧщоу҃ бг҃а слово тварь є҃ ѡц҃ы же коупно тн҃i.

11. Бооръ 507,22: повелѣша вѣдати всѣмъ едино соущество исправиша.

12. Бооръ 508,1—8: кромѣ Арiѧ нечт҃ваго ихже проклевше бж҃твенни҃ оц҃и цр҃ь ѡземьствовавъ и҃.

13. Вставка d): ѡц҃ы же проповѣдаша сн҃а единороднаго ѡц҃ю и б҃а истинна творца всѣмъ прѣславно проповѣда соборъ ѿ пророка гл҃юще емоу из чрева пре҃ дн҃ьница родих тѧ.

14. Вставка e): перечисленiе участниковъ собора.

15. Вставка f): перечисленiе мучениковъ; сюда попала фраза, относящаяся къ предшествующему: снидоша҃ на Арiа прозвитера бывша въ Александрiи = Бооръ 509,8—9.

16. Бооръ 508,4—15: по си҃ же ѥтери клеветолюбци на дроугыа еп҃пи—прапроудо҃ ѡбодо҃ свои҃ безаконiе творiмое.

17. Бооръ 508,20—509,5: и тако всѧ наказоуѧ—се пръвыи съборъ бы҃ цр҃твоующоу К. цр҃ю к҃ лѣ҃ ѿ Рима пришедшю; на греческомъ двухъ послѣднихъ словъ нѣтъ.

18. Бооръ 509,15—510,18: Ѡбразъ же даша намъ праз҃новати ст҃жю пасъхоу — вѣровавъ клеветамъ иже нань Ариане извѣщали.

19. Бооръ 510,16—17: ꙗко же Двдъ прелщенъ бы҃ ѿ раба своего Сива.

20. Бооръ 525,11—13: Констѧнтиноу же цр҃твовавши въ Римѣ—всего живота его лѣ҃ ѯ҃е.

21. Вставка g): ѡстави г҃ сн҃ы Костоу в Римѣ, Констѧнтина въ Цр҃иградѣ, Костѧнти въ Антиѡхiи. цр҃твоваша всѣ҃ лѣ҃ к҃д до Оулiани [ѿ Адама до Констѧнтина цр҃ѧ смр҃ти ,е҃ѡ лѣ҃]—послѣдней фразы нѣтъ въ полной Палеѣ.

22. Бооръ 525,18—19: а трiе сн҃ове его ѡбладаша римьскою землею—ꙗко къ оумртвiю кр҃тисѧ.

23. Бооръ 526,8—11: нъ҃ се лжа есть Арианъ—ѿ Ариꙗнъ

Digitized by Google

рекше крѣщюся кмоу глюще; на греческомъ нѣсколько подробнѣе.

24. Вставка h): о перенесеніи ризы Богородицы.

25. Вставка i): перечисленіе мучениковъ.

Если мы теперь возьмемъ полную Палею, то найдемъ ближайшее сходство: тотъ же текстъ Амартола, въ такой же выборкѣ, въ такой же мѣстами переработкѣ и съ такими же вставками. Отличія будутъ лишь таковы:

1. Послѣ № 5 краткой Палеи нѣтъ перечисленія мучениковъ.

2. Послѣ вставки d) краткой Палеи въ полной Палеѣ читается другой разсказъ объ Аріи и его ереси: оуправиша сѣтіи шѣи и оуставиша вѣроу непорочноу и правоу . . .

3. Вставка e) сильно сокращена, а вставки f) совсѣмъ нѣтъ, такъ что читается: . . .Никола Ѡ Мѵ̈ръ, Кѵ̈риллъ Александрійскыи и иніи мнози сѣтіи снидоша на Арія прозвитера быкша въ Александріи.

4. Вставка i) опущена, такъ что заключеніе читается—При сего цр̃твіи вс̃ѣ цр̃ъ в Римѣ Иоуленътъ. в лѣ҃т ѥ҃ѳ҃н҃ѣ оумре великіи Костантинъ.

Что касается перечисленія участниковъ собора, то здѣсь мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, съ сокращеніемъ, какъ указываетъ обобщеніе «и иніи мнози сті»; это заключеніе подтверждается, какъ можно видѣть, и другими подобными же мѣстами. Статья же полной Палеи объ Аріи, можетъ быть, должна разсматриваться, какъ старая принадлежность Палеи, и соединяться съ предшествующимъ добавленіемъ къ Амартолу (вставка d краткой Палеи) въ одну статью. Если бы это было такъ, то все добавленіе (общій текстъ и текстъ полной Палеи) восходило бы къ общему оригиналу; съ увѣренностью же сказать пока затруднительно.

Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что обѣ Палеи въ исторіи

Digitized by Google

Константина Великаго восходятъ къ одному оригиналу, который, какъ и въ другихъ случаяхъ, былъ довольно простъ: онъ состоялъ изъ выдержекъ изъ хроники Амартола, причемъ текстъ былъ иногда перефразированъ, иногда сокращенъ, и изъ нѣсколькихъ, очень, впрочемъ, немногихъ прибавленій къ выдержкамъ изъ хроники. Таково было чтеніе въ «Хронографѣ по великому изложенію».

Въ какомъ отношеніи къ Палеямъ въ данномъ отрывкѣ стоитъ Еллинскій Лѣтописецъ? Послѣдній гораздо распространеннѣе Палеи, и надо думать такъ, что авторъ его имѣлъ подъ руками и «Хронографъ по великому изложенію», какъ указываютъ общія мѣста, какъ хронологическія указанія или какъ, напримѣръ, перечисленіе участниковъ перваго собора съ нѣкоторыми добавленіями (см. ниже). Но этотъ хронографъ оказался для автора слишкомъ недостаточнымъ, и послѣдній воспользовался въ обширныхъ размѣрахъ полнымъ текстомъ Амартола и какимъ-то еще источникомъ, на который онъ указываетъ самъ, когда послѣ Амартола, Бооръ 503,8, Мур. 404,9 говоритъ: **Мы̑ паки къ православному великомꙋ цр҃ю Константинꙋ и къ доблестемъ и къ мꙋ̑ствꙋ подвигъ слово приведемъ**» (Толст. сп., л. 252); къ этому источнику и относится все то, что не читается у Амартола, какъ, напримѣръ, о побѣдѣ Константина надъ Максиміаномъ, о царицѣ Еленѣ и др.

Перечисленіе участниковъ собора представляетъ собой распространеніе Амартоловскаго текста, попавшаго въ Палеяхъ не на свое мѣсто. Для рѣшенія нужно привлечь Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи. Въ послѣднемъ (Толстовскій сп.) за Амартоломъ Бооръ 503,9—509,2 слѣдуетъ перечисленіе участниковъ собора, что у Амартола читается на 509,3 и слѣд. Начало соотвѣтствуетъ Амартолу: **Пръвыи съборъ бы̑ в Никеи съшедшꙗ сты̑и wц҃ь т҃ыи цр҃твꙋющꙋ тогѡ̀ великомꙋ цр҃ю Константинꙋ лѣ҃ к҃** = ἡ δὲ πρώτη σύνοδος γέγονεν ἐν Νικαίᾳ συνελθόντων τιή ἁγίων πατέρων ἔτει τῆς Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου βασιλείας κ′. Далѣе слѣдуетъ такое же совпаденіе: **вѣхꙋ же ста-**

Digitized by Google

рѣишины соборѹ сіи: ѿ Селивестра изъ Рима [пришедшіи земли хранители — нѣтъ въ Палеяхъ] Витъ и т. д. = Пал.—бѧхоу^ж старѣишины соборѫ сїї: ѿ Селивестра изъ Рима Витъ и т. д., что соотвѣтствуетъ греческому тексту ταύτης ἡγοῦντο Σιλβέστρου τοῦ τῆς πρεσβυτέρας Ρώμης τοποτηρηταὶ Βίτων — и палейному съ небольшимъ выпускомъ, см. выше; но въ славянскомъ переводѣ Амартола читается ошибочный текстъ: ѿ Рима пришедъшема съ Силевестромь земли хранитель Витъ и т. д. (Академ., л. 214[б]). Въ греческомъ оригиналѣ и его славянскомъ переводѣ указываются только лишь имена — Вита и Викентія, Митрофана, Александра, Евстафія, Макарія, тогда какъ въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и Палеяхъ идетъ продолженіе—Михаилъ патріархъ Константина града, Никола ѿ Мѵръ, Кириллъ Александріискыи, — здѣсь оканчивается перечисленіе въ полной Палеѣ. Отсюда слѣдуетъ, что перечисленіе участниковъ собора, будучи общимъ для Еллинскаго Лѣтописца и Палей, составлено на основаніи Амартола не въ славянскомъ его переводѣ, но существовало независимо отъ послѣдняго, хотя, повидимому, въ прошломъ и восходитъ къ Амартолу. Такое распространенное перечисленіе, вмѣстѣ съ указаніемъ на мучениковъ Анемподиста и Елпидифора и на перенесеніе мощей Стефана и Анфуса, было соединено съ выборкой изъ хроники Амартола въ томъ хронографѣ, который послужилъ оригиналомъ для обѣихъ Палей въ ихъ хронографической части, т. е. въ «Хронографѣ по великому изложенію» (см. выше). Къ тому же хронографу восходитъ и Еллинскій Лѣтописецъ, который, замѣнивъ почти весь текстъ послѣдняго полнымъ Амартоломъ (хотя также съ выпусками), оставилъ, однако, настоящее перечисленіе, какъ болѣе полное, и слѣдующее за нимъ дополненіе о мученикахъ и о перенесеніи мощей; сюда же Еллинскій Лѣтописецъ присоединилъ и еще дополненіе — При сего цр҃твіи принесена бы҃ риза ст҃ои бц҃и ѿ Капернаоума Галвиномъ и Кандидѡ҃ и положена бы҃ въ Халкопратіи, что въ Палеяхъ читается въ концѣ, послѣ Амартола Бооръ 526,8—11. Далѣе, отсюда слѣдуетъ то, что чтеніе Лѣто-

Digitized by Google

писи «отъ Рима Селивестръ посла епископы и презвутеры» не слѣдуетъ выводить непремѣнно изъ чтенія Синод. списка: «нѣкоу же старѣишинии сонору сн. Селивестръ папа римьскыи», какъ утверждаетъ Шахматовъ, но такое чтеніе могло явиться, какъ осмысленіе, непосредственно изъ испорченнаго текста Амартола — «О Рима пришедъшема съ Силивестромь» и т. д.; Синод. списокъ самъ осмыслилъ испорченное пропускомъ двухъ словъ чтеніе своего оригинала — Селивестръ (вм. О С.) изъ Рима...; Чудовской сп., напримѣръ, сходится съ краткой Палеей. Слѣдовательно, Лѣтопись съ полнымъ основаніемъ можно возводить не къ Палеѣ, гдѣ былъ текстъ не Амартола, а къ какому-то особому хронографу, гдѣ былъ добавленный текстъ дѣйствительнаго Амартола въ его славянскомъ переводѣ. — Далѣе, отсюда слѣдуетъ то, что слова Лѣтописи — иже есть первыи въ Никии 300 и 18, иже проклаша Ария и проповѣдаша вѣру непорочну и праву (Лавр. III) взяты не изъ Палеи, ибо, хотя они и читаются въ полной Палеѣ, но они составляютъ начало особаго сказанія объ Аріи, сказанія, которое, какъ видимъ, само является позднѣйшей вставкой въ полную Палею и котораго не было въ «Хронографѣ по великому изложенію». Оно взято Лѣтописью или изъ особаго хронографа или изъ особаго сказанія о соборахъ, ходившаго отдѣльно отъ хронографовъ.

Я сказалъ, что въ Палеяхъ мы имѣемъ дѣло съ переработаннымъ текстомъ Амартола, который таковымъ былъ уже въ общемъ оригиналѣ. Переработки состояли главнымъ образомъ въ пропускахъ отдѣльныхъ фразъ и словъ, что можно, напримѣръ, видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія (Академ. 210^{b}—211^{a}, Срезнев. 365—6, Бооръ 501,15—502,11):

Амартолъ.	*Палея.*
[Бжтвьнаіа] же Ѡлена въ Иерлмъ пришедъши [на възискание чтнаго крта] и обрѣтши кртъ създа цркы [дне-	Елена же въ Іерлмъ шедши и обрѣтши крта създа цркы разроушн капище Афродитию и на влачнѣ гровѣ създа. и

Digitized by Google

ноу]разроушьши капище Афродитино на влчни крове създана ѿ [безбожныхъ] ѥлинъ, и възъвратившися много сынови о хвѣ вѣрѣ изглавши преставися соущи лѣтомь осмьюдесатъ и погребена бы снмь своимь въ црькви стыхъ апл҃ъ. [соущи црькви тои въ Костантинѣ градѣ. всею бо добродѣтелью блжнаꙗ оукрашена бы.] имаше бо Хво подобьствьноѥ смѣреньѥ на вьсакомь, паче же соущимъ въ мнишьстѣ образѣ. а въ двтвѣ живоущимъ мнихомъ призывающимъ же [мнюжаиши же] и на постѣли полагаше, сами о нихъ жалѣше, и брашно поставлаше пре ними и чашѣ даꙗше и водоу на роукы ихъ възливающи. рабыніно дѣло свершаше. такоже и [приснопамятьнаго] сна своѥго показаше не высокъ имѣти оумъ. добродѣтелью и житию [истиньноу] прилѣжати. работати же бо҃у по книгамъ съ страхомь и трепетомь. такоже и самъ схраняꙗ [по истинѣ] заповѣди ѥго [плодъ творяше стократицею].

Єленѣ възвратившися и много снови ѡ Хвѣ вѣрѣ изглавши преставися, сѫщи лѣт п҃. и погребена бы съ сномъ своимъ въ црькви сты апл҃ъ. имяше Хво подобьство, смиреніе на всякомъ, паче же мнихомъ. а въ двьстѣ живоущимъ мнихомъ призывающе и на постели полагающе сама ѡ ни слꙋжаще, брашно поставляаше пре ними, чашоу дааше и водоу на роуцѣ и възливаше. работно дѣло совръшающе. тако же и сна своего казааше не высокъ имѣти оумъ, доброу житію прилежати, работати бо҃у по книгамъ со страхомъ и трепетомъ. тако и самъ съхрани заповѣди еꙗ.

Здѣсь въ скобкахъ поставлено то, что въ оригиналѣ обѣихъ

Digitized by Google

Палей было выпущено. Палейное чтеніе на ѥлѧ҆чнѣ кровѣ съ҆ѕ҃а и Ѳленѣ възвратившисѧ есть испорченное изъ — на ѥлѧ҆чни кровѣ съ҆ѕдаша ѿ вєзвожныхъ клинъ, и възвратившисѧ... = ...τὸν ἐπὶ τῷ δεσποτικῷ τάφῳ κτισθέντα ναὸν ὑπὸ τῶν ἀθέων [Ἑλλήνων] Ἀφροδίτῃ.

Анализъ сказанія о седьмомъ соборѣ подтверждаетъ, съ своей стороны, что полная и краткая Палеи составлены и тутъ независимо другъ отъ друга, хотя источники были частію одни и тѣ же, причемъ замѣчается близость краткой Палеи къ Еллинскому Лѣтописцу второй редакціи, съ которымъ полная Палея въ данномъ случаѣ не имѣетъ общаго въ смыслѣ зависимости. Сходство краткой Палеи съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ наблюдается въ самомъ началѣ, въ хронологіи, именно:

Палея.	*Ѥлл. Лѣт.*
ѿ ѕ-го събора до ѯ҃ лѣ҃ рк҃в. [а ѿ пръваго ѥборѹ до ѯ҃ събора лѣ҃ дв҃к.] ѿ възнесенїа гн҃а до ѯ҃-го събора лѣ҃ ѯ҃с.	ѿ ѕ-го свора до ѯ҃-го лѣтъ рк҃в. ѿ вознесенїа гн҃а до сѣ҃мого свора лѣ҃ [ѯ҃с] — *Толстого* 319, л. 389.

Поставленное въ скобки есть прибавленіе Палеи, какъ и вообще многія хронографическія выкладки, напр. далѣе — в лѣ҃ ,sc҃ѵs инди҃ а҃і слн҃чнаго а҃ мѣзинаго пръста, а лоун.

Самое содержаніе взято изъ Амартола, по изданію де-Боора 769,10 — 770,9, но въ обѣихъ Палеяхъ текстъ Амартола подвергся вставкамъ и притомъ неодинаковымъ, тогда какъ въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ добавленій никакихъ нѣтъ. Нужно замѣтить еще то, что въ краткой Палеѣ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ въ перечисленіи участниковъ собора встрѣчается послѣ Иліи Іерусалимскаго Феофилъ Новый, котораго нѣтъ ни въ греческомъ текстѣ, ни въ полной Палеѣ, ни въ полномъ славянскомъ переводѣ.

Кромѣ этой вставки краткой Палеи, сближающей послѣднюю съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, въ ней читается слѣдующая боль-

Digitized by Google

шая вставка послѣ Боора 769,12 (καὶ Εἰρήνης): ѿ Рима (не есть ли это порча изъ «Ирины», вызвавшая дальнѣйшую вставку?) и ѿ прочи҃ ст҃ы҃ прт҃лъ и соущимъ подъ цр҃кѡ҃ градо҃. всѣ҃ еп҃пкомъ и въ цр҃кви ст҃ы҃ апостолъ собравшимсѧ бж҃твны҃ списаніи наченшимъ прочитати и пре҃лагати въ слоу҃ всѣ҃ цр҃мь же и люде҃, въсташа на нѧ гноютезовнаго оучт҃ли и оучн҃ици извлекши на своꙗ меча съборъ разориша, ихже цр҃твъ тъ҃ ча҃ изведъ безъ ѡроужіа изъ града рекше на пиръ въ малагина во своꙗ страны бес чести изгнаша бж҃твна҃ Тарасіа съ еп҃пы въ Никеистіи гра҃ послаша ѧ и бывшоу ст҃ыа вселеныа събороу и пріꙗтъ цр҃кви староую свою и пръвѫю красотоу — *Срезн.*, *417*.

Полная же Палея даетъ слѣдующія три распространенія:

1) [въ цртвіе ѡсмаго лѣта Костантина цр҃ѧ] доброчт҃наго и хо҃любнаго сн҃ꙋ Льва Казарина и Ирины мтри ѥго на иконоборцы и҃ не покланѧютсѧ ст҃ымь икона҃ = ἔτει τῆς Κωνσταντίνου καὶ Εἰρήνης τῆς αὐτοῦ μητρὸς βασιλείας η' (Бооръ, 769, 11—12).

2) Послѣ Бооръ 770,4 (поклонишасѧ = προσεκύνησαν): хꙋла҃ еретици ѡ икона҃ гл҃ще, то кр҃тіанѣ кланѧютсѧ икона҃ акы бѡ҃мь. ст҃іи же ѡц҃ы пн҃е проклѧша еретикы и началникы ересемь.

3) Послѣ 770,11: — вставка, напечатанная выше, а затѣмъ сказаніе о Петрѣ Гугнивомъ.

Отсюда вытекаютъ такія слѣдствія: 1) краткая Палея не могла выдти изъ полной: въ послѣдней нѣтъ большой вставки; 2) полная Палея не могла выдти изъ краткой: нѣтъ также соотвѣтствующихъ вставокъ; 3) краткая Палея и Еллинскій Лѣтописецъ восходятъ къ одному источнику, или лучше — краткая Палея вышла изъ Еллинскаго Лѣтописца, гдѣ былъ добавленъ Феофилъ Новый; 4) полная Палея взяла текстъ Амартола не изъ того Еллинскаго Лѣтописца, который теперь намъ извѣстенъ какъ вторая редакція (нѣтъ Феофила Новаго), но изъ другого

Digitized by Google

источника и распространила его своими вставками; 5) однако, такимъ источникомъ не былъ полный текстъ Амартола, но какой-то хронографъ, такъ какъ во всѣхъ трехъ памятникахъ заимствованіе изъ Амартола сдѣлано въ одинаковыхъ размѣрахъ. Этотъ хронографъ и есть «Хронографъ по великому изложенію».

Можно припомнить, что Павловъ, разбирая книгу Попова, настаивалъ на томъ, что лѣтописныя статьи о семи соборахъ и о Петрѣ Гугнивомъ взяты изъ Толковой Палеи, при чемъ для большей убѣдительности онъ дѣлалъ параллельныя выписки изъ того и другого памятника (Павловъ, Критическіе опыты по исторіи греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб. 1878 г., стр. 9 — 23). Теперь понятно, что такое объясненіе должно быть оставлено. При тогдашней неразработанности Палеи Павловъ съ полнымъ правомъ могъ видѣть источникъ лѣтописнаго сказанія въ Палеѣ; теперь же мы видимъ, что въ первоначальной Палеѣ такихъ сказаній не было и что въ полную Палею они сами вошли лишь впослѣдствіи. Однако, Шахматовъ въ упомянутой статьѣ возвращается къ мнѣнію Павлова, хотя и не приводитъ новыхъ доказательствъ. Но возражая Заболотскому, который пришелъ къ тому же заключенію, что и я, Шахматовъ указываетъ, что какъ въ Лѣтописи, такъ и въ Палеѣ число участниковъ собора опредѣляется 350, вмѣсто обычныхъ 318 (стр. 59 примѣч.). Но это не доказательство. Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи читается цифра 318, а во вторыхъ — это просто палеографическія недоумѣнія: тѳ легко могло переходить въ тѳ и обратно. Затѣмъ, текстъ Палеи — составной изъ двухъ источниковъ — Амартола и добавленія, къ которому относится и сказаніе о Петрѣ Гугнивомъ, добавленія, присоединеннаго къ тексту Амартола безъ всякой связи, причемъ мы видимъ, что самый текстъ Амартола есть, съ своей стороны, выдержка, бывшая въ такомъ уже видѣ въ трехъ источникахъ — краткой Палеѣ, полной и Еллинскомъ Лѣтописцѣ. Лѣтопись главное содержаніе беретъ какъ разъ изъ добавочнаго источника, а изъ Амартола — только имена участниковъ, да и то не всѣхъ.

Digitized by Google

Отсюда всѣ данныя для вывода, что Лѣтопись взяла главное содержаніе (Лаврентьев. 112,5—9 и 113,9—16) не изъ Палеи, но непосредственно изъ того добавочнаго источника, который послужилъ и для Палеи. Но можно идти далѣе, а именно, что для Лѣтописи послужилъ источникомъ даже не тотъ текстъ, который читается въ Палеѣ, а какой-то параллельный, такъ какъ всякій изъ сопоставленій можетъ видѣть, насколько велико текстуальное различіе между двумя памятниками, тогда какъ въ Лѣтописи мы замѣчаемъ вообще довольно большую близость къ источникамъ иноземнаго происхожденія.

Къ тѣмъ же заключеніямъ приведетъ насъ и анализъ текста обѣихъ Палей на пространствѣ исторіи отъ Льва Исаврianина до Ставрикія включительно (Срезнев. л. 410 — 419, Румянц. 435—437). Главное содержаніе взято изъ хроники Амартола. Начало даетъ большое сокращеніе Бооръ 735,18 — 736,20: **В лѣ҃ ,ѕ҃с҃ке по Θеωдосиѣ ста цр҃мъ Леωнъ Исаврanинъ иже и Кононъ и цр҃ковa лѣ҃ кѳ. сеи бѣ коузнецъ замочныи. идоущюу емоу поутѣ҃ прiиде къ источникоу и wврѣте еврѣанина дка и сѣдшѫ емоу оу нн҃.**

Затѣмъ текстъ идетъ въ такомъ порядкѣ:

1) Амартолъ, Бооръ 736,20—738,4; 738,10—14; 740,17—741,7; 741,16—20; 743,4—744,4.

2) Вставка: **При сѣ҃ бѣ҃ Iωаннъ Дамаскынъ, Клаоудіанъ и Θеδωръ и Оукторъ, Θеωфилъ мни҃ и ст҃ы҃ женъ Θерфоурiи и сестры ея Θерфы прп҃одныа.**

3) Амартолъ, Бооръ 744,5—14; 751,3—10; 758,11 и слѣд. (но сокращенно сравнительно съ греческимъ текстомъ и славянскимъ переводомъ); 759,19—22; 760,1; 760,5—9; 765,7—10 (въ сокращеніи, но въ полной Палеѣ=греческому тексту); 766,18—20.

Въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ мы имѣемъ полный текстъ Амартола; однако, и тутъ мы находимъ указанную вставку (№ 2-й). Такъ какъ полная и краткая Палеи и тутъ восходятъ къ общему

Digitized by Google

источнику т. е. къ «Хронографу по великому изложенію», то нужно признавать, что его имѣлъ и авторъ 2-й редакціи Еллинскаго Лѣтописца, но выборку изъ Амартола замѣнилъ полнымъ текстомъ, удержавъ, однако, настоящую прибавку, которая, какъ и въ другихъ случаяхъ, составляла одно цѣлое съ выдержками изъ хроники Амартола.

Царствованія Михаила Амарянина и Феофила одинаково въ обѣихъ Палеяхъ даютъ по двѣ строки изъ Амартола, Бооръ 792,7—8 и 797,17—20.

Царствованіе Михаила также одинаково въ обѣихъ Палеяхъ, причемъ общій ихъ оригиналъ возстановляется при помощи полныхъ Палей—Румянц., съ одной стороны, и Погодин.—Синод.—съ другой. Изданіе Боора въ данномъ случаѣ оказывается недостаточнымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ нѣкоторыхъ извѣстій, бывшихъ въ оригиналѣ славянскаго перевода и потомъ перешедшихъ въ различные памятники, такъ что опять необходимо пользоваться изданіемъ Муральта. Въ краткой Палеѣ и Погодинской исторія идетъ въ такомъ порядкѣ:

1) Амарт., Бооръ 801,5—7;

2) Извѣстіе о крещеніи Болгарской земли: при сего цр҃твіи в в҃ лѣто цр҃тва его кр҃щена бы҃ землѧ болгарскаѧ и прѣложиша книгы ѿ гречьска ꙗзыка на словенскъ Кїрилъ Философъ съ Мефодіемъ; въ спискѣ Срезневскаго на той же 422 страницѣ внизу киноварью — в лѣ҃ ҂ѕ҃ѯ҃г при Борисѣ кн҃ѧзѣ Болгарѣстемъ при Ростиславѣ кн҃зѧ Моравстѣ и Костели кнѧ҃ Латыньстѣ, что въ спискахъ полной Палеи читается въ текстѣ, причемъ годъ указанъ правильно ҂ѕтѯг (6363).

3) Мур. 717,8 и 718,5—9 о Феодорѣ царицѣ.

4) Мур. 736,4 и 737,8 о нападеніи русскихъ на Константинополь, что въ обѣихъ Палеяхъ читается нѣсколько иначе:

Погодинская Палея, л. 439.	*Срезневскаго Палея, л. 422.*
По сих же цр҃ь на Агарѧны изыде воевати. дошедшю же	По сих же цр҃ь на Агарѧны изыде воевати. дошедшоу же

Digitized by Google

емꙋ Чермныѧ рѣкы гл҃емыѧ вѣсть емꙋ епархъ посла, ѧко Русь на Костѧнтинь гра҃ идеть. тѣмь цр҃ь прочее не иде. Рꙋсь же внꙋтрь сꙋда вшеше...

емоу Чръмныѧ рѣки гл҃емыа вѣсть емоу епархъ при цр҃твіи посла, ꙗко Роусь и Чюдь и Словени съ Кривичи къ Варѧго҃ и рѣша. землѧ нш҃а добра велика и ѡбилна и нарѧда к неи нѣтѫ. поиди кнѧжити и владѣти нами. и избраша три брата с роды своими, старѣишіи Рюрикъ сѣде в Новѣградѣ. В лѣ҃ ҂ѕт҃лд Асколдъ и Диръ на грекы иде в лодіахъ. а на Кѡнстантинъ гра҃ идоу҃ Асколдъ и Диръ въ с҃ лодіи тѣмъ цр҃ь прочие (не) иде. Рж҃ же вноудрь сꙋдъ въше҃ше...

Въ Румянц. спискѣ сказаніе о призваніи Варяговъ поставлено передъ сказаніемъ о Феодорѣ, къ каковому сказанію дѣлается переходъ—еще оубо на пре҃лежащаꙗ да възвратимсѧ.

Итакъ, мы должны признавать, что въ общемъ оригиналѣ т. е. въ «Хронографѣ по велик. излож.» царствованіе Михаила читалось такъ, какъ оно сохранилось въ Палеяхъ, т. е. состояло въ очень краткихъ выдержкахъ изъ Амартола съ прибавленіемъ сказанія о призваніи Варяговъ. Что послѣднее читалось тамъ, доказывается и тѣмъ, что въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ читается тотъ же разсказъ, см. Общ. Люб. Др. Письм. in folio 33, л. 429.

5) Дальнѣйшее изложеніе въ обѣихъ Палеяхъ одинаково, состоя изъ краткихъ извѣстій, взятыхъ изъ хроники Амартола (Мур. 799,1—9, 841,12— , 848,4—5; 8—10; 13—15; 18—19) съ нѣкоторыми дополненіями. Заканчиваются обѣ Палеи одинаково.—По окончаніи общаго содержанія каждая изъ Палей имѣетъ свое продолженіе, которое ни въ той ни въ другой пря-

Digitized by Google

мого отношенія къ Палеѣ не имѣетъ. Однако, Повѣсть о Кириллѣ Философѣ въ полной Палеѣ является уже ея принадлежностью. «Хронографъ по великому изложенію» оканчивался, слѣдовательно, на упоминаніи о смерти Романа.

Итакъ, въ общемъ видѣ мы можемъ возстановить «Хронографъ по великому изложенію», бывшій источникомъ трехъ независимыхъ другъ отъ друга памятниковъ—краткой и полной Палей и Еллинскаго Лѣтописца 2-й редакціи. Этотъ-то «Хронографъ по великому изложенію» и есть та особая редакція Еллинскаго лѣтописца, которую нужно сопоставлять съ Лѣтописью (Начальнымъ сводомъ — по терминологіи Шахматова) и о которой я говорю въ разборѣ V главы изслѣдованія Шахматова. Мы уже видѣли, что этотъ Хронографъ содержалъ въ себѣ два извѣстія хроники Амартола о нападеніи русскихъ на Константинополь; далѣе въ немъ читалось и объ явленіи передъ вторымъ взятіемъ Іерусалима (Шахматовъ, стр. 56), взятое изъ Амартола, Мур. 208,1 и слѣд., Бооръ 287,15 и слѣд., и о звѣздѣ въ образѣ копійномъ (Шахматовъ, ibid., Мур. 281,15, Бооръ 379,19), и о знаменіяхъ при Іустиніанѣ (Шахматовъ 57, Мур. 540,1—9, Бооръ 643,10—19), и о рожденіи необыкновеннаго ребенка (Шахматовъ, ibid., Мур. 554,21 и слѣд.), и о чудесахъ въ царствованіе Константина, сына Льва (Шахматовъ, ibid., см. выше). Въ этомъ Хронографѣ читался въ числѣ участниковъ второго собора — отъ Рима Димасъ и тамъ же Македоній былъ названъ «духоборцемъ» = Лаврентьевская Лѣтопись изд. 1897 г., стр. 112 (см. выше)[1]).

Теперь является вопросъ, что это былъ за «Хронографъ по великому изложенію», который послужилъ для автора полной Палеи источникомъ хронографической части? Его можно возста-

1) Въ послѣдней статьѣ Архивскаго хронографа, представляющей краткій перечень византійскихъ царей, о второмъ соборѣ читаемъ:... «въ ни^х же Дамасъ папа Римскыи, Тимоѳеи Александріискыи, Мелетій Антіохіискыи, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Богословець на Макидоніа духоборца», что указываетъ на то, что и это чтеніе вышло изъ того, которое было въ «Хронографѣ по великому изложенію».

Digitized by Google

новить, привлекши къ сравненію Еллинскій Лѣтописецъ, но — возстановить приблизительно. Для полнаго возстановленія необходимо было бы разобраться, прежде всего, въ спискахъ и редакціяхъ самого Еллинскаго Лѣтописца; пока же этого не сдѣлано, нельзя претендовать на возстановленіе «Хронографа по великому изложенію» во всѣхъ его подробностяхъ. При данныхъ средствахъ можно намѣтить его характеръ лишь въ общихъ чертахъ, но и этихъ чертъ, кажется, будетъ достаточно для представленія объ его составѣ. Я скажу напередъ, что мнѣ придется отличать «Хронографъ по великому изложенію» отъ другого, изъ котораго онъ вышелъ и который легъ въ основаніе второй части краткой Палеи; теперь же пока я имѣю въ виду лишь первый. Я пользуюсь списками Еллинскаго Лѣтописца второй редакціи 1) Софіевскимъ № 1520, Кирилло-Бѣлозерскимъ № 1/6, 3) Толстовскимъ № 319; къ нимъ слѣдуетъ причислить Пискаревскій № 597, который въ разсматриваемомъ вопросѣ имѣетъ большое значеніе. Въ установленіи характера «Хронографа по великому изложенію» я пойду, какъ и въ другихъ случаяхъ, аналитическимъ путемъ и разсмотрю изложеніе начала новозавѣтной исторіи.

1) Исторія Ирода (Соф. л. 368, Рум. 408) состоитъ изъ выдержекъ изъ хроники Амартола съ дополненіями: то и другое одинаково въ обоихъ памятникахъ. Одинаково начинается: Сін же Ирѡ҃ Исклонитанинъ сн҃ъ Антипатрóвъ Идоумеанинъ родомъ и матери Коуприады свободимыя ѿ Аравіа ѿ странъскиѫ языкъ — и затѣмъ Амартолъ, Бооръ 300,2 — 301,20 (по изд. Мур. 219,5—18; 220,28—221,18; 221,17—22); затѣмъ фраза конечныи архіерѣи Иоуркань его же Ирѡ҃ оубн, дающая, повидимому, текстъ Амартола — Ὑρκανοῦ τελευταίου ἀρχιερέως... ὃν Ἡρώδης ἀνεῖλεν[1]) (Бооръ, 304,10—12; Мур. 223,14—15), и

1) Вставка этой фразы, повидимому, зависѣла отъ того, что предшествующій текстъ Амартола оканчивался словами «Самарѣискаго рекш Маккавеанъ»= Ἀσαμωναίων ἤτοι Μακκαβαίων (Бр. 301,20), что повторяется и въ данной фразѣ μέχρις Ὑρκανοῦ τ. ἀρ. ἐκ τῶν Ἀσαμωναίων εἴτ' οὖν Μακκαβαίων, ὃν Ἡρ. ἀν...

Digitized by Google

вставка—та безаконнии иереи вху не народнін не чни. иногда ихъ шесте временныи инін не мл ѡ Рімлянъ стльство куплаще да и до погыбеніа конечнаго — и опять Амартолъ, Бооръ 308,9—311,18 (Мур. 227,14—229,14) — Итакъ, мы видимъ не только одинаковую выборку изъ хроники Амартола, но и одинаковыя къ ней добавленія. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, «Хронографъ по великому изложенію» вполнѣ совпадалъ съ Палеей и съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, иначе говоря, авторомъ того и другого данный отрывокъ переписанъ безъ измѣненія. Но если мы обратимъ вниманіе на то, что въ обоихъ памятникахъ читается передъ настоящимъ разсказомъ и послѣ него, то увидимъ большое различіе. Все предшествующее царствованіе Августа въ Палеѣ представляетъ также выдержки изъ Амартола съ нѣкоторыми добавленіями, также и послѣдующее царствованіе, какъ увидимъ; въ Еллинскомъ же Лѣтописцѣ царствованіе Августа даетъ большую компиляцію[1]), гдѣ главными источни-

---

1) Вся исторія царствованія Августа въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ второй редакціи (списокъ Софійскій 1520) представлена въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Малала*, Бонн. 225, 13—17 Бѣ цр перьвыи единъ Рѵмѣ сіи славныи Пагустъ... лютъ и жены не имѣ и вѣ зрен танѣиникъ и вѣ вселадал всею землею.

2. *Амартолъ* Мур. 215,6—9, Бооръ 294,15—19; см. Попова Обзоръ хронограф. I, 83.

3. *Слово Епифанія* о Богородицѣ (см. Попова, I, 84); по списку Кирилло-Бѣловерскому 19—1096, л. 3—4— И есть же слова сего оуказаніе тако—и нарече има си Маріа сестры своа ради (на греч. Patrol. graeca т. 120).

4. *Слово Епифанія*: ѡ рѫтвѣ стыа вцы. Е лѣ ѯѵ индикта а родиса стаа вца ѡ Пкыма і Пнны—къ кѣ лѣ црьствіа Пагустова... КБ. л. 7ᵃ.

5. *Слово Епифанія*: ѡ благовѣщенін. Е лѣ ѯѵ і къ ав лѣ цртвіа Пагустова мца Двстра къ кѣ днь... и роди сна своего первенца Еммануила—КБ. 7—9ᵃ.

6. *Евангеліе Луки* 2,7—20.

7. ѡ рожстве гда нш Іс Хс. Е лѣ ѯѵ индикта рвка крстіанскаа рждса гь нш Іс Хс ѡ Дв Маріа въ граде Виѳлеемѣ декабря къ кѣ к на ѕ часъ нощи къ аѕ лѣ цртва Пагуста. тѣмь воистинѣ великій цр и нарочитъ паче всѣхъ Пагуст сынъ кысть и вселадал всѣми цртвіи зане въ днѣхъ его гь цр всѣхъ родиса. а Ирода цртво къ лѣто. и цртвова Пагуст по рожстве хѵ ѵі лѣтъ, а всѣ лѣтъ цртва его ѳѵ лѣ а всѣх [лѣ цртва его ѳѵ лѣта.—Общ. Люб. Др. П. fol. XXXIII].

8. *Слово Епифанія*: Послужившн же си ѡ всѣ Соломѣа — и оужасошаса — КБ. 9ᵃ.

Digitized by Google

ками являются хроника Малалы и Сказаніе Епифанія о Богородицѣ; также тотчасъ за нашимъ отрывкомъ слѣдуетъ выдержка изъ хроники Малалы, Бонн. 231,8—11. Намѣчается, такимъ образомъ, первое положеніе, что въ «Хронографѣ по великому изложенію» хроники Малалы не было, въ Еллинскій же Лѣтописецъ включилъ ее авторъ послѣдняго.

2) Соф. 392—3, Румянц. 411,6, Пискар. 225. Царствованіе Тиверія во всѣхъ памятникахъ разсказано по различнымъ источникамъ. Въ Соф. главнымъ основаніемъ являются выдержки изъ хроники Малалы и Сказанія Епифанія о Богородицѣ съ нѣ-

---

9. *Малала* Бонн. 229,13—18: Въ цр҃тво же того кесаря Пилатоуста Октавіа чт҃наго и падеся Ѡ ежіа гнева гр҃а — оукѣда ико же времени миноувшоу; въ срединѣ есть вставка—ѡ волъсквхъ. Е лѣт҃ ѕ҃фк.

10. *Малала* 229,19—230,1—И повелѣ Ирѡ҃ мти волхвы гла—и покѣдникъ.

11. Добавленіе: и принесоша злато и ливанъ и ѕмирноу, злато оубо ико цр҃ю, ливанъ ико с҃томоу и ѕмирноу ико мертвецю.

12. *Малала* 230,2—231,2—и пришѣ҃ше къ юр҃лмъ къпрашахѫ—шт҃идоша въ страно҃ перскоую пр҃слоушавше Ирода.

13. *Евангеліе* Матѳея 2,13—15.

14. Вставка, изданная у Попова I, 84; въ изданіи пропущенъ конецъ: юже хранятъ Єгиптѧне доселѣ. мнози же силніи ц҃ри покоушахоуса взяті ю нан преписати и не возмогоша.

15. *Малала* 231,2—7 съ добавленіемъ: Ѡ двою лѣтоу и ниже по времени (= Еванг. Матв. 2,16).

16. *Сказаніе о смерти Захаріи*: И искаша оубити Іоанна и посла сица воины къ Захарии Ѡц҃оу Іѡановоу въ чр҃аницѣ и р҃і: гдѣ есть сн҃ъ твои Іѡанъ, и рече Захарія: не вѣмы. чи стража есмь аз сн҃оу своемоу. акіе оубиша и воини межю цр҃квью и шатаремь. и истече кровь его и паки разсѣдеся ико и камень.

17. *Слово Епифанія*: Есть оубіеніи его вина сице—ихоже свидѣтельствоуетъ с҃тыи—КБ. 10ᵇ—11ᵃ.

18. Сказаніе объ Иродѣ=полной Палеѣ, см. выше.

19. *Малала* 231,8—11.

20. *Слово Епифанія*: На праз҃ники же Пасхы сходяхѫ — пришедшаяся водоюю—КБ. 11ᵇ—12ᵇ.

21. *Малала* 231,12—232,9. Сіи же Пилатоуст҃ъ кесарь Ѡктавиосъ въ ѳ҃ лѣт҃ — ико҃ѳ҃ Тимофѣи списа. Въ Толст. и Общ. Люб. Др. П. добавлено: Кесарь же Ѡктавіѡ волзнаю злою в Римѣ оумре старъ сыи лѣт҃ з҃і. цѣломоудрествовавъ Ѡ плотьскаго грѣха. вѣ со тавиникъ архіереи цр҃ь; ср. полную Палею, выше.

Digitized by Google

которыми другими источниками [1]), а въ Палеѣ читается нѣсколько строкъ изъ Амартола (Бооръ 311,15—16, 18=Мур. 229,16—19), двѣ хронографическія вставки о крещеніи и воскресеніи Христа, и затѣмъ краткое сказаніе о судѣ Тиверія надъ Иродомъ по наговору Пилата, сказаніе, встрѣчающееся и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и въ Пискар. хронографѣ. Сказаніе напечатано выше. Въ Палеѣ и Пискар. за этимъ сказаніемъ слѣдуютъ отрывочныя извѣстія: и оумре Тиверіи цр҃твовавъ лѣ҃ кг҃ а цр҃твова Тиверіи по възнесеніи лѣ҃ ѕ҃, что въ Софійск. отдѣлено отъ предшествующаго разсказа выдержкой изъ хроники Малалы, Бонн. 242,7—22, съ нѣсколькими добавочными передъ выпиской строками. Такъ какъ въ Палеѣ и Еллинскомъ Лѣтописцѣ приводится и хронологія, хотя не вполнѣ одинаковая, то все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ къ тому же результату, а именно что и въ данномъ случаѣ всѣ три памятника восходятъ

---

1) Царствованіе Тиверія въ Софійскомъ представлено такъ:

1. Четыре отрывка изъ хроники *Малалы*—Бонн. 232,10—15; 234,11—22; 235,9—10; 236,3—13.

2. *Слово Епифанія*—Іоаннъ же кѣ в поустыни тои а҃ лѣ҃—ико предань бысть Іоаннъ крѣтителю—КБ. 12ᵇ—13ᵇ.

3. *Евангеліе* Марка 6,17—29.

4. *Малала*: Сіи Ирѡ цр҃ь вторыи братъ Филипокъ—въ Іюдѣистѣи странѣ ихоже Климисъ списа—Бонн. 237,1—239,17.

5. *Слово Епифанія*: На оутріа же изыде Іс҃ в Галилѣи — пр҃естоупи ко оу кр҃та хр҃а и слышаша Ѳ него—КБ. 13ᵇ—16ᵃ.

6. Точное указаніе времени распятія, воскресенія и вознесенія Христа. (Соф. л. 389ᵇ—390ᵃ).

7. *Слово Епифанія*: Ендѣкыши же ст҃ам сѧ҃ ижѣ на нб҃са възнесеніе—тожде сѧ҃ дѣлъ ико Лоукы єѵаггелистъ пишеⷮ—КБ. 17ᵃ—ᵇ.

8. *Малала*: Цр҃твоующоу въ Іюдѣ сѧ҃ Понтинскомоу Пилатоу—ихоже сѧ҃ извѣли—Бонн. 242,3—6.

9. Сказаніе объ Иродѣ: Ѩ Иродѣ владѣющѣ жиды—пожрѣⷨ земла жи҃ѕ сѣдѧ҃ѕ = полная Палея, съ добавленіемъ: Сіи же Ирѡⷨ въ дни҃ѕ паде колѣнии сѧ҃ мѣ҃ и оукѣинъ сѣ҃ в полатѣ своеи и по осми мц҃ѣхъ сълѣдѵи женѣ его сіѣ.

10. *Малала*: Стѣлствовахоу же въ Іюдеистѣи странѣ — Климисъ и Татіанъ хронографъ—Бонн. 242,7—22.

11. Заключеніе: Оумре цр҃ь Тиверіи своею смьртию въ палатѣ сѣ҃ лѣ҃ ѕ҃. съставѣвса. а цр҃твова лѣ҃ кг҃. а по вознесеніи гн҃ни цр҃твова Тиверіи ѳ҃ лѣтъ. сіи же Тиверіи оукы Логина сотника со дѣкма воинами.

Digitized by Google

къ одному—«Хронографу по великому изложенію», въ которомъ 1) былъ Амартолъ, 2) были указанныя добавленія, 3) не было хроники Малалы и 4) не было Сказанія Епифанія. Въ виду того, что въ Писк. въ данномъ случаѣ нѣтъ ни Малалы ни Епифанія, то отсюда намѣчается наибольшая близость между Палеей и Пискар. хронографомъ.

3) Соф. 400ᵃ, Палея 411, Пискар. 226. Выше было отмѣчено, что Палея вполнѣ соотвѣтствуетъ Пискаревскому хронографу, между прочимъ и по схоліи къ хроникѣ Амартола. Та же схолія читается и въ Софійскомъ, гдѣ она помѣщена между отрывкомъ изъ Сказанія Епифанія и отрывкомъ изъ Малалы. Въ Палеѣ и Пискар. схолія слѣдуетъ непосредственно за такими свѣдѣніями: къ сего цр҃тва къ҃ а лѣто оу҃бьенъ бы҃ въ Іерл҃мѣ Стефанъ діаконъ пр҃вомч҃нкъ за ѕ҃ лѣ҃ по вознесеніи г҃ни, а по ѡбѣщ҃нии Стефановѣ за е҃ лѣта написа Матфѣи ев҃галіе въ г҃-е лѣто цр҃тва Галвы а по вознесеніи за и҃ лѣ҃, въ Софійск. же то и другое раздѣлено двумя выписками изъ Епифанія[1]). Мы

1) Царствованіе Гая въ Софійскомъ спискѣ Еллинскаго Лѣтописца представлено такъ:

1. Вступленіе: Е лѣ҃ ꙗ҃ли по Тиверіи же цр҃твова Гаи сн҃ъ его четвертъ҃. сѝ а҃ ѕ҃ и цр҃твова г҃ а҃ и ѕ҃ мц҃ь.

2. *Малала*: сѝ е҃ мужь свержь и клинчакъ—цр҃ва поставиша, Бонн. 243,4—6.

3. *Амартолъ*: послѣ҃твова же цр҃ьскиҳъ вещии — wц҃ь си по законоу его, Бооръ 323,7—324,8.

4. При сего цр҃ства а҃ лѣ҃—а по вознесеніи г҃ни за и҃ лѣ҃=обѣмимъ Палеямъ.

5. *Слово Епифанія*: имѣаше же сѣла вц҃а Іакова брата г҃ня — жена Павлова и то слово вѣрно. КБ. 17ᵇ.

6. *Слово Епифанія*: а҃вли же вси вѣровавша къ х҃—и сего оучи Ирѡ҃ Агрипа — КБ. 18ᵃ—19ᵃ.

7. Схолія къ Амартолу.

8. *Малала*: в҃ а҃ же лѣ҃ цр҃тва его пострада Ѳ вжіи гнѣва Антіохіа вселенная іже гл҃ахѫ Ѳфнктѕ. е҃-е надесіе. и посла҃ цр҃ь създа ю; Бонн. 243,10—11.

9. *Малала*: Ѳ лѣта҃ цр҃тва Гаіа кесаря надежду приимше — wженеи послаҳъ зато; Бонн. 244,15—245,21.

10. *Амартолъ*: вси ко коньници видѣщи и не терпѣще тако смѣ творящоу оучиша и в вове мьщеся оутръ—Бооръ 324,8—11, Мур. 239,15—17.

11. *Малала*: Іюдеи сладаръ поплѣнѣ҃ коларъ его сынъ лѣ҃ ѳ҃.—Бонн. 246,1—2.

12. *Амартолъ*: при томъ Ѳеѳьда въ дѣланіиҳъ — йи҃ мужіи паде — Бооръ 324,12—16, Мур. 239,18—22.

Digitized by Google

должны признать, что то и другое было въ томъ хронографѣ, изъ котораго вышли всѣ три памятника, но никакъ не можемъ признать того же ни за хроникой Малалы ни за Сказаніемъ Епифанія, такъ какъ совершенно невозможно представить себѣ, какъ бы авторы Палеи и Пискар. хронографа или авторъ ихъ общаго оригинала сумѣли удачно выкидывать отрывки изъ однихъ источниковъ и оставлять отрывки изъ другихъ. Единственнымъ возможнымъ исходомъ является признаніе, что отрывки изъ Малалы и Епифанія вставлены позже—заключеніе, совпадающее съ выведеннымъ изъ предшествующихъ двухъ случаевъ.

4) Пискар. 227, Рум. 412ᵃ. Царствованіе Клавдія въ полной Палеѣ состоитъ какъ будто изъ одной статьи, которая въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ является вставкой (Соф. 403ᵇ—404ᵃ), но на самомъ дѣлѣ надо принимать обратное, если, конечно, не будемъ представлять дѣло такъ, что Еллинскій Лѣтописецъ по списку Софійскому составленъ изъ двухъ хронографовъ: тогда каждый одинаково можетъ считаться источникомъ вставокъ. Весь текстъ полной Палеи помѣщается въ Соф. между выдержками изъ Малалы, Бонн. 246,3—13 и 246,20—247,20, но сходство Палейнаго текста съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ и Пискар. хронографомъ доказываетъ присутствіе его въ общемъ оригиналѣ всѣхъ трехъ т. е. въ «Хронографѣ по великому изложенію». Но и тутъ мы видимъ, что полная Палея ближе стоитъ къ Пискаревскому. Пока остается не вполнѣ яснымъ, не сокращалъ ли авторъ полной Палеи свой непосредственный источникъ.

5) Соф. 469—507, Рум. 413. Царствованіе Веспасіана состоитъ главнымъ образомъ въ разсказѣ о взятіи Іерусалима. Теперь можно нѣсколько дополнить сказанное выше. Начало сказанія о царствованіи Веспасіана нѣсколько совпадаетъ въ Палеѣ и Еллинскомъ Лѣтописцѣ, но въ послѣднемъ есть нѣсколько добавленій сравнительно съ первой. Я выпишу этотъ текстъ изъ Софійскаго списка, поставивъ въ скобкахъ лишнее сравнительно съ Палеей: В лѣ҃т ҂ефо҃а и пѡ҃. по Оулителіи же цр҃твова Оу҃пасіанъ лѣ҃т д҃. [бѣ же рода неречиста, то въ Іюдѣ

вѣнчанъ неволею ѿ воинникъ] совѣтомь всѣх кн҃зь соущих на востоцѣ. идꙗ в Ри҃ Оуспасіанъ ꙁимѣ сꙋщи сн҃а своего сътвори кесарѧ Тита и Доментіана. Тита ѡстави воевати Іер҃лимъ. [въ мнозѣ же ведѣ и нестроеніи сꙋщꙋ Римоу и варваромъ же належащи҃ на Римъ]. Доментіана҃ посла на варвары. приближающейсѧ Оуспасіаноу к Римоу вои сꙋщіи в Римѣ противника Оулитіа цр҃ѧ оубиша. сего же на прт҃лѣ посадиша и поби всѧ мѧтежникы и исправисѧ Римъскаѧ ѡбласть. Доментіаноу же погоубленноу варвары в Ри҃ пришедшаѧ. ѡсѣ҃ му҃ Йер҃лмоу в҃ лѣт — послѣ чего слѣдуетъ въ полной Палеѣ разсказъ Амартола о взятіи Іерусалима, начинаясь словами «Ти҃ созда столпа в҃ по и лакѡ҃ (Мур. 285,16—288,21, Бооръ 383,5—). Настоящее сказаніе представляетъ собой, несомнѣнно, распространеннаго на славянской уже почвѣ Амартола, какъ можно видѣть изъ сопоставленія—По Оуитилиꙗнѣ же цр҃твова Оусписиниꙗнъ лѣт д҃. бѣ же рода неречиста. тъ Июдею вѣньчанъ неволею ѿ воинникъ. въ Римъ пришедъшю ѥмоу пороучи воꙗ сн҃оу своѥмоу Титовы. се же столпъ создавъ по пѧтидесѧтъ лакотъ—Моск. Духовн. Акад. л. 161ᵃ. Принимая во вниманіе пропускъ со стороны Палеи двухъ фразъ—бѣ же рода неречиста. то въ Іюдѣ(и) вѣнчанъ неволею ѿ воинникъ, надо думать, что и третья фраза ею выпущена, иначе говоря, въ оригиналѣ обоихъ памятниковъ, а слѣд. и въ «Хрон. по великому изложенію» читался такой именно распространенный текстъ Амартола. Но далѣе уже оба памятника различаются: Палея продолжаетъ текстъ Амартола, а Еллинскій Лѣтописецъ замѣняетъ послѣдній особымъ сказаніемъ о взятіи Іерусалима; за окончаніемъ же того и другого оба памятника сходятся въ хронологіи—ѿ а҃ созданіа црк҃ви Соломонѧ лѣт ҂а҃пи, ѿ в-о҃ зданꙗ Зоровавелева Іс҃а Сѣ҃кова лѣт фчи. есть҃ ѿ Адама до Титова взѧ҃а Іер҃лиму лѣт ефо҃с, что можетъ соотвѣтствовать (хотя не вполнѣ) Амартолу—Мур. 325,5—9, Бооръ 433,22—27. Отсюда вытекаетъ выводъ, что въ «Хронографѣ по великому изложенію» было Амартоловское сказаніе о взятіи Іерусалима, видоизмѣненное въ началѣ и заканчивающееся хро-

Digitized by Google

нологіей. Еллинскій Лѣтописецъ замѣнилъ Амартоловское сказаніе особымъ обширнымъ разсказомъ и закончилъ всю исторію Веспасіана выдержкой изъ Малалы, Бонн. 260,15—261,8 добавивъ: д лѣ цр҃тва Оуспасіана єзв҃ Тѝ Ієр҃лмъ а по єзатіи Єр҃лимокѣ оумре Оуспасіанъ за полиста лѣта; въ полной Палеѣ—свое заключеніе.

6. Толст. 319, Пискар. 251, Рум. 415. Исторія Траяна представляетъ особенную близость трехъ памятниковъ. Начинается одинаково хроникой Амартола — По Нервантѣ цр҃твова Траянъ лѣ д. тъ нѣ благъ и ненакида злаго... аџе доврѣ владѣю то мнѣ да боудетъ (аџе ли злѣ и да на ма се боудѣ— нѣтъ въ Толст.)=Бооръ 450,6—11; затѣмъ въ Палеѣ продолжается текстъ Амартола—При томъ Семеѡ Клеопокъ сѝтъ и Игнатіи Бг҃оносецъ мч҃нкъ бы и Василидъ и Менандръ=Бооръ 450,11—18 ἐφ' οὗ Συμεὼν ὁ τοῦ Κλεωπᾶ καὶ Ἰγνάτιος ὁ θεολόγος ἐμαρτύρησαν καὶ Βασιλείδης καὶ Μένανδρος, послѣ чего идетъ перечисленіе мучениковъ. Хотя въ Толстовскомъ порядокъ нѣсколько перепутанъ (такъ только что приведенная фраза Амартола съ началомъ вставочнаго перечисленія отнесена къ концу), однако, тождество несомнѣнное съ тѣмъ обычнымъ различіемъ, какое встрѣчается всегда, когда перечисляются имена мучениковъ. Послѣ перечисленія мучениковъ въ Палеѣ читаемъ—«при семъ оумре Лѫка єѵ҃листъ ѿ Антіѡхіа», что и въ Толст., но въ послѣднемъ присоединено небольшое сказаніе о смерти Луки— Лоуцѣ оубо на древѣ маслицинѣ плѡ҃вшѣ распатоу бывшѡ и шврѣтоша емоу древо сѫхо на мѣстѣ да створатъ кр҃тъ... положи его въ цр҃кви сты҃ а҃плъ. Затѣмъ опять одинаково во всѣхъ трехъ памятникахъ: И еретици Кѵринъ и Николае се бы҃ ѿ ѕ҃ діакѡ҃ Ижѥіншни еретиствѡ старѣишины [и врази истинѣ—нѣтъ въ Толст.] быша по земли (познани быша—Толст.)= Амарт., Бооръ 450,18—14, какъ продолженіе предыдущаго. Нужно обратить вниманіе, 1) на то, что фраза и разболѣвса оумре во всѣхъ памятникахъ стоитъ не на мѣстѣ сравнительно съ греческимъ текстомъ Амартола и его славянскимъ переводомъ

Digitized by Google

(.. ἐβασίλευσε Τραιανὸς ἔτη θ' καὶ ὑδεριάσας ἀπέθανεν. ὅστις ἀγαθὸς καὶ μισοπόνηρος..), 2) на одинаковую глоссу къ имени Николая— се бы̂ ѿ діакѡ^н. Отсюда заключаемъ, что всѣ три памятника воспользовались въ данномъ случаѣ однимъ и тѣмъ же хронографомъ, дававшемъ текстъ Амартола съ указанными измѣненіями и съ добавленіями именъ мучениковъ; слѣдовательно, такъ же было и въ «Хронографѣ по великому изложенію», и съ нимъ въ данномъ случаѣ были тождественны и непосредственные оригиналы Толстовскаго и Пискаревскаго. Но Толстовскій пошелъ дальше, именно присоединилъ еще сказаніе о смерти Луки [1]).

Изъ приведенныхъ данныхъ, прежде всего, выводимъ то заключеніе, что хронографическая часть полной Палеи находится въ связи съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ второй редакціи. Общія мѣста не могли попасть туда и сюда случайно, такъ какъ довольно большая наличность такихъ общихъ мѣстъ исключаетъ мысль о случайности. Но Палея не могла выдти изъ извѣстной намъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца, такъ какъ послѣдній, какъ можно было видѣть, представляетъ въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ довольно пеструю компиляцію, и я уже указывалъ, что невозможно представлять автора Палеи настолько искуснымъ, чтобъ онъ на большомъ протяженіи сумѣлъ воспользоваться одними источниками и оставить другіе. Можно было замѣтить, далѣе, что главное отличіе Еллинскаго Лѣтописца отъ Палеи состоитъ въ распространенности его сравнительно съ послѣдней, и главнымъ источникомъ является хроника Малалы, въ Палеѣ же нѣтъ отъ нея никакого слѣда въ данныхъ случаяхъ. Если мы признаемъ, что Палея не можетъ разсматриваться какъ сокращеніе Еллинскаго Лѣтописца, то отсюда выводъ одинъ, что

1) Можно замѣтить также связь между Палеей и Еллинскомъ Лѣтописцемъ въ изложеніи царств. Льва Великаго. Въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ порядокъ такой: 1) Малала, Бонн. изд. 369,1—9; 2) Амартолъ, Бр. 616,6—7 и 10—13; 3) перечисленіе мучениковъ, 4) Малала 369,17—376,5; №№ 2-й и 3-й читаются и въ Палеяхъ (см. выше). Полный текстъ славянскаго перевода содержитъ и пропущенное въ обоихъ памятникахъ Бр. 616,7—10: καὶ ἔβρεξε σποδὸν—τοῦ θεοῦ ἐσβέσθη.

Digitized by Google

отрывки изъ хроники Малалы должны разсматриваться какъ послѣдующее наслоеніе. Такимъ же наслоеніемъ являются и вставки изъ другихъ памятниковъ, какъ напр. изъ евангелія, изъ Сказанія Епифанія о Богородицѣ. Что же остается тогда на долю хронографа-прототипа нашихъ двухъ памятниковъ? — Хроника Амартола и нѣкоторыя добавленія, главнымъ образомъ— церковнаго содержанія, да хронологическія выкладки, какъ необходимая принадлежность каждаго хронографа. Нѣкоторыя отмѣны противъ полнаго славянскаго перевода Амартола, встрѣчающіяся въ обоихъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ за то, что въ общемъ источникѣ т. е. въ особомъ хронографѣ читался такой уже видоизмѣненный текстъ Амартола.

Нужно обратить вниманіе на одно обстоятельство. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ Еллинскаго Лѣтописца состоитъ изъ выдержекъ изъ Малалы съ какими нибудь добавленіями, безъ всякаго слѣда Амартола, тогда какъ въ Палеѣ въ такихъ случаяхъ, читается выборка изъ Амартола, и общимъ съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ является какая-нибудь добавочная статья. Первое заключеніе отсюда то, что въ основномъ хронографѣ и была только эта добавочная статья, которая въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ осложнилась напр. хроникой Малалы, въ Палеѣ—хроникой Амартола. Пискаревскій списокъ какъ будто подтверждаетъ это, заставляя предполагать, что такой хронографъ, прежде чѣмъ послужить для Палеи оригиналомъ, осложнился прибавками изъ Амартола и изъ него уже произошелъ и Пискаревскій сп. Но это едва ли такъ. Анализъ доказываетъ, что текстъ Амартола является доминирующимъ въ Палеѣ, да и вездѣ, во всякомъ древнемъ хронографѣ основаніе кладется именно хроникой Амартола. Да и не мало общихъ мѣстъ между Палеей и Еллинскимъ Лѣтописцемъ по отношенію къ хроникѣ Амартола и въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ, кромѣ того, и въ другихъ. Правда намъ могутъ тутъ же возразить, что какъ одному автору трудно было выбрасывать хронику Малалы, не затрогивая другого матеріала, такъ же трудно и другому автору

Digitized by Google

выбрасывать текстъ Амартола. Но изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее, и за неимѣніемъ ряда посредствующихъ ступеней, надо предполагать—и съ большими основаніями—что въ отдаленномъ источникѣ — хронографѣ были и тѣ части хроники Амартола—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя,—которыя уцѣлѣли пока только въ полной Палеѣ. Съ другой стороны, Еллинскій Лѣтописецъ заключаетъ въ себѣ выдержки изъ хроники Амартола, не встрѣчающіяся въ Палеѣ, не только въ случаяхъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ, но и въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше, и тутъ, конечно, мы не всегда можемъ рѣшить, перешелъ ли тотъ или другой отрывокъ въ Еллинскій Лѣтописецъ изъ предшествующаго оригинала или заимствованъ самимъ авторомъ. Рѣшеніе каждаго отдѣльнаго случая зависитъ отъ наличнаго матеріала.

Нѣкоторыя указанныя неясности не могутъ, однако, препятствовать такимъ, пока въ общихъ чертахъ, выводамъ. Когда-то существовалъ особый хронографъ, въ которомъ была хроника Амартола въ выдержкахъ и въ нѣсколько обработанномъ текстѣ, съ прибавленіями къ ней церковнаго характера; историческія событія были въ немъ расположены уже съ указаніемъ лѣтъ отъ сотворенія міра; въ немъ не было многихъ еще составныхъ частей, какъ хроники Малалы, библейскихъ книгъ (см. ниже) и др. Этотъ хронографъ нѣсколько разъ передѣлывался. Во-первыхъ, онъ былъ пополненъ хроникой Малалы, Видѣніями Даніила, библейскими книгами, Александріей, и въ такомъ видѣ легъ въ основаніе извѣстнаго намъ теперь Еллинскаго Лѣтописца второй редакціи. Съ другой стороны, тотъ же хронографъ, независимо отъ только что воспроизведеннаго (легшаго въ основаніе Еллинскаго Лѣтописца), частію сократился, частію подвергся новымъ дополненіямъ, какъ библейскія книги, Видѣнія Даніила, ничтожные выдержки изъ хроники Малалы, (причемъ остается неизвѣстнымъ, изъ хронографа вошли тѣ или другіе матеріалы или изъ отдѣльныхъ списковъ); въ такомъ видѣ мы имѣемъ его въ полной Палеѣ, гдѣ авторъ, прибавилъ,

Digitized by Google

можетъ быть, кое-что отъ себя [1]). Наконецъ, тотъ же хронографъ безъ большихъ измѣненій, какъ увидимъ, легъ въ основаніе краткой Палеи; о послѣднемъ см. ниже.

---

1) Что полная Палея въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользовалась только «Хронографомъ по великому изложенію», не распространяя его ничѣмъ, между тѣмъ какъ для второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца онъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ источниковъ, доказываетъ напр. исторія Клавдія въ обоихъ памятникахъ. Въ полной Палеѣ вся исторія такова (Погодин. № 1435, л. 414): По Гаи же цр҃ствова Клаудіи лѣ҃т҃ ді҃. и лѣто ҂ѕ҃ф҃м҃г҃ ста цр҃ми Клаудіи. При сихъ цр҃тѣхъ за единое лѣто написа Маркъ е҃ѵ҃аггеліе по вознесеніи за і҃ лѣ҃т҃ [по сихъ за і҃ лѣ҃т҃ написа Лѣка е҃ѵ҃аггеліе, а по възнесеніи за ѳ҃і҃ лѣ҃т҃ въ в҃-е лѣто цр҃тва Клаудіева]. и при сихъ бѣ҃ гла҃ велии по всей вселенѣи по пр҃рѣчествѣ Гаиѣ. тогда жидове оусовѣщавше къ градѣ по вѣтьмь дв҃ѕ҃ дрѣва бѣжаша. сіи҃ слышавъ цр҃ь посла нарѣчіе язычьмь цр҃мь без мѣти оухватати жиды. многи҃ѫ ѿ людій и҃ѫ оумроша. и домовѣ и чада ихъ быша на расхыщеніе. ѿ Италіа же и Рима изгнаны быша. сіи҃ѫ всѣ бѣ҃ имъ зане҃ѫ гл҃а распаша. и оумре Клаудій. Въ Еллинскомъ же Лѣтописцѣ содержаніе взято главнымъ образомъ изъ Малалы, съ прибавленіями въ такомъ порядкѣ:

1. Малала Бонн. 246,3—13, съ добавленіемъ: полагаи же йпгнщхомь работоу нже дадохоу ѿ дыма на пономленіе покровенымъ колѣ҃ѫ же създа Тиверій кесарь.
2. Вышеприведенный текстъ полной Палеи, начиная — при семъ бысть гла҃ велии; послѣ — упоминаніе о Маркѣ; поставленнаго выше въ скобки упоминанія о Лукѣ нѣтъ.
3. Малала, Бонн. 246,20—247,20.
4. Посланіе Пилата къ Клавдію.
5. Малала, Бонн. 249,10. . и 250,1—12.
6. Перечисленіе мучениковъ.

Еще болѣе ясно изъ слѣдующаго примѣра, что вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца пользовалась «Хронографомъ по великому изложенію», присоединяя къ нему текстъ того же Амартола, но уже въ полномъ видѣ. Царствованіе Домеитіана въ полной Палеѣ даетъ сокращенный текстъ Амартола съ дополненіемъ, что видно изъ параллельнаго сличенія:

Палея (Чудовской сп., л. 472).

По Титѣ же цр҃твова Домеитіанъ братъ его лѣ҃т҃ і҃ѳ҃ и оукѣнъ бѣ҃ къ цр҃кви римьстѣи съкѣтѡ҃ѫ емъ своея жены. и не възреноваѣ ѡтни ни братни добродѣтели, но Тиверіево и Нероново лиходѣаніе изліше. оукѣнстѣѡ҃ и с женами блоу҃ створи на мѣжескь полъ. и при тѡ҃ Тимофѣи а҃п҃ъ, і Ѡнисі҃ѫ мчѣ҃ка бысть и Іоаннъ вѣ҃гословець въ Патѳ҃ѕ҃ заточенъ бѣ҃ [и Севастіанъ ѿ

Амартолъ (Акад., л. 184—185, Бооръ 443,18—444,14).

По Титѣ цр҃твова Домеитіанъ братъ его лѣ҃т҃ і҃ѳ҃ и оукѣнъ бѣ҃ къ римьстѣи цр҃кви сѣкѣтомь своимъ емоу҃ жены [и такоу҃ же приятъ ю бѣ҃] не отъвю ни братьню възреноваѣ добры жизни, но Тиверьево и Нероново лиходѣаніе изліше. [нецыи же и всякоу҃ видь злобѣ прішедъ] оукѣнистомь и жены бесовьстѣнемь коупно и мужескосовьстѣнемь исполненъ бѣ҃. [секе възложа-

Digitized by Google

Изъ предложеннаго ниже ряда соображеній относительно объема памятника, носящаго названіе «Хронографа по *великому* изложенію», можно будетъ видѣть, что такое названіе присвоено

града Севаста Фракійскаго Ѵнтипа вѣпъ Ѵмасійскыи].

стѣлы кончинѣ бѫ̀ свои. тѣмь оубо ненавистенъ всѣмъ и Ѳрикіемъ и оубиистенъ ра̀ и зѣрѣно окаяьемь и скверни коли окаяьныи сеи нарѣ̀ оустакно зѣло достоиныи своим мьрзости прияатъ мл҃ѣпою см҃ртію и мерзъкою и скверною исповѣдѣ житье ихожє рѣ҃но бы̀]. первоє при томь Тимоѳѣи аѳлъ и Онисимъ моу҃на къста и Іоанъ бс҃ословець оу҃чанстъ въ Патомѣ острозѣ заточинъ бы̀.

Поставленное тамъ и тутъ въ скобки не читается въ соотвѣтствующемъ текстѣ. Еллинскій Лѣтописецъ (Толстов., л. 209ᵇ) взялъ изъ «Хронографа по великому изложенію» Амартоловскій текстъ съ прибавленіемъ цѣликомъ, но вслѣдъ затѣмъ присоединилъ и продолженіе того же Амартола, объ Аполлоніи Тіанскомъ (Бооръ, 444,14—446.8), но уже по полному переводу. Въ данномъ случаѣ у автора Еллинскаго Лѣтописца было только два источника.

Анализъ царствованія Юліана также особенно ясно доказываетъ тѣсную связь разсматриваемыхъ трехъ памятниковъ. Выше указано, что въ полную и краткую Палею вошелъ одинаковый текстъ Амартола съ одинаковыми вставками и видоизмѣненіями, причемъ полная Палея имѣетъ сравнительно съ краткой большое дополненіе о столкновеніи Юліана съ Василіемъ Великимъ. Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи, не имѣя указаннаго дополненія, даетъ вполнѣ толстовскій текстъ Амартола съ тѣми же дополненіями и съ той же переѳразировкой (характерна фраза—и поплѣ жидомъ ѣати цр҃кы̀ въ Іерл҃имѣ= Бооръ 543,10—15), но дополненный, въ свою очередь, новой вставкой изъ Амартола и нѣсколькими вставками изъ хроники Малалы; въ Пискаревскомъ и Толстовскомъ спискахъ все содержаніе слѣдующее:

I. *Малала* 326,18—327,15; 327,22—328,4; 328,5—19; 331,1—17.

II. *Амартолъ*, Бооръ 546,5—20.

III. *Малала* 331,17—332,8.

IV. *Амартолъ* Бооръ 545,9—10; (вставка); 11—16; 539, 14—17;540,2—8; 540,19—541,7 (на поляхъ 541,7—12); вставка; 541,12—19; 543,10—544,7.

V. *Малала* 332,9—334,12.

Отсюда видно, что «Хронографъ по великому изложенію» содержалъ то, что содержитъ краткая Палея, и вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца воспользовалась именно имъ. — Можно отмѣтить и здѣсь, что полная Палея сократила перечисленіе мучениковъ, бывшее въ «Хронографѣ по великому изложенію», но сохранившееся въ краткой Палеѣ и во второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца въ обоихъ памятникахъ буквально сходно (всего 24 имени).

Digitized by Google

ему, во всякомъ случаѣ, не на основаніи объема. Онъ состоялъ почти исключительно изъ небольшихъ выдержекъ изъ хроники Амартола, по крайней мѣрѣ—въ византійской исторіи; послѣдняя развѣ немногимъ была больше той, которую мы читаемъ теперь въ краткой Палеѣ. Поэтому, опредѣленіе Хронографа—«по великому изложенію» надо понимать такъ, что онъ составленъ на основаніи «великаго изложенія» т. е. хроники Амартола, или приблизительно въ томъ смыслѣ, въ какомъ Константинопольская церковь называется «великой» церковью. Первое кажется вѣроятнѣе. Данное названіе, повидимому, не придумано самимъ авторомъ полной Палеи, но существовало въ самомъ памятникѣ, такъ какъ для автора Палеи онъ не былъ «великимъ» ни по объему ни по происхожденію: послѣднее, разумѣется, не подлежало его изслѣдованію. Хронографъ же—происхожденія не греческаго, но славянскаго, и по всей вѣроятности, — русскаго, такъ какъ текстъ Амартола взятъ уже старый; поэтому, такъ назвать его могъ только самъ его авторъ. Но чѣмъ внушено такое опредѣленіе—самостоятельное ли это изобрѣтеніе автора, или у него былъ уже примѣръ такого названія въ видѣ напр. какого-либо переводнаго памятника? По гречески это звучало бы χρονογράφος κατὰ τὴν μεγάλην ἔκθεσιν. Припомнимъ, что Лѣтописецъ Еллинскій первой редакціи, перечисляя источники, по которымъ онъ составленъ, называетъ, между прочимъ, «и от пророчествиа Георгіева по истинѣ изложена» (Поповъ, I, 3), что иными понималось буквально т. е. «пророчество Георіево». Но подъ «пророчествами» нужно разумѣть библейскія пророческія книги. Если мы, принимая во вниманіе дальнѣйшее указаніе въ томъ же перечнѣ «и еще отъ Иванова граноґрафа и антиохійскаго»..., по аналогіи съ послѣднимъ, возстановимъ чтеніе такъ—«и от Георгіева граноґрафа по истинѣ изложена», то отсюда будетъ уже недалеко до чтенія «и от Георгіева граноґрафа по истинному изложенію», что и роднило бы хронику Амартола съ «Хронографомъ по великому изложенію». Если мы представимъ себѣ, что, какъ показалъ анализъ, «Хронографъ по

Digitized by Google

великому изложенію» не имѣлъ еще хроники Малалы, то указаніе автора—«и еще от Иванова граноірафа»... является вполнѣ естественнымъ. Тогда подъ «Георгіевымъ граноірафомъ» нужно разумѣть или первоначальную хронику Георгія Амартола или его послѣдующую обработку, которая могла, однако, удержать старое заглавіе («по истинному изложенію»), если послѣднее было въ первоначальной хроникѣ. Такъ какъ вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца, какъ видѣли, пользовалась и «Хронографомъ по великому изложенію» и просто хроникой Амартола, то отсюда выходитъ, что такое названіе, если и принадлежало когда-то всей хроникѣ, упрочилось впослѣдствіи за особымъ хронографомъ, составленнымъ, главнымъ образомъ, на основаніи ея же. Смѣна же «по великому» и «по истинному» не можетъ имѣть особаго значенія. Также не имѣетъ значенія и то, что разбираемое предисловіе читается въ первой редакціи (по опредѣленію Попова) Еллинскаго Лѣтописца.—Не будетъ невѣроятнымъ такое предположеніе, что это предисловіе было первоначально въ такомъ хронографѣ, который пользовался именно «Хронографомъ по великому (истинному) изложенію»; это была та редакція Еллинскаго Лѣтописца, которая, подвергшись затѣмъ распространенію, между прочимъ, со стороны полной хроники Георгія, преобразовалась въ извѣстную намъ вторую редакцію Еллинскаго Лѣтописца.

Возражая Шахматову по поводу его распредѣленія редакцій Толковой Палеи (Изъ области...), я указалъ на невозможность возстановлять различные хронографы и приводить ихъ въ связь такъ, какъ это дѣлаетъ онъ. Я сказалъ, что даже съ точки зрѣнія метода нельзя говорить о связи хронографа, возстановляемаго Шахматовымъ при помощи сравненія Палеи и Повѣсти временныхъ лѣтъ (теперь мы видимъ, что этотъ хронографъ долженъ возстановляться иначе) съ протографомъ Архивскаго и Софійскаго 1454 хронографовъ на основаніи одной только фразы изъ XIII главы хроники Малалы. Теперь можно рѣшить этотъ вопросъ и при помощи научныхъ данныхъ,

Digitized by Google

хотя вопросъ долженъ быть поставленъ иначе, а именно: существовала ли связь между протографомъ Архивскаго и Софійскаго хронографовъ, съ одной стороны, и «Хронографомъ по великому изложенію» и происшедшими изъ послѣдняго второй и третьей редакцій Палеи и второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца — съ другой? На этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. Во первыхъ, въ протографѣ Архивскаго и Софійскаго хронографовъ половина содержанія состояла изъ хроники Малалы, тогда какъ въ «Хронографѣ по великому изложенію» отъ послѣдней не было никакого слѣда. Во-вторыхъ, хроника Амартола въ «Хронографѣ по великому изложенію» была взята въ выдержкахъ, въ переработкѣ и соединялась съ нѣкоторыми прибавленіями, которыхъ мы не имѣемъ основанія приписывать протографу Архивскаго и Софійскаго списковъ. Нельзя, далѣе, соединять въ непосредственную связь и дальнѣйшія обработки указанныхъ памятниковъ т. е. Архивскій списокъ и Еллинскій Лѣтописецъ. Хотя оба памятника въ представленіи ученыхъ давно уже тѣсно соединяются, главнымъ образомъ на основаніи пользованія одинаковыми источниками—между прочимъ Александріей и хроникой Малалы, однако, пользованіе тѣмъ и другимъ было различное. Во-первыхъ, въ Архивскомъ хронографѣ читается первая редакція Александріи, въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ — вторая; во-вторыхъ, выдержки изъ хроники Малалы въ томъ и другомъ памятникѣ, какъ уже давно извѣстно, далеко не во всемъ объемѣ одинаковы. Слѣдовательно, ни одинъ памятникъ не вышелъ изъ другого, а возводить къ общему источнику, откуда бы каждый авторъ бралъ по своему разумѣнію, въ настоящее время нельзя, на основаніи только-что сказаннаго. Наконецъ, въ третьихъ — что особенно важно — самый текстъ Малалы въ одинаково взятыхъ мѣстахъ различенъ въ томъ и другомъ памятникѣ, какъ то доказалъ г. Шестаковъ въ Визант. Временникѣ т. I въ статьѣ— «О значеніи славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы для возстановленія и исправленія ея греческаго текста». Текстъ Малалы, вошедшій въ составъ Еллинскаго Лѣтописца, пред-

Digitized by Google

ставляетъ уже нѣкоторую обработку первоначальнаго текста, сохранившагося въ Архивскомъ хронографѣ. Слѣдовательно, авторъ второй редакціи Еллинскаго лѣтописца или самъ видоизмѣнялъ текстъ Малалы или бралъ его уже видоизмѣненнымъ. Послѣднее вѣроятнѣе, имѣя въ виду, что такой же видоизмѣненный текстъ читается и въ первой редакціи (по опредѣленію А. Попова) Еллинскаго Лѣтописца, которая не можетъ считаться предшественницей второй редакціи. Очевидно, обѣ редакціи воспользовались одной общей обработкой. Возможно, что переработанный текстъ Малалы входилъ въ составъ особаго недошедшаго до насъ хронографа особой редакціи, ничего общаго не имѣвшаго ни съ протографомъ Архивскаго хронографа ни съ «Хронографомъ по великому изложенію».

Такъ какъ всѣ указанные памятники, несмотря на независимое ихъ происхожденіе, вращались въ кругѣ однихъ и тѣхъ же источниковъ, то понятно, что во всѣхъ нихъ должно встрѣчаться довольно большое количество одного и того же текста, каковое обстоятельство и можетъ подавать поводъ къ ошибочному представленію объ ихъ генетической связи. Единственное средство придти къ болѣе или менѣе прочнымъ результатамъ — детальное изученіе текста.

В. Истринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Житіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича и русскій Хронографъ.

Работая по вопросу о русскомъ хронографѣ, мнѣ пришлось коснуться Житія сербскаго деспота Стефана Лазаревича — одного изъ источниковъ этого Хронографа въ его югославянской части. Представлялось необходимымъ, между прочимъ, опредѣлить ту редакцію и изводъ Житія, которыми пользовался составитель Хронографа, такъ какъ это могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи Хронографа. Въ настоящей статьѣ мною и представлены результаты этихъ разысканій: они интересны не только по отношенію къ Хронографу, но и къ самому Житію Стефана Лазаревича.

I.

Прежде всего укажу на положеніе этого вопроса въ литературѣ. Какъ извѣстно, найденный и изданный А. Н. Поповымъ русскій списокъ Житія Стефана Лазаревича (сп. Тр. Лавр. второй половины XV в., № 686; Изборникъ... М. 1869 г., стр. 92—130) оказался сокращенной редакціей и въ немъ какъ разъ не было нѣкоторыхъ такихъ мѣстъ Житія, которыя введены въ Хронографъ. Точно такой же русскій списокъ напечаталъ

Digitized by Google

затѣмъ Я. Шафарикъ (изъ Библ. Новор. Ун., второй половины XV в., № 34; Гласник 1870 г., кн. 28, с. 366 — 428). Наконецъ, И. В. Ягичу удалось найти и напечатать списокъ полной редакціи, сербскаго извода, гдѣ нашлись и тѣ мѣста хронографической редакціи Житія, которыхъ недоставало въ прежнихъ спискахъ (сп. Новор. Ун., первой половины XVI в., Гласник 1875 г., кн. XLII, с. 244 — 328 и поправки с. 372 — 377). Въ предисловіи къ изданію этого списка (съ варіантами изъ другого подобнаго же списка конца XV в. проф. Богишича) Ягичъ впервые далъ болѣе обстоятельную характеристику изводовъ и редакцій Житія.

На основаніи этихъ наличныхъ данныхъ Ягичъ пришелъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) существуютъ двѣ редакціи житія: а) пространная, или сербско-славянская и б) краткая, или русско-славянская; 2) обѣ эти редакціи существовали уже въ XV вѣкѣ и 3) въ Россіи ходила именно краткая редакція.

Но то былъ, конечно, лишь логическій выводъ изъ *наличныхъ* данныхъ, особенно что касается третьяго пункта. Это сознавалъ и самъ Ягичъ, почему онъ и закончилъ свою характеристику вопросомъ: «Још би се и то хтјело знати, има ли опширније редакције рукописа у русскословенској рецензији а краће у српскословенској? До сеље као да се није нашло ни једно ни друго» (стр. 227).

Теперь, когда изслѣдованія вопросовъ о русскомъ хронографѣ клонятся къ выводу, что 1) Хронографъ составленъ въ Россіи и 2) составленъ по источникамъ русскимъ, естественно, что вопросъ Ягича дѣлается болѣе настойчивымъ, особенно въ виду того указаннаго выше обстоятельства, что составитель русскаго Хронографа имѣлъ въ рукахъ не краткую, а именно полную редакцію.

Digitized by Google

II.

И таковой списокъ дѣйствительно удалось найти въ библіотекѣ здѣшней Духовной Академіи въ собраніи рукописей Кир.-Бѣлоозерскаго монастыря. Онъ помѣщается въ сборникѣ письма приблизительно половины XVI ст. (бумага первой четверти XVI ст. со знаками: 1) Единорога, по Лихачеву—типа № 1539, письма 1513 и 1527 гг. и 2) руки съ крестомъ, типа № 1333, 1434—7, письма 1497—1501 и 1513 гг.), въ $^1/_4$, подъ № 31/1270, л. 139—218. Интереснымъ прежде всего оказалось то, что этотъ списокъ именно *русскій*. Что же касается вопроса о редакціи этого списка, въ обширномъ смыслѣ этого слова, то я предлагаю предварительно разсмотрѣть нѣкоторые изъ тѣхъ сравнительныхъ данныхъ, какія получились при ближайшемъ сравненіи этого списка 1) съ полной редакціей по изданіи Ягича и 2) краткой въ изданію Попова.

1) Такимъ образомъ сначала я укажу нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Кир-Бѣл. списокъ совпадаетъ съ изд. Ягича въ отличіе отъ изданія Попова. Главное совпаденіе—въ полнотѣ текста: всѣ какъ крупные, такъ и самые мелкіе пропуски изданія Попова здѣсь также отсутствуютъ. Въ частности: а) въ гл. 4 (вступит.): п҃д вм. п҃; б) въ гл. 13 (вступит.) между словами: «въ ни^{х} же г҃ь съ ѡц҃мь» и «ѡбите^{л} сътвори» нѣтъ словъ: «и съ ст҃ы^{м} дх҃ѡ^{м}» (Поп. 95, 4 снизу); в) гл. 2-я нач. со словъ «Такожде винограды», а у Поп. (это 3 гл., а не 2-я) раньше—со словъ: «И понеже оубо...»; г) въ гл. 9 (по Поп. 10): «или кику расти» вм. «и власы р.»; д) въ нач. 15 гл. (по Ягичу—здѣсь не обозначено, а у Попова—14): «Велі^{к} оубо. конста ро три сн҃ы. коньстантина. и ко^{н}стантіа. и консту и дще^{р} коньстантію» вм. «В. оу. К. р. т. с. К. и Анавалїанъ. К. и Далматїи К. и д. К.»; е) тамже: «Тѣхомил же ро҃ ст҃го семиона. ст҃ыи^{ж} семио҃ ро҃ сѧ (сь?) своею супружницею г҃ сн҃ы» вм. «Т. р.

Digitized by Google

немана, иже въ иноческѡ҃ образѣ нареченъ бы Сімеонъ монахъ. Ст҃ыи же Сімеонъ рѡ҃ с҆ сѫпружницею своею Анною три сн҃ы...»; ж) здѣсь же: «и растька послѣди҃ нареченнаго саву пръваго архиеп҃па сръпъскаго» вм. «и Р. въ иноческѡ҃ образѣ н. С. послѣди же бы҃ ст҃ыи Сава, пръвыи ар-пъ сръбскыи»; здѣсь же: «дече҃скі [Я. «дечаньскыи же»] ро҃ два сн҃а» вм. «Стефанъ р. д. с.»; з) гл. 39, послѣ словъ: «въ самую Персиду» здѣсь и у Ягича читается: «идѣже началникъ пръскіи вше҃ на столпъ. ꙗ҃ же того», у Попова же: «и порази и начѧлника»; и) «елика пути ѡного неудобизьннаго [н—зньнааго] ѡ мнозѣ...» вм. «е. п. о. нѫж҃ьнаго о м.»; і) гл. 40: «и прѣвары» вм. «оухыщренїа»; здѣсь же: имя «Радославъ» приписано сбоку, а не въ строкѣ; к) гл. 43: «и цр҃ь убо и҆бранныи сь҃ сѣдае҃...» вм. «и ц. Манѫилъ сѣдае...»; л) гл. 51: «съ востока граду идѣ҃ ѧко кь кед҆реску потоку сь҃ — ходе вь [кь] Геѳсимании подобити се, и сиѧ убо митрополиѧ. успениѧ пр҃тые влч҃це. имааше...» вм. «с. в. граду оуспеніе пр. Бц҃а идеже митрополіа имааше...» (въ ркп. Богиш. также «Бц҃а»; м) гл. 55: «прише҃ на тѣ҃ско раю [ратію]...» вм. «п. на тѣ҃ ратію»; н) гл. 57 (58): «...до андриянова гра҃. идѣже рѣша емоу ити на калиполе...» вм. «...д. А. г. и Ѿтѫдѫ иде по҃ Калиполе...»; о) гл. 63 (64): «мц҃а того же. а҃і дн҃ь вь петѡ҃...» вм. «м. Іоуліа въ к҃і. в пѧ҃...» (названіе мѣсяца м. б. взято изъ 63 главы); п) гл. 69 (68): «тъ҃ же ше҃ всеиз҆раннѣише взе҃...» вм. «т. ж. ш. со и҆бра҃ны҃ воиньствѡ҃...»; р) гл. 72 (71): «приходи҃ прише҃ во ко҃станти҃ гра҃» вм. «приходи҃ въ Цр҃ьгра҃...»; с) гл. 80 (77): «кралю воугорьс҃кому» вм. «к. Оуг....»; т) гл. 81 (80): «гл҃емыи е сь» вм. «г. Сене҃»; и мн. др.

Теперь укажу нѣкоторыя мѣста сходства съ изданіемъ Попова въ отличіе отъ изданія Ягича: а) въ началѣ (л. 139 и стр. 92) одинаково встрѣчается искаженная фраза «именовати имѣниѧ» вм. (изд. Ягича) «и. имена»; б) «ощоущаеши прозрительнымь очима» вм. «обѣштаеши п. о.»: в) въ 4 (вступ.) гл.: «мужей» вм. ѥмоуже и»; г) 5-я (вступ.) гл. начинается со словъ:

Digitized by Google

«Аще не бы гъ...», а не раньше, со словъ: «Тѣмь же въ истиноу...»; д) въ нач. 3 гл.: «Вѣцин подобно есть...» вм. (правильн.) «Рѣшти же п. е.»; е) гл. 8: «идѣже свѣтлыые [-и] гради съзасѧ» вм. «и. с. Бѣлыградь с—е»; ж) въ гл. 22: «ико высокою позю...» вм. «и. въ кою п.»; въ гл. 23: «всѣ людѣ дѣланію тиа...» вм. «в. л. дѣнию т.»; тамъ же: «идѣ тогда» вм. «идеть же т.»; з) гл. 24: «А еже.... любочестная раздаяніа и великіа свѣтлости и повіа кто не удивйся...» вм. «л. р. кто н. у.»; подобный же пропускъ въ изд. Ягича въ гл. 31; и) въ 31 гл. слова «и въспоманувъ по имени блъгарскыихь цареи и прочихь» выдѣлены киноварью (какъ и въ изд. Шафарика), чего нѣтъ въ изд. Ягича; і) гл. 41: «ю бо лютаѧ многаѧ ѡбдръжааху царьствующіи градъ» (прав.) вм. «ю. ж. б. лѣта м. одрьз. ц. гр.»; к) гл. 48, какъ и въ изд. Попова, не обозначена; л) гл. 55 также начинается «Двоеобразенъ же нѣкто...» вм. (правил.) Лъвообр. ж. н.»; кромѣ того, противъ этихъ словъ на полѣ стоитъ: «Каралюкъ»: въ изд. Ягича здѣсь ничего нѣтъ, но противъ словъ: «исмаильтьскыѥ чести» (тремя строками ниже) стоитъ: «Новакь», въ изд. Шафарика также въ этомъ мѣстѣ, но, какъ и въ первыхъ спискахъ, не «Новакъ», а «Каралюкъ»; м) гл. 57 нач. со словъ: «Обаче въпервие и шествиа его... [у Попова «О. в'первыи хѡ шествіа его...»; въ изд. Шаф. «О. въ первыихь дѡшествіа его»; въ изд. Ягича «О. въ прьвѣѥ изышьствиа его...»], а не далѣе, со словъ: «Въ прьвѣѥ оубо исходе...» [но гдѣ у Попова уже гл. 58; въ сп. Кир-Бѣл. гл. 58 и 59 не обозначены]; такая же разница и во многихъ другихъ дальнѣйшихъ мѣстахъ дѣленія на главы, напр гл. 60—65, 72—74, 81—83 и др. (нумера нѣкоторыхъ главъ, напр. 71, 77—79, въ Кир-Бѣл. сп. опущены); н) въ гл. 91 (у Ягича—конецъ 92) общая съ изд. Попова и Шафарика ошибка: «и здѣ коня недостаточна...» вм. прав. «и з. коня недостаточнаѧ»; и мн. др.

Здѣсь же укажу на отличія отъ изданія Ягича въ такихъ мѣстахъ, которыя отсутствуютъ въ сокращенныхъ спискахъ

Digitized by Google

изданій Попова и Шафарика. Такъ напр., слово 1) «Ереміа» помѣщенное въ спискѣ изд. Ягича на полѣ въ срединѣ 91 гл. противъ словъ: «вьзвратише се. Царь же...» и 2) «Београдь», помѣщенное въ нач. 92 гл. противъ словъ: «къ царьскомоу градоу приіде», въ Кир-Бѣл. сп. помѣщены противъ конца 91 и нач. 92 главы въ такомъ видѣ: а

і

м

є

р

є

і

ꙗ҃г҃

л

бѣωтрда.

Въ той же 92 гл. вм. изданія Ягича «χльми разараахоу» здѣсь правильное: «χрами р....»; правильное «рѣкама» вм. «рѣка»; далѣе здѣсь же: «возываашесѧ» вм. «вьзвышааше се».

Наконецъ, укажу на нѣкоторыя отличія Кир-Бѣлооз. списка отъ изданій и Попова и Ягича вмѣстѣ. Это все большею частію мелочи, но которыя также могутъ пригодиться при дальнѣйшемъ изслѣдованіи литературной исторіи текста. Здѣсь отличія — главнымъ образомъ въ обозначеніи главъ. Такъ нумеровъ 7, 10, 15, 40, 45, 48, 53, 58, 59, 71, 77—79, 84, 88—91 совсѣмъ нѣтъ; вмѣсто нумера 93 (=у Попова 92) стоитъ 94; въ срединѣ 9 гл. (у Попова нач. 10-й): «ωзлословити ѿца своѥ» вм. «озлобити о. с.», впрочемъ, въ спискѣ изд. Попова на полѣ стоитъ поправка: «озлословити» (въ изд. Шафарика этой поправки не указано); въ нач. 10 гл. (у Попова въ срединѣ): «Ꙋѣку же...» вм. правильнаго «Рѣкоу же...»; 17-я глава нач. не со словъ. «Здѣ же лѣпо есть...» (какъ и у Шафарика), но раньше: «Исаѣ бо рече...»; въ гл. 19, къ концу, противъ словъ: «бѣ же нѣкто благороденъ зѣло...» на полѣ Троицк. сп. (изд. Попова)

Digitized by Google

стоитъ киноварная прибавка: «Милѡшъ», каковое слово въ изд. Ягича стоитъ въ скобкахъ въ текстѣ послѣ слова «зѣло», въ спискѣ же Кир-Бѣлооз., равно и въ изд. Шафарика, этого слова совсѣмъ нѣтъ; гл. 36 нач. не со словъ: «Слышавже цр҃ь...» (какъ и въ изд. Шафарика), а раньше, со словъ «И оубо҃ многіе страны...» (нумеръ же 35 стоитъ вм. 34); въ гл. 39, въ началѣ: «сь҃ имене҃ ѡкрарь» вм. изд. Ягича «сеи именемь Отрарь», у Попова и Шафарика «Орарь» (а слова «сей» нѣтъ); и нѣкоторые другіе.

Таковы данныя сравненія Кир-Бѣлооз. списка съ прежде извѣстными. Изъ нихъ видно, что 1) этотъ списокъ относится къ полной редакціи; 2) такъ какъ этотъ списокъ русскій, то, слѣдовательно, полная редакція существовала не только въ сербскославянскомъ, но и въ русско-славянскомъ изводѣ; 3) въ виду близости (даже въ мелкихъ ошибкахъ) краткой редакціи именно къ русскому списку Кир-Бѣлоозерскому, а не къ сербскимъ спискамъ въ изданіи Ягича, очевидно, что краткая русская редакція ведетъ свое происхожденіе отъ списка полной редакціи русскаго же извода; 4) если палеографическія опредѣленія изданныхъ Поповымъ и Шафарикомъ списковъ, коими они отнесены ко второй половинѣ XV вѣка, вѣрны, то, слѣдовательно, уже въ то время существовалъ и русскій изводъ полной редакціи; наконецъ 5) очевидно, что краткая редакція принадлежитъ исключительно Россіи.

III.

Внося такія дополненія въ литературную сторону Житія, Кир-Бѣлоозерскій списокъ является въ тоже время цѣннымъ для будущаго критическаго изданія этого памятника. Вносимые имъ нѣкоторыя поправки въ текстъ сербскихъ списковъ осо-

Digitized by Google

бенно цѣнны въ виду вообще затруднительности чтенія этого текста.

Напомнимъ кстати, что въ будущемъ изданіи главы текста должны быть возстановлены на основаніи находящагося въ концѣ Житія «краегранесія» самого автора: «Страньно и изредьно...» и т. д., буквы котораго помѣщены въ начало каждой главы [1]). Въ поправкахъ къ своему изданію текста Ягичъ уже воспользовался этимъ «краегранесіемъ». Но слѣдуетъ также обратить вниманіе и на терминъ «десетословьное»: что собственно означаетъ здѣсь этотъ терминъ (ср. въ Карловацкой лѣтописи объ этомъ: «житіе... начать от десетыихь словь моусеискаго законоположенія», Ист. Серб. Качановскаго, стр. 109) я не могу догадаться, но онъ показываетъ, что въ этомъ предисловіи къ Житію было цифровыхъ пунктовъ не 11, какъ въ сп. Троицк. изд. Попова, и не 13, какъ въ прочихъ спискахъ, а именно 10, при чемъ особыхъ цифръ, какъ это даютъ всѣ дошедшія до насъ списки, въ рукописи Константина, вѣроятно, и не стояло, такъ какъ эти цифры заключаются въ первыхъ буквахъ имѣющихся отдѣловъ предисловія, кончая десятымъ, и были бы излишнимъ повтореніемъ. Во всякомъ случаѣ первые 10 отдѣловъ явно начинались цифровыми буквами въ послѣдовательномъ порядкѣ. А въ такомъ случаѣ мы должны внести слѣдующія поправки: 1) отдѣлъ 5-й не могъ, очевидно, начинаться съ слова «Тѣмь» (въ Тр. сп. нач. со словъ: «Аще не бы Гдь...»), а всего вѣроятнѣе со словъ: «Єгда же всеславнаа...», передъ

1) Въ этихъ, по выраженію Ягича «чудноватіихъ», пріемахъ стилистики Константинъ вѣроятно подражалъ самому деспоту Стефану Лазаревичу: такъ, извѣстное въ ркп. XV в. (Беогр. Нар. Библ.) произведеніе Стефана Лазаревича «Слово любьве», писанное, по словамъ его издателя Даничича, «можетъ быть даже рукой самого деспота» (Гласн. кн. XI), заключаетъ этотъ заголовокъ также въ «краегранесіи», о чемъ извѣщаетъ и надпись: «краегранесе семоу: слово любьве». А что въ рукописи самого Константина стояли и №№ главъ, на это есть и прямое указаніе въ текстѣ: въ 89 гл. говорится: «якоже напредь речемь извѣстьнѣише въ главизнѣ четыри десетьной» (изд. Ягича, стр. 273; Попова 111).

Digitized by Google

чѣмъ мы должны поставить точку, какъ это и сдѣлано въ изданіи Попова; 2) 9-й отдѣлъ, гдѣ, кстати, нѣтъ нумера ни въ одномъ спискѣ полной редакціи, очевидно также нельзя начинать со словъ «Соуди же многообразьное...» какъ это предлагаетъ Ягичъ и какъ это есть въ Тр. сп. издан. Попова, а не начинался ли онъ со словъ: «Ѳезвитенина Илию не глаголю, нь Илии свештеникоу...», при чемъ первое слово было написано именно чрезъ Ѳ, какъ въ спискѣ издан. Ягича и Кир-Бѣл., а не чрезъ Ф, какъ въ изд. Попова.

Такимъ образомъ и въ текстѣ будетъ дѣйствительное соотвѣтствіе «десятословному», при чемъ 10-й отдѣлъ, вѣроятно, оканчивался не словомъ «вьмѣстити», а словомъ «ѥзыкь», т. е. чѣмъ въ дошедшихъ спискахъ оканчивается 11-й отдѣлъ. Этого требуетъ и содержаніе—съ 12-го отдѣла идетъ другая рѣчь,—а кромѣ того, тогда можно было бы подыскать объясненіе и слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ предисловія, какъ это читаемъ въ спискѣ изданія Ягича: сложивъ первыя буквы этихъ отдѣловъ, мы получаемъ: **Кь Сь Ти Нь**, т. е. Константинъ — имя автора Житія.

Далѣе, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на поправку, вносимую Ягичемъ въ чтеніе слѣдующаго мѣста изъ главы 87: «Таже оубо посылають по Гюрьгꙗ, сами же поѥмьше того [т. е. Стефана] несѣхоу кь гробьници (о еже вѣшти множаѥ воевода силамь оустраꙗаше!) юже самь сьзда вь Ресавѣ»[1]): «силамь», говоритъ Ягичъ, «чини се да ваља читати Силамь као име сопственно» (стр. 377). Слѣдуетъ ли дѣлать такую поправку? Мнѣ кажется, что здѣсь правильно стоитъ дат. пад. отъ «сила», т. е. воевода силъ, войска. Въ письменности до 15—16 в. дательный падежъ въ такихъ выраженіяхъ обыченъ: «аггели гласомъ и

1) Въ Кир-Бѣл. спискѣ: «...кь гробнице. ѿ еже вещи множае воевода сила҃ ѹстраѧше. еюже са҃ созда ве ресавѣ» (л. 210 об.). Это мѣсто и вообще не совсѣмъ ясно. Значеніе слова «множае» ср. въ указанномъ ниже (въ концѣ статьи) сербскомъ Прологѣ XV вѣка: «...благочестивыи и христолюбивыи господинь срьблѥмь и множаѥ деспоть Стѣфан....».

Digitized by Google

громомъ» (Ерл. Лѣт. Погод. № 1437, л. 1 об.; въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографа XVI в. находимъ уже: «аггели гласовъ и громовъ»); «сей есть... Господь силамъ» (Іоан. Екз. Болг., Калайд. стр. 175); «и поможеть ти Богъ мой, Богъ силамъ, и благословить тя» (Хроногр. гл. 16) и др. Въ др.-русскомъ языкѣ, конечно по традиціи церк.-славянской, слово «сила» въ значеніи «войска» употребляется часто (см. Слов. Срезневскаго). Съ другой стороны, сербскіе имянные словари (правда, мало удовлетворительные) не даютъ указанія на употребленіе въ Сербіи имени Силы, хотя вообще-то это имя общеславянское. Внося свою поправку, Ягичъ ссылается на заключеніе Житія: «иште же и отъ воєводы силѣ и прочиихъ избраныихъ» (конецъ 92 гл.), гдѣ онъ прямо ужь читаетъ «отъ воєводы Силѣ». Но мнѣ кажется, что и здѣсь возможно чтеніе слова «силѣ» какъ нарицательное. Не имѣя основаній утверждать это категорически, укажу только, что также понималъ это мѣсто и архіеп. Филаретъ Черниговскій, передавая его: «отъ воеводы военнаго», при чемъ въ скобкахъ ставитъ и имя этого воеводы: «к. Георгія» (Свят. южн. слав. Спб. 1883, стр. 385), что представляется вѣроятнымъ. Не составляло ли это выраженіе «воевода силъ» спеціально почетнаго титула, который, можетъ быть, носили наслѣдники престола?

Въ заключеніе, сдѣлаю нѣсколько указаній къ вопросу о преемственной связи списковъ текста. Напомню, напр., указанную выше въ 10 (9) главѣ Троицкаго списка характерную поправку на полѣ: «озлословити» вмѣсто стоящаго въ текстѣ «озловити», какъ и въ сербскомъ текстѣ: въ Кир-Бѣлоозерскомъ спискѣ уже прямо въ текстѣ «озлословити; укажу еще, напр., что встрѣчающаяся въ спискахъ краткой редакціи форма «восточнѣйшими» (гл. 31), отличная отъ другихъ списковъ полной редакціи, гдѣ: «восточными», встрѣчается въ сербскомъ спискѣ Богишича, данномъ Ягичемъ варіантомъ къ тексту полной редакціи; или въ 51 главѣ выраженіе списковъ изданія Ягича и Кир-Бѣлоозерскаго «Оуспеніе прѣтыа владычице» въ спискѣ

Digitized by Google

краткой редакціи и сп. Богишича читается: «Оусп. пр. Бц̃а; или, напр., ср. названіе «Кир-Бѣлоозерскаго списка въ 86 гл. «Главысице» съ тѣмъ же мѣстомъ основного текста изданія Ягича—«Главици» и варіанта изъ сп. Богишича — «Глависы» (у Григор. въ ст. «О Сербіи. . .» на стр. 52: «на мѣстѣ Главы нареченнѣмъ»). Встрѣчается сходство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ списка Богишича и со спискомъ Кир-Бѣлозерскимъ, напр. въ гл. 19 тоже «иже» вм. «ѥже»; въ гл. 92 «сего» вм. «своего» и др. Вообще списокъ Богишича стоитъ ближе къ русскимъ спискамъ Житія, чѣмъ другой сербскій списокъ. Все это, повторяю, можетъ пригодиться для исторіи текста этого памятника.

IV.

Кирил-Бѣлоозерскій списокъ представляетъ собою лишь новый изводъ, или новую рецензію полнаго Житія Стефана Лазаревича. Но среди сербскихъ полныхъ списковъ есть, или во всякомъ случаѣ былъ, такой, который мы должны выдѣлить въ особую редакцію. Это, именно, списокъ, принадлежавшій нѣкогда В. И. Григоровичу, списокъ неполный, «безъ начала и середины, ркп. XV в. (какъ кажется)» — таково описаніе этого списка, данное самимъ Григоровичемъ въ письмѣ къ редактору (И. И. Срезневскому) Извѣстій 2-го Отд. Ак. Наукъ, гдѣ это письмо и напечатано (1858 г., т. VII, ст. 221). Этотъ списокъ Григоровичъ хотѣлъ сначала самъ издать, пополнивъ предварительно недостающія въ немъ мѣста изъ другихъ списковъ, но вслѣдствіе какой-то «невозможности» обратился съ вышеуказаннымъ письмомъ къ Академіи Наукъ, гдѣ писалъ: «если Академіи угодно обратить на изданіе сего Житія вниманіе, то охотно желаю поднести его. Въ противномъ случаѣ поднесу его Обществу Загребскому». Среди писемъ И. И. Срезневскаго сохранился отвѣтъ на это письмо Григоровича, гдѣ тотъ пишетъ между

Digitized by Google

прочимъ: «Впередъ ручаюсь, что всякая Ваша присылка будетъ желаннымъ подаркомъ. Присылайте, не медля»[1]). Но, повидимому, Григоровичъ этой рукописи въ Академію не послалъ, по крайней мѣрѣ никакихъ слѣдовъ ея тамъ не находится. «Академија не уради ништа, али и Григорович не посла свога рукописа у Загреб», узнаемъ мы еще изъ словъ Ягича въ его предисловіи къ изданію Житія (с. 225). Ягичъ упрекаетъ здѣсь и Сербское Ученое Общество, что оно не испросило въ свое время «онај одломак», на что редакція Гласника дѣлаетъ замѣтку, что «Друштво је чинило све, што му је било могуће, али—залуду» (ibid.). Такъ и до сихъ поръ неизвѣстно, сохранился ли гдѣ-нибудь этотъ списокъ Житія Стефана Лазаревича[2]). Къ счастію еще, до насъ дошли нѣкоторыя выдержки изъ этого списка, данныя самимъ Григоровичемъ въ примѣчаніяхъ къ его рѣчи въ Казанскомъ Университетѣ въ 1858 г., напечатанной потомъ подъ заглавіемъ: «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ...» Казань. 1859 г. На текстъ этихъ отрывковъ никто, кажется, до сихъ поръ не обратилъ должнаго вниманія. Самъ Григоровичъ отмѣтилъ, впрочемъ, что этотъ списокъ «опредѣлительнѣе въ названіяхъ и цѣлыхъ реченіяхъ», но здѣсь онъ имѣлъ, повидимому, въ виду сравненіе именно съ краткой редакціей, такъ какъ прибавляетъ, что «онъ заключаетъ и подробности, напр. о Гуссѣ» (ibid. с. 221), между тѣмъ эти подробности есть во всѣхъ спискахъ полной редакціи. Но и сравненіе съ текстомъ полной редакціи убѣждаетъ, что этотъ списокъ Григоровича представлялъ собой не обычную копію труда Константина, но именно новую его редакцію, гдѣ встрѣчаются не только сокращенія, но и интересныя измѣненія и дополненія. Въ виду несомнѣннаго интереса этихъ сравненій,

1) Это справкой я обязанъ В. И. Срезневскому, за что и приношу ему мою глубокую благодарность.

2) Указаніе Сырку, что эта рукопись хранится въ библ. Новор. У-та и описана Мочульскимъ (стр. CLI), ошибка: описываемый у Мочульскаго списокъ Житія — краткой редакціи и цѣльный (изданъ Шафарикомъ въ Гласникѣ); затерявшійся же сп. Григоровича полной редакціи и дефектный.

Digitized by Google

предлагается параллельный текстъ, при чемъ тамъ, гдѣ возможно, нѣкоторыя изъ разницъ отмѣчены особымъ наборомъ.

Полный списокъ Житія по изд. Ягича.	*Отрывки Житія въ соч. Григоровича.*
гл. 75:	стр. 51:
...босьньскыимь же прѣдьреченыимь исмаильтьскыимь воѥводамь	...босньскымь же и прѣдреченнымъ тоурчскымъ воеводамъ.....
...вь мѣстѣ Макры ливада нареченѣмь.	....вь мѣстѣ дльгы ливади.
гл. 77:	стр. 51:
«...ѥгда истиньноую любовь сь западьныими сьтвори, ѥгда вь градь рекомыи Боудимь ходи, ѥгда и сьборь бысть западьныихь кралѥи и иныихь господь кь кралю воугрьскомоу, ѥже вь Коньстаньцию и Римь ити томоу на вьцарениѥ надь вьсѣми.....	«...егда истинноую любовь съ западными сьстави егда самь въ градь Боудимь ходи на сьборь западныхь цареи кь кралю, еже вь Костанцію ити семоу на вьцареніе надъ вьсѣми,
	стр. 58:
....и по седьмомь лѣтѣ пришьствиꙗ кралѥва ѥгда вьзврати се на вьсако лѣто приходе вь западьныи сьборь и никогда же грады или страны не вьсприѥмь вьзвраштааше се.	...и по седмомъ лѣтѣ пришьствіа (съ Костница) кралева, Стефань на всако лѣто приходе на западныхь сьборь и никогда же грады или страны или езера и подобнаа не вьспріемь невьзращашесе.....
	стр. 51:
...Не просто бо и западь-	(потому что западные въ

Digitized by Google

ныимь сиꙗ сьтрьпѣвати, нь вѣдѣахоу ꙗко нѣкои штить и оутврьжденіе непоколѣбимо.

...Сь же и кралѥвѣхь благородныихь и славныихь витезь власть имѣаше вѣнчавати, ѥлико превьзимати се паче вьсѣхь кралѥвыихь глаголюште, ꙗко мнѣ деспоть витежьство вьроучи.

гл. 79:

«О ѥже ис Прагы истиньнѣѥ изыде глась ꙗко на господина своѥго кралꙗ опльчише се и чешьскоую землю оть оугрьскыѥ оцѣпише и ѥресь глаголѥмаꙗ Хоусь вьста и вьзможе, ихьже нѣции близь православиꙗ глаголють быти. И ꙗко сего Хоуса бывьша вь Иѥросолимѣ на поклонѥниѥ светыимь мѣстомь, вь Синаю пришьдь идѣже господь сь Моѵсеомь глагола. Тоу вь обьште жилишти сь братиѥю пожить, оувѣдѣ оть сихь православиꙗ образь. Идѣже и грьчьскаꙗ писаниꙗ навыкь приходить вь страны своѥ. Того ради и ѥште вь брьзѣ грьчьскаꙗ писаниꙗ обрѣтають се вь вьликои оучительници и риторьскыі сицеваꙗ сьврьши оученіѥмь. Глаголють

немъ)—ощущахоу нѣкои щить и стльпь непоколебимь.

стр. 58:

...еще же и надъ кралевѣхъ по всеи земле власть имѣше витезе вѣнчавати, еже превзимахоусе, глаголюще: яко мне деспоть витеза поставиль есть, а не инь кто.

стр. 55:

«И пришьдшоу емоу (Стефаноу) въ своꙗ (изъ под Скадра) еже ис Прагы изыде глась истинныи, яко на господина своего краля опльчишесе и землю от Оугрь отлоучише и ересь Хоусь глаголемая вьста, ихь же нѣціи близь соуще православіа глаголють: сь бо Хусь, бывь въ Іеросалимѣ на поклоненіе светымь мѣстамь, оттоудоу вь Синаю шьдь, вь цркве сь братіею прѣбывь, идеже Господь къ Моѵсеоу лицемь кь лицоу глагола; оувѣдѣ оть сихь благочестіѧ веленіе, приходить вь страны свое рыторь сыи сицевая оученіемь сврьши, ибо и книгы вь оучилищи велицѣмь еще обрѣтаютсе грьчьскые и наоучи симь нѣкыихь оть езыка того и глаголаше:

Digitized by Google

же ꙗко на сьборѣ прѣдь папою ѥгда сьтезаниѥ сь нимь сьтворише, идѣже и о чиноу свештеньничьскомь при вьведе се имьже глаголѥть. и сь оуставь великоую злобоу сьврьшаѥи ѥсть. По мироу свештеньници соушти не женештеи се ѥже изь начела оть светыихь никьтоже вьзбрани. Обрѣте бо се вь ѥдинѣ оть великыихь вьсехь нѣкоѥго приведьша сь ѥдиноѥ страны ѥдиноу вьдовицоу, сь дроугыѥ же дроугоую и рождьша оть ѥдиноѥ сына, оть дроугыѥ же дьштерь, вьзрастьшимь же дѣтемь не оувѣдѣвьше поѥть брать сестроу свою вь женоу. Отьцемь ꙗкѣ и инаꙗ многаꙗ рекь, побивають ѥго и огнѥви прѣдають. Ть жь множьство оученикь имѣѥ сицеваꙗ вьзмогоше. И симь оубо бывьшимь, посылаѥть краль кь деспотоу малоую нѣкоую честь просе воиньства избраныихь зимьноу соуштоу врѣмени, вь ѥже обычьныимь гласомь сихь оустрашити. Ѥже и бысть. И пришьдьше вьзопетише гонештиихь и плѣноуюштиихь Хоусь. Юже бо испролиꙗли се бѣхоу, не вь малѣ до самого Боудима не пришли бѣхоу зрите начелные книгы вашее. Глаголють же яко на сьборѣ прежде сь нимь сьтезаніе сьтворише идеже и о чиноу свещенничьскомоу привьведесе и рече, яко сь оуставь великоу злобоу свршаеи есть, еже по мироу свещенници неженитисе, иже оть начела от светыхь никтоже не вьзбрани. Таже видѣхомь вь великыхь вьсехь вь единомь оуглѣ единоу сироу обрѣтѣ и пребываеть сь ніею, вь дроугомь же дроугоую и сьтворь сь единою моужска полоу отроче, сь дроугою же женское, вьзрастьшимь же, за невѣдѣніе поиметь брать сестроу свою вь женоу. Рече же и инаа многаа: тѣмьже каменіемь сего побивають и сьжизають. Сего же оученици сіа сьврьшише ꙗростію о оучители своемь. Сіа оубо бывше посилаеть краль кь Деспотоу, малоую честь просе вое избранныихь, зимноу соущоу временю, вь еже сихь оустрашити обычнымь его гласомь, еже оубо и полоучи; вьзопетише гонещіихь и плѣноующіихь, юже бо изпроліалисе бѣхоу и вь малѣ до самого Боудина, стола царскаго, не постигли бѣхоу.

Digitized by Google

гл. 83:

Кь западьнымь же Амоурать вьзити хотѣаше и зре благочьстивааго деспота на вьсако лѣто кь (оугрьскомоу) кралю шьствиѥ творешта и нѣкыихь клевештоуштиихь послоушавь и тамо соуштоу деспотоу и ѥште посылаѥть отъ вѣрьныихъ своихъ ѥдиного вь ѥже оувѣдѣти истиньноѥ ѩко. Пожьдавь же много посыланыи, таже пришьдь деспоть оувѣдѣ о вѣшти, дарованиѧ посылаѥть ѥмоу, видѣниѧ же того не сьподоби.

стр. 57:

Муратъ внеть оклеветанію, зре благочьстиваго кь кралю на коеждо лѣто ходеща на сьборы ихъ и посылаеть любимаго ѥнуха вь еже истиное увѣдѣти, тамо соущоу Деспотоу.... сь же пришьдь.... видѣнія того не сьподоби.

гл. 92:

....западьныи краль кь царьскомоу градоу (са стране: Београдь) прииде, ѥгоже и вьзеть ѩко сь миромь отъ благочьстиваго господина своѥго, прѣстрашьшимь се Исмаилить ради.

...западный краль пріиде кь царскомоу градоу, (Бѣлградоу), его же прѣкарою вьзеть съ миромъ, прѣстрашившемся исмаилить ради.

Остановимся пока на этихъ выпискахъ. Сравненіе параллельныхъ мѣстъ показываетъ намъ, что 1) въ отрывкахъ Григоровича стиль текста другой: небольшія сокращенія, перестановки, вставки сдѣлали текстъ въ общемъ яснѣе и проще, какъ это отмѣчено отчасти и Григоровичемъ (см. выше). Явно, что редакторъ, измѣняя текстъ, именно и имѣлъ въ виду это упрощеніе. При этомъ 2) слѣдуетъ отмѣтить, что цѣль эта мѣстами выполнена съ большимъ умѣньемъ и въ перефразировкахъ видна опытная и свободная, а не рабская рука. Наконецъ 3) среди

Digitized by Google

вставокъ мы находимъ такія, которыя заставляютъ насъ предполагать въ редакторѣ близкаго современника описываемымъ въ текстѣ событіямъ. Такъ онъ, во-первыхъ, говоритъ, что Стефанъ послѣ Костницкаго собора пользовался такимъ почетомъ въ Венгріи, что получалъ тамъ «грады или страны или езера и подобнаѧ»: въ текстѣ Константина нѣтъ упоминанія объ озерахъ; а во-вторыхъ, онъ точно указываетъ, что султанъ Муратъ прислалъ къ Стефану въ качествѣ посла своего «любимаго евнуха», тогда какъ въ текстѣ Константина стоитъ: «отъ вѣрьныихь своихь ѥдиного».

Но еще интереснѣе въ этомъ отношеніи для лица редактора слѣдующія три крупныя вставки, для которыхъ въ текстѣ Константина, за однимъ исключеніемъ, ничего не отыскивается и подобнаго. Первое мѣсто представляетъ собою и съ внѣшней стороны вставку, такъ какъ помѣщено внизу рукописи; здѣсь говорится о причинѣ смерти Стефана: «и нѣціи рѣше ѧко воеводою отрувенъ бысть, понеже прежде сихь огневленъ бысть отъ него и соущоу близь исмаилитьскомоу цароу ѧвитисе хотѣше невѣра, аще сіа хотѣхоу быти, нь есть сь льжи подобно» (стр. 52 примѣч.). Здѣсь явно слышится рѣчь современника описываемымъ въ Житіи событіямъ (ср. Истор. слов. нар. Раича, ч. III, 137—8, гдѣ приводятся различныя мнѣнія лѣтописей и историковъ о смерти Стефана: тамъ такого мнѣнія нѣтъ). Второе мѣсто говоритъ о пропагандѣ въ Сербіи католическаго духовенства въ кралевство Стефана, что падаетъ приблизительно на 1425 или 1426 годъ. Выписываю вмѣстѣ съ словами Григоровича: «О пропагандѣ западной есть намеки въ Житіи сербской рецензіи Стефана князя. Привожу ихъ: «еще же по воскрьсеніи свѣтлои недѣли по онои странѣ соущіи оутрьстіи свещеници ѧко прѣварою, егда сьбори бывахоу, пришьдше по чиноу своему проидоше градь сь народомь своимь носеще образы по чиноу своемоу, ихь же благочьстиви озлоби; еще же отъ запада на хартіахь написаны образы... дослаше, благочьстивыи же ѧко сьномь обдрьжимь не смотри сіа...» (стр. 56).

Digitized by Google

Такая вставка могла принадлежать уже несомнѣнно современнику. Но въ ней, кромѣ того, характерна для личности автора послѣдняя фраза — «благочьстивыи же яко сьномь обдрьжимь не смотри сіа»: она показываетъ намъ, что авторъ не безъ намѣренія сдѣлалъ эту вставку въ Житіе: воспоминаніе о дозволенной католикамъ пропаганды въ Сербіи горечью отозвалось въ его сердцѣ и онъ не удержался, чтобы не упрекнуть за это Стефана. Очевидно, въ лицѣ редактора мы имѣемъ человѣка, во-первыхъ, самостоятельнаго въ своихъ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ, а во-вторыхъ, строгаго противника сближеній православныхъ съ католиками, возникшихъ въ кралество Стефана на почвѣ политическихъ расчетовъ. Напомнимъ, что въ Житіи Константина, сообщающаго подробности этихъ общеній (гл. 77), нѣтъ и намека на какой-либо упрекъ Стефану; напротивъ, Константинъ говоритъ о нихъ въ такомъ тонѣ, что даетъ даже нѣкоторымъ поводъ предполагать, «не сочувствовалъ ли и онъ уніатскимъ стремленіямъ византійцевъ своего времени...?» (Сырку. Очерки изъ исторіи литер. сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV — XVII вв. Сборн. Ак. Н., т. 71, стр. CLIV, примѣч.).

Наконецъ, третью интересную вставку составляютъ строки изъ заключенія Житія въ этомъ спискѣ, каковыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ извѣстныхъ намъ списковъ. Григоровичъ помѣстилъ эти строки въ качествѣ эпиграфа къ своимъ «Прибавленіямъ», при чемъ онъ ясно говоритъ, что взялъ ихъ «изъ заключенія Житія Князя Стефана сербской рецензіи, писаннаго Константиномъ Костенчскимъ въ 1431 году»: «...а иже нехощеть сицевaа вьспрѣети, ть лѣтописаніа дрѣвніихъ да срѣтаеть, ибо вь нашаа врѣмена сьдѣаннаа соущаа дльжни есмы писанію прѣдати, ꙗкожде прѣжде бывшаа прочіи:..... вьса бо Божіимь мановеніемь сьдѣваютсе, изреднѣе же царствіа.... десницe бо Єго и шоуице вьса си.... Аще лѣтописаніимь несоущимь, коею лѣствицею вьспомѣнемь? Тѣмьже ꙗкоже рамца вь виноградѣ Господьни изьоставша вь послѣдькь, потьща-

хомсе сьбрати вь точіліа Господніа и потьщимсе». Такое новое заключеніе для «списка» Житія на первый взглядъ кажется нѣсколько страннымъ: въ немъ слышится какъ будто голосъ самого автора. Но оказывается, начало этого заключенія представляетъ собою передѣлку словъ Константина въ 22 главѣ: «И аште кто о сихь поносить ми, ꙗко вь кою пользоу сиꙗ вьмѣштати, и таковии да шьдьше вь парствьныихь книгахь лѣтописаниихь и оувѣдеть ꙗко царьствовавьшеи прѣжде аште вь Іѥросолимѣ древлѥ, аште же и вь царьствоуюштиимь градѣ коупьно окрьстьныихь житиꙗ писанию прѣдають множаѥ и пространьнѣѥ, како бо извѣстьнѣѥ житиѥ благочьстивыимь и светыимь господамь нашимь сьтворимь».

Но кто же бы могъ быть этимъ редакторомъ Житія изъ литературно образованныхъ современниковъ Константина? Указанные признаки наводятъ на предположеніе, не былъ ли имъ извѣстный дьякъ Владиславъ Граматикъ? Владиславъ былъ какъ разъ младшимъ современникомъ, даже, можно сказать, ученикомъ Константина. Въ виду этихъ отношеній Владислава къ Константину, въ литературѣ было уже отмѣчено какъ недоумѣніе: почему у Владислава, интересовавшагося вообще югославянскими житіями, нѣтъ этого произведенія его учителя? (Сырку, ibid. стр. CXCII). Такимъ образомъ сдѣланное предположеніе являлось бы отвѣтомъ на это недоумѣніе. И это тѣмъ болѣе, что Владиславъ очень подходитъ и къ выставленнымъ литературнымъ качествамъ этой редакціи Житія. Приведемъ извѣстныя въ литературѣ характеристики Владислава какъ автора. По словамъ М. Н. Сперанскаго, Владиславъ былъ «хорошо ознакомленъ съ современною... славянскою литературою и разсудливо старался разъяснить своимъ читателямъ содержаніе этой литературы» (Загребскиятъ рѫкописъ въ Сборн. за народни умотворения...., кн. XVI и XVII, стр. 338, цит. изъ ст. Сырку). Въ Загребскомъ сборникѣ есть приписки, сдѣланныя Владиславомъ на поляхъ: въ нихъ «проявляются любознательность и критическій тактъ и наконецъ желаніе Владислава

Digitized by Google

не только дополнять, но и достигнуть большей точности (ibid. стр. 334). По отзыву Сырку, Владиславъ «былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени и даже ученымъ» (стр. CLXI); изложеніе самостоятельнаго труда его (о перенесеніи мощей Іоанна Рильскаго) «отличается правдивостію, простотою или вѣрнѣе простою безыскусственностію..., отсутствіемъ риторики... Слогъ Владиславовъ легокъ и ясенъ и не отягченъ плеоназмами и кудреватыми выраженіями; даже оборотовъ, выраженій и фигуръ или образовъ св. Писанія у него очень немного.....» (стр. CXCVI).

Подходитъ, наконецъ, къ личности Владислава и характерная вставка въ Житіи Константина, заканчивающаяся упрекомъ Стефану за попустительство католикамъ. Среди литературныхъ трудовъ Владислава есть такіе, которые прямо указываютъ, что онъ интересовался церковно-политическими дѣлами. Именно, въ библіотекѣ Новороссійскаго Университета, въ собраніи рукописей Григоровича (по опис. Мочульскаго) подъ № 15 (41) находится принадлежащій перу Владислава сборникъ, заключающій статью о раздѣленіи Восточной и Западной церкви. Такъ напр., тамъ есть статьи: «Повѣсть пользна о латинѣх, когда отлоучишесе от грькь...» (л. 25 об.); «О латинѣх сирѣч фругохъ... и о ереси ихь... (л. 32 об.); «Германа патр. къ жестоковыйным латином... поученіе» (л. 67); «Михаила Сіггела... о православной вѣрѣ» (л. 76 об.) и др. под. Словомъ, весь сборникъ посвященъ полемикѣ съ Латинами и изложенію православнаго ученія. Рукопись этого сборника — сербской рецензіи, XV вѣка; на 77 л. дата — 1456 годъ и подпись: «Владислав діак писа книгу сію, от Нового Брьда».

Соображая всѣ эти данныя, представляется вѣроятнымъ приписать перу Владислава указываемую вставку въ Житіи: ко времени приблизительно около половины XV вѣка, когда развивается литературная дѣятельность Владислава, уже сказались въ Сербіи результаты союза Стефана съ Венгріей, союза, вы-

Digitized by Google

звавшаго вражду со стороны Османовъ и съ нею цѣлый рядъ внутреннихъ потрясеній, приведшихъ потомъ къ окончательному паденію Сербіи. Понятно, что въ это время отрицательное отношеніе къ католикамъ должно было значительно усилиться, и естественно, что такой догматистъ какъ Владиславъ, списывая Житіе Стефана, не могъ удержаться, чтобы не упрекнуть деспота за покровительство католикамъ.

Здѣсь будетъ умѣстно разобрать нѣкоторые изъ соображеній, высказанныхъ въ упомянутой статьѣ Сырку по поводу встрѣчающихся на полѣ всѣхъ списковъ Житія именъ Владислава (гл. 83) и Еремія (гл. 91). Сырку говоритъ, что «никто изъ ...ученыхъ... не обратилъ вниманія на то, что пространная редакція житія дополнена Владиславомъ Грамматикомъ и Ереміей..., это ясно изъ записей на поляхъ листовъ, гдѣ стоятъ записи: Владиславъ и Ереміа» (стр. CLI—CLII). Это свое указаніе авторъ ничѣмъ не подтверждаетъ, если не считать неимѣющей значенія ссылки его на подобную же запись «въ рыльскомъ Панегирикѣ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ начинается Владиславова или Цамблакова статьи» (ibid.). Относительно имени Владислава авторъ говоритъ положительно, что это именно Владиславъ Граматикъ, относительно же Еремія лишь предположительно: «не есть ли этотъ Ереміа кто-либо изъ современныхъ Константину книжниковъ или книжникъ, современный Владиславу»? Конечно, для подтвержденія такого предположенія о вставкахъ въ Житіе Владислава и Еремія автору нужно бы было сдѣлать разборъ тѣхъ мѣстъ, которые онъ считаетъ за вставки, но онъ этого не дѣлаетъ. Да это было бы и безполезно, такъ какъ соотвѣтствующія припискамъ мѣста положительно ничѣмъ не выдѣляются изъ текста. Особенно это нужно сказать относительно мѣста противъ имени Еремія, гдѣ говорится о томъ, что воевода Голубца предалъ городъ Амурату, что непремѣнно и должно было входить въ текстъ общаго разсказа. Но можно и положительно сказать, что имя Еремія относится именно къ этому воеводѣ. Вотъ что мы читаемъ въ одной серб-

Digitized by Google

ской лѣтописи: «Въ лѣто ҂ѕцл҃ѕ (1428) ѡтвьрже се Єреміа оу Голубцу и да се Тоурцемь и плѣнише Браничево» (Лѣтоп. царемь Срьбскымь, изд. Вукомановичемъ въ Гласн. кн. XI, стр. 151)[1]). Очевидно, сомнѣній тутъ не должно быть. Но слѣдуетъ, далѣе, обратить вниманіе и на характеръ всѣхъ прочихъ подобныхъ приписокъ въ Житіи Стефана Лазаревича. Вотъ онѣ: въ гл. 19: «Милошъ», имя сербскаго воеводы, убившаго Амурата; гл. 40: «Радославъ», имя посла Стефанова къ Тамерлану[2]); гл. 53: «Авранезъ», бегъ Турецкій, полководецъ Сулеймана; гл. 55: «Каралюкъ», сербскій воевода (въ спискѣ изданія Ягича вм. этого имени стоитъ другое — «Новакъ»: можетъ быть здѣсь имѣлся въ виду Новакъ—врагъ Стефана изъ среды его бояръ, какъ это можно читать въ гл. 29); и, наконецъ, гл. 92: «Београдъ» — поясненіе къ словамъ: «царьскому градоу». Такимъ образомъ ясно, что всѣ эти приписки представляютъ собою простыя поясненія къ тексту. Имѣя въ виду точно такой же характеръ приписки и имени «Еремiа», мы можемъ съ большою вѣроятностію дать такое же объясненіе и имени «Владиславъ», т. е. что и оно служитъ поясненіемъ къ тексту. Въ этомъ мѣстѣ (конецъ 83 гл.) говорится о томъ, какъ Стефанъ плакалъ при воспоминаніи объ одной своей жестокой расправѣ съ жителями города Сребреника за случайное, въ сущности, убійство его посла, какого-то «юноши», имя котораго Житіе не называетъ. Но это, повидимому, тотъ же юноша, о которомъ говорилось еще въ 76 главѣ: «Нѣкогда же хотѣ изити милистыне дѣлати... поѥмь сь собою ѥдиного вьзлюбленаго зѣло, иже и прочеѥ таинь вѣдоуштааго...», а немного ниже говорится, что это былъ человѣкъ «юный». Здѣсь мы, такимъ образомъ, находимъ объясненіе, почему такъ жестоко расправился Стефанъ за смерть посла. Такъ вотъ, не отно-

1) См. также Истор. разн. слов. нар. Ранча, ч. III, стр. 155. Будимъ 1828.

2) Неизвѣстно, на какомъ основаніи г. Качановскій въ своей Ист. Сербіи... вмѣсто этого стоящаго во всѣхъ спискахъ имени «Родославъ» поставилъ имя «Владиславъ» (стр. 51).

Digitized by Google

сится ли боковая приписка имени «Владиславъ» къ этому юношѣ послу?

Такимъ образомъ, разобранный здѣсь Григоровичевъ списокъ Житія Стефана Лазаревича представляетъ собою новую редакцію полнаго Житія сербскаго извода, составителемъ которой съ большой вѣроятностію можно считать дьяка Владислава Грамматика. Какъ можно было видѣть, этотъ списокъ представляетъ большой интересъ въ литературномъ отношеніи и было бы, поэтому, крайне жаль, если онъ затерялся совсѣмъ.

V.

Переходимъ теперь къ краткой редакціи Житія. Напомню, что извѣстные два списка краткой редакціи—русскаго извода; появилась эта редакція еще въ XV столѣтіи и ведетъ свое происхожденіе отъ списка полной редакціи русскаго же извода. Что лежитъ въ основѣ сокращеній этой редакціи — я также отказываюсь дать опредѣленное объясненіе (см. у Ягича въ предисловіи къ изд. Житія, стр. 226 — 227). Бѣглый обзоръ сокращеній приводитъ къ заключенію, какъ будто здѣсь въ общемъ — одинъ произволъ редактора. Такъ, въ началѣ, до 33 главы, сокращеній почти совсѣмъ нѣтъ, далѣе же онѣ идутъ crescendo, при чемъ мѣстами сокращается главнымъ образомъ реторика, мѣстами—и это преимущественно къ концу, начиная съ 60-хъ главъ—сокращаются цѣлыя страницы, заключающія въ себѣ интересныя историческія подробности.

Но какъ мы видѣли при разборѣ Кир-Бѣлоозерскаго списка, краткая редакція заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя дополненія. На нихъ мы теперь и остановимся. Дополненія встрѣчаются только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, именно, идетъ рѣчь о родословіи сербскихъ деспотовъ. Вотъ параллельные тексты этого мѣста:

Digitized by Google

Полная редакція (изд. Ягича).

гл. 15:

«...Великыи оубо Коньста роди три сыны Коньстаньтина, и Коньстаньтина, и Коньстоу, и дьштерь Коньстаньтию.

...Тѣхомиль же роди светааго Симеона, светыи же Симеонь роди сь сьпроужьницею три сыны. Стефана прьвовѣнчанааго краля и Вълкана великааго кнеза и Растька, послѣди же нареченнааго Савоу, прьваго архиєпископа срьбьскаго...».

Краткая редакція (изд. Попова).

гл. 14:

«...Великыи оубо Конста рω^{дк} три сны Кон'стан'тина и Ѧнавалїанъ. Кон'стантїа и Далматїи Ко^{н}стж и дщерь Кон'стантїю .....

гл. 15.

...Тѣхомиле рω^{дк} Немана, иже въ иноческѡ̃ образѣ наречен̃ъ бы Сїмеонъ монх̃. Сты̃ же Сїмеонъ рω^{дк}, с' сжпружницею своєю Ѧнною, три сны̃ Стефана пръвовѣнчаннаго краля. и Вълкана великаго кназа и Растъка. въ иноческѡ̃ образѣ нареченнаго Савж. послѣди же бы̃ сты̃и Сава, пръвыи архиєп̃ъ Сръбскыи».

Откуда эти дополненія? Кажется съ увѣренностью можно сказать, что источникомъ этихъ дополненій былъ русскій Хронографъ. Вотъ соотвѣтствующая выдержка изъ Хронографа: «Сей Конста Зеленый роди г̃ сыны, великаго Константина и Ѧнавалїана и Далматїа и дщерь Константію...» (ркп. Публ. Библ. Q. IV. 378, л. 250). «...Тѣхомилъ роди Немана, иже есть святый Семіонъ...Семіонъ роди съ супружницею своєю Ѧнною три сыны...и Растка, иже нареченъ бысть въ иноческомъ образѣ Сава...» (Изборн. Попова, стр. 37). Какъ видимъ, сходство почти полное. При этомъ напомню, что Хронографъ пользовался не краткой, а полной редакціей Житія. Но можетъ быть эти вставки были уже въ томъ спискѣ полной редакціи Житія, которымъ пользовался Хронографъ и который

Digitized by Google

потомъ сокращала краткая редакція? Нѣтъ: какъ увидимъ далѣе изъ разбора хронографической редакціи Житія, эти дополненія вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ подобныхъ, какихъ нѣтъ въ Житіи, имѣютъ для Хронографа свой особый источникъ.

Такимъ образомъ, къ прежнимъ положеніямъ о краткой редакціи Житія Стефана Лазаревича мы должны еще прибавить, что на редактора ея имѣлъ вліяніе русскій Хронографъ, откуда, именно, онъ взялъ тѣ лишки, которыхъ нѣтъ въ полной редакціи Житія. Можетъ быть даже эта редакція возникла вскорѣ послѣ появленія Хронографа. Съ другой стороны, эта зависимость краткой редакціи Житія отъ Хронографа вполнѣ подтверждаетъ предположеніе, что возникновеніе первоначальной редакціи русскаго хронографа нужно пріурочить къ XV вѣку.

VI.

Переходимъ теперь къ отраженіямъ Житія Стефана Лазаревича въ другихъ литературныхъ памятникахъ.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ текстъ Житія въ русскомъ Хронографѣ. Установлено, что въ рукахъ составителя Хронографа былъ списокъ Житія полной редакціи. Но какого же извода былъ этотъ текстъ? Кир-Бѣлоозерскій списокъ даетъ рѣшительный отвѣтъ, что это былъ текстъ русскаго извода, такъ какъ въ хронографическихъ выпискахъ изъ Житія встрѣчаются какъ разъ тѣ именно отмѣны, какими русскій изводъ отличается отъ сербскаго. Такъ въ отрывкѣ, помѣщенномъ въ Хронографѣ подъ заглавіемъ: «Царство Сербское и о запустѣніи его» (гл. 206), мы встрѣчаемъ какъ и въ Кир-Бѣлоозерскомъ спискѣ тоже: «храми» вм. «хльми», «рѣкама» вм. «рѣка», «возываашеся» вм. «вьзвышаашеся». Къ сожалѣнію мнѣ не удалось здѣсь сдѣлать дальнѣйшихъ сличеній, но для даннаго вопроса и это немногое достаточно.

Digitized by Google

Посмотримъ теперь, какія измѣненія внесъ въ текстъ Житія составитель Хронографа. Обратимся опять къ параллельнымъ текстамъ. Текстъ Хронографа приводится по редакціи Югозападной, а внизу къ нему подведены варіанты изъ редакціи 1512 года.

Полная редакція Житія.
(изд. Ягича).

Гл. 12: «Достоить же юже преддреченыимь виновьнааго корѣнь вьзыскати, да отьтоудоу навыкыше кьто и откоудѣ и коихь корѣни вѣтвь и како процвьтьши .....».

Гл. 14: «О родословии же намь слово. Бѣше Коньста великыи Зеленыи нареченыи, великааго Коньстаньтина отьць,.. ..Максимиѧнь же на вьстоцѣ оудрьжа, оу него моучителѧ Коньстаньтинь великыи оу тальствѣ бѣше.....».

Гл. 15: «Великыи оубо Коньста роди три сыны Коньстаньтина, и Коньстаньтиѧ, и Коньстоу и дьштерь Коньстаньтию,

Хронографъ.
(И. Публ. Библ. Q. IV. 378).

л. 250: «Воспомянемъ же о сихъ сербскихъ деспотахъ, како и откуду изыдоша и в послѣдняя сия времена просияша[1]). Конста оубо Зеленыи отецъ великаго Константина.. ..Максимиянъ оубо на встоцѣ оудержа, оу него же и Константинъ великіи во оуталствѣ бяше ....Сей Конста Зеленый роди 3 сыны, великаго Константина и Ѵалавлиѧна и Далматіѧ и дщерь Константію, юже великій Константинъ вдаде Ликинію в жену и постави его кесаря к Никомидіи, яко послушливъ бѣ и способливъ на мучител-

1) Хронографъ Общ. Люб. Др. Пис. изъ собр. кн. Вязем. № 97. Гл. 191: «О серпьскихъ деспотехъ. Достоитъ же рещи и серпьскихъ деспотъ власть. Первѣе оубо корень лапатою слова окопаше и отъ корене древо всѣмъ покажемъ и сладость плода словомъ преставимъ». Дальнѣйшихъ словъ: «Конста оубо Зеленый...» и до словъ: «Бѣлоурошь...» въ этой редакціи нѣтъ. Кромѣ того, здѣсь, въ этой главѣ, родословіе (съ нѣкоторыми измѣненіями) кончается Растькой-Савой, послѣ чего идетъ житіе послѣдняго, а въ 194 главѣ опять читается: «О родословіи серпскыхъ деспотъ. Бѣлоурошь роди Тѣхомила...» и т. д. почти сходно съ редакціей Югозападной.

Digitized by Google

юже великыи Коньстаньтинь вьдасть Ликинию вь женоу, ѥмоуже и грьчьскоую честь отьдѣли царьствиѥ, ꙗко послоушааше на моучительскоѥ раздроушениѥ и сьпособьствовааше. Сь же Ликиниѥ бѣше дальматинскыи господинь, родомъ Срьбинь, и роди оть Коньстаньтиѥ сына Бела-Оуроша, Бела-Оурошь же роди Тѣхомила, Тѣхомиль же роди светааго Симеона, светыи же Симеонь роди сь сьпроужьницею три сыны. Стефана прьвовѣньчанааго кралꙗ и Влькана великааго кнеза и Растька, послѣди же нареченааго Савоу, прьвааго архиѥпископа срьбьскаго. Сь же брата своѥго Стефана вѣньча на кралѥвьство. Стефань же краль роди .д. сыны· Радослава, Владислава, Стефана, Предислава. И Стефань оубо наречень бысть Оурошь вь прѣдѣда своѥго, и сь ѥсть храпавыи краль. Сь же роди два сына· Стефана и Милоутина, баньскаго кралꙗ. Миское разрушеніе. Бяше же сей Ликиній далматцкій господинъ, родомъ сербинъ, и роди отъ Константіи сына, отъ негоже по колѣномъ ихъ мнози изыдоша даже до Бѣлооуроша, иже роди Тѣхомила, Тѣхомилъ же роди Неманѧ, иже есть свѧтый Симеонъ мироточець [1]). Симеонъ роди 3 сыны: Стефана перво || вѣнчаннаго краля Сербскаго и Волкана великаго князя Босонъзѧтіи и Холмъской землѣ, и Растька, иже бысть [2]) Сава архіепископъ Сербскій первый [3]). Стефанъ же краль, сынъ Симеоновъ, роди 4 сыны: Радослава, Владислава, Стефана, Предислава. И Стефанъ оубо нареченъ бысть Оурошъ во имя прадѣда своего; се же есть и Храпавый краль. Предиславъ же, четвертый [4]) сынъ Стефановъ, поревновавъ дѧде своему свѧтому Савѣ, бысть мнихъ и нареченъ Сава, во всемъ же бысть подобенъ стрыю своему [5]), и по свѧтѣмъ Арсеніи бысть третіи архіепи-

1) вм. «мироточецъ»: «иже оутверди православіе и ереси отогна».
2) вм. «бысть»: «нареченъ бысть во иноческомъ образѣ».
3) словъ «архіепископъ... первый» нѣтъ.
4) вм. «четвертый»—«третій».
5) еще: «святому Савѣ».

Digitized by Google

лоутинь роди Коньстаньтина и Стефана Дечаньскаго. Дечаньскыи же роди два сына· Доушьмана и Доушаноу. Сь Доушана прѣстоупи прѣдѣлы отьць своихь и поставлѧѥть се самовластьно царь. И роди сына Оуроша и Оурошь не има дѣти и оста безь памети лоза та».

скопъ Сербской землѣ [1]). Стефанъ же, иже и Оурошъ и Храпавыи краль, роди два сына: Стефана и Милутина, Банскаго краля. Милутинъ роди Стефана Деченскаго и Константина [2]). Стефанъ же Деченскій [3]) роди два сына: Душмана и Душана. Сей Душана преступи предѣлы отецъ своихъ и поставляется самовластно царь, и роди сына Оуроша. И Оурошъ не имѣ детей, оста безъ памяти лоза. Стефанъ же Оурошевъ, Храпавого краля сынъ первый [4]), роди два сына [5]): Владислава краля и Оурошица. Толикъ же бывъ в добродѣтелехъ Оурошица, ако отъ гроба его миро истекаетъ [6]).

Остановимся пока на этихъ выдержкахъ. Какъ видно, почти всѣ отмѣченныя дополненія Хронографа представляютъ собою такія историческія детали, которыя очевидно были заимствованы составителемъ Хронографа изъ какого-нибудь историческаго памятника. Что касается начальныхъ дополненій по византійской исторіи, то источникомъ ихъ служитъ этотъ же самый Хронографъ: составитель взялъ ихъ сюда: 1) изъ статьи «Царство 42 в Римѣ Консты Зеленаго» (по ред. 1512 г. гл. 118), гдѣ чи-

1) «Серпьскій» вм. «Сербской землѣ».
2) «Коньстаньтина и Стеѳана Деченьскаго».
3) «Деченьскій»—нѣтъ.
4) «первый сынъ».
5) «сына два».
6) еще: «Стеѳанъ же отецъ его скончався в лѣто 6825».

Digitized by Google

таемъ: «Пріиде же слухъ до законныя жены Констины Феодоры, дщери Еркуліевы, отъ нея же имѣяше три отроки: Констянтина, Анавалиѧна, Далматиѧ и дщерь Константію...» (л. 78) и 2) изъ статьи «О Ликиніи мучители», гдѣ читается: «Великіи же Константинъ постави в Никомидіи Ликиніѧ кесарѧ» (л. 84 об.; Хр. 1512 г. гл. 119). Гораздо труднѣе точно опредѣлить другой источникъ, изъ котораго составитель Хронографа бралъ дальнѣйшія дополненія, касающіяся сербской исторіи. Но въ общемъ, кажется, не будетъ большой ошибкой предположить, что то были (по крайней мѣрѣ въ первоначальномъ своемъ источникѣ) сербскіе Лѣтописи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ сербскихъ Родословахъ и Лѣтописяхъ встрѣчаются какъ разъ мѣста, сходныя съ отмѣченными выше дополненіями Хронографа. Такъ, въ напечатанныхъ въ Гласникѣ (кн. 53) Стояновичемъ «Српски родослови и летописи» мы между прочимъ читаемъ: «Подобьно есть вьспоменоути и о срьбскои земли...» (стр. 1) «Вь нихь же ꙗви се великыи отьць нашь и прьвыи свѣтильникь тоѥ землѥ, светыи Симеонъ Неманꙗ, новыи мироточьць, оутврьдивь православиѥ, потрѣбивь ѥреси своѥго отьчьства срьбскыѥ земли. Роди же и сыны .г҃. Стефана Првовѣньчанааго кралꙗ и Влькана, кнеза вьсои зети и Хльмскои земли, и светааго Савоу, прьвааго архиепископа.....» (стр. 2; а въ Лѣтописи, на стр. 46: «сь же Стефанъ Неманꙗ сь соупроужьницею своею Аньною роди три сыны....». См. ниже въ «Родосл. серб. цар.», напеч. Сретьковичемъ въ Гласн., кн 21, стр. 234—5). «....Прѣдиславь же сынь прьвовѣнчаннааго кралꙗ Стефана, топлою вѣрою разгорѣвь се и божьстьвьнныимь светааго доуха распаливь се огнѥмь, и вьса краснаꙗ вѣка сего ничьтоже вьмѣнивь, изволи иночьскоѥ житиѥ. Послѣди же поставлꙗѥть се архиѥпископомь вь своѥмь отьчьствѣ по светомь Арсении, третии по светомь Савѣ стрии своѥмь, и ть же Сава наречень бываѥть и вь вьсемь подобьнь бысть стрию своѥмоу. Стефань Оурошевь сынь... Роди же сына два, Владислава кралꙗ и Оурошица́. Ть же Оурошьць свѣтло и вѣрьно поживь вь благочьстии коньчиноу приѥмь и

гробоу прѣдаѥть се.... и благодатию светааго доуха мѵро изливаѥть, ꙗко же ѥсть вѣдомо вьсѣмь...» (стр. 5—6). См. также въ Споменикѣ кн. III, стр. 94—95.

Такимъ образомъ эти справки даютъ намъ возможность заключить, что въ рукахъ составителя Хронографа были, повидимому, какія-то сербскія лѣтописи, изъ которыхъ онъ дѣлалъ дополненія въ родословную часть Житія Стефана Лазаревича. Съ другой стороны, это сопоставленіе показываетъ намъ, что хотя текстъ Житія лучше сохранила именно югозападная редакція хронографа, но одной ею онъ все-таки не исчерпывается, а этимъ, слѣдовательно, еще разъ подтверждается предположеніе о важности обѣихъ этихъ редакцій для возстановленія первоначальной.

Второй рядъ дополненій въ Житіи Стефана Лазаревича представляетъ собой также историческія подробности, но источникомъ ихъ былъ русскій памятникъ. Таковы, именно, дополненія въ статьѣ «О Темирѣ....» (гл. 202. Изб. Попова, стр. 64—66): 1) фраза «и сего ради Аксакъ нарицаемъ»; 2) «ухващенъ бываетъ Турскый царь Баозитъ, его же въ желѣзной клѣткѣ съ собою возяше»; 3) «Бысть же сія брань въ лѣто 6911»; и 4) довольно большая вставка о нашествіи Темира на Россію и чудесное спасеніе отъ иконы Владимірской Божіей Матери («Пріятъ и Асирію... чюдо Пречистыя»). Но обращаетъ здѣсь на себя вниманіе и сравнительно большая отдаленность отъ текста Житія и остальныхъ мѣстъ этой статьи. Вставки, особенно послѣдняя, заставляютъ обратиться къ русскимъ источникамъ. Среди собственно лѣтописныхъ извѣстій эти мѣста встрѣчаются, но врознь и не всѣ (П. С. Р. Л. т. VI, 125—8 и VIII, 65—7, 254), цѣликомъ же (но не подрядъ) они встрѣчаются въ отдѣльной русской Повѣсти о Владимірской иконѣ Божьей Матери, въ той, именно, особой ея редакціи, которая дошла до насъ въ Древнемъ Лѣтописцѣ и 1-й части Степенной и позднѣе напечатана въ Приложеніи къ XI т. П. С. Р. Л., стр. 243—254. Сравненіе текстовъ положительно убѣж-

Digitized by Google

даетъ, что не только указанныя отдѣльныя мѣста, но и весь разсказъ о Темирѣ взятъ составителемъ Хронографа изъ этой повѣсти. Вотъ чѣмъ объясняется и сравнительно бо́льшая удаленность отъ текста Житія и прочихъ мѣстъ этого разсказа. Но что побудило составителя Хронографа перемѣнить и весь источникъ этого разсказа? Конечно, прежде всего то обстоятельство, что въ данномъ мѣстѣ Повѣсти онъ встрѣтилъ тотъ же текстъ Житія Стефана Лазаревича, который былъ у него подъ рукой, но съ интереснымъ для него распространеніемъ. Но нельзя ли еще предположить, что самая эта Повѣсть появилась незадолго до возникновенія Хронографа и была составлена если не самимъ редакторомъ Хронографа, то въ его ближайшей средѣ? На это указываютъ между прочимъ встрѣчающіяся въ Повѣсти хронографическія параллели: «якоже древніи злочестивіи царіе Максиміанъ и Діоклитіанъ и Декій и законопреступный Уліанъ» (стр. 248), «вспоминающе Ниневгитъское покаяніе и Израильтьскыхъ царей Іезекіа и Манасіа» (249), «якоже древній фараонъ, емуже Богъ ожесточи сердце постигнути Іизраиля» (253), «яко при Езекіи царѣ Сенахиримъ царь Асирійскій прінде на Іерусалимъ ратію» (254) и еще нѣкоторыя; указываетъ на это и языкъ Повѣсти, сходный съ языкомъ Хронографа и въ общемъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ, вродѣ «мечъ всѣдный» (ср. въ Хрон. «адъ всѣдѣцъ»), «даша ему мѣсть варенъ» (ср. въ Хрон. «гроздъ мѣсть точащій, гл. 1 и 146) и др. А въ такомъ случаѣ вполнѣ естественно, что составитель Хронографа, имѣя уже въ рукахъ эту ранѣе продѣланную работу надъ текстомъ Житія, прямо и замѣняетъ имъ въ данномъ мѣстѣ Житіе. Но въ самомъ концѣ этого разсказа, начиная со словъ «Сынъ же сего Темира...», онъ опять обращается къ тексту самого Житія.

Наконецъ третій рядъ дополненій — чисто литературнаго характера. Но нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ онѣ характерны для личности автора — составителя Хронографа. Это, именно, дополненія, встрѣчающіяся въ

Digitized by Google

статьѣ «Царство Сербское и о запустѣніи его» (гл. 206): 1) послѣ словъ: «но и западный Угорскій краль къ царствующему граду прінде» въ Хронографѣ прибавлено: «глаголю же презмѣному и великому Бѣлуграду»; 2) вмѣсто словъ изъ пр. Захарія: «...разверзи Ливане двери своя и поясть огнь кедры твоя и аште и не орль...» и т. д. въ Хронографѣ читаемъ: «разверзи Бѣлъградъ двери своя и п. о. к. т., сирѣчь высокам и первожителя твоя»; подобная же вставка и далѣе, въ словахъ пр. Іереміи: «рыдати новаго Сіона [Бѣлграда] запустеніе»; 3) вмѣсто словъ «домъ сестры тьзоименитаго до основанія разори», въ Хронографѣ: «д. с. Стефановы деспота до основанія разори и бысть ако прахъ»; также еще ниже, послѣ слова «деспоту» вставлено: «Гургу»; и наконецъ 4) нѣтъ въ другихъ спискахъ Житія всего конца этой хронографической статьи: «Се же знаменіе бысть не точію единаго Бѣлграда ради, но и послѣдующаго ради запустенія всея земля Сербьскыя, иже не по мнозѣ бысть отъ безбожныхъ Турокъ, въ нихъ же царь Амуратъ, иже и много грады Сербьскія поплѣни и покори, Богу тако попустившу грѣхъ ради нашихъ».

Въ своей статьѣ о русскихъ Хронографахъ (Ж. М. Н. Просв., 1904 г. № 1) я присоединился къ мнѣнію А. А. Шахматова о сербскомъ составителѣ Хронографа: данныя дополненія въ хронографической редакціи Житія еще разъ подтверждаютъ вѣрность этого предположенія. Очевидно, только сербъ могъ быть заинтересованъ и въ дополненіяхъ родословія сербскихъ деспотовъ изъ особаго сербскаго источника, а тѣмъ болѣе въ этихъ мелкихъ вставкахъ съ лирическимъ оттѣнкомъ. Видно, что для автора этихъ дополненій Сербія и въ частности Бѣлградъ были роднымъ мѣстомъ, родной страной, бѣдствія которой болью отзывались въ его сердцѣ. Покинувъ отечество, отдавъ свои силы на служеніе культурѣ другого народа, онъ при первомъ же представившемся случаѣ старается удовлетворить требованія своего нравственнаго долга предъ отечествомъ тѣмъ, что посвящаетъ ему добросовѣстный очеркъ его исторіи. И

Digitized by Google

дѣйствительно, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ русскомъ Хронографѣ — сербской исторіи (ср. напр. съ болгарской) отведено слишкомъ много мѣста.

На другое отраженіе текста Житія указалъ Григоровичъ въ такъ называемомъ «Царственникѣ и Родословѣ» (Изв. II отд. Ак. Н., т. VII, стр. 221). Какой тутъ Царственникъ имѣлъ въ виду Григоровичъ—самъ онъ никакихъ указаній не далъ, но кажется опредѣленно можно сказать, что это именно тотъ Царственникъ, которымъ пользовался въ своей «Исторіи разныхъ славенскихъ народовъ...» І. Раичъ (ч. III, Будимъ, 1823). Сохранилась ли гдѣ сама рукопись—мнѣ неизвѣстно, но Раичъ далъ изъ нея такъ много выдержекъ, что по нимъ можно составить вѣрное въ общемъ представленіе объ этомъ памятникѣ. Разсмотрѣть же его здѣсь особенно необходимо въ виду того, что внесенный сюда текстъ Житія Григоровичъ опредѣлилъ какъ «третью» редакцію, которая «вошла въ Хронографы и въ Никоновскую лѣтопись»: неясны здѣсь отношенія Царственника и Хронографа (въ Никоновской лѣтописи текстъ хронографическій), т. е. пользовался ли какой-нибудь одинъ изъ нихъ другимъ, или оба самостоятельно пользовались третьимъ источникомъ? Сличеніе выдержекъ Раича съ текстами Житія и Хронографа дало опредѣленный отвѣтъ, что въ Царственникѣ заключается хронографическій текстъ Житія. Встрѣчаются тамъ, впрочемъ, лишки сравнительно съ текстомъ Хронографа[1]), но они—явныя вставки,

---

1) Такъ напр. 1) «Сей Неманя приходитъ отъ Захлуміе въ свое отечество Рассу въ Церковь святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и ту пріемлетъ крещеніе рукою Всеосвященнаго Епископа Рашкаго Кириъ Леонтіа, беше же тогда возрастомъ лѣтъ тридесеть» (ч. II, стр. 403); 2) «Паки да скажемъ о великомъ Кнезе Лазари, отцѣ Стефановѣ, егоже отечество градъ Прилепъ. Сія тако обыкоше саписателіе закрывати, обаче обрѣтаетсе истинно, яко сынъ бысть Царя Стефана, зачелъ его съ нѣкоею княгинею, и въ Царскихъ воспиталъ его, и научивъ благочастію и премудрости, и тако Божіимъ судомъ бываетъ Самодержецъ, и Великій Кнезь» (Цар., гл. 209; Раичъ, ч. III, 6. Почти буквально такая же вставка встрѣчается въ 101 гл. Хронографа письма XVIII в. Синод. библ. № 580/458, л. 216, и сходнымъ съ нимъ сербск. Житомислицкомъ

Digitized by Google

такъ какъ этихъ мѣстъ нѣтъ и въ Житіи Стефана Лазаревича. Повидимому этихъ вставокъ въ Цароставникѣ было много, какъ это можно судить отчасти по нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ Исторіи Раича, въ основѣ которыхъ лежалъ явно одинъ Цароставникъ, отчасти же по такому, напр., его собственному выраженію (которое Раичъ приводитъ въ ковычкахъ): «О милостыняхъ его тако повѣствуютъ Исторіи наши...» (гл. 209, стр. 135; у Раича стр. 111), и здѣсь текстъ дѣйствительно распространенъ сравнительно съ Хронографомъ и Житіемъ.

Что въ основѣ этого Цароставника лежитъ русскій Хронографъ, это, наконецъ, ясно изъ самого описанія, какое даетъ ему Раичъ въ указателѣ источниковъ своей Исторіи: «Цароставникъ, у нѣкихъ Троадникъ, древній Сербскій рукописъ Ауктора безименнаго, въ коемъ чрезъ главы или зачала описана Царства: Сербское, Греческое, Болгарское и Россійское Славенски» (ч. I). Ближайшее опредѣленіе этого памятника мы находимъ у Шафарика, который въ своемъ обзорѣ источниковъ сербской литературы отмѣчаетъ, что упоминаемый у Раича Цароставникъ тожественъ съ Верхобрезницкимъ Хронографомъ (№ 29; Gesch. d. Südsl. Lit. III, 1, 236 по изд. 1865. Сперанск. Серб. Хронографы. Варшава, 1896); на это же сходство указываетъ и А. Майковъ (Ист. серб. яз. М. 1857, стр. 50—51, примѣч.). А Верхобрезницкій Хронографъ, какъ это очень вѣроятно доказалъ Шахматовъ, въ основѣ своей восходитъ къ русскому Хронографу ред. 1512 г. (чрезъ сербскую редакцію въ такихъ Хронографахъ, какъ Реметскій, Житомислицкій[1]) и под.), а въ нѣкоторыхъ изъ дополненій—къ русскому же Хронографу юго-

---

хронографѣ 1684 г., напечат. въ Гласн. XXXII, с. 270); или напр. 8) «Къ симъ проситъ (Султанъ Баязитъ) у великія Княгини Сербскія меншую дщерь ея Саломію, рекомую Оливеру» (ibid. с. 79): въ Хронографѣ нѣтъ имени «Саломія»; и др.

1) Житомислицкій Хронографъ, по свидѣтельству арх. Дучича, также подписанъ: на первомъ листѣ «Цароставникъ», а въ концѣ «Троjадник» (Гласн. XXXII, с. 289).

Digitized by Google

западной редакціи (Къ вопросу о происх. Хроногр. Сборн. Ак. Н., т. 76, стр. 11—12). А разъ въ Цароставникѣ были заимствованія изъ русскаго югозападнаго Хронографа, то, слѣдовательно, этотъ «древній сербскій рукописъ» не могъ быть древнѣе конца XVI столѣтія, а всего вѣроятнѣе былъ не раньше нач. XVII столѣтія.

Такимъ образомъ ясно, что сербскій Цароставникъ заимствовалъ текстъ Житія Стефана Лазаревича изъ русскаго Хронографа.

Наконецъ, изъ Хронографа же отрывки Житія Стефана Лазаревича, именно разсказъ «объ Амуратѣ царѣ» (напечатано у Сахарова, въ Сказ. русск. нар., т. II и въ Никон. лѣт., т. XI, подъ 1389 г.) попали въ описаніе путешествія въ Царьградъ Игнатія Смольнянина. Я не буду приводить доказательствъ, такъ какъ источникъ этотъ былъ указанъ уже Поповымъ (Обз. Хрон., II, 50—51), и провѣрка вполнѣ подтвердила это его указаніе.

Въ Гласникѣ, кн. X, стр. 342 указывается еще на одно проложное Житіе Стефана Лазаревича, находящееся въ сербскомъ пергаменномъ прологѣ XV вѣка въ библ. Попечит. Просвѣщ. въ Београдѣ: «Мѣсеца сего (Іюля) 19 день концъ житиꙗ врѣменнаго приѥть благочьстивыи и х[ри]столюбивіи господинь срьблѥмь и множаѥ деспоть стѣфан вь лѣто ѕц҃ле». Но что это за текстъ — не указано.

Такимъ образомъ, существуютъ три редакціи Житія Стефана Лазаревича. Первая редакція представляетъ собою почти точную копію труда Константина Костеньчскаго и дошла до насъ въ двухъ изводахъ: сербскомъ (списки изданія Ягича: Новороссійскій и Богишича) и русскомъ (списокъ Кирилло-Бѣлоозерскій). Вторая редакція, въ общемъ полная, но съ значительными измѣненіями и дополненіями, возникла въ Сербіи приблизительно въ срединѣ XV вѣка и редакторомъ ея былъ, повидимому, уче-

Digitized by Google

никъ Константина дьякъ Владиславъ Граматикъ (списокъ, принадлежавшій нѣкогда Григоровичу, гдѣ-то затерялся, но остались выписки изъ него въ соч. Григоровича «О Сербіи...»). Третья редакція — краткая и возникла въ Россіи въ XV ст., но послѣ уже составленія Хронографа, повліявшаго на эту редакцію (списки: Троицкій, изд. Поповымъ, и Новороссійскій, изд. Шафарикомъ). Изъ отраженій Житія въ другихъ литературныхъ памятникахъ наиболѣе крупнымъ является текстъ этого Житія въ русскомъ Хронографѣ; это заимствованіе сдѣлано по списку полной редакціи русскаго извода; редакторомъ же его былъ очевидно сербъ. Затѣмъ, уже чрезъ русскій Хронографъ текстъ Житія попалъ въ такъ называемый сербскій «Царославникъ» (отрывки его напечатаны въ Исторіи Раича) и, наконецъ, изъ Хронографа же небольшой сравнительно отрывокъ этого текста былъ помѣщенъ въ описаніе путешествія Игнатія Смольнянина.

С. Розановъ.

Спб. 1906 г. 7 марта.

Digitized by Google

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій кн. А. Д. Кантемира[1]).

(Продолженіе).

Перейдемъ прежде всего къ одамъ, принадлежащимъ, несомнѣнно, перу А. Кантемира; мы увидимъ, что, несмотря на собственное неоднократное признаніе въ неумѣніи слагать пышныя похвалы[2]), нашъ сатирикъ не разъ пробовалъ свои силы въ этой области, совершенно несвойственной ни его литературному дарованію, ни личному темпераменту.

Въ рукописи съ помѣтками автора находимъ слѣдующія «Примѣчанія на оды»[3]).

На оду первую.

Ода сія писана латинскими стихамі и отъ учениковъ академической школы поднесена Імператрице в' день Ея Величества рожденія в' 1731 году. Авторъ нашъ ее на стихи переложилъ с' руского готового переводу и, желая по близку держатся словъ первоначального, не прилѣжалъ, чтобъ стихи были равносложенные: что потому не безплодно случилось, что в' сей оде включены почти всѣ различные роды стиховъ, кои на рускомъ стихотворстве употреблять можно.

---

1) См. «Извѣстія», кн. I, стр. 177—217. — На стр. 179, строк. 7—8 снизу, вкралась ошибка; слѣдуетъ читать не *шесть*, а *пять* списковъ, что явствуетъ изъ послѣдующаго изложенія.

2) См. оду «Елисаветѣ Первой» и «Рѣчь Аннѣ Іоанновнѣ». Сочиненія, т. I, стр. 4—5 и 304—306.

3) На этихъ листахъ помѣтокъ Кантемира нѣтъ.

Digitized by Google

На вторую оду.

Одержанные россискимъ войскомъ побѣды в' 1736 году, такъ на Дону, какъ в' Крыму и Кубани, подали причину сей оды, которая отъ автора из' Лондона к' пріятелю К. А. М. Ч. [1]) в' С.-Петербугъ послана. Такъ надписана была: Аннѣ Іоанновнѣ, августѣйшей императрицѣ и самодержицѣ всероссиской на взятіе Азова и благопоспешеніи ея величества оружія надъ татары в' Крыму и Кубани, побѣдная пѣснь отъ всеподданнейшаго Ея раба К. А. К.

Стихотворецъ нашъ начинаетъ описаніемъ Ея Им. вел. славныхъ дѣйствъ в' полской войнѣ и в' той, которая отъ полской в' Германіи и Італіи взгорѣлася; потомъ слово сводитъ к' осадѣ и взятію Азова.

На третію оду.

Оду сію в' похвалу Петра великого писалъ в' 1735 году [2]), на карабле ѣдучи изъ Голандіи в' Англію. В' оной коротко всѣ сего імператора чудные дѣла заключилъ, приуподобляя его богамъ древности, к' Аполлону, богу наукъ.

На четвертую оду.

В' сей одѣ авторъ нашъ описываетъ злобно-лукавого человѣка. Сочинена в 1735 году.

На шестую оду.

Ода сія писана в' Москвѣ в' 1732 году послѣ второй сатиры [3]).

Изъ указываемыхъ въ этихъ примѣчаніяхъ одъ въ данномъ спискѣ сохранилось лишь слѣдующее: значительный отрывокъ первой оды и, полностью, ода шестая или, быть можетъ, пятая; въ виду неопредѣленности примѣчанія на шестую оду и полнаго отсутствія указаній на пятую, выяснить этотъ вопросъ затруднительно.

Въ разсматриваемой рукописи шестая ода не имѣетъ заглавія; въ списокъ же Академіи Наукъ вошла какъ «Пѣснь IV. Въ похвалу наукъ» [4]). Четвертая ода также извѣстна подъ назва-

1) Т. е. князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому.—См. Л. Н. Майковъ. «Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира». Спб. 1903 г. Письма Кантемира, отъ 1-го окт. 1736 г. и 18-го янв. 1737 г., и письмо кн. Черкасскаго, отъ 21-го дек. 1736 г.

2 и 3) Года указаны, очевидно, ошибочно, ибо 1) Кантемиръ ѣхалъ черезъ Голландію въ Англію въ 1732 г.; 2) вторая сатира относится, какъ извѣстно, къ началу 1730-го года. (См. изъясненія» на I и II сат.; печ. изд., т. I, стр. 195 и 214).

4) См. печ. изд., т. I, стр. 311.

Digitized by Google

ніемъ пѣсни [1]) и снабжена примѣчаніемъ, тожественнымъ съ вышеприведеннымъ [2]).

Приводимъ нигдѣ еще не напечатанный отрывокъ первой оды.

Колико же кормчій матроза честнѣйшій,
Колико воина есть изящнѣйшій,
Надъ храбростью толико
Мудрость нѣчто велико.

* * *

Грековъ противъ римска былъ всего защититель
Войска Архимедъ одинъ, дивныхъ вымыслитель
Орудій, поразивъ
Войско и превративъ
Въ пепелъ, въ прахъ флотъ воздушнымъ
Огнемъ, уму послушнымъ;
Хитростію и совѣты,
Оружіе и навѣты
Воспятивъ сопротивныхъ,
Въ мужествѣ, въ дѣлѣ дивныхъ.

* * *

Сего для Музы всегда любимы, почтенны
Бывали тѣмъ, которы лучшимъ одаренны
Свыше разума свѣтомъ.
Есть бо уму врожденно
Науки искати, которыхъ совѣтомъ
И дѣйствомъ свирѣпство народъ усмиренно
Много бываетъ, и тѣми правы
Насаждаются, намъ въ пол'зу, нравы.

* * *

Тѣмъ однѣ разители мудрости блаженны:
Хоть и таковыхъ не нѣтъ, которы разженны
Ненавистью, на нее зрятъ злыми глазами
И продерзствомъ безумнымъ; если бъ учинити
Можно было, готовы (злобны суще сами)
И саму добродѣтель вдругъ искоренити;
Которы всезлобными терзаютъ зубами
Всѣхъ дѣла, кромѣ своихъ; тѣ токмо хвалити

1) См. печ. изд., т. I, стр. 310.

2) Ibid., стр. 316. Различіе заключается въ замѣнѣ словъ «одѣ авторъ нашъ»—словами: «пѣснѣ стихотворецъ».

Digitized by Google

Обыкши, завистью всегда изумленны,
Любовью къ единымъ себѣ наполненны.

* * *

Но егда конь доброродный,
Иже въ смѣлости блистаетъ,
Или цинтія пресвѣтла,
Краса и утѣха ночи,
Смотритъ на то, что съ (с)всей мочи
Ярящійся песъ въ вѣтръ лаетъ?

* * *

Невредимо пребываетъ
Все, что мужественно, честно,
Благо, истинно, не лестно;
Яко же вдавшася [1]) въ море
Камениста гора валы,
Возвышающися горѣ
Съ стремленіемъ, и не малый
Ужасъ съ собою влекущи,
Силны вѣтры, всѣ гнѣвъ сущи,
Ни во что тверда вмѣняетъ.

* * *

Видѣлъ я многихъ и неоднократно,
Которые въ старость достигше глубоку,
Горкіе слезы съ вздыханіемъ лили,
Что оныхъ лѣта глупо провожденны,
И: «о, дай, Боже, видѣть возвращенны
Мнѣ мои лѣта!»—умилно вопили;
Видѣлъ потерю мнящихъ ту жестоку,
Когда ужъ время стало невозвратно.

* * *

Отсюду безсмертная хвала и велика
Тебѣ слава пристоитъ, о Анна; толика
Пространство, імперія яже, управляешъ
Праведными законы и щасливо знаешъ,
Державствуя, добрые вводить в' народъ нравы,
Добродѣтели въ себѣ дая образъ здравый.
Долженствовать всякъ тебѣ здравіе согласно

---

1) Въ рукописи «вдавшаяся», причемъ буква *я* зачеркнута.

Digitized by Google

Свое исповѣдуетъ; и миръ цвѣтетъ красно
Всепріятный при тебѣ, миръ единъ надъ многи.

Стих. 88 рукопись обрывается.

Ода «Въ похвалу наукъ» въ данномъ спискѣ тожественна съ извѣстнымъ уже ея текстомъ; различія совершенно мелочныя.

Напечатано:	Въ рукописи:
Ст. 4.	
Заблуждалъ жизни въ мракъ *безлуной* ночи	. . . *безлучной* ночи
Ст. 21.	
Рѣчь хотя тиха, *честнымъ* ушамъ внятна	. . . *чистымъ* ушамъ
Ст. 67.	
Мудрость обильна, свиту многолюдну	*Оттоль* обильна . . .

Предпослѣдняя строфа оды въ цитируемой рукописи опущена.

Въ приведенныхъ нами примѣчаніяхъ нѣтъ указанія на оду или «Рѣчь къ имп. Аннѣ Іоанновнѣ», которая дошла до насъ во многихъ спискахъ; самая ода въ данной рукописи также не встрѣчается, какъ нѣтъ ея и въ рукописи Акад. Наукъ. Такимъ образомъ, «Рѣчь» сохранилась лишь въ спискахъ съ первоначальной редакціей пяти сатиръ, и въ большинствѣ рукописей ею начинается сборникъ произведеній Кантемира.

Въ текстъ ея, изданный г. Ефремовымъ, можно внести нѣсколько существенныхъ поправокъ; интересны также нѣкоторыя ненапечатанныя примѣчанія.

Напечатано[1]:	Должно быть:
Ст. 35.	
Не знаешь ли ты, смѣльчакъ, *уже* безпокойный	*уме* безпокойный
Ст. 39—44.	
Вѣдь тутъ нечего писать, *что было* утѣшно,	*чтобъ было* утѣшно

1) См. т. I, стр. 304—307.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:	Варіантъ[1]):
Къ чему и *мысль* и перо твое скольнитъ спѣшно;		Къ чему и *смыслъ* . . .
И къ хвалѣ той *негоденъ* *стиль* твой подлѣйшій,	. . . *негоденъ слабъ* *стиль* твой подлѣйшій	
Для *воли* такой Атласъ потребенъ сильнѣйшій;	Для *вами* такой . . .	
Виргилій, да и тому *надобно подумать*,	. . . . . *надобно бъ* подумать	
Что достойное для сей Августы придумать.	*Что бъ* достойное . . .	
Ст. 49.		
Не *скоро осмѣлился*, сказать не стыжуся	Не *скоро бъ осмѣлился*,	
Ст. 51.		
Похѣбство не любитъ та	*Похѣбства* не любитъ та	
Ст. 63.		
Не *однако же безъ* . . . *молчати*	Но *однакожъ безбѣдный* *молчати.*	

Напечатано:	В а р і а н т ы:			
Ст. 54.				
Дѣла *той* многимъ царямъ въ образъ *можетъ* дати	Дѣла *твои*... *можешь* дати [2])	Дѣла *той*... *можешь* дати [3])	Дѣла *ея*... *могутъ* дати [4])	Дѣла *та*... *можетъ* дати [5]).

Наиболѣе правильнымъ намъ кажется 2-ой варіантъ; 1-ый и 3-ій ошибочны по размѣру, а 4-ый не ясенъ по смыслу.

Дополненія къ примѣчаніямъ таковы:

---

1) Q. XIV. № 19, O. XIV. № 2 П. Б., № 2008 Пог. Собр. (П. Б.); № 17. 5. 14 Акад. Н.; № 233 Спб. Дух. Ак.; Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз. (О-во Люб. Др. П.); № 902, № 639 Рум. м.; № 357 М. арх. мин. ин. д.

2) Q. XIV. № 19, П. Б.; № 2008 Пог. Собр. (П. Б.); № 17. 5. 14 Ак. Н.; № 902, № 639 Рум. м.; № 357 М. арх. м. ин. д.

3) Q. XIV. № 5, Q. XIV. № 6, O. XIV. № 2 П. Б.; № 233 Спб. Дух. Ак.

4) № 2161 Библ. гр. Уварова.

5) № 2162, ibid.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:
Примѣч. къ ст. 3 [1]:	
...больше *и* быть не можетъ . . . . . подчиненнымъ къ исправленію *и* полезное.	больше *ино* быть не можетъ . . . . . .къ исправленію *изъ* полезное.
Ст. 26. Т. е. надобно, чтобъ не послѣдній былъ стихотворецъ.	Т. е. надобно . . . Фебусъ называется Аполлонъ, богъ наукъ, котораго описаніе смотри въ первой сатирѣ подъ стихомъ 9.
Ст. 27. Стихотворцы трижды вмѣсто многажды употребляютъ.	Стихотворцы . . . такъ напримѣръ Виргилій.
Ст 40. ...рѣчь сія писана послѣ *сатиры. Въ томъ* подражалъ авторъ....	... рѣчь сія писана послѣ *сатиръ и въ томъ* подражалъ авторъ . . . .
Ст. 48. Іовиша-Юпитера.	Іовишъ и Юпитеръ тотъ же первый или, лучше сказать, главнѣйшій язычниковъ богъ: сынъ Сатурновъ, а братъ Плутона, Нептуна и Діаны, отца своего съ неба сбивъ, самъ имъ обладалъ, давъ въ наслѣдіе Плутону адъ, Нептуну воды. Смотри Геральдія исторію боговъ.
Ст. 56: . . . *иноко* онъ слабъ и скуденъ, что гораздо знали Омиръ и Виргилій *и Овидій*; *чрезъ мѣру отъ онаго любима*, такъ что во всей его *Метаморфозисъ* трудно распознать правду.	. . . . *инако* онъ слабъ и скуденъ, что гораздо знали Омиръ и Виргилій, *а Овидій чрезъ мѣру въ него влюбился*, такъ что во всей его *метаморфозисъ*...
Ст. 59. Знать, Аполлонъ *въ разговорахъ* слова свои къ автору поѣхалъ *къ музамъ*.	Парнасъ есть гора въ Фоцидѣ, на которой музы обитаютъ. Знать, Аполлонъ, *выговоривъ* слова свои къ автору, поѣхалъ *съ ними повидаться*.
Ст. 60. Для того, что онъ пѣшъ не ходитъ... но *ѣздилъ* въ коляскѣ, да еще и четыре лошади впрежены, которыхъ имена суть: *Пирокъ*, Еоусъ, *Ефовъ* и *Флегонъ*.	но *ѣздитъ* въ коляскѣ... ...*Пирокъ*, Еоусъ, *Ефонъ* и *Флегонъ*.

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что во *всѣхъ* рукописяхъ передъ текстомъ примѣчанія приводится весь стихъ или часть его, къ которой относится данное примѣчаніе.—Г. Ефремовымъ напечатаны въ такомъ видѣ лишь примѣчанія къ ст. 3-му, 15-му и 56-му (см. т. I, стр. 306—307).

Digitized by Google

Совершенно не напечатаны слѣдующія примѣчанія:

Ст. 7. Лира, т. е. гусли, на которыхъ Аполлонъ, стихотворцевъ богъ, какъ сказываютъ, искусно играетъ.

Ст. 29. Аполлонъ. Смотри объ немъ въ первой сатирѣ въ примѣчаніи подъ стихомъ 9.

Ст. 43. Виргилій. Славный латынскій стихотворецъ, котораго у насъ осталось три книги: Георгика, Буколика и Энеида, изъ которыхъ послѣдняя въ великой во всемъ свѣтѣ цѣнѣ и почтеніи. Смотри объ немъ пространнѣе въ первой сатирѣ подъ стихомъ 39.

Ст. 44. Для сей августы придумать. Древніе греки, когда ихъ [1]) монархія цвѣла, называли императрицъ своихъ августами αυγουστυ; слово же несвойственно греческое, но латынское Augusta, которое по русски сказать можно расширительница или прибавительница. Augusta бо отъ augeo, еже есть прибавляю.

На поляхъ нѣкоторыхъ рукописей находимъ добавочныя примѣчанія; такъ на полѣ около *ст. 22-го* читаемъ: Лексиконъ Мореріевъ подъ именемъ Икара [2]); около *ст. 48-го:* О идольскихъ богахъ, какъ сынъ отца сверзилъ во адъ на владѣніе [3]).

Указавъ поправки къ одамъ, разсмотримъ еще одно произведеніе Кантемира того же типа, а именно, единственную поэму, принадлежащую его перу, носящую названіе: «Петрида». Это неоконченное и неудачное произведеніе встрѣтилось намъ всего лишь въ двухъ [4]) спискахъ; однако, и по нимъ можемъ внести кое-какія мелкія поправки въ напечатанный текстъ поэмы:

Напечатано [5]):	Должно быть:
Ст. 19.	
Требовать *того*: дѣла бо мужа списати.	Требовать *то и* дѣла бо. . . .
Ст. 38.	
Оружіе твое всякъ *раздражитъ* не смѣетъ.	Оружіе твое всякъ *раздражатъ* не смѣетъ.

1) Въ рукоп. № 17. 5. 14 Ак. Н. и № 639 Рум. м.: «оныхъ».
2) Q. XIV. № 5 П. Б. и № 233 Спб. Дух. Ак.
3) № 17. 5. 14 Ак. Н.
4) Q. XIV. № 6 П. Б. и № А IV/3 Спб. Дух. Ак.
5) См. т. I, стр. 297—304.

Digitized by Google

Ст. 45.	
...*затьмъ* непреходну гору [1]).	...*дотолѣ* непреходну гору.
Ст. 48.	
О коль съ Западъ до Востокъ росски стали силы.	*Откол* съ Западъ . . .
Ст. 91.	
Но не терпитъ *уже* мужа сего совершенна [2]).	Но не терпитъ *ужъ* мужа . . .
Ст. 95.	
Вторый солнце имѣетъ отъ *Запада* къ Востоку [3]).	. . . . . отъ *Запад* къ Востоку.
Ст. 166—167.	
Къ *исполненію великихъ* удобну [4]) Изобрѣлъ и се вступивъ въ *страну темну* тую.	Къ *исполненію ему великихъ* удобну Изобрѣлъ и се вступивъ въ *страшну толну* тую.
Ст. 171.	
Странгурію *влекомъ* [5]) вожду въ слѣдъ рыдая.	Странгурію *влекома*...
Ст. 173.	
Уже грозный *первовѣстникъ* [6]) претекъ пропасть бездны.	Уже грозный *первѣстникъ*...

Переходя къ болѣе мелкимъ произведеніямъ А. Кантемира, остановимся прежде всего на басняхъ, которыя до сихъ поръ были извѣстны лишь по одному списку въ окончательной ихъ редакціи [7]). Намъ удалось найти иную редакцію трехъ первыхъ басенъ, повидимому, болѣе раннюю. На это предположеніе насъ наводятъ слѣдующія данныя: 1) въ указываемой ниже редакціи басни встрѣчаются въ рукописяхъ, которыя содержатъ сатиры лишь въ ихъ первоначальномъ видѣ. 2) Въ данномъ текстѣ басенъ не соблюдены правила стихосложенія, выработанныя Кан-

---

1) Недостаточный стихъ.
2, 3 и 6) Неправильный (14-тисложный) стихъ.
4 и 5) Недостаточный стихъ.
7) Рук. Ак. Н., № 32. 6. 6. См. печ. изд., т. I, стр. 326—333.

Digitized by Google

темиромъ за-границей [1]), а именно: замѣчается невѣрное паденіе ударенія [2]), также какъ и во всѣхъ произведеніяхъ *первоначальной* эпохи его литературной дѣятельности. Нѣкоторые стихи неправильны еще и потому, что содержатъ 12 или 14 слоговъ [3]). Всѣ эти недостатки не встрѣчаются въ текстѣ басенъ, извѣстномъ по списку Академіи Наукъ. Наконецъ, 3) въ нашемъ текстѣ попадаются нѣкоторыя характерныя выраженія, обычныя въ первыхъ произведеніяхъ Кантемира, но исчезающія въ позднѣйшихъ. Такъ напримѣръ, въ этихъ басняхъ дважды встрѣчается полонизмъ «мусить» [4]); весь текстъ изобилуетъ славянизмами, какъ: «почто» [5]) «имать» [6]), «бысть» [7]), «зришь», «рече» и т. п.

Основываясь на этихъ данныхъ, мы рѣшаемся утверждать, что найденная нами редакція басенъ является первоначальной и, слѣдовательно, относится къ 1732 г. [8]). Текстъ первой басни: «Огонь и восковой болванъ» [9]) почти тожественъ съ позднѣйшимъ; встрѣчаются лишь мелочныя измѣненія въ формѣ.

Окончат. ред.	Первонач. ред.	
1. Искусный въ дѣлѣ своемъ восколей прилежно		
Трудився, излилъ болванъ, всѣ *вырезивъ* нѣжно . . .	*Трудился* . . всѣ *вырѣзалъ* нѣжно	*Трудяся* . . . . .
7. *Осилъ* жаръ *пламени* воскъ, распользося тѣло	*Осилъ* жаръ *пламенный* [10]) . .	Осиглъ *зной пламенній* [11]) . . .

Нравоученіе же, приложенное къ баснѣ, хотя и аналогичное

---

1) См. «Изв.», кн. I, стр. 215, прим. 1.
2) На 6-мъ слогѣ.
3) См. стр. 108, прим. 2, и стр. 109, прим. 1—4.
4) См. 1-ую ред. I сат., ст. 84 («Изв.», кн. I, стр. 185).
5) Ibid., ст. 108; см. печ. изд., т. I, стр. 192.
6) Сат. III (1-ая ред.), ст. 307; ibid., стр. 236.
7) Ibid., ст. 3; стр. 228.
8) См. ниже, стр. 110.
9) O. XIV. № 2 П. Б. и F. CXXIX Собр. кн. Вяз. (О-во Люб. Др. П.).—Въ первой изъ этихъ рукописей басня озаглавлена: «Огонь и восковая статуя».
10) F. CXXIX Собр. кн. Вяз. (О-во Л. Др. П.).
11) O. XIV. № 2 П. Б.

Digitized by Google

по содержанію, имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ въ окончательной редакціи.

Окончат. ред.	Первонач. ред.
Кто дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ	Исправивъ и основавъ дѣло, свѣту дивно,
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшаетъ	Прилѣжать нужно, чтобъ все, что ему противно,
Отдалять, и что вредитъ, искоренять скоро;	Прекратить, не можетъ бо долго что стояти,
Безъ того его дѣло не можетъ быть споро.	Коли пагубы вину презрилъ скоренати.

Текстъ 2-ой и 3-ей басенъ значительно отличается отъ извѣстнаго до сихъ поръ, почему и приведемъ обѣ басни полностью.

Баснь 2. Пчельная матка и змея [1]).

Змея люта нѣкогда, звѣрь злобнаго нрава,
Вопросила матку пчелъ, еже царска права:
«Почто, рече, ты одна, нося пчелъ корону,
Не имѣешь никую себѣ оборону?
Все скоты вредить могутъ, досаду отищати;
Ты одна терпѣть мусишь, хотя бъ и страдати.
Взыди къ Іовишу въ небо и спроси ти жало:
Никому, вѣрь, лютость такъ, какъ царю, не пристало» [2]).
Пчела, простерши крылья, отъ звѣря лукавна
Отлетѣ, рекъ: «Мнѣ твоя, змие, рѣчь неправна;
Добре богъ образомъ мя царемъ хотѣлъ дати,
Чтобъ, будучи добрыми, какъ злымъ быть—не знати».

НРАВОУЧЕНІЕ.

Злы совѣты правящимъ (продолженія нѣтъ).

Сравнивъ оба текста, мы увидимъ, что въ позднѣйшей переработкѣ размѣры басни разрослись вдвое. Она сдѣлалась значительно тоньше и характернѣе, уничтожены славянизмы и

1) F. CXXIX Собр. кн. Вяз.
2) Неправильный (14-тисложный) стихъ.

Digitized by Google

полонизмы, которыми пестритъ первоначальный текстъ [1]), прибавлены характерныя подробности, напр. ст. 21—22:

«Отъ внѣшнихъ враговъ щитятъ меня мои дѣти,
Внутреннихъ любовь къ моимъ не дастъ мнѣ имѣти».

Баснь 3.

Верблюдъ груботѣлный звѣрь, уродъ той природы,
Въ немъ же память злыхъ живетъ чрезъ многіе годы,
Видѣвъ нѣкогда вола, что лобъ украшенный
Рогми имать, завистью бысть тотъ раздраженный,
Какъ то говоритъ в себѣ: «Столь подлы животный
Такъ красиву имѣетъ, ходя худоплотный,
Защиту себѣ! А я, что могу назватся
Царемъ почти звѣрей, мушу ль тѣхъ лишаться? [2])
Нѣтъ. Потребно да и я красивое тѣло
Умножу тѣми и всѣмъ навожу страхъ смѣло.
Лисица по случаю подслушала рѣчи
И съ притворнымъ учтивствомъ вышла къ нему встрѣчи:
«Господине верблюде (рѣчь тая лукава),
Отъ края до края земли прошла твоя слава [3]),
И подлинно, какъ судилъ, одними ты скуденъ
Толко рогами; на то вѣмъ способъ нетруденъ:
Зришь ли щель сию въ лѣсу? мастеръ обитаетъ
Въ ней, иже рога тотчасъ во лбу водружаетъ.
Всунь голову въ ту дыру, и вскоре, немноги
Хоть претерпишь страхъ, на лбу твоемъ будутъ роги».
Лестный бысть ея совѣтъ, ибо левъ тамъ хищный
Жилъ, но той не дознался, знать умомъ не лишный
Въ главѣ той, что ищетъ роги; лисицы совѣта [4])
Послушалъ, всунулъ голову въ щель, не знавъ навѣта [5]).
Радъ добычи, левъ тотчасъ въ гостя уцѣпился;
Съ ушьми былъ тогда верблюдъ, въ нихъ ногтми влепился.
Тянетъ левъ; узналъ верблюдъ прелесть, стало больно;
Деретъ изъ щели главу, та идетъ не вольно.
Нужно было да главу вынеть оттоль здраву,
Потерять тамъ и уши, не нажилъ рогъ славу.

НРАВОУЧЕНИЕ.

Славолюбцы! васъ поютъ, о васъ басни дѣло;
Верблюжее я нанялъ для украсы тѣло.

---

1) «Еже», «рекъ», «рече», «почто», «змие» и т. д.; «мусишъ» и пр.
2) Недостаточный стихъ.
3) 4) и 5) Неправильный (14-тисложный) стихъ.

Digitized by Google

Кто древо, какъ говорятъ, не по себѣ рубитъ,
То большева не доставъ, малое погубитъ.

Приведенный текстъ 3-ей басни тоже значительно расходится съ позднѣйшей редакціей; безъ измѣненія остались только послѣднія шесть строкъ и нравоученіе.

Относительно данной басни мы можемъ повторить сказанное нами о второй; здѣсь тѣ же славянизмы и полонизмы, та же топорность стиха и тяжелое остроуміе. Окончательная редакція представляетъ значительныя улучшенія; однако, и въ этомъ видѣ басни не имѣютъ литературной цѣнности, будучи интересны лишь по заключающимся въ нихъ политическихъ намекахъ[1]). Самъ авторъ критически относился къ этимъ произведеніямъ, вызваннымъ лишь извѣстнымъ моментомъ; вотъ что онъ говоритъ въ своихъ «Примечаніяхъ на басни»[2]):

«Басни сіи авторъ ихъ весма мало почиталъ, а наіпаче три первые, которые сочинены в' Москвѣ в' 1732 году на скорую руку. Четвертая[3]) писана в' Лондоне в' 1735 году и сначала учреждена была заключить вторую сатиру, но потомъ авторъ отмѣнилъ свое мнѣніе. Пятая[4]) есть простой почти переводъ Гораціевой басни, которою заключаетъ VI сатиру II книги».

Мелкія эпиграммы Кантемира, за исключеніемъ одной[5]), не вошли въ позднѣйшій списокъ[6]). Въ печатномъ текстѣ первой изъ нихъ, помѣщенной впереди сатиръ, мы нашли важную неточность.

---

1) Въ первой баснѣ («Огонь и восковой болванъ») Кантемиръ намекаетъ на необходимость удаленія отъ власти Голицыныхъ; во второй («Пчельная матка и змѣя») заключается намекъ на отношеніе нѣмцевъ къ имп. Аннѣ; въ третьей—злая насмѣшка надъ замыслами верховниковъ и т. д.—В. Стоюнинъ, «Князь Антіохъ Кантемиръ» (статья при изд. соч. Кантемира подъ ред. П. Ефремова), стр. LXX—LXXIII.

2) Автографы П. Б. Отрывокъ изъ рукописи съ собственноручными поправками Кантемира.

3) «Ястребъ, павлинъ и сова». См. печ. изд., т. I, стр. 329.

4) «Городская и полевая мышь». Ibid., стр. 330—331.

5) «Къ читателямъ сатиръ». См. печ. изд., т. I, стр. 336.

6) Рук. Ак. Н., № 32. 6. 6.

Digitized by Google

Напечатано:	Должно быть:
О коль собою бѣдна моя муза! Да *вѣрно*, ума хоть предѣлы узки, Что взялъ *по-польски*, заплатилъ по-русски.	Да *вѣрна;* ума хоть предѣлы узки, Что взялъ *по-галъски*, заплатилъ по-русски.

При нашемъ чтеніи значительно измѣняется и уясняется смыслъ эпиграммы, такъ какъ вторая ея половина дополняетъ первую («занялъ у *француза*»); авторъ вполнѣ опредѣленно указываетъ на источникъ своихъ заимствованій. Форма «по-польски» встрѣчается въ двухъ малоисправныхъ рукописяхъ [1]), такъ что ее можно отнести къ числу тѣхъ же испорченныхъ формъ, какъ «по галански» [2]), «по италски» [3]) и «по гански» [4]).

Во многихъ рукописяхъ находимъ слѣдующее примѣчаніе къ слову «француза»: «У Боало, сатирика французскаго, который много съ Горація имитовалъ».

Вторая эпиграмма тоже носитъ заглавіе «Авторъ о себѣ», опущенное въ печатномъ изданіи; сюда приходится внести лишь незначительную поправку.

Напечатано:	Должно быть:
Кто я *такой*, не скажу, а вотъ мнѣ примѣта.	Кто я *таковъ*, не скажу . . . . .

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ мы встрѣчаемъ еще *третью* эпиграмму, обращенную авторомъ къ себѣ [5]), которая печатается впервые нами.

Авторъ о себѣ. Эпиграмма 3.

Аще и росски пишу, не росска есмь рода;
Не ис подлыхъ родится дала мнѣ природа.

---

1) № 2008 Погод. собр. (П. Б.) и № 17. 5. 14. Ак. Н.
2) № 2655 Рум. м.; Q. XIV. № 5 П. Б.
3) №. 2161 Библ. гр. Уварова.
4) № 2851 Рум. муз.
5) Q. XIV. № 22, O. XIV. № 2, F. XIV. № 3, F. XIV. № 70 П. Б.; F. CXXIX Собр. кн. Вяз. (Общ. Л. Др. П.); № 2655 Рум. м.

Digitized by Google

Трудовъ, бѣдъ житье мое исполнено было,
Ища лучшаго, добро, бывше в рукахъ, сплыло.
Отца, матерь погребохъ в отрочески лѣта,
Хоть могу быть не отецъ, житель бѣдный свѣта.

Принадлежность этой эпиграммы перу Кантемира не можетъ подлежать сомнѣнію, въ виду ея автобіографическаго содержанія, точно указывающаго на жизненныя обстоятельства нашего сатирика. Время написанія эпиграммы неизвѣстно, но полагаемъ, что она относится къ 1729 — 1730 гг., основываясь при этомъ на свидѣтельствѣ самого А. Кантемира, который утверждаетъ, что всѣ эпиграммы написаны имъ «въ Москвѣ послѣ первой и второй сатиры»[1]), а также принимая во вниманіе указаніе автора на свою молодость: «хоть могу быть не отецъ...».

Къ числу эпиграммъ, принадлежащихъ Кантемиру, мы рѣшаемся отнести еще слѣдующее двустишіе, приписываемое обыкновенно Ѳеофилу Кролику[2]).

Ad Lectorem Satyrae.

Si te pungo, tace, quia te non nomino; clamas?
Proditor es nitii (non ego culpa) tui.

Кольнулъ тя? молчи, ибо тя не именую.
Вопіешь? Не я, ты выдалъ свою злобу злую.

На нашъ взглядъ, это обращеніе къ читателямъ приписывается Кролику по недоразумѣнію, вслѣдствіе лишь того, что въ рукописяхъ оно помѣщено непосредственно послѣ его похвальныхъ стиховъ. Содержаніе этого двустишія совершенно не связано съ предыдущимъ стихотвореніемъ Кролика, которое очень стройно заканчивается слѣдующими строками:

«Castalides quid ni, te docta fronte revinctum,
Dicant praesidium dulce decusque Deae!»

---

1) Автогр. Публ. Библ.: «Примѣчанія на Епиграммы» (подр. см. ниже).
2) См. печ. изд., т. I, стр. 24.

Digitized by Google

Эта гармоничная законченность панегирика рѣзко нарушается указаннымъ двустишіемъ; къ тому же совершенно непонятна цѣль Ѳеофила Кролика обратиться какъ бы отъ лица автора сатиры къ оскорбленнымъ читателямъ. Со стороны же самого сатирика такое обращеніе вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ еще одну эпиграмму Кантемира, аналогичную данной по своему содержанію («Сатирикъ къ читателямъ»)[1]).

Затѣмъ, обращаясь къ свидѣтельству современниковъ А. Кантемира, мы имѣемъ основаніе думать, что какъ они, такъ и ближайшіе его потомки считали авторомъ данной эпиграммы нашего сатирика, а не Ѳеофила Кролика, ибо латинское заглавіе въ рукописяхъ переводится слѣдующимъ образомъ: «Сатирикъ къ читателю»[2]), «Той же сатирикъ къ читателю»[3]), «Авкторъ къ читателю»[4]) и т. д. Въ одной рукописи, содержащей лишь первую сатиру (безъ похвальныхъ стиховъ), встрѣчается, однако, данное двустишіе (только порусски) подъ заглавіемъ: «Сатира къ читателю»[5]). Наконецъ, въ одномъ позднемъ спискѣ[6]) встрѣчается слѣдующій порядокъ эпиграммъ:

Сатириковы эпиграммата:

1.

Къ читателю.

Si te pungo . . .

Тожъ.

Кольнулъ тя . . .

---

1) См. печ. изд., т. I, стр. 228.

2) Q. XIV. № 22, F. XIV. № 8, F. XIV. № 70 П. Б.; № 17. 5. 14 Ак. Н.; Q. CXXXVIII О-ва Люб. Др. П.; № 2655, № 2851 Рум. м.

3) № 902 Рум. м.

4) O. XIV. № 2 П. Б.

5) № 1. 1. 22 Ак. Н.

6) № 2161 Б. гр. Уварова: «Достохвальное пяти сатиръ изданіе трудами блаженной памяти и вѣчной славы достойнаго Антіоха Кантемира князя Волошскаго на свѣтъ пущенное въ 1730 и 731 годѣхъ въ Москвѣ».

Digitized by Google

2.

На свое сочиненіе.

Что далъ Горацій . . .

3.

О себѣ.

Кто я таковъ . . .

Сопоставляя всѣ эти данныя, приходимъ къ заключенію, что авторомъ цитированной эпиграммы является Антіохъ Кантемиръ.

Кромѣ перечисленныхъ эпиграммъ, въ двухъ рукописяхъ встрѣчается, «въ прибавокъ» къ сатирамъ, «Эпиграмма о Эзопѣ», въ печатный текстъ которой можно внести незначительную поправку.

Напечатано:

Ст. 3—4.

....*ножечки,* какъ крюки,
....*слушать* нѣтъ скуки

....*ножонки,* какъ крюки [1]).
....*слышать* нѣтъ скуки [2]).

Въ одной изъ рукописей вслѣдъ за эпиграммой помѣщено слѣдующее латинское двустишіе [3]):

Si mihi difficilis formam natura negavit
Ingenium formae domino rependo mea. (?)

Относительно своихъ эпиграммъ Кантемиръ пишетъ [4]):

«Трудно точно означить время сочиненія сихъ епиграммъ, но то извѣстно, что всѣ писаны в' Москвѣ после первой и второй сатиры и то в' разные случаи. В нихъ нѣтъ ничего примѣтнаго, кроме новости своей, понеже до сехъ поръ на нашемъ языке, чаю, епиграммы не писаны».

---

1) О. XIV. № 2 П. Б. и № 2851 Рум. м.
2) № 2851 Рум. м.
3) Ibid.
4) Авт. П. Б. «Примѣчанія на епиграммы».

Digitized by Google

Въ двухъ спискахъ[1]) находимъ переложенія псалмовъ; варіантовъ нѣтъ, но нѣсколько мелкихъ поправокъ въ печатный текстъ можетъ быть внесено.

Psal. 36. Noli omulari malignantibus est.

Напечатано:	Должно быть:
Ст. 1.	
Кто *любитъ* Бога...	Кто *любишъ* Бога...
Ст. 30.	
Будешь *искать*, да не сыщешъ мѣста[2]).	Будешь *искати* . . .
Ст. 97.	
Какъ *каратъ* злобныхъ гнѣвъ Божій жестоко[3]).	Какъ *казнитъ* . . .
Ст. 107.	
Ей же трепещутъ, не *убиютъ* и *казни*[4])	. . . не *убиютъ казни.*

Metaphrasis Psal. 72. Quam bonus Deus Israilew.

Ст. 20.	
Судьбы *близко.*	Судьбы *сблизко.*

Въ нѣсколькихъ спискахъ сочиненій А. Кантемира[5]) встрѣчается упомянутая выше[6]) элегическая «Пѣсня», написанная изящнымъ размѣромъ «аріи на менуэтъ» и проникнутая поэтическимъ настроеніемъ. Встрѣчается эта пѣсня въ двухъ варіантахъ, которые и приводимъ.

Житіе мое неспокойно, а я челнокъ малъ,[7])	Житье мое...[8])

1) Q. XIV. № 6. П. Б.; A$^{IV}/_{8}$ Спб. Дух. Ак.

2) Недостаточный стихъ.

3 и 4) Неправильный (14-тисложный) стихъ.

5) Q. XIV. № 19 П. Б.; Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз. (О-во Люб. Др. П.); № 2162—№ 2163 Библ. гр. Уварова.

6) См. «Изв.», кн. I, стр. 181—182.

7) Q. XIV. № 19 П. Б.

8) Q. CXXXVIII Собр. кн. Вяз.; № 2162—2163 Библ. гр. Уварова.

Digitized by Google

Посреди водъ безнадежденъ; бьетъ отвсюду валъ.
Вѣтры дышутъ ужасны,
Стучатъ громы престрашны;
Пришло погибать. 2.

Нѣтъ надежды мнѣ веселья зрѣть свѣтлы лучи,
Бѣдъ, напастей обступили вкругъ грозны тучи;
Камни грозятъ, то мѣли,
Темней ночи наспѣли:
Свѣта не видать. 2.

Фебъ сокры свои лучи, знать, для мене вѣчно,
И бури мя согласились втопить непресѣчно.
Трещитъ суденко бѣдно,
Но оувы! быти снѣдно
Рокъ злой не пущаетъ. 2.

Охотно бъ я с того моря взадъ возвратился,
Да не въ моей то, ахъ! воли, коль въ то пустился.
Ты, Боже, скончи бѣды!
Даждь впредь жить безъ обиды,
Гдѣ никто вадыхаетъ. 2.

Посреди водъ бѣзнадежень...

Нѣтъ надежды мнѣ веселья видеть свѣтлы лучи,
Бѣдъ, напастей обступили кругомъ грозны тучи;
То камни грозятъ, то мѣли,
Ужъ темны ночи наспѣли

Солнце скрыло лучи свои, знать, для меня вѣчно,
И бури мя согласились мучить бѣзконѣчно.

Но увы! пасти на дно

Охотно бъ я с того моря назадъ возвратился,
Да не въ моей, ахъ! то воли, коль в него пустился.

Въ пристанище мя ввѣди

Выше мы отмѣтили тѣ соображенія, которыя позволяютъ намъ называть Антіоха Кантемира авторомъ данной элегіи; здѣсь прибавимъ въ пользу такого предположенія еще ссылку на біографическія указанія.

Размѣръ пѣсни нѣсколько неправиленъ; намъ кажется, что это обстоятельство можетъ служить подтвержденіемъ той высказанной выше мысли, что данное стихотвореніе относится къ началу поэтической дѣятельности Кантемира; быть можетъ, оно написано еще ранѣе первой сатиры. Явно замѣтное вліяніе Ѳеофана Прокоповича еще болѣе утверждаетъ насъ въ такомъ предположеніи. Подражаніе Ѳеофану сказывается и въ грустномъ настроеніи пѣсни, которымъ такъ часто проникнута лирика знаменитаго проповѣдника, и въ выборѣ формы, которая очень

Digitized by Google

близка къ формѣ одной элегіи Ѳеофана Прокоповича [1]), — и, наконецъ, даже въ риѳмовкѣ, согласно малороссійскому произношенію («бѣды» риѳмуетъ съ «безъ обиды») [2]).

Самый пессимизмъ стихотворенія можетъ быть легко объясненъ, если мы отнесемъ разбираемое произведеніе къ ранней молодости Антіоха Кантемира и припомнимъ его жизненныя обстоятельства того времени. Юноша, воспитанный на передовыхъ идеяхъ петровской эпохи, но не подготовленный еще къ житейской борьбѣ, совершенно терялся, чувствуя себя одинокимъ среди растущихъ реакціонныхъ волнъ. Принужденный бороться за свои матеріальные интересы, сталкиваясь съ придворными интригами и постоянно терпя неудачи, — неопытный Антіохъ Кантемиръ легко могъ поддаваться порывамъ отчаянія отъ своей личной жизни. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда юноша съ молодой горячностью преувеличивалъ размѣры своихъ страданій, была, вѣроятно, и написана имъ вышеприведенная пѣсня. Отсутствіе надежды на свѣтлое будущее, желаніе отступить передъ бурями, мысль о смерти, какъ объ единственномъ желанномъ пристанищѣ, — все это темы, несвойственныя Кан-

---

1) Приводимъ начало этой элегіи:

«О суетный человѣче, рабе неключимый,
Какъ то ты далеко бродишь мечтами твоими!
А незапно день послѣдній
Разрушитъ твой животъ бѣдный,
И въ той часъ темный
Пойдешь въ ровъ земный
И въ прахъ твой наслѣдный». 2.

Характерно для сравненія съ пѣсней Кантемира окончаніе цитируемой элегіи:

«О прегоркая година!
Еще жъ бы была кончина!
Но въ той болѣзни,
Въ той лютой жизни
Ни смерть ни отмѣна». 2. (См. рук. № 3051 Рум. муз. и Q. XIV. № 19 П. Б.).

2) Извѣстно, что такая риѳмовка встрѣчается еще въ «Epodos consolatoria», гдѣ Кантемиръ подражалъ Ѳеофану, и отчасти въ «Methaphrasis'ахъ».

Digitized by Google

темиру въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Мы указывали уже [1]), что лирика Кантемира подернута лишь легкой дымкой грусти, сквозь которую всегда пробиваются жизнерадостность и разумное спокойствіе духа. Въ своей любимой сатирѣ Кантемиръ высказывается слѣдующимъ образомъ:

. . . . . «Если въ мои лѣта
Минувши скрыться не могъ я вражья навѣта;
Если счастье было мнѣ мало постоянно,
Я ль одинъ тому примѣръ? Весь свѣтъ непрестанно
Терпитъ отмѣны, и то чудно лишь бы было
Если бъ мое въ тѣхъ валахъ судно равно плыло.
Теперь счастливо плыву; то мнѣ одно полно.
Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредить время, такъ и мало
О томъ суечусь; готовъ принять, что ни пало
Изъ руки Всевышняго Царя въ мою долю,
О дней числѣ моихъ жду тихъ Его же волю;
Честна жизнь не трепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу [2]).

Кромѣ разсмотрѣнной элегіи, укажемъ еще одно стихотвореніе [3]), которое на нашъ взглядъ тоже должно быть приписано Кантемиру. Приводимъ его полностью.

О жизни спокойной.

О! коль мысли спокойны зрю в тебѣ, Сенека!
Ей, ты долженъ быть образъ нынѣшняго вѣка.
Всякъ воленъ тя презирать или подражати,
Я тебѣ подобну жизнь хочу повождати.
Пусть кленетъ кто несчастье, а я имъ доволенъ,
И когда мя забыли, такъ остался воленъ.
Ахъ! дражайшая воля, с чемъ тебя сравняти?
Жизнь такъ покойну можно ль несщастіемъ звати?
Если осталась хотя мала часть наслѣдства,
Живу там отдаленны, дни текутъ безъ бѣдства,
Когда заря румяна приступитъ к востоку
И прогонит всю с неба темноту глубоку,

1) См. «Изв.», кн. I, стр. 178.
2) IV сатира; ст. 176—188. См. печ. изд., т. I, стр. 93.
3) Рукоп. F. CXXIX Собр. кн. П. Вяз. (О-во Люб. Др. Письм.).

Digitized by Google

За ней лучи златыя сонца возсияютъ
Цвѣтъ придавъ всѣмъ вещамъ, ихъ оживотворяютъ;
Разны птицы под небомъ лишъ любовь запѣли,
Отложивъ сонъ свой спѣшно, встаю я с постѣли.
Коли приятно время, иду гулять в поля,
Сто разъ в себѣ размышляю, коль блаженна воля.
Ниже желание чести и богатства мучитъ [1]),
Покойны во мне чювствы, все мне не наскучитъ.
Смотрю ли густы леса, верхи ихъ зелены,
Разность несказанну древъ и всякой премѣны
Исполнила природа обильной рукою,
Дивлюся и говорю тогда самъ с собою:
О, какъ вся тварь красна есть повсюду доброта!
Боже, неизмѣрима твоя к намъ щедрота!
Неизмѣрима благость, ты всего начало,
Ты Творецъ, отъ тебѣ все сие быти стало.
Небесное пространство, купно в немъ свѣтилы,
Смертнымъ нашимъ очамъ и жизни столь милы [2]);
Движение законы отъ тебя приемлетъ,
Всяко тѣло небесно умъ нашъ не обемлетъ.
Оставя высокия мысли, мнѣ невнятны,
Еще обрачю очи на вещи приятны,
Которыми зрѣние мое веселится,
И чем мѣсто здѣшное отвсюду красится.
Малы пригорки зрятся, а при нихъ долины;
Различныхъ травъ множество, благовонны крины
Там с протчими цветами растутъ под ногами.
Страна вдали покрыта темными лесами;
Другая вся отверзста, гдѣ стада пасутся,
И по лугамъ зеленымъ источники вьются.
Вокругъ жатва златая места наполняетъ,
За труды земледѣлцовъ та обогащаетъ.
Пройдетъ доволно время, и мысль веселится,
Когда уже надлежитъ домой возвратится,
Гдѣ всіо просто, но чисто; пища мнѣ готова;
Говорю, что попало, нетъ коварна слова,
По обѣде ту или другую забаву
Найду приличную мнѣ и моему нраву;
Иль, чиня брань животнымъ, оныхъ я стреляю,
Либо при огнѣ книшку покойно читаю.
Знавъ все непостоянство и лесть всего мира,
Не тужу, что мя щастье оставило сира;
Доволенъ, что есть; в' протчем на что затевати
Коли извѣстная смерть всѣхъ имать пожрати.

---

1) Два неправильныхъ (14-тисложныхъ) стиха.
2) Недостаточный стихъ.

Digitized by Google

По мнѣнію проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго,—къ которому мы обращались за разрѣшеніемъ вопроса, не является-ли данное стихотвореніе переводомъ изъ какого-либо античнаго автора, — оно представляетъ собою, несомнѣнно, оригинальное произведеніе, но навѣяно діалогами Сенеки, преимущественно, седьмымъ и девятымъ («De vita beata» и «De tranquillitata animi»).

Дѣйствительно, сличая указанные діалоги съ нашимъ стихотвореніемъ, мы замѣчаемъ между ними сильное сходство. Какъ у Сенеки, такъ и въ данномъ стихотвореніи основной идеей является апологія разумнаго и умѣреннаго пользованія жизнью и спокойное отношеніе къ смерти [1]).

Итакъ, мы признаемъ стихотвореніе «О жизни спокойной» оригинальнымъ произведеніемъ; постараемся теперь доказать, что авторомъ его былъ кн. А. Кантемиръ.

Общій тонъ стихотворенія, равно какъ и высказываемыя въ немъ идеи вполнѣ согласуются съ основами міровоззрѣнія Кантемира, поскольку онѣ выясняются изъ его произведеній, частныхъ писемъ и отзывовъ его біографа, аббата Гваско [2]).

Извѣстно profession de foi Кантемира изъ VI сатиры [3]) («Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ» и т. д.); тѣмъ же опредѣленнымъ настроеніемъ проникнуты вышеприведенные стихи изъ IV сатиры [4]). Въ «Письмахъ о природѣ и человѣкѣ» находимъ слѣдующіе «стишки простые», по выраженію автора:

«Почитаю здѣсь законъ, повинуясь правамъ;
Впрочемъ, воленъ я живу по своимъ уставамъ;

---

1) Не цитируемъ Сенеку въ виду того, что основное сходство указанныхъ его діалоговъ съ вышеприведеннымъ стихотвореніемъ заключается въ тождествѣ общей идеи, а не въ частичныхъ ея выраженіяхъ.

2) «Satyres du prince Cantemir avec l'histoire de sa vie». Londres, 1749; стр. 134—138.

3) Сат. VI, ст. 1—15; см. печ. изд., т. I, стр. 138.

4) Ст. 175—188; ibid., стр. 93. См. выше, стр. 118. См. также сат. VIII, ст. 99—100; стр. 171.

Digitized by Google

Духъ спокоенъ, нынѣ жизнь идетъ безъ напасти,
Всякой день искоренять учась мои страсти
И взирая на предѣлъ, такъ жизнь учреждаю,
Безмятежно свои дни къ концу направляю.
Не скучаю никому, нужды нѣтъ взысканій,
Счастливъ тѣмъ, что сократилъ дней моихъ желаній.
Тлѣнность вѣка моего нынѣ познаваю,
Не желаю, не боюсь, смерти ожидаю»[1]).

Въ тѣхъ же «Письмахъ» попадаются нѣкоторыя строки, почти тожественныя по своему содержанію съ разбираемымъ стихотвореніемъ:

«Какъ скоро солнце свѣтъ намъ станетъ обѣщати, я готовъ ужъ итти въ прекрасно поле или въ луга, украшенные весною. Одинъ, ходя тамъ, разсуждаю, коль весело можно жить и въ пустынѣ».

«Когда солнце зноемъ своимъ станетъ безпокоить, я въ свой шалашикъ возвращаюсь и, сидя съ мертвыми друзьями, разсуждаю».

«Въ прохладный вечеръ пойду къ источнику и сяду тамъ, птички меня увеселятъ» [2]).

Въ одномъ изъ частныхъ писемъ Кантемиръ высказывается такъ:

«Les personnes de bon sens.... savent profiter du présent sans se soucier de ce qu'il peut arriver à l'avenir, c'est à dire après avoir pris les précautions de n'être pas eux-mêmes la cause de leur malheur» [3]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что разбираемое стихотвореніе вполнѣ отвѣчаетъ философіи Кантемира въ отношеніи идеальнаго образа жизни. Кромѣ того, въ данномъ стихотвореніи просвѣчиваетъ глубокая религіозность, которая также являлась замѣтною чертою въ характерѣ А. Кантемира [4]). На этихъ основаніяхъ мы предполагаемъ, что стихотвореніе «О жизни спокойной» принадлежитъ именно Кантемиру, тѣмъ болѣе, что размѣръ

---

1) «Письма о природѣ и человѣкѣ», письмо XI. См. печ. изд., т. II, стр. 95—96.

2) «Письма о природѣ и человѣкѣ», письмо I; т. II, стр. 24.

3) Письмо кн. Кантемира къ маркизѣ Монконсель отъ 21 января 1737 г.— Л. Майковъ, стр. 71.

4) «Satyres du prince Cantemir» etc., p. 108—110.

Digitized by Google

его—13-тисложные стихи—почти всегда употреблялся нашимъ сатирикомъ. Но изобрѣтенныя Кантемиромъ правила стихосложенія здѣсь не соблюдены; это даетъ поводъ думать, что стихотвореніе относится къ первому періоду литературной дѣятельности Кантемира. На то же указываетъ обиліе славянизмовъ и, кромѣ того, слѣдующая фраза: «если осталась хотя мала часть наслѣдства». Извѣстно, что въ концѣ 30-хъ годовъ А. Кантемиръ былъ несправедливо лишенъ отцовскаго наслѣдства и вслѣдствіе этого находился въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, чему отвѣчаетъ и приведенная фраза.

Вслѣдъ за разсмотрѣннымъ стихотвореніемъ въ рукописи помѣщены переводы изъ Буало, авторомъ которыхъ тоже могъ быть А. Кантемиръ.

Приписываемъ Кантемиру переводъ изъ Буало совершенно предположительно, ибо не имѣемъ на то никакихъ фактическихъ данныхъ. Но мы знаемъ, что далеко не всѣ переводы Кантемира изъ древнихъ и новыхъ авторовъ извѣстны въ настоящее время; нѣкоторые изъ нихъ утеряны или, во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не найдены, какъ напримѣръ «Корнелій Непотъ» или «Персидскія письма» Монтескье[1]). Къ такимъ, неизвѣстнымъ до сихъ поръ, произведеніямъ можетъ относиться также и данный переводъ. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что мы не нашли ни одного указанія на то, чтобы Кантемиръ переводилъ Буало; но опять-таки это обстоятельство не является препятствіемъ къ тому, чтобы считать Антіоха Кантемира авторомъ разсматриваемаго перевода.

---

1) См. сводку неизвѣстныхъ произведеній Кантемира въ статьѣ Г. Дружинина: «Три неизвѣстныя произведенія кн. Антіоха Кантемира». Ж. М. Н. Пр., 1887 г., № 12.

Digitized by Google

Во 1-хъ, относительно нѣкоторыхъ произведеній Кантемира, несомнѣнно существовавшихъ, какъ напримѣръ его оды [1]), также нѣтъ никакого упоминанія у біографа Кантемира, а равно и въ его частныхъ письмахъ [2]), гдѣ попадаются кое-какія указанія на его литературную дѣятельность.

Во 2-хъ, переводъ изъ Буало можетъ относиться къ московской эпохѣ литературной дѣятельности Кантемира, о которой мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Изъ этого періода жизни Кантемира извѣстны его переводы съ французскаго: «Описаніе Парижа и французовъ» (1726 г.) и «Таблица Кевика философа» (1729 г.)[3]). Возможно предположить, что въ это же время онъ задумалъ перевести и того французскаго автора, предъ талантомъ котораго преклонялся («Боало — всей Франціи чудо»)[4]); но, однако, не довелъ работу до конца: переведены только лишь «Discours au roi» и три первыя сатиры. Написанъ переводъ тринадцатисложнымъ стихомъ, любимымъ размѣромъ Кантемира; «Рѣчь къ королю» снабжена примѣчаніями переводчика, а извѣстно, что примѣчанія составляли характерную особенность Кантемира.

Итакъ, мы полагаемъ, что эти данныя позволяютъ назвать авторомъ перевода Антіоха Кантемира: трудно указать хотя бы одного писателя первой половины XVIII в., который могъ бы заняться переводами именно сатирическаго жанра; хотя, конечно, наше заключеніе остается все-же гипотезой.

Считая, что данный переводъ принадлежитъ Кантемиру, мы настаиваемъ на его раннемъ происхожденіи. На это указываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) въ письмѣ къ кн. А. М. Черкасскому отъ 1736 г. Кантемиръ сообщаетъ, что пять лѣтъ не пи-

---

1) См. выше, стр. 98—102.

2) Л. Н. Майковъ. «Матеріалы для біографіи А. Д. Кантемира». Въ письмахъ находимъ упоминанія лишь о второй одѣ. (См. стр. 57).

3) Соч. кн. А. Кантемира, т. II, стр. 347—348.

4) Сат. IV (I ред.), ст. 55. См. печ. изд., т. I, стр. 249.

Digitized by Google

салъ стиховъ [1]); слѣдовательно, въ періодъ отъ 1731 — 1736 г. переводъ изъ Буало не могъ быть сдѣланъ.

2) Въ 1737 г. Кантемиръ переработалъ V сатиру на основаніи новыхъ правилъ стихосложенія, которыя тщательно соблюдаются имъ во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ [2]). Въ переводахъ же изъ Буало эти правила не соблюдаются, слѣдовательно, данные переводы не могутъ относиться къ 1737 — 1744 гг. [3]). Остается предположить, что они сдѣланы или въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ отъ письма Кантемира до исправленія имъ V сатиры, т. е. отъ 1 октября 1736 г. до 1737 г., или же въ первомъ періодѣ его литературной дѣятельности, до 1731 г.

Ясно само собою, что послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно.

Печатаемъ всѣ переводы въ порядкѣ рукописи [4]):

Рѣчь королю.

Воинъ млады и храбры, мудрость въ ти высока
Даетъ плодъ скорый, не такъ, какъ старость глубока;

---

1) «Ея императорскаго величества послѣднія благополучныя дѣйства противу непріятелей христіанства и моихъ партикулярныхъ понудили къ перу мои руки и заставили дѣлать то, чего пять лѣтъ не дѣлалъ».—Л. Н. Майковъ. «Матеріалы къ біографіи кн. А. Д. Кантемира», стр. 57. (Письмо изъ Лондона отъ 1 октября 1736 г.). Указаніе Кантемира не вполнѣ точно, ибо въ 1735 г. имъ написана ода «На злобнаго человѣка»; но, игнорируя это мелкое произведеніе, Кантемиръ не могъ бы умолчать о такой крупной работѣ, какъ переводъ изъ Буало, если бы она была выполнена имъ въ этотъ періодъ времени.

2) Кромѣ сатиры «Къ солнцу», которая относится, какъ указано въ примѣчаніи на нее, къ 1738 г. (См. Ж. М. Н. Пр. 1892 г., № 7. Брайловскій: «Девятая сатира Кантемира по вновь найденному списку»). Точность этой даты, однако, чрезвычайно сомнительна, въ виду того, что данная сатира гораздо ближе по стилю къ первымъ пяти сатирамъ въ ихъ первоначальной редакціи, чѣмъ къ позднѣйшимъ. Но, не имѣя опредѣленныхъ данныхъ для установленія даты, мы можемъ говорить только предположительно.

3) 31 марта 1744 г. А. Кантемиръ умеръ.

4) F. CXXIX Собр. кн. П. Вяз. (О-во Люб. Др. П.). Эти переводы слѣдуютъ непосредственно послѣ примѣчаній на сатиры. Придерживаясь буквально текста рукописи, мы, однако, въ собственныхъ именахъ замѣнили малыя буквы прописными, для удобства чтенія.

Digitized by Google

Без' помощниковъ единъ, богамъ подражаешъ,
Правишъ все самъ собою, повсюду взираешъ.
Царю великій! если здесь мое желанье
С почтеніемъ нудитъ мя имѣти молчанье,
Не для того, чтобъ сердце к тому воспрещало:
Дать достойную жертву, ей, тебѣ пристало!
Но хвалитъ мало знаю, и муза боится,
Бѣжитъ, тяжкое бремя несносно ей мнится.
Лучи высокой славы тую осияли,
Коснутся ти не смеетъ, лавры бъ не увяли.
Ослепленъ любовию быти не желаю,
Но по слабому смыслу бѣгъ свой размеряю;
Искуснее в почтеніи, нежъ други бываютъ,
Неприлично хвалами мѣста исполняютъ,
Идуще в поле славы, куда мзда ихъ нудитъ.
Твое имя безъ силы поетъ [1]) не разсудитъ.
Дерзновенно всяки день ужъ тебе скучаетъ,
Когда собственны дѣла твои вычитаетъ.
Одинъ высокимъ слогомъ стихи полевыя,
Убравъ в нову одежду, чаетъ быть иныя;
Тамо свои таланты вмещаетъ всечастна,
Какъ же хвала воина с невѣждой согласна.
Другой, всуе прилѣжно конецъ стиха гладитъ
Сто разъ с трусомъ и пилой, того не наладитъ;
О чемъ разумъ великій і выдумка нова,
Если тя зоветъ сонцемъ, скончавая слова.
Труды пренебреженны напрасно тѣ рвутся,
Толко лишъ на светъ выйдутъ, девять сестръ смеются.
Никогда Каллиопа имъ не отвечаетъ,
Пегасъ для нихъ ленивый с крылы не летаетъ;
Однакоже, видя всякъ гордость несказанну,
Мнил бы благость Парнаса чрезъ нихъ ти посланну.
Чаются имѣть конче уши Аполлона,
Определяя все такъ, какъ с самаго трона;
Поверь, толко то скажутъ, что подъ ихъ державу
Фебусъ поручилъ онымъ хранить царску славу,
И твое имя с краю до другаго краю
Безсмертно отъ ихъ стиховъ, скоро скажутъ, чаю.
Но разве сие имя, его же светъ сильный,
Колькимъ трудамъ грубымъ даетъ лучъ обильный?
Книгу ихъ изданную стыдно читать миру,
В пыли гниющу, червямъ оставленну, сиру;
Под сению державы твоей прибегаетъ
Такъ, какъ древцо слабое в поле возрастаетъ;

---

1) Т. е. «поэтъ».

Digitized by Google

Безъ частливой подпоры, котора скрепила,
Падше бы все на землю, печално упыла.
Да не мнитъ кто, что перо в неправде дерзаетъ
Хулить старание тѣхъ, кто ти угождаетъ.
Извѣстно мнѣ, что между такими творцами
Аполлонъ добре знаетъ, кто годенъ с хвалами;
И вѣдаю, какова въ трудѣхъ живетъ сила,
Между Пелетие быть щитаютъ Корнила [1]).
Но не могу стерпѣти, кто свыше науки
Римы две прибравъ, чаетъ поймать стихи в руки,
Тебя хвалить силится да потѣетъ пуста:
Виргилиемъ быть нужно, коли пѣть Августа.
Хвално [2]) нравы монарха, что не могъ взирати
Художника, дерзая что либо писати
Неискусной рукою для жадной корысти,
Не оставилъ потретъ свой Аппелевой кисти.
Феба почти не знаю, плоды все суровы,
Между девяти сестръ я еще житель новы;
Жду, чтобъ муза дозрѣла не такъ, какъ есть нынѣ,
Для тебя ону учю ко всякой причинѣ.
Когда твоя десница, правяще народы
Стрелами, уставляетъ законъ для свободы
И держа злыхъ в неволи, казни даешъ правы,
Тогда я перомъ смѣлымъ укоряю нравы.
Умѣрность и себе притомъ сохраняю,
Сердца моего тайность бумаги вручаю;
Нужно тол'ко одинъ разъ в стихахъ распалится:
То какъ весною пчела прилѣжно трудится,
Медъ сладкій с разныхъ цветовъ въ улей к себе носитъ;
Нашего вѣка глупость хулить желчия проситъ.
Пойду тамо повсюду, гдѣ охота клонитъ,
Хотя бѣгъ мой прямую дорогу уронитъ;
Мысль и перо свобожду, не стану держати,
Отважно по бумаге пущу ихъ бежати.
Одно худо, что моя муза лехко мыслитъ,
Все именемъ назоветъ, молчати не смыслитъ,
Страшаетъ в сихъ временахъ разумы безмѣрно,
Бѣлы какъ снѣгъ снаружи, а внутри суть черны.
Боятся, что хулитель, когда смѣлость приметъ,
Чаются, ихъ работъ тотъ часъ маску сыметъ.
В нравахъ ищетъ порока, столко есть упрямы,
Не вывелъ бы истинну изъ глубокой ямы.

---

1) Въ оригиналѣ: «Parmi les Pelletiers on compte des Corneilles».

2) Очевидно, «хвалю», ибо въ оригиналѣ: «Et j'approuve les soins du monarque guerrier».

Digitized by Google

Все таковыя люди, знавъ, что есть сатира,
Видятъ шутки; ступай в судъ, болше нету мира!
Тяшко сказываютъ тѣмъ, кто умомъ пониже;
Смотри, какъ низвержено стало быть в Париже.
Хотя слухъ мало идетъ, что творецъ желаетъ
Играть Тартюфа, на что и людей збираетъ,
Бѣгутъ, какъ люта звѣря, иль чинятъ препону:
Поитъ тотъ хулитъ небо, смеется закону.
Всуе кроютъ слабость, взявъ другой видъ худаво,
Ибо добре знаетъ всякъ, что ложъ, что есть право.
Коль разумъ гордится, ей, ничего не стоитъ,
И плащъ добродѣтели толко его кроитъ;
А сердце уже знаетъ, ано всему мѣра,
Коль законъ осмеваетъ, боится Мольера.
Но почто в разсужденіи себя отделяю?
Царю великій, порокъ тотъ, что лстить не знаю;
Невѣжду не назову жителемъ Парнаса,
Прилично ли мнѣ дѣлать изъ (с)карлы атласа [1])?
Всегда в неволи другимъ рабамъ подражати,
Не хощу богамъ ладанъ напрасно кидати;
Чаю, никто не видалъ, чтобъ в трудахъ прилѣжно
Пишучи твою хвалу, да скрылъ мысли нѣжно.
Какъ живетъ не велика царственная сила,
Еслибъ сердце стихами здесь не говорила,
Никая бъ благъ надежда не могла заставить;
Кто жъ принудитъ риемами имя твое славить?
Но когда тебя вижу все разумно строя,
О своемъ величестве рачить безпокоя [2]),
Не такъ, какъ другие быть мнятъ в трудахъ препону,
Праздно дни провождаютъ, носяще корону.
Тѣ видятъ твою мудрость и ея уставы,
Сколь обилно подданнымъ ты желаешъ славы.
Гордость Тибра и Таги презирать ти воля
И с пространнаго моря дѣлать чисто поля;
Воины твои славны, напрееуще [3]) жилы,
Орлу возвращаютъ все потерянны силы;
Даетъ людямъ законы, наводя фортуну;
Карабли твои грозятъ самому Нептуну;
Ветръ презирая, злато и сребро находятъ,
С востока до запада повсюду тѣ ходятъ.

---

1) Въ оригиналѣ: «Je ne sais point au ciel placer un ridicule,
D'un nain faire un Atlas, ou d'un lâche un Hercule».

2) Въ оригиналѣ: «Mais lorsque je te vois, d'une si noble ardeur,
T'appliquer sans relâche aux soins de ta grandeur...».

3) Очевидно, должно быть: «напрегуще».

Digitized by Google

Тогда, не справясь Феба, так ли мне писати,
Муза моя ревнуетъ только хвалу дати;
Потомъ разумъ приходитъ, помощъ обещаетъ,
Намерение видя, труды запрещаетъ,
Изясняя мне притомъ, что услуги милы,
Да ихъ нужно оставить, коли нету силы.
Тотъ часъ спрашуся [1]) слышать и, духъ весь смущенный,
Оставляю то бремя, которымъ прельщенный;
Далее ужъ не пишу і все скончеваю,
Будто сплавецъ средь моря, гибель избегаю,
Лишъ только брегъ сталъ видеть, гдѣ того не числить,
И хотя вплавь далеко, однакъ, спастись мыслить.

ПРИМЕЧАНІЕ.

Хотя речь сия прежде другихъ стиховъ поставлена, однако, она не первая; творецъ сочинилъ ея в начале 1665 году, которой уже пять сатуръ здѣлалъ. В томъ же году сия речь вмещенна в стихотворное собранне прежде нежели творецъ имѣлъ время оную исправить; потому самъ ея напечаталъ въ 1666-мъ году с первыми седмию сатирами. Реніе в зачале у своихъ стиховъ также под симъ титуломъ писалъ к Генрику IV:

Стихъ 3. *Без помощниковъ един*. После смерти кардинала Мазарина, случившейся въ 1661-мъ году, король, тогда будучи 22 летъ с половиною, не хотя более имѣти перьваго министра, началъ править самъ собою.

Стихъ 4. *Правитъ все самъ собою*. Подражаніе Горація L. II. Ep. II, sat. 7: «ot sustenedз et tanta negotia sopus». Здесь примѣтить можно, также і в другихъ многихъ местахъ, что нашъ творецъ подражати древнихъ тщался. Всехъ превосходитъ надъ оригиналомъ, или мысль исправляя, ставя ону в удобнейшемъ мѣсте, даетъ больше силы, или выражая острейшими словами и новыми виды весма украшаетъ.

Самъ говоритъ о такихъ подражаніяхъ, что то ни подражаніемъ, но прибавкою противъ своего оригинала назватся можетъ.

Стихъ 6. *С почтеніемъ нудитъ мя*. Здесь видеть можно, что уже творецъ сочинилъ другие стихи еще прежде сего разговора.

Стихъ 10. *Бежитъ тяшкое бремя*.

Некоторыя критики порочили сей стихъ, требуя, что нелзя сказать «тяшкое бремя»; однако жъ говорятъ: «сие бремя весма тягостно». Такая экспрессиа кажется ничего неправилного в себе не имѣетъ и на гербъ сему жъ подобную употребилъ: «Mais si la jog [2]) du terre d' une charge si grande venue à monde... [3])», т. е. естьли тягость столь великаго бремя дерзновеную моему противна бываетъ и проч. Де Маретсъ въ 1674-мъ году публиковалъ свою работу, названу «Защищение героической поэмы с некоторыми примечаніями на стихи господина д***». Стихами и прозбою онъ трудился вместе с дюкомъ

1) «Страшуся», ибо въ оригиналѣ: «Aussitôt je m'effraye...».
2) Le joug.
3) Послѣднія два слова совершенно неразборчивы.

Digitized by Google

Неверсомъ и абатомъ Тестю. Господинъ Депро часто пользовался ихъ критикою, некоторыми примѣрами. Наше сие примечание «тягость бремяни» у нихъ не узколнула. Комментарій господина Депро требуетъ, что сия экспрессия всюду годится, ибо нѣтъ ни коего единства между сими двумя еразисамі; важности бремени значитъ весъ, которой в немъ находится, а тягость изявляетъ, что носишь [1]) неудобно тому, кто его подемлетъ.

Стихъ 11. *Лучи высокой славы.* Стихъ сей изъ слѣдующей в первыхъ эдиціахъ поставлены были тако: «et ma pente mal prorre».

Сатира первая.

Дамонъ, творецъ великій, парнаское чада,
Забавляю [2]) долго дворецъ и жителей града,
Одѣтъ толко рубищемъ, чють прикрыто тѣло,
Без платья ходилъ лѣтомъ и зимою смѣло;
Видны кости сухие и лице все бледно;
Хотя вездѣ той славенъ, да платье столь бѣдно;
Усталъ сочинять риемы, пожитки теряя,
Назанялъ во всехъ местахъ, чемъ платить не зная;
Нѣтъ ни денегъ, ни платья; что жъ пришло начати?
Взявъ одну свою бѣдность, умыслилъ бежати.
Отъ приказовъ [3]) далеко въ чистомъ поле бродитъ,
Ищетъ себе покоя, да нетъ, не находитъ.
Не ждетъ, чтобъ судейская неприятна сила,
Поймавши в тюрму, вѣчно его засадила;
Иль бы злы разсыщики незапно напали,
Ругаяся безчестно, лавры с него сняли.
День, в которой побежалъ, слабы, чють дыхаетъ,
Такъ какъ великопосникъ постъ свой скончаваетъ,
А серце трепещетъ з гнѣву; разпаливши очи:
«Прости»,— сказалъ печално,—терпѣть нету мочи;
Если здесь моя муза не знаетъ свободы,
Достоинство и разумъ не в тѣ зашли годы»,—
Говоритъ стихотворецъ и всѣхъ проклинаетъ [4]),—
«Видно, что добродѣтель здесь жить не желаетъ;
Пойдемъ гдѣ-нибудь искать каменныя горы,
Тамъ ни салдатъ, ни писецъ не пріидутъ, какъ воры;
Престанемъ просить небо, что серце желаетъ,

---

1) Очевидно: «носить».
2) Очевидно: «забавлялъ».
3) Въ оригиналѣ: «Et bien loin des sergents, des cleres et du palais»...
4) Въ оригиналѣ: «Qu' un poëte, dit-il, s'y voit maudit de Dieu»...

Digitized by Google

Отъ злаго времени тамъ сѣнь насъ прикрываетъ
Когда еще свободенъ своими дѣлами,
Тѣло не скорчилося старыми годами,
Крѣпко ступаютъ ноги, не хотятъ упасти,
Дней моихъ еще Паркамъ осталось что прясти,
В бедномъ своемъ несчастіи мыслить мнѣ свободно,
Пусть живетъ здесь Ѳабіюсь [1]), коль ему угодно:
Целой милионъ денегъ онъ умѣлъ (онъ) накрасти
И с последнихъ капеекъ зналъ в граѳы попасти;
Не замай и Тулия [2]), что хитрость снѣдаетъ,
Болше нежъ воина, и миръ беды налагаетъ;
Онъ все свои доходы по азбукѣ справилъ
Такъ велики, что целой Калепинъ составилъ.
Пусть царствуютъ в местахъ сихъ; знать для них есть право;
Мнѣ что дѣлать в Париже, коли жить нездраво,
Обманывать, лукавить, ни манить не знаю.
Хотя бъ здѣлать то и могъ, да нетъ, не вступаю;
Склонности есть противно, что бы мнѣ трусити,
При глупце гордомъ для мзды вѣкъ свой проводити,
Или стихи посылать то в Лондонъ, то в Вену [3]),
Продавать ихъ за денги, кто дастъ больше цену.
В такой ниской степени спесивится муза,
Высокомерна душа живетъ у ѳранцуза,
Именемъ все назову, та во мнѣ примѣта,
Кличу я кошку кошкой, а воромъ Ролѣта.
Угождать любовнику смыслъ не успеваетъ,
Не знаю в томъ силы, что матресу склоняетъ;
И здесь бѣденъ с печали, нету за мной дѣла;
Живу в Париже, власно какъ душа без тѣла.
Но почто добродѣтель,—скажутъ,—одичала?
Знать, она в богадѣлну куда забежала,
Богатому спеспою можно быть безпорно,
А бедному нужно жить ниско и проворно.
Тѣмъ творецъ себе найдетъ, чтобъ люди любили,
Коли звезды безчастна его учинили;
Видимъ, что предѣлъ странный железнаго вѣка
Тотчасъ возвысилъ княземъ проста человѣка.
Так то добродѣтелью ѳортуна играетъ:
Часто доброго низитъ, злаго возвышаетъ;
Богатая ливрея с разными цветами,
Везутъ его въ корете шестью лошадями,
Если бъ не в царскихъ правахъ глупыя совѣты,
Несколько разъ нанесли безчастны навѣты,

---

1) Въ оригиналѣ: «George».
2) Въ оригиналѣ: «Jaquin».
3) Въ оригиналѣ: «De mes sonnets flatteurs lasser tout l'univers».

Digitized by Google

То бы, чаю, непрестанно между нами зрился,
А таперь на время онъ отсель удалился.
Причина сему ссылка, что нѣту в парадѣ;
Конечно, скоро опять проявится в градѣ.
І вступя в перву славу, снову всѣхъ обидитъ;
Не престаетъ отъ зла, хоть небо гневно видитъ.
Иной, весь в грязи, кленетъ долю свою горку,
По поварнямъ бегаетъ, где бы сыскать корку;
Можно сказать, что учонъ и многія любятъ;
Да что жъ дѣлать, коль в целомъ Париже не ссудятъ.
Правда, что царска милость иногда бываетъ,
Видя музу въ бедности, горесть утоляетъ;
Смотритъ прилѣжно, чтобы науки не пали,
Часто самого Ѳеба беретъ изъ шпитали;
Есть надежда ожидать всѣмъ благой премѣны,
Да что будетъ въ Августе, коли нѣтъ Мессены? [1]).
И оставленъ такъ, какъ я: отъ всѣхъ забытъ нынѣ,
Кому дать случай нужно к счастливой причине?
Голодныхъ стихотворцевъ, какъ проникнуть можно,
Столко ихъ много бегутъ все неосторожно
И первыя хвастаютъ, лиж бы имъ попало,
Отемля все то, что дать другимъ надлежало;
Какъ ленивыя шмели, коль нечимъ кормится,
То крадутъ медъ, гдѣ пчела прилѣжно трудится.
Сие награждение престанемъ желати
И какъ достать не можно, коли не скучати.
Маркъ Антоенъ [2]) герардіи взялъ разумъ отъ неба
Да вѣкъ сво изжилъ почти безъ платья, без хлѣба;
Все тутъ богатство войлокъ, зипунъ да шкатула;
Лутче сказать герардіи не имѣлъ ни пула.
Усталъ в такой бедности всю жизнь провождати;
Заложилъ последнее, чемъ счастие искати,
Взялъ стихи для печати, в которы влюбился [3]),
Надеждою вѣдомый, в дворце очютился.
Что же тамъ приключилось ево музѣ бѣдной?
Возвратился осмѣянъ и покрылъ стыдъ вредной;
Да пришла к нему ѳебра, гдѣ то жаръ, то холодъ,
Пригнали прежде к смерти, неж бы здѣлалъ голодъ.
Есть, что и стихотворцы часто были в модѣ,
Но дураками зовутъ ихъ в нынешнемъ годѣ;
Хотя бъ былъ лутчей разумъ и творецъ разсудны,
Предъ Ангелиемъ шутомъ входъ ему есть трудный.

---

1) Т. е. Мецената.
2) Въ оригиналѣ: «Saint-Amant n'eut du ciel que sa veine en partage».
3) Неправильный (14-ти сложный) стихъ.

Digitized by Google

Развѣ, жизнь мнѣ оставя, играть нову ролю?
Скучая Аполлономъ, приходить к Бартолю?
Пербирая тамъ листы, взялъ книги чежолы,
Да з долгою епанчой въ судахъ мести полы.
Когда только вздумаю, несносно то мнится;
К чему пристало тамъ мнѣ в дѣлахъ очютится,
Гдѣ обидимый всякъ день чаетъ обороны,
Пока еще збираютъ дедала законы [1]).
Лукавые ябеды чюдное есть дѣло
И что видятъ всѣ черно, у нихъ станетъ бѣло.
Тамъ худой стряпчей с крикомъ предъ славнымъ гордится,
У него Цицерономъ можно научится [2]).
Если во мнѣ мысль нову уставить премѣну,
То в Петровки увидят ледомъ покрыту Сену,
Папа Римъ градъ оставя, кальвинистомъ будетъ,
А езуитъ разумный лукавить забудетъ [3]).
Лутче покинуть градъ сей, почто жити втунѣ,
Гдѣ вся честь уступаетъ прелестной еортунѣ;
Здесь только злость едина приняла державу,
Митра на главу і жезлъ взела в руку праву;
А наука печална, нѣту мѣста жити,
Збита отвсюду, нѣгдѣ главу приклонити.
Будетъ честенъ и славенъ, не можетъ пропасти
Тотъ, кто знаетъ искусно, какъ много накрасти,
Каковъ бы ни терпеливъ былъ человѣкъ в нравахъ,
Удержатся не можетъ, зря людей лукавыхъ;
Сколко ему ни молчать, да пришло сказати,
Что злы, либы противъ ихъ стихами писати.
Коли в такомъ случае что сказать на ссору,
Нѣтъ нужды тому войтить на парнаску гору,
Иль бы искать вогласы [4]) приятнаго звона,
Ярость только едина стоитъ Аполлона.
«Ты уже вправду,—скажутъ,—на всѣхъ разсердился,
Не злословь, но, молю тя, чтобъ гнѣвъ утолился;
Іль войди на катедру, поучая силно,
Гдѣ бы слышатели твои заснули умилно.
Тамъ худо или добро разскажешъ, что видѣлъ»,

---

1) Въ оригиналѣ: «Où l'on voit tous les jours l'innocence aux abois
Errer dans les détours d'un dédale de lois...».

2) Въ оригиналѣ: «Où Patru gagne, moins qu' Huot et Le Maxier
Et dont les Cicérons se font chez Pé-Fournier».

3) Въ оригиналѣ: «On pourra voir la Seine à la Saint-Jean glacée;
Arnauld à Charenton devenir huguenot,
Saint-Sorlin janseniste, et Saint-Pavin bigot».

4) Т. е. «возгласы».

Digitized by Google

Говоритъ такой, кого сатирой обидѣлъ.
Кто же в сей погрѣшности свободенъ бываетъ,
Если всѣхъ учителей грубость осмеваетъ,
Видячи, что человѣкъ дражитъ и слабѣетъ,
Мнитъ, бутто онъ надежду на Бога имѣетъ;
Коль гремитъ,—руки к небу, в церковь спѣшно идетъ;
Стихъ воздухъ,—смеется, что людей слабыхъ видетъ;
И не вѣритъ Бога всѣмъ всесилно владѣти,
Не можно всего мира причины имѣти,
Или есть жизнь будуща и по нашей смерти;
Ей, совестно, не скажетъ, хоть пилой разтерти.
Я, когда здравъ и в силѣ, дивлюсь, что жить вѣчно
И душа есть безсмертна, Богъ гремитъ, конечно;
Удалится отъ сего лучше будетъ, чаю;
Скажу Парижу: прости, тебя оставляю.

Сатира вторая. К Моліеру.

Дивны разумъ повсюду плодъ разпростираетъ
І в самыхъ дѣлахъ трудныхъ тягости не знаетъ;
Ему же Аполлона тайны все открыты,
Онъ вѣдаетъ, в какую ѳорму стихи литы.
В преніи разумномъ сильно всюду себя славишъ,
Научи меня, Мольеръ, какъ ты риемы ставишъ;
Кажутся, тебя ищутъ, а не ты в нихъ рвесься,
И никогда при конце стиха не подкнесся;
Без далныхъ словъ, которы часто отвращаютъ,
Лишъ толко бъ ты что сказалъ, сами ся вмещаютъ.
А мне не такъ бываетъ: нѣка странна сила
За грѣхъ мой стихотворцемъ меня учинила;
Художество столь трудно все я имѣю,
Ни в чемъ не успѣваю, напрасно потѣю;
Гдѣ с утра до вечера прилежу безмѣрно,
Коль хочю сказать бѣло, напишется черно.
Любителя описать, чивость его злата
Перо в риему находитъ мнѣ Пура абата;
Іли мышлю изяснить творца без пороку,
Мысль говоритъ Виргилій, Кинотъ идетъ в строку.
Наконецъ, что бъ ни дѣлалъ, тому то мнѣ дивно,
Какъ намерению все бываетъ противно,
И когда отъ ярости, что чинить не знаю,
Печаленъ, смущенъ, усталъ, мыслить оставляю,
Заклиная демона, что подалъ причину,
Обещаясь: навсегда, ей, писать покину.

Digitized by Google

Но когда всехъ добре клалъ [1]), то музу, то Ѳеба,
Вижу ихъ предъ собою, когда менше треба;
Поневоли во мнѣ огнь тогда разпалится;
Взявъ перо и бумагу, опять сталъ трудится:
Суетные все клятвы скоро забываю,
Стихъ за стихомъ какъ придутъ, только ожидаю.
Если бъ чинить риемы мя недопущало,
В трудахъ терпѣла бъ муза, что холодно стало,
И я бы здѣлалъ, какъ другой: нейдя в краи чюжды,
Нашол бы чемъ сшить стихи безо всякой нужды.
Коли хвалю Ѳилису к дивности удобну,
Тотъ часъ поставлю: в свѣте не найдешъ подобну;
Или бы нѣкую вещъ славилъ добру сущу,
Напишу: паче сонца красоту имущу.
Однимъ словомъ, все звезды и свѣтъ несказанны,
Созданныя отъ неба, в красотѣ избранны;
Подобными словами, невзначай прибравши,
Свободно мнѣ составить, искуства не знавши,
Гдѣ то глаголъ, то имя сто разъ применити,—
Всего Мальебра [2]) в стихахъ могу я соткати.
Но разумъ выбираетъ все слова опасно,
Ни единаго изъ нихъ не скажетъ напрасно;
Невозможно стерпѣти, гдѣ падаетъ сила,
Что бъ ни есть в конце стиха пустоту прикрыла.
Труды свои дватцать разъ я вновь зачинаю,
Какъ три строчки напишу, то двѣ замараю.
Будь проклятъ, кто выдумалъ первый не учити [3]),
Какъ в стихѣ краткомъ мысль всю свою заключити,
Пространны слова в тюрму тѣсну запирая,
Разсуждение с риемой вмѣстѣ сплетая [4]).
Безъ сего бъ труда мысли покойно лежали,
Безъ зависти дни мои свободно бъ бежали;
Пилъ бы, ѣлъ и смѣялся, отовсюды воленъ,
Какъ в манастыре жирный старецъ, всѣдоволен.
Проводил бы все время, веселяся разно
І всю ночь крѣпко бы спалъ, а в день ходилъ праздно.
Безпечалное серце, отъ страстей свободно;
Размѣрно бъ желало все, что ему угодно.
Величество бѣгая, лстящее насъ втунѣ,
В Луверъ бы я не пошолъ кланятся ѳортунѣ.
Будучи такъ счастливый, конча бъ, ся спокоилъ,
Если бъ мя стихотворцемъ предѣлъ не устроилъ.

---

1) Очевидно: «клялъ», ибо въ оригиналѣ: «Mais quand j'ai bien maudit...».
2) Т. е. Малерба.
3) Очевидно: «научити».
4) Недостаточный стихъ.

Digitized by Google

Отъ часа того, когда мысль к трудамъ понудитъ,
Пира бъ (?) густымъ смущенна глава не разсудитъ [1];
И завидливый демонъ жизни столь прохладной
Возбуждаетъ мя писать, чтобы слогъ былъ складной.
Поневоли каждой день, какъ гвоздемъ прибиты,
Черню листы иль слова высправие забыты;
Всю жизнь такъ мне провождать печално, обидно,
Трудясь, Пелетиеву щастию завидно.
Щастливъ есть и Скудери, его же всякъ славитъ
За то, что каждой мѣсяцъ волюменъ составитъ.
Правда, все его стихи слабы и унылы,
Можно видѣть—сочинялъ, не знаючи силы;
Однако жъ не безчастны, можно то сказати,
Найдетъ купца продавать и глупца читати.
Когда риѳмы при концѣ стиха положенны,
Не смотрятъ, достальные так ли совершенны
Тысячю разъ безчастны, кто знати желаетъ,
Какъ ихъ правильно писать разумъ утруждаетъ.
Невѣжда той всѣмъ своимъ доволенъ бываетъ;
Складно ль, что придетъ, того онъ не разбираетъ;
Толко бъ было все любить, ему добре мнится;
Смотря свою работу, прилѣжно дивится.
Когда жъ разумъ высоки патѣетъ без лени
И с трудомъ к совершенной приходитъ степени,
Мало веселится самъ своими стихами
И, хотя всемъ угодить мнитъ, щутить похвалами
Такой то во всехъ местахъ славенъ и почтенный,
Однако жъ не хочетъ быти писмомъ отяхченны.
А ты, муза, видишъ все, почто жъ в бездну плыти?
Молю тя, научи мя, какъ рѵѳмы забыти,
Коли прилѣжность твоя не можетъ исправить.
Мольеръ, укажи хоть ты, какъ стихи оставить.

Сатира третия.

Кая нова причина тебя такъ смущаетъ,
Нечаянныя печаль откуды бываетъ?
Почто бледное лицо, какъ винны в приказе,
Когда предъ судьею смерть сулена в указе? [2]).

---

1) Въ оригиналѣ: «Mais depuis le moment que cette frénésie,
De ses noires vapeurs troubla ma fantaisie».

2) Въ оригиналѣ: «Et ce visage enfin plus pâle qu'un rentier
A l'aspect d'un arrêt qui retranche un quartier».

Digitized by Google

Гдѣ красота цвѣтуща і нежность безмѣрна?
Роза бъ той уступила, всяк бы сказалъ вѣрна,
Прилѣжны взгляды очей на тя привлекала,
И гдѣ вино, какъ яхантъ, прекрасно сияла.
А теперь смутны мысли тебя уступили.
Разве раскошъ, подарки уже запретили? [1])
Не дождь ли силны побилъ твои виноградЫ?
Не зналъ, что такъ печаленъ безъ всякой отрады.
Молю, скажи подробну, либъ тебя покину.
— Постой, выслушай скорби моея причину:
Негдѣ былъ я у глупца, тебѣ можно вѣдать;
Нечаянно удержалъ у себя обѣдать.
Прежде желалъ безмѣрно, какъ бы мнѣ отбыти,
Когда за несколко дней сталъ к себе просити.
Но вчерась повстречался, взявъ за обѣ руки:
«Приди завтра, государь, посидимъ отъ скуки,
Не медли шъ; у меня есть дватцать три бутылки.
У купца вины стары, не будутъ такъ пылки;
Смѣло бьюся объ закладъ, кто бъ ни былъ откуды,
Коли тѣ отвѣдаетъ, скажетъ, что не худы [2]).
Мольеръ Тартюфа ролю играть свою станетъ,
И Ламбертъ хотѣ тамъ быти, кончи, не обманетъ;
Ты самъ знаешъ, каковъ онъ, лутче быть не можно».
Кто, Ламбертъ?—«Да, Ламбертъ. Самъ приди-шъ безъ отложно».
Нынѣ по-утру, не знай, что меня прелстила,
Пошелъ после обѣдни, полдни ужъ пробили.
Еще не успѣлъ войтить, хозяинъ встречаетъ,
Крѣпко руками обнявъ, усердно ласкаетъ;
Видомъ приятно кажетъ веселые взгляды:
«Мольера, Ламберта нѣтъ, да мнѣ и не нады;
Коль тебя вижу, мысли доволны бываютъ,
Честь мнѣ велика; войди, все ужъ ожидаютъ».
Тогда позналъ, но поздо [3]), что в томъ самъ виновенъ.
Пошелъ в палату наверхъ я немногословенъ,
Гдѣ сквозь затворовъ лучи сонца проницали,
Горящую пещъ среди лѣта сочиняли.
Тамъ накрыта скатерть, чтобъ были игры, смѣхи;
Увидялъ я дву дворянъ, вмѣсто всей утѣхи.

---

1) Въ оригиналѣ: «Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque édit reformé la cuisine?».

2) Въ оригиналѣ: «N'y manquez pas au moins. J'ai quatorze bouteilles
D'un vin vieux... Boucingo n'en a point de pareilles;
Et je gagerais bien que chez le commandeur
Villandri priserait sa sève et sa verdeur».

3) «Поздно».

Digitized by Google

Великую честь отдали безъ всякой уроны,
Почти прочія Кируса, чиня мнѣ поклоны.
Потомъ поставили супъ красной на фарфоре,
Да петухъ показался в богатомъ уборе;
Перменилъ свое имя, столко видомъ странны,
Что смѣло отъ всех гостей каплуномъ названный.
По сторонѣ две тарелки, одна в нихъ убранна
Языками в похлебки, персикомъ венчанна;
На другой жирно мясо почти все згорѣло,
Гдѣ прегоркое масло весь столъ одолѣло.
Тотъ часъ гости посѣли, накрепко стеснились,
За четвероуголны столъ едва вместились;
И каждой неволею другъ друга пихаетъ,
Поворотясь налѣво, самъ з блюда хватаетъ.
Разсуди же ты, какъ мнѣ тамъ сидѣть не грустно,
Кажется, что ни мясо, ни вино не вкусно;
Если бы при обедѣ такъ было свободно.
Какъ при худой предике, то бы всемъ выгодно [1]).
Однакъ, вездѣ прилѣжно хозяинъ трудится,
Говоритъ: «Каковъ вкусъ вамъ супа быти мнится?
Слышите-ль свежей лимонъ, гдѣ сокъ положенны
Съ яичными желтками приятно смешенны?
Будь здоровъ, Миноть, добрымъ все тебя узнали [2])».
Между тѣмъ мои власы на мнѣ дыбомъ стали:
Понеже про Минота, чаю, весь светъ знаетъ,
Какъ онъ своимъ кушаньемъ многихъ оскверняетъ.
Однако жъ, я все хвалю, когда онъ самъ славитъ,
Мысля, все либо вино наконецъ поправитъ.
Для опыту я спросилъ, да и то напрасно:
Тотъ часъ лакей нагло мнѣ подалъ вино красно,
Гдѣ примѣшена не знай сандалъ, не знай сажа,
Которое куплено вмѣсто армитажа [3]).
Видомъ густо и темно, вкусомъ было сладко,
Лише толко отвѣдалъ, показалось гадко.
Узнать было нетрудно, что оно нецелно,
Для обману к продаже смешено бездѣлно;
Тогда принужденъ в' него воду положити,
Дабы такой вкусъ странной могла утолити.
Кто же бы чаелъ, что и то скуку прибавляло,
Когда в жаркое время ледъ недоставало.

---

1) Въ оригиналѣ: «Si l'on n'est plus au large assis en un festin
Qu'aux sermons de Cassagne, ou de l'abbé Cotin».

2) Въ оригиналѣ: «Ma foi, vive Mignot et tout ce qu'il apprête!».

3) Въ оригиналѣ: «Un laquais effronté m'apporte un rouge-bord
D'un Auvernat fumeux qui, mêlé de Lignage,
Se vendait chez Creuet pour vin de l'Ermitage».

Digitized by Google

Боже мой! какъ нѣту ляду в мѣсяце июле!
Такъ уже я взбѣсился, сидючи на стуле,
Что мыслилъ лутче к чорту весь обедъ отправить
И сто разъ подымался, какъ бы столъ оставить.
Не такъ, чтобъ единъ, хоть бы бранили и трое,
Конча бъ ушолъ, но тогда принесли жаркое.
Заецъ да шесть цыпленковъ, видно, эконома,
Да три зайчика мершихъ, вскормленыя дома:
Знать, молоденькихъ в избе запертыхъ держали,
Кормленыя капустой, которой воняли.
Сверхъ того, что ни было мяса положенна,
Спица з жаворонками тут же угнетенна;
Еще на том же блюдѣ голуби лежали,
Гдѣ можно сказать сожгли, а не задержали.
По сторонь две тарелки: салата зелена
На одной, а на другой трава такъ какъ сѣна;
В нихъ вонялое масло противно всемъ было,
Хоть с уксусомъ смешено, однакъ, на верхъ всплыло.
Тотчасъ все мои глупцы видъ свой перменили
И порядокъ банкета искусно хвалили;
А хозяинъ, видячи, тутъ приободрился,
«Извинить меня прошу»,—низко поклонился.
Не знай, какой разкащикъ, ни лица, ни стану,
Голодный, знать, за обѣдъ, конча, зашелъ съ пьяну,
Видно, что есть гуляка, в томъ себя не правитъ,
Со всехъ блюдъ почти беретъ и тѣмъ обѣдъ славитъ.
Смѣшно было мнѣ смотреть, какъ онъ ни стыдился:
В долгомъ галздуке сидитъ, парукъ развалился,
Морскихъ зайцовъ есть [1]), хвалитъ, сказываетъ вкусно;
Смотри, какъ зажарены голуби искусно,
Хозяина веселя, и сморитъ, что нравна,
Глазами угождаетъ, говоритъ исправна.

Далѣе въ рукописи слѣдуетъ перерывъ, такъ какъ утерянъ листъ; возобновляется текстъ уже конца сатиры.

Творецъ! угнулся, она, летучи, попала
В стѣну; оттоль отскоча, назадъ отбежала.
По такомъ стыдѣ не могъ за столомъ сидѣти,
На недруга свирепымъ сталъ окомъ смотрети,
И хотя между ими осторожно стали,
Однако жъ, за волосы другъ друга поймали.
Столъ весь под ноги упалъ, блюды, ножи, вилки;
Кушанье все пролито, разбиты бутылки;

1) Очевидно: «ѣстъ».

Digitized by Google

Напрасно слуги хотятъ все збирать по блюду,
Быстрыя ручьи текутъ отъ вина повсюду,
Наконецъ, какъ бы драку удержать, не знаютъ,
Силются вновь кричать, все опять разымаютъ.
Тогда в нихъ перву ярость тщились утишити,
Прилѣжно старалися, чтобъ к миру склонити,
Казались быть согласны, почти все готова,—
А я до дверей добрался, не сказавъ ни слова,
З доброй клятвой присягнулъ впредь не очютится
На пирахъ тѣхъ, гдѣ можно и ума лишится.
Глупость свою наказать, стерплю что иное:
Вместо добраго вина пить бы мнѣ худое,
А в Париже бы зимой дичь недоставала,
Хотя бъ въ августѣ плодовъ в садахъ не бывала.

Сатира четвертая. Къ господину абату Баеру[1]).

Любезный мой Баеръ, откуду бываетъ[2]),
Что всякъ мудрость въ единомъ себѣ толко чаетъ?
Продчихъ мнитъ всехъ безумныхъ и хотя не смыслитъ,
А своего сосѣда сумашедшимъ числитъ.
Ученой споритъ крепко, что знаетъ науку,
Нужно по гречески врать, приводитъ всехъ в скуку;
Разве изо ста творцевъ на память читаетъ,
Со всѣмъ тѣмъ малоумнымъ себя обявляетъ.
Мнитъ, что книга все можетъ и безъ Аристота
Разсудокъ мраченъ, смысла падаетъ дабрата[3]).
З другой страны любовникъ, толко за нимъ дѣла,
Что изъ двора да во дворъ всюду бѣгать смѣла;
В парукѣ светлорусомъ, чается, что кстати,
Скучливыми речами весь свѣтъ утруждати.
Такой гонитъ науку, писмы ненавидитъ,
Незнаніе чтетъ за смыслъ, себя не обидитъ.
Придворнымъ обыкность есть давать почетъ злату,
А ученыхъ отсылать въ другую палату.
Ханжа лукавы кажетъ вездѣ себя честнымъ,
Мнитъ и Бога обмануть усерднемъ лестнымъ

---

1) Въ оригиналѣ: «A M. l'abbé Le Vayer».

2) Недостаточный стихъ.

3) Очевидно: «доброта». Въ оригиналѣ: «La raison ne voit goutte, et le bon sens radote».

Digitized by Google

И подъ видомъ святости страсти свои краетъ;
Человѣковъ всехъ винитъ, по своему строитъ.
К тому жъ иной безбожникъ, безъ души, без вѣры,
Волю свою чтитъ в законъ, а тамъ все химѣры;
Демона и адский огнь не чаетъ имѣти,
Мнитъ старинныя басни, чтобъ боялись дѣти.
Рачение то лишно, почто нудитъ нравы,
Чай, у всякаго ханжи в главѣ мозкъ не здравы.
Единымъ словомъ сказать, никто не изчислитъ
Все обыкность и какъ кто различно мыслитъ.
Удобнее счесть людей, что одной весною
Отъ докторовъ и лекарствъ покрыты землею;
Иль сколко дѣвицъ знатныхъ чистоту теряютъ,
Замужъ выходятъ честны, любимы бываютъ [1]).
Почто изяснять всуе все уже готова?
Мысль свою вмещу в стихахъ толко чрезъ два слова:
Не в гнѣвъ глупцамъ греческимъ мудрыми названнымъ,
Что в семъ свѣте в мудрости нелзя быть избраннымъ,
Ей, все люди безумны, какъ бы не рачити;
Разнь та болши иль меншн в нихъ кажется быти.
В пространнѣйшемъ лесу, гдѣ сто путей бываютъ,
Идучи тамо, себя незапно теряютъ;
Тотъ вправо, иной влѣво, но бѣгаютъ праздно,
Ибо едина забыть обемлетъ всехъ разно.
Всякъ слѣдуетъ в мире семъ путемъ неизвестнымъ,
Гдѣ забыть ево водить ограниемъ лестнымъ;
Тотъ искуснымъ ся ставитъ, и насъ презираетъ,
Кто подъ видомъ мудреца глупѣй всехъ бываетъ.
Хотя на сие точно пишется в сатурѣ,
Но каждой в мудрость ставитъ глупость свою в мирѣ,
Слѣдуя во всемъ свому разуму кривому,
Добродѣтели имя нраву даетъ злому,
Убо желает ли всякъ вѣрно себя зрѣти,
Премудръ тотъ есть, кто мудрость не чаетъ имѣти;
И кто всегда з другими живетъ добронравна,
Знаетъ самъ себя, в дѣлахъ все творитъ исправна,
Собственной погрѣшности не хранитъ в приязни
И нелестно нравомъ злымъ злые даетъ казни.
Но всякой самъ за собой вину отпущаетъ.
Скупой дражжитъ на денги, мешки запираетъ,
И тамъ ему голодъ, гдѣ изобилность зрится,
Дурачество разумомъ дивнымъ быти мнится.

---

1) Въ оригиналѣ: «Il compteroit plutôt, combien dans un printemps
Guenaud et antimoine ont fait mourir de gens;
Et combien la Neveu devant son mariage
A de fois au public vendu son pucelage».

Digitized by Google

Кладетъ всю свою славу и щастье любезно
Собирать сокровище себе неполезно.
Что болше множить, менше то употребляетъ,
Скупость—чюдная есть страсть—смертными владаетъ.
Другой столко жъ кажется безуменъ немало,
Кидаетъ свое добро, кому ни попало;
Душа в немъ неспокойна, самъ о себѣ тужитъ
И скучаетъ кажды день, что фартуна служитъ.
Кто жъ изъ нихъ двухъ глупѣе тебѣ быть возмнится?
По мнѣ, знать, у обеихъ в главѣ мозгъ вертится,
Марки в зерновой избѣ лутче на то скажетъ [1]),
В игрѣ своей вседневной доводомъ покажетъ,
Четырнатцати либы семи ожидая,
Изъ рога слонова жизнь или смерть будетъ злая.
Несчастнаго предѣла хитростны навѣты
Уничтожаютъ часто игроковъ примѣты;
В такомъ случае на немъ дыбомъ власы станутъ
С ужасомъ несказаннымъ очи к небу взглянутъ.
Ей, беснующемуся подобится силно,
За него же попъ святыхъ всѣхъ просить умилно.
Пусть его свяжутъ страшно, смотреть не в потребу,
Дабы сей новой титанъ не приступилъ к небу.
Но оставимъ свободна в такой злой боязни;
Глупость сама бываетъ вместо лютой казни.
Еще ина есть забыть, в ней же ядъ приятны,
Наводя сладость, творитъ смыслъ нашъ весь развратны;
Отъ любезна нектара память оставляетъ.
Иной сталъ стихотворцемъ, почто? самъ не знаетъ.
И хотя слогъ весь грубы, рѵемы не даются,
Чему во многихъ местахъ публично смеются [2]),
На то мало взираетъ, труды свои хвалитъ,
Виргилиа в Парнасе за спиною ставитъ.
Что бъ онъ учинилъ, увы! еслибъ кто былъ в мочи
Открыть ему на беду ослепленны очи,
Показавъ стихи грубы, безъ красы, безъ силы,
На дву словахъ подняты, власно какъ на вилы.
Рѣчь безразсудна, одна з другой отдаленна,
Украшеннемъ гнуснымъ и строкѣ приплетенна,
То бъ, чаю, проклялъ свои дни, и душа познала,
Что приятно забыти мысли потеряла.
К тому жъ иной лицемеръ, и не вовсе глупы,
В странной своей болезни могъ [3]) столь имѣлъ тупы,

---

1) Въ оригиналѣ: «Répondra, chez Frédoc, ce marquis sage et prude».
2) » » «Chapelain veut rimer, et c'est là sa folie.
Mais bien que ses durs vers, d'épithètes enflés,
Soient des moindres grimauds chez Ménage sifflés»...
3) Очевидно: «мозгъ».

Digitized by Google

Что чаялъ слышать духовъ в дому своемъ вѣрно,
Гармонію дающихъ сладостну безмѣрно.
Одинъ и докторъ разумны, конче, то я знаю,
Что вылечилъ искуствомъ или по случаю;
Но когда сталъ требовать за (ч)то себѣ плату,
«Мнѣ платить»,—сказалъ больной,—«деньгамъ чинить трату!
Прокляты буди тут же и наука злая,
Забыть мою излеча да лишила рая!»
Гневъ его похваляю; коли сказать внуже,
Изъ всей нашей худобы разсудокъ всехъ хуже,
Ибо страшитъ в той часъ, гдѣ веселье блистаетъ,
Совесть угрызая, намъ лежать воспрещаетъ.
Онъ ужъ безмилосердно поступаетъ с нами;
Бутъто учитель в школе, стоитъ за плечами,
Всегда насъ журитъ, но мы о томъ мыслимъ мало,
Такъ какъ у попа время в казанье пропало [1]).
Ей, всуе казнодей крикомъ тѣмъ всечаснымъ
Разсудокъ надъ чювствомъ поставляютъ власнымъ,
За божество на земли вменяя, конечно;
Вѣрютъ, что и в небо онъ преселитъ насъ вѣчно.
Мыслятъ, что той едины добро всяко учитъ.
Хорошъ разсудокъ в книге, читать не наскучитъ,
И я тожъ держу; но какъ кто ни размышляетъ,
А невѣжда чаще всѣхъ доволенъ бываетъ.

Сравнивая приведенный русскій текстъ сатиръ Буало съ французскимъ, мы видимъ, что переводчикъ иногда отступалъ отъ своего оригинала стараясь замѣнить нападки автора на нѣкоторыя личности, — которыя были бы непонятны русскому обществу, — болѣе широкими выраженіями. Переводъ отличается смѣшанностью колорита; съ одной стороны, онъ изобилуетъ галлицизмами [2]),—съ другой—нѣкоторыя выраженія при-

---

1) Въ оригиналѣ: «C'est un pédant qu'on a sans cesse à ses oreilles,
Qui toujours nous gourmande et, loin de nous toucher,
Souvent comme Joli, perd son temps a prêcher».

2) Напр. «калепинъ», «еебра» (сат. I); «волюменъ» (сат. II); «при худой предике» (сат. III); «марки» (сат. IV) и т. д.

Digitized by Google

дают сатирамъ чисто-русскую окраску [1]). Кромѣ того, въ данномъ переводѣ сатиры Буало теряютъ изящество, звучность и легкость стиха, а отчасти даже и свое остроуміе. Но всѣ эти недостатки вполнѣ понятны, если принять во вниманіе неразработанность и бѣдность русскаго языка первой половины XVIII в. Для исторіи русской литературы важенъ самый фактъ перевода сатиръ Буало, независимо отъ того, является ли его авторомъ кн. А. Кантемиръ или какой-либо неизвѣстный намъ писатель; фактъ этотъ указываетъ на стремленіе передовыхъ людей послѣ-петровской эпохи познакомить современное имъ общество съ крупными произведеніями западно-европейской литературы, расширить кругозоръ русскаго читателя.

Переводами изъ Буало мы заканчиваемъ изложеніе найденныхъ нами матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій А. Кантемира.

Суммируя всѣ новыя данныя, мы видимъ, что открывается возможность,—установивъ точно время написанія вновь найденныхъ произведеній, — указать этапные пункты въ эволюціи творчества А. Кантемира. Будемъ надѣяться, что съ теченіемъ времени откроются еще неизвѣстныя или затерянныя произведенія нашего сатирика, многочисленныя данныя помогутъ освѣтить его литературную дѣятельность со всѣхъ сторонъ, и первый русскій поэтъ-гражданинъ, заслужившій «маленькій, скромный, но безсмертный памятникъ въ исторіи русской литературы» [2]), получитъ, наконецъ, полную и безпристрастную оцѣнку.

Т. Глаголева.

---

1) Напр.: «Отъ приказовъ далеко...» (сат. I); «То въ Петровки увидятъ» (ibid.); «Какъ винны в приказе» (сат. III); «въ зерновой избѣ» (сат. IV) и т. д.

2) В. Г. Бѣлинскій. «Кн. Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ». Соч., т. XII.

Digitized by Google

Изъ области древней церковно-славянской проповѣди.

Десятый изъ издаваемыхъ нами текстовъ взятъ нами изъ Погодинскаго сборника XV вѣка, № 852.

Это — похвальное слово Іоанну Предтечѣ, назначенное для произнесенія въ день его рождества 24 іюня. Оно настолько близко къ похвальнымъ словамъ Климента, что можетъ быть приписываемо ему съ достаточнымъ вѣроятіемъ. Словарный матеріалъ — климентовскій, съ любимыми климентовскими эпитетами: *богозрачьная* луча, *богозрачьная* словеса, *свѣтозарьныи* языче (зват. п.). Можно отмѣтить: *правовѣрие*, *святитель* = священникъ? (о Захаріи), *поставъ* чловѣчьскыи = природа?, *прѣсвѣтлованыи* пророкъ.

Извлеченія изъ евангельскаго текста, кажется, нѣсколько подправлены переписчиками и приближены къ обычному евангельскому тексту русскихъ списковъ.

Одиннадцатый текстъ — небольшое похвальное слово свв. Козмѣ и Даміану — извлеченъ нами изъ сборника XV в. Имп. Публичной Библіотеки Q. I. 1000. Кромѣ начала, это слово совпадаетъ съ другимъ словомъ на память тѣхъ же святыхъ, нерѣдкимъ въ русскихъ сборникахъ и уже дважды изданнымъ: въ Четіихъ-Минеяхъ митрополита Макарія подъ 1 ноября (стр. 35—37) и въ Archiv für slavische Philologie, т. XXVII,

Digitized by Google

стр. 380 (по сербскому списку, П. А. Лавровымъ). Принадлежность Клименту — внѣ сомнѣнія. Вопросъ о томъ, которое изъ двухъ словъ — теперь нами издаваемое, или ранѣе изданное — подлинное климентово, долженъ быть рѣшенъ, кажется, въ пользу послѣдняго.

Двенадцатое слово — слово на крещенье. Оно взято нами изъ сборника нач. XV в. Имп. Публичной Библіотеки Q. I. 1130.

Богатое учительнымъ элементомъ, оно нѣсколько уклоняется отъ общаго типа словъ Климента. Но однородныя слова (помѣщаемыя въ Прологѣ) считаются принадлежащими Клименту, а одно—на преображеніе—имѣетъ въ заглавіи надписаніе: «святаго Климента»[1]).

Тринадцатое слово — на вознесеніе — найдено нами въ юго-западно-русскомъ сборникѣ первой половины XV в. Румянцевскаго Музея, № 406.

Оно издано, какъ климентово, Л. Стояновичемъ (стр. 60). Принадлежитъ къ тому же ряду словъ, что и предыдущее, и имѣетъ нѣкоторое право считаться за принадлежащее Клименту.

А. И. Соболевскій.

---

1) См. нашу замѣтку о сборникѣ словъ Климента въ изданіи Л. Стояновича (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1905 г., № 12, стр. 432—433).

Digitized by Google

X.

В то҃ дн҃ь похвалное слово на ржс҃тво чт҃на҃ пр҃тчи и кр҃тлѧ гн҃ѧ Іѡанна[1]).

Присно текыи источникъ бж҃тва напаѧа. преисъхшаа невѣрьствомъ дш҃а. дне҃ ꙗвисѧ намъ ꙗко пресвѣтлаго сл҃нца дн҃ьницу пре҃текоущую[2]) всю озарѧюще вселеную свѣтомъ радости. и съ высокимь проповѣданїемь сбирающе всего мира на предивное чюдо. и веселїемь неплѡднаа ложесна возвеселѧщи. и ликъ съставлѧюща. престарѣвшемусѧ[3]) естеству. и запоустѣвшаа горы и врьтпы аг҃глкаго гласа исполнѧющи. того бо источника всѧкь вкоушаа вѣрою живъ боудеть. ꙗко҃ оучить ны гл҃ѧ бж҃твеныи лоука еѵ҃алистъ. бѣ во дни ирода цр҃ѧ їерѣи етеръ именемь захарїа. и жена[4]) ему елисавефь. и та бѧше замт҃рѣла во дни своа[5]). бѣста҃ праведна съвръшающе заповѣди бж҃їа. ждоущаго[6]) прозѧбенїа б҃госадныа лѣторасли. тако бо подобно[7]) бѣ с чюдесемъ рѡ҃дтисѧ пр҃тчи и кр҃тлю гн҃ю. дабы ѿ то҃ позналъ каменоср҃чныи[8]) рѡ҃ еврѣискыи. которому цр҃ю есть проповѣдникь пр҃тча. ѡ томъ бо преж҃е възг҃ли[9]) исаїа ѿ лица гн҃ѧ. се азъ послю аг҃гла моего пре҃ лицемь твои҃. и тъи оуготоваеть пути твоа[10]) прѣ҃ тобою. сирѣчь проповѣсть мѧ въ плоти пришедша на землю. взыскати и сп҃ти погыбшаго. не можаше бо зрѣти лестїю дїаволею одръжима рода чл҃ча. тѣмь҃ посла арх҃гг҃ла своего гаврїила. гл҃ѧ. ему иди къ захарїи ст҃лю извѣсти[11]) ему

1) Погодинск. сборникъ XV в., № 852, л. 263.—Варіанты взяты изъ сборника Ундольскаго XV в.., № 577, л. 137, кромѣ тѣхъ, которые означены буквою М. = Макарьевскія Четіи-Минеи подъ 24 іюня (Синод. Библ. № 995, л. 380 сл.).

2) дн҃ьница пр҃текоущаꙗ. 3) престарѣвшюсѧ. 4) жена же.
5) въ днехъ свои҃. 6) ждоуща. М. ждоуще. 7) подоба.
8) каменосердыи. 9) У М. возгласи. 10) путь твои.
11) и возвѣсти.

Digitized by Google

ржтво чтнаго [1]) моего прр҃ка и прт҃чи. преложи сѣтованїе его на свѣтлость. оутѣши многопечалныа слезы. разрѣши неплоныа съузы ѿ телесе его. и возвесели неплонаꙗ ложесна повелѣнїемь стго ти гласа. ѿжени лѣность ѿ естества стара. бы же слоужащу захарїи по ѡбычаю сщенному. лоучисѧ ему вшешу въ црквь бжїю слоужити. и покадити стаа стыхъ и помолитисѧ бви себе ради и ѡ людехь. не всегда бо вхожаахоу їерѣи во стаꙗ стхь. но единою лѣтомь единъ їерѣи и вси людїе бѣша внѣ стоꙗща в гѡ млтвьныи. ꙗви же сѧ ему агглъ гнь стоа одесноую олтарѧ кадилнаго. видѣвь его захарїа смоутисѧ [2]). и страхъ нападе нань. помышлѧше в себѣ глѧ что убо есть видѣнїе его [3]) ужасно зрака бо его страшно [4]) взираю. ѡбличїе его пѡбно члкоу. а ризами пресвѣтлыми [5]) зракъ мои ѡмрачаетсѧ [6]). егда [7]) ми наказанїе се боудеть [8]). и се ему мыслѧщу. рече агглъ не боисѧ захарїе ни оужасаисѧ. ни входи в таково помышленїе. се бо елисавефъ жена твоа зачати имѧ во чревѣ своемь. и рѡдть снъ и наречеши имѧ ему їѡа. боудеть ти радость и веселїе. и мнозѣ ѡ ржтвѣ его възраꙋютсѧ. ѡнъ паче оужасенъ бы. и мышлѧше в себѣ глѧ. соугубъ страхъ и трепетъ прїиде на мѧ. кто бо видѣ коли или кто слыша кого въ сицевѣ [9]) старости дѣти родѧща. си [10]) по члчку поставу глаше. а не помышлѧше [11]) всѧ ѿ бга възможна соуть вѣрующему [12]). и рече къ агглу. како ми будеть се старъ есмь. а жена моа замтрѣла и [13]) прешла дни своа [14]) въ старости уже минули дѣтородїа [15]) времѧ. плоть ослабѣла а [16]) сила изнеможе. и днь преклонисѧ к вечеру. и смрть приближиласѧ. не домыслюсѧ како се ми боудеть реннное тобою. все добро есть въ свое времѧ. забывь оубо старость авраамлю и неплодство саррино стужаше си агглъ же ре к немоу. по что захарїе в таково невѣрїе вниде не зачатъ ли сарра сна исаака ѿ авраама въ

1) У М. пресвѣтлаго. 2) смѧтесѧ. 3) У М. се. 4) страшна.
5) пресвѣтлами. 6) ѡбращаетсѧ. 7) Надо читать: еда 8) бы.
9) в сицеи. 10) сіи. 11) мышлѧше. 12) М. вѣроующимъ.
13) заматерѣвши. 14) дньми своими. 15) минoувше. У М. дѣтородное.
16) ослави.

Digitized by Google

преставленїи [1]) своемъ или невозможно съвръшити волѧ по велѣнїю бж҃їю. тъ бо словомъ оутверди мое възвѣщенїе к тебѣ. но понеже мѧ невѣрна сътвори. то [2]) боудеши нѣмь не могыи гл҃ати до сбытїа моеа бесѣды. и то рекь ѿиде ѿ него арх҃тглъ. захарїа же къ прѣдверїю пришед не можаше к людем гл҃ати и разоумѣша вси ꙗко видѣнїе е видѣлъ. по сихь же дн҃ехь зачатъ їелисавефь захарїина жена и таашесѧ пѧть мц҃ь гл҃щи. ꙗко тако створи [3]) г҃ь въ дн҃и в нѧ҃ призрѣ ѿꙗти поношенїе мое въ чл҃цѣхь въ .ѕ҃. и же мц҃ь по їѡанновѣ зачатїи посланъ бы ѿ г҃а [4]) аг҃глъ гаврїилъ къ дв҃ѣи мр҃їи и рѣ еи радуисѧ обрадованнаа г҃ь с тобою. бл҃вна ты еси в женахъ и бл҃внъ плѡд чрева твоего се бо зачнеши [5]) и рѡдꙁши сн҃ъ и нарѣши имѧ ему іс҃. тъ бо сп҃сеть люди ѿ грѣхъ [6]). се бо їелисавефь оужика твоа и зачатъ сн҃а въ старости своеи. и се мц҃ь .ѕ҃. еи нарицаемѣи неплоди. ꙗко не изнеможеть ѿ бг҃а всѧкь гл҃ъ. мц҃ь рѣ шестыи [7]) гл҃еть аг҃глъ. ѿнелѣже бл҃говѣщенїе прїѧтъ захарїа ѿнелѣже елисавефь зачатъ пр҃тчю гдьска. ѿнелѣже разверзошасѧ прч҃таа ложесна. и прїꙗша бг҃озрачную лоучю. прѣтекуща [8]) и проповѣдающа мысленаго сл҃нца х҃а въ пло приходѧща. въставши мр҃їа в ты дн҃и иде в горнѧа и вшедши [9]) в домъ захарїинъ и цѣлова елисавефь. и взыграсѧ млд҃нець радощами въ чревѣ моемъ [10]). и м҃трьними оусты воспи своа си гл҃ѧ. ѿкоуду се прїидеть ми м҃ти [11]) г҃а моего къ мнѣ. бл҃гоѡбразнѣи очи и свѣтозарныи ꙗзыче. въ чревѣ носіму ѡч҃ьску зарю. познавь не соблазнисѧ. но матерними [12]) оусты воспи гл҃ѧ. ѿкоуду се мнѣ прїиде [13]) м҃ти г҃а моего ко мнѣ. ты рече ц҃рѧ носиши а ꙗзъ воина ты свѣта. а ꙗз свѣтилника. ты сл҃нца. а ꙗзъ лоуну. ты творца и г҃а всѣхь исполньшимъсѧ дн҃емь елисавефи рѡдꙁти прижитъ сн҃а и слышаша вси живущїи окр҃тъ рожд҃енїе еа. ꙗко възвеличилъ есть г҃ь мл҃ть свою с нею. и собрашасѧ ꙗко на предивное чюдо нарицааху дѣтища именемь [14])

---

1) У М. престарѣнїи. 2) то да. М. тогда. 3) сътвори мнѣ.
4) М. бога. 5) М. зачеиши. 6) грѣхъ ихъ. 7) .ѕ҃.
8) прѣтекоущю. 9) М. приб. вниде. 10) еи. 11) да прїиде м҃ти.
12) М. матерни. 13) се да прїиде. 14) М. приб. оц҃а.

Digitized by Google

захарїа[1]). и единако пребывающу нѣму захарїи не могущу проглати. слышавши же мти дѣтища рече ни. но їѡа имѧ ему[2]) наречетсѧ[3]). и та бо подвижема[4]) дхмь стмъ прозрѧше[5]) прореченаа ѿ аггла захарїи ѡ[6]) единогласїи[7]) имени его. захарїа же руками съкладываа дщицу и просї и написати[8]) їѡа есть имѧ ему. и абїе съ гласомь тѣмь ѿвръзошасѧ уста ему. и разрѣшисѧ оуза ꙗзыка[9]) его. и глаше блгвѧ бга. и рѣ. блвнъ гь бъ їслвь ꙗко посѣти и створи избавленїе людемь своимь. и къ отрочати же прорѣцаа рече. и ты отроча прркъ вышнѧго наречешисѧ. прѣидеши бо прѣ лицемь гнимъ оуготовати поути его. дати разоумь спнїа людемь его въ оставленїе грѣхь наши млрдїа ради млти бга нашего в нихьже посѣти насъ востокь свыше. просвѣтити сѣдѧщаа во тмѣ и сѣни смртнѣи. днь бо намъ восїа ѿ самого въстока въстокъ дньница пресвѣтлаа прѣтекущи и наставлѧющи заблоужьшаа прелестїю дїаволею ногы наша на путь миренъ. тѣмь и мы велегласно с похвалою въспои днь единогло ркуще ему. раудисѧ всечтныи прррче соугубы прртча превыше всѣ нбныхь и земныхь чиновь. възгремѣвыи ꙗко громъ. и сходѧщумусѧ народу ѿвсюду їоудѣиску. вопїаше[10]) глѧ. нѣсмь азъ гь. но посланъ есмь прѣ нимъ оуготовати пути его ꙗко рече прркъ исаїа глѧ гла въпиющаго в поустыни. оуготоваите путь гнь и правы творите стезѧ его. ѡному пѡбаеть растити[11]). а мнѣ оумалѧтисѧ[12]). азъ оубо крщу вы водою ѡмываа акы съсуды скверны)[13]. а тои кртить вы дхмь стмъ и силою. раудисѧ свѣтилниче тресвѣтла[14]) гдьства зарею свѣтѧ и весь миръ просвѣтивь бгозрачными словесы. раудисѧ їѡанне шестокрилатымъ[15]) сопртльниче. и четверозрачнымь ликостоꙗнїа[16]) и бесплотьнымъ покоиниче[17]). раудисѧ прррче и прртче земнаго ества вышши[18]). ꙗко ѡ тебѣ истинна

1) М. захарию. 2) емꙋ да. 3) М. речетсѧ. 4) подвижена.
5) прозрѧше бо. 6) М. ѿ. 7) ѿ единого гласа.
8) рꙋками помаꙗвъ дщицю испросивъ. и написа.—М. испроси и написа.
9) М. ꙗзыкъ. 10) но вопїꙗше. 11) М. расти. 12) малитисѧ.
13) скверныа. 14) М. пресвѣтлаго. 15) шестокрилатны.
16) М. ликѡстоꙗние. 17) спостиниче. 18) М. вышьнїи.

Digitized by Google

сама свѣдѣтельствова рекъ. никтоже в рожены женьстѣ не ста болій Іоанна. тои бо є̑ сказаемыи блг̑ть г̑на. раг̑ися Іс̑ѹ̑ всякому пр̑рчьствѹ свершена печать [1]) раг̑ися пресвѣтлованым пр̑рче и поконниче [2]). а̑плѡ̑ и мч̑комъ неизреченная радости. рад̑ися архіерѣѡмъ пресвѣтлым єпче правовѣрію добрым испоѣдниче. рад̑ися Іс̑ѹ̑ поустынникомь началниче и постникѡ̑ неразоримаа стѣна [3]). тобою положи х̑с̑ образа поустыннаго и вса привлече к себѣ израдным [4]) теонмь житіемь тѣмь̑ что реку или что єзглю [5]). дивлса теоен неизреченьки [6]) премоудрости смиренію. имь̑ [7]) исплъни пустына и горы ертепы и пропасти. тѣснымь и прискорбнымь [8]) поутемь ходити могын. гла къ всѣмь [9]) покантеся. приближи бо са царьство нб̑ное [10]). емуже и на̑ давы сподобилъ быти причастникы. блг̑тію. чл̑колюбіемь г̑а нашего Іс̑ х̑а̑ емуже слава и дръжава ч̑тъ и поклананіе нг̑ѣ и пр̑но.

XI.

Слово [11]) похвално. с̑тѹ̑ безмѣ̑зника, козмы и даміана.

Похвалн братіе блг̑аго б̑а, и всѣ є̑ [12]) оугѡ̑ники и̑ съхранішя вса заповѣди є̑. и того ра̑ г̑ъ б̑ъ прослави [13]) не токмо в животѣ но и по̑ смр̑ти чюдесы [14]). слѣпы прозрѣніе, хромы хожені̑е, и вса болѣзни ншя исцѣлма дшевныа и телесныа ико̑ и сіи безмѣ̑зника и чюдотворц̑а козма и даміанъ. вѣста бо взоро̑ стаа, и шбличі̑ѣ̑ а̑ггла бжіа, любовію и вѣрою б̑жіею оукрашена. житі̑ѣ с̑тѹ̑ [15]), выше члчкаго соуцества, а̑ въспитѣ и роди

---

1) М. съвершеніе печати. 2) поклонниче. 3) стѣно. 4) М. издрадным.
5) Словами: что реку или что къзглаголю, начинается слово Іоанна Златоуста на воздвиженіе.
6) Приб. добротѣ. 7) тѣм жѣ. 8) тѣмъ прискорбнымъ.
9) многымъ. 10) цр̑тві̑ бжіи.
11) Похвала с̑тымъ безмѣ̑здникомъ. козмы и дамьяноу.—Основной текстъ—изъ сборника Имп. Публ. Библ. XV в. Q. I. 1000, л. 310.—Варіанты взяты изъ сборника XV в. Румянц. Муз. № 434, л. 95 об.
12) смѣ. 13) Приб.: ихъ. 14) Приб.: дарѣ. 15) къ ч̑тымъ.

Digitized by Google

прчтнаа фешта. и[1]) дасті а к наоученіе[2]) гне хітрости всакіа наоучіти. принуди же[3]) рвеніе бжіе на всако дѣло блго. и въскипѣ к нею даръ врѣвескы, чюдесы ико звѣзами оукрашена. всака болѣзнь и стрть посѣщеніе ею ѡбѣгаше. не токмо нечіти недузи, но и скоты ѡ юзъ разрѣшающіе поклѣніе ею вѣсы ѡгонахуса. тѣм же и пресвѣтлое[4]) празеньство почитающе. с похвалою велегласно възопіе рекуще[5]) сіце. радуи козмо прогонниче вѣсѡ. радуи пресвѣтлыи даміане, разрѣшите стрте всѣ. радуи златозарныи козмо. скорыи посѣтитель недужны. радуи златозарныи[6]) даміане теплыи помощиніи недужны. радуи козмо свѣтіло цѣлебное[7]) зарею свѣта. радуи пресвѣтлое слнце даміане врѣвствѡ ѡзарма ее міръ. радуи козмо бгозрѣныи защитниче пѣлны. радуи даміане бготочныи источниі врѣвства, всега кипа блгтію, и николиі исчерпае. радуи версто прчтна[8] и единорѡна, и единодшина, и единосмыслена, свершаема дхом стым въспитани пѣщею небною напоена блгоуханіе. маслинѣ доброплоніи наслажение хотящиі[9]) животны вѡ. лоза многоплонаа. наплодивыа[10]) ее міръ чюдесы. напоившиа недужныа врѣвствѡ. всѣнѣшіа болныа мтію възвизающи немощны[11]) блгтію. закрилма вѣрны ea[12]) ѡ всакіа напасти, просвѣщающе темныа исцѣленіе. сіающе в миры[13]) чюдесы и не заходящее слнце варающе всега исцѣленіе пре смрти. прѣстоще нынѣ хѵи въ свѣтѣ неизрѣннѣ, просвѣтіта мтію[14]) мое шмраніе[15]), (и стрти ѡженѵща, и болѣзни ѡгонаща. мира съхранша. и повѣдоу испросаци оу ха правовѣрномѵ кнзю нашемѵ. мтвою вѣнчанта и. силою препошите его. и вѣрою въшрѵжающе. молаща прно за ны стѵю трцоу. сіающѵ тремі собьстеы въ единомъ бжествѣ. ѡца и сна и стго дха. нынѣ и прно и въ вѣкы вѣкомъ).

---

1) ижe — и нѣтъ. 2) дастася к' наказаній. 3) Приб.: и. 4) Приб.: ю.
5) глюще. 6) свѣтозарныи. 7) свѣтило козмо цѣлебною. 8) простымъ.
9) исходящи. 10) напомнишина. 11) немощныа. 12) закрывающи вѣрныа.
13) в' миръ. 14) Приб.: мира разрѣшающе грѣхы. и
15) Далѣе въ спискѣ Пубя. Б.: бу йшиму сна, чѣмъ оканчивается текстъ. Въ виду этого мы беремъ продолженіе изъ Рум. списка, съ едва ли не позднимъ добавленіемъ о князѣ.

Digitized by Google

XII.

В тъи҃ д҃нь поученье на кр҃щнье г҃а н҃ше і҃с х҃а[1]).

Пр҃но подобно есть бра҃е. подвигъ добръ с вѣрою и с любовью ꙗвлѧюще. спѣѧти[2]) в законѣ г҃ни. и разумѣвати ꙗко[3]) и по что ѿ небытиꙗ бытье[4]) б҃мь сотворени быша. толи льстью змииною пр҃но живущую жизнь на см҃рть премѣнихомъ. и в тлѣнье впадше. и[5]) злобою удалихомсѧ ѿ б҃а. еже[6]) бѣ в работоу ны тварь поручена. и тои повинувшисѧ все бл҃гы б҃гы створихо҃. сл҃нце[7]) же реку и мц҃ь. рѣкы источникы все тлѣнье доже[8]) и до гада всему поработихомѧ҃ и внег҃а[9]) во нечаѧнье ꙗ[10]) жизни сию вложихо҃. тога҃ посѣти на҃ вышнѧѧ бл҃гть сила бо и слава б҃иѧ. и б҃ъ[11]) в наше ест҃во вмѣнисѧ[12]) и бы҃ вкупѣ б҃ъ и чл҃вкъ. сугубь ест҃вѡ. стр҃ти и недуги наша на себе восприимъ. бесѣменьна плоть бы҃ первое родьство имѣꙗ[13]) безначално и превѣчно[14]) ѿ ѡц҃а. безъ м҃три вышними силами и[15]) непрестаньно прославимъ второе же родьство[16]) приꙗтъ на҃ дѣлма безъ ѡц҃а ѿ д҃вы пр҃чтыѧ[17]) же б҃ца нар҃еетсѧ[18]) родьствомъ его. собою ѡбнавлѧꙗ. и[19]) ѡбетшавшии грѣхомъ родъ нашь. и д҃нь на воды ерданьскыѧ прише҃[20]). смиреньѧ ѡбразы ꙗвлѧꙗ. пр҃чтыи верхъ свои прекланѧюще[21]). по҃ руку берньнаго ест҃ва ноужа створити и[22]) н҃бнымъ[23]) силамъ в нищетнѣ ѡбразѣ пришедъ ꙗ҃ простъ и[24]) чл҃вкъ. и главу свою рабови прекланѧеть. егоже видѣвъ ерданъ. и ѿ первыхъ чю҃съ познавъ тв҃рца си. со трепетѡ҃ шествие свое[25]) возврати. тварь безд҃шна сущи со страхомъ работаеть тв҃рцу си. а мы бра҃ꙗ дохновенье҃[26]) ѡбразъ сущи[27]) ти не почитае҃. подобно тв҃рца си. но акы свиньꙗ в калѣ

---

1) Сборникъ Имп. Публ. Библ. XV в. Q. I. 1130, л. 11 об. — Варіанты изъ Погод. сборника XV в., № 1024, л. 313.

2) свѣчи. 3) како. 4) в' бытіе. 5) Нѣтъ. 6) ꙗже.

7) повиноухомсѧ все съ страхомъ сл҃нце. 8) тоиже. 9) всегда.

10) Нѣтъ. 11) богъ бо. 12) вмѣщесѧ. 13) первѣе имѣꙗ родъ.

14) Нѣтъ. 15) Нѣтъ. 16) и тъ р҃жтво. 17) Нѣтъ.

18) нарицаетсѧ. 19) Нѣтъ. 20) прииде. 21) преклонѧше.

22) Нѣтъ. 23) вышнимъ. 24) Нѣтъ.

25) сшествие. Надо читать: шествие си. 26) дх҃ъновениꙗ. 27) имоущи.

Digitized by Google

грѣховнѣмь. прⷭ҇но тружаеми есмы самохотѣю. завидѣ[1]) повинувшисѧ гнѣвоⷨ исполнѧющиⷨ похотьми льстныⷨ житьѧ сего ѡмрачающисѧ. немлⷭ҇рдиеⷨ и лѣностью лишающеⷨ[2]) всего довра. тѣм же молю вы не до конца пребудеⷨ в томъ злѣ. но воспрѧнеⷨ ꙗко ѿ сна. оубудимсѧ покаѧние приемлюще. смиреньемъ просвѣтѧщесѧ. браⷭ҇любьемъ процвѣтуще[3]) страннолюбьемъ к бу приближающеⷨ посѣщеньемъ[4]) на нбо вознесемсѧ млⷭ҇тнею снве бии створѧющесѧ. и приемлюще. прⷭ҇чтое тѣло и кровь хⷭ҇ву. ре бо стыи апⷭ҇лъ. аще оубо кто недостоинъ сы. ти приемльть тѣло бие. то грѣⷯ собѣ ꙗсть и пьеть. и[5]) не расмотрѧꙗ[6]) тѣла хⷭ҇ва. нⷭ҇ се проста браꙗ служба. или прошенье[7]) ежь приемльмь. но сама жива. и всѧ[8]) ѡсщающи словеснаѧ жертва[9]). егоⷨ хѣрувимъ и сѣрафимъ. со страхѡⷨ и со трепетѡⷨ трепещуть. и всѧ бесплотныꙗ силы. не смѣющи[10]) нань взирати. трепетно[11]) движатсѧ. тѣм же мы вси ннѣ устнами прикасающисѧ. приемльмъ тѣло его. тѣмь убо силамъ и мы убо браѧⷯ уподобимсѧ. добрыⷨ дѣлесы приближающесѧ к нему. приемлюще его. да приметь ннѣ[12]). во бесконьчное свое[13]) цртⷭ҇вие. славѧщи его купно со ѡцмь и со стмь дхѡⷨ и ннѣ прⷭ҇и:

XIII.

Поꙋченіе. на възнесеніе га нше іс ха[13]).

Се наста намъ ннѣ браⷮ. празⷣникь ха нашего. свѣтлѣи всѣⷯ празⷣникь, и всѣхъ свѣтозарными лоучами ѡблїстаеть. днь нбныи кроугъ ликьсътвоуѧ ѡблакѡⷨ подъемлеть ха. на неизреченныи прⷭ҇тлъ очь съ плотїю въсходѧща. и всѧ ликы аггельскыиѧ[14]) на веселїе събра. и единогл҃но тристꙋю пѣⷭ҇ въспѣвати повелѣ глѧ. слава въ вышниⷯ бꙋ и на земли миръ въ

---

1) завистию. 2) Послѣднихъ трехъ словъ нѣтъ. 3) Добавлено сѧ.
4) пощениемъ. 5) Нѣтъ. 6) расматрѧетъ. 7) приношение.
8) Нѣтъ. 9) словесъныѧ жрътвы. 10) смѣють. 11) съ страхомъ.
12) ны. 13) Нѣтъ. Вѣроятно, надо читать: сн.
13) Рум. Муз., ю.-з.-русск. сб. XV в. (перг. и бум.), № 406, л. 240 об.
14) Такъ въ рукописи.

Digitized by Google

чл҃цѣхъ бл҃говоленіе. дн҃ь невидимы҃ вѣсомъ вса лесть безвожна разрѡушисѧ. дн҃ь ликъствоуетъ пр҃рокъ д҃ндъ къта҃н гл҃а. взыде б҃ъ въ в҃скликновеніи, и г҃ъ въ гл҃сѣ троубнѣмъ. дн҃ь апл҃ьскы
241 със҃ || тавъ вез҃ сѡмнѣнїа съ а҃гглы весе҃дѹ҃ю. по что чл҃чьскоую б҃ъ плоть пр҃іемъ. и шбожилъ ю въскр҃се из҃ мр҃твы҃. и на нб҃сѣхъ одесноую ш҃ца посади. шкоже оучитъ в҃ѳлистъ лоука гл҃а. повемъ р҃ѣ оучн҃кы своа і҃с, изведе а҃ вонъ до внфанїа. и възвигъ роуцѣ҃ и бл҃ви, и шко ѡстоупи ѿ ни҃. и се облакъ свѣтелъ пш҃итъ и пр҃ѣ очима ихъ. шни же трепетно дивлщесѧ видахоу. горѣ на н҃бо възносима х҃а, и се два моужа стаста посрѣ҃ ихъ въ одежи свѣтлѣ. и рѣкоша имъ моужіе галеѣнстіи. что стоите зрлще на н҃бо. се і҃с възыде на н҃бо, и пакы пр҃ндетъ тѣмъ҃ шбразѡ҃. соудити хота живымъ и мр҃твымъ. и въздастъ комоужо҃ по дѣлѡ҃ его. томоу бо дастъ ш҃ць соу҃ имѣти надо всѣми. тѣм же бра҃е подвигнѣмсѧ на доврая дѣла. чистлщесѧ ѿ всакаго з҃а, чистота бо на небо възводитъ. и равна а҃гглѡ҃
241 об. теорі҃и. а злоба съ ласкордъстеомъ въ моу || кѡ҃ въводитъ. ставити во сѧ имать въ мѣрилѣ҃ всако дѣло. слово доврo и зло противоу собѣ. да иже пр҃тагнетъ то тѣм ли вѣнчаетсѧ или шсоудитсѧ. тѣм же братіе понеже жѣтъ насъ бесконечны҃[1]) моука. подвигнѣмсѧ оубѣжати ѥѧ. мл҃тнею оучрѣжлющіе ницаго. странна пр҃іемлющіе, ал҃чна напитлющіе и нага wдѣвлющіе. въ цр҃кы б҃жію тщлщесѧ. запоѣдь б҃жію съ страхѡ҃ съблюдлющіе. цр҃твіа б҃жіа просл҃ще вѣрою. шкоже рече г҃ь, не пецѣтесѧ что вамъ ѥсти или что пити. или тѣломъ вашімъ въ что шблѣцѣтесѧ[2]). всѣхъ бо сихъ невѣрніи просл҃тъ. просите бо р҃ѣ цр҃твіа б҃жіа и правды его. и сима вса приложатсѧ вамъ. вѣстъ бо ш҃ць вашь н҃бны҃. трѣбоуе҃ сихъ вс҃ѣ, да и бес҃ прошенїа подастъ ва҃. но ега҃ испросиши прежѣ҃ цр҃твіе б҃жіе. а си вса приложатсѧ ва҃. всакь бо просл҃ вѣрою пр҃іемлѣ҃. и нща обращіе҃, и тлъкоущемѹ҃ ѿверъзаѣсѧ. ѡ х҃ѣ і҃с҃ѣ г҃ѣ наше҃ емоу҃ сла҃ съ ш҃ц҃:

---

1) Описка. 2) Древняя форма сослагат. накл.

Digitized by Google

Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ.

Въ своей статьѣ «Богатырь-казакъ Илья Муромецъ какъ историческое лицо», написанной въ 1893 г. по поводу моихъ «Экскурсовъ», Д. И. Иловайскій, стараясь доказать, что въ эпической личности Ильи Муромца отразились нѣкоторые историческіе факты изъ похожденій самозванца Лжепетра (Илейки), дѣлаетъ основательное замѣчаніе, что въ историческихъ наслоеніяхъ нашего эпоса «доселѣ слишкомъ мало придавали значенія Смутной эпохѣ». «Столь великое потрясеніе, испытанное всѣмъ русскимъ народомъ, говоритъ Д. И. Иловайскій, не могло не оставить рѣзкихъ чертъ и на его пѣсенномъ творчествѣ»[1]). Дѣйствительно, страшный кризисъ пережилъ русскій народъ во всѣхъ своихъ слояхъ въ періодъ нѣсколькихъ годовъ государственной и общественной «смуты», предшествовавшей вступленію на престолъ Россіи новой династіи. Наши современные историки, глубже изучивъ характеръ этой эпохи, ищутъ причинъ «смуты» не въ одномъ прекращеніи династіи и не внѣ государства, а главнымъ образомъ въ броженіи общественныхъ элементовъ при переходѣ Московскаго государства съ его вотчиннымъ строемъ, примитивнымъ хозяйствомъ, родовыми отно-

1) Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго, ч. II-я. М. 1897, стр. 111.

Digitized by Google

шеніями въ государство болѣе сложнаго типа, которое должно было примирить разнородные интересы, боярскіе и крестьянскіе, верхи и низы, сократить притязанія первыхъ, устранить главныя причины недовольства низшихъ классовъ, словомъ, выработать болѣзненнымъ процессомъ новыя формы жизни, болѣе прежнихъ удовлетворявшія развитію сложившагося русскаго народа, какъ государственнаго организма[1]). Конечно тяжкія бѣдствія смуты, доведшія, казалось, государство до края гибели, до полнаго разложенія, приняли такіе размѣры, помимо внутреннихъ причинъ, и вслѣдствіе цѣлаго ряда внѣшнихъ и даже случайныхъ условій, которыя всего болѣе бросались въ глаза современниковъ. Таковы — ужасный голодъ (1601—3 гг.), вслѣдствіе неурожаевъ, отъ котораго люди умирали десятками тысячъ по русской земли[2]), который сильно подорвалъ экономическія силы народа и покрылъ страну толпами нищихъ, бродягъ, разбойниковъ; появленіе и успѣхи Самозванца, неожиданная смерть Бориса и гибель его семьи, нашествіе поляковъ съ Самозванцемъ, сверженіе перваго Лжедмитрія и несчастливое царствованіе Василія Шуйскаго, появленіе новыхъ «воровъ», грабежи и неистовства поляковъ и казаковъ, разореніе состоятельныхъ классовъ и общественный развратъ и проч. Всѣ эти яркія и печальныя событія, сопровождавшія государственный кризисъ, казались современникамъ главными причинами переживаемыхъ бѣдствій и приводили благочестиво настроенныхъ людей къ мысли о карѣ Божіей за великія прегрѣшенія всей русской земли передъ Богомъ и о необходимости всеобщаго покаянія, а людей, утратившихъ всѣ нравственные устои, къ полному разгулу страстей...[3]).

---

1) Взглядъ проф. Платонова въ его изслѣдованіяхъ и лекціяхъ.

2) Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло около 500,000 человѣкъ. Соловьевъ — Исторія Россіи, изд. 3, т. VIII, стр. 79. См. Описаніе бѣдствій голода въ Сказаніи Авраамія Палицына въ Русск. Ист. библ. XIII стр. 479 и слѣд.

3) См. Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства. Русск. Ист. Библ. XIII, стр. 221—234; также Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію. Тамъ-же, стр. 249—260.

Digitized by Google

Имѣя въ виду прослѣдить въ памятникахъ народнаго творчества отраженіе фактовъ Смутнаго времени и характера этой эпохи, и предоставляя историкамъ уясненіе причинъ, мы остановимся только на нѣкоторыхъ яркихъ явленіяхъ этого времени, которыя могли дать матеріалъ для народной мысли и чувства, пользуясь для нашей спеціальной цѣли сказаніями современниковъ и соображеніями нашихъ историковъ. Мы постараемся доказать, что Смутное время отразилось въ нашемъ былевомъ эпосѣ весьма существеннымъ образомъ, не только въ отдѣльныхъ чертахъ, именахъ, намекахъ, которые можно отыскать въ современныхъ намъ записяхъ былинъ, но и въ характерѣ и дѣйствіяхъ главнаго и любимаго нашего богатыря, стараго казака Ильи Муромца.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ этой основной задачѣ нашей статьи, мы сначала разсмотримъ тѣ «московскія» историческія пѣсни, которыя были сложены современниками и посвящены нѣкоторымъ историческимъ лицамъ періода смуты, каковы: Ксенія, Лжедмитрій, Скопинъ-Шуйскій, Василій Шуйскій и другъ.

Какъ первый печальный отзвукъ Смутнаго времени достигла до насъ извѣстная жалостная пѣсня, влагаемая въ уста несчастной царевны Ксеніи Годуновой. Извѣстно, что она была записана кѣмъ-то, вѣроятно, какъ пѣсня любимая въ извѣстномъ кругу, для любознательнаго англичанина, оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса, пріѣзжавшаго въ Московію въ 1619 г.[1]). Предчувствуя свою печальную судьбу, царевна Ксенія, пользовавшаяся по красотѣ и молодости симпатіями москвичей, трогательно прощается съ «милыми переходами и теремами», которые ей придется промѣнять на темную келію монастыря:

«Ино Боже, Спасъ милосердой,
За что наше царство погибло?

1) См. Памятники великорусскаго нарѣчія. Спб. 1855, стр. 4—5.

Digitized by Google

За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?

Историческимъ комментаріемъ къ причети Ксеніи можетъ служить мнѣніе боярской среды, выразившееся весьма ярко у князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго въ «Укорахъ и поносахъ сему проклятому Ростригѣ о царевнинѣ срамотѣ и о постриженіи». Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого любопытнаго памятника: «О волче хищенный, ненасытимый! Не насытился еси сластолюбіемъ кромѣ сія благородныя дѣвицы!... Почто сію благородную дѣвицу, дщерь цареву сущу, не пощадѣлъ еси, дѣвственный чертогъ ея опорочилъ, ея же благородію во царствующемъ градѣ никто подобенъ, понеже во царскомъ домѣ воспитана бысть по обычаю своему... Ты же сію блудомъ осквернилъ, ...и законному браку не сподоби, и облекъ еси ея во мнишескій образъ и заточенію предаде! Матерь же ея и единороднаго брата ея, юношу пресвѣтлаго, горькой смерти предалъ еси, за сію бывшую скорбь почто дѣвицы сія не помилова? О проклятый, богомерскій еретику, почто не усрамися таковаго дѣла сотворити?»[1]).

Населеніе Москвы, хорошо знакомое съ трагической судьбой Ксеніи, въ постриженіи Ольги, лишившейся родителей, брата, чести и свободы, могло даже *слышать* вопли царевны въ 1606 г. Принужденный, по выраженію Карамзина, «бороться съ тѣнью Лжедмитрія», царь Василій Шуйскій счелъ нужнымъ «оправить» Бориса и семейство его, погибшее жертвою самозванца. Съ этой цѣлью онъ повелѣлъ вынуть гробы Годуновыхъ изъ Варсонофіевскаго монастыря. «Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, разсказываетъ Карамзинъ по свидѣтельствамъ Бера и Петрея, всего духовенства, двора и синклита, открыли могилы: двадцать иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои

1) Повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго, Русск. Историч. Библіотека, т. XIII, стр. 579—580.

Digitized by Google

(ибо сей царь скончался инокомъ); Ѳеодорову и Маринну несли знатные сановники, провождаемые святителями и боярами. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ несчастная Ксенія и *громко вопила* о гибели своего дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга-самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ея семейства»[1]). Быть можетъ, къ этому времени, къ этому событію, подновившему въ московскомъ обществѣ трагическія впечатлѣнія недавняго прошлаго, относится и сложеніе пѣсни Ксеніи, которую сохранилъ намъ пріѣзжій англичанинъ, хотя она влагается въ уста царевны, какъ будто, еще въ то время, когда Самозванецъ только готовится вступить въ Москву:

«Охте мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ Ростригa,
Что хочетъ меня полонити,
А, полонивъ меня, хочетъ постришчи,
Чернечской чинъ наложити»[2]).

Чувства и мысли москвичей, враждебно настроенныхъ противъ Лжедмитрія, особенно подъ дѣйствіемъ распущенныхъ въ народѣ слуховъ со стороны Василія Шуйскаго и его сторонниковъ, ярко выражены въ пѣсняхъ о разстригѣ, сѣвшемъ на московское царство вмѣстѣ съ женой, еретичкой Маринкой[3]). Какъ и современные книжники, пѣсни эти видятъ въ самомъ вступленіи Гришки Отрепьева на Московскій престолъ дѣйствіе гнѣва Божія:

«Господь-то на насъ поразгнѣвался,
На славное царство Рассейское,

---

1) Карамзинъ, т. XII (изд. 1853 г.), стр. 45. Ср. Соловьевъ, т. VIII², стр. 182.

2) Памятники великорусскаго нарѣчія, стр. 5.

3) См. Пѣсни Кирѣевскаго, VII, стр. 3—6; Гильфердингъ, Онежскія былины №№ 14, 111, 143, 236; Пѣсни Рыбникова, I, № 69, III, № 45.

Digitized by Google

На рассейское царство Московское.
Далъ намъ Господь царя несчастливаго (т. е. нечестиваго),
Назвался собака-воръ прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
Царевичемъ Митріемъ Московскімъ» [1]).

Негодованіе москвичей на то, что Лжедмитрій вызвалъ невѣсту-католичку изъ Польши съ ея отцомъ, паномъ Юріемъ Сандомирскимъ, слышится въ слѣдующихъ словахъ одной пѣсни старинной записи, сохранившейся въ бумагахъ Калайдовича:

«Не успѣлъ воръ-собака на царство сѣсть,
Поизволилъ воръ-собака женитися:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина:
Не у насъ онъ беретъ въ камянной Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ,
Проклятой Литвѣ, у Юрья, пана Стредомирскаго,
Беретъ онъ Маринку, дочь Юрьеву» [2])...

И современники, и дошедшія до насъ пѣсни возмущены противнымъ обычаю выборомъ дня для вѣнчанія и пренебреженіемъ Лжедмитрія къ требованіямъ церкви. Царь вѣнчался въ четвергъ, слѣдовательно подъ постный день. На слѣдующій день справлялся свадебный праздникъ (слѣдовательно въ пятницу), что случилось, по свидѣтельству Паерле, «къ неудовольствію москвитянъ, которые считали такое обстоятельство худымъ предзнаменованіемъ» [3]). Вслѣдствіе цѣлаго ряда отступленій Лжедми-

1) Гильфердингъ, № 143, срв. № 236.

2) Кирѣевскій, VII, Приложеніе, стр. 63.

3) Записки Паерле, см. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. 3-е, ч. I. Спб. 1859, стр. 188. Срв. также «Четыре сказанія» и проч. 1863, стр. 125: «Окаянный же разстрига тщашеся повелѣнное имъ (т. е. папой Римскимъ) сотворити и абіе браку присягнувъ съ еретицею, вѣнчанъ же бысть въ дому Божіи мѣсяца маія въ 8 день, въ четвертокъ, въ праздникъ апостола и евангелиста Іоанна Богослова, противъ пятка и противъ памяти чюдотворца Николая».

Digitized by Google

трія отъ русскихъ обычаевъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ Москвѣ, даже помимо стараній бояръ и духовенства, ходили о немъ самые неблагопріятные слухи. За нѣсколько дней до развязки, подготовлявшейся въ боярскомъ заговорѣ, по свидѣтельству Бера[1]), «уже разнеслась въ городѣ молва, что Дмитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ передъ образомъ чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу со своей поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что царь не истинный Дмитрій, и что страшная бѣда грозитъ отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ рынкахъ».

Эти и подобные имъ городскіе слухи доносятся до насъ въ еще болѣе искаженной и преувеличенной версіи въ слѣдующихъ стихахъ пѣсни о разстригѣ:

«А свадьба была на вешній праздникъ,
Миколинъ день былъ въ пятницу,
А у Гришки свадьба въ четвертокъ была:
Стали благовѣстить къ заутренѣ,
У святого Михаила архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
Бояре пошли ко заутренѣ,
Ко святому Михаилу архангелу:
А Гришка рострига въ баню пошелъ
Съ своею Маринкой дочь Юрьевой,
Бояря идутъ отъ заутрени,
А Гришка рострига изъ бани идетъ,

1) Беръ—Лѣтопись московская, въ Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, ч. I, стр. 58.

Digitized by Google

Шуба на немъ соболиная,
На Маринкѣ самъ краснаго золота [1]).

На пиру, заданномъ Лжедмитріемъ пану Юрію «Стредомирскому», онъ, по словамъ пѣсни:

Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ,
А мѣстныя иконы подъ себя стелетъ,
А чудны кресты подъ пяты кладетъ [2]).

Пересказывая далѣе въ искаженныхъ чертахъ смерть разстриги, пѣсни помнятъ, что послѣднее сомнѣніе въ личности царя было устранено свидѣтельствомъ матери истиннаго Дмитрія инокини Маѳы [3]).

Изъ дальнѣйшихъ событій, послѣдовавшихъ за смертью Лжедмитрія, только немногія сохранились въ исторической пѣснѣ. Сильное впечатлѣніе произвелъ на русскій народъ молодой герой князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, на котораго возлагали всѣ надежды на спасеніе отечества, рухнувшія затѣмъ внезапно вслѣдствіе его неожиданной кончины. Отсылая читателя къ моимъ замѣчаніямъ о пѣсняхъ про Скопина-Шуйскаго по поводу двухъ новоизданныхъ сибирскихъ варіантовъ [4]), замѣчу, что недавно вышедшій сборникъ Печорскихъ былинъ г. Ончукова [5]) принесъ еще три варіанта пѣсенъ на тему о смерти этого народнаго героя, сильно подвергшихся переработкѣ въ былинномъ пошибѣ. Это обстоятельство, отмѣченное мною и въ нѣкоторыхъ раньше извѣстныхъ варіантахъ тѣхъ же пѣсенъ, свидѣтельствуютъ объ интересѣ народа къ личности безвременно погиб-

1) Кирѣевскій VII, Приложеніе стр. 63.
2) Тамъ же, стр. 64.
3) Гильфердингъ, № 143.
4) См. мою статью: Историческія пѣсни изъ Сибири, въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 1904 г., т. IX, кн. 1-я, стр. 27—86.
5) Н. Е. Ончуковъ—Печорскія былины. Спб. 1904, №№ 5, 60 и 81.

Digitized by Google

наго молодого воеводы. Въ виду былинной обработки темы о смерти Скопина мы коснемся пѣсенъ о немъ въ дальнѣйшей части нашей статьи.

Нѣкоторую память о себѣ въ исторической пѣснѣ оставилъ неудачливый «боярскій» царь Василій Шуйскій. Извѣстна пѣсня о сведеніи его съ царства, причемъ симпатіи народа, или точнѣе слагателя пѣсни, на сторонѣ царя, а не бояръ:

Ужъ не бояре ли взбунтовалися,
Ужъ не злыя ли собаки повзбѣсилися,
Ужъ и живъ ли нашъ православный царь,
Православный царь Василій Ивановичъ?
Ужъ и что, братцы, во дворцѣ его не видно,
Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?

На эти тревожные вопросы народа отвѣчаетъ одинъ добрый молодецъ:

«Охъ вы, братцы, вы не знаете бѣды-горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь его послали».

Пѣсня, очевидно сложенная сторонникомъ Шуйскаго, вѣроятно въ болѣе раннемъ изводѣ еще помнила, что царь Василій былъ увезенъ изъ Москвы въ Польшу, но дошедшая до насъ единственная запись внесла вмѣсто Польши уже Сибирь, какъ обычное мѣсто ссылки. Въ окончаніи пѣсни интересно упоминаніе, повидимому, о самозванцѣ Лжепетрѣ (Илейкѣ), съ которымъ пришлось воевать царю Василію, хотя историческія обстоятельства совершенно перепутаны: Лжепетръ, какъ извѣстно, казненный Шуйскимъ, оказывается его преемникомъ на престолѣ, ставленникомъ бояръ и самъ бояриномъ:

«А ужъ сдѣлали царемъ какова басурмана,
Что Петрушку-самозванца, злого боярина»[1]).

1) Кирѣевскій, VII, стр. 17.

Digitized by Google

Такимъ же уваженіемъ къ царю Василію проникнута странная пѣсня (Тульск. г., Чернск. у., с. Соколы) въ сборникѣ Кирѣевскаго [1]), скорѣе похожая на прозаическую реляцію о Гришкѣ Отрепьевѣ, составленную на основаніи слуховъ, пущенныхъ о немъ въ народѣ боярами. Пѣсня разсказываетъ, какъ въ Симоновомъ (т. е. Чудовомъ) монастырѣ «невѣрный» монахъ, прогнанный братіей, Григорій Трепушкинъ, сталъ выдавать себя въ народѣ за Дмитрія царевича, ушелъ затѣмъ въ Польшу къ «вельможѣ-сатанѣ», который, повѣривъ ему, далъ ему помощь и свою дочь Маринку. «*Получивъ*-то Трепушкинъ въ помощь войска отъ полякъ, онъ *вступилъ*-то съ польскимъ войскомъ во святую Русь, а народъ то *безумный*, *устрашась* войска его, призналъ его своимъ царемъ. Ужъ немного то Трепушкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ: *образумился* народъ московскій, сталъ искать себѣ *настоящаго* царя; сыскали настоящаго царя Василія Ивановича, а разбойника Гришку стали мучить и казнить, мучили, казнили, буйну голову съ плечъ срубили». Впрочемъ, быть можетъ, эта подозрительная пѣсня съ ея книжными оборотами, почти лишенная метрическаго склада, основана не на народномъ преданіи, а на перепутанномъ разсказѣ, почерпнутомъ изъ какого-нибудь письменнаго произведенія. Во всякомъ случаѣ цѣнность ея очень сомнительна.

Не позабыло народное преданіе и послѣдняго акта кровавой драмы «Смутнаго времени», связаннаго съ именами Минина и кн. Пожарскаго. Единственная, дошедшая до насъ пѣсня о нижегородскомъ земскомъ ополченіи, записанная въ калужской губерніи (Боровскаго у. с. Слобода, отъ 70-лѣтней старухи), разсказываетъ, довольно близко къ историческимъ фактамъ, объ обращеніи Кузьмы Сухорукаго къ нижегородскому населенію съ рѣчью идти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ:

«Охъ вы гой еси товарищи, нижегородскіе купцы!
Оставляйте вы свои домы,

1) Тамъ же, VII, стр. 3.

Digitized by Google

Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себѣ вострыхъ копіёвъ,
Вострыхъ копіёвъ, булатныхъ ножей,
Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку;
Пойдемъ-ка мы сражатися
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный городъ Москву:
Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы поляки злы!
Разобьемъ ихъ, много веревѣшаемъ,
Самого-то Сузмунда короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
Нечестивыхъ жидовъ, поляковъ злыхъ!

Молодые ратнички, нижегородскіе купцы выбрали «воеводой удалова молодца» изъ славнаго княжескаго роду — князя Дмитрія по прозванью Пожарскаго.

Далѣе пѣсня кратко разсказываетъ, какъ Пожарскій подвелъ ополченье къ московскимъ стѣнамъ, велѣлъ «солдатушкамъ» помолиться на «святыя Спасскія врата», какъ затѣмъ, проломивъ ворота, они вошли въ бѣлокаменный Кремль:

Какъ и начали солдатушки поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить,
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.

Здѣсь, какъ и въ пѣснѣ о Ляпуновѣ, народное преданіе, отступая отъ исторіи, расправляется по своему съ ненавистнымъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, будто бы сидѣвшимъ въ Москвѣ съ поляками. Упрощая историческія событія согласно съ своими понятіями, народное преданіе не могло не поставить во главѣ поляковъ ихъ короля, котораго современная молва счи-

Digitized by Google

тала главнымъ виновникомъ польскаго нашествія. По взгляду народа, онъ долженъ былъ поплатиться головою за все зло, причиненное Руси его подданными. Карая Сузмунда, пѣсня съ другой стороны возвеличиваетъ паче мѣры доблестнаго воеводу князя Пожарскаго. Когда князья-бояре московскіе собрались «думу думати», кому царемъ быть, —

Какъ и взговорютъ бояре, воеводы московскіе:
«Выбираемъ мы себѣ въ цари
Изъ бояръ боярина славнаго —
Князя Дмитрія Пожарскаго сына».

Этимъ избраніемъ въ цари народное преданіе считаетъ справедливымъ вознаградить князя Пожарскаго за очищеніе Москвы, а такъ какъ на московскій престолъ взошелъ не онъ, а Михаилъ Романовъ, то это объясняется великодушнымъ отказомъ князя Пожарскаго, что̀ еще болѣе возвышаетъ его нравственную доблесть.

Какъ и взговоритъ къ боярамъ Пожарскій князь:
«Охъ, вы гой еси бояре, воеводы московскіе!
«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
«Не могу принять я отъ васъ царства московскаго.
«Ужъ скажу же вамъ бояре, воеводы московскіе:
«Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
«Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
«Михаила сына Ѳедоровича».

Оцѣнивая историческія лица съ своей точки зрѣнія, народное преданіе не считается здѣсь съ исторіей, которая не знаетъ, чтобъ Пожарскій игралъ руководящую роль въ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича, а тѣмъ менѣе, чтобы самъ могъ считаться кандидатомъ на престолъ. Какъ извѣстно, Пожарскій не пользовался особымъ авторитетомъ и самъ сознавалъ это, указывая на то, что къ дѣлу предводительства ополченіемъ зем-

Digitized by Google

скимъ его «приневолили бояре и вся земля». Со взятіемъ Москвы оканчивается его первостепенная роль; въ грамотахъ пишется уже первымъ имя князя Д. Т. Трубецкаго, а имя Пожарскаго стоитъ вторымъ, въ товарищахъ. Въ разладѣ мнѣній, обнаружившемся на соборѣ, созванномъ для выбора царя, имя Михаила Романова было названо не Пожарскимъ, а другими: «Однажды говоритъ хронографъ, какой то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда? Въ это время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе: «что это ты подалъ, атаманъ, спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій». «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ» [1]).

Если о личности Ксеніи, Лжедмитрія, Василія Шуйскаго, Скопина-Шуйскаго, Минина и кн. Пожарскаго были сложены отдѣльныя пѣсни, то имена и личности нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей Смутнаго времени сохранились только въ отдѣльныхъ упоминаніяхъ, вставленныхъ иногда въ болѣе раннія историческія пѣсни царствованія Грознаго. Народная молва о событіяхъ царствованія Бориса и Василія Шуйскаго иногда спутывалась съ фактами предшествующаго царствованія, и въ пѣсняхъ получались несообразности, которыя могутъ быть объясняемы указаннымъ синкретизмомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ одни вполнѣ несомнѣнны, другіе — по крайней мѣрѣ — вѣроятны. Такъ, въ старую пѣсню объ осадѣ Пскова Баторіемъ на мѣсто защитника этого города князя Шуйскаго вставленъ князь Карамышевъ. Имя послѣдняго, именно Ивана Константиновича Карамышева, свя-

1) Соловьевъ, т. VIII², стр. 499.

Digitized by Google

зано съ самымъ концомъ Смутнаго времени, съ осадой Волока-Ламскаго королемъ Сигизмундомъ III въ 1612 г. «Когда Москва была очищена отъ поляковъ ополченіемъ Пожарскаго, король, еще не зная объ этомъ событіи, двинулся на помощь своимъ и дошелъ до Волока-Ламскаго, гдѣ воеводой былъ Карамышевъ. Гарнизонъ этого города, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, отбилъ всѣ приступы непріятелей, и король со стыдомъ отступилъ». Понятно отсюда, говоритъ Д. И. Иловайскій, почему народная пѣсня потомъ, смѣшавъ два сходныя событія, на мѣсто князя Шуйскаго поставила кн. Карамышева при оборонѣ Пскова отъ «Стефана Баторія»[1]).

Другой случай вставки историческаго имени болѣе поздняго времени въ пѣсни царствованія Грознаго можно указать въ нѣкоторыхъ варіантахъ извѣстной пѣсни о женидьбѣ Ивана на Маріи Темгрюковнѣ, гдѣ борцы, поборовшіе и осрамившіе брата царицы, Кострюка Темгрюковича, называются Калашниковыми, дѣтьми Кулашниковыми или «калачниками». Въ предложенномъ мною комментаріи къ недавно изданному сибирскому варіанту этой пѣсни я припоминаю, для объясненія имени борцовъ, историческаго Колачникова или колачника, посадскаго человѣка, открыто возмущавшаго народъ московскій противъ Лжедмитрія и казненнаго, вмѣстѣ съ дворяниномъ Тургеневымъ, въ 1605 г.[2])

---

1) Иловайскій—Назв. соч. стр. 121; такое же объясненіе было дано уже Безсоновымъ. См. Кирѣевскій, Пѣсни, VII, Прил. стр. 121—122. О внесеніи имени Карамышева въ *былины* см. ниже.

2) Къ указаннымъ мною варіантамъ, въ которыхъ русскіе борцы называются калашниковыми, могу прибавить еще одинъ (изъ Калуги), недавно изданный мною въ «Этнографическомъ Обозрѣніи». Въ этой записи на хвастанье Кострюка-Вострюка:

«Сколько, сколько я земель произошелъ,
По себѣ бойца я не нашелъ», —

царь Иванъ Васильевичъ *возговорилъ*:

«У насъ, у насъ есть бойцы,
Удалые молодцы,
Они люди Калашниковы,
Они дѣти Заложниковы».

Digitized by Google

«Въ сказаніи Авраамія Палицына мы читаемъ слѣдующее свидѣтельство объ этомъ лицѣ, несомнѣнно въ свое время привлекшемъ къ себѣ вниманіе московскаго населенія: «Мученицы же новіи явльшеся тогда дворянинъ Петръ Тургеневъ, да Ѳедоръ Колачникъ: безъ боязни бо того (т. е. Лжедмитрія) обличивше, имъ же по многихъ мукахъ главы отсѣкоша среди царствующаго града Москвы. Той же Ѳедоръ, ведомъ къ посѣченію, вопіяше всему народу: се пріяли есте образъ антихристовъ и поклонистеся посланному отъ сатаны, и тогда уразумѣете его, егда вси отъ него погибнете! Москвичи же ему смѣяхуся и по дѣломъ судъ тому смертный судяще и Петрову казнь ни во что же вмѣниша». Трудно сказать, носилъ ли Ѳедоръ прозвище *Колачникъ*, какъ фамильное, или онъ былъ калачникомъ по занятіямъ (въ варіантахъ пѣсни о Кострюкѣ встрѣчается и то, и другое), но во всякомъ случаѣ геройскій поступокъ Колачника, изобличавшаго передъ казнью всенародно царя въ самозванствѣ, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе въ народѣ и особенно припомниться уже вскорѣ послѣ его казни, когда былъ свергнутъ и убитъ изобличенный имъ Лжедмитрій. Хотя раздѣлившій судьбу Колачника дворянинъ Тургеневъ названъ у Палицына на первомъ мѣстѣ, но передъ казнью *вопилъ* къ народу не онъ, а посадскій человѣкъ Ѳедоръ Колачникъ, что могло придать ему еще больше славы въ простонародной средѣ. Немудрено, что тоже прозвище могло быть дано удалымъ борцамъ изъ простонародья, посрамившимъ ненавистнаго ему жестокаго царскаго шурина Кострюка, брата нелюбимой въ народѣ жены Грознаго Маріи Темгрюковны»[1]).

Не болѣе, какъ въ видѣ догадки, предлагаю слѣдующее объясненіе одной подробности пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ и его сынѣ. Когда разгнѣванный царь велитъ Малютѣ Скуратову казнить сына Ѳедора Ивановича, царевича спасаетъ его

1) См. Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1, стр. 24—25.

Digitized by Google

дядя Никита Романовичъ, вырвавъ его изъ рукъ палача и поставивъ на его мѣсто своего молодого слугу, иногда любимаго ключника. Такимъ образомъ царевичъ, которому угрожала смерть, спасенъ чрезъ подстановку другого лица, что впослѣдствіи и обнаруживается. Конечно, мотивъ этотъ напоминаетъ подобныя же подмѣны въ сказкахъ, но въ данномъ случаѣ его появленіе въ исторической пѣснѣ могло быть вызвано народной молвой о подобной подмѣнѣ, совершившейся въ русской царской семьѣ. Лжедмитрій и его сторонники усердно распускали въ народѣ слухи, что вмѣсто обреченнаго смерти Борисомъ царевича Дмитрія въ Угличѣ былъ зарѣзанъ другой мальчикъ (слуга Дмитрія или іерейскій сынъ), съ которымъ царевичъ по настоянію своего врача (нѣмца Симона) обмѣнялся платьемъ. Слуга былъ зарѣзанъ злодѣями, подосланными Борисомъ, а Дмитрій спасся бѣгствомъ. Такъ самъ Лжедмитрій передавалъ обстоятельства своего спасенія, такъ объявили въ народѣ оффиціально, та же молва дошла до иностранныхъ писателей-современниковъ — Товянскаго [1]), Маржерета [2]), Гревенбрука, Паерле [3]), де-Ту [4]) и друг.

Можетъ быть, молва объ этой подмѣнѣ царевича другимъ лицомъ, подновляемая слухами о другихъ подобныхъ подмѣнахъ (вспомнимъ слухи о подмѣнѣ мнимаго сына (Петра) царя Ѳедора Ивановича дѣвочкой (Ѳеодосіей), слухъ объ убіеніи вмѣсто Лжедмитрія I-го другого лица), въ періоды смуты внесли разсматриваемый мотивъ въ прежнюю пѣсню о чудесномъ спасеніи царе-

---

1) См. Карамзинъ, Примѣч. 576, къ т. XI-му.

2) Сказанія современниковъ и проч. I, 256: «Разсказываютъ, что царица (Марія Нагая) и нѣкоторые бояре, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца (Дмитрія), ...нашли средство подмѣнить царевича и вмѣсто его приняли другого мальчика».

3) Тамъ же I, стр. 154. Паерле разсказываетъ, что наставникъ Дмитрія Симеонъ съ его согласія взялъ отрока, весьма похожаго на Дмитрія, и въ ту же ночь положилъ его на постель царевича, гдѣ онъ и былъ зарѣзанъ.

4) Тамъ же, I, стр. 329: «Говорятъ, что мать царевича, свѣдавъ чрезъ своихъ друзей о преступномъ замыслѣ Борисовомъ, спасла сына отъ смерти, подмѣнивъ его отрокомъ, очень похожимъ на царевича и возрастомъ, и наружнымъ видомъ».

Digitized by Google

вича Ѳедора его дядей посредствомъ подмѣны царевича другимъ лицомъ.

Такимъ же смѣшеніемъ лицъ изъ эпохи Ивана Грознаго съ лицами, выдвинутыми смутнымъ временемъ, объясняется появленіе имени Маріы въ одномъ варіантѣ [1]) той же исторической пѣсни объ Иванѣ Грозномъ и его сынѣ, гдѣ мать царевича Ѳедора, вмѣсто обычнаго имени Настасьи Романовны, носитъ имя *Маріы* Романовны. Это имя, могло войти въ пѣсню чрезъ народную молву о царицѣ Маріѣ (т. е. Маріи Нагой послѣ ея постриженія), игравшей значительную роль въ событіяхъ Смутнаго времени, особенно въ конечной судьбѣ Лжедимитрія.

Насколько всякіе слухи о правительственныхъ лицахъ и разныхъ дѣятеляхъ Смутнаго времени, иногда явно тенденціозные и партійные, проникали въ народъ, особенно въ московское населеніе, видно изъ разныхъ мелкихъ указаній историческихъ пѣсенъ. Пѣсня отмѣтила, напримѣръ, пущенный въ народъ слухъ, что Дмитрій царевичъ былъ умерщвленъ въ то время, когда вышелъ играть на дворъ [2]), или что царь Борисъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, какъ утверждали его недруги (Хронографы, Морозовск. лѣт.) [3]). Въ сущности эти отголоски историческихъ лицъ и событій періода смуты не особенно многочисленны. Казалось бы, что эпоха полная драматическаго движенія, громкихъ событій, яркихъ красокъ, эпоха такъ много привлекавшая къ себѣ вниманіе нашихъ драматурговъ и беллетристовъ, должна была бы ярче отразиться въ народной поэзіи. Но такова, повидимому, судьба подобныхъ бурныхъ эпохъ: при разгромѣ государства, при разореніи населенія, при неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на всѣ сословія, было не до сложенія пѣсенъ.

---

1) Гильфердингъ, № 183.

2) Кирѣевскій, VII, стр. 1.

3) Тамъ же, стр. 3; см. Карамзинъ XI стр. 172, примѣч. 305. Вѣря слуху, будто царь Борисъ отравился, Беръ говоритъ о немъ: «Объ немъ можно по истинѣ сказать, что онъ жилъ, какъ левъ, царствовалъ, какъ лисица, умеръ, какъ песъ».

Digitized by Google

Вспомнимъ ужасную картину тогдашняго состоянія Россіи, начертанную Авраміемъ Палицынымъ и краснорѣчиво воспроизведенную Карамзинымъ. Набросавъ ее передъ читателемъ, историкъ говоритъ въ заключеніе: «Россія бывала пустынею; но въ сіе время не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ. Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвой величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе небесное»[1]). При всемъ паѳосѣ своемъ эта тирада Карамзина вѣрно воспроизводитъ впечатлѣніе, получаемое и современнымъ читателемъ отъ ужасныхъ картинъ смуты, сохраненныхъ въ историческихъ свидѣтельствахъ.

Конечно, нужно предположить, что не всѣ пѣсни, сложенныя по поводу событій смутнаго времени, дошли до насъ, но едва-ли по условіямъ этого времени онѣ были многочисленны. Отголоски эпохи въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ, именъ могли наслоиться на пѣсни болѣе ранняго времени лишь позднѣе, послѣ прекращенія смуты, когда въ царствованіе Михаила общество и народъ оправились отъ погрома, и въ наступившее болѣе спокойное время молодое поколѣніе прислушивалось къ разсказамъ стараго о пережитыхъ имъ страшныхъ событіяхъ. Указавъ нѣкоторые изъ такихъ отзвуковъ Смутнаго періода въ историческихъ пѣсняхъ, мы можемъ перейти къ нашей главной задачѣ, къ изысканію тѣхъ наслоеній этого періода, которыя можно, иногда съ большей, иногда съ меньшей вѣроятностью, найти въ нашемъ былевомъ эпосѣ, котораго эволюція завершилась въ теченіе XVII-го-столѣтія.

Прежде всего соберемъ отдѣльные факты, воспоминанія о событіяхъ и лицахъ смутнаго времени, оказывающіяся въ былинахъ, чтобы получить возможность судить о томъ, насколько глубокъ былъ пластъ, отложившійся въ эпосѣ отъ этой эпохи.

---

1) Карамзинъ XII, стр. 135.

Digitized by Google

Въ «Очеркахъ» при разборѣ былины Кирши Данилова о Саулѣ Леванидовичѣ, стараясь разобраться въ странныхъ чертахъ разсказа объ отношеніяхъ царя Саула къ городу Угличу, я заподозрѣлъ въ этомъ эпизодѣ смутныя воспоминанія объ угличкомъ погромѣ. «Хотя очень путанно и безтолково, былина, упоминаетъ о какомъ то погромѣ, которому подвергнулись главные мужики Углича отъ царя Саула. Упоминаются заплечные мастера и казни[1]) «Заздорили» угличане съ царемъ изъ-за *десятилѣтняго* царевича. Онъ навлекъ на угличанъ царскій гнѣвъ и погромъ. Если мы припомнимъ эти факты и поищемъ имъ объясненія историческаго, то естественно придемъ къ предположенію, что въ былинѣ, хотя и въ смутномъ видѣ, отразилось историческое событіе, великое бѣдствіе, которое стряслось надъ городомъ Угличемъ послѣ убіенія Дмитрія царевича. Какъ въ былинѣ, такъ и въ исторіи малолѣтній царевичъ является причиной казней угличанъ. Припомнимъ, что послѣ убіенія Димитрія царевича было, по указу царя Ѳеодора, наряжено слѣдствіе и что угличане жестоко поплатились за расправу съ предполагаемыми убійцами Димитрія. Какъ въ былинѣ угличане «заздорили» съ царемъ, такъ результатомъ слѣдствія было то, что до 200 угличанъ было наказано смертью и отнятіемъ языка, что множество изъ нихъ было разсажено по тюрьмамъ и большинство сослано въ Сибирь, гдѣ ими былъ заселенъ городъ Пелымъ. Торговый и людный городъ Угличъ послѣ такого разгрома запустѣлъ надолго. Понятно, что память объ этой бѣдѣ цѣлаго города должна была долго сохраняться среди невольныхъ эмигрантовъ и ихъ потомковъ. Позднѣйшія поколѣнія могли поза-

---

1) «А и втапоры царь Саулъ Леванидовичъ
Спрашиваетъ мужиковъ угличевъ:
«Есть ли у васъ мастеръ заплечной съ подмастерьями?
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и ко царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичъ
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные въ Угличѣ».

Digitized by Google

быть подробности и имена, но все же помнили, что *царская* гроза постигла угличанъ изъ-за молодого царевича. Эти уже смутныя воспоминанія могли примутаться къ былинѣ, записанной въ Сибири, и исказить ея первоначальный видъ[1]).

Въ былинахъ сохранились, повидимому, глухія воспоминанія о шишахъ, этихъ шайкахъ всякаго сброда, не признававшихъ ничьего начальства, кромѣ своихъ атамановъ и бродившихъ въ смутное время по Руси. О встрѣчахъ поляковъ съ этими партизанами разсказываетъ Маскѣвичъ въ своемъ дневникѣ. «Едва отошли мы на милю или двѣ отъ гетманскаго лагеря (это было зимою 1612 г.), напали на насъ шиши и безъ труда одержали побѣду, ибо находившіеся при возахъ нашихъ москвитяне тотчасъ передались своимъ... Враги разорвали нашъ отрядъ надвое: одни изъ насъ воротились къ гетману, а другіе, шедшіе впереди, въ числѣ коихъ и я былъ, пробившись сквозь шишей, съ трудомъ достигли Можайска»[2]). И далѣе: «Итакъ по милости Божіей, въ праздникъ тѣла Господня, мы отправились къ границѣ. Тревожили насъ правда шиши, однако безъ успѣха: мы вездѣ ихъ прогоняли»[3]). Изъ другого мѣста дневника можно заключить, что шишами назывались и предводители этой вольницы, которая, повидимому, въ своихъ грабежахъ и внезапныхъ нападеніяхъ не слишкомъ разбирала между своими и чужими: «1611 г. 29 Мая съ паномъ Сапѣгой мы отправили сколько могли своихъ челядинцевъ за живностью; я послалъ четырехъ; всѣхъ же было 1500 подъ надзоромъ Руцкаго шиша»[4]).

Эти свидѣтельства Маскѣвича могутъ служить намъ къ объясненію страннаго прозвища, прилагаемаго былиной къ Ильѣ Муромцу, переодѣтому каликой: Когда Илья, въ одеждѣ калики, входитъ въ палату къ царю Василію Боголюблевичу въ Царь-

1) Очерки русск. нар. словесности, стр. 450—451.

2) Дневникъ Маскѣвича. Сказанія соврем. о Дмитріи Самозванцѣ, 1859, II, стр. 88.

3) Тамъ же, стр. 90.

4) Тамъ же, стр. 72.

Digitized by Google

градѣ, проклятое чудовище (Идолище) обращается къ нему съ вопросомъ:

«Ай-же ты, калика-*шишъ* перехожая!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего отца да коей матушки?»

И далѣе: «Видалъ ли ты *шишъ*-калика перехожая,
Видалъ ли ты да Илью Муромца?»[1]).

Былина изъ Олонецкой губерніи, но и въ сибирскомъ «репертуарѣ» тотъ же Илья Муромецъ носитъ, повидимому, такое же прозвище, сопровождаемое другими отголосками смутнаго времени. Такъ гуляевская былина (запис. въ Барнаулѣ Томской губ.) разсказываетъ, какъ Илья Муромецъ, избавившій городъ Кидошъ отъ «силы поганой», проѣхалъ къ церкви соборной. Здѣсь его встрѣтили «попы, отцы-діаконы», приглашаютъ его за столъ и спрашиваютъ объ отчинѣ.

Прогóворилъ удалой добрый молодецъ:
Я по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шиш-Маретинъ
По потѣхѣ Борисъ-королевичъ младъ,
Не изволю я хлѣбъ-соль кушати,
А скажите мнѣ дорожку-прямоѣзжую
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву»[2]).

Мы не знаемъ, почему Илья Муромецъ скрываетъ свое имя передъ попами Кидоша, почему прибѣгаетъ къ какому то странному псевдониму; но въ послѣднемъ, кромѣ названія *шишъ*, находимъ еще два имени, какъ будто отзывающіяся смутнымъ

1) Был. стар. и новой записи II стр. 55 (Былина № 13: «Илья у царя Василія Боголюблева»).

2) Былины старой и новой записи, II, № 1, стр. 2.

Digitized by Google

временемъ: Юришъ, можетъ быть, Юрій, панъ Сендомирскій, Маришъ, кажется, имя его дочери Марины, Маришки. Вольный казакъ Илья Муромецъ, являющійся иногда атаманомъ, не признающій надъ собой ничьей власти, нерѣдко пренебрежительно относящійся къ князю Владиміру, по понятіямъ смутнаго времени, могъ вполнѣ быть названъ шишемъ, и если это прозвище уцѣлѣло за нимъ только въ двухъ приведенныхъ мѣстахъ нашего эпоса, то вѣроятно только потому, что названіе шишъ стало непонятнымъ и имѣло другое значеніе, неподходящее къ главному русскому богатырю.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ историческимъ личностямъ смутнаго времени, вошедшимъ въ былины иногда только въ видѣ именъ, иногда же получившимъ въ нихъ значительную и своеобразную роль.

Главный герой этой эпохѣ Лжедмитрій, по убѣжденію современниковъ Гришка Отрепьевъ, разстрига въ одной былинѣ[1]) играетъ, какъ и слѣдовало ожидать, предосудительную роль. Былина разсказываетъ про женитьбу Добрыни, но въ сущности Добрыня играетъ роль Ивана Годиновича. Добрыня, взявъ невѣсту Настасью Митріёвичну изъ Кіева отъ князя Владимира, поѣхалъ съ нею, повидимому, домой. Когда онъ, раскинувъ въ полѣ шатеръ, сталъ забавляться съ Настасьей,

Наѣзжалъ *Гришка-Растрижка* нечистой духъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты, Настасья Митріевична!
— За емъ будешь, Настасья Митріевична,
— Будутъ бабой звать портомойницей,
— Кабы за мной была Настасьюшка,
— Былъ бы старый малый кланялся. —

Настасья, соблазненная словами Гришки, поступаетъ такъ-же, какъ невѣста Ивана Годиновича, и въ концѣ подвергается же-

1) Гильфердингъ № 194 «Женитьба Добрыни».

Digitized by Google

стокой казни отъ Добрыни. Очевидно, Гришка играетъ здѣсь роль обычно принадлежащую царищу Кощеищу, старающемуся отбить невѣсту у Ивана Годиновича. Былина неважная и путанная, но любопытно то, что роль лакомаго до сватанья лица придана Гришкѣ-разстрижкѣ, вѣроятно какъ глухое воспоминаніе о нечестивомъ, съ народной точки зрѣнія, бракѣ Лжедмитрія съ Мариной. Припомнимъ извѣстные стихи исторической пѣсни о Разстригѣ:

«Не успѣлъ воръ собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ собака женитися» и проч.

Перешедшій изъ исторической пѣсни въ былины Скопинъ-Шуйскій получилъ въ нихъ довольно скромную роль. Онъ нашелся недавно въ Печорскихъ былинахъ г. Ончукова въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ (Застава богатырская) сказательница (Ѳедосья Чуркина), напрягая память, чтобъ перечислить побольше богатырей, стоявшихъ на заставѣ при атаманѣ Ильѣ Муромцѣ, назвала между другими и Скопина.

«Да и былъ тутъ Скопинъ сынъ Ивановичъ [1]).

Въ другой былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ Скопинъ играетъ еще болѣе скромную роль въ свадебной обстановкѣ. Когда устраивается свадьба Владимира въ Кіевѣ съ привезенною богатыремъ невѣстою Апросиньей Семеновной, то

Стараго казака сталъ князь ставить тысяцкимъ,
Дуная Ивановича сталъ—дружкою,
Добрыню Микитича дружкою,
Скопина Михаила Ивановича бережателемъ [2]).

Здѣсь по крайней мѣрѣ имя Скопина названо правильно,

1) Печорскія былины № 1, стр. 6.
2) Тамъ же № 45, стр. 191.

Digitized by Google

хотя отчество уже забыто и замѣнено шаблоннымъ *Ивановичемъ*.

Если такимъ образомъ въ старыхъ «богатырскихъ» былинахъ Скопинъ-Шуйскій является лишь случайнымъ гостемъ, то историческая московская пѣсня о немъ, попавъ въ сѣверный былинный районъ, переработывалась часто сказателями подъ воздѣйствіемъ былинныхъ образцовъ, и мы вправѣ причислить эти «старинки» прямо къ богатырскимъ *былинамъ* тѣмъ болѣе, что онѣ иногда прикрѣплены къ циклу кн. Владимира и даже мѣсто дѣйствія иногда переносится въ Кіевъ. Отсылая читателей къ нашей статьѣ «Историческія пѣсни Сибири»[1]), гдѣ разсмотрѣна эта пѣсня-былина въ сибирскихъ варіантахъ, остановимся вкратцѣ на недавно явившихся печорскихъ былинахъ о Скопинѣ въ записи г. Ончукова. Онѣ начинаются обычнымъ пиромъ у кн. Владимира въ Кіевѣ[2]), при чемъ въ одномъ варіантѣ (№ 81) это пированье устроено по случаю рожденія у Владимира чада милаго. На пиру кн. Владиміръ распотѣшился (мы излагаемъ № 81) и спрашиваетъ княгиню Апраксію, кого поставить въ кумушки.

Говоритъ-то княжна мать Апраксія:
— Надо-бы съѣздить во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу пребогатую,
Позвать удала добра молодца
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его же поставити въ кумушки. —

Князь посылаетъ за Скопинымъ его крестоваго брата Добрыню Никитича, который немедленно сряжается, ѣдетъ въ Карелу пребогатую и входитъ въ гридню свѣтлую. Здѣсь онъ принимаетъ за матушку Скопина ея служаночку (вліяніе былины

1) Сл. Извѣст. русск. отд. Имп. Академіи Наукъ 1904, т. IX, кн. 1-я, стр. 29—36.

2) №№ 60, 81; въ № 5 начало отсутствуетъ.

Digitized by Google

о Дюкѣ), и повторяетъ эту ошибку въ слѣдующей свѣтлой гриднѣ. Найдя Скопина, онъ сообщаетъ ему о приглашеніи кн. Владимира. Скопинъ идетъ вмѣстѣ съ нимъ къ матушкѣ и проситъ ея благословенья на поѣздку въ Кіевъ. Мать не хочетъ благословить сына.

— Не дамъ благословенье великое,
Итти тебѣ, ѣхать въ стольнёй Кіевъ градъ,
А ты-же во хмелю да не сурядливой,
Тамъ злыя бояришка подмолвщики,
Кособрюхіе воры, подговорщики [1]).—

Однако вслѣдствіе обычнаго отвѣта богатыря, что онъ поѣдетъ и безъ благословенья, мать благословила сына. Послѣ крещенія младенца, Скопинъ съ кумой Скурлатой Малютичной идетъ изъ церкви на пиръ къ кн. Владимиру и здѣсь во хмелю похваляется:

«Да много Скопинъ да по землямъ бывалъ,
Да много Скопинъ да городовъ биралъ,
Не боялся Скопинъ да сорока полковъ,
Сорока-де полковъ, да сороктысецныхъ,
Я Малюту-царя да во полонъ биралъ,
Я Малютину дочь держалъ парукою (подъ рукою?),
Парукою держалъ я, полюбовницой,
На остаткахъ далъ князю во служеньицо».

Оскорбленная за отца и за себя Скурлата дочь Малютична идетъ въ глубокъ погребъ, выноситъ чару зелья лютаго и подноситъ Скопину. Въ другихъ варіантахъ Малюта Скурлатьевна (№ 5) или Малютисна (№ 60) проситъ у кн. Владимира позволенія отмѣрить чару зелена вина, чтобы поздравить кума, причемъ

1) Вліяніе былинъ о Дюкѣ.

Digitized by Google

въ ея просьбѣ къ кн. Владимиру въ послѣднемъ чувствуется скорѣе Иванъ Грозный:

«Ужъ ты ой еси, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-же мнѣ-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь-ле меня за слово казнить,
Отсылати-ле миня въ ссылки дальніе?»[1]).

Чара зелья лютаго, подносимая кумой, описывается иногда въ самыхъ сказочныхъ чертахъ:

По краямъ-то у цяры да ровно ключъ кипитъ,
По серединѣ у цяры ровно огонь горитъ[2]).

Или: Загорѣлось во царѣ да въ серебреной,
Середи-то есть цары да есь пламѣ мецётъ,
По бокамъ-то есь цары да искры сыплютсе[3]).

Несмотря на эти зловѣщіе признаки, Скопинъ рѣшается выпить чару, такъ какъ «гледятъ, смотрятъ все *руськи богатыри*»[4]), а въ одномъ варіантѣ онъ, предчувствуя послѣдствія, проситъ русскихъ могучихъ богатырей привязать его къ коню и отправить къ матушкѣ родимой[5]). Когда, выпивъ чару, онъ упалъ, Илья Муромецъ и Добрыня подхватываютъ его одинъ за праву, другой за лѣву руку, сажаютъ на коня и отправляютъ домой[6]). По пріѣздѣ Скопина его мать (по № 6 эпическая Омельфа Тимофеевна) встрѣчаетъ его, спрашиваетъ о его немощи, и онъ, разсказавъ объ отравѣ, умираетъ. Но былина не хотѣла, какъ историческая пѣснь, примириться съ этой неотомщенной смертью добраго молодца. Мать Скопина оказалась «преудалой» палени-

1) Ончуковъ, стр. 252 № 60.
2) № 5, стр. 34.
3) № 60, стр. 252.
4) № 60, стр. 253.
5) № 6, стр. 34.
6) № 60, стр. 253.

Digitized by Google

цей и расправилась богатырски съ отравительницей сына. По одному пересказу, она ѣдетъ на конѣ въ Кіевъ, требуетъ виноватую и узнавъ, что она уѣхала въ чисто поле, нагоняетъ ее отдыхающей въ шатрѣ. Она будитъ ее и закалываетъ [1]). Другой пересказъ идетъ еще дальше и кончается оживленіемъ отравленнаго Скопина. Уколотивъ отравительницу вырваннымъ на полѣ сырымъ дубомъ, Омельфа Тимофеевна достаетъ отъ ворона живой воды и оживляетъ сына обычнымъ опрыскиваньемъ.

Стрепенулся Скопинъ да сынъ Ивановичъ;
Кабы тутъ-де Скопинъ да пробуждаитсе,
Отъ великого сну да просыпаитсе;
Да скакалъ-то Скопинъ на рѣзвы ноги:
«Ужъ я долго-де спалъ, да всё пора ставать» [2]).

Такимъ образомъ на Печорѣ въ устахъ сказателей историческій кн. Скопинъ-Шуйскій, народный герой смутнаго времени, погибшій преждевременной смертью и оплакиваемый народомъ, превратился въ богатыря кн. Владимира, и вся эпическая обстановка — Кіевъ, Владиміръ, Апраксія, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ — явилась на сцену изъ эпическаго склада. Яркій примѣръ возникновенія былины кіевскаго цикла изъ очень поздняго матеріала, изъ московской пѣсни XVII вѣка. Здѣсь мы знаемъ самое событіе, легшее въ основу пѣсни, и можемъ наблюдать ея постепенный переходъ въ былину. И эти наблюденія даютъ намъ яркое понятіе о процессахъ народнаго творчества и оправдываютъ попытки изслѣдователей искать въ нынѣшнихъ «фантастическихъ» былинахъ отголосковъ историческихъ данныхъ въ сказочномъ содержаніи или фабулѣ. Приведенный примѣръ перехода пѣсни о Скопинѣ въ былину кіевскаго цикла слѣдуетъ имѣть въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ

1) № 81, стр. 225.
2) № 6, стр. 36.

Digitized by Google

указаніяхъ слѣдовъ исторіи въ эпосѣ, почему я и счелъ нелишнимъ остановиться на былинѣ о Скопинѣ нѣсколько подробнѣе.

Но ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ смутнаго времени не привлекало къ себѣ народное вниманіе въ такой степени, какъ Марина Юрьевна Мнишекъ, по выраженію Пушкина, «самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ». Ея иноземное происхожденіе, пышный пріѣздъ въ Москву съ огромной свитой поляковъ и королевскими послами, небывалое на Руси вѣнчаніе ея на царство еще невѣстой передъ свадебнымъ обрядомъ, нарушеніе ради нея и ея свиты старинныхъ обычаевъ, драматизмъ ея судьбы послѣ убіенія Лжедимитрія, ея похожденія съ Тушинскимъ воромъ и съ Заруцкимъ, длившіяся притомъ нѣсколько лѣтъ въ самый разгаръ смуты — все это должно было поразить народное воображеніе и запечатлѣть надолго память объ этой и ненавистной, и соблазнительной особѣ. Возмущенные современные русскіе книжники надѣляютъ польскую аристократку иногда тѣми же чертами и эпитетами, какъ народныя пѣсни: «поятъ же (разстрига) себѣ жену, говорится въ одномъ современномъ сказаніи, *бесерменскія* вѣры, *не крещену*, отъ могущихъ Литовскія земли, *люторку*, такову же злохитренну волшебной премудрости, дщерь нѣкоего пана Юрья Сандамирскаго Мнишки, дѣвку именемъ Марину» [1]). Въ такой характеристикѣ Марины мы находимъ то же простодушное смѣшеніе мусульманства (бесерменскія вѣры), католичества и лютеранства [2]), а также Литвы съ Польшей, которое сплошь и рядомъ встрѣчается въ народныхъ произведеніяхъ. Сверхъ того Марина обладала волшебной премуд-

1) Четыре сказанія о Лже-Димитріи, извлеченныя изъ рукописей Имп. Публичн. библіотеки. Спб. 1863, стр. 121.

2) Замѣтимъ мимоходомъ, что, по предположенію Д. И. Иловайскаго (Истор. Соч. ч. II, стр. 112), встрѣчающіеся въ эпосѣ Люторы восходятъ къ этой эпохѣ, такъ какъ въ Польшѣ и Западной Руси тогда процвѣтала реформація, и многіе польско-литовскіе паны и шляхта, разорявшіе Московское Государство, были лютеранами. Срв. также четыре сказанія и проч., стр. 7: «воръ Гришка Отрепьевъ въ силѣ многъ совокупився съ Литовскими людьми, съ Люторы и съ Поляки» и проч.

Digitized by Google

ростью по убѣжденію и книжниковъ, и народа. Въ былинахъ она называется: зеленщицей и отравщицей [1]), лихой, злой, лютой-грозой [2]), вѣдьмой [3]), читающей въ волшебной книгѣ [4]), злою еретицей [5]); въ ея теремѣ нѣтъ Спасова образа [6]); она вырѣзаетъ и сжигаетъ слѣды Добрыни, обертываетъ его туромъ и проч., и сама обертывается сорокою [7]). Всѣми этими свойствами надѣлило народное воображеніе Марину въ силу ненависти народа къ ея національности, религіи, которую она, вопреки обычаю, сохранила, ставъ русской царицей, и къ ея соотечественникамъ, разорявшимъ русскую землю. Но съ другой стороны (что ставитъ въ несомнѣнную связь историческую Марину съ былевой), народъ видитъ въ ней соблазнительную красавицу [8]) («душку»), завлекающую Добрыню, Змѣя Горынича, Потыка Михайловича [9]), Ивана Горденова [10]), князя Глѣба Володьевича [11]) и даже «неупадчиваго» на женскую прелесть стараго казака Илью Муромца [12]), прижившаго, по одной былинѣ, съ нею сына подсокольничка. Не отразились-ли въ этой роли Марины, какъ соблазнительницы мужчинъ, любовныя похожденія исторической Марины, перешедшей отъ Лжедмитрія I-го къ Тушинскому вору, а затѣмъ къ Заруцкому къ великому соблазну русскаго народа, конечно, не понимавшаго всего трагизма судьбы несчастной иностранки, попавшей въ самый водоворотъ политическихъ смутъ враждебной и ненавистной ей страны? [13]).

1) Былины старой и новой записи, II 26 : 7.
2) Ончуковъ, 100, 160.
3) Был. стар. и нов. записи, II 26 : 17.
4) Ончуковъ, стр. 100.
5) Был. стар. и нов. записи, II 25 : 4; срв. Кирѣевскій II, стр. 58.
6) Кирѣевскій II, стр. 59.
7) Был. стар. и нов. записи, II 26 : 7; 27 : 84.
8) Былины стар. и нов. записи, II №№ 25 и 27.
9) Печорскія былины, стр. 241.
10) Тамъ же, стр. 313, 314.
11) Бѣломорскія былины г. Маркова, №№ 50 и 80.
12) Тамъ же, № 4.
13) Замѣтимъ кстати, что эпическое имя *Маринка* въ этой именно формѣ совпадаетъ съ обычнымъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ именемъ Марины Мнишекъ, которую они постоянно называютъ *Маринкой* (а не Мариной). Па-

Digitized by Google

Быть можетъ, отголосокъ Смутнаго времени скрывается въ необычномъ для былинъ отчествѣ Марины. Историческая, приведенная нами выше, пѣсня о Розстригѣ твердо помнитъ, что она дочь Юрія Сандомирскаго, слѣдовательно «Юрьевна». Между тѣмъ былины всего чаще называютъ ее Игнатьевной [1]). Относительно этого необычайнаго въ эпосѣ отчества можетъ, кажется, быть допущено предположеніе, что оно восходитъ къ имени тѣсно связаннаго съ событіями того времени и съ вѣнчаніемъ Марины Мнишекъ, ненавистнаго народу, патріарха грека Игнатія, поставленнаго Лжедмитріемъ на мѣсто свергнутаго Іова и затѣмъ сведеннаго съ патріаршаго престола вслѣдъ за убіеніемъ самозванца. Вспомнимъ, что этотъ хитрый и честолюбивый грекъ, бывшій раньше архіепископомъ на Кипрѣ и пришедшій въ Россію въ царствованіе Ѳеодора Ивановича, былъ рязанскимъ архіепископомъ въ то время, когда Самозванецъ двигался къ Москвѣ. Между всѣми русскими архіереями грекъ Игнатій первый торжественно призналъ Лжедмитрія, когда послѣдній подошелъ къ Тулѣ, и встрѣтилъ его здѣсь, какъ законнаго царя. За это онъ, по желанію Дмитрія, былъ возведенъ въ санъ патріарха и вѣнчалъ на царство сначала царя, а затѣмъ Марину по ея пріѣздѣ въ Россію, еще невѣстою, къ великому соблазну духовенства и бояръ [2]). Народная ненависть могла связать имена Ма-

---

лицына Сказанія объ осадѣ и проч. М. 1822, стр. 25; Лѣтопись о многихъ мятежахъ и проч. М. 1788, стр. 253, 285, 286; Четыре сказанія. Спб. 1863, стр. 14, 15.

1) Был. стар. и нов. зап., II № 26; Гильфердингъ, №№ 17, 163, 227. 267, 288, 316.

2) «Среди храма (Успенскаго собора), на возвышенномъ, такъ называемомъ, *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и патріархъ: первый на золотомъ тронѣ персидскомъ, вторая на серебряномъ. Лжедмитрій говорилъ рѣчь: патріархъ ему отвѣтствовалъ и съ молитвою возложилъ Животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головной уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной цесаревѣ Маріи*, которую патріархъ украсилъ цѣпью мономаховой, *помазалъ и причастилъ*. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, *еще не будучи супругой царя*, уже была вѣнчанною царицею». Карамзинъ XI изд. Смирдина 1853 года, стр. 126.

Digitized by Google

рины и Игнатія, который сталъ до нѣкоторой степени ея духовнымъ отцемъ, такъ какъ при обрядѣ вѣнчанія даровалъ ей помазаніе и причастіе, и придать поэтому эпической Маринѣ отчество *Игнатіевны*, сдѣлавъ ее дочерью такого же ненавистнаго народу иностраннаго выходца и проходимца [1]).

Предлагаю эту догадку для осмысленія отчества эпической Марины за отсутствіемъ другого болѣе вѣроятнаго объясненія.

Переходя къ разсмотрѣнію роли Маринки въ былинныхъ сюжетахъ, отмѣтимъ нѣкоторыя черты, подтверждающія связь эпической Маринки съ исторической или съ народными преданіями о послѣдней. Такъ, въ нѣкоторыхъ варіантахъ былины о Добрынѣ и Марины упоминается обращеніе Марины въ сороку [2]),

---

1) Считаемъ нелишнимъ привести отзывы современниковъ о грекѣ Игнатіи: «Тотъ же разстрига начатъ думати, како бы избрать на престолъ патріаршескій такого-жъ окаяннаго, какъ и самъ. Отъ папежскія бо вѣры бояшеся взати вскорѣ; и взя изъ Рязани архіепископа Игнатія, прежде бывшаго кипрскимъ архіепископомъ въ Грекахъ, а къ Москвѣ пріѣхавшаго еще при царѣ Ѳеодорѣ. Царь бо Борисъ, не познавъ въ немъ окаянномъ ереси, посла его на Рязань, а потомъ онъ поставленъ на Москвѣ въ патріархи. Онъ же Игнатій его, еретика, и вѣнча царскимъ вѣнцомъ въ Соборной церкви Пречистыя Богородицы» (Лѣтоп. о многихъ мятежахъ М. 1788, стр. 95—96). «Единогласникъ же его (Разстриги), патріярхъ Игнатей, благослови его безо всяково прекословія» (Четыре сказанія 1863, стр. 50). «Подобна же себѣ богоотступный и патріарха несвящена, Игната имянамъ, изообрѣтъ». (Врем. дьяка Ивана Тимоѳеева—въ Русск. ист. библ. т. XIII, 970). «И архіерея Рязанскія власти благопотребія себѣ обрѣтъ и единомышленія, отъ Грекъ, Игнатія имянемъ, и патріарха его постави, дѣлателя всякому беззаконію, и скаредному смѣшенію сообщникъ бывъ и, спроста рещи, врагъ Богу и человѣкомъ и единогласенъ ему» (Повѣсть кн. И. А. Хворостинина. Тамъ же столб. 539). «И возведе на святительскій престолъ единогласника своего, богомерскаго еретика Греченина Игнатья» (Катырев-Ростовск., тамъ же столб. 578). «На патріаршество присла (Разстрига) къ Москвѣ съ Рязани епископа Игнатія гречанина, возлюбленника своего и угодника по еретическому обычаю, не пастыря и не учителя, но пьяницу и сквернословца, по его еретической волѣ, година себѣ» (Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ, — тамъ же столб. 732); «Игната грека, мужа глупа, и пьяницу и срамословца, и кощунника, потаковника подобна суща себѣ» (тамъ же 736).

2) Въ № 227 у Гильфердинга ее обертываетъ сорокою матушка Добрыни; въ былинѣ изъ Якутской области, записанной г. Богоразомъ, крестовая сестра Добрыни Марѳа Сеславьевна (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. V, кн. 1, стр. 67); въ былинѣ Гильфердинга № 163 Маринка сама обертывается сорокой.

Digitized by Google

согласное съ извѣстной народной молвой о томъ, что Марина послѣ убіенія Лжедмитрія улетѣла изъ Москвы, обернувшись сорокою, и что съ тѣхъ поръ сороки не залетаютъ въ этотъ городъ [1]). Въ упомянутомъ былинномъ сюжетѣ имя волшебницы Марины не представляетъ никакихъ варіантовъ и поэтому должно восходить къ первой обработкѣ широко распространенной сказки о женѣ-волшебницѣ въ былину кіевскаго цикла. «Нѣтъ основанія предполагать, — повторю сказанное мною въ «Очеркахъ» — что черты эпической Марины (въ этомъ былинномъ сюжетѣ) раньше связывались съ какимъ-нибудь другимъ именемъ, вытѣсненнымъ, и притомъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ, именемъ исторической женщины XVII-го вѣка» [2]). Болѣе случайно появленіе имени Маринки въ нѣкоторыхъ другихъ былинныхъ сюжетахъ на ряду съ другими женскими именами въ варіантахъ, но и въ этой замѣнѣ именемъ Марины другихъ именъ можно видѣть отголоски впечатлѣнія, произведеннаго въ свое время на народъ пресловутыми похожденіями исторической Марины. Такъ, въ былинѣ о несчастливомъ бракѣ Ивана Годиновича его невѣста обыкновенно называется Настасьей, дочерью купца въ Черниговѣ; между тѣмъ въ недавно изданномъ печорскомъ варіантѣ этой былины Настасья замѣнена *душкой* Мариной, дочерью князя черниговскаго Ѳедора [3]). Когда Иванъ Горденовъ, поваливъ напавшаго на него другого претендента на руку Маринки, Васиньку Окуловича, проситъ жену подать ему булатный ножъ, Васинька обращается къ ней съ обычными словами:

—Да душка-Маринка, лебедь бѣлая!
За имъ-то те быть, будёшь служанкой слыть,
За мной-то те быть, будёшь царицей слыть.—

---

1) Въ томъ же сюжетѣ упоминается (напр. у Гильфердинга № 78) вѣнчаніе Марины съ Добрыней вокругъ ракитова куста: такой же характеръ носила любовная связь Марины съ Тушинскимъ воромъ и Заруцкимъ.

2) Очерки русской народной словесности, стр. 155.

3) Печорскія былины г. Ончукова № 80.

Digitized by Google

И соблазненная его словами Маринка помогаетъ ему связать Ивана Горденова, за что потомъ предается мужемъ казни лютой. Если мы вспомнимъ тщеславіе и честолюбіе исторической Марины Мнишекъ, ея опасныя похожденія изъ за желанія удержаться московской царицей, хотя бы въ станѣ Тушинскаго вора, ея переходъ отъ перваго самозванца ко второму, а затѣмъ ея бѣгство съ новымъ любовникомъ Заруцкимъ, то эти факты ея мятежной карьеры, разнесенные и искаженные народной молвой, могли служить достаточнымъ поводомъ какому нибудь сказателю назвать «душкой Маринкой» обольстительную, но коварную женщину (въ данномъ варіантѣ княжескаго происхожденія), измѣняющую мужу изъ-за желанія стать царицей.

Такимъ образомъ, историческая Марина была внесена въ печорскій варіантъ этой былины съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ, какъ мы уже упомянули, въ тотъ же былинный сюжетъ въ роли соблазнителя попалъ Гришка Разстрига въ одномъ изъ олонецкихъ варіантовъ [1]). Такое же случайное внесеніе имени Маринки можно видѣть въ печорскихъ записяхъ былинъ о Фатенкѣ (Хотѣнѣ Блудовичѣ), гдѣ Чусова вдова, плеснувшая на пиру у кн. Владимира чарой въ лицо Блудовой вдовы, названа Маринкой [2]). Въ одномъ изъ варіантовъ она называется «крутою, рьяною, спесивою» [3]), а въ другомъ подвергается казни, какъ одноименная личность въ былинахъ о Добрынѣ:

Да вытаскивалъ (Фатенко) Маринку да вонъ на улицу,
На одну ле ногу сталъ, да другу оторвалъ,
Да остатки трупьё да жеребчу за хвостъ [4]).

Конечно, изъ былинъ о Добрынѣ, обращенномъ въ тура,

1) Гильфердингъ № 194.
2) Печорскія былины №№ 9 и 46.
3) Тамъ же, стр. 193.
4) Тамъ же, стр. 49.

Digitized by Google

Маринка была перенесена въ былину о Фатенкѣ, какъ изъ того же сюжета она далѣе попала въ печорскій же варіантъ былины о Потыкѣ [1]), гдѣ она называется «душкой-Маринкой, лебедью бѣлой». Болѣе интереса, чѣмъ эти случайныя замѣны другихъ женскихъ именъ именемъ Маринки, представляетъ ея роль въ бѣломорскихъ былинахъ о Глѣбѣ Володьевичѣ [2]). По поводу этихъ былинъ я долженъ сдѣлать оговорку, что въ настоящее время считаю неудачными нѣкоторыя части комментарія, даннаго имъ мною въ 1902 г. [3]), и нахожу болѣе правдоподобными объясненія А. В. Маркова [4]), находящаго историческую основу былины въ походѣ на Корсунь князя Глѣба Святославича Новгородскаго съ Владимиромъ Всеволодовичемъ Мономахомъ въ 1077 году. Но соглашаясь съ г. Марковымъ въ исторической основѣ былины, я остаюсь при мнѣніи, что какъ въ обоихъ бѣломорскихъ варіантахъ, такъ и Терской казацкой пѣснѣ Марина Кайдаловна (Кайдаловка, Колдаевна, Кайдарова) одно и то же лицо и что ея имя восходитъ къ Маринѣ Мнишекъ, размалеванной народной фантазіей.

Въ моей статьѣ я предположилъ, что терская пѣсня, называющая приморскую властительницу, берущую дань съ кораблей, «Маринушкой, красной дѣвицей», сохранила чище ея обликъ, чѣмъ бѣломорская былина, называющая ее «еретицей» и приписывающая ей попытку отравить князя Глѣба. Но это предположеніе представляется мнѣ теперь излишнимъ. Я упустилъ изъ виду различіе въ народной средѣ, въ которой ходила былина и пѣсня. Марина историческая въ казацкой средѣ, какъ извѣстно, поддерживавшей всѣхъ «воровъ» и ее самое, какъ жену Тушинскаго вора, а затѣмъ любовницу Заруцкаго, представлялась не

1) Печорскія былины № 57.

2) Бѣломорскія былины №№ 50—80.

3) Въ статьѣ «Къ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ» напеч. въ Журналѣ Мин. Нар. Пр.

4) См. его статью: Изъ исторіи русскаго былевого эпоса III, въ Этногр. Обозрѣніи 1904 г. кн. LXII.

Digitized by Google

въ томъ освѣщеніи, какъ въ центральной, а затѣмъ въ сѣверной Россіи. Для своихъ сторонниковъ-казаковъ она не была той «еретицей» и колдуньей, какой слыла въ московскомъ народѣ. Выставляя своихъ «воровъ», казаки всякихъ наименованій — Терскіе, Яицкіе, Волжскіе, Донскіе, Путивльскіе, Рыльскіе—составляли войско Илейки (Лжепетра), какъ видно, напримѣръ, изъ грамотъ митрополита Филарета [1]). Донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и запорожцы держали сторону Тушинскаго вора и Марины [2]). Въ своихъ переговорахъ съ Сапѣгой передъ бѣгствомъ своимъ къ мужу (Тушинскому вору) въ Калугу Марина называетъ донцовъ своими и имѣетъ ихъ при себѣ въ такомъ числѣ, что грозитъ Сапѣгѣ битвой [3]). Впослѣдствіи, когда, по смерти «вора», она сошлась съ атаманомъ Заруцкимъ, это подало поводъ къ упорному слуху, что онъ желаетъ посадить на царство «проклятаго паньина Маринькина сына» [4]), или, какъ его называли, «ворёнка». Уклоняясь въ старое «воровство», призывая къ власти Маринку съ ея сыномъ, говоритъ проф. Платоновъ, казаки тѣмъ самымъ, обращались въ лютыхъ враговъ земщины, страшныхъ особенно потому, что они въ данную минуту (въ 1611 г.) обладали правительственною организаціею?» [5]). Такая тѣсная связь судьбы исторической Марины съ замыслами и дѣйствіями «воровскихъ» казаковъ объясняетъ въ достаточной степени симпатическое отношеніе къ ней въ казацкой пѣснѣ, записанной на Терекѣ отъ потомковъ ея сторонниковъ, а также даетъ основаніе къ предположенію, что и поддерживаемый казаками малолѣтній сынъ ея, «ворёнокъ», о которомъ говорили народу грамоты патріарха Гермогена, прошелъ не безслѣдно въ народной памяти. Интересно, что одна бѣломорская былина съ сюжетомъ боя

1) См. Карамзинъ, XII т. Примѣч. 131, Соловьевъ, VIII. 198.

2) Соловьевъ, VIII², стр. 197.

3) Тамъ же, стр. 314: «Не будетъ того, пишетъ Марина Сапѣгѣ, чтобъ ты мною торговалъ, у меня здѣсь свои Донцы: если будешь меня останавливать, то я дамъ тебѣ битву».

4) Платоновъ «Очерки по исторіи смуты, стр. 521.

5) Тамъ же, стр. 523.

Digitized by Google

Ильи Муромца съ сыномъ называетъ послѣдняго сыномъ Маринки, прижитымъ съ нею Ильей Муромцемъ. Маринка представляется здѣсь какой-то царь-дѣвицей, берущей пошлину съ кораблей князя Владимира, и ея сынъ подсокольничекъ намѣревается продолжать ея промыселъ, т. е. полонить русскіе корабли. Илью Муромца, по его словамъ, «заметало» къ ней «погодушкой великою», когда онъ ходилъ по синю морю и при этомъ случаѣ онъ сошелся съ нею[1]). Я не думаю, чтобъ это необычное въ былинахъ происхожденіе Подсокольничка отъ связи Ильи съ Маринкой могло быть недавнимъ измышленіемъ какого-нибудь архангельскаго сказателя и не нахожу правдоподобнымъ предположеніе г. Маркова[1]), что въ эту былину имя Маринки, какъ любовницы Ильи, перенесено изъ другой, именно изъ былины о Глѣбѣ Володьевичѣ (№ 50), гдѣ упоминаніе Ильи Муромца въ связи съ Маринкой еще менѣе умѣстно. Едва-ли какому-нибудь сказателю могла явиться фантазія произвести Подсокольника отъ Марины, отступивъ отъ былинной традиціи, называющей мать юнаго богатыря либо бабой Латыгоркой (Златыгоркой, Семигоркой, Святогоркой и проч.), либо дѣвкой Сиверьяничкой изъ Сиверской страны, либо эпической Амельфой Тимофеевной. Въ разсматриваемой былинѣ мы скорѣе имѣемъ случайно сохранившійся старый варіантъ съ наносомъ отъ смутнаго времени, варіантъ, въ которомъ отразилось глухое воспоминаніе о томъ, что у Марины былъ какой то сынъ, и, конечно, столь же злокачественный, какъ его мать. Въ этомъ извергѣ сынѣ, покушающемся коварно убить спящаго отца, не смотря на то, что отецъ призналъ его и обласкалъ, нельзя-ли видѣть народную размалевку «ворёнка», сына исторической Марины, казацкаго кандидата на престолъ, того *мальчика* (какимъ въ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ является послѣдній), который былъ повѣшенъ въ Москвѣ и о которомъ въ свое время

1) Марковъ. Бѣломорскія былины № 4, стр. 57.
2) Этногр. Обозрѣніе кн. LXII, стр. 13.

Digitized by Google

немало говорили въ народѣ. А. В. Марковъ находитъ, что такую версію, гдѣ Илья Муромецъ заплываетъ на кораблѣ въ область Маринки никакъ нельзя объяснить[1]). Но я напомню съ одной стороны морское путешествіе Ильи на Соколѣ кораблѣ (котораго мы коснемся впослѣдствіи), съ другой — нѣкоторыя былины и пѣсни, какъ будто, указывающія на знакомство Ильи Муромца съ Маринкой. Такъ въ былинномъ отрывкѣ, записанномъ въ Москвѣ г. Лапшинымъ, Добрыня ищетъ Маришкина двора, и Илья Муромецъ даетъ ему о немъ подробныя свѣдѣнія[2]), а въ былинѣ того же сюжета, записанной на Дону г. Харламовымъ, Илья Муромецъ, «старъ старичекъ» даже объясняетъ Добрынѣ, какимъ образомъ онъ знаетъ гдѣ Маринкинъ дворъ. Оказывается, что въ прежнія времена, когда Илья погуливалъ съ отцомъ Добрыни, у нихъ былъ разговоръ про Маринкинъ дворъ[3]). Отъ такого предосудительнаго знакомства съ дворомъ прелестницы уже недалеко и до тѣхъ отношеній къ ней, которыя приписываютъ Ильѣ Муромцу бѣломорскія былины. Въ названіи Маринкой той женщины, отъ который старой казакъ имѣлъ незаконнаго сына, нельзя не видѣть слѣда смутнаго времени, отложившагося на личности народнаго богатыря, и притомъ съ тѣмъ большимъ правомъ, что на него, какъ увидимъ дальше, налегли и другія отложенія той же эпохи. Косвеннымъ подтвержденіемъ тому, что Маринка могла въ одной изъ версій сюжета «Илья и сынъ» стать любовницей стараго казака можетъ, пожалуй, служить такое же «историческое» происхожденіе болѣе обычной въ былинахъ матери Подсокольника бабы Латыгорки, Семигорки и проч., если будетъ найдено правдоподобнымъ слѣдующее объясненіе ея имени. Извѣстно, что нелюбимая народомъ вторая жена Ивана Грознаго Марья Темгрюковна, черкесская княжна изъ Пятигорья, слыла въ русскомъ обществѣ и въ народѣ

1) Тамъ же, стр. 13.
2) Былины старой и новой записи, II, стр. 80.
3) Этнограф. Обозрѣніе кн. LIII, стр. 132.

Digitized by Google

подъ именемъ просто Пятигорки. Такъ, слѣдуя общей привычкѣ, называетъ ее, напримѣръ, А. Сапѣга въ своей перепискѣ съ Хр. Радивиломъ (Pecihorka)[1]). Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого прозвища, вызывающаго представленіе о ростѣ и соотвѣтствующей силѣ (срв. личность великана Святогора), Марья Темрюковна въ разныхъ варіантахъ исторической пѣсни о Кострюкѣ сама представляется насильницей (иногда царицей крымской), поляницей и богатыршей[2]), и старая пѣсня о женитьбѣ Грознаго переходитъ какъ бы въ былину о нашествіи насильника или насильницы на Русь. Любопытна въ этомъ отношеніи легенда, переданная г. Ончукову крестьяниномъ Павломъ Марковымъ послѣ того, какъ онъ спѣлъ старину о Кострюкѣ (№ 91): Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ (борцу) посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поединщикомъ на полѣ битця-боротце». При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской, такъ же, какъ царь, лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго срядили въ царское платье и послали драться съ ней. «Бѣльскій выѣхалъ, разъѣхались; Бѣльской царицу копьемъ шшипъ, она съ лошади пала, а Бѣльской сѣлъ ей на бѣлы груди, да и распоролъ груди бѣлыя, а царица говоритъ:—не быть то Ивану Васильевичу, быть собакѣ Бѣльскому»[3]). При всей фантастичности легенды интересно отмѣтить, что она ставитъ ближайшимъ лицомъ къ Ивану Грозному боярина Бѣльскаго, который вмѣсто него вступаетъ въ бой съ паленицей. Конечно, это — извѣстный Богданъ Бѣльскій[4]), бояринъ «изъ двора» или опричникъ, членъ тѣснаго кружка приближенныхъ бояръ и «возлюбленниковъ», пользовавшихся

1) См. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты 2 изд., стр. 181.

2) Напр. Гильфердингъ № 24:

Еще смотритъ поляница та же крымская,
Богатырша нунь сама есте удалая.

3) См. Печорскія былины, стр. 369, 370.

4) Платоновъ—Очерки, стр. 192.

Digitized by Google

довѣріемъ Грознаго и исполнителей его приказаній. Въ другой старинѣ г. Ончукова о Кострюкѣ (№ 98) царица послѣ посрамленія своего брата, «понесла гнѣвъ на царя Грознаго»:

Руку накинетъ, дакъ пышитъ одва,
Ногу накинетъ, дакъ дышитъ одва,
Переложилъ-то платьё его дядюшка Микутушка,
Снялъ онъ съ ней роту—дубьёмъ отодралъ.

Эти не совсѣмъ ясные стихи мы понимаемъ такъ, что богатырша-жена едва не задушила мужа, и его дядюшка болѣе сильный чѣмъ онъ, обмѣнявшись съ нимъ платьемъ, справился съ ней и, взявъ съ нея клятву или присягу (роту)[1] впредь не противиться мужу, наказалъ ее дубьемъ[2]. Это напоминаетъ извѣстный эпизодъ Нибелунговъ, гдѣ Зигфридъ въ своей шапкѣ-невидимкѣ укрощаетъ богатыршу Брунгильду, помогая ея слабосильному мужу Гунтеру, котораго она поборола, связала и повѣсила на гвоздь (10-я авентюра). Въ старинѣ г. Маркова (№ 106) нахвальщикъ-борецъ Кострюкъ-Мастрюкъ оказывается женщиной (какъ въ нѣкоторыхъ другихъ варіантахъ). Послѣ ея посрамленія Потанюшкой-хроменькимъ, ея сестра, царица Марья Верблюковна, такая же богатырша, надѣваетъ свою шляпу богатырскую въ 30 пудовъ, какъ бы собираясь на бой, но почему то сама закалывается въ противорѣчіе съ обычнымъ окончаніемъ этой пѣсни. О необыкновенной силѣ Пятигорки говоритъ и одна побывальщина изъ Архангельской губ. у Кирѣевскаго[3]: женившагося на Марьѣ Темрюковнѣ Ивана

1) Глаголъ *ротиться — присягать, клясться* употребителенъ въ Арханг. губерніи о присягѣ самоѣдовъ. См. Подвысоцкаго Словарь областн. Арх. нарѣчія.

2) Срв. подобную же услугу, оказанную Ильей Муромцемъ Потыку, не могшему справиться со своей женой Марѳушкой. Бѣломорск. былины № 100, стр. 512. См. также А. Маркова. Бытов. черты русск. былинъ, стр. 72 и примѣч. 1.

3) Кирѣевскій VI, стр. 120.

Digitized by Google

Грознаго спрашиваетъ его дядька: «зачѣмъ исхудалъ?»—Не могу поляницей удалой владѣть: руку-ногу закинетъ на меня жена, не могу духу перевести».

Итакъ въ эволюціи пѣсни о Кострюкѣ личность Мары Темрюковны или Пятигорки получаетъ очертанія богатырши. Немудрено, что въ такомъ видѣ она проникла и въ старинную былину и отождествилась съ богатыркой матерью Подсокольника, которая въ одномъ изъ архангельскихъ варіантовъ г. Григорьева [1]) носитъ имя Марьи Бурдуковны или Златыгорки. Здѣсь о происхожденіи Подсокольника поется такъ:

Отъ того-то города отъ Латыря
Жилъ былъ тутъ старикъ казакъ да Илья Муромецъ.
Онъ жилъ то, поживалъ со Марьей со Бурдуковной
И прижилъ онъ ей дѣтишшо (ст. 1—4).

Далѣе на вопросъ Ильи Подсокольникъ такъ говоритъ о своемъ родѣ-племени:

— Я отъ того-то отъ города Кіева,
— Отъ той-то отъ бабушки Златыгорки (ст. 61—62).

А затѣмъ Илья, признавъ въ Подсокольникѣ сына, говоритъ ему:

Ты скажи-тко ты бабушкѣ Бурдуковной
Отъ меня ты ниской поклонъ,
Ниже того, до сырой земли.

Кажется, мы имѣемъ основаніе предположить, что отчество «Бурдуковна» искажено изъ «Темрюковна» [2]), и видѣть въ матери Подсокольника, по крайней мѣрѣ въ этомъ варіантѣ, ту же богатыршу, которой сдѣлалась царица Марья Темрюковна въ

1) Арханг. былины и историч. пѣсни I, № 40.

2) Срв. подобныя же искаженія: Марья *Небрюковна* (Бѣломорск. был., стр. 184), Марья *В(Б)ерблюковна* (Тамъ же, стр. 528 и слѣд.).

Digitized by Google

эволюціи пѣсни о Кострюкѣ. Другое имя ея въ той же былинѣ «Златыгорка» сближаетъ ее съ обычной былинной матерью Подсокольника и даетъ намъ основаніе поставить вопросъ, въ какомъ отношеніи находится прозвище Марьи Темрюковны «Пятигорка» къ серіи именъ матери Подсокольника, связанныхъ съ «горой» (Латыгорка, Златыгорка, Салыгорка, Семигорка, Святогорка). Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы тотъ, что прозвище «Пятигорки», усвоенное царицѣ Марьѣ Темрюковнѣ и повліявшее на представленіе ее богатыршей, ассимилировало ее съ тѣмъ типомъ матери Подсокольника, въ которомъ эта женщина является бабой, одаренной богатырской силой и носящей прозвища, сложенныя съ словомъ «гора». На этомъ предположеніи мы пока и остановимся.

Такимъ образомъ народное преданіе, по крайней мѣрѣ сохранившееся въ Архангельской губерніи, наградило любимаго богатыря, «неупадчиваго» на женскую прелесть, двумя временными незаконными женами равно несимпатичными—ненавистной иноземкой Марьей Темрюковной («Пятигоркой») и такой же ненавистной иноземкой Мариной Мнишковой. Обѣ историческія женщины были перенесены въ былины изъ историческихъ пѣсенъ и преданій, но въ такое время, когда реальныя личности, носившія эти имена, уже значительно, почти до неузнаваемости, исказились народной молвой, пройдя черезъ нѣсколько поколѣній сказателей. Иноземное происхожденіе обѣихъ близкихъ къ Ильѣ женщинъ отражается въ томъ, что, по былинамъ, онъ вступаетъ въ эту связь гдѣ-то далеко, то въ землѣ Задонской, то гдѣ-то за моремъ, а народная антипатія къ обѣимъ сказывается въ томъ, что сынъ отъ этой связи вышелъ хотя и богатыремъ, въ отца, но коварнымъ—въ мать. Нельзя не отмѣтить и той детали, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ, временная жена стараго казака представляется женщиной высокаго, чуть не царскаго происхожденія: она королевична Задонская[1]), или какая то приморская

1) Былина Кирши Данилова.

Digitized by Google

властительница [1]); ея сынъ отъ Ильи иногда называется Борисомъ-королевичемъ [2]), иногда Петромъ царевичемъ [3]). Не объясняется ли эта, слишкомъ аристократическая для Ильи, связь тѣмъ, что обѣ историческія личности, носившія имена Марины и Марьи Темрюковны («Пятигорки»), были царскими женами?

Въ былинахъ встрѣчается еще одно указаніе на мать Подсокольника, повидимому, безъ означенія ея имени, а скорѣе ея происхожденія по мѣсту родины. Такъ, въ былинѣ Гильфердинга № 226, на вопросъ Ильи Муромца Подсокольникъ отвѣчаетъ слѣдующими словами:

— Я изъ *западныхъ* странъ, изъ Золотой орды,
— Я Петре царевичъ золотничанинъ.
— Я спорожонъ отъ дѣвки сиверьянчины,
— А не знаю родителя-то батюшка.

Объясненіемъ эпитета Сиверьянчины можетъ служить другой варіантъ того же сборника (№ 233), гдѣ выясняется, что Сиверьянчина (или, какъ здѣсь, Сиверьянична) названа такъ по происхожденію изъ *сиверской* стороны. Подсокольникъ говоритъ о себѣ:

— Я есть сиверной страны да золотой орды,
— Да есть дѣвицы сиверьяничны.

Оставляя безъ вниманія указаніе на золотую орду, такъ какъ врагъ-нахвальщикъ въ былинахъ обыкновенно называется татариномъ [4]), отмѣтимъ, какъ болѣе характерное, указаніе былины, что сынъ Ильи происходитъ изъ сиверной страны. Я склоненъ въ этой сиверной (по другому варіанту *западной*)

1) Марина Кайдаловка, Бѣломорск. былины № 4.
2) Бѣломорск. былины, стр. 489.
3) Гильфердингъ, № 226 и 265.
4) Татариномъ иногда называется и подсокольникъ, см. Кирѣевскій, I, 3, I, 4.

Digitized by Google

странѣ видѣть искаженіе сиверской (сѣверской) т. е. указаніе на ту «преже погибшую» сѣверскую украйну, которая въ смутную эпоху является гнѣздомъ государственной смуты и изъ которой, какъ извѣстно, исходило антигосударственное броженіе въ видѣ самозванцевъ, казаковъ, разбойниковъ и шаекъ вообще всякой вольницы, разливавшихся по всей Руси. Память о ней сохранилась, напр., въ былинѣ о *королевнѣ* Политовской, къ которой молодецъ зашелъ бродя по «свирской (т. е. сиверской) украйнѣ»[1]). Къ этой сиверской, ближайшей къ Польшѣ, странѣ пріурочивается и нахвальщикъ, коварный сынъ Ильи Муромца, почему въ одной былинѣ[2]) мать нахвальщика называется «полькой», а въ другой разсказывается, что Илья прижилъ дочь въ хороброй Литвѣ, когда выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владимира[3]). Быть можетъ, поэтому не случайно сынъ дѣвки сиверьяничны, дѣвки изъ завѣдомо крамольнаго края Руси, носитъ въ одномъ варіантѣ[4]) имя крамольника смутнаго времени Петра царевича или казацкаго царька Петрушки (Илейки), самозванца, причинившаго много хлопотъ правительству при царѣ Василіи Шуйскомъ. Если это предположеніе правдоподобно, то и въ этомъ имени незаконнаго сына Ильи мы имѣли бы наносъ отъ смутнаго времени, отложившійся на нашемъ главномъ богатырѣ. Память о Севрюкахъ, замѣтимъ кстати, сохранилась отъ смутнаго времени у донскихъ казаковъ въ пѣснѣ о Кострюкѣ, который называется Севрюкомъ. Когда «удалы мòлодцы донцы» побороли Севрука, «Пошла слава по всему сѣверу (т. е. сѣверной украйнѣ), очутилась и въ Кіевѣ»[5]).

Переходя къ указанію другихъ слѣдовъ Смутнаго времени

---

1) Рыбниковъ, I, стр. 452. Замѣтимъ, что и въ современныхъ смутѣ письменныхъ памятникахъ украйна называется то сиверской (Четыре сказанія стр. 57), то сѣверной (тамъ же, стр. 25).

2) Кирѣевскій, VII, Приложеніе стр. 1—7.

3) Рыбниковъ, I, стр. 73.

4) Гильфердингъ, № 226.

5) См. пѣсни о Севрукѣ въ Сборникѣ Пивоварова, стр. 225—226 и Этногр. Обозрѣніе кн. LIII, стр. 139.

Digitized by Google

въ былинахъ, мы должны для ихъ уясненія припомнить нѣкоторые историческіе факты. Смутное время было эпохой широкаго распространенія того, что памятники называли «воровствомъ», и противообщественныхъ, антигосударственныхъ дѣйствій такъ называемыхъ «воровъ». Терминъ «воръ» не въ современномъ его значеніи, а въ смыслѣ не только противообщественнаго, но и государственнаго преступника, типиченъ для того времени [1]). Такъ «воровскими» назывались казаки враждебные правительству, Тушинскій самозванецъ назывался просто «воромъ», сынъ Марины «ворёнкомъ». Изрѣдка отголоски такого значенія имени «воръ» слышатся еще въ современныхъ редакціяхъ былинъ. Такъ, намъ кажется страннымъ и наивнымъ, когда, напримѣръ, Илья Муромецъ говоритъ про князя Владимира:

— Мнѣ-ка не жаль *вора*, князя Владимёра [2]),

или когда татаринъ царь Калинъ называется въ былинахъ «воромъ» [3]), или когда Соловей разбойникъ поноситъ этимъ словомъ князя Владимира [4]). Но если мы осмыслимъ этотъ эпитетъ въ духѣ Смутнаго времени, то былинное примѣненіе его, конечно, въ видѣ поношенія, къ царственнымъ лицамъ намъ не покажется страннымъ, такъ какъ въ XVII в. онъ постоянно примѣнялся къ разнымъ проходимцамъ, выдававшимъ себя за лицъ царской крови. Не ушелъ отъ этой клички и самъ Илья Муромецъ, котораго въ одной бѣломорской былинѣ называетъ «воромъ» баба Латынгорка [5]); спеціальный титулъ вора, конечно, усвоенъ и Соловью-разбойнику [6]), «воромъ» называется казацкій атаманъ Данила Борисовичъ (иначе Денисовичъ) [7]) причемъ

1) См. Соловьевъ,—Ист. Россіи VIII, изд. 2, стр. 365.
2) Бѣломорскія былины № 91, стр. 483.
3) Гильфердингъ, № 67.
4) Кирѣевскій, I, стр. 83.
5) Бѣломор. былины № 94.
6) Рыбниковъ, II, № 3, I, № 9.
7) Печорскія былины, №№ 51 и 76.

Digitized by Google

нельзя не вспомнить «воровскихъ» казаковъ; «воромъ» — Малюта[1]), Василій Буслаевъ[2]), «ворами» Гагарины[3]) и нѣкоторые другіе. Повидимому, въ этихъ былинныхъ «ворахъ» мы имѣемъ отголоски эпохи «воровской» по преимуществу.

Далѣе, въ Смутное время исконные враги Россіи поляки, называемые въ былинахъ, по непосредственному сосѣдству литовскихъ частей Польши, чаще Литвой поганой[4]), причинили русской землѣ неисчислимыя бѣдствія. Вспомнимъ распространеніе польскихъ отрядовъ подъ начальствомъ Жолкѣвскаго, Хоткевича, Сапѣги и проч., осаду Троицкаго монастыря, сожженіе Москвы, осаду Смоленска, походъ Сигизмунда и Владислава и другія громкія событія того времени, связанныя съ именемъ поляковъ (пановъ). Конечно, въ былинахъ могли отразиться и отношенія Руси къ Польшѣ предшествующихъ временъ, какъ въ нихъ же отложилась многовѣковая борьба съ Татарами. «Золотая орда» и «Поганая Литва» стали эпическими враждебными Руси странами и притомъ настолько неопредѣленными, что онѣ наивно смѣшиваются сказателями[5]). Но, быть можетъ, нѣкоторыя былинныя данныя пріурочиваются спеціально къ періоду военныхъ дѣйствій поляковъ противъ Московскаго царства въ Смутное время.

Въ эту эпоху въ 1611—12 годахъ много говорили въ народѣ о польскомъ королевичѣ (Владиславѣ); онъ имѣлъ немало сторонниковъ среди бояръ, какъ кандидатъ на Московскій престолъ, ему приносили присягу. Затѣмъ, когда эта затѣя московской боярской партіи разстроилась, когда въ народѣ сложилось

---

1) Тамъ же, стр. 207.

2) Тамъ же, стр. 396.

3) Тамъ же, стр. 400; ср. Гильфердингъ, № 129; Рыбниковъ, I, стр. 393.

4) Въ современныхъ извѣстіяхъ изъ Смутнаго времени часто говорится про «литовскихъ людей».

5) Напримѣръ въ обычномъ эпическомъ вопросѣ: «Ты изъ коей орды изъ коей Литвы»?

Digitized by Google

сознаніе объ опасности польскихъ притязаній для государства, когда обнаружились вполнѣ замыслы Сигизмунда, и королевичъ уже какъ врагъ въ началѣ царствованія Михаила явился съ войскомъ въ предѣлахъ Россіи (въ 1618 г.), опираясь на помощь казацкаго гетмана Сагайдачнаго и послѣ неудачнаго приступа къ Москвѣ отступилъ къ Троицѣ, то въ народныхъ сказаніяхъ «королевичъ» долженъ былъ получить обликъ обычнаго насильника-нахвальщика, наѣзжающаго на Русь. Нельзя ли поэтому видѣть слѣдъ нашествія Владислава въ названіи «королевичъ», прилагаемомъ былинами къ типамъ молодыхъ иноземныхъ насильниковъ этого рода? Былины знаютъ нахвальщика Збута-Бориса королевича, сына Ильи Муромца [1]), Васю, королевича млада, бывавшаго на Руси, знающаго по русски и потому, отправляемаго царемъ Кудреванкомъ къ князю Владиміру съ обычными угрозами [2]); Ваську королевича, отправляемаго съ такою же цѣлью въ Кіевъ Идолищемъ [3]), Василія Прекраснаго, любимаго затя Мамая, котораго Алеша Поповичъ отбилъ отъ Кіева [4]). Наконецъ въ силу эпической амплификаціи былины упоминаютъ 40 королевичей вмѣстѣ съ 40 *атаманами* (казацкими) въ войскѣ Идолища, приступившаго къ Кіеву [5]). Если въ названіи «королевичъ» можно видѣть какой нибудь историческій (а не литературный) слѣдъ, то едва-ли въ нашихъ отношеніяхъ къ Польшѣ было какое нибудь другое событіе, которое могло бы внести въ нашъ эпосъ «королевича», т. е. сына польскаго короля, такъ какъ походъ Владислава представляетъ единственный случай вторженія королевича въ русскую землю. Все это, конечно, остается подъ сомнѣніемъ, такъ какъ нельзя отрицать возможности занесенія *королевича* въ былины и изъ сказокъ за-

1) Кирша Даниловъ.

2) См. мою статью «Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ» Отд. оттискъ стр. 5.

3) Бѣломорскія былины № 94.

4) Былины стар. и нов. записи, II, стр. 104.

5) Бѣломор. былины № 81.

Digitized by Google

паднаго происхожденія. Рискуемъ также поставить вопросъ: не отъ этой ли эпохи попалъ въ былинный инвентарь городовъ Кряковъ (Краковъ), откуда, напр., выѣзжаетъ Лука королевичъ (въ былинѣ «Королевичи изъ Крякова») и куда вмѣстѣ съ Соловьемъ ѣдетъ Илья Муромецъ, чтобы освободить его отъ враговъ[1])? Вѣдь этотъ польскій городъ былъ столицей польскихъ королей съ XIV в. вплоть до 1610 г., когда резиденція ихъ была перенесена въ Варшаву. Отношенія къ полякамъ (панамъ), особенно обострившіяся въ смутное время, быть можетъ, проскальзываютъ и въ нѣкоторыхъ упоминаніяхъ о *панахъ*: былина знаетъ какого то «пана поганаго»[2]), называетъ «паномъ» турецкаго султана, смѣшивая въ своей антипатіи ляховъ съ турками[3]); какіе то «панове-уланове» пируютъ вмѣстѣ съ «злыми татарами» у царя Василія Окуловича, похитителя жены Соломана[4]); «пановья-улановья вмѣстѣ съ погаными татарами осаждаютъ Черниговъ[5]) или Смолягинъ (т. е. Смоленскъ)[6]), причемъ нельзя не вспомнить осаду Смоленска Сигизмундомъ. Вообще названіе *панове*, *пановья* всегда представляетъ нѣчто антипатичное, враждебное и однородное съ татарове, уланове. Но повторяю, у насъ нѣтъ полной увѣренности, чтобъ эти былинныя данныя пріурочивались прямо къ Смутному времени.

Переходимъ къ другому вопросу: какія отложенія въ былинахъ сохранились отъ казацкой смуты, игравшей такую выдающуюся роль въ ходѣ событій этого періода?

Извѣстно, что широкое распространеніе казачества начинается въ XVI в., огромная извѣстность казаковъ идетъ только съ конца этого столѣтія и съ начала XVII-го (запорожскія возстанія, походъ Ермака, казачество въ Смутное время)[7]). «Смутное

1) См. наши Очерки, стр. 400.
2) Гильфердингъ, № 87.
3) Былины стар. и новой записи, II, № 16, стр. 64.
4) Тамъ-же, № 67, стр. 247.
5) Гильфердингъ, № 210.
6) Рыбниковъ, II, № 63. Ср. также, I, стр. 422, 429.
7) Иловайскій, Историч. сочиненія, II, стр. 111.

Digitized by Google

время, говоритъ Д. И. Иловайскій, было именно тою эпохою, когда казачество явилось едва-ли не главною дѣйствующею силою въ событіяхъ: всѣ самозванцы, начиная съ перваго, опирались болѣе всего на казачество; свои кровавыя дѣянія оно распространило по всему лицу русской земли, а потому естественно поразило народное воображеніе и оставило глубокіе слѣды въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ[1]). По мнѣнію Соловьева[2]), Смутное время мы имѣемъ право разсматривать какъ борьбу между общественнымъ и противуобщественнымъ элементомъ, борьбу земскихъ людей, собственниковъ, которымъ было выгодно поддержать спокойствіе, нарядъ государственный для своихъ мирныхъ занятій, — съ такъ называемыми казаками, людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы съ интересами общества, которые хотѣли жить на счетъ общества, жить чужими трудами».

Предоставляя историкамъ выясненіе причины этого нашествія казацкой вольницы на центральныя и даже сѣверныя области Россіи, мы можемъ пользоваться историческими фактами только для нашей спеціальной задачи. О широкомъ распространеніи казаковъ отъ украйны, отъ «дикаго поля» въ самое сердце государства, объ ихъ грабежахъ и неистовствахъ подъ знаменами и самозванцевъ, и поляковъ, и отдѣльными шайками со своими атаманами говорятъ многочисленныя современныя свидѣтельства. По показанію Маскѣвича[3]), во всѣхъ семи лагеряхъ польскаго войска были запорожскіе казаки и сверхъ того, «дѣйствуя особо въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ кому вздумалось, (они) разсыпались по всей московской землѣ, какъ муравьи. Было ихъ вдвое болѣе войска польскаго». Ожесточеніе казаковъ противъ земле-владѣльческаго класса, противъ собственниковъ и ихъ неистов-

1) Иловайскій,—Ист. соч., II, стр. 127.

2) Исторія Россіи, изд. 3-е, т. VIII, стр. 67.

3) См. Дневникъ Маскѣвича, Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, ч. II, стр. 31.

Digitized by Google

ства и жестокость изумляла даже поляковъ [1]). Изображая ихъ насилія, Палицынъ указываетъ производимыя ими разграбленія зерна, истребленіе находимыхъ запасовъ продовольствія, сожженіе жилищъ въ какомъ то слѣпомъ озлобленіи: казаки измѣнники, говоритъ онъ, «идѣ же что останется каковыхъ житъ, то въ воду и грязь сыплюще, и коньми топчуще, а идѣ же не пожгутъ домовъ, или немощно взяти домовыхъ потребъ, то все мѣлко колюще и въ воду мещуще: входы же и затворы всякія разсѣкающе, дабы никомуже жительствовати ту» [2]). Неудачи перваго земскаго ополченія для освобожденія Москвы отъ поляковъ, когда земцы дѣйствовали вмѣстѣ съ подозрительными союзниками казаками, убійство Ляпунова казаками Заруцкаго, попытка казаковъ умертвить кн. Пожарскаго, поруганіе ими святынь, грабежи, разбои, дикій разгулъ — все это вселило въ земцевъ окончательную увѣренность, что имъ слѣдуетъ видѣть въ казакахъ такихъ же враговъ, какъ въ полякахъ, и дѣйствовать независимо отъ нихъ. Уже въ началѣ 1612 года въ грамотахъ московскихъ бояръ, посланныхъ въ Кострому и Ярославль къ жителямъ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными царю (Владиславу), казаки описываются, какъ злѣйшіе враги государства, церкви и народа: «казаки князя Дм. Трубецкого и Ивана Заруцкаго стоятъ подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разореніе: ѣздятъ отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки, грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, насилуютъ православныхъ христіанъ, боярынь и простыхъ женъ берутъ на блудъ, дѣвицъ растлѣваютъ насиль-

---

1) «И видяще поляки и Литва таковы пытки и злое мучительство отъ своихъ своимъ и единовѣрнымъ, и уступающе дивляхуся окаянной вражіи жестокости, и сердцы своими содрогахуся, и звѣрски взирающе отбѣгаху; разумніи же отъ нихъ теплыми слезами лаитѣ свои омывающе, и другъ другу глаголюще: внимаемъ, братіе, о семъ, что сіи русаки другъ другу содѣваютъ? Намъ же что будетъ отъ нихъ». Сказанія Палицына, изд. 1822 г., стр. 38.

2) Тамъ же, стр. 49.

Digitized by Google

ствомъ мучительнымъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать». И далѣе: «Когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили, и черницъ—королеву, дочь князя Владимира Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде взглянуть не смѣли, ограбили до нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на блудъ брали: и какъ пошли изъ монастыря, то церковь и монастырь выжгли: это-ли христіанство? Хуже они жидовъ: сами своихъ казнятъ и ругаютъ: васъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и лучшихъ торговыхъ людей эти воры казаки, наши и ваши холопи, грабятъ, побиваютъ и позорятъ, и впредь всѣми вами и вашими домами владѣть хотятъ» и проч.[1]). Эти картины казацкихъ неистовствъ на Руси въ эпоху Смутнаго времени и тяжелыя воспоминанія о роли казаковъ, какъ сторонниковъ всѣхъ самозванцевъ — Лжедмитрія, Тушинскаго вора, Илейки, Ѳедьки[2]), Сидорки, Псковскаго вора, Марины и ворёнка и проч.—не могли не отложиться на долго въ народной памяти, и мы вправѣ ожидать хотя бы нѣкоторыхъ отголосковъ «казачества» въ народномъ эпосѣ[3]).

Дѣйствительно, былины сохранили въ своемъ эпическомъ словарѣ обычный для XVI и XVII вв. терминъ «козаковать» въ полѣ, выражающій привычный строй жизни этой бродячей вольницы.

Такъ, въ былинахъ говорится, что Добрыня «съ казаками казакуетъ»[4]). Илья Муромецъ, встрѣтивъ въ полѣ «походную красную дѣвицу», спрашиваетъ ее: «что ты една въ чистомъ полѣ

---

1) Соловьевъ—Тамъ же, стр. 462.

2) Лѣтопись о многихъ мятежахъ, 1788, стр. 125.

3) Въ извѣстной пѣснѣ Смутнаго времени о воровской свадьбѣ или о попѣ Емелѣ упоминаются въ первыхъ саняхъ поѣзда «атаманы» воры, во вторыхъ «есаулы» и всѣ они ѣдутъ «съ Дону». См. Кирѣевскій, VII, стр. 19—21, и Прилож., стр. 119, 120.

4) Былины стар. и нов. записи, II, 22: 14.

Digitized by Google

козакуешь»?[1]) «Неуловимые въ необъятныхъ пространствахъ «дикаго поля», говоритъ историкъ Смутнаго времени г. Платоновъ, благодаря своей большой подвижности, казачьи отряды, «станицы», по тогдашнимъ выраженіямъ, «казаковали» или «гуляли», гдѣ и какъ хотѣли. Они искали себѣ пропитанія охотою, рыболовствомъ и бортничествомъ въ своихъ хозяйственныхъ зимкахъ «юртахъ», или на временныхъ остановкахъ «станахъ». Они держались на рѣчныхъ путяхъ и полевыхъ сакмахъ съ цѣлью простого разбоя и грабили не только торговые караваны, но и государевыхъ пословъ или пословъ иностранныхъ, ѣхавшихъ въ Москву. Они проникали на югъ и востокъ къ границамъ ногайскихъ, татарскихъ и турецкихъ поселеній и грабили «басурмановъ», уводя отъ нихъ полоняниковъ, за которыхъ брали выкупъ. Они, наконецъ, предлагали свою службу правительству и частнымъ лицамъ, составляя изъ себя особые отряды съ своими атаманами и есаулами, которыхъ они избирали сами изъ своей среды, или къ которымъ поступали подъ начальство по «прибору», т. е. по вербовкѣ[2]).

Эти слова историка могутъ служить не только комментаріемъ къ историческимъ казацкимъ пѣснямъ XVI и XVII в., но намѣчаютъ какъ бы ихъ сюжеты: вспомнимъ пѣсни о Ермакѣ, о Стенькѣ Разинѣ, объ убійствѣ посла Карамышева и проч. Всего чаще въ былинахъ встрѣчаются казаки Донскіе, раньше другихъ сложившіеся въ прочную организацію, имѣвшіе, казачьи городки» на Дону уже къ половинѣ XVI-го столѣтія[3]) и съ низовьевъ Дона дѣйствовавшіе противъ «басурманъ», особенно противъ Азова. Интересно, что въ былинахъ они играютъ двойственную роль: съ одной стороны *донскимъ* казакомъ иногда называется народный любимецъ Илья Муромецъ[4]), съ другой—

1) Кирѣевскій, I, стр. 4 и слѣд. Объ приведенныя былины записаны у казаковъ. Обычнѣе другой терминъ *поляковать*.

2) Очерки Смутнаго времени изд. 1-е, стр. 114—115 (= 2-е изд. стр. 77).

3) Тамъ же, стр. 115.

4) Рыбниковъ, II №№ 28, 64; Гильфердингъ, № 239; Григорьевъ, I, № 8.

Digitized by Google

донскіе казаки являются на сторонѣ его враговъ или въ союзѣ съ татарами. Такъ, въ одномъ варіантѣ былины объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ турецкій салтанъ велитъ донскимъ казакамъ напасть на Илью Муромца:

«Ай вы, гой еси, ребята добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки!...
Вы бѣжите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, въ легки струги,
Нагребайте поскорѣе на Соколъ-корабль,
Илью Муромца въ полонъ бери,
Добрынюшку подъ мечь клони»[1]).

Въ пѣснѣ о Данилкѣ Денисьевичѣ этотъ предводитель донскихъ казаковъ называется «воромъ»; съ своей шайкой онъ «выгребаетъ» на устьѣ Дона и обираетъ товары заморскіе съ купецкихъ кораблей[2]). Въ пѣснѣ о Кострюкѣ *донскіе* казаки вмѣстѣ съ улановьями и татаровьями иногда составляютъ свиту пріѣхавшей въ Москву Марьи Темрюковны[3]).

Въ былинахъ упоминаются сорокъ атамановъ, подступающихъ въ войскѣ Идолища, вмѣстѣ съ сорока королевичами, къ Кіеву[4]), причемъ казаки дѣйствуютъ вмѣстѣ съ поляками (королевичами?) и татарами враждебно противъ князя Владимира. Можетъ быть, это двойственное отношеніе къ казакамъ объясняется средою, въ которой ходили тѣ или другія былины и пѣсни. Несомнѣнно, какъ увидимъ дальше, сами казаки вносили старинныя былины въ свой оборотъ и наложили свой отпечатокъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, на обычномъ пиру у кн. Владимира вѣроятно они посадили, наряду съ обычными эпическими сотрапезниками, — могучими богатырями, князьями,

1) Былины стар. и нов. записи, II, № 16, стр. 64.
2) Ончуковъ—Печорскія былины, № 76.
3) Напр., Марковъ, № 85; Рыбниковъ, II, стр. 221.
4) Бѣломорскія былины, № 84.

Digitized by Google

боярами, паляницами удалыми, — также *задонскихъ* казаковъ [1]); какъ сѣверно-русскіе сказатели привели на тотъ же пиръ свою братію крестьянъ — мужиковъ деревенскихъ. Но изъ всѣхъ слѣдовъ «казачества» для насъ всего важнѣе тѣ, которыми былины отмѣчаютъ своего главнаго богатыря «стараго казака» Илью Муромца. Здѣсь является вопросъ, къ какому времени относится этотъ постоянный эпитетъ Ильи, съ какой поры онъ сталъ казакомъ, иногда атаманомъ, иногда донскимъ казакомъ. Въ «Экскурсахъ», разсматривая этотъ вопросъ [2]), я былъ склоненъ, вслѣдъ за нѣкоторыми историками, отодвинуть начало казачества въ дотатарскую эпоху и возводить этотъ эпитетъ Ильи Муромца къ болѣе отдаленному времени, чѣмъ XVI—XVII вѣкъ. Въ своей статьѣ, написанной по поводу моего изслѣдованія Д. И. Иловайскій видитъ въ «казачествѣ» Ильи чапротивъ слѣдъ Смутной эпохи и даже указываетъ историческаго казака Илью Муромца (самозванца Илейку), какъ историческую личность, отъ которой былинный Илья Муромецъ воспринялъ свой эпитетъ «казака» [3]). «По моему крайнему разумѣнію, говоритъ Д. И. Иловайскій, его имя и званіе несомнѣнно смѣшались, слились въ народномъ представленіи съ главнымъ богатыремъ русскаго народнаго эпоса. Совпаденіе имени Ильи и прозванія Муромецъ было, повидимому, совершенно случайное; но оно повело къ тому, что богатырь въ народныхъ пѣсняхъ съ того времени получилъ эпитетъ «казака», перешедшій къ нему прямо отъ казацкаго самозванца» [4]). Въ виду этого различія во взглядахъ считаю необходимымъ вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ, причемъ разчленяю его на два вопроса: во 1-хъ, съ какого времени Илья Муромецъ сталъ «старымъ казакомъ», и во 2-хъ, не отло-

---

1) Тамъ же, № 93.

2) Въ VII экскурсѣ стр. 226—229.

3) См. статью: Богатырь казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. Напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1893, № 5 и перепечатана съ дополненіями въ «Историческихъ сочиненіяхъ», т. II.

4) Названное сочиненіе, стр. 115.

Digitized by Google

жился ли на его былинномъ типѣ именно историческій Илейко, самозванецъ Лже-Петръ?

Что касается перваго вопроса, то въ виду наиболѣе интенсивнаго разлива казачества по Руси въ Смутную эпоху, въ виду типичныхъ казацкихъ чертъ, которыя наблюдаются въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ характера Ильи, я склоняюсь въ настоящее время къ мысли, что любимый русскій богатырь сталъ казакомъ въ тотъ періодъ, когда его личностью овладѣли казаки, сдѣлали его своимъ собратомъ и защитникомъ голи кабацкой, т. е. въ періодъ казацкаго броженія въ Смутное время. Для хронологіи эпитета «казакъ» въ приложеніи къ Ильѣ слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя старинныя свидѣтельства о богатырѣ. Извѣстныя иностранныя свидѣтельства—германская поэма Ортнитъ и норвежская Тидрекъ-сага, въ которыхъ я, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, вижу отголоски русскихъ сказаній объ Ильѣ (въ Ilias von Riuzen и Ilias af Greca)—указываютъ на знатное происхожденіе русскаго Ильи и, конечно, не знаютъ его ни какъ крестьянскаго сына, ни какъ стараго казака. Переходя за отсутствіемъ другихъ свидѣтельствъ объ Ильѣ изъ XIII-го вѣка прямо во вторую половину XVI-го, мы находимъ Илью съ эпитетомъ Муровленина вмѣстѣ съ Соловьемъ Будимировичемъ въ письмѣ оршанскаго старосты Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому отъ августа 1574 года[1]). Кмита Чернобыльскій, какъ я старался доказать въ моей статьѣ «Илья Муромецъ и Себежъ», не могъ бы уподобить себя ни крестьянскому сыну, ни казаку Ильѣ. Онъ не зналъ ни того, ни другого. Далѣе, нѣмецкій путешественникъ Ляссота, посѣтившій Кіевъ въ 1594 году, описывая его святыни, упоминаетъ между прочимъ о «капеллѣ», въ которой погребенъ Илья Моровлинъ, «знаменитый герой или *богатырь*, какъ его называютъ, о которомъ разсказываютъ много басенъ»[2]). О томъ, что Илья бо-

1) См. мои «Очерки», стр. 397 и слѣд.

2) См. Ореста Миллера—Илья Муромецъ и богатырство Кіевское, стр. 799.

Digitized by Google

гатырь былъ казакомъ Ляссота не упоминаетъ и, можно думать, не знаетъ. Не знаетъ Илью, какъ казака, и монахъ Кальнофойскій, упоминающій, въ половинѣ XVII-го столѣтія, объ Ильѣ, почивающемъ въ Кіевскихъ пещерахъ[1]). Но и въ самихъ былинахъ далеко не во всѣхъ Илья носитъ этотъ эпитетъ. Для насъ важно, что именно въ древнѣйшихъ записяхъ былинъ Илья не называется ни казакомъ, ни крестьяниномъ. Въ такъ называемомъ «Богатырскомъ Словѣ», открытомъ Е. В. Барсовымъ въ спискѣ начала XVII-го вѣка (по его мнѣнію), Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, стоящій во главѣ семи русскихъ богатырей, ѣдущихъ въ Царьградъ, нигдѣ не названъ казакомъ, такъ-же какъ въ болѣе позднемъ (XVIII-го в.) спискѣ того же сказанія въ сборникѣ Буслаева[2]). Вообще *ни въ одной* изъ былинъ старинной записи (по рукописямъ XVIII в.), изданныхъ мною въ 1894 г. вмѣстѣ съ покойнымъ академикомъ Н. С. Тихонравовымъ, Илья не носитъ этого эпитета, а называется либо «святорусскимъ богатыремъ»[3]), либо «свѣтъ государемъ»[4]). «Осударемъ» или «государемъ» называется онъ и во множествѣ былинъ (особенно изъ Архангельской губерніи), записанныхъ въ XIX и въ текущимъ столѣтіи[5]). Рукописное сказаніе вѣроятно еще XVII-го вѣка объ Ильѣ Муромцѣ[6]), перешедшее въ XVIII в. на лубокъ и выдержавшее много изданій, а также народныя *сказки* объ Ильѣ, пошедшія отъ лубочной, говорятъ о богатырѣ крестьянскомъ сынѣ и не знаютъ его за каказа.

Такимъ образомъ, если древнѣйшія свидѣтельства объ Ильѣ XVI-го вѣка, записи сказаній о немъ XVII и XVIII вѣка и

---

1) Тамъ же, стр. 799.

2) См. Богатырское Слово въ Сборн. Отд. русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 3; Былины старой и новой записи, I, стр. 46—53.

3) Былины стар. и новой записи, I, 14: 9.

4) Тамъ же, I, 10: 13; 11: 13; 12: 15; 17: 21.

5) См. Тамъ же: II, 49: 3; 5: 19; 15: 26. Бѣломорскія былины №№ 2, 50, 69, 74, 81, 94, 98, 104, 107, 112.

6) Напечатано въ Былинахъ стар. и новой записи по рукописи И. Забѣлина, I, стр. 11—24.

Digitized by Google

многія былины современной записи не знаютъ Илью Муромца, какъ казака, мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что едва ли этотъ эпитетъ прикрѣпился къ нему ранѣе XVII-го вѣка и что даже приданный ему, конечно, въ казацкой средѣ, онъ распространился не повсемѣстно, хотя бы точный подсчетъ и обнаружилъ, что Илья называется казакомъ въ большемъ числѣ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ былинъ, чѣмъ не казакомъ. Еслибы онъ искони былъ казакомъ, намъ трудно было бы объяснить, почему, въ силу какихъ историческихъ условій онъ пересталъ быть таковымъ и сталъ крестьянскимъ сыномъ изъ центральной Руси. Наоборотъ мы имѣемъ въ Смутномъ времени на лицо тѣ условія, при которыхъ популярный народный богатырь могъ стать казакомъ. Какъ въ этомъ періодѣ особенно рѣзко проявляется столкновеніе земщины и казачества, такъ въ крестьянской центральной и сѣверной средѣ Илья является крестьянскимъ сыномъ изъ Мурома, села Карачарова, а въ казацкой вольницѣ старымъ вольнымъ казакомъ, иногда Донскимъ атаманомъ. Антагонизмъ земцевъ и казаковъ давно изгладился изъ народной памяти, эпитетъ *стараго* казака, какимъ неосмысленно называется въ нѣкоторыхъ былинахъ богатырь, только что исцѣленный каликами и выѣзжающій впервые изъ воротъ родительскаго дома, мирно уживается съ подвигами Ильи на защиту Кіева и князя Владимира отъ татаръ, Литвы поганой, съ его служеніемъ князю (т. е. правительству), церкви и народу. Но это соприкосновеніе Ильи съ казацкой и босяцкой средой въ Смутное время оставило, какъ сейчасъ увидимъ, яркіе слѣды въ нѣкоторыхъ былинахъ и внесло въ типъ Ильи такія рѣзкія черты разнузданности, пьянаго разгула, ожесточенности противъ князя и безшабашности, въ которыхъ, на нашъ взглядъ, сильно чувствуется вѣяніе Смуты съ ея дикими проявленіями протеста низшихъ слоевъ населенія противъ правительства, церкви и общества.

Приведемъ примѣры этой двойственности, этого внутренняго разлада, который замѣчается въ поступкахъ и словахъ стараго казака, повидимому, подъ воздѣйствіемъ казацкихъ и простона-

Digitized by Google

родныхъ чувствъ, вылившихся въ печальной эпопеѣ событій Смутной эпохи. Илья извѣстенъ въ былинахъ своимъ благочестіемъ, уваженіемъ къ церкви, любовью къ церковной службѣ. Его богатырская карьера, по нѣкоторымъ былинамъ, начинается съ того, что онъ отстоялъ заутреню въ Муромѣ, поспѣлъ къ обѣднѣ въ Кіевъ и тотчасъ по пріѣздѣ туда идетъ въ церковь, гдѣ впервые видитъ кн. Владимира. Онъ многократно заявляетъ себя защитникомъ церквей и монастырей, стоятелемъ за вѣру православную и проч. И тотъ же благочестивый Илья въ извѣстной былинѣ о ссорѣ съ Владимиромъ, обиженный тѣмъ, что князь не позвалъ его на пиръ, раззадорился.

А тутъ-то Илья да розретивился,
Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ
А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую...
А стрѣлилъ-то онъ тутъ по Божьимъ церквамъ
А по тымъ стрѣлилъ по чуднымъ крестамъ
А по тымъ маковкамъ золоченымъ.
Да пали тутъ тыи маковки,
Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
Да самъ онъ закрычалъ тутъ во всю голову:
«Да ай же вы были голи мои,
«А голи мои вы кабацкіи...
«А обирайте маковки вси золоченыи.
«А подёмте-ко вы да со мной еще
«А тотъ-то на тотъ да на царевъ кабакъ,
«Какъ станемъ нунь пить да зелена вина,
«Да станемъ-то пить да заодно со мной» [1]).

По другому варіанту той же былины:

Выходитъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
И на матушки Божьи церквы погуливать.

1) Гильферд. № 47=Рыбн. т. I, 18.

Digitized by Google

На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ай же пьяницы вы го́люшки кабацкіи!
«Да и выходите съ кабаковъ, домовъ питейныихъ
«Й обирайте-тко вы маковки да золочены,
«То несите въ кабаки въ домы питейные,
«Да вы пейте-тко да вина досыта»[1]).

Итакъ этотъ дикій святотатственный поступокъ совершается съ цѣлью на́ зло князю Владиміру угостить голей кабацкихъ. Церкви кіевскія поплатились своими крестами и маковками, пропитыми Ильей съ голями въ царевомъ кабакѣ, а поступокъ Ильи, доложенный князю Владиміру, внушаетъ ему только страхъ передъ Ильей, и побуждаетъ его искать примиренья со старымъ казакомъ, послать къ нему съ извиненіями Добрыню, устроить для него новый пиръ, и когда Илья благосклонно пошелъ на мировую, князь говоритъ ему таковы слова:

«Ай же старый казакъ ты Илья Муромецъ!
«Твоё мѣ́стечко было́ да видь пониже всихъ,
«То́перь мѣ́стечко за столикомъ повыше всихъ![2]).

Въ другихъ варіантахъ находимъ еще болѣе унизительныя для князя подробности. Илья объявляетъ князю, что послушался только Добрыни, какъ крестоваго брата, а иначе онъ:

— А не́кого-то я бы не послухалъ здѣ,
— А скоро натянулъ бы я свой ту́гой лукъ,
— Да клалъ бы я стрѣ́лочку кале́ную,
— Да стрѣлилъ бы ти въ гридню во столовую,
— А я убилъ бы тя князя со княгиною[3]).

1) Гильфердингъ, № 76.
2) Гильфердингъ, № 76.
3) Гильфердингъ, № 47.

Digitized by Google

Или когда голи кабацкіе «засумлялися», пропивая маковки, Илья успокаиваетъ ихъ словами:

«Пейте вы, голи, не сумляйтеся:
«Я заутра буду во Кіевѣ княземъ служить,
«А у меня вы будете предводителями!» [1])

И затѣмъ соглашается помириться съ княземъ, поставивъ ему слѣдующія условія, чтобъ, во 1-хъ, онъ приказалъ въ Кіевѣ и Черниговѣ на три дня открыть даромъ всѣ кабаки для народа, во 2-хъ, чтобъ онъ устроилъ пиръ лично для него, Ильи, угрожая при этомъ:

«Ежели не сдѣлаетъ князь по моему,
«То онъ *процарствуетъ* только до утрія!» [2]).

Князь долженъ согласиться на эти оскорбительныя условія, а Илья довершаетъ свою месть еще тѣмъ, что на пиръ въ княжескія палаты приводитъ съ собой голей кабацкихъ, которыхъ сажаетъ возлѣ себя [3]). Эти нахальныя требованія ставитъ Илья для того, чтобы знали, что наѣхалъ старый казакъ,

«Старой казакъ да Илья Муромецъ» [4]).

Угощеніе голей Ильей входитъ, какъ эпизодъ, въ былину объ Ильѣ Муромцѣ въ Царьградѣ, гдѣ Илья изображается переодѣтымъ каликой перехожей. По приходѣ въ Царьградъ калика прежде всего идетъ въ кабакъ и требуетъ отпустить ему вина въ кредитъ на пятьсотъ рублей, а если разопьется, то и на тысячу. Не повѣрившимъ цѣловальникамъ онъ отдаетъ въ закладъ «пречуденъ крестъ червоннаго краснаго золота». Цѣловальники отказываются его принять. Тогда голи кабацкіе скла-

1) Рыбниковъ, II, № 63, стихи 464—466.
2) Тамъ же: ст. 562, 563.
3) Ст. 624.
4) Тамъ же, ст. 578, 579.

Digitized by Google

дываются по денежкѣ и угощаютъ на свой счетъ калику. Въ благодарность за угощеніе, калика разбиваетъ «царевъ кабакъ», или погреба глубокіе, выкатываетъ бочки зелена вина на площадь, угощаетъ голей со всѣхъ кабаковъ города и самъ упивается съ ними до пьяна[1]). Царь, узнавъ о такомъ разгромѣ и убыткѣ казны, велитъ привести Илью, который избиваетъ цѣловальниковъ и, проходя мимо царской палаты, кричитъ царю (Костянтину Боголюбовичу):

— Да ищи *казну* за Ильей, славнымъ Муромцомъ,
— Да приходилъ къ тебѣ *на славу на великую*,
— Да и пить зелено вино безденежно. . . [2]).

Затѣмъ, совершивъ этотъ кабацкій подвигъ, Илья уходитъ изъ Царьграда. По другому варіанту, это закладываніе креста въ кабакѣ, разбитіе княжескаго погреба, угощеніе голей происходитъ въ Кіевѣ, причемъ Илья кричитъ князю:

«Да и свѣтъ *государь* нашъ Владиміръ князь!
«Да ищи-ко за три бочки зелена вина,
«Да ищи ты на Ильѣ славномъ Муромцѣ,
«Енъ на славу приходилъ въ стольній Кіевъ градъ» [3]).

Наконецъ въ одномъ варіантѣ[4]) переодѣтый каликой богатырь, по совершеніи всего дебоша, заявляетъ князю Владиміру, что онъ «донской казакъ» Илья Муромецъ[5]).

Разсмотримъ пристальнѣе эти былевыя данныя. Въ обѣихъ былинахъ Гильфердинга (№№ 47 и 76), разсказывающихъ о ссорѣ Ильи съ Владиміромъ, богатырь называется старымъ ка-

1) Гильфердингъ, № 220.
2) Тамъ же.
3) Гильфердингъ № 232.
4) Гильфердингъ, № 239.
5) Срв. Гильфердингъ, №№ 249, 257, 281; Рыбниковъ, I, стр. 63; Ончуковъ, № 2, стр. 17 и № 20, стр. 92.

Digitized by Google

закомъ, слѣдовательно передъ нами образъ раздраженнаго «казака», презрительно отзывающагося о князѣ, сшибающаго кресты съ божьихъ церквей и пропивающаго ихъ въ кабакахъ царевыхъ вмѣстѣ съ голью кабацкою. Спрашивается, какъ могла прійти въ голову слагателямъ былины такая дикая фантазія, какъ могли они приписать народному богатырю, богомольному Ильѣ Муромцу, котораго мощи, по убѣжденію народа, покоятся въ Кіевскихъ пещерахъ, такой святотатственный поступокъ? Оказывается, что если мы вспомнимъ факты, сообщаемые о казакахъ въ Смутное время то народная былина не слишкомъ далека отъ дѣйствительности. Вспомнимъ, уже приведенное мною поведеніе казаковъ Заруцкаго въ Дѣвичьемъ монастырѣ, который они и ограбили и сожгли. Вспомнимъ показаніе Палицына о томъ, какъ мятежники грабили церкви, ломали царскія двери, оскверняли иконы, рубили ихъ на топливо, пили и ѣли изъ священныхъ сосудовъ, ставили на столахъ мясо въ дискосахъ и питье потирахъ, покрывали коней воздухами и пеленами, надѣвали на себя священническія ризы и проч. и совершали всякія другія издѣвательства надъ святынями[1]). Вспомнимъ, какъ переславцы (а не ляхи), приступивъ къ Ростову, гдѣ былъ Филаретъ, осадили храмъ, выломали двери, схватили митрополита и, сорвавъ съ него ризы, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы св. Леонтія и раздѣлили между собою по жребію[2]). Эти картины грабежа и поруганія святынь въ смутное время могутъ служить комментаріемъ къ поступку былиннаго *казака* Ильи Муромца съ церковными крестами. Конечно, въ этомъ разгулѣ народныхъ страстей не-

1) Р. Ист. бил. XIII, стр. 5, 16.

2) Карамзинъ XII изд. Смирдина 1853 г. стр. 129. Въ грамотѣ митр. Филарета къ устюжскому протоіерею отъ 30 ноября 1606 г. говорится, что бѣглые холопы, разбойники и воры казаки изъ сѣверной украйны «пришли въ Рязанскую землю и въ прочая городи и тамо *такожъ святыя иконы обесчестиша, церкви святыя конечно обругаша* и жены и дѣвы безстудно блудомъ осраміша и домы ихъ разграбиша и многихъ смерти предаша и проч. Карамзинъ, XII примѣч. 65.

Digitized by Google

маломъ стимуломъ, какъ всегда, служило зелено вино, какъ и въ поступкѣ Ильи. Чтобъ залить свою обиду, Илья не стѣсняется въ средствахъ добыть вина и, какъ широкая русская натура, долженъ пьянствовать не одинъ, а угощая всѣхъ кабацкихъ завсегдатаевъ. Былина рисуетъ полную безпомощность правительства т. е. князя Владимира. За стрѣльбу по церквамъ, за пропитіе крестовъ, за разгромъ винныхъ погребовъ, Владиміръ только ухаживаетъ за Ильей, устраиваетъ для него пиръ и сажаетъ его на высшее мѣсто. Не напоминаетъ ли это эпоху смуты, періодъ полнаго безсилія правительства, напр. Василія Шуйскаго, когда оно всегда готово было простить «воровавшихъ» казаковъ, при заявленіи съ ихъ стороны готовности перейти на его сторону отъ «вора». Да и протестъ противъ власти въ видѣ разгрома Ильей кабаковъ и погребовъ едва ли не отзывается той же эпохой. Судя по былинѣ, кабаки составляютъ доходъ Владимира, т. е. казны. Илья иронически заявляетъ князю (иногда царю, что конечно ближе къ дѣйствительности), чтобъ онъ съ него искалъ свои убытки за три бочки зелена вина. Вспомнимъ ожесточеніе народа противъ Бориса между прочимъ за вздорожаніе зелена вина. Палицынъ, зная это народное недовольство, обвиняетъ Бориса за возвышеніе откупа и въ корчемномъ дѣлѣ: «Оскверни же злосмраднымъ прибыткомъ вся дани своя: корчемницы бо, піянству и душегубству и блуду желателіе, во всѣхъ градѣхъ *въ прекупъ высокъ воздвиже цѣну кабаковъ*, и инѣхъ откуповъ чрезъ мѣру много бысть» [1]).

Но не выходя изъ разсматриваемаго матеріала, можно указать и еще другую черту времени. Илья является въ столкновеніи съ Владиміромъ въ полномъ смыслѣ мятежникомъ. Онъ, по одной былинѣ [2]), расправляется съ богатырями князя, избивая ихъ за ихъ попытку вывести его изъ гридни, онъ грозитъ

1) Р. Ист. библ. XIII, стр. 487.
2) Рыбниковъ, II, № 63.

Digitized by Google

убить князя Владимира и княгиню Апраксію[1]), не хуже какого-нибудь царя Калина, онъ хочетъ сдѣлать голей кабацкихъ *предводителями* а самъ служить княземъ. Не напоминаютъ ли эти выходки стараго казака того, что нерѣдко продѣлывали казаки въ смутное время, когда они ставили и смѣняли не только атамановъ, но и «цариковъ», когда иной бѣглый холопъ становился, приставъ къ казакамъ и отличившись въ ихъ вкусѣ, *предводителемъ*. Вспомнимъ, напр., какъ Терскіе казаки, завидуя Донскимъ, получившимъ щедрыя награды отъ перваго Лжедмитрія, задумали выставить своего самозванца и возложили роль царевича Петра на Илейку Муромца, предпочтя его другому, выбранному ими же, Митькѣ астраханцу, потому, что Илейка случайно раньше бывалъ въ Москвѣ[2]). Былинный Илья старый казакъ такъ же легко, по его заявленію, еслибы захотѣлъ, могъ сѣсть на мѣсто князя Владимира. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что это заявленіе Ильи находится въ полномъ противорѣчіи съ его же взглядами, которые онъ высказываетъ въ той же сводной былинѣ, отказываясь отъ приглашенія освобожденныхъ имъ Смольнянъ остаться у нихъ воеводою:

«Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
«Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
«Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
«А также изъ богатыря воеводу...
«Не хочу я жить у васъ воеводою»[3]).

Этотъ внутренній разладъ, это разногласіе во мнѣніяхъ, думается, объясняется также наслоеніемъ «казатчины» въ смутное время, налегшимъ на солиднаго, уравновѣшеннаго народнаго

1) Рыбниковъ, т. I, № 18; Гильфердингъ, № 48.
2) Иловайскій, Ист. соч. Ч. II, стр. 114.
3) Рыбниковъ, II, № 63, стр. 198 слѣд. Въ былинѣ Маркова, № 107. Илья отказывается отъ предложенія *мужиковъ* Малаго Чиженца у нихъ «царемъ царить» (стр. 532).

Digitized by Google

любимца. Отказъ перейти изъ богатырей въ воеводы или въ цари (въ Черниговѣ, Смолягинѣ, Себежѣ, Бекетовѣ, Чиженцѣ и проч.), являющійся въ значительномъ количествѣ варіантовъ, принадлежитъ, повидимому, болѣе старой редакціи и относится къ Ильѣ, еще не воспринявшему казацкую и босяцкую окраску.

Отъ отношеній Ильи къ князю Владиміру перейдемъ къ отношенію народнаго представителя къ высшему классу «князьямъ боярамъ». Кажется, если мы исключимъ пріѣзжаго боярина Дюка Степановича, симпатичнаго слагателямъ былинъ, и Никиту Романовича, любимца народа, то къ князьямъ-боярамъ, какъ цѣлому сословію приближенному къ князю Владиміру, отношеніе въ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ чувствуется обыкновенно ироническое. Былины называютъ ихъ *кособрюхими* или *брюшинниками*[1]), *толстобрюхими*[2]), *злыми*, *подмолчивыми*[3]), *измѣнщиками*[4]), *подговорщиками*[5]).

Въ историческихъ пѣсняхъ встрѣчаются еще болѣе рѣзкія выходки противъ бояръ: они злыя собаки[6]), отрекшіеся отъ вѣры[7]), у нихъ руки злодѣйскія[8]) и проч. Отъѣхавшіе изъ Кіева во главѣ съ Самсономъ Самойловымъ русскіе богатыри, на приглашеніе Ильи постоять за Кіевъ, князя и Опраксію, отказываются, ссылаясь на то, что Владиміръ предпочитаетъ имъ бояръ:

— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира[9]).

---

1) Бѣломорскія былины, стр. 38, 42, 215, 223, 351, 482. 482.
2) Ончуковъ, стр. 18.
3) Тих. Миллеръ, II, 1 : 161.
4) Ончуковъ, стр. 17.
5) Тамъ же стр. 323.
6) Кирѣевскій VII, 17.
7) Тамъ же, 17.
8) Тамъ же, стр. 2.
9) Гильфердингъ, № 75, столб. 451, 1-е изд.

Digitized by Google

Нелюбовь народа и Ильи къ князьямъ-боярамъ сказывается въ томъ, что, ради угодничества князю и изъ зависти къ богатырямъ, они играютъ низкую роль доносчиковъ: они доносятъ, будто бы Илья ругалъ князя Владимира и подводятъ богатыря подъ княжій гнѣвъ; они докладываютъ ему, что богатыри только пьянствуютъ, вмѣсто того чтобы выступить противъ татаръ, и замышляютъ измѣну [1]), они возводятъ на Илью Муромца даже обвиненіе въ государственной измѣнѣ, будто онъ похваляется:

«Я вѣдь князя-то Владимира повыживу,
Самъ я сяду-то во Кіёвъ на ево мѣсто,
Самъ я буду у его да всё князёмъ княжить [2]).

Въ былинѣ Ончукова «Илья Муромецъ въ опалѣ» (стр. 16—21) *толстобрюхіе думные бояре* представили *измѣнщиками:* когда вслѣдствіе засаженія Ильи въ погребъ Владимиромъ русскіе богатыри уѣхали изъ Кіева, бояре пишутъ объ этомъ грамотку Ковшею Безсмёртному, вслѣдствіе которой онъ подступаетъ съ безчисленной ратью къ Кіеву. Не черта ли это смутнаго времени, когда среди бояръ было немало измѣнниковъ правительству и русской землѣ?

Въ этихъ постоянныхъ оскорбительныхъ эпитетахъ бояръ, въ этихъ обвиненіяхъ ихъ въ доносахъ и козняхъ, въ этомъ презрительномъ отношеніи народнаго богатыря къ нимъ и ненависти ихъ къ нему мы также склонны видѣть печать, наложенную на былины въ Смутное время ожесточеніемъ холопей боярскихъ, казаковъ и вообще простонародья противъ бояръ.

Современныя смутѣ извѣстія нерѣдко говорятъ о насиліяхъ надъ боярами, разгромѣ ихъ усадебъ, грабежѣ ихъ имущества отъ ожесточенной черни.

«Собрахуся боярскіе люди и крестьяня съ ними же пристаху

1) Бѣломорск. былины № 94, стр. 482.
2) Тамъ же, № 43.

Digitized by Google

украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и казаки и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ; бояръ же своихъ домы разоряху и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху» говоритъ объ этомъ времени, напр., Никоновская лѣтопись [1]).

Вспомнимъ какая масса бѣглыхъ холопей и крестьянъ, ушедшихъ съ боярскихъ земель въ то время, приставали къ мятежникамъ или составляли разбойничьи шайки и промышляли грабежомъ. «Хищничество богатыхъ и власть имѣвшихъ людей, о которомъ не скрывая говорили грамотѣи самого правительства, (Бориса), должно было ожесточить меньшую братію противъ «сильныхъ людей» и придавало простому разбою видъ соціальнаго протеста», говоритъ о состояніи тогдашней Россіи г. Платоновъ [2]). Отмѣтимъ также благодушное отношеніе Ильи Муромца къ «станичникамъ» (казакамъ) или разбойникамъ въ нѣкоторыхъ былинахъ [3]).

---

1) Карамзинъ XII, примѣч. 47.

2) Очерки по ист. Смуты, стр. 256 (1-е изд.).

3) Впрочемъ подобное отношеніе къ «станичникамъ» проявляетъ Илья далеко не всегда. Въ былинахъ, записанныхъ на сѣверѣ, Илья почти постоянно избиваетъ ихъ безъ жалости (см. у Гильфердинга, №№ 3, 112, 120, 171 = Рыбниковъ, IV 3, 190, 197, 216, 221, 240, 266, 271, 274, 287, 291, 305; Марковъ, №№ 45, 69, 97; Григорьевъ, I, №№ 125, 172). Очень рѣдко въ олонецкихъ и архангельскихъ былинахъ при встрѣчѣ съ разбойниками Илья стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ или въ землю (Григорьевъ, I, № 105, 117). Въ былинахъ же, записанныхъ въ центральныхъ и поволжскихъ губерніяхъ, а также на Уралѣ, Терекѣ и въ западной Сибири (Кирши Данилова) отношенія Ильи къ «станичникамъ» дѣйствительно благодушны. Онъ иронически напрашивается къ нимъ въ кашевары (Былины стар. и нов. записи, II, 9), или въ товарищи (тамъ же, II, 273), стрѣляетъ въ дубъ, чтобы напугать ихъ (Кирша Даниловъ, Кирѣевскій, I, 15, 16, 17, 19; Былины стар. и нов. записи, II, 271, 272, 273); причемъ разбойники разбѣгаются, а потомъ просятъ взять ихъ въ холопы вѣковѣчные (Кирѣевскій, VII, прил., стр. 9), или въ товарищи, въ донскіе казаки (Кирѣевскій, I, 19) или приглашаютъ его быть у нихъ атаманомъ (Кирѣевскій, I, 27). Илья иногда называетъ станичниковъ братцами («Ужъ вы братцы мои станишнички» Кирѣевскій, VII, прил. стр. 8), «ему жалко ихъ до смерти убить» (Кирѣевскій, I, 17), а въ одномъ варіантѣ, впрочемъ, безъ имени Ильи, «донской казакъ» носитъ яркіе признаки Самозванщины: «развернулся, размахнулся добрый молодецъ: на правой на полынкѣ, знамя царское, а на лѣвой полынкѣ персонушка» (Кирѣевскій, I, стр. 19).

Digitized by Google

Комментируя выходки Ильи противъ князя Владимира, отношеніе его къ боярамъ въ связи съ народнымъ настроеніемъ Смутной эпохи, я сталкиваюсь съ взглядами нѣкоторыхъ изслѣдователей эпоса и мнѣніемъ, еще недавно высказаннымъ по этому вопросу А. В. Марковымъ. Причины столкновеній Ильи съ княземъ и боярами лежали, по его мнѣнію, «въ соціальномъ неравенствѣ старшей и младшей дружины и имѣли подъ собой экономическую основу. Главный русскій богатырь, впослѣдствіи совершенно одемократизированный, но и въ древнѣйшихъ былинахъ (напр. о Соловьѣ-разбойникѣ) выставляющійся пріѣзжимъ, никому раньше не извѣстнымъ дружинникомъ, являющимся въ Кіевъ изъ маленькаго городка Черниговскаго княжества [1]), конечно, стоялъ на сторонѣ *младшей дружины* [2]) и отстаивалъ ея интересы противъ ближайшихъ придворныхъ Владимира, которые изъ зависти оклеветали передъ княземъ Илью... Ссора Ильи съ княземъ воспѣта въ нѣсколькихъ былинахъ (Калинъ, Камское побоище, Идолище, Никита Залѣшанинъ, Батый (Баданъ), и почти вездѣ Илья заступается за свои права какъ дѣятельнаго дружинника, противъ князей-бояръ, которыхъ онъ называетъ «брюшинниками», или «кособрюхими», т. е. отростившими себѣ большіе животы на покойной придворной службѣ. Какъ извѣстно, бояре были *мѣстными* земледѣльцами, вступавшими въ княжескую дружину и достигавшими высшихъ должностей или за выслугу, или благодаря своему богатству; землевладѣльцы въ числѣ дружинниковъ были уже въ XII в. Сами князья-бояре обвиняютъ дружинниковъ въ непочтеніи къ князю (Калинъ), во властолюбивыхъ замыслахъ, въ нерадѣніи о своихъ обязанностяхъ—«ратномъ дѣлѣ»—и въ стремленіяхъ къ измѣнѣ. Трудно сказать, на сколько эти обвиненія основательны; но послѣднее обвиненіе могло основываться на нерѣдкихъ случаяхъ перехода русскихъ дружинъ на сторону своихъ ближайшихъ

1) Авторъ имѣетъ въ виду г. Моровійскъ.
2) Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

сосѣдей, съ которыми русскіе отчасти ассимилировались, половцевъ; вспомнимъ «бродниковъ», «прототипъ казацкихъ вольныхъ общинъ», которые въ XII — XIII вв. нерѣдко помогали «погаными» противъ своихъ одноплеменниковъ»[1]).

Такіе отголоски глубокой старины, представлявшіеся и мнѣ и другимъ изслѣдователямъ весьма возможными въ былинахъ, кажутся мнѣ теперь все болѣе и болѣе сомнительными. Трудно предположить, въ виду многочисленныхъ переработокъ древняго былеваго матеріала въ московскій періодъ, въ виду густыхъ слоевъ, отложившихся на немъ отъ XVI, XVII вѣковъ, чтобы въ былинныхъ столкновеніяхъ Ильи съ княземъ Владиміромъ и боярами могли сохраниться слѣды антагонизма «младшей» дружины со старшей, а въ обвиненіяхъ Ильи и богатырей въ задуманной ими будто бы измѣнѣ, т. е. переходѣ къ татарскому царю (Калину и проч.), отголоски случайныхъ союзовъ и общихъ дѣйствій южнорусскихъ князей съ половцами, которые въ нашемъ эпосѣ давно вытѣснены татарами. «Вообще ошибаются тѣ,—говоритъ Д. И. Иловайскій, со взглядомъ котораго я въ данномъ вопросѣ согласенъ,—которые въ нашемъ былинномъ эпосѣ ищутъ *прежде всего* отраженія удѣльнаго склада. Нѣтъ: въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, онъ болѣе всего отражаетъ складъ Московской Руси; ибо объ удѣльныхъ князьяхъ въ немъ *почти* нѣтъ и помину (развѣ остались кое-какіе намеки). Земля Русская представляется въ немъ цѣльною и единою, а богатырская дружина пируетъ и служитъ только единому ея представителю[2])». Не отрицая слѣдовъ до-монгольскаго періода (на которые и я при случаѣ указывалъ), я все же думаю, что въ данномъ случаѣ, въ столкновеніяхъ Ильи съ княземъ и боярами, мы поступимъ осторожнѣе, находя въ нихъ черты XVII-го вѣка, указанные нами выше по показаніямъ современниковъ «Смуты». На московскій періодъ указываетъ, напр., хотя бы тотъ фактъ,

1) См. Бытовыя черты русскихъ былинъ. М. 1904 г., стр. 52—53 (отд. отт. изъ 58 и 59, кн. «Этногр. Обозрѣнія»).

2) Истор. соч., II, стр. 111.

Digitized by Google

что «князья-бояре» постоянно упоминаются вмѣстѣ и нигдѣ въ эпическомъ языкѣ на пиру Владимира не упоминаются одни бояре безъ этихъ постоянныхъ своихъ спутниковъ. Такимъ образомъ властитель Кіева и всей русской земли, хотя и называется стольнымъ княземъ Владимиромъ, но напоминаетъ скорѣе московскаго великаго князя или царя, при дворѣ котораго дѣйствительно сидятъ князья-бояре потомки прежнихъ удѣльныхъ князей и московскихъ (и другихъ, иногородныхъ) бояръ. Да и на былинномъ безсмѣнномъ Кіевскомъ князѣ, какъ давно было указано изслѣдователями, отразились въ значительномъ количествѣ впечатлѣнія народа отъ московскихъ царей, ихъ характера, обстановки, «свычая и обычая».

Можно было бы поставить вопросъ, въ какихъ прикрѣпленныхъ къ Ильѣ былинныхъ сюжетахъ онъ впервые сталъ казакомъ, но для положительнаго рѣшенія его мы имѣемъ мало шансовъ, такъ какъ въ устной традиціи былины подверглись значительной нивеллировкѣ и взаимодѣйствію. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что древній сюжетъ боя отца съ сыномъ, подвергнутый переработкѣ, былъ однимъ изъ первыхъ, въ который вошелъ Илья Муромецъ какъ «старый казакъ». Отношеніе Ильи къ женщинѣ, случайная связь съ ней, иногда послѣ боя, отзывается именно казацкимъ взглядомъ на такія отношенія. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ былины Илья стоитъ на заставѣ во главѣ дружины въ качествѣ *атамана*[1]) (иногда донского казака[2]), причемъ и другіе главные богатыри получили казацкія званія согласно казацкой іерархіи — Добрыня *податаманья*, Алеша — *эсаула*. Затѣмъ въ значительномъ числѣ варіантовъ этой былины Илья Муромецъ просто называется старымъ казакомъ[3]). Вообще сюжетъ этотъ пришелся по вкусу казакамъ,

---

1) Григорьевъ, № 2; Ончуковъ, №№ 1, 6.

2) Григорьевъ, № 8.

3) Гильфердингъ, № 46 = Рыбниковъ, I, 14; № 77, № 226; Григорьевъ, №№ 2, 5, 8, 26, 40, 129; Марковъ, № 70; Ончуковъ. №№ 1 и 6.

Digitized by Google

которые, вѣроятно, и наложили въ нѣкоторыхъ варіантахъ на него свою печать. Въ былинѣ о ссорѣ Ильи съ кн. Владиміромъ въ обоихъ варіантахъ Гильфердинга[1]), какъ мы видѣли, Илья Муромецъ называется казакомъ и проявляетъ въ характерѣ и дѣйствіяхъ яркія черты разнузданности «казачества» Смутнаго времени. Въ эпизодѣ угощенія голей кабацкихъ, внесенномъ въ нѣкоторыя былины, Илья то называется казакомъ[2]), то нѣтъ[3]) (хотя умолчаніе о званіи можетъ быть случайно), но во всякомъ случаѣ является яркимъ представителемъ «вольницы» и сторонникомъ голи кабацкой. Однако вообще мы едва ли будемъ имѣть возможность при современномъ состояніи нашего эпоса рѣшить поставленный выше вопросъ, и намъ остается ограничиться заключеніемъ, что по многимъ признакамъ «казачество» Ильи представляется осадкомъ казацкаго «разлива» начала XVII-го столѣтія.

Переходимъ теперь къ другому вопросу въ связи съ выдвигаемымъ и мотивируемымъ Д. И. Иловайскимъ предположеніемъ, что Илья Муромецъ сталъ въ былинахъ казакомъ подъ воздѣйствіемъ личности историческаго казака Ильи изъ Мурома, т. е. казацкаго самозванца Лжепетра (Илейки). Разсмотримъ все, что приводится и можетъ еще быть приведено въ пользу этого предположенія, во всякомъ случаѣ a priori вполнѣ допустимаго, въ виду многочисленныхъ примѣровъ подобныхъ смѣшеній извѣстныхъ нашему эпосу.

Напомнимъ судьбу самозванца Лжепетра, пользуясь данными, приводимыми г. Иловайскимъ. Изъ показаній, данныхъ Илейкой подъ пыткой боярамъ въ октябрѣ 1609 года, по взятіи войсками Василія Шуйскаго Тулы, въ которой «воръ» долго держался съ своими единомышленниками казаками Донскими, Волжскими, Терскими и Запорожскими, почерпаются слѣдующіе

1) №№ 47 и 76.
2) Гильфердингъ, № 239; Онучковъ, № 1 (стр. 17) и № 62 стр. 258).
3) Гильфердингъ, №№ 249, 257, 281, 220, 232.

Digitized by Google

факты. Илья родился внѣ брака въ Муромѣ. Отца его звали Иваномъ Коровинымъ[1]). Мать его Ульяна была вдовой торговаго человѣка Тихона Юрьева. По смерти матери, постригшейся въ Воскресенскомъ монастырѣ, Илейка попалъ въ Нижній, гдѣ сидѣлъ около трехъ лѣтъ въ лавкѣ одного торговца. Затѣмъ нанялся въ казаки кормовые для стряпни на судно одного торговаго человѣка изъ Ярославля и попалъ въ Астрахань. Въ дальнѣйшіе года онъ ѣздилъ на хозяйскихъ судахъ въ Казань, Хлыновъ, Вятку, Нижній, Царицынъ, такъ что хорошо зналъ Волгу и Вятку. Затѣмъ онъ нанялся уже въ ратные люди, попавъ въ г. Терки къ казакамъ, къ одному стрѣлецкому пятидесятнику и ходилъ съ царскими воеводами въ походъ на Тарковскаго Шамхала. Въ дальнѣйшихъ похожденіяхъ мы видимъ его снова на Волгѣ, но уже среди волжскихъ служилыхъ казаковъ. Въ концѣ царствованія Бориса Илейка находился подъ начальствомъ воеводы князя Хворостинина; а когда этотъ воевода послалъ казачій отрядъ изъ Астрахани въ Терки, Илейка пошелъ съ этимъ отрядомъ. Въ это время, подъ вліяніемъ слуховъ объ удачѣ перваго Самозванца и наградахъ, полученныхъ его пособниками донскими казаками, человѣкъ триста терскихъ и волжскихъ казаковъ задумали смѣлое дѣло—выставить своего самозваннаго претендента на Московскій престолъ, подъ знаменемъ котораго прежде всего можно было бы итти на Волгу громить торговыя суда. Они сочинили басню, будто бы у царя Ѳеодора Ивановича родился собственно сынъ (а не дочь Ѳеодосія, умершая въ дѣтствѣ), но что вѣрные люди, опасаясь козней Годунова, подмѣнили его дочерью, а сына украли и воспитали тайно. Роль царевича Петра, такъ назвали казаки этого мнимаго сына Ѳеодорова, была поручена казаку Илейкѣ, конечно, потому, что онъ и по возрасту, и по качествамъ подходилъ болѣе другихъ казаковъ къ ней. Уйдя тайкомъ отъ Терскаго воеводы на стру-

1) Слѣдовательно, онъ по отчеству былъ Ивановичъ, какъ былинный Илья Муромецъ.

Digitized by Google

гахъ въ Каспійское море, воровская шайка съ Илейкой остановилась на островѣ, противъ устья Терека, гдѣ къ ней пристали еще многіе казаки изъ сосѣднихъ мѣстъ. Пополнившись въ числѣ, казаки поплыли вверхъ по Волгѣ, причемъ Илейка послалъ гонца съ грамотой къ Лжедмитрію, объявляя себя его племянникомъ. Отвѣтная грамота Лжедмитрія, съ приглашеніемъ пріѣхать въ Москву, была получена Илейкой подъ Самарой, но уже скоро пришла вѣсть объ убіеніи Лжедмитрія, и шайка Илейки, повернувъ внизъ по Волгѣ, занялась разбоемъ и грабежами. Изъ Волги она затѣмъ переволоклась на Донъ, изъ Дона поднялась вверхъ по Донцу. Тутъ получена была Илейкой грамота изъ Путивля отъ мятежника князя Григорія Шаховскаго съ извѣстіемъ, будто Дмитрій вновь спасся отъ смерти, и съ приглашеніемъ спѣшить ему на помощь.

Между тѣмъ у Илейки скопилось полчище болѣе 10,000 казаковъ Терскихъ, Волжскихъ и Донскихъ, съ которыми по дорогѣ въ Путивль онъ взялъ и разграбилъ нѣсколько городовъ. Особенно свирѣпствовалъ Илейка противъ бояръ и дворянъ. Многихъ замучивалъ, подвергалъ насилію женъ и дочерей. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ царскими войсками, захватилъ Тулу, и, соединясь съ другимъ предводителемъ крестьянскихъ и казацкихъ шаекъ, извѣстнымъ Болотниковымъ, готовился итти на Москву. Царь Шуйскій напрягъ всѣ усилія, собралъ стотысячную рать и во главѣ ея лично осадилъ Тулу. Осажденные защищались очень мужественно; осада такъ затянулась, что уже приходилось думать объ отступленіи, когда неожиданное обстоятельство помогло царю Василію: боярскій сынъ Ѳома Суминъ Кровковъ, родомъ изъ Мурома, предложилъ царю запрудить рѣку Упу и затопить городъ Тулу; просилъ только дать ему сколько нужно народу. Дѣйствительно, онъ затопилъ городъ, и осажденные сдались. Илейку въ числѣ другихъ отправили въ Москву, гдѣ онъ и былъ повѣшенъ[1]).

1) См. Ист. изсл., стр. 112—115.

Digitized by Google

Изложивъ вышеприведенныя историческія данныя о Лжепетрѣ, Д. И. Иловайскій подкрѣпляетъ свое предположеніе слѣдующими соображеніями:

«По всѣмъ признакамъ молва объ этомъ самозванцѣ тогда довольно широко распространилась на Руси, и въ народѣ онъ сдѣлался извѣстенъ прямо подъ своимъ именемъ Ильи, Илейки Муромца. Этой извѣстности способствовало само Московское правительство, которое, получивъ въ свои руки самозванца и допросивъ его, немедля разослало по городамъ грамоту съ изложеніемъ его повѣсти о самомъ себѣ» [1]). «Особенно память его, говоритъ далѣе Д. И. Иловайскій,—нѣкоторое время жила среди казацкихъ шаекъ, разсѣявшихся по всей Руси. Несомнѣнно дѣянія его нашли себѣ сочувственный отголосокъ и въ казачествѣ, и въ крестьянствѣ, какъ впослѣдствіи дѣянія подобнаго ему атамана Стеньки Разина. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что личность историческаго казачьяго атамана слилась съ легендарнымъ его, такъ сказать, тезкой и однофамильцемъ». Съ тѣхъ поръ богатырь Илья представляется не только казакомъ, но и окончательно закрѣпляется за Муромомъ» [2]).

Итакъ въ пользу предположенія, выдвигаемаго Д. И. Иловайскимъ, имъ приводится случайное совпаденіе въ имени, званіи (казака) и происхожденіи изъ г. Мурома между историческимъ Илейкой и былиннымъ старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ. Авторъ еще не сдѣлалъ попытки, въ томъ видѣ, въ какомъ докладывалъ свою статью въ одномъ изъ засѣданій Московскаго археологическаго Общества въ 1893 г., поставить историческаго Илейку въ болѣе тѣсную связь съ былиннымъ богатыремъ, указать въ самихъ былинахъ какіе нибудь слѣды, предположительно оставленные въ нихъ Илейкой. Въ позже написанномъ дополненіи къ той же статьѣ, при включеніи ея во 2-ю часть своихъ Историческихъ сочиненій (М. 1897 г.), авторъ, останавливаясь

1) Тамъ же, стр. 115.
2) Тамъ же, стр. 116.

Digitized by Google

на сдѣланныхъ ему мною и В. В. Каллашемъ возраженіяхъ, старается подтвердить свое предположеніе уже нѣкоторыми былинными фактами. Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Квашнина-Самарина, что разбойникъ Илейко отразился въ былинномъ Ильѣ-разбойникѣ, убившемъ князя Карамышевскаго[1]), авторъ видитъ смѣшеніе Илейки съ Ильей Муромцемъ въ тѣхъ пѣсняхъ о послѣднемъ, гдѣ онъ представленъ эсауломъ-молодцомъ, плывущимъ по Волгѣ[2]) или ѣдущимъ по Хвалынскому морю на кораблѣ Соколѣ и наводящимъ страхъ на «горскихъ татаръ со калмыками»[3]). Въ этомъ «явное указаніе на историческаго Муромца, дѣйствительно плававшаго по Каспійскому морю и участвовавшаго въ походахъ противъ горскихъ племенъ»[4]).

Далѣе авторомъ, въ подтвержденіе мысли, что исторія Илейки-Лжепетра не прошла безслѣдно для былинъ, приводится извѣстное муромское преданіе о томъ, какъ карачаровцы задумали приблизить русло Оки къ своему селу, чтобы поставить преграду нападавшимъ на нихъ разбойничьимъ шайкамъ[5]).

Для этой цѣли они рѣшили очистить берегъ отъ дубняка, побросать деревья въ рѣку, запрудить ее съ одной стороны и такимъ образомъ измѣнить русло. Каждой семьѣ назначенъ былъ свой пай для рабочихъ. Илья Муромецъ, исцѣленный странниками и получившій необыкновенную силу, явился на мѣсто работъ, гдѣ его родители безплодно трудились надъ своимъ паемъ. Онъ въ короткое время очистилъ ихъ долю отъ дубовъ, которые вырывалъ съ корнемъ и бросалъ въ рѣку.

---

1) См. эти былины далѣе.

2) Кирѣевскій I, стр. 90.

3) Тамъ же, стр. 22 и 40.

4) Истор. соч. ч. II, стр. 120. По мнѣнію г. Маркова, сюда же относятся изъ I вып. Пѣсенъ Кирѣевскихъ еще 2 пѣсни: одна изъ нихъ воспѣваетъ казаковъ, ѣдущихъ по *Окѣ*, около *Муромскихъ* лѣсовъ, и величаетъ есаула-молодца Илью Муромца; а другая говоритъ о томъ, какъ *донскіе* казаки погребали Илью Муромца въ золотой гробницѣ обитой парчой и бархатомъ.

5) См. это преданіе у О. Миллера. И. Муромецъ, стр. 285 и мои Экскурсы, стр. 189.

Digitized by Google

Это преданіе, заключаетъ Д. И. Иловайскій, есть несомнѣнный отголосокъ того историческаго факта, который былъ мною приведенъ изъ исторіи Илейки-Лжепетра (Ист. Рос. Смутн. время стр. 89). Подобными работами Ѳома Кровковъ запрудилъ рѣку Упу подъ Тулою, вслѣдствіе чего Лжепетръ и Болотниковъ были принуждены къ сдачѣ. Только въ народномъ преданіи, какъ это часто бываетъ, факты и лица спутаны: то что было сдѣлано противъ Ильи, отнесено къ его подвигамъ [1]).

Разсмотримъ эти соображенія почтеннаго историка безъ всякаго желанія умалить ихъ доказательность, такъ какъ, оказавшись допустимыми, они увеличили бы собою число отголосковъ смутнаго времени, которые мы отыскиваемъ въ былинахъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ: сохранились ли вообще какіе-нибудь слѣды Лжепетра-самозванца въ былевой традиціи? Во вторыхъ, отложилось ли въ чемъ нибудь на личности былиннаго Ильи Муромца случайное совпаденіе его имени и происхожденія съ историческимъ лицомъ?

Сторонники самозванца распространяли о немъ молву, конечно, какъ о Петрѣ царевичѣ, сынѣ царя Ѳеодора, слѣдовательно какъ о царевичѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ. Лѣтописцы, зная его за казацкаго самозванца, обыкновенно называютъ его «воръ Петрушка». Дѣйствительно, наши былины знаютъ, какъ мы уже указали, царевича Петра въ роли коварнаго сына Ильи Муромца отъ какой то Сиверьяничны дѣвки изъ сиверской (какъ мы предположили крамольной сѣверской) страны. Совпаденіе здѣсь въ имени, званіи (царевичъ) въ характерѣ (коварствѣ) и въ конечной судьбѣ. Какъ былинный Петръ царевичъ (обыкновенно изъ Золотой орды, т. е. врагъ былиннымъ богатырямъ) гибнетъ за коварство отъ Ильи Муромца, такъ историческій лжецаревичъ Петръ былъ повѣшенъ Василіемъ Шуйскимъ. Есть ли въ данномъ случаѣ еще какая нибудь связь между Илейкой и Петромъ съ одной стороны, Ильей и Петромъ царевичемъ съ другой это мы оста-

1) Тамъ же, стр. 126.

Digitized by Google

вляемъ открытымъ вопросомъ. Затѣмъ, кажется, можно привести еще одну пѣсню, въ которой, быть можетъ, сохранился отголосокъ Лжепетра. Мы разсмотрѣли уже часто встрѣчающійся въ былинахъ мотивъ: приходъ Ильи Муромца переодѣтымъ въ царевъ кабакъ, требованіе вина, отказъ цѣловальниковъ, угощеніе Ильи голями и разгромъ Ильей винныхъ погребовъ, причемъ пришли къ предположенію, что въ этихъ кабацкихъ подвигахъ Ильи, его якшаніи съ голями можно видѣть отголосокъ смутнаго времени. Интересно, что есть данныя, указывающія на то, что это — любимая *казацкая* пѣсня и вѣроятно ими и сложенная. Въ сборникѣ Сахарова въ одной казацкой пѣснѣ, донской казакъ, зайдя въ кружало государево, говоритъ цѣловальникамъ:

Ахъ, вы здраствуйте, государевы цѣловальники!
Вы продайте мнѣ вина на пятьсотъ рублей,
А товарищамъ моимъ на тысячу.
Промежду собой цѣловальники взглянулися:
Ужъ какъ этого питуха у насъ не было,
Ужъ какъ знать это, братцы, не донской казакъ,
Ужъ какъ знать это атаманъ ихъ.
Вывозили имъ пойла сколько надобно:

«Ужъ вы пейте, мои ребята, сколько вамъ хочется!»[1]).

Сравн. съ этимъ напр. слова Ильи Муромца, переодѣтаго каликой, но называющаго себя въ концѣ *донскимъ* казакомъ, обращенныя къ цѣловальникамъ:

«Ай вы чумаки чёловальники!
«И налейте вина мнѣ полтора ведра,
«Да опохмельте калику перехожаго,
«Разопьюсь я старый, выпью *на двѣ тысящи*»[2]).

---

1) Сказанія рус. народа т. I, отд. VI, стр. 239. Сравн. варіантъ изъ Грозненскаго округа въ Былинахъ старой и нов. записи II стр. 272.

2) Гильфердингъ, № 239

Digitized by Google

Или: «Да вы здравствуйте, чумаки чѣловальники!
«Да мнѣ дайте вина на пятьсотъ рублей,
«Да разопьюсь — мнѣ повѣрьте на тысящу»[1]).

Въ параллель съ тѣмъ же мотивомъ въ сахаровской казацкой пѣснѣ и въ былинахъ объ Ильѣ приведемъ колымскую, недавно изданную нами, пѣсню, записанную г. Богоразомъ отъ среднеколымскаго казака (со вставками отъ туземца же Кулдаря). Пѣсня разсказываетъ о появленіи въ Астрахани какого то «дѣтинушки, незнама человѣка», одѣтаго роскошно и бахвалящагося тѣмъ, что онъ не кланяется астраханскому губернатору. Этотъ «незнамушка» заходитъ во царевъ кабакъ и кричитъ цѣловальнику:

«Доставай ты мнѣ цѣльнаго спирту на пятьсотъ рублей,
«А съ товарищами (т. е. голью кабацкой) на три тысячи!
Говоритъ тутъ цѣловальничекъ довѣренной:
— «Что это, братцы, за питухъ пришелъ, за горькой пьяница?»
У дверей въ углу стояла голь кабацкая:
— «Что ты, цѣловальничекъ довѣренной, ошибаешься!
«Не питухъ тебѣ пришелъ, не горькой пьяница,
«По всей нашей Руси родовой казакъ».
. . . . . .
Тутъ спроговорилъ Незнамушка:
— «Пей, гуляй, голытьбушка, на мой счетъ!».

До сихъ поръ пѣсня, подобно сахаровской, содержала приходъ въ кабакъ неизвѣстнаго лица, требованіе вина на крупную сумму для себя и товарищей и угощеніе голей, причемъ незнакомецъ оказывался казакомъ. Но колымская пѣсня спуталась съ извѣстной пѣснью о сынѣ Стеньки Разина, приходящемъ въ

1) Гильфердингъ, № 220.

Digitized by Google

Астрахань и угрожающемъ астраханскому губернатору. Поэтому вторая половина ея содержитъ уже другой сюжетъ, хотя, какъ увидимъ сейчасъ, съ значительными измѣненіями. Молодца Незнамушку увидалъ изъ окошка губернаторъ, велѣлъ его привести къ себѣ и сталъ выспрашивать (какъ въ пѣсняхъ о сынѣ Стеньки Разина):

— «Царь ли ты, царевичъ, или царскій сынъ,
«Король ли ты, королевичъ, королевскій сынъ?».

Незнамушка молчитъ, а голь кабацкая, сопровождающая его (чего нѣтъ въ пѣсняхъ о сынѣ Стеньки), говоритъ губернатору:

— Ахъ ты батюшка нашъ, ты ошибаешься!
«Пришелъ тебѣ не царь, не царевичъ и не царской сынъ,
«Не король, не королевичъ, королевской сынъ,
«По всей нашей Руси родовой казакъ (православный царь)
«Подъ названіемъ Петръ Алексѣевичъ!»

т. е. голь кабацкая узнала въ незнамушкѣ высокую персону, за что онъ говоритъ ей:

— «Чѣмъ тебя я, голытьбушка, пожалую,
«Генераломъ ли, адмираломъ ли, тайнымъ совѣтникомъ?
«Принимай ты, генералушка, дома и казну!
А неузнавшему его губернатору —
Говоритъ тутъ Петръ Алексѣевичъ:
— «На приходѣ добра молодца не потчивалъ,
На уходѣ добра молодца не учествовалъ,
Заутра съ тобой собакой перевѣдаюсь»[1]).

На нашъ взглядъ, колымская казацкая пѣсня во всякомъ случаѣ отзывается самозванщиной, хотя эпоха можетъ быть и

1) См. Извѣст. Отд. русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ 1904 т., IX, кн. 1-я стр. 38—39.

Digitized by Google

сомнительна: уже самый вопросъ губернатора незнакомому молодцу, угощающему голь кабацкую, не царь ли онъ, царевичъ или королевичъ, говоритъ о временахъ, когда казаки выставляли царей и царевичей. Пѣсня, какъ мы упомянули, спуталась съ другою о сынѣ Стеньки Разина, но въ послѣдней нѣтъ доклада голей, что незнамый человѣкъ православный царь Петръ, и эта деталь принадлежала, очевидно, другой пѣснѣ. Въ моемъ комментаріи къ пѣснѣ, я предположилъ, что она отзывается пугачевщиной, что вмѣсто Петра Ѳедоровича, за котораго выдавалъ себя Пугачъ, здѣсь названъ царь (болѣе популярный) Петръ Алексѣевичъ[1]). Но возможна и другая точка зрѣнія, къ которой я склоняюсь въ настоящее время. Мнѣ кажется, что смѣшеніе двухъ пѣсенъ произошло именно по тому, что въ пѣсню о появленіи сына Стеньки Разина въ Астрахани были вставлены черты изъ другой пѣсни о (самозванномъ) царѣ Петрѣ (Ѳеодоровичѣ), т. е. казакѣ Илейкѣ, извѣстномъ въ той же Астрахани, и бывавшемъ въ ней, какъ видно изъ его біографіи. Если это правдоподобно, то получается слѣдующее уравненіе: въ *былинномъ* разсказѣ о незнамомъ человѣкѣ, приходящемъ въ царевъ кабакъ, угощающемъ голей, угрожающемъ въ ссорѣ съ княземъ Владимиромъ смѣстить его и обѣщающемъ посадить голей предводителями, этотъ человѣкъ оказывается казакомъ (иногда донскимъ) Ильей Муромцемъ. Въ казацкой пѣснѣ, записанной г. Богоразомъ отъ объякутившихся потомковъ сибирскихъ казаковъ, уже въ теченіе многихъ поколѣній живущихъ на крайнемъ сѣверѣ Сибири, незнамушка, поящій голей, обѣщающій ихъ произвести въ генералы и проч. и угрожающій губернатору оказывается и «по всей нашей Руси родовымъ казакомъ», и православнымъ царемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ (т. е. Лжепетромъ), если мы допустимъ путаницу въ отчествѣ царя. Итакъ одно и то же якшаніе съ голями, въ данномъ случаѣ, приписываетъ народная пѣсня и Ильѣ Муромцу, и Петру, на основаніи чего

1) Тамъ же стр. 43.

Digitized by Google

можно, кажется, предположить, что личность Лжепетра (Илейки) оставила слѣды и въ казацкой пѣснѣ, и въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, ходившей въ казацкой средѣ, и, можетъ быть, создавшейся въ ней.

Пойдемъ далѣе. Люди, знавшіе самозванство вора Петрушки, и вѣроятно сами казаки въ своемъ кругу называли его его собственнымъ именемъ Илейкой. Такъ называютъ его и нѣкоторые современные лѣтописцы. Можно поэтому поставить вопросъ, не оставилъ ли какихъ нибудь слѣдовъ казацкій самозванецъ въ народной пѣснѣ и подъ своимъ истиннымъ именемъ, какъ, предположительно, оставилъ ихъ подъ принятымъ именемъ Петра царевича (или Петра Ѳедоровича въ разсмотрѣнной колымской пѣснѣ)? Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить, что на ряду съ именами «Илья Муромецъ», «Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ», «осударь Илья Муромецъ», «старый казакъ Илья Муромецъ, или ласкательно «Илеюшка», «Илюшенька», «Юльюша», «Юльюшенька» [1]), нашъ народный богатырь называется иногда и Илейкой, какъ звали казацкаго самозванца. Такъ, требуя выдачи казака Ильи Муромца у кн. Владимира, подступившій къ Кіеву царь Баданъ Бадановичъ называетъ его, вѣроятно, пренебрежительно Илейкой [2]); такой же оттѣнокъ, повидимому, имѣетъ это имя въ устахъ князей-бояръ, когда они докладываютъ князю Владимиру про пьянство Ильи:

«Ужъ ты вой еси, Владимѣръ стольнёй-кіевськой!
Ише пьё у тя Илейка-та по перьвой день,
Ише пьё у тя Илейка-та да по вто́рой день,
Ише пьё у тя Илейка и по третей день;
Самъ ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце, —
Вѣрно, хочё измѣнить у насъ подъ Кіевомъ» [3]).

1) См. указатель къ Былинамъ старой и новой записи.
2) Бѣломорскія былины, № 3, стр. 46, 47.
3) Бѣломорскія былины, № 94, стр. 482.

Digitized by Google

Не проглядываетъ ли здѣсь въ самомъ имени Илейки презрительное отношеніе къ нему князей-бояръ, когда они, называя его такъ, указываютъ на его трехдневное пьянство? Вспомнимъ, что это—также былина, въ которой раздраженный богатырь отзывается о князѣ Владимирѣ, какъ о *ворѣ*, а объ Апраксіи еще хуже, и честитъ князей-бояръ *брюшинниками*[1]). Въ одной былинѣ у Кирѣевскаго[2]), въ которой описывается встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ, *Илейка*, противъ ожиданія, вопреки другимъ былинамъ, беретъ Соловья-разбойника себѣ въ помощники и вмѣстѣ съ нимъ освобождаетъ городъ Кряковъ[3]). Отмѣтимъ, что здѣсь *казакъ* Илейка является пріятелемъ разбойника, а упоминаніе Крякова (вмѣсто Чернигова, Себежа, Смолягина и проч. другихъ варіантовъ), быть можетъ, объясняется налётомъ также Смутнаго времени, когда столица Польши городъ Краковъ, вслѣдствіе похода поляковъ съ Сигизмундомъ и затѣмъ Владиславомъ и другихъ перипетій войны съ Польшей, долженъ былъ часто упоминаться народной молвой. Въ другой былинѣ Кирѣевскаго неузнанный Илейко (слѣдовательно, переодѣтый) называетъ себя Никитой Заолѣшаниномъ[4]); Илейкой, старымъ казакомъ, называется Илья, также переодѣтый каликой, въ одной былинѣ изъ Архангельской губерніи[5]).

Такимъ образомъ, можно установить, что Илья Муромецъ въ былинахъ иногда носитъ въ точной формѣ обычное въ казацкой средѣ имя Лжецаревича Петра, т. е. Илейки, причемъ былинный носитель этого имени по выходкамъ напоминаетъ казацкаго Самозванца: ругаетъ князя, княгиню и бояръ, пьянствуетъ, беретъ себѣ въ товарищи разбойника Соловья. Не объясняется ли это соприкосновеніемъ историческаго Илейки съ его былиннымъ тёзкой?

---

1) Тамъ же стр. 201—203.
2) Кирѣевскій, I, 36.
3) Кирѣевскій, IV, 4.
4) Кирѣевскій, IV, 47.
5) Кирѣевскій, IV, стр. 41.

Digitized by Google

Поищемъ другихъ былинныхъ данныхъ, въ которыхъ можно было бы усмотрѣть слѣды историческаго Илейки.

Въ своей статьѣ «Новые источники для изученія русскаго эпоса»[1]) г. Н. Квашнинъ-Самаринъ находитъ въ былинѣ Гильфердинга № 10 о князѣ Карамышевскомъ и разбойникѣ Ильѣ-кумѣ темномъ отношеніе къ самозванцу Илейкѣ (Лжепетру), и эту мысль, повидимому, раздѣляетъ Д. И. Иловайскій[2]). Въ виду малой извѣстности этой рѣдкой былины разсмотримъ ее подробнѣе, чтобы высказаться за или противъ этого сопоставленія разбойника Ильи съ Илейкой.

Въ настоящее время она извѣстна по двумъ варіантамъ Гильфердинга и Маркова[3]) и въ пересказѣ изъ Вологодской губерніи[4]). Сравнимъ содержаніе олонецкаго и архангельскаго варіантовъ.

Въ первомъ рѣчь идетъ о князѣ Карамышевскомъ, поселившемся въ усадьбѣ на берегу Вятлы рѣки и давшемъ за мѣсто пятьсотъ рублей, хотя другіе князья-бояре давали ему за него и тысячу. На его почестный пиръ съ князьями-боярами пріѣзжаетъ и кумъ темный Илья разбойникъ съ «дружиной хороброй» и съ Гришкой и Олешкой Баскаковымъ. Всѣ на пиру веселы, одинъ Илья разбойникъ сидитъ угрюмымъ. На обычный вопросъ, отчего онъ не ѣстъ, не пьетъ и не обидѣлъ ли его кто, разбойникъ отвѣчаетъ, что его никто ничѣмъ не обидѣлъ и продолжаетъ сидѣть угрюмымъ. Князь говоритъ тогда:

«Твое сердце знать розбойничко,
«На кой день же ты головушки не убьешь ли,
«На тотъ же день не мошь ты живъ же быть».

Отъ этихъ словъ у разбойника «мутно око помутилоси, раз-

1) Русскій Вѣстникъ, 1874. Октябрь.
2) Историч. соч. II, стр. 119.
3) Гильфердингъ, № 10. Марковъ, Бѣломор. былины № 54.
4) Матеріалы по этнографіи Вологодск. губ. Труды Этногр. Отд. И. О. Л. Е. А. Э. т. XI, вып. I, стр. 198.

Digitized by Google

бойническое сердце розгорѣлоси и съ кровью тутъ глаза да повернулиси». Княгиня говоритъ объ этомъ князю и предостерегаетъ его. Князь говоритъ, что утѣшитъ разбойника, идетъ въ погреба глубокіе, насыпаетъ три мисы золота, серебра и каменьевъ драгоцѣнныхъ и подноситъ ему. Разбойникъ принимаетъ дары и благодаритъ:

— Благодарствуешь да князь-же Карамышевской
— За твои великіи подарочки.
— Ты не бойся-тко Ильи да кума темнаго,
— Ку́ма темнаго разбойника,
— Со дружинушкой меня да со хороброю,
— Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
— Бойся-тко ты ноченьки нунь темныи,
— Темныи ты ноченьки осенніи. —

Князь успокаивается и пируетъ на радостяхъ, напившись до пьяна. Когда затѣмъ настали темныя ночи осеннія, Илья-разбойникъ объявляетъ своей дружинѣ собраться ночью «подъ мѣсто любимое» князя Карамышевскаго. Разбойники на *коломенкѣ* подплываютъ къ княжеской усадьбѣ. Княгиня по скрипу веселъ догадалась о томъ, какіе гости пріѣхали, и сообщаетъ князю объ этомъ.

Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
«Не напился бы теперичку я до пьяна,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма те́мнаго.
«Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвы́хъ ногахъ,
«Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма темнаго,
«Кума темнаго розбойника!».

Илья подслушалъ эти слова подъ окномъ, приказалъ Гришкѣ и Олешкѣ Баскаковымъ выставить двери концемъ бревна и заколоть князя въ его «ложни теплыи». Тѣ отказываются, го-

Digitized by Google

воря, что у нихъ руки не подымаются на это, такъ какъ они ѣли, пили у князя и получили честные подарочки. Тогда Илья самъ закалываетъ князя и велитъ имъ заколоть княгиню «за люлечкой». Послѣ ихъ отказа онъ опять дѣлаетъ это самъ. Затѣмъ, когда они отказались, по его приказу, вынуть изъ люлечки младенчика и разорвать его на двое, онъ приканчиваетъ и младенчика звѣрскимъ образомъ. Разграбивъ имущество князя, Илья съ дружиной возвращается къ себѣ и скоро рѣшаетъ ѣхать въ Кіевъ, чтобы убить тамъ княжескаго сына Василія Ивановича Карамышевскаго. Собравъ дружину въ 40000, онъ половину оставляетъ въ полѣ, а съ другой приступаетъ къ Кіеву и угрожаетъ князю Владимиру войной. Князь убоялся разбойника и пригласилъ его къ себѣ на пиръ съ его дружиной и ближайшими товарищами—Гришкой и Олешкой Баскаковымъ. Разбойникъ посаженъ на первое мѣсто, а князь молодой Василій Ивановичъ, племянникъ и крестникъ князя Владимира, долженъ, какъ чашникъ, разносить зелено вино. Онъ первую чару не донесъ, вторую перенесъ, третью не подалъ разбойнику. Тотъ съ помутившимися кровью глазами взглянулъ изподлобья на молодого князя и сказалъ Владимиру о его поступкѣ. На вопросъ князя Владимира, зачѣмъ онъ раздражилъ Илью, и на угрозу его казнить «за поступки неумильніи», Василій Ивановичъ расплакался и разсказалъ Владимиру, какъ Илья убилъ его отца, а Владимирова зятя, мать и брата младенца. Тогда Владиміръ говоритъ ему:

— Ай же ты крестово мое дитятко...
— Буде мошь отлить ты кровь родительску,
— Буде мошь ты съ нимъ да нынь поправиться,
— Ты убей-ко нынь Илью да кума тѣмнаго,
— Кума темнаго, розбойника.—

Василій Ивановичъ бросился на разбойника, ударилъ его до смерти «о кирпиченъ мостъ», сталъ имъ размахивать, выскочилъ на дворъ, схватилъ затѣмъ ось желѣзную и разогналъ ею всю

Digitized by Google

дружину разбойника. Князь Владиміръ благодаритъ его за мщенье.

Въ былинѣ А. В. Маркова дѣйствіе происходитъ въ городѣ Черниговѣ. Князь Семенъ Михайловичъ (фамилія не названа) устраиваетъ пиръ на радостяхъ по случаю рожденія ребенка княжича. Нянюшки-мамушки совѣтуютъ ему позвать кумомъ встрѣчнаго; князь встрѣтилъ разбойника тёмнаго[1]) Илью Кли́манта и пригласилъ его. Княгиня, увѣдѣвъ подозрительнаго кума, проситъ князя отказаться отъ него, но мужъ не соглашается, опасаясь мести. Послѣ крестинъ на пиру Илья сидитъ насупившись и на вопросъ князя говоритъ почти тоже, что въ варіантѣ Гильфердинга:

— Ты не бойся, мой крестовый кумъ Семёнъ Михайловичъ,
Ты не бойсе середи да дня ты бѣлого;
Ты побойсе во полночь хошь ночки тёмныя;
Ты споменёшь всё тогда кума́ крестоваго! —

Князь говоритъ, что поставитъ вѣрныхъ караульщиковъ и запрется «заморскими замочками», чтобы Илья къ нему не вломился. Однако княгиня совѣтуетъ ему умилостивить раздраженнаго кума, и князь подноситъ ему подарокъ. Илья беретъ его, но, не сказавъ спасибо, уходитъ съ почернѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ. Князь съ княгиней всю эту ночь не спали и молились Богу. На другую ночь князь говоритъ, что не стоитъ запираться и ставить караульщиковъ, такъ какъ кумъ крестовый уѣхалъ къ себѣ. Но у разбойника была шапка́-неви́димка, онъ среди дня зашелъ въ домъ и легъ съ саблей подъ кровать. Въ полночь онъ поднялся и отсѣкъ головы князю, княгинѣ и крестнику. Тутъ ему брызнула въ лицо горячая кровь младенца, и онъ ослѣпъ. Тогда онъ закричалъ:

---

1) Т. е. слѣпого; онъ ослѣпъ послѣ, но прозваніе уже заранѣе прилагается къ нему. *Замѣч. Собирателя.*

Digitized by Google

«Вы сѣките, вы рубите мою грѣшну голову!
Шьчо засѣкъ я своёго кума любимого,
Я засѣкъ-то свою куму любимую,
У крестового у дитятка отсѣкъ я буйну голову;
Мнѣ попала кровь горяча во ясны оци».
Захватили тутъ его всё за черны кудри,
Увезли они ево на полё на Кули́ково,
Шьчо отсѣкли, отрубили буйну голову.

Въ обоихъ пересказахъ, значительно расходящихся между собой, мы имѣемъ одинъ изъ любимыхъ народомъ разсказовъ о разбойникахъ. Олонецкій варіантъ носитъ характеръ былины, прикрѣпившейся во второй своей половинѣ къ Кіеву и Владиміру, архангельскій—скорѣй легенды или сказки. Первый полнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣе. Легендарныя и сказочныя черты архангельскаго пересказа—исканіе кума крестоваго въ первомъ встрѣчномъ, встрѣчающееся въ сказкахъ, шапка-невидимка, небесная кара злодѣю за убіеніе невиннаго младенца, ослѣпленіе его брызнувшей кровью и раскаяніе. Олонецкій варіантъ представляетъ образчикъ того, какъ сложившаяся въ народѣ эпическая пѣсня о какомъ-то лютомъ разбойникѣ переработывается въ былину, на которую наслоились при былинныхъ чертахъ, повидимому, и нѣкоторыя историческія. Убитый Ильей-разбойникомъ князь носитъ историческое имя—Ивана Карамышевскаго, т. е. Карамышева. Мы уже встрѣтили его выше въ пѣснѣ объ осадѣ Пскова, въ которую онъ попалъ какъ воевода, отразившій Сигизмунда отъ Волока-Ламскаго въ 1612 г. въ концѣ смутнаго времени. Тотъ же Иванъ Константиновичъ Карамышевъ, провожая въ 1630 г. турецкое посольство, былъ убитъ на Дону «воровскими» казаками и, можно думать, что этимъ фактомъ объясняется имя, данное былиной убитому разбойниками князю, хотя, судя по мѣстожительству на р. Вятлѣ убитое лицо могло носить раньше другое имя. Если въ преданіи, обработанномъ въ былину, князь получилъ имя исто-

Digitized by Google

рическаго лица, то, быть можетъ, и его убійца, кумъ темный Илья, получилъ имя и нѣкоторыя черты историческаго «вора» Илейка. Былина изображаетъ его слишкомъ могущественнымъ для простого разбойника: у него дружина хоробрая (а не простая шайка), съ силой въ 40000 онъ подступаетъ къ Кіеву, устрашаетъ кн. Владимира, какъ какой-нибудь татарскій царь Калинъ, Батыга и проч. Князь ухаживаетъ за нимъ на пиру, какъ за Тугариномъ. Эти черты уже напоминаютъ Илейку съ его многочисленнымъ войскомъ, разбивавшимъ царскія войска и бравшимъ города. Далѣе—Илья-разбойникъ представленъ какимъ-то безпричинно ожесточеннымъ извергомъ, убивающимъ ни въ чемъ неповинную княжескую семью, въ благодарность за угощеніе и подарки, и замышляющимъ убіеніемъ послѣдняго княжича Василія Ивановича искоренить ее до тла. По свидѣтельству историковъ, «Илейка отличался хищнымъ разбойничьимъ характеромъ и, какъ истый представитель чернаго народа, особенно свирѣпствовалъ противъ бояръ и дворянъ. Многихъ попавшихъ въ его руки онъ замучилъ; между прочимъ князя Андрея Бахтеярова, бывшаго прежде Путивльскимъ воеводой, Илейка не только убилъ, но и опозорилъ его боярскую честь, въ лицѣ его дочери»[1]). Съ этой стороны Илья-разбойникъ и Илейка похожи другъ на друга. Если далѣе Илья-разбойникъ плаваетъ по рѣкѣ на *коломенкѣ*[2]), то и это напоминаетъ волжскія и вятскія похожденія Илейки, причемъ, можетъ быть, и имя рѣки Вятлы объясняется искаженіемъ названія р. Вятки. Судьба былиннаго Ильи-разбойника и историческаго Илейки почти одинакова: Илья-разбойникъ, по варіанту Маркова, былъ казненъ отсѣченіемъ головы на полѣ Куликовомъ, Илейка былъ повѣшенъ въ Москвѣ. Вспомнимъ при этомъ, что поле Куликово по историческимъ московскимъ пѣснямъ находится въ Москвѣ и служитъ мѣстомъ казни. На немъ Малюта Скуратовъ готовился отсѣчь голову ца-

1) Иловайскій. Истор. соч. II, стр. 114—115.
2) Суда плавающія по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ.

Digitized by Google

ревичу Ѳеодору[1]). Наконецъ нельзя не обратить вниманіе и на слѣдующее совпаденіе: Илейка былъ казненъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ, Илья кумъ—темный разбойникъ—убитъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Конечно, въ способѣ расправы со злодѣями нѣтъ ничего общаго: въ былинѣ передъ нами обычный былинный богатырь, машущій трупомъ или осью желѣзной, разгоняющій цѣлое полчище; но почему никому неизвѣстный сынъ князя Ивана Карамышева получилъ имя, совпадающее съ именемъ царственнаго противника Илейки? Если это не игра случая, то и въ этомъ, какъ въ другихъ указанныхъ выше чертахъ, можно, пожалуй, видѣть слѣдъ, наложенный на былину лицами и событіями Смутнаго времени. Можетъ быть, въ именахъ главныхъ приспѣшниковъ Ильи-разбойника Гришкѣ и Олешѣ Баскаковыхъ (или Баскаковѣ) также окажутся имена какихъ нибудь извѣстныхъ народной молвѣ лицъ Смутнаго времени. Но лично я не припоминаю таковыхъ. Такъ же не берусь объяснить названія разбойника Ильи «кумомъ тёмнымъ» т. е. слѣпымъ; развѣ только можно предположить, что легенда о разбойникѣ, ослѣпнувшемъ отъ пролитой крови младенца (ср. варіантъ Маркова), была передѣлана въ былину (вар. Гильфердинга) съ значительной переработкой, т. е. прибавленіемъ всей второй части причемъ, какъ нерѣдко встрѣчается въ наивныхъ народныхъ передѣлкахъ, старый эпитетъ («кумъ тёмный») былъ машинально сохраненъ, хотя кумъ тёмный отлично видитъ ночью, закалываетъ цѣлую семью и идетъ походомъ на Кіевъ. Архангельскій разсказъ, носящій легендарный характеръ, не внесъ въ себя никакихъ историческихъ именъ: князь не называется Иваномъ Карамышевскимъ, а Семеномъ Михайловичемъ (безъ фамильнаго имени). Разбойникъ называется Ильей Климантовымъ, и если его имя не отголосокъ историческаго Илейки, то, быть можетъ, разбойникъ, о которомъ сложилась легенда, дѣйствительно, въ основномъ разсказѣ назывался Ильей, а это имя, совпавшее съ име-

1) Ончуковъ № 92 стр. 371. См. Бѣломор. былины стр. 51, 192, 280, 477.

Digitized by Google

немъ жестокаго «вора» Илейки, притянуло къ себѣ нѣкоторыя черты послѣдняго и имена другихъ лицъ той же эпохи[1]). Какъ бы то ни было, намъ кажется, что въ разсмотрѣнной былинѣ, сложенной, вѣроятно, не раньше половины XVII-го столѣтія, когда въ народной памяти наступила обычная путаница по отношенію къ событіямъ начала вѣка (мы имѣемъ въ виду не близкихъ къ событіямъ лицъ, а простонародье отдаленныхъ отъ центра мѣстъ, куда событія доходятъ нерѣдко въ совершенно извращенномъ видѣ), мы имѣемъ достаточно данныхъ видѣть нѣкоторые отголоски событій смутнаго времени, связанныхъ съ именемъ Илейки, какъ это предположилъ Квашнинъ Самаринъ, не остановившись на подробной мотивировкѣ своей догадки.

Мы видѣли, что Д. И. Иловайскій усматриваетъ отголосокъ плаванья историческаго Илейки съ воровскими казаками по Волгѣ и Каспійскому морю въ извѣстной пѣснѣ объ Ильѣ-Муромцѣ на Соколѣ-кораблѣ. Въ подтвержденіе этого предположенія можно бы привести слѣдующее. Пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ кораблѣ единственная, въ которой народному богатырю приписывается необычная ему роль мореплавателя, принадлежащая въ нашихъ былинахъ, какъ извѣстно, новгородскимъ персонажамъ Васькѣ Буслаеву и Садкѣ. Изъ «кіевскихъ» былинныхъ лицъ только эпическій женихъ Соловей Будимировичъ пріѣзжаетъ изъ-за моря на кораблѣ въ Кіевъ, но и эту былину мы заподозрили въ новгородскомъ происхожденіи[2]). Въ недавно найденной архангельской былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ, выручающемъ русскіе корабли, забранные Маринкой на морѣ у Корсуня, быть можетъ, сохранились очень старые отголоски. Но вообще Илья Муромецъ «сухопутный» богатырь, какъ другіе богатыри кіевскаго цикла, которые вмѣстѣ съ нимъ на коняхъ

1) Можно кстати замѣтить, что второе имя разбойника Ильи *Климантова* напоминаетъ имя царевича *Клементія*, самозванца, выдававшаго себя за сына царя Ѳеодора Іоанновича въ смутное время.

2) См. наши Очерки стр. 219.

Digitized by Google

пріѣзжаютъ даже въ Царьградъ! Въ этой необычной роли мореплавателя Илья Муромецъ неизвѣстенъ въ нашихъ главныхъ очагахъ былинной традиціи: пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ была записана въ Поволжьѣ (Саратов. губ.) на Уралѣ (и Терекѣ) у казаковъ и зашла съ казаками же въ восточную Сибирь на Колыму. Можно поэтому думать, что она произведеніе рѣчной «вольницы», можетъ быть волжскихъ разбойниковъ. Только въ одной архангельской былинѣ [1]), гдѣ Илья Муромецъ представленъ любовникомъ Маринки, онъ разсказываетъ сыну Подсокольничку, что сошелся съ его матерью, когда «ходилъ по сию морю» и его «заметало къ ней погодушкой великою». Но мы уже раньше отмѣтили въ этомъ позднее наслоеніе смутной эпохи. Далѣе можно указать на то, что Соколъ корабль, по былинѣ, плаваетъ по морю Хвалынскому двѣнадцать или даже тридцать лѣтъ, такъ что дѣло идетъ не о случайной поѣздкѣ а объ обычномъ плаваніи, что опять говоритъ въ пользу казачьяго происхожденія пѣсни [2]). Притомъ, какъ хозяинъ этого дивно разукрашеннаго корабля, Илья Муромецъ никогда не называется старымъ, какъ обычно въ былинахъ, а просто добрымъ молодцемъ [3]) т. е. молодымъ удальцомъ, какъ и его спутники: Добрыня, Алеша [4]). Казацкое происхожденіе пѣсни подтверждается и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ версіяхъ Илья замѣненъ Стенькой Разинымъ, котораго корабль назывался «Соколомъ» [5]), а также самымъ содержаніемъ этого похожденія Ильи въ болѣе полныхъ варіантахъ. На корабль Ильи нападаетъ Турскій царь Салтанъ Салтановичъ (съ донскими казаками), Илья Муромецъ велитъ Добрынѣ принести себѣ его тугой лукъ, пускаетъ въ Салтана

1) Бѣломор. был. № 4, стр. 57.

2) Был. ст. и нов. зап. стр. 63. Новыя записи был. въ Якут. обл. отд. оттискъ стр. 40.

3) Колымская былина см. мою статью: Нов. записи былинъ въ Якутск. обл. стр. 40 (отд. оттиски).

4) Тамъ же.

5) Или Илья Муромецъ вмѣстѣ съ Разинымъ на Соколѣ кораблѣ см. Сахаровъ I казацкія пѣсни стр. 244.

Digitized by Google

стрѣлу съ наговоромъ и вѣроятно ранитъ его, такъ какъ послѣдній, по одному варіанту, заклинается обычными словами:

«Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ,
Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,
Не внучатамъ, не правнучатамъ,
Не правнучатамъ, не пращурятамъ» [1]).

Въ другомъ варіантѣ, на Соколъ корабль налетаетъ сизый орелъ и едва не топитъ его. Илья поражаетъ его стрѣлою [2]). Въ другихъ — на корабль нападаютъ крымскіе или горскіе татары съ калмыками [3]), и Илья отпугиваетъ ихъ самымъ страннымъ образомъ, поводя тросточкой по чудеснымъ пуговкамъ своего кафтана рудожелтой камки, вслѣдствіе чего вставленные въ пуговкахъ въ яхонтахъ лютые звѣри начинаютъ страшно ревѣть [4]). Во всякомъ случаѣ Илья на Соколѣ подвергается какому то нападенію, и дѣло идетъ о стычкѣ на морѣ, которая совершенно чужда нашему «степному» эпосу. Поэтому, дѣйствительно допустимо предположеніе, что «молодой», роскошно одѣтый хозяинъ Сокола-корабля Илья Муромецъ — отголосокъ молодого самозванца Илейки Муромца, дѣйствительно разъѣзжавшаго съ казаками по Хвалынскому морю и сталкивавшагося на Терекѣ съ горскими народами.

Разсмотримъ теперь карачаровское преданіе о запруженіи Ильей Муромцемъ рѣки Оки, которое Д. И. Иловайскій ставитъ въ связь съ запруженіемъ Упы какимъ-то Муромцемъ Ѳомой Кровковымъ, вслѣдствіе чего самозванецъ Илейко и Болотниковъ были принуждены сдаться въ Тулѣ. Уже въ «Экскурсахъ» я указалъ на то, что это мѣстное карачаровское преданіе отра-

1) Был. ст. и нов. записи II № 16 стр. 64—65.
2) Тамъ же № 17 и прилож. стр. 276.
3) Кирѣевскій I стр. 22, 40. Нов. был. Якут. обл. отд. оттискъ стр. 40.
4) Перенесеніе изъ былинъ о Дюкѣ.

Digitized by Google

зилось и на былинахъ. Какъ по преданію цѣлью запруженія Оки была защита карачаровцевъ отъ разбойниковъ, такъ, по нѣкоторымъ былинамъ[1]), Илья Муромецъ, чтобы проѣхать къ Соловью-разбойнику и расправиться съ нимъ, вырывая съ корнемъ дубы запруживаетъ рѣку Смородину, чтобы переѣхать на другой берегъ, гдѣ на дубу устроился Соловей-разбойникъ. Это свидѣтельствовало бы объ извѣстности чудеснаго подвига Ильи Муромца, но прикрѣпленіе его къ народному богатырю могло быть вызвано народной, конечно, пріукрашенной молвой о необычайномъ запруженіи рѣки (Упы) въ борьбѣ съ «ворами» разбойниками. Имя рѣки и точныя обстоятельства этого событія, конечно, были позабыты съ теченіемъ времени; помнился только самый фактъ, какъ необыкновенный, чудесный, и какая то связь его съ разбойниками. Этихъ глухихъ отголосковъ было достаточно, чтобы народная фантазія приписала этотъ чудесный подвигъ, какъ многіе другіе, своему любимому богатырю, подобно тому, какъ народная молва о нашествіи басурманъ на Царьградъ (т. е. о паденіи Константинополя въ руки турокъ) вызвала былину о поѣздкѣ Ильи въ Царьградъ и убіеніи имъ идолища поганаго. А что взятіе Тулы посредствомъ затопленія ея запрудой Упы было дѣйствительно дѣломъ необычайнымъ, сказочнымъ, объ этомъ говорятъ и современныя извѣстія. По Никоновской лѣтописи, когда Ѳома Суминъ сказалъ царю Василію: «дай мнѣ пособи, язъ де потоплю Тулу», то «царь и бояре *постьяхуся ему*, какъ ему градъ Тулу потопить; онъ же съ прилежаніемъ къ нему: *вели меня казнить, будетъ не потоплю Тулы*. Царь же Василей даде ему на волю; онъ же повелѣ со всей рати со всякаго человѣка привести по мѣшку съ землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити, вода учала прибывати. Царь же Василей, видя его промышленія, наипаче ему повелѣ совершати и повелѣ ему дати на пособъ мельниковъ; онъ же рѣку запрудилъ и градъ

1) Кирѣевскій I 81, Приложеніе № 1. Срв. также Рыбниковъ I стр. 35; II 326; III 17, 25; IV 9. Ончуковъ стр. 83 Бѣломор. былины стр. 347.

Digitized by Google

Тулу потопилъ совсѣмъ»[1]). Въ рукописи Филарета этотъ «хитродѣлателецъ» оказывается воиномъ града Мурома и называется Мѣшкомъ Кровковымъ[2]), причемъ странное имя Мѣшокъ объясняется, вѣроятно, мѣшками, употребленными для запруженія рѣки[3]). То и другое извѣстіе уже отзываются народной молвой, любящей придавать событіямъ эпическія черты. Вспомнимъ обычное въ сказкахъ и былинахъ недовѣріе царя къ какому нибудь предложенію или подвигу сказочнаго героя, осмѣяніе его, и затѣмъ готовность героя быть преданну смерти, въ случаѣ несовершенія подвига. Что тульское потопленіе было предметомъ народныхъ пересказовъ и размалевокъ, видно изъ сообщаемой Бергомъ басни, будто одинъ старый монахъ-чародѣй обѣщалъ осажденнымъ въ Тулѣ Лжепетру и Болотникову разрушить плотину, затопившую городъ, требуя за это сто рублей въ награду. Онъ раздѣлся, бросился въ воду; вдругъ послышался въ глубинѣ страшный шумъ; монаха не видно было болѣе часу; всѣ думали что онъ попался въ когти дьяволу. Но чародѣй наконецъ выплылъ, только весь исцарапанный, и на вопросъ, гдѣ онъ такъ долго былъ, отвѣтствовалъ: «Не дивитесь! Мнѣ было довольно дѣла: 12000 бѣсовъ помогали Шуйскому сдѣлать плотину и запрудить Упу. Съ ними то я все возился, не щадя себя, какъ вы можете судить по этимъ язвамъ; 6000 бѣсовъ я склонилъ на нашу сторону; но прочіе 6000, самые злобные, не даютъ разрушить плотину; съ ними я не могъ сладить!»[4]). Здѣсь мы прямо на народной почвѣ: безъ содѣйствія бѣсовъ не могло обойтись такое чудесное дѣло, какъ затопленіе Тулы. Можетъ быть, и будто бы командированные къ хитрецу въ помощь мельники по-

---

1) Карамзинъ XII примѣч. 152. Ср. Лѣтопись о многихъ мятежахъ 1788 стр. 122.

2) Тамъ же.

3) Срв. прозвище схороненнаго въ Кіевѣ богатыря «Чеботокъ», объясняющееся тѣмъ, что онъ чеботомъ расправился съ непріятелемъ.

4) Беръ. Лѣтопись Московская, въ Сказан. Современниковъ о Д. С. изд. 8. Ч. I. Спб. 1859 стр. 90.

Digitized by Google

пали въ преданіе потому, что мельники и до сихъ поръ подозрѣваются въ близкомъ знакомствѣ съ водяными, живущими у плотинъ[1]).

Вообще современныя извѣстія даютъ достаточно данныхъ для заключенія, что тульское потопленіе въ устахъ народа получило сказочный характеръ и, какъ бродячая легенда, могло прикрѣпиться къ Ильѣ Муромцу. Во всякомъ случаѣ мы можемъ здѣсь видѣть также слѣдъ смутнаго времени, оставшійся на подвигахъ былиннаго богатыря, хотя самозванецъ Илейко, быть можетъ, здѣсь ни причемъ.

Приводя и съ своей стороны нѣкоторыя былинныя данныя и нѣкоторыя соображенія въ пользу мысли Д. И. Иловайскаго о возможномъ отраженіи личности и дѣйствій историческаго Илейки въ былинахъ и сказаніяхъ объ Ильѣ Муромцѣ, мы однако не можемъ скрыть и нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ этой аргументаціи. Такъ, можно предположить, что въ пѣсню, вѣроятно казацкую, о Соколѣ-кораблѣ Илья былъ внесенъ, при атаманѣ Разинѣ или вмѣсто него, только потому, что имя богатыря было популярно среди лицъ, пѣвшихъ эту пѣсню. Вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ на Соколъ-корабль сажаютъ и другихъ былинныхъ богатырей — Добрыню и Алешу съ такимъ же правомъ. Вѣдь корабль Стеньки Разина дѣйствительно назывался Соколомъ, а въ нападеніи его на Орла видятъ стычку Разина съ *орленными* казенными судами на Волгѣ. Поэтому, быть можетъ, связь Ильи Муромца съ историческимъ Илейкой здѣсь сомнительна. Если далѣе историческое потопленіе Тулы запру-

1) Наивный Беръ, раздѣляя мнѣніе своего вѣка приводя басню о чародѣ-монахѣ, не отвергаетъ возможности дѣйствія колдовства и нечистой силы. Онъ самъ говоритъ что Василій Шуйскій, не получая помощи отъ Бога, обратился къ дьяволу: пустился колдовать, собралъ всѣхъ чернокнижниковъ, какихъ только могъ найти, приказывалъ вырѣзать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женъ, и убивать коней, чтобъ достать сердце; все это зарывали въ землю около того мѣста, гдѣ стояло царское войско. Оно было невредимо, увѣряли чародѣи, доколѣ не выходило за черту; но лишь только переступало ее, всегда было поражаемо. (Тамъ же стр. 98).

Digitized by Google

дой рѣки Упы было связано съ Илейкой, то отсюда еще нельзя заключать, что сходное преданіе о запрудѣ Оки было прикрѣплено къ Ильѣ Муромцу именно вслѣдствіе совпаденія именъ богатыря и Илейки. Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что въ карачаровскомъ преданіи, какъ это часто бываетъ, факты и лица спутаны, то, что было сдѣлано противъ Ильи, отнесено къ его подвигамъ[1]). Но и здѣсь возможно предположеніе, что казавшійся чудеснымъ, сказочнымъ фактъ, съ давно позабытыми именами и подробностями, могъ впослѣдствіи быть приписанъ народному богатырю, какъ одинъ изъ его первыхъ еще домашнихъ подвиговъ, безъ всякаго отношенія къ Илейкѣ, тѣмъ легче, что вырываніе деревьевъ (дубовъ) съ корнемъ есть типическій образчикъ силы богатырей, не одного Ильи Муромца, но и другихъ. Далѣе Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что происхожденіе историческаго Илейки изъ города Мурома особенно содѣйствовало сближенію съ нимъ былиннаго Ильи Муромца. «Съ тѣхъ поръ богатырь Илья, по словамъ Д. И. Иловайскаго,— представляется не только казакомъ, но и окончательно закрѣпляется за Муромомъ. По всей вѣроятности, дальнѣйшимъ фазисомъ этого закрѣпленія и вмѣстѣ демократизаціи богатыря было пріуроченіе его къ подгородному селу Карачарову и къ крестьянскому роду»[2]). Однако самъ Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что Илья Муромецъ былъ извѣстенъ въ Муромѣ уже въ XVI в.: на это «мы имѣемъ намеки въ Сотной (выписи) Муромскаго посада 1574 года (Акты юрид. № 229): тутъ, кромѣ храма св. Ильи и Большой Ильинской улицы, упоминается *Богатырева гора* «противъ Оки рѣки» и еще *Скокова гора*, очевидно, намекающая на скоки или ускоки богатырскаго коня Ильи Муромца»[3]). Если это такъ, то происхожденіе историческаго Илейки изъ Мурома едва ли содѣйствовало какъ нибудь окончательному прикрѣпленію бы-

1) Истор. Соч. II, стр. 126.
2) Истор. Соч. II, стр. 116.
3) Тамъ же, стр. 110.

Digitized by Google

линнаго богатыря къ Мурому. Вообще для того, чтобы доказать, что муромское происхожденіе Илейки имѣло какое нибудь значеніе для сближенія обѣихъ личностей — былинной и исторической, — нужно было бы знать, носилъ ли, какъ обычное имя, въ своемъ кругу и въ народной средѣ Илейко кличку Илья *Муромецъ*. Его происхожденіе изъ Мурома намъ извѣстно изъ показаній, данныхъ имъ подъ пыткой при допросѣ. Если этотъ фактъ и былъ оглашенъ правительственными грамотами, то все же нѣтъ данныхъ для сужденія, получилъ ли онъ въ свое время широкое распространеніе и повліялъ ли онъ на прибавленіе къ имени Илейки эпитета «Муромецъ». Вѣдь при жизни самозванца его настоящее имя и происхожденіе скрывались его сторонниками и были извѣстны только въ интимномъ, если такъ можно выразиться, кругу. Мы до сихъ поръ не знаемъ, какое лицо играло роль Тушинскаго вора, и о личности Лжедмитрія перваго существуетъ цѣлая литература. Да и о личности Лжепетра, судя по свидѣтельствамъ современныхъ ему лѣтописцевъ, какъ указываетъ самъ Д. И. Иловайскій, существовала въ его время значительная разноголосица: такъ въ одномъ хронографѣ онъ даже именуется «родомъ Звенигородецъ, художествомъ гончаръ»; поэтому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ ему дается фамилія Гончарова или Гончаровскаго, а въ другихъ эта фамилія переиначивается въ Горчакова, въ третьихъ онъ считается холопомъ Свіяжскаго стрѣлецкаго головы Елагина. (Никонов. Лѣт. о мятежахъ, Палицынъ, Нов. Лѣт., Иное сказ., Псковская, три хронографа у Андр. Попова, Рукоп. Филарета)[1]).

При такой путаницѣ въ свѣдѣніяхъ книжныхъ людей о Лжепетрѣ, можно ли утверждать, что въ народной средѣ онъ былъ лучше извѣстенъ, и что его называли не только крестнымъ именемъ но даже знали, что онъ родомъ изъ Мурома и прилагали ему кличку по его родному городу? Такъ какъ сторонники Илейки оффиціально выдавали его за Петра царевича и называли этимъ

1) Тамъ же, стр. 116.

Digitized by Google

именемъ, мы выше сдѣлали предположеніе, что это имя, быть можетъ, сохранилось въ имени коварнаго сына Ильи Муромца, прижитаго имъ съ дѣвкой Сиверьяничной — Петрѣ царевичѣ; но и здѣсь возможно предположеніе, что послѣднее имя попало въ былины изъ какихъ нибудь сказокъ. Въ колымской казацкой пѣснѣ въ незнамушкѣ царѣ Петрѣ, угощающемъ голей въ кабакѣ, также нельзя съ полной увѣренностью видѣть Лжепетра, такъ какъ можно допустить также слѣдъ пугачевщины и видѣть въ царѣ Петрѣ Пугача, выдававшаго себя за императора Петра Ѳедоровича. Нѣкоторыя сомнѣнія можетъ вызвать и предложенное нами, вслѣдъ за Квашнинымъ Самаринымъ и Д. И. Иловайскимъ, сближеніе разбойника Ильи кума темнаго съ Илейкой. Словомъ, я думаю, что разсмотрѣнныя выше историческія и былевыя данныя только дѣлаютъ допустимымъ предположеніе объ отголоскахъ личности Илейки въ типѣ Ильи Муромца, но не даютъ нашимъ сопоставленіямъ полной убѣдительности, такъ что намъ приходится оставить ихъ пока «подвопросными». «Казачество» Ильи Муромца, его отношенія къ князю Владимиру, князьямъ, боярамъ, голи кабацкой и нѣкоторыя другія черты этого народнаго богатыря могутъ быть объясняемы, какъ отложенія смутнаго времени, независимо отъ допустимаго, но не вполнѣ доказаннаго, вліянія личности историческаго Илейки.

При болѣе внимательномъ изученіи былинныхъ данныхъ вѣроятно окажутся еще нѣкоторые слѣды отъ того же времени, но и разсмотрѣнныхъ нами достаточно для утвержденія, что этотъ періодъ наложилъ на нашъ былевой эпосъ не менѣе глубокую печать, чѣмъ царствованіе Ивана Грознаго. Резюмируя результаты нашихъ изслѣдованій, мы припомнимъ, что отголоски смутной эпохи звучатъ не только въ историческихъ пѣсняхъ XVII-го вѣка (о Ксеніи, Лжедмитріи, Скопинѣ-Шуйскомъ и др.), но и въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, въ многочисленныхъ смѣшеніяхъ лицъ и фактовъ.

Переходя къ собственнымъ былинамъ, мы нашли въ нихъ отголоски цѣлаго ряда лицъ и событій смутнаго времени: слѣды

Digitized by Google

углицкой смуты (въ былинѣ о Саулѣ), Гришку Разстрижку, Скопина-Шуйскаго, Марину, Лжепетра и др. Эпосъ помнитъ доселѣ о казакахъ, «ворахъ», «шишахъ», панахъ. Личность народнаго богатыря, какъ и слѣдовало ожидать, въ средѣ казаковъ и при разгулѣ народныхъ страстей, особенно сильно восприняла на себя окраску этой эпохи. Мы нашли ея слѣды во многихъ былинныхъ сюжетахъ, связаннымъ съ Ильей Муромцемъ (Ссора Ильи съ Владимиромъ, Илья и голи, Илья и сынъ, Илья и Соловей-разбойникъ, Илья на Соколѣ-кораблѣ) и пришли къ убѣжденію, что ею объясняются нѣкоторыя стороны самого характера народнаго богатыря въ его рѣзкихъ проявленіяхъ: грубыя выходки противъ князя Владимира, ненависть къ князьямъ-боярамъ, стрѣлянье по церковнымъ маковкамъ, якшаніе съ голями, разгромъ «царевыхъ» кабаковъ и др. Эти черты получилъ старый богатырь въ казацкой, овладѣвшей имъ, средѣ, почему и самъ сталъ старымъ казакомъ, иногда донскимъ атаманомъ.

Мы не льстимъ себя надеждой на то, что всѣ указанные выше слѣды смутнаго времени въ былинахъ равно убѣдительны. Нѣкоторыя сближенія и сопоставленія останутся не болѣе какъ домыслами, и могутъ нѣкоторымъ показаться рискованными. Вообще въ такихъ разысканіяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ бродячимъ изъ устъ въ уста, постоянно измѣняемымъ и искажаемымъ, не можетъ быть рѣчи о полной убѣдительности и всесторонней доказательности. Лица, мало знакомыя съ размѣрами и съ характеромъ искаженій и перевираній, которымъ подвергаются слухи о политическихъ событіяхъ въ народной средѣ, особенно въ глухихъ мѣстахъ, каковы наши былинные районы Олонецкій и Архангельскій, могутъ, конечно, найти нѣкоторыя изъ нашихъ догадокъ слишкомъ смѣлыми. Но для нихъ я ограничусь однимъ яркимъ примѣромъ, хотя таковыхъ можно бы привести немало. Глухіе слухи о недовольствѣ дворянъ отмѣной крѣпостного права въ связи съ молвой о покушеніяхъ, которымъ подвергалась жизнь царя Александра II-го, дали въ самомъ нелѣпомъ сочетаніи странную пѣсню, недавно записан-

Digitized by Google

ную въ Архангельской губерніи гг. Ончуковымъ и Григорьевымъ. Въ ней поется, что въ «непоказанное время царя требуютъ въ сенотъ».

Царь не долго снарежался,
На емскихъ царь отъѣзжалъ,
Да не кому царь не сказалъ,
Только вѣску брату[1]) далъ....
Во коляску братъ садился,
Ко сеноту подъѣжжалъ,
Да пухову шляпу снялъ,
Да чесовымъ честь воздавалъ:
Ужъ вы здраствуйте, ребята,
Сенаторская стража:
Не видали-ли, робята,
Не прошелъ-ли офицеръ?
Они другъ на друга взглянутъ,
Говорятъ, что не прошелъ.
Одинъ парень чернобровой,
Чёрнымъ глазикомъ повёлъ:
«Государь въ сенотъ зашолъ».
А Костя саблю обнажалъ,
Да чесовымъ головки снялъ,
Да единого[2]) съ собой взялъ;
Трои двери проломалъ,
Да до четвертыхъ доступалъ,
Да онъ четверты проломалъ.
Да на колѣняхъ царь стоитъ,
Передъ нимъ полковникъ ходитъ:
— Поскорѣй царь подпишись,
Да не долга твоя жись».

---

1) т. е. В. К. Константину Николаевичу.
2) т. е. того черноброваго парня, который выдалъ тайну.

Digitized by Google

Сенаторы всѣ стоятъ,
Да царю смертію грозятъ [1]).

Пѣсня не описываетъ дальнѣйшихъ поступковъ царскаго брата Кости, но слѣдуетъ думать, что онъ богатырски расправился съ сенаторами и спасъ царя.

Вотъ въ какую фантастическую и нелѣпую форму облеклись слухи доходившіе на сѣверъ о событіяхъ царствованія Александра II-го. Мы догадываемся, что дѣло идетъ именно объ этомъ императорѣ, такъ какъ въ одномъ варіантѣ онъ прямо названъ Александромъ; намъ ясно, что подъ Костей слѣдуетъ предполагать В. К. Константина Николаевича. Но вѣроятно такое же вполнѣ историческое лицо скрывается подъ былиннымъ удальцомъ Костей Новоторженином [2]), который б. м. и повліялъ на снабженіе Константина Николаевича богатырскими пріемами и силою; однако мы едва ли когда нибудь, за давностью лѣтъ, узнаемъ это историческое лицо. Если В. К. Константинъ сдѣланъ богатыремъ, если онъ ломаетъ двери, рубитъ головы, то едвали удивительнѣе, что жившая въ XVI вѣкѣ нелюбимая народомъ «Пятигорка» Марья Темрюковна стала богатыршей, ея братъ Кострюкъ—борцомъ-нахвальщикомъ, а иногда даже переодѣтой женщиной, что казацкій самозванецъ Петръ сталъ коварнымъ сыномъ Ильи Муромца Петромъ-царевичемъ, что царскій шуринъ Никита Романовичъ сталъ богатыремъ — даже оборотнемъ, что коварная Марина получила въ эпосѣ соотвѣтствующую ея свойствамъ роль и проч. и проч. Повидимому, трудно указать предѣлъ народной фантазіи и «поэтизаціи» историческихъ лицъ и событій. Какъ характерны въ этомъ отношеніи хотя бы слѣдующіе стихи, выхваченные нами изъ печорской былины о Василіи Игнатьевѣ!

---

1) Ончуковъ, Печорск. былины № 15 Срв. Григорьевъ, Поморскія былины Ч. I, № 132, стр. 416, 417. Та же пѣсня была записана еще въ 1883 г. М. Хрулевымъ въ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской г. и доставлена въ Этнографическій Отдѣлъ г. В. Ласкинымъ.

2) Кирѣевскій V 16; Рыбниковъ I 337; Бѣломор. былины стр. 263—265, 268.

Digitized by Google

Гнѣдые туры говорятъ своей матушкѣ:
«Гнѣдая туриця златорогая!
Мы были туры и во Чаховѣ,
Во Чаховѣ были мы, во Ляховѣ
Идёмъ нынь изъ города изъ Кіева....

И далѣе разсказываютъ, что

Подыматця сабака злодѣй Скурла царь,
Со зе́темъ собака онъ со Кыршакомъ,
Да съ сыномъ собака со Кончальничкёмъ [1])....

Здѣсь Чаховъ и Ляховъ (Чахи и Ляхи) сохранились какъ остатокъ эпической формулы очень отдаленнаго періода [2]); Скурла-царь получилъ имя отъ Скуратова-Малюты, слѣдовательно XVI вѣка, въ «Кончальничкѣ», названномъ въ другомъ варіантѣ Коньшакомъ [3]), мы видимъ знаменитаго половецкаго хана Кончака, а вся эта былина, какъ мы старались уяснить въ одной статьѣ [4]), основана въ концѣ концовъ на сказаніи о Батыевомъ нашествіи. Какая пестрая галлерея историческихъ именъ и отголосковъ разныхъ эпохъ!

Однако такое смѣшеніе эпохъ, оправдывающее, съ одной стороны, наши предположенія и объясненія, съ другой стороны, можетъ вызывать и нѣкоторыя возраженія. Насъ могутъ спросить, почему «казачество» Ильи Муромца, его выходки противъ князя Владимира, якшаніе съ голями, разгромъ кабаковъ и проч. объясняется нами, какъ осадокъ именно Смутнаго времени. Развѣ не могли эти пласты наслоиться позже во второй половинѣ XVII-го вѣка или даже въ XVIII-мъ, какъ отложеніе, напр., бунтовъ Разина, стрѣльцовъ или даже пугачевщины?

---

1) Ончуковъ. Печор. был. № 87 стр. 344, 345.

2) См. Извѣст. Отд. русс. яз. и словесн. И. А. Н. 1904 г. т. IX, кн. I-я, стр. 15 и 16.

3) Тамъ же № 18, стр. 70.

4) См. Очерки стр. 305—327.

Digitized by Google

Вѣдь разгромъ дворянскихъ усадебъ и кабаковъ, волжское разбойничество представляютъ явленія столь же типичныя во всѣхъ бунтахъ XVII и XVIII в., какъ и въ Смутное время. Эти возраженія мы можемъ, кажется, устранить положительнымъ образомъ, припомнивъ инвентарь нашего былевого сѣвернаго эпоса олонецкаго и архангельскаго — и условія, при которыхъ сохранялась въ этихъ краяхъ былинная традиція. Мы видѣли, что въ собственныя *богатырскія* былины историческія черты въ именахъ и деталяхъ содержанія проникали изъ историческихъ пѣсенъ, такъ какъ для сказателей тѣ и другія старины отличаются одинаковой достовѣрностью или «историчностью».

Просмотрѣвъ инвентарь собственно историческихъ пѣсенъ центральной Россіи, зашедшихъ на сѣверъ въ Олонецкую и Архангельскую губерніи, мы убѣдимся, что туда въ значительномъ числѣ и въ періодѣ неслишкомъ отдаленномъ отъ времени ихъ сложенія зашли пѣсни изъ цикла Ивана Грознаго и Смутнаго времени. Первыя, какъ мы иногда указывали, носятъ слѣды того же Смутнаго времени и должны были быть занесены на сѣверъ еще въ теченіе первой половины XVII-го вѣка. Въ этомъ столѣтіи сюда проникли напр., пѣсни о взятіи Казани, о Иванѣ Грозномъ и сынѣ, о Ермакѣ, о Кастрюкѣ и Маріи Темрюковнѣ, о Гришкѣ-разстрижкѣ, о Скопинѣ-Шуйскомъ, а также нѣкоторыя былины объ Ильѣ, отмѣченныя слѣдами Смуты, погулявшія уже въ средѣ казаковъ и разнузданнаго простонародія. Изъ другихъ историческихъ пѣсенъ, сложенныхъ во вторую половину XVII в. зашло на сѣверъ замѣчательно мало. Въ этомъ отношеніи отдаленная провинціальная глушь значительно отстала отъ центральной Россіи. Отъ царствованія Алексѣя Михайловича дошли до Олонецкихъ «сказателей» пѣсни «о боярской думѣ»[1]) и о взятіи Азова[2]), но ихъ знаютъ лишь немногіе сказатели. Что касается

1) У Гильфердинга «Земскій Соборъ» № 154 (=Рыбниковъ III, 46), и № 161; Рыбниковъ II 40, III 47.

2) Гильфердингъ № 37.

Digitized by Google

пѣсенъ о Разинѣ, которыя отзываются характеромъ казацкой вольницы, то просмотръ ихъ редакцій убѣждаетъ насъ въ томъ, что онѣ занесены на сѣверъ случайно, не въ XVII в. а гораздо позже, быть можетъ только въ XIX-омъ. Такъ въ пѣснѣ о сынѣ Стеньки въ Астрахани [3]) упоминаются не только губернаторъ, но и штабъ-офицеры, а относительно одной можно прямо заподозрить ея волжское происхожденіе; пѣвшій ее «сказитель» Захаровъ, по разспросамъ Гильфердинга, оказался человѣкомъ «волокитнымъ», много разъ ѣзжавшимъ и побывавшимъ на Волгѣ, откуда онъ вѣроятно и занесъ пѣсню о Разинѣ съ весьма поздними деталями. Такого же характера пѣсня о сынѣ Разина нашлась на Печорѣ [1]) и на Пинегѣ [2]). Пѣсни о похоронахъ Стеньки Разина записаны въ Архангельской губерніи г.г. Марковымъ [3]) и Григорьевымъ [4]). Къ XVII-му вѣку относится архангельская пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря при Алексѣѣ Михайловичѣ [5]), но она касается событія случившагося въ томъ же краѣ и была тамъ же сложена. Такимъ образомъ трудно предположить, что разинскія пѣсни и немногочисленныя на сѣверѣ, и зашедшія по всѣмъ признакамъ туда случайно и поздно, могли дать былинамъ объ Ильѣ ту окраску казацкой вольницы, которую мы отмѣтили выше и считаемъ осадкомъ смутнаго времени. Немало было занесено, особенно солдатами, историческихъ пѣсенъ XVIII и XIX вв. въ сѣверный былинный районъ, но, какъ поздніе и случайные гости, онѣ оставались въ сторонѣ и не оказали вліянія на тотъ старый и прочный репертуаръ «старинушекъ», который, перемѣшиваясь въ горнилѣ народнаго творчества, ярко окрашенъ доселѣ типическими чертами

1) Ончуковъ, № 30.

2) Григорьевъ, №№ 58, 103.

3) Бѣломорскія былины, № 59.

4) Архангельскія былины и историческія пѣсни, т. I, № 102.

5) Бѣломорскія былины №№ 40 и 90. См. мои замѣтки къ сибирскимъ варіантамъ въ «Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.», 1904, т. IX, кн. I, стр. 46—49.

Digitized by Google

XVII-го вѣка и особенно его бурнаго начала. Эта буря, прочавшаяся по всей западной, центральной, южной и восточной Россіи, настолько всколыхала всѣ народные слои, что волны этого потока достигли сѣверныхъ окраинъ, гдѣ до сихъ поръ сказатели поютъ о Гришкѣ Отрепьевѣ, Маринкѣ, Скопинѣ-Шуйскомъ и другихъ герояхъ смуты, переплетая ихъ со «старинками» о грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ и «ласковомъ» князѣ Владимирѣ стольно-Кіевскомъ.

Всев. Миллеръ.

Digitized by Google

О литературныхъ нравахъ южнорусскихъ писателей XVII ст.

Въ жизни культурнаго народа всякая эпоха имѣетъ болѣе или менѣе своеобразныя литературныя черты въ зависимости отъ бытовыхъ условій или сосѣдскихъ вліяній. И въ жизни украинской литературы XVII ст. были свои особенности, при тѣсной ея связи съ современной польской литературой.

Семнадцатый вѣкъ былъ бойкимъ временемъ въ политической и литературной жизни малороссовъ, временемъ проявленія значительнаго національнаго творчества. Въ литературномъ отношеніи творчество выразилось преимущественно въ формѣ созданія и распространенія думъ; но и въ книжномъ дѣлѣ обнаружилось пробужденіе народнаго духа и подъемъ общественной энергіи. Оживленіе выразилось въ многочисленности сочиненій, въ живомъ обмѣнѣ мыслей, въ быстромъ выходѣ полемическихъ трактатовъ, въ разнообразіи мнѣній по религіозно-нравственнымъ и политическимъ вопросамъ.

Въ понятіе о литературныхъ нравахъ входятъ представленія объ отношеніяхъ писателя къ читателю, о господствовавшихъ среди ученыхъ взглядахъ на значеніе языка и книги, полемическіе пріемы, внѣшнія формы книжнаго издательства, способы распространенія книгъ, цензура, излюбленные шрифты и форматы изданій и т. п.

Въ тѣсной связи съ собственно литературными нравами стоитъ общій строй общественной мысли, насколько онъ выра-

Digitized by Google

зился въ ученыхъ и литературныхъ трудахъ, общія понятія о нравственномъ долгѣ и любви къ ближнему. Общее міровоззрѣніе составляетъ тотъ основной фонъ эпохи, при которомъ отдѣльныя литературныя понятія представляются лишь частными развѣтвленіями общественнаго настроенія.

Въ политическомъ отношеніи Украина въ XVII ст. находилась въ крайне тяжеломъ положеніи; ее рвали на куски; народъ отбивался отъ многочисленныхъ своихъ враговъ различными способами, братскими организаціями, пѣсней, оружіемъ.

Страданія Украины были такъ велики, что даже иновѣрцы и иноплеменники не могли воздержаться отъ выраженія своего сожалѣнія. Такъ, польскій проповѣдникъ Млодзяновскій говоритъ: «Я думаю, что если бы Господь Богъ собралъ въ одно мѣсто всѣ слезы бѣднаго народа, пролитыя и проливаемыя вслѣдствіе притѣсненій и разныхъ несправедливостей, то человѣкъ въ этихъ слезахъ могъ бы утопиться. Милая Украина, спрашиваетъ далѣе Млодзяновскій, въ чемъ ты утонула? Въ слезахъ народа. Милый Каменецъ, почему ты погибъ? Слезами бѣднаго народа приплыло къ тебѣ турецкое завоеваніе»[1]).

Если полякъ и католикъ такъ чувствовалъ горе Украины, то тѣмъ болѣе оно должно было трогать сердца ея лучшихъ кровныхъ сыновъ.

Степень національнаго самосознанія и политическаго пониманія у разныхъ писателей была различна, и въ зависимости отъ того ихъ патріотическія чувства получали различное выраженіе. У однихъ, напримѣръ, у Христофора Бронскаго, Лазаря Барановича, обнаруживается глубокое политическое пониманіе, въ полномъ соотвѣтствіи съ современнымъ имъ политическимъ положеніемъ народа, у другихъ—напримѣръ, у Коссова, Галятовскаго, Кальнофойскаго обнаруживается иногда противорѣчіе между ихъ національными и политическими взглядами и симпатіями, по крайней наклонности къ Польшѣ или къ Москвѣ, къ

1) Мацѣевичъ, въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1870, іюль, 248.

Digitized by Google

одной изъ уваженія къ ея культурности, къ другой по идеализаціи ея православія.

По силѣ національнаго и политическаго самосознанія малороссы XVII ст. стояли высоко. Глубина политическаго пониманія обнаруживается во многихъ сужденіяхъ южнорусскихъ ученыхъ объ отношеніяхъ Руси къ Польшѣ и объ отношеніи высшаго русскаго духовенства и аристократіи къ горожанамъ и крестьянамъ. Князь К. К. Острожскій предостерегалъ уже польскихъ магнатовъ, что ограниченіе свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ иновѣрцовъ повлечетъ за собою ограниченіе гражданской свободы польскаго общества. Предостереженіе это повторилъ и развилъ современникъ кн. Острожскаго Христофоръ Бронскій. «Вы называете насъ братіей и членами единаго тѣла Рѣчи Посполитой, обращается Бронскій въ Апокрисисѣ къ польскимъ магнатамъ, то, просимъ васъ, сжальтесь надъ угнетенной братіей своей: наши страданія пусть тронутъ васъ, какъ собственныя раны и страданія вашихъ милостей. Если же ваша любовь къ намъ охладилась, то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ однѣхъ съ нашими досках и укрѣплены однѣми связями. Берегитесь, чтобы сквозь ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ, и кто не тушитъ пожара на чужомъ дворѣ, тотъ вскорѣ увидитъ его на своемъ...»[1]), поистинѣ глубокая политическая мысль, которую нужно имѣть въ виду всегда и вездѣ, особенно тамъ, гдѣ есть иновѣрцы и иноплеменники.

Весьма характернымъ представителемъ украинскаго самосознанія и однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ политическихъ правъ малорусскаго духовенства и народа былъ Лазарь Барановичъ. Онъ принималъ близко къ сердцу разореніе

1) Апокрисисъ, 1870, стр. 240.

Digitized by Google

Малороссіи и въ своихъ многочисленныхъ виршахъ высказалъ по этому поводу много горестныхъ мыслей, которыя выдающіеся его современники вполнѣ раздѣляли и которымъ сочувствовали. Такъ, Самуилъ Величко внесъ въ свою лѣтопись замѣчаніе, что Лазарь Барановичъ въ виршѣ на смерть митрополита Іосифа Тукальскаго въ 1675 г. сказалъ:

Raz ty umarł, my codzień umieramy w Swiecie
Żyjem prawie, słabszego gdzie mocnejszy gniecie [1]).

Барановичъ вѣрилъ въ даровитость русскаго народа. Въ письмѣ къ Иннокентію Гизелю отъ 14 октября 1668 г. онъ замѣчаетъ: «Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею» [2]). Хотя мнѣніе это высказано было по частному поводу, по поводу успѣшной дѣятельности кіево-печерской типографіи; но подсказано оно было общимъ патріотическимъ настроеніемъ Барановича.

Для обрисовки нравственной личности писателя важны съ одной стороны его теоретическіе взгляды на языкъ, съ другой — практическіе пріемы пользованія языкомъ.

Въ практическомъ отношеніи украинскіе писатели пользовались тѣмъ языкомъ, какой дала имъ культурная исторія — одни, какъ Іоаннъ Вышенскій, съ значительнымъ приближеніемъ къ простонародной рѣчи, другіе, какъ Карповичъ и Барановичъ, къ западно-русской литературной формѣ, иногда пользовались польскимъ языкомъ.

Въ теоретическомъ отношеніи, въ смыслѣ національнаго и политическаго самоопредѣленія и самосознанія, ясно выдвигались языки малорусскій и церковно-славянскій.

Съ малорусскимъ языкомъ тѣсно была связана національно-демократическая тенденція. Въ XVI и XVII ст., въ періодъ

1) С. Величко, Лѣтопись, II, 386.
2) Письма Л. Барановича, 50.

Digitized by Google

борьбы за православіе, украинское общество пришло къ сознанію необходимости перевода св. Писанія на «простую», «посполитую» народную рѣчь, для сознательнаго его усвоенія народомъ, и въ XVI, затѣмъ въ XVII ст. появляется рядъ такихъ переводовъ, съ національно демократической аргументаціей. Книги издавались, какъ сказано въ послѣсловіи Катехизиса 1562 г., «Богу ко чти и посполитымъ людемъ къ наказанью и доброму наученью». Въ предисловіи къ Евангелію Учительному 1569 сказано, что «помыслилъ же былъ есмы и се, иже бы сію книгу выразумѣнія ради простыхъ людей преложити на простую мову»[1]); подобное замѣчаніе находится въ предисловіи къ Евангелію Тяпинскаго, съ симпатичнымъ поясненіемъ, чтобы «дѣтки» на родномъ языкѣ «смыслы свои острили и въ вѣрѣ процвѣтали»[2]). Переводчикъ Учительнаго Евангелія 1616 г. стремится къ «простѣйшему языку», чтобы его трудъ былъ «пожиточенъ для слухачевъ»[3]). Въ сборникѣ проповѣдей Симеона Тимофеевича 1670 г. авторъ о. Симеонъ говоритъ, что онъ писалъ «барзо простою мовою»[4]).

Южнорусскій писатель первой половины семнадцатаго вѣка Захарій Копыстенскій хорошо сознавалъ, что церковно-славянскій языкъ можетъ служить объединительнымъ звеномъ для всѣхъ народовъ православнаго вѣроисповѣданія и содѣйствовать развитію общеславянскаго національнаго чувства. Въ предисловіи къ «Бесѣдамъ св. Іоанна Златоустаго на дѣянія св. апостоловъ», напечатаннымъ въ типографіи Кіево-печерской лавры въ 1824 г., Копыстенскій говоритъ: «Се оубо паки къ вамъ приходитъ вселенскій сей оучитель божественный Хризостомъ, якоже прежде ризою славенскою омилій на посланія св. апостола Павла оболченъ» (указаніе на бесѣды св. Іоанна Златоустаго о посланіяхъ св. ап. Павла, изд. въ Кіевѣ въ 1623 г.)[5]). «Сице и

1) Каратаевъ, Опис. слав. рус. книгъ, 165, 139.

2) Грушевскій, проф., въ «Сынъ Отеч.» 1905, № 50. Выдержки у Каратаева, 203.

3) Грушевскій, ibid., Каратаевъ, ibid. 334.

4) Петровъ, Кратк. Обозр. рукоп. Кіево-Софійск. библ., 15.

5) Каратаевъ, Описаніе слав.-рус. книгъ, 1883, I, 372.

Digitized by Google

нынѣ багряницею сарматскою омилій на Дѣянія св. апостолъ оукрашенъ. Се глаголю отъ типографіи св. Печерскія Кіевскія Лавры приходитъ, имѣя на тѣхъ ризахъ дражайшія бисеры правыхъ догматъ и многоцѣнная преспещренія образовъ живописанныхъ жительства по Бозѣ. И онъ оубо сице оукрашенъ приходитъ, вы же сице любезно его пріймѣте. Пріемлѣте его Іафетово племя Россове, и Славяне, и Македонове, стяжите и Болгарове, Сербове и Босняне; облобызайте и Истрове, Иллирикове и Долматове; срящѣте и Молдаване, Мултяне и Оунгровлахове; воспріймѣте и Чехове, Моравляне, Гарватове и вся широковластная Сарматія възлюби и притяжи и, и всѣ православніи сію святую якоже нѣкое Ευχαριστήριον любезнѣ пріемлѣте книгу въмѣсто многоцѣннаго сокровища имѣйте ю: понеже и отъ древле книгу сію почитаху христіане, якоже въ житіи святыхъ Индія и Домнины видѣти есть»[1]).

Въ украинской исторіографіи XVII ст. ясно обнаруживается основной патріотическій мотивъ авторовъ. Къ 1670 г. относится составленіе лѣтописнаго свода извѣстнаго подъ именемъ Густынской лѣтописи. Составитель этого свода іеромонахъ Михаилъ Лосицкій въ предисловіи говоритъ: «Прирожена есть якаясь хуть и милость противно отчизнѣ своей жадному человѣкови, которая каждаго не иначей едно яко магнесъ (магнитъ) желѣзо такъ до себе потягаетъ, що оный поэта грецкій Гомерусъ ясне до ихъ въ своемъ текстѣ выразилъ, же ни о що недбаючи, игды былъ отъ родства своего отдаленный презъ поиманы и южъ ся вернути не могълъ, прагнулъ видѣти навѣтъ дымъ своей отчизны. Такъ и сіи авторове кройники сей россійское любо были людьми смертельными и знали запевне, же смертію закрочити мусятъ, прирожоною милостію противно отчизны своей зняты будучи, прагнули того, абы и по ихъ зейстю (кончинѣ) послѣднему роду не были прошлые рѣчи, а мяновите народови россійскому скрытые...».

---

1) Петрушевичъ, Лингв.-историч. разсужденія. 1887, 5.

Digitized by Google

Игуменъ кіевскаго михайловскаго монастыря Ѳеодосій Софоновичъ, составляя въ 1672 г. «Хронику зъ лѣтописцевъ стародавнихъ», въ предисловіи къ своему труду обнаруживаетъ любовь къ родинѣ. «Съ Русіи, говоритъ онъ, уродившися въ вѣрѣ православной, за слушную речь почиталемъ, абы вѣдалъ самъ и иншимъ русскимъ сынамъ сказалъ, отколь Русь почалась и яко панство русское зъ початку ставши до сего часу идетъ. Каждому бо вѣмъ потребная есть речь о своей отчизнѣ знати и иншимъ пытающимъ сказати, бо своего рода незнаючихъ людей за глупыхъ почитаютъ. Що теды изъ разныхъ лѣтописцевъ русскихъ и хроникъ польскихъ вычиталъ, тое пишу»[1]).

Бывали иногда ошибки и увлеченія. Подъ вліяніемъ польскихъ источниковъ и польскаго общественнаго мнѣнія, малорусскіе писатели XVII ст. иногда вводили въ кругъ своихъ восхваленій такихъ лицъ и такія событія, въ которыхъ Украина была мало или совсѣмъ не заинтересована. Такъ, Галятовскій въ предмовѣ до пановъ Жеиборскихъ, помѣщенной въ Ключѣ Разумѣнія львовскаго изданія 1665 г., перечисляетъ военные подвиги Жеиборскихъ для рѣчи Посполитой[2]). Еще далѣе пошелъ Аѳанасій Кальнофойскій въ посвященіи книги своей кн. Святополку-Четвертинскому. Онъ восхваляетъ князя Святополка-Четвертинскаго за храбрость противъ rebellantow zaporozskich, а его современникъ Оксеновичъ-Старушичъ умудрился похвалить этого князя за то, что онъ «съ сердечными кавалерами польскими, братіею своею, на обширное пространство устилалъ поля бездушнымъ трупомъ казацкимъ»[3]).

Національное и политическое самосознаніе малороссовъ сильно возросло уже въ первой половинѣ XVII ст., какъ результатъ живой общественной мысли, подъ вліяніемъ религіозной борьбы съ католиками, стремленія къ единенію, къ союзамъ, ко-

---

1) Кояловичъ, Ист. русск. самосознанія, 94.
2) Голубевъ, Объяс. гербовъ, въ Тр. Кіев. Дух. Ак. 1872, X, 368.
3) Костомаровъ, Истор. моногр. IX, 37.

Digitized by Google

торые, по духу времени, вылились въ форму церковныхъ и ремесленныхъ братствъ. Результаты этого стремленія были въ высшей степени плодотворны. Не находя опоры въ высшихъ сословіяхъ, украинскій народъ, опираясь почти исключительно на мелкія общественныя организаціи, выдвинулъ рядъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, училища, библіотеки, типографіи. Уже въ 1622 г. настолько было замѣтно усиленіе въ Малороссіи просвѣтительнаго движенія, что Захарій Копыстенскій съ радостью провозгласилъ, «оминаютъ, за ласкою Божою, нашу россійскую церковь лѣта грубой простоты; свѣтити ей начала свѣтлость умѣетности и правды»[1]). «Свѣтлость умѣетности и правды» въ половинѣ XVII ст. озарила южную и западную Русь и даже стала отсюда проникать въ сосѣднія страны, въ Московское государство, Румынію и Сербію. Молдавскіе господари пользовались малорусскими типографіями. Церковныя братства снабжали сербовъ книгами. Въ кіево-могилянской коллегіи учились многіе сербы. Вообще, сербы охотно пользовались южнорусской литературой. Такъ, въ сочиненіяхъ Венцловича первой половины XVIII ст. находятся отрывки изъ Лазаря Барановича[2]). Москва все болѣе и болѣе начинала пользоваться знаніями малорусскихъ ученыхъ. Одни, напримѣръ, М. Смотрицкій, Трофимовичъ Козловскій, могли гордиться своими связями съ западной образованностью. Другимъ, какъ Барановичу и Галятовскому, было лестно то вниманіе, которое оказывалъ имъ московскій царь.

Выдающимися достоинствами южнорусскихъ писателей XVII ст. были ихъ заботы о развитіи просвѣщенія и благотворительности. Въ пониманіи цѣлей, въ направленіи были различія, при общемъ религіозно-нравственномъ тонѣ, въ зависимости отъ того, что большинство писателей принадлежало къ духовенству и училось по церковно-схоластическимъ книгамъ, византійскимъ

1) Завитневичъ, Палинодія Зах. Копыст. 70.
2) Засадкевичъ, М. Смотрицкій, 144, 179.

Digitized by Google

и чаще польско-католическимъ. Свѣтскіе люди шли въ томъ же направленіи, и, по возможности, старались охранить украинское просвѣщеніе. Юрій Хмельницкій въ договорѣ съ Москвой 1659 г. оговорилъ: «школы всякого языка для ученія дѣтямъ въ Малой Россіи абы вольно было, гдѣ кольвекъ бывали, яко то въ Кіевѣ и гдѣ инде по городамъ, также и гдѣ бы кольвекъ на сей сторонѣ Днѣпра, яко и на томъ, той хотѣлъ школы фундовати, абы вольно и ни отъ кого не было забранено» [1]).

Доброжелательство южнорусскихъ писателей проникнуто демократизмомъ. На первомъ мѣстѣ у нихъ стоитъ народъ, крестьяне. Шляхетская точка зрѣнія, что между паномъ и хлопомъ лежитъ пропасть, ярко выраженная въ словахъ польскаго писателя, шляхтича Себастіана Патрицкаго, что «plebeus, какъ бы онъ, ни былъ образованъ, хотя бы сосчиталъ всѣ звѣзды небесныя, все таки есть и будетъ plebeus» [2]), почти чужда украинскимъ писателямъ, и многіе открыто и ясно высказывались въ пользу plebeus'а, иногда въ очень рѣзкой формѣ. Такія произведенія какъ посланія Іоанна Вышенскаго, какъ Слово о бездождіи неизвѣстнаго автора [3]), составляютъ украшеніе старинной украинской литературы.

Іоаннъ Вышенскій смѣло укорялъ магнатовъ въ высокомѣріи, гордости и притѣсненіи слабыхъ. Паны въ «златоглавыхъ подушкахъ родятся, чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенныя, трапеза среброполмысная», а крестьяне горюютъ, «съ дѣтьми ся стискаютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлаго урожаю дотягнетъ...». Обличая совмѣстно съ панами и все высшее духовенство, Вышенскій говоритъ: «якъ же вы духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати ровно съ собою породнившагося, подлѣйшимъ отъ себе чините,

1) Пекарскій, «Отеч. зап.» 1862 IV, 383; Чтен. моск. общ. ист. 1858, I 103.
2) Кондратовичъ, Ист. польск. литер. I, 218.
3) Изд. въ «Черниг. лѣтоп.» Бѣлозерскаго.

Digitized by Google

уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе прозываете.... Пытаю тебя, чимъ ты лѣпше отъ хлопа, альбо ты не тая жъ матерія, глина и персть, альбо ты не тое тѣло и кровь, или ачей ты отъ каменя утесанъ и не маешь кишокъ и слизу холопскаго?...». «Бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятъ и мучатъ, которыхъ кровь, силъ и працы выссавши и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши вырванцовъ (т. е. слугъ) вашихъ... одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормѣте, а тые бѣдницы подданные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не маютъ. Зъ ихъ пота мѣшки, полни грошми золотыми, талярмы, полталярки, орты, четвертаки и потройники, напихаете, сумы докладаете, а тые бѣдницы шеляга, за что соли купити, не маютъ». Іоаннъ Вышенскій съ большимъ сочувствіемъ относится къ тѣмъ, которые, какъ онъ выражается, «изъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ, бицкимъ або муравскимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываются и сами себѣ панове и слуги суть» [1]).

Въ замѣчательномъ малорусскомъ литературномъ памятникѣ второй половины XVII ст. — «Словѣ во время бездождія» неизвѣстный авторъ обличаетъ «пановъ незбожныхъ, отъ которыхъ неслыханія кривды и утиски бѣдные подданные терпѣли, албо и сихъ часовъ терплятъ, барзей, нежели въ поганства неволници. Пригляделемся незбожнымъ паномъ, которые такъ ся обходили окрутне съ людьми, якого окрутенства подъ солнцемъ немашъ въ иншихъ земляхъ; завше звычайные податки на людехъ, а въ кролевствѣ польскомъ мало не каждый панъ, власно яко бы ся зприсягли, не порахововавшися съ суменьемъ, если ся годитъ брати у бѣднаго чловѣка тое, чого сила его не зможетъ? А наперво, кто поволовщину вымыслилъ, щобъ во вѣки съ пекла не выйшолъ! Роспрягаючи чловѣковѣ убогому і едино ярмо воликовъ маючому, чимъ живилъ себе, жону и дѣти свои бѣдныи,

1) Посланія І. Вышенскаго, во 2 т. Актовъ юж. и зап. Россіи.

Digitized by Google

которыи волики прежде добре оплачивалъ чиншомъ, роговымъ, дудовымъ и иншими податками»....[1]).

Демократизмъ южнорусскихъ писателей не мѣшалъ имъ видѣть слабыя стороны народа и осуждать его анархическіе элементы. Въ этомъ отношеніи характерны сужденія и осужденія автора «Слова во время бездождія». Строго осуждая пановъ за притѣсненіе народа, авторъ «Слова» относится отрицательно къ господству черни: «Але и то мусыть буты въ подивенью людей уважныхъ таковая справа, же по незбожныхъ панахъ взяли зверхность броварници, пяницы, костырове, картницы, злодѣеве и разбойници и свинопасы.... а взявши моцъ не толко жидовъ, и пановъ своихъ забивали, але и городовъ гвалтомъ добуваючи и всюды огнемъ палячи, людей въ невинности забиваючи и въ неволю выдаючи, олтари Божіи пустошачи.... братію свою драли, мучили и забивали....»[2]). Симпатіи автора, очевидно, не на сторонѣ панства, и не на сторонѣ козачества, которое хотя и не упоминается, но очевидно въ значительной степени захвачено укоромъ.

Барановичъ не былъ человѣкомъ мягкимъ и безкорыстнымъ; его гуманное отношеніе къ крестьянамъ обусловлено было болѣе разсудкомъ, чѣмъ сердцемъ.—«Овецъ такъ должно стричь, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, чтобы не затронуть за живое, и чтобы шерсть росла». Барановичъ неоднократно выступалъ въ защиту крестьянъ отъ угнетенія налогами и отъ побоевъ. Игуменъ максаковскаго монастыря Іеремія Ширкевичъ обложилъ монастырскихъ крестьянъ села Высоцкаго тяжелой податью. Крестьяне жаловались гетману, гетманъ Барановичу, и послѣдній писалъ по этому поводу Ширкевичу: «Свои они крестьяне; не на одинъ разъ они и нужны; вы владѣлецъ, а не воинъ; правда, и воинъ, но Христовъ, долженствующій слѣдовать примѣру Христову и брать не полтинами, а лептами.... Что слѣдуетъ (какъ говоритъ и гет-

1) Бѣлозерскій, Южнор. лѣтописи, 153.
2) Бѣлозерскій, Южнор. лѣтописи, 155.

Digitized by Google

манъ), то надобно и взять, а больше неизвольте, потому что несносно»[1]).

Во мнѣніи южнорусскаго духовенства хорошее обращеніе съ людьми стояло выше поста. Такъ, напримѣръ, думалъ Лазарь Барановичъ. Въ началѣ 70 годовъ XVII ст. выдубецкій игуменъ Ѳеодосій Углицкій вошелъ въ столкновеніе съ кіевопечерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ изъ за монастырскихъ маетностей. Гизель жаловался Барановичу, что на лаврскихъ поляхъ, по приказанію Ѳеодосія, бьютъ до крови, обираютъ и истязуютъ поселянъ. Барановичъ послалъ Углицкому рѣзкое письмо, въ которомъ писалъ: «принадлежащее печерской обители вы забираете себе. Не знаю, угоденъ ли будетъ при этомъ постъ вашъ?...»[2]).

Современникъ Барановича Антоній Радивиловскій въ одной проповѣди говоритъ, что въ древнее время «будь кто былъ княземъ, гетманомъ, архіереемъ, іереемъ и проч. наподлѣйшему еднакъ назывался братомъ... Иншій теперь далеко межи христіанами обычай. Вынесетъ кого Богъ на старшинство, обдаритъ мудростью, шляхетностью, богатствами, то уже ся подлому человѣку не чинитъ братомъ, але господиномъ»[3]).

Южнорусскіе писатели стремились къ тому, чтобы словамъ отвѣчали дѣла, чтобы не было фальши и лицемѣрія въ проповѣди. Такую мысль совершенно ясно высказалъ Радивиловскій въ «Огородкѣ» (въ Словѣ во вторникъ свѣтлой недѣли): «Такихъ теперь власне потреба учителей, которыи бы были сильны дѣломъ и словомъ; того который зъ нихъ поспольство учитъ словами, абы тое самъ наперед дѣломъ показалъ... Бо учитель, который иншихъ учитъ, а самъ того не чинитъ, есть власне, яко звонъ, который иншихъ до церкви взываетъ, а самъ зостаетъ за церковью».

---

1) Письма Л. Барановича, 17.
2) Письма Л. Барановича, 178, 193, 194, 197.
3) Радивиловскій, Огородокъ, р н д.

Digitized by Google

Свѣтлымъ и отраднымъ проявленіемъ общественной жизни въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, было взаимное ученое и литературное содѣйствіе писателей, напримѣръ, Лазаря Барановича, Иннокентія Гизеля и Іоанникія Галятовскаго, Лазаря Барановича и Ѳеодосія Софоновича, Димитрія Туптала и Стефана Яворскаго. Литературная сообщительность отчасти обусловливалась тѣмъ, что всѣ эти писатели, со включеніемъ сюда и бѣлорусса Симеона Полоцкаго, были питомцами одного и того-же высшаго учебнаго заведенія, кіевской коллегіи, учились здѣсь почти въ одно и то-же время и, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, іерархическое ихъ положеніе было довольно сходно. Другая причина ихъ духовнаго единенія и взаимной поддержки кроется въ томъ, что главный врагъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же, — воинствующій католицизмъ. Духовному единенію южно-русскихъ писателей содѣйствовала непогасшая искра національнаго малорусскаго самосознанія. Они отдѣлялись довольно рѣзкой чертой самобытности отъ великороссовъ, которымъ охотно удѣляли часть своихъ познаній. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей украинской наукой и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожить представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда главнымъ образомъ проистекала нравственная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мысли и взаимная поддержка. Національное самосознаніе согрѣвало ихъ, укрѣпляло ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, удвояло ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обезпечивало за ними значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и приводило къ литературному побратимству.

Южнорусскихъ ученыхъ часто смущала хорошо сознаваемая ими отсталость отъ Запада, отъ той западной католической науки, которой часто похвалялись польскіе писатели. Въ предисловіи къ Требнику 1646 г. Петръ Могила говоритъ, что «противники.... безъ зазрѣнія совѣсти обзываютъ нашихъ неу-

Digitized by Google

ками»[1]). Научная взаимная поддержка признавалась южнорусскими учеными необходимой. Въ особенности къ ней стремился Лазарь Барановичъ. «Никогда, писалъ онъ въ 1669 г. Иннокентію Гизелю, не стыдился я отдавать свои сочиненія на судъ умовъ высшихъ, и начиная съ главы, отъ вашей пречестности, покорнѣйше прошу всѣхъ кіевскихъ отцовъ игуменовъ соблаговолить на досугѣ пересмотрѣть тетрадки съ моими виршами (подраз. Lutnia Apollinowa)... Если, по усмотрѣнію вашему, угодно будетъ что-либо выбросить, то я охотно готовъ повиноваться и очень буду благодаренъ за ваше предостереженіе»[2]).

Приготовляя для печати направленное противъ католиковъ полемическое сочиненіе «Nowa tiara», Барановичъ въ 1671 г. писалъ Гизелю: «мнѣ бы хотѣлось соображаться въ моей «Мѣрѣ» съ вами и отъ васъ, не краснѣя, поучаться. Лучше же намъ поправить свои труды тихонько между собою, нежели возьмутъ ихъ на зубы, а потому нужно ихъ хорошо выточить, такъ чтобы было чѣмъ заняться, когда начнутъ грызть; нужно такую имъ приготовить костку, чтобы имъ въ горлѣ стала»[3]).

«Костка» бывала различна, по характеру писателя, и по степени начитанности. Большей частью полемика имѣла очень рѣзкій тонъ. Изъ религіозно-полемическихъ сочиненій мы узнали, что Кириллъ Терлецкій вывезъ изъ Рима скабрёзныя картинки, что Стефанъ Зизаній не зналъ, кто его отецъ, что у Кассіана Саковича не было одного уха. Петръ Могила, особенно склонный къ рѣзкимъ выраженіямъ, не стѣснялся высказывать въ печати предположеніе, что ухо у Саковича съѣдено свиньей[4]). И ранніе писатели, какъ Іоаннъ Вышенскій, и писатели конца XVII ст., какъ Гизель, Симеонъ Полоцкій, охотно прибѣгали къ рѣзкимъ выраженіямъ. Духъ нетерпимости и насилія часто сквo-

1) Пекарскій, въ Отеч. Зап. 1862, 578.

2) Письма Лазаря Барановича, 75.

3) Письма Лазаря Барановича, 156.

4) Сумцовъ, въ кн. о Лазарѣ Барановичѣ и Гизелѣ, 4 и др. Кояловичъ, Лит. ц. унія II, 34.

Digitized by Google

зитъ въ самомъ способѣ выраженія. Такъ, питомецъ южнорусской науки Симеонъ Полоцкій въ Жезлѣ Правленія при обличеніи Никиты Пустосвята ставитъ себѣ задачей «обезглавить сего Голіафа, тоже уды его и вся тѣлеса полчища его птицамъ и звѣрямъ отдати»[1]).

Рѣзкость полемическаго тона встрѣчала, однако, отпоръ среди самихъ же южнорусскихъ ученыхъ, и въ этомъ отношеніи весьма характерны многія замѣчанія Лазаря Барановича въ его письмахъ къ литературнымъ друзьямъ. Такъ, въ письмѣ къ Ѳеодосію Софоновичу 1670 г. Барановичъ говоритъ, что въ своемъ отвѣтѣ на «Старую Вѣру» Бойны онъ «клеймилъ его, но безъ посмѣянія, острилъ, но безъ колкости». «Если въ чемъ не соблюдено вѣжливости, писалъ онъ въ томъ же 1670 г. Иннокентію Гизелѣ, посылая ему на просмотръ свой отвѣтъ Бойнѣ, то чтобы онъ (т. е. Бойна) не считалъ насъ невѣждами, я не прочь что-либо и обрѣзать». Въ письмѣ къ Гизелю 1671 г. Барановичъ говоритъ, что нужно «дѣло свое весть спокойно, какъ должно или даже съ уваженіемъ» и приводитъ въ подтвержденіе слова изъ 54 псалма—«слова ихъ нѣжнѣе елея; но они суть обнаженные мечи». Особенно характерно выраженіе въ письмѣ Барановича къ Гизелю отъ 18 декабря 1672 г.: «Писать задористо я не совѣтую, и самъ такъ не пишу, а развѣ гдѣ-либо слегка уколю остро того; но и тутъ, по обыкновенію моему, тотъ же часъ ограничиваю, высказавши впрочемъ свое»[2]).

Между школой и литературой всегда было большое взаимодѣйствіе. Въ настоящее время литература пріобрѣла уже значительную самостоятельность, и вліяніе на нее школы далеко не такъ значительно, какъ это было въ старину. Иначе дѣло обстояло въ XVII ст. Наука, литература и даже народная словесность находились въ очень большой зависимости отъ строя и направленія школы; такъ какъ южнорусская школа въ это время была

1) Жезлъ Правленія, листъ 18.
2) Письма Лазаря Барановича, 103, 107, 156, 180.

Digitized by Google

схоластическая, то схоластика просачивалась въ большей или меньшей степени во всѣ другія проявленія умственной жизни народа, въ особенности въ науку и неразрывно съ ней связанную литературу. Толкованіе Св. Писанія стало крайне искусственнымъ. Вмѣсто простыхъ старинныхъ гомилій пошли хитроумныя и витіеватыя казанія, съ ссылками на Аристотеля и средневѣковыхъ схоластическихъ писателей. Вмѣсто науки все болѣе и все чаще встрѣчается высокомѣрное и пустословное умничанье, хвастовство начитанностью, казуистическое богословіе. Въ моду входятъ шутливые и юмористическіе пріемы, часто вполнѣ неумѣстные, безпочвенный панегиризмъ, чрезмѣрное пристрастіе къ тропамъ и фигурамъ, чрезмѣрное привнесеніе латинскихъ и польскихъ словъ. Такова была въ XVII ст. и польская схоластическая наука и литература, служившая для малороссовъ часто образцомъ или источникомъ. По основательной оцѣнкѣ Ѳеофана Прокоповича, писатели схоластики вовсе не заботились объ изученіи Св. Писанія, но какъ попало пользовались имъ, чтобы прихвастнуть краснорѣчіемъ [1]). Такіе дѣятели, какъ Ипатій Потѣй, вошли всецѣло въ кругъ польскихъ схоластическихъ литературныхъ манеръ. У Потѣя много примѣровъ изъ классической древности, часто встрѣчаются аллегоріи и искусственныя толкованія Св. Писанія [2]).

Схоластика въ первой половинѣ XVII ст. проявлялась въ литературѣ спорадически, и многія произведенія этой эпохи отличаются большой жизненностью, напримѣръ, Перестрога и посланія Іоанна Вышенскаго. Во второй половинѣ XVII ст. схоластикой отравлена почти вся украинская литература. Схоластическіе ораторы и проповѣдники, Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, при большой литературной производительности, въ отношеніи науки и литературы представляются большей частью пустоцвѣтами. Они избѣгали входить въ существо разбираемаго

1) Мацѣевичъ, въ Труд. Кіев. Дух. Ак. 1870, IV, 139, 151, 1871, IV 215.
2) Трипольскій, въ Труд. Кіев. Дух. Ак. 1877, XII, 616.

Digitized by Google

предмета и довольствовались формальной логической правильностью посылокъ и заключеній[1]); вполнѣ правъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, называвшій «болтунами» южнорусскихъ проповѣдниковъ второй половины XVII ст. и ихъ западныхъ учителей[2]).

Наклонность къ «болтовнѣ» выражалась преимущественно въ виршеплетствѣ, въ прямой зависимости отъ западныхъ образцовъ и школьныхъ внушеній.

Какъ велико было увлеченіе виршеплетствомъ въ Польшѣ въ XVII ст. видно изъ любопытной автобіографіи Яна Маркевича и его наставленія дѣтямъ, со многими виршами собственнаго издѣлія. Янъ Маркевичъ переписывался виршами съ варшавскимъ мѣщаниномъ Зайдлицомъ. Въ XVII ст. въ Польшѣ чуть ли не всѣ, отъ короля до мѣщанина, стремились къ виршеплетству. Любопытно, что Маркевичу было тогда 52 года[3]).

И въ Малороссіи ученые и литераторы часто увлекались стихотворствомъ, безъ соотвѣтствующаго дарованія. Больше всего любилъ этотъ родъ занятій Лазарь Барановичъ, который отлично владѣлъ польскимъ языкомъ и, при дѣйствительномъ, хотя и небольшомъ поэтическомъ дарованіи, составилъ множество стихотвореній на польскомъ языкѣ (Lutnia Apollinowa)[4]).

Въ кіевскомъ коллегіумѣ на стихотворство обращали большое вниманіе, и это искусство привилось тѣмъ легче, что оно влекло за собой практическія выгоды. Кіевскіе ученые съ пользой для себя примѣняли его при прославленіи московскаго царя, польскихъ вельможъ, вообще людей богатыхъ и сильныхъ. Вирши преподносили въ день ангела, украшали ими посвящаемыя милостивцамъ книги.

Съ половины XVII ст., со времени Петра Могилы, надолго

---

1) Подроб. см. въ моихъ изслѣд. о Галятовскомъ, Барановичѣ и Гизелѣ 1885 г.

2) Мацѣевичъ, въ Труд. К. Д. Ак. 1871, IV, 214.

3) Kubala, Szkice historyczne, Lwow, 1880, II, 310—312.

4) Подроб. см. въ моемъ соч. о Лазарѣ Барановичѣ.

Digitized by Google

и прочно установилось виршеплетство при изданіи книгъ, въ частности виршеплетство гербовое. Предметомъ большого восхваленія сталъ гербъ Петра Могилы. Въ Апостолѣ 1654 находится стихотворное объясненіе герба Желиборскихъ; въ Тріоди Постной 1664 — вирша на гербъ Желиборскихъ. Лазарь Барановичъ потратилъ много усердія на прославленіе п. Алексѣя Михайловича [1]).

Появившись впервые среди литовско-русскаго дворянства католическаго вѣроисповѣданія въ XV ст., гербы получили быстрое распространеніе въ XVI и XVII ст., независимо отъ вѣроисповѣданія, среди некрупнаго дворянства. Шляхетское самохвальство въ Польшѣ процвѣтало, причемъ паны старались возводить свой родъ въ отдаленную древность [2]). Южноруссы подражали полякамъ. Петръ Могила производилъ свой родъ отъ Муція Сцеволлы, Ипатій Потѣй—отъ Владиміра Святого и т. д. Іезуиты «цѣлые полтораста лѣтъ наполняли Польшу дымомъ отъ сжигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами ѳиміама. Гербы толковались и восхвалялись повсюду — въ проповѣдяхъ, эпитафіяхъ, панегирикахъ, предмовахъ къ книгамъ, рѣчахъ». Малороссы въ этомъ отношеніи были учениками и подражателями поляковъ. Литературное попрошайничанье было въ обычаѣ. Напримѣръ, Памва Берында, посвящая въ 1627 г. свой «Лексиконъ» панамъ Балабанамъ, просилъ ихъ не оставить своими милостями, какъ его, Памву Берынду, такъ и его «чадо» Лукіана Берынду [3]). Но что значитъ это скромное и простодушное заискиваніе передъ милостивцемъ сравнительно съ литературной продажностью нашего времени, со многими проявленіями оффиціальной и полуоффиціальной печати, и да не будетъ бѣдному старому Берындѣ никакого укора!

---

1) Родосскій, въ Христ. Чтеніи 1881, іюль — августъ.

2) Wisznewski, Hist. liter. VII, 352.

3) Голубевъ, Опис. и истолк. дворян. гербовъ южнор. фамилій, въ Труд. Кіев. Дух. Ак. 1872, X.

Digitized by Google

Если въ однихъ случаяхъ мотивомъ къ стихотворству, къ прославленію гербовъ были практическія соображенія или сервилизмъ, то въ другихъ могло руководить увлеченіе «эмблематической поэзіей». Самое выраженіе «эмблематическая поэзія» принадлежитъ Лазарю Барановичу въ его письмѣ къ Варлааму Ясинскому 1665 г. Подъ «эмблематической поэзіей» Барановичъ разумѣлъ большія и сложныя «форты», т. е. заглавные въ книгахъ листы съ рисунками. Какъ сильно интересовался Барановичъ фортой и въ какой степени участвовалъ въ разработкѣ ея содержанія видно изъ чрезвычайно подробно описаннаго имъ проекта форты къ «Трубамъ словесъ проповѣдныхъ». «Я начертилъ было къ праздничнымъ проповѣдямъ большую форту, писалъ Лазарь къ Ясинскому въ 1665 г.; но какъ она была написана неразборчиво, то ее, какъ загадку, и не разобрали; теперь пишу ясно: Христосъ — книга живота, посрединѣ, вдоль книги, крестъ; книгу держатъ первоначально пресв. Богородица Дѣва, всѣ ангелы и святые, на память которыхъ находятся проповѣди; расположить ихъ такимъ образомъ, какъ требуетъ живописное искусство и этими изображеніями окаймить края (форты) въ такомъ порядкѣ: сверху книги изобразить пресв. Дѣву, держащую обѣими руками книгу, около нея архангела Михаила и другихъ ангеловъ, поддерживающими одною рукою Богоматерь, а другою — книгу; по сторонамъ пророковъ — Іоанна Крестителя и Илью; ниже ап. Петра и Павла, потомъ мучениковъ Георгія и Димитрія; потомъ мученицъ св. Варвару и Параскеву; Іоакима и Анну въ смыслѣ зачатія; потомъ святителей Василія, Григорія, Златоустаго, св. Николая, Петра, Алексѣя и проч.; подъ книгою преподоб. Антонія и Ѳеодосія, какъ бы копающими пещеры подъ землею. Надпись: въ книзѣ твоей всѣ напишутся. Когда бы форта эта хотя отчасти такъ была нарисована, то было бы весьма кстати, если на ней представленъ будетъ кругъ годичныхъ праздниковъ въ лицахъ. Пресв. Дѣва, такъ какъ соборъ ея празднуется, должна быть въ вѣнчикѣ; «чрево твое, яко стогъ пшеницы», — у чрева пшеница; это должно означать плодородіе

Digitized by Google

года. По одну сторону чертогъ пресв. Дѣвы, со щитами: «яко столбъ Давыдовъ, тысяча щитовъ виситъ на немъ»; а по другую сторону для соотвѣтственности — столбъ св. Симеона, и самъ онъ въ вѣнчикѣ. Пресв. Дѣва одѣяна солнцемъ; это будетъ означать теплоту лѣта; «нѣсть иже укрыется теплоты его», а Симеонъ проливаетъ слезы; отъ такого только дождя должно ожидать урожая. Изъ облаковъ рука благословляетъ лѣто, и держитъ вѣнецъ; надпись: «Десница Господня сотвори силу». Предъ зачатіемъ ангелы держатъ чистое зеркало, на которое ударяетъ солнце съ надписью «свѣтлые дни», а другіе (ангелы) бѣлый, чистый свитокъ, приготовленный для написанія единого слова, и съ неба рука—это означаетъ перстъ Отчій, которая напишетъ Слово. Изъ земли растутъ бѣлыя лиліи «смотрите, какъ кринъ растетъ». На обрѣзаніи въ одной рукѣ ножъ, а въ другой бумага съ кровью, на которой рука, пишущая первое Альфа; «сей есть пришедый водой и кровію». Ежели у насъ были для этого рѣзныя дощечки (образки), то вышла бы у насъ эмблематическая поэзія»[1]).

Таковъ былъ проектъ, большой и сложный, и сравненіе съ наличной фортой въ «Трубахъ» говоритъ о степени стариннаго типографскаго искусства.

Форты — какъ «эмблематическая поэзія» — были въ концѣ XVII ст. въ модѣ. Встрѣчаются они у Радивиловскаго, у Симеона Полоцкаго[2]).

Въ книжномъ дѣлѣ, при изданіи духовныхъ книгъ, въ предисловіи часто выдвигаются аппробаціи, т. е. одобренія высшихъ духовныхъ лицъ. Въ аппробаціяхъ соединялись цензура и рецензія. Разсмотрѣніемъ и одобреніемъ книгъ въ XVII ст. занимались кіевскіе ученые[3]). Въ предисловіи къ Октоиху львов-

---

1) Письма Лазаря Барановича, изд. 2, 22—24.

2) Напр. въ «Огородкѣ» Радивиловскаго 1676 г., въ «Жезлѣ Правленія» и «Вѣнцѣ Вѣры» Полоцкаго 1670 г. См. Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, 220.

3) Пекарскій, въ Отеч. Зап. 1862, II, 553.

Digitized by Google

скаго изданія 1630 г. выдвигается благословеніе и совѣтъ львовскаго епископа Іереміи Тисаровскаго.

Время изданія опредѣляется указаніемъ года, иногда мѣсяца и дня, иногда съ упоминаніемъ короля, митрополита или архіепископа, дававшаго благословеніе, съ поименованіемъ пановъ, дававшихъ средства на изданіе.

Свидѣтельствомъ серьезнаго вниманія къ интересамъ читателя служатъ предметные указатели въ концѣ книгъ, каковые иногда встрѣчаются у Галятовскаго, и распространенное заглавіе, дающее указаніе на содержаніе всей книги, напримѣръ, заглавіе сочиненія Галятовскаго «Боги поганскіе въ болванахъ мѣшкаючіе, духове злыи, тутъ же посполу ихъ розмаитыи злости написаны, жебы христіане правовѣрные могли отъ себя злыхъ духовъ отогнати и подкопати и наплевати и силу ихъ зламати и надъ ними тріумфовати» (Черниг. изд. 1686 г.).

Въ литературныхъ произведеніяхъ XVI—XVII ст. опечатки встрѣчаются часто, особенно въ славянской нумераціи. Южнорусскіе писатели признавали этотъ недочетъ. «Нѣкоторыя опечатки, говоритъ Кальнофойскій, подобно ворамъ, которые не входятъ дверями, а влѣзаютъ въ скважины, забрались и въ мою литературную изгородь. Какъ бы то ни было легко, православный читатель, въ стадѣ отличить хорошихъ овецъ, а, отличивши, выкинуть дурныхъ; точно такъ хорошій пастухъ отдѣляетъ паршивыхъ ягнятъ, пасѣчники удаляютъ отъ пчельника осъ, сѣятель очищаетъ пшеницу отъ куколя».

Отмѣчая лучшія стороны учено-литературной дѣятельности украинскихъ писателей XVII ст., нужно выдвинуть ихъ заботы о распространеніи просвѣщенія, ихъ стремленіе послужить «посполитымъ людемъ русскаго языка», ихъ преданность родному краю, въ особенности ихъ желаніе работать сообща, въ формѣ учено-литературныхъ кружковъ, при взаимной поддержкѣ. Потребности науки съ тѣхъ поръ чрезвычайно возросли; дифференціація знаній пріобрѣла громадные размѣры; неизмѣнной остается одна живѣйшая потребность взаимнаго общенія людей

Digitized by Google

науки, организованные съѣзды и союзы, полная свобода научныхъ собраній и свобода слова. Пусть же исполнится пожеланіе, высказанное южнорусскими учеными болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, чтобы «вшелякія школы можно было фундоваты вольно». Пусть исполнится и другое ихъ пожеланіе, чтобы «дѣтки на родномъ языкѣ смыслы свои острили». Пусть эта первоначальная стадія просвѣщенія поднимется до такой степени, чтобы оправдалась надежда Лазаря Барановича, что «настанетъ время, когда русскіе не будутъ нуждаться въ посторонней помощи» и пусть, наконецъ, настанетъ такое время, которое, въ подражаніе Захарію Копыстенскому, можно было бы назвать временемъ «умѣетности и правды».

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Digitized by Google

Діалектологическія замѣтки.

VII. Къ діалектологіи общерусскаго произношенія: о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ.

Произношеніе русскаго литературнаго языка, какъ и каждаго другаго языка, не является вполнѣ однообразнымъ. Кромѣ болѣе замѣтныхъ отклоненій, происходящихъ отъ сохраненія говорящими особенностей своего роднаго нарѣчія или говора [напримѣръ изъ устъ малоросса, вполнѣ владѣющаго русскою литературною рѣчью, можно слышать произношеніе слów вм. слоф (словъ), jəwγə́ніj вм. jев̓ı̓є́н̓іj (Евгеній), изрѣдка даже подстановку *хв* вм. неконечнаго *ф*, и т. п.], общерусское произношеніе представляетъ еще болѣе тонкія діалектическія особенности. Къ числу послѣднихъ относятся *варіаціи въ смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго.*

Для изслѣдованія этого вопроса я составилъ списокъ словъ, содержащихъ возможныя въ русскомъ языкѣ комбинаціи изъ согласныхъ съ послѣдующими мягкими согласными. Этотъ списокъ словъ служилъ для моихъ собственныхъ наблюденій надъ произношеніемъ, а также имъ пользовались еще нѣкоторыя лица, обладавшія достаточною лингвистическою подготовкою, которыя впослѣдствіи доставили мнѣ свои записи. Такимъ образомъ у меня получилось десять записей, которыя и сведены теперь мною въ одну таблицу, гдѣ произношеніе каждаго отдѣльнаго лица помѣчено особою римскою цифрою. Всѣ наблюдаемые индиви-

Digitized by Google

дуумы принадлежали къ интеллигентному классу средняго Поволжья[1]) и потому приводимая далѣе таблица можетъ служить для характеристики особенностей въ данномъ отношеніи общерусскаго выговора этого района. Въ записяхъ, произведенныхъ мною (№№ I — IV), отмѣчалась и средняя степень смягченія, тогда какъ доставленныя мнѣ записи (V — X) отмѣчали лишь твердость и мягкость произношенія, при чемъ на мѣстѣ сомнительныхъ случаевъ ставился знакъ вопроса; по всей вѣроятности, эти случаи частію могутъ быть истолкованы въ смыслѣ средней смягченности.

Въ приводимой ниже таблицѣ я буду пользоваться слѣдующими сокращеніями: т = твердое произношеніе, м = мягкое, с = среднее, *т* (т. е. курсивное) = почти твердое.

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	а) Смягченіе передъ губными согласными.										
пп	1. Аппій	м	м	м	м	м	м	м	т	м	т
фп	2. впередъ	м(с)	м	м	м	м	т	м	т	м	м
мп	3. Харлампій	м	м	м	м	м	м	т	т	т	?
тп	4. *отперъ*	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
сп	5. спѣлый	м	м	с(м.*т*)	м	м	м	т	т	т	м
рп	6. корпія	м	м(с)	с	т	т	м	м	т	т	т
кп	7. къ *Петру*	т	т	*т*	т	т	т	т	т	т	т
бб	8. объ битвѣ	м	м	м	м	м	т	т	т	м	м
вб	9. вбить	м	м	м	м	м	м(?)	м	т	м	?
мб	10. комбинація	м	м	м	с	т	м(?)	т	т	м	м
—	11. дамбѣ	т	м	м	т(с)	м	т(?)	т	т	?	?
дб	12. *отбилъ*	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
зб	13. разбери	м	м	м(*т*)	т(м)	м	т(?)	м	т	т	?
рб	14. сгорбиться	м	м(с)	м	т(м)	т	м	м	т	т	т
—	15. въ горбѣ	т	м(с)	м(т)	т	т	т	м	т	?	т
гб	16. *согбенный*	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т

1) Изъ нихъ №№ III и IV связаны между собою близкимъ родствомъ (съ № 2-мъ менѣе близкимъ), равно какъ №№ VIII — X, что естественно сказывается и въ ихъ произношеніи.

Digitized by Google

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
пф	17. объ фигѣ	т	т(с)	*т*	т	м	т	т	т	?	?
фф	18. въ фигѣ	м	м	м	м	м	м	т	?	м	?
мф	19. амфитеатръ	с	т	с	с	м	т	м	т	м	?
тф	20. *отъ фини*	т	т	*т*	т	т	т	т	т	?	?
сф	21. съ физикой	м	м	м	м(т)	т	м	м	т	м	м
рф	22. арфистъ	м	м	—	т	м	т	т	м	м	?
нф	23. *Анфиса*	т	т	—	т	т	т	т	т	т	?
кф	24. *къ фини*	т	т(с)	—	т	т	т	т	т	?	?
бв	25. обвить	т	т	—	т	м	т	т	т	?	?
вв	26. въ видѣ	м	м	—	м	м	м	м	м	м	м
тв	27. твердый	м	м	—	с	т	м	м	м	м	м
дв	28. двинуть	м(с.т)	м	—	т	т	м	м	м	м	м
св	29. свѣтъ	м	м	—	т	м	м	м	м	м	м
зв	30. звѣзда	м(с)	м	—	м	м	м	м	м	м	м
рв	31. сорвешь	м	м(с)	—	т	т	м	м	т	м	?
кв	32. *къ Вѣрѣ*	т	т	—	с	т	т	т	т	т	т
гв	33. *хоруѣви*	т	т	—	с	т	т	м	т	т	т
бм	34. объ Митѣ	т	м(с)	—	с	т	т	м(?)	т	м	?
вм	35. вмѣстѣ	м	м	—	м	м	м	т	т	м	м
мм	36. аммiакъ	м	м	—	м	м	м	м	м	м	м
тм	37. *отмѣтка*	т	с	—	с	т	т	т	т	т	т
дм	38. *надменный*	т	т	—	с	т	т	т	т	т	т
см	39. смерть	м	м	—	с	м	м	м	м	м	м
зм	40. змѣя	м(с)	м	—	с	м	м	м	м	м	м
рм	41. кормить	м	с	—	с	м	м	м	т	м	?
км	42. *къ митѣ*	т	т	—	с	т	т	т	т	т	т
хм	43. *хмѣль*	т	т	—	с	т	т	т	т	т	?

б) Смягченіе передъ передне-язычными.

пт	44. *лапти*	т	т	—	с	т	т	т	т	т	т
фт	45. втирать	м	м	—	с	т	м	м	т	?	?
мт	46. *ломтя*	т	т	—	с	т	т	т	т	т	т
тт	47. Аттика	м	м	—	м	м	м	м	м	м	м
ст	48. стекло	м	м	—	м	м	м	м	т	м	?
рт	49. картина	м	т	—	с	т	м	м	т	м	?
—	50. картѣ	т	т	—	т	т	т	м	м	м	м

Digitized by Google

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	XI	X
нт	51. кантикъ	м	м	—	с	м	м	м	м	м	м
кт	52. *локти*	т	т	—	т	т	т	т	т	т	т
хт	53. *дѣтю*	т	т	—	т	т	т	т	т	т	т
бд	54. *обдѣлать*	т	т	—	т	т	т	т	т	т	т
вд	55. въ дикомъ	м(т)	с	—	т	т	т	т	т	т	?
мд	56. *самдѣли*	т	т	—	т	т	т	т	т	т	?
дд	57. поддѣть	м	м	—	м	м	м	м	?	м	м
вд	58. сдѣлать	м	м	—	м	м	м	м	?	м	м
рд	59. гордецъ	м	м(т)	—	т	т	т	м	т	м	?
нд	60. Кандія	м	м(с)	—	м	м	м	м	м	м	м
гд	61. *идъ*	т	т	—	т	т	т	т	т	?	?
пс	62. *объ силѣ*	с	т	—	т	т	т	т	т	?	?
фс	63. въ синемъ	м(т)	м	—	м	т	т	т	м	м	?
мс	64. *шамсикъ*	т	т	—	с	т	т	т	?	?	?
тс	65. *отъ сѣна*	т	т	—	т	т	т	т	т	т	т
сс	66. разсѣчь	м	м	—	м	м	м	м	м	м	м
рс	67. курсивъ	м	м(т)	—	т	т	т	т	т	м	м
кс	68. *къ силѣ*	т	т	—	с	т	т	т	т	?	?
бз	69. *объ зимѣ*	т	т	—	т	т	т	м	т	т	т
вз	70. взять	м(т)	м	—	м	м	м	м	т	м	?
мз	71. крымзѣ	т	т	с	т	т	т	т	?	?	м
дз	72. *отъ зимы*	т	т(с)	т	т	т	т	т	т	т	т
зз	73. съ зимы	м	т	м	с	м	м	м	м	м	?
рз	74. корзина	м	с	м	т	т	м	т	т	м	?
нз	75. пронзить	т	т	т	т	м	м	т	т?	м	?
—	76. бензинъ	м	т	с	т	м	м	м	т	м	?
—	77. Пензѣ	т	т	с	т	м	м	м	т	м	?
гз	78. *къ зимѣ*	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
пр	79. *придетъ*	т(с)	т	—	с	м	т	т	т	т	т
бр	80. брякъ	т	т	—	с	т	т	т	?	?	?
фр	81. фризъ	т(с.м)	т(с.м)	—	м	м	т	т	т	?	?
вр	82. время	т(м)	т(с)	—	с	м	т	м	т	?	?
тр	83. *смотри*	т(с)	т	—	т	т	т	т	т	т	т
др	84. дрянь	т	*т*	—	с	т	т	т	т	т	м(?)
ср	85. среда	м(т)	т(с)	—	т	т	т	м	т	?	?
зр	86. зрѣю	м(т)	т(с)	—	т	т	т	т	т	?	?
рр	87. Муррей	м	т	—	т	т	м	м	м	м	м

Digitized by Google

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
нр	88. *Генрихъ*	т	т	—	т	т	т	т	т	?	?
кр	89. *кряжъ*	т	с	—	с	т	т	т	т	т	т
гр	90. грязь	т	с	—	с	т	т	т	т	?	?
хр	91. *хрящъ*	т	*т*	—	т	т	т	т	т	?	?
пл	92. *плечъ*	т	с	—	т	т	т	т	т	т	т
бл	93. *блинъ*	т	с	—	т	т	т	т	т	т	т
фл	94. фляга	т(с)	т	—	с	т	т	м	т	т	?
вл	95. влечь	т	т	—	с	м	м	м	т	?	?
мл	96. земля	т	т	—	с	м	т	т	т(?)	?	?
тл	97. тля	с(м)	с	—	с	м	м	т	т(?)	?	?
дл	98. для	т(с)	с	—	с	м	т	т	т	?	?
сл	99. слѣпъ	м	м	—	м	м	т	м	м	м	м
зл	100. везлѣ	м	с	—	с	м	м	м	м	м	м
рл	101. марля	с	т	—	с	т	т	т	т	м	м
нл	102. *Стэнли*	т	т	—	т	т	т	т	т	?	?
кл	103. *клесть*	т	с	—	с	т	т	т	т	т	т
гл	104. *гляди*	т(с)	т	—	т	т	т	т	т	т	?
хл	105. хлѣбъ	т(с)	с	—	т	т	т	т	т	т	?
пн	106. *хлопни*	т	т	—	т	т	т	т	т	т	т
бн	107. *хлебни*	т	т	—	с	т	т	т	т	т	?
фн	108. Фифня	м	м(с)	—	м	т	м	м	т(?)	?	?
вн	109. *внизъ*	т	с	—	т	т	т	т	т	т	?
мн	110. *мнѣ*	т	т	—	т	т	т	м	т	т	?
тн	111. катнешь	м	м	—	с	м	м	м	т	т	?
дн	112. Дитѣстръ	м	м	—	с	м	м	м	?	?	?
сн	113. снять	м	м	—	м	м	м	м	?	т	м
зн	114. казнь	м	м	—	с(м)	м	м	м	м	м	?
рн	115. арника	м	т	—	с(м)	т	м	м	т	м	м
нн	116. Аннѣ	м	м	—	м	м	м	м	м	м	м
кн	117. *книга*	т	с	—	т	т	т	т	т	т	т(?)
гн	118. *тихой*	т	с	—	т	т	т	т	?	?	т(?)
хн	119. *сохнетъ*	т(с)	т	—	т	т	т	т	т	т	т

в) Смягченіе передъ задне-язычными.

пк	120. *папки*	т	т	с	т	т	т	т	т	?	м(?)
фк	121. въ китѣ	м	м	с	м	т	м	т	т	?	т(?)

Digitized by Google

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
мк	122. *замки*	т	т	с	т	т	т	т	?	?	т
ск	123. скинуть	м	т	м	т	т	м	м	т	м(?)	?
—	124. *носки*	т	т	с	т	т	т	т	?	?	?
кк	125. къ шту	м	м	м	м	м	м	т	?	?	?
хк	126. мягки	т(м)	м	м(с)	м	м	т	м	т(?)	м	м
бг	127. *объ гирь*	т	т	с	т	т	т	т	т	м(?)	м(?)
вг	128. въ гирѣ	м	м	м	т	т	м	т	т	?	?
дг	129. *отъ гири*	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
зг	130. сгинуть	м	т	м	т	т	м	м	т(?)	м	м
—	131. *розы*	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
рг	132. энергія	м	т	т	с	т	м	м	т	м(?)	(м?)
—	133. *тори*	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
гг	134. къ гирѣ	м	м	м	м	т	м	т	?	?	?
пх	135. *объ хиломъ*	т	т	т	с	т	т	т	т	т	т
фх	136. въ хиломъ	м	с	м(с)	м	т	м	т	т	м(?)	м(?)
тх	137. *отъ хитраго*	т	т	т	с	т	т	т	т	т	т
сх	138. схитрить	м	т	с	т	т	м	м	т	м(?)	м(?)
рх	139. Архипъ	м	м	с	с(м)	м	м	м	м	м	м
нх	140. *Анхизъ*	т	т	т	т	т	т	т	т	т(?)	?
кх	141. къ химику	т	с	с	м	т	т	т	(т?)	м	м(?)

Предлагаемую таблицу можно читать въ двухъ направленіяхъ — горизонтальномъ и вертикальномъ: А) въ первомъ случаѣ получается возможность видѣть всѣ индивидуальныя варіаціи въ произношеніи одного и того же сочетанія согласныхъ въ данной діалектической области, Б) во второмъ случаѣ мы слѣдимъ за смягчаемостью согласныхъ въ говорѣ одного и того же индивидуума и такимъ образомъ можемъ охарактеризовать типы произношеній въ той же діалектической области.

Разсматривая таблицу въ горизонтальномъ направленіи, не трудно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ предъидущій согласный сохраняетъ свою твердость въ произношеніи всѣхъ индивидуумовъ, тогда какъ въ иныхъ сочетаніяхъ предъидущій согласный произносится ими мягко; наконецъ, въ нѣкоторыхъ

Digitized by Google

группахъ предъидущій согласный произносится мягко не всѣми наблюдавшимися индивидуумами, но большею или меньшею частью ихъ, въ зависимости отъ чего мы можемъ подраздѣлить эти случаи опять на двѣ группы: съ преобладаніемъ твердаго или же мягкаго произношенія. Перечислимъ сочетанія согласныхъ для каждой изъ указанныхъ четырехъ группъ.

1) Предъидущій согласный въ произношеніи всѣхъ индивидуумовъ сохраняется твердымъ (соотвѣтствующія слова въ таблицѣ напечатаны курсивомъ): тп, кп, дб, гб, тф, нф, кф, кв, гв, тм, дм, км, хм, пт, мт, кт, хт, бд, мд, гд, пс, тс, кс, бз, тз, гз, тр, нр, кр, пл, бл, нл, кл, гл, пн, бн, вн, мн, кн, гн, хн, пк, мк, ск, бг, дг, зг, рг, пх, тх, нх.

2) Произношеніе всѣхъ индивидуумовъ согласно указываетъ на смягченіе (относящіяся сюда слова въ таблицѣ набраны жирнымъ шрифтомъ): пп, фф, вв, мм, тт, дд, сс, зз, нн; фп, мп, сп, вб, тв, дв, св, зв, см, зм, рм, фт, ст, нт, зд, нд, вз, сл, зл, тн, дн, зн, рн, рх.

3) Въ произношеніи предъидущаго согласнаго преобладаетъ твердость (слова въ таблицѣ напечатаны обыкновеннымъ шрифтомъ): пф, бв, бм, вд, рс, мз, нз, пр, бр, фр, вр, ср, зр, гр, фл, мл, рл, хл, кх.

4) Въ произношеніи предъидущаго согласнаго преобладаетъ мягкость (слова въ таблицѣ набраны разрядкой): рп, бб, мб, зб, рб, мф, сф, рф, рв, вм, рт, рд, фс, рз, нз, рр, вл, тл, дл, фн, фк, ск, хк, вг, зг, рг, гг, фк, сх.

Необходимо оговориться, что одно и то же сочетаніе согласныхъ можетъ находиться въ разныхъ условіяхъ, болѣе или менѣе благопріятныхъ для извѣстной степени смягченія. Повидимому можно установить слѣдующую градацію различій въ условіяхъ, начиная съ наименѣе благопріятныхъ: 1) группа находится внутри слова (или оканчиваетъ его) *послѣ твердаго или несмягчающаго гласнаго*, 2) группа не имѣетъ передъ собою ни-

Digitized by Google

какого гласнаго, т. е. *начинаетъ собою слово*, 3) группа находится внутри слова (или оканчиваетъ его) *послѣ смягчающаго гласнаго.*[1]) Такимъ образомъ болѣе детальное изслѣдованіе, чѣмъ наше, должно каждую группу изучить въ разныхъ фонетическихъ условіяхъ и, строго говоря, сравнивать смягчаемость разныхъ группъ можно только по отношенію къ однимъ и тѣмъ же условіямъ. Въ своемъ изслѣдованіи я не разбираю каждую группу во всѣхъ вышеуказанныхъ условіяхъ, но обыкновенно ограничиваюсь для каждой группы однимъ только примѣромъ. Цѣль моего изслѣдованія состояла въ изученіи произношенія *однихъ и тѣхъ же примѣровъ* по разнымъ индивидуумамъ, чтобы узнать, имѣются ли здѣсь индивидуальныя различія, и если имѣются, то нельзя ли ихъ охарактеризовать.

Что касается первыхъ двухъ группъ сочетаній, то мы не будемъ на нихъ останавливаться, въ виду отсутствія сколько-нибудь значительныхъ варіацій въ ихъ произношеніи. Наше вниманіе будетъ обращено на послѣднія двѣ группы, относительно

---

1) Такъ, иногда первый согласный смягчается только при предшествующемъ палятальномъ гласномъ (срв. С'е*р*'г'é j || т å *р* г'і, д'е р'é *в*'н'ї || д р ó *в* н'ї, б'е *н*'з'і н || п р å *н* з'і т'); изъ такихъ примѣровъ слѣдуетъ, что предшествующій палятальный гласный усиливаетъ или дополняетъ смягчающее дѣйствіе втораго (т. е. мягкаго) согласнаго и, наоборотъ, твердость предшествующаго гласнаго можетъ оказывать задерживающее вліяніе при смягченіи. Также нужно считаться съ различіемъ въ положеніи группы согласныхъ относительно *ударенія*. Однако вліяніе этого момента представляетъ особенно большія трудности для изслѣдователя. Напримѣръ, съ перваго взгляда казалось бы, что наиболѣе благопріятствуетъ смягченію положеніе группы въ слогѣ передъ удареніемъ, срв. ко*м*бина́ція || да́*м*бѣ, ка*р*ти́на || ка́*р*тѣ, бе*н*зи́нъ || Пе́*н*зѣ. Однако, если сравнимъ обратные случаи, какъ напримѣръ го*р*бѣ́ || сго́*р*биться, то придемъ къ другому выводу: твердость согласнаго должно объяснить въ приведенныхъ примѣрахъ (да*м*бѣ, ка*р*тѣ, Пе*н*зѣ, го*р*бѣ), представляющихъ собою падежныя формы съ палятальнымъ окончаніемъ, *аналогіей* къ падежнымъ формамъ съ твердымъ окончаніемъ, т. е. напримѣръ да́*м*бѣ↑да́*м*ба, го*р*бѣ́↑го*р*бу́и проч., тогда какъ въ другой категоріи словъ тѣ же группы согласныхъ находятся въ неподвижныхъ условіяхъ (ко*м*бина́ція, ка*р*ти́на, бе*н*зи́нъ, сго́*р*биться). При этомъ въ словѣ «Пе́*н*зѣ» согласный *н* послѣ палятальнаго гласнаго ожидался бы смягченнымъ, твердое же его произношеніе надо объяснить аналогіей; такимъ образомъ здѣсь имѣемъ случай столкновенія двухъ моментовъ, при чемъ перевѣсъ оказался на сторонѣ фактора аналогіи.

Digitized by Google

которыхъ мы должны разъяснить причины различій (варіацій) произношенія.

Прежде всего замѣтимъ, что варіаціи могутъ зависѣть отъ преобладающей склонности отдѣльныхъ индивидуумовъ къ смягченію согласнаго или же къ сохраненію его твердости въ зависимости отъ *индивидуальныхъ анатомо-физіологическихъ особенностей органа рѣчи*, какъ напримѣръ картавое *р* мало способно къ смягченію. Кромѣ того мы будемъ говорить о нѣкоторыхъ варіаціяхъ анатомо-физіологическаго характера (именно о *почти* твердомъ произношеніи согласныхъ) во второмъ отдѣлѣ статьи, посвященномъ именно характеристикѣ индивидуальныхъ типовъ произношенія.

Второй причиной различій произношенія является бо́льшая или меньшая степень *книжнаго вліянія* на произношеніе отдѣльныхъ лицъ. Это вліяніе обусловливается привычкою произносить слова соотвѣтственно ихъ написанію, т. е. напримѣръ въ группѣ согласныхъ предъидущій согласный произносится твердо, если въ правописаніи мягкость его не отмѣчена буквою ь (срв. *снѣлый*, *вмѣстѣ* и т. д.[1]) Сюда надо отнести въ особенности случаи двойныхъ согласныхъ, при произношеніи которыхъ первый согласный сохраняется твердымъ именно лишь въ случаѣ книжнаго вліянія, между тѣмъ какъ обычно (при отсутствіи указаннаго условія) онъ уподобляется слѣдующему мягкому согласному, напримѣръ *съ зимы*, *объ битвѣ*.

Слѣдующею причиною варіаціи въ смягченіи согласныхъ въ положеніи передъ мягкими согласными нужно считать *вліяніе аналогіи*. Оно обнаруживается во всѣхъ морфологическихъ ка-

1) Иногда книжное вліяніе или вліяніе письма имѣетъ, такъ сказать, временный характеръ, проявляясь тогда, когда передъ глазами индивидуума имѣется написаннымъ данное слово. Такъ, N обычно произноситъ j ɛ́ s'l'ĭ (если), но когда я предложилъ ему билетикъ съ написаннымъ ореографически тѣмъ же словомъ и попросилъ его прочитать это слово, то онъ произнесъ уже j ǽ s л ĭ, т. е. съ твердымъ s, очевидно потому, что въ ореографическомъ написаніи послѣ *с* отсутствуетъ начертаніе ь.

Digitized by Google

тегоріяхъ, кромѣ окончаній, т. е. — въ префиксахъ, корняхъ и основахъ, именно тогда, когда согласный, подлежащій смягченію, заканчиваетъ собою одну изъ этихъ категорій. А такъ какъ въ родственныхъ образованіяхъ слѣдующій за нимъ согласный можетъ быть не только мягкимъ, но и твердымъ, то и произношеніе предшествующаго согласнаго можетъ въ зависимости отъ этого различія варіировать относительно твердости и мягкости. Если въ такомъ случаѣ согласный передъ слѣдующимъ мягкимъ вмѣсто ожидаемаго смягченія сохраняетъ свою твердость, то можно предположить тутъ вліяніе аналогіи со стороны родственныхъ образованій (напр. ка*т*н'óш — по аналогіи къ ка*т*ну, м'á*х*к'ім — по аналогіи къ м'á*х*къму, *ф* хілъм — по аналогіи *ф* худóм). [1]) Необходимо имѣть въ виду, что подобные случаи могутъ объясняться и книжнымъ вліяніемъ, и весьма затруднительно различить дѣйствія этихъ двухъ факторовъ, тѣмъ болѣе, что они могутъ вліять совмѣстно. Если тотъ матеріалъ, который имѣется передъ нами, не даетъ вполнѣ надежныхъ выводовъ при опредѣленіи того или другаго вліянія, то очевидно, что изслѣдованіе народныхъ говоровъ, не затронутыхъ книжнымъ вліяніемъ, должно привести къ болѣе рѣшительнымъ заключеніямъ о дѣйствіи аналогіи.

Послѣднимъ факторомъ, вызывающимъ варіаціи, является сохраненіе *иностраннаго выговора* при произношеніи заимствованныхъ словъ. Эта особенность обычно наблюдается при близкомъ знакомствѣ произносящаго лица съ иностраннымъ языкомъ, хотя иногда, разумѣется, можетъ быть и слѣдствіемъ простаго подражанія (срв. произношеніе Му*рр*э́j, Шл'ó*сс*эр, ку*рс*'іф). Внѣ указанныхъ условій такія слова произносятся подобно природнымъ (напр. Му*р'р'*э́j, Шлó*с'с'*эр, ку*р'с'*іф).

Разсмотрѣвъ варіаціи, наблюдающіяся въ общерусскомъ вы-

---

1) Въ одинокихъ словахъ, по причинѣ отсутствія родственныхъ образованій, подобные случаи сохраненія твердости согласнаго должны объясняться книжнымъ вліяніемъ, въ случаѣ же отсутствія этого послѣдняго — анатомо-физіологическими особенностями даннаго произношенія.

Digitized by Google

говорѣ различныхъ индивидуумовъ избраннаго нами діалектическаго района въ отношеніи смягченія согласныхъ, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію таблицы въ вертикальномъ направленіи, т. е. къ общей характеристикѣ особенностей произношенія изучавшихся нами индивидуумовъ.

Читая таблицу въ указанномъ направленіи, мы прежде всего замѣчаемъ, что у разныхъ индивидуумовъ на общее число (141) взятыхъ примѣровъ приходится не одно и то же количество случаевъ смягченія. Подсчитавъ для каждаго индивидуума эти случаи, мы видимъ довольно сильныя различія въ склонности смягчать согласные звуки въ положеніи передъ мягкими согласными. Кромѣ указанія цифровыхъ различій въ смягченіи согласныхъ, мы присоединимъ нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу особенностей говора нѣкоторыхъ изъ изучавшихся индивидуумовъ.

I. На общее число примѣровъ приходится 63 случая полнаго смягченія, 4 случая средней мягкости и 73 случая сохраненія твердаго произношенія. Въ общемъ говоръ довольно мягкій, причемъ наблюдается чередованіе средняго произношенія одной и той же согласной группы частью съ мягкимъ произношеніемъ (фп, дв, зв, зм, фр, тл), частью съ твердымъ (пр, тр, фл, дл, гл, хл, хн). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чередованія вполнѣ мягкаго произношенія съ твердымъ твердое произношеніе можетъ быть отнесено на счетъ книжнаго вліянія или аналогіи.

II. Полнаго смягченія 51 случай, средней мягкости 17, сохраненія твердости — 73 случая. Особенность этого говора (женскаго) прежде всего заключается въ томъ, что въ группахъ, неподлежащихъ смягченію, твердые согласные звучатъ не вполнѣ твердо (напр. *объ* фигѣ), вслѣдствіе чего различіе акустическаго впечатлѣнія отъ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ нѣсколько уменьшается (однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ твердый согласный звучалъ всетаки вполнѣ твердо, напримѣръ въ словѣ шамсинъ). И въ данномъ произношеніи въ рядѣ случаевъ наблюдается чередованіе средняго произношенія съ мягкимъ

Digitized by Google

(рп, рб, рв, бм, нд, фн), частью съ твердымъ (пф, кф, дз, вр, ср, зр). Есть также случаи чередованія вполнѣ мягкаго произношенія съ твердымъ.

III. Наблюденія были сдѣланы не для всѣхъ примѣровъ, а только для 50, изъ которыхъ 20 случаевъ полнаго смягченія, 14 случаевъ средней мягкости и 16 случаевъ сохраненія твердости. При выговорѣ отдѣльныхъ словъ нерѣдко сказывается искусственное произношеніе, вызывавшееся вліяніемъ письма; такъ напримѣръ въ выраженіи «*об*ъ битвѣ» предлогъ и имя были произнесены совершенно раздѣльно, вслѣдствіе чего первый согласный не подвергался смягченію. Слѣдуетъ замѣтить, что вообще случалось наблюдать разницу между произношеніемъ написаннаго слова въ отдѣльности и того же слова въ текстѣ, при чемъ въ первомъ случаѣ смягченіе наблюдается рѣже, чѣмъ во второмъ (срв. слова *с*пѣлый, *раз*бери). Въ общемъ, въ произношеніи этого индивидуума случаи полнаго смягченія наблюдались слишкомъ рѣдко. Далѣе, въ его произношеніи встрѣчалась самая легкая степень смягченія (отмѣчена мною выраженіемъ «почти твердо») преимущественно тамъ, гдѣ въ произношеніи другихъ лицъ сохраняется твердый согласный (*с*пѣлый, *к*ъ Петру, *раз*бери, *об* фигѣ, *от* фиги). Въ этомъ отношеніи срв. настоящій говоръ (женскій) съ говоромъ предъидущаго лица (№ II, см. слова — *д*рянь, *х*рѣнъ). Эти случаи указываютъ, что кромѣ довольно хорошо различаемыхъ трехъ степеней твердости-мягкости (т. е. твердость, средняя мягкость и полная мягкость), нужно принять еще четвертую степень, лежащую между твердымъ и среднимъ произношеніемъ (а также пятую — между среднимъ и мягкимъ произношеніемъ, отмѣчаемую выраженіемъ «почти мягко»). Въ иностранныхъ словахъ смягченіе вообще отсутствовало, такъ какъ эти слова произносились на иностранный ладъ. Въ произношеніи этого же индивидуума долгій мягкій согласный (напр. *Аннѣй*, *въ фигѣ*) произносился съ очень незначительнымъ усиленіемъ звука, такъ что приближался къ простому; въ груп-

Digitized by Google

пахъ же *ф'п'* и *в'б'* (впередъ, вбить, въ синемъ) произношеніе придувныхъ почти не было слышно. Оба эти явленія представляются мнѣ связанными между собою, объединяемыя чертою редукціи.

IV. Полнаго смягченія 33 случая, средней мягкости 43, сохраненія твердости 65 случаевъ. Этотъ говоръ характеризуется обиліемъ случаевъ средней мягкости, срв. *к*ъ Вѣрѣ, хоругви, надменный, *к*ъ Митѣ, *х*мѣль, лапти (тогда какъ въ этихъ случаяхъ всѣ, или почти всѣ остальныя записи указываютъ на твердость согласнаго) || смерть *зм*ѣя, *т*вердый (между тѣмъ какъ прочія записи указываютъ на полное смягченіе согласнаго); средняя мягкость часто наблюдалась и при произношеніи иностранныхъ словъ, напримѣръ: ком*б*инація, дам*б*ѣ, ам*ф*итеатръ.

V. Полнаго смягченія 50 случаевъ, сохраненія твердости — 91 случай. Говоръ интересенъ нѣкоторыми уклоненіями отъ другихъ записей; такъ, встрѣчаемъ отдѣльные случаи смягченія тамъ, гдѣ всѣ прочія записи показываютъ твердость, какъ напримѣръ въ сочетаніи *б*в слова «об*в*ить», и наоборотъ, случаи сохраненія твердости тамъ, гдѣ обычно согласный смягченъ, какъ напримѣръ въ словѣ «*т*вердый». Что касается книжнаго вліянія, то вообще оно почти отсутствуетъ, проявляясь однако иногда въ предлогахъ или префиксахъ, срв. «*т*ирать».

VI. Полнаго смягченія 56, сохраненія твердости — 85 случаевъ.

VII. Полнаго смягченія 57 случаевъ, сохраненія твердаго произношенія 84 случая. Говоръ оказывается мягкимъ почти въ той же степени, какъ и предшествующій. Подобно пятому говору, у него встрѣчается иногда мягкость тамъ, гдѣ всѣ прочія записи представляютъ твердость, напримѣръ «об зимѣ».

VIII. Случаевъ полнаго смягченія 22, сохраненія твердаго произношенія — 106, неопредѣленнаго произношенія, отмѣчен-

Digitized by Google

наго знакомъ вопроса — 13. Говоръ въ высшей степени любопытенъ обиліемъ случаевъ твердаго произношенія, показывая, до какой степени можетъ простираться сила книжнаго вліянія. Этою особенностью говоръ отличается отъ двухъ остальныхъ того же семейства.

IX. Случаевъ полнаго смягченія 55, сохраненія твердости — 51, неопредѣленнаго произношенія 35.

X. Случаевъ полнаго смягченія 41, сохраненія твердости — 38, неопредѣленнаго произношенія — 62.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы изслѣдователи показали особенности въ вопросѣ о смягченіи согласныхъ также и для другихъ діалектическихъ районовъ русскаго языка, включая сюда и малорусскую вѣтвь, представляющую въ этомъ отношеніи существенныя особенности.

В. Богородицкій.

Казань.
Январь 1906 г.

Digitized by Google

Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ[1]).

XLI.

Въ позднихъ русскихъ рукописяхъ и, между прочимъ въ румынскихъ[2]), нерѣдко встрѣчается извѣстное Пророчество о судьбахъ «седмихолмнаго», найденное на гробѣ Константина Великаго въ Никомидіи. По свидѣтельству нѣкоторыхъ списковъ, въ томъ числѣ и греческихъ, оно объяснено патріархомъ Геннадіемъ[3]). По всей вѣроятности, происхожденіе его слѣдуетъ относить ко второй половинѣ XV вѣка, а найденный нами списокъ въ Сборникѣ русскаго письма начала XVII вѣка[4]) даетъ основаніе приписывать славянскій переводъ «Надписанія» Пахомію Логоѳету. Другихъ «священноиноковъ отъ святыя горы» мы не знаемъ, а такое обозначеніе встрѣчается послѣдовательно въ заглавіяхъ всѣхъ почти произведеній писателя-серба XV вѣка. Поэтому можно предполагать, что славянскій переводъ появился очень скоро послѣ составленія греческаго.

---

1) *Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ* томъ II, кн. 2, стр. 356—360; т. III, кн. 1, стр. 145—156; т. IV, кн. 2, стр. 423—475; т. V, кн. 4, стр. 1237—1271, т. VII, кн. 1, стр. 95—136. Настоящими десятью очерками (XLI—L) заканчивается первый выпускъ всей серіи «Мелкихъ текстовъ и замѣтокъ», къ которому въ оттискахъ будетъ прибавленъ указатель.

2) I. Bianu, Catalogul manuscriptelor românesc, fasc. III, p. 243.

3) Славная исторія Царяграда съ его пророками и предсказаніями прозорливыхъ мужей и мудрецовъ о будущемъ бытіи его. М. 1878, стр. 64—66.

4) Рукопись собранія свящ. о. Ѳеофила Гепецкаго (†), въ 4°, на 78 листахъ; въ XVIII в. рукопись принадлежала священнику Старой Ушицы Василію Немировскому.

Digitized by Google

стїси хризизмі́и.

На́писа́нїе начє́ртано ѿ нѣ́кїихъ сты́хъ проѕwрливыихъ ѻц҃ъ. и҆ѡ҃враже́но є҆ллі́нска хоудо́жьства зна́мє҃ни и҆ на ма́рмwри и҆скwпа́но на́ гро́вѣ҇ ст҃а́ костантина пръва́ц҃р҃ква хр҃тіан'скагѡ. во гра҇хъ нїкомидїи́стѣ҆. преведе́са на роу҃кы҇ а҆зы́къ ѿ с҃щенныйнока паxо́миа ст҃ы́а горы.

Пръва́ і҃ндікта ц҃р҃тко і҆зма́илево. наречє́нна́ махме́та і҃ма́. во є҃ъ повѣ́ди҃хъ рѣ҇ палешло́гѡ. сѣ́мшxолми́нѣ҃ ѡ҆дръжа́ти. и вни́жтрь є҆гѡ҇ ц҃р҃тькова҃хъ. народы мни́гы ра҇вїе҃. и҆ ѡ҆стровы ѡпоусто́ши. даже до че́рныа поучи́ны. и҆ подвна́вски҃хъ сосѣ́ ни҇ло́жи. Осма́ і҃ндікта, пелопони́съ оу҃пра҇дни́. Дева́таго инди́кта на сѣ́верныа стра́ны и҆ма́ коѣва҃хъ. Деса́та і҃ндікта долма́ты побѣ́дѣ҇ па́кы во҇вратитса ѥ҆ще вре́ма долма́тѣ҇. ѥwїнѹ҆ во҇двигнѣ҃ велїю ча́сть сте́рши и҆ мнѡ́ж'ства и҆ на рѹсы соберѹ҆. Вечє́рнїи по мо́рю и по сѫ́хѫ ѥwїнѹ҆ въстава́ и҆ и҆зма́ила побѣда́ҭ но́ исча́дїѥ҃ є҆ ц҃р҃твѹ҃ тон'ку ма́ло и҆ кра́тку. Нарѣ҇ же роу́сы҃хъ мѣна́ҭ бы́ти є҆вро́пїю. сѫ́щи҃хъ во а҆дє́товѣ҆ ча́сти. народи же роу́сїи. вкѫпѣ҆ съпричáстники всѣ҃ і҆змаїла побѣда́. седмохw҃мнѣ҇ ѥ҆млю҇ со прибы́тка҃хъ. Тогда́ ѥwїнѹ҆ во҇двигнѹ҆҃хъ ме҃҇доу сwбо́ю ѣ҆рацисa да҃хъ до па́та́ го́да. и гла́ свѣ́тлы во҇гласи́ три҃҇ды. стѡ́тє. стѡ́тє. стѡ́тє. съ стра́хѡ҇. и҆ поспѣши́тесa мнwготцва́тє҃нѣ҆ на wдїсно́ю стра́нѹ҆. мѫ́жа wѡра́цете прирождє́на. и҆ чю́дна. і҆ си҇҃на. того҇ і҆ма́тє влады́кѹ҆ себѣ҆. любїмѣ҃ мѡ҇ ѥ҆ і҆ ѥгѡ҇ прі҆е́мше тѣ҆ во́лю на́шѫ і҆спо́лнѝ.

Въ нѣкоторыхъ графическихъ пріемахъ приведеннаго текста можно съ полной вѣроятностью видѣть отголоски хорошаго въ смыслѣ выдержанности оригинала, характернаго не только для русскихъ «подражательныхъ» текстовъ начала XVI вѣка, но и для юго-славянскихъ рукописей.

Digitized by Google

XLII.

«Слово о немилостивыхъ и о богатыхъ, и о скончаніи земли русскія, и о пришествіи Господни», приписываемое въ заглавіи Іоанну Златоустому и списанное изъ какого-то «Цвѣтника старописнаго»,—заинтересовываетъ изслѣдователя однимъ уже заглавіемъ, напоминая «Слово о погибели русскыя земли». Но на дѣлѣ оказывается, что въ томъ по крайней мѣрѣ его видѣ, въ какомъ Слово читается въ концѣ сборника поморскаго письма XVIII вѣка Академіи Наукъ (нашего собранія № 96, лл. 109—111 об.), ничего нѣтъ о Руси,—и вновь найденное произведеніе русской письменности можетъ дать только косвенныя указанія на первоначальный составъ Слова. Судя по тому, что разныя части, или же разныя произведенія, слѣдуютъ другъ за другомъ (въ единственномъ извѣстномъ намъ спискѣ) въ механическомъ соединеніи, — можно заключить, что писецъ имѣлъ подъ руками уже испорченный оригиналъ съ перепутанными страницами. Какъ текстъ, Слово также не внушаетъ довѣрія и говоритъ о безграмотности одного изъ писцовъ, повидимому, старавшихся осмыслить болѣе старый текстъ; кромѣ того, въ немъ есть черты сѣверныхъ велико-русскихъ говоровъ.

Слово состоитъ изъ двухъ частей.

Первая часть вполнѣ соотвѣтствуетъ первой части заглавія: о немилостикыхъ і о богатыхъ, и обрывается на словахъ ап. Павла о лихоимцѣ и пьяницѣ. По всей вѣроятности, этотъ отрывокъ принадлежитъ Слову русскаго происхожденія или же какой то русской передѣлкѣ.

Вторая часть, отдѣленная нами и неотдѣленная писцомъ, представляетъ отрывокъ изъ Откровенія Меѳодія Патарскаго и соотвѣтствуетъ концу 6 отдѣла интерполированной редакціи (въ изданіи В. М. Истрина, стр. 124, строка 4) и 7 отдѣлу (безъ послѣднихъ 8 строкъ по тому же изданію, стр. 125 внизу); но помимо того, что редакція нашего списка иная, — писецъ такъ

Digitized by Google

исказилъ текстъ, что подводить къ нему разночтенія или исправлять его представляется немыслимымъ[1]).

кни́га цвет'никъ старопи́сной. сло́во і҆о҆анна златооу́стаго о҆ неми́лостивы҄х і҆ о҆ бога́тыхъ і҆ о҆ сконча́нїи земли роу́скїѧ, і҆ о҆ прише́ствїи госпо̑ни бл҃гослови̇ ѿч҃е.

Сі́и оу҆́бо гл҃ю на бога́тыѧ и҆́же нѣ податливы до́бре живоу҃ но оу҆карѧте ѕлыѧ и҆́же богате̑тво имеѧ а҆ во скоупости живоу҃ о таковы҄х бо пр҃ркъ дв҃дъ речѐ ѕбира́е҃ а҆ не вѣ҃с комоу̀ мо̑зи богати҄х живо҃ сво́й злѐ скончева́е҃ и҆ли ра҄збоиникъ того дела боудитѣ мл҃тивыи богатїи да цр҃ьствїе нб҃ное прїи́митѣ ѧ҆ко вино̀ на ҄хвое ра҄личаю҃ оу҆мны҃ на вѣселїе а҆ безоу́мны҃ на погибель и҄х аще та́ко богате́ство і҆ны҃ на спасе́нїе даетсѧ то на болшеи гре҄х и҆ на лютꙋ́ю моу́коу ино́е богате̑тво своею си́лою собрано и҆ное бога́тество̀ злогоубителное богатество проклѧ́тое сребролю́бїе немилостива с҃тыѧ кни́ги и҆доломо҄лга нарицаи . . . и е҆сть скоупъ сїи стѧжанїю своемоу г҃дноу (л. 109 об.) [оу]мретъ богатество і҆но останетсѧ точїю приставникъ и҆ рабъ и҆ стра̑ вели҃ бо скоупыи мѧ оу҆резати не҄жли что́ дати ѿ именїѧ свое҄го к цр҃ква҃ и҆ли к ни́щи҃ б҃га ради. добро ѕѣло богатество̀ оу҆ милостива чл҃ка ѕло҄ е҆сть і҆менїе оу скоупого в не҄же нѣсть оучастїѧ бл҃го̑ловенныи маѯи҃ и҆сповѣдникъ о҆ то̑же гл҃етъ ѧ҆ко корабь боурѧ потопи҃ тако́ и҆ богатество д҃шоу потопи҃ мира сего слава па́гоуба д҃ши неразоумныи нѣсытыи именїе҃, подобе̑ е҆сть пїѧ́нице лихои́мец же люби҃ збира́ти мно́го а҆ силно пиетъ ѧ҆ко работае҃ пїѧ́ница пі́тїю та́ко і҆ нѣсытъ і҆менїе҃ нѣправдами собирае҃ лихои́мїю о́чи о҆слеплѧю҃ а҆ пїѧ́нице о҆́чи х'мель о҆мрачае҃ ѿ скоупости о҆гло҄х нищи҄х воплѧ не л҃ыши҃ а҆ сего д҃ша пїѧ́н'ство҃ глоуха с҃ты҄х словесъ нѣ слыши҃ почитаемы҄х о҆ба дїѧволꙋ работаю҃ а҆ не б҃гоу они҄ бо б҃гъ

---

1) Укажемъ только нѣсколько искаженій реальнаго характера: племянницы вм. плѣнницы, со вторицею вм. сторицею, синія вм. сіона, макидринскій вм. македонскій, бренинъ вм. гречинъ, Пура юденскаго вм. Пора индѣйскаго, жупелищае вм. жупеличеи; имена языческихъ царей почти неузнаваемы.

Digitized by Google

рече лихоимецъ і пїѧница братїѧ єсть дїѧволоу тѣмже нѣ оукарѧетъ лихоимецъ пїѧницоу а пїѧница нѣ осоужаетъ (л. 110) лихоимца. апⷭ҇лъ павелъ рече лихоимецъ и пїѧница цⷭ҇твїѧ бж҃їѧ не наследѧ҃.

гдⷭ҇не цⷭ҇рю михаиле мы єсмы племѧнницы а хрⷭ҇тїѧнѣ ѿ кождо во свою ѿчиноу ѿпоускати тогда и҆маиловичи на ро҆гонѣнїе з҆бероутсѧ на овчи поле станоу на коне҆х. и во стремена҆х начноу роуки своѧ давати і ороужїѧ своѧ бж҃е да єси намъ побѣжати і пленити зелю а нн҃ѣ ѿѧлъ єси црⷭ҇тво то уже і оружїе свое во҆ми ѿ на҃ тогда же вземше злата и сребра много і пришѐ поклонїтисѧ на колени глюще ѡ великїи цⷭ҇рю михаиле намъ бысть да҃ бг҃ъ црⷭ҇тво і се прїидохо҃ поклонити҃ тобе что вѣлиши твои рабо творити ѧкоже в роукоу твоею єсми тогда же михаи҃ греческїи со вторицею обоиме҃ и҆х скорбь і беда вѣлика алчни и жадни боудоу раби і рабыни і сами і жены и҆х и дети і начноу работа҃ і боуде҃ же работа и҆х горшѣ и҆х .р҃. кратичею. бы҃ работа и҆х горше и҆х. а михаилово црⷭ҇тво л҃. лѣ҃ (л. 110 об.) і не боуде҃ рати по всеи вселѣннѣи и оустрои гла... (д. б. грады) созижде҃ цⷭ҇ркви ст҃ыѧ і оустрои поуть до і єрⷭ҇лима до синїѧ и до июдеѧ ѧко҆ж было при црⷭ҇твїи и҆х єще же оустрои патрїархи і митрополиты иже ѿ арама сокровѣнїе боудоу кладови і начноу лопатами сыпа҃ злато и сребро все҃ люде҃ і обогатею҃ вси людїе і боудоу҃т нищїи аки боѧре а боѧре боудоу аки цⷭ҇ри ни татѧ ни ра҆боиника ни резоиица ни завистника ни чародѣѧ боуде҃ толко начноу пити і ѧсти бе҆ меры всю. л҃. лѣ҃, і забоудоусѧ не҆нати на҃ноу бг҃а ни чтоу ѿц҃а ни мт҃рь в҆падоу в҆ прелюбодѣиство с родо҃ свои і ра҆гнѣваесѧ на҃ гдь бг҃ъ гнево҃ вѣлики҃ за ҆лаѧ беззаконїѧ и҆х и повѣле гдь михаилоу скрыти҃ во островехъ морски҆х михаи҃ же вниде в корабль і внесе҃ єго ветръ во еди҃ остро҃ морскїи пребоуде҃ тоу до нареченнаго времени і ѿверзе҃ бг҃ъ горы запа҃ныѧ иже заключи алеѯан҆дръ макидонскїи гдеже бе филипъ цⷭ҇рь макидрин҆скїи ѿц҃ъ алеѯандро҃ тои бо филипъ цⷭ҇рь поѧ женоу алипїѧдоу. дщерь цⷭ҇рѧ еѳиопскаго ѿ неѧже родисѧ алеѯандръ бренинъ ѧже бе храбръ велми сотвори же алеѯандръ

а҆леѯандрїю великъ гра́дъ цр҃твова в нє҃ .л҃. мѣ҃ сє́и бо а҆леѯандръ шє҃ на запа҃ оу҆би цр҃ѧ перскаго дарьѧ ѿтоле шє҃ оу҆би цр҃ѧ перскаго и҆ поура юде́искаго і҆ поплени многи земли и҆ грады поиде воюючи до земли є҃ж, нарицаєсѧ сл҃нчнаѧ и҆деже виде нечистыѧ люди и҆же соу҃. а҆фи́тови вноучи і҆ виде а҆леѯандръ нѣчистотоу и҆х и҆ почюдисѧ, є҆да́ о҆убо всѧкое живо҃ное жоупѣлищае тва҃ гноу҃но бо є҆сть і҆ скаредно комары і҆ мыши і҆ кош'ки и҆ и҆нїи мертвыѧ нѣ погребаю҃ но ѧдѧхоу и҆ сиѧ всѧ а҆леѯандръ виде і҆ оу҆боѧ҃ гл҃ѧ є҆гда сїи дадоу҃ места ст҃а́го и҆ земли ст҃ыѧ ѿ скверн҃ъ свои҆х тогда на́чноу҃ молити҃ бг҃оу со страхо҃ великимъ зело и҆ повеле собратисѧ и҆ всє҃ моужє҃ и҆ женамъ и҆ позна и҆х а҆ са҃ поиде воследъ и҆х і҆злести҃ о҆ нихъ тогда же помолився со страхо҃ велики҃ и повеле цр҃ь северски҃ гора҃ растоупити҃ на, в҃і. лако҃ (л. 111 об.) а҆леѯандръ закова место то железными враты и соун'клито҃ замаза то не могꙋ ни о҆гнє҃ же́щи вещ' бо сїѧ такова соункли҃ желѣзо его ни огнь его не ѕжє҃ в послє҃нїи҃ д҃нь боудє҃ пр҃рчествоу є҆зекїилевоу і҆ скончанїе мироу сего боудє҃ гогъ мого҃ на землю і҆зраильскоую є҆же соу҃ царь о҆боноу страноу севѣра се же соу҃ имена и҆х гогъ мого҆х девеко҃ анага аногъ а҆хинази҃ фиве́. о҆рти҃ коутъ дарзъ де́скимза завати҆онъ хало҃ а҆рамозигъ є҆ремиѧ҃ даровъ а҆лоисамъ тари҃ а҆разамадъ вси чаловѣцы нарицаютсѧ пес'ьѧ главы си҆х бо цареи .к҃. и҆ четыре и҆же загна а҆леѯандръ цр҃ь и҆ затвори ѧ го҆х боудє҃ изрила҃ и҆ держати і҆моу҃, д҃, страны по дватцети҃ человѣкъ а҆ги нѣ залетели. а҆ оу ни҆х боу́дє҃ .ѕ҃. роукъ а ноги скотїи оу҆ всѣ҆х по миха́илово цр҃ствїе за бе҆законїе родоу ч҃лвчоу ѿверзє҃ бг҃ъ горы запа҃ныѧ и҆ выскочатъ все кнѧзи і҆ постижетсѧ землѧ ѿ лица и҆хъ и҆ смоутѧтсѧ ч҃лвцы и бѣгати начноу҃ і҆ крытись.

Этими словами оканчивается академическая рукопись. Является вопросъ: принадлежали ли обѣ части разнымъ произведеніямъ въ одномъ изъ оригиналовъ нашей рукописи, или же вторая часть соотвѣтствуетъ одному изъ слѣдующихъ словъ заглавія: і о скончанїи земли роускїѧ, і о пришествїи господни?

Digitized by Google

Мы не думаемъ, чтобы отрывокъ изъ Откровенія Меѳодія соотвѣтствовалъ только словамъ «и о пришествіи Господни», а первыя слова относились бы къ какому то недошедшему Слову «о скончаніи земли русскія»; скорѣе интригующія слова заглавія — догадка какого-нибудь грамотея, увидавшаго въ «измайловичахъ», «сѣверныхъ странахъ» и въ самомъ содержаніи интерполированнаго Откровенія намекъ на ту же русскую дѣйствительность, которая въ другихъ рукописяхъ дала заглавія вродѣ «о послѣднихъ лѣтѣхъ осьмыя тысящи». Что же касается связи между двумя частями Слова, раздѣленными нами при изданіи текста, то случайная на первый взглядъ ошибка писца могла бы быть и неслучайной, такъ какъ нѣсколько позднихъ списковъ Откровенія начинаются пророчествомъ ап. Павла[1]), а первая часть Слова по нашему списку какъ разъ оканчивается словами ап. Павла. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ можетъ быть доказана и болѣе органическая связь между этими двумя частями.

XLIII.

Въ изслѣдованіи о Цамблакѣ мы разсмотрѣли «Житіе и жительство светаго великомученика въ царехъ Стефана Срьбскаго, иже въ Дечахъ, съписано Григоріемъ мнихомъ и пресвитеромь, игуменомь бившимь тоеже обители», главнымъ образомъ, съ исторической стороны, указали кое-что изъ литературы вопроса и старались опредѣлить время его составленія[2]); разборъ памятника со стороны литературной и указаніе всѣхъ списковъ его будутъ сдѣланы нами особо. Приведенные въ изслѣдованіи отрывки взяты изъ сборника Національнаго Музея въ Буку-

1) В. Истринъ, Откровеніе, стр. 228 — 229.
2) Григорій Цамблакъ. Спб. 1904, стр. 141—146, 149—152.

Digitized by Google

рештѣ XV вѣка, по инв. каталогу № 162, по нашему описанію— № 151[1]). Въ той же рукописи читается служба св. Стефану (лл. 257 — 270) и проложное Житіе (лл. 270 — 271), до сихъ поръ неизданное по одному изъ наиболѣе старыхъ и исправныхъ списковъ. Какъ историческій источникъ, проложное Житіе не представляетъ значенія, потому что данныя его восходятъ къ работѣ Цамблака. Кѣмъ были составлены служба и проложное Житіе, — неизвѣстно, и этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ изданія какъ всѣхъ произведеній Цамблака, такъ и службы. Тѣмъ не менѣе, можно указать на одно позднее сербское свидѣтельство, именно Родословъ, въ которомъ и главные факты изъ исторіи Стефана III Уроша, и описаніе Дечанскаго монастыря приводятся по Цамблаку, послѣ чего авторъ говоритъ: «и о семь не моштно ѥсть слово въ дольготу (вар. тешко) прострѣти, вѣдаеть бо вьси, ꙗко такова вешть ѥстьство чловѣчьскоѥ поноуждаеть сльзити», прибавляя: сьписа же слоужбоу ѥго и житиѥ Григориѥ Цамбьлакь[2]). Приводимъ ниже текстъ этого краткаго Житія по Букурештской рукописи, въ которой оно, какъ помѣщенное за службой, читается безъ заглавія.

Сьи с҃тыи пр҃нопомними стефань, сн҃ь бѣше милоутина цр҃а срьбьскаго. бл҃гочтивла соущаа и с҃та моужа. кь ѥмоуже ѡклеветань бивь. ꙗко цр҃тво ѥго хощеть силою ѿѥти. ѥть бываѥть. и прьвѣѥ оубо томоу избадають ѡчи. таже и вь цр҃иградь посилаѥтсе вь заточенїе. и тамо седмолѣтно прѣпроводїи врѣме. вь ѡбитѣли сице наричемѣ пантократоровѣ. сльзами многыими и вьздиханми. и честими мл҃твами б҃оу оугождаѥ. ꙗко игоуменоу ѡбитѣли и всѣмь братїамь дивитисе, и ѡбразь пользе того имѣти. нь и самомꙋ цр҃оу того често призивати кь себѣ. слишавшаа ꙗже ѡ нѥмь. иже и ѿ нѥго наоучень бивь. акїн-

1) Славянскія и русскія рукописи рум. библіотекъ, стр. 477—478.
2) Гласник, LIII, 10—11, 38.

Digitized by Google

дїнатскые ереси начелникы прогна. и съмирѣнїе ѿсоу̀ прїѣть цр҃ковь. таже ѿ заточенїа бж҃ѣмь соудомь призванъ бывь, wчима видѣ wко и прѣжде. и оу (л. 270 об.) ѿц҃а бывь ловзаютъ дроугъ дроугъ. и проiменїе междоу собою прїемлютъ. таже мало нѣчто того ѿц҃ь пожывь къ г҃оу wтиде. ть же м҃тѳѣ коупно и ц҃рквоу̀ прѣемникъ бысть. еже и оуправи добрѣ. бж҃ѣмь wкрѣмлаѥ страхомь. толико же бысть милостывъ. wко не довлѣти нныхъ роуками къ раздан҃ю ницихъ. нъ и самъ по всѣ ноцы ходити. и симъ своею роукою подаѥти. съ҃зда же и wбитѣль прѣкрасноу̀ въ славоу̀ въседрьжителꙗ х҃а. и близь ке дроугоую wградоу. и тамо множьство много иже с҃iенного недоуга съвра. потрѣбными вьсѣми тѣхъ оутѣшаѥ. толико же въ м҃тѳѣ приспѣвь, таковыихъ попечен҃и сѝ. wкоже ѿ великыхъ wнѣхъ посникъ. имже обще ничтоже ѿ мирьскыихъ вѣше. имѣше же и сльзны дарь, съгласнѣише же м҃тѳы дѣло. сице доволнаа лѣта прѣвивъ. и въроученаа кмоу ѿ бг҃а добрѣ оустроивъ, wвлѣкѣтсѣ кмѹ̀ трет҃ѣ великы николаѥ. оуготивисѣ (sic) гл҃ѥ сте (л. 271) фане. не по мнозѣ бо вл҃дцѣ прѣдстати имаши. wн же множаѥ приложи и къ м҃тѳи, и инымъ добродѣтелкмь. таже не по многыихъ дн҃ехъ въц҃ривсѣ сн҃ъ кго. именемъ оуб(о) wц҃ѹ̀ подобень. дѣли же никакоже. и нашьдъ вънезапоу̀, и кмлѣть бж҃таго чл҃ка. къ внишнѣмоу шьствїю готовающаа потрѣбнаа. и въ единъ, градъ пославъ оудавою ѿ житїа измѣнити повелѣваѥть. и тако м҃нїа вѣнць въспрїѣть. с҃тоѥ же кго тѣло. въ своѥмь емоу монастири положенно бысть. идѣже и до днесь стоить. творе чюдеса прѣславнаа и исцѣленїа, вѣрою приходещимь.

Трудомъ Цамблака пользовались продолжатель архіепископа Даніила II и печскій патріархъ Паисій, который въ Житіи царя Уроша ссылается на своего предшественника: и многаа зла подьеть ѿ сина своего — везанїа оузь и тьмниць и злострадан҃а — wкоже и въ житїю его пишеть[1]). Проложное Житіе для

1) Гласник, XXII, 220.

Digitized by Google

насъ интересно еще потому, что въ немъ константинопольская обитель называется Пантократоровой, въ то время какъ Цамблакъ называетъ ее «Вседержителевой»[1]). Для нашего предположенія о замѣнѣ въ заглавіи первоначальнаго Пантократоровы (незадолго до этого авторъ былъ игуменомъ Пантократоровой Нямецкой обители) чрезъ тожде обители — это имѣетъ большое значеніе.

XLIV.

Издаваемая ниже Повѣсть о царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ по рукописи XVIII вѣка собранія П. И. Щукина (№ 252) не имѣетъ значенія для исторіи текста. Она можетъ быть характерна только для исторіи перехода одной изъ наиболѣе популярныхъ въ старой письменности «басенъ и кощунъ» о ветхозавѣтномъ царѣ-мудрецѣ и Китоврасѣ, котораго, по заключенію индексовъ «не бывало на земли, но еллинскіе философы ввели», — въ русскую лубочную литературу и народную сказку. Подробно изслѣдованная въ работѣ А. Весловскаго «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ», русская повѣсть въ издаваемой рукописи представляетъ позднѣйшій пересказъ, записанный, повидимому, со словъ разскащика, знавшаго повѣсть наизусть. Сохраняя правописаніе подлинника, мы разставляемъ только знаки препинанія.

Повесть о царе Соломоне и о царе Контоврасе.

Во граде было во Иерусалиме, премудрой царь Соломонъ поня себѣ царицу зело образну і живяхъ с нею в велицеі любви. Да во граде Лукопере былъ царь Китоврасъ. Тако же бѣ царь

---

1) Сборникъ Бук. Муз. древн. № 151, лл. 222 и 236.

Digitized by Google

Китоврасъ: во дни царь, а в нощи зверь. І случися ему во Іерусалиме у царя Соломона; былъ и увиделъ Соломонову царицу. И отъ того часа распалися ево сердце люблениемъ к цареве жене, нача ее всею своею душею любити и ста во уме своемъ держать, дабы какъ царицу у Соломона скрасть. И не возможе злыя своея мысли наложити, и отъ того приключися ему скорбь, понеже лишися хлеба и нелажи (?) быть у Соломона. Поеде ко своему граду Лукаперу, и какъ Лукапера града доже, встретилъ ево слуга именемъ Волхвъ и рече ему: «государь царь Китоврасъ, прошу тя, повеждь мнѣ, рабу своему, коя тебѣ то кручина во Иерусалиме у царя Соломана? Вижу тя зело смущенна, понежа и образъ твои изменися». Царь же Китоврасъ поведа Волхву все бывшее. Волхвъ же, выслушавъ отъ царя, и рече царю: «не смущася, азь могу тебѣ Соломонову царицу доста(ти)». Царь Китоврасъ утѣшися о словеса. Онъ же Волхвъ приказа срядить корабль и положить в него товаровъ, якоже бѣ обычай есть купцомъ, и поиде во Иерусалимъ и прииде ко Иерусалиму. И в то число царя Соломона во Іерусалиме не случилась. Волхвъ же радъ бысть, виде зело мысли своей способство немалое, и приказываетъ корабельшикомъ своімъ, чтобы корабль готовъ былъ къ походу. И велелъ сказоватся, что идетъ корабль с товары мимо Иерусалима к Царюграду, и вся драгіе женьские рукавички, украшена золотомъ и сребромъ и камениемъ драгоценнымъ и жемчюгомъ. И поіде со дары к царице челомъ ударить и дары предъ царицу на столъ положить. Царица же рада бысть, видя такие драгоцѣнныя дары, и рече: «коея страны, купче?» Волхвъ же рече: «есть изъ Лукапера града и іду с товаромъ к Царюграду». Царица же рече: «купче, сегодня кушаі у мене хлеба». Волхвъ же ратъ бысть и былъ на царскомъ дваре да позда вечера. И какъ гражене собралися всякъ во своі домъ, онъ же Волхвъ напусти на царицу сонъ тяжекъ и нестоящимъ волшебствомъ своімъ обморота, взялъ сонную царицу на своі руки и понесе ее на корабль, никимъ же видимъ, и приказа паруса поднять. Ево жда счастие: случися ему сполна ветръ, и

Digitized by Google

бѣжалъ в Лукопера 12 днеи, и Лукопера достигъ, и царю Китоврасу царицу вручи. Китоврасъ же радъ бысть, что желаемое свое получилъ, и ста с царицою жить в велицей любви, а Волхва миловалъ паче прежняго.

Уведавъ же премудрай царь Соломонъ, что царица ево украдена, и дознался мудростию своею, что украдена бысть царица отъ царя Китовраса вернымъ ево слугою Волхвомъ. И приехавъ во Иерусалимъ, приказалъ в рогъ трубить и собра воіска своего 30,000 и поіде к Лукоперу граду царицы даставать. И не дошедъ Лукопера в заподе за два поприща, и приказа воіску своему, чтобы никаго к Лукоперу не пропущали, а з себя скинулъ цветное платье, а наделъ на себя каличное платье. И взя [с] собою малоі рожекъ и рече воіску своему: «слушаіте, друзи моі храбрые витези, сего малого рашка гласу; какъ в сеі рожекъ заграю, и вы бутте готовы и вооружены; а какъ во вторые заграю, и вы тотчасъ ко граду скочите и стоите за пасадомъ; а какъ в третеі заиграю, и в тотъ часъ ко мне скачете и что исворите .... И наказавъ ихъ, поиде в Лукоперъ и, пришедъ в царскои в виноградъ, сяде у кладезя, ис которого бѣрутъ воду ко умыванию царице. И преиде к нему дѣвица с купцомъ по воду и нача на старца роптати: «кто тя, пилигриме, семо пусти?». Соломонъ же рече: «самь бо пришелъ и я, увидя сеі кладезь, требую воды пити .... намъ черпала, прошу тя дѣвица, дан ми ис купца воды». Дѣвица рече: «какъ ты, старче, смеешь ис сего царского купца воды пити?». Соломонъ же вынялъ златое колечко оброченное и подари д[ѣ]вицу. Дѣвица же даде ему воды пити. И напився Соломонъ поиде по граду просить милостыны, и девица поіде и ста царице подавать воду. Царица же усматрила на руки у дѣвицы злато колечко и познала, что то обручальное, и рече: «скажи, дѣвка, хто далъ тебѣ колечко?». Дѣвица же рече, что нашла. Царица же рече со гневомъ: «скажи, дѣвка, прав[д]у!». Дѣвица же рече всю правду, что далъ некій прохожеі старецъ. Царица же рече: «не старецъ то бѣ: подленно быти мужу моему к царю Соломону». И посла

Digitized by Google

юношеі, велела ево сыскать і к себѣ привесть. Юноши, скоро шедъ, Соломона сыскаша и предъ царицу приведоша. Царица жа, забывь своі прежнеі советъ, рече: «почто, господине царю Соломоне, к намъ пришелъ еси?». Соломонъ же рече: «пришелъ бо есть по твою голову». Царица же рече: «не видеть тебѣ меня у себя, какъ ушеі своіхъ». И посла к царице Китоврасу о Соломоне возвестити.

Китоврасъ же, услышавъ во поле на охоте, и посланни скоро до Китовраса приехоша и о Соломоне возвестиша. Китоврасъ охоту скоро поіде в Лукоперь и, увидя Соломона, і рече: «почто, господине, к царю пришелъ еси таково не обычно?» Соломонъ же рече: «пришелъ бо есть к тебѣ, почто ты у меня жену ук[р]алъ». Китоврасъ же рече: «не видать тебѣ у себя жены своеі, какъ ушей своихъ, и живу тебѣ отъ меня не выхаживать». И повеле скоро щибалицу поставить. Соломон же рече: «братецъ царь Китоврасъ, ведаеше то і самъ, что я царь; даі же мнѣ царскую паметь—щибалицу вели поставіть середи града и вели питая иже вывесть со удовольствомъ, и выди самъ с церицею и со всеми своими гражины смотрить смерти моеі, а по смерти слово полюбилась». Приказа тако устроить, и какъ будетъ Соломонъ близь щибалицы, уведелъ на шибалице лышную петлю и рече: «али у тебя, братецъ, во граде шелку не стало? И ты вели свить две шелковые петли: адну краснаю і другую желтаю, и я в любую петлю брошусь». И Китоврасъ повелѣ тако устроить, и пришедъ Соломонъ к шибалице, и Богу помолися, и с Китоврасомъ прастілся и рече: «братецъ царь Кітоврасъ, повели мне в малой ражекъ пре последнемъ конце поіграть». Китоврасъ же рече: «іграі!». Соломонъ нача іграти ..... задумалась. И какъ будетъ Соломонъ среди шибалицы, и нача во вторыі играть, и воиско ево скоро ко граду поскакаше. И увидевъ же Соломонъ воіновъ своіхъ, и вскачи на верхне перекладь шибалицы, а лесницу с полочемъ опроверже, і нача на перекладе сидя играти. А воіско ево скоро к нему прискакаша. И Китоврасъ, увидя воіновъ Соломоновыхъ, побѣже во градъ и оставя

Digitized by Google

и царицу. Соломонъ же приказа Китовраса и царицу и Волхвъ поімать. И предъ царя Соломона приведоша. Царь же Соломонъ с шибалицы сниде и рече: «братецъ царь Китоврасъ, почто ты на мене ополился и хотелъ повесить занапрасна? Аз к тебѣ пришелъ не ради чего другова: хотелъ взять жену свою, и нынѣ братецъ за неправоі сут украсуісе на се шибалице с царицею, для чево она отъ жива мужа потребовала другова мужа, и Волховъ для чего мужа з женою разлучаешь? И воиско твое и вси гражене повинни бо суть». И приказа Китовраса повесить в желтою петлю, а царицу в красною, а Волхва в лычную петлю, приказа своему и Китоврасову....., а Китовраса и Волхва поминать. И в Лукапере выбралъ судеи своихъ и оставілъ воіска своего 5.000. И возвратися в свої градъ во Ерусалимъ, славя святую Троицу Отца и Сына и Свѣтаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вековъ, аминъ.

XLV.

Въ I томѣ Трудовъ перваго археологическаго съѣзда проф. В. И. Григоровичъ помѣстилъ три надписи—двѣ изъ нихъ славянскія и одна румынская, — списанныя имъ во время поѣздки по Бессарабіи, съ слѣдующей замѣткой: «въ 30 верстахъ на югъ отъ Оргѣева, на берегу рѣки Реута, въ селѣ Требужанѣ есть церковь, высѣченная въ скалистой горѣ. Въ другой горѣ, у этого же села, находится опустѣлый монастырь, весь высѣченный въ скалѣ: тамъ находится 7 надписей, изъ которыхъ привожу слѣдующія» (стр. CXXIII). Почему остальныя четыре надписи не приведены совсѣмъ, а изданныя три искажены и прочтены плохо, — намъ пока неизвѣстно, и приходится думать, что произошли какіе-нибудь недочеты въ замѣткахъ В. Григоровича, такъ какъ во время поѣздки по Бессарабіи лѣтомъ 1890 года мы списали эти надписи, не встрѣтивъ никакихъ затрудненій,

Digitized by Google

несмотря на малую опытность въ славянской эпиграфикѣ[1]). Поэтому приведемъ первыя три надписи параллельно съ изданіемъ ихъ въ Трудахъ съѣзда.

	Въ подлинникѣ:	*Въ изданіи В. Григоровича.*
I.	сеи манастир	Ѳеи монастир
	рабъ бжіи босїи	Раб Божїи Босїи
	пъркалаб ѡрхеѿв	Пъркаласъ Ѡрхѐѡв
	съвръши съ подру	съврши съ подружїем
	жием. и чади своими	и чады своими
	въ чс҃ гꙋ бꙋ за ѿ	въ честь Гу Богу
	пꙋщенїе грѣхо҃ свои҃	за Ѿпущенїе грѣховъ своихъ.
	селевѧстрꙋ л҃ ҂зрог.	
II.	здѣ	
	храмъ ıерарха	храмъ ı̀ерарха
	х҃ва Ст҃го Ѿц҃а и ч҃ꙋ	х҃ва с҃тго Ѿца
	доткорца николи.	Чудотворца Николаиа.
III.	ачестꙋ запи҃ л аꙋ фък	ачестъ ..... а фъкутъ
	ꙋтъ василе аде	Василе....
	ескꙋ ши кꙋ ръзмири	ı̀ зилем — константин
	цъле ка ҂ зилеле лꙋи	.....ау фостъ — хатману
	костати҃ водъ аꙋ дерь	ла Украина
	на ꙋкраина ҂ иванче ши	.....лѣто з҃р.
	аꙋ фо҃ть Стецъ хатма҃	«т. е. этотъ — сдѣланъ Василій—въ дни Константина. Тогда былъ Гетманомъ Украйны въ 7100».
	а ꙋкраина ши ноı ла	
	ıарнат атꙋнче аиче	
	лто ҂з҃рчи н҃оє҃ к, т. е.	

«Эту запись сдѣлалъ Василій Адееску съ Размирицей, что въ дни Константина воеводы отдѣлилась (?) Украина въ Иванчѣ.

1) Въ то время я перешелъ изъ 5 класса гимназіи въ 6.

Digitized by Google

И былъ Стецъ хатманомъ Украины, и зимовали мы тогда здѣсь. Въ лѣто 7198 ноября 20».

Такимъ образомъ, надпись даетъ интересную подробность къ исторіи похода на Кизикермень въ 1690 году. По словамъ Н. Костомарова, «во все лѣто 1691 года, хотя и происходило нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ съ татарскими загонами, но онѣ были неважны и неудачны, а зимою приходили угрожающія вѣсти, что крымскій ханъ выслалъ на Подоль съ ордою какого-то казака Стецика, именовавшаго себя гетманомъ казацкимъ съ бусурманской стороны, и сверхъ того, другая орда еще въ большемъ размѣрѣ готовится идти въ малороссійскіе городы»[1]). Затѣмъ, въ ходатайствѣ Мазепы предъ царемъ за Палѣя въ 1692 году находимъ вторичное упоминаніе о томъ же Стецкѣ: «если теперь Палѣю помощи не подать, то какъ бы онъ въ крайнемъ положеніи не обратился къ бусурманамъ, и отъ того будетъ больше бѣды, чѣмъ отъ какого-нибудь Стецика Ягорлыцкаго, назначеннаго атаманомъ съ татарской руки по правой сторонѣ Днѣпра[2]), и ни отъ проклятаго Петрика»[3]).

Остальныя надписи у В. Григоровича совсѣмъ не приводятся и появляются въ печати впервые:

IV. помени г҃и
д҃ша раб
б҃жїи кириак
съ подрꙋжїе҃м
рабъ б҃жїи тодер
ѿ кръщънъщїи.

V. помени г҃и ермона҃ тови
іермона҃ варла҃м егꙋмен
и с҃нь его ерѐ поп енаке

1) Мазепа и мазепинцы. Спб. 1885, изд. 2, стр. 77.
2) Очевидно — ошибка: вм. Днѣстра.
3) Тамъ же, стр. 208.

Digitized by Google

ифимие ѿ котелни҃ ҂зрїи.
. . . . . стие син и҃.

VI. помени г҃и д҃шѧ
ра҃ твое҃ дими
трїе. и҃ прѣста
висѧ в лѣт. ҂зн҃в.

VII. ачє҃ стълпꙋ л аꙋ пꙋ҃
фичори татълꙋ҃ лор а лꙋ҃
іѡрдаке гꙋрꙋценко
непот лꙋ҃ дꙋмитрашко
портърескꙋл бив вє҃
логофъ҃: ачеста
иѡрдаке аꙋ пꙋс мори
анча ши аꙋ мꙋрит
съ ц҃ие в лѣ ҂зс҃нг
чїне а чїти съ зїкъ
дꙋмнеѕъꙋ съл ерте, т. е.

«Этотъ столбъ (памятникъ) поставили сыновья отцу ихъ, Іордаке Гуруценку, племяннику Думитрашка Портарескула бывшаго великаго логоѳета. Этотъ Іордаке поставилъ здѣсь мельницы и умеръ — да будетъ извѣстно — въ лѣто 7253 (т. е. 1745). Кто прочтетъ,—пусть скажетъ: Богъ да проститъ его».

Кромѣ того, мы срисовали отдѣльныя слова и буквы очень древнихъ надписей въ Бутученскихъ пещерахъ (письмо крупное, пожалуй, XIII вѣка). Но не рѣшаемся напечатать ихъ, пока не представится возможность сдѣлать фотографическіе снимки.

Digitized by Google

XLVI.

Съ именемъ митрополита Даніила связано поученіе, интересное для исторіи русскаго библіотечнаго дѣла—съ точки зрѣнія заволжскихъ старцевъ и ихъ противниковъ. Идея его не нова и находитъ первоисточникъ въ преданіяхъ Іосифа Волоцкаго, въ мысли послѣдняго объ отрицаніи всякой собственности у монаховъ, даже иконъ и книгъ, необходимыхъ въ обиходѣ каждаго аскета. Хотя во вступленіи къ поученію говорится, что оно написано по просьбѣ самихъ иноковъ, но В. Жмакинъ понимаетъ эту просьбу въ смыслѣ желанія иноковъ знать основанія тѣмъ строгимъ мѣрамъ, какія принималъ Даніилъ въ отношеніи своихъ подначальныхъ иноковъ. «Видно, свои пастырскія духовныя увѣщанія Даніилъ соединялъ ихъ репрессивными мѣрами, когда его требованія о точномъ исполненіи монастырскаго общежитія вызвали жалобы и протесты со стороны подчиненныхъ ему волоколамскихъ иноковъ. Они обратились съ посланіемъ къ одному изъ самыхъ уважаемыхъ старцевъ, Іонѣ Головѣ, и просили его ходатайства предъ игуменомъ Даніиломъ о позволеніи имъ имѣть при себѣ книги и иконы, ссылаясь въ этомъ случаѣ на позволеніе Іосифа и на примѣры древнихъ подвижниковъ»[1]). Этимъ замѣчаніемъ исчерпывается все извѣстное до сихъ поръ о посланіи.

Въ приложеніи В. Жмакинъ издалъ текстъ Посланія волоколамскихъ иноковъ по рукописи Московской Синодальной библіотеки XVII в., № 791 стараго инвентаря, лл. 64—67[2]). Помимо того, что нѣкоторыя мѣста остались почему-то не прочтенными и въ изданіи замѣщены многоточіями,—новое изданіе Посланія вызывается еще тѣмъ, что нами найденъ болѣе исправный текстъ въ Сборникѣ посланій и грамотъ XVII вѣка (собраніе П. И. Щукина

1) Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881, стр. 125.
2) Тамъ же Приложеніе XIX, стр. 55—57.

Digitized by Google

№ 468, лл. 83 об.—87), внесенныхъ очевидно съ цѣлью дать эпистолярные образцы, такъ какъ во многихъ посланіяхъ и грамотахъ выпущены собственныя имена и частныя подробности [1]).

Господине государь, старецъ Іона, пожалуи, смилуися Бога ради и пречистыя [1]) Богородицы и преподобнаго отца нашего ради ігумена Иосифа, не изневолите [2]) насъ выше нашея худости. Помяни, господине [3]), отца своего и нашего преподобнаго игумена Иосифа, како всѣхъ насъ покоилъ, і немощи наша носилъ, а книги і святыя иконы велѣлъ и благословилъ насъ держати. И мы, господине старецъ Иона, книгы держали за монастырьскіе; а ты, господине, намъ ныне во [4]) Іосифово мѣсто, мы, господине, тебя держимъ вмѣсто отца своего Иосифа. И ты, господине [5]), покажи на насъ отчьскую любовь: самъ жалуи и игумену Данилу и братіи печалуися, чтобъ [6]) на насъ выше нашея немощи тяготы [7]) не накладывали, а слезъ нашихъ не презрили. Мы, господине [8]), ходимъ во всякихъ службахъ чорныхъ и на крылосе [9]) стоимъ. Помяни, господине [10]), какова беда приходитъ человѣкомъ, не имущимъ божественаго Писания. Рече великі Златоустъ: велико зло, еже не вѣдети писания, и якоже скотъ безсловесенъ обносится, ибо отъ сего бесчисленная злая ражается [11]) человѣкомъ отъ невѣдения божественыхъ писаніи; отъ сего лютыи еретическіи возрастаетъ недугъ, и ереси оумножишася, и отъ сего небрегомое и неисправленное [12]) и растлѣнное житіе, безъ прибытка труды, помрачение души, діяволя прелесть, еретикомъ дерзновение, якоже оубо иже [13]) свѣта сего лишени неправо ходятъ и потыкаются. Такоже к лучѣ [14]) сихъ не взирающе, много потычются [15]) и понужаются часто согрѣшати, яко во тмѣ люте ходяще. И паки рече: не оубо нерадимъ о стяжаніи книгъ, яко да не смертную пріимемъ язву; ниже злато собираемъ, но книгы притяжаваемъ себѣ духовныя. Злато оубо, егда будетъ множае,

1) Описаніе сборника у А. Яцимирскаго, Опись старинныхъ слав. и русскихъ рукописей ч. II, стр. 240—245.

Digitized by Google

тогда наипаче навѣтуетъ стяжавшимъ то; книгы же стяжаваемы[17]) многу подаваютъ имущимъ ихъ ползу. И святыи Петръ Дамаскинъ рече: нестяжателю не имѣти книгъ вельми зло есть. И множество, господине, безчисленно святыхъ и богоносныхъ великыхъ отецъ нестяжаниемъ конечнымъ пожиша, а книги и святыя иконы имѣли. Великіи Іларионъ иногда въ общемъ житіи живяше, а иногда въ пустыни пребываше, а божественое Евангеліе и прочая книгы с собою ношаше. И великіи Епифанеи Кипрьскіи іногда во общемъ житіи, иногда же в пустыни пребываше, а[18]) священныя книгы оу себя имѣяи, с собою ношаше, иже и последи бысть епископъ. И святыи Афонасие Афонскіи овогда во общемъ житіи живяше, овогда же в пустыни, а божественое Евангеліе и Апостолъ и прочая книгы с собою ношаше. И Іванъ Кущникъ, иже отъ родителеи своихъ стяжа[19]) божественое Евангеліе, сребромъ и златомъ и бисеромъ усажено, и егда пострижеся въ общемъ житіи, оу себе имяше. И великіи Василие, иже[20]) третіинадесять апостолъ, церковное богатство много имяше[21]), отъ земныхъ же и тлѣнныхъ вещеи ничтоже оу себя содержа, разве точию божественыя книгы, якоже къ епарху рече: разграбленія не боюсь, ничтоже бо имѣю, разве точію власяныхъ ми рубищь і[22]) мало книгъ. Глаголютъ же и о святемъ Кирилле Белозерскомъ, егда на Симанове живяше, и святыя иконы и книгы оу себе имѣяше, и егда изыде изъ Симанова, а святыя иконы и книгы с собою ношаше. Такоже[23]) глаголютъ и о блаженнемъ Пафнотіи, иже в Боровске. А преподобнаго отца нашего игумена Іосифа самъ, господине[24]), помнишь — сколько книгъ с собою принесъ и святыхъ иконъ: четыре Евангелія[25]), Апостолъ[26]), двѣ Псалтыри со всѣмъ, Лѣствица, Ефрѣмъ[27]) вкупе же Петръ Дамаскинъ, Василеи Великіи, Патерикъ азбучнои, два Ірьмолоя, четыре иконы—три Рублева писма Андрѣева. А мы, господине, вамъ бьемъ челомъ и держимъ, какъ отець нашъ преподобныи ігуменъ Іосиѳъ благословилъ насъ и велѣлъ держати иконы и книгы,—и мы ихъ держимъ за монастырскіе, а молимъ Господа Бога і пречистую Богородицу[28]) и великихъ

Digitized by Google

чюдотворцовъ за государя [29]) и за государыню [30]), и за христолюбивое воинство, и за все православное християнство.

Варьянты по изданію В. Жмакина: 1) пр. ради; 2) изн. господине; 3) госп. старецъ Іона; 4) госп. Іона—старецъ намъ во; 5) государь старецъ Іона; 6) чт., господине; 7) тягость; 8) госп. старецъ Іона; 9) крылосѣхъ; 10) господине государь старецъ Іона; 11) рождаются; 12) небрегомая исправленая; 13) ихъ; 14) Двухъ словъ недостаетъ; 15) не взирающихъ; 16) потыкаются; 17) стежаемъ; 18) и; 19) стяже; 20) еже; 21) имѣяше; 22) Четырехъ словъ недостаетъ; 23) также 24) госп. Іона; 25) Евангелія-тетры; 26) Апостолъ-тетръ (издатель ставитъ знакъ вопроса); 27) Ефремъ, Дороѳеи; 28) Трехъ словъ недостаетъ; 29) о государя великаго князя Василія Ивановича всея Руси; 30) его благовѣрную и христолюбивую великую княгину.

XLVII.

Среди рукописей собранія П. И. Щукина обращаетъ на себя вниманіе сборникъ малаго формата № 262, писанный безграмотно крупнымъ печатнымъ полууставомъ въ 1833—34 годахъ, повидимому, собственникомъ рукописи — арзамаскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Михеевымъ. Сборникъ содержитъ четыре юмористическія статьи, всѣ онѣ риѳмованныя и одинаковаго лубочнаго характера. Первая изъ нихъ (лл. 1—8 об.) — приводимыя ниже «Адскія газеты въ пятокъ сырныя недѣли», вторая (лл. 9—16 об.) «Канта, изложенная при отдачѣ изъ духовенства въ рекруты», о которой также скажемъ въ слѣдующей замѣткѣ. Третья (лл. 17—33 об.) — довольно популярная сказка-анекдотъ о приказчикѣ, который сообщаетъ помѣщику о несчастьяхъ въ деревнѣ, причемъ начинаетъ съ того, что «перочинный ножичекъ изломался», а кончаетъ самыми ужасными извѣстіями. Четвертая статья (лл. 33 об.)—коротенькая «канта» про царя Агрипу, который нарядился въ порфиру и велѣлъ народу кричать въ честь его.

Судя по языку и нѣкоторымъ бытовымъ подробностямъ, первая статья — южно-русскаго происхожденія. «Адскія газеты»

Digitized by Google

описываютъ судъ сатаны надъ людьми разнаго званія и разныхъ профессій, грѣшившихъ во время масленой. Пьяница, блудникъ и ростовщикъ начинаютъ собой шествіе грѣшниковъ въ адъ. Слѣдующія сцены болѣе интересны въ общественномъ отношеніи, рисуютъ въ смѣшномъ положеніи безпечныхъ чернецовъ, гордыхъ господъ, высшее духовенство, иновѣрцевъ, чиновниковъ и т. д. Особый судъ идетъ надъ «табачниками». Демократическая тенденція разсказа заключается въ томъ, что сатана высылаетъ нищихъ изъ ада, гдѣ мало мѣста вельможамъ и боярамъ; повидимому, разсказъ появился въ духовной средѣ, а не въ спеціально старообрядческой.

Адъскіе газеты въ Пятокъ сырныя недили.

На сехъ дняхъ выихалъ кульеръ из ада, какова тамъ грѣшникамъ будитъ награда. Привезъ онъ почту страшныхъ газетъ, кой пойдетъ нечаинъно на тотъ светъ. Сатана, предвидя коньчину сихъ дней, приказала наполнить адъ разныхъ огней и послала расъмотрить адскую глубину, гдѣ было-бы грешниковъ сажать за вину. Вдрухъ сего деда небольшей внукъ настроилъ во аде премножество мукъ, оказалъ услугу дедушки отъменну, учредилъ во аде бездну и геену. Работы несъносной тамъ много происъходитъ, каждому мастиру дело находитъ: лукавъцы некія конаты въютъ, кузнецы-воры котлы куютъ, уголья толкутъ тамъ безъпечьные попы, мидники и лукавцы чинятъ тамъ котлы. Иной готовитъ смолу кипучу, а другои крошитъ серу горючу; инои таскаетъ червякофъ въ кучу, а другои готовитъ рожны и крючьи. Каждому за грехъ свой будитъ воздаяніе жилезными прутьями въ жаркои бани.

Въ сырноі недели князь былъ извещенъ, что миръ весь разъвращенъ. Въ сырныя дни былъ у всехъ балъ, о которомъ самъ совершенно узналъ, что̀ миръ во дни масличьные творилъ, и онъ слугамъ своимъ такъ говорилъ: «ныне и вы есть отъ трудовъ своихъ празны, и миръ весь утехи творилъ разны. И вамъ покои

Digitized by Google

даю, на балъ ко мне пріидите и отъ трудовъ своихъ здесь отъдохните». Сатана обирнясь закрычалъ: «бигити, бигити, чирти, пияница издохъ»! И привели пияницу предъ Сатану. А бесъ былъ съ похмилья, далъ толъчекъ ему и приказалъ спросить вънуку, чтобы онъ его спросилъ: кто его піянъство искусилъ, что невоздержно до техъ поръ пилъ, доколе душу зле погубилъ? Піяница сказалъ: «нечистои духъ». А бесъ рекъ ему: «врешъ, ты мой друхъ; въ ети дни беси ушли отътоли, и вы то грешили по своей воли».

Князь возре на баню изъдалека и, увиде въ блуде убита человека, закрыча громогласно: «возмите блуднаго человека, которои восхерновалъ, и не дадутъ мнѣ доторжествовать и балъ». Явися блудникъ предъ князя, трепещитъ, а бесъ на него зубами съкрежещетъ. И увидилъ князь, что онъ уже старъ, усмехнувшись сказалъ: «кои ты угаръ? На главе твоей много седыхъ власъ, а ты до прелестіи свои векъ (повидимому, пропущено слово). Несыта была твоя утроба, надобно тебе было грешить до самаго гроба». Закричалъ чертимъ: «возмите тычины и гонити смердавца въ смрадною пучину. Духъ злобы написалъ на кожи, какъ резокъ делить простымъ вельможимъ».

Внезапу сконьчалъся злои отъкупчикъ, которои былъ проценьтовъщикъ и ростовъщикъ. Лишъ появилъся на тотъ светъ, то Сатана спросила отъ него отъчетъ: «много ли, мой друхъ, денихъ съкопилъ»?. А онои отъкупчикъ такъ возопилъ: «успелъ денихъ столько много скопить, что мохъ бы у тебя и адъ отъкупить». А бесъ усмехънулъся рекъ: «подлинъно ты былъ злой человекъ, ты и во аде хочешь кобаки зависть; но уже миновалась вся твоя чисть. На деньги наделъся и Бога забылъ, процентъ ты бралъ и росъкошъ любилъ, такъ вотъ узнаешъ, какъ грабить бедныхъ. Ступай во адъ и будь въ последнихъ»!

Предъстали предъ князя бесъпечьныя чирнецы, а бесъ имъ крычитъ: «вы зачемъ святы отъцы? Вы продолъжали жизнь свою въ моностыряхъ: вамъ должно быть въ райскихъ краяхъ. Видно, вы небрежно жили и моей области и чести заслужили, линивы были молиться Богу: надобно вамъ указать скоро дорогу». Съ

Digitized by Google

коихъ маньтіи приказалъ скинуть и во тьму кромешъную ихъ на веки вѣрнуть.

Появились на тотъ светъ гордые господа. Бесъ имъ крычитъ: «вы пожалуйти сюда, милостивыя мои государи, я велю чій (sic) грить не въ самовари, а для вашихъ росъкосъныхъ и жирныхъ телъ здесь есть во аде большои котелъ. А естьли скаредно промочить прикажети вамъ душу, то я разогрею олово вместо пуньшу. Нутъко ты, Кущеи, что ты стоя рычишъ, а для чего бояръ во адъ не тащишь»? А Кущеи давно тому ратъ, облапя вельможъ и потащи прямо въ атъ.

Предъстали предъ князя бесовъ целои соборъ, прижали грешниковъ бещисленнои соборъ: митрополиты, монархи, архіепископы, татары, турки, жиды, евріи со всехъ сторонъ—и все та всехъ нещисть, а каждому по делу воздать честь. Купцы, целовальники, подъячи, башмашники, пияницы, ругатели, табашники, блудники, хищьники, клеветники, подлыя дворяни, скоморохи, игрецы, развратъные миряни, кривыя хромыя уроды и вся нищета, кои жили скаредно хуже скота. Сатана, восетъ на креслы, расъстеля и приказала подать очки хромому шишиги, и надель очки на носъ, и возре яро, и закрычалъ: «что во аде грешниковъ мало»? Съ кривымъ чертъ глазомъ выскоча рекъ: «еще не сконьчалься временнои вѣкъ; а коль скоро сконьчаетъся векъ, тогда ты самъ будешъ грешникомъ».

Отецъ Сатана начатъ сутъ произъводить, приказала грешниковъ по одному водить. Предъстали демони вокрухъ грешниковъ, между темъ дошолъ ратъ и до табашниковъ. Сатана и не знала о грехе ихъ такомъ, но увидила — у одного набитъ носъ крепко табакомъ. И увидя въ носу черныя сморъщки, приказала подать острые крючки и такъ рощистилъ носъ табашнои, преставилъ мешать смолу въ квашни. Наконецъ зевнулъ грешникомъ всемъ: «ступаити во адъ и горите огнемъ»! Нищимъ сказалъ: «вы бигити, здесь места мало вильможимъ и бояромъ»! Нищіи пройдя все мытаръствы, похватали котомки и побежали въ царство.

Digitized by Google

XLVIII.

«Канта, изложенная при отдачѣ изъ духовенства въ рекруты» датирована 1831 годомъ и написана за два года до внесенія ея въ сборникъ. Это — типичная бурсацкая пѣсня, которую, по словамъ моего отца, пѣли каменецъ-подольскіе семинаристы еще въ 60 годахъ, причемъ въ текстѣ пѣсни изрѣдка попадались латинскія слова:

Что за tempora приходятъ!
Nos infelices изводятъ—nescio, за что и т. д.

Имя архіерея, къ которому обращаются семинаристы, можетъ выяснить вопросъ, гдѣ именно пѣсня составлена, или же гдѣ она пѣлась тѣми, отъ кого записана въ Щукинскій сборникъ. Какъ видно изъ текста, пѣсня записана довольно плохо.

Канъта изложенъная при одъдачи изъ духовенъства въ лекруты 1831-го году.

Что за годы къ намъ ныне приходятъ!
Духовенство переводятъ—не знаю, на что.

Все цырьковники горюютъ,
Съ ними жены все тоскуютъ—тяшко плачутъ все.

Всехъ ихъ бедныхъ не щадятъ,
Явиться въ городъ велятъ—не знаю, почто.

Многія въ городъ приходятъ,
Весть нерадосну приносятъ—плачевную для всехъ.

Всехъ въ присудъствія загоняютъ,
Отъвечать всехъ заставляютъ—отъвечать всехъ насъ.

Кому щастіе послужитъ,
Тотъ тепирь мало тужитъ—не боится ничего.

Кто заморанъ въ поведеньи,
Тотъ тепери въ сокрушеньи—чтобъ не угорить.

Digitized by Google

Естьли кто въ чемъ ошибется,
Тотъ судьбинѣ подвернется—нещаснѣишій во векъ.

Вотъ какой пришелъ позоръ:
Естьли обратить намъ взоръ—то какъ же не ударъ?

Понимавши въ городу,
Остригаютъ бороду—пускаютъ безъ нее.

Стригать велятъ не очинь гладко,
И то кажетъца несладко—лучши бъ такъ ходить!

И они домой приходятъ,
Весть нерадосну приносятъ—плачевную для женъ.

Горько плачутъ и рыдаютъ,
Женъ своихъ обнимаютъ—плача говорятъ:

«Вотъ какой дали приказъ,
Оставлять жены здѣсь васъ—живите вы одни.

Детіи младыхъ оставляемъ,
Въ ваши роки ихъ вручаемъ—воспитывайти ихъ»!

Услыхавши то жены,
Въ сибе делали изъмены—изъменялися въ лице.

Сій ударъ ихъ сокрушаетъ,
Съ мужемъ на веки разлучаетъ—вотъ какои ударъ!

Чего неслыхавши съ роду,
То предъставилось народу—что плакать велятъ.

Жены плачутъ и рыдаютъ,
На мужъефъ все повисаютъ—целуютъ всехъ въ уста;

Дети сиры остаются,
Съ матерми вокрухъ отцевъ въются — горько плачутъ все.

Афанасій архипастырь,
Ты отецъ намъ, ты и пастырь—жъжалься надъ детми!

Все колена преклоняютъ,
Горки слезы проливаютъ—предъ тобою на земли.

Digitized by Google

Мы ихъ бедныхъ оставляемъ,
Отъ себя мы отълучаемъ—во веки навсегда.
Сиры плачутъ и рыдаютъ,
Ко отъцамъ они взываютъ—со слезами говорятъ:
«Ахъ, родители любезны,
Вы отърите слезы—у сирыхъ чадъ своихъ!»
Все родители вздыхаютъ,
Глядя на нихъ замираютъ—реки слезы льютъ.
Дети къ ногамъ приползаютъ
И отцевъ въ уста лобызаютъ—прощаются на векъ.
Ахъ вы, дети наши родны,
Остаетись безъпризорны—безъ родителей на векъ!
Вотъ небесный вашъ Творецъ,
Въ покровительстве отецъ—припадайте все предъ нимъ;
Онъ васъ бедныхъ не оставитъ,
Благостыню предоставитъ—и щастьемъ наделитъ.
Никогда не забывайти,
Въ устахъ всегда въспоминайти—небеснаго Творца.
Ахъ, нещасная судьба,
До чего насъ довела—въ салдаты отъдаютъ!
Не умили жить мы въ воли,
Будимъ жить тепирь въ неволи—въ дальной стороне.
Будитъ женъ погуляти,
Какъ угодно поваляти—тепирь должно служить.
Все жены на векъ прощайте,
Вскоре вы насъ забывайте—не плачте вы объ насъ.
Было время, съ вами жили,
Но тепирь насъ разлучили—злыя времена.
Да и то нады сказать:
Не однимъ намъ тамъ страдать—другія еще есть.
Не одни мы виноваты,
Симинаристы еще хваты—туда жъ должно идти.

Digitized by Google

Симнаристы молодцы,
Хваты бравы удальцы—не плачутъ не объ чемъ.
Кабаки не забываютъ,
Вино пить не оставляютъ—не боятъся ничего;
Въ кабаки все явно ходятъ
И вины въ томъ не находятъ—чтобъ за ето отъдать.
Что пришелъ друзья за векъ:
Пропадаетъ человекъ—за проклятое вино!
Нетъ, пусты и ти слова,
Чтобъ пропала голова—за ето за вино;
Не одно вино мы пъемъ,
Иногда кого прибъемъ—вотъ гуляли какъ!
Иногда такъ отличались,
Клочки боротъ оставались—въ рукахъ у молодцовъ;
Для другихъ казалось страшно,
Намъ нимало неопасно—что пили мы вино.
Были друзья намъ,
Ставили на столъ стаканъ—не боялись ничего.
Иногда случалось такъ:
Выпъемъ троя на петакъ—а бедъ на ста рублій!
Про сибя мы тепирь скажимъ
И другихъ примеръ покажимъ—какъ пили мы вино.
Не любили рюмкой пить,
А стаканомъ все ломили—вотъ пивали какъ!
Было время всемъ простое,
Для всехъ насъ, друзья, благое—не страшно было всемъ.
Пришли беды напасти,
Нужды скорби много страсти—проклятое житье.
Не даютъ ужъ гулять боле,
Принуждаютъ жить въ неволе—подъ страхомъ завсегда.
Чему мы, друзья, учились,
Иль тому мы только чтились—чтобъ въ нещастье проживать?

Digitized by Google

Ахъ вы, горькіе труды,
Вы настроили беды—всемъ нещаснымъ намъ!
Симинарія любезна,
Посмотря, какая слезна—учесть у всехъ насъ.
Иль тому ты обучаешъ,
Что опосле насъ вручаешъ—въ солъдацкое ружье?
Посылаютъ насъ туда,
Не хотелось намъ куда—не хочеться идти.
Разлучайся со своими,
Спознавайся со чужими—въ дальной чужой стороне.
Мать, отъца мы оставляемъ,
Вместо ихъ мы познаваемъ—солдацъкое ружъе.
Ружъе въ руки намъ въручаютъ,
Ходить браво заставляютъ—всехъ насъ молодцовъ.
Чего сроду не видали,
Ружъя въ руки не бирали—тепирь его даютъ.
Мы въ солдатахъ не бывали,
Въ строю сряду не стояли—тепирь насъ Бохъ привелъ.
Забывать должно ученья
И глубоко размышленья—о мире обо всемъ.
Симинарію забудемъ,
Всѣмъ храбро служить будемъ—Импѣратору всегда.
Симинарія, прощай
И насъ къ сибе не ожидай—на веки ни на часъ!

XLIX.

Къ числу наслѣдій латино-польской схоластики въ области школьной піитики относится особый родъ виршей — такъ-называемыя «Эхо». Они состоятъ въ томъ, что послѣдній слогъ каж-

Digitized by Google

даго стиха или небольшое слово, завершающее каждый стихъ, служатъ отвѣтомъ на вопросъ даннаго стиха. Когда же трудно подобрать такое слово-окончаніе, то прибѣгаютъ къ простымъ риѳмамъ. Одно изъ типичныхъ «Эхъ» — вопросы и отвѣты объ Адамѣ и Еввѣ, напримѣръ, въ рукописи П. Щукина № 275, начала XVIII вѣка, въ четвертку на 3 листахъ, писанные скорописью южно-русскаго письма; всѣхъ вопросовъ съ отвѣтами 42:

Гуляющей же ей в раи, подпаде диаволъ сице:
«Здравствуй, богине рая, красная дѣвице!
Повежды имя свое исперва, голубице. *Ева.*
А тамъ кто отвещаетъ словеса кратка? — Я.
Что то за *я* откликъ? То лукавый исконіи? Ніі.
Какъ *ни*? О семъ днесь хощу сказати всемъ. Вемъ.
Рцы же ми: отъ кого Адамъ прельщенъ быть в раи? —От зміи.
Адамъ ли взялъ прежде овощъ з древа? — Ева.
Се солгалъ на змію. Пре[ль]стила жена? — Она.
Скажите: кто промежъ ихъ виноватейшій былъ тамъ? —Адамъ.
Аданму Ева дала, в томъ неправа? — Права.
Какъ же права? где взяла? — Отъ змія.
Змію не зналъ. Но завистникъ нашъ демонъ? —Онъ.
А Адамъ тако не зналъ? — У Евы взялъ.
Тем ли виноватъ, что взялъ от ей, а рвать не велелъ? — Елъ.
Когдажь бы Адамъ не ѣлъ, былъ ли бы грехъ нынѣ? —Не.
Не для яблока Адамъ клятву и смерть намъ внесъ—и в мирь весь.
За яблоко отдалъ весь миръ, дорого такъ купилъ —слепъ былъ.
Какъ слепъ былъ, когда у Евы взялъ, смотрелъ очима?—Плотскима и т. д.

Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, текстъ — довольно неисправный и менѣе полный, чѣмъ въ рукописи, бывшей въ 1897—98 гг. въ продажѣ у московскаго антиквара С. Т. Большакова. Мы сдѣлали со стиховъ копію, по которой приводимъ «Эхо» ниже. Его рукопись — небольшой сборникъ духовныхъ псальмъ на линейныхъ нотахъ для хорового пѣнія, конца XVII вѣка (записи 1688 и 1693 г.—рожденіе и смерть членовъ семьи священника Ильи Сементковскаго въ Смотричѣ и его знакомыхъ), на 42 листахъ. На первомъ мѣстѣ помѣщены вопросы къ «жачку ученому, надъ иными избранному»: «Что есть единъ?— Единъ есть сынъ Маріинъ. Что есть два?—Два тябла моисео-

Digitized by Google

выхъ. Что есть три? — Три патріарха» и т. д.[1]). Затѣмъ слѣдуетъ «Эхо» но безъ вступленія, которое читается въ Щукинской рукописи.

А тамъ кто отвѣщаетъ словеса красная? — Я.
Что за «я» откликъ? Кто лукавый исконѣ? — Нѣ.
Какъ «нѣ»? О семъ днесь сказати хощу всѣмъ. — Вѣмъ.
Вѣси? Рцы же, отъ кого Адамъ прельщенъ въ раи? — Отъ зміи.
Адамъ ли прежде взялъ овощь со древа? — Евва.
Се солгалъ еси: не змій прельстилъ его, жена. — Она.
Скажи же: кто промежъ ихъ виноватшій былъ тамъ? — Адамъ.
Адаму Евва дала, и Евва въ томъ неправа? — Права.
Какъ права? Гдѣ взяла, — Адамъ не зналъ. — У нее взялъ.
Тѣмъ ли виноватъ, что взялъ отъ ней, а Богъ не велѣлъ? — Ѣлъ.
Какъ бы Адамъ не ѣлъ, былъ ли бы грѣхъ нынѣ? — Нѣ.
Не для яблока Адамъ грѣхъ и клятву къ намъ внесъ — Есть.
И въ міръ весь за то яблоко отдалъ, — Ялъ.
Весь міръ дорого такъ купилъ — Слѣпъ былъ.
Какъ слѣпъ, когда у Еввы взялъ, смотрилъ очима? — Плоцкима.
Очи человѣка ведутъ въ неистоство, — въ лакомство.
Впрямь лакомо ѣлъ — всѣхъ насъ на яблоко проѣлъ.
Смерть свелъ изъ рая на насъ напрасно во грѣсѣ — всѣ.
Сему же мы съ нимъ виновати? — Должны отвѣщати.
Мы съ нимъ яблока вѣдь не съѣли? — Ѣли.
Онъ самъ съѣлъ и его проглотилъ никакъ? — Было такъ.
Чему же мы въ клятвѣ пребываемъ до днесь? — и вѣкъ весь.
Рцы: кого Богъ клялъ нама? — Адама.
О насъ и Адама не клялъ, я такъ внемлю? — Землю.
Про что землю? Земля не рвала яблока съ древа? — Евва.
Ложъ! и Евва не рвала — рвано дано ей змію, і змія не знала.

---

1) Интересное изслѣдованіе о подобныхъ вопросахъ у румынъ, славянъ, нѣмцевъ, французовъ, португальцевъ, евреевъ и др. («Povestea numerilor») въ книгѣ B. Hâjdeŭ, Cărţile poporane. Bucureşci. 1879, pp. 567—292.

Digitized by Google

Зло сотворилъ завистникъ демонъ? — Онъ.
Кто же всѣхъ свободи, кто стерлъ жало демоново? — Слово.
Что то за слово, прошу тя, толкъ ми о семъ дай? — Гадай.
Толико, что Моисеови явися въ купинѣ? — Нѣ.
То ли, что змію на крестѣ въ Хоривѣ прибито? — Не то.
Не то ли, что Амозъ рекъ въ Гаваонѣ? — Нѣ.
Но толи слово, что далъ смертію Махомедъ? — Назаретъ.
Той, что небесный посолъ Дѣвѣ благовѣстилъ? — Гавріилъ.
Тамо красота, небо и зерцало свѣта? — Та.
Она того Слова Мати, руно Гедеона? — Она.
Не то ли тое Слово, что нашимъ тѣломъ скрыто? — То.
Того бо Слова словомъ Искоріотъ лобзалъ. — продалъ.
То же Слово для избавы плоть свою за насъ — отдастъ.
То же претерпѣ крестъ, гвоздіе и терніе — копіе.
За насъ Христосъ онъ грѣхъ и клятвы жало — сокрушивъ Демоново.
Христосъ Слово тридневенъ днесь воскресъ — воистинну воскресъ!

L.

Среди славянскихъ грамотъ румынскаго происхожденія намъ неизвѣстны подложныя, понимая послѣдній терминъ въ смыслѣ палеографическомъ [1]). За то въ числѣ грамотъ подлинныхъ по письму встрѣчаются подложныя по содержанію, и сдѣланы онѣ были съ цѣлью получить въ владѣнье спорную собственность. Объ одной такой грамотѣ мы упоминали въ изслѣдованіи о Цам-

1) Такъ—называемая «быршадская» грамота въ счетъ не идетъ, какъ русская по письму и содержанію. Кромѣ того, мы не имѣемъ подлинника (?), а потому о палеографіи не можетъ быть рѣчи. Для сужденія о ея подложности остаются данныя лингвистическія и дипломатическія.

Digitized by Google

блакѣ (стр. 136—137); объ остальныхъ, начиная съ извѣстной бырладской, скажемъ въ другомъ мѣстѣ. О поддѣлкахъ ихъ говорилось большею частью на судебныхъ разбирательствахъ, имѣвшихъ мѣсто въ господарскихъ совѣтахъ по поводу жалобъ потерпѣвшей стороны, и для опредѣленія такихъ грамотъ служитъ терминъ «ложныя» или «невѣрованныя». Напримѣръ, въ грамотѣ валашскаго господаря Радула Михни 1623 года говорится о подложной грамотѣ и подложной купчей: а таже есть билъ сътвориль Тѹдорань Питарюль тогда книге лъжниче..., и сътворили сѹть Тѹдорань Питарюль и единь записъ лъжник Балев спатар ѿ рѹка его, въ чемъ сознался самъ Баля предъ господаремъ. Поэтому истецъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ[1]). Иногда поддѣлка относилась только къ отдѣльнымъ словамъ, напримѣръ, замѣнѣ одного географическаго названія другимъ. Въ валашской грамотѣ господаря Влада Монаха 1493 г. передается содержаніе судебнаго дѣла на основаніи грамоты брата господаря, Радула, причемъ господарь-преемникъ и бояре постановили: а книге, що есть ѹчиниль ѿ господство ми Татомирь, Ѹрсѣ и Богдань надь хотарь Балещюмь, та имь есть поставиль име Ѹрсещи,—они не сѹ Ѹрсѣщи, нѫ сѹ Свобалещи; та имь сѫть книге невероване[2]). Признанная подложной, грамота уничтожалась здѣсь же въ засѣданіи совѣта. Упомянутая раньше грамота 1623 года даетъ свѣдѣнія о судьбѣ подобнаго документа, фигурировавшаго на судѣ: и ѹзехомь господство ми книге техь лъжниче и записѹль, что ю есть биль сътвориль Балѣ спатар, паки же лъжникь, тере мѹ раздраль господства ми ѹ дивань[3]). Послѣдній терминъ валашскаго судопроизводства взятъ, очевидно, изъ сербскаго, напримѣръ въ Душановомъ Законникѣ, въ главѣ о льжномь писанїи читаемъ слѣдующее: аще се обрѣте оу чиѥмь хрисовоули слово льжно

1) *Сборникъ* болг. мин., IX, 370.
2) Тамъ же, стр. 343.
3) Тамъ, же стр. 370.

Digitized by Google

прѣписано и рѣчи прѣлагамѣ на нию, цю нѣ повелѣль царь, да се тизи хрисовѹли раздерѹ, а онзи кеюе да не има нацинис[1]).

Тѣ же самыя явленія существовали и въ Молдавіи, и большая часть поддѣлокъ стараго времени принадлежала монастырямъ, особенно — игуменамъ изъ грековъ. Новыхъ поддѣлокъ, повторяемъ, не существуетъ, и это объясняется какъ трудностью такой работы, такъ и малымъ интересомъ коллекціонеровъ къ славяно-румынскимъ документамъ, которые очень нерѣдки и доступны по цѣнѣ. Повидимому, рѣдки и подправки въ подлинныхъ грамотахъ, и изъ сотенъ изученныхъ нами молдавскихъ грамотъ мы можемъ указать только одну — изъ собранія П. Щукина[2]). Грамота писана на пергаменѣ, весь текстъ ея не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, и подправленной оказывается только дата, 1409 годъ: на самомъ дѣлѣ она выдана молдавскимъ господаремъ Константиномъ Могилой, который занималъ престолъ въ 1608—1611 годахъ. Этой грамотой господарь даритъ недвижимость (прудъ и прорвавшуюся плотину на р. Реутѣ) двумъ монастырямъ — Драгомиринѣ и Секулу. Приведемъ текстъ документа.

Въ имѣ ѡ҃ца и сна и стгѡ дха, трцѣ ст҃а єдиносѫщна и нераздѣлима. сѐ а҃ рабы ха ба и спа нашегѡ и ѿтин'ны поклонѣ стѣи троицѣ. їѡ костати[т] могила воево[дꙋ]. бжіею мл҃тію г҃прь земли мѡ[лдꙋ]в'скои || ѡ[=] г҃во ми рев'ностїѣ бжі҃ѣѣ блг҃тїѣ ср҃[дц]ноѣ люб'ве ра[ді] е[мꙋ] къ ст҃ы҃ѣ его прквѣ ѿ всегѡ нашегѡ срца, и свѣтлоѣ дшеѣ вьжелѣхѡ спнїе нашѐ раб҃. и за спенїе сѵ҃почи҃шѣ дша ро[дꙋ]телѣй г҃ва ми, помловахѡ наши мл҃твника || ст҃ыа монатыри.

---

1) Т. Флоринскій, Памятники и т. д., стр. 27. Текстъ—по второму Григоровичеву списку.

2) Изъ валашскихъ документовъ I. Богданъ указываетъ грамоту Радула монастырямъ (замѣчательно, что рѣчь идетъ опять о *двухъ* монастыряхъ, которые нерѣдко враждовали между собой изъ за первенства) Козіи и Котмиѣ 1487 года; дату эту онъ считаетъ приписанной позднѣе, Documente, privitoare la relaţiile ţătii Româneşti cu Braşovul şi cu ţara Ungurească. Bucur. 1905, pp. 67—68.

Digitized by Google

монатирѣ драгомир'на, иде ѐ хра съшествїе стгѡ дха. и монастирѣ съкꙋла, иде ѐ хра оусѣкновенїе чтнїѧ глави стго и слав'наго прр҃ка и пртчѣ и кртитѣлѣ хвѣ іѡана. съ еди ста и хръблъ || поу поли тръ ѡр'хеѧ въ рѣцѧ ръꙋти, ꙗко да сътворѧ себѣ ста и млини. что таа хръблъ бѣше сътворе еще ѿ алеѯадра воево. и ѿ тогѡ врѣмѧ ѐ более за не лѣ да до дни гсва ми, и никто ѿ гспрѐ не понови его. || ѿкъда ꙋрвасѧ, нѫ свѐ стоа поу и ѡхаблѐ за въсѐ и не бы никомꙋ ни за еди фолѡ. тѣ же гсво ми дахо си выименовани монатире да его себѣ творѧ и поимаю быти за потрѣбꙋ и за помо сты црква, ꙗко да бъде || и ти стопочив'ши гспре въ памѧ. то ра како да бъде то ста и млини ти вынарицаеми монатире зарано съ въсѣки доходо непрѣменени николи на вѣкы. и да имае на написати въ сты великы помѣни. и сто || почив'ша родител' гсва ми еремїа воеводи, и мтрь гсва ми илисавеѳа, и братїа гсва ми алеѯадрꙋ и бѡда воеводи, и пакы да написꙋесѧ и ѡного стопочив'ша алеѯадра воеводи, зане ѡ би начал'ни хръбли ѡно. тое въсѐ вы || писаное да ѐ и данїе и помлованїе неѿемлемо николи на вѣки. а н'на то ѐ вѣра нашего гсва выписан'наго мы. іѡ костати могила воеводи. и вѣра прѣвъзлюблен'ни. братїа. гсва ми. алеѯадрꙋ и бѡ'да воеводи. и вѣра боꙗ || наши. вѣра пана нистора ꙋрѣке двор'ника донѣи земли. вѣра пана пътрако двор'ника вынѣи земли. вѣра пана геѡгїе пръкъла хотиска града. вѣра пана стѫнисла. и глигорїе моглъди пръкълаби немѣки. вѣра пана мани || и лека пръкълаби ромаскомꙋ. вѣра пана ісака балики пор'тар сꙋчав'скаго града. вѣра пана димитраки потѐника. вѣра пана къръима чаника. вѣра пана василїе геѡгиви стоника. вѣра пана воротар пръжескꙋ комиса. || и вѣра въсѣ боꙗ наши модаски велики и мали. а по наши животѣ кто бъде гспрь ѿ дѣти наши. или ѿ рода нашего. или па бу ко бъ изберѐ гспръ быти нешеи земли модав'стѣи. то би и не порꙋши нашего данїе и помлованїе. али би и дал' и ꙋкрѣпи. а кто би се покꙋси разорити наше данїе и помлованїе е еми дали си вышеречени монатире драгомир'ни, и съкꙋлꙋ. а наипаче ради и толика множетва ке-

тѹванїа. что бѫдѣ ѡ^{ик} || кѣтовати ѿ тѣ стѣı монѧтирѧ. тъ да ѥ непроще^{к} ѿ гѫ ба^{г} и да имаѥ съпер'ника самѡ гѫ бга и спса нашегѡ їѵ^{с} ха. и тѡ прѣтїѫ и въсенепоро^{ч}нѫ прнодвжа мтръ и стго слѧнѧ пр҃ка и пртча и крт҃ителѣ || гнѣ їѡана. а наибѡшѣи крѣпѡ и потвръжен҃іе тѣ вышеписа^{н}нй писанй велѣли ѥмы наше^{мѹ} вѣр'номѹ и пѡтеном^{ѹ} болѣрй пѧ лупѹ строй вѣ лого^{ѳ} писати и нѧ печѧ привезати к сему ѥтином^{ѹ} лѣтѹ наше^{мѹ}.

Писѧ черна ѯ ѳ. в ҃ѧѡ зцѯі ма^{ц} ѣ.

Изъ требующихъ объясненія терминовъ грамоты укажемъ слѣдующіе: ставъ — прудъ (малорусск.); хрѣлъ — гребля, плотина; тръгъ — городъ; wрхен — г. Оргеевъ въ бессарабской г.; млини — водяныя мельницы; фолосъ — польза (греч.); начальникъ гребли — въ смыслѣ «строитель[1])»; келтоуваніе, келтовати — расходъ, расходовать (рум. a cheltui, венг. költeni). Интересны также названія придворныхъ должностей. Между прочимъ, на первомъ мѣстѣ среди бояръ-свидѣтелей стоитъ панъ Несторъ Урѣке, «дворникъ дольней земли», — извѣстный молдавскій хронистъ. Составлена грамота не менѣе извѣстнымъ въ исторіи Молдавіи бояриномъ Лупуломъ Строичемъ, великимъ логоѳетомъ. Переписана она Чернатомъ въ Яссахъ. Всѣ собственныя имена говорятъ о томъ, что документъ можетъ относиться только къ началу XVII вѣка, и дѣйствительно, по справкамъ, подправленной оказывается одна дата. Судьба приведенной грамоты интересна еще потому, что она была издана уже два раза, въ 1848 и 1858 годахъ, причемъ въ то время дата еще не была подправлена. Во II томѣ «Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей» (документъ № IV, стр. 565) грамота относится къ 1 мая 1609 года, и печать при ней имѣется; въ примѣчаніи сказано, что она доставлена Бессарабской Межевой Конторой

1) Ср. значеніе греко-слав. «ктиторъ»: и бысть сии князь ктиторъ єродіакwн Иліи, възнамѣ бо ижѣ на трѣкѣ хр'тію и прочаа, *Л. Стојановић*, Стари српски записи и натписи, I, 322.

Digitized by Google

(стр. 566). Въ IV томѣ того же изданія текстъ ея также вполнѣ сходенъ съ предыдущимъ, но при датѣ «1 мая» стоитъ также и «30 мая», которой раньше какъ будто не было; печати уже нѣтъ (документъ № VIII, стр. 344 — 345). Оба раза она находилась въ какихъ-то частныхъ рукахъ, и почти черезъ 50 лѣтъ даты оказываются настолько хорошо подправленными, что признаніе ихъ поддѣльными было сдѣлано нами только послѣ сравненія съ указанными изданіями. Очевидно, ρ сотенъ лѣтъ передѣлано на ц, а $\overline{а}$ при названіи мѣсяца — на в.

А. И. Яцимирскій.

Digitized by Google

Греческій романъ въ русскихъ переводахъ XVIII-го вѣка [1]).

До нашихъ дней отъ стараго греческаго романа уцѣлѣло лишь нѣсколько произведеній, которыя всѣ разбросаны на пространствѣ 7—9 вѣковъ (Произведеніе Ямвлиха Rhode относитъ къ II в., — сочиненіе Евстаѳія къ X—XII в.). Можно думать, эти немногія произведенія—лишь незначительные осколки большой, когда-то вполнѣ опредѣленной и своеобразной, романической литературы, до нашихъ дней не дошедшей. Праисторія ея возстановлена вполнѣ правдоподобно, особенно благодаря работамъ А. Н. Веселовскаго [2]) и Rhode [3]). Хотя, конечно, никакія усилія кабинетныхъ ученыхъ не возсоздадутъ намъ полной картины всего утраченнаго, — тѣмъ не менѣе, и дошедшіе до насъ романы настолько характерны и содержательны, что даютъ прочныя основанія для того, чтобы говорить съ увѣренностью о прошломъ греческаго романа. Но значеніе этихъ немногихъ дошедшихъ до насъ произведеній не исчерпывается ихъ цѣнностью

1) Этого вопроса касался покойный А. И. Кирпичниковъ въ своемъ сочиненіи: «Греческіе романы въ новой литературѣ» (Харьковъ, 1876). Примыкая въ нѣкоторыхъ частяхъ къ выводамъ означенной книги, я, при пересмотрѣ матеріала, примѣнивъ къ его анализу другіе пріемы, сдѣлалъ и свои заключенія.

2) А. Н. Веселовскій, «Беллетристика у древнихъ грековъ» (Вѣстникъ Европы, 1876 г., № 12); его-же: «Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іоасафъ» (Журналъ М. Н. Пр., 1877 г., № 7).

3) Erwin Rohde, «Der griechische Roman und seine Vorläufer» Leipz. 1900.

Digitized by Google

для реконструированья погибшей эволюціи древняго романа,— бо̀льше значенія имѣютъ они для исторіи новаго европейскаго романа, представляя собою тѣ немногіе образцы, на которыхъ строился весь европейскій романъ и даже эпосъ, начиная съ эпохи возрожденія вплоть до XVIII-го вѣка, когда, имъ на смѣну, явился романъ «англійскій», воодушевленный совсѣмъ иными идеалами, отличающійся новой архитектоникой, новымъ стилемъ...

Такимъ образомъ, въ европейской литературѣ вліяніе этихъ *осколковъ* стараго погибшаго романа продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Не такъ значительна была судьба его у насъ въ Россіи: мы въ началѣ XVIII в. ознакомились заразъ съ романомъ «псевдоклассическимъ», «классическимъ» и «англійскимъ»[1]). Такимъ образомъ, была нарушена та постепенность, которая наблюдается въ смѣнѣ этихъ романическихъ «типовъ» на западѣ. На русскаго читателя въ XVIII-омъ вѣкѣ послѣ Петра сразу нахлынули все «новое», чѣмъ интересовался западъ и «старое», давно тамъ пережитое, но намъ еще невѣдомое. Изъ этой путаницы различныхъ литературныхъ вкусовъ и настроеній выбраться было нелегко русскому читателю и писателю,— вотъ почему выяснить взаимоотношеніе и судьбу различныхъ «типовъ» интересующаго насъ жанра — необходимо.

Нетрудно замѣтить, что даже немногіе, дошедшіе до насъ, греческіе романы распадаются на три группы, повторяющіяся впослѣдствіи въ романической литературѣ каждаго европейскаго народа: 1) *идеалистическій* романъ, подраздѣляющійся на: a) героическій и b) пастушескій 2) *реалистическій*, или новеллу — и 3) на *романъ-сказку*, представляющій собою сочетаніе образовъ и фантастическихъ мотивовъ народнаго сказочнаго эпоса съ формами романа искусственнаго.

Въ настоящемъ очеркѣ я остановлюсь исключительно на

1) В. Сиповскій, «Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти (Матеріалы по библіографіи, исторіи и теоріи русскаго романа XVIII вѣка)» ч. I. Спб. 1903.

Digitized by Google

«идеалистическомъ» греческомъ романѣ вида «героическаго». Изъ произведеній этого рода на русскій языкъ были въ XVIII в. переведены слѣдующіе:

1) «*Похожденіе Керея и Каллирои*», сочиненное на греческомъ языкѣ Харитономъ Афродійскимъ, а съ нѣмецкаго на россійской переведено Иваномъ Акимовымъ. Въ Спб. 1763 г. (В. Сиповскій op. cit. № 115)[1]).

2) «*Образъ невинной любви, или странныя приключенія сіонской царевны Хариклеи и Θеагена Θессалянина*», сочинены на Греческомъ языкѣ Иліодоромъ Емесейскимъ, а съ Латинскаго на Россійскій переведены коллежскимъ регистраторомъ Иваномъ Мошковымъ. Ч. I—II. Спб. 1769. (В. Сип. № 230).

3) «*Торжество супружеской любви надъ злосчастіями или приключенія Аврокома и Анѳіи*». Ефесская повѣсть. Сочиненіе Ксенофонта. Переводъ съ греческаго на французскій, а съ сего на Россійскій языкъ. В. П. Москва 1793 г. (№ 1511).

Можно думать, что русскіе любители романовъ не могли не знать и популярнаго въ западной Европѣ произведенія Ахилла Тація: «*Исторія Левкиппы и Клитофона*», хотя на русскій языкъ это произведеніе переведено не было.

Конечно, прежде всего, является вопросъ, въ какой мѣрѣ переводы передавали духъ греческаго подлинника, какимъ измѣненіямъ подвергалось содержаніе и стиль оригинала, перейдя, черезъ третьи-четвертыя руки, къ намъ въ Россію?

Не вдаваясь въ подробныя изысканія, что̀ въ этихъ русскихъ переводахъ должно быть поставлено за счетъ латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и, наконецъ, нашихъ русскихъ переводчи-

---

1) 2-ое изданіе 1766. (В. Сип. № 190) Дрyгое изд. 1793 г. подъ заглавіемъ: «*Славные язычники, или весьма достойнѣйшія любопытства приключенія Керея и Каллирои, знатнѣйшихъ Сиракузянъ, исполненное трогательныхъ простотой, чрезвычайныхъ бѣдствій и страшныхъ перемѣнъ, увѣнчанныхъ счастливымъ окончаніемъ въ ихъ жизни случившихся*». Калуга 1793 г. (№ 1504).

Digitized by Google

ковъ, мы изъ одного сличенія греческаго оригинала съ тѣмъ окончательнымъ видомъ произведенія, какой получился въ русскомъ переводѣ, съ полнымъ правомъ сдѣлаемъ нѣсколько заключеній, вполнѣ достаточныхъ для болѣе вѣрнаго сужденія о степени вліянія греческаго романа на западно-европейскій и русскій.

Прежде всего, окажется, что изъ трехъ названныхъ романовъ ближе всѣхъ къ своему подлиннику переведенъ романъ Геліодора,—другіе же два скорѣе могутъ быть названы *передѣлками* стараго текста на новый ладъ.

Такъ какъ эти «передѣлки» всѣ сдѣланы были, вѣроятно, не русскими литераторами, которые переводили, конечно, не съ греческаго, а съ французскаго и нѣмецкаго, и для массы русскихъ читателей греческіе романы въ ихъ чистомъ видѣ были недоступны, то можно съ увѣренностью утверждать, что *оригиналы* греческихъ романовъ никакой цѣны въ смыслѣ воздѣйствія на русскую литературу не имѣли. Вотъ почему, желая выяснить значеніе греческихъ романовъ на русскій XVIII-го вѣка, надо брать эти романы *не въ оригиналѣ, а въ переводахъ.*

Во всякомъ случаѣ, небезполезно выяснить характеръ тѣхъ отклоненій отъ оригинала, (независимо отъ мѣста, гдѣ они произошли), которыя позволяли себѣ переводчики греческихъ романовъ: такія отклоненія лучше всего указываютъ на то, въ чемъ литературные вкусы новаго времени отошли отъ вкусовъ старины: въ этихъ, иногда мелкихъ отступленіяхъ, внимательный глазъ можетъ усмотрѣть указанія, куда повернетъ дальнѣйшая эволюція жанра...

Какъ примѣры наиболѣе значительныхъ отступленій отъ текста оригинала привожу, хотя-бы, слѣдующіе примѣры:

Изъ Геліодора.

1. σιγῆς δὲ τὸ ἔλος κατασχούσης καὶ νυκτὸς εἰς πρώτην φυλακὴν προελθούσης, τὴν ἐρημίαν τῶν ὀχλησόντων εὐπορίαν εἰς θρήνους οἱ περὶ τὴν κόρην ἐλάμβανον,

..Какъ во всемъ островѣ сдѣлалась глубочайшая тишина, то самые сіи безмолвные часы и тѣ спокойнѣйшія минуты подали случай дѣвицѣ къ про-

Digitized by Google

ἀναχινούσης αὐτοῖς, οἶμαι, πλέον τὰ πάθη τῆς νυκτός, ἅτε οὐδεμιᾶς οὔτε ἀκοῆς οὔτε ὄψεως ἐφ' ἑαυτὴν ἀντισπώσης, ἀλλὰ μόνῳ, τῷ λυποῦντι σχολαζειν ἐπιτρεπουσης, πολλὰ δὴ οὖν ἀνοίμώξασα καθ' ἑαυτὴν ἡ κόρη (κεχώριστο γὰρ, τοῦτο προσταχθέν, ἐπί τινος χαμεύνης καταχαχλιμένη) καὶ ὅσον πλεῖστον ἐπιδακρύσασα... («Erotici scriptores graeci», recogn. R. Herher 10, 13).

литію многихъ слезъ. Оная ночь возбуждала въ ея сердцѣ несказанную грусть и величайшую скорбь. Ибо она, для прогнанія своихъ печалей, ничего не находила такого, на что бы могла или спокойно взирать, или по малой мѣрѣ, съ пріятностью что слушать. Словомъ сказать: все, что̀ ни представлялось взору ея, увеличивало только ея унынie. Она, сидя на убогой постели въ означенной каморкѣ, глубочайше воздыхала, проливъ слезъ токи.. (I, 18).

2. καὶ ἔτι λέγουσαν ἐπεῖχεν ὁ Θεαγένης, παῦε, λέγων, ὦ φιλτάτη καὶ ψυχὴ ἐμὴ Χαρίκλεια. θρηνεῖς μὲν εἰκότα, παραξύνεις δὲ πλέον ἢ δοκεῖς τὸ θεῖον· οὐ γὰρ ὄνειδίζειν ἀλλὰ παρακαλεῖν χρεών. (11, 2).

..Какъ она продолжала такую жалобу, то Θеагенъ, прервавъ ея рѣчь, сказалъ: «успокойтесь, возлюбленная моя Харикліа (имя той дѣвицы). Положимъ, хотя вы и справедливую имѣете причину такъ сѣтовать: но тѣмъ больше раздражаете Небо. Божество негодованіемъ гнѣвить не должно, но паче подлежитъ молить его. Прошеніемъ, а не роптаніемъ умилостивляется то, что̀ есть могущественное.. (I, 20).

3. κἂν τούτῳ τραγικόν τι καὶ γοερὸν ὁ Θεαγένης βρυχώμενος ὦ πάθους ἀτλήτου φησίν, ὦ συμφορᾶς θεηλάτου. τίς οὕτως ἀκόρεστος ἐρινὺς τοῖς ἡμετέροις κακοῖς ἐνεβάκχευσε. φυγὴν τῆς ἐνεγκούσης ἐπιβαλοῦσα, κινδύνοις θαλασσῶν, κινδύνοις πειρατηρίων ὑποβαλοῦσα λῃσταῖς παραδοῦσα πολλάκις, τῶν ὄντων ἀλλοτριώσασα; ἓν μόνον ἀντὶ πάντων ὑπελείπετο καὶ τοῦτο ἀνήρπασται. κεῖται Χαρίκλεια, καὶ πολεμίας χειρὸς ἔργον ἡ φιλτάτη γεγένηται, δῆλον μὲν ὡς σωφροσύνης ἀντεχομένη καὶ ἐμοὶ δῆθεν ἑαυτὴν φυλάττουσα, κεῖται δ' οὖν ὅμως ἡ δυστυχής, οὐδέν μέν αὐτὴ τῆς ὥρας ἀποναμένη εἰς οὐδέν δ' ὄφελος ἐμοὶ γενομένη, ἀλλ' ὦ γλυκεῖα, προφθέγξαι τὰ τελευταῖα καὶ εἰωθότα ἐπίσκηψον, εἴ τι καὶ κατὰ μικρὸν ἐμπνεῖς οἶμοι, σιωπᾷς, καὶ τὸ μαντικὸν ἐκεῖνο καὶ θεηγόρον στόμα σιγὴ κατέχει, καὶ ζόφος τὴν πυρφόρον καὶ χάος τὴν ἐκ τῶν ἀνακτόρων κατείληφεν.. и т. д. (41, 17)

..Θеагенъ, оставшись одинъ, слезъ проливая струи, вопѣлъ: «О, Небеса, ополчившіяся на мою погибель! Харикліа убита злодѣйскою рукою, безъ сомнѣнія, защищала цѣломудріе отъ насилія. Жесточайшая судьба, богослужительницу отъ жертвенника отторгнувъ, вѣчной тьмѣ препоручаетъ...

..О возлюбленная! естьли имѣете нѣсколько дыханія, подайте хоть малое въ бѣдствіяхъ моихъ утѣшеніе. Но увы! презрѣнное молчаніе пріятныя уста затворяетъ на вѣки. Очи, очи, озаряющія непорочныя сердца, сон-

Digitized by Google

(далѣе текстъ ближе къ русскому переводу).

5. ὁ δὲ Κνήμων τοῦ δωματίου προήκων ἐπάσχε μὲν οἷα εἰκὸς ἦν τὸν νυκτωρ καὶ σκότους καὶ κατ' οἰκίαν ἄγνωστον ἀλύόντα. πλὴν ἀλλὰ πάντα γε ὑπέμενε, τὸ δεῖμα τὸ ἐκ τῆς Θίσβης καὶ τὴν ὑπόνοιαν ἀποδύσασθαι σπεύδων, ἕως ὀψέ ποτε καὶ πολλάκις τοὺς αὐτοὺς ὡς ἄλλοτε ἄλλους ἀνελίττων τόπους ἥσθετο γυναικὸς λαθραῖον τι καὶ γοερὸν οἷον ἠρινῆς ἀηδόνος αἴλινον, ἐν νυκτί μυρομένης, ἐπί τε τὸ δωμάτιον ὑπὸ τοῦ θρήνου χειραγωγούμενος ὥρμησε. καὶ ταῖς θύραις, καθ' ἃ συνέπιπτον ἀλλήλαις, τὸ οὖς παραθέμενος ἐπηκροᾶτο, καὶ τοιάδε κατελάμβανεν ἔτι θρηνοῦσαν (124, 10).

..Онъ, тихонько вышедъ изъ покоя, блудилъ весьма долго, какъ обыкновенно бываетъ ночью въ незнаемомъ домѣ. Однако одолѣвалъ всѣ оныя трудности, желая скорѣе свободиться отъ страха, которой причиняло пустое имя Θисвы. Вышедъ онъ изъ сего Лавгеринта, услышалъ женщину, поющую жалобную пѣснь, ровно соловья, вызволеннаго теплотою вешняго времени. Онъ, припавъ къ дверямъ, услышалъ слѣдующее... (I, 211).

6. ἐγὼ δὲ ἡ παναθλία χεῖρα λῃστρικὴν ἐκπεφευγέναι καὶ μιαιφόνων ᾠόμην θάνατον ἐλπισθέντα διαδρακέναι βιώσεσθαί τε τὸ λειπόμενον ἅμα τῷ φιλτάτῳ ξένον μὲν καὶ ἀλήτην βίον ἀλλὰ μετ' ἐκείνου γινόμενον ἥδιστον. οὐδὲν γὰρ οὕτως ἐμοὶ χαλεπόν, ὃ μὴ μετ' ἐκεῖνου φορήτον...; νυνὶ δὲ ὁ μηδέπω κεκορεσμένος ἐμὲ ἐξ ἀρχῆς εἰληχὼς δαίμων μικρὸν τῶν ἡδονῶν ὑποθέμενος, εἶτα ἡπάτησε. δουλείαν ᾤμην ἐκπεφευγέναι, καὶ δονλεύω πάλιν. δεσμωτήριον καὶ φρουροῦμαι. νῆσος εἶχέ με καὶ σκότος... (124, 21).

..«Ахъ, безчастнѣйшая изъ всѣхъ человѣкъ! Недавно избавясь отъ рукъ разбойничьихъ, надѣялась съ любезнымъ препровождать жизнь въ странствованіяхъ; но Небо лишило меня чаемыхъ веселій! О, Небеса, что̀ еще будетъ далѣе? На островѣ заключена была въ глубокой пещерѣ; а здѣсь заключена въ теминцѣ!» (I, 212).

Изъ Ксенофонта.

7. παιδείαν τε γὰρ πᾶσαν ἐμελέτα καὶ μουσικὴν ποικίλην ἤσκει, θήρα δ' αὐτῷ καὶ ἱππασία καὶ ὁπλομαχία συνηθη γυμνάσματα («op. cit.» 329, 8).

...Ежели онъ игралъ на лирѣ, то почитали его за Аполлона; ежели пѣлъ,— за Орфея. Онъ проворно метатъ копье, и самый Марсъ не могъ бы править конемъ съ большею пріятностью и важностью. (2).

8. Καὶ τότε μὲν θύσαντες ἀπηλλάττοντο λυπούμενοι καὶ τῷ τάχει τῆς ἀπαλλαγῆς μεμφόμενοι· (καὶ) ἀλλήλους βλέπειν ἐθέλοντες ἐπιστρεφόμενοι καὶ ὑφιστάμενοι πολλὰς προφάσεις διατριβῆς εὕρισκον. Ὡς δὲ ἦλθον ἑκάτερους παρ' ἑαυτόν, ἔγνωσαν τότε οἳ κακῶν ἐγεγόνεσαν· καὶ ἔννοια

..По совершеніи жертвоприношенія пришла жестокая минута разлуки. Какая минута! Они обвиняли жребій въ свирѣпости за то, что онъ принуждалъ ихъ столь скоро разлучаться; обращались назадъ, останавливались.. Любовь изыскивала имъ тысячу предлоговъ

Digitized by Google

ἐκείνους ὑπῆει τῆς ὄψεως θατέρου καὶ ὁ ἔρως ἐν αὐτοῖς ἀνεκαίετο καὶ τὸ περιττὸν τῆς ἡμέρας ἀυξήσαντες τὴν ἐπιθυμίαν, ἐπειδὴ, εἰς ὕπνον ἦεσαν, ἐν ἀθρόῳ γίνονται τῷ δεινῷ, καὶ ὁ ἔρως ἐν ἑκατέροις ἦν ἀκατάσχετος. Λαβὼν δὴ τὴν κόμην ὁ Ἀβροκόμης καὶ σπαράξας τὴν ἐσθῆτα φεῦ μοι τῶν κακῶν εἶπε... (332, 18).

помедлить долѣе, и долѣе наслаждаться удовольствіемъ другъ друга видѣть. Но въ какомъ были они состояніи, когда, будучи лишены сего послѣдняго удовольствія, возвратились въ свои домы! размышленіе только лишь возращало ихъ злоключеніе; тогда-то познали они всѣ успѣхи, которые любовь уже произвела въ сердцахъ ихъ: каждой вспоминалъ различныя движенія, восчувствованныя имъ въ сей день; любезный образъ не оставлялъ ихъ болѣе, и казался изгоняющимъ изъ духа ихъ все то, что не имѣло къ нему отношенія; страсть ихъ возжигалась безпрестанно съ живѣйшимъ жаромъ; желанія ихъ возрастали постепенно, дабы терзать ихъ ощутительнѣе.

Ночь приближалась, и мрачность ея, удаленная отъ успокоенія ихъ волненій, соединившись съ уединеніемъ, дѣлала жесточайшими мученія,—тщетно они стараются заснуть: сонъ убѣгаетъ отъ вѣждъ ихъ.

Со всѣмъ тѣмъ Авроком столько былъ утомленъ, что засыпаетъ. «Боги! вопіетъ онъ при пробужденіи, исторгая власы и раздирая одежду, какія напасти должно понести мнѣ!» (14).

9. Διέκειτο δὲ καὶ ἡ Ἀνθεια πονηρως· καὶ οὐκέτι φέρειν δυναμένη ἐπεγείρει ἑαυτήν, πειρωμένη τοὺς πάροντας λανθάνειν (333, 21).

..Нѣжная Анеія равномѣрно сносила жесточайшія немощи; пораженная тысящію мучащихъ ее сновидѣній пробуждается въ ужасѣ и возстаетъ безъ шума, опасаясь, дабы кто-нибудь изъ домашнихъ не примѣтилъ ее. (19).

10. ἤδη δὲ αὐτῷ καὶ τὸ σῶμα πᾶν ἠφάνιστο καὶ ἡ ψυχὴ κατεπεπτώκει (334, 20).

..Авроком увядалъ подобно прекрасному цвѣтку, который сохнетъ на стеблѣ, вянетъ и отпадаетъ листочекъ за листочкомъ (22).

11. Ταῦτα ὡς ἐκομίσθη τὰ μαντεύματα εἰς Ἔφεσον εὐθὺς μὲν οἱ πατέρες αὐτῶν ἦσαν ἐν ἀμηχανίᾳ καὶ τὸ δεινὸν ὅ τι ἦν πάνυ ἠπόρουν· συμβάλλειν δὲ τὰ τοῦ θεοῦ λόγια οὐκ ἐδύναντο οὔτε γὰρ τίς ἡ νόσος οὔτε ὁ πόταμός τις, οὔτε τις ἡ ἐκ τοῦ θεοῦ βόηθεια (335, 25).

..Сіе прорицаніе принято было въ Ефесѣ съ великимъ повиновеніемъ и хотя оно предвѣщало одни печальные случаи, но почли за долгъ исполнить волю боговъ, надѣясь умилостивить гнѣвъ ихъ. (27).

Digitized by Google

12. Κατὰ ταυτὰ δὲ καὶ ἡ Ἀνθεια ἥδετο μὲν ὅτι Ἀβροκόμην ἕξει· (336, 11).

..Анѳія не менѣе чувствовала удовольствія исполнить повелѣнія судьбы. (28)..

13. Τοῖς δὲ ἑκατέροις πάθος συνέβη ταὐτόν, καὶ οὔτε προσειπεῖν ἔτι ἀλλήλους ἠδύναντο οὔτε ἀντιβλέψαι τοῖς ὀφθαλμοῖς, ἔκειντο δὲ ὑφ' ἡδονῆς παρειμένοι, αἰδούμενοι, φοβούμενοι, πνευστιῶντες· ἐπάλλετο δε αὐτοῖς τα σώματα καὶ ἐκραδαίνοντο αὐτοῖς αἱ ψυχαί (337, 5).

..Нѣкоторое тайное волненіе удерживало ихъ обоихъ и задушало ихъ голосъ; они не смѣли взглянуть другъ на друга. Излишество удовольствія повергало ихъ въ слабость; стыдливость, страхъ, желаніе, частое біеніе сердца, едва позволяющее имъ дыхать, и самое услажденіе, хотя еще не совершенное, приводило ихъ въ трепетаніе и производило въ нихъ великое трепетаніе (33).

14. Ἑορτὴ δὲ ἦν ἅπας ὁ βίος αὐτοῖς καὶ μεστὰ εὐωχίας πάντα καὶ ἥδη καὶ τῶν μεμαντευμένων λήθη ἀλλ' οὐχὶ τὸ εἰμαρμένον ἐπελέληστο οὐδ' ὅτῳ ἐδόκει ταῦτα θεῷ ἠμέλει (338, 22).

..Какая блаженная жизнь! дни ихъ протекали въ безпрерывныхъ праздноваиіяхъ; будучи безпрестанно окружены забавами, не безпокоились они о бѣдственномъ предсказаніи Оракула; не помышляли болѣе о сдѣланномъ съ ними договорѣ; но судьба, углубленная въ страшную свою книгу, не теряла изъ виду того ужаснаго листа, на которомъ приговоръ сей подписанъ былъ собственною ея рукою (39).

15. εἰ δὲ ἄλλο τι συμβαίη, τοῦτο μὲν ἴστε οὐδὲ ἡμᾶς ἔτι ζησομένους· προίεμεν δὲ ὑμᾶς ὁδὸν μὲν δυστυχῆ ἀλλ' ἀναγκαίαν (340, 2).

..Увы! ежели Небо опредѣляетъ не иначе, вѣрьте, что мы не будемъ имѣть силы!..

16. ἄν δ' ἄρα τι ᾖ πεπρωμένον παθεῖν, καί πως ἀλλήλων ἀπαλλαγῶμεν, ὁμόσωμεν ἑαυτοῖς... (340, 23).

..Но ежели судьба, высшая самихъ боговъ, удалитъ насъ другъ отъ друга, клянись мнѣ!.. (41).

17. δεῖ δέ σε τῇ τύχῃ πάντα λογίσασθαι καὶ στέργειν τὸν κατέχοντα δαίμονα καὶ τοὺς γενομένους δεσπότας ἀγαπᾶν (345, 19).

..такое есть опредѣленіе судьбы; и въ такомъ обстоятельствѣ для уменьшенія ея жестокости на сіе остается тебѣ надѣяться; покорись безъ роптанія дарованному тебѣ небомъ господину! (66).

18. αὐτὸς δὲ ἐν μεγάλῃ συμφορᾷ κατ' Ἀνθειαν ἦν. (354, 29).

..Но онъ мало казался чувствительнымъ къ сему слабому благоволенію судьбы. (105).

19. Και δὴ εὐωχουμένων αὐτῶν ἐστέναξεν ὁ Ἱππόθοος καὶ ἐπεδάκρυσεν (360, 4).

..Въ одинъ день, какъ они одни обѣдали, Ипотоусъ весьма нѣжно вздохнулъ, и вздохъ сей вскорѣ сопровождаемъ былъ слезами (129).

Digitized by Google

20. ἑως δαίμων τις ἡμῖν ἐνεμέσησε (360, 28).

..но счастье не могло взирать на нихъ безъ зависти (132).

Изъ Харитона.

21. Ἑρμοκράτης, ὁ Συρακουσίων στρατηγός, οὗτος ὁ νικήσας Ἀθηναίους εἶχε θυγατέρα Καλλιρόην τοὔνομα, θαυμαστόν τι χρῆμα παρθένου καὶ ἄγαλμα τῆς ὅλης Σικελίας· ἦν γὰρ τὸ κάλλος, οὐκ ἀνθρώπινον ἀλλὰ θεῖον, οὐδὲ Νηρηίδος ἢ Νύμφης τῶν ὀρειῶν ἀλλ' αὐτῆς Ἀφροδίτης (op. cit. 3, 4).

..Гермократъ, знатнѣйшій полководецъ Сиракузскій, прославившійся полученною побѣдою надъ Аѳинянами, когда они высылали флотъ для покоренія Сициліи, имѣлъ дочь, именемъ Каллирою, которая чрезвычайною своею красотою столько же была славна, какъ и отецъ ея побѣдоноснымъ своимъ оружіемъ. Казалось, будто бы само Провидѣніе нарочно въ ея пользу трудилось, дабы всѣмъ тѣмъ наградить, чѣмъ бы она прочихъ смертныхъ превосходила. (1).

22. Τότε δὲ Χαιρέας ἀπὸ τῶν γυμνασίων ἐβάδιζεν οἴκαδε στίλβων ὥσπερ ἀστήρ· ἐκήνθει γὰρ αὐτοῦ τῷ λαμπρῷ τοῦ προσώπου τὸ ἐρύθημα τῆς παλαίστρας ὥσπερ ἀργύρῳ χρυσός; ἐκ τύχης οὖν περί τινα, καμπὴν στενωτέραν συναντῶντες περιέπεσον ἀλλήλοις, τοῦ θεοῦ πολιτευσαμένου τήνδε τὴν (σύνοδίαν), ἵν' ἑκα(τερος τῷ) ἑτερ(ῳ) ὀφθῇ. Ταχέως οὖν πάθος ἐρωτικὸν ἀντέδωκαν ἀλλήλοις... (4, 1).

..Керей пришелъ туда же съ площади, на которой по греческому обыкновенію въ рыцарскихъ наукахъ упражнялся. Онъ тогда отъ жару и сильнаго движенія такъ въ лицѣ разгорѣлся, что болѣе обыкновеннаго румяность и живность на оное выступя, тѣмъ сильнѣе красоту его умножили. По прибытіи строя въ Катицу, женщины разошлися по гульбищамъ, лежащимъ около онаго; къ нимъ пристали молодые Сиракузяне и препровождали время пріятными разговорами и забавами. Нечаянно, однакожъ, не безъ особливаго промысла сего божества, которому день сей посвященъ былъ, Каллироя съ Кереемъ встрѣтилась. Сердца ихъ отъ взаимныхъ взглядовъ вдругъ заразилися... (3).

23. Νὺξ ἐπῆλθεν ἀμφοτέροις δεινή· τὸ γαρ πῦρ ἐξεκάετο. Δεινότερα δ' ἔπασχεν ἡ παρθένος διὰ τὴν σιωπήν, αἰδουμένη κατάφωρος γενέσθαι (4, 18).

..Между тѣмъ настала ночь. Ни въ какое время человѣческія сердца столь способны не бываютъ слѣдовать ихъ страстямъ и онымъ себя поработить, какъ въ тихость ночную. Оба воздыхали, и старалися истребить раждающееся въ нихъ пламя... (4).

24. ἐστρατολόγει δὲ αὐτοὺς ἐπὶ τὸν κατὰ Χαιρέου πόλεμον ὁ φθόνος (6, 16).

..Соотвѣтствующая ихъ судьба соединяетъ теперь ихъ нравы. (9).

Digitized by Google

25. Κατεστρατηγήθη δ' ὑπὸ τῆς τυχης πρὸς ἣν μόνην οὐδὲν ἰσχύει λογισμὸς ἀνθρώπου φιλόνεικος γὰρ ἡ δαίμων, καὶ οὐδὲν ἀνέλπιστον παρ' αὐτῇ. καὶ τότ' οὖν πρᾶγμα παράδοξον, μᾶλλον δὲ ἄπιστον κατώρθωκεν. ἄξιον δὲ ἀκοῦσαι τὸν τρόπον. Ἐπεβούλευσεν ἡ τύχη τῇ σωφροσύνῃ τῆς γυναικός. (40, 4).

..Но сколько она хитрости и лукавству не противилась, только, наконецъ, отъ обману фортуны избавиться не могла; ибо сему одному никакой человѣческой разумъ противиться не въ силахъ; да и притомъ кажется, что сіе божество тѣмъ болѣе гнѣвается, когда видитъ, что убѣгаютъ отъ его воли и всѣмъ тѣмъ, чего еще и не ожидаешь, искушаетъ, дабы единожды принятое исполнить намѣреніе; какъ и тогдашнее щастіе учинило совсѣмъ особливое приключеніе... (76).

Если всѣ приведенные примѣры даютъ представленіе о «передѣлкахъ», главнымъ образомъ, *стилистическаго* характера, то въ ниже приведенныхъ мы имѣемъ дѣло съ передѣлками *психологическаго* характера: ради психологической ясности переводчики, обыкновенно, развивали и распространяли соотвѣтствующія мѣста греческихъ подлинниковъ (См. также выше примѣры 8, 9, 13, 18, 23). Какъ примѣръ, приведу, хотя бы, изъ романа Геліодора слѣдующія мѣста:

26. ἐπείθετο ὁ Κνήμων· καὶ τήν τε δέλτον ἐπικομιζόμενοι καὶ τὸ ξίφος ἀνελόμενοι παρὰ τὴν Χαρίκλειαν ἔσπευδον. ἣ δὲ χερσί τε ἅμα καὶ ποσὶν ἐπὶ τὴν αὐγὴν ἀνερπύσασα, προσδραμοῦσά τε τῷ Θεαγένει, τοῦ αὐχένος ἐξήρτητό; καὶ ἣ μὲν ἔχω σε Θεάγενες; ὁ δε ζῇς μοι Χαρίκλεια; πολλάκις ἔλεγον· καὶ τέλος εἰς τοῦδαφος ἀθρόον καταφέρονται, καὶ εἴχοντο ἀλλήλων, ἄναυδοι μὲν ἀλλ' ὥσπερ ἡνωμένοι. Καὶ μικρὸν ἔδει ἀποθνήσκειν αὐτούς· οὕτως ἄρα καὶ τὸ χαρᾶς ὑπερβάλλον εἰς ἀλγεινὸν περιέστη πολλάκις, καὶ τῆς ἡδονῆς τὸ ἄμετρον ἐπίσπαστον λύπην ἐγέννησεν (43, 19).

..Кнемонъ, легко на то согласясь, взявъ мечъ и письмо, пошли далѣе къ Хариклеѣ, которая, увидя свѣтъ, торопилась къ оному. Какъ скоро прошла къ нимъ, вдругъ бросясь къ Θеагену на шею, вскричала: «О, дражайшій! Боги паки мнѣ васъ препоручили». А онъ: «О, возлюбленная! вы здравствуете»? На такихъ привѣтствіяхъ, связась крѣпчайшими объятіями, упали оба въ опасной обморокъ. И подлинно, какъ великое унынie скорбь производитъ, такъ и чрезмѣрное обрадованіе нерѣдко по себѣ печальнѣйшія слѣдствія оставляетъ. Подобно и сіи невинно любящія сердца, и спасшіяся, кромѣ всякаго надѣянія, были при самой почти смерти. (I, 77).

27. ἐγέλασαν πρὸς ταῦτα βραχύ τι καὶ βεβιασμένον, οὐδὲ τοῦτο ἀδάκρυτον, ἀλλ'

..Въ сихъ дружескихъ разговорахъ, то смѣялись отъ радости, то, по нѣко-

Digitized by Google

ὡς ἄν ἐν τοσαύτῃ τῇ συμφορᾷ, πλέον τῷ θρήνῳ κεκαρασμένον. (43, 20).

ему внутреннему волненію духа, воздыхая, лили слезы... (I, 78).

28. αὐτὸς δὲ ἐκ ποδὸς παραθέων καὶ προσανέχων, εἴ ποί τις αὐτῶν περιτρέποιτο. καὶ ἦν δόξης οὐκ ἐκτὸς το γινόμενον· δουλέυειν ὁ ἄρχων ἐφαίνετο, καὶ ὑπηρετεῖσθαι ὁ κρατῶν τοῖς ἐαλωκύσιν ἠρεῖτο. οὕτως εὐγενείας ἔμφασις κατ' κάλλους ὄψις καὶ λῃστρικὸν ἦθος οἶδεν ὑποτάττειν, καὶ κρατεῖν τῶν αὐχμηροτέρων δύναται.(10,8).

...а самъ, подлѣ нихъ идучи, поддерживалъ то ее, то его: потому что отъ слабости они не могли еще сидѣть на коняхъ крѣпко. Онъ вмѣнялъ въ великое себѣ удовольствіе, что служитъ тотъ, которой недавно былъ повелителемъ. Побѣдитель о томъ только мыслилъ, какъ бы услужить плѣнникамъ. Подлинно можно сказать, что всѣ благородные и великодушные поступки обладаютъ варварами: также и красота не менѣе смягчаетъ сердца жесточайшія. (I, 14).

29. κόρη καθῆστο ἐπὶ πέτρας, ἀμήχανόν τι κάλλος, καὶ θεὸς εἶναι ἀναπείθουσα, τοῖς μὲν παροῦσι περιαλγοῦσα, φρονήματος δὲ εὐγενοῦς ἔτι πνέουσα (4, 20).

..Она, хотя для тогдашняго бѣдственнаго своего состоянія и въ несказанныхъ была печаляхъ: однако оныя не совсѣмъ лишили ее великаго духа. (I, 5).

30. ὀφθαλμοὺς δὲ ἐκείνου οἱ μὲν πόνοι κατέσπων ἡ δὲ ὄψις τῆς κόρης ἐφ' ἑαυτὴν ἀνεῖλκε, καὶ τοῦτο ὁρᾶν αὐτοὺς ἠνάγκαζεν, ὅτι ἐκείνην ἑώρων (5, 1).

..Болѣзнь его, хотя глазамъ и не дозволяла смотрѣть свободно, но присутствіе дѣвицы совсѣмъ иное въ немъ дѣйствіе производило и почти бездушнаго оживотворяло, и смыкающимся глазамъ принуждало открыться. (I, 6).

31. νῦν δὲ ὁρᾶν φαντάζομαι, παρόντος ἀκούειν ἀπατῶμαι ὀνειδίζον τα τὴν ἄδικον ἐπίβουλὴν αἰσχύνομαι συντεύξεσθαί ποτε ἐπελθόντι καὶ ἀπολαύσειν, ἢ καὶ αὐτὴ παρ' ἐκεῖνον φοιτήσειν ὅπου ποτ' ἂν ᾖ γῆς, ὑποτίθεμαι ταῦτα ὑπεκκαίει, ταῦτα ἐκμαίνει (20, 2).

..Часто мнѣ кажется, что я его вижу, и слышу выговоры: то ласкаюсь по пріѣздѣ его наслаждаться нѣжнѣйшею любовью, то сама, въ какой бы части свѣта онъ ни былъ, порываюсь къ нему ѣхать. Сіи мечтанія сердце мое раздираютъ. (I, 38).

Характерны, наконецъ, въ этихъ переводахъ-передѣлкахъ нѣкоторыя мелочи, любопытныя однако своей дальнѣйшей литературной судьбой. Это «описанія» утренней и вечерней зари — единственныя описанія природы, допускаемыя греческимъ романомъ.

ἦμος δ'ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος ἠώς (Ὅμηρος ἂν εἶπεν) (81, 13).

Какъ только Денница пустила румяный свой блескъ по землѣ, какъ Омиръ поетъ. (I, 148).

Digitized by Google

καὶ οὐδὲ ἡμέραν ἀναμείνασα (121, 27).

..не ожидая пока Фебъ первые свои лучи испуститъ на землю. (I, 208).

Ημέρας ἄρτι διαγελώσης καὶ ἡλίου τὰς ἀκρωρείας καταυγάζοντος (Н. 3 стр. 1).

..Какъ только прекрасное свѣтило пустивъ по земли свой блескъ освѣтило верьхи горъ. (I, 1).

ἅμα δὲ τῇ ἕῳ (24, 32)

..какъ скоро день насталъ. (I, 48).

ἕως μὲν ἥλιος ἦν ὑπὲρ γῆν... ἐπειδὴ δὲ ἔδυ (39, 8).

..пока солнце находилось на поверхности нашего круга... а какъ Фебъ за горизонтъ опустился. (I, 70).

Отмѣтимъ еще, въ заключеніе, что ἥρως (Н. 75, 26) переведено «рыцарь» (I, 130); состязанія въ силѣ и ловкости, греческія «игры», переведено: «рыцарскія игры».

Нетрудно замѣтить, въ какомъ направленіи шли эти передѣлки: въ переводѣ мы имѣемъ дѣло 1) съ стилистическимъ расширеніемъ, распространеніемъ греческаго текста (примѣры 1, 8, 9, 12, 14, 16, 17, 22); иногда это безсиліе передать сжатость греческаго стиля приводило къ тому, что соотвѣтствующія мѣста въ русскомъ переводѣ отличаются расплывчивостью (напр. 2, 19, 20, 21, 25); 2) съ сокращеніями, иногда сводящими текстъ къ пересказу (напр. 3, 6, 11; 23); 3) въ исключительныхъ случаяхъ, къ коренному измѣненію текста, — такъ въ романѣ Ксенофонта юноша Ὑπεράνθης передѣланъ въ переводѣ въ «дѣвицу Иперанту», во избѣжаніе говорить о любви мужчины къ юношѣ; 4) общій тонъ въ переводахъ болѣе патетическій - сентиментальный (напр. 8, 14, 15); введены «нѣжные вздохи», междометія («ахъ», «увы» и пр.), стиль переводовъ отличается манерностью псевдоклассицизма, чуждой греческому оригиналу (напр. 7, 10); 5) въ распространеніи нѣкоторыхъ мѣстъ, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ психологическихъ. Сдѣланныя сравненія позволяютъ утверждать, что русскій читатель имѣлъ передъ собою произведенія, носившія названія греческихъ романовъ, но, на самомъ дѣлѣ, отошедшія отъ своихъ оригиналовъ. Въ переводахъ греческій романъ подчинился тѣмъ литературнымъ вкусамъ, которые выразились въ созданіи псевдоклассическаго романа: усвоенъ былъ новый стиль (манерность, пате-

Digitized by Google

тичность, расплывчивость), новые пріемы литературные (психологическіе интересы).

Особенно для насъ любопытно, въ какомъ видѣ дошло до русскаго читателя представленіе о той τύχη, которая явилась главной движущей силой греческаго романа.

Оказывается, неопредѣленность отношеній къ этой τύχη, наблюдаемая въ греческомъ романѣ[1]), усугубилась въ переводахъ вмѣшательствомъ христіанскаго представленія о Богѣ, Промыслѣ, Провидѣніи. Вотъ почему τύχη (H. 16, 28) переводилось иногда, какъ «милосердое Небо» (I 33), «немилосердая судьба» (I, 53), «Фортуна» (I, 38), «злобная судьба» (I, 99); δαίμων (H. 39, 25) переводилось: «Боги» (I, 71), «судьбы» (I, 72); θεοί (H. 42, 27) переводилось: «небо» (I, 75).

Приведу нѣсколько характерныхъ параллелей для болѣе яснаго представленія о томъ, въ какомъ видѣ предстало въ русскомъ пониманіи фаталистическое міросозерцаніе грековъ.

ἐκεῖνα μὲν τῇ τύχῃ λογιστέον (H. 19, 25).. τὶς ἄρα τύχη διαδέξεται ἡμᾶς, ἐβόων (25, 5).

πολλὰ μία ἡμέρα καὶ δύο πολλακις ἔδοσαν τῶν εἰς σωτηρίαν, καὶ τύχαι παρέσχον ἃ βουλαῖς ἄνθρωποι μωρίαις οὐκ ἐξεῦρον (32, 31).

σῶξε τύχης λοιπὸν ἀγώγιμα σώματα (117, 7).

δυστυχήματα, ἔφη, το λαμπρόν με τοῦτο σχῆμα μετημφίασε (58, 26).

Ἄπολλον, ἔφη, ἀναβοήσας, καὶ θεοί.. (61, 12).

τύχης ἀμφιβολία (71, 10).

ταῦτα μὲν οὖν θεοῖς τε τοῖς ἄλλοις καὶ μοίραις ἐπιτετραφθω οἳ τοῦ ποιεῖν τε καὶ μὴ το κράτος ἔχουσιν (93, 21).

...въ томъ надлежитъ винить Фортуну (I, 38)..вопили: «О милосердое Небо! сжалься надъ бесчастными»! (I, 48).

...нерѣдко въ свѣтѣ случается, что смертные въ одинъ день такое счастіе обрѣтаютъ, какого-бы и вѣкъ искать не найти (I, 59).

...спасите препоручившихъ участь свою сомнительной фортунѣ. (I, 201).

...непостоянное смертныхъ щастіе превратило въ другой видъ. (I, 99).

«О милосердыя Небеса!» (I, 103).

...сомнительной фортунѣ (I, 122).

...опредѣлительницы человѣческихъ участей удалили... (I, 160).

---

1) Τύχη—δαίμων—δαιμόνιον—φθόνος—ἐρινύς—Σεόχη τις—θεοὶ и пр.

Digitized by Google

εἴ τινά σοι θεὸς ἐπιστήσειε (106, 20).

...кому по опредѣленію судебъ случится (I, 182).

τὸ γαρ ἄδηλον τῆς τύχης ἀνθρώποις ἄγνωστον (107, 26).

...счастье смертныхъ превратно: оно подвержено безчисленнымъ перемѣнамъ (I, 186).

τὴν ἐκ θεῶν οἰκονομίαν ἐθαύμαζον (107, 32).

...удивлялся премудрому управленію всевышнихъ строителей вселенныя. (I, 186).

ἀφθόνως γὰρ καμοὶ τῶν συμφορῶν ὁ δαίμων ἐπήντλησεν (53, 26)

...судьба величайшее иго на меня возложила (I, 92).

μοιρῶν τάχα βουλήσει (57, 13)

...не безъ провидѣнія Боговъ (I, 97).

ἔπαιζε δὲ ἄρα τι τὸν Κνήμωνα δαιμόνιον δ καὶ τὰ ἄλλα χλεύην ὡς ἐπίπαν τὰ ἀνθρώπεια καὶ παιδιὰν πεποίηται, καὶ οὐδὲ τῶν ἡδίστων ἀλύπως μετέχειν ἐπέτρεπεν ἀλλ' ὅ τι μετ' ὀλίγον ἡσθήσεσθαι ἔμελλεν, ἤδη τὸ ἀλγεινὸν ἐπέπλεκε, τάχα δέ που καὶ τῆς ἀνθρώπου φύσεως ἀμιγὲς καὶ καθαρὸν τὸ χαῖρον οὐκ ἐπιδεχομένης (126, 5).

...Кнемонъ былъ тогда игралищемъ Боговъ, кои, по большей части, смѣясь дѣламъ смертныхъ, посреди блистательнаго счастья низвергаютъ ихъ въ бездну злосчастій. Или, можетъ статься, произошло сіе отъ того, что человѣческая наклонность, ищущая премѣны, долго пользоваться не можетъ прямымъ благополучіемъ. Они всегда подъ видомъ добра хватаются за самое зло, а подъ тѣнію зла, оставляютъ истинное добро. (I, 213).

Такая-же неопредѣленность въ передачѣ этого понятія замѣчается и въ переводахъ романовъ Ксенофонта и Харитона. Любопытно, что тогда, какъ особенностью этихъ авторовъ надо считать сравнительно-рѣдкое пользованье τύχη, въ роли устроительницы участи героевъ, — переводчики ихъ произведеній въ широкихъ размѣрахъ ввели въ свои переводы понятіе *судьбы* даже тамъ, гдѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ греческаго оригинала нѣтъ слова τύχη.

Кромѣ того, словомъ *судьба* перевели они напримѣръ δαίμων (X, 360, 28) φθόνος (Ch. 6, 16), δεός τις (ib. 22, 11).

2.

Такъ какъ всѣ эти «передѣлки»-вставки всетаки, по преимуществу, *стилистическаго* характера, и касаются не столько сущ-

Digitized by Google

ности содержанія романа, сколько чисто-внѣшнихъ его сторонъ, то русскіе переводы, хотя во многихъ пунктахъ и очень далекіе отъ оригиналовъ, тѣмъ не менѣе, даютъ довольно-опредѣленное понятіе о нѣкоторыхъ типичныхъ чертахъ того греческаго героическаго романа, которому суждено было имѣть такое богатое литературное потомство въ европейской литературѣ.

Романы эти, прежде всего, *эротическіе*. Любовь — главная пружина въ ихъ механизмѣ. Въ романѣ Харитона главные герои Керей и Каллироя. Въ нее влюблены юноши ея города и даже чужестранцы, съѣхавшіеся въ городъ ради ея красоты. Мы застаемъ весну ихъ любви и ея увѣнчаніе въ бракѣ. Затѣмъ герои разлучены; въ героиню влюбляется Діонисій, купившій ее, какъ рабыню; затѣмъ влюбляются Митридатъ, Фарнацезъ, сатрапъ лидійскій, наконецъ, самъ царь персидскій Артаксеркъ. Въ романѣ Геліодора любовная интрига еще сложнѣе. Теагенъ и Хариклея, — любовники, нѣжно и чисто любящіе другъ друга; они попадаютъ въ руки разбойниковъ и выдаютъ себя за брата и сестру. Въ нее влюбляются по очереди молодой тиріецъ, одержавшій побѣду на пиѳійскихъ играхъ, потомъ Трахинъ, начальникъ пиратовъ, разбойникъ Пелоръ, начальникъ другихъ разбойниковъ—Тіамисъ, солдатъ Ахеменесъ, военачальникъ Орондатъ. Въ эту главную нить вплетается страстная любовь Арсаке къ Теагену, и въ вводныхъ эпизодахъ—преступная любовь мачихи къ греку Кнемону, любовь Термутисана къ Тизбе, Калазириса къ Родонисъ, взаимная любовь Кнемона и Навзиклы.

Въ романѣ Ксенофонта герои Аброкомъ и Антія тоже любятъ другъ друга высокой и чистою любовью. Попавъ въ руки разбойниковъ, они возбуждаютъ къ себѣ любовь: онъ — разбойника Каримба, она — Эвксина; затѣмъ въ Аброкома влюбляется Манто, дочь его господина, потомъ старуха Кино; въ Антію влюбляется мужъ Манто Мойридъ, потомъ военачальникъ Перилай, принцъ Псаммисъ, разбойникъ, затѣмъ Паліидъ, Гиппотой.

Въ вставныхъ эпизодахъ разсказана исторія любви Гиппотоя къ юношѣ, любовь рыбака.

Digitized by Google

Во всѣхъ трехъ романахъ любовь *главныхъ героевъ* одного порядка: возвышенная и чистая; она выдерживаетъ всѣ испытанія и искушенія и потому, въ концѣ концовъ, всегда вѣнчается покоемъ и счастьемъ. Герои стараго героическаго эпоса, съ ихъ храбростью, силою и хитроумiемъ, смѣнились теперь другими, все значеніе которыхъ въ утонченномъ идеализмѣ ихъ сердца; достоинствъ физическихъ, кромѣ «красоты», они не признаютъ...

Какъ яркая противоположность этой «идеальной» любви, во всѣхъ романахъ фигурируетъ иная любовь, — животная, преступная... Изъ наиболѣе яркихъ проявленій ея приведу слѣдующіе примѣры: въ романѣ Геліодора такой является любовь мачихи къ пасынку, Арсаке къ Теагену; въ романѣ Ксенофонта— любовь Манто и Кино къ Аврокому и разбойника къ Антіи. Отвергнутые идеальными героями, всѣ «преступные» любовники прибѣгаютъ къ клеветѣ или насилію, но, въ результатѣ, всегда погибаютъ сами, а герои, послѣ временнаго ухудшенія ихъ судьбы, опять дѣлаются счастливыми...

Такимъ образомъ, «любовь»—главный узелъ греческаго романа,—никакія другія качества души не интересуютъ автора, кромѣ чистоты и вѣрности сердца. Этотъ исключительный интересъ къ жизни сердца подчинилъ себѣ всѣ остальныя, наиболѣе характерныя особенности этого романа. Къ такимъ я, прежде всего, отношу *психологическій* и *авантюрный* характеръ его.

Исходя изъ современнаго романа, въ которомъ такъ богато развитъ психологическій анализъ, нетрудно вовсе проглядѣть наличность психологическихъ интересовъ у греческаго романиста, но стоитъ подойти къ его произведенію, хотя бы, отъ Иліады и Одиссеи,—и мы убѣдимся, сколько вниманія и труда положили греческіе писатели на этотъ психологическій анализъ. Прежде всего, выразился онъ въ самомъ внимательномъ изученіи чувства *любви*, ея зарожденія, проявленія, въ изученіи тѣхъ второстепенныхъ чувствъ, которыя съ ней связывались (ревность, тоска отъ безнадежной любви, злоба отъ отвергнутой любви). Чаще всего этотъ скрытый анализъ обнаруживается, то въ замѣча-

Digitized by Google

ніяхъ автора, поясняющихъ состояніе души его героевъ, то онъ выражается въ попыткахъ дать внѣшнее изображеніе того, что̀ дѣлается въ глубинѣ сердца.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ можно безъ труда составить себѣ представленіе о психологическихъ интересахъ греческаго романиста. Помня, что нѣкоторая доля сентиментализма, усложненіе и развитіе психологическаго анализа должны быть отнесены на долю переводчиковъ, мы попытаемся по русскимъ переводамъ дать понятіе о проблеммахъ психологическаго анализа въ греческомъ романѣ.

Красота героини такъ поразительна, что даже суровые варвары дѣлаются сентиментальными и восхищаются ея красотою. Въ одномъ романѣ разбойникъ совсѣмъ по рыцарски ухаживаетъ за плѣнницей.

«Онъ вмѣнялъ въ великое себѣ удовольствіе, что служитъ тотъ, который недавно былъ повелителемъ. Побѣдитель о томъ только мыслилъ, какъ бы услужить плѣнникамъ. Подлинно можно сказать, что всѣ благородные и великодушные поступки обладаютъ варварами, также и красота не менѣе смягчаетъ сердца жесточайшія» (Х. Ѳ. I, 14).

Въ другомъ романѣ атаманъ разбойниковъ, подъ вліяніемъ чувства любви —

«весьма нѣжно вздохнулъ, и вздохъ сей вскорѣ сопровождаемъ былъ слезами» (А. 129).

Если разбойники такъ тонко чувствовали любовь, то люди болѣе культурные, къ любви были еще болѣе чувствительны. Діонисій, получивъ письмо Каллирои, былъ въ такомъ восторгѣ, что «цѣловалъ» его, обливался слезами (К. 255); отъ волненія онъ падаетъ въ обморокъ (К. 258).

Подъ наплывомъ сильныхъ и разнообразныхъ чувствъ, герой очень часто «вопитъ» и произноситъ патетическіе «монологи».

«оставшись одинъ, слезъ проливая струю, вопилъ: «о, небеса, ополчившіяся на мою погибель! и т. д.» (Х. Ѳ. 74—5).

Когда герой неожиданно увидалъ свою возлюбленную, онъ—

Digitized by Google

«не чувствуя узъ тяжести, бросился къ ней и, принявъ ее въ свои объятія, говорилъ: «васъ-ли я вижу? или только непорочную вашу душу, возлетающую въ горнія селенія?» (X. и Θ II, 180).

Когда герой, по ошибкѣ, призналъ трупъ убитой за тѣло возлюбленной, онъ —

«повергшись на лежащій трупъ, обнималъ его, а потомъ въ крайнемъ отчаяньи, метался во всѣ стороны» (ib. 74).

Герой, удрученный горемъ, лежитъ, какъ мертвый:

«Ему хотѣлось лежать такъ и никакова о себѣ не давать знаку» (К. 110).

Когда герой слишкомъ долго оставался холоденъ къ женской красотѣ,—романистъ, желая объяснить, какъ въ это «холодное» сердце могла забраться любовь, облегчаетъ непреодолимую психологическую задачу, прибѣгая къ помощи deus ex machina:

«Наконецъ, Купидонъ, горделивѣйшій и неумолимѣйшій изъ всѣхъ боговъ, симъ раздражается,—онъ приходитъ въ ярость, и мщеніе его рѣшительно» (А. 5).

Иногда въ романахъ психика героя прямо раскрывается изображеніемъ чертъ его лица:

«имѣлъ на лицѣ знаки неистовства, горѣлъ любовію и ревнивостью и, будучи готовъ ко всякому предпріятію, подошелъ...». (ib. 253).

Любопытно описано психическое вліяніе «поцѣлуя» —

«Сей поцѣлуй, подобно яду, вошелъ во внутренность его сердца, и такъ имъ овладѣлъ, что онъ ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ о Каллирои» (ib. 74—5).

Иногда греческіе романисты брались даже за изображеніе «сложныхъ», «смѣшанныхъ» чувствъ:

«По сихъ дружескихъ разговорахъ, то смѣялись отъ радости, то, по нѣкоему внутреннему волненію духа воздыхая, лили слезы» (X. и Θ. 78).

«Итакъ произошелъ многоразличный видъ, т. е. печаль, смѣшенная съ радостью,—слезы съ невинною усмѣшкою, а плачевное жертвоприношеніе съ пріятной богамъ жертвою» (ib. II, 246).

Когда одинъ герой перехватилъ письмо соперника —

«отъ сего пришелъ онъ внѣ ума; однако письмо удержалъ въ рукѣ, опасаясь, чтобъ кто его не прочелъ. Потомъ, очувствовавшись, приказалъ отвести

Digitized by Google

себя въ особливой покой, и чтобъ туда никто не входилъ, гдѣ, нѣсколько разъ прочитывая оное письмо, несказанно совѣстью своею мучился. Робость, малодушіе, страхъ и неимовѣрность вдругъ разумомъ его овладѣли» (К. 189).

Неожиданное свиданіе героя и героини изображено такъ:

«Небо! какая встрѣча! Они не медлятъ бѣжать другъ къ другу; хотя лице ихъ и перемѣнилось, но сердце одинаково, и нѣжное сострастіе души ихъ стремитъ ихъ въ объятія другъ къ другу; они сжимаются крѣпко, но излішество волненія отнимаетъ у нихъ силы; колѣна ихъ подгибаются, они упадаютъ на землю безъ чувствъ. Тысяча страстей смѣшанно обращались въ душѣ ихъ: удовольствіе, печаль, страхъ» (А. 276).

Встрѣчаемъ мы изображенія и волненія страсти любовной.

«Нѣкоторое тайное волненіе удерживало ихъ обоихъ и задушало ихъ голосъ; они не смѣли взглянуть другъ на друга. Излішество удовольствія повергало ихъ въ слабость: стыдливость, страхъ, желаніе, частое біеніе сердца, едва позволяющее имъ дышать и самое услажденіе, хотя еще несовершенное, приводило ихъ въ трепетаніе и производило въ нихъ великое волненіе» (А. 33—4).

«Царь, читая оное, чувствовалъ въ сердцѣ своемъ великое смятеніе, вдругъ разгнѣвался на Керея, что лишилъ его возлюбленной, а потомъ вскорѣ извинялъ его, что онъ самъ ему ко огорченію подалъ причину. И иногда признавался онъ Керею обязаннымъ на возвращеніе царицы, однако досадовалъ на то, что похитилъ у него Каллирою» (К. 253).

Борьба со страстью и усиленіе ея, какъ результатъ этой борьбы, тоже изображались въ романѣ:

«чѣмъ больше Діонисій страсти своей противился, тѣмъ болѣе она возрастала» (К. 61).

Не особенно тонко, въ психологическомъ отношеніи, изображена «смѣна чувствъ».

«гнѣвъ его премѣнялся вдругъ въ жалость и раскаяніе» (К. 21).

Неожиданно встрѣтившись съ возлюбленнымъ, героиня «растерялась» отъ радости (К. 170).

Вліяніе природы на настроенія тоже подмѣчено было романистами.

«Ночь приближалась, и мрачность ея, удаленная отъ успокоенія ихъ волненій, соединившись съ уединеніемъ, дѣлало жесточайшими мученія; тщетно они стараются заснуть,—сонъ убѣгаетъ отъ вѣждъ ихъ» (А. 15).

Digitized by Google

Изображали романисты и печальныя «настроенія» героевъ— такъ, героиня, брошенная «судьбой» навстрѣчу новымъ приключеніямъ —

«думала въ самой себѣ: «какъ? всегда разбойники и море!» (А. 164).

Герой и героиня тоскуютъ:

«Авро́комъ и Анеія отошли на сторону корабля и держали другъ друга нѣжно въ объятіяхъ; духъ ихъ чрезмѣрно занятъ былъ едиными печальными мыслями» (А. 44).

Герой отъ безнадежной любви ищетъ «уединенія» (К. 6).

Душевная борьба героини, оскорбленной предложеніемъ атамана выйти за него замужъ, изображена такъ:

«больше прежняго возсіяла красотою и, возбуждаясь сильнѣйшимъ мыслей стремленіемъ, щеки у ней чрезвычайнымъ румянцемъ покрылись!» (Х. и Ѳ. 52).

Въ такомъ же родѣ встрѣчаемъ мы неразъ попытки вскрыть психологію любви (напр. К. 14, 70, 191), психологію отвергнутой женщины (А. 89), чувства цѣломудренной стыдливости (Х, 78); чувства радости отъ встрѣчи съ единоземцами (Х, 21), сердца варваровъ (65), разбойниковъ (Х, 68); чувства разлуки (А. 14).

Иногда, вмѣсто «объективнаго» изображенія психическихъ движеній героя или героини, авторъ самъ предлагаетъ свои объясненія касательно психики дѣйствующихъ лицъ. Напр.

«...единое только ея было попеченіе о томъ, дабы уязвленному подать помощь. Ибо всякое безмѣрное желаніе и чрезмѣрная любовь все, что постороннее, хотя оно пріятное, или скучное, равномѣрно презираетъ; къ одному только тому, что ей льстити любезно, и въ томъ всю жизнь, всѣ мысли, всѣ раченія полагаетъ» (Х. и Ѳ. 10).

«...зашедъ въ лѣсъ, въ которой солнечный свѣтъ едва сквозь густоту сплетшихся вѣтвей проникнуть могъ, обклавшись хворостомъ и листьями, всю ночь трепеталъ, и отъ небольшаго вѣтерка, причиняющаго нѣкоторый шумъ на вершинахъ высокихъ деревъ, приходилъ въ отчаяніе. Когда сонъ одолѣвалъ его, то онъ, вздрагивая, оглядывался на всѣ стороны, думая, что ищетъ его Ѳермутъ» (Х. 97—8).

Иногда авторъ дѣлаетъ психологическіе выводы:

«Ибо самымъ опытомъ познаемъ, что мы желать того перестаемъ, чего

Digitized by Google

получить совсѣмъ неможно, и человѣческій духъ болѣе о томъ не стонетъ» (Х. и Ѳ. 88).

Чаще всего или герои разсказываютъ о своихъ чувствахъ, или самъ авторъ раскрываетъ ихъ души:

«Часто мнѣ кажется, что я его вижу и слышу выговоры: то ласкаюсь по пріѣздѣ его наслаждаться нѣжнѣйшею любовію, то сама, въ какой бы части свѣта онъ ни былъ, порываюсь къ нему ѣхать» (ib).

«Керей почувствовалъ въ сердцѣ своемъ чрезвычайное движеніе, не зная самъ тому причины» (К. 234).

«...и, смотря на нее, чувствовалъ во внутренности моего сердца радостное восхищеніе» (Х. и Ѳ. 126).

Радость свиданія вызываетъ такое психическое состояніе героевъ, что авторъ считаетъ своимъ долгомъ разъяснить читателямъ это состояніе:

«вдругъ, бросясь къ Ѳеагену на шею, вскричала: «о, дражайшій! боги паки мнѣ васъ препоручили!» А онъ: «О, возлюбленная, вы здравствуете?» По такихъ привѣтствіяхъ упали оба въ опасной обморокъ. И подлинно, какъ великое унынie скорбь производитъ, такъ и чрезмѣрное обрадованіе нерѣдко по себѣ печальнѣйшія слѣдствія оставляетъ» (Х. Ѳ. 77).

Часто, изображая психику дѣйствующихъ лицъ, авторъ ограничивается изображеніемъ чисто-внѣшнихъ проявленій внутренняго душевнаго волненія:

«...мнѣ кажется, она больна отъ любви: видите и сами, что глаза у ней пухнутъ, взоръ покосился, лице блѣднѣетъ, притомъ бредитъ и не спитъ» (Х. и Ѳ. 179).

«...другъ на друга взглядывали, и отъ превеликаго отчаянія каждый, то опускалъ внизъ голову, то, опять поднимая вверхъ оную, испускалъ вздохи,— будто бы тѣмъ уменьшали величество своихъ злосчастій. Напослѣдокъ Книмонъ, вдругъ повалясь на землю, Ѳеагенъ на камень, а Хариклея на него, уснули мгновенно» (Х. и Ѳ. 90).

«...онъ, вдругъ оглядываясь на всѣхъ, воздыхалъ весьма томно: то опять ободрясь, принималъ на себя видъ спокойный. Сему удивляться не должно: ибо всѣ почти влюбившіеся подвержены такимъ обуреваніямъ; они никогда одной стези не держатся. Ихъ, по справедливости, уподобить можно кораблямъ, несшимся во время бурныхъ вѣтровъ въ разныя стороны» (Х. и Ѳ. 151).

«Чувства» въ этихъ романахъ отличаются внезапностью: любовь, какъ и всѣ другія чувства захватываютъ героя сразу и

Digitized by Google

неожиданно: первая встрѣча навсегда связываетъ сердца любовью:

«Здѣсь-то Аврокомъ и Анеія были поражены взаимнымъ удивленіемъ: едва они другъ другъ увидѣли, какъ Анеія покорилась Аврокому, а Аврокомъ—любви. Младый Ефесеянинъ взиралъ на нее съ жадностію; не имѣя силъ свести съ нея глазъ, которые любовь имѣла привязанными противъ его воли. Анеія не была свободнѣе его; удивленныя ея очи принимали пламенныя стрѣлы, исходящія изъ глазъ Аврокома, она говорила о пріятныхъ вещахъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ слышалъ; она старалась явить болѣе тѣхъ прелестей, которыя стыдъ не обязываетъ сокрывать отъ зрѣнія, дабы лучше представить ихъ взорамъ Аврокома. (А. 13—14).

«Когда жаръ любови вселился во внутренности сердецъ ихъ; тогда побѣднѣли. Словомъ сказать, въ короткое оное время тысяща перемѣнъ въ лицѣ и въ глазахъ ихъ являлось, что, безъ сомнѣнія, происходило отъ безмѣрнаго волненія духа» (Х. 145).

«Они лишь другъ на друга взглянули,—то духъ при первомъ случаѣ такое возчувствовалъ дѣйствіе, которое привлекало ихъ къ взаимному дружеству, и оба, оцѣпенѣвъ, стояли неподвижно. Они, другъ на друга взглядывая, оба внутренно усмѣхнулись.

Будучи не въ силахъ справиться съ наплывомъ чувствъ, герои очень часто «плачутъ» (Х, 103, 190, 85; К. 124, 236, 244 А. 82).

«при сихъ словахъ покатились у ней по лицу слезы, которыя Діонисія и всѣхъ, около стоящихъ, плакать принудили» (К. 66).

«слезы, готовыя истечь изъ очей его, тысяча вздоховъ, удушаемыхъ имъ въ сердцѣ, негодованіе и гнѣвъ столь смятеннымъ дѣлали духъ его, что не могъ онъ собрать мысли» (Л. 68).

«Окончавъ онъ свою повѣсть, полились изъ глазъ его слезы. Заплакали также и плѣнные, приведши на мысль всѣ свои приключенія, и въ такихъ сѣтованіяхъ, наконецъ они, мало по малу, заснули» (Х. 46).

Эти «слезы» всегда почти сопровождаются «вздохами» (А. 142, 262), «обмороками» (Х, 66, 213, II 5); иногда эти обмороки слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ (К. 107). Сильное горе часто сопровождается желаніемъ, или угрозой самоубійства (К. 86), болѣзнью (К. 73: А. 23).

Неразъ брались романисты и за изображеніе сильныхъ сценъ отчаянья, или даже бѣшенства героевъ. Въ такихъ случаяхъ патетическія восклицанія, «возгласы», «вопли», «жалобы» (Х, 75—6, 104, 187, 48; II, 12; К. 124, 108, 174, 25; А. 220—15),

Digitized by Google

патетическіе монологи, рѣчи, разсужденія героя «вслухъ съ самимъ собой» помогаютъ автору раскрыть передъ читателемъ настроеніе души героя (X, 49—51, 62, 71, 72, 52—5, 41—2; II, 189); для этой же цѣли пользовались романисты «письмами» героевъ (К. 149, 182; X. II, 195, 219; А. 87, 117).

Приведенными выше пріемами психологическаго анализа авторы пользуются часто и охотно — очевидно, они для автора и читателей представляли большой интересъ. Это обстоятельство позволяетъ заключить, что *психологическій элементъ былъ силенъ въ греческомъ романѣ*, хотя онъ, конечно, далеко не достигалъ той степени художественности и тонкости, которой отличается литература новѣйшая. Это произошло, во первыхъ, оттого, что древній романистъ касался исключительно самыхъ первичныхъ проявленій души человѣческой (любовь, тоска, гнѣвъ, зависть, ревность), — во вторыхъ, его психологическій анализъ не шелъ вглубь души человѣческой, такъ какъ не она была хозяйкой человѣческой жизни, а та τύχη, которая усложнилась въ новыхъ переводахъ еще внесеніемъ «божественной власти». Въ-третьихъ, наконецъ, самые пріемы анализа были недостаточно развиты: мы видѣли уже, какъ изъ желанія дать читателю понятіе о томъ, что̀ дѣлается въ душѣ героевъ, древній романистъ—или довольствовался описаніемъ внѣшнихъ проявленій внутренняго состоянія души героя, или прямо сообщалъ о чувствахъ, волновавшихъ его, или, по поводу происшедшаго, пускался въ подробныя объясненія причинъ и слѣдствій того или другого психическаго акта. Любопытно, что романистъ не остановился даже передъ изображеніемъ сложныхъ и смѣшанныхъ чувствъ, отмѣтилъ также переходы одного чувства въ другое.

Выше я приводилъ уже параллели, поясняющія, въ какомъ видѣ дошло до насъ въ переводныхъ романахъ греческое представленіе объ «τύχη»,—теперь мнѣ остается обстоятельнѣе опре-

Digitized by Google

дѣлить значеніе этой силы, на которой держится все основаніе *греческаго*, и, что̀ особенно важно, *псевдоклассическаго романа*. Мы видѣли уже, что о «судьбѣ» въ *переведенныхъ* романахъ упоминается часто — чаще, чѣмъ въ ихъ оригиналахъ — ясное доказательство, что для новаго́ романа эта сила имѣетъ особое значеніе. Оставляя на будущее выясненіе того, какую роль играла «судьба» въ иностранныхъ и русскихъ *псевдоклассическихъ* романахъ, обращаюсь опять къ переводнымъ греческимъ.

Здѣсь постоянно попадаются выраженія слѣдующія: «судьба привела» (К. 42, Х. и Ѳ. 204); судьба «опредѣляетъ» жизнь героя (Х. и Ѳ. II, 146, 198), судьба «ненавидитъ» героя (ib. 232), она возлагаетъ на героя «величайшее иго злощастій» (Х. и Ѳ. 92), герой «предаетъ себя немилосердной судьбѣ» (Х. и Ѳ. 53), онъ бѣгаетъ отъ «гнѣвной судьбы» (Х. и Ѳ. 216), онъ гонимъ «немилосердной судьбой» (Х. и Ѳ. 91), онъ называетъ ее «жесточайшей» (Х. и Ѳ. 74), постоянно взываетъ къ ней (К. 147, 159, 77). «Судьба» выше самихъ боговъ (А. 47), она представляется словно живымъ существомъ.

«Но судьба, углубленная въ страшную свою книгу, не теряла изъ виду того ужаснаго листа, на которомъ приговоръ сей написанъ былъ собственною ея рукою» (А. 66).

«Судьба, отъ которой всѣ человѣческія дѣла зависятъ, могла только о семъ подать подлинное извѣстіе...» (К. 97).

Это же понятіе «судьба» часто фигурируетъ подъ названіемъ «фортуны»: герой переноситъ удары «злобной фортуны» (Х. Ѳ. II, 64), герой—«рабъ и узникъ фортуны» (Х. и Ѳ. II, 155); она именуется «сомнительной» (Х. и Ѳ. 122, 201); герой не воленъ въ своихъ дѣяніяхъ и винитъ «фортуну» (Х. и Ѳ. 38).

Въ такомъ же смыслѣ, какъ «судьба», является часто «счастье» и «злополучіе» (напр. К. 137, 145): «счастье» завидуетъ герою (А. 132); оно превратно, подвержено безчисленнымъ перемѣнамъ (Х. и Ѳ. 17, 186), оно измѣняетъ жизнь человѣка по своему)Х. и Ѳ. 99); тщетно воевать противъ «злополучія» (Х. и Ѳ. 203).

Digitized by Google

Рядомъ съ «судьбой» является «жребій» (А, 86).

Но, кромѣ «судьбы», жизнь героя зависитъ отъ «премудраго управленія всевышнихъ строителей вселенныя» (Х. и Ѳ. 186—7); «небеса опредѣляютъ» жизнь его (ib. II, 46). «Боги» руководятъ имъ (А, 28, Х. и Ѳ. 203 — 4, 202); «хотѣніе боговъ» (Х. и Ѳ. 158), «промыслъ боговъ» (К. 165); «особливое Провидѣніе» (Х. и Ѳ. II, 51, 97), «повелѣніе боговъ» (К. 5) управляютъ міромъ; бѣдствія человѣку «посылаются свыше» (Х. и Ѳ. 111), «опредѣленію неба» противиться нельзя (Х. и Ѳ. 187), «небо печется о человѣческомъ родѣ» (Х. и Ѳ. II, 47); когда жизнь героевъ мѣняется къ лучшему, онъ долженъ быть увѣренъ, что «гнѣвающееся на нихъ божество тогда примирилось» (К, 232). Герой —

«игралище боговъ, кои, по бо́льшей части, смѣясь дѣламъ смертныхъ, посреди блистательнаго счастья низвергаютъ ихъ въ бездну злосчастій» (Х. и Ѳ. 213—4).

Наконецъ, кромѣ «судьбы» и «боговъ», на жизнь героевъ имѣютъ вліянія «колдовство» (Х. и Ѳ. II; 33), неотразимая сила талисмановъ (Х. и Ѳ. 224, 185, II, 131), таинственные голоса (Х, 197, 132), «вѣщіе сны» (К. 160, 180, 40, А. 53, 250; Х. 237, 47, 194, 153, 90—1, II, 190), «прорицанія оракула» (Х. 82, 114; А. 26—7). Если «колдовство», «предсказанія» и «предзнаменованія» и не имѣли самостоятельнаго вліянія на жизнь героя и служили отраженіемъ воли «судьбы» и «боговъ» — то всетаки и они тоже стѣсняли свободное развитіе внутренней жизни героя, сковывали самостоятельность его дѣйствій, значительно суживали тѣ предѣлы, въ которыхъ могъ развернуться въ романѣ драматизмъ положенія. Но, конечно, преувеличеніемъ было бы считать вліяніе этихъ внѣшнихъ для человѣка силъ «ирраціональнымъ элементомъ, *освобождающимъ* писателя отъ психологической мотивировки» (Роде).

Онъ *не освобождалъ* автора, а *стѣснялъ* его творчество,— вотъ почему въ греческихъ романахъ психологическій анализъ оказался какимъ-то однобокимъ: если въ современномъ романѣ

Digitized by Google

психика героя *направляетъ* его жизнь, то въ греческомъ романѣ, гдѣ жизнь опредѣлялась *судьбой* — *психика иллюстрировала жизнь героя.*

Естественно, что греческій романистъ, еще не завоевавшій права внѣшнюю жизнь человѣческую развертывать изъ внутренней, зависящей только отъ свойствъ человѣческой души — принужденъ былъ найти такое построеніе романа, которое дало бы ему возможность шире и разнообразнѣе удовлетворить своимъ психологическимъ интересамъ. Отсюда характерная особенность греческаго романа — его *авантюрность*. Быстрое чередованіе событій и приключеній, нанизанныхъ по прихоти «судьбы-случая», въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ, давало романисту возможность освѣщать лицо своего героя разными освѣщеніями и съ разныхъ сторонъ. Внезапная любовь, страданье отъ безнадежной любви, радость взаимной любви, восторги брачной жизни, опасности путешествія, ужасы, кораблекрушенія, тоска въ плѣну у разбойниковъ, отчаяніе героевъ, попавшихъ въ рабство, горесть разлуки, неизбѣжное испытаніе вѣрности сердца, картины горя и отчаянья, преслѣдованія за неуступчивость, иногда мученія въ родѣ темницъ и пытокъ, наконецъ, радость свиданья и счастье тихой жизни, — всѣ эти многообразныя «положенія», повторяющіяся въ различныхъ комбинаціяхъ, давали возможность разобраться въ самыхъ различныхъ проявленіяхъ психической жизни героевъ. Съ такой точки зрѣнія, авантюрность романа была только литературнымъ пріемомъ, ставившимъ писателя-психолога въ особливо-выгодныя положенія. Этотъ «литературный пріемъ» былъ тѣмъ безопаснѣе, что онъ находилъ себѣ оправданіе въ условіяхъ тогдашней жизни. Акад. А. Н. Веселовскій такъ объясняетъ «авантюрность» греческаго романа:

«Все это должно служить для живописанія одного преобладающаго надъ всѣми чувства—любви. Современный романистъ глубже заглянулъ въ человѣческое сердце и тамъ нашелъ всѣ тѣ приключенія, встрѣчи и блужданія, которыя его предше-

Digitized by Google

ственникъ переносилъ въ дѣйствительность. Это, съ его стороны, неумѣлый аналитическій пріемъ, не болѣе: у современнаго романиста герой и героиня могутъ скромно оставаться на мѣстѣ и переживать въ тоже время самыя бурныя перипетіи чувства; греческій романъ заставляетъ своего героя и героиню пройти чрезъ цѣлый рядъ внѣшнихъ приключеній, примѣривая къ каждому изъ нихъ параллельное развитіе страсти, падающей или развивающейся подъ вліяніемъ того или другого случайнаго ощущенія, или событія. Такъ понимаю я значеніе элемента приключеній и странствованій въ греческомъ романѣ, значеніе чисто *стилистическое*, — échafaudage для анализа «чувства любви» [1]). Эти авторитетныя слова прекрасно поддерживаетъ наше мнѣніе, но они грѣшатъ нѣкоторою односторонностью. Конечно, «авантюрный» характеръ былъ удобнымъ échafaudage для психолога, довольствующагося скромными требованіями греческаго писателя, но едва ли это построеніе было только «чисто-стилистическимъ». Конечно, оно подсказывалось въ такой-же мѣрѣ и самой жизнію, которая въ то время «авантюрами» была богата. Тогда любое плаванье отъ острова къ острову могло кончиться и кораблекрушеніемъ, и рабствомъ, и удаленіемъ отъ родины и милыхъ сердцу надолго... Еще въ XVIII-омъ столѣтіи Средиземное море кишѣло пиратами, а корабли тогдашней постройки безъ труда изъ моряковъ дѣлали, въ лучшемъ случаѣ, Робинзоновъ. Слѣдовательно, этотъ «авантюрный» романъ, такой искусственный съ современной точки зрѣнія, въ свое время былъ вполнѣ правдивымъ: на долю романиста оставалось лишь въ Wahrheit дѣйствительной жизни внести Dichtung: изъ одного-двухъ *дѣйствительныхъ* эпизодовъ сплесть длинную цѣнь такихъ же *правдоподобныхъ* эпизодовъ — получалось построеніе, которое давали возможность ввести психологическій элементъ и не особенно грѣшить противъ правды жизни.

---

1) Op. cit. (В. Евр. 683).

Digitized by Google

Наконецъ, третья, характерная черта этого романа — его *идеалистическое настроеніе.* Онъ создался въ эпоху междувѣрія, когда старая вѣра давно уже уступила мѣсто философскимъ ученіямъ. Всѣ эти новыя религіи ума и сердца выдвигали на первый планъ вопросы морали. И вотъ романъ явился литературнымъ отраженіемъ этихъ новыхъ исканій: наканунѣ торжества христіанства онъ возславилъ уже *торжество добродѣтели* сердца; онъ выдвинулъ уже героевъ «прекраснодушныхъ», обильно надѣленныхъ запасомъ чистой и прочной любви, героевъ «духа», взамѣнъ прежнихъ героевъ «прекрасной плоти».

Въ самомъ дѣлѣ, излюбленные мотивы романа, уваженіе къ женщинѣ, рыцарское служеніе ей, чужды старой Элладѣ и присущи уже новому времени. Въ этой особенности, на нашъ взглядъ, и заключается одна изъ главныхъ причинъ популярности греческаго романа въ ту эпоху, когда христіанство восторжествовало надъ міромъ. Оттого греческую трагедію переводчикамъ и подражателямъ-псевдоклассикамъ пришлось въ XVI—XVII в. передѣлывать на новый ладъ, — греческій романъ остался почти нетронутымъ: въ немъ почти ничего не ломали, — лишь усиливали все то характерное, что̀ въ немъ было, да подкрашивали стиль.

Другая причина популярности этого романа кроется въ его *космополитизмѣ*, въ интернаціональномъ значеніи его содержанія, идеаловъ, типовъ и приключеній... Греческій романъ сложился въ ту пору, когда исключительность греческаго духа смѣнилась самымъ широкимъ, братски-равноправнымъ пользованьемъ всѣми благами человѣческой міровой культуры, независимо отъ того, гдѣ она расцвѣла, — въ Европѣ, или въ Африкѣ, или въ Азіи. Повидимому, этотъ моментъ былъ удивительно любопытный — моментъ братства всѣхъ культуръ бассейна Средиземнаго моря. Романы, дошедшіе до насъ, сочинялись и въ Малой Азіи, и въ Сиріи, и въ Финикіи, и въ Египтѣ—сочинялись въ разное время, на разстояніи отъ II до X-го вѣка, и всѣ они удивительно согласны своимъ внутреннимъ содержаніемъ—*идеализмомъ сердца, космо-*

Digitized by Google

политизмомъ міровоззрѣнія, примирявшимъ въ себѣ еллина и варвара. Различія въ этихъ романахъ сводятся лишь къ тѣмъ легкимъ оттѣнкамъ субъективизма, которые сообщали каждому произведенію извѣстную окраску.

Что касается до *обрисовки героевъ*, то она приблизительно одинакова во всѣхъ романахъ: вездѣ герои и героини представляютъ собою совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности по внѣшности. Такъ, напримѣръ, Каллироя — предметъ любви всѣхъ мѣстныхъ жителей и чужеземцевъ (К. 9—10); Аврокома —

«многіе почитали за бога, а нѣкоторыя боготворили, его видя, и возносили къ нему обѣты» (А. 3).

«Пріятности его разума, которой онъ безпрестанно обрабатывалъ чрезъ ученіе, не уступали красотѣ его, и изъ сего прележнаго смѣшенія рождались каждой день различныя хорошія качества, которыя, казалось, для того только совокупно расцвѣтали, чтобъ заставить всѣхъ ему удивляться. Ежели онъ игралъ на лирѣ, то почитали его за Аполлона, ежели пѣлъ — за Орфея. Онъ проворно металъ копье—и самый Марсъ не могъ бы править копьемъ съ большею пріятностію и важностію» (А. 2).

«Казалось, будто само Провидѣніе нарочно въ ея пользу трудилось, дабы всѣмъ тѣмъ наградить, чѣмъ бы она прочихъ смертныхъ превосходила» (К. 1—2).

Не одна красота тѣла—и красота души была имъ присуща. Одинъ герой заявляетъ слѣдующее:

«Для меня ничто быть не можетъ такъ славно, какъ побѣжденнымъ являть всякое человѣколюбіе» (Х. и Ѳ. II, 180).

Въ стилистическомъ отношеніи тоже можно найти между новымъ романомъ и греческимъ много сходства. Конечно, доля и паѳоса, и риторизма, и сентиментализма должна быть отнесена на долю различныхъ переводчиковъ, привнесшихъ въ свои переводы стиль новаго времени, но приведенныя выше цитаты на греческомъ языкѣ доказываютъ, что уже греческій романъ отличался всѣми этими особенностями стиля. Привожу еще примѣры:

«Несчастная! говоритъ она, какое невѣдомое безпокойствіе мятетъ мое сердце? О, боги! я люблю и люблю гораздо болѣе, нежели сколько благопристойность позволяетъ моему возрасту и сколько приличествуетъ младой благо-

Digitized by Google

рожденной дѣвицѣ; безумная страсть моя къ Аврокому не позволяетъ мнѣ помыслить о чиняномъ мною преступленіи; Аврокомъ прекраснѣе изъ всѣхъ смертныхъ, но столько жъ и жестокъ. Итакъ, къ чему можетъ клониться любовь моя? Чѣмъ я излечу мои злоключенія? Находясь въ юности подъ властію строгихъ родителей, которые съ великимъ раченіемъ блюдутъ меня, къ кому могу я прибѣгнуть» и т. д. (А. 19—20).

«Вышедъ онъ изъ сего Лавиринеа, услышалъ женщину, поющую жалобную пѣснь, равно соловья, вызваннаго теплотою весенняго времени. Онъ припавъ къ дверямъ услышалъ слѣдующее: «Ахъ! безсчастнѣйшая изъ всѣхъ человѣкъ, недавно избавясь отъ рукъ разбойничьихъ, надѣялась съ любезнымъ препровождать жизнь въ странствоніяхъ, но небо снова лишило меня чаемыхъ веселій... О небеса! что еще будетъ далѣе?...» и т. д. (X. 212).

«О, дражайшая! въ желаемомъ-ли здравіи находитесь? Или и вы также, какъ и я, чувствуете печальное приключеніе сего побоища? По истиннѣ ни при жизни, ниже по смерти, ничто меня отъ васъ не отторгнетъ! Образъ и тѣнь ваша мнѣ, умирающему, подаютъ великую отраду!» Дѣвица на то: «Все мое блаженство въ тебѣ единственно находится: словомъ, сказать: жизнь и смерть отъ тебя зависитъ. Видитель, показывая кинжалъ, лежащій на колѣнахъ, сей еще и понынѣ не вонзенъ въ грудь мою для жизни вашей!» (X. 7).

«Старикъ, испуская глубочайшіе вздохи, отвѣчалъ: похищеніе моихъ дѣтей разбойниками, коихъ, хотя и вѣдаю, но мстить имъ не въ силахъ. Я, скитаясь въ сихъ мѣстахъ, горесть свою, вотще оплакиваю, подобно птицѣ, у которой драконъ, раззоривъ гнѣздо, любезныхъ ея дѣтей передъ глазами пожираетъ. Бѣдная мать къ злодѣю приступить не смѣетъ, но и прочь летѣть не можетъ. Родительская горячность учинить ей сего не попускаетъ,—только лишь около гнѣзда летая, ужасно бьется и жалкимъ крикомъ напасть свою изъявляетъ. Но вопль ея не смягчаетъ нимало жестокости того, кого естество не произвело на свѣтъ жалостнымъ и человѣколюбивымъ. Словомъ сказать, безутѣшная оная птица при всѣхъ матернихъ своихъ страданіяхъ безъ всякаго утѣшенія остается» (X. 102).

«О, высочайшее солнце, взирающее на всю вселенную! о, земля и живущіе на ней свято! о, вы, праведные судіи, обитающіе въ плутоновомъ царствѣ, будьте свидѣтелями» (X. 126).

«теперь корабль счастія нашего сокрушился и якорь надежды погибъ» (X. II, 92).

«Ахъ, Керей! вскричала она, сбросивъ съ себя покрывало, и узнавъ его тотчасъ по голосу. «Ахъ Каллироя, говорилъ Керей, обнявъ ее, и оба, пришедъ въ безпамятство, упали. Поликарпъ стоялъ при томъ, какъ окаменѣлый, и, отъ удивленія, приходилъ внѣ себя; наконецъ, опамятовавшись, старался Керея и Каллирою привести въ чувство. «Встаньте!» говорилъ онъ имъ, и живите паки между собою купно. Боги желанія ваши, наконецъ, исполнили! Однако подумайте, что вы не дома и не безъ опасности, но въ непріятельскомъ мѣстѣ, чего ради надлежитъ, во первыхъ, вамъ еще не разлучиться другъ отъ друга». Сіи слова возбудили ихъ, какъ отъ глубокаго сна «Такъ ты, дѣйствительно, Каллироя?» — «А ты, дѣйствительно, Керей?» спрашивали они взаимно другъ друга и, обнимаясь, приходили въ прежнее состояніе» (К. 234—5).

«Онъ, сѣдши подлѣ нея, говоритъ: «итакъ вы меня воскресили, несрав-

Digitized by Google

ненная Каллироя! Сколько жъ я вамъ за сіе благодарить долженъ! Я уже самъ себя осудилъ на смерть, которая мнѣ гораздо сноснѣе казалась, нежели жить безъ васъ на свѣтѣ. А чтобы владѣть вами силою, того я никогда предпріять не думалъ, но, не взирая на всю мою нѣжную къ вамъ любовь, позвольте объявить нѣкоторое мое негодованіе: можете ли вы думать, чтобъ я инако васъ возжелалъ, какъ чрезъ священный союзъ супружества?» (К. 90).

Любопытною особенностью греческаго романа надо признать стремленіе автора къ «описаніямъ», детальныхъ, даже иногда ярко-реалистическаго характера. Напр.

«...онъ тотчасъ по Харикловой просьбѣ вошелъ къ намъ, коего величественный и пріятный видъ привелъ меня въ великое удивленіе. И подлинно— онъ взоромъ и душею подобенъ безсмертно достойному жить великому Ахиллесу. Онъ, стоя, держалъ голову прямо, а дышалъ ровно, какъ гнѣваясь, или въ чрезвычайномъ будучи движеніи. Глаза у него нѣсколько темносѣрые, по большей части, черные. Онъ смотрѣлъ на насъ нѣсколько суровѣе обыкновеннаго, что не препятствовало нимало играніе очей его. Словомъ сказать: тишина въ глазахъ его была такая, какая въ великомъ окіанѣ послѣ бурныхъ вѣтровъ случается» (Х. 131—2).

«...тотъ весь израненъ лежалъ и, казалось, что онъ нѣсколько силился подняться, подобно отъ глубокаго сна пробуждаясь. Въ сихъ самыхъ обстоятельствахъ процвѣтала въ немъ мужественная красота. Щеки, хотя и обагрены были кровію, однако лѣпота его тѣла болѣе еще сіяла. Болѣзнь, хотя глазамъ его и не дозволяла смотрѣть свободно, но присутствіе дѣвицы совсѣмъ иное въ немъ дѣйствіе производило и, почти бездушнаго, оживотворяло и смыкающимся глазамъ принуждало открыться. Онъ, собравъ остальныя свои силы, говорилъ весьма томнымъ и прерывнымъ голосомъ къ дѣвицѣ» (Х. 6).

«...будучи четырнадцати лѣтъ, являла она блескъ цвѣтовъ юности во всей полнотѣ ихъ и сдѣланный по вкусу уборъ ея умножалъ ея прелести: русые ея волосы частію были заплетены вокругъ лица, остатокъ же ихъ развѣваемъ былъ на раменахъ ея по произволу зефировъ; глаза ея, при всей своей величавости, сохраняли веселость юнаго младенца, а величественный видъ— важность смиренномудренной женщины. Весьма легкая пурпуровая одежда касалась колѣнъ и была до половины покрыта кожей дикой козы; колчанъ ея висѣлъ за спиною; за симъ несли луки, стрѣлы и копья, позади жъ невольники вели самыхъ лучшихъ собакъ» (А. 10—11).

«Голова у ней украшена была изъ лавровыхъ листьевъ, сплетенныхъ вѣнцомъ, на плечѣ висѣлъ колчанъ, подъ лѣвой рукой лежалъ лукъ; одна рука попущена была слабо, а другою, облокотясь на правое колѣно, нѣсколько прикрывъ щеки ладонью, внизъ смотрѣла (Х. I, 5—6).

«...ѣхалъ онъ безъ шлема, въ торжественной епанчѣ цвѣта багрянаго, на которой, по мѣстамъ, блистало золото и серебро, конми вышита была на ней война Лапитовъ противъ Кентавровъ. На грудной пуговицѣ, состоящей изъ самаго чистаго янтаря, представлена была изъ того же богиня Паллада, несущая на копьѣ своемъ голову Медузину... Тихое, съ прохладностію, дыханіе кроткаго зефира, который весьма прилично разметалъ по шеѣ и по всей спинѣ

Digitized by Google

прекрасные его волосы. Подлинно бъ вы сказали, что и конь его разумѣлъ, что везетъ прекраснаго всадника. Онъ, поднявъ вверхъ голову, уши, и взглядывая на всѣхъ сурово, шелъ гордо и, качаясь то на ту, то на другую сторону, задними ногами слегка билъ въ землѣ. Но оное колебаніе усугубляло плавный ходъ его. Сіе позорище привело зрителей въ несказанной восторгъ, такъ что всѣ, какъ о красотѣ его, такъ и о храбрости, воспріяли особливыя мысли. Низкаго сословія женщины, не возмогшія скрыть внутренняго и невиннаго сердецъ своихъ восхищенія, бросали на него яблоки и цвѣты» (X. 138—9).

«...Аврокомъ былъ введенъ на брачное ложе; оно было изъ злата, завѣсы изъ пурпура, все же покровенно было навѣсомъ изъ драгоцѣнной матеріи, сдѣланнымъ на подобіе подзора, представляющаго исторію. Толпа маленькихъ купидоновъ рѣзвилась вокругъ находящейся вверху Венеры, другіе ласкались близъ нея; иные, сидя на лебедяхъ, собирали цвѣты, прочіе же плели изъ нихъ цѣпи. На другомъ концѣ навѣса являлся Марсъ, не вооруженный страшною воинскою бронею, но въ одеждѣ, каковою онъ обыкновенно украшается для того, чтобъ понравиться Венерѣ. Купидонъ служилъ ему проводникомъ, неся предъ нимъ свой пламенникъ, какъ бы для приведенія его въ объятія своей матери, которую указывалъ ему перстомъ и окомъ» (A. 31—3).

«Такимъ образомъ всѣ тѣ, которые тутъ лежали — иной уязвленъ былъ топоромъ, иной пораженъ чрезвычайной величины морскихъ раковинъ черепьями, коими тотъ берегъ весь изобиловалъ; у иново руки, и ноги кольями были переломаны» (X. 3).

Описаніе «бури» въ греческомъ романѣ шаблонно и не отмѣчается детальностью рисунка. Исключительнымъ, по своей детальности является, напримѣръ, такое описаніе:

«возставшею жестокою бурею отнесло ихъ въ Іоническое море, по которому они носились, незная, гдѣ находятся; небо скрылось отъ нихъ черными тучами и только освѣщало ихъ молніеноснымъ блистаніемъ; подобно, какъ будто судьба имъ возвѣщала, что прежде они только для Каллирои благополучное имѣли плаваніе» (K. 97).

Чаще описанія краткія. Напр.

«потомъ поднялся вѣтръ, сильный, съ вихремъ, и буря чрезвычайная, которая бросала судно по валамъ такъ порывно, что всеминутно ждали кораблекрушенія» (X. 239).

«вдругъ въ виду сего острова поднялась жесточайшая буря» (A. 137).

«потомъ вдругъ, къ великому нашему нещастію, возсталъ пресильный противный вѣтръ, съ вихремъ, и буря ужасная съ молніею» (X. 53).

«солнце, обтекая кругъ нашъ и склоняя путь свой къ западу, произвело чрезвычайной мракъ на морѣ. Оно, чувствуя перемѣну времени, или такъ угодно было небесамъ, вдругъ вскипѣло, поднялся вихрь сильной и буря ужасная» (X. 244).

Digitized by Google

Еще короче «описанія» восходящаго, или заходящаго солнца.

«какъ солнце уже за лѣсъ опускалось» (X. 17).

«какъ скоро разсвѣло» (К. 44).

«какъ скоро насталъ день» (К. 94).

«какъ день насталъ» (X. 166).

«лишь день насталъ» (К. 13).

«какъ свѣтать только начало» (X. 220).

«какъ только прекрасное свѣтило, пустивъ по землѣ свой блескъ, освѣтило верхи горъ» (X. 1).

«какъ только Денница пустила румяной свой блескъ по землѣ, какъ Омиръ поетъ...» (X. 140).

«едва лишь заря открыла румяное свое лице»» (X. 239).

«уже начала Аврора на горизонтѣ показываться (X. II, 1).

«Фебъ первые свои лучи испустилъ на землю» (X. 208).

Характерной чертой «натурализма» греческихъ романовъ была также примѣсь того, который совершенно отсутствуетъ въ романѣ «правильномъ», подражательномъ, «псевдоклассическомъ». Напр.:

«Ѳневу полюбилъ одинъ Навкратійскій купецъ, именемъ Навзиклъ. Сей Арсиною, обожаемую прежде, бросилъ для того только, что, во время игранія, щеки у нея чрезвычайно пухли и, противу благопристойности, изъ носу текла мокрота, и глаза, пламенѣя, выскочить сильнись» (X. 80).

«идучи назадъ то о порогъ запинался, то, бросаясь во всѣ стороны, о стѣну головой ударялся. Наконецъ, вошедъ въ покой, вдругъ бросясь на постель, весь задрожалъ и заскрипѣлъ зубами» (X. 213).

«беременность ваша» — говорила Плангона, еще не столько велика, чтобъ оной не можно было приписать Діонисію» — «Я лучше умру!» закричала Каллироя. «Не худо» — говорила Плангона, какъ будто съ сердца: «я тѣмъ довольна, что вы плодъ вашъ во чревѣ истребите. Ибо чрезъ то меньше будемъ имѣть опасности» (К. 81—2).

Изрѣдка встрѣчаемъ мы въ этихъ романахъ и элементъ юмористики. Такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ мы въ одномъ романѣ комическую сцену «разговоръ съ глухимъ»:

«я, подошедъ къ нему и поклонясь учтиво, спросилъ его, не знаетъ ли въ близости наемнаго дому. Онъ на то: «егда разодрали, ловя рыбу около нашего мыса, зацѣпивъ за камень!» Я говорилъ: «мнѣ до того нѣтъ дѣла; прошу сказать: не знаешь-ли по близости постоялаго двора?» Рыбакъ отвѣчалъ: «не я, но дѣти мои разодрали, кинувъ ее ошибкою въ каменистыя мѣста» (X. 230).

Digitized by Google

Въ другомъ романѣ одинъ изъ дѣйствующихъ героевъ разсказываетъ, какъ онъ изображалъ чародѣя:

«сперва курилъ я ладономъ и шепталъ, самъ незная что; послѣ, взявъ вѣтвь, прикладывалъ къ ея головѣ, рукамъ и ко всѣму тѣлу. Потомъ зѣвнулъ, какъ сонный, и, вставъ со стула, лепеталъ самъ съ собою множество пустоши и вздору» (X. 172).

Критикуя трудъ А. И. Кирпичникова, А. Н. Веселовскій приходитъ къ выводу, что извлечь *исторію развитія* греческаго романа пока невозможно, но что, въ общей сложности, дошедшія до насъ произведенія даютъ поводъ къ огульному обобщенію: наростающее чувство реализма; на счетъ эпическихъ типовъ выдвигаются мѣщанскіе, буржуазные; чувство любви смѣняетъ похоть и доростаетъ до рыцарскаго преклоненія передъ женщиной, до сентиментальнаго ея обожанія; преклоненія передъ силой, передъ подвигомъ воина, переходятъ теперь къ преклоненію передъ нѣжными чувствами, передъ подвигомъ любящихъ существъ.

Но если романы греческіе сопоставить между собой, мы найдемъ въ ихъ однообразіи нѣкоторое движеніе и къ указаннымъ «огульнымъ обобщеніямъ» Веселовскаго можно прибавить еще нѣсколько... Возьмемъ романъ Геліодора (половины III в.) и Харитона (V—VI в.). Въ первомъ — нагроможденіе авантюръ, обиліе «вѣщихъ сновъ», сильная примѣсь миѳологіи, колдовства и талисманы, запутанность, громоздкость построенія [1]) — въ романѣ Харитона—дѣйствіе упрощено, развивается легко, не тормозится и не ускоряется примѣсью фантастики. Въ этомъ упрощеніи романа, въ сближеніи съ дѣйствительностью и есть, своего рода, эволюція, повторяющаяся въ исторіи новаго романа.

Выводы, къ которымъ приводитъ меня настоящая замѣтка, слѣдующіе:

1) Вставные эпизоды, длинные разсказы, въ которыхъ опять вставлены разсказы.

Digitized by Google

1) Русскіе читатели XVIII-го вѣка съ греческимъ романомъ ознакомились въ тѣхъ «передѣлкахъ», которые свидѣтельствуютъ о позднѣйшихъ вкусахъ псевдоклассицизма.

2) Передѣлки эти касаются только стилистики и общаго колорита (нѣкоторое усиленіе сентиментализма, риторизма), но не касаются архитектоники романа и ея главныхъ особенностей.

3) Не вполнѣ опредѣленное отношеніе грека къ τύχη, какъ руководительницѣ жизни героя — у переводчиковъ-псевдоклассиковъ затуманилось еще больше, — съ одной стороны, *участились* случаи введенія «судьбы» въ романъ, а, съ другой стороны, для писателя-христіанина, эта «судьба», во многихъ случаяхъ, сдѣлалась только литературнымъ пріемомъ, за которымъ не скрывалось міросозерцанія, связаннаго съ этимъ понятіемъ у грека. Оттого «переводы» привлекли въ это понятіе немало элементовъ христіанства.

4) Характерныя особенности греческаго романа (построеніе, эротическій характеръ, идеализмъ, пріемы психологическаго анализа, пріемы описывать внѣшность героевъ и природу) оказали громадное значеніе на весь европейскій идеалистическій романъ XVIII-го вѣка; только «англійскій» романъ внесъ въ его исторію новое настроеніе и новые литературные пріемы.

5) Вліяніе греческаго романа было рѣшающимъ для западно-европейскаго романа,— въ *русской* романической литературѣ онъ не игралъ никакой роли,—статистика русскаго переводнаго романа [1]) указываетъ, что этотъ *классическій* романъ [2]) совершенно затерялся въ подавляющей массѣ переводныхъ *«псевдоклассическихъ»*; они стали переводиться раньше греческихъ и, судя по числу изданій, были популярнѣе у насъ, чѣмъ романъ греческій.

В. В. Сиповскій.

---

1) В. Сиповскій, op. cit.

2) Онъ появился у насъ одновременно съ «англійскимъ» — тѣмъ, который въ западной Европѣ смѣнилъ «псевдоклассическій».

Digitized by Google

Къ вопросу объ источникѣ русскаго христіанства.

(Замѣтка по поводу новыхъ матерьяловъ напеч. Ак. Соболевскимъ въ 4 кн. X тома «Изв. Ак. Наукъ»).

Новые матерьялы, напечатанные въ 4 книжкѣ X тома «Извѣстій Русскаго Языка и Словесности» академикомъ А. И. Соболевскимъ, увеличиваютъ число данныхъ русской письменности обращающихъ вниманіе на вопросъ объ источникѣ христіанства на Руси. Вопросъ этотъ небезынтересный не только для церковной исторіи, но и для исторіи русской культуры и литературы, не обращалъ до сихъ поръ на себя должнаго вниманія.

Принималось за аксіому то, что давалось легендарными сказаніями лѣтописи, и даже акад. Голубинскій, со всей ясностью присущаго ему анализа доказавши легендарность лѣтописнаго сказанія о крещеніи Руси, не желаетъ разстаться съ привычнымъ положеніемъ, изъ этого сказанія вытекающимъ, а становится его апологетомъ противъ западныхъ католическихъ писателей, защищавшихъ мнѣніе о западномъ источникѣ русскаго христіанства. Почтенный академикъ, обнаруживая слабыя стороны иностранныхъ противниковъ, игнорируетъ къ сожалѣнію тѣ факты русской письменности, которые довольно явно указываютъ на связи русской церкви съ западной въ кіевскій періодъ русской исторіи. Среди такихъ фактовъ является чуть ли не наиболѣе интереснымъ существованіе въ русской письменности этого періода мо-

Digitized by Google

литвъ съ слѣдами западнаго происхожденія. Такія молитвы были уже изданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Шляпкинымъ въ «Памятникахъ Древней Письменности». Имена святыхъ, упоминаемыхъ въ одной изъ молитвъ, относимой издателемъ къ XII—XIII вѣку Канутъ, Олафъ, Войцехъ указываютъ какъ бы на два западныхъ источника — западно-славянскій и скандинавскій. Въ настоящее время число молитвъ западнаго происхожденія относящихся къ тому же періоду увеличивается еще восемью, изданными акад. Соболевскимъ въ названной книжкѣ «Извѣстій». Акад. Соболевскій увѣренно считаетъ эти молитвы переведенными съ латинскаго языка и относитъ ихъ къ XIII вѣку. Фактъ, указывающій на католическое вліяніе довольно значительное въ концѣ Кіевскаго періода. Повидимому, извѣстными уже текстами не исчерпывается запасъ древне-русскихъ молитвъ западнаго происхожденія, такъ какъ академикъ Соболевскій обѣщаетъ издать и другія молитвы съ именемъ папы Григорія Великаго, которое встрѣчается въ изданныхъ имъ теперь молитвахъ.

Появленіе такихъ новыхъ фактовъ усиливаетъ то сомнѣніе, которое явилось у насъ при внимательномъ разсмотрѣніи матерьяла, приводимаго академикомъ Голубинскимъ въ защиту мнѣнія о восточномъ источникѣ русскаго христіанства. И мы думаемъ подѣлиться нашими сомнѣніями, не съ тѣмъ чтобы разрѣшить вопросъ, а чтобы обратить на него вниманіе спеціалистовъ.

Акад. Голубинскій признаетъ, что христіанство существовало на Руси за столѣтіе до крещенія Владимира, при Игорѣ, но явилось вѣроятно раньше Игоря. Первыми христіанами были у насъ по мнѣнію акад. Голубинскаго — Варяги, которые крестились, какъ думаетъ акад. Голубинскій, въ Константинополѣ.

«Очень можетъ быть, говоритъ онъ, что первые христіане между Варягами явились еще при Рюрикѣ и Олегѣ и одновременно съ первымъ при Аскольдѣ и Дирѣ. Со своей родины, т. е. изъ Норманіи они давно ходили на службу въ Константинополь; не *имѣемъ мы положительныхъ извѣстій*, однако можемъ со всей

Digitized by Google

вѣроятностью предполагать, что они начали принимать тамъ христіанство еще до половины IX вѣка; но между членами дружины Рюриковой *очень могли быть* люди, служившіе прежде въ Константинополѣ, и слѣдовательно такіе, которые могли принять тамъ христіанство.

Равнымъ образомъ и послѣ прибытія къ намъ Рюрика подобные крещеные Варяги *могли* приходить къ нему, къ Аскольду съ Диромъ и Олегу изъ Константинополя. Какъ бы то ни было наша лѣтопись ничего не говоритъ о христіанахъ Варягахъ при двухъ первыхъ великихъ князьяхъ, и мы положительно можемъ сказать только, что они явились въ Кіевѣ не позднѣе какъ въ правленіе Игоря» [1]).

Въ этомъ построеніи почтеннаго историка церкви много предположительнаго. Твердо установленнымъ фактомъ приходится признать существованіе христіанства среди Кіевскихъ варяговъ при Игорѣ. Болѣе или менѣе вѣроятнымъ, въ виду замѣтной роли ихъ въ дружинѣ Игоря, можно считать фактъ существованія христіанъ въ варяжской дружинѣ и до Игоря, но почему предполагать, что они крестились въ Константинополѣ? Самъ проф. Голубинскій говоритъ, что никакихъ положительныхъ извѣстій, оправдывающихъ это предположеніе нѣтъ, и самъ тутъ же въ примѣчаніи указываетъ на другой источникъ, изъ котораго проникаетъ христіанство къ Варягамъ.

«У себя дома Норманны начали принимать *Западное* христіанство частичнымъ образомъ или поединично съ 826 года. Въ этомъ году крестился при дворѣ императора франкскаго Людовика одинъ изъ князей датскихъ Геріальдъ, прогнанный съ своего стола другими князьями датскими. Крещеніе Геріальда возбудило въ императорѣ желаніе учредить миссію для обращенія Норманновъ, и исполнителемъ его желаній явился св. Ансгарій, монахъ Новокорвейскій, съ 831 по 865 г. первый архіепископъ Гамбургскій, который трудился надъ проповѣдью христіанства

1) Голубинскій «Ист. русской церкви» т. I (изд. 1), стр. 55—6.

Digitized by Google

въ Даніи, Норвегіи и Швеціи съ нѣкоторымъ успѣхомъ непосредственно и посредственно, черезъ другихъ» [1]).

Такимъ образомъ приходится признать два вѣроятныхъ источника христіанства среди варяжской дружины, причемъ на второй—западный мы имѣемъ прямыя указанія, которыхъ для восточнаго не имѣемъ. Принимая во вниманіе время проповѣди западнаго христіанства среди Норманновъ, мы не можемъ не взглянуть иначе и на фактъ внезапнаго появленія христіанъ въ дружинѣ Игоря. Оно непосредственно слѣдуетъ за проповѣдью христіанства среди Норманновъ, и само собой напрашивается вопросъ, не является ли и слѣдствіемъ таковой? Если принять во вниманіе еще нѣсколько косвенныхъ указаній, какъ, напримѣръ, то обстоятельство, что выраженія «варяжская вѣра», «варяжская божница» очень рано въ русскихъ памятникахъ совершенно опредѣленно обозначаютъ «западная вѣра», «западная божница», — что въ одной очень старой русской молитвѣ встрѣчаются несомнѣнно норманскія имена святыхъ, неизвѣстныхъ въ восточной, но чтимыхъ западной церковью, что, повидимому, никѣмъ не констатированъ до сихъ поръ фактъ существованія восточнаго христіанства у норманновъ [2]), то намъ кажется болѣе правильнымъ признать за вѣроятный источникъ христіанства и у Кіевскихъ варяговъ проповѣдь Ансгарія и его миссіонеровъ, чѣмъ крещеніе въ Византіи. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ нельзя считать рѣшеннымъ въ пользу Византійскаго источника.

Приблизительно въ такомъ же положеніи находится вопросъ о христіанствѣ кн. Ольги. Тотъ же академикъ Голубинскій говоритъ:

«Въ исторіи Ольги до сихъ поръ остаются нерѣшенными вопросы: когда и гдѣ она крестилась. Наша лѣтопись говоритъ,

---

1) Ibidem, примѣчаніе.

2) Проф. Голубинскій ссылается на указаніе Константина Порфир., что были цѣлые отряды Руссовъ христіанъ, но помимо возможности разнаго толкованія слова Руссы, ничто не говоритъ, что они были крещены по восточному обряду въ Византіи, а не пришли уже христіанами.

Digitized by Google

что для принятія христіанства, она путешествовала въ Константинополь, гдѣ крещена была патріархомъ, имѣвъ своимъ воспреемникомъ императора, и относитъ это событіе къ 955 году». Провѣряя это лѣтописное сообщеніе акад. Голубинскій вполнѣ убѣдительно доказываетъ его легендарность.

Прежде всего неправильна дата: греческіе источники считаютъ годомъ пріѣзда Ольги 957 годъ. Далѣе тотъ самый императоръ, который считается воспреемникомъ Ольги, былъ никто иной какъ Константинъ Порфирогенитъ, оставившій подробное описаніе пріѣзда Ольги и ни однимъ словомъ не упомянувшій о ея крещеніи, а наоборотъ сообщившій, что Ольга пріѣхала со своимъ священникомъ Григоріемъ, что̀ даетъ основаніе предполагать, что Ольга пріѣхала въ Константинополь уже крещеной. На вопросъ гдѣ и какъ была крещена Ольга, акад. Голубинскій отвѣчаетъ: въ Кіевѣ, въ промежутокъ между 952 и 957 годомъ. Но кѣмъ и по какому обряду была крещена Ольга? По Голубинскому выходитъ, что кіевскими варяжскими священниками, и т. к. онъ считаетъ ихъ восточными христіанами, то, слѣдовательно, по восточному обряду. Но мы видѣли, что положеніе о восточномъ христіанствѣ кіевскихъ варяговъ очень шатко и скорѣе въ нихъ можно видѣть западныхъ христіанъ. А если такъ, то остается предположить и крещеніе Ольги западнымъ духовенствомъ. На это какъ бы указываетъ одинъ фактъ, къ сожалѣнію, остающійся не совсѣмъ яснымъ.

«На третій годъ послѣ своей поѣздки въ Константинополь, говоритъ тотъ же акад. Голубинскій, т. е. въ 959 году Ольга посылала посольство къ Нѣмецкому королю (впослѣдствіи императору) Оттону I или Великому. Фактъ этого посольства, о которомъ не знаетъ или по крайней мѣрѣ не упоминаетъ нашъ лѣтописецъ, но о которомъ говорятъ многіе лѣтописцы Западные, не подлежитъ сомнѣнію; несомнѣнно такъ же и то, что оно было отъ нашей Кіевской Ольги, которую помянутые лѣтописцы называютъ христіанскимъ именемъ Елены, а не отъ кого-либо другого. Но затѣмъ вопросъ: для чего было посылать по-

Digitized by Google

сольство, долженъ навсегда остаться неразрѣшимой загадкой, если только не объяснятъ дѣла, какіе нибудь новые, до сихъ поръ неизвѣстныя свидѣтельства. Западные лѣтописцы говорятъ, что *Ольга присылала просить епископа и священниковъ*, что вслѣдствіе просьбы поставленъ былъ въ 960 году въ епископы русскіе Либуцій, изъ братства монастыря св. Альбана близь Майнца, но что когда онъ, не успѣвъ отправиться, умеръ въ началѣ слѣдующаго 961 года, то на его мѣсто поставленъ былъ въ томъ же году другой — Адальбертъ изъ братства монастыря св. Максима въ Трирѣ (бывшій впослѣдствіи, съ 968 года, архіепископомъ Магдебургскимъ). Но оказалось, по словамъ лѣтописцевъ, что посольство было прислано лживымъ и коварнымъ способомъ и что Русскіе солгали во всемъ. Прибывшій съ нимъ епископъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться назадъ (и притомъ такъ, что на возвратномъ пути онъ едва спасъ свою жизнь, а нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты») [1]).

Разсматривая это неясное событіе, акад. Голубинскій считаетъ даже при своей точкѣ зрѣнія на христіанство Ольги и кіевскихъ варяговъ, какъ на восточное, фактъ посылки посольства за епископомъ и священниками вѣроятнымъ, т. к. раздѣленія церкви еще не произошло. Еще болѣе, конечно, вѣроятнымъ оно является, если считать болѣе вѣроятнымъ западное христіанство варяговъ. Замѣчаніе ак. Голубинскаго, что противъ признанія такого факта говоритъ то обстоятельство, что епископъ былъ «не нуженъ» Ольгѣ, т. к. она крестилась одна, а не съ народомъ, намъ кажется не выдерживающимъ критики. Самъ проф. Голубинскій говоритъ, что христіанъ было уже много при Игорѣ. Кромѣ того Ольгѣ, какъ неофиткѣ, естественно было стремиться распространять свою вѣру, и въ попыткѣ Ольгѣ можно, кажется, видѣть опытъ того, что позже было сдѣлано Владиміромъ. Опытъ, повидимому, оказался неудачнымъ, т. к. почва не была еще достаточно подготовлена (на это указываетъ возрожденіе языче-

1) Голубинскій, 70—71.

Digitized by Google

ства въ княжеской семьѣ въ лицѣ Святослава), отсюда и выводъ западныхъ лѣтописцевъ о коварствѣ и лживости посольства. Чрезвычайно характернымъ является фактъ умолчанія нашего лѣтописца объ этомъ посольствѣ. Какъ увидимъ ниже, въ этомъ умолчаніи есть извѣстная система.

Такимъ образомъ вопросъ о христіанствѣ Ольги является не вполнѣ яснымъ, но, повидимому, больше основаній предполагать западный источникъ его.

Далѣе тотъ же историкъ русской церкви акад. Голубинскій приводитъ не лишенный интереса документъ, относящійся къ кіевскимъ христіанамъ временъ Святослава.

«Козьма Пражскій, говоритъ проф. Голубинскій, въ своей лѣтописи приводитъ грамоту папы Іоанна XIII къ Чешскому королю Болеславу II, писанную въ 972 году, которой онъ дозволяетъ послѣднему открыть въ Чехіи одну епископію (Пражскую). Вмѣстѣ съ симъ дозволеніемъ папа даетъ еще дозволеніе учредить одинъ женскій монастырь и относительно этого послѣдняго предписываетъ: «verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis, vel Ruziae aut Slavonicae linguae sed magis sequens instituta et decreta apostolica» [1]).

Подъ gens Ruziae акад. Голубинскій считаетъ возможнымъ предполагать либо кіевскихъ, либо венгерскихъ русскихъ, которыхъ онъ считаетъ аборигенами. Не касаясь этого послѣдняго крайне спорнаго мнѣнія объ аборигенствѣ Руси въ Венгріи, нельзя не признать, какъ указываетъ и самъ проф. Голубинскій, что венгерскіе русскіе, если они даже жили на теперешнихъ мѣстахъ въ X вѣкѣ, врядъ ли могли называться русскими и быть подъ этимъ именемъ извѣстными папѣ. Даже значительно позже галичане противополагали себя «Руси». Приводя это извѣстіе Козьмы Пражскаго, проф. Голубинскій говоритъ:

«Если окажется возможнымъ доказать это (что рѣчь идетъ о кіевскихъ русскихъ) положительнымъ образомъ и если затѣмъ

1) Голубинскій, 79, примѣчаніе.

Digitized by Google

будетъ доказана несомнѣнная подлинность грамоты папы, то свидѣтельство, какъ мы сказали, получитъ очень важное значеніе. Оно будетъ говорить, что христіанъ въ Россіи во время Святополка было такъ много, что о нихъ, какъ о составлявшихъ собой особую частную церковь, зналъ даже папа».

Свидѣтельство это не отличается особенной опредѣленностью, хотя бы потому, что нельзя сколько нибудь рѣшительно сказать кого онъ подразумѣваетъ подъ gens Ruziae (помимо венгерскихъ русскихъ, памятники даютъ указанія и на другихъ не кіевскихъ руссахъ, вообще это имя все еще остается не лишеннымъ загадочности), но если бы дѣйствительно можно было отнести это извѣстіе къ кіевскимъ русскимъ, то пришлось бы сдѣлать выводъ, что кіевскіе русскіе представляли собой христіанъ съ точки зрѣнія папы не совсѣмъ правовѣрныхъ, но какъ будто находившихся съ нимъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ, въ положеніи приблизительно такомъ, въ какомъ были Чехи послѣ Кирилла и Меѳодія. Но эти свѣдѣнія слишкомъ неопредѣленны, чтобы на основаніи ихъ дѣлать какой-нибудь выводъ.

Нѣсколько опредѣленнѣе дѣло становится начиная съ эпохи Владимира. Профессоръ Голубинскій очень убѣдительно доказываетъ легендарность всей повѣсти о крещеніи Владимира. «Завоеваніе вѣры», какъ называетъ проф. Голубинскій приписываемый лѣтописнымъ сказаніемъ Владимиру походъ на Корсунь для крещенія, кажется проф. Голубинскому весьма мало вѣроятнымъ, и этому легендарному извѣстію онъ противопоставляетъ другое — указывающее на то, что Владимиръ крестился уже ранѣе похода на Корсунь. Это свидѣтельство принадлежитъ Іакову-мниху.

«Противъ свидѣтельства повѣсти о крещеніи, читаемой въ лѣтописи, говоритъ проф. Голубинскій, которой мы имѣемъ всѣ основанія не вѣрить, передъ нами въ настоящее время свидѣтельство монаха Іакова, которому мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять и авторитетъ котораго, какъ историческаго писателя изъ всѣхъ древнѣйшаго, есть безусловный и безспор-

Digitized by Google

ный. Іаковъ говоритъ и сообщаетъ намъ, что Владимиръ крестился не въ Корсуни, послѣ того какъ взялъ ее, а гдѣ то индѣ и до похода на Корсунь, который онъ предпринялъ уже будучи христіаниномъ и спустя два года послѣ крещенія и въ который (походъ) онъ только женился на греческой царевнѣ, сестрѣ императоровъ» [1]).

Итакъ по обстоятельно мотивированному мнѣнію авторитетнаго источника русской церкви Владиміръ крестился не въ Корсуни. Если такъ—то гдѣ же? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ у того же проф. Голубинскаго. Онъ приводитъ косвенное указаніе самой лѣтописи о томъ, что Владиміръ крестился въ Василёвѣ (нынѣ имя Васильковъ).

«Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи, говоритъ проф. Голубинскій, разсказавъ о крещеніи Владимира въ Корсуни, прибавляетъ:

«Се же не свѣдуще право глаголютъ, яко крестися есть Владиміръ въ Кіевѣ, иніи же рѣша: въ Василёвѣ друзіи же инако скажутъ» [2]).

Самъ акад. Голубинскій рѣшаетъ вопросъ въ пользу Василёва, безъ достаточныхъ, однако, на нашъ взглядъ основаній. Не останавливаясь на вопросѣ о мѣстѣ крещенія Владимира, который самъ по себѣ для насъ безразличенъ, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторое неудовольствіе лѣтописца существованіемъ слуховъ о крещеніи Владимира въ Василёвѣ или Кіевѣ. Слухи о крещеніи Владимира какъ будто смущаютъ лѣтописца, и является предположеніе, не есть ли самая лѣтописная повѣсть о крещеніи результатъ желанія вытѣснить эти слухи. Невольно напрашивается сопоставленіе этого факта—съ фактомъ умолчанія лѣтописи о посольствѣ Ольги къ Оттону, о которомъ говоритъ рядъ западныхъ лѣтописей. Лѣтопись, повидимому, скрываетъ нѣчто ей непріятное, и въ обоихъ случаяхъ этимъ непріятнымъ является одно и то же.

1) Голубинскій, 110.
2) Голубинскій, 115.

Digitized by Google

Если Владиміръ крестился не въ Корсунѣ отъ Грековъ, а въ Василевѣ, Кіевѣ или иномъ мѣстѣ, то кто же его крестилъ? Акад. Голубинскій очень точно устанавливаетъ, что его крестили не Греки.

«Несомнѣнно, говоритъ онъ, что Владиміръ принялъ христіанство не отъ Грековъ и безъ всякихъ сношеній съ ними и что онъ не завязывалъ съ ними этихъ послѣднихъ въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ крещенія. Выше мы привели свидѣтельство монаха Іакова, что Владиміръ только спустя два года послѣ крещенія взялъ у Грековъ Корсунь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ монахъ Іаковъ совершенно ясно даетъ знать, что сношенія, въ которыя онъ вступилъ съ Греками послѣ взятія Корсуни, были первыми его сношеніями съ ними послѣ принятія христіанства, что походъ на Корсунь именно и предпринятъ былъ съ тою цѣлью, чтобы завязать ихъ. Іаковъ говоритъ, что Владиміръ предпринялъ этотъ походъ, между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы привести въ свою землю христіанъ и священниковъ, которые научили бы его людей закону христіанскому..... Если бы Владиміръ прежде имѣлъ сношенія съ Греками, то эти столь необходимые христіане и священники, очевидно, были бы приведены въ Россію прежде; если же сего не было, то необходимо слѣдуетъ, что не было и сношеній. Дѣйствительно, странный и неожиданный фактъ, что Владиміръ цѣлые два года послѣ крещенія не вступалъ въ сношенія съ Греками, основывается и не на одномъ только свидѣтельствѣ монаха Іакова, хотя и ему одному мы не имѣли бы совершенно никакого права отказать въ вѣрѣ. Ниже мы увидимъ, что Россія въ продолженіи значительно долгаго времени послѣ крещенія Владимирова оставалась безъ митрополита и безъ надлежащаго церковнаго управленія. Но если бы Владиміръ крестился отъ Грековъ, то какія бы причины могли воспрепятствовать послѣднимъ дать намъ митрополита и ввести у насъ полное церковное управленіе болѣе или менѣе вскорѣ послѣ этого крещенія? Никакихъ причинъ придумать нельзя, и слѣдовательно,—единственно возможное изъ сего

Digitized by Google

заключеніе есть то, что Владимиръ крестился не отъ Грековъ и что въ продолженіи того или другого времени послѣ крещенія онъ дѣйствительно не завязывалъ съ ними сношеній. Наконецъ, можемъ прибавить и то, что лѣтописцы греческіе не говорятъ о крещеніи Владимира, хотя говорятъ объ его женитьбѣ на ихъ греческой царевнѣ» [1]).

Установивъ, что крестили Владимира не Греки акад. Голубинскій останавливается на двухъ возможныхъ предположеніяхъ о его крещеніи Болгарами или мѣстными Варягами христіанами. Болѣе вѣроятнымъ акад. Голубинскій признаетъ крещеніе Владимира — Варягами. Онъ ссылается при этомъ главнымъ образомъ на косвенныя доказательства, но приводитъ мимоходомъ и одно прямое указаніе, которому нельзя противопоставить какого бы то ни было опредѣленнаго указанія въ пользу Болгаръ. Проф. Голубинскій ссылается на сагу объ Олавѣ конунгѣ норвежскомъ, который, *крестившись въ Греціи*, убѣдилъ креститься и Владимира [2]).

Такимъ образомъ остается признать за наиболѣе вѣроятное крещеніе Владимира варягами христіанами. Опять таки является вопросъ о томъ, какого обряда были они сами. Сага какъ будто указываетъ на греческій источникъ, но во времена Владимира западное христіанство уже успѣло сдѣлать значительныя завоеванія среди Норманновъ и т. к. указанія сагъ, какъ всякихъ вообще произведеній народнаго эпоса, особенной точностью не отличаются, особенно опираться на детали показанія саги невозможно. О латинствѣ кіевскихъ варяговъ говоритъ и самъ проф. Голубинскій, нѣсколько ниже.

«Въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ, говоритъ онъ, постоянно жило не мало людей латинской вѣры въ качествѣ солдатъ въ войскахъ великихъ князей (*въ нѣкоторомъ количествѣ Варяги*, послѣ прекратившагося ихъ наплыва, и Нѣмцы») [3]).

1) Голубинскій, 111—112.
2) Голубинскій, 111.
3) Голубинскій, 121.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, признавъ крещеніе Владимира Варягами, приходится признать вѣроятнымъ фактъ крещенія его по западному обряду. Косвенно на это какъ будто указываетъ и то продолжительное отсутствіе сношеній съ Греками, о которомъ говоритъ Голубинскій (завязать сношенія съ Греками было не трудно — это дѣлали почти всѣ князья до Владимира). Другимъ косвеннымъ указаніемъ является по нашему мнѣнію замалчиванье и затиранье лѣтописью истинныхъ обстоятельствъ крещенія Владимира: повидимому, въ нихъ было нѣчто непріятное для лѣтописца, а такимъ для православнаго монаха, уже прошедшаго школу византійской нетерпимости, скорѣе всего можетъ быть крещеніе Владимира западнымъ духовенствомъ. Замѣчаніе проф. Голубинскаго, что «латинская вѣра» стала «варяжской вѣрой» съ начала XI вѣка, когда Норвегія и Швеція обратились изъ язычества въ латинское христіанство [1]), противорѣчитъ его собственному, цитированному нами выше, утвержденію о томъ, что западное христіанство начало распространяться въ Швеціи и Норвегіи съ 831-го года [2]). Такимъ образомъ и въ крещеніи Владимира, какъ въ крещеніи Ольги и въ самомъ христіанствѣ кіевскихъ варяговъ, намъ кажется съ бо́льшей вѣроятностью можно предположить западный, чѣмъ византійскій источникъ. Такое предположеніе сдѣлаетъ понятнымъ цѣлый рядъ фактовъ, совершенно необъяснимыхъ иначе.

Западные историки церкви утверждаютъ, что русскіе были крещены въ латинство и признавали власть папы. Полемизируя съ ними акад. Голубинскій даетъ много матерьяла скорѣе въ пользу чѣмъ противъ этого утвержденія.

Тотъ же проф. Голубинскій, который признаетъ, что послѣ крещенія Владимира въ теченіе двухъ лѣтъ у него не было никакихъ сношеній съ греками, и что для установленія этихъ сношеній ему зачѣмъ то нужно было брать Корсунь, констатируетъ фактъ сношенія русскихъ князей до Корсунскаго похода съ па-

1) Голубинскій, 136, примѣчаніе.
2) Ibidem 55, примѣчаніе.

Digitized by Google

пами и признаетъ эти сношенія попытками папъ подчинить себѣ русскихъ христіанъ.

«Извѣстія объ этихъ попыткахъ, говоритъ проф. Голубинскій, только въ одной изъ новѣйшихъ редакцій первоначальной лѣтописи, именно — въ редакціи находящейся въ Никоновской лѣтописи. Но нѣтъ никакого основанія подозрѣвать, чтобы они были позднѣйшимъ вымысломъ, потому что нельзя придумать побужденій, по которымъ вымыслъ могъ быть сдѣланъ (а наоборотъ, должно думать, что въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ редакціяхъ первоначальной лѣтописи извѣстія опущены, къ чему безъ труда можетъ быть указано и побужденіе, *каково желаніе позднѣйшихъ редакторовъ изгладить изъ памяти нашей исторіи о сношеніяхъ нашихъ съ папами*» [1]). Далѣе проф. Голубинскій приводитъ лѣтописныя свѣдѣнія о папскихъ посольствахъ.

«Подъ 979 г. въ Никоновской лѣтописи говоритъ проф. Голубинскій читается: «того же лѣта придоша послы къ Ярополку изъ Рима отъ папы». Въ годѣ — ошибка, потому что Ярополкъ убитъ Владимиромъ, какъ мы говорили выше, не въ 980 (что неправильно полагаетъ Никоновская лѣтопись вслѣдъ за другими), а въ 978 г.; т. к. извѣстіе перенесено на несоотвѣтствующій годъ по всей вѣроятности съ ближайшаго къ нему соотвѣтствующаго, то его должно понимать въ томъ общемъ смыслѣ, что послы приходили въ самомъ концѣ правленія Ярополка. Затѣмъ въ Никоновской лѣтописи читается подъ 988 г., что, когда Владимиръ находился во взятой имъ Корсуни, «придоша (къ нему) послы изъ Рима отъ папы и мощи святыя принесоша» [2]). Такъ какъ въ первомъ свидѣтельствѣ неясно, что ошибочно годъ или имя Ярополка, то мы имѣемъ указаніе на одно, а можетъ быть и на два посольства папы къ Владимиру (если принять хронологію лѣтописи, и первое было при немъ). Особенно интересно, конечно, второе посольство. Съ какой стати папа присылаетъ Владимиру

1) Голубинскій, 192
2) Голубинскій, 193.

Digitized by Google

мощи? Возможенъ ли самый фактъ присылки мощей человѣку иной вѣры? Уже одинъ этотъ фактъ дѣлаетъ очень вѣроятнымъ крещеніе Владимира именно по западному обряду. Совпаденіе посольства съ походомъ на Корсунь можетъ быть истолковано такимъ образомъ стремленіемъ отклонить Владимира отъ задуманнаго *перехода* къ греческому обряду.

Несомнѣнно, что этой цѣли посольство не достигло и греческая іерархія была принята Владимиромъ, но и послѣ этого факта сношенія съ Римомъ продолжаются и Русь занимаетъ какое то странное положеніе между Греціей и Римомъ. Голубинскій приводитъ еще два свидѣтельства лѣтописи о приходѣ пословъ отъ папы къ Владимиру въ 991 и 1000 году, причемъ въ первомъ случаѣ лѣтопись отмѣчаетъ, что послы пришли «съ любовію и честью». Но особенно любопытно приводимое Голубинскимъ извѣстіе, что при раздѣленіи церквей папскіе послы, положивъ на алтарь св. Софіи въ Константинополѣ отлучительную грамоту противъ грековъ, возвращались въ Римъ черезъ Россію, что̀ Голубинскій объясняетъ желаніемъ ихъ возстановить русскихъ противъ грековъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что за три года передъ окончательнымъ расколомъ церквей, въ Кіевѣ былъ поставленъ митрополитомъ помимо грековъ русскій родомъ Иларіонъ, а въ домонгольскую эпоху довольно ясно чувствуется различіе въ отношеніи къ латинѣ туземныхъ кіевскихъ духовныхъ и пришлыхъ грековъ. Греки ведутъ упорную полемику съ латиной, которую начинаетъ уже первый кіевскій митрополитъ Леонъ, тогда какъ русское духовенство всецѣло остается въ сторонѣ отъ этой полемики.

Сношенія съ папами продолжаются и послѣ раздѣленія церквей. Голубинскій насчитываетъ слѣдующіе случаи сношеній съ папами, отмѣченные лѣтописью: 1074—5—обращеніе Изяслава къ папѣ Григорію VII, между 1084 и 1089 посольство отъ папы Климента III, 1096 — возвращеніе отъ папы посла Кіевскаго митрополита, 1169—посольство отъ папы Александра III, 1227 — посольство отъ папы Гонорія III и 1231 — посольство

Digitized by Google

отъ папы Григорія III. Если принять во вниманіе отмѣченную акад. Голубинскимъ тенденцію лѣтописи замалчивать сношенія съ папами, то этихъ случаевъ болѣе, чѣмъ достаточно. Особенно обращаетъ на себя вниманіе случай 1091 года, когда лѣтопись отмѣчаетъ «того же лѣта приде Ѳеодоръ, Грекъ митрополичъ, отъ папы изъ Рима, и принесе много мощей святыхъ». Отмѣчая это извѣстіе проф. Голубинскій считаетъ Ѳеодора грека посломъ митрополита Іоанна къ папѣ Клименту. Если такъ, то здѣсь показатель совершенно загадочныхъ отношеній русской церкви къ папству, позволявшихъ послѣ раздѣленія церквей митрополиту кіевскому имѣть сношенія съ папой, а послѣднему посылать въ Кіевъ мощи. Еще болѣе загадочнымъ фактомъ является существованіе у насъ праздника перенесенія мощей Николая чудотворца въ Баръ — 9-го Мая. Праздникъ этотъ установленъ во второй половинѣ XI вѣка послѣ раздѣленія церквей, въ память перенесенія мощей изъ Малой Азіи въ Италію, т. е. событія, для восточной церкви ничего радостнаго не заключающаго. Греческая церковь этого праздника не знаетъ. Западные духовные писатели, утверждающіе, что Русь была крещена по западному обряду и долго находилась въ двойственномъ подчиненіи Риму и Византіи, указываютъ на этотъ фактъ, какъ на одно изъ сильныхъ доказательствъ своего построенія. Акад. Голубинскій пытается анулировать это доказательство, наврядъ ли вполнѣ убѣдительно. Онъ указываетъ на то, что этого праздника нѣтъ и въ католической церкви и считаетъ совершенно нелѣпымъ мысль, что папѣ «могла прійти фантазія учредить этотъ праздникъ только для Руси». Нелѣпаго въ этомъ нѣтъ ничего. Стоитъ вспомнить, какъ въ настоящее время у насъ же на Руси на западной окраинѣ усердно выполняются по повелѣнію свыше такіе обряды, которые не такъ усердно выполняются въ коренной Руси (хотя бы говѣніе всѣхъ учащихся въ недѣлю *православія*). Созданіе лишняго праздника для полувѣрной окраины вещь понятная. Во всякомъ случаѣ установить этотъ праздникъ въ честь такого мало ее касавшагося событія Русь не могла, еще меньше могли уста-

Digitized by Google

новить ее греки, которые въ этомъ событіи теряли святыню. Западное происхожденіе этого праздника не подлежитъ никакому сомнѣнію. Праздникъ этотъ является однако не единственнымъ фактомъ «латинскаго вліянія на русскую церковь въ домонгольскій періодъ. Существуетъ и издана въ «Памятникахъ древней письменности» русская молитва, относящаяся къ XII—XIII вѣку, въ которой наряду съ Борисомъ и Глѣбомъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ упоминаются свв. Войтехъ, Магнусъ, Канутъ, Альбанъ, Олафъ и Батульфъ. Эти имена указываютъ не только на вліяніе западной церкви, но и на двѣ струи этого вліянія: варяжскую (большинство именъ) и западной славянскую (Войтехъ).

Западныхъ христіанъ въ Кіевской Руси было много; одинъ изъ памятниковъ полемической литературы жалуется, что латины «всю землю (русскую) осквернили понеже по всей земли Варязи суть».

На то, что варяги католики пріѣзжали на Русь съ католическими священниками, есть указаніе въ извѣстной исторіи Симона варяга (въ «Словѣ о созданіи церкви»). Въ общемъ картина взаимоотношенія восточнаго и западнаго христіанства въ домонгольской Руси намъ кажется вполнѣ правильно опредѣлена однимъ позднѣйшимъ изслѣдователемъ.

«Русскіе крестились до полнаго раздѣленія церквей; но уже во время распри. Въ предѣлахъ Россіи почти одновременно съ православіемъ было извѣстно и католичество, которое явилось въ нее двумя путями, черезъ Новгородъ отъ Варяговъ, и въ Западной Руси отъ поляковъ и нѣмцевъ. Греческіе проповѣдники застали уже на Руси «варяжскія» (латинскія) церкви и «варяжскихъ» поповъ, а простой народъ и даже князья не умѣли еще отличать одной религіи отъ другой, и бывали случаи (что несомнѣнно извѣстно относительно Новгорода), что даже своихъ дѣтей на молитву носили варяжскимъ попамъ» [1]). Находясь въ

1) А. Лященко «Замѣтки о сочиненіяхъ Ѳеодосія, писателя XII в.», Jaresbericht der Reformierten Kirchenschule 1899—1900 г., стр. 30.

Digitized by Google

сферѣ вліянія и Запада и Востока, домонгольская Русь была знакома какъ съ византійскимъ, такъ и съ западнымъ христіанствомъ и плохо разбиралась въ нихъ; отсюда нѣсколько двойственное положеніе, которое не могло нравиться грекамъ архіереямъ и митрополитамъ. Греческое духовенство на Руси съ первыхъ же дней христіанства ведетъ полемику противъ латины и чрезвычайно характерно, что русское православное духовенство въ этой полемикѣ никакого участія не принимаетъ, отражая конечно отношеніе по этому вопросу мѣстныхъ христіанъ. Къ XIII вѣку грекамъ удалось уже привить новообращеннымъ русскимъ христіанамъ ненависть къ ихъ западнымъ братьямъ, но въ первые годы это повидимому имѣло мало вліянія, и даже сами греки митрополиты (какъ названный выше Іоаннъ) въ одно и то же время сочиняютъ посланіе противъ латины и посылаютъ пословъ къ папѣ, принимая отъ послѣдняго мощи.

Нарисовавъ въ общихъ чертахъ картину взаимоотношенія западнаго и восточнаго христіанства въ домонгольской Руси, мы не можемъ не извлечь изъ труда проф. Голубинскаго и одного изъ показаній цитируемыхъ и опровергаемыхъ имъ западныхъ источниковъ.

Интерполяторъ Адемаровой хроники говоритъ о Бруннѣ, котораго западные источники считаютъ однимъ изъ апостоловъ Руси.

«Примѣру Адальберта послѣдовалъ Бруннъ епископъ и просилъ императора, чтобы приказалъ вмѣсто него посвятить въ епископы на его столъ Одольрика. Когда это было сдѣлано, онъ смиренно отходитъ въ провинцію Угрію, которая называется Бѣлой Угріей, въ отличіе отъ Черной Угріи. Онъ обратилъ къ вѣрѣ Угрію провинцію и другую, которая называется Россія. Но когда онъ простерся до Печенѣговъ и началъ проповѣдывать имъ Христа, то пострадалъ отъ нихъ, какъ пострадалъ и святой Адальбертъ. Ибо Печенѣги, свирѣпствуя дьявольской яростью, извлекли всю внутренность изъ чрева чрезъ малое отверстіе въ боку и сдѣлали его мужественнымъ мученикомъ Божьимъ. Тѣло

Digitized by Google

его народъ русскій выкупилъ за дорогую цѣну, и построили въ Россіи монастырь, его имени, и началъ онъ сіять великими чудесами. Спустя немного дней, пришелъ въ Россію нѣкоторый греческій епископъ и обратилъ *низшій классъ* народа этой провинціи, который еще былъ преданъ идоламъ и заставилъ ихъ принять обычай греческій относительно рощенія бороды и прочаго».

Акад. Голубинскій опровергаетъ это показаніе, доказывая нѣкоторыя хронологическія несообразности. Но важно не то, могъ или не могъ Бруннъ проповѣдывать на Руси. Важно то обстоятельство, что западному лѣтописцу (и не одному) извѣстно, что на Руси до крещенія народа при Владимирѣ было западное христіанство среди высшихъ классовъ, т. е. варяговъ. Въ этомъ онъ въ сущности сходится и съ русскими источниками. Дальше этотъ западный источникъ совершенно согласно съ русскими источниками констатируетъ крещеніе низшихъ классовъ, т. е. славянской массы населенія по греческому обряду.

Такими представляются намъ вѣроятныя взаимоотношенія между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ въ древней Руси. Но если христіанство водворено у насъ по западному обряду, къ которому примкнули уже родственные нашимъ высшимъ классамъ и княжеской семьѣ Норманны, то зачѣмъ же было Владиміру принимать восточное христіанство и вводить византійскую іерархію? Отвѣтъ на это очень простъ и объясняется походомъ на Корсунь. Каждый изъ князей до Владимира ставилъ своей задачей установить извѣстныя отношенія съ Византіей, которая была рынкомъ для русскаго сырья, необходимымъ для торгово-дружиннаго слоя и княжеской семьи. Отношенія эти поддерживались время отъ времени военнымъ давленіемъ Руси,—знаменитыми «походами на Царь-градъ». Очевидно, при Владимирѣ явилась потребность установить болѣе постоянныя отношенія, которыя обезпечивались династическими браками. Съ этой цѣлью предпринятъ походъ на Корсунь. Принятіе греческой іерархіи было логическимъ послѣдствіемъ брака съ греческой принцессой, который былъ самъ логическимъ послѣдствіемъ экономическаго тяготѣнія

Digitized by Google

къ Византіи. Владиміру полу-варвару, плохо разбиравшемуся въ обрядности и догмѣ, было по существу все равно, къ какой церкви примкнуть, но для него не безразличны отношенія съ Византіей, и онъ принимая греческую іерархію, крестя массу по восточному обряду, продолжаетъ сноситься съ попами. Такъ относились къ этому вопросу и послѣ него князья и народъ, среди котораго были и восточные и западные христіане. Ниже составитель легендарнаго сказанія въ лѣтописи о выборѣ вѣры, не могъ изобрѣсти ни одного толковаго мотива преимущества вѣры, восточнаго обряда, въ которое увѣровалъ уже съ чужихъ словъ (духовныхъ изъ грековъ). Самимъ Грекамъ вопросъ объ отношеніи русскихъ къ западной церкви не могъ конечно казаться безразличнымъ, отсюда полемика съ «латиной», совершенно непонятная если бы латина не представляла реальной силы. Постепенно греки успѣли внушить свое отношеніе къ латинѣ и русскимъ вмѣстѣ съ другими византійскими идеалами, но это сдѣлалось не сразу, думается не ранѣе конца домонгольскаго періода, до тѣхъ же поръ русское христіанство, получая высшую іерархію изъ Византіи, не рвало и съ Римомъ, было положеніе, напоминающее теперешнее «единовѣріе».

Высказывая нашъ взглядъ, мы повторяемъ и претендуемъ на его безусловную вѣрность, мы высказываемъ его какъ нѣчто намъ кажущееся вѣроятнымъ, какъ гипотезу, для окончательнаго обоснованія которой мы не обладаемъ достаточной спеціальной эрудиціей.

Мы чувствовали бы полное удовлетвореніе, если бы наша замѣтка вызвала вниманіе спеціалистовъ къ этому, намъ кажется далеко не рѣшенному вопросу.

Н. Коробка.

Digitized by Google

Греко-славянскіе этюды.

I. Основные вопросы изъ области греко-славянскихъ отношеній.

Посвящается Аѳанасію Ивановичу Пападопуло-Керамевсу къ 35-лѣтію его научной дѣятельности.

На историческій интересъ греко-славянскаго міра давно уже указалъ акад. В. И. Ламанскій въ извѣстномъ своемъ трудѣ «Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ» Спб. 1871; литературный интересъ той же области также давно указанъ акад. А. Н. Веселовскимъ. Довольно странно поэтому, что вниманіе ученыхъ до сихъ поръ еще не было обращено на изученіе *лингвистическихъ* вопросовъ греко-славянскаго міра, тѣмъ болѣе, что внимательное изученіе ихъ обѣщаетъ дать интересные результаты для обѣихъ областей науки — славянской и греческой. До появленія капитальныхъ работъ, посвященныхъ греко-славянскимъ языковымъ отношеніямъ, мнѣ кажется, будутъ имѣть нѣкоторый интересъ и предлагаемые здѣсь намеки и замѣтки [1]).

1) Какъ мало въ Россіи вообще интересовались и интересуются средне-греческимъ *языкомъ*, видно хотя бы изъ того, что извѣстный ученый Ѳ. И. Буслаевъ въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» Калачева, т. I, стр. 29, на основаніи замѣчанія: *есм*, *тм* въ древне-русскомъ азбуковникѣ, дѣлаетъ выводъ, что «вспомогательный глаголъ потерялъ уже въ сознаніи нашихъ предковъ свое первоначальное значеніе: Памв. Бер. объясняетъ: *есмь*, настоящее время; азбуковникъ же: *еси*, *тм*. Отсюда (!) мы удостовѣряемся, что для нашихъ предковъ этотъ глаголъ былъ указателемъ *или* времени или же лица».—Буслаевъ, очевидно, не обратилъ вниманія на то, что еси = средне-греч. ἐσύ, ты.

Digitized by Google

1. Въ памятникахъ древне-русской письменности мы находимъ цѣлый рядъ греческихъ словъ въ русской транскрипціи. Особенно много подобныхъ словъ въ такъ называемыхъ алфавитахъ иностранныхъ рѣчей или азбуковникахъ (о которыхъ С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи I, Спб. 1904, стр. 160 сл. и указ. литература), первое мѣсто среди которыхъ принадлежитъ тексту «Рѣчь тонкословія греческаго», по даннымъ языка могущему быть отнесеннымъ къ XIII в.[1]). Въ транскрипціи указаннаго текста греческое — *j* + *o* — и — *conson. palatal.* + *o* — передается чрезъ русское *е*[2]): ѝлиєс̀ 11, 14—15; пріени 13, 2; χєроприєни 13, 2; цєха 13, 21; 22; ѝѡаиєфорос̀ 34, 21; и др. (греч. ἥλjος, πριjόνι, χεροπριjόνι, τσόχα, ἡ βαjοφόρος etc.). Удачная транскрипція объясняется довольно легко: на почвѣ русскаго языка извѣстенъ «переходъ» *е* въ *о* послѣ среднеязычныхъ согласныхъ (См. А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка[3], стр. 58—67). Послѣ шипящихъ и *ц* этотъ переходъ также отмѣчается уже въ памятникахъ и притомъ довольно рано (Соболевскій, указ. сочин.). Отмѣтить въ письмѣ *о* въ подобныхъ случаяхъ было возможно безъ существеннаго уклоненія отъ произношенія, ибо эти согласные произносились несреднеязычно. Невозможно было передать гласный *о* (изъ *е*) лишь послѣ среднеязычныхъ согласныхъ и дѣйствительно надежныхъ примѣровъ, указывающихъ на «переходъ» *е* въ *о* послѣ среднеязычныхъ въ памятникахъ такъ мало, что на основаніи ихъ трудно опредѣлить время, къ которому относится указанное явленіе. Приведенные выше примѣры, однако, могутъ быть надежнымъ средствомъ для датировки «перехода» *е* въ *о*: подлинникъ «Рѣчи тонкословія греческаго», на основаніи данныхъ греческаго языка этого текста, можетъ быть отнесенъ къ XIII в.[1]). Въ это

1) Объ этомъ см. законченную нами работу: «Опытъ филологическаго и лингвистическаго изученія текста Р. Т. Гр.», печатающуюся въ «Сборникѣ» 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ.

2) Цитаты по изданію Н. К. Никольскаго «Рѣчь тонкословія греческаго». Русско-греческіе разговоры XV—XVI вв. Памятники древней письменности CXIV, Спб. 1896.

Digitized by Google

время переходъ *е* въ *о* уже совершился, ибо авторъ текста знакомъ *е* (= palatal + о) воспользовался для передачи *о* въ греческихъ словахъ,—признакъ того, что въ русскомъ языкѣ явленіе было уже весьма распространено. Врядъ ли послѣ этого, мы ошибемся, если отнесемъ указанное явленіе по крайней мѣрѣ къ XII в.

2. Въ наукѣ не разъ обращалось вниманіе на то, что вошедшія въ составъ церковно-славянскаго языка латинскія слова въ него вошли чрезъ посредство средне-греческаго языка (см. А. И. Соболевскій, Греко-славянскіе этюды, Русск. Филол. Вѣстникъ X, 165 сл.; его же «Церковно-славянскій языкъ: Фонетика» стр. 8—9; V. Oblak, Archiv für slav. Philol. XVI, 309 сл.; Ѳ. Е. Коршъ, О нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ иноязычнаго происхожденія, Сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь проф. М. С. Дринова, стр. 53—62). Слишкомъ же мало, на мой взглядъ, обращено вниманія на народно-греческія слова въ старославянскихъ памятникахъ. Между тѣмъ эти греческіе элементы имѣютъ большое значеніе для рѣшенія вопроса о родинѣ старославянскаго языка (теперь уже почти рѣшеннаго въ пользу древнеболгарской теоріи), такъ какъ существуютъ признаки заимствованія этихъ словъ славянами не изъ книгъ, а изъ устъ народа: стало быть славяне, языкъ которыхъ легъ въ основу старославянскихъ памятниковъ, находились въ внѣ-книжномъ общеніи съ греками. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: ст.-слав. сѫбота (примѣры F. Miklosich, Lexicon palaeoslovenic. 975) восходитъ къ греч. σάμβατον (примѣры см. G. Meyer, Indogerm. Forsch. IV, 326 sq.; Babad, Zeitschr. f. rom. Phil XVII, 563—566; W. Schulze, Kuhns Zeitschr. XXXIII, 366 sq.; Dieterich, Untersuchungen 92 sq. неправильно Miklosich, Etymol. Wörterb. d. slav. Spr. 314—315: Die Nasalierung ist unerklärt); причемъ эта форма σάμβατον въ литературный языкъ византійской эпохи не входила[1]).

1) Къ указаннымъ тамъ примѣрамъ, позволяющимъ намъ «возсоздать» форму σάμβατον, прибавимъ: Σαμβάτις = Σαββάτιος въ надписи, относящейся приблизительно къ VI вѣку послѣ Р. Хр. см. Извѣстія Имп. Археоло-

Digitized by Google

Заимствованіе ея славянами, такимъ образомъ, происходило путемъ живого общенія славянъ съ греками.

Народно-греческая форма, подтверждается и современными македонскими говорами; здѣсь мы находимъ съмбота Солунск. (Сухо), костур. (ibid.), изъ ст.-слав. — рум. sâmbata, мадьярск. szombat см. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и форм. особ. болг. яз. 14 сл., Драгановъ, Носовые гласные звуки въ современныхъ македонско-славянскихъ и болгарскихъ говорахъ (Русск. Филол. Вѣстн. XIX, стр. 17 и 26[1]). Число примѣровъ подобныхъ заимствованій въ области внѣ-книжныхъ сношеній славянъ съ греками не трудно увеличить: ст.-слав. крєвато (см. Miklosich, Lexicon palaeosloven. 310) заимствовано не изъ книжно-греч. κράββατος (относительно написанія см. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus 22), а изъ народно-греч. κρεββάτα — augmentativum къ κρεββάτι (о переходѣ α въ ε передъ ά на греческой почвѣ см. Dieterich, Untersuchungen 6 sq., Foy, Bezzenb. Beitr. XII, 50 sq.).

Ст.-слав. параскєвгиꙗ (Щепкинъ, Саввина книга, стр. 198) не изъ литерат. παρασκευή, а изъ народн. παρασκευγή, лєвгиꙗ (Щепкинъ, Саввина книга, стр. 183) не изъ λευεί, а изъ λεβγί; леоугитъ (ibid. 183) не изъ λευείτης, а изъ λεβγίτης (при чемъ -γ- на греческ. почвѣ см. Hatzidakis, Einleitung 122; G. Meyer, Griechische Grammatik[3] 294; Krumbacher, Ein irrationaler Spirant 368 — 379; Dieterich, Untersuchungen 91 sq.). Первые 2 примѣра показываютъ, что къ иноязычнымъ словамъ съ окончаніемъ *ú* въ старо-славянскомъ языкѣ прибавлялось оконч. *-ja*; — явленіе, отмѣченное и въ сербскомъ языкѣ (см.

гической Комиссіи III, стр. 49, 4; Σαμβίων изъ Σαββίων, Извѣстія Арх. Ком. X, 32, 6; (III вѣка послѣ Р. Хр.); Σαμβατίων V. Latyšev, Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini IV, 435, 15; 436 b; и т. п.

1) Русское сѣкота — правильное соотвѣтствіе ст.-слав. сѫкота, при русск. ѣ соотв. ст.-слав. ѫ. Но уже на русской почвѣ форма подверглась вторичному, уже литературно-греческому вліянію: въ виду греч. σάββατον получилось сѣкота. Только такъ и можетъ быть объяснена эта форма вм. ожидаемаго сѣкота.

Digitized by Google

Коршъ, Сборникъ въ честь Дринова, стр. 58). Кромѣ того, указанные примѣры съ «ирраціональнымъ» спирантомъ -γ- интересны для исторіи греческаго языка: «Саввина книга» относится къ XI в. (Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги 69; Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik 14), стало быть въ это время на почвѣ греческаго языка «ирраціональный» заднеязычный спирантъ γ былъ весьма распространенъ (хотя онъ и не передается въ греческихъ текстахъ этого времени).

Изъ сказаннаго видно, что изслѣдованіе народно-греческихъ элементовъ въ старославянскихъ памятникахъ важно по двумъ причинамъ: 1) Оно будетъ надежной подпорой для тѣхъ, кто признаетъ древне-болгарское (македонское) происхожденіе старославянскаго языка. 2) Для многихъ звуковыхъ явленій греческаго языка въ старославянскихъ памятникахъ нашлись бы болѣе ранніе примѣры, чѣмъ въ греческихъ текстахъ византійской эпохи, въ которыхъ сильно сказывается орѳографическая традиція.

3. Для изслѣдователя-лингвиста не менѣе интересны и народно-греческіе элементы въ болгарскомъ (средне- и ново-болг.), сербскомъ, словинскомъ, малорусскомъ и въ особенности въ великорусскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію работа этого рода значительно затрудняется въ виду отсутствія какихъ бы то ни было Vorarbeiten. Къ числу послѣднихъ должна быть отнесена работа о латинскихъ и романскихъ элементахъ въ греческомъ языкѣ, въ которой, однако, слѣдуетъ обратить вниманіе не только на современные новогреческіе говоры (какъ это сдѣлалъ G. Meyer, Neugriechische Studien III, Die lateinischen Lehnworte im Neugriechischen; IV, Die romanischen Lehnworte im Neugriechischen, Sitzungsberichte d. Wiener Akad., Philos.-hist. Classe Band 132), но и на памятники греческой письменности со временъ Полибія до нашихъ дней.

Для греко-слависта, повторяю, наибольшій интересъ представляетъ изученіе греческихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ. Использованіе этихъ народныхъ словъ для исторіи греческаго

Digitized by Google

языка дастъ въ высшей степени драгоцѣнные матеріалы, въ особенности, если оно будетъ произведено по методу, указанному Thumb'омъ, въ статьѣ Die griechischen Lehnwörter im Armenischen, Byz. Zeitschr. IX, 388—452. Уже теперь можно опредѣлить, въ общихъ чертахъ, пути, по которымъ въ византійскій періодъ (и впослѣдствіи) проникали греческія слова въ русскій языкъ: нѣкоторыя слова къ намъ перешли отъ грековъ чрезъ посредство тюркскаго населенія на сѣверномъ берегу Чернаго моря; напр. таганъ изъ турецк. tɛgan[1]), восходящаго къ греч. τηγάνι—τηγάνιν—τηγάνιον—τήγανον см. G. Meyer, Türkische Studien I, 51; сундукъ—турецк. sandɛk (ар. sanduk), откуда алб. серб. болг. новогреч. см. G. Meyer, Etymol. Wörterb. d. albanes. Sprache 382; Miklosich, Türkische Elemente II, 50; этимологія слова неправильно указана Psichari, Études LXXIX; турецк. sandɛk изъ σάνδυξ, сундукъ см. Hesych. s. v.,—алмазъ изъ турецк.-перс. almas, elmas, что изъ греч. ἀδάμας (см. Miklosich, Etymol. Wörterb. d. slav. Spr. 2; G. Meyer, Türkische Stud. I, 36); — лиманъ — турецк. liman — изъ греч. λιμένι, λιμένας (см. G. Meyer, Türkische Stud. I, 80; Etymol. Wörterb. d. albanes. Spr. 246);—изумрудъ—турецк. zümrüd, zümürrüd (откуда болг. зумрудъ) изъ греч. σμαράγδιν, σμάραγδος (G. Meyer, Türkische Stud. I, 37; Miklosich, Etym. Wörterb. d. slav. Spr. 404) и проч. Многія русскія слова сохранили печать сѣверно-греческихъ говоровъ—съуженіе неударяемыхъ гласныхъ звуковъ *o*, *e* въ *и*, *і*: артусъ, = артосъ, освящаемый въ церкви на пасхальной недѣлѣ большой хлѣбъ, см. Смирновъ, Казанскій словарь 2; изъ сѣв.-греч. ἄρτους (относ. *o* въ *и* см. Hatzidakis, Einleitung 342 sq., Dieterich, Untersuchungen 15); куличъ изъ понт. χουλλίč—χουλλίχι—χουλλίχιον—χόλλιξ (см. Miklosich, Slav, magyar. u. rumun. Elemente im Türkischen 13: неясно);—скумбрія, Даль[2] IV, 218, скумбрея тамъ же, изъ сѣв.-

1) Изъ турецк. tɛgan снова перешло въ греч.-понтійск. ταγάν, ταγάνι, Neocaesaria (Невшехеръ) Pontus, см. Ἰωαννίδης, Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, стр. 32.

Digitized by Google

греч. pl. σκουμβριά—σκουμβρί—σκομβρίον—σκόμβρος;—сумáк, черный хлѣбъ, офенск. Jagić, Geheimsprachen 2;—сѣв.-гр. ψουμάχ'—ψωμάχιν—ψωμίν; —цирусъ, цы́русъ, чрнм. рыба, молодая скумбрея. Даль[2] IV, s. v. изъ τσίρους, τσίρος[1]) и проч. Наконецъ, изъ областныхъ выраженій Новороссіи многія могутъ быть заимствованы мѣстнымъ русскимъ населеніемъ у грековъ, живущихъ въ Крыму, въ окрестностяхъ Маріуполя и Новороссійска: напр. левада, маленькая тѣнистая роща близъ дома, состоящая большею частью изъ тополей и вербъ, вслѣдствіе скораго ихъ роста и большой величины. Соловьевъ, Особенности говора донскихъ казаковъ 38; въ другихъ мѣстностяхъ левада, огороженный или окопанный лугъ или пастбище, подгородный покосъ, иногда пашня, садъ, огородъ. Даль[2] I, 624; донское слово, вѣроятно, заимствовано изъ сѣв.-греч. (южнорусск.) λεβάδα изъ λιβάδα[2]) (объ ε изъ ι при λ см. Oekonomides, Lautlehre des Pontischen 19; Dieterich, Untersuchungen 272—273). Вліяніе греческаго языка на славянскіе сказывается и въ области семасіологіи: Въ Апокалипсисѣ XVIII, 13 встрѣчается форма ψυχαί со значеніемъ: рабы; стало быть здѣсь имѣется переходъ значенія отъ «душа» къ «рабы». Подъ вліяніемъ греч. яз. подобный же переходъ значенія произошелъ и въ русскомъ языкѣ: душа, die Seele—души, die Leibeigenen (см. Jagič, Archiv f. slav. Phil. I, 631—632). Подобныхъ примѣровъ въ славянскомъ языкѣ довольно много. Напр. соборъ, со значеніемъ 1) Versammlung 2) Kathedrale, объясняется двойственностью значеній греческаго ἐκκλησία: 1) Church, 2) The roman *comitia*. см. Sophoclis, Greek Lexicon of the roman and byzantine periods[2] 435 sq. Объ измѣненіи значенія греческаго слова

---

1) Греч. τσίρος уже Theod. Prodr. I, 28, Legrand — I, 96, Korais, Ἄτακτα изъ σκιῤῥός твердый (?) G. Meyer, Türkische Stud. I, 22; скорѣе изъ σκῖρος Verhärtung, о кот. см. Prellwitz Etymol. Wörterb. d. griech. Spr.[2] 418.

2) λιβάδα—augmentativum къ λιβάδι Βλάχος 534, образованное по образцу βελόνι: βελόνα, λανάρι: λανάρα и проч. см. Kretschmer, B. Z. X, 584; Hatzidakis, Einleitung 93 и 363.

Digitized by Google

см. Kretschmer, K. Z. XXXIX, 539—548. Исторія современнаго греческаго μουρούνι въ наукѣ представляется слѣдующимъ рядомъ формъ: μύραινα — *μυραίνιον — *μυρόνιον — (μυρόνιν) — μουρόνι[1]) — μουρούνι. Форма μυρόνιον — μυρόνιν — μυρόνι (произнош. mironi) въ памятникахъ до сихъ поръ не отмѣчена, но весьма вѣроятно, что русск. миро́нъ sm. рыба изъ рода короповъ, чебаковъ, усачъ, Cyprinus barbus. Даль[3] II, 859, (—этимологически не объясненное) восходитъ къ этой греческой формѣ.—Такимъ образомъ работа о греческихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ является весьма желательной и съ точки зрѣнія историка греческаго языка. Безъ сомнѣнія при разработкѣ этого вопроса будетъ найдено много интересныхъ формъ среднегреческаго языка, подтверждаемыхъ современными ново-греческими говорами. Разработкѣ этихъ матеріаловъ по примѣру Thumb'a (Byz. Zeitschr. IX, 449) благопріятствуетъ еще одно обстоятельство: греческія слова въ русскомъ языкѣ подверглись меньшимъ измѣненіямъ, чѣмъ напр. въ тальмудско-еврейскомъ или турецкомъ и поэтому съ бо́льшимъ успѣхомъ могутъ быть использованы для исторіи греческаго языка.

При изслѣдованіи греческихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ главное затрудненіе представляетъ опредѣленіе ближайшей греческой формы, къ которой восходитъ данное русское слово. Именно въ виду того, что на этотъ пунктъ до сихъ поръ не обращалось вниманія, наши случайныя замѣтки, пожалуй, и могутъ разсчитывать на нѣкоторый интересъ:

акрида, саранча изъ ср.-греч. ἀκρίδα изъ др.-греч. ἀκρίς.

вишня, sf. fuscus. русск. болг. серб. слов. изъ греч. βύσσινον, βυσσινιά βυσσνιά откуда турецк. višnė, литовск. višnė, латышск. visna, алб. višje, мадьярск. visnye см. Miklosich, Etymol. Wörterb. d. slav. Spr. 392; Psichari, Études LXX, G. Meyer, Etym. Wörterb. d. albanes. Spr. 473 sq., Neugriech. Stud. II, 80;

1) μουρόνι Рѣчь тонкосл. греч. 11, 26.

Digitized by Google

болѣе древняя форма сохранена въ резьянск. wýsin, výsin см. Бодуэнъ де Куртенэ, Опыт фонетики резьянских говоров 9.

гавитанъ, гайтанъ sm. круглый шнурокъ, на которомъ напримѣръ носятъ тѣльный крестъ. Смирновъ, Кашинскій словарь 25; гайтанъ: 1) снурокъ 2) ламповый фитиль. Сахаровъ, Языкъ крестьянъ Ильинской волости, болховскаго уѣзда Орловской губерніи 13; говетáнъ веревка, Архангельск. Подвысоцкій 31; гайтанъ, гойтя́нъ, готя́нъ, снурокъ, тесьма, на которой носятъ крестъ. Олонецк. губ. Куликовскій 14; гайтáнъ, гайтáнчикъ, гайтáшекъ, отсюда гайтáнщикъ, -щица, и прилагат. гайтáнный, гайтáновый см. Даль[3] I, 837; въ виду христіанск. оттѣнка значенія слово изъ греч. γαϳτάνι, а не турецк. gaitán (какъ Miklosich, Türkische Elemente I, 86), ср.-греч. γαϊτανόν, см. Sophocles, Lexicon 322, изъ лат. gaitanum, что отъ назв. лат. города Cajeta (относительно лат. *g* изъ *c* см. Sommer, Handbuch d. Laut-u. Formenlehre d. latein. Spr. 284); неосновательно сомнѣніе G. Meyer'a, Türkische Studien I, 91.

гуля, шишка на головѣ отъ удара. Соловьевъ, Особенности говора донскихъ казаковъ 29. гýлька юж., зап., прм. шишка Даль I[3], 1005; съ греч. γουλί шишка, pl. γουλιά, этимологія кот. G. Meyer, Neugr. St. III, 19 sq.

деместикъ, деместьникъ, дементвенникъ отсюда: демество, демественный, деместиковъ, деместьниковъ, и проч. см. Даль I[3], 1057; Срезневскій I, 652; деместикъ: Житіе Ѳеодосія Печерск. XII в. см. Соболевскій Р. Ф. В. X, стр. 164; слово изъ греческ. δεμέστιχος, δεμέστιχος (см. Psichari Études 243 примѣры); δεμ- получилось на греческой почвѣ подобно итальянск. dimestico (см. G. Meyer, Neugriechische Stud. III, 21) чрезъ ассимиляцію гласныхъ звуковъ. Вѣроятно неправильно Ѳ. Е. Коршъ, Сборникъ статей въ честь Дринова стр. 55, считаетъ ε вм. о русскимъ явленіемъ и неправильно же акад. Соболевскій (Грекослав. этюды, Русск. филол. вѣстн. X, 164) въ данномъ случаѣ видитъ Volksetymologie на почвѣ греческаго языка. См. также Psichari, Romanische Jahresberichte Vollmöller'a II, 264.

Digitized by Google

діакъ, дьякъ и производн. Даль[3] I, 1089—90; изъ греч. διάκος (Vizantios 117; Vlachos 237), въ отличіе отъ діаконъ — изъ ср.-греч. διάκων изъ греч. διάκονος. Объ образованіи первой формы см. G. Meyer, Türk. Studien I, 92; W. Meyer, Portius 129;

дурно; даромъ, напрасно, Донск. Сборникъ 2-го отдѣл. Имп. Ак. Наукъ LXVIII, 30; дурны́я деньги = шальныя деньги; дурно́ѣдъ=дармоѣдъ. Съ греч. δωρεανό, даромъ, сѣв.-греч. δουρεανό.

калижки, pl. башмаки, обувь, имѣющая видъ башмаковъ или опорковъ, Смирновъ, Кашинскій словарь 64; ка́лишки, надѣваемыя на ноги умершихъ обувь изъ полотна. Холмогор. Архангельскъ Подвысоцкій 62; ка́лигвы, ка́лиговки, сѣв. твр. ка́лиги влгд. кали́ки, ка́лички влд. ка́лижки, тмб. ниж. башмаки, черевички, южн. обувь на покойниковъ, обычно изъ холста. Даль[3] II, 190; греч. καλίγι, изъ лат. caliga G. Meyer, Neugriech. Stud. III, 23.

кала́марь юж. зап. нврс. чернильница Даль II[3], 186; греч. καλαμάρι, Маріуполь: καλαμάρ'. (слово изъ лат. calamarium). См. Kretschmer, B. Z. VII, 399; въ виду ударенія слѣдуетъ признать ближайшимъ источникомъ русскаго слова польск. kałamarz.

каморка, чуланчикъ, очень маленькая комнатка. Смирновъ, Кашинскій словарь 65; Даль II[3], 201: ка́мора, комо́ра, коморникъ, коморничій, коморщикъ и проч. изъ греч. κάμαρα, сѣв.-греч. κάμορα (примѣры G. Meyer, Neugriech. Stud. III, 24), что изъ лат. camara, восходящаго къ др.-греч. καμάρα. Но камера съ производными изъ лат. camera чрезъ нѣм. Kammer. На греческой почвѣ произошла контаминація формъ καμάρα и κάμαρα, отразившаяся и въ ударенін русскихъ заимствованій.

кандель лампадка. Соловьевъ, Особенности говора донскихъ казаковъ 32; греч. κανδήλ', понтійск. κανδέλj (гдѣ др.-греч. η соотв. ε, о чемъ см. G. Meyer, Neugriechische Studien III, 26).

Digitized by Google

лиманъ широкое устье рѣки, впадающей въ море, морской заливъ, въ который вышла рѣка. Даль II², 651; небольшое озеро среди болота. Соловьевъ, Особенности говора Новгородск. уѣзда Новгородск. губ. 38, чрезъ турецк. limán (откуда болг. серб. алб. рум. новогреч.) изъ греч. λιμένι, λιμένας, см. G. Meyer, Etymol. Wörterb. d. albanes. Spr. 246.

миндаль, Amygdalus, рядомъ съ книжнымъ **амигдалъ**; этимъ подтверждается существованіе греч. *ἀμυνδάλιον [1]), др.-греч. ἀμύγδαλος на которое указываютъ еще латинск. amiddola App. Probi 198, 26; > amyndala, C. G. L. III, 316, 4; améndola, amándola Gröber, Archiv für latein. Lexicogr. I, 240, откуда нѣмецк. Mandel. О значеніи этой греческой формы см. W. Schulze, Samstag. Kuhns Zeitschr. XXXIII, 375.

невры pl. = нервы. (русск. областн.) Кашинъ, Сборникъ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ LXX, 109; изъ греч. pl. νεῦρα.

палата pl. **палаты** дворецъ, домъ. греч. παλάτα (augmentativum): παλάτι [2]) (Sophocles Lexicon 832) изъ лат. palatium G. Meyer, Neugriech. Stud. III, 51; изъ уменьшительной формы— палати, нары, устраиваемыя въ избѣ рядомъ съ русской печью, только выше ея, для спанья семьи. — Также палата, зданіе въ центрѣ Новгородскаго Кремля, въ которомъ помѣщаются Присутственныя мѣста. За этимъ зданіемъ находятся зданія для духовенства Софійскаго Собора, и въ Новгородѣ всегда гово-

---

1) Начально ἀ — въ этой формѣ могло исчезнуть уже на греческой почвѣ, въ сочетаніяхъ въ родѣ *τὰἀμυνδάλια > τἀμυνδάλια, откуда τὸ *μυνδάλι см. Hatzidakis, Einleitung 321 sq., Dieterich, Untersuchungen 29—37.

2) A. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave I, Paris 1902, p. 183, выводитъ польск. pałac, чешск. palác, серб.-хорв. pałac изъ лат., вѣроятнѣе, по моему, изъ греч. παλάτιν. Для русск. палáта, ст.-слав. полата, можетъ предполагаться и другой источникъ. Извѣстно, что въ среднегреческомъ языкѣ многія deminutiva на -ι (-ιον) существуютъ рядомъ съ augmentativa -α, часто образованными именно отъ нихъ. Сравни χώρα: χωρίον и проч. Kretschmer B. Z. X, 584. По аналогіи подобныхъ формъ появилось παλάτα отъ παλάτιον, и именно отъ этой формы ведутъ свое начало указанныя выше ст.-слав. и русск. формы.

Digitized by Google

рять: «Онъ живетъ за Палатой». «Надо сходить за Палату», см. Соловьевъ, Особенности говора Новгородск. уѣзда Новгородск. губерніи 45.

попадья́, жена попа. изъ греч. παπαδιά, сѣв.-греч. ποπαδιά Ophis (Trapezunt), Syllogos XVIII, 159. см. Štrekelj, Zur slavischen Lehnwörterkunde 48.

ситарь, ситникъ, кугá (водяное растеніе) Волоцкой, Словарь ростовскаго говора 84; изъ греч. σιτάρι, σιτάρ' (см. Σχαρλάτος Βυζάντιος, Λεξικὸν τῆς καθ'ἡμᾶς ἑλληνικῆς γλώσσης 427—428; Ἄγγελος Βλάχος, Λεξικὸν ἑλληνογαλλικόν 787).

скамья, изъ греч. pl. σκαμνιά—σκαμνί, что изъ лат. scamnum, см. G. Meyer, Neugriech. Stud. III, 60; Ѳ. Е. Коршъ, Сборникъ въ честь проф. Дринова 59, пожалуй, не совсѣмъ точно говоритъ: «то, что древнѣйшее (чакавское) *скамúја измѣнилось у насъ не въ *скáмья, какъ Εὐδοκία въ Овдóтья, и не въ скамéя, какъ Πελαγία въ Пелагея, а въ скамья́ можетъ объясн. пріобщеніемъ заимствованія къ разряду статья́, кутья́, бадья́ и проч.». Проще объяснить скамья́ изъ греч. σκαμνιά подобно попадья́ изъ ποπαδιά при чемъ здѣсь удареніе сохранилось какъ и въ народно-греческомъ произношеніи (о которомъ см. Thumb, Handbuch 9); напротивъ въ литературно-греч. Εὐδοκία, Πελαγία удареніе на -ί- (см. Thumb, ibid.), поэтому на славянской почвѣ должны были получиться иные результаты.

скуфья́, скуфейка, ермолка, тюбетейка, фесъ, еломокъ, шутъ, наплѣтникъ, комнатная шапочка. || Ало-синяя бархатная шапочка, знакъ отличія отъ бѣлаго духовенства. Скуфейный подбой, скуфейчатая шапка. см. Даль² IV, 219 съ греч. σκουφία < σκούφια, изъ итальянск. scuffia, о которомъ G. Meyer, Neugriechische Studien IV, 83.

титла, подобно армянск. titłos см. Thumb, Byz. Zeitschr. IX, 431, изъ греч. τίτλον, τίτλος, что изъ лат. titulus. G. Meyer, Neugriech. St. III, 65.

тырúнъ сыръ, Офенск. Галиція, Jagič, Die Geheimsprachen bei den Slaven 19 съ греч. τυρίν.

Digitized by Google

хрусталь, др.-русск. крусталь (Паремейникъ, 1271 г.), хрусталъ, (Паремейникъ 1378 г, 80) хрусталь (Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в., 14), въ палатѣ хрустальнѣ (Палея 1406 г., 46) см. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка[3] стр. 143—144, изъ греч. κρουστάλj Вельвендосъ, Македонія, Ἀρχεῖα I, 2, 8; Amorgos, Ind. Forsch. II, 107 и проч. что изъ κρυστάλλιον, причемъ оно, по свидѣтельству русской формы существовало уже въ средніе вѣка.

чухá, кафтанъ, синяго сукна, кафтанъ съ закидными рукавами. Даль IV, 635 изъ греч. τσόχα, что съ турецк. čoha G. Meyer, Alb. Wb. 442;

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что не одни латинскія, но и романскія заимствованія въ русскій языкъ могли попасть чрезъ посредство греческаго языка. Поэтому изслѣдованіе греческихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ можетъ считаться необходимой предварительной работой для изученія латинскихъ и романскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ[1]). Изслѣдованіе же этихъ греческихъ элементовъ съ точки зрѣнія ихъ значенія для исторіи греческаго языка дало бы важные результаты и для исторіи русскаго языка, ибо многія разновидности греческихъ словъ окажутся принятыми отъ грековъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ въ русскихъ памятникахъ. Напр. форма ȣрарь, ȣларь въ Новгородской Кормчей 1282 г., Служебникѣ преп. Сергія XIV в. и проч. (см. Соболевскій, Лекціи[3] 142) греч. οὐράριν (Duc. 1793) не могутъ быть приведены какъ примѣры диссимиляціи на русской почвѣ: диссимиляція въ нихъ могла состояться уже на почвѣ греческаго языка (примѣры ея G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 92;

1) На это справедливо указалъ акад. Коршъ въ своей рецензіи на трудъ г. Зеленина о романскихъ и германскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ. См. Первое присужденіе преміи Михельсона, Сборникъ отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ т. LXXVIII, стр. 30.

Digitized by Google

Dieterich, Untersuchungen 122). Между тѣмъ та же форма интересна для исторіи греческаго языка, какъ примѣръ сѣверно-греческаго съуженія неударяемаго *о* въ *и* въ столь раннюю эпоху. Итакъ, въ русскомъ языкѣ можетъ быть отмѣчено довольно много греческихъ заимствованій, важныхъ для историка греческаго языка. Какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одинъ языкъ оказываетъ вліяніе на другой въ теченіе ряда столѣтій, такъ и здѣсь греческія слова были заимствованы русскими не въ одно и то же время. Слово корабль восходитъ къ греч. καράβιον (Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave I, 187) и заимствовано въ ту эпоху, когда на греческой почвѣ еще не произошла Lautverschiebung b, d, g въ β, δ, γ. Другія же слова, напр. февраль, изъ греч. φεβράλις, φεβράρις (примѣры котораго G. Meyer, Neugriech. Stud. III, 69), относятся къ болѣе позднему времени, въ виду соотвѣтствія русск. *в* греческому β.

4. Рядомъ съ вопросомъ о греческихъ элементахъ въ русскомъ и южнославянскихъ языкахъ окончательной разработки со стороны греко-слависта требуетъ и другой вопросъ, также весьма важный для рѣшенія вопроса о родинѣ старославянскаго языка, — вопросъ о славянскихъ заимствованіяхъ въ средне- и новогреческомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что если въ славянскихъ элементахъ новогреческаго языка будутъ отмѣчены звуковыя особенности старославянскаго языка, то вмѣстѣ съ тѣмъ и будетъ выяснено, что въ основу Кирилло-Меѳодіевскаго перевода богослужебныхъ книгъ легло наиболѣе близкое къ грекамъ географически македонское нарѣчіе болгарскаго языка. Въ виду важности вопроса для славянской и балканской филологіи[1]), славянскіе элементы въ греческомъ языкѣ обратили на себя вниманіе цѣлаго ряда ученыхъ:

Дестунисъ, Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣ-

1) Послѣдній терминъ установленъ G. Meyer'омъ, Thumb'омъ и K. Dieterich'омъ.

Digitized by Google

дахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ. Въ Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики III, 354—361; V, 73—80; 147—160; 241—258; Спб. 1861. Послѣ работъ Hatzidakis'a, Thumb'a, G. Meyer'a, K. Dieterich'a и др. лингвистическія разсужденія Дестуниса имѣютъ лишь историческое значеніе, но словарь его и въ настоящее время является цѣннымъ собраніемъ матеріаловъ для изученія славянскихъ заимствованій въ греческомъ языкѣ.

F. v. Miklosich, Die slavischen Elemente im Neugriechischen, Wien, 1870 въ Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Philos.-histor. Klasse, Band LXIII, 529 sq.

Д. Матовъ, Гръцко-български студии, София 1893. Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Томъ IX, стр. 21 сл. Рецензіи: G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 5 sq.; V. Oblak, Archiv f. slavische Philologie XVI, 304 — 307; M. Gaster, Indogerm. Forsch. Anz. VI, 60 — 62; G. Meyer, Byz. Zeitschr. III, 182 sq.

G. Meyer, Neugriechische Studien II, Die slavischen, albanischen und rumänischen Lehnworte im Neugriechischen. Wien 1894. Sitzungsb. d. Wiener Akademie, Phil.-hist. Klasse Band CXXX. Дополненія: G. Meyer, Neugriechische Stud. III, 81: Nachträge zum 2 Hefte, Sitzungsb. etc. Band. CXXXII. Рецензіи: V. Oblak, Archiv f. slav. Philologie XVII, 592 — 595; A. Thumb, Litterarisches Centralbl. XLV, 1736—1738; Indogerm. Forsch. Anz. IX, 139 sq.; Ibid. VI, 211.

Въ работѣ Миклошича вопросъ впервые разсматривается научно; неполнота матеріаловъ объясняется тѣмъ, что въ его время еще не было обильныхъ діалектическихъ словарей современныхъ греческихъ говоровъ, которые находятся въ распоряженіи современнаго изслѣдователя (см. G. Meyer, Neugr. Studien, II, 5). Миклошичъ приводитъ 129 словъ, Матовъ, дополнившій перечень своего предшественника главнымъ образомъ изъ изданій «Σύλλογος» въ Константинополѣ — 178 словъ,

Digitized by Google

G. Meyer, тщательно изучившій для указанной цѣли почти всю литературу, отмѣченную имъ въ «Neugriechische Studien I, Versuch einer Bibliographie der neugriechischen Mundartenforschung», приводитъ 273 слова. Послѣ Мейера указаннымъ вопросомъ никто уже не занимался, поэтому я считаю не излишнимъ сообщить здѣсь часть имѣющихся у меня по данному вопросу матеріаловъ[1]). Ошибочно славянскими G. Meyer признаетъ слѣдующія слова:

ἀρδίνι sn. Reihe Weinstöcke. Stenimachos, Θρακία, Ἐφημ. Φιλ. V, № 236, 289. G. Meyer, Neugr. Stud. II, 13 выводитъ изъ серб. болг. ред, серб. редина. Мнѣ кажется скорѣе изъ лат. ordine(m). Изъ τὰ ὀρδίνια—τἀρδίνια—ἀρδίνι (o Sandhi см. Foy, Bezz. Beitr. XII, 38 сл., Hatzidakis, Einleitung 321). Изъ ordo также ὀρδοῦνι, (съ -ούνι изъ -όνι, о чем. Kretschmer, Byz. Zeitschr. X, 584—586), σειρὰ κλημάτων Aenos, Syllogos IX, 352; сюда же ὀρδίνια, порученіе, Vlachos 643.

ζέπυρος, куница, соболь. G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 28 изъ русск. соболь. Фонетически этимологія невозможна, несмотря на попытку Štrekelj'a, Zur slavischen Lehnwörterkunde 12.

μερτικόν sn. порція, часть. Ducange, Somavera, Bentotis, Vizantios, Legrand, рядомъ съ μερδικόν Ducange, Somavera, Bentotis, Kind. G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 40 ошибочно изъ серб. мертик, монашеская порція вина, Karadžič, Lexicon-serbico-

1) Любопытно, что къ болѣе позднимъ и болѣе серьезнымъ работамъ Meyer'a о латинскихъ и романскихъ элементахъ въ греческомъ языкѣ уже написанъ цѣлый рядъ цѣнныхъ Nachträge: Psichari, Revue critique 1895, II 275 sq.; Romanische Jahresberichte Vollmöller'a, II, 260 sq.; Pernot, Romanische Jahresberichte IV, 352—357; V, 358—373; K. Dieterich, Byz. Zeitschr. X, 587—596; B. Z. XI, 500—504; Hesseling, Les mots maritimes empruntés par le grec aux langues romanes, Verhandelingen der K. Ak. d. Wetenschap. Amsterdam, Nieuwe reeks, Deel V, 88 стр.; Σ. Μενάρδος, Ἀθηνᾶ XII, 360 sq. Kretschmer, Byz. Zeitschr. VII, 398 sq.; Thumb, Litterar. Centralbl. XLVII, 1315 sq.; P. Lorenzatos, Ἀθηνᾶ XVI, 189—223.

Digitized by Google

german. latinum 365—366. Но въ области христіанской терминологіи не можетъ быть и рѣчи о вліяніи славянъ на грековъ[1]). Форма μερτικό вполнѣ понятна изъ др.-греч. μερίς, μερίδιον, μεριδικόν, μερδικόν, μερτικόν см. Korais, Ἄταχτα I, 186; II, 243; подобные же случаи общегреческаго исчезновенія неударяемаго -i- см. K. Dieterich, Kuhns Zeitschr. XXXVII, стр. 408 сл.

σπολοχάνι, sn. рукомойникъ. Πανδώρα VIII, 493 и IX, 186. Константинополь «умывальная вода». Legrand: le vin qu'on boit après s'être rincé la bouche à la fin d'un repas. G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 59 и 103 не изъ лохань; и не изъ макед.-болг. плакнѫ, сплакнѫ, V. Oblak, Archiv f. slav. Phil. XVII, 595, а изъ рум. spălăcanie G. Meyer, Neugr. Stud. III, 82, что изъ русск. полосканіе.

τσέργα одѣяло. Θεσσαλία Οἰκονόμος, Δοκίμιον III, 141; Πανδώρα VIII, 517; Zagorion, Эпиръ, Syllogos XIV, 248; изъ лат. serica, serga Thumb, Indogerm. Forsch. XIV, 354—359, изъ греч.—алб. tšergɛ, одѣяло;—турецк. tšerge, шатеръ изъ шерстяныхъ одѣялъ—серб. черга, цыганская палатка;—хорв. черга, хата,—прямо изъ греч.-болг. черга одѣяло, румынск. cergă, одѣяло.

Потеря этихъ мнимо-славянскихъ словъ вознаграждается цѣлымъ рядомъ новыхъ «завоеваній» въ этой области[2]):

βαγένι, бочка кромѣ G. Meyer, Neugr. Stud. II, 15 также βαγιόνι, бочка, βαγιονᾶς бочаръ Serres, Македонія[3]) (относительно -io- изъ -ɛ- см. Hatzidakis, Einleitung 105).

---

1) Серб. мертик, монашеская порція вина и словинск. мертик., Dreschерlohn изъ греч. μερτικό. Словинск. — любопытный случай перехода выраженія изъ монашескаго искусственнаго языка въ общій. Примѣры подобнаго явленія въ романскихъ языкахъ см. W. Meyer-Lübke, Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft 71.

2) И здѣсь не исчерпывается вопросъ о славянскихъ элементахъ въ греческомъ языкѣ, а лишь выясняется необходимость новой разработки его.

3) Македонскія формы безъ указанія источника мною взяты изъ замѣтокъ А. И. Пападопуло-Керамевса, любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе.

Digitized by Google

βαρδαβίτσα, бородавка Βλάχος 171; — ст.-слав. брадавка, русск. бородавка.

βουρκόλακας sm. Vampir ср.-греч. βουλκόλακα, βρυκόλακα Ducange, βουρκούλακας, βουλκάλακας Leo Allatios, De Graecorum opinationibus 142; βρικόλακας Korais, Ἄταχτα V, 31; βρυκόλακας, βουρκόλακας, βυρκόλακας, Kephallenia, Νεοελλ. Ἀνάλ. II, 183; βυρκόλακας, βρυκόλακας, βρυόλακας, βρουκόλακας, βορκόλακας etc. Tenos, Vallindas, Πάρεργα 55; βροκόλακο Lesbos, Newton, Travels I, 212 изъ болг. влъколакъ (изъ λ + cons. на греческой почвѣ получилось ρ + cons., подобно χάρκωμα изъ χάλκωμα, о чемъ Psichari, Le changement de λ en ρ devant consonnes, Paris 1905), а не изъ ст.-слав. влъкодлакъ, какъ думаетъ G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 20; изъ послѣдн. формы: βουρδόλακας (путемъ диссимиляціи), Arachova, B. Schmidt Volksleben 158; βουρδούλακας Kythnos, Ἐφ. φιλ. IX, № 430, 1842; Ikaria, Μνημεῖα I, 432, βουθρόλακας Allatius, Opinationes 142 etc. отсюда же βορβόλακας[1]), βουρβούλακας Korais, Ἄταχτα V, 31; βουρβούλακας Syra, Pio, Tidskrift 45; Хіосъ, Syllogos VIII, 491; Критъ, Φιλίστωρ IV, βορβόλακας Cerigo, Πανδώρα XII, 451[2]).

bογόνα, защищенное отъ вѣтра мѣсто. Эпиръ, Μνημεῖα I, 48 изъ болг. погóнъ, пашенная борозда (b изъ п въ началѣ слова—особенность эпирскихъ говоровъ).

bούκλα деревянный сосудъ для вина. Serres, Македонія. Прототипъ слова bουκλίτσα у G. Meyer'a, Neugr. Stud. II, 45.

γλαβίτσα рыба-игла. Anguilla vulgaris. въ Sciathus'ѣ см. Hoffman and Iordan, Catalogue of fishes 244; Messolonghi: σουβλομυτάρι т. е. иглоносъ. Слово изъ слав. *иглоглавица, откуда чрезъ диссимиляцію *иглавица (начальное и исчезло въ Sandhi

1) Относит. греч. β соотв. слав. д сравни: суградица — ζουγραβίτσα, напротивъ: самодива — σαμοδίδα и проч. См. G. Meyer, Neugr. Stud. II, s. v.

2) Болг. връколак, фръколак (Jireček, Bulgarien 100), врълák, вракалóк Матовъ 42, ст.-слав. воурколакъ (Miklosich, Lex. palaeoslov) я считаю заимствованными снова изъ греч. яз., какъ и румынск. vărcolac, алб. vurvolák. Ошибочно Miklosich, Slav. El. im Neugr. 13; Etymolog. Wörterb. 380; G. Meyer, Albanes. Etymolog. Wörterb. 479; Neugriech. Stud. II, 20.

Digitized by Google

см. Foy, Bezz. Beitr. XII, 38 sq.; Hatzidakis, Einleitung 321 sq.). Возможный источникъ греческой формы — болг. игленúчя, малко рыбя, скоро излупено та тънко като иглж. Геровъ, Рѣчникъ на болгарск. языкъ II, 171.

γλοῦπος ротъ. Эпиръ, Μνημεῖα I, 39 чрезъ посредство γλοῦπος обжорливый, G. Meyer, Neugr. Stud. II, 23; изъ ст.-слав. глоупъ.

γρανίτσα sf. quercus esculus L. въ дубовомъ лѣсу Capelli близъ Divri въ Элидѣ (Морея). Heldreich, Nutzpflanzen Griechenlands 16 изъ болг. граница, родъ дуба (Дювернуа 405).

γράχος G. Meyer, Neugr. St. II, 24; сюда же γριάχος Serres, Македонія.

γρεντά G. Meyer, Neugr. St. II, 25; сюда же γρεντιά Θессалія, Κομᾶς I, 187.

γρίβος, бѣлогривый, γρίβας бѣлогривый конь. γριβιάζω бѣлѣть. Эпиръ, Μνημεῖα I, 7; γρίβος бѣлый Эпиръ, Pio, Contes 46; γρίβας сѣрый конь. Akritas 2093, Legrand-Sathas; γρίβα названіе мула, Вельвендосъ, Ἀρχεῖα I, 2, 95; γρίβας конь Эпиръ, Chassiotis 88; γρίβος, сѣрый Οἰκονόμος Δοκίμιον III, 287; γρήβος, γρήβας, сѣдой Papazafiropulos (Морея) 415; отсюда γριβάδι карпъ, Korais, Ἄτακτα I, 259; V, 358; ибо рыба снабжена гривой. Слово изъ болг. сербск. русск. грива; безъ основаній G. Meyer, Neugr. Stud. II, 82 выводитъ его изъ готск. *greva[1]).

γρίνζι мусоръ, хламъ. G. Meyer, Neugr, St. II, 25; сюда же γρέντσj, лахонъ, лахмотье Ophis, Понтъ, Syllogos XVIII, 130; Трапезунтъ γράντς, ibidem. изъ ст.-слав. грязь. Понтійскими формами объясняется ѓинезмъ маріупольской формы.

γροῦδα кусокъ. также Эпиръ, Μνημεῖα I, 40;

gιρλίτσα Serres, Македонія вм. обычнаго γκουρλίτσα G. Meyer, Neugr. St. II, 22.

---

1) Германское происхожденіе этого слова мнѣ кажется сомнительнымъ не смотря на то, что оно признается A. Thumb'омъ, Germanistische Abhandlungen f. H. Paul, 253 sq.; и R. Loewe, Kuhns Zeitschr. XXXIX, 284.

Digitized by Google

gólios пѣтухъ. Serres, Македонія къ gólios G. Meyer, Neugr. Stud. II, 22.

goúrglas горло изъ γούργουλας — γούργουρας (о чемъ G. Meyer, Neugr. St. III, 20). Гдѣ g вм. γ, однако подъ вліяніемъ болг. гръло; точнѣе: въ основѣ болгарская форма, сближенная, подъ вліяніемъ Volksetymologie съ γούργουρας.

gουστερίτσα, γουστερίτζα, ящерица. Кромѣ G. Meyer. Neugr. Stud. II, 24; еще Эпиръ, Μνημεῖα I, 194.

gρουτζανίζου, γρουτζανίζω вцѣпляться когтями. Вельвендосъ, Ἀρχεῖα II, 82; γριτζανίζω, χριτζανίζω, Kythnos, Vallindas, Πάρεργα 60; ст.-слав. грызати, грысти. болг. гризѫ, гризнѫ. Возможно и независимое происхожденіе обѣихъ формъ.

δουμπολίτσα сосудъ, въ которомъ приготовляется масло. Эпиръ, Μνημεῖα I, 40; ст.-слав. дѫбльница (Miklosich, Lex. palaeoslov. 181), подъ вліяніемъ дѫбъ можетъ быть изъ *дѫболница.

δρουβάν деревянный сосудъ, въ которомъ держатъ масло. δρουβανίχα, idem Ophis, Trapezunt, Syllogos XVIII, 132; δρουβάνι, δουρβάνι, Понтъ, Θракія, Hatzidakis, Byz. Zeitschr. I, 99—100; памятн. Prodrom. VI, 190: ἐπάρετε δρουβανιστὸν ὀξύγαλον, χυράδες изъ болг. дрѣва, дрова, дрѣвенъ деревянный.

δραγάτης G. Meyer, Neugr. Stud. II, 26; сюда же δραγατζίχα, кожанная сумка, въ которой пастухи держатъ свою пищу. δραγάτης также Livission, Musaeos 46.

ζαχόνι sn. обычай. Кромѣ G. Meyer, Neugr. Stud. II, 27, еще Ikaria, Stamatiades 129; Эпиръ, Μνημεῖα I, 27; ст.-слав. законъ.

ζιαρό. glühende Kohlen G. Meyer, Neugr. St. II, 28; употребительно также въ Serres, Македонія.

ζμπόρος кромѣ G. Meyer, Neugr. Stud. II, 28, также ζπουρίζω, бесѣдовать, говорить Serres, Македонія.

καδιόπηττα G. Meyer, Neugr. Stud. II, 30, сюда же καδιόπτα Serres, Македонія.

Digitized by Google

κοζόκα G. Meyer, Neugr. St. II, 32; сюда же κουζοῦκα Serres, Македонія.

κόκοτος пѣтухъ. G. Meyer, Neugr. St. II, 32; κοκοτίζω «krähen». Serres, Македонія.

κόλεντρα рождественскіе пирожки. G. Meyer, Neugr. St. II, 33; также Эпиръ, Μνημεῖα I, 44.

κοπάνα сосудъ, корыто. G. Meyer, Neugr. Stud. II, 33; также Serres, Македонія.

κοτέτσ' клѣтка для птицъ. Serres, Македонія; G. Meyer, Neugr. Stud. II, 34: κοτέτσι.

κουβέλι «μέτρον τῶν γεννημάτων» Levkas, Syllogos VIII, 458; изъ ст.-слав. къблъ. Другія родственныя формы см. G. Meyer, Neugr. St. II, 36; A. Thumb, Germanistische Abhandlungen f. H. Paul, 249 sq. Сюда же относится: κούβελε Wasserkrug, Цаконія, Οἰκονόμος, Γραμματικὴ τῆς τσακωνικῆς διαλέκτου 77.

κουνάδι, куница, соболь. Vizantios[3] 246; Kephallonia, Νεοελλ. Ανάλ. II, 232, памятн.: Georges l'Aetolien, Fables Aesopiques 6, 1 ed. Legrand. изъ ст.-слав., серб. русск. куна́.

κούρβα, развратница. Эпиръ, Μνημεῖα I, 45; кромѣ G. Meyer, Neugr. Stud. II, 36.

κόρνια, κούρνια «Hühnerstall», κορνιάζω, κουρνιάζω «krähen», Levkada, Syllogos VIII, 373 изъ ст.-слав. коуръ, пѣтухъ, *коурнꙗ, курятникъ.

λαγκάδιν, φάρανξ также Livision[1]) (Ликія въ М. Азіи) Musaeos 78; λόγγος, лѣсъ, роща также Livision, Μνημεῖα I, 178[2]).

λαποῦδι, чулокъ. Zagorion Μνημεῖα I, 179 изъ ст.-слав.

---

1) Вообще къ славянскимъ заимствованіямъ на островахъ и Малой Азіи покойный G. Meyer относился довольно скептически см. Neugr. Stud. II, 8.

2) Слово—безъ сомнѣнія славянскаго происхожденія; неудачны предположенія Amantos, Die Suffixe des griechischen Ortsnamen 25 sq., Kretschmer, Archiv f. slav. Philologie XXVII, 234 объяснить слово изъ контаминаціи λαγών + ἄγκος: такимъ образомъ можетъ получиться только *λάγκος, но отнюдь не λόγγος.

Digitized by Google

*лапъть[1]) (соотв. русск. лапоть, малорусск. łapot' и проч. Miklosich, Etymol. Wörterb. 160), при чемъ δ вм. τ подъ вліяніемъ πόδι, καλαπόδι и проч.

μάκω, макъ. Македонія. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus 67 и раньше его Korais, Ἄτακτα II, 69 напрасно видятъ въ этой формѣ остатокъ древнегреческихъ говоровъ. Въ самомъ дѣлѣ это—славянское заимствованіе, какъ указалъ уже G. Meyer, Neugr. St. II, 39.

μάτσα кошка. Serres, Македонія. серб. мацa. G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 39, Etymol. Wörterb. d. alban. Sprache 263 знаетъ только μάτσιου.

πέστροφα Trutta fario. Lachsforelle. Apostolidis, La pêche en Grèce 33, Hoffman & Iordan, Catalogue of fishes 244; кромѣ G. Meyer, Neugr. St. II, 50.

πιανός пьяница. Anthologia Palatina XI, 426 изъ пиянъ см. Korsch, Archiv f. slav. Phil. VIII, 335; вѣроятно въ данномъ случаѣ предположить славянское заимствованіе, ибо врядъ ли поэтъ внесъ бы въ свой каламбуръ слово, не вошедшее еще въ составъ его языка.

πλατίτσα, Cyprinus carpio, рыба плотва. Apostolidis 30; Hoffman and Iordan, Catalogue of fishes 242; Θεσσαλία, Οἰκονόμος Δοκίμιον II, 411; πλατίτσα, Vizantios 388 etc. G. Meyer, Neugr. Stud. II, 50 изъ словинск. platica, leuciscus virgo, rutilus. рум. plătiță pleuronectes, platesse Cihac II, 261; Miklosich Slav. Elem. im Neugr. 25; скорѣе изъ болг. плотица (Геровъ, Рѣчникъ IV, 44).

πλιάτσικα, πλιάτσκα sf. добыча. Кромѣ случаевъ, указанныхъ G. Meyer'омъ, Neugr. St. II, 51, употребительно въ Аркадіи, см. Δελτίον τῆς ἱστορ. καὶ ἐθν. ἑταιρίας VI, 211.

ποστάβι см. G. Meyer, Neugr. St. II, 52, болѣе древнимъ

---

1) Суфф. -ть общеславянскій сравн: лакать, дегть, копать и проч. Поэтому, въ виду существованія родственныхъ образованій, въ родѣ болг. лапчини, полусапожки (Геровъ, Рѣчникъ III, 5) подобная форма весьма вѣроятна.

Digitized by Google

заимствованіемъ слѣдуетъ считать παστάβι pièce de drap, Korais, Ἄτακτα IV, 398.

ρεκάζω v., подымать крикъ. τὰ ρεκατά, крикъ. Ἐφημ. φιλ. VII, 1010; изъ ст.-слав. рекѫ.

ροτσόχι sm. родъ дуба, quercus pubescens Willd. Kalabryta на Евбеѣ, Heldreich, Nutzflanzen Griechenlands 16. Лишь колеблясь я сопоставляю это слово съ сербск. ро́шчић, Ceratium siliqua L. graeca[1]).

ροῦμπος sm. сердцевина бузины. Эпиръ, Μνημεῖα I, 4; Syllogos XIV, 253; Матовъ 79 выводитъ изъ болг. ръб, хребетъ. G. Meyer, Neugr. Stud. II, 87; не допускаетъ подобный переходъ значенія и приводитъ крайне неудачную этимологію изъ лат. grumus G. Meyer, Neugr. Stud. III, 20; мнѣ кажется славянское происхожденіе слова не подлежитъ сомнѣнію: болг. рубъ, край тъ отоколо на хлѣбъ рубié, рубѝйка, рубѝйци, растен. Bellis perenis, см. Геровъ, Рѣчникъ V, 87.

ροῦσα sf. красная Chios, Pasp atis 214; главнымъ образомъ такъ называются привозимыя изъ Россіи ἐρυθρὰ δέρματα. изъ русск. русъ.

ρουτί рубашка. Эпиръ, Μνημεῖα I, 52; φειδορροῦτι, кожа змѣи Эпиръ, Μνημεῖα I, 56; ρουτιά, рубашка Эпиръ, Μνημεῖα I, 179; изъ серб. руте, клочки волосъ, рутина, лохмотье.

ροῦχο см. G. Meyer, Neugr. St. II, 55 сюда же цаконск. ριοῦχο, Οἰκονόμος стр. 89.

σβάρνα; кромѣ G. Meyer, Neugr. Stud. II, 56 сюда относится σβαρνιάρις, σβαρνίλας, обормотъ, einer der seine Kleider auf der Erde herumliegen lässt, Эпиръ, Μνημεῖα I, 53.

σέμπρος, крестьянинъ, имѣющій одного только вола; кромѣ G. Meyer, Neugr. Stud. II, 56, также Эпиръ, Μνημεῖα I, 180; σέμπρα Teilbäuerin Zante, Ἑστία 1892, 2, 141. См. Thumb, Indogerm. Forsch. XIV, 348.

1) Считаю нужнымъ обратить вниманіе изслѣдователей греческаго языка на слова ροτσόχι и ζουλάπι «wildes Tier» G. Meyer, Neugr. St. II, 29; alb. zulár, не объясненное G. Meyer'омъ, Albanes. Wörterbuch 487. Славянское происхожденіе ихъ мнѣ кажется весьма сомнительнымъ.

Digitized by Google

στοπίτσα, ἀμπελίτσα, родъ былья, трехстебельнаго, имѣющаго вкусъ виноградной лозы. Понтъ, Ioannidis, Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος 31. изъ слав. *стопи́ца, вѣроятнаго, въ виду существованія родственныхъ названій растеній въ разныхъ славянскихъ языкахъ: русск. стопнякъ Cissus, Даль[2] IV, 338; чешск. stopka, stopečnaty (Rank, Slovník 641), болг. стапецъ, стапъ (Геровъ, Рѣчникъ V, s. v.)[1]).

σιουμαλίζω v. шумѣть, производить шумъ, G. Meyer, Neugr. St. II, 58; также Zagorion, Syllogos XIV, 229.

τσαραπούλα, свѣтлякъ, Ивановъ червячекъ. Понтъ, Ἰωαννίδης, Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος 32 изъ русск. царапу́ля, неизвѣстнаго мнѣ, однако, съ подобнымъ значеніемъ.

τσιάζω v. сильно желать, сильно стремиться. Zagorion, Syllogos XIV, 241; изъ болг. чезнѫ, серб. чезнем, какъ Матовъ 84. Очевидно изъ *τσιάζνω вызвано уподобленіемъ по системѣ многочисленныхъ глаголовъ на -άζω, чему способствовало сосуществованіе формъ въ родѣ πλέχω — πλέχνω, στέλλω — στέλνω, σύρω — σύρνω (о котор. Hatzidakis, Einleitung 409—410)[2]) неправильно G. Meyer, Neugr. St. II, 89.

φαρμασόνος безбожный. Пелопоннесъ, Papazafiropulos 512; врядъ ли изъ итальянск. framassone какъ G. Meyer, Neugr. Stud. IV, 95; скорѣе изъ русск. фармазонъ[3]) (эта форма ближе

---

1) Oekonomides, Lautlehre des Pontischen 43 опредѣляетъ значеніе слова: στουπίτσα, wildwachsendes, saures Kraut и выводитъ его изъ др.-греч. στυπίτης. Въ такомъ случаѣ остается необъясненной приведенная выше форма съ -o-. Если же принять нашу этимологію, то ου изъ o могло возникнуть на греческой почвѣ подъ вліяніемъ губного. См. Thumb, Ind. Forsch. II, 117 sq.

2) Македонскимъ и другимъ сѣверно-греческимъ говорамъ присуще ν, соотвѣтствующее звуку *j* или крайней степени среднеязычности другихъ греческихъ говоровъ. Сравни χίλνοι — χίλιοι, πόσνοι — πόσοι, μίλνοι — μίλιοι и проч. Foy, Lautsystem 145—146. Это могло привести къ появленію τσιάζω изъ *τσιάζνω по соотвѣтствію: τσιάζω: *τσιάζνω = μίλιοι: μίλνοι.

3) О сильномъ вліяніи на грековъ русскихъ войскъ Екатерининскихъ временъ свидѣтельствуетъ историческій трудъ П. М. Контогіáννης, Οἱ Ἕλληνες κατὰ τὸν πρῶτον ἐπὶ Αἰκατερίνης β' ῥωσσοτουρκικὸν πόλεμον (1768—1774). Аѳины, 1903.

Digitized by Google

къ греч. и по звукамъ и по значенію), которое заимствовано съ итальянскаго въ XVIII вѣкѣ.

Приведенныя нами дополненія и поправки къ труду G. Meyer'a, безъ сосредоточенія съ нашей стороны на этомъ вопросѣ, добыты нами болѣе или менѣе случайно изъ источниковъ, которые были доступны и покойному лингвисту (и отчасти даже имъ изучены). Отсюда явствуетъ, что вопросъ о славянскихъ элементахъ въ греческомъ языкѣ далеко еще не исчерпанъ. Результатомъ болѣе тщательнаго изученія его будетъ значительное обогащеніе словарныхъ матеріаловъ и полное измѣненіе картины географическаго распространенія славянскихъ словъ въ новогреческой языковой области.

G. Meyer и его предшественники по разработкѣ даннаго вопроса слишкомъ мало обратили вниманія на то, что греки заимствовали славянскія выраженія въ разныя эпохи. Это—одинъ изъ немногихъ недостатковъ замѣчательной работы покойнаго албанолога (Неясные намеки см. G. Meyer, Neugr. Stud. II, 12). Между тѣмъ установленіе эпохъ заимствованія здѣсь болѣе легко, чѣмъ въ другихъ языкахъ, благодаря фонетическимъ особенностямъ: 1) Слово βάλτος изъ славянск. блато усвоено греками въ ту эпоху, когда въ греческомъ языкѣ еще имѣлись звонкіе смычные согласные (о чемъ Blass, Aussprache des Griechischen[3] 106 sq.). 2) Βουρκόλακας изъ влъколакъ заимствовано позднѣе, когда въ греческомъ языкѣ на мѣстѣ прежнихъ звонкихъ смычныхъ уже имѣлись звонкіе спиранты, но когда λ + cons. еще не измѣнилось окончательно въ ρ + cons. (о чемъ Psichari, Le changement de λ en ρ devant consonnes Paris 1905). Въ то же время, приблизительно, заимствовано слово τσερνίκι изъ ст.-слав. чрънъ. 3) Слова въ родѣ μπράτιμος изъ братимъ принадлежатъ къ числу позднѣйшихъ заимствованій[1]).—

1) Опредѣленіе разныхъ періодовъ заимствованія на основаніи другихъ физическихъ примѣтъ мы попытались дать въ статьѣ: Zur slavischen Vertretung von idg. *o*, печатающейся въ Kuhns Zeitschr, Neue Folge, Band I.

Digitized by Google

Изученіе средне-греческихъ памятниковъ несомнѣнно дастъ намъ возможность опредѣлить эпоху заимствованія и такихъ словъ, въ которыхъ не имѣются фонетическія примѣты (напр. ῥοῦχον).

Наконецъ, изслѣдователю даннаго вопроса необходимо обратить вниманіе и на бо́льшую точность при указаніи тѣхъ славянскихъ формъ, къ которымъ восходятъ новогреческія слова. Въ этомъ отношеніи работа Матова стоитъ несомнѣнно выше работы Мейера, которая въ лексическомъ отношеніи, однако, должна быть признана болѣе полной. Пути заимствованія также не отмѣчены въ обоихъ трудахъ, хотя этихъ путей было нѣсколько. 1) Заимствованія грековъ у болгаръ Балканскаго полуострова. 2) Заимствованія у славянъ, поселившихся въ Греціи и погибшихъ въ борьбѣ съ мѣстнымъ населеніемъ. 3) Слова, заимствованныя изъ русскаго языка. Изъ числа послѣднихъ нѣкоторыя ограничиваются греческими поселеніями на югѣ Россіи, напр. ταλέα, Маріуполь, G. Meyer, Neugr. Stud. II, 60; χούτορι, Одесса, G. Meyer. Neugr. St. II, 64. Но имѣются русскія заимствованія и въ понтійскихъ говорахъ близъ Трапезунта; напр. τσαραπούλα (см. выше стр. 409), στοπίτσα (см. выше стр. 410) и проч.

Не разъ уже указывалось на важность изученія славянскихъ элементовъ въ греческомъ языкѣ для славянской филологіи (см. Jagič, Archiv f. slav. Phil. I, 159; V. Oblak, Archiv XVII, 594). Но слѣдуетъ замѣтить, что рѣшеніе этого вопроса имѣетъ большое значеніе и для классификаціи новогреческихъ говоровъ, ибо для группировки отдѣльныхъ діалектовъ на историческомъ основаніи, необходимо считаться не только съ фактами звуковыми и формальными (какъ Dieterich, Untersuchungen 271), но также и съ данными словаря, при чемъ особенное вниманіе, по моему мнѣнію, должно быть обращено на распространеніе словъ иноязычнаго происхожденія[1]).

1) Съ этой точки зрѣнія мы съ радостью привѣтствуемъ только-что появившуюся книгу Kretschmer'a, Der heutige lesbische Dialekt, Schriften der Balkankommission, Linguist. Abt. VI, на разборѣ которой подробно надѣемся остановиться въ ближайшемъ будущемъ.

Digitized by Google

5. Рядъ литовскихъ словъ въ древне-русскихъ азбуковникахъ или алфавитахъ иностранныхъ рѣчей уже отмѣченъ проф. Погодинымъ, Archiv f. slav. Phil. XVII, 633—635, но никѣмъ еще не изслѣдованы богатые матеріалы для исторіи греческаго языка, входящіе въ составъ этихъ памятниковъ древне-русской письменности. Между тѣмъ эти греческія слова въ русской транскрипціи, помимо своего значенія для фонетики и морфологіи средне-греческаго языка, въ виду скудности народно-греческихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ, имѣютъ большое значеніе для средне-греческой лексикографіи. Съ этой точки зрѣнія для исторіи греческаго языка, въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ ее понималъ G. Meyer (Zeitschr. f. oesterreich. Gymnasien 1875, стр. 331 сл., онъ же Neugriech. Stud. I, 1 sq), было бы въ высшей степени желательно подробное изученіе фонетики, морфологіи и словаря греческаго языка по древне-русскимъ «Сказаніямъ о неудобь понимаемыхъ рѣчахъ». Главнымъ образомъ это изученіе обогащаетъ средне-греческій словарь. Въ азбуковникѣ, изданномъ Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа» II, кн. V, стр. 172 мы, напр., находимъ слово мурсія, яма. Въ современныхъ греческихъ словаряхъ это слово отсутствуетъ, только въ одномъ случаѣ имѣется: μοῦρσα, яма Эпиръ, Μνημεῖα I, 48; стало быть русскій источникъ указываетъ на существованіе слова уже въ средніе вѣка, при томъ въ уменьшительной формѣ: μουρσί plur. μουρσιά[1]). Въ Азбуковникѣ 1595—96 г. (Погодинск. № 1642 л. 38. Публичн. Библ.): гривàдія, язь рыба. Въ средне-греческихъ памятникахъ слово встрѣчается рѣдко; только Petr. Bellonius, Observationes, l. I, cap. 53 см. Ducange, Glossar. Graecitatis 266; и здѣсь свидѣтельство русскаго па-

1) Въ Алфавитѣ Имп. Публичн. Библіотеки Q. XVI № 4, л. 172 об. слово сохранено болѣе исправно: моурсинъ, яма. Въ Азбуковникѣ Погодин. № 1642 (1595—96 г.) Имп. Публ. Библ. встрѣчается слово: кꙋвли̑, чаша т. е. греч. κουβλίκι, заимствованное у славянъ. G. Meyer, Neugr. St. II, 36 приводитъ примѣры этого слова изъ новогреческихъ говоровъ. Азбуковникъ же свидѣтельствуетъ объ употребленіи его и въ средніе вѣка.

Digitized by Google

мятника весьма цѣнно. Большинство греческихъ словъ въ азбуковникахъ подверглось искаженію, но описки здѣсь исправляются сравнительно легко: Алфавитъ 1595—96 г. (Погодинск. № 1642 л. 40 об.): гꙋрики̑, вéпрь; слѣдуетъ читать: гꙋрꙋнин, γουρούνιν (Ducange 262—263). Тамъ же л. 38: глифитіѧ, рѣзцы, éже ê снастцá рѣзьнаѧ, вм. γλυφτιά-γλύφτης; л. 48: «дꙋстáни, терликъ, каѳтанъ»; вм. ѳꙋстани, φουστάνι и т. п. Въ настоящее время я, именно, занятъ изученіемъ греческой части древне-русскихъ азбуковниковъ, которому будетъ посвящена особая работа; поэтому здѣсь я ограничусь указаніемъ на важность разработки этого вопроса. Отъ палеографа-слависта, наконецъ, историкъ греческаго языка въ правѣ требовать работы, въ высшей степени важной для ознакомленія съ греческимъ языкомъ среднихъ вѣковъ,—именно, по возможности полнаго собранія греческихъ словъ въ славянской транскрипціи, разбросанныхъ по разнымъ памятникамъ русской и южнославянской письменности. Начало подобнаго собранія уже сдѣлано проф. Соболевскимъ въ «Грекославянскихъ этюдахъ» Русск. Фил. Вѣстн. т. IX, 1—6; 274—278; и X, 163—166, но желательно болѣе обширное собраніе этихъ матеріаловъ, по образцу Hübschmann, Armenische Grammatik I, 322—391; только послѣ этой работы будетъ возможно использованіе этихъ матеріаловъ для исторіи греческаго языка, подобно тому, какъ матеріалы Hübschmann'а использованы Thumb'омъ «Die griechische Lehnwörter im Armenischen» Byz. Zeitschr. IX, 388—452 [1]).

М. Фасмеръ.

Спб. 28 Янв. 1905 г.

---

1) Читатель должно быть замѣтилъ, что мы особенно важнымъ считаемъ вопросъ о греческихъ элементахъ въ старо-славянскомъ языкѣ. Разработка его особенно ограничитъ, на нашъ взглядъ, «германистическія» тенденціи Uhlenbeck'а, Archiv f. slav. Phil. XV, 481—493. Надѣемся, что нами будетъ обѣщано не слишкомъ много, если мы пообѣщаемъ разработку этого вопроса въ ближайшемъ будущемъ.

Digitized by Google

„Свиданіе двухъ тѣней".

Политическая сатира начала XIX столѣтія.

I.

Лѣтомъ 1902 года въ г. Костромѣ, на «толкучкѣ» я пріобрѣлъ нѣсколько рукописей различнаго содержанія. Среди нихъ было и «Свиданіе двухъ тѣней», текстъ котораго полностію приводится ниже. Это небольшое произведеніе занимаетъ отдѣльную тетрадку in quarto безъ обложки, состоящую изъ шести не нумерованныхъ листовъ ш. 18, дл. 22 снт. Текстъ оканчивается на оборотѣ пятаго листа, шестой листъ весь чистый.

На бумагѣ водяные знаки: девять продольныхъ линій на каждомъ полулистѣ, на двухъ — гербовый щитъ, на немъ рожокъ (cornet) съ перевязью, сверху корона и подпись «Vander Ley» (см. Лихачевъ, Н. П. «Бумажныя мельницы», № 699); на одномъ полулистѣ только надпись «Vander Ley», а кубка нѣтъ.

Рукопись написана красивой четкой и крупной скорописью начала XIX столѣтія, по большей части по 18 строкъ на страницѣ [1]). Въ двухъ мѣстахъ рукопись подчищена, причемъ въ одномъ мѣстѣ по подчищенному написано новое слово, въ другомъ — оставлена первая буква слова, а остальныя замѣнены точками. Поправки сдѣланы болѣе черными чернилами и, кажется, другою рукою. Съ лѣвой стороны рукописи оставлены

---

1) На четвертой стр.—19 строкъ, на седьмой и на девятой — по 17 строкъ.

Digitized by Google

небольшія (ш. 2 снт.) поля, на которыхъ переписчикъ отмѣчалъ дѣйствующихъ лицъ: «1 тѣнь», затѣмъ только ставилъ цифры *2* или *1* съ точками. По сторонамъ заглавія два раза написано число *57* выцвѣтшими чернилами [1]). Нѣсколько ниже заглавія, на правой сторонѣ рукописи, черными чернилами современной скорописью написано: «не напечатано». Та же рука помѣтила въ скобкахъ рядомъ съ словами «1 тѣнь» — *Екатерина* и рядомъ съ цифрою «2» (т. е. тѣнь) — *Павелъ*.

Въ моемъ собраніи рукописей эта рукопись записана подъ № 29.

Я вездѣ буквально передаю правописаніе рукописи, но долженъ отмѣтить здѣсь, что буква я пишется почти вездѣ такъ, какъ она писалась въ скорописи XVIII столѣтія, что отчасти свидѣтельствуетъ за близость списка къ началу XIX вѣка. За то же говоритъ и правописаніе многихъ словъ, какъ напр.: *сіо* (вм. сіе), *притчиною*, *лутче*, *естли*, *нещастный*, *безъ щету*, *филозофъ*.

Имена прилагательныя и причастія иногда пишутся съ окончаніями *ой*, *ей*, вм. *ый*, *ій:* *первой* (дважды), *оставленной*, *выигравшей*, *родительской*, *окружонной*.

Правописаніе вообще приближается къ современному, хотя знаки препинанія употребляются не совсѣмъ правильно. Въ началѣ рѣчи и послѣ точки большая буква не считается, очевидно, обязательной [2]).

Характерно типичное для первой четверти XIX столѣтія употребленіе буквы *ъ:* повиновѣніе, *любѣзнѣйшаго*, *колѣблютъ*, *вѣликаго*, несовѣршенствѣ, *стѣнаніями*, *отвлѣченныя*, *снѣсти* (отъ — несу), *низвѣргнутся*, *ввѣденныхъ*, *завлѣчь*, *вѣликаго*, *повѣрхность*, *сдѣржать*, *вѣликую*, *напачѣ*, *отчуждѣніе*, *пріѣмлются*, въ *вѣликихъ*, *спасѣніе* (2) *совѣршилось*, *смѣртныхъ*, *болѣзнѣй*.

---

1) Тѣми-же и тою-же рукой, что и вся рукопись.

2) См. напр., 417 стр., реплика второй тѣни и стр. 418.

Digitized by Google

Но съ другой стороны имѣемъ: прадеда, переменяя, не сумненно, терпеть, пріобретѣнное. Отрицаніе *не* пишется обыкновенно отдѣльно, даже въ такихъ словахъ, какъ: *не* винныхъ, *не* послушными, *не* сумненно, *не* вольно; но *не*заблудился.

Изъ другихъ отклоненій отъ современной орфографіи можно отмѣтить: *е*го (въ различн. пад.) всѣ (вм. всё), н*ѣ*е (вм. её), лоторѣе, послѣдніе, *о*крутизнѣ, *в*ъ мѣстѣ, *и*зъ давна, истинна (2), розными, ровною, отрослью, имяни, каза*м*аты, ужеса, отдыхновеніе, э*т*аго, онѣ (вм. *они*), награжде*н*іи, престольняго, нижнаго, воздохнувъ, раззорительныя, изтреблять, тюрмы, со свѣт*у*, безъ щет*у*, безъ разбор*у* и пр.

Имѣютъ нѣкоторое значеніе для словаря выраженія: скоропостижное отшествіе (вм. смерть), бѣдно скончать животъ свой (вм. умереть насильственною смертію), безмѣстная щедрость (вм. чрезвычайная щедрость).

Digitized by Google

II.

Свиданіе двухъ тѣней.

Не напечатано.

...нь [1]). Боже мой! что я вижу!.. такъ ето онъ. А!.. (простираетъ къ нему руки).

...)..... (Закрывая лицо). Прости, немогу, не смѣю поднять глазъ, на тебя пресвѣтлая тѣнь.

..... Мнѣ всѣ извѣстно. Самъ ты притчиною былъ скоропостижнаго твоего отшествія со свѣту.

..... вижу, все вижу; но уже поздно.

..... Нещастный! такъ ли сохранилъ ты славу величества твоего? Такъ ли вознаградилъ не измѣняемое никогда усердіе безмолвное [3]) повиновѣніе, и самое благоговѣніе любѣзнѣйшаго народа?—Та ли наконецъ благодарность твоя ко мнѣ, тебя возрастившей, и часто, среди болѣзнѣй юности твоей, трепещущей о тебѣ матери?—(отвращается отъ него со скорбію).

..... Умилосердись, слова твои колѣблютъ тѣнь мою. Мучительныя укоризны!

..... О коль тяжко обличать погрѣшности своего кровнаго!

..... Но позволь, я... я чаялъ ступать по слѣдамъ вѣликаго нашего Законодателя; чаялъ видѣть всѣ части правительства зараженными беззаконіемъ, въ развратѣ и несовѣршенствѣ; а ето были нѣкоторыя только слабости отъ безмѣрнаго твоего милосердія

---

1) Въ скобкахъ и другимъ почеркомъ приписано сверху—«Екатерина».

2) Т. е. тоже «Тѣнь». Въ скобкахъ и тѣмъ же почеркомъ, что и при 1 Тѣни, приписано — «Павелъ».

3) Написано по подскобленному.

Digitized by Google

вкравшїяся, которыя таковымъ же милосердїемъ и исправить возможно было; хотѣлъ подражать строгости, правосудїю и дѣламъ прадеда моего; но вкрутизнѣ моего гнѣва далеко преступилъ черту положенную сими добродѣтелями: я очутился на пути жестокаго насилїя. — О дражайшая тѣнь! не смѣю наименовать тебя. Первой только шагъ бываетъ нуженъ, ты ето знаешь, и тогда самолюбїе отступать не позволяетъ; часто раждающееся раскаянїе въ сердцѣ замираетъ.

1 . . . . . (воздохнувъ). Тысяча тѣней, розными случаями съ нижнаго свѣта тобою сосланныя, проходя здѣсь, наполняли воздухъ томными стѣнанїями. нѣкоторыхъ изъ нихъ я узнавала, и страдала съ ними въ мѣстѣ.

Множество другихъ, сказывали онѣ, угрожаемы были ровною участью вскорѣ имъ послѣдовать. Ссылки[1]), тюрмы, и казаматы наполнены были нещастными безъ суда, какъ и безъ преступленїя; отвлѣченныя отъ семей и домовъ своихъ, осуждены были бѣдно скончать тутъ животъ свой.

2 . . . . . Не могу снѣсти сего воображенїя; Пусти, пусти меня низвѣргнутся въ ету пропасть.

1 . . . . . Постой! еще не всѣ.—ты началъ ужасное твое житїе возмущенїемъ праха мертвыхъ. въ видѣ добродѣтели отдать долгъ благоговѣнїя памяти одного, явно показалъ ты крывшееся изъ давна въ сердцѣ твоемъ мщенїе къ другому. Потупя очи всѣ въ угрюмомъ молчанїи за тобою слѣдовали, но въ глубинѣ сердца ни одинъ согласенъ съ тобою не былъ.—Потомъ устремился ты на разрушенїе; и самое изтребленїе многихъ несказанными трудами и бдѣнїемъ моимъ введенныхъ узаконенїй, перемениа ихъ другими не обдуманными, на вѣсахъ правосудїя и человѣчества не взвѣшенными, и отяготительными учрежденїями. Стѣснилъ гражданъ въ самыхъ не винныхъ ихъ обычаяхъ. всѣ явились въ глазахъ твоихъ не послушными, подозрительными; не вѣрными; а

1) Написано по подскобленному.

Digitized by Google

они за малѣйшую твою ласку готовы были лобызать твои колѣна.—Часть правительства гражданскаго учрежденная для свободы и безопасности всѣхъ и каждаго, сдѣлалась страшною Западною Инквизиціею.

.....О истинна! сколь тяжело тебя слышать погрѣшившему.

.....Уже готовъ былъ ты опрокинуть равновѣсіе властей въ Европѣ новыми и не постижимыми союзами; попустилъ завлѣчь себя въ войны чуждыя и раззорительныя, не видя [1]) того, что дѣйствовали тутъ внѣшнія происки, и коварное обольщеніе твоего честолюбія, не сумненно былъ бы ты первой — [2]) жертвою сего новаго Кагоса.

.....Что я слышу!

.....По образцу некоего вѣликаго мужа преобразилъ ты войско[3]) въ видъ ему не свойственный, національную гордость его уничижающій; но ты схватилъ одну только повѣрхность, или такъ сказать, наружную игру внутреннихъ достоинствъ сего человѣка: тотъ былъ философъ, воинъ и творецъ малой горсти подданныхъ своихъ и собственнаго своего бытія; а ты, ты явился свѣту отрослью владычества Могущаго, на пріуготовленномъ тебѣ подножіи силы, власти, изобилія и славы. Отъ тебя требовалось той только добродѣтели, чтобъ сдѣржать вѣликую сію пирамиду, сохранить, и усугубить, естли возможно довѣренность и уваженіе народовъ, къ почтенному имяни Р.....[4]) — Ты не позналъ своего достоинства.

.....Милосердый Боже! Какой лучъ истинны освѣщаетъ умъ мой! Никто мнѣ етаго не сказывалъ на землѣ.

.....Никому не хотѣлося быть въ нѣе зарыту за правду и усѣрдіе,

---

1) Въ этомъ словѣ *я* переправлено.

2) Знакъ—написанъ по подскобленному.

3) Здѣсь *о* передѣлано изъ *а*.

4) Точки поставлены по подскобленному, но можно разобрать, что выскоблено было слово «Россійскому».

Digitized by Google

коихъ ты ни слышать ни терпеть не могъ.—Жестокою вспыльчивостїю своею потерялъ всю довѣренность тебя окружавшихъ; всѣ боялись, и ни одинъ не любилъ тебя. Самъ ты научилъ многихъ искать твоихъ слабостей, и употреблять ихъ въ свою пользу. всякой для предупрежденїя скоропостижнаго своего паденїя старался только какъ нибудь угодить тебѣ, а гласъ совѣсти удушенъ былъ въ груди каждаго.

2.....А! не благодарные; я бросалъ на нихъ дары мои безъ мѣры, безъ щету, безъ разбору, а они...

1.....Сїя-то самая безмѣстная щедрость и сдѣлала безплодными твои даянїя, но ты былъ не менѣе скоръ дать, какъ и отнять, а напачѣ данное не тобою.—Припомни, многїе награжденные тобою сверхъ чаянїя своего, старались только удалится отъ тебя и прїобретѣнное спасти, ты долженъ былъ чувствовать сїо ихъ тайное отъ тебя отчуждѣнїе; награжденїи не помогали, и вотъ доказательство тщетнаго ихъ расточенїя безъ душевной добродѣтели съ обѣихъ сторонъ выключая малаго числа благомыслящихъ людей. Щедрота твоя подобна была лоторѣе, къ которой выигравшей никакой благодарности неощущаетъ.

Но уже истощена была казна твоя, и вскорѣ не вольно принуждено бы было прибѣгнуть къ средствамъ ропотъ и жалобу производящимъ. Тогда новые преступники, новыя казни.....

2.....Какое было мое ослѣпленїе!

1.....Ты среди цвѣтущаго твоего престольняго града, среди августѣйшей семьи твоей, бросилъ домъ родительской, оградился, окопался, вооружился какъ бы окруженной пришлымъ непрїятелемъ; какое уничиженїе вѣличеству.

2.....(воздыхаетъ) а!

1.....въ Сердечныхъ твоихъ склонностяхъ кои прїемлются извинительнымъ отдыхновенїемъ, въ вѣликихъ трудахъ обращающимся, потерялъ ты благопристойную мѣру; и скоро бы походилъ на нѣкоторыхъ древнихъ Римлянъ оставившихъ въ исторїи плачевные тому примѣры.

Digitized by Google

.....Прошу, пощади.....

.....Признайся, Любовь была бы лутче, внушеннаго тобою страха и ужеса; и вотъ, смотри, глубокіе рвы, цѣпи мостовъ, тебя не защитили. Увы! подвигнулъ, ожесточилъ, принудилъ,.... и спасѣніе всѣхъ, предпочтено было спасѣнію одного.—Но послушай, послѣднѣе горче перваго; ты не болѣе щадилъ твою нѣжную супругу, дражайшихъ дѣтей твоихъ, ты замышлялъ.....

.....А! я вторично умираю.

.....Совѣршилось. — успокоимся. — Ангелъ хранитель оставленной нами отечеству, имѣетъ и душу ангельскую; онъ выскребетъ, загладитъ наши погрѣшности, и заставитъ смѣртныхъ забыть прошедшее. Но я опасаюсь чтобъ ты и здѣсь незаблудился пойдемъ.

Конецъ.

III.

Съ начала восемнадцатаго вѣка, въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія (кончая первой четвертью девятнадцатаго) появляются и имѣютъ большой успѣхъ въ современномъ обществѣ особаго рода произведенія, по содержанію своему сатирическія или, скорѣе, памфлеты. Направлены они были преимущественно противъ особъ царскаго рода, изрѣдка противъ выдающихся полководцевъ и политическихъ дѣятелей.

Въ такого рода произведеніяхъ дѣйствіе, обыкновенно, происходитъ въ загробномъ мірѣ — «въ царствѣ мертвыхъ». Одно изъ дѣйствующихъ лицъ (обыкновенно то, противъ котораго направлена сатира) появляется въ «царствѣ мертвыхъ», встрѣчается тамъ со своими предшественниками—и начинается «разговоръ», въ которомъ вновь прибывшему приходится выслушать довольно ѣдкую и мѣткую оцѣнку всей своей земной дѣятель-

Digitized by Google

ности и нѣсколько запоздалые совѣты о томъ, какъ должно было вести себя на землѣ[1]).

Иногда такое произведеніе такъ и называется «Разговоръ» или «Разговоры». Если оно было направлено противъ лица враждебнаго, или почему либо не пользовавшагося уваженіемъ русскаго правительства, то такое произведеніе могло быть напечатано. Если же сатира была направлена противъ самодержцевъ и самодержицъ Всероссійскихъ, то, не смотря на успѣхъ, должна была всячески скрываться и ходила по рукамъ не только безъ имени автора, но даже иногда и самыя имена дѣйствующихъ лицъ означались иносказательно.

Къ разряду послѣднихъ принадлежитъ и наша рукопись. Въ ней нѣтъ именъ разговаривающихъ тѣней. Мало того, тщательно уничтожены даже малѣйшіе внѣшніе признаки, указывающіе на то, къ какимъ временамъ и къ какому народу должно отнести дѣятельность выводимыхъ анонимнымъ авторомъ тѣней.

Но «по дѣламъ ихъ узнаете ихъ». Разсмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ дѣла, личныя свойства и качества Второй Тѣни, обратимъ также вниманіе и на тѣ событія, о которыхъ говоритъ (скорѣе намекаетъ) Первая Тѣнь.

Прежде всего ясно видно, что лицо, скрытое подъ именемъ Первой Тѣни, — царственнаго происхожденія, имѣющее «августѣйшую семью», являющееся свѣту отраслью владычества могущаго и выступившее на «пріуготовленномъ подножіи силы, власти, изобилія и славы», «среди... престольнаго града» и пр.

Это вступленіе на престолъ сопровождалось: «*возмущеніемъ праха мертвыхъ*», ради мести своей предшественницѣ;

---

1) «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ»; «Разговоръ двухъ тѣней»; «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ между генераломъ-лейтенантомъ Яганомъ Рейнголтъ фонъ-Паткулемъ и барономъ Георгомъ Гендрихомъ фонъ-Герцомъ»; «Екатерина Великая въ Елисейскихъ поляхъ»; «Посланіе изъ царства мертвыхъ Карла XII къ Густаву королю Шведскому»; «Пришествіе Карла XII въ государство умершихъ» и многія другія рукописныя и печатныя произведенія (см. Сопиковъ, В. Опытъ росс. библ., «Отчеты» Имп. Публ. Библіотеки и др.

Digitized by Google

замѣною многихъ узаконеній другими, «не обдуманными и на вѣсахъ правосудія не взвѣшенными и отяготительными; преобразованіемъ войска въ видъ ему не свойственный, національную гордость его уничижающій» стѣсненіемъ гражданъ «въ самыхъ не винныхъ ихъ обычаяхъ».

Не менѣе неудачными представляются дѣянія Второй Тѣни и въ политикѣ внѣшней: онъ «готовъ былъ опрокинуть равновѣсіе властей въ Европѣ новыми и не постижимыми союзами; попустилъ завлѣчь себя въ войны чуждыя и раззорительныя, не видя того, что дѣйствовали тутъ внѣшнія происки и коварное обольщеніе».

Такая неудачная политика внутренняя и внѣшняя, въ связи съ «жестокою вспыльчивостью» и крайнею измѣнчивостью характера, возбудили общее недовольство и заставили «прибѣгнуть къ средствамъ, ропотъ и жалобу производящимъ». Начались репрессіи. «Ссылки, тюрмы и казаматы наполнены были нещастными безъ суда, какъ и безъ преступленія; отвлѣченныя отъ семей и домовъ своихъ, осуждены были бѣдно скончать тутъ животъ свой»... «Всѣ явились не послушными, подозрительными; не вѣрными»... А «часть правительства гражданскаго учрежденная для свободы и безопасности всѣхъ и каждаго, сдѣлалась страшною Западною Инквизиціею».

Наконецъ, Первая Тѣнь бросаетъ ему послѣдній и, повидимому, самый тяжелый упрекъ или обвиненіе: «Ты среди цвѣтущаго твоего престольнаго града, среди августѣйшей семьи твоей, бросилъ домъ родительскій, оградился, окопался, вооружился, какъ бы окруженный пришлымъ непріятелемъ». Но «глубокіе рвы и цѣпи мостовъ» не спасли возбудившаго негодованіе народное. «Увы! подвигнулъ, ожесточилъ, принудилъ... и спасѣніе всѣхъ предпочтено было спасѣнію одного». Это и дало возможность Первой Тѣни почти съ первыхъ же словъ указать Второй; «Самъ ты притчиною былъ скоропостижнаго твоего отшествія со свѣту».

Теперь, если сравнимъ этотъ только что нарисованный порт-

Digitized by Google

ретъ царственной особы съ историческими портретами государей всероссійскихъ, то это сравненіе ясно покажетъ, что матеріалъ для «Разговора двухъ тѣней» дало царствованіе Павла Петровича.

По весьма понятнымъ причинамъ, историки, касавшіеся въ своихъ работахъ временъ Павла I Петровича, умалчивали совсѣмъ, или говорили крайне туманно и неопредѣленно о многихъ событіяхъ его царствованія. Нынѣ же, съ начала текущаго года, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечатаны были «Записки о времени Императора Павла и его кончинѣ» Н. А. Саблукова[1]). Содержаніе этихъ «Записокъ» вполнѣ подтверждаетъ предположеніе о томъ, что «Свиданіе двухъ тѣней» имѣло своею цѣлью—обрисовать характеръ и дѣятельность Павла I. Иногда содержаніе «Записокъ» и «Свиданія» настолько совпадаетъ, что невольно является предположеніе, не служили-ли первыя источникомъ для второго. Далѣе мы извлекаемъ нѣкоторыя, наиболѣе подходящія, мѣста изъ «Записокъ» Н. А. Саблукова.

«Вспыльчивый по природѣ и горячій, Павелъ былъ крайне раздраженъ отстраненіемъ отъ престола.... сдѣлалось общеизвѣстнымъ, что великій князь съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему своей матери»[2]). Поэтому, послѣ смерти Екатерины II «императоръ Павелъ считалъ полезнымъ перенести прахъ отца изъ Невской лавры въ Петропавловскій соборъ... а такъ какъ графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ переворотѣ, совершенномъ въ пользу Екатерины, то ему повелѣно было прибыть въ Петербургъ для участія въ погребальномъ шествіи». Такъ все и было сдѣлано[3]). Сейчасъ же, послѣ вступленія на престолъ начали появляться узаконенія «не обдуманныя

1) «Ист. Вѣстн.», № 1, стр. 98—128; № 2, стр. 440—460, и № 3, стр. 820—848.

2) «Ист. Вѣстн.», № 1, стр. 108.

3) Ibid., стр. 114 и 115.

Digitized by Google

и отяготительныя», началось преобразованіе войска «въ видъ ему не свойственный», стѣсненіе гражданъ «въ самыхъ невинныхъ ихъ обычаяхъ». Уже 8 (20) ноября 1796 г. Н. А. Саблуковъ пишетъ: «Едва дошли мы до Дворцовой площади, какъ уже намъ сообщено множество новыхъ распоряженій. Начать съ того, что отнынѣ ни одинъ офицеръ ни подъ какимъ предлогомъ не имѣлъ права являться куда бы то ни было иначе, какъ въ мундирѣ; а надо замѣтить, что наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для параднаго ношенія. Далѣе намъ сообщили, что офицерамъ вообще запрещалось ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только ѣздить верхомъ или въ саняхъ, или въ дрожкахъ. Кромѣ того, былъ изданъ рядъ полицейскихъ распоряженій, предписывающихъ всѣмъ обывателямъ носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещавшихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, длинныхъ панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ и чулкахъ, вмѣсто которыхъ предписывалось носить пряжки. Волосы должны были зачесываться назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ велѣно было останавливаться при встрѣчѣ съ высочайшими особами, и тѣ, кто сидѣлъ въ экипажахъ, должны были выходить изъ оныхъ, дабы отдать поклонъ августѣйшимъ лицамъ»[1]). «Внезапная перемѣна, происшедшая съ внѣшней стороны въ... столицѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней» была, «просто невѣроятна. Такъ какъ полицейскія мѣропріятія должны были исполняться съ всевозможной поспѣшностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго нѣмецкаго города XVII столѣтія. Къ несчастію, перемѣна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прически подчинены были регламенту, самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ

1) Ibid., стр. 112.

Digitized by Google

банальныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалось особенно тягостнымъ въ виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой»[1]). «Малѣйшее нарушеніе полицейскихъ распоряженій вызывало арестъ при одной изъ военныхъ гауптвахтъ, вслѣдствіе чего послѣднія зачастую бывали совершенно переполнены». При этомъ нужно сказать, что императоръ Павелъ I «...примѣнялъ его (арестъ) ко всѣмъ слоямъ общества, не исключая даже женщинъ»[2]). Все это и многое другое въ томъ же родѣ, въ связи съ чрезмѣрной вспыльчивостью и крайней неустойчивостью и перемѣнчивостью характера государя, когда даже «многіе изъ его приближенныхъ сознавали, что ихъ положеніе при дворѣ чрезвычайно опасно, и что въ любую минуту, раскаиваясь въ только что совершенномъ поступкѣ, государь можетъ перенести свое расположеніе на новое лицо и уничтожить ихъ всѣхъ»[3]) — все это вызывало крайнее неудовольствіе и даже возмущеніе. «Всеобщее неудовольствіе стало высказываться въ разговорахъ, въ семьяхъ, среди друзей и знакомыхъ и приняло характеръ злобы дня»[4]). И «несмотря на то, что аристократія тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во время коронаціи въ Москвѣ императоръ не могъ этого не замѣтить»[5]). Началось глухое броженіе, собирались кружки, затѣвались заговоры. «...Судя по слухамъ, доходившимъ до насъ изъ Петербурга», пишетъ Н. А. Саблуковъ, находясь въ Царскомъ Селѣ, «тамъ было, повидимому, не совсѣмъ ладно, и поговаривали даже, что императоръ опасается за свою личную безопасность»[6]). Вскорѣ слухи оправдались: «Его величество со всѣмъ августѣйшимъ семействомъ оставилъ старый дворецъ и

1) № 1, стр. 115.
2) Idid., стр. 116.
3) № 3, стр. 820.
4) № 1, стр. 115—116.
5) № 2, стр. 441.
6) № 3, стр. 821.

Digitized by Google

переѣхалъ въ Михайловскій, выстроенный на подобіе укрѣпленнаго замка, съ подъемными мостами, рвами, потайными лѣстницами, подземными ходами, словомъ напоминалъ собою средневѣковую крѣпость à l'abrie d'un coup de main...»[1]) и охранялся «на подобіе средневѣковой крѣпости»[2]). Но «Замокъ-крѣпость св. Михаила, рвы и подъемные мосты не оградили Павла отъ смерти!»[3]).

Кромѣ всего этого, въ «Запискахъ» Н. А. Саблукова читатель найдетъ характеристику Павла I[4]), данныя относительно его воспитанія, увлеченія нѣметчиной, неудачныхъ войнъ, свѣдѣнія объ его любовныхъ увлеченіяхъ и похожденіяхъ и пр., и пр. Все вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе, что «Свиданіе двухъ тѣней» имѣло своимъ предметомъ именно императора Павла I.

Того же мнѣнія держались очевидно и читатели этой рукописи, такъ какъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ приписки къ анонимнымъ именамъ дѣйствующихъ лицъ: «Екатерина» и «Павелъ».

Николай Виноградовъ.

---

1) Ibid., стр. 821—822.

2) Ibid., стр 824.

3) Убійство Императора Павла. (Неизданная страничка изъ записокъ Рунича). Былое, 1906, № 6, стр. 179.

4) «Ист. Вѣстн.», 1906, № 2, стр. 440—441.

Digitized by Google

Библіографія.

Науковий Збірник, присьвячений професорови Михайлови Грушевському учениками й прихильниками з нагоди його десятилїтньої наукової працї Гваличинї (1894—1904). Виданнє Комітету. У Львовї, 1906. Стр. VIII + 560 + 4 безъ нумераціи. Съ портретомъ М. Грушевскаго. Цѣна 10 коронъ.

Красиво и недорого изданный сборникъ, посвященный популярному львовскому историку учениками и почитателями по поводу его десятилѣтней научной и общественной дѣятельности въ Галиціи, можно только привѣтствовать,—и наши замѣчанія относительно отдѣльныхъ статей и авторовъ ихъ, естественно, нисколько не касаются почтеннаго профессора. М. Грушевскій вполнѣ и давно заслуживаетъ такого интереснаго и цѣннаго сборника,—и намъ кажется, нѣтъ излишняго преувеличенія въ сравненіи значенія юбиляра для національно-культурнаго развитія галицкой Украины второй половины минувшаго вѣка съ значеніемъ Шевченка и Драгоманова. Эти три имени соединяетъ моральная связь: дѣятельность перваго имѣла національно-литературный характеръ, второго—соціально-политическій, М. Грушевскаго — національно-культурный. И дѣйствительно, въ послѣднее десятилѣтіе гуманитарныя разысканія украинскихъ ученыхъ — главнымъ образомъ по исторіи, этнографіи, этнологіи, критической литературѣ и др.—стали на серьезную и твердую почву. Особенное значеніе имѣетъ многотомная «Исторія України-Руси» Грушевскаго, недавно допущенная наконецъ и въ Россіи, а также рядъ самыхъ разнородныхъ изслѣдованій, статей, рефератовъ, рецензій и замѣтокъ, списокъ которыхъ занимаетъ 50 страницъ въ началѣ сборника и составленъ И. Левицкимъ. Всѣхъ номеровъ—около 600, хотя напрасно сюда внесены подъ разными номерами разныя изданія одной и той же работы М. Грушевскаго или же переводы ихъ:

Digitized by Google

это увеличиваетъ общее число работъ и уменьшаетъ научность библіографическаго списка.

Познакомимся съ отдѣльными статьями сборника въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ болѣе подробный обзоръ ихъ вызвалъ бы слишкомъ большой рефератъ.

Володимир Лесевич «Помпеянське Ізіюм, памятка боротьби східніх культів за перевагу в греко-римськім сьвіті» (65—75). Небольшой очеркъ написанъ доступно, красиво, мѣстами не лишенъ поэзіи. Подъ впечатлѣніемъ «Послѣдняго дня Помпеи» К. Брюллова и статьи А. Герцена, авторъ живо чувствуетъ угасшее движеніе римскаго города, давно погибшаго подъ потоками лавы, и останавливается на Изіумѣ. «Международный» внѣшній видъ храма наводитъ на мысль о такомъ же характерѣ всей религіозной системы, которой служилъ храмъ, — и В. Лесевичъ припоминаетъ главныя черты культа Изиды въ античномъ мірѣ, дѣлаетъ опытъ объясненія его психологіи, намѣчаетъ пути его проникновенія къ грекамъ и римлянамъ вмѣстѣ съ другими восточными культами и въ концѣ приводитъ новѣйшую литературу вопроса.

Др. Іван Франко «Наливайко в мідяним биці. Причинок до історії легенди» (76—90). Преданіе о чудовищномъ по своей жестокости способѣ сожженія Павла Наливайка въ Варшавѣ не оправдывается достовѣрными и современными, притомъ русскими свидѣтельствами, которыя недавно были собраны у В. Доманицкаго и имъ же подвергнуты сомнѣнію. И. Франко думаетъ, что эти свидѣтельства должны оправдываться какими-то польскими источниками, но самый фактъ стоитъ въ прямой связи не съ старинной повѣстью объ агригентскомъ тиранѣ Филярисѣ, на что̀ еще въ концѣ XVIII в. указалъ І. Энгель, авторъ извѣстной «Исторіи Украины и казаковъ», а съ иными посредствующими легендами. Разсмотрѣвъ библейскія извѣстія о культѣ Молоха, авторъ останавливается на одномъ эпизодѣ какой-то «историко-богословской компиляціи» XVII вѣка, «которой составъ, характеръ и источники, по его словамъ, до сихъ поръ не изслѣдованы» (мы думаемъ, что рѣчь идетъ о русскомъ Хронографѣ),—о наказаніи царя Манассіи, за идолопоклонство преданнаго Богомъ вражескому царю. Послѣдній, читаемъ въ рукописи, **затвори его в мѣди на изгибел; и восплакаса цар Манасим в мѣди ко Богѹ ѡ своих согрѣшенїих, и помилова его Богъ, и разсыдеса мѣд, и избѣжа Манасим из рѣки непрїателѧ.** И. Франко думаетъ, что русскій (?) авторъ понялъ еврейско-визан-

Digitized by Google

тійскій разсказъ такъ, что Манасія подвергался не сожженію, а лишь голодовкѣ въ какомъ-то мѣдномъ помѣщеніи. Поэтому источникомъ легенды, внесенной въ «Исторію руссовъ» Полетики (не Конисскаго), скорѣе могла быть повѣсть о Филарисѣ въ передачѣ Орозія и Викентія изъ Бове, чѣмъ приведенный эпизодъ изъ компиляціи.

Проф. А. Кримський «Деякі непевні крітерії для діялектологичної клясификації старо-русьских рукописів» (91—153). Обстоятельная по массѣ разнообразныхъ фактовъ и слабая по методу критическая работа, направленная противъ А. Соболевскаго, составляющая продолженіе прежнихъ очерковъ А. Крымскаго, Филологія и Погодинская гипотеза». Изслѣдованіе состоитъ изъ четырехъ этюдовъ.

Коовьчии вмѣсто овьчии, по мнѣнію А. Крымскаго, не служитъ замѣной малорусской долготы ô (—і), такъ какъ примѣръ изъ Галицкаго Евангелія XIII в. не оправдывается ожидаемымъ соотвѣтствіемъ въ живой малорусской рѣчи, а Поликарпово Евангеліе написано великоруссомъ (псковичемъ). Въ то же время удвоеніе о нерѣдко въ русскихъ, а также сербскихъ рукописяхъ и объясняется не малорусской фонетикой, а обычнымъ въ памятникахъ графическимъ пріемомъ, притомъ этотъ пріемъ касается не одного о, но а, и и др. Не удовлетворяясь объясненіями А. Соболевскаго, авторъ предлагаетъ свои: 1) удвоенія буквъ въ книгахъ, не предназначавшихся спеціально для пѣнія, могли быть сдѣланы писцомъ по аналогіи, тѣмъ болѣе, что церковное чтеніе нараспѣвъ у славянъ, какъ и у евреевъ, во многихъ случаяхъ не исключало и практическаго смысла подобныхъ написаній; 2) двойное о въ овьчии могло появиться сознательно, такъ какъ писецъ желалъ передать ц.-сл. удареніе на о при народномъ русскомъ на ь (—*овéчій*). Что же касается достовѣрныхъ отраженій на письмѣ малорусскаго ô (—і), то ихъ слѣдуетъ искать не въ мертвыхъ церковныхъ памятникахъ, а въ грамотахъ конца XIII в. и болѣе поздняго времени, гдѣ они дѣйствительно изображаются буквами *у* и *ю*. — Оу и ю вмѣсто о и е въ церковныхъ памятникахъ также неправильно объясняются, какъ исключительные малороссизмы, такъ какъ подобныя замѣны нерѣдки въ памятникахъ южныхъ славянъ, причемъ опираются на факты живыхъ говоровъ, отчасти въ памятникахъ бѣлорусскихъ и великорусскихъ. Приводимый А. Соболевскимъ фактъ изъ Добрилова Ев. (ужасаются вм. ужасается) не имѣетъ, по мнѣнію А. Крым-

Digitized by Google

скаго, ничего общаго съ діалектологической малорусской особенностью, какъ не находящій соотвѣтствія въ живомъ говорѣ; кромѣ того, писецъ этой рукописи былъ настоящій новгородецъ. Точно такія же опроверженія приводитъ А. Крымскій относительно субутный и щюдръ изъ Ев. Синод. Типогр. XII—XIII в. (—сѣв.-зап. происхожденія) и твоюмь изъ Часослова Публ. Библ. XIV в. (—московскаго происхожденія съ сербскимъ вліяніемъ). Поэтому болѣе удачные примѣры авторъ видитъ опять въ грамотахъ, гдѣ не всѣ однако примѣры съ *у* и *ю* означаютъ возмѣстительную долготу, такъ какъ не всегда соотвѣтствуютъ живому малорусскому произношенію. Въ частности, въ малорусскомъ яз. нѣтъ слова «торгівля», какъ думаетъ А. Соболевскій, объяснявшій написаніе «торгувля», а есть торгóвля и торговля́ (галицкое). — Параллельныя написанія ы и и, по мнѣнію А. Крымскаго, наблюдаются также не въ одномъ малорусскомъ нарѣчіи, а извѣстны въ великорусскихъ и малорусскихъ памятникахъ и живыхъ говорахъ. Авторъ даетъ анализъ нѣсколькихъ памятниковъ, которые раньше считались малорусскими, и находитъ въ нихъ «антималорусскія» черты (особенно—Типографское Ев. № 7); съ другой стороны, такія написанія, какъ однымъ, тымъ, тыхъ и др., означаютъ твердыя флексіи, а не смѣшеніе двухъ звуковъ. — Смѣшеніе ѣ и и объясняется не однѣми фактическими причинами, правда, особенно характерными для малорусской рѣчи, но часто—этимологически-морфологическими, т. е. аналогіями. Въ общемъ, это явленіе довольно распространено и въ другихъ нарѣчіяхъ, почему, встрѣчая факты въ памятникахъ, слѣдуетъ относиться къ нимъ осторожно и не относить ихъ на долю особенностей исключительно малорусскихъ. Изъ нефонетическихъ смѣшеній А. Крымскій останавливается на глагольныхъ окончаніяхъ ити и ѣти, почему съвѣдитель—совсѣмъ не фонетическое смѣшеніе, какъ думаетъ А. Соболевскій. То же самое слѣдуетъ сказать относительно вліянія твердыхъ основъ на мягкія, какъ на конѣ, къ душѣ, отъ души и т. д., относительно великор. и бѣлор. вьсихъ, вьсимъ, новгородскаго им. мн. народѣ (ср. родителѣ, конѣ) и др. Тѣмъ не менѣе, въ сѣв.-великор. нарѣчіи фонетическое смѣшеніе наблюдается съ XI в.,—Служебникъ Варлаама Хутынскаго XII в. ошибочно относится А. Соболевскимъ къ памятникамъ галицко-волынскимъ. Точно такъ же ошибочны тѣ примѣры мнимой мѣны этихъ звуковъ, которые на самомъ дѣлѣ объясняются аканьемъ (на дѣ́ли), а А. Соболевскимъ считаются признакомъ памятниковъ малорусскихъ: это—бѣлорусскій списокъ Поученій Ефрема Сирина 1492 г., Часословъ

Digitized by Google

Публ. Библ. XIV в., Архивская Лѣствица XIII—XIV в., Выголексинскій сборникъ XIII в. и Новгородскій Софійскій Апостолъ XIII в.

Статья интересна, какъ и все, написанное А. Крымскимъ; но страдаетъ она главнымъ образомъ благодаря неправильному методу. Онъ доказываетъ порознь, что каждая малорусская черта существуетъ и въ другихъ памятникахъ завѣдомо немалорусскаго происхожденія или же говорахъ; но не обращаетъ вниманія на то, что совокупность этихъ чертъ все таки характеризуетъ одни галицко-волынскіе памятники. Это — главное. Такая же методологическая ошибка уменьшаетъ научность и того, что̀ сказано относительно удвоенія гласныхъ: вмѣсто ссылокъ на разные памятники съ удвоеніемъ, слѣдовало бы самымъ тщательнымъ образомъ прослѣдить, есть ли въ самомъ галицкомъ Евангеліи XIII вѣка удвоеніе гласныхъ вообще, потому, что нельзя смѣшивать орѳографію одного памятника съ другими. Что-же касается спорнаго «торгівля», то мы можемъ привести рядъ словъ этого типа, указывающихъ на удлиненіе *о*, напр. будівля́, дратівля́, ночівля́, покрівля́ — годівля, поратівля, теребівля и особенно интересныя купівля́ и купівля (Словарь Желиховскаго). Эти аналогіи говорятъ только объ удлиненіи є въ ѣ въ галицко-волынскомъ говорѣ. Будемъ ожидать продолженія, и намъ очень интересно, какіе памятники укажетъ авторъ съ этой чертой.

Юрій Жаткович «Нарис исторії Грушівського монастиря на Угорській Руси» (155—157)—небольшая замѣтка по исторіи монастыря, упоминаемаго и въ румынскихъ памятникахъ. Основаніе его раньше татарскаго нашествія, и пожалованія монахамъ отъ короля Белы IV послѣ ухода татаръ, намъ кажется, какъ будто связываютъ монастырь съ русской легендой—«Сказаніемъ вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ». Въ 1391 году молдавскіе бояре Балича (sic) и Драгъ (sic) благотворили монастырю, просили патр. Антонія сдѣлать ставропигійнымъ и подчинить игумену его, носившему титулъ «протоархимандрита», игуменовъ остальныхъ русскихъ и румынскихъ монастырей южной Венгріи. Очень возможно, что та неясная до сихъ поръ должность экзарха молдавскихъ монастырей, о которой мы упоминали въ изслѣдованіи о Цамблакѣ (стр. 134), найдетъ оправданіе въ историческихъ источникахъ. Жаль, что Ю. Жатковичъ не обратился къ румынскимъ источникамъ, гдѣ имена марамурешскихъ воеводъ (а не бояръ) называются болѣе правильно: Драгошъ и Балкъ, и къ статьѣ А. Левицкаго «Sprawa unii kościelnej za Iagełły» («Kwartalnik historyczny», 1897, II, 321), гдѣ о

Digitized by Google

сношеніяхъ этихъ воеводъ съ вселенскимъ патріархомъ говорится болѣе точно и болѣе подробно, и приводится имя игумена Грушевскаго монастыря—Симонъ или Симеонъ. Авторъ упоминаетъ о типографіи Грушевскаго монастыря, основанной около 1640 г., и говоритъ, что «въ исторіи румынской литературы эта типографія занимаетъ очень видное мѣсто: заботами и на средства семиградскаго кн. Юрія I Ракоци (1631—1638) въ ней была издана первая румынская книга—переводъ Новаго Завѣта» (стр. 157). Помимо того, что такое изданіе совершенно неизвѣстно, — первая румынская книга появилась въ XVI в., о чемъ г. Жатковичъ могъ бы узнать хотя бы изъ И. Каратаева. Очевидно, авторъ смѣшалъ или Евангеліе учительское, изданное въ ардьяльскомъ Бѣлградѣ (Алба-Юлія) въ 1641 г., или Новый Завѣтъ, изданный тамъ же въ 1648 году, дѣйствительно, по порученію и на средства Георгія Ракоци.

Др. Мирон Кордуба «Молдавсько-польська границя на Покутю до смерти Стефана Великого» (158—184), съ картой — серьезная и основанная на первоисточникахъ работа по румыно-славянской исторической географіи. Жаль, что авторъ не упоминаетъ о пожеланіи проф. В. А. Ульяницкаго видѣть подобную работу на основаніи изданныхъ имъ грамотъ, которыя «могутъ быть полезны, между прочимъ, для *опредѣленія границъ Молдавіи и Червонной Руси въ XV—XVI вв.* Такъ, напр. въ нихъ мы находимъ наименованія городовъ Микулина на Серетѣ, Тисьменицы на Вронѣ, Коломыи на Прутѣ и др., которые собственно относятся къ Червонной Руси» и т. д. («Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній»..., стр. VI). Во вторыхъ, основанная на польскихъ и нѣмецкихъ источникахъ, работа г. Кордубы не отличается полнотой, и нѣкоторые факты изъ румынскихъ источниковъ остались ему неизвѣстными. Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ ея мы относимъ правильное мнѣніе автора о терминахъ «волость» и «земля» (170—171), отмѣченную ошибку у хрониста Некульчи (176—177) и др. На стр. 173 имя Журцї напечатано неправильно; должно быть **Журци**, т. е. Журджи — Юрія, Георгія (обычно въ грамотахъ).

Др. Іван Франко «Причинки до української ономастики» (стр. 185—218). Кромѣ двухъ статей, Н. Сумцова «Малорусскія фамильныя прозвища» (1885) и В. Охримовича «Про сільскї прозвища» (1895), и массы необработанныхъ матеріаловъ,—въ этнографической литературѣ ничего нѣтъ по малорусской ономастикѣ, не говоря уже о такой работѣ, какъ «Словарь древне-русскихъ именъ» Тупикова. Прежде всего И. Франко останавливается на той много-

Digitized by Google

именности у малоруссовъ, которая бросилась въ глаза московскимъ чиновникамъ еще въ XVII в.: «у одного человѣка три и четыре прозвища — по отцу, по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются» и т. д. Въ началѣ же XVII в. Петръ Могила впервые сдѣлалъ распоряженіе духовенству вносить въ метрики родившихся, вѣнчающихся и умершихъ; такимъ образомъ, прозвища впервые, помимо случайныхъ документовъ, закрѣпляются систематически. И. Франко не удовлетворяется классификаціями прозвищъ у его предшественниковъ и предлагаетъ свою, состоящую изъ трехъ типовъ: 1) род. ед. отъ индивидуальнаго или локальнаго прозвища отца, брата или отчима даннаго лица, напр. Кривого, женск. Макарова; 2) им. ед. или мн. уменьш. средн. р. на *я* и *ята* — послѣ смерти хозяина двора сироты зовутся его именемъ, напр. Московя, Московята; 3) род. мн. тѣхъ же именъ — обозначаетъ отдѣльныхъ лицъ той же группы, напр. (одинъ изъ) Московятъ.

Іван Крипякевич «Русини властителї у Львові въ першій пол. XVI в.» (219—236). При всей трудности опредѣлить національность собственниковъ во Львовѣ по польскимъ актамъ, такъ какъ національность далеко не всегда обозначалась въ нихъ, а русскія имена не всегда можно отдѣлить отъ армянскихъ, — авторъ приводитъ рядъ наиболѣе достовѣрныхъ фактовъ, причемъ изъ сравнительной таблицы выясняется между прочимъ, что въ большинствѣ случаевъ русскіе продавали землю русскимъ же и въ болѣе рѣдкихъ—инымъ націямъ.

Нѣсколько интересныхъ статей Сборника касаются широкихъ вопросовъ исторіи, права, исторіографіи, старой культуры и т. д. Статьи эти слѣдующія: Василь Доманицький «Чи була реформа Баторія?» (237—248), Осип Чайковський «Початки гетьманавання Петра Конашевича Сагайдачного» (249—256), Денис Коренець «Повстанне Мартина Пушкаря» (257—287), Василь Герасимчук «Перед Чудновською кампанїею» (288—300), др. Стефан Томашівський «Словацький висланник на Україні, 1708—1709» (301—345), Федір Голїйчук «Филип Орлик въ Галичині» (346—351), Іван Джиджора «Реформи малоросийської колегії на Україні въ 1722—23 рр.» (352—372), Іван Кревецький «Цупилівська трівога в 1848 р. Причинки до історії останніх днів панщини въ Галичині» (446—482), Михайло Лозинський «Маркс-Энгельс-Лїбкнехт про відбудованє Польщі» (483—499). Не передаемъ содержанія этихъ статей, изъ которыхъ многія представляютъ интересъ болѣе или менѣе спеціальный, а многія — общій.

Digitized by Google

Цѣнность большинства перечисленныхъ статей для Сборника имени М. Грушевскаго заключается, между прочимъ, въ томъ, что ихъ темы стоятъ въ связи съ работами самого юбиляра, — и появленіе ихъ въ посвященной ему книгѣ является далеко не случайнымъ, какъ это бываетъ въ типичныхъ у насъ юбилейныхъ изданіяхъ съ самымъ случайнымъ матеріаломъ.

Интересный болѣе по темѣ, чѣмъ по исполненію, очеркъ В. Гнатюка «Зносини українців із сербами» (372—408) носитъ компилятивный характеръ, хотя первое впечатлѣніе, благодаря перепечаткѣ славянскимъ шрифтомъ многихъ записей изъ Corpus'a Л. Стояновиһа,—говоритъ какъ-будто о самостоятельности автора. Сравнительно съ тѣмъ матеріаломъ, которымъ мы пользовались въ двухъ статьяхъ о русской благотворительности Сербіи въ XVI и XVII вв. (Извѣстія СПБ. слав. благотв. общества, 1904 г., кн. V и VIII), очеркъ В. Гнатюка даетъ мало новаго, особенно, если въ этомъ новомъ искать болѣе или менѣе цѣннаго для исторіи сношеній *украинцевъ* съ сербами. Дѣло въ томъ, что авторъ приводитъ рядъ фактовъ, напр. пріѣзды сербскихъ духовныхъ лицъ въ Москву за милостыней или съ цѣлями культурными,—только потому, что сербы, чтобы попасть въ Москву, должны были проѣзжать по Украинѣ. На самомъ же дѣлѣ многіе изъ такихъ случаевъ не говорятъ ровно ничего о фактическихъ сношеніяхъ украинцевъ съ сербами. Кромѣ того, недоумѣніе вызываетъ повтореніе старой ошибки—сербское, вмѣсто болгарскаго, происхожденіе митр. Кипріана. Неизвѣстно, почему В. Гнатюкъ ставитъ вопросъ при словахъ архим. Леонида «единоплеменнаго (?) ему народа», говоря о посвященіи Кипріана въ русскіе митрополиты (стр. 375), затѣмъ—при перечисленіи Русика среди сербскихъ монастырей (стр. 376), такъ какъ въ XIV в. Русикъ не только былъ скорѣе сербскимъ, чѣмъ русскимъ, но въ грамотахъ прямо говорится, что русскіе покинули его. Интересная сама по себѣ, запись 1808 года (стр. 378) — слишкомъ позднее свидѣтельство, которое авторъ приводитъ въ видѣ иллюстраціи мысли, что монахи сербы ходили за книгами въ чужіе края. На той же страницѣ вм. мачарскѣю должно быть мацарскѣю. Сербскихъ записей о полтавской битвѣ гораздо больше, чѣмъ извѣстныя автору (стр. 380). Русинская обитель въ призренской области ровно ничего общаго не имѣетъ съ русинами. Неизвѣстны ему и другія рукописи, переписанныя сербами съ русскихъ оригиналовъ, кромѣ «Древностей» Іосифа Флавія (стр. 381—382). Черкасами называлъ украинцевъ не одинъ Крижаничъ (стр. 384). На-

Digitized by Google

прасно В. Гнатюкъ не воспользовался «Путешествіемъ антіохійскаго патр. Макарія», «Сношеніями Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ» Муравьева, Описаніемъ хиландарскихъ рукописей Саввы, статьями Каптерева, изслѣдованіями Первольфа и нѣкоторыми сербскими источниками. Ссылка на статью проф. Н. Дашкевича въ одномъ мѣстѣ (стр. 391) сдѣлана безъ указанія на страницу. Къ памятникамъ сербской литературы (стр. 392) можно было бы прибавить еще многое, если бы авторъ заглянулъ въ описанія русскихъ рукописныхъ библіотекъ, а не пользовался матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ. На стр. 393 напечатано **хрисовонхъ** вм. **хрисоволихъ**. Паисій Величковскій оставилъ Украину совсѣмъ не вслѣдствіе борьбы католиковъ и уніатовъ съ православными (стр. 395). Многія записи на рукописяхъ (стр. 400—407) не имѣютъ отношенія къ предмету статьи В. Гнатюка, напр. № 1 (Пантелеймоновскій монастырь XIV в. нельзя считать русскимъ), № 5 (Тріодь постная принадлежала болг. Зографу). Въ записи № 2 оставлены восклицательные знаки безъ всякаго смысла; въ № 3 напечатано **троцѣ** вм. **троицѣ**, а при **Синова** поставлено объясненіе **в Галиціи**, которое можно принять за принадлежащее писцу 1513 года; въ № 6 **ктрое** вм. **второе**; въ № 8 и 9 **сурикарь** — фамилія, и обѣ записи касаются скорѣе сербо-румынскихъ сношеній, такъ какъ г. Хотинъ и мон. Сучавица въ XVI в. были молдавскими. На стр. 407—408 приводится списокъ западно-русскихъ изданій, найденныхъ архим. Леонидомъ въ двухъ аѳонскихъ монастыряхъ; но этого, конечно, мало,— и свѣдѣнія, собранныя хотя-бы у одного Каратаева, дали бы массу новыхъ фактовъ.

Цѣнна для этнографіи и лингвистики другая статья В. Гнатюка «Народня пожива на Бойковщинѣ» (стр. 576—594). Кромѣ спеціальной главы о народномъ столѣ у малоруссовъ въ книгѣ М. Маркевича «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ» (1860) и статьи П. Чубинскаго «Пища малоруссовъ» (Труды, т. VII),— по данному вопросу не было ничего болѣе или менѣе серьезнаго до 1899 года, когда появились новые матеріалы, напечатанные І. Горбачевскимъ и авторомъ разсматриваемой статьи. Въ новой статьѣ В. Гнатюкъ печатаетъ народные тексты, записанные имъ у бойковъ (въ Мшанцѣ) о мясныхъ и рыбныхъ кушаньяхъ, хлѣбѣ, растительной и смѣшанной пищѣ; отдѣльно помѣщены свѣдѣнія о грибахъ и молочныхъ продуктахъ, напиткахъ и меню на рождество, на пасху, свадьбахъ и т. д.

Digitized by Google

Михайло Зубрицький «Пачкарство бакуну (тютюну) в горах у Галичині въ XIX ст.» (стр. 409—432) — такой же живой и очень обстоятельный этнографическій и экономическій очеркъ. Онъ основанъ на интересномъ сыромъ матеріалѣ, съ характерными бытовыми разсказами, записанными точно и великолѣпно сохраняющими мѣстный колоритъ.

Михайло Тершаковець «Причинок до студій над М. Шашкевичем» (стр. 433—445). Авторъ указываетъ на болѣе или менѣе достовѣрные и отдаленные источники «Олены» Шашкевича: «Zbiholi» и другія пѣсни Краледворской рукописи, «Каневскій замокъ» Гощинскаго, повидимому, и другія поэмы польскихъ поэтовъ украинской школы, наконецъ, нѣкоторыя народныя малорусскія пѣсни.

Сергій Єфремов «Офіціяльна російська критика на Шевченка з 1863 р.» (стр. 500—508). Авторъ знакомитъ съ отзывомъ гр. П. И. Капниста, чиновника особыхъ порученій при Головнинѣ и Валуевѣ, изъ секретнаго «Собранія матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.», напечатаннаго по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Конечно, этотъ отзывъ — курьезный канцелярскій «рапортъ», больше похожій на типичный доносъ, — и болѣе всего печально то, что оффиціальный критикъ считаетъ себя «тоже малороссомъ».

Б. Грінченко «До історії Кулішевих «Досьвіток» (стр. 509—523). Красиво и литературно написанная статья рисуетъ главнымъ образомъ отношенія Кулиша къ Шевченку, отношенія болѣе раннія, въ то время восторженныя и теплыя, — и выясняетъ психологическіе мотивы появленія «Досьвіток».

Михайло Мочульський «Олександер Козловський. Біографічно-літературний нарис» (стр. 524—537). М. Мочульскій разсказываетъ біографію рано умершаго украинскаго поэта (1876—1898), иллюстрируя ее отрывками изъ стихотвореній А. Козловскаго, его писемъ и воспоминаній о немъ друзей. Ввиду отсутствія у насъ свѣдѣній по новѣйшей украинской литературѣ на литературномъ русскомъ языкѣ, было бы желательно видѣть переводъ статьи цѣликомъ или въ видѣ подробнаго реферата. Интересно вліяніе Шевченка на Козловскаго въ юношествѣ, переходъ его отъ «москофильскаго» кружка молодежи къ украйнофильскому, отношеніе его къ полякамъ и Ивану Франку, послѣдніе ненастные дни печальнаго существованія Козловскаго и отраженіе его мыслей въ поэзіи.

Digitized by Google

Зенон Кузеля «Славянські балади на тему: хлопець перебираєть ся в жіночу одіж або каже себе занести в мішку до комнати дівчини, щоб її звести» (стр. 538—575). Изъ многочисленныхъ способовъ «побѣдъ надъ дѣвицей» въ народной литературѣ авторъ останавливается только на переодѣваніи и проникновеніи въ комнату дѣвицы въ мѣшкѣ, причемъ парнемъ въ подобныхъ случаяхъ руководитъ желаніе овладѣть неприступной дѣвушкой безъ намѣренія жениться на ней или принудить отца согласиться на бракъ. Такимъ образомъ, интересная тема значительно сужена, и изъ цѣлой массы европейскихъ средневѣковыхъ новеллъ, безъ сомнѣнія, вліявшихъ на славянскія, такіе мотивы представляются намъ какъ бы искусственно вырванными безъ достаточныхъ основаній, потому что психологія ихъ, постоянныя художественныя формы и собственныя имена—все это не стоитъ въ сторонѣ отъ всей группы народныхъ пѣсенъ «о побѣдахъ надъ дѣвицей». З. Кузеля знаетъ пѣсни чешскія и моравскія, словацкія, польскія, серболужицкія, сербскія и хорватскія, русскія изъ Угорщины и Галичины, романскія и германскія. Хорошо разработана у него популярная пѣсня о венгерскомъ королѣ Матвѣѣ Корвинѣ и дѣвицѣ Касѣ-Аннѣ; въ виду всеобщаго мнѣнія современниковъ объ этомъ королѣ, какъ человѣкѣ справедливомъ, авторъ думаетъ, что нѣкоторые мотивы пѣсни сложились тамъ, гдѣ имя короля было мало извѣстно или же уже забылось, скорѣе всего—у словаковъ (стр. 545—6), и что въ основѣ ея лежатъ любовныя отношенія Матвѣя къ силезской паннѣ Варварѣ (стр. 547—548). Наиболѣе сходны съ ней итальянскія версіи «La falsa monaca» или «Margherita», и З. Кузеля находитъ 9 общихъ эпизодовъ, которые на самомъ дѣлѣ не всѣ могутъ быть признаны за заимствованія, напр. 3, 7 и 9. На юго-славянскія пѣсни большое вліяніе оказали нѣмецкія (стр. 560—564). Жаль, что авторъ не воспользовался румынскими пѣснями. Второй мотивъ — о проникновеніи къ дѣвицѣ, обыкновенно—дочери мельника, въ мѣшкѣ—извѣстенъ лучше всего полякамъ, связанъ съ именемъ каневскаго старосты Николая Потоцкаго (XVIII в.) и обнаруживаетъ ближайшее сходство съ нѣмецкими, хотя обработка ихъ—болѣе или менѣе самостоятельна (стр. 569—575).

Др. Хв. Вовк «Кавказ і Карпати. Деякі проби етнольогічних зближень» (стр. 592—600). Авторъ не придаетъ своей статьѣ научнаго значенія и смотритъ на нее, какъ на «этнографическую фантазію», тѣмъ не менѣе, прибавимъ мы, очень занимательную. Если и прежде многіе видѣли въ Европѣ какъ бы полуостровъ Азіи—

Digitized by Google

огромной и древней по своей культурѣ, то внимательныя наблюденія надъ внѣшнимъ бытомъ гуцуловъ и бойковъ естественно обращаютъ мысль этнографа къ кавказскимъ народамъ; напр. головные уборы, котлы, мѣхи, сѣкиры, тѣльные кресты, перстни-кистени, ткани и т. д. — все это имѣетъ у отдаленныхъ другъ отъ друга горцевъ много схожихъ чертъ. Написанная поверхностно и основанная на случайномъ матеріалѣ, статья Ф. Волка можетъ послужить, пожалуй, исходнымъ пунктомъ при дальнѣйшихъ разысканіяхъ въ той же области, особенно, когда будетъ открытъ Русскій Этнографическій музей имени Александра III, гдѣ подобный матеріалъ представленъ въ огромномъ количествѣ.

Кто слѣдитъ за научно-общественной жизнью австрійскаго украинства, — тотъ при знакомствѣ со сборникомъ имени М. Грушевскаго можетъ сказать прежде всего то, что появленіе такой цѣнной и разнохарактерной книги лѣтъ около 10 тому назадъ было бы положительно немыслимо.

А. И. Яцимирскій.

Mardarie Cozianul. Lexicon slavo-românesc şi tîlcuirea numelor din 1649, publicate cu studiu, note şi indicele cuvintelor românesci de Grigorie Creţu, prof. la Liceul Mateiu Basarab. Cu mai multe (?) facsimile. Edițiuma Academiei Române. Bucuresci. 1900. Pp. XVI+396.

Изданный Гр. Крецу, преподавателемъ одного изъ букурештскихъ лицеевъ, славяно-румынскій словарь озаглавленъ въ рукописи: лεξіконъ славенорлашескын и именъ тлъкованіе. Онъ составленъ монахомъ-«писаремъ» Мардаріемъ въ валашской Козіи въ 1649 г. по образцу и на основаніи печатнаго словаря Памвы Берынды, представляетъ выдающійся интересъ для славистовъ,—и замѣтка о немъ будетъ кстати, хотя она значительно запоздала: книгу мы получили только недавно. Чтобы судить о значеніи этого лексикографическаго памятника, — приведемъ списокъ 13 извѣстныхъ до настоящаго времени славяно-румынскихъ Словарей:

1. Бѣлградскій отрывокъ XVI в. Сербск. Нар. библ. № 321. Содержитъ 66 словъ и составленъ, по всей вѣроятности, румыномъ изъ Олтеніи (Малой Вала-

Digitized by Google

xiii). Изданъ Е. Калужняцкимъ «Ueber ein Kirschenslavischen-rumänisches Vocabular» *Archiv*, XVI.

2. Блажскій отрывокъ начала XVII в. № 25, составленъ скорѣе всего въ XVI вѣкѣ и принадлежалъ извѣстному филологу Т. Ципаріу «Principiĭ de limbă», p. 14. Напечатанъ Гр. Крецу, Lexicon slavo-românesc din 1649, pp. 25—26.

3. Словарь румынскаго языка XVII вѣка библіотеки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ Москвѣ, № 240 (П. Строевъ, стр. 113). B. Hâjdeu, A. Densuşianu и G. Creţu неправильно называютъ библіотеку Археологическаго Общества: Limba română vorbită, p. 260; Istoria limbeĭ şi literatureĭ române ed. 2, p. 256; Lexicon etc., p. 39). Краткія свѣдѣнія о рукописи сообщены Gr. Tocilescu въ *Analele Academieĭ Române*. (Засѣданіе 12 августа 1869 года), и около 20 словъ попало въ Etymologicum Magnum Б. Хыждеу. А. Денсушяну приписываетъ составленіе его митр. сочавскому Досиѳею, но скорѣе, это—такая же переработка Словаря Берынды, какъ и трудъ Мардарія.

4. «Словарь словено-молдавскій» XVII вѣка Императорской Публичной библіотеки, Толстовскаго собранія № 74 (Калайдовичъ и Строевъ, стр. 265). Б. Хыждеу думаетъ, что рукопись находится въ Москвѣ, а словарь составленъ около 1695 года (ibid., pp. 260—261), А. Денсушяну—что если предыдущій Словарь составленъ митр. Досиѳеемъ, то настоящій — Николаемъ Милеску Спаѳаріемъ (ib., p. 256 notă). По мнѣнію І. Богдана, онъ составленъ въ Валахіи по образцу лексикона Лаврентія Зизанія («Convorbire Literare» XXV, 193—204). Но достаточныхъ основаній для всѣхъ этихъ предположеній не имѣется.

5. Румыно-славянскій словарь первой половины XVII вѣка, бывшаго собр. Д. А. Стурдзы, теперь Румынской Академіи. Словарь составленъ въ Валахіи. Примѣры изъ него у B. Hâjdeŭ, «Limba română», pp. 267—312. Ср. Analele Academieĭ Române, vol. XI, p. 71. Б. Хыждеу сначала относилъ его ко времени около 1620 г., затѣмъ—1600 г.; оба опредѣленія произвольны.

6. Славяно-румынскій словарь монаха мон-ря Козіи Мардарія, составленный въ 1649 году. Настоящая замѣтка посвящена разбору его изданія.

7. Славяно-румынскій словарь Букур. Націон. музея древн., составленъ какимъ-то Михаиломъ въ Валахіи, или же только принадлежалъ ему, въ 1672 году. Краткія свѣдѣнія о рукописи у Г. Крецу (40—46).

8. Славяно-румынскій Словарь, написанный Михаиломъ логоѳетомъ въ Тырговищѣ въ 1678 году. Рукопись Константинопольскаго подворья св. Гроба. Упоминается румынскимъ еписк. Аѳанасіемъ Миронеску («Biserică ortodoxă română», XIII, 523) и проф. И. С. Пальмовымъ («Отчетъ о поѣздкѣ въ Болгарію», *Христіанское Чтеніе*, 1889 г., ч. II, стр. 189), но выписки изъ него никѣмъ пока не напечатаны.

9. Быстричскій отрывокъ Букур. Націон. музея древн., написанъ около 1700 года. Отрывки напечатаны у Gaster'a («Chrestomatia», vol. I, XCVIII) и Creţu (Lexicon, 51).

10. Славяно-румынскій Словарь, скорѣе только принадлежалъ іеродьякону Букурештской митрополіи Мисаилу въ 1741 году, а не составленъ или переписанъ имъ въ указанномъ году, какъ думаютъ румынскіе филологи. Рукопись принадлежитъ Г. Теодореску и описана въ упомянутой работѣ Г. Крецу стр. 51—55).

11. Пъкурарюлъ саѹ леѯиконоуль пъкѹрарюлуй славо-рымънескъ, рукопись 1778 года Центральной Библіотеки въ Букурештѣ, № 5. Словарь состав-

Digitized by Google

ленъ іером. Макаріемъ (B. Hâjdeŭ, «Limba română vorbită», p. 260). Судя по выпискамъ изъ него, напечатаннымъ въ Etymologicum Magnum, Макарій «вводитъ и новые славянскіе языки» (Creţu, 56).

12. Румыно-славянскій Словарь средины XIX вѣка Ново-Нямецкаго монастыря въ Бессарабіи № 30, составленъ архим. Андроникомъ предъ удаленіемъ его въ Россіи—автографъ составителя. Въ концѣ приложено нѣсколько фразъ на румынскомъ языкѣ съ переводомъ ихъ на малорусскій языкъ буковинскихъ русскихъ. А. И. Яцимирскій, *Древности Слав. Комм. Моск. Археол. Общества*, т. II, 2, стр. 105.

13. Латино-греко-славяно-румынскій словарь XVII—XVIII в. Бодлеянской библіотеки въ Оксфордѣ (Marsch, № 187). Рукопись извѣстна Гр. Крецу, и отрывки изъ нея будутъ изданы въ продолженіи статьи П. Сырку о слав. рукописяхъ Бодлеянской библіотеки въ настоящихъ «Извѣстіяхъ».

Такимъ образомъ, Словарь Мардарія является наиболѣе старымъ и полнымъ (всѣхъ словъ—4.575) изъ славяно-валашскихъ лексикографическихъ трудовъ XVII—XVIII вв. Изданію его предпосылается обширное введеніе: исторія изданія Словаря, необыкновенно подробное и довольно неумѣлое описаніе рукописи, экскурсъ о Памвѣ Берындѣ (14—22), обзоръ предшествующихъ и позднихъ словарей подобнаго типа (22—57), славянскій элементъ въ словарѣ Мардарія (57—68) и румынскій элементъ въ немъ же (68—96). Для вопроса о молдавскомъ происхожденіи самого Берынды, какъ думаетъ Гр. Крецу, имѣетъ значеніе передача въ печатномъ изданіи 1627 года трехъ словъ криптографіей особаго вида (въ концѣ приложено факсимиле): блꙋдилище—замтꙋзь (а не зъмтꙋзь), блꙋдникъ—кꙋрварь, блꙋдница—кꙋрва, (а не кꙋрвъ), хотя первое слово существуетъ въ старинномъ польскомъ языкѣ (zantuz, santuz—«публичный домъ»), а вторыя два—въ мало- и бѣло-русскомъ, почему извѣстная скромность Берынды въ словарѣ, предназначавшемся также и для школъ, вполнѣ понятна. Попытка же г. Крецу румынизировать эти формы не оправдывается снимками.

Какъ палеографическій и лингвистическій трудъ, изданіе Гр. Крецу ненаучно и обнаруживаетъ полное незнакомство его ни съ средне-болгарской графикой, ни съ русской діалектологіей. Онъ сравниваетъ славянскія написанія средины XVII в. не болѣе и не менѣе, какъ съ типичными книжными написаніями эпохи памятниковъ, притомъ—преимущественно т. н. паннонской редакціи, почему получаются курьезы. Буква а замѣняетъ у Мардарія, по г. Крецу, цѣлый рядъ звуковъ, которые должны были передаваться посредствомъ разныхъ сочетаній,—и издатель дѣлаетъ «поправки», которыя только затемняютъ дѣло: равень земнаа вм. земнаѧ, никнꙋща

Digitized by Google

о себѣ нива вм. никнꙋщаа; непостоанныи вм. непостоѧнныи, шатанїе вм. шѧтанїе, оузракь вм. оузрокъ, свекра вм. свекры, смоква вм. смокы, извааю вм. изваꙗю, сїанїе вм. сиꙗнїе, постоанно вм. постоꙗнно, ѡдѣанїе вм. ѡдѣꙗнїе, цата вм. цѧта, ꙋчастїе вм. ꙋчѧстїе, биша сѧ вм. бишѧ сѧ, нещадно вм. нещѧдно (стр. 58). Изъ приведенныхъ примѣровъ на одну только первую букву ни одинъ не имѣетъ хотя бы небольшого значенія,—и намъ кажется, Румынская Академія напрасно поручила изданіе такого интереснаго и притомъ важнаго памятника малосвѣдущему лицу или же не отдала изданіе для редактированія спеціалисту. Остальныхъ примѣровъ мы не будемъ приводить; укажемъ только наиболѣе характерные. Типичную русскую форму собѣ издатель исправляетъ на себѣ. Между прочимъ, Гр. Крецу совсѣмъ не признаетъ проясненія и исчезновенія глухихъ въ издаваемомъ памятникѣ XVII в. и старательно «исправляетъ» е и о на ь и ъ, вставляетъ глухіе въ такихъ формахъ, какъ мѣст. мънѣ, лъжа, предл. съ, въ, глаг. мьню и т. д.; не знаетъ онъ ни болгаро-сербскаго произношенія ѧ, какъ е, ни русской замѣны ѣ—е, ѫ—ꙋ, ю и т. д. Много напраснаго труда тратитъ онъ на подобныя же «исправленія» ы вм. и и обратно; въ глоссахъ у Мардарія и Памвы непор*о*чное и непор*е*ченное видитъ не разныя слова, а замѣну *е* чрезъ *о* (стр. 184); въ русскомъ произношеніи ш*о*лкъ—ошибку вм. ш*е*лкъ (293). Никакого значенія, конечно, не имѣютъ примѣры на о вмѣсто (!) ѡ и обратно. Полное незнакомство издателя съ славянскими языками обнаруживается въ его «открытіи», что Мардарій произносилъ ѫ какъ ꙋ и безъ носоваго пазвука (стр. 61); а все, сказанное имъ о юсахъ и ихъ мнимыхъ замѣнахъ, положительно недопустимо въ академическомъ изданіи нашего времени, напр. онъ ожидалъ тысѫщникъ вм. тисѧщникь (256), смѣшиваетъ 3 л. ед. съ множ. несеть вм. несѫть (186) и т. д. О согласныхъ онъ имѣетъ еще болѣе смутное представленіе: жд—ж, шт—ч, лъ—ол, ръ—ер, ор и т. д. — все это приводитъ г. Крецу въ недоумѣніе и вызываетъ «исправленія» по словарю Миклошича, въ то время какъ книжная графика слав.-рум. рукописей половины XVII вѣка подчиняется совершенно особымъ правиламъ.

Нисколько не лучше его редакціонныя замѣчанія о значеніи словъ, напр. его недоумѣніе по поводу перевода амвѡнь — скаꙋн де повѣсте (102) объясняется польско-малор. казаніе (ср. сказаніе)—

Digitized by Google

«проповѣдь»; при безѹспѣшныи—чел фѫр спорю (?) де нетрѣбѫ (101) вмѣсто вопросительнаго знака нужно поставить запятую, такъ какъ вторая часть—объясненіе, а не продолженіе; благонарочит—де бѹнь нѣмь (110) хорошій переводъ и напрасно возбуждаетъ недоумѣніе у издателя; борба—мейдѣнь (112) также хорошая передача, очевидно, неизвѣстнымъ г. Крецу тур.-болг.-малор. терминомъ; былїе—лекѹире (113), возраженїе—ѧпротивире (120), вънегда—ѧтр ачел час (121), плъть, тѣло—трѹпь (126), газофилакїа—вистїерїе де васе (130), жито—хранѫ (141), законникъ—кълѹгер т. е. монахъ (144), заутра—деменѣца (145), нечестивь—пѫгѫн (187), т. е. язычникъ, сласть—похтїре (235) ср. сластолюбіе, похоть, ѡблагаю—ѡсиндескь (280), т. е. осуждаю (съ носовымъ произношеніемъ), и т. д.—соотвѣтствуютъ славянскимъ словамъ по значенію. Кромѣ того, издатель не знаетъ стариннаго рум. языка, напр. юридическаго термина сорок (131)—срокъ для исполненія судебнаго рѣшенія, дѹхь—парѫ (134), оуставы—токмири (137) отъ тъкмити, исселникь—робь (154), т. е. переселенный, коментарїй—скрїиторю, лѡгофет (163), т. е. писецъ, секретарь, толкователь [1]), клеврѣть—вечин, прїѧтинь (158), ср. подрѹгь—соцїе вечинь (199), срацини—тѹрчїи, скѵди [2]), тѫтарии (239) ср. скѵдїа—цара тѫтѫраскѫ (253), т. е. земля татарская, и мн. др. Встрѣчаются и опечатки, междѹ мечаши вм. мечами (170), небо вм. не бо (181), прѣчеста вм. прѣ честа (232) и др.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, объясняемыхъ только излишней ревностью малоопытнаго издателя, напечатанный имъ текстъ очень важенъ и интерессенъ не только какъ матеріалъ для опредѣленія славянскихъ заимствованій въ румынскомъ языкѣ, но и для славянской семасіологіи—мало пока разработанномъ отдѣлѣ старой лингвистической культуры. На ряду съ обычными словами попадаются рѣдкія и съ своеобразными толкованіями. Цѣнны также славянскія слова съ носовыми.

А. И. Яцимирскій.

---

1) Въ молдавскихъ грамотахъ обычны подписи: логоѳетъ такой-то оучилъ или рум. ѧвъцат, т. е. объяснилъ, истолковалъ, диктовалъ грамоту.

2) Въ слав.-рум. лѣтописяхъ скѵдь—обычное названіе восточныхъ народовъ вообще.

Digitized by Google

Iózef Kallenbach, Czasy i ludzie. Warszawa. Nakład Gebethnera u Wolffa. 1905. Str. II+399.

Собранные въ небольшомъ томикѣ статьи и очерки проф. І. Каллейбаха раньше были напечатаны въ журналахъ. По словамъ автора, «говоря о разныхъ временахъ и людяхъ,—они имѣютъ тѣмъ не менѣе общій обликъ, который позволяетъ помѣстить ихъ въ одномъ сборникѣ. Всѣ эти изслѣдованія (?), размѣрами побольше и поменьше, имѣютъ цѣлью выяснить тѣ или иныя подробности изъ исторіи польской мысли и польскаго просвѣщенія». Конечно, по поводу указываемой І. Калленбахомъ стройности можно спорить, но дѣло не въ томъ, такъ какъ и взятыя каждая въ отдѣльности, статьи его заслуживаютъ отдѣльнаго изданія. «Kraj lat dziecinnych» (3—32) переноситъ насъ въ Новогрудокъ и его окрестности, гдѣ все полно воспоминаній о молодыхъ годахъ Мицкевича — развалины замка, костелы и монастыри, домъ Николая Мицкевича, доминиканская школа, образъ Марыни и т. д. Затѣмъ, идетъ рѣчь о времени ученія поэта въ учительской семинаріи, приводятся выписки изъ журналовъ съ отмѣтками и замѣчаніями преподавателей. Переходя къ періоду учительства Мицкевича, авторъ рисуетъ ту обстановку, которая впослѣдствіи невольно отразилась во многихъ произведеніяхъ, особенно въ «Панѣ Тадеушѣ». Слѣдующая большая статья «Kuratorya Wileńska. 1803—1823» (35—86),—интереснѣйшая страница изъ исторіи просвѣщенія на Литвѣ и составляетъ дополненіе къ исторіи виленскаго университета, кременецкаго лицея и бѣлорусскихъ народныхъ школъ. Статья основана на сырыхъ матерьялахъ; приводятся выдержки изъ оффиціальныхъ документовъ, писемъ и воспоминаній бывшихъ воспитанниковъ университета, рисующихъ ту обстановку, которая вызвала къ жизни извѣстные изъ біографіи Мицкевича студенческіе кружки. Въ центрѣ статьи — симпатичная фигура Адама Чарторыскаго. «Tło obrzędowe «Dziadów». Studyum porównawcze» (89—133) — очеркъ этнографическаго характера и интересенъ не только для выясненія источниковъ одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній Мицкевича; жаль, что авторъ углубляется больше въ античный міръ, находя тамъ парал-

Digitized by Google

лели и объясненія обрядамъ, связаннымъ съ культомъ предковъ, и рѣдко обращается къ литовской и бѣлорусской этнографіи, которая въ данномъ случаѣ была бы болѣе кстати. «Wieczory w Neuilly» (137—149), «O malarstwie religijnem» (153—171—забытая статья Мицкевича на франц. языкѣ 1835 г.) и «Słuchacz Mickiewicza» (175—181) тѣсно примыкаютъ къ перечисленнымъ раньше. «Z młodych lat Zygmunta Krasińkiego. Studyum psichologiczne» (185—240) написана такъ красиво и тепло, что знакомство съ ней въ переводѣ, цѣликомъ или въ толковыхъ извлеченіяхъ, могло бы быть интересно у насъ не для одной широкой публики, потому что литература о Красинскомъ на русскомъ языкѣ необыкновенно бѣдна, а его «Небожественная комедія» до послѣдняго времени находилась подъ запрещеніемъ. Особенно интересно все, что̀ относится къ вліянію на настроеніе автора «Иридіона» событій 1831 года. Вторая изъ двухъ юбилейныхъ статей — «Teofilowi Lenartowiczowi» (249—266), «Antoni Małecki» «269—337) — значительно переработана и дополнена новыми матерьялами противъ перваго изданія ея, а «Мазовецкій лирникъ» обрисованъ рельефно и сильно. Наконецъ, въ сборникъ вошла библіографическая замѣтка «Kalendarz króla Iana III z roku 1683» (341—358) и воспоминанія автора о «British Muzeum» (361—393), рисующія порядки въ Музеѣ и знакомящія съ хранящимися въ немъ польскими памятниками. Въ концѣ сборника—указатель.

Цѣнность сборника, намъ кажется, заключается прежде всего въ соединеніи научности съ доступностью и довольно выдержаннаго въ общемъ академическаго тона съ нѣкоторой литературностью. Это наводитъ на ту мысль, которая насъ лично занимаетъ съ давнихъ поръ. У насъ очень немногіе ученые-филологи имѣютъ въ виду широкій кругъ читателей и, съ этой именно точки зрѣнія, дѣлятся на двѣ рѣзко разграниченныя группы. Одна разрабатываетъ научные вопросы ради послѣднихъ, печатаетъ въ самомъ неудобочитаемомъ видѣ и притомъ цѣликомъ всю кабинетную работу, интересную лишь какъ матерьялъ для провѣрки выводовъ или для полемики. За цифрами, номерами рукописей, сравнительными таблицами списковъ, разноязычными цитатами, параллельными изданіями отрывковъ текста и т. д., для непосвященныхъ не видно живой мысли, — и «вкладъ въ науку» обреченъ на почетное мѣсто въ библіотекѣ... Другая группа, наоборотъ, смотритъ на свои курсы и печатныя работы, какъ на пищу для большой аудиторіи, раздвинувшей свои рамки далеко за предѣлы университетовъ или серьезныхъ

Digitized by Google

библіотекъ. Они даютъ много для общества, но научное достоинство ихъ слабо. Хорошіе популяризаторы и занимательные журналисты, они—плохіе или посредственные изслѣдователи; первоисточники всегда пугаютъ ихъ, и въ общемъ они приближаются къ тому, что̀ принято называть «паразитами учености». У насъ мало, повторяемъ такихъ филологовъ, которые соединяли бы оба качества, какъ проф. Іосифъ Калленбахъ, который даетъ нѣчто новое, и котораго можно читать.

А. И. Яцимирскій.

Józef Tretiak. Mickiewicz i Puszkin. Studya i szkice (z 2-ma portretami). Warszawa. 1906. Стр. 334.

Профессоръ краковскаго университета по каѳедрѣ малорусской словесности, академикъ Третякъ принадлежитъ къ выдающимся польскимъ критикамъ, и каждый его новый трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу. Кромѣ монографій о Мицкевичѣ и о Словацкомъ, онъ издалъ два тома «Литературныхъ очерковъ», куда вошли нѣкоторыя его изслѣдованія, печатавшіяся въ повременныхъ изданіяхъ. Шесть очерковъ изъ числа не вошедшихъ въ эти сборники и составили книгу о Мицкевичѣ и Пушкинѣ.

На первомъ мѣстѣ въ ней помѣщенъ очеркъ, небольшой по размѣру, но важный по достигнутому результату, написанный двадцать лѣтъ тому назадъ и тогда же напечатанный въ «Памятникѣ Общества имени А. Мицкевича» («Pamiętnik Towarz. im. A. Mickiewicza»). Въ этомъ очеркѣ произведенъ анализъ и выяснена идея поэмы «Конрадъ Валленродъ». По первоначальному плану Мицкевичъ хотѣлъ дать въ ней идеалъ человѣка, который мститъ за обиды, наносимыя его народу, человѣка, вся жизнь котораго — одно неимовѣрное усиліе, одинъ безпрестанный обманъ, одна безконечная жертва. Поэта плѣнило не средство, ведущее къ мести, и не самая месть, но «та глубина патріотическаго чувства, которое не поколебалось употребить это страшное средство, коль скоро оно показалось ему единственнымъ». Эта глубина патріотическаго чувства и сила характера магнетически привлекли къ себѣ сердце и фантазію поэта. На сумрачномъ фонѣ исторіи Литвы Валленродъ явился ему во

Digitized by Google

всемъ блескѣ идеальнаго патріота, который отравляетъ всю свою жизнь, чтобы доставить минуту торжества своей родинѣ» (стр. 14). Но Мицкевичъ не остался вѣренъ этой идеѣ, — и Валленродъ изъ героя, охваченнаго однимъ страстнымъ желаніемъ достигнуть намѣченной цѣли, превращается въ нетвердаго, нервнаго человѣка, поддающагося минутнымъ впечатлѣніямъ. Такой человѣкъ не способенъ на подвигъ Самсона. И дѣйствительно мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ Валленродъ становится орудіемъ въ рукахъ Гальбана, который съ задняго фона дѣйствія скоро выступаетъ на передній. Его вліяніе на Валленрода символизируетъ могущество патріотической поэзіи, а самопожертвованіе Валленрода является плодомъ ея усилій. Самыя вдохновенныя мѣста въ поэмѣ — именно тѣ, въ которыхъ проявляется эта главная идея. Въ нихъ таился источникъ неотразимаго впечатлѣнія, какое «Конрадъ Валленродъ» производилъ на читателя. Каждый инстинктивно чувствовалъ эту идею; читая поэму, каждый въ продолженіе по крайней мѣрѣ минуты жилъ жизнью Валленрода, — и чѣмъ этотъ процессъ, происходящій въ душѣ отзывчиваго читателя, былъ безсознательнѣе, тѣмъ доставляемое имъ удовольствіе было больше.

Затѣмъ въ книгѣ слѣдуетъ небольшой, всего на нѣсколькихъ страницахъ, очеркъ, перепечатанный изъ газеты «Czas» (1892 г.). Авторъ разсмотрѣлъ въ немъ историческій фонъ «Пана Тадеуша», т. е. указалъ на всѣ тѣ факты изъ исторіи Польши, о которыхъ Мицкевичъ говоритъ или намекаетъ въ своемъ неподражаемомъ шедеврѣ. А онъ намекаетъ почти на всѣ важнѣйшіе факты изъ польской исторіи на пространствѣ четырехъ столѣтій. Притомъ слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ эти факты размѣщены по строгому закону перспективы: чѣмъ фактъ ближе по времени, тѣмъ онъ выступаетъ рельефнѣе. Интересно, что, дойдя въ своихъ воспоминаніяхъ до соединенія Литвы съ Польшей, поэтъ обращается въ сторону языческой Литвы, а не Пястовской Польши. Эта спеціально литовская закваска поэмы — убѣдительнѣе другихъ доказательствъ, что «Панъ Тадеушъ» «составляетъ продуктъ литовско-русскаго элемента, женившагося на польской цивилизаціи. Это — великолѣпнѣйшій плодъ уніи Литвы съ Польшей» (стр. 54).

Въ 1899 г. въ газетѣ «Czas» и въ журналѣ «Przegląd polski» проф. Третякъ писалъ о молодости Пушкина («Młodość Puszkina») и объ его борьбѣ съ господствовавшей тогда «системой» («Puszkin i Rosya»). Обѣ статьи вошли и въ настоящую книгу. Первая изъ нихъ представляетъ біографію Пушкина въ связи съ разборомъ его сочи-

Digitized by Google

неній, доведенную до 1826 г. Для польскаго читателя она интересна, но русскому она не даетъ ничего новаго. Къ тому же 1899 г. относится обширное изслѣдованіе о байронизмѣ Мицкевича и Пушкина («Mickiewicz i Puszkin jako bajroniści»). Оно перепечатано изъ журнала «Przegląd powszechny». Разсмотрѣвъ по очереди вліяніе Байрона на обоихъ поэтовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что сила этого вліянія была почти одинакова, но его результаты оказались разными. Пушкинъ откликнулся главнымъ образомъ на байроновскій донжуанизмъ, т. е. «чувственность на фонѣ пресыщенія, презрѣнія къ людямъ и сознанія своего превосходства» (стр. 182). Плодомъ этого настроенія былъ «Онѣгинъ». Байроновское уныніе тоже звучитъ у русскаго поэта во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ и въ нѣкоторыхъ поэмахъ, но громче всего — въ «Цыганахъ». Третій основной мотивъ байроновской поэзіи — героизмъ — остался для Пушкина почти чуждымъ.

У Мицкевича мы не находимъ слѣдовъ донжуанизма; байроновское уныніе проявилось у него почти исключительно въ выборѣ стихотвореній для перевода. За то героизмъ воплотился во многихъ поэтическихъ созданіяхъ, какъ напр., въ «Валленродѣ», въ «Фарысѣ», въ Конрадѣ изъ «Дзядовъ» и въ Робакѣ изъ «Пана Тадеуша». Итакъ, байроновская поэзія заставила звучать въ душахъ обоихъ поэтовъ совершенно разныя струны, и это — лучшее доказательство, что эти души были настроены на разные лады. Несмотря на это, оба поэта питали другъ къ другу глубокую симпатію. Источникъ этой симпатіи проф. Третякъ видитъ въ личномъ знакомствѣ обоихъ поэтовъ, которое дало каждому изъ нихъ возможность хорошо узнать другого, проникнуть въ глубину его души, окрыленной искренней поэзіей и стремящейся вырваться изъ торжища будничныхъ запросовъ и интересовъ.

Центральное мѣсто въ разбираемой книгѣ занимаетъ изслѣдованіе (перепечатанное изъ повр. изданія «Pamiętnik Wydziału filozoficzno-historycznego Akad. Umiej». Томъ VII. 1889), — о слѣдахъ вліянія Мицкевича на Пушкина («Slady wpływu Mickiewicza w poezyi Puszkina»). Познакомиться съ этой работой интересно еще въ виду того, что нельзя согласиться со всѣми высказанными въ ней положеніями.

Польскіе біографы и критики неоднократно затрагивали вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ величайшихъ поэтовъ славянскаго міра, но до сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не подвергъ этихъ отношеній надлежащему, обстоятельному анализу, несмотря на то, что

Digitized by Google

этотъ завлекательно-интересный и глубоко-поучительный предметъ прямо-таки напрашивался на научную разработку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заинтересовался имъ В. Д. Спасовичъ [1]), но онъ, съ одной стороны сузилъ тему, съ другой — не всегда обставилъ свои конечные выводы вполнѣ убѣдительными доказательствами. Послѣднее обстоятельство побудило автора книги изучить вопросъ и самому попытаться разрѣшить его.

Какъ извѣстно, Пушкинъ познакомился съ Мицкевичемъ осенью 1826 г. Въ мартѣ слѣдующаго года Мицкевичъ писалъ другу своему Одыньцу: «Я знакомъ съ нимъ (съ Пушкинымъ), и мы часто встрѣчаемся. Пушкинъ почти въ моемъ возрастѣ (онъ двумя мѣсяцами моложе), онъ остроумный и увлекательный собесѣдникъ. Онъ читалъ много и хорошо знаетъ новую литературу. Его взглядъ на поэзію—чистъ и возвышенъ». По свидѣтельству Ксенофонта Полевого, Мицкевичъ производилъ въ Москвѣ на всѣхъ громадное впечатлѣніе. О впечатлѣніи, произведенномъ имъ на Пушкина, мы можемъ судить только по стихотворенію «Мицкевичъ». Припомнимъ слѣдующія строки:

...«Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта»...

Это признаніе не противорѣчитъ словамъ Одыньца, въ которыхъ описывается потрясающее впечатлѣніе, полученное Пушкинымъ отъ встрѣчи съ Мицкевичемъ, — и мы склонны вѣрить, что русскій поэтъ искренно признавалъ надъ собою превосходство польскаго. «Было ли на самомъ дѣлѣ это превосходство, и въ чемъ оно состояло?» — спрашиваетъ краковскій профессоръ и отвѣчаетъ такъ: «Какъ художники, они оба стояли на высотѣ, исключающей возможность сравненій. Они оба были превосходные мастера, у обоихъ слово являлось полнымъ, ядреным и прекраснымъ воплощеніемъ мысли. По образованію они тоже были равны другъ другу. Но раз-

1) «Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго». «Сочиненія». Т. II, стр. 225—290.

Digitized by Google

ница скрывалась въ темпераментахъ и въ воспитаніи, т.-е. въ той суммѣ, которая называется характеромъ. Мицкевичъ былъ одаренъ сильнымъ темпераментомъ, т. е. такимъ, который всегда сможетъ подчинить одни впечатлѣнія и понятія другимъ... Не много было людей съ такимъ цѣльнымъ характеромъ, какъ Мицкевичъ... Этой цѣльности недоставало характеру Пушкина... В. Д. Спасовичъ прекрасно и мѣтко сравнилъ его съ морской волной, вѣчно подвижной и измѣняющей окраску въ зависимости отъ времени дня. И Пушкинская душа была способна подниматься къ высокимъ идеямъ и обнимать ихъ, но она не умѣла до глубины проникнуться ими и подчиниться имъ навсегда. Эти идеи не запускали глубоко корней въ сердце Пушкина, не становились его религіей прежде всего потому, что въ сердцѣ поэта не расцвѣла религіозность, которая могла бы питать и освящать ихъ; во-вторыхъ, потому, что было необыкновенно трудно обуздать силу страстей, волнующую эту морскую волну. Итакъ, въ душѣ Пушкина былъ разладъ, и хотя, благодаря живости разнородныхъ страстей, Пушкинъ легко мирился съ жизнью, затиралъ и заглушалъ надолго этотъ разладъ, все-таки иной разъ онъ проявлялся со всей силой, когда, подъ вліяніемъ какого-нибудь болѣе сильнаго впечатлѣнія, идеалы молодости получали первоначальную свѣжую и чистую окраску. Знакомство съ Мицкевичемъ освѣжало въ душѣ Пушкина все то, что въ ней было самаго благороднаго, и легко могло вызвать въ ней этотъ разладъ. Въ гармоническомъ настроеніи души Мицкевича онъ видѣлъ его превосходство надъ собою, видѣлъ, какимъ онъ долженъ быть, но какимъ быть не могъ. Правда, въ его добромъ сердцѣ гордость и зависть не находили мѣста..., тѣмъ не менѣе, сознаніе немощи собственнаго характера, вызываемое этимъ сравненіемъ, могло свинцомъ ложиться на его сердце» (стр. 215, 216 и 217).

Этимъ «сознаніемъ немощи собственнаго характера» авторъ главнымъ образомъ и объясняетъ мрачное и апатичное, по свидѣтельству А. П. Кернъ, настроеніе Пушкина зимою 1828 г., отразившееся въ стихотвореніяхъ: «Предчувствіе», «Воспоминаніе» и «26 мая 1828». Съ этимъ можно согласиться. Равнымъ образомъ мы готовы раздѣлить мнѣніе автора, что въ «Галубѣ» и въ нѣсколькихъ строкахъ «Путешествія въ Арзерумъ», въ которыхъ Пушкинъ совѣтуетъ проповѣдовать на Кавказѣ евангеліе, «слышится отголосокъ теоріи Мицкевича о грядущемъ братствѣ народовъ» (стр. 231), хотя и сомнѣваемся, была ли въ духѣ теоріи пѣвца Валленрода та конечная цѣль, съ которой рекомендовалась проповѣдь евангелія. Вѣдь почти

Digitized by Google

рядомъ съ нимъ, хотя и ниже, поставленъ самоваръ, какъ средство, благопріятствующее *укрощенію* горцевъ, и высказана надежда, что «пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, *принудитъ* ихъ съ нами сблизиться». Намъ думается, что за этими словами скрывается скорѣе завоевательный аппетитъ, чѣмъ миссіонерское рвеніе. Но все-таки *средство* здѣсь избрано вполнѣ гуманное, возможно даже, что оно избрано подъ впечатлѣніемъ теоріи Мицкевича.

Гораздо труднѣе согласиться съ почтеннымъ профессоромъ, когда онъ объясняетъ возникновеніе «Полтавы» слѣдующимъ образомъ: «Я догадываюсь, что фантазія Пушкина, затронутая байроновскимъ настроеніемъ и рембрандтовскимъ освѣщеніемъ Валленрода, искала похожаго лица въ исторіи Россіи и нашла его въ Мазепѣ» (стр. 224). Но исторія возникновенія «Полтавы» представляется намъ совсѣмъ иначе. Мы знаемъ, что, прочитавъ въ поэмѣ Рылѣева «Войнаровскій» строки:

Онъ (Мазепа) часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь..., —

Пушкинъ «изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства». Изумленіе, конечно, легко могло вызвать желаніе самому разработать эту интересную тему. Но Пушкинъ не могъ приняться за нее немедленно. Въ это время [1]) онъ работалъ надъ «Борисомъ Годуновымъ». Когда же «Годуновъ» былъ конченъ, настало 14 декабря, явились хлопоты о снятіи опалы, послѣдовалъ переѣздъ въ Москву, стала слагаться «свободная хвала» тому, кто подалъ поэту «царственную руку», — и только осенью 1828 г. давно задуманная поэма вылилась въ художественные образы.

Въ черновыхъ бумагахъ Пушкина были найдены списки стихотвореній Мицкевича: «Oleszkiewicz», «Pomnik Piotra Wielkiego» и «Do przyjaciół Moskali». Въ послѣднемъ изъ нихъ, вспоминая своихъ московскихъ знакомыхъ, польскій поэтъ говоритъ:

Быть можетъ, не одинъ клейму подставилъ лобъ
И честь свою попралъ, на службу отдалъ волю

1) Отдѣльное изданіе «Войнаровскаго» появилось въ мартѣ 1825 г. Тогда же (20 дня) Рылѣевъ писалъ Пушкину: «Думаю, что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго».

Digitized by Google

И бьетъ у царскихъ ногъ поклоны, какъ холопъ.
И, братьевъ оскорбивъ насмѣшливымъ упрекомъ,
Слагаемъ гимнъ побѣдъ продажнымъ языкомъ...

(Переводъ Тана).

Имѣлъ ли Мицкевичъ кого-нибудь въ виду, переливая въ эти слова «всю горечь скорбной чаши?»

До самаго недавняго времени польская критика отвѣчала на этотъ вопросъ утвердительно и указывала на авторовъ извѣстнаго оффиціально-патріотическаго сборника — Пушкина и Жуковскаго. Но въ 1898 г. былъ изданъ первоначальный автографъ [1]) «Do przyjaciół Moskali», и тогда оказалось, что это былъ ошибочный отвѣтъ, такъ какъ Мицкевичъ писалъ свое стихотвореніе въ 1830 г., слѣдовательно, до выхода въ свѣтъ упомянутаго сборника. Пушкинъ, конечно, не могъ знать объ этомъ, и онъ не сомнѣвался, что горькій упрекъ въ измѣнѣ идеаламъ молодости былъ направленъ по его адресу. Въ другомъ мѣстѣ («Pomnik Piotra Wielkiego») онъ нашелъ уже прямое указаніе на эти идеалы. Отвѣчая на самые ничтожные нападки, Пушкинъ никоимъ образомъ не могъ пройти молчаніемъ подобнаго укора. Нельзя было не отвѣтить, а между тѣмъ отвѣтъ былъ далеко не легокъ. Разумѣется, можно было составить его по образцу «Клеветниковъ Россіи», даже представлялся удобный случай заслужить царское благоволеніе, но, по вполнѣ справедливому замѣчанію проф. Третяка, Пушкинъ обладалъ «слишкомъ искреннею и благородною душою для того, чтобы удовлетвориться отвѣтомъ, который для него самого звучалъ бы фальшью. Нѣтъ, онъ хотѣлъ высказать всю работу чувствъ и мыслей, вызванныхъ потрясающимъ ударомъ, и въ этомъ найти отраду для сердца и отвѣтъ для великаго противника» (Стр. 264).

Осуществилъ ли поэтъ свое желаніе? Мы знаемъ, что, слѣдуя совѣту друзей, Пушкинъ собирался тогда продолжать «Онѣгина». Само собою разумѣется, что въ «новомъ» Онѣгинѣ должно было отразиться и новое настроеніе поэта, вызванное главнымъ образомъ оскорбленной «дворянской спесью». Но послѣ того, какъ Пушкинъ познакомился съ упомянутымъ стихотвореніемъ Мицкевича, его творческая мысль пошла по другому направленію, и то, что было главнымъ, сдѣлалось второстепеннымъ. Проф. Третякъ удачно вос-

1) Pamiętnik Tow. lit. im. Adama Mickiewicza. Rocznik szósty. Lwów, 1898.

Digitized by Google

производитъ этотъ внутренній процессъ переработки сюжета. «Наступило, — говоритъ онъ, — странное движеніе фантазіи. Картины, вызванныя стихами Мицкевича, соединялись, смѣшивались, проникали другъ друга. Двѣ изъ нихъ выступали всего рельефнѣе: памятникъ Петра Великаго и наводненіе. Первая картина была вызвана произведеніемъ, которое живѣйшимъ образомъ шевелило воспоминаніе о личномъ, дружескомъ отношеніи Пушкина къ Мицкевичу, и нѣкоторымъ образомъ обременяло Пушкина общими съ Мицкевичемъ взглядами на государственную идею Россіи. Вторая болѣе всего говорила воображенію поэта, благодаря своей живописности. Кромѣ того, я думаю, что Пушкинъ нашелъ у Мицкевича, въ его описаніи наводненія, или точнѣе дня, предшествующаго наводненію, мысль, которая особливо привлекла къ себѣ его вниманіе и сдѣлалась одной изъ зачаточныхъ мыслей «Мѣднаго Всадника». Эта мысль заключена въ стихахъ:

Ci w nizkich domkach nikczemni poddani
Naprzód za niego będą ukarani;
Bo piorun w martwe gdy bije żywioły,
Zaczyna z wierzchu, od góry i wieży,
Lecz między ludźmi naprzód bije w doły,
Y najmniej winnych najpierwej uderzy... [1]).

Эти двѣ картины слились, и вокругъ нихъ сгруппировался новый замыселъ, который впиталъ въ себя изъ прежнихъ плановъ все, что могъ. Такимъ образомъ возникъ «Мѣдный Всадникъ». (Стр. 267 и 268). Его идею нужно искать въ кульминаціонной точкѣ поэмы, когда Евгеній

...Мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ —
И, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнулъ... злобно задрожавъ:
«Ужо тебѣ»!..

---

1) «Эти въ низкихъ домикахъ ничтожные подданные
Прежде всего за него будутъ наказаны;
Потому что, когда громъ ударяетъ въ мертвыя стихіи,
Онъ начинаетъ сверху, съ горы и съ башни.
Но среди людей онъ прежде всего ударяетъ въ низины
И самыхъ невинныхъ раньше всѣхъ поразитъ...».

Digitized by Google

По свидѣтельству кн. Вяземскаго, въ первоначальной рукописи монологъ Евгенія былъ гораздо длиннѣе и дышалъ чрезвычайной враждой къ европейской цивилизаціи. Это свидѣтельство не будетъ имѣть смысла, разъ мы не согласимся, что монологъ былъ направленъ противъ скороспѣлыхъ реформъ Петра Великаго, уничтожающихъ всякую народную индивидуальность. Мы вѣдь знаемъ, что Пушкинъ отнюдь не питалъ ненависти къ Западу, что онъ, напротивъ, всегда тяготѣлъ къ нему, и цивилизація этого Запада могла показаться ему только тогда противной, когда она являлась «личиной безъ содержанія, когда, вмѣсто того, чтобы облагораживать народъ, она становилась пыткой для него и орудіемъ политики для деспотическаго правительства» (Стр. 274).

Сопоставляя «Мѣднаго Всадника» съ «Олешкевичемъ», мы видимъ въ нихъ общую тему — наводненіе — и общую мысль, что за проступки правителей несутъ отвѣтственность прежде всего маленькіе и невинные люди. Предсказанное въ «Олешкевичѣ» («Эти въ низкихъ домикахъ ничтожные подданные прежде всего за него будутъ наказаны») реализируется въ «Мѣдномъ Всадникѣ». Болѣе любопытный результатъ получается отъ сопоставленія поэмы Пушкина съ «Памятникомъ Петра Великаго». У Мицкевича поэтъ, «прославившійся пѣснями на весь Сѣверъ» (sławny pieśniami na całej północy), называетъ памятникъ «каскадомъ тиранства»; у Пушкина Евгеній поднимаетъ на него кулакъ съ неясной, но исполненной ненависти угрозой. Въ обоихъ произведеніяхъ европейскій индивидуализмъ борется съ азіатской идеей государства; но мнѣнія авторовъ насчетъ результата этой борьбы — различны. Польскій поэтъ предсказываетъ побѣду индивидуализма, русскій — его пораженіе. Такимъ образомъ, «Мѣдный Всадникъ» является отголоскомъ по отношенію къ «Олешкевичу», а по отношенію къ «Памятнику Петра Великаго» онъ не только отголосокъ, но и отвѣтъ, приблизительное содержаніе котораго слѣдующее: «Только сумасшедшій можетъ вступить въ открытый бой съ господствующей въ Россіи идеей о государствѣ. Онъ будетъ побѣжденъ и преслѣдуемъ, какъ помѣшанный Евгеній». Такъ понимаетъ проф. Третякъ «Мѣднаго Всадника», и нельзя отрицать, что это пониманіе—мѣткое и убѣдительное. На нашъ взглядъ, критикъ сумѣлъ разсѣять тотъ густой туманъ, который до сихъ поръ покрывалъ поэму. Не мало помогло ему въ этомъ дѣлѣ стихотвореніе «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума», написанное немного раньше или позже «Мѣднаго Всадника» и составляющее прекрасный комментарій къ нему. Мы согласны съ проф.

Digitized by Google

Третякомъ, что сумасшествіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, «это сумасшествіе поэта, который захотѣлъ бы воспѣть въ Россіи свободу» (Стр. 281). Другая интерпретировка едва ли въ данномъ случаѣ возможна, а буквальное пониманіе текста влечетъ за собою нелѣпѣйшіе выводы въ родѣ того, напримѣръ, что Пушкинъ радъ былъ сойти съума подъ условіемъ, что его не посадятъ на цѣпь.

Намъ остается указать на истинное значеніе вступленія къ «Мѣдному Всаднику» и на связь этого вступленія съ тѣми сатирами [1]) Мицкевича, которыя объединены заглавіемъ: «Ustęp». Петербургъ составляетъ фонъ почти всѣхъ этихъ сатиръ, а двѣ изъ нихъ цѣликомъ посвящены изображенію сѣверной столицы. Пушкинъ, конечно, не могъ смотрѣть на Петербургъ глазами польскаго поэта. Онъ видѣлъ, что картина Мицкевича вся покрыта тѣнью, и рѣшилъ противопоставить ей свою, которая, будучи залита солнцемъ, составила бы къ ней pendant и отвлекла бы вниманіе цензуры отъ подозрительной поэмы. Такимъ образомъ, на сатиру Пушкинъ отвѣтилъ апологіей,—и мы сейчасъ увидимъ, что между ними существуетъ неоспоримая связь даже въ мелочахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изображенію Петербурга, Мицкевичъ разрѣшаетъ вопросъ, съ какой цѣлью былъ построенъ этотъ городъ.

Ruskiej stolicy jakież są początki?
Zkąd się zachciało słowiańskim tysiącom
Leźć w te ostatnie swoich dzierżaw kątki,
Wydarte świeżo morzu i Czuchońcom?
Tu grunt nie daje owoców, ni chleba,
Wiatry przynoszą tylko śnieg i słoty;
Tu zbyt gorące lub zbyt zimne nieba,
Srogie i zmienne, jak humor despoty.
Nie chcieli ludzie! — błotne okolice
Car upodobał i stawić rozkazał,
Nie miasto ludziom, lecz sobie stolicę:
Car tu wszechmocność swej woli pokazał [2]).

---

1) Вотъ ихъ заглавія: 1) Droga do Rosyi, 2) Przedmieścia stolicy, 3) Petersburg, 4) Pomnik Piotra Wielkiego, 5) Przegląd wojska, 6) Oleszkiewicz, 7) Do przyjaciół Moskali.

2) «Каково же начало русской столицы?
Съ какой стати захотѣлось славянскимъ тысячамъ
Лѣзть въ эти послѣдніе уголки своихъ владѣній,
Похищенные недавно у моря и у Чухонцевъ?
Здѣсь почва не даетъ плодовъ, ни хлѣба,
Вѣтры приносятъ только снѣгъ да слякоть;

Digitized by Google

Пушкинъ поступаетъ такимъ же образомъ:

И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ».

Итакъ, городъ возникъ не по прихоти деспота, но въ силу неотложныхъ требованій дальновидной политики. Русскій поэтъ не спрашиваетъ, какъ дорого обошлась постройка столицы, сколько при ней легло «русскихъ косточекъ», потому что постановка такого вопроса бросила бы тѣнь на его лучезарную картину. Вмѣсто того, онъ заставляетъ читателя любоваться готовымъ результатомъ царской воли, переходитъ къ описанію города, который «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ вознесся пышно, горделиво». И здѣсь опять у обоихъ поэтовъ встрѣчаются общія точки соприкосновенія.

У Мицкевича:

... domy,
Jako zwierzęta...
Za parkanami stoją żelaznemi
W osobnych klatkach [1]). («Przedmieścia stolicy»).

У Пушкина:

Люблю...
Твоихъ оградъ узоръ чугунный...

У Мицкевича:

Tu ludzie biegą, każdego mróz goni,
Żaden nie stanie, nie patrzy, nie gada;

Здѣсь небо то слишкомъ жарко, то слишкомъ холодно,
Оно сурово и перемѣнчиво, какъ расположеніе духа деспота.
Люди не хотѣли! — болотистыя окрестности
Царь облюбовалъ и велѣлъ строить
Не городъ для людей, но для себя столицу:
Царь выказалъ здѣсь всемогущество своей воли».

1) ...дома,
Какъ звѣри, стоятъ за желѣзными оградами
Въ особыхъ клѣткахъ.

Digitized by Google

Każdego oczy zmrużone, twarz blada,
Każdy trze ręce i zębami dzwoni,
J z ust każdego wyzionions para
Wychodzi słupem, prosta, długa, szara.
Widząc te dymem buchające gminy,
Myślisz, że chodzą po mieście kominy [1]).
(«Petersburg»).

У Пушкина:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ...

У Мицкевича:

Pośrodku damy...
Białe, jak śniegi, rumiane, jak raki... [2]).
(«Petersburg»).

У Пушкина:

Люблю...
Дѣвичьи лица ярче розъ...

У Мицкевича:

Lecz bohatery tak podobne sobie,
Tak jednostajne! stoi chłop przy chłopie,
Jako rząd koni żujących przy żłobie,
Jak kłosy w jednym uwiązane snopie,
Jako zielone na polu konopie... [3]).
(«Przegląd wojska»).

---

1) Здѣсь люди бѣгутъ, всякаго гонитъ морозъ,
Ни одинъ не остановится, не смотритъ, не говоритъ;
У всякаго глаза прищурены, лицо блѣдно,
Всякій потираетъ руки и стучитъ зубами,
И у всякаго выдыхаемый изо рта паръ
Выходитъ столбомъ—прямой, длинный, сѣрый.
Видя эти дышащія дымомъ толпы,
Думаешь, что по городу ходятъ дымовыя трубы.

2) Посреди — дамы...
Бѣлыя, какъ снѣга, румяныя, какъ раки...

3) Но герои такъ похожи другъ на друга,
Такъ *однообразны!* стоитъ мужикъ возлѣ мужика,
Какъ рядъ лошадей, жующихъ у яслей,
Какъ колосья, связанные въ одномъ снопу,
Какъ зеленая въ полѣ конопля...

Digitized by Google

У Пушкина:

Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость.

У Мицкевича:

Ambasadory zagranicznych rządów...
Już powtórzyli raz tysiączny drugi...
Że kto nie widział, nigdy nie uwierzy,
Jaki tu zapał i męstwo żołnierzy [1]).
(«Przegląd wojska»).

У Пушкина:

Люблю...
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.

Развѣ это сопоставленіе не доказываетъ, что Пушкинъ сознательно подчеркивалъ свою любовь къ тому, на что Мицкевичъ смотрѣлъ съ насмѣшкой или съ презрѣніемъ?

Подведемъ итогъ. Книга проф. Третяка представляетъ интересъ и для польскаго, и для русскаго читателя. Она даетъ много цѣннаго матеріала для пониманія двухъ геніальнѣйшихъ поэтовъ славянскаго міра. Особеннаго вниманія заслуживаетъ только что разсмотрѣнное нами изслѣдованіе. Въ немъ не только разъясненъ генезисъ знаменитой поэмы, но, что гораздо важнѣе, вполнѣ вѣрно освѣщенъ ея творецъ. Онъ является въ этомъ свѣтѣ великимъ художникомъ, всегда стремящимся къ возвышеннымъ цѣлямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко несчастнымъ человѣкомъ, который, не будучи въ состояніи по слабохарактерности противиться разнаго рода искушеніямъ, — никогда не переставалъ скорбѣть о своей слабости. Послѣ этого онъ сталъ намъ еще ближе и симпатичнѣе.

Владимиръ Наконечный.

Краковъ.

---

1) Посланники заграничныхъ правительствъ...
Уже повторили тысячу второй разъ...
Что тотъ, кто не видалъ, никогда не повѣритъ,
Какое здѣсь у солдатъ воодушевленіе и какая храбрость.

Digitized by Google

стран.

X. **В. В. Сиповскій.** — Греческій романъ въ русскихъ переводахъ XVIII-го вѣка. ..... 332—366

XI. **Н. И. Коробка.** — Къ вопросу объ источникѣ русскаго христіанства. (Замѣтка по поводу новыхъ матерьяловъ папеч. ак. Соболевскимъ въ 4 кн. X тома «Изв. Ак. Наукъ»). .... 367—385

XII. **М. Р. Фасмеръ.** — Греко-славянскіе этюды. I. Основные вопросы изъ области греко-славянскихъ отношеній. (Посвящается Аѳанасію Ивановичу Пападопуло-Керамевсу къ 35-лѣтію его научной дѣятельности). . 386—412

XIII. **Н. Н. Виноградовъ.** — «Свиданіе двухъ тѣней». Политическая сатира начала XIX столѣтія. I—III. ..... 413—427

XIV. **Библіографія:**

1) **А. И. Яцимирскій.** — Науковий Збірник, присьвячений професорови Михайлови Грушевському учениками й прихильниками з нагоди його десятилїтньої наукової праці в Галичинї (1894—1904). Виданнє Комітету. У Львовї. 1906. Стр. VIII+560+4 безъ нумераціи. Съ портретомъ М. Грушевскаго. Цѣна 10 коронъ. ..... 428—439

2) **Его-же.** — Mardarie Cozianul. Lexicon slavo-românese şi tîlcuirea numelor din 1649, publicate cu studiu, note şi indicele cuvintelor românesci de Grigorie Creţu, prof. la Liceul Mateiu Basarab. Cu mai multe (?) facsimile. Ediţiuma Academiei Române. Bucuresci. 1900. Pp. XVI+396. ..... 439—443

3) **Его-же.** — Iózef Kaltenbach, Czasy i ludzie. Warszawa. Nakład Gebethnera u Wolffa. 1905. Str. II+399.... 444—446

4) **В. Наконечный.** — Józef Tretiak. Mickiewicz i Puszkin, Studya i szkice (z 2-ma portretami). Warszawa 1906. Стр. 334. ..... 446—458

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

Имѣются въ продажѣ: т. VI (1901), кн. 4-я; т. VII (1902), кн. 1—4; т. VIII (1903), кн. 1—4; т. IX (1904), кн. 1—4; т. X (1905), кн. 1—4; т. XI (1906), кн. 1-я и 2-я. Цѣна каждой книжки *1 р. 50 коп.*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1906 г. Непремѣнный Секретарь, Акад. *С. Ольденбургъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

НМ
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

form 410

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

form 410

Digitized by Google